

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Mir Bozhii

127

P Sloan 460.5 ($\frac{1894}{1-3}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

155

Годъ III-й.

№ 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

△
PSlaw 460.5 ($\frac{1894}{1-3}$)
✓

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го декабря 1893 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ВЪЗЪ НАЗВАНІЯ. Романъ. (Часть первая). Д. Мамина-Сибиряка.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА. К. Бальмонта	31
3. ОЧЕРКИ ИЗЪ ПСИХОЛОГИИ СЛѢПЫХЪ. (Статья I-я). Г. И. Челпанова.	34
4. «БУЦЫЙ». Разсказъ изъ морской жизни. Н. Станюновича	54
5. ДѢТСТВО И МОЛОДОСТЬ ЖАНЪ-ЖАКА РУССО. Отрывокъ изъ биографіи. С. Юмакова.	76
6. МОИ ВОЕННЫЕ ГОДЫ. Отрывокъ изъ автобиографіи. А. Бенетова.	106
7. МАРІАНА. Романъ Э. Альгрень. (Переводъ со шведскаго)	116
8. РАДУГА И ОДНОРОДНЫЯ СЪ НЕЮ ЯВЛЕНІЯ. (Лекція, читанная Джо- номъ Тиндалемъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ)	147
9. ОТЪ ИМЕНИ ДЬЯВОЛА. (Переводъ съ итальянскаго)	166
10. БИБЛИОГРАФІЯ: — КНИГИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ. <u>Международное</u> <u>право.</u> В. В—зова.	171
11. НОВЫЯ КНИГИ: Владиміръ Короленко. <u>Въ голодный годъ.</u> Наблюденія, размышленія и замѣтки. Спб. 1894. 376 стр. Ц. 1 р. В. В—зова.— Заразы и заразные болѣзни въ общедоступномъ изложеніи. Д-ръ В. В. Гориневскій. Спб. 301 стр. Ц. 1 р. 20 к. А.— <u>Охрана дѣтства.</u> В. М. Сорокина. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. А. О—снаго.	179
12. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	189
13. СМѢСЬ. Изъ русской жизни: Вопросы русской общественной жизни. Э.— Актъ въ женской гимназій М. Н. Стоюниной.—Русская школа въ Кон- стантинополѣ.—Учрежденіе курсовъ садоводства, пчеловодства и огород- ничества при сельскихъ школахъ.—Положеніе рабочихъ на рыбныхъ про- мыслахъ на Волгѣ.—Финляндскіе рабочіе союзы.—Печальные итоги.— Отголосокъ юбилея.—Подвижныя желѣзнодорожныя библіотеки.—Свое- образный мірокъ.—Изъ иностранной жизни: Индійскій журналистъ. Э. Научныя бесѣды въ англійскихъ деревняхъ. Э.—Положеніе земледѣль- цевъ въ Англии.—Женское движеніе въ разныхъ странахъ. Э.—Меж- дународный союзъ университетовъ.—Международный конгрессъ печати.— Китайскіе экзамены.—Преподаваніе русскаго языка въ Берлинѣ.—Огра- ниченіе работы женщинъ и дѣтей въ Италіи.—Какъ назвать XIX вѣкъ?	193
14. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ МІРА НАУКЪ: Опасная форма истеріи. Э.— Передача мысли на разстояніе. Э.—Существуетъ ли языкъ муравьевъ?— Правосудіе у птицъ.—Самая древняя книга.—Подводное судно.—Ориги- нальныя сѣмена.—Желѣзные солдаты-автоматы.—Способъ узнавать ха- рактеръ челоѵка.—Утилизациа старыхъ газетъ.—Присяга у китайцевъ.— Золото въ оксаѣ.	216
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) <u>СВОБОДНОЕ ПОПРИЩЕ.</u> Романъ Вернера. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Шелгуновой	1
2) <u>НАСТОЯЩЕЕ И ПРОПЛОЕ ЗЕМЛИ.</u> Съ нѣмецкаго по Бомелли, Ней- майру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	1
16. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Вотъ она раскинулась, наша матушка Бѣлокаменная!—какъ-то слащаво проговорилъ небольшого роста господинъ, изъ подъ руки присматривая раскинувшійся подъ ногами великолѣпный видъ на Москву.—Историческое сердце святой Руси...

— Да, сердце,—согласился его сосѣдъ по ресторанному столику, худенькій, болѣзненного вида брюнетъ. — Лучшаго мѣста нельзя было и придумать...

— Знаете, Василій Тимофеичъ, когда я прїѣзжаю въ Москву, такъ каждый разъ скажу: ну, слава Богу, дома... Вѣдь родился-то Богъ знаетъ гдѣ, тамъ, въ Сибири, а домъ въ Москвѣ. Да и всѣ такъ... Вы, вѣдь, москвичъ?

— Да, коренной москвичъ... И дѣды, и прадѣды здѣсь жили.

Брюнетъ тяжело перевелъ духъ и раскашлялся. На лбу и на шеѣ у него напряжились жилы. Мягкая пуховая шляпа сбилась на затылокъ. Онъ напрасно старался удержаться: кашель такъ и душилъ. Впрочемъ, онъ ждалъ этого пароксизма, потому что руки у него похолодѣли и сдѣлались влажными, когда они еще ѣхали на Воробьевы горы. Ему было обидно за собственную слабость, когда надъ головой стоялъ такой прекрасный весенній день, внизу разстилалась панорама родной Москвы, и рядомъ сидѣлъ такой безсовѣстно здоровый

собесѣдникъ. Отовсюду вѣяло силой, а онъ чувствовалъ себя такимъ немощнымъ и слабымъ, какъ цыпленокъ.

— Простудились? — съ невольнымъ сожалѣніемъ замѣтилъ купчикъ.

— Нѣтъ, это такъ... У меня сердце не въ порядкѣ, Маркъ Евсеичъ. Наслѣдственный порокъ...

— Нужно лечиться, Василій Тимофеичъ...

— Лекарствъ нѣтъ. Такъ пройдетъ... Зажилса въ городѣ, вотъ и кашляю, какъ овца.

Василій Тимофеичъ улыбнулся какой-то больной улыбкой и принялся сосать леденецъ, вынутый изъ жилетнаго кармана. Онъ долго и внимательно смотрѣлъ на Москву, прищуривъ лѣвый глазъ. Ахъ, какой видъ — единственный, чудный, до боли родной! Вонъ какой величественный изгибъ дѣлаетъ рѣка Москва, а за ней зеленые шахматы полей и огородовъ въ Лужникахъ, какая-то деревянная церковь, приткнувшаяся на этой зелени, дальше бѣлѣютъ стѣны Новодевичьяго монастыря, еще дальше — браной скатертью раскинулась сама Москва, замыкавшаяся въ глубинѣ золотымъ гребнемъ Кремля. Даль тонула въ какомъ-то радужномъ ликующемъ туманѣ, точно это было море, настоящее море изъ безконечныхъ улицъ, улочекъ и переулковъ. Правый гористый берегъ былъ задрапированъ старымъ Мамоновскимъ садомъ — для коренного москвича это былъ именно Мамоновскій садъ, а не Нескучный, — подъ нимъ прятались бѣлѣвшія зданія Андреевской богадѣльни, а тамъ, налѣво, тотъ же правый берегъ совершенно уходилъ изъ глазъ едва брежжавшимъ Ходынскимъ полемъ. По Москвѣ-рѣкѣ бойко разбѣгались два маленькихъ пароходика, — издали они казались дѣтскими игрушками.

— Да, хорошо, — какъ бы про себя замѣтилъ брюнетъ, снимая шляпу.

— Лучше не бываетъ, Василій Тимофеичъ... Вѣдь вы весь свѣтъ извѣздили, такъ есть съ чѣмъ посравнить.

— Да...

Безъ шляпы лицо брюнета было совсѣмъ другое. Его измѣняли открытый лобъ съ развитыми выпуклостями. И свѣтло-карие глаза казались строже, и ротъ складывался иначе. „Малъ звѣрь, да лапистъ“ ... — подумалъ Маркъ Евсеичъ, раскуривая

папиросу. Въ выраженіи лица Василя Тимофеича было что-то жесткое, а такіа лица хороши только тогда, когда улыбаются,—именно оно и свѣтлѣло отъ улыбки, получая дѣтское выраженіе. Только улыбался Василій Тимофеичъ рѣдко.

— Удивляюсь я вамъ,—заговорилъ Маркъ Евсеичъ послѣ длинной паузы:—и что вамъ за интересъ наши промыслы... И далеко, и дѣло рисованное. Самое невѣрное...

— Да, вѣдь, я такъ, отъ скуки... Засидѣлся въ Москвѣ и хочу прогуляться куда-нибудь. На югѣ былъ, на Кавказѣ былъ, въ Средней Азійи былъ—остался Уралъ. Хочется побывать, присмотрѣться къ дѣлу... Я хорошо знаю золотое дѣло въ Калифорніи.

— Можеть, и сами занимались?

— Нѣтъ, но знаю... Я нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Америкѣ.

— Такъ-съ... Оно, конечно, любопытно, Василій Тимофеичъ. Самое слово любопытно: золото. А больше-то и нѣтъ ничего... Я ужъ давненько не бывалъ на своихъ промыслахъ, потому какъ утвердилась вся семья въ Москвѣ, а тамъ довѣренныя да управляющіе руководствуютъ. Конечно, это не порядокъ, да ужъ какъ-то такъ, далеко очень... Лѣтомъ, по навигаціи, недѣлю слишкомъ ѣхать, а зимой и въ двѣ другой разъ не выѣдешь. Однимъ словомъ, размякли мы въ Москвѣ...

— Вѣдь у васъ дѣло старинное, кондовое?

— Какъ же-съ, отъ дѣдовъ досталось... Еще дѣдушка орудовалъ, а потомъ родитель покойный. Ну, при родительствѣ покойномъ намъ плохо пришлось... Совсѣмъ, было, разорились. До того дѣло доходило, что краснаго билета въ дому нѣтъ... Особенное дѣло, однимъ словомъ. Когда ужъ братъ Яковъ вступилъ, ну, тогда все пошло какъ по маслу. Онъ Трехсвятительскую жилу отерылъ...

— Васъ, вѣдь, много братьевъ?

— Я-то самый меньшей, а постарше меня еще пятеро: Прокопій, Андрей, Гаврило, Семень и Яковъ. Двѣ сестры были, ну, тѣ замужъ высочили и сейчасъ свое положеніе женское имѣютъ.

— А братъ Яковъ давно умеръ?...

Этотъ простой вопросъ заставилъ Марка Евсеича съ-

житься. Онъ посмотрѣлъ на Василю Тимофеича прищуренными глазами и отвѣтилъ уклончиво:

— Да ужъ не упомяну хорошенько, а только не близко тому времени. Я еще совсѣмъ мальчикомъ былъ...

— А другіе братья всѣ живы? Впрочемъ, я это такъ спрашиваю... Мнѣ помнится, я кого-то встрѣчалъ изъ вашихъ братьевъ.

— Гаврилу, вѣроятно, встрѣчали. Онъ въ Москвѣ у насъ путался... Года уже съ три какъ померъ.

Передъ ними на столикѣ по-московски стоялъ приборъ съ чаемъ и полбутылка коньяку. Маркъ Евсеичъ выпилъ уже двѣ рюмки и лѣниво жевалъ ломтикъ лимона. Онъ все присматривался къ своему собесѣднику и точно старался что-то припомнить.

— А, вѣдь, я васъ гдѣ-то встрѣчалъ!—проговорилъ онъ наконецъ.—Мнѣ ваша личность знакома...

— Вѣроятно, гдѣ-нибудь въ банѣ или на биржѣ,—равнодушно отвѣтилъ Василій Тимофеичъ, прихлебывая холодный чай изъ стакана.—Я тамъ каждый день бываю...

— Знаемъ, слышали. Можно сказать, кто васъ не знаетъ...

На террасѣ ресторана за отдѣльными столиками сидѣло еще нѣсколько группъ. Кучка долгоязычныхъ англичанъ, одѣтыхъ попугаями, разсматривали Москву въ морскіе бинокли, сквозь зубы выпуская свои удивительныя англійскія слова; у самаго барьера стояло нѣсколько дамъ, очевидно пріѣхавшихъ изъ провинціи; въ уголкѣ пріютилась хмельная купеческая компанія. Въ послѣдней выдавались два брата—русолоосые, крупчатые, рослые, однимъ словомъ,—кровь съ молокомъ. Такихъ молодцовъ выкармливаетъ только Москва. Василій Тимофеичъ нѣсколько разъ поглядывалъ въ ихъ сторону и вчуже любовался этими племенными выкормками. Типичный народъ, а къ московскому купечеству онъ питалъ „влеченье родъ недуга“. Другое дѣло, его собесѣдникъ—сейчасъ видно сибирскую жилу. Говорить, точно торгуется, да и вѣрить ни одному слову нельзя. Этакой народецъ проклятый... Да еще притворяется, что того не знаетъ, другого не помнитъ, а третье и совсѣмъ забылъ. Вонъ москвичи—тѣ всѣ на виду.

— А скоро вы думаете уѣзжать отсюда?—освѣдомился Маркъ Евсеичъ, какъ-то крадучись выпивая третью рюмку коньяку.

— Пока еще и самъ не знаю. У меня много постороннихъ дѣлъ...

— Слыхали...

— Для здоровья нужно встряхнуться. Много московской пыли насѣло...

— Ужъ это что говорить... Это вы правильно.

Подумавъ немного, Маркъ Евсеичъ прибавилъ съ улыбкой:

— Извините, а я такъ думаю, Василий Тимофеичъ, что не даромъ вы потащитесь такую даль?

— Я даромъ ничего не дѣлаю. Хочу попытать счастья...

— Не совѣтую-съ. И дѣло вамъ незнакомое-съ. да и рискъ при этомъ...

— Рискъ? А вы знаете, что никто больше не рискуетъ, какъ простой мужикъ, когда пашеть и сѣять... Самое рискованное дѣло это хлѣбопашество. А наше дѣло другое: въ одномъ мѣстѣ проживемъ, въ другомъ наживемъ. Мнѣ нравится золотопромышленность... У васъ все по старинкѣ, а я новыми способами поставлю обработку. Американскіе машины выпишу... Когда я былъ въ Австраліи, такъ кое-чему успѣлъ поучиться.

— Зачѣмъ же вы въ Австралію ѣздили?

— А такъ, изъ любопытства... Жалѣю, что не вернулся обратно черезъ Сибирь. Не позволила болѣзнь...

Эта бесѣда была прервана появленіемъ третьяго лица. На террасу вошелъ высой и рослый господинъ съ рыжей окладистой бородой. Онъ былъ одѣтъ въ пеструю лѣтнюю пару. Шелковый цилиндръ сидѣлъ на большой головѣ немного бокомъ. Близорукіе большіе голубые глаза и великолѣпные бѣлые зубы придавали ему видъ англичанина. Воспѣдшій видимо никого не видалъ и какъ-то рухнулъ всѣмъ тѣломъ къ ближайшему столику. Цилиндръ покатился на полъ.

— Бутылку шампанскаго... — хрипло проговорилъ новый гость лакею, подававшему цилиндръ. — Да похолоднѣе сдѣлайте.

— Слушаю-съ...

Василій Тимофеичъ молча наблюдалъ страннаго гостя, который по прежнему ни на кого не обращалъ вниманія. Онъ снялъ свой цилиндръ, подперъ голову руками и смотрѣлъ безцѣльно куда-то вдаль.

— Баринъ-то того... — хихикнулъ Маркъ Евсеичъ, за-

врывая ротъ рукой. — Свѣту бѣлаго не видитъ. Чертитъ, должно полагать, вторую недѣлю... Я ихъ третьяго дни за городомъ видѣлъ, въ Яру-сь.

Лакей подалъ бутылку шампанскаго въ серебряномъ ведрѣ. Рыжій господинъ залпомъ выпилъ два стакана, тряхнулъ головой и полѣзъ въ жилетный карманъ. Тамъ ничего не оказалось, какъ и въ боковыхъ карманахъ и въ бумажникѣ. Это открытіе сразу его отрезвило, и онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ своими близорукими глазами, точно спрашивалъ всѣхъ, какъ онъ сюда попалъ и чѣмъ онъ расплатится за шампанское. Василій Тимофеичъ подозвалъ къ себѣ лакея, показалъ на рыжаго господина глазами и расплатился.

— Ну, мы съ вами еще увидимся и поговоримъ подробнѣе,— замѣтилъ онъ, прощаясь съ Маркомъ Евсеичемъ.

— Съ наслажденіемъ, Василій Тимофеичъ... Гдѣ приважете?

— Я вамъ напишу.

Василій Тимофеичъ поднялся, подошелъ къ рыжему господину и положилъ руку ему на плечо. Тотъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на него своими сѣрыми удивленными глазами и улыбнулся какой-то дѣтской улыбкой.

— Ахъ, Сережа, Сережа...

— Ты... ты какимъ образомъ попалъ сюда?—удивлялся Сережа, обнимая Василья Тимофеича.—Вотъ, братъ, не ожидалъ... да... Удивилъ ты меня, Вася. А я, братъ, того... Впрочемъ, чертъ знаетъ, что со мной дѣлается, и рѣшительно не знаю, какъ я сюда попалъ. Хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ... Кстати, со мной гнусная исторія случилась: спросилъ шампанскаго, а заплатитъ нечѣмъ.

— Я уже заплатилъ. Не безповойся... А сейчасъ ѣдемъ домой.

— Домой? Позволь, что значить: домой... Ахъ, да, ты повезешь меня къ себѣ и предашь покаянiю...

— Ну, тамъ увидимъ...

— Дай кончить бутылку, а тамъ весь къ твоимъ услугамъ. Вообще, я очень радъ тебя видѣть... Всегда радъ... да.

Василій Тимофеичъ присѣлъ къ столику и терпѣливо подождалъ, когда Сережа, наконецъ, кончитъ свое пойло.

— Эхъ, выпилъ бы и ты одинъ стаканчикъ? — предложилъ Сережа, когда въ бутылкѣ почти ничего не оставалось.

— Благодарю. Вѣдь ты знаешь, что я ничего не пью...

Василія Тимофеича больше всего возмущало теперь истощимое добродушіе Сережи.

— Послушай, а какъ мы поѣдемъ, Вася? Я своего извозчика, кажется, отпустилъ... А идти отсюда въ Москву пѣшкомъ я не могу.

— Вздоръ. Я тебя заставлю прогуляться именно пѣшкомъ, чтобы ты хотя этимъ путемъ почувствовалъ собственное безобразіе.

— Я не пойду,—протестовалъ Сережа. — Наконецъ, я просто спать хочу... Ты только представь себѣ, что я сряду три ночи не спалъ. Да я вотъ здѣсь у столика и засну...

II

Когда они вышли изъ ресторана, къ подъѣзду подаль съ московскимъ шикомъ лихачъ.

— Вотъ какъ ты...—укоризненно замѣтилъ Сережа, съ трудомъ усаживаясь въ пролетку.—Да... Вавилонская росвошь, государь мой. Хе-хе... Мы другимъ людямъ мораль читаемъ, а сами на рысакахъ катаемся.

— Ты знаешь, что лошади—моя единственная слабость,—точно оправдывался Василій Тимофеичъ, любуясь воронимъ рысакомъ, осторожно спускавшимъ экипажъ съ горы.—Кучеръ, осторожнѣе...

Лошадь была заглядѣнье. Какъ она граціозно ступала своими могучими ногами, какъ выгибала атласную шею, какъ косила горячимъ глазомъ и грызла сдерживавшія ея удила. Это было само олицетвореніе живой силы. Сережа какъ сѣлъ, такъ сейчасъ и задремалъ, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону. Онъ даже попробовалъ захрапѣть, но Василій Тимофеичъ его разбудилъ.

— А... что?—мычалъ Сережа, просыпаясь —Ахъ, да...

Онъ нѣсколько разъ трахнулъ своей головой и проговорилъ съ добродушнѣйшей улыбкой:

— А я знаю, что ты сейчасъ думаешь, Вася. Давай пари на поддожины шампансаго? Какъ честный человекъ... Ты думаешь, какой свинья Сережка. Вѣрно?

— Ты угадалъ... И въ свое оправданіе можешь сказать только одно, именно, что люди, которые ѣдутъ рядомъ съ такой свиньей, тоже немножко свиньи...

Сереза залился неудержимымъ хохотомъ, такъ что даже кучеръ оглянулся.

— Ахъ, уморилъ, Вася... Вотъ уморилъ-то!.. Немножко свинья—это вѣжливѣ называется ветчиной. Ха-ха...

Экипажъ уже летѣлъ стрѣлой по Замоскворѣчью, гдѣ разсажались плотно другъ къ другу купеческія хоромины. Прѣзжая здѣсь, Василій Тимофеичъ каждый разъ любовался этой купеческой тугой стройкой. Для себя строились люди, а не для квартирантовъ. Все было пригнано туго, крѣпко, на цѣлыхъ сто лѣтъ, и каждый домъ выглядѣлъ такъ сыто, какъ выпавшійся хорошо человекъ.

Замоскворѣчье мельнуло быстро. На Каменномъ мосту пришлось сдерживать разгорячившуюся лошадь. Затѣмъ слѣдовала узкая московская улочка, поворотъ налѣво къ храму Спасителя и еще поворотъ направо, мимо Пречистенскаго бульвара. Послѣ свѣжаго воздуха на Воробьевыхъ горахъ здѣсь пахнуло застоявшейся вонью московской улицы. Василій Тимофеичъ только морщился. Какъ онъ ни любилъ Москву, но никакъ не могъ помириться съ этой убійственной атмосферой.

Москва, Москва, родимая столица...

мурлыкалъ Сереза, опять начиная дремать.

Съ Пречистенскаго бульвара пролетка съ эластическимъ трескомъ резиновыхъ шинъ повернула налѣво и стрѣлой понеслась по Сивцеву Вражку, а затѣмъ кучеръ разомъ осадилъ расходившагося рысака у подъѣзда маленькаго деревяннаго домика съ полисадикомъ и мезониномъ. Такіе дома встрѣчаются только по московскимъ окраинамъ, да кое-гдѣ въ глухихъ улочкахъ пречистенской части.

— Готово!—крикнулъ Сереза, выскакивая изъ экипажа.

На звонокъ подъѣздъ отворила низенькая сѣденькая старушка въ очкахъ. Въ лѣвой рукѣ у нея болтался мѣшокъ съ какимъ-то безконечнымъ вязаньемъ, какъ умѣютъ вязать только милыя московскія старушки.

— Какъ ты рано вернулся, Вася, — проговорила она, глядя на сына съ затаенной тревогой.

Увидѣвъ медленно входившаго Серезу, старушка сразу

успокоилась: Она поняла, почему Вася вернулся раньше назначеннаго срока. Когда Сережа входилъ въ этотъ маленькій подъѣздъ, онъ казался еще больше, чѣмъ на улицѣ.

— Мамаша, bonjour...—хрипло здоровался Сережа, на-
красно стараясь поймать худенькую руку старушки.

— Какая я тебѣ мамаша, безстыдникъ? — ворчала старушка, пристально разсматривая припухшее лицо названнаго сына.—Ну-во, повернись въ свѣту... вотъ такъ... Ахъ, Сережа, Сережа! Гдѣ это ты пропадалъ?

— Мама, хорошенько проберите его,—говорилъ Василій Тимофенчъ, быстро проходя въ маленькую темную переднюю.

— Больше не буду, Марѳа Семеновна...—какъ-то по дѣтски увѣрялъ Сережа, нагибаясь въ дверяхъ передней.—Честное слово!..

— Ахъ, Сережа, Сережа... ахъ, безстыдникъ!..

Въ гостиной гостя ожидало новое испытаніе. Тамъ ходила, заложивъ руки за спину, бѣлокурая женщина лѣтъ тридцати. Простой черный костюмъ придавалъ ей видъ монахини, отпущенной въ гости къ роднымъ. Строгое, немного болѣзненное лицо было еще недавно красиво, а теперь подернулась тѣнью преждевременной старости. Увидѣвъ рыжаго гостя, она презрительно подняла плечи и брови, сдѣлала сердитое лицо и съ гордостью вышла въ сосѣдную комнату и даже захлопнула за собой дверь.

— Что, видѣлъ, какъ отъ тебя княжна убѣжала?—ворчала старушка своего массивнаго гостя.

— А позвольте спросить, Марѳа Семеновна, что я этой самой княжнѣ сдѣлалъ дурнаго, кромѣ того, что люблю ее? Вотъ и васъ люблю, и всѣхъ вообще...

Въ пріотворенную дверь показалось лицо княжны и слышался ея нервный голосъ:

— А я васъ уже ненавижу, ненавижу, ненавижу... Я съ удовольствіемъ бы уже застрѣлила васъ! Да, взяла бы револьверъ...

— Господа, это, наконецъ, несправедливо! — взмолился Сережа.—Что можетъ подѣлать одинъ скромный мужчина съ двумя разсвирѣпѣвшими женщинами?

Княжна быстро вошла въ гостиную, взяла ненавистнаго человѣка за руку, подвела къ зеркалу и проговорила такимъ тономъ, точно дѣлала увѣщаніе осужденному на казнь:

— Взгляните на себя, Сергѣй Ипполитычъ... Ваше лицо обвиняетъ васъ. Куда вы уже тратите свою молодость, здоровье, умъ?... Несчастнѣйшій, я даже презирать не могу васъ...

Маленькая женская рука сдѣлала такое движеніе, точно сталкивала Сережу въ бездонную пропасть, а въ голосъ уже слышались слезы, тѣ искреннія женскія слезы, которыхъ такъ не выносятъ всегда и во всемъ правые мужчины.

— Вы—гадкій, отвратительный, несносный,—повторяла княжна, притопывая ногой, точно кого-то желала раздавить.— Мнѣ, наконецъ, уже стыдно за васъ... да.

Сережа нѣсколько разъ тряхнулъ своей головой, а потомъ быстро опустился на одно колѣно, схватилъ руку княжны и началъ ее цѣловать.

— Милая, святая женщина, клянусь, что это въ послѣдній разъ.

— Я уже не люблю васъ...—съ грустью отвѣтила княжна.

— Что же мнѣ прикажете дѣлать, Варвара Петровна?—взмолился Сережа, поднимаясь.— Повѣситесь?..

Эта сцена была прервана появившимся въ дверяхъ Васильемъ Тимофеевичемъ. Онъ жестомъ пригласилъ княжну къ себѣ въ кабинетъ. Сережа облегченно вздохнулъ. Старушка Марѳа Семеновна сидѣла въ старинномъ кожаномъ креслѣ у окна и усердно вязала. Сережа прошелся по комнатѣ, заглянулъ въ кабинетъ, еще разъ прошелся и проговорилъ:

— Марѳа Семеновна, а вы не знаете, для чего меня Вася привезъ сюда?

— Нѣтъ, не знаю... Должно быть нужно, если привезъ.

Потухавшіе старческіе глаза посмотрѣли на гостя съ затѣнной грустью. Сережа почувствовалъ это какъ-то всѣмъ своимъ могучимъ тѣломъ. Хмѣль прошелъ, и его начиналъ сосать „червь раскаянія“. Это случалось каждый разъ послѣ большихъ привлеченій, и какъ-то выходило такъ, что именно такія покаянныя минуты непременно связывались именно съ этими маленькими комнатами, съ этой, сидѣвшей всегда у окна, старушкой, съ тѣмъ особеннымъ воздухомъ, который утвердился здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Сережа вздохнулъ нѣсколько разъ, взялъ маленькую скамеечку, поставилъ ее у самыхъ ногъ старушки и присѣлъ на нее.

— Вы меня презираете, Марѳа Семеновна... да...—заго-

вориль онъ глухой нотой.—Я это знаю... да. Я и самъ презираю себя, больше всѣхъ презираю... Даже вотъ за то презираю, что сейчасъ испытываю жгучую надобность раскаться вслухъ. Это наша національная особенность... Натворить человѣкъ не знаю что, а потомъ выйдетъ на высокое мѣсто лобное, раскланяется на всѣ четыре стороны... „Прости, народъ православный“... Эхъ, скверно! Этакое гнусное бореніе духа... Вы меня слушаете, Марѳа Семеновна?

— Слушаю, слушаю... Сколько времени кутиль-то, Сережа?..

— А какое у насъ сегодня число?

— Сегодня вторникъ, ну, значить, третье іюня...

— Вторникъ... да... День былъ безъ числа. А когда я отъ васъ уѣхалъ?

— Да какъ тебѣ сказать... Вскорѣ это было послѣ Николаина дня.

— Ну, вотъ и считайте...—обрадовался Сережа.—Почти мѣсяць... да. Ахъ, что только было...

— Изъ трактира не выходилъ все время?

— Тогда-то я у васъ былъ съ деньгами, Марѳа Семеновна... Много было денегъ. А я скрылъ отъ васъ, чтобы вы не отняли у меня...

— Я ужъ послѣ-то догадалась да опоздала: тебя и слѣдъ простылъ. Ахъ, Сережа, Сережа...

Старушка отложила свое вязанье въ сторону, поправила очки и заговорила:

— Ты и фамилію-то свою позабылъ, Сережа... А фамилія хорошая...

— Чего же тутъ хорошаго: Лапшинъ-Извольскій?.. Точно плохой актеръ. Вообще, ничего особеннаго.

— Нѣтъ, фамилія хорошая... Лапшины-то старинный боярскій родъ, при Грозномъ воевали Литву, ну, Извольскіе пожиже, изъ выходцевъ, а вмѣстѣ-то старый родъ выходитъ. А тутъ пріѣхалъ ты въ трактиръ, тебя всякій холуй знаетъ: Лапшинъ-Извольскій. По какимъ мѣстамъ фамилію-то свою таскаешь?.. Себя не жаль, такъ хоть фамилію пожалѣй... Бояре-то Лапшины при Петрѣ пострадали, въ стрѣльцкомъ бунтѣ были замѣшаны, а Извольскіе при матушкѣ Екатеринѣ, вмѣстѣ съ нами, съ Окоемовыми. Мы, вѣдь, въ свойствѣ съ

Извольскими... да. Ну, а теперь ты одинъ въ своемъ роду остался: помрешь грѣшнымъ дѣломъ, и фамилія вся переведется.

— Позвольте, неужели я даже умереть не имѣю права?..

— Постой, дай кончить... Умереть-то всё мы умремъ, а вотъ ты сперва женись. Что на меня смотришь? Да, женись... И все тутъ.

Сереза захохоталъ, до того получилось неожиданное заключеніе. А старушка разсердилась.

— Плавать нужно, а не смѣяться!—ворчала она, опять принимаясь за свое вязанье.—Да, плавать... Ты только подумай, сколько хорошихъ дѣвушекъ пропадаетъ по дворянскимъ усадьбамъ. Сидитъ такая дѣвушка и ждетъ суженаго-ряженаго, а суженый-ряженный по трактирамъ ухлестываетъ, разнымъ цыганкамъ деньги швыряетъ, свѣту божьяго не видитъ. Такъ дѣвушка-то и останется кукушкой, ни себѣ, ни людямъ, да и суженому-ряженому не велика радость—проживетъ все и начнетъ добрыхъ людей обманывать, а потомъ его подъ судъ отдадутъ... Хорошо это?.. А тутъ жилъ бы поживалъ съ молодой женой, нажилъ бы малыхъ дѣтушекъ—другое бы на умѣ все было. Главное, законъ исполнить всякій человѣкъ долженъ, Сереза... Вѣдь это только кажется, что хорошо холостому, какъ вѣтру въ полѣ, въ концѣ-то концовъ одно похмѣлье останется...

— Все это хорошо, Марѳа Семеновна, вы правы, но я готовъ заплатить деньги только за то, чтобы хоть издали посмотрѣть на ту милую особу, которая пошла бы замужъ за такого какъ вашъ покорнѣйшій слуга. Ее нужно прямо въ сумасшедшій домъ отправить...

— Нѣтъ, ничего, пойдетъ, и хорошая дѣвушка пойдетъ... Первое дѣло, гдѣ васъ, жениховъ-то, взять нынче—по трактирамъ надо искать, а второе—ежели тебя къ рукамъ прибрать, такъ можетъ еще что-нибудь и выйдетъ. Конечно, не первый сортъ, съ большимъ изъяномъ, ну, да тутъ было бы изъ чего выбирать... Да недалеко ходить, хочешь, вотъ княжну посватаю?..

— Варвару Петровну? — изумился Сереза, поднимаясь со своей скамеечки.—Варвару Петровну? А вы слышали, что она сейчасъ говорила?

— Э, голубчикъ, мало ли что говорится подь сердитую руку... Женщины любятъ прощать. Конечно, княжна не первой молодости, а зато она настоящей царской крови, хотя и татарской. Прямо отъ Батяа родъ-то идетъ... Если бы было Казанское царство, такъ она претендентка на престоль. Тоже одна въ роду-то осталась...

— Нѣтъ, это дѣло нужно оставить,—уже серьезно заговорилъ Сережа.—Видите ли, я дѣлаю много дурного, но только для себя, а не для другихъ... Зачѣмъ же губить напрасно послѣднюю казанскую царевну? А со мной ничего хорошаго она не найдетъ... Понимаете?

— Ахъ, Сережа, Сережа... Напрасно. Потому самъ пожалѣешь. А главное, ты и самъ-то не знаешь, что ты такое... Не стала бы я съ тобой слова напрасно терять, если бы не твоя доброта. Съ добрымъ человѣкомъ все можно сдѣлать...

Старушка походила теперь на одну изъ тѣхъ старинныхъ книгъ, къ которымъ относятся съ невольнымъ почтеніемъ. Это была живая лѣтопись вымиравшихъ дворянскихъ родовъ. Сейчасъ она своими слабыми старческими руками хотѣла связать двѣ нити—родъ Лапшиныхъ-Извольскихъ съ родомъ татарскихъ князьковъ Садыкъ-Ханъ-Салтановыхъ.

II.

Старый окоёмовскій домикъ внизу дѣлился на пять маленькихъ комнатъ, изъ которыхъ самой большой была гостиная, выходившая на улицу тремя окнами. Рядомъ съ ней помѣщался кабинетъ, узкая и неудобная комната всего съ однимъ окномъ. Изъ передней полутемный корридоръ велъ въ столовую и спальню, гдѣ сейчасъ спала старушка Марѳа Семеновна. Пятая комната съ окнами на дворъ никакого опредѣленнаго названія не имѣла и служила для Василя Тимофеича мастерской. Въ ней собранъ былъ всевозможный „хламъ“, какъ говорила старушка—токарный станокъ, походная лабораторія, какіе-то мудреные приборы для разныхъ опытовъ, шкафъ съ ретортами, колбами и стеклянной лабораторной посудой, особаго устройства печь съ желѣзнымъ зонтомъ для отвода вредныхъ газовъ. Въ мезонинѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, помѣщалась большая библіотека. Обстановка всѣхъ комнатъ была самая скромная. Вездѣ стояла

старинная мебель краснаго дерева, очень неудобная и громоздкая. На стѣнахъ висѣли старинные портреты и гравюры какихъ-то неизвѣстныхъ никому городовъ. Самой неудобной комнатою въ домѣ былъ кабинетъ. Но Василій Тимофеечъ не промѣнялъ бы его ни на какія палаты. Въ кабинетѣ, у окна, стоялъ старинный письменный столъ, у внутренней стѣны низкій турецкій диванъ, напротивъ него старинное, очень вычурное и очень неудобное, бюро, въ углу нестораемый шкафъ, въ другомъ этажерка съ книгами—и только. Комната самой Марѣы Семеновны представляла собой маленькій музей, гдѣ были собраны удивительныя вещи, начиная съ вышитыхъ бисеромъ и шелками картинъ и кончая громаднымъ палапомъ, которымъ дѣдушка Окоемовъ въ качествѣ партизана выгонялъ въ двѣнадцатомъ году француза изъ Россіи.

— Для чего вамъ сабля, Марѣа Семеновна?—нѣсколько разъ спрашивалъ знакомый о. дьяконъ, каждое воскресенье приходившій пить чай.—Подарите ее мнѣ...

— Ну, тебѣ-то она ужъ совсѣмъ не подходитъ,—говорила старушка.—Тебѣ даже грѣшно имѣть въ домѣ саблю... Можетъ быть, ей сколько французовъ зарублено, а на тебѣ священный санъ. Пусть ужъ виситъ у меня.

Двѣ старинныхъ горки были наполнены величайшими рѣдкостями. Тутъ были и портреты на слоновой кости, и какіе-то мудреные сувениры, назначеніе которыхъ сейчасъ трудно было опредѣлить даже приблизительно, и дареныя табакерки, и дѣтскія игрушки, которыми игралъ маленький Вася, и таинственные ящики, и старинный фарфоръ, и цѣлый рядъ всевозможныхъ бездѣлушекъ. Всѣ эти пустяки для Марѣы Семеновны служили наглядной иллюстраціей измѣнчивой фортуны всего окоемовскаго рода. Съ каждой бездѣлушкой было связано какое-нибудь воспоминаніе, фамильное преданіе, легенда. Передъ каждымъ праздникомъ старушка вынимала всѣ эти рѣдкости, обтирала пыль и любовалась, точно повторяя всю исторію своего рода. Въ уголѣ стояла старинная кровать, съ балдахиномъ, но Марѣа Семеновна никогда на ней не спала, предпочитая теплую изразцовую лежанку. Къ обстановкѣ этой комнаты нужно прибавить еще двѣ клѣтки съ канарейками и старинные цвѣты на окнахъ, какихъ въ сей-

часть не найдете ни въ одной оранжереѣ. Василій Тимофеичъ, когда бывалъ въ этой комнатѣ, испытывалъ странное ощущеніе, точно онъ переносился къ началу нынѣшняго столѣтія или концу прошлаго,—его кабинетъ отдѣлялся отъ комнаты матери цѣлымъ столѣтіемъ. И, странно, ему нравились всѣ эти никому ненужныя вещи, какъ нравились воскресные разговоры съ отцомъ дьякономъ, который вмѣстѣ съ заздранной просвирой приносилъ сюда какой-нибудь рассказъ о новомъ чудѣ, о проявившемся божьемъ человѣкѣ, о видѣніяхъ и пророческихъ снахъ.

Сейчасъ дѣйствіе происходило въ кабинетѣ Василя Тимофеича. Самъ хозяинъ лежалъ на диванѣ, а передъ нимъ ходила княжна. Она была очень взволнована.

— Вы меня извините, что я лежу...—говорилъ хозяинъ, оглядываясь на дверь.—У меня опять припадокъ...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь... Да, такъ у меня большія неприятности, Василій Тимофеичъ. Помните этого молодого человѣка, о которомъ я васъ тогда просила? Ну, вы еще мѣсто ему въ банѣ доставили... Такъ вотъ изъ за него-то и неприятности. Онъ прослужилъ два мѣсяца, а потомъ захватилъ какія-то деньги, т.-е. по просту растратилъ ихъ. Прихожу къ директору, а онъ мнѣ и наговорилъ неприятностей. Я-то къ нему пришла похлопотать о другомъ молодомъ человѣкѣ... Нѣтъ, я положительно разочаровываюсь въ людяхъ. Для нихъ же стараешься, а они чужія деньги растрачиваютъ...

— Это исключительный случай, Варвара Петровна, и не можетъ идти за общее правило. Кстати, сколько человѣкъ вы пристроите по разнымъ мѣстамъ въ теченіе года?

— А я не считаю... Не одинаково. Вѣдь есть какіе несчастные, Василій Тимофеичъ... Ни квартиры, ни платья, ни обѣда. Вообще, ужасно.

— И все больше письменныхъ занятій, конечно, ищутъ?

— Да... Что же имъ больше дѣлать, если они ничего не умѣютъ?

— Вотъ въ томъ-то и бѣда...

— Никакой бѣды нѣтъ, потому что всякій дѣлаетъ то, что умѣетъ. Вотъ у меня сейчасъ есть двое молодыхъ людей. Одинъ не кончилъ классическую гимназію, а другой не кончилъ реальное училище... Куда же имъ дѣться, спрашивается?

Если бы имъ хотъ какія-нибудь занятія, Василій Тимофеичъ...
Что вамъ стоить порекомендовать ихъ куда-нибудь.

— Рублей на пятнадцать жалованья?

— И пятнадцать рублей деньги...

Василій Тимофеичъ сѣлъ на диванъ, перевелъ духъ и заговорилъ съ раздраженіемъ:

— Знаете, мнѣ каждый разъ, когда я слышу о подобныхъ молодыхъ людяхъ—просто обидно и за нихъ, и за себя. Вы только представьте себѣ, что стоило государству ихъ воспитаніе, хотя они и не кончили курса нигдѣ... А теперь они безъ куска хлѣба. И это очень обидно... Возьмите крестьянина, мѣщанина, купца—тамъ молодой человекъ въ шестнадцать лѣтъ уже цѣлый капиталъ. Онъ работникъ, имъ дорожать, и онъ никогда не останется безъ мѣста, а наша интеллигенція совершенно безпомощна...

— Купцы всѣхъ обманываютъ, вотъ имъ уже и хорошо жить...

Послѣдняя фраза была сказана съ такой наивной увѣренностью, что Василій Тимофеичъ громко расхохотался.

— Конечно, обманываютъ,—продолжала княжна.—Я это отлично уже знаю... Оттого у нихъ и деньги. А интеллигентный человекъ не способенъ обманывать... Поэтому я и хлопочу за нихъ. Вы вотъ смѣтаетесь надо мной и называете меня „дѣвицей по чужимъ дѣламъ“, а я все-таки буду хлопотать.

— А вы знаете, Варвара Петровна, что вотъ эти молодые интеллигентные люди безъ опредѣленныхъ занятій представляютъ собой громадный капиталъ, которымъ только нужно умѣть воспользоваться. Я давно думалъ объ этомъ и хочу воспользоваться такимъ капиталомъ...

— Какъ же это будетъ?

— А ужъ такъ... Пока это мой секретъ. Вы мнѣ будете помогать, Варвара Петровна...

— Съ удовольствіемъ.

— Только я буду купцомъ. Вы такъ и знайте. Иначе невозможно...

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но весь поблѣднѣлъ, схватился за сердце и глухо застоналъ. Княжна хотѣла броситься въ другую комнату, но онъ ее удержалъ.

— Не тревожьте маму... Все пройдетъ. Вонъ тамъ пузырькъ съ солью, дайте его мнѣ...

Онъ опустился въ большое кресло и долго нюхалъ изъ пузырька, закрывъ глаза. Княжна наблюдала его и не знала, что ей слѣдовало предпринять. Она знала, что у Василя Тимофеича наслѣдственный порокъ сердца, и что лекарства отъ него нѣтъ.

— Вотъ мнѣ и лучше... — слабо проговорилъ онъ, дѣлая надъ собой усиліе.

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ показался Сережа, т.-е. его рыжая голова.

— Послушай, Вася, а скоро мнѣ будетъ отпускъ?

— Подожди, ты мнѣ нуженъ и даже очень нуженъ, Сережа...

— Я?

— Да, ты... Тебя это удивляетъ? Помоги мнѣ перейти на диванъ. Вотъ такъ, поддержи съ этой стороны.

Перебраться съ кресла на диванъ во время припадка было уже цѣлымъ подвигомъ, и Сережѣ сдѣлалось совѣстно за собственное здоровье.

— Вотъ теперь хорошо... — шепталъ Василій Тимофеичъ, стараясь принять удобное положеніе. — Да... Сережа, ты мнѣ очень нуженъ и вы, Варвара Петровна, тоже. Да, очень...

Княжна и Сережа старались не смотрѣть другъ на друга.

— Ну-съ, такъ въ чемъ дѣло? — спросилъ Сережа, дѣлая нетерпѣливое движеніе. — Я жду...

— Дѣлать тебѣ рѣшительно нечего, Сережа, денегъ у тебя нѣтъ — однимъ словомъ, твое положеніе вполнѣ безвыходное. Остается ждать, когда умретъ какая-нибудь изъ твоихъ безчисленныхъ тетокъ... Получишь наслѣдство, прокутишь и опять ничего не будетъ.

— Кажется, это къ дѣлу не относится... — замѣтилъ Сережа.

— Нѣтъ, именно, относится, потому что я тебя хочу спасти отъ твоего безвыходного положенія. Хочешь поступить ко мнѣ на службу?... Я тебѣ дамъ отличное мѣсто.

— Что же, я не прочь...

— Ты будешь главнымъ управляющимъ золотыхъ промысловъ...

— Я?

— Да, ты... Это совсѣмъ не трудно, а мѣсто почетное во всякомъ случаѣ.

— Но, вѣдь, нужно ѣхать въ тайгу?

— Нѣтъ, мои промыслы ближе, на Уралѣ...

— Я вамъ не совѣтую, Василій Тимофеичъ,—вступилась княжна, не имѣя силъ больше терпѣть.—Я уже знаю Сергѣя Ипполитыча. Онъ совсѣмъ не годится быть управляющимъ. Человѣкъ, который не умѣетъ управлять самимъ собой...

— Ничего, понемножку какъ-нибудь устроимся,—успокоивалъ ее Василій Тимофеичъ.—И вашимъ молодымъ людямъ мѣсто найдемъ.

— А я все-таки не понимаю, что тебѣ за нелѣпная фантазія пришла,—удивлялся Сережа.—Вдругъ сдѣлаться золото-промышленникомъ...

— Что подблаещь, если ужъ такъ случилось. Во всякомъ случаѣ, страннаго въ этомъ ничего нѣтъ. Дѣло самое вѣрное... Я уже дѣлалъ сметы и все подсчиталъ. Одно уже то хорошо, что можно будетъ дать работу тысячамъ людей...

— Я васъ понимаю,—проговорила княжна.—И если бы я не была женщиной, то сдѣлала бы то же самое...

— Ничего изъ этого не выйдетъ,—авторитетно замѣтилъ Сережа.—Да, ничего... Самое несбыточное дѣло, начиная съ того, что ты его совсѣмъ не знаешь. У тебя все Америка въ головѣ сидитъ... А что хорошо въ Америкѣ, то у насъ покуда не годится. Впрочемъ, дѣло твое, а мнѣ рѣшительно все равно. Въ Сибирь такъ въ Сибирь...

— Какъ жаль, что я сейчасъ не могу говорить...—жалѣлъ хозяинъ, закрывая глаза отъ усталости.—Ну, какъ-нибудь потомъ поговоримъ, и я все объясню.

— Другими словами, намъ пора уходить?—догадался Сережа.

— Я не гоню, но только не могу говорить долго...

Сережа и княжна вышли изъ кабинета вмѣстѣ.

— Мнѣ ты нуженъ будешь сегодня вечеромъ, Сережа!—крикнулъ Василій Тимофеичъ.

— Хорошо.

— Княжна вернулась и, схвативъ Василю Тимофеича за руку, проговорила восторженно:

— О, я васъ понимаю... Все понимаю.

А онъ лежалъ безсильный и слабый и могъ только смотрѣть на нее своими страдающими глазами.

IV.

Оставшись одинъ, Окоемовъ долго лежалъ съ закрытыми глазами. Сердце билось неровно, и онъ чувствовалъ, какъ медленно умираетъ. Да, это была смерть, потому что жизнь только въ работѣ сердца. Это ощущеніе умиранія онъ испытывалъ во время каждаго припадка. И какъ немного нужно, чтобы нить жизни порвалась и какъ, слѣдовательно, нужно дорожить каждымъ днемъ. Вѣдь такихъ дней отпущено на долю каждаго немного, и только наше неисправимое легкомысліе не хочетъ видѣть того, что всѣ мы идемъ по краю бездонной пропасти. Однѣ болѣзни заставляютъ насъ серьезно задумываться надъ смысломъ жизни, и въ нихъ есть своя философія.

Да, Окоемовъ чувствовалъ, что онъ умираетъ, и, лежа съ закрытыми глазами, передумывалъ свою богатую приключеніями жизнь, точно подводилъ итогъ по длинному счету приходоу и расходоу. Вотъ онъ видитъ себя ребенкомъ въ раззоренномъ помѣщичьемъ гнѣздѣ, гдѣ никто не умѣлъ работать и всѣ хотѣли жить на чей-то неизвѣстный счетъ. И въ немъ, ребенкѣ, сказала та же черта,—онъ ставилъ себя въ привилегированное положеніе, выдѣляя изъ всѣхъ остальныхъ. Потомъ онъ видѣлъ себя кадетомъ одной изъ военныхъ гимназій, потомъ юнкеромъ, и вездѣ повторялось то же самое — онъ ставилъ себя въ привилегированное положеніе. Дальше онъ очутился прямо на улицѣ, безъ средствъ, безъ поддержки, безъ личной инициативы, а, главное, безъ того, что называется трудоспособностью. Прошли два ужасныхъ года въ поискахъ такого мѣста, гдѣ привилегированный человекъ могъ бы существовать, ничего не дѣлая, какъ жили тысячи другихъ привилегированныхъ людей. Но въ этомъ случаѣ конкуренція была слишкомъ велика, и молодой Окоемовъ получалъ только отказы и въ лучшемъ случаѣ „завтраки“, — „приходите надняхъ“, „навѣдайтесь“, „можетъ быть что-нибудь найдется“ и т. д. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ такая конкуренція людей, рѣшительно никому ненужныхъ, и Окоемовъ

*

прошелъ тяжелую школу того внутренняго униженія, которое не высказывается словами. Да, онъ прошелъ черезъ эти униженія, обвиняя всѣхъ другихъ, кому жилось легко, въ несправедливости къ нему, которому тоже хотѣлось жить легко, пока онъ не пришелъ къ убѣжденію, что во всемъ виноватъ только онъ одинъ, какъ никому ненужный человѣкъ. Это былъ ужасный моментъ... Былъ такой день, когда Окоемовъ чуть-чуть не кончилъ самоубійствомъ. Вѣдь ненужные люди такъ часто этимъ кончаютъ. Но тутъ явилась спасительная мысль о томъ, что, прежде чѣмъ умирать, нужно испробовать еще новые пути. Это было очень смѣлымъ шагомъ, но ничего не оставалось больше. Двадцати двухъ лѣтъ Окоемовъ поступилъ простымъ матросомъ на одно изъ судовъ, уходившихъ изъ Ревеля въ Америку.

Кипучая работа морской гавани, полная тревогъ жизнь купеческаго судна, наконецъ, могучая водяная стихія подѣйствовали на молодого мечтателя самымъ отрезвляющимъ образомъ. Предъ нимъ развертывалась другая жизнь, выступали другіе люди, а главное, на каждомъ шагѣ проявлялась такая неустанная кипучая работа, что ему дѣлалось все больше и больше горько и совѣстно и за себя, и за другихъ ненужныхъ русскихъ людей. Напримѣръ, онъ считалъ подвигомъ, чуть не геройствомъ, что поступилъ простымъ матросомъ, а между тѣмъ чѣмъ же онъ лучше вотъ этихъ тружениковъ моря. Ихъ миллионы, сильныхъ, энергичныхъ, счастливыхъ своимъ трудомъ, а—онъ жалкая и ничтожная единица въ этой средѣ. Это былъ, впрочемъ, хорошій и здоровый стыдъ, какъ стыдъ человѣка, который слишкомъ поздно проснулся...

Первое и самое главное, что охватило Окоемова въ новой обстановкѣ, было то, что здѣсь не существовало ненужныхъ людей. Объ этомъ не могло быть даже и рѣчи. Временно могли оставаться безъ работы, временно переносили невзгоды и лишенія, но никто не считалъ себя лишнимъ и ненужнымъ.

Первые шаги въ Америкѣ еще рельефнѣе подтвердили эту основную мысль. Нужно сказать, что, выйдя на берегъ Новаго Свѣта, Окоемовъ долго не могъ освободиться отъ смутнаго чувства какой-то отчужденности, какую испытываетъ бѣдный человѣкъ, попавшій въ богатый домъ дальняго бога-

таго родственника. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь некогда было предаваться отвлеченнымъ размышленіямъ: каждый день былъ полонъ своей работой. Правда, что сами американцы въ первое время произвели на Окоемова не совсѣмъ благоприятное впечатлѣніе, какъ величайшіе эгоисты, всѣ стремленія которыхъ сосредоточивались только на личномъ благосостояніи. Это придавало извѣстную холодность и жесткость всѣмъ отношеніямъ. Всякій хлопоталъ только объ одномъ себѣ и относился совершенно безучастно къ другимъ. Здѣсь уже не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь привилегированномъ положеніи, а слѣдовательно не могло быть и лишнихъ, ненужныхъ людей. Общій бодрый тонъ всего склада жизни захватывалъ невольно, и русскій ненужный человѣкъ Окоемовъ начиналъ себя чувствовать такимъ же человѣкомъ, какъ всѣ другіе люди.

Въ теченіи пяти лѣтъ Окоемовъ перепробовалъ всевозможныя профессіи: былъ посыльнымъ, кондукторомъ, пастухомъ, телеграфистомъ, служащимъ въ нѣсколькихъ конторахъ, фотографомъ, комиссіонеромъ, корреспондентомъ и т. д. Съ англійскимъ языкомъ онъ освоился очень быстро, потому что съ дѣтства хорошо зналъ французскій и нѣмецкій—это было единственное наслѣдство, которое онъ вынесъ изъ родного дворянскаго гнѣзда и которое здѣсь ему необыкновенно много помогло. Это былъ вѣрный кусокъ хлѣба. Вообще, этотъ боевой періодъ въ жизни Окоемова остался свѣтлой полосой. Онъ точно переродился и съ удивленіемъ смотрѣлъ на того ненужнаго человѣка, который остался тамъ, въ Россіи.

Благодаря разнообразнымъ профессіямъ, Окоемову пришлось побывать во всѣхъ концахъ Америки, пока онъ не очутился на дальнемъ западѣ, въ Калифорніи. Сюда онъ явился уже до извѣстной степени обезпеченнымъ человѣкомъ, почти своимъ. Теперь его спеціальностью сдѣлались разныя торговыя комиссіи. Дѣло было очень выгодное и безъ всякаго риска. Требовалось только полное довѣріе крупныхъ торговыхъ фирмъ. Но когда Окоемовъ совсѣмъ устроился, его въ первый разъ охватила тоска по далекой родинѣ—это была дань прошлому, своей національности. И что ни дѣлалъ Окоемовъ, эта тоска не унималась, а росла все больше и больше. Его потянуло туда, на просторъ бѣдной русской равнины,

подъ сѣренькое русское небо, въ своимъ ненужнымъ русскимъ людямъ. Мысль объ этихъ послѣднихъ не оставляла его все время скитальчества по чужой странѣ. Тоска имѣла до известной степени подкладку и ненормальное физическое состояніе: наслѣдственный порокъ сердца сказывался съ годами.

Такъ прошло еще три года, когда Окоемовъ окончательно устроилъ свои дѣла. Теперь онъ завелъ широкія сношенія съ русскими торговыми фирмами. У него уже былъ собственный капиталъ, который онъ пускалъ въ оборотъ, какъ компаньонъ, что дѣлало его положеніе вполнѣ солиднымъ и независимымъ. А тоска по родинѣ все сосала и сосала, какъ вода подмываетъ крутой берегъ. Въ одно прекрасное утро Окоемовъ навсегда распростился съ Америкой и отправился домой, какъ человѣкъ, кончившій курсъ въ очень строгомъ и отвѣтственномъ учебномъ заведеніи.

Быстрота возвращенія на родину объясняется еще и тѣмъ, что Марья Семеновна начала прихварывать разными старческими недугами. Окоемовъ очень любилъ свою старушку и ужасно о ней соскучился. Домикъ въ Сивцевомъ Вражкѣ оставался послѣднимъ воспоминаніемъ помѣщичьяго прошлаго. И онъ ушелъ бы за долгъ, если бы въ свое время Окоемовъ не выкупилъ его на американскіе доллары. А сейчасъ уже одна мысль объ этомъ домикѣ дѣлала его точно здоровѣе. Сказывалась кровная привязанность къ своему маленькому углу, который дороже чудныхъ раззолоченныхъ палатъ.

Вотъ и родной берегъ... Здѣсь все оставалось по старому. И первое, что бросилось Окоемову въ глаза, это опять ненужные русскіе люди, которыхъ онъ встрѣтилъ въ первой русской пристани, которые ѣхали вмѣстѣ съ нимъ по желѣзной дорогѣ, которые толпились неизвѣстно зачѣмъ на желѣзнодорожныхъ вокзалахъ. У него защемила знакомая тоска, точно онъ самъ опять могъ превратиться въ такого человѣка. Впрочемъ, родная Москва ему понравилась, и онъ теперь могъ оцѣнить ее съ другой точки зрѣнія. Да, здѣсь жизнь кипѣла включемъ, и шла громадная работа. Исключеніе представляли только насыженные дворянскія улицы на Арбатѣ и Пречистенкѣ. Здѣсь доживали свой вѣкъ старое барство и вырождавшіяся дворянскія семьи.

Въ маленькомъ домикѣ на Сивцевомъ Вражкѣ Окоемову не пришлось заживать долго. Онъ только-только успѣлъ отдохнуть, какъ уже нужно было ѣхать на югъ Россіи, потомъ на Кавказъ и въ Среднюю Азію. У него были большія полномочія отъ разныхъ американскихъ фирмъ, очень интересовавшихся русскимъ сырьемъ и русскими богатствами вообще. Это невольное путешествіе по Россіи для Окоемова было наглядной иллюстраціей того, какъ мы далеко отстали во всемъ отъ нашихъ европейскихъ сосѣдей, а тѣмъ больше отъ Америки. Впереди было такъ много работы, а русскій человѣкъ такъ плохо умѣетъ работать... Получалось фатально-безвыходное положеніе,—Окоемовъ смотрѣлъ на все съ своей американской точки зрѣнія. Правда, работа уже начиналась, но вся взятая вмѣстѣ она представляла собой только пробную попытку, а о настоящей работѣ еще не было даже представленія. Страна была слишкомъ богата, и похороненныя въ ней сокровища слишкомъ мало эксплуатировались. И въ то же время на каждомъ шагѣ встрѣчались эти русскіе ненужные люди, которые для Окоемова сдѣлались какимъ-то кошмаромъ.

Вернувшись въ Москву, Окоемовъ занялся своимъ коммисіоннымъ дѣломъ и быстро вошелъ въ курсъ московскихъ торговыхъ операцій. Съ одной стороны онъ являлся представителемъ американскихъ фирмъ, а съ другой—московскихъ для Америки и въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ составилъ себѣ совершенно исключительное положеніе. Онъ являлся на этомъ рынкѣ уже солидной силой. Его имя пользовалось довѣріемъ, а въ торговомъ мірѣ это одно уже составляетъ капиталъ.

Но всѣ эти успѣхи не доставляли Окоемову настоящаго удовлетворенія, потому что онъ не могъ превратиться въ сытаго американскаго янки. Его тянуло въ другую сторону, а въ головѣ созрѣвалъ грандіозный планъ. Осуществленіе его ждало только подходящей минуты. И такая минута наступила... Окоемовъ слишкомъ много слышалъ о несмѣтныхъ сокровищахъ Урала—вѣдь на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другого такого мѣста, которое на сравнительно небольшомъ пространствѣ сосредоточивало бы такое неистощимое разнообразіе всевозможныхъ богатствъ. Здѣсь же являлось одно важное преимущество: всякое предпріятіе можно было начать съ сравни-

тельно ограниченными средствами. Именно здѣсь, по расчетамъ Окоемова, съ наибольшей производительностью можно было примѣнить тотъ громадный капиталъ, который пропалъ въ формѣ непутныхъ людей, незнавшихъ, куда дѣваться. Задача была громадная, и о ней стоило подумать. Остановился Окоемовъ на золотопромышленности по одному спеціальному случаю, о которомъ скажемъ дальше.

Въ Москвѣ одного изъ первыхъ старыхъ знакомыхъ Окоемовъ встрѣтилъ Сережу Лапшина, товарища по военной гимназій. Это былъ совершенно особенный человѣкъ, полная противоположность Окоемову. Жилъ Сережа отъ одного наслѣдства до другого, а остальное время дѣлалъ долги. И эта невозможная жизнь проходила на почвѣ самаго широкаго русскаго добродушія, какой-то дѣтской безобидности и наивности. Друзья дѣтства снова подружились, какъ дополняющія другъ друга натуры, и Окоемовъ начиналъ скучать, когда очень долго не видѣлъ своего легкомысленнаго Сережу. Мысль взять его съ собой на промыслы на Уралъ явилась у Окоемова въ моментъ встрѣчи на Воробьевыхъ горахъ. Все равно, въ Москвѣ Сережѣ теперь нечего было дѣлать, а тамъ, въ промысловой глуши, онъ явится незамѣнимымъ. Для Окоемова была еще одна очень важная сторона въ этой дружбѣ — Сережа служилъ живымъ показателемъ того, что не слѣдовало дѣлать. Поэтому иногда въ минуту нерѣшимости Окоемовъ считалъ долгомъ посоветоваться именно съ Сережей, чтобы поступить какъ разъ наоборотъ. Какъ милъ былъ Сережа въ такіе моменты и какой авторитетностью онъ пронивался. Вѣдь онъ зналъ рѣшительно все на свѣтѣ и готовъ былъ подѣлиться своей мудростью съ каждымъ... Этотъ большой ребенокъ дѣйствовалъ на Окоемова уже однимъ своимъ присутствіемъ самымъ успокаивающимъ образомъ. Другой противоположностью Сережи являлась татарская княжна съ своей неистощимой добротой, вѣчной заботой о другихъ и вѣчными неприятностями за свои хлопоты. Она одолѣвала всѣхъ знакомыхъ своими просьбами о другихъ, а сама перебивалась, какъ перелетная птица, занимая какую-то жалкую комнату въ одно окно и питаясь по цѣлымъ недѣлямъ одной колбасой.

И рядомъ съ этими людьми уживалась Марѳа Семеновна, строго соблюдавшая свои кастовыя традиціи и не желавшая

понять новыхъ людей. Меньше всѣхъ, какъ это ни странно, она понимала сына Василя, котораго страстно любила.

V.

Сереза явился вечеромъ къ назначенному часу. Онъ былъ противъ обыкновенія мраченъ, что къ нему совсѣмъ не шло, какъ къ другимъ неидетъ веселое настроеніе.

— Ну, что ты, какъ себя чувствуешь? — мрачно спрашивалъ онъ Окоемова.

— Да ничего... кажется, лучше. У меня это быстро приходитъ и такъ же быстро проходитъ. Умираю и оживаю...

Мареа Семеновна встретила, догадавшись по блѣдному лицу сына, что онъ опять нездоровъ.

— Ты куда это, Вася, собрался? Охъ, ужъ эти мнѣ твои дѣла... Здоровье только свое тратишь. Поѣхалъ бы куда-нибудь въ театръ или на гулянье; какъ другіе молодые люди дѣлаютъ. Нельзя же безъ развлечения...

— Мы въ Ярѣ отправляемся, — пошутилъ Сереза.

Когда они вышли на подѣздъ, спустились уже сумерки. Отдохнувшій рысакъ „подаль“ особенно красиво и остановился у подѣзда картинкой.

— Къ Рогожскому... — отдалъ приказъ Окоемовъ.

Кучеръ только тряхнулъ головой, что въ переводѣ значило: давеча на Воробьевы горы ѣздили, а сейчасъ къ Рогожскому — это Москву-то крестъ-на-крестъ взять.

— Вотъ тебѣ и Ярѣ... — ворчалъ Сереза, усаживаясь.

Когда они ѣхали мимо Кремля, Окоемовъ спросилъ:

— Вѣдь ты, кажется, играешь на бильярдѣ, Сереза?

— Да, и очень не дурно играю...

— Видишь, въ чемъ дѣло: я тебя завезу въ одинъ дрянной трактирчякъ, и ты тамъ найдешь въ бильярдной одного очень подозрительнаго господина. Онъ пьетъ запоемъ... На видъ ему лѣтъ подѣ тридцать. Особья примѣты: одѣтъ прилично, коситъ на лѣвый глазъ, лицо попорчено оспой... Узнаешь? Хорошо. Ты заходишь въ бильярдную, присаживаешься къ століку, спрашиваешь бутылку пива и знакомишься съ этимъ субъектомъ. Всего лучше, если за бильярдомъ... Да. Его фамилія Барышниковъ, а зовутъ Григоріемъ Яковлевичемъ.

— Посто́й... Для чего вся эта комедія?

— А ты слушай... Познакомившись, ты заводишь душевный разговор, какой умѣют вести трактирные завсегда-тай и, между прочимъ, говоришь: „а мнѣ ваша личность знакома... Гдѣ-то я васъ встрѣчалъ. Позвольте, ваша фамилія Барышниковъ, а зовутъ такъ-то“. Можешь сослаться на Яръ, гдѣ онъ бывалъ въ свои лучшіе дни. Онъ, конечно, обрадуется старому знакомому, будетъ жаловаться на свою судьбу, можетъ быть, попросить взаймы—ты можешь ему дать отъ трехъ до десяти рублей. Хорошо. А главное прибереги къ концу... Когда онъ размякнетъ, ты, между прочимъ, спроси его самымъ равнодушнымъ образомъ: „позвольте, у васъ, кажется, была сестра, насколько я помню? Гдѣ она сейчасъ?“ Нужно сдѣлать вопросъ быстро, чтобы онъ далъ отвѣтъ по инерціи тоже быстро...

— Послушай, вѣдь, это свинство, Вася. Говоря откровенно, ты дѣлаешь меня сыщивомъ...

— Хорошо, успокойся: дѣло идетъ о спасеніи вотъ этой самой дѣвушки. Понимаешь? А ты всегда былъ рыцаремъ... Ее куда-то спрятали, и мнѣ необходимо ее розыскать.

— Романъ?

— Почти...

— Съ этого слѣдовало начать, а не тянуть канитель. Мы сами всякаго научимъ... Кстати, отъ тебя-то я ужъ не ожидалъ ничего подобнаго. Любите только другихъ обличать, а сами дѣлаете то же самое. Впрочемъ, я человекъ скромный и не люблю совать своего носа въ чужія дѣла...

Искомый трактиръ „Голубокъ“ находился гдѣ-то на Таганкѣ, въ одномъ изъ глухихъ переулковъ.

— Я за тобой заѣду черезъ часъ,—говорилъ Окоемовъ, высаживая Сережу на углу улицы.— А вотъ тебѣ на расходу...

Сережа молча исчезъ на поворотѣ, а пролетка полетѣла дальше, къ Рогожскому кладбищу. Не доѣзжая до него, она остановилась у какого-то деревяннаго забора. Въ глубинѣ пустыря виднѣлась почернѣвшая деревянная постройка, что-то въ родѣ сарая. Было уже совсѣмъ темно, и Окоемовъ на память пошелъ пустыремъ къ таинственному зданію. Гдѣ-то глухо взлаяла цѣпная собака. Потомъ послышался тягучій

церковный нагѣвъ. Въ сараѣ мелькнулъ желтый огонекъ. Окоемовъ осторожно постучалъ въ деревянную дверь ветхаго крылечка.

— Кто крещонный? — послышался за дверью сердитый старческій голосъ.

— Баринъ съ Пречистенки...

Дверь медленно растворилась, и Окоемовъ очутился въ полутемныхъ сѣняхъ. Онъ бывалъ здѣсь нѣсколько разъ, и самъ отыскалъ въ темнотѣ слѣдующую дверь, которая вела въ старинную раскольничью моленную. Большая длинная комната была освѣщена очень слабо, такъ что иконостасъ съ образами терялся въ темнотѣ, изъ которой выдѣлялось только нѣсколько ликовъ. Молодой начетчикъ въ черномъ полукафтанѣ нараспѣвъ читалъ шестопсалміе. Молящихся было немного, особенно на правой мужской половинѣ—здѣсь еще сохранялось строгое дѣленіе на двѣ половины, мужскую и женскую. Какіе-то старички стояли около стѣны да молодой купчикъ посрединѣ, а на женской половинѣ цѣлый уголъ былъ занятъ старушками богомолками, а между ними мелькали и молодя женскія лица. Окоемовъ всталъ у задней стѣны, недалеко отъ старостинскаго прилавка со свѣчами. Онъ зналъ, что молиться вмѣстѣ съ другими ему нельзя, и стоялъ неподвижно. Изъ всѣхъ присутствующихъ на него посмотрѣлъ одинъ староста и слегка поклонился, какъ знакомому человѣку. Окоемову всегда нравились маленькія московскія церкви, и въ нихъ онъ выстаивалъ самую длинную службу. Его охватывало здѣсь ни съ чѣмъ несравнимое чувство и то особенное спокойствіе, которое жило только здѣсь, все наполняло и все охватывало. Необходимо время отъ времени остаться наединѣ съ собственной совѣстью, чтобы провѣрить самого себя вдали отъ шума и суеты обычнаго дня. Именно здѣсь Окоемовъ чувствовалъ себя живой частью того громаднаго цѣлага, которое называется русскимъ народомъ.

Сегодня онъ, однако, не могъ настроить себя на молитвенный ладъ, потому что явился сюда съ другой цѣлью. Стоявъ неподвижно съ четверть часа, онъ посмогрѣлъ на лѣвую сторону, гдѣ у окна еще недавно стояла она въ простенькомъ синемъ косоклинномъ сарафанѣ и въ платѣ, глу-

боко надвинутомъ на глаза. Она всегда стояла на одномъ мѣстѣ, а теперь это мѣсто было свободно. Да, она исчезла, какъ видѣніе, и Окоемовъ почувствовалъ гнетущую пустоту въ душѣ, какъ человѣкъ, потерявшій самое дорогое. Дождавшись окончанія службы, онъ подошелъ поздороваться со старостой.

— А вы насъ не забываете, сударь,—говорилъ староста.— Что же, доброе дѣло... Своихъто богомольцевъ немного осталось, такъ мы и чужимъ рады.

— У Бога всѣ равны, Савва Маркелычъ.—Это мы дѣлимъ на своихъ и чужихъ.

Разговаривая съ почтеннымъ старикомъ, Окоемовъ еще разъ испыталъ совѣстливое чувство за тѣ мірскія мысли, съ какими явился сюда. Ему казалось, что старикъ догадывается и смотритъ на него съ укоризной.

Сереза уже поджидалъ на углу, когда подъѣхалъ Окоемовъ.

— Ну, что?—коротко спросилъ Окоемовъ.

— Да ничего... Твоя дѣвица увезена изъ Москвы куда-то въ Сибирь, т.-е., вѣрнѣе, на Уралъ. Этотъ Барышниковъ всего не договариваетъ, хотя и пьянъ.

— Не проврался ли ты въ чемъ-нибудь?

— Я-то? Ну, это, братъ, дудки... Комаръ носу не подточить. Онъ больше о себѣ распространяется... Какой-то дядя его обобралъ и что онъ будетъ съ нимъ судиться, а сестра его интересуется столько же, какъ прошлогодній снѣгъ. Для меня ясно одно, что они кого-то боятся и что-то скрываютъ...

— Такъ, такъ... Я тебѣ скажу, въ чемъ дѣло. Барышниковыхъ нѣсколько братьевъ и у нихъ общее дѣло тамъ, въ Западной Сибири, т.-е. было дѣло раньше, а теперь оно прекратилось. Основателемъ торговой фирмы былъ отецъ вотъ этого Барышникова, съ которымъ ты сейчасъ игралъ на бильярдѣ. Но онъ умеръ уже лѣтъ десять назадъ, а дѣти остались ни при чемъ. Все захватили дяди. Имущество осталось громадное, и поэтому они боятся всякаго посторонняго вмѣшательства. Молодого Барышникова систематически спаивали и довели его до настоящаго невмѣняемаго состоянія, а его сестру прятали по разнымъ укромнымъ угламъ, гдѣ выдавали

ее за сироту, проживающую изъ милости. Она и сама этому вѣрить до сихъ поръ.

— Положимъ, что все это такъ. Тебѣ-то какое до нихъ всѣхъ дѣло?

— Дай досказать... Я встрѣтилъ эту дѣвушку въ раскольничьей моленной, и она произвела на меня неотразимое впечатлѣніе. Конечно, я постарался узнать, кто она, гдѣ живетъ и т. д. Подъ какимъ-то предлогомъ пріѣзжаю я въ тотъ домъ, гдѣ она проживала подъ видомъ бѣдной родственницы, и вдругъ со мной дѣлается одинъ изъ самыхъ сильныхъ припадковъ, такъ что я даже потерялъ сазнаніе. И представь себѣ, отрывая глаза и первое лицо которое я увидѣлъ, была она. Ахъ, какое это удивительное лицо, Сережа!.. Такое чистое, хорошее, какое-то ясное... Помню, что я лежалъ на диванѣ, а она стояла предо мной на колѣняхъ и мочила мою голову какимъ-то спиртомъ. Какое было выраженіе лица у нея въ этотъ моментъ...

— Однимъ словомъ, ты влюбленъ? Понимаю и одобряю... Я этимъ занимаюсь давно.

— А вотъ я такъ не понимаю, какъ можно шутить подобными вещами, не говоря уже о самой простой неделикатности... Ты знаешь, что я вообще слишкомъ серьезно смотрю на жизнь и если позволяю себѣ говорить объ этой дѣвушкѣ, то только потому, что именно благодаря ей пережилъ неиспытанное еще чувство.

— Значить, вы объяснились?

— Нѣтъ... Она сейчасъ же ушла, какъ только я открылъ глаза. А затѣмъ я раза два издали видѣлъ ее въ моленной... Но развѣ нужно говорить? Да и гдѣ тѣ слова, которыми можно было бы высказать величайшее изъ чувствъ? Наконецъ, я ничего и не могъ бы ей сказать, а просто смотрѣлъ бы на нее и молча любовался...

— Ну, батенька, это романтизмъ!

— Не смѣй говорить со мной этимъ тономъ... Людей, думающихъ какъ ты, сколько угодно, и они позорятъ самое слово любовь, какъ нечистыя животныя. Ты знаешь, что у меня нѣтъ и мысли о томъ, чтобы когда-нибудь жениться на ней... Мое несчастье — моя болѣзнь, и я не хочу ее передавать моимъ дѣтямъ. Да... Но, вѣдь, я человѣкъ, живой

человѣкъ, и мнѣ доставляетъ величайшее наслажденіе одна мысль о другомъ чужомъ человѣкѣ, который съ такой искренней простотой отнесся ко мнѣ въ такую горькую для меня минуту. Я считаю себя въ долгу передъ ней...

— Мнѣ не позволяется представить нѣсколько соображеній совершенно независимаго характера?

— Нѣтъ; будетъ лучше, если ты удержишься... А скажи вотъ что: почему я, проживши до тридцати лѣтъ, никогда не испыталъ ничего подобнаго? Мало ли я видѣлъ дѣвушекъ въ своемъ дворянскомъ кругу, въ Америкѣ наконецъ, а тутъ какая-то раскольница въ платочкѣ...

— Романтист...

— Нѣтъ, я съ тобой не могу разговаривать!—сердито перебилъ Окоемовъ, какъ-то весь съеживаясь.—Ты просто невозможенъ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА *).

1.

Уходят дни. И вотъ ужъ десять лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ смерть къ тебѣ склонилась;—
Но смерти для твоихъ созданій нѣтъ,
Толпа твоихъ видѣній, о поэтъ,
Безсмертіемъ навѣки озарилась.

2.

Въ нѣмомъ гробу ты спишь глубокимъ сномъ;
Родной страны суровыя мятели
Рыдаютъ скорбно въ сумраѣ ночномъ,
Баюкають тебя въ твоей постели
И шепчуть о блаженствѣ неземномъ.

3.

Ты заслужилъ его. Во тьмѣ невзгоды,
Когда, подъ тяжкимъ гнетомъ, край родной,
Томясь напрасной жаждою свободы,
Переживалъ мучительные годы,
Ты былъ исполненъ думою одной:

4.

Позоръ неволи сбросить съ пьедестала,
Живой волной ударить въ берега,
Сломить ту силу, что умы сковала,—
И ты появлялся влѣтвой Ганнибала
Жить лишь затѣмъ, чтобъ растоптать врага!

*) Предлагаемое стихотвореніе было прочитано авторомъ въ Москвѣ, 1893 г. 31-го октября въ торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, посвященномъ памяти И. С. Тургенева.

5.

И ты спустился въ темныя пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Плѣняющей печальной красотой,
И подсмотрѣлъ цвѣты средь грязной тины,
Средь грубости—любви порывъ святой.

6.

И слился ты съ той свѣтлою плеядой,
Предъ чьимъ огнемъ разсѣялася тьма,
Предъ чьимъ тепломъ растаяла зима;
Нахлынули борцы живой громадой,—
И пала крѣпостничества тюрьма!

7.

Но въ этотъ мигъ зиждательный и чудный
Ты не хотѣлъ душою отдохнуть,
Святымъ огнемъ твоя горѣла грудь,
И вотъ опять—далекій, многотрудный,
Передъ тобой открылся новый путь.

8.

Дворянскихъ гнѣздъ завѣтныя аллеи,
Забутый садъ, полузросшіи прудь...
Какъ хорошо, какъ все знакомо тутъ!
Сирень, и резеда, и эпомен,
И георгины гордыя цвѣтуть.

9.

Затмилась ночь. Чуть слышенъ листьевъ ропоть;
За роцей чуть горить луны эмаль,—
И въ сердцѣ молодомъ встаетъ печаль,
И слышенъ чей-то странный, грустный шепоть,
Кому-то въ этотъ часъ чего-то жаль...

10.

И тамъ, вдали, гдѣ роца такъ туманна,
Гдѣ лучъ едва трепещетъ надъ тропой,—
Елена, Маша, Ася, Маріанна,
И Лиза, и несчастная Сусанна—
Собралися воздушною толпой.

11.

Знакомыя, причудливыя, тѣни,
Созданія любви и красоты,
И дѣвственной, и женственной мечты,—
Ихъ вызвалъ къ жизни чистый, нѣжный геній,
Онъ далъ имъ форму, краски и черты.

12.

Не будь его, мы долго бы не знали
Страданій женской любящей души,
Ея завѣтныхъ думъ, нѣмой печали,—
Лишь съ нимъ для насъ впервые прозвучали
Тѣ пѣсни, что таилися въ тиши.

13.

Онъ возмутилъ стоячихъ водъ молчанье,
Запросамъ тайнымъ громкѣй далъ отвѣтъ,
Изъ тьмы онъ вывелъ женщину на свѣтъ,
Въ широкій міръ стремлений и сознанья,
На путь живыхъ восторговъ, битвъ и бѣдъ.

14.

Вотъ почему, съ любовью вспоминая
О томъ, кто удалился въ міръ иной,
Предъ кѣмъ зажегся свѣточъ неземной,
Здѣсь собралась толпа ему родная,
Съ нимъ слившаяся мыслию одной:

15.

Пусть мы съ тобой разлучены судьбою
Ужъ десять невозвратныхъ лѣтъ,—
Но ты, нашъ другъ, учитель и поэтъ,
Средь насъ живешь! Сверкаетъ надъ тобою
Безсмертія нетлѣнный чистый свѣтъ!

К. Бальмонтъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПСИХОЛОГИИ СЛѢПЫХЪ.

Статья I.

Въ различные времена человечество различно относилось къ участи слѣпыхъ. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній относительно того, какъ обращались съ ними во времена грековъ и римлянъ, но можемъ только сказать, что они совершенно не пользовались общественнымъ призраемъ. Въ средніе вѣка и до начала нынѣшняго столѣтія они часто служили предметомъ забавы толпы. Въ средніе вѣка слѣпыхъ приводили во дворы знатныхъ особъ, одѣвали ихъ въ панцыри, давали въ руки длинныя палки и приказывали вступать въ единоборство, и публика потѣшалась тѣми неловкими ударами, которые они наносили другъ другу. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія первый учитель слѣпыхъ, Valentin Haüy, былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены: содержатель трактира собралъ большое число слѣпыхъ, нарядилъ ихъ въ смѣшныя наряды, поставилъ ихъ у пюпитровъ, на которыхъ были разложены ноты на выворотъ и заставлялъ ихъ пѣть, что очень забавляло собравшуюся толпу. Это возмутительное зрѣлище побудило Haüy призадуматься надъ участію несчастныхъ слѣпыхъ, надъ тѣмъ, какъ бы облегчить ихъ тяжелое положеніе. Первымъ шагомъ его въ этомъ направленіи было то, что онъ, желая убѣдиться въ возможности *обучать* слѣпыхъ, взялъ къ себѣ на воспитаніе одного слѣпого, и его продолжительныя труды увѣнчались успѣхомъ. Благодаря его усиліямъ, положено начало первому училищу слѣпыхъ въ Парижѣ въ 1784 году, а вслѣдъ за этимъ почти во всѣхъ государствахъ учреждаются такія же училища или убѣжища для слѣпыхъ. Съ этого же времени и психическій ихъ міръ начинаетъ особенно привлекать вниманіе ученыхъ. Правда, еще до того въ прошломъ столѣтіи по причинамъ, о которыхъ я упомяну впослѣдствіи, ученые интересовались ихъ способностью представленія, хотя и имѣли въ своихъ рукахъ очень небогатый матеріалъ. Со введе-

ниѣмъ же училищъ для слѣпыхъ необходимость придумать наиболѣе цѣлесообразныя приемы обученія и воспитанія ихъ заставляла невольнъ обращаться къ изученію ихъ душевныхъ способностей, но получившіеся отъ этого матеріалы оказываются довольно отрывочными. Главныя вопросы, привлекавшіе вниманіе писателей, заключались въ слѣдующемъ: существуетъ ли у слѣпыхъ врожденное понятіе о Богѣ, и не основателенъ ли упрекъ въ ихъ склонности къ атеизму? Есть ли у нихъ понятіе [о справедливости, добрѣ и злѣ? Дѣятельны ли они? любопытны ли? испытываютъ ли они скуку? Каковы ихъ идеи относительно красоты и безобразія? Нельзя ли имъ приписать какихъ либо совершенно особенныхъ нравственныхъ качествъ? Такъ, напр., Дидро приписывалъ имъ по преимуществу чувство *жестокости*, такъ какъ будто бы они, не имѣя возможности видѣть *выраженія* страданій, дѣлаются вслѣдствіе этого недоступны чувству сожалѣнія и состраданія.

Нѣкоторые слѣпые, наиболѣе интеллигентныя, какъ бы въ отвѣтъ на эти вопросы, интересовавшіе общество, писали мемуары, въ которыхъ они описывали своеобразное душевное состояніе свое и свое нравственное настроеніе, происходящее вслѣдствіе ихъ отторженности отъ людей.

Въ настоящей статьѣ мы рассмотримъ особенности ихъ *умственной* склада *); особенности ихъ представленій о вещахъ, а главнымъ образомъ о пространствахъ, такъ какъ мы должны предположить, что въ этомъ отношеніи они кореннымъ образомъ отличаются отъ зрячихъ.

Разгадать, какимъ образомъ слѣпой представляетъ себѣ то или иное—очень трудно. Если мы станемъ разспрашивать слѣпого, то онъ, представляя себѣ вещи совершенно иначе, чѣмъ мы, не пойметъ насъ и не будетъ въ состояніи дать намъ отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ; поэтому, намъ, разспрашивая его, приходится только догадываться и изъ нашихъ собственныхъ представленій строить представленія слѣпому, что для насъ часто оказывается возможнымъ потому, что мы, сами того не зная, имѣемъ массу такихъ же представленій, какія имѣетъ и слѣпой, но иногда въ незамѣтной формѣ, потому что они бываютъ заслонены другими представленіями. Какъ бы то ни было, мы часто вовсе не можемъ *прямо* себѣ представить, какъ можетъ мыслить слѣпой въ томъ или иномъ случаѣ, но можемъ лишь заключать по аналогіи.

Возьмемъ прежде всего представленіе, какое слѣпые могутъ

*) Вопросу объ ихъ *нравственномъ* складѣ, ихъ эстетическихъ представленіяхъ и т. п. мы надѣемся посвятить послѣдующіе очерки.

имѣть вообще о *вещахъ*, внѣ насъ находящихся. Какое, напр., представленіе можетъ имѣть слѣпой о находящемся у насъ на столѣ колокольчикѣ? Когда мы, зрячіе, произносимъ слово «колокольчикъ», то у насъ является представленіе о вещи, имѣющей извѣстный *цвѣтъ*, извѣстную *форму*, *величину*, находящейся на извѣстномъ мѣстѣ, *рядомъ* съ другими вещами. Когда слѣпой говорить «колокольчикъ», то у него является совершенно иное представленіе, потому что для него колокольчикъ *цвѣта* не имѣетъ, имѣетъ ли *форму* мы тоже пока не знаемъ, помѣщается ли онъ *рядомъ* съ какими-нибудь другими вещами, мы также сказать не можемъ, потому что представленіе, которое слѣпой составляетъ о данномъ колокольчикѣ, у него *осязательное*, а не *зрительное*, какъ у насъ.

Положимъ, далѣе, я вспоминаю о своемъ другѣ. Я тотчасъ *вижу* передъ собою его *образъ*. Когда я говорю *образъ*, то я разумію, конечно, *зрительный* образъ — это мужчина извѣстнаго роста, у него такой-то *цвѣтъ* лица, такая-то борода, волосы, глаза такого-то *цвѣта*, одежда такая-то, осанка, манеры такія-то. Спросите вы слѣпого объ его пріятелѣ, объ его учителѣ: у него является тоже извѣстный *образъ*, но этотъ образъ уже не зрительный, а *звуковой*; при имени «другъ» ему вспоминается *голосъ* слабый, сильный, звучный, тихій, сиплый или чистый и т. д. Слѣдовательно, *образы*, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, совсѣмъ не такого характера, какъ тѣ образы, которыми пользуются зрячіе — у слѣпого они по преимуществу *осязательные* и *слуховые*.

Такъ какъ ихъ языкъ тотъ же языкъ, что и зрячихъ, то имъ падаются слова, которыя для нихъ конечно, не могутъ быть понятны, напр., слова, обозначающія *цвѣта*; тѣмъ не менѣе, слѣпые употребляютъ ихъ. Напр., въ естественной исторіи говорится о *зеленыхъ* и *бурыхъ* лягушкахъ; слѣпые дѣти говорятъ объ особенностяхъ тѣхъ и другихъ лягушекъ, какъ если бы имъ вполне хорошо было извѣстно, что значитъ зеленый или бурый *цвѣтъ*. Интересно знать, что они себѣ *представляютъ*, когда употребляютъ то или другое названіе *цвѣта*? Вѣдь что-нибудь да *представляютъ*!

Надо знать, что *абсолютно* слѣпыхъ очень немного: по большей части они могутъ различать сильныя измѣненія свѣта; напр., большинство слѣпыхъ можетъ воспринимать блескъ молніи: они вздрагиваютъ, когда молнія внезапно блеснетъ. Нѣкоторые же въ яркіе солнечные дни могутъ различать даже *цвѣта*, такихъ, впрочемъ, немного.

Но даже тѣ, которые вовсе не имѣютъ понятія о *цвѣтѣ*, это слово, однако, охотно употребляютъ. Но что же они подъ этимъ мыслятъ?

Я полагаю, что они подѣ этимъ представляютъ какое-нибудь другое качество имъ известное; во всякомъ случаѣ, они что-нибудь стараются представить себѣ, произнося слова, обозначающія тотъ или другой цвѣтъ. Это предположеніе я основываю, между прочимъ, на слѣдующемъ наблюденіи. Однажды, будучи въ училищѣ слѣпыхъ, я посѣтилъ классъ «упражненія органовъ чувствъ» *); чтобы не мѣшать ходу занятій, я тихо подсѣлъ къ одному изъ дѣтей, по фамиліи Л., и сталъ наблюдать за его работой; онъ черезъ секунду украдкой объявилъ, что онъ меня узналъ, что я уже равьше былъ на урокѣ лѣпки и что онъ узналъ меня по голосу и по шагамъ. Тогда же онъ мнѣ объявилъ, что онъ уже давно слѣпъ и не помнитъ того времени, когда съ нимъ случилось это несчастье, что слѣпые *цвѣтоты* не знаютъ (все это онъ говорилъ мнѣ безъ всякихъ вопросовъ съ моей стороны). По наступленіи перемѣны, дѣти въ буквальномъ смыслѣ облѣпили меня, одинъ щупаль мои руки, другой сюртукъ и карманы, наконецъ, Л. ощупалъ на рукѣ перстень съ камнемъ и, спросивъ у меня, какъ называется этотъ камешекъ, сталъ добиваться, какого онъ *цвѣта*. «Какъ же ты только что самъ сказалъ, что слѣпые о цвѣтахъ ничего не знаютъ, а теперь спрашиваешь, какого цвѣта алмазь?».— «Ну, а все-таки скажите!»

— Всеми наблюдателями замѣченъ тотъ фактъ, что слѣпые часто домогаются повѣсть то, что въ дѣйствительности находится внѣ сферы ихъ пониманія. Во время разговора съ Л. другой слѣпой ощупалъ мои манжеты, и, такъ какъ манжеты не были ему раньше известны, то онъ сталъ спрашивать, для чего, они служатъ; разумѣется, онъ крайне удивился и недоумѣвалъ, когда я ему отвѣтилъ, что они служатъ для *красоты*, потому что пониманіе такой красоты, конечно, для него совершенно недоступно. Наконецъ, онъ спросилъ, какого онѣ цвѣта, и когда я сказалъ, что бѣлаго, то Л. шутливо заявилъ, что «этотъ цвѣтъ и слѣпой можетъ видѣть» и сталъ внимательно, приближая глаза къ манжетамъ, какъ бы всматриваться въ нихъ, но, будучи совершенно слѣпымъ, конечно, не могъ ничего различить. На мой вопросъ, удалось ли ему увидѣть цвѣтъ, онъ отвѣтилъ, *ощупывая*, что удалось и что манжеты дѣйствительно бѣлаго цвѣта. Когда я его спросилъ: «а гдѣ же кончается бѣлый цвѣтъ?» то онъ, опять *ощупывая* рукава, указалъ на дѣйствительную границу, но было

*) Упражненіе органовъ чувствъ заключается въ слѣдующемъ: дѣтямъ даются различныя зерна (пшеницы, риса, проса и т. д.) и по назначенію учителя они должны выбрать изъ смѣси тѣ или другія зерна; такого рода упражненія способствуютъ развитію тонкости осязанія.

очевидно, что любопытный ребенокъ былъ склоненъ смѣшивать понятія гладкости и шереховатости съ цвѣтомъ.

Это же подтверждаютъ наблюденія одного слѣпого писателя (Гичманъ): «Часто происходитъ то, говорить, онъ, что слѣпой не можетъ представить себѣ содержанія какого-нибудь понятія; тогда онъ замѣняетъ ихъ какими-нибудь *суррогатами*; такъ напр., слова *свѣтъ* и *темнота*, *черное* и *блгое* для него не суть пустые звуки (какъ это многіе думаютъ), но только они приходятъ къ нему, такъ сказать, съ обратной стороны: онъ овладѣваетъ ихъ образнымъ значеніемъ, когда онъ говоритъ о *черной* душѣ преступника или о *свѣтлыхъ* дняхъ дѣтства».

Ясно, слѣдовательно, что, употребляя то или другое названіе *цвѣта*, слѣпой старается вложить въ него какое-нибудь значеніе, хотя и не то, которое имѣется у зрячаго.

Слѣпые часто сравниваютъ цвѣта съ тонами: яркія краски съ высокими тонами, темныя—съ низкими. Одинъ слѣпой, напр., говорилъ, что звукъ барабана казался ему ярко-желтымъ, а звукъ флейты блѣдно-желтымъ; другой сравнивалъ красный цвѣтъ съ звукомъ трубы, а голубой цвѣтъ съ звукомъ флейты. Разумѣется, этимъ сравненіямъ не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія. Они объясняются просто тѣмъ, что между слѣпыми есть такіе, которые были нѣкогда зрячими и, ослѣпши, сохранили извѣстныя воспоминанія изъ зрячаго періода; у нихъ сравненіе цвѣтовъ съ звуками вполне понятны: они сравниваютъ степень *тѣжести* отъ впечатлѣнія краснаго цвѣта и звука барабана, а что касается слѣпороджденныхъ, то они, по всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ руководятся тѣми сравненіями, которыя имъ приходится слышать отъ другихъ. Извѣстно, что знаменитый слѣпой математикъ Саундерсонъ читалъ, между прочимъ, въ Кэмбриджскомъ университетѣ лекціи по оптикѣ (о зрѣніи, цвѣтахъ радуги и т. п.). Конечно, не слѣдуетъ думать, что онъ понималъ, что такое цвѣта, потому что въ дѣйствительности вѣдь онъ говорилъ вовсе не о *цвѣтахъ*, для него недоступныхъ (такъ какъ онъ слишкомъ рано ослѣпъ), а о линіяхъ и углахъ, посредствомъ которыхъ выражаются законы оптики (пониманіе отношеній линій, разумѣется, вполне доступно для слѣпыхъ). Одинъ русскій писатель (Хомяковъ) сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Слѣпородженный человекъ пріобрѣтаетъ познанія; онъ въ полномъ кругѣ наукъ встрѣчается съ оптикой, изучаетъ ее, постигаетъ ея законы; а дворникъ ученаго слѣпца *видитъ*. Кто же изъ нихъ лучше *знаетъ* свѣтъ?» Да ужъ, конечно, не ученый слѣпецъ, какъ это думаетъ нашъ писатель, потому что онъ ничего о свѣтѣ *не знаетъ*, онъ знаетъ только

геометрическое соотношеніе линій и ничего больше. Вотъ почему одинъ слѣпорожденный послѣ того, какъ прослушалъ курсъ лекцій по оптикѣ, которыя, какъ казалось, онъ вполне хорошо понималъ, отвѣтилъ одному, спрашивавшему его, что онъ понимаетъ подъ свѣтомъ, что онъ «представляетъ себѣ нѣчто такое, что должно быть приятно, какъ сахаръ!» Этотъ случай, приводимый Лейбницемъ, очень хорошо иллюстрируетъ отношеніе слѣплого къ тому, что не можетъ быть доступно его способности представленія.

Слѣпой, лишенный органа зрѣнія, пользуется взаимно его другими органами чувствъ и потому изоцряетъ ихъ. Многие это объясняютъ тѣмъ, что въ организмѣ человѣка есть извѣстное количество *силъ*, которыя распределены по органамъ, и, если какой-либо органъ перестаетъ дѣйствовать, то эта сила переходитъ на другіе органы и оттого способность воспріятія этихъ органовъ растетъ; оттого, будто бы, у слѣпыхъ на счетъ зрѣнія развиты другіе органы; напр., органы осязанія, слуха и пр. Но этотъ взглядъ психологически невѣренъ. Въ дѣйствительности главной причиной изоцрненія органовъ чувствъ является *вниманіе*, и это объясняется слѣдующимъ образомъ.

То, что мы долше всего изучаемъ, то мы и *знаемъ* наилучше; а на то, что мы *знаемъ* наилучше, мы, обыкновенно, обращаемъ больше *вниманія*, это мы и воспринимаемъ *скорѣе*. Пусть, напр., на стѣнѣ въ красивой рамѣ виситъ какая-нибудь замѣчательная картина древняго мастера и пусть въ комнату, гдѣ виситъ картина, войдутъ три человѣка: художникъ, позолотчикъ и простой крестьянинъ. Несомнѣнно, что художникъ прежде всего обратитъ вниманіе на картину, позолотчикъ на раму, крестьянинъ же и вовсе можетъ ее не замѣтить: каждый обращаетъ вниманіе на то, что онъ лучше знаетъ и лучше знаетъ то, на что онъ постоянно обращаетъ вниманіе. Мы нашими руками постоянно соприкасаемся съ разными вещами и воспринимаемъ различныя качества ихъ, но, такъ какъ мы *не обращаемъ вниманія на эти качества*, то мы ихъ и не знаемъ; у слѣплого же какъ разъ наоборотъ: все вниманіе направляетъ онъ на эти качества, а потому онъ ихъ очень хорошо знаетъ, а, зная ихъ, онъ гораздо точнѣе ихъ и воспринимаетъ. Когда мы видимъ въ первый разъ какой-нибудь незнакомый предметъ, то мы должны его внимательно рассмотретьъ, такъ какъ сразу мы не можемъ узнать его; намъ нужно *присмотрѣться* къ нему и для этой цѣли мы должны употребить извѣстное *время*; точно такимъ же образомъ поступаетъ и слѣпой, когда, напр., онъ читаетъ что-нибудь, проводя пальцами

по выпуклымъ буквамъ *); онъ проводитъ по буквамъ одинъ разъ; у него является неясное представленіе, и онъ долженъ провести еще разъ, а иногда и еще нѣсколько разъ, пока, наконецъ, для него не сдѣлается совершенно яснымъ, съ какой буквой или словомъ онъ имѣетъ дѣло. Этимъ и объясняется *ощупываніе* слѣпого; онъ ощупываетъ по той же причинѣ, по какой мы *присматриваемся* или *прислушиваемся* къ чему-нибудь такому, чего мы сразу не можемъ воспринять.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что вниманіе можетъ развивать способность тонкаго воспріятія, объясняется тонкость *слуха* у слѣпыхъ; часто только благодаря слуху, они могутъ оріентироваться въ пространствѣ и поэтому вообще звуковыя впечатлѣнія представляютъ для нихъ интересъ, въ виду чего слѣпые и обращаютъ на нихъ особенное вниманіе и развиваютъ въ себѣ способность воспринимать самыя тонкія измѣненія звука. Что человѣческій голосъ звучитъ иначе въ комнатѣ пустой, чѣмъ въ комнатѣ наполненной, легко понятно и для зрячаго, но едва ли онъ на эти различія сталъ бы обращать вниманіе, такъ какъ въ этомъ для него нѣтъ никакой надобности. Для слѣпыхъ же только при помощи подобныхъ наблюденій и является возможнымъ приобрести ту удивительную тонкость слуха, благодаря которой они могутъ, напр., одни, безъ провожатаго, проходить большія разстоянія по люднымъ улицамъ большого города. Когда они гуляютъ въ полѣ, то измѣненія звука, далекаго или близкаго, составляетъ ихъ главное удовольствіе. Ихъ представленіе разстоянія предметовъ движущихся состоитъ въ опредѣленіи, на сколько извѣстный звукъ измѣнился вслѣдствіе перемѣны мѣста.

Для того, чтобы оріентироваться въ какомъ-нибудь мѣстѣ, слѣпые хлопаютъ въ ладоши или ударяютъ чѣмъ-нибудь о землю, и изъ свойства произведеннаго такимъ образомъ звука они могутъ судить о близости стѣнъ, о величинѣ пространства или о присутствіи человѣка въ комнатѣ.

«Я зналъ одного слѣпого,—говоритъ Guille, одинъ изъ первыхъ директоровъ училища слѣпыхъ въ Парижѣ,—слухъ котораго былъ на столько развитъ, что когда онъ входилъ въ свою комнату, то замѣчалъ (по звуку), если какая-нибудь мебель была переставлена

*) Надо знать, что книги для слѣпыхъ печатаются на довольно толстой бумагѣ и вмѣсто обыкновенныхъ буквъ употребляются выпуклыя точки, причемъ каждая буква составляетъ нѣтъ комбинаціи точекъ. Такая система называется Брайлевской. Въ прежнія времена употреблялись обыкновенныя выпуклыя буквы, но Брайлевская точечная система найдена болѣе удобной и теперь постоянно примѣняется при обученіи слѣпыхъ чтенію.

на другое мѣсто или если занавѣси были опущены». Если на столъ бросать различныя пластинки, то слѣпой можетъ опредѣлить не только какую форму онѣ имѣютъ, но изъ какого матеріала: изъ какого металла или какого рода дерева онѣ сдѣланы. Интересно, что число правильныхъ отвѣтовъ зависитъ отъ того, на какомъ столѣ и въ какой комнатѣ производится этотъ опытъ.

Сэръ Джонъ Фильдингъ (отецъ знаменитаго поэта) былъ слѣпъ; это, однако, не мѣшало ему занимать должность шефа полиціи. Онѣ имѣлъ въ своемъ умѣ признаки множества воровъ и, когда къ нему приводили котораго-нибудь изъ нихъ, то всегда безошибочно узнавалъ ихъ. Онѣ имѣлъ изумительную память на звуки: онѣ узнавалъ людей, чьихъ голосъ онѣ слышалъ всего одинъ разъ. Онѣ могъ сказать безошибочно, находится ли онѣ на улицѣ или въ узкомъ переулкѣ, находится ли онѣ въ большой комнатѣ или въ маленькой.

Слѣпорожденный, котораго наблюдалъ Дидро, имѣлъ удивительную память на звуки; лица не представляютъ для насъ такого разнообразія, какое онѣ наблюдалъ въ голосахъ. Они имѣли для него безконечное количество самыхъ тончайшихъ оттѣнковъ, которые ускользаютъ отъ насъ потому, что мы не имѣемъ такого интереса наблюдать ихъ, какъ слѣпой. Lusardi рассказываетъ объ одномъ слѣпорожденномъ, который могъ узнавать полъ, возрастъ, ростъ и дородность говорящихъ по звуку ихъ голоса. У профессора Zeipe, извѣстнаго основателя перваго училища слѣпыхъ въ Берлинѣ, въ его книгѣ «Belisar», посвященной психологіи слѣпыхъ и выдержавшей 5 изданій, я нашелъ кажущееся невѣроятнымъ сообщеніе о томъ, что нѣкоторые слѣпые могутъ различать по голосу тѣхъ, у кого на лицѣ остались слѣды оспы.

Зная, какую важную роль въ жизни слѣпого играютъ звуки и какую тонкость различенія онѣ обнаруживаетъ въ воспріятіи ихъ, мы поймемъ, отчего *слѣпые чувствуютъ влеченіе къ людямъ, обладающимъ пріятнымъ голосомъ, и отвращеніе къ людямъ, обладающимъ непріятнымъ голосомъ*, совершенно такъ, какъ у зрячихъ бываетъ по отношенію къ красивымъ и некрасивымъ лицамъ. Одна слѣпая дѣвушка часто съ благоговѣніемъ прислушивалась къ пѣнію знаменитой пѣвицы и, слѣдуя своему влеченію, идеализировала личность послѣдней; когда же кто-то очень дурно отозвался оповеденіи этой артистки, то она съ наивной горечью воскликнула: «Если этотъ *голосъ* можетъ обманывать, тогда все въ мірѣ ложь!».

У всѣхъ писателей мы находимъ единогласное заявленіе, «что для слѣпыхъ голосъ звучный и пріятный есть символъ красоты и хорошихъ нравственныхъ качествъ». Одинъ наблюдатель разска-

зывалъ мнѣ слѣдующее: «Однажды я поспѣтилъ училище слѣпыхъ; не успѣлъ я войти на урокъ и обмѣняться нѣсколькими словами съ учителемъ, какъ его зачѣмъ-то вызвали изъ класса. Одинъ изъ наиболѣе живыхъ мальчиковъ, воспользовавшись отсутствіемъ учителя, громогласно заявилъ: «а мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были у насъ учителемъ». — Почему же тебѣ хотѣлось бы этого? — спросилъ я. — «Да такъ!» — отвѣчалъ онъ. — «Да вы такой добрый!» — подхватилъ въ это время другой мальчикъ. Такъ какъ я въ классѣ присутствовалъ всего нѣсколько минутъ и никакой доброты за это время проявить не могъ, то я рѣшилъ узнать, что было причиной расположенія дѣтей ко мнѣ. Во время перемены первый мальчикъ объявилъ мнѣ, что у меня *голосъ* такой, какъ у ихъ бывшаго учителя, котораго они очень любили. Для меня стало несомнѣннымъ, что мой голосъ почему-то показался имъ привлекательнымъ, а отсюда они поспѣшили сдѣлать выводъ относительно моихъ нравственныхъ качествъ *)).

Такимъ образомъ, ясно само собою, что когда слѣпой хочетъ представить себѣ кого-нибудь, то онъ представляетъ себѣ, главнымъ образомъ, *звукъ* его голоса, а, между тѣмъ, обыкновенно думаютъ, что для слѣпыхъ главнымъ руководствомъ въ его ориентированіи является осязаніе. Слепой, когда думаетъ о комъ-нибудь, то не представляетъ себѣ тѣлеснаго строенія этого человѣка, духовную же личность онъ связываетъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое на него дѣйствуетъ непосредственно, именно съ его *голосомъ*.

Большое вліяніе, конечно, на духовную жизнь слѣпыхъ оказываетъ *осязательное ощущеніе*, значеніе котораго обыкновенно преувеличиваютъ. *Пальцы* слѣпыхъ обыкновенно сравниваютъ съ *глазами*; если это сравненіе и справедливо, то ихъ нужно сравнивать съ очень близорукими глазами, потому что посредствомъ ихъ они могутъ знакомиться лишь съ предметами, находящимися въ непосредственномъ съ ними соприкосновеніи. Разумѣется, и это чувство вслѣдствіе упражненія совершенствуется. Чтобы имѣть представленіе о томъ, насколько слѣпые имѣютъ болѣе тонкое осязаніе въ сравненіи съ зрячими людьми, замѣтимъ слѣдующее. Обыкновенно для измѣренія *тонкости осязанія* поль-

*) Уже Дидро подмѣтилъ этотъ фактъ, но объяснялъ его весьма оригинально: по его мнѣнію, существуетъ какая-то еще неразгаданная связь между чертами лица у человѣка и его голосовыми органами; онъ надѣется, что эта связь впоследствии будетъ раскрыта анатоміей; онъ думаетъ, что слѣпые посредствомъ пріятнаго голоса воспринимаютъ красоту лица, но это объясненіе разумѣется, невѣрно.

зуются простымъ циркулемъ съ слегка притупленными кончиками; если ножки циркуля раздвинемъ приблизительно на 2 миллиметра, и въ такомъ видѣ приложимъ къ кожѣ руки, то намъ будетъ казаться, что на нашу кожу дѣйствуетъ только *одна* ножка циркуля; если же затѣмъ, оставляя циркуль въ томъ же положеніи, мы приложимъ его къ губамъ, то мы воспримемъ *два* прикосновенія; это значитъ, что кожа губъ гораздо болѣе чувствительна, чѣмъ кожа руки; но есть еще менѣе чувствительныя части кожи: напр., на кожѣ спины, чтобы почувствовать два прикосновенія, необходимо раздвинуть ножки циркуля почти до 60 миллиметровъ, такъ какъ иначе мы воспримемъ лишь одно прикосновеніе. Вообще изъ этихъ измѣреній оказывается, что наиболѣе подвижныя части нашей кожи (напр., губы, пальцы рукъ и т. п.) обладаютъ наиболѣе тонкимъ осязаніемъ.

Такого рода измѣренія производились для опредѣленія чувствительности кожи слѣпыхъ въ различныхъ мѣстахъ ихъ тѣла. Оказалось, что кожа ихъ значительно чувствительнѣе, и что, всего любопытнѣе, не только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе упражняются, какъ, напр., оконечности пальцевъ, но также и въ другихъ частяхъ тѣла. Такъ, наприм., измѣренія чувствительности осязанія кончиковъ пальцевъ у одной слѣпой (Лауры Бриджмэнъ) показали слѣдующее: когда къ кончику ея пальца прикладывали ножки циркуля, раздвинутыя на 0,708 мил., то она уже ощущала два прикосновенія, между тѣмъ, какъ мы уже раньше замѣтили, для ощущенія двухъ прикосновеній зрячему человѣку необходимо раздвинуть ножки того же циркуля на 2 миллиметра, т.-е. на разстояніе почти въ *три* раза большее.

Приведу еще примѣры необыкновенной тонкости осязанія слѣпыхъ. Начну съ только-что упомянутой Лауры Бриджмэнъ, слѣпой и глухонѣмой, такъ какъ она подвергалась самымъ тщательнымъ наблюденіямъ. Въ виду большого интереса, представляемаго ея личностью, сообщу нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія, касающіяся ея. Лаура Бриджмэнъ, дочь уважаемыхъ и образованныхъ родителей, родилась въ 1829 году въ Нью-Гемпширѣ. Вскорѣ послѣ рожденія у нея сдѣлались судороги и до 20-го мѣсяца она была очень слаба; затѣмъ она выздоровѣла, начала умственно развиваться и къ концу второго года стала немного говорить. Но около этого времени она опять заболѣла тяжелою болѣзью съ воспаленіемъ глазъ и ушей, которая окончилась разрушеніемъ этихъ органовъ вслѣдствіе нагноенія; въ такомъ состояніи она вначалѣ произносила тѣ слова, которыя прежде изучила, но, такъ какъ она уже больше не слышала своего голоса, то скоро утратила и способ-

ность рѣчи; въ то же самое время замѣтили, что вмѣстѣ съ потерей зрѣнія и слуха, и обоняніе у нея почти исчезло, а вкусъ сдѣлался очень тупымъ. Когда ей наступило 4 года, здоровье ея окрѣпло, и съ этого времени стала развиваться живость и жажда знанія. Она бѣгала по комнатѣ, отыскивая себѣ занятій и при этомъ была дѣятельна и весела. Она слѣдовала за матерью, ощупывала ея руки, если та была занята работой, и старалась всему подражать. Она научилась немножко вязать чулки и шить и находила особенно большое удовольствіе въ томъ, чтобы изучить что-нибудь новое или открыть примѣненіе какого-либо предмета. Докторъ Гоузъ, директоръ Бостонскаго пріюта для слѣпыхъ, услышавъ о ней, отправился къ родителямъ ея и убѣдилъ ихъ поручить ему ея воспитаніе. И въ самомъ дѣлѣ, она оказалась вполне способной получить хорошее образованіе, и Гоузъ былъ очень радъ, что пріобрѣлъ такую даровитую ученицу. Когда въ 1837 году она была принята въ его заведеніе, она на всѣхъ производила впечатлѣніе живой, умной и въ высшей степени симпатичной дѣвочки. Первое время она была очень смущена новой обстановкой, совершенно ей чуждой, но скоро освоилась съ нею, бѣгала кругомъ по дому, всходила и спускалась по лѣстницѣ, держала себя за столомъ и вообще всегда вполне прилично, одѣвалась безъ чужой помощи быстро, проявляла большое прилежаніе и ловкость въ вязаніи чулокъ, шитьѣ и вышиваньѣ и постоянно обнаруживала стремленія расширить свои познанія. Она знала каждую изъ сорока обитательницъ того же дома посредствомъ прикосновенія. Когда Лаура съ вытянутыми впередъ руками шла по корридорамъ дома, то *по сотрясенію пола* или вслѣдствіе *движенія воздуха* противъ ея лица она узнавала, что кто-нибудь шелъ ей навстрѣчу; она подходила прямо къ дверямъ или къ окну, словомъ, куда ей хотѣлось, не ощупывая; останавливалась во-время, вѣрно хваталась за ручку двери или за какой-нибудь другой предметъ, который ей нужно было взять. Она такъ хорошо знала всѣ предметы, находившіеся въ домѣ, и съ такимъ вниманіемъ относилась ко всему, что дѣлалось вокругъ нея, что если что-нибудь новое: какой-нибудь ящикъ, пакетъ или какая-нибудь чужая книга лежали гдѣ-нибудь въ комнатѣ, то она тотчасъ это замѣчала и даже по какимъ-либо признакамъ узнавала, кому эта вещь могла принадлежать. За столомъ она такъ же хорошо, какъ и зрячіе, употребляла чашки, ложки и ножи съ вилами, точно такъ же ловко обращаясь и съ иглой, что позволяло ей изготовлять даже различныя изящныя работы.

Она старалась узнать все, что находилось по близости ея; ея руки находились въ безпрестанномъ движеніи, подобно щупаль-

памъ насккомаго; если она шла вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь, то она обращала вниманіе на каждое его движеніе и постоянно ошупывала его руки, такъ что тотъ ничего не могъ дѣлать безъ того, чтобы она этого не замѣтила. Она тотчасъ узнавала, если Гоуэ надѣвалъ другой сюртукъ, если бы даже онъ былъ одинаковаго покроя и сукна. Ея чувствительность къ звуковымъ вибраціямъ была удивительно тонка; при чемъ замѣчательно то, что воспріятіе звуковъ она описывала какъ *смѣшаніе посредствомъ ногъ*; она писала, что «звуки идутъ отъ пола къ моимъ ногамъ, а оттуда къ головѣ». Такимъ образомъ она отличала не только шаги, но даже *голоса* знакомыхъ; она могла отличать интервалы менѣе чѣмъ въ октаву путемъ *осязанія*, концомъ указательнаго пальца правой руки. Такимъ образомъ, хотя она жила въ абсолютной тишинѣ, однако имѣла представленіе о звукѣ и о слышаніи, и эти послѣднія свѣдѣнія о ея слышаніи посредствомъ *осязанія* подтверждаетъ извѣстный американскій психологъ Stanley Hall, лично ее наблюдавшій *).

Саундерсонъ, о которомъ мы уже говорили выше, проводя рукою по ряду медалей, отличалъ подлинныя отъ фальшивыхъ, хотя эти послѣднія были такъ хорошо поддѣланы, что могли бы обмануть знатока, имѣющаго хорошее зрѣніе. О точности математическаго инструмента онъ судилъ, проводя конечностями своихъ пальцевъ по дѣленіямъ. Другой слѣпой, Симонъ, узнаетъ монеты и различаетъ серебро и мѣдь; онъ чиститъ металлическія вещи, узнаетъ мѣста, которыя еще не вычищены, и однажды, когда былъ украденъ зерновой хлѣбъ, то онъ по потеряннымъ зернамъ прослѣдилъ путь вора до его жилища.

На ряду съ особеннымъ развитіемъ слуха и осязанія, у слѣпыхъ встрѣчаются другія крайне тонкія чувства, сущность которыхъ мы даже не можемъ разгадать. По словамъ американскаго психолога Джэмса, они получаютъ всегда большое удовольствіе отъ путешествія, въ особенности съ компаньономъ, который могъ бы описывать имъ предметы, встрѣчающіеся на пути. На равнинахъ они ощущаютъ открытость; въ долинахъ они чувствуютъ себя точно замкнутыми. Одинъ слѣпой говорилъ мнѣ, прибавляетъ Джэмсъ, что мало есть зрячихъ людей, которые могли бы получать такъ много удовольствія отъ вида съ вершины горы, чѣмъ онъ. *Hanks Levy*, извѣстный слѣпой авторъ книги: «О слѣпотѣ и слѣпомъ», говоритъ слѣдующее относительно своей способности *воспріятія посредствомъ лица*. «На-

*) Эта замѣчательная глухонѣмая и слѣпая умерла очень недавно, въ 1889 году, и изслѣдованіе ея мовга послѣ ея смерти дало очень интересные результаты.

хожусь ли я въ комнатѣ или на дворѣ, гуляю я или стою, я могу сказать, хотя я совершенно слѣпъ, находится ли противъ меня какой-либо предметъ и я могу различить, высокъ ли этотъ предметъ или низокъ, тонокъ или толстъ. Могу также сказать, стоитъ ли этотъ предметъ одиноко, или онъ представляетъ собою сплошную загородку, представляетъ ли онъ собою закрытую загородъ или рѣшетчатую, а часто даже могу сказать, есть ли это деревянная загородъ или стѣна изъ кирпича или камня или наскоро сколоченный заборъ. Вообще я не могу воспринимать предметовъ, находящихся значительно ниже моихъ плечъ, но иногда могу открыть присутствіе очень низко лежащихъ предметовъ. Это можетъ зависѣть или отъ природы самихъ предметовъ или отъ какого-нибудь ненормальнаго состоянія атмосферы. Воздушные токи не имѣютъ ничего общаго съ этой способностью, такъ какъ вѣтеръ не можетъ оказывать какого-либо вліянія въ данномъ случаѣ; чувство слуха также не имѣетъ ничего общаго съ нимъ, такъ какъ, если слѣгъ лежитъ толстымъ слоемъ, то предметы могутъ быть отличаемы ясно, хотя шаги совсѣмъ не слышны. Мнѣ кажется, что я воспринимаю предметы *посредствомъ кожи моего лица*. Единственная часть моего тѣла, обладающая этой способностью, есть мое лицо, и въ этомъ я убѣдился посредствомъ опытовъ. Если, напр., я затыкаю уши, то это не производитъ никакого вліянія, но стоитъ мнѣ закрыть лицо хотя бы тонкой вуалью, какъ воспріятіе уничтожается. Ни одно изъ пяти чувствъ не имѣетъ ничего общаго съ этой способностью и приведенныя выше обстоятельства позволяютъ мнѣ назвать это чувство *лицевымъ воспріятіемъ*... Когда я иду вдоль улицы, то я могу отличать магазины отъ частныхъ домовъ и даже могу указать двери и окна и сказать, открыты они или закрыты. Если окно состоитъ изъ цѣльваго стекла, то труднѣе узнать, чѣмъ если оно состоитъ изъ множества стеколъ. Изъ этого можно слѣлать выводы, что стекло плохой проводникъ ощущенія или во всякомъ случаѣ ощущенія, специально связаннаго съ этимъ чувствомъ. Когда воспринимаются предметы ниже лица, то кажется, что ощущеніе идетъ по косои линіи отъ предмета къ нижней части лица. Однажды, гуляя со своимъ другомъ по парку, я, указывая на рѣшетку, отдѣлявшую дорогу отъ поля, сказалъ: «эта рѣшетка не выше моего плеча», на что онъ возразилъ, что она выше. Когда же мы измѣрили ее, то оказалось, что она почти на три дюйма была ниже моего плеча. Дѣлая это наблюденіе, я находился въ четырехъ футахъ разстоянія отъ рѣшетки. Очевидно, что въ этомъ случаѣ воспріятіе посредствомъ лица было болѣе точно, чѣмъ

зрѣніе. Если нижняя часть забора состоитъ изъ кирпича, а верхняя изъ рѣшетки, то я могу узнать и даже указать линію ихъ соединенія. Неправильности въ вышинахъ, выступы могутъ быть также открыты».

Согласно Levy, эта способность видѣнія посредствомъ лица уменьшается вслѣдствіе тумана, но обыкновенная темнота не можетъ вліять на ея ослабленіе. Наконецъ, онъ былъ въ состояніи опредѣлить, покрываютъ ли облака горизонтъ, но потомъ онъ утратилъ эту способность, которую, какъ ему извѣстно, имѣютъ многія лица, совершенно слѣпыя. Хотя Levy и отрицалъ зависимость лицевого воспріятія также отъ слухового органа, что и доказывалъ посредствомъ опытовъ надъ самимъ собой, но другіе слѣпые, напротивъ, были приведены къ убѣжденію, что эта способность находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью уха. Такъ, одинъ слѣпой, вѣкій Kilbuck, воспитатель Бостонскаго института для слѣпыхъ, обладавшій этой способностью въ необыкновенныхъ размѣрахъ, говорилъ, что онъ имѣетъ болѣе тонкое чувство температуры, чѣмъ обыкновенные люди, при чемъ утверждалъ, что уши его не имѣютъ ничего общаго съ этимъ, но когда они были заткнуты не только ватой, но верхушки ихъ были покрыты замазкой, то онъ эту способность потерялъ.

Сандерсонъ, по словамъ Дидро, чувствовалъ малѣйшія измѣненія, которыя происходили въ атмосферѣ, и замѣчалъ, въ особенности въ тихую погоду, присутствіе предметовъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Присутствуя однажды при астрономическихъ наблюденіяхъ, когда набѣгавшія на солнце облака по временамъ скрывали дискъ его отъ наблюдателя, онъ воспринималъ это въ такой степени, что могъ отмѣчать всѣ моменты, благоприятные и неблагоприятные для наблюденій. Очевидно, что это онъ могъ дѣлать только благодаря тонкому воспріятію измѣненій температуры.

Эта тонкость чувствъ показываетъ намъ, чѣмъ именно руководится слѣпой, когда онъ хочетъ ориентироваться въ пространствѣ. Впрочемъ, многія изъ такихъ способностей существуютъ и у зрячаго, хотя и въ зачаточной формѣ. Такъ, Джэмсъ пишетъ, что одинъ изъ его друзей обладаетъ способностью при закрытыхъ глазахъ узнавать, какой предметъ приближаютъ къ его лицу: книгу, сито и т. п., но обыкновенно зрячіе этой способностью не пользуются. У насъ есть также и другія особенности, которыя показываютъ, какъ сильно въ насъ, такъ сказать, «живетъ слѣпой». Когда слѣпой желаетъ ознакомиться съ какимъ-нибудь предметомъ, то онъ для этой цѣли долженъ пустить въ ходъ осязаніе, ощупываніе, и только при соприкосновеніи онъ мо-

жетъ сказать, съ какимъ предметомъ онъ имѣеть дѣло. До иѣ-
 которой степени это же самое дѣлаетъ и зрячій. Нечего гово-
 рить о дѣтяхъ, которыя при первомъ ознакомленіи съ предметомъ
 стараются опупать его, это же самое дѣлають и взрослые, хотя
 и далеко не всегда сознають это; а что это такъ, легко убѣдиться
 изъ того, что, напр., на выставкѣ различныхъ предметовъ, статуй,
 въ музеяхъ вы можете видѣть постоянно надписи: «просять не
 трогать руками», такъ какъ посѣтителы, сами того не замѣчая,
 для полнаго ознакомленія съ предметомъ всегда стараются при-
 коснуться къ нему руками, хотя бы и безъ того вполне ясно было
 видно, изъ какого матеріала сдѣланъ предметъ.

Наше стремленіе прикасаться къ предметамъ показываетъ, что
 въ этомъ отношеніи мы имѣемъ общія способности со слѣпыми.

Много своеобразнаго обнаруживаетъ слѣпой въ воспріятіи про-
 странства. Самая существенная разница между его воспріятіемъ
 и нашимъ заключается въ томъ, что онъ *по преимуществу строитъ*
пространство изъ отдѣльныхъ частей.

Правда, и зрячій *строитъ* свое представленіе пространства изъ
отдѣльныхъ частей, но это построеніе у него носитъ иной харак-
 теръ, чѣмъ у слѣпого; именно, у зрячаго оно совершается *легко*
и скоро, у слѣпого же, наоборотъ, оно совершается *медленно и со-*
пряжено съ известными трудностями.

Намъ не легко понять, какимъ образомъ слѣпой строитъ свое
 представленіе пространства изъ отдѣльныхъ частей, потому что
 мы, зрячіе, для воспріятія пространства пользуемся *глазомъ*, ко-
 торый обладаетъ тою особенностью, что изображенія въ немъ то
 увеличиваются, то уменьшаются по мѣрѣ приближенія или удале-
 нія предмета; а это даетъ намъ возможность *за разъ* воспринимать
 такіе предметы, какъ храмъ, громадное зданіе, рѣка, площадь и
 т. п. Мы видимъ ихъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, но зато *за разъ*;
 слѣпой лишень этого средства. Чтобы войти въ положеніе слѣ-
 пого, вообразимъ себѣ, что нашъ глазъ сдѣлался мгновенно не-
 подвижнымъ и что онъ за разъ можетъ воспринять только площадь
 такой величины, какъ, напр., окно. Какъ бы мы въ такомъ случаѣ
 могли воспринять, напр., какой-нибудь длинный заборъ? Мы должны
 были бы пройти вдоль всего этого забора и воспринять сначала
 одну, доступную нашему воображаемому глазу часть этого забора,
 затѣмъ слѣдующую и т. д. Если бы, затѣмъ, мы пожелали вос-
 произвести за разъ это представленіе забора, то мы должны были
 бы воспроизводить по частямъ то, что мы воспринимали по ча-
 стямъ. Вотъ въ такомъ, приблизительно, положеніи находится и
 слѣпой: за разъ онъ можетъ съ легкостью воспринять только про-

странство, доступное его *осязанію*; воспринять, напр., какую-нибудь длинную стѣну онъ можетъ не иначе, какъ складывая по частямъ то, что онъ знаетъ изъ своего осязанія. Слишкомъ же большіе предметы могутъ быть доступны его представленію лишь *символически*, такъ, напр., представленіе о домѣ, церкви онъ можетъ получить по *сравненію* съ какимъ-нибудь небольшимъ предметомъ кубической или конической формы, который онъ легко можетъ осязать.

Чтобы уяснить себѣ это послѣднее, представимъ себѣ слѣдующее. Положимъ, мы пріѣхали въ какой-нибудь большой городъ, въ которомъ раньше намъ не приходилось бывать; мы рѣшаемъ его осмотрѣть и хорошенько съ нимъ ознакомиться; мы изѣздили его вдоль и поперекъ, побывали и на окраинахъ; можемъ ли мы послѣ этого составить планъ города? Я думаю, что нѣтъ: у насъ явится, конечно, извѣстное представленіе о расположеніи города, но это представленіе будетъ крайне неяснымъ; если же намъ покажутъ географическій планъ этого города, то расположеніе его тотчасъ сдѣлается для насъ вполне яснымъ. То же самое и съ представленіемъ слѣпыхъ о большихъ пространствахъ, о какой-нибудь площади, большомъ дворѣ и пр. или еще лучше, если бы мы изѣздили кругомъ Европу, то, конечно, не имѣли бы прямого представленія объ очертаніяхъ ея: единственное наше представленіе о ней—это символическое; таково же представленіе и слѣпыхъ относительно большихъ предметовъ. Какъ объ очертаніяхъ Европы мы можемъ имѣть представленіе только благодаря тому, что воспринимаемъ изображеніе очертаній ея на картѣ, такъ и слѣпой о квадратности большой площади можетъ имѣть только символическое представленіе при помощи сравненія съ какимъ-нибудь квадратнымъ изображеніемъ. Вотъ это-то обстоятельство, именно, что слѣпые *за разъ* не могутъ *построить* представленія большихъ пространствъ, заставляло нѣкоторыхъ ученыхъ думать, что они въ дѣйствительности даже *вовсе не воспринимаютъ пространства* въ нашемъ смыслѣ слова. Такъ, напр., Платнеръ, ученый конца прошлаго столѣтія, говоритъ слѣдующее: «Что касается представленія пространства или протяженности безъ помощи зрѣнія, то внимательное наблюденіе надъ однимъ слѣпорожденнымъ убѣдило меня въ томъ, что осязательное ощущеніе само по себѣ совершенно не въ состояніи дать намъ представленія протяженности. Для слѣпыхъ *время замѣщаетъ пространство*. Близость или отдаленность означаютъ для нихъ ничего больше, какъ время болѣе долгое или болѣе короткое, которое необходимо для того, чтобы перейти отъ одного ощущенія къ другому».

По мнѣнію новѣйшаго наблюдателя Дюнана, «слѣпые живутъ только во времени: ихъ идеи о вещахъ суть идеи возможнаго слѣдованія ощущеній, которыя они могутъ испытать вслѣдствіе прикосновенія къ вещамъ, но ни въ коемъ случаѣ не идея *сосуществованія*. Напр., когда слѣпой сидитъ на креслѣ, то идея, которую онъ имѣетъ объ этомъ креслѣ, состоитъ въ томъ, что, проводя рукой, онъ встрѣтитъ кожу, дерево, гвозди, но въ своемъ сознаніи онъ не имѣетъ никакого образа этого кресла, какъ протяженнаго тѣла».

Это разсужденіе можетъ показаться слишкомъ отвлеченнымъ и потому не лишнимъ будетъ слѣдующее поясненіе. Когда мы, зрячіе, смотримъ на какой-нибудь небольшой домъ, то два угла этого дома представляются нашему сознанію заразъ или, какъ говорятъ психологи, они въ нашемъ сознаніи *сосуществуютъ*. Вотъ это сосуществованіе и есть характерный признакъ пространства. Положимъ далѣе, мы слушаемъ пѣніе гаммы; когда пѣвецъ беретъ *mi*, *do* уже не существуетъ, когда же онъ дойдетъ до *sol*, то и *mi* не существуетъ; слѣдовательно, части гаммы не *сосуществуютъ*, а *слѣдуютъ* другъ за другомъ и въ этомъ смыслѣ гамма существуетъ только *во времени*.

Подобно тому, какъ мы воспринимаемъ звукъ, такъ, приблизительно, по мнѣнію вышеприведенныхъ ученыхъ, слѣпые воспринимаютъ и пространство. Они живутъ, главнымъ образомъ, *во времени*. Когда мы, зрячіе, видимъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ себя нѣсколько предметовъ, то мы можемъ сказать, что одинъ предметъ находится отъ насъ *дальше*, а другой *ближе*, что для того, чтобы достать одинъ предметъ, намъ нужно пройти большее или меньшее *пространство*. Совсѣмъ не этимъ руководится слѣпой: для него предметъ дальше или ближе, означаетъ, что нужно больше или меньше *времени*, чтобы достать этотъ предметъ. Что пространство у слѣпыхъ можетъ замѣняться временемъ доказывалось опытомъ, который производилъ Гоуэ надъ Лаурой Бриджмэнъ. Онъ заставлялъ ее прикасаться къ гладкой палкѣ и затѣмъ проводилъ ею съ большей или меньшей скоростью по ея рукѣ. Когда она говорила, коротка палка или длинна, то судила только по *продолжительности* впечатлѣнія; слѣдовательно, она пользовалась *временемъ* для опредѣленія *пространства*. По мнѣнію этихъ ученыхъ, когда слѣпому нужно воспринять, напримѣръ, даже такой предметъ, какъ столъ, то части стола представляются ему *не одновременно*, а *последовательно*.

Но едва ли можно во всемъ согласиться съ этими мнѣніями. Есть всѣ данныя предполагать, что слѣпой иначе, чѣмъ мы, воспринимаетъ *большіе* предметы, по отношенію же къ *малымъ* пред-

метамъ безусловно слѣдуетъ допустить, что они всѣ части его воспринимаютъ *одновременно*. Далѣе, изъ того, что слѣпые *складываютъ* свое представленіе о большихъ пространствахъ изъ *отдѣльныхъ* частей, не слѣдуетъ думать, что пространство въ ихъ сознаніи *прерывно*.

По словамъ Джэмса, пространство слѣпому *непрерывно*, такъ какъ слѣды отдѣльныхъ передвиженій и остановокъ, участвовавшихъ въ образованіи пространства, не остаются въ памяти. Даже такія большія разстоянія, какъ прогулка въ нѣсколько миль, не представляются слѣпому въ формѣ ряда передвиженій и пространство кажется непрерывнымъ, а части его сосуществующими, хотя, какъ говорилъ одинъ слѣпой, «мысленіе о подобныхъ разстояніяхъ представляетъ больше трудностей для слѣпого, чѣмъ для зрячаго».

«По словамъ слѣпыхъ,—говорить Тэнтъ,—чтобы воспринять какой-либо новый предметъ, имъ *нужно больше времени, чѣмъ намъ, потому что они должны его изслѣдовать въ подробности посредствомъ осязанія*. Но если это сдѣлано, то каковъ бы ни былъ предметъ: шаръ, кубъ и даже значительныя протяженности, какъ, напр., улица, они ихъ мыслятъ *за разъ* и представляютъ себѣ въ цѣломъ...» «У насъ не отсутствуетъ то, что вы называете идеей цвѣта, говоритъ слѣпой; предметъ для насъ есть то же, что для васъ рисунокъ, фотографическій эскизъ безъ тѣней или еще точнѣе это есть совокупность линий. Мы *сразу* мыслимъ группу линий, расходящихся и пересѣкающихся, и это есть для насъ форма». Они отрицаютъ, чтобы имъ необходимо было для представленія линіи или поверхности припоминать послѣдовательныя ощущенія ихъ руки, проводимой въ томъ или другомъ направленіи. «Это было бы слишкомъ долго, и намъ рѣшительно нѣтъ никакой надобности думать о нашей рукѣ; она есть для насъ только орудіе воспріятія и о ней мы послѣ воспріятія вовсе не думаемъ».

Въ этихъ показаніяхъ слѣпыхъ, подвергшихся наблюденіямъ Тэна, одно кажется непонятнымъ: какимъ образомъ слѣпой сравниваетъ свое представленіе «съ фотографическимъ эскизомъ», какъ будто въ самомъ дѣлѣ фотографія можетъ быть доступна его пониманію, во дѣло въ томъ, что какъ я уже объ этомъ говорилъ, слѣпые стараются постигнуть многое изъ того, что находится внѣ предѣловъ ихъ пониманія. Такъ, вѣроятно, и въ данномъ случаѣ: косвеннымъ образомъ слѣпой узналъ, что такое эскизъ фотографическій и съ этимъ онъ *сравниваетъ* свое представленіе. Если его сравненіе и неточно, то во всякомъ случаѣ дальнѣйшія поясненія не оставляютъ сомнѣній относительно характера его пространственнаго представленія.

*

Пространство зрячихъ есть пространство, воспринимаемое глазомъ, а какимъ же органомъ воспринимаютъ пространство слѣпые, благодаря дѣятельности какихъ органовъ слѣпой можетъ ориентироваться въ пространствѣ? Если бы мы отвѣтили, что благодаря дѣятельности органовъ осязанія, то это было бы не совсѣмъ точно; при помощи осязанія мы можемъ узнать форму маленькихъ вещей; напр., если, закрывши глаза, положить на ладонь руки какую-нибудь монету или другой какой-нибудь маленькій предметъ, то его мы можемъ узнать, но если намъ нужно, закрывши глаза, узнать величину, напр., стола или разстояніе его отъ насъ, то одного осязанія недостаточно; для этого намъ нужно привести въ *движеніе* наши члены, а это движеніе, по мнѣнію психологовъ, вызываетъ у насъ совершенно особое чувство, которое называется *шестымъ чувствомъ* или *мускульнымъ*. Сущность этого чувства заключается въ слѣдующемъ: если мы закроемъ глаза или просто очутимся въ темнотѣ, то при движеніи нашихъ членовъ мы можемъ легко опредѣлить ихъ положеніе; мы, напр., знаемъ, что рука согнута или что она вытянута настолько, что можетъ достать предметъ, находящійся на разстояніи двухъ футовъ или что она вытянута настолько, что можетъ достать предметъ, находящійся на разстояніи трехъ футовъ и т. д. Вотъ эта-то наша способность знать положеніе нашихъ членовъ, помимо употребленія глазъ, называется *мускульнымъ чувствомъ*, потому что, по предположенію психологовъ, оно происходитъ отъ возбужденія нашихъ мускуловъ. Многие оспариваютъ, что это чувство происходитъ отъ возбужденія мускуловъ, но для насъ точное рѣшеніе этого вопроса не важно; для насъ важно то, что мы обладаемъ способностью опредѣлять *положеніе нашихъ членовъ*, и если мы, завязавъ себѣ глаза, уподобляемся такимъ образомъ слѣпымъ, то мы съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ можемъ ориентироваться въ пространствѣ.

Слѣпой съ помощью этого предполагаемаго мускульнаго чувства ориентируется, повидимому, довольно хорошо. По знакомымъ комнатамъ они часто ходятъ, не вытягивая впередъ рукъ для контролированія. На малыхъ разстояніяхъ приспособленіе довольно точно: слѣпой встаетъ, чтобы закрыть дверь, находящуюся въ нѣсколькихъ шагахъ, не ошупывая пространства. У нѣкоторыхъ слѣпыхъ, какъ мы видѣли, напр., у Лауры Бриджмэнтъ, ориентированіе въ пространствѣ посредствомъ этого чувства доходитъ до удивительнаго совершенства.

Но и мускульнаго чувства для ориентированія въ пространствѣ недостаточно. Я говорилъ выше, что слѣпые обладаютъ способностью очень точно опредѣлять *направленіе звуковъ*. Эту способ-

ность, по мнѣнію нѣкоторыхъ психологовъ, нужно приписать особымъ органамъ, которые называются *полукружными каналами* и которые находятся въ ушномъ лабиринтѣ. Вотъ *три* чувства, при помощи которыхъ слѣпой можетъ ориентироваться въ пространствѣ и благодаря дѣятельности которыхъ онъ строитъ свое представленіе о пространствѣ.

Пространство слѣпого, повидимому, похоже на пространство зрячаго, потому что, вѣдь, слѣпые занимаются геометрией, говорятъ о величинахъ совершенно такъ, какъ говоримъ мы. Слѣдовательно, мы можемъ допустить, что ихъ пространство то же, что и наше. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Этихъ данныхъ недостаточно для того, чтобы мы имѣли право дѣлать выводъ относительно тождества пространства слѣпого и зрячаго. У насъ есть, напротивъ, много данныхъ для обратнаго предположенія: такъ какъ пространство зрячаго есть пространство глаза, а пространство слѣпого есть пространство совсѣмъ другихъ органовъ, то оно можетъ быть совсѣмъ другого рода. Какъ рѣшить этотъ вопросъ?

Если бы слѣпой внезапно прозрѣлъ и увидѣлъ бы то же, что видимъ и мы, то мы могли бы допустить, что пространство его тождественно съ нашимъ, что оно представляется ему такимъ же, какъ и намъ. Такіе случаи прозрѣванія наблюдались. Именно были слѣпорожжденные, которые до извѣстнаго возраста были слѣпы, но потомъ вслѣдствіи операціи они получали зрѣніе; и вотъ ихъ способность *видѣть* въ первые моменты прозрѣванія доставляетъ намъ данныя для рѣшенія поставленнаго нами вопроса. Итакъ, что же слѣпые видятъ, когда они прозрѣваютъ? Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

Г. И. Челпановъ.

(Продолжете слѣдуетъ).

„КУЩЫЙ“.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ МОРСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Въ это роскошное, раннее тропическое утро на сингапурскомъ рейдѣ, гдѣ собралась русская эскадра Тихаго океана, плававшая въ 60-хъ годахъ, новый старшій офицеръ, баронъ фонъ-деръ-Берингъ, худощавый, долговязый и необыкновенно серьезный блондинъ лѣтъ тридцати пяти, въ первый разъ обходилъ, въ сопровожденіи старшаго боцмана Гордѣва, корветъ „Могучій“, заглядывая во всѣ, самые сокровенные, его закоулки. Баронъ только вчера вечеромъ перебрался на „Могучій“, переведенный съ клипера „Голубь“ по распоряженію адмирала, и теперь знакомился съ судномъ.

Не смотря на желаніе педантичнаго барона, въ качествѣ „новой метлы“, къ чему-нибудь да придратъся, это оказалось рѣшительно невозможнымъ. „Могучій“, находившійся въ кругосвѣтномъ плаваніи уже два года, содержался въ образцовомъ порядкѣ и сіялъ, сверху до низу, умопомрачающей чистотой. Не даромъ же прежній старшій офицеръ, милѣйшій Степанъ Степановичъ, назначенный командиромъ одного изъ клиперовъ, — любимый и офицерами, и матросами, клалъ всю свою добрую, безхитростную душу на то, чтобы „Могучій“ былъ, какъ выражался Степанъ Степановичъ, „игрушкой“, которой могъ бы любоваться всякій, понимающій дѣло, морякъ.

И дѣйствительно, „Могучимъ“ любовались во всѣхъ портахъ, которые онъ посѣщаль.

Обходя медлительной, нѣсколько развалистой, походкой нижнюю жилую палубу, баронъ Берингъ вдругъ остановился

на кубрикѣ и вытянулъ свой длинный, бѣлый указательный палецъ, на которомъ блестѣлъ перстень съ фамильнымъ гербомъ стариннаго рода курляндскихъ бароновъ Берингъ. Палецъ этотъ указывалъ на лохматаго крупнаго рыжаго пса, сладко дремавшаго, вытянувъ свою неказистую, далеко не породистую морду, въ укромномъ и прохладномъ уголкѣ матросскаго помѣщенія.

— Это что такое?—внушительно и строго спросилъ баронъ послѣ секунды, другой, торжественнаго молчанія.

— Собака, ваше благородіе!—поспѣшилъ отвѣтить боцманъ, подумавшій, что старшій офицеръ не разглядѣлъ въ полутемнотѣ кубрика собаки и принялъ ее за что-нибудь другое.

— Дуракъ!—спокойно, не повышая голоса, отчеканилъ баронъ.—Я самъ вижу, что это собака, а не швабра. Я спрашиваю: почему собака здѣсь? Развѣ можно на военномъ суднѣ держать собакъ! Чья это собака?

— Конвертская, *) ваше благородіе!

— Боцманъ... какъ твоя фамилія?

— Гордѣевъ, ваше благородіе!

— Боцманъ Гордѣевъ! Выражайся яснѣе; я тебя не понимаю. Что значить: корветская собака?—продолжалъ баронъ все тѣмъ же медленнымъ, тихимъ и нудящимъ голосомъ, произнося слова съ той отчетливостью, съ какой говорятъ русскіе нѣмцы, и останавливая на лицѣ боцмана свои большіе, свѣтлые и холодные голубые глаза.

Пожилой боцманъ, котораго до сихъ поръ всѣ, кажется, отлично понимали, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ, случалось, возвращался съ берега пьяный въ дрызгъ, недоумѣвая, смотрѣлъ въ безстрастное, бѣлое, отливавшее румянцемъ, безъусое, продолговатое лицо, опущенное рыжеватыми бакенбардами въ видѣ котлетъ и, видимо удрученный этимъ назойливымъ допросомъ, вмѣсто отвѣта, ожесточенно заморгалъ своими маленькими сѣрыми глазами.

— Такъ какая же это корветская собака?

— Матросская, значить, обчая, ваше благородіе!—объяснилъ съ угрюмымъ видомъ боцманъ и въ то же время сердито подумалъ: „не понимаешь, что ли, долговязый!“

*) Матросы говорятъ вмѣсто корветъ—«конвертъ». *Ир. автора.*

Но „долговязый“, казалось, не понималъ и сказалъ:

— Что ты мнѣ вздоръ рассказываешь!.. У каждой собаки долженъ быть хозяинъ.

— То-то у ей нѣтъ, ваше благородіе. Она приبلудная.

— Какая?—переспросилъ баронъ, видимо, не зная значенія этого слова.

— Приبلудная, ваше благородіе. Въ Кронштадтѣ увязалась за однимъ нашимъ матросикомъ и явилась на конвертъ, когда онъ вооружался въ гавани. Съ той поры „Куцый“ и ходитъ съ нами. Такъ его называли по причинѣ хвоста, ваше благородіе!—прибавилъ, въ видѣ поясненія, боцманъ.

— Собаки на военномъ суднѣ—безпорядокъ. Онѣ только гадятъ палубу.

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе, что „Куцый“ собака понятливая и ведетъ себя, какъ слѣдуетъ. За ей, на счетъ этого, ничего дурного не замѣчено!—вступился боцманъ за „Куцаго“.—Прежній старшій офицеръ Степанъ Степанычъ дозволяли ее держать, потому какъ „Куцый“, можно сказать, исправная собака, и команда ее любитъ.

— Слишкомъ много вамъ позволяли прежде, какъ посмотрю, и распустили. Я васъ всѣхъ подтяну, слышишь?—строго замѣтилъ баронъ, которому объясненія боцмана показались нѣсколько фамильярными, и самъ онъ, казалось, не особенно трепеталъ передъ старшимъ офицеромъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Баронъ на секунду задумался и наморщилъ лобъ, рѣшая въ своемъ умѣ участь „Куцаго“. И боцманъ, весьма благоволившій въ „Куцому“, со страхомъ ждалъ этого рѣшенія.

Наконецъ старшій офицеръ проговорилъ:

— Если я когда-нибудь замѣчу, что эта собака изгадитъ мнѣ палубу, я прикажу ее выкинуть за бортъ. Понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе!

— И помни, что я два раза не повторяю своихъ приказаній,—внушительно прибавилъ баронъ, по прежнему не возвышая своего скрипучаго, однотоннаго голоса.

Боцманъ Гордѣвъ, старый служака, выдавшій на своемъ вѣку не мало разнаго начальства и умѣвшій понимать людей, и безъ этого предупрежденія уже собралъ, что этотъ „долговязый“, даромъ, что говоритъ тихо, безъ пыла, а такая „чума“.

съ которой всѣмъ служить будетъ очень „нудно“, не то, что со Степаномъ Степанычемъ.

Услыхавъ нѣсколько разъ свою вличку, „Кудый“ потянулся, открывая глаза, лѣниво поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, выходя изъ темнаго угла поближе къ свѣту и, какъ смысленный, понимающій дисциплину, песъ, при видѣ незнакомаго человѣка въ офицерской формѣ, почтительно вильнулъ нѣсколько разъ своимъ обрубокѣмъ.

— Фуй, какая отвратительная собака! — брезгливо прощѣдилъ баронъ, видая взглядъ, полный презрѣнія, на невзрачную и неуклюжую большую дворнягу, съ жесткой, всклокоченной рыжей шерстью, обгрызанными, стоящими торчкомъ, ушами и широкой мордой, мѣстами покрытой плѣшинами, словно изъѣденной молью.

Только необыкновенно умные и добрые глаза „Кудаго“, пристально оглядывавшіе барона, нѣсколько скрашивали его уродливую наружность. Но этихъ глазъ баронъ вѣрно не замѣтилъ.

— Чтобъ я не встрѣчалъ никогда этой мерзкой собаки! — проговорилъ баронъ.

И съ этими словами онъ повернулся и поднялся на верхъ, сопровождаемый удрученнымъ и нахмурившимся боцманомъ.

Поджавъ свой обрубокъ — слѣды злой шутки одного кронштадтскаго повара — „Кудый“ побрелъ, прихрамывая на одну, давно сломанную, переднюю лапу въ свой темный уголокъ, чуя, надо думать, что не имѣлъ счастья понравиться этому долговязому человѣку съ рыжими баками и съ злымъ взглядомъ, который не предвѣщалъ ничего хорошаго.

Одинъ матросъ, слышавшій слова старшаго офицера, ласково потрепалъ общаго корветскаго любимца, который въ отвѣтъ благодарно вылизывалъ шаршавую матросскую руку.

II.

Испытывая чувство тоскливаго угнетенія, обычное въ простомъ русскомъ человѣкѣ, котораго донимають нотаціями и „жалкими“ словами, боцманъ еще цѣлую четверть часа, если не болѣе, выслушивалъ, стоя на вытяжкѣ въ каютѣ барона и теребя въ нетерпѣніи фуражку, его длинныя, обстоятельныя и монотонныя наставленія о томъ, какіе отнынѣ будутъ

порядки на корветѣ, чего онъ будетъ требовать отъ боцмановъ и унтеръ-офицеровъ, какъ должны вести себя матросы, что такое, по понятіямъ барона, настоящая дисциплина, и какъ онъ будетъ безпощадно взыскивать за пьянство на берегу.

Отпущенный, наконецъ, изъ каюты съ напутствіемъ „хорошо запомнить все, что сказано, и передать кому слѣдуетъ“, боцманъ радостно вздохнулъ и, весь красный, словно послѣ бани, выскочилъ на верхъ и пошелъ на бакъ выеурить поскорѣй трубочку махорки.

Тамъ его тотчасъ же обступили почти всѣ представители бакевой аристократіи: фельдшеръ, баталеръ, подшкиперъ, машинистъ, два писаря и нѣсколько унтеръ-офицеровъ.

— Ну, что, Акимъ Захарычъ, каковъ старшій офицеръ? Какъ онъ вамъ показался?—спрашивали боцмана со всѣхъ сторонъ.

Боцманъ въ отвѣтъ только безнадежно махнулъ своей волосатой, красной и жилистой рукой и сердито сплонулъ за бортъ.

И этотъ жестъ, и энергичный плевокъ, и раздраженное выраженіе загорѣлаго, краснобураго лица боцмана, опухеннаго черными, съ просѣдью, бакенбардами, съ красносизымъ, похожимъ на картофелину, носомъ и съ нахмуренными бровями, словомъ все, казалось, говорило: „Дескать, лучше и не спрашивайте!“

— Сердитый?—спросилъ кто-то.

Но боцманъ не тотчасъ отвѣтилъ. Онъ сдѣлалъ сперва двѣ, три отчаянныя затяжки, сплонулъ опять и, значительно оглядѣвъ всѣхъ своихъ слушателей, жаждавшихъ услышать оцѣнку такого умнаго и авторитетнаго человѣка, — наконецъ, выпалилъ, нѣсколько понижая, однако, свой зычный голосъ, стяжавшій горлу боцмана репутацію „мѣдной глотки“:

— Прямо сказать: чума турецкая!

Столь убѣжденная и рѣшительная оцѣнка произвела на присутствующихъ весьма сильное впечатлѣніе. Еще бы! Послѣ двухлѣтняго плаванія съ старшимъ офицеромъ, который, по выраженію матросовъ, былъ „доберъ“ и „жалѣлъ“ людей, не обременяя ихъ непосильными работами и ученіями, дрался рѣдко—и то съ пыла, а не отъ жестокости — и снисходительно относился къ матросской слабости— „нахлестаться“

на берегу,—имѣть дѣло съ „чумой“ показалось очень непривлекательнымъ. Не мудрено, что всѣ лица внезапно сдѣлались серьезными и задумчивыми.

Съ минуту длилось сосредоточенное и напряженное молчаніе.

— Въ какихъ, однако, смыслахъ *онъ* чума, Авимъ Захарычъ?—заговорилъ молодой, курчавый фельдшеръ, которому, по его должности, предстояло менѣе другихъ опасности имѣть столкновения съ старшимъ офицеромъ. Знай себѣ доктора да лазаретъ, и шабашъ!

— Во всякихъ смыслахъ, братецъ ты мой, чума! То-есть, вовсе нудный человѣкъ. Зудить, какъ пила, и никакой не даетъ тебѣ передышки, нѣмчура долговязая! Сейчас вотъ въ каютѣ донималъ. Глядитъ это на меня рыбьимъ глазомъ, а самъ: зу-зу-зу, зу-зу-зу,—передразнилъ барона боцманъ.—Я, говоритъ, васъ всѣхъ подтяну. У меня, говоритъ, новые порядки стануть. Я, говоритъ, за береговое пьянство буду взымать во всей строгости... одно слово, зудилъ безъ конца... Совсѣмъ въ тоску привелъ.

— Унтерцеръ, что вчерась на катерѣ съ „Голубя“ привезъ новаго старшаго офицера, тоже его не хвалилъ. Сказывалъ, что карактерный и упрямый и всѣхъ на влиперѣ разговоромъ нудилъ, — вставилъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ...—На „Голубѣ“ всѣ рады, что онъ ушелъ, потому приставлялъ, ровно смола... А драться, сказывали, не дерется и не поретъ, но только наказываетъ по своему: на ванты босыми ногами ставитъ, на ноки на высидку посылаетъ. Сказывалъ—очень придирчивъ и много о себѣ полагаетъ этотъ самый... какъ его по фамиліи?..

— Берниковъ, что-ли,—отвѣтилъ боцманъ, передѣлывая нѣмецкую фамилію на русскій ладъ.—Изъ нѣмецкихъ бароновъ. А о себѣ онъ вовсе напрасно полагаетъ, потому полагать-то ему нечего!—авторитетно прибавилъ боцманъ.

— А что?

— А то, что въ немъ большого разсудка не замѣтно. Это по всѣмъ его словамъ оказывается. И на понятіе тугъ. Давече, я вамъ скажу, не могъ взять въ домекъ, что „Кудный“ конвертская собака... Какая, говоритъ, конвертская? Непремѣнно ему хозяина подавай...

— Изъ-за чего у васъ о собакѣ-то разговоръ вышелъ?— спросилъ кто-то.

— А вотъ поди-жъ ты! Не понравился ему нашъ „Куцый“, и шабашъ! Нельзя, говорить, на суднѣ держать собаку. И грозился, что прикажетъ выкинуть „Куцаго“ за бортъ, если онъ нагадитъ на палубѣ... И, чтобы я, говорить, его не встрѣчалъ!

— И что ему „Куцый“? Мѣшаетъ, что-ли?

— То-то все ему мѣшаетъ, анаемѣ. И животную безсловесную и тую притѣснилъ... Да, братцы, послалъ намъ Господь цапу, нечего сказать. Другое житье пойдетъ. Не разъ вспомнимъ Степанъ Степаныча, дай Богъ ему, голубчику, здоровья!—промолвилъ боцманъ и, выбивъ трубочку, опустилъ ее въ карманъ своихъ штановъ.

— Капитанъ-то нашъ ему большого хода не дастъ, я такъ полагаю,—замѣтилъ молодой фельдшеръ.— Не допустить очень-то безобразничать. Шалишь, братъ! Не тѣ нынче права... Вотъ теперъ мужикамъ волю даютъ, и всѣмъ права будутъ, чтобы по закону...

— Не досмотрѣть-то всего капитану. Главная причина, что старшій офицеръ ближе всего до насъ касается!—возразилъ боцманъ.

— Можно и до капитана дойти, въ случаѣ чего. „Такъ, молъ и такъ!“—хорохорился фельдшеръ.

— Притокъ больно! А ты разсуди, что и капитану, стало быть, быдто зазорно противъ своего же брата идти и срамить его, скажемъ, изъ-за какого-нибудь унтерцера. Въ этомъ самая загвоздка и есть! Нѣтъ, братецъ ты мой, по одиночкѣ жаловаться не порядокъ, только зря начальство разстроишь, а толку не будетъ—тебѣ же попадетъ! Въ старину бывала другая правила!—прибавилъ боцманъ, строго охранявшій прежнія традиціи, такъ сказать, обычнаго матросскаго права.

— Какая, Акимъ Захарычъ?

— А такая, что ежели, примѣрно, безо всякаго, можно сказать, разсудка изматывали нашего брата, матроса, и во все уже не ставало терпѣнія, значить, отъ тиранства, тогда команда шла на отчаянность: выстроится, какъ слѣдуетъ, во фронтъ и черезъ боцмановъ объявить командиру претензію.

— И что-жь, выходилъ толкъ?

— Глядя по человѣку. Иной, вмѣсто разборки, велить перепороть половину команды, ну а другой выслушаетъ и разсудить по совѣсти. Помню, разъ мы на смотру— я еще тогда первый годъ служилъ—въ 1848 году объявили мы адмиралу Чаплыгину претензію на командира Занозова—форменный звѣрь былъ!—такъ, вмѣсто разборки дѣла, у насъ на кораблѣ, братецъ ты мой, цѣлый день порка была... Такъ стоялъ и стоялъ, и мнѣ сто линьковъ всыпали—вотъ тебѣ и вся претензія! Опять же въ другой разъ тоже объявили мы претензію капитану Чулкову—теперь онъ въ адмиралы вышелъ—на старшаго офицера. Такъ совсѣмъ другой оборотъ. Выслушалъ это Чулковъ, насупимшись, грозный такой, однако, обѣщаль по формѣ разсудить...

— Ну и что же? Разсудилъ?

— Разсудилъ. Черезъ недѣлю старшій офицеръ списался съ фрегата, будто по болѣзни, и мы вздохнули... И ничего намъ не было... Вотъ, братецъ ты мой, какія дѣла бывали... Известно, шли на фартъ...

— Ну, нашъ командиръ, не бойсь, не дастъ команды въ обиду!

— На капитана одна и надежда, а все-таки не доглядѣть ему за всѣмъ. Зазудить насъ „долговязая нѣмца!“

Еще нѣсколько времени продолжались толки о новомъ старшемъ офицерѣ. Всѣ рѣшили, пока что, ждать поступковъ. Можетъ, онъ и испугается капитана и не станетъ мѣнять порядковъ, заведенныхъ Степанъ Степанычемъ. Эти соображенія нѣсколько успокоили собравшихся. И тогда молодой писарекъ изъ кантонистовъ, отчаянный франтъ, съ аметистовымъ перстенькомъ на мизинцѣ, спросилъ:

— А какъ же теперь насчетъ берега будетъ, Акимъ Захарычъ? Отпустить онъ насъ на Сингапуръ посмотрѣть?

— Объ этомъ разговоръ не было.

— Такъ вы доложили бы старшему офицеру, Акимъ Захарычъ.

— Уждо доложу.

— Всякому лестно, я думаю, погулять на берегу. Здѣсь, говорятъ, въ Сингапурѣ очень даже любопытно... И насчетъ красоты природы, и насчетъ ресторантовъ... И лавки, говорятъ,

хорошія... Ужъ вы доложите, Авимъ Захарычъ, а то неизвѣстно еще, сколько престоимъ, того и гляди безъ удовольствія останемся.

Въ эту минуту на бакъ со всѣхъ ногъ прибѣжалъ молодой вѣстовой Ошурковъ и сказалъ боцману:

— Авимъ Захарычъ! Васъ старшій офицеръ требуетъ.

— Что ему еще?

— Не могу знать. У себя въ каютѣ сидитъ и какія-то бумаги перебираетъ...

— Опять зудитъ начнетъ! Эка...

И, выпустивъ звучную ругань, боцманъ побѣжалъ къ старшему офицеру.

— А ты у новаго старшаго офицера остаешься, Ванъ, вѣстовымъ?—спрашивали на бакѣ у Ошуркова.

— То-то остаюсь. Ничего не подѣлаешь... Придется съ имъ терпѣть... По всему видно, что занову мнѣ Богъ послалъ замѣсто Степанъ Степаныча. Ужъ онъ мнѣ зудилъ насчетъ евойныхъ, значить, порядеовъ... Чтобы, говорить, какъ машина, все сполнялъ!

III.

Ненависть новаго старшаго офицера къ „Куцому“ и его угроза выбросить матросскую собаку за бортъ были встрѣчены общимъ глухимъ ропотомъ команды. Всѣ, казалось, удивлялись этой бессмысленной жестокости—лишить матросовъ ихъ любимца, который въ теченіи двухъ лѣтъ плаванія доставлялъ имъ столько развлеченій среди однообразія и скуки судовой жизни и былъ такимъ добрымъ, ласковымъ и благодарнымъ псомъ, платившимъ искренней привязанностью за доброе къ нему отношеніе людей, которое онъ, наконецъ, нашелъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бродяжнической и полной невзгодъ жизни на улицахъ Кронштадта.

Смышленный и переимчивый, быстро усвоивавшій разные предметы матросскаго преподаванія, какихъ только штукъ не продѣлывалъ этотъ смѣшной и некрасивый „Куцый“, вызывая общій смѣхъ матросовъ и удивляя ихъ своей, дѣйствительно необыкновенной, понятливостью! И сколько удовольствія и утѣхи доставлялъ онъ нетребовательнымъ морякамъ, заставляя ихъ хоть на время забывать и тяжелую морскую жизнь на

длинныхъ океанскихъ переходахъ, и долгую разлуку съ родиной! Онъ ходилъ на заднихъ лапахъ съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ на своей умной мордѣ, носилъ поноску, лазилъ на ванты и стоялъ тамъ, пока ему не кричали: „Съ марсовъ долой!“, сердито скалилъ зубы и ворчалъ, если его спрашивали: „Куцый! Хочешь, братъ, линьковъ?“ и, напротивъ, строилъ радостную гримасу, виляя весело своимъ обрубокѣмъ, когда ему говорили: „Хочешь на берегъ?“ Когда раздавался свистокъ и вслѣдъ затѣмъ окрикъ боцмана: „Пошелъ всѣ наверхъ“, „Куцый“ вмѣстѣ съ подвахтенными летѣлъ стремглавъ на верхъ, какава бы ни была погода, и дожидался на бабѣ, пока не свистали: „подвахтенныхъ внизъ!“ А во время шторма онъ почти всегда бывалъ на верху и развлекалъ вахтенныхъ во время ихъ тяжелыхъ вахтъ. Когда свистали къ водѣ, „Куцый“ вмѣстѣ съ матросами присутствовалъ при раздачѣ и затѣмъ во время обѣда обходилъ на заднихъ лапахъ сидящихъ по артелямъ матросовъ, отовсюду получая щедрыя подачки, и весело брехалъ въ знавь благодарности.

Послѣ обѣда, когда подвахтенные отдыхали, „Куцый“ неизмѣнно ложился у ногъ Кочнева, пожилого и угрюмаго баковаго матроса, горькаго пьяницы, къ которому питалъ необыкновенно нѣжныя чувства и выказывалъ трогательную преданность. Онъ глядѣлъ матросу, что называется, въ глаза и всегда почти вертѣлся около него, видимо несказанно довольный, когда Кочневъ погладитъ его. Во время ночныхъ вахтъ „Куцый“ обязательно бывалъ при Кочневѣ, и когда тотъ сидѣлъ на носу, на часахъ, обязанный „смотреть впередъ“, Куцый нерѣдко исполнялъ, вмѣсто своего пріятеля, обязанности часового. Онъ добросовѣстно мокъ подъ дождемъ, продуваемый часеквозъ свѣжимъ вѣтромъ и, настороживъ изгрызанныя уши, зорко всматривался впередъ, въ темноту ночи, предоставляя матросу, закутанному въ дождевикъ и согрѣтому шерстью собаки, слегка вздремнуть, поклевывая носомъ. Завидѣвъ огонь встречнаго судна или внезапно выросшій силуэтъ „кунца“, не носящаго по безопасности, огней, „Куцый“ громко лаялъ и будилъ задремавшаго часового. На берегъ „Куцый“ всегда стѣзжалъ съ Кочневымъ, шелъ съ нимъ до ближайшаго кабака и, отлучившись на часокъ, чтобъ взглянуть на береговыхъ собакъ, возвращался, иногда изгрызанный, къ своему

другу и уже не выпускалъ его изъ глазъ. Онъ внимательно и съ видимымъ сочувствіемъ слушалъ пьяные монологи матроса, подавалъ реплики вилянемъ обрубка или ласковымъ визгомъ, если пьяный Кочневъ велъ съ нимъ бесѣду на какія-нибудь, должно быть, невеселыя темы, и сторожилъ матроса, когда тотъ валялся на улицѣ въ безчувственномъ состояніи, пока не подходили товарищи и не подбирали его. Однимъ словомъ, „Кудый“ выказывалъ истинно собачью привязанность къ тому человѣку, который доставилъ ему, гонимому бродягѣ, каждое утро рисковавшему попасть на арканъ фурманщигу, спокойный пріютъ на корветѣ и сытую, пріятную жизнь среди добрыхъ людей, выразившихъ бродягѣ съ перваго же его появленія на корветѣ самое милое и любезное вниманіе, котораго онъ ужъ давно не видалъ.

Въ свою очередь и угрюмый, мало общительный матросъ былъ сильно привязанъ къ своему найденышу, оказавшему такія блистательныя способности, не говоря уже о прекрасныхъ нравственныхъ качествахъ, и, кажется, только съ нимъ однимъ и велъ подъ пьяную руку длинныя интимныя бесѣды. Онъ рассказывалъ „Кудому“ о томъ, какъ онъ неправильно, изъ-за одного „подлаго человѣка“, былъ сданъ въ матросы, и о своей женѣ, которая живетъ вродѣ быдто „форменной барыни“, и о дочери, которая и знать его не хочетъ... И „Кудый“, казалось, понималъ, что этотъ угрюмый матросъ, пившій джинъ стаганчикъ за стаганчикомъ въ какомъ-нибудь иностранномъ кабацкѣ, рассказываетъ невеселыя вещи.

Знакомство съ „Кудымъ“ произошло совершенно случайно. Это было въ Кронштадтѣ въ одинъ ненастный и холодный воскресный день, послѣ обѣда, дня за три до отхода „Могучаго“ въ кругосвѣтное плаваніе. Порядочно „треснувши“ и выписывая ногами самые затѣйливыя вензеля, Кочневъ возвращался изъ кабака на корветъ, стоявшій въ военной гавани, какъ гдѣ-то въ переулкѣ замѣтилъ собаку, угрюмо прижавшуюся къ водосточной трубѣ и вздрагивающую отъ холода. Жалкій видъ этой намокнушей, съ выдающимися ребрами, видимо безпріютной собаки, и притомъ самой неказистой наружности, обличавшей бродягу, тронулъ пьяненькаго матроса.

— Ты, братъ, чей будешь?.. Видно бездомный песъ, а?—

проговорилъ онъ заплетающимся языкомъ, останавливаясь около собаки.

Собака подозрительно взглянула своими умными глазами на матроса, точно соображая: дать ли ей немедленно тягу или выждать, не уйдетъ ли этотъ человѣкъ. Но нѣсколько дальнѣйшихъ словъ, произнесенныхъ ласковымъ тономъ, видимо успокоили ее на счетъ его недобрыхъ намѣреній, и она жалобно завyla. Матросъ подошелъ еще ближе и погладилъ ее; она лизнула ему руку, видимо тронутая лаской, и завyla еще сильнѣй.

Тогда Кочневъ сталъ шарить у себя въ карманахъ. Этотъ жестъ возбудилъ въ собакѣ жадное вниманіе.

— Голоденъ, не бойся, бѣдный!—говорилъ матросъ.—А ты потерпи... Вотъ и нашель, на твое счастье!—прибавилъ онъ, вынимая, наконецъ, изъ штановъ мѣдную монетку.

Онъ зашелъ въ мелочную лавочку и черезъ минуту бросилъ собакѣ куски чернаго хлѣба и отрѣзки рубцовъ, купленные имъ на свои непропитыя еще двѣ копейки.

Собака съ алчностью бросилась на пищу и въ нѣсколько секундъ сожрала все и снова вопросительно смотрѣла на матроса.

— Ну, валимъ, на конвертъ... Тамъ тебя накормятъ до отвалу, коли ты такой голодный... Матросы—добрые ребята... Не бойся! И переночуешь на конвертъ, а то что за радость мокнуть на дождѣ... Идемъ, собака!

Онъ ласково свиснулъ. Собака двинулась за нимъ и не безъ нѣкотораго смущенія вошла по сходнямъ на корветъ и вслѣдъ за матросомъ очутилась на багѣ среди толпы людей, испуганная и будто сконфуженная своимъ непривлекательнымъ видомъ.

— Бродягу, братцы, нашель!—проговорилъ Кочневъ, уезывая на собаку.

Несчастный ея видъ возбудилъ жалость въ матросахъ. Ее стали гладить и повели внизъ кормить. Скоро она, наѣвшись до отвала, заснула, недалеко отъ камбуза (кухни) и, не вѣря своему счастью, часто тревожно просыпалась во снѣ.

На утро, разбуженная чистой верхней палубы, собака испуганно озиралась, но Кочневъ значительно успокоилъ ее,

поставивъ передъ ней чашку съ жидкой кашею, которой завтракали матросы.

Спустя нѣсколько времени, когда палуба была вымыта, Кочневъ вывелъ ее на верхъ, на бакъ, и предложилъ матросамъ оставить ее на корветѣ.

— Пуцай плаваетъ съ нами.

Предложеніе было принято съ полнымъ сочувствіемъ. Обратились къ боцману съ просьбой испросить разрѣшенія старшаго офицера, и когда разрѣшеніе было получено, на бакѣ поднялся вопросъ, какую дать этому псу кличку.

Всѣ посматривали на весьма неказистую собаку, которая, въ отвѣтъ на ласковые взгляды, повиливала обрубкомъ хвоста и благодарно лизала руки матросовъ, которые гладили ее.

— Окромѣ какъ „Куцымъ“ никакъ его не назвать!— предложилъ кто-то.

Кличка понравилась. И съ той же минуты „Куцый“ былъ принятъ въ число экипажа „Могучаго“.

Первоначальнымъ воспитаніемъ его занялся Кочневъ и выказалъ блестящія педагогическія способности. Черезъ недѣлю уже „Куцый“ понялъ неприкосновенность сверкавшей бѣлизной палубы и строгость моряковъ относительно чистоты, и сдѣлался исправной собакой. Въ первую же трепку въ Балтійскомъ морѣ онъ обнаружилъ и свои морскія качества. Его нисколько не укачивало, онъ ѣлъ съ такимъ же аппетитомъ, какъ и въ тихую погоду—и не выказывалъ ни малѣйшаго малодушія при видѣ громадныхъ волнъ, разбивающихся о бока корвета. Вскорѣ смысленный и ласковый „Куцый“ сдѣлался общимъ любимцемъ и забавлялъ матросовъ своими штуками.

И такого-то славнаго пса грозили выкинуть за бортъ!

Вѣсть объ этомъ взволновала едва ли не болѣе всѣхъ Кочнева, и онъ рѣшилъ принять всѣ мѣры, чтобы этотъ „долговязый дьяволъ“ не встрѣчалъ „Куцаго“. И въ тотъ же день, когда „Куцый“ съ веселымъ беззаботнымъ видомъ выскочилъ на верхъ, какъ только-что просвистали къ водкѣ, Кочневъ отвелъ его внизъ и, указавъ мѣсто въ самомъ темномъ уголкѣ кубрика, проговорилъ:

— Сиди, „Куцый“, здѣсь смирно, а то бѣда! Ужо я принесу тебѣ пообѣдать!

IV.

Прошелъ мѣсяцъ.

За это время матросы достаточно присмотрѣлись къ новому старшему офицеру и не влюбились его. Онъ, правда, до сихъ поръ никого не наказалъ линьками, никого не ударилъ и вообще не обнаруживалъ жестокости, и тѣмъ не менѣе барона ненавидѣли за его придирчивость, мелочность, за то, что онъ приставалъ „какъ смола“, „зудилъ“ провинившагося въ чемъ-нибудь матроса безъ конца и затѣмъ навазывалъ самымъ чувствительнымъ образомъ: оставлялъ виновнаго „безъ берега“, лишая, такимъ образомъ, матроса единственнаго удовольствія дальнихъ плаваній. А то ставилъ на ванты или посылалъ на „высидеу“ на ноев *), и—что казалось матросамъ еще обиднѣе—оставлялъ безъ чарки водки, столь любимой моряками.

Барона ненавидѣли и боялись и за эти наказанія, и за его безсердечный педантизмъ, не оставлявшій безъ вниманія ни малѣйшаго проступка, ни малѣйшаго отступленія отъ описанія судовой жизни. Всѣ чувствовали надъ собой гнетъ какой-то бездушной, упрямой машины и, главное, понимали, что въ душѣ баронъ презираетъ матроса и смотритъ на него исключительно какъ на рабочую силу. Никогда ни добраго слова, ни шутки! Всегда одинъ и тотъ же ровный и спокойный, скрипучій голосъ, въ которомъ чуткое ухо слышало высокомѣрно-презрительную нотку. Всегда этотъ жесткій взглядъ голубыхъ безстрастныхъ глазъ.

Не пользовался онъ и уваженіемъ, какъ морякъ. На бакѣ, этомъ матросскомъ клубѣ, гдѣ даются мѣткія оцѣнки офицерамъ, находили, что онъ далеко не „орелъ“, какимъ былъ Степанъ Степанычъ, а мокрая курица, выказавшая трусость во время шторма, прихватившаго корветъ по выходѣ изъ Сингапура. И дѣло онъ, по мнѣнію старыхъ матросовъ, понималъ не до тонкости, хотя и всюду совалъ свой носъ. И „башковатости“ въ немъ было немного, а только одно упрямство. Однимъ словомъ, барона терпѣть не могли и ипаче не звали, какъ „чортовой зудой“. Всякій опасался его наставленій, словно чумы.

*) Ноев—оконечность реи.

Въ началѣ баронъ вздумалъ, было, измѣнить порядки на корветѣ и, вмѣсто прежнихъ недолгихъ ежедневныхъ ученій, сталъ „закатывать“ ученія часа по три подрядъ, утомляя матросовъ, и безъ того утомленныхъ шестичасовыми вахтами на ходу. Но, спасибо капитану, онъ скоро умѣрилъ усердіе старшаго офицера.

И объ этомъ юркій капитанскій вѣстовой Егорка рассказывалъ на бакѣ такъ:

— Призвалъ онъ этто, братцы, „чортову Зуду“ къ себѣ и говоритъ: „Вы, говоритъ, Карла Фернандычъ, напрасно новые порядки заводите и людей здря мучаете ученіями. Пусть, говоритъ, по старому остается“.

— Что жъ на это „Зуда?“

— Покраснѣлъ весь, ровно какъ варенный, зуда проясняя, и въ отвѣтъ: „Слушаю-сь, говоритъ, но только я полагаю, что какъ для пользы службы...“ — „Извините, господинъ баронъ,—это ему капитанъ въ перебой,—я, говоритъ, и безъ васъ понимаю, какая, говоритъ, польза службы есть... И польза, говоритъ, службы требуетъ, чтобы матросовъ здря не нудили. Ему, говоритъ, матросу и безъ ученьевъ есть дѣла много, вахту справлять, и у насъ, говоритъ, матросы лихо работаютъ и молодцы, говоритъ... Такъ ужъ вы о пользѣ службъ не извольте очинно беспокоиться... а затѣмъ, говоритъ, я больше ничего не желаю вамъ сказать...“ Такъ, чортъ долговязый, и ушелъ ошпаренный! — заключилъ Егорка къ общему удовольствію собравшихся матросовъ.

Вообще, баронъ фонъ-дерь-Берингъ пришелся какъ-то „не ко двору“, со своими новыми порядками и взглядами на дисциплину. Въ каютъ-компаніи новаго старшаго офицера тоже не взлюбили, особенно молодежь, вся пропитанная новыми вѣяніями шестидесятыхъ годовъ и жаждавшая приложить ихъ къ дѣлу гуманнымъ обращеніемъ съ матросами. Чѣмъ-то старымъ, архаическимъ вѣяло отъ взглядовъ барона, завятаго крѣпостника и консерватора. Безусловно честный и убѣжденный, не скрывавшій своихъ, какъ онъ говорилъ, „священныхъ принциповъ“, всегда нѣсколько напыщенный и самолюбивый, прилизанный и до тошноты аккуратный, баронъ возбуждалъ непріязнь въ веселыхъ молодыхъ офицерахъ, которые считали его ограниченнымъ, тупымъ пе-

дантомъ и сухимъ человѣкомъ, мнившимъ себя непогрѣшимымъ и глядѣвшимъ на всѣхъ съ высоты своего курляндскаго баронства. Не нравился онъ и „паріямъ“ флотской службы: штурману, артиллеристу и механику. И безъ того обидчивые и мнительные, они отлично чувствовали въ его изысканновѣжливомъ обращеніи снисходительное презрѣніе завятаго барона, сознающаго свое превосходство.

Не пришелся по вкусу новый старшій офицеръ и капитану. Онъ не очень-то былъ благодаренъ адмиралу, наградившему его такой „нѣмецкой колбасой“, и не догадывался, конечно, что хитрый адмиралъ нарочно назначилъ барона, старшимъ офицеромъ именно къ нему, на „Могучій“, увѣренный, что командиръ „Могучаго“ скоро „сплавить“ барона, и адмиралъ, такимъ образомъ, умоетъ руки и отошлетъ его съ эскадры въ Россію.

Въ каютѣ-компаніи почти никто не разговаривалъ съ барономъ, исключая служебныхъ дѣлъ, и онъ былъ казимъ-то чужимъ въ дружной семьѣ офицеровъ „Могучаго“. Только мичмана подчасъ не отказывали себѣ въ удовольствіи подразнить барона, громя вѣрнопостниковъ и консерваторовъ, не понимающихъ значенія великихъ реформъ, и расхваливая, въ присутствіи барона, Степана Степановича. „Вотъ-то пріятно было съ нимъ служить. Вотъ-то знающій и дѣльный старшій офицеръ и добрый товарищъ. И какъ его любили матросы, и какъ онъ самъ понималъ матроса и любилъ его! И какъ они для него старались“.

— Его даже и „Куцый“ любилъ!—восклицалъ курчавый бѣлокурый мичманъ Кошутичъ, особенно любившій „травить“ эту „нѣмецкую аристократическую дубину“. — А „Кудаго“ что-то не видать нынче на верху, господа... Прячется, бѣдная собака. Что бы это значило, а? — прибавлялъ нарочно мичманъ, знавшій объ угрозѣ старшаго офицера.

Баронъ только надувался, словно индюкъ, не обращая, повидимому, никакого вниманія на всѣ эти шпильки, и съ тупымъ упрямствомъ ограниченнаго человѣка не измѣнялъ своего поведенія и какъ будто игнорировалъ общую къ себѣ нелюбовь.

Въ теченіи этого мѣсяца „Куцый“ дѣйствительно не показывался на глаза старшаго офицера, хотъ самъ и увидалъ его еще разъ издали, причемъ Кочневъ, указавши на ба-

рона, проговорилъ: „Берегись его, „Куцый!“ такимъ страшнымъ голосомъ, что „Куцый“ присѣлъ на заднія лапы. Прежняя привольная жизнь „Куцаго“ измѣнилась. По утрамъ, во время обычныхъ обходовъ старшаго офицера, „Куцый“ скрывался гдѣ-нибудь въ уголкѣ трюма или вочегарной, указанномъ ему Кочневымъ, который не мало употребилъ усилий, чтобъ приучить собаку сидѣть, не шелохнувшись, въ темномъ уголкѣ. И во время авраловъ ужъ „Куцый“ не выбѣгалъ на верхъ. Благодаря урокамъ своего наставника, довольно было проговорить: „Зуда идетъ!“, чтобы „Куцый“, поджавъ свой обрубокъ, стремительно улепетывалъ внизъ и забивался куда-нибудь въ самое сокровенное мѣстечко, откуда выходилъ только тогда, когда раздавался въ люкъ успокоительный свистъ какого-нибудь матроса. На верхнюю палубу „Куцаго“ выводили матросы въ то время, когда баронъ обѣдалъ или спалъ, и въ эти часы забавлялись, по прежнему, забавными штуками умной собаки. „Не бойся „Куцый“, — успокоивали его матросы, — „Зуды нѣтъ“. И матросы, оберегая своего любимца, ставили часовыхъ, когда „Куцый“, бывало, давалъ свои представленія на бакѣ. Только по ночамъ, особенно по темнымъ безлуннымъ тропическимъ ночамъ, выспавшійся за день „Куцый“ свободно разгуливалъ по баку и дружелюбно вертѣлся около матросовъ, но уже не дежурилъ съ Кочневымъ на часахъ, не смотрѣлъ впередъ и не лаялъ, какъ прежде, при видѣ огонька. Кочневъ его не бралъ съ собою, оберегая своего фаворита отъ гнѣва „чертовой Зуды“, которую угрюмый матросъ ненавидѣлъ, казалось, больше, чѣмъ другіе.

Но не смотря на всѣ эти предосторожности, надъ бѣднымъ „Куцымъ“ въ скоромъ времени разразилась гроза.

V.

Былъ знойный палящій день въ Китайскомъ морѣ. На голубомъ небѣ — ни облачка, и на морѣ стоялъ мертвый штиль. Еще съ разсвѣта наступило безвѣтріе, паруса лѣниво повисли, и капитанъ приказалъ развести пары. Скоро загудѣли пары, и „Могучій“, убравъ паруса, пошелъ полнымъ ходомъ, взявши курсъ на Нагасаки.

Старшій офицеръ, особенно заботившійся о томъ, чтобы „Могучій“ пришелъ въ Нагасаки, гдѣ адмиралъ назначилъ

„рандеву“, въ щегольскомъ видѣ, уже въ третій разъ обходилъ сегодня корветъ, придираясь ко всѣмъ и донимая всѣхъ своими нотаціями. Онъ видимо былъ не въ духѣ, хотя все было въ идеальномъ порядкѣ, все наверху горѣло и сіяло подъ блестящими лучами ослѣпительнаго, жгучаго солнца, повисшаго, словно раскаленный шаръ, надъ заштильвшимся моремъ. Баронъ только-что имѣлъ снова не особенно пріятное объясненіе съ капитаномъ и считалъ себя нѣсколько обиженнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ его предложенія, направленные, какъ онъ былъ увѣренъ, къ пользѣ службы, систематически отвергались этимъ „безхарактернымъ человѣкомъ“, какъ презрительно называлъ баронъ капитана, и отношенія ихъ съ каждымъ днемъ все дѣлались суше и суше. Вдобавокъ и эти мичмана то и дѣло подпускали ему всякія шпильки, но такъ, что не было никакой возможности сдѣлать имъ замѣчаніе. И баронъ, озлобленный и надутый, высокомерно думалъ о томъ, какъ трудно служить порядочному человѣку съ этими глупыми русскими либералами, не понимающими настоящей дисциплины и готовыми подрывать престижъ власти.

Спустившись въ жилую палубу и занятый своими размышленіями, онъ безъ обычнаго вниманія заглядывалъ во всѣ уголки, приближаясь къ кубрику, какъ вдругъ мимо его ногъ стремглавъ пронесся „Куцый“ и выбѣжалъ на верхъ.

— Мерзкая собака!—проговорилъ баронъ, нѣсколько испуганный неожиданнымъ появленіемъ „Куцаго“ и, остановившись, невольно взглянулъ на мѣсто, по которому тотъ пробѣжалъ.

И въ то же мгновеніе взглядъ барона впился въ одну точку палубы, какъ разъ подъ люкомъ трапа, ведущаго на бакъ, и на лицѣ его появилась брезгливая гримаса.

— Боцмана послать!—крикнулъ баронъ.

Черезъ нѣсколько секундъ явился боцманъ Гордѣевъ.

— Это что такое?—медленно процѣдилъ баронъ, указывая пальцемъ на палубу.

Боцманъ взглянулъ по направленію длиннаго бѣлаго пальца съ перстнемъ и смутился.

— Что это такое, спрашиваю я тебя, Гордѣевъ?

— Сами изволите видѣть, ваше благородіе...

И боцманъ угрюмо назвалъ, что это такое.

Баронъ выдержалъ паузу и сказалъ:

— Ты помнишь, что я тебѣ говорилъ?

— Помню, ваше благородіе!—еще угрюмѣй отвѣчалъ боцманъ.

— Таеъ, чтобы черезъ пять минутъ эта паршивая собака была за бортомъ!

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе, — заговорилъ боцманъ самымъ почтительнымъ тономъ, полнымъ мольбы, — что собака нездорова... И фершалъ ее осматривалъ, говорить: брюхомъ больна, но только скоро на поправку пойдетъ... Въ здоровомъ, значить, видѣ „Куцый“ никогда бы не осмѣлился, ваше благородіе!.. Простите, ваше благородіе „Куцаго!“—промолвилъ боцманъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Гордѣевъ! Я не имѣю привычки повторять приказаній... Мало ли какого вы мнѣ наврете вздора... Черезъ пять минутъ явись ко мнѣ и доложи, что приказаніе мое исполнено... Да выскоблить здѣсь палубу!—прибавилъ баронъ.

Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ.

— У, идолъ!—злбно прошепталъ вслѣдъ барону боцманъ.

Онъ поднялся на верхъ и взволнованно проговорилъ, подходя къ Кочневу, который поджидалъ „Куцаго“, чтобы увести его внизъ.

— Ну, братъ, бѣда... Сейчасъ „Чортова Зуда“ увидалъ внизу, что „Куцый“ нагадилъ, и...

Боцманъ не окончилъ и только угрюмо качнулъ головой.

Кочневъ понялъ, въ чемъ дѣло, и внезапно измѣнился въ лицѣ. Мускулы на немъ дрогнули. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ въ какомъ-то суровомъ, безмолвномъ, отчаяніи.

— Ничего не подѣлаешь съ эстимъ подлецомъ! А ужъ какъ жалко собаки!—прибавилъ боцманъ.

— Захарычъ!.. Захарычъ!—заговорилъ. наконецъ, матросъ умоляющимъ, прерывающимся голосомъ.—Да вѣдь „Куцый“ больной... Рази можно съ больной собаки требовать? Ужъ, значить, вовсе брюхо прихватило, ежели онъ рѣшился на это... Онъ умный... понимаетъ... Никогда съ имъ этого не было... И то сколько разъ выбѣгалъ сегодня на верхъ... Захарычъ, будь отецъ родной!.. Доложи ты этому дьяволу!

— Нешто я ему не докладывалъ? Ужъ какъ просилъ за „Куцаго“. Никакого вниманія. Чтобы, говорить, черезъ пять минутъ „Куцый“ былъ за бортомъ!

— Захарычъ!.. Сходи еще... попроси... Собака, молю, больна...

— Что жъ, я пойду... Только вряд ли... Звѣрь!—промолвилъ боцманъ и пошелъ къ старшему офицеру.

Въ это время „Куцый“, не веселый по случаю болѣзни, осунувшійся, съ мутными глазами, съ сконфуженнымъ видомъ, словно чувствуя свою виновность, подошелъ къ Кочневу и лизнулъ ему руку. Тотъ съ какою-то порывистой ласковостью гладилъ собаку, и угрюмое его лицо свѣтилось необыкновенной нѣжностью.

Черезъ минуту боцманъ вернулся. Мрачный его видъ ясно говорилъ, что попытка его не увѣнчалась успѣхомъ.

— Разжаловать грозилъ!..—промолвилъ сердито боцманъ.

— Братцы!.. — воскликнулъ тогда Кочневъ, обращаясь къ собравшимся на бакѣ матросамъ.—Слышали, что злодѣй выдумалъ? Какія у его такія права, чтобы топить конвертскую собаку? Гдѣ такое положенье?

Лицо угрюмаго матроса было возбуждено. Глаза его сверкали.

Среди матросовъ поднялся ропотъ. Послышались голоса:

— Это онъ надъ нами куражится, Зуда проклятая!

— Не смѣетъ, чума турецкая!

— За что топить животную!

— Такъ вызволимъ, братцы, „Куцаго!“ Дойдемъ до капитана! Онъ доберъ, онъ разсудитъ! Онъ не дозволитъ! — взволнованно и страстно говорилъ угрюмый матросъ, не отпуская отъ себя „Куцаго“, словно бы боясь съ нимъ разлучиться.

— Дойдемъ!—раздались одобрительные голоса.

— Авимъ Захарычъ! Станови насъ во фронтъ, всю команду.

Дѣло начинало принимать серьезный оборотъ. Акимъ Захарычъ озабоченно почесалъ затылокъ.

Въ эту минуту на бакѣ показался молодой мичманъ Кошутичъ, любимецъ матросовъ. При появленіи офицера матросы затихли. Боцманъ обрадовался.

— Вотъ, ваше благородіе,—обратился онъ къ мичману,—старшій офицеръ приказалъ винуть „Куцаго“ за бортъ, и команда этимъ очень обижается. За что безвинно губить собаку? Песъ онъ, какъ вамъ извѣстно, исправный, два года

ходилъ съ нами... И вся его вина, ваше благородіе, что онъ брюхомъ заболѣлъ...

Боцманъ объяснилъ, изъ за чего вышла вся эта „дрягга“, и прибавилъ:

— Ужъ вы не откажите, ваше благородіе, заступитесь за „Куцаго“... Попросите, чтобъ намъ его оставили...

И „Куцый“, точно понимая, что рѣчь о немъ, ласково смотрѣлъ на мичмана и тихо помахивалъ своимъ обрубокъ.

— Вонъ, ваше благородіе, и „Куцый“ васъ просить!

Возмущенный до глубины души, мичманъ общалъ заступиться за „Куцаго“. На бакѣ волненіе улеглось. Въ лицѣ Кочнева свѣтилась надежда.

VI.

— Баронъ,—взволнованно проговорилъ мичманъ, влетая въ каютъ-компанію,—вся команда просить васъ отмѣнить приказаніе на счетъ „Куцаго“ и позволить ему жить на свѣтѣ... За что же, баронъ, лишать матросовъ собаки!.. Да и какое она совершила преступленіе, баронъ?..

— Это не ваше дѣло, мичманъ Кошутичъ,—отвѣтилъ баронъ.—И я прошу васъ не забываться и мнѣнїи своихъ мнѣ не выражать. Собака будетъ за бортомъ!

— Вы думаете?

— Прошу васъ замолчать!—проговорилъ баронъ и поблѣднѣлъ.

— Такъ вы хотите взбунтовать команду, что ли, своей жестокостью!—воскликнулъ мичманъ, полный негодованія.— Ну, это вамъ не удастся. Я иду сейчасъ къ капитану.

И Кошутичъ бросился въ капитанскую каюту.

Всѣ, бывшіе въ каютъ-компаніи, взглянули на старшаго офицера съ видимой неприязненностью. Баронъ блѣдный, съ презрительной улыбкой на губахъ, нервно тербилъ одну бакенбарду.

Минуты черезъ двѣ капитанскій вѣстовой доложилъ барону, что его просить къ себѣ капитанъ.

— Что тамъ за исторія съ собакой, баронъ?—спросилъ капитанъ и какъ-то кисло поморщился.

— Никакой исторіи нѣтъ. Я приказалъ ее выкинуть за бортъ,—холодно отвѣчалъ баронъ.

— За что же?

— Я предупредалъ, что если увижу, что она гадить, я прикажу ее выкинуть за бортъ. Я увидалъ, что она нагадила, и приказалъ ее выкинуть за бортъ. Смѣю полагать, что приказаніе старшаго офицера должно быть исполнено, если только дисциплина во флотѣ дѣйствительно существуетъ!

„О нѣмецкая дубина!“ подумалъ капитанъ, и лицо его еще болѣе сморщилось.

— А я попрошу васъ, баронъ, немедленно отмѣнить ваше распоряженіе и впредь оставить собаку въ покоѣ. Она на корветѣ съ моего разрѣшенія... Мнѣ жаль, что приходится вамъ отмѣнить свое же приказаніе, но нельзя же отдавать подобныя приказанія и безъ всякаго повода раздражать людей...

— Въ такомъ случаѣ, господинъ капитанъ, я имѣю честь просить васъ отмѣнить самому мое приказаніе, а я считаю это для себя невозможнымъ. И кромѣ того...

— Что еще?—сухо спросилъ капитанъ.

— Я боленъ и исполнять обязанностей старшаго офицера не могу.

— Такъ подайте рапортъ... И, быть можетъ, вамъ береговой климатъ будетъ полезнѣе.

Баронъ поклонился и вышелъ.

На другой же день, послѣ прихода въ Нагасаки, баронъ фонъ-дёръ-Берингъ, въ общему удовольствію, списался съ корвета, и на „Могучій“ былъ назначенъ другой старшій офицеръ. Матросы вздохнули.

Съ отъѣздомъ барона „Куцый“ снова зажилъ свободной жизнью и сталъ пользоваться еще бѣльшимъ расположеніемъ матросовъ, такъ какъ, благодаря ему, корветъ избавился отъ „Чортовой Зуды“.

По прежнему „Куцый“ стѣзжалъ на берегъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Кочевымъ и сторожилъ его; по прежнему смотрѣлъ впередъ и забавлялъ матросовъ разными штуками, причемъ при окрикѣ: „Зуда идетъ!“ стремительно улепетывалъ внизъ, но тотчасъ же возвращался, хорошо понимая, что врага его уже нѣтъ на корветѣ.

К. Станюковичъ.

ДѢТСТВО И МОЛОДОСТЬ ЖАНЪ-ЖАКА РУССО.

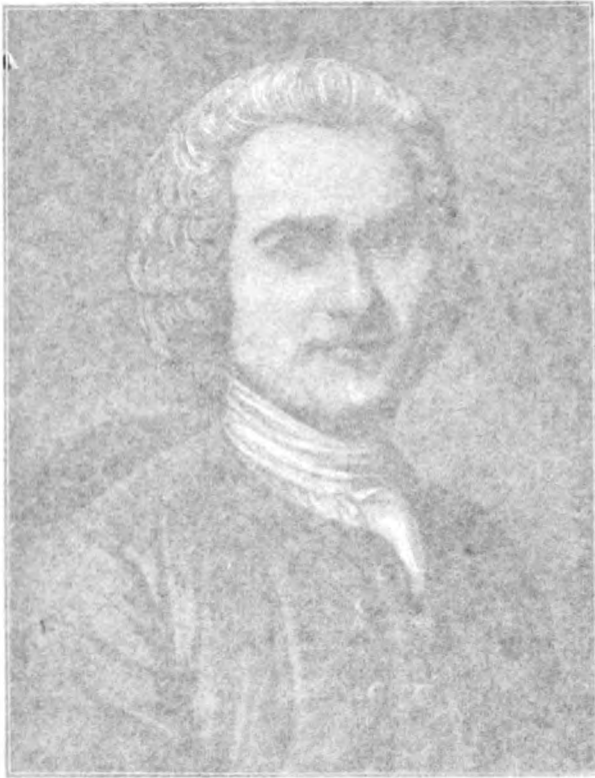
ОТРЫВОКЪ ИЗЪ БІОГРАФІИ.

I.

Историческая фигура Руссо.

Немного именъ найдется во всемірной исторіи, которыя вызывали бы нетерпимо страстное отношеніе къ себѣ одинаково среди современниковъ и среди потомковъ, и вокругъ которыхъ, въ теченіе жизни многихъ поколѣній, скоплялись бы цѣлыя тучи любви и ненависти, поклоненія и злобнаго непримиимаго гоненія... Такія рѣдкія имена носятъ особые избранники человѣчества, отмѣтившіе своими дѣяніями цѣлыя историческія эпохи, давшіе толчокъ и направленіе цѣлымъ могучимъ историческимъ теченіямъ, положившіе основаніе для глубокихъ общественныхъ преобразованій, могущественно повліявшіе на положеніе, интересы, самосознаніе и самочувствіе обширныхъ населеній и многихъ поколѣній!

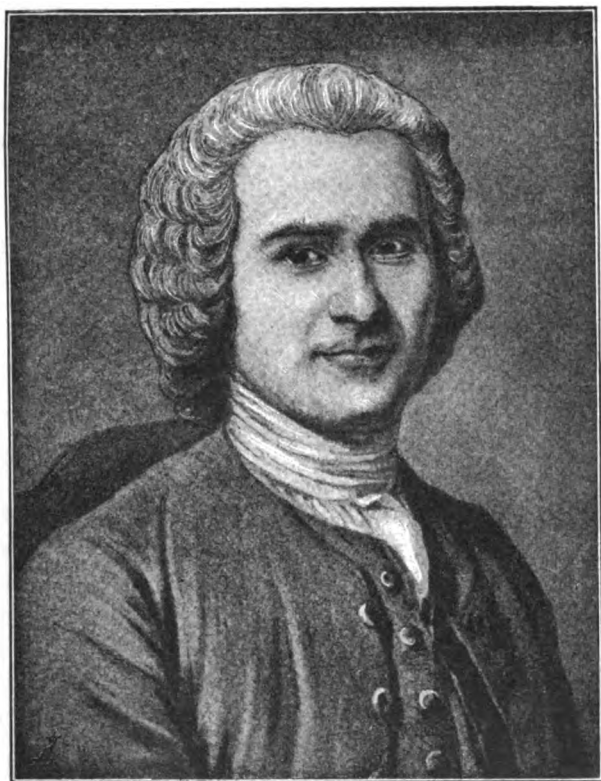
Таковыми могучими личностями являются, однако, большею частью, не *дѣятели* историческіе въ тѣсномъ смыслѣ слова; не тѣ, которые производятъ политическіе и общественные перевороты, какъ бы ни были велики ихъ силы, какъ бы ни были громадны, благотѣльны или пагубны событія, воплотившіяся въ ихъ дѣятельности. Современники ихъ любятъ и ненавидятъ, поклоняются и проклинаятъ, стекаются подъ ихъ знамена и отчаянно борются съ ними... Но съ ихъ кончиною, съ завершеніемъ ихъ исторической эпохи, наступаетъ болѣе спокойный судъ потомства. Для него, для этого потомства, дѣятельность такихъ великихъ людей является любопытною страницей исторіи, страницей, поучительною или возмутительною, отрадною или печальною, достойною подражанія или порицанія. Но дѣятельность эта больше не вызы-

ДѢ

Н
ВЫЗЫ
КОВО
КОТОР
БЫ ЦД
НЕПРИ
ИЗБРА
ЛЫЯ К
ЛЫМЪ
ВАНІЕ
СТВЕНІ
САМОЧ

ТѢ
ЧАСТЬ
НЕ ТѢ
ПЕРЕВ
НИ БЫ
ПЛОТН
И НЕН
ИХЪ З
ЧИНОЮ
БОЛЪЕ
СТВА,
НОЮ С
МУТИ
НІЯ ИЛ

Жанъ-Жакъ Руссо.

ваетъ страстей, не возбуждаетъ ни непримиримой вражды однихъ, ни пылкаго поклоненія другихъ. Исторіей такихъ личностей общественныя партіи, конечно, пользуются въ своихъ интересахъ, каждая по своему, но онѣ пользуются для этого и законами природы, и открытіями науки, и изобрѣтеніями техники... Странно было бы, если бы, на примѣръ, въ настоящее время возбуждали страсти вокругъ себя и своего имени герцога Альба, Вильгельмъ Оранскій, кардиналъ Ришелье, Оливеръ Кромвель, Вашингтонъ, даже Наполеонъ, даже недавно сошедшій со сцены Гарибальди. Для потомства—это изжитые моменты, фигуры прошлаго, очень значительнаго, конечно, но тѣмъ не менѣе прошлаго несоинѣннаго. Событія, въ которыхъ участвовали эти большіе люди, еще такъ или иначе вліяютъ на жизнь потомковъ, но не сами личности, которыя умоляли и которыя уже не возьмутъ судебъ міра въ свои сильныя руки... Міру нечего отъ нихъ ждать и нечего опасаться. Ихъ можно порицать, но для ненависти нѣтъ мѣста. Ихъ можно осыпать похвалами и благодарностью, но послѣдователей онѣ уже имѣть не могутъ. Ни за ними, ни противъ нихъ никто уже не пойдетъ, никому онѣ уже не помогутъ, никому не повредятъ. Дѣла такихъ людей переживаютъ ихъ короткую жизнь, но не ихъ личность, которая, переставая жить, перестаетъ быть и активнымъ элементомъ исторической жизни, перестаетъ принимать въ ней непосредственное участіе...

Великіе люди другого типа, великіе *мыслители* имѣютъ иную судьбу. Затребованные ими идеалы, провозглашенные ими идеи остаются, многія поколѣнія послѣ ихъ смерти, дѣйственнымъ элементомъ исторіи, увлекаая за собою однихъ, возбуждая противъ себя другихъ. Сила ихъ доводовъ, ихъ краснорѣчивое слово звучитъ многіе вѣка послѣ ихъ смерти, созывая сонми новыхъ поклонниковъ и послѣдователей, вызывая на бой и борьбу новые полки враговъ и непримиримыхъ противниковъ. Поколѣнія смѣняются... Съ ними смѣняются и великіе *дѣятели*. Великіе *мыслители* переживаютъ свои поколѣнія. Ихъ идеалы принимаются новыми поколѣніями, воплощаются въ жизнь новыми дѣятелями. Эта жизненность идеаловъ и идей великаго мыслителя, озаряющаго свѣтомъ своей мысли многія поколѣнія, за нимъ слѣдующія, и является причиною, почему вокругъ его имени вѣками кипитъ борьба и потомство такъ же страстно ему поклоняется, такъ же пылко его ненавидитъ, какъ и современники. Къ

такимъ личностямъ въ исторіи принадлежитъ и Жанъ-Жакъ Руссо, одинъ изъ самыхъ крупныхъ мыслителей XVIII вѣка.

Среди современниковъ впечатлѣніе, произведенное замѣчательными литературными твореніями Руссо, было громадное. Знаменитый историкъ Бюль, изучившій подробно эту эпоху, называетъ Руссо „могущественнымъ“, а его вліяніе изумительнымъ. Съ года изданія его перваго труда Бюль считаетъ поворотъ въ общественномъ движеніи Франціи. Знаменитый англійскій мыслитель Юмъ, современникъ Руссо и находившійся въ Парижѣ въ періодъ наибольшаго литературнаго творчества Руссо, замѣчаетъ, что „трудно выразить, даже вообразить народный энтузіазмъ къ нему... Никто никогда не обращалъ на себя въ такой мѣрѣ народное вниманіе. Вольтеръ и всѣ другіе совершенно заслонены имъ“. Извѣстный нѣмецкій писатель и ученый, Гриммъ, тоже проживавшій въ это время въ Парижѣ, подтверждаетъ этотъ необыкновенный успѣхъ.

Цивилизація человѣческая является намъ въ исторіи двукликимъ Янусомъ, поворачивающимся къ человѣчеству то одною, то другою стороною. И человѣчество то преклоняется передъ благодѣяніями цивилизаціи, прославляетъ ея успѣхи и завоеванія, ожидаетъ отъ нея спасенія и избавленія отъ всѣхъ золъ и бѣдъ, то, напротивъ, съ ужасомъ видитъ, какъ страшная мощь цивилизаціи вооружаетъ неправду, топчетъ справедливость, унижаетъ униженнаго, оскорбляетъ оскорбленнаго, плодитъ деморализацію, вырожденіе, одичаніе! Въ XVIII вѣкѣ эта оборотная сторона медали была не такъ ясна, какъ теперь. Друзья прогресса и человѣчества прославляли цивилизацію. То были великіе писатели того времени съ Вольтеромъ и Дидро во главѣ. Они взывали къ духу цивилизаціи и просвѣщенія и ожидали отъ него только блага и правды. Руссо остановилъ вниманіе на другомъ профилѣ загадочнаго Януса и съ силою и страстью возсталъ противъ цивилизаціи. Завязалась горячая полемика, вскорѣ перешедшая въ отчаянную борьбу. Самъ Вольтеръ взялъ эту борьбу съ Руссо въ свои руки, сталъ во главѣ общаго похода противъ этого одинокаго, но сильнаго убѣжденіемъ человѣка.

Большой историческій интересъ представляетъ это единоборство двухъ величайшихъ писателей XVIII вѣка. Если Вольтеръ развернулъ въ этой полемикѣ всю силу своего ѣдкаго, язвительнаго, беспощаднаго остроумія, то, съ другой стороны, Руссо волновалъ сердца своимъ высокимъ красно-

рѣчіемъ и широкою гуманностью. Переходя съ мѣста на мѣсто, отовсюду гонимый, всюду преслѣдуемый, Руссо то тамъ, то здѣсь разбивалъ свой временный подвижной лагерь и продолжалъ борьбу. Полемика эта занимала историковъ и художественною красотою этого знаменитаго турнира, и глубокимъ значеніемъ великаго спора. Съ обычною ловкостью, Вольтеръ споръ этотъ разсыпалъ на рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, среди которыхъ въ отдѣльности фернейскій философъ былъ зачастую болѣе правъ, нежели его странствующій, гонимый противникъ, больной физически и душевно. Но за деревьями немногіе увидѣли лѣсъ; за отдѣльными эпизодами спора немногіе разглядѣли основной вопросъ: точно ли въ развитіи культуры и заключается вся задача и весь интересъ человѣчества? Точно ли культура всегда и всюду благодѣтельна, всегда и всюду ведетъ человѣчество къ добру и правдѣ? Точно ли программа просвѣщенія, провозглашенная Вольтеромъ и его единомышленниками, вполне исчерпываетъ программу народнаго блага и справедливости? Не просмотрѣли ли ее знаменитые авторы и защитники нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ культурнаго развитія? И не указалъ ли Руссо на этотъ просмотръ своею страшною проповѣдью противъ неправды цивилизаціи и просвѣщенія? Скоро исторія оправдала Руссо. Скоро съ яркостью и очевидностью обрисовалась оборотная сторона медали. И борьба съ этою оборотною стороною просвѣщенія, съ такою культурою остается и понынѣ задачею человѣчества. Потому-то вокругъ имени Руссо и теперь кипятъ страсти, волнуются сердца, раздаются благословенія и проклятія, и задумчивый, меланхолическій Жанъ-Жакъ участвуетъ въ развитіи современныхъ событій западно-европейской жизни.

Таковъ громадный историческій интересъ біографіи Руссо, но и чисто психологическій интересъ этой біографіи не можетъ не остановить на себѣ вниманія всякаго, изучающаго исторію жизни этой замѣчательной личности. Сочетаніе наслѣдственности, особенности воспитанія, болѣзненная организація дали въ результатъ какой-то внутренней противорѣчивый, двойственный характеръ. Съ одной стороны, широкая гуманность, благородство, сердечная доброта, безкорыстіе, порою самоотверженіе и глубокая искренность составляютъ основу этого симпатичнаго характера. Съ другой стороны, подозрительность, припадки немотивированной недовѣрчивости, странная неблагодарность, порывы безпричинной любви

и ненависти, наконецъ, прямо предосудительные поступки самымъ трагическимъ образомъ сталкиваются съ вышеочерченными преобладающими благородными основами характера. Въ послѣдніе годы жизни Руссо страдалъ серьезною душевною болѣзью, развившеюся на почвѣ наслѣдственности, воспитанія, тягостной юности и жестокихъ гоненій въ зрѣломъ возрастѣ. Эта болѣзнь объясняетъ, повидимому, внутреннія противорѣчія и двойственность въ характерѣ Руссо. Уже въ дѣтствѣ можно подмѣтить оба эти душевные процесса: *здоровый*, рисующій намъ благородную фигуру, призванную подарить міру драгоценные плоды умственнаго генія, и *болѣзненный*, темными узорами выступающій на свѣтломъ фонѣ. Въ нашемъ изложеніи мы отмѣтимъ оба эти процесса Ормузда и Аримана въ жизни и характерѣ Руссо.

II.

Отечество и семья.

Жанъ-Жакъ Руссо былъ родомъ швейцарець, изъ Женевы, и происходилъ изъ буржуазной протестантской семьи, предки которой переселились изъ Парижа въ половинѣ XVI вѣка, въ эпоху религиозныхъ гоненій во Франціи и торжества кальвинизма въ Женевѣ. Громадное большинство гражданъ этого маленькаго городка, сдѣлавшагося на долгое время Римомъ кальвинизма, составляли и понынѣ составляютъ потомство подобныхъ же переселенцевъ изъ Франціи. Въ началѣ XIX вѣка перепись гражданъ Женевы констатировала всего лишь пятьдесятъ женевскихъ фамилій, принадлежавшихъ Женевѣ до XVI вѣка. Остальные были французскими выходцами. Такой составъ женевскаго населенія наложилъ особый отпечатокъ на весь складъ жизни города и кантона. Страстная преданность протестантизму, повышенное чувство религіозности, строгіе нравы, предписанные кальвинизмомъ, уживались съ наслѣдственною любовью къ свободѣ, нервнымъ, даже безпокойнымъ характеромъ, строгою заботою о личной независимости... Эти общія черты нервной организаціи и независимыхъ нравовъ женевскаго населенія рѣзко выдѣлялись въ XVIII вѣкѣ среди совершенно иного склада жизни и нравовъ, господствовавшихъ въ другихъ смежныхъ странахъ, во Франціи, въ Италіи, въ Германіи. Эти контрасты не могли не отразиться на женевцахъ, усиливая всѣ ихъ естествен-

ныя черты, развивая до высшей степени ихъ особенности. Изъ такой среды произошелъ, въ такомъ обществѣ выросъ, подъ такими вліяніями воспитался Жанъ-Жакъ, и даже бѣглый взглядъ на его характеръ и наклонности обрисовываетъ передъ нами типическаго представителя этой среды, этого общества и этихъ вліяній, личность, развившую до высшей степени душевные контрасты своихъ согражданъ. То чувствительный, то суровый; то довѣрчивый, то подозрительный; то веселый, то меланхолическій; то идеальный, то чувственный; съ болѣзненнымъ самолюбіемъ, глубоко религіозный, глубоко скейтическій, способный и на самоотверженіе, и на всякое сумасбродство, страстный во всѣхъ своихъ идеяхъ и чувствахъ, Руссо былъ плодомъ длинныхъ эволюцій женеваго типа, его плодомъ и его послѣднимъ могучимъ словомъ и выраженіемъ. Родной городъ воплотился въ Руссо со всѣми своими свѣтлыми и тѣневыми сторонами, со всею своею заслугою и всею своею виною передъ человѣчествомъ. Въ началѣ XVIII вѣка недавно только завершилась историческая роль Женевы, но городъ тѣмъ болѣе былъ полонъ ея традиціей и ея органическими и общественными плодами. Въ артеріяхъ и венахъ женевацевъ текла кровь, наследственно пронизанная этими душевными контрастами: вызывающею гордостью, свойственною защитникамъ „святого“ дѣла, и кроткою любовью къ человѣчеству, отличающею проповѣдниковъ этого дѣла; безпокойною, даже буйною организаціей наследственныхъ борцовъ и подавленностью душевнаго состоянія послѣдователей суроваго и строгаго кальвинизма; религіозностью, наполняющею собою всю жизнь многихъ поколѣній, и скептицизмомъ, вооружившимъ эти поколѣнія противъ католицизма... Нервная организація, развитая долгою *сознательною* исторіей и осложненная вышенамѣченными обстоятельствами, контрастами и тягостями этой исторіи, — была коренною чертою женевацевъ XVIII вѣка. „Я не былъ бы женевацемъ, — замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ *Исповѣди* самъ Руссо, — если бы бродяжничество не предпочелъ всѣмъ благамъ осѣдой жизни“, а въ началѣ XIX вѣка французская статистика констатировала, что среди всѣхъ департаментовъ Франціи (тогда Женева входила въ составъ имперіи Наполеона I), Женевскій отличается особенно большимъ процентомъ душевныхъ заблужданій!

Эта повышенная нервность и это сплетеніе душевныхъ контрастовъ, составлявшіе общій капиталъ женеваго обще-

ства начала XVIII вѣка, были наслѣдованы въ полной мѣрѣ Жанъ - Жакомъ, который, какъ всякій геніальный женевецъ, родившійся около этого времени, естественно долженъ былъ воплотить въ себѣ всѣ эти черты, всю эту длинную эволюцію, выработывавшую своими могучими условіями и вліяніями фізіологическую и психологическую организацію небольшого замкнутого населенія. Такимъ и явился Руссо. Семейныя условія, насколько они намъ извѣстны, должны были только усилить эту тенденцію. Я уже упомянулъ, что фамилія Руссо происходила отъ парижскихъ эмигрантовъ, переселившихся въ Женеву, въ XVI вѣкѣ, въ эпоху религіозныхъ гоненій. Фамилія Руссо повторяла, такимъ образомъ, исторію большинства женевскихъ фамилій. Она должна была обладать и типическими свойствами женецевъ. Существуютъ данныя, указывающія, что она обладала этими свойствами въ избыткѣ, въ размѣрѣ выше средняго. Отецъ Жанъ-Жака, Исаакъ Руссо провелъ значительную часть жизни въ странствіяхъ. Въ молодости, въ 1699 году, онъ судился за ссору, перешедшую въ вооруженное столкновеніе, и былъ приговоренъ. Такая же исторія повторяется въ 1722 году. Суровый приговоръ заставляеть его даже оставить отечество. О его странныхъ, полныхъ противорѣчія отношеніяхъ къ сыну буду говорить ниже. Мать Жанъ-Жака, Сюзанна Бернаръ, красивая и кокетливая женщина, имѣла въ молодости романтическую исторію, очень мало соотвѣтствующую строгимъ нравамъ кальвинистовъ, особенно, если принять во вниманіе, что отецъ Сюзанны былъ священникомъ. Родной братъ ея тоже имѣлъ подобную же исторію, за которую даже судился. Двѣ тетки Жанъ-Жака были оштрафованы по суду за картежную игру въ публичномъ мѣстѣ въ воскресенье. Вооруженныя столкновенія, романическія приключенія, картежная игра, конечно, все это и вообще не мало, тѣмъ болѣе для кальвинисткой Женевы конца XVII и начала XVIII вв. Здѣсь это были важныя и существенныя отклоненія отъ господствующихъ правилъ, обнаружившія значительное переразвитіе той нервности, которая составляла общій фонъ организаціи женевского населенія. Существуютъ факты, еще болѣе яркіе. Двоюродный братъ Жанъ-Жака былъ помѣшанный. Его родной братъ, Франсуа Руссо, отличался буйнымъ характеромъ, оставилъ въ юности Женеву и пропалъ безъ вѣсти. Самъ Жанъ-Жакъ, страдавшій невралгіей, замѣчаетъ въ одномъ письмѣ, что болѣзнь эта *наслѣдственная* въ его семьѣ. На та-

вой-то почвъ расовой и фамильной наслѣдственности, съ физиологически повышенной нервностью и съ патологическими осложненіями этой нервности, явился на свѣтъ Божій въ Женевѣ, 28 іюня 1712 года, Жанъ-Жакъ Руссо. Его мать заплатила жизнью за рожденіе этой будущей славы родного города. Мать умерла, конечно, не отъ здоровья, и ребенокъ родился слабый и болѣзненный. Онъ былъ въ обморокѣ, полумертвый, и только самоотверженному уходу своей тетки онъ обязанъ тѣмъ, что перенесъ и пережилъ эти первые дни своего хрупкаго существованія.

Первыя десять лѣтъ жизни Жанъ-Жакъ провелъ въ домѣ отца, на рукахъ отца и тетки, молодой дѣвушки, къ которой онъ сохранилъ всю жизнь самыя теплыя чувства. Добрая дѣвушка, какъ умѣла, ухаживала за племянникомъ, наблюдала за его здоровьемъ, охраняла отъ наслѣдствій его слабого и болѣзненного сложенія. Ея нѣжныя заботы запечатлѣлись въ чувствительномъ сердцѣ ребенка и, быть можетъ, еще болѣе содѣйствовали развитію этой чувствительности. Ея безыскусственныя пѣсни Руссо со слезами на глазахъ напѣвалъ и въ послѣдніе годы своей жизни. Не многое могла дать эта дѣвушка своему питомцу, но это немного было: доброе сердце, справедливость, народная поэзія, музыкальныя напѣвы. *Non multa sed multum*. И доброе сѣмя пало на добрую почву любящей, нѣжной, восприимчивой натуры. Кто можетъ сказать, когда, гдѣ и какимъ пышнымъ цвѣтомъ отродилось оно въ знаменитой жизни славнаго Жанъ-Жака? Къ сожалѣнію, при всемъ добромъ желаніи не противорѣчитъ мнѣнію великаго сына, нельзя того же сказать о вліяніи отца, безпокойнаго и безпорядочаго Исаака Руссо.

По профессіи часовщикъ (какъ большинство женевцевъ его времени), а порою и танцмейстеръ, Исаакъ Руссо былъ по утрамъ до обѣда занятъ своимъ ремесломъ. Это время сынъ проводилъ съ теткой. Послѣобѣденное время Жанъ-Жакъ былъ съ отцомъ. Съ признательнымъ чувствомъ вспоминаетъ онъ эти вечера, проведенные съ отцомъ. Безпечный, увлекающійся Исаакъ страстно любилъ чтеніе и скоро присоединилъ и маленькаго шести-семилѣтняго сына къ этому занятію, наполнявшему его вечера. Съ самаго ранняго возраста, съ какихъ поръ Жанъ-Жакъ только помнитъ себя, Исаакъ уже приобщилъ его къ своимъ чтеніямъ, а когда мальчикъ научился читать, то къ нему перешло и самое чтеніе вслухъ. Читались сначала исключительно романы, тѣ

*

фантастическіе, романтическіе романы, которые только и существовали въ литературѣ того времени. Исаакъ и Жанъ-Жакъ, пожилой отецъ и младенецъ сынъ, проводили цѣлыя ночи на пролетъ въ этомъ мірѣ грезъ. Зачастую только утренній свѣтъ останавливалъ это очарованное чтеніе, этотъ гипнотическій сонъ подъ вліяніемъ необузданной фантазіи средневѣкового романтическаго или восточнаго сказочнаго творчества. И, пробужденный отъ этого гипноза пѣніемъ пѣтуха или блѣднѣющимъ свѣтомъ лампы, сконфуженный пожилой мечтатель, нерѣдко восклицалъ: „идемъ спать; я, право, болѣе ребенокъ, нежели ты!“ Когда запасъ романовъ, предлагавшихся тогдашней литературой, истощился, отецъ и сынъ перешли къ исторіи и біографіи. Плутархъ оставилъ особенно глубокой слѣдъ на впечатлительной душѣ Жанъ-Жака. Вліяніе этого преждевременнаго, беспорядочнаго, отнюдь не дѣтскаго чтенія не могло не отразиться весьма серьезно на Руссо. Если оно заложило въ его душу сѣмена творческой фантазіи, потребность умственной дѣятельности, стремленіе къ легендарнымъ доблестямъ древнихъ героевъ и дѣятелей, то, съ другой стороны, до нельзя повысило и безъ того чрезвычайную чувствительность, дало сильный толчокъ развитію невротическихъ явленій и надолго спутало въ молодомъ мозгу фантазію съ дѣйствительностью. „Я не имѣлъ никакого понятія о реальныхъ предметахъ,—пишетъ самъ Руссо,—но всѣ чувства уже были мнѣ знакомы. Все доходило до меня, но не путемъ размышленія, а путемъ фантазіи“. Надо было имѣть гений Руссо, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этого испытанія, способнаго совершенно обезсилить и извратить болѣе слабые мозги! Но и въ послѣдующихъ нервныхъ и душевныхъ страданіяхъ Руссо эти безпутные уроки ранняго дѣтства не остались, конечно, безъ своего пагубнаго вліянія.

Исаакъ Руссо былъ человѣкъ безпечный и беспорядочный и, какъ всѣ такіе люди, пренебрегавшій воспитаніемъ сына, который, если росъ добрымъ ребенкомъ, то единственно вслѣдствіе доброй природы и подъ вліяніемъ доброй тетки. Эта небрежность отца и эта слабость его, такъ ярко выразившаяся въ фактѣ всенощныхъ чтеній, не мѣшала быть ему очень взбалмошнымъ и подчасъ несправедливымъ къ ребенку. Существуютъ данныя, доказывающія, что эта слабость надзора Исаака Руссо переходила порою въ обратную сторону, и небрежность замѣнялась вниманіемъ, не всегда кстати. Между прочимъ, приводятъ случай, когда бѣдный ребенокъ за ра-

зорванную книгу былъ запертъ на нѣсколько дней на чердакѣ. Этотъ случай разсказанъ кормилицею Жанъ-Жака. Самъ онъ въ своихъ Confessions передаетъ, какъ однажды отецъ подвергалъ жестокому тѣлесному наказанію старшаго сына своего, Франсуа. Потрясенный воплями брата, маленький Жанъ-Жакъ бросился и прикрылъ собою наказываемаго, но отецъ продолжалъ наказаніе, сильно избивъ, такимъ образомъ, бѣднаго любящаго мальчишка. Если этотъ эпизодъ обрисовываетъ благородное, отзывчивое сердце маленькаго сына, то вмѣстѣ съ тѣмъ и взбалмошный, безпорядочный характеръ пожилого отца. Жанъ-Жаку былъ одиннадцатый годъ, когда его отецъ долженъ былъ оставить Женеву. Исаакъ Руссо переселился въ Нюнь, мѣстечко въ Водуазскомъ кантонѣ, оставивъ Жанъ-Жака у шурина Бернара. Старшій сынъ Франсуа въ это время уже скрылся изъ Женевы.

III.

Школа и бездѣлье.

У дяди Бернара прожилъ этотъ разъ Жанъ-Жакъ недолго. Вмѣстѣ съ своимъ сверстникомъ кузеномъ, онъ былъ отданъ въ пансіонъ для мальчиковъ, содержавшійся священникомъ Ламберсье, невдалекѣ отъ Женевы, въ деревушкѣ Боссэ. Здѣсь онъ пробылъ около двухъ лѣтъ. Росшіи до этого времени въ городѣ, Руссо здѣсь, въ Боссэ, впервые прикоснулся къ природѣ, и впечатлительная, отзывчивая душа его открылась на встрѣчу красотамъ и чарамъ природы, вступила съ нею въ то тѣсное сердечное общеніе, которое затѣмъ подарило человѣчеству никогда не превзойденныя картины и страницы. Въ трогательныхъ, столько же, сколько художественныхъ картинахъ, рисуемыхъ намъ Руссо въ своихъ Confessions эти свои первыя нѣжныя свиданія съ природою, свои игры, занятія садоводствомъ, наблюденія, чувства, навѣваемые деревнею. Деревня и природа навсегда остались самыми дорогими и постоянными его привязанностями, и кто знаетъ, эти симпатіи, заложенныя общеніемъ дѣтской души и деревенской природы, не отразились ли на самихъ идеяхъ Руссо, не усилили ли его отвращеніе къ цивилизаціи, не указали ли ему искать ей поправки и лекарства въ безыскусственныхъ условіяхъ, создаваемыхъ природою безъ участія культуры?

Дружба съ кузеномъ была вторымъ важнымъ элементомъ жизни въ Боссэ. До этого времени Жанъ-Жакъ не имѣлъ сверстниковъ. Онъ росъ одинокимъ, въ обществѣ взрослыхъ, въ фантастическомъ мірѣ романовъ и біографій. Онъ не могъ быть ребенкомъ, ни испытывать дѣтскія чувства, ни предаваться дѣтскимъ играмъ и занятіямъ. Боссэ, его природа и дружба двоюроднаго брата дали Жанъ-Жаку радости дѣтства. „Около тридцати лѣтъ миновало,—пишетъ Руссо въ Confessions,—съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Боссэ, ни разу потомъ не столкнувшись въ своей жизни съ чѣмъ-либо, что могло бы мнѣ напомнить это время. Но теперь, когда, преступивъ черезъ зрѣлый возрастъ, я уже начинаю склоняться къ старости, я чувствую, какъ возрождаются во мнѣ эти воспоминанія, и въ то время, какъ всѣ остальные постепенно слабѣютъ, эти вырисовываются въ моей памяти съ силою, все растущею, и очарованіемъ, все усиливающимся. Кажется, будто, чувствуя обмельніе потока жизни, я ищу обновить его и поддержать силами его истоковъ“. Нѣжныя и разумныя заботы со стороны главной воспитательницы пансіона, m-lle Ламберсье, образованной дѣвушки, сестры священника, и систематическое образованіе, даваемое мальчику подъ руководствомъ самого Ламберсье, человѣка высокихъ достоинствъ и обширнаго образованія, должны быть тутъ тоже упомянуты въ числѣ благопріятныхъ сторонъ этого періода въ жизни Жанъ-Жака, потому что ни до этихъ двухъ лѣтъ, ни послѣ онъ никакого систематическаго обученія не получалъ и былъ лишень попеченія образованной женщины.

Конецъ этого пребыванія въ пансіонѣ Ламберсье ознаменовался событіемъ, произведшимъ глубокое впечатлѣніе на нервную и чувствительную природу Руссо. Онъ былъ несправедливо обвиненъ въ поломкѣ нѣкоторыхъ предметовъ туалета m-lle Ламберсье. Ни онъ, ни его двоюродный братъ не были въ этомъ виновны. Они рѣшительно отрицали свою виновность, но внѣшнее стеченіе обстоятельствъ было противъ нихъ. Ихъ заpiresательство побудило Ламберсье вызвать въ Боссэ Бернара. Улики были противъ нихъ, и Бернаръ рѣшилъ добиться признанія. Самое жестокое наказаніе не могло однако его вынудить у Жанъ-Жака. „Невозможно было,—пишетъ Руссо, вырвать у меня признанія, котораго добивались. Нѣсколько разъ возобновлялось наказаніе, я приведенъ былъ въ самое ужасное состояніе, но я оставался непоколебимымъ. Я готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ удовлетворить несправедливое

требованіе. Сила должна была, наконецъ, уступить дьявольскому упрямству ребенка, какъ называли они эту твердость. Истерзанный и истязанный, вышелъ я изъ этого испытанія, но восторжествовавшимъ“. Сознаніе вопіющей несправедливости, грубаго насилія оставило глубокой неизгладимый слѣдъ въ душѣ тринадцатилѣтняго мальчика. Заключившая разговоръ объ этомъ эпизодѣ, Руссо прибавляетъ: „Пишучи эти строки, я чувствую и теперь еще, какъ повышается біеніе пульса. Эти минуты никогда не забудутся мною, хотя бы я прожилъ сто тысячъ лѣтъ. Это первое чувство несправедливаго насилія такъ запечатлѣлось въ душѣ моей, что всякая мысль, имѣющая отношеніе къ несправедливости и насилію, пробуждаетъ во мнѣ тѣ же пережитыя и незабываемыя чувства. И это чувство, первоначально имѣвшее непосредственное отношеніе къ моимъ личнымъ страданіямъ, такъ глубоко вѣдрилось въ мою душу, такъ окрѣпло, такъ высвободилось отъ всего личнаго, что сердце мое воспаляется при видѣ всякой несправедливости, гдѣ бы она ни совершалась, съ такою же силою, какъ если бы я лично страдалъ отъ нея. Возможно, что чувство это мнѣ свойственно отъ природы, но глубокое воспоминаніе о великой несправедливости, мною перенесенной, было слишкомъ продолжительно и слишкомъ сильно, чтобы не отразиться на всѣхъ моихъ чувствахъ и на развитіи и усиленіи особенно чувства отвращенія къ несправедливости и насилію“. И безпутное чтеніе романовъ, и ласка деревенской природы, и нѣжные заботы м-ле Ламберсе, и дружба кузена, и само несправедливое насиліе, — все перерабатывалось богато одаренною организаціею, все служило для выработки того характера и тѣхъ идей, которыя были великимъ призваніемъ Жанъ-Жака Руссо.

Вскорѣ послѣ рассказаннаго эпизода, Жанъ-Жакъ и его двоюродный братъ были взяты изъ пансіона Ламберсе и поселены въ Женевѣ, у дяди Бернара. Около двухъ лѣтъ пробылъ Жанъ-Жакъ у дяди Бернара безъ всякаго опредѣленнаго занятія и дѣла. Двоюродный братъ его готовился въ инженеры. За компанію съ нимъ и Руссо кое-чему научился, исключительно тому, что ему приходилось по вкусу, именно геометріи и рисованію. Времени у него было свободнаго очень много, обязательнаго дѣла никакого, а на улицѣ, въ томъ благословенномъ климатѣ, такъ много солнца, небесной синевы, веселаго журчанья Роны, гладкой лазури обширнаго озера, обставленнаго зеленою рамкою горъ, увѣнчанныхъ бѣлою

короною вѣчныхъ снѣговъ! Самъ исполинъ Монъ-Бланъ свергаетъ свою вершиною счастливымъ обитателямъ Женевы. Не мудрено, если Жанъ-Жакъ проводилъ большую часть дня на этой веселой улицѣ. Это понятно, но непонятно, что эта уличная жизнь не испортила мальчика съ невропатическою наслѣдственностью въ крови, предоставленнаго самому себѣ и слѣпому случаю. Эта игра слѣпота дважды ставила Жанъ-Жака въ положеніе, очень опасное. Однажды, игралъ на отдаленной отъ дядинаго дома улицѣ съ случайнымъ знакомымъ, такимъ же свободнымъ отъ занятій, надзора и попеченія мальчуганомъ, Жанъ-Жакъ поссорился съ нимъ, и драчливый товарищъ ударилъ его по головѣ съ такою силою, что Руссо упалъ на землю, обливаясь кровью, съ проломленнымъ черепомъ. Испугъ драчуна, его слезы и просьбы тронули чувствительнаго Жанъ-Жака, который былъ отведенъ къ матери виновнаго, гдѣ компрессы и повязка остановили кровь и кое-какъ поддержали его силы, чтобы доплестись до дому. Здѣсь онъ приписалъ свою рану неловкому паденію, совершенно выгородивъ случайнаго товарища уличнаго міра. Аналогичный случай былъ съ Жанъ-Жакомъ, когда онъ зашелъ въ одну мастерскую, гдѣ изъ шалости одинъ мальчикъ раздробилъ ему барабаномъ станка пальцы лѣвой руки. Раскаяніе шалуна заставило Жанъ-Жака и въ этомъ случаѣ скрыть истинную причину полученнаго имъ увѣчья, приписавъ его собственной неосторожности. Руссо долго не владѣлъ лѣвою рукою, пальцы которой остались навсегда нѣсколько поврежденными. По счастью, это была не правая рука, которой предстояло написать шедевры всемірной литературы.

Среди такихъ-то опасностей, бездѣлья, безпечной праздности и разнообразныхъ впечатлѣній провелъ Руссо два года у дяди Бернара.

IV.

Въ мастеровыхъ и лакеяхъ.

Время, однако, шло. Жанъ-Жаку пошелъ пятнадцатый годъ. Надо было выбирать родъ жизни. Въ конторѣ нотаріуса Массерона, куда онъ былъ опредѣленъ клеркомъ, его нашли неспособнымъ, послѣ чего рѣшено было сдѣлать его граверомъ. Въ Женевѣ, гдѣ на столькихъ часахъ нужно столько гравировать вензелей, гербовъ, всякихъ украшеній и проч.,

гравировальное ремесло очень распространено. Жанъ-Жакъ былъ опредѣленъ ученикомъ къ мастеру Дюкоммэну (Ducomin), гдѣ и пробылъ около года. Это пребываніе было очень печальнымъ эпизодомъ въ жизни Руссо. Мастеръ отличался жестокостью, жадностью, корыстолюбіемъ. Учениковъ плохо кормили, заставляли много работать, жестоко наказывали. Естественно, если ученики на недоѣданіе за обѣдомъ отвѣчали воровствомъ съѣстного, на принужденіе къ чрезмѣрному труду — лѣнностью и небрежностью, на наказанія — ложью, всяческими хитростями для обмана ненавидимаго хозяина. Мало-по-малу и Руссо былъ вовлеченъ во всѣ эти неизбежные пороки, развиваемые ежовыми рукавицами мелкаго, но свирѣпаго тирана. Кончилась эта неровная борьба тѣмъ, что въ одно прекрасное весеннее утро Жанъ-Жакъ бѣжалъ отъ Дюкоммэна и, по примѣру своего старшаго брата Франсуа, оставилъ Женеву. Это было 14-го марта 1728 года. Юному бѣглецу было безъ малаго (безъ трехъ мѣсяцевъ) шестнадцать лѣтъ. Нервный темпераментъ и независимый характеръ находятъ въ этой рѣшимости новое яркое выраженіе.

Дня два странствовалъ бѣглець по Женевскому кантону, находя гостепріимство у крестьянъ, послѣ чего перешелъ границу отечества и очутился въ Конфоньонѣ, пограничной савойской деревушкѣ. Католическій священникъ этой деревушки, старикъ Понверръ радушно принялъ симпатическаго еретика. Конечно, слѣдовало уговорить юношу возвратиться къ отцу. Slѣдовало дать знать отцу. Но вѣдь это означало отослать юношу на лоно ереси! Заботы о спасеніи души Жанъ-Жака побудили Понверра отослать его въ противоположную сторону. Онъ направилъ его въ глубь Савои, въ городокъ Аннеси, къ баронессѣ Франсуазѣ-Луизѣ Варрансъ, которая должна была содѣйствовать обращенію молодаго еретика въ правовѣрнаго католика. Престарѣлый патеръ не могъ лучше выбрать, но вмѣстѣ съ тѣмъ его выборъ былъ рѣшительнымъ въ жизни Руссо. Госпожа Варрансъ была самая продолжительная и, пожалуй, единственная серьезная любовь Руссо.

Франсуаза-Луиза Делатуръ родилась въ Веве 31-го мая 1699 года. Черезъ годъ она потеряла мать, а еще черезъ пять лѣтъ (1705 г.) ея отецъ Жанъ-Балтистъ Делатуръ, одинъ изъ сеньоровъ Водуазскаго кантона, далъ ей мачиху, молодую француженку гугенотку. Въ 1709 году умеръ отецъ, и десятилѣтняя Франсуаза была помѣщена въ пансіонъ г. Монви въ Лозанѣ. Четырнадцать лѣтъ, въ 1713 году она

вышла замужъ за Себастіана Иссака Делуа, сеньора Де-Виллардена, барона Де-Варранса. Дѣтство было ея печально, полно утратъ, лишено материнскихъ заботъ. Серьезный, вѣчно занятый политическими и общественными дѣлами, мужъ не далъ ей утѣшенія. Дѣтей не было. Не удивительно, если молодая женщина, отличавшаяся страстнымъ темпераментомъ и обаятельно красивою наружностью, имѣла не мало романтическихъ привлеченій. Это не мѣшало ей обладать замѣчательно отзывчивымъ, великодушнымъ сердцемъ, готовностью придти на помощь всякому нуждающемуся, тонкимъ острымъ умомъ. При красивой наружности и литературномъ развитіи, все это дѣлало ее женщиною, въ полномъ смыслѣ слова обаятельною. Въ 1726 году она бросила мужа, оставила Швейцарію и, принявъ католичество, поселилась въ Савоѣ, въ Аннеси. Лишенная за это оставленнаго на родинѣ своего имущества, она получила небольшую пенсію отъ сардинскаго короля Виктора Амедея, на которую и существовала въ маленькомъ скромномъ савойскомъ городкѣ. Здѣсь-то 21-го марта 1728 года явился къ ней Жанъ-Жакъ Руссо съ письмомъ отъ конфиньонскаго священника. Тогда ей было безъ немногаго двадцать девять лѣтъ, и она была въ полномъ расцвѣтѣ красоты и силы. Не мудрено, если эта прелестная, обаятельная дама произвела чарующее впечатлѣніе на пылкаго романтическаго юношу, впечатлѣніе, неизгладившееся до могилы. Красивый и симпатичный, Жанъ-Жакъ тоже понравился молодой баронессѣ, но, прежде всего, надо было подумать о спасеніи его души, погрязшей въ нечестіи кальвинистской ереси!.. Для этого надо было отправить его въ Туринъ, гдѣ было для этой цѣли цѣлое учрежденіе. 24-го марта, снабженный всѣмъ необходимымъ и въ сопровожденіи пожилыхъ опытныхъ спутниковъ, провожаемый благословеніемъ очаровательной покровительницы, Руссо отправился цѣшкомъ черезъ Альпы въ Туринъ. Чувство природы, которое было такъ живо въ душѣ Руссо, сдѣлало изъ этого путешествія счастливый и памятный эпизодъ въ его жизни, а литературѣ подарило нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ мемуарахъ Руссо.

Въ Туринѣ онъ былъ помѣщенъ въ монастырь, специально занимавшійся обращеніемъ невѣрныхъ и еретиковъ. Около четырехъ мѣсяцевъ пробылъ Руссо въ этомъ учрежденіи, обучаясь догматамъ католической религіи. Въ концѣ лѣта состоялось торжественное обращеніе и, снабженный небольшою суммою въ 20 франковъ, собранныхъ по подпискѣ, ново-

обращенный шестнадцатилѣтній католикъ былъ выпущенъ на улицы Турина, предоставленный собственной участи. Сначала онъ попробовалъ примѣнить къ дѣлу свои несовершенныя познанія въ граверномъ ремеслѣ. Одна молоденькая и красивая лавочница, по фамиліи Базиль, болѣе плѣненная симпатическою наружностью и открытымъ довѣрчивымъ сердцемъ юноши, нежели его искусствомъ, предоставила ему нѣкоторыя работы въ лавкѣ своего отсутствующаго мужа. Однако, это не понравилось возвратившемуся вскорѣ супругу, и Жанъ-Жакъ былъ выпровоженъ изъ лавки, снова лишенный и работы, и ласковаго вниманія красивой итальянки.

Необходимость добывать кусокъ хлѣба и неудачи съ граверствомъ заставили нашего мечтателя не побрезгать мѣстомъ прислуги въ домѣ графини Верчели, гордой и вліятельной аристократки. Престарѣлая графиня была очень больна, но не покидала своей обширной политической и литературной переписки. Сама она, однако, уже не могла писать, и литературно-грамотный Жанъ-Жакъ ей пришлось совершенно кстати. Онъ замѣнилъ ей домашняго секретаря, хотя и оставался въ положеніи лакея. И мѣсяца не пробылъ Руссо на этомъ мѣстѣ, какъ скончалась графиня, и слуги были распущены ея наслѣдникомъ. Къ этому времени относится одинъ эпизодъ, извѣстный намъ единственно изъ *Исповѣди* самого Руссо и составляющій несомнѣнно, самое темное приключеніе въ его жизни. Влюбчивому Жанъ-Жаку нравилась молодая дѣвушка, по имени Маріана, одна изъ младшихъ горничныхъ графскаго дворца. Желая ей подарить что-нибудь и не имѣя для того средствъ, онъ прельстился розовою лентою, принадлежавшею старшей камеристкѣ графини. Ленту онъ похитилъ, но передать Маріанѣ не успѣлъ, такъ какъ камеристка скоро замѣтила пропажу, надѣлала шума, и злополучная лента была найдена у молодого лакея, который, однако, въ свое оправданіе сказалъ, будто ленту эту ему подарила Маріана. Возмущенная дѣвушка рѣшительно отрицала, Жанъ-Жакъ настаивалъ, свидѣтелей не было, дѣло осталось невыясненнымъ. Лента была возвращена по принадлежности, а Маріана и Жанъ-Жакъ оба были отпущены вмѣстѣ съ прочими слугами покойной графини. Такъ кончился этотъ эпизодъ, впоследствии причинившій Жанъ-Жаку такъ много нравственныхъ мученій и явившійся довольно естественнымъ плодомъ опытности, пріобрѣтенной въ незадолго оставленной имъ мастерской женеваго гравера.

„Мнѣ неизвѣстно,—прибавляетъ къ своему разсказу объ этомъ эпизодѣ Руссо,—мнѣ неизвѣстно, что затѣмъ стало съ бѣдною жертвою моей клеветы. Едва ли, послѣ такого инцидента, она могла безъ затрудненія найти новое мѣсто. Она уносила съ собою обвиненіе, во всѣхъ отношеніяхъ маряющее ея честь. Сама кража было наименьшее въ этомъ безчестіи. Это была, однако, кража съ цѣлью соблазнить молодого мальчишку. Наконецъ, ложь и запирательство дополняли тяжелую картину, не оставлявшую нивакой надежды на исправленіе дѣвушки, соединившей въ себѣ столько пороковъ. Нищета и нужда, въ которую могла ввергнуть Маріану моя клевета, мнѣ рисуется, какъ естественное начало судьбы бѣдной дѣвушки, а далѣе? Кто знаетъ, куда въ ея годы могло привести это незаслуженное униженіе? И если сама мысль, что она можетъ быть несчастна по моей винѣ, является для меня невыносимой, то еще гораздо тягостнѣе думать, что я своимъ гнуснымъ поступкомъ могъ толкнуть ее на путь, еще болѣе недостойный. Это жестокое воспоминаніе меня часто смущаетъ, и порою я вижу во снѣ бѣдную невинную Маріану: она приходитъ и упрекаетъ меня за мое преступленіе, которое мнѣ представляется такъ живо, какъ бы оно было совершено вчера. Покуда я жилъ спокойно, оно меня меньше мучило. Но среди бурной жизни оно отнимаетъ у меня утѣшеніе, даваемое сознаніемъ неправого гоненія. Оно научило меня той истинѣ, о которой я уже упоминалъ въ другихъ трудахъ, что раскаяніе дремлетъ среди благополучнаго существованія и со всею силою и болью пробуждается среди невзгодъ и лишеній. Какъ ни тягостно было мнѣ носить это сознаніе въ своемъ сердцѣ, я никогда не былъ въ силахъ повѣрить даже самому близкому другу, даже тадамѣ Варрансъ. Я могъ сказать ей только, что чувствую за собою вину жестокаго поступка, не будучи въ силахъ сообщить его сущность. Эта тяжесть до сего дня лежитъ на моей совѣсти. Желаніе исповѣдаться въ ней и было одною изъ побудительныхъ причинъ, по которой я рѣшился писать эту *Исповѣдь*“.

Такими-то мучительными яркими красками рисовало пылкое воображеніе Руссо этотъ неприглядный эпизодъ его юности. Конечно, въ значительной степени это была фантазія, продиктованная горячимъ чувствомъ справедливости и жестокимъ раскаяніемъ. Въ дѣйствительности дѣло было гораздо проще. Графъ Де-ла-Рокъ, племянникъ и наслѣдникъ гра-

фини Верчелли, лично разбиралъ это дѣло между двумя подростками. Не имѣя данныхъ для обвиненія того или другого, онъ отпустилъ обоихъ, сказавъ только, что „совѣсть виновнаго накажетъ его за невиннаго“. Это говоритъ самъ Руссо, а такъ какъ Маріана ни въ чемъ не обвиняла Руссо, а только оправдывалась, то слова графа показываютъ, что онъ скорѣе склонялся на сторону Маріаны. Прислуга, знавшая ее долѣе, чѣмъ Жанъ-Жака, тоже была на ея сторонѣ, какъ тоже сообщаетъ самъ Руссо. Послѣдствія для Маріаны, рисуемыя Руссо, были фантазіей, но послѣдствія для Руссо были серьезныѣе. Стыдъ всего этого приключенія излечилъ его отъ привычекъ, приобрѣтенныхъ у Дюкоммэна. Онъ увидѣлъ, что мелкое воровство и ложь приводятъ иногда къ очень тяжелымъ и постыднымъ положеніямъ. У Дюкоммэна же это было естественною и даже необходимою самообороною отъ свирѣпой тираніи жалнаго ховяина.

Отпущенный послѣ смерти графини Верчели, Руссо вскорѣ получилъ, по рекомендаціи графа Де-ла-Рока, мѣсто лакея у графа Гувона. Способности молодого слуги обратили вниманіе аббата Гувона, сына стараго графа. Аббатъ взялся докончить его образованіе, но не суждено было осуществиться и этой новой попыткѣ дать Жанъ-Жаку систематическое образованіе. Неуравновѣшенный, недисциплинированный, неусидчивый характеръ Руссо былъ тому причиною. Должность лакея, конечно, мало говорила его уму и сердцу. Она ему наскучила, и онъ сталъ небрежно исполнять свои лакейскія обязанности. Память о нѣжномъ вниманіи баронессы Варрансъ, собственно говоря, никогда не покидала его, а теперь проринулась съ новою силою. Его влекло въ Аннеси. Встрѣча съ землякомъ женевцемъ еще болѣе отвратила его отъ Турина и влекла за Альпы. Онъ совсѣмъ пренебрегъ своими обязанностями. Управляющій дворцомъ ему отказалъ. Попытка аббата Гувона уладить эту исторію разбилась объ упорство Руссо, который ему отвѣтилъ, что, получивъ отказъ, онъ не можетъ возвратиться. Съ небольшимъ годъ онъ пробылъ, такимъ образомъ, въ Туринѣ и осенью 1729 года уже снова предсталъ предъ баронессою Варрансъ. Удивленная и обрадованная, она расплакалась и воскликнула: „Теперь, когда Провидѣніе мнѣ вторично посылаетъ этого милаго мальчика, я больше не оставляю его“. Руссо остался у Варрансъ, и здѣсь кончается первый періодъ его жизни, бурный періодъ его дѣтства и отрочества. Мы подробно прослѣдили

этотъ періодъ. Мы показали, какъ сначала, у отца, у Ламберсье, у **Бернара**, богато одаренная, пылкая, благородная природа боролась съ неблагопріятными вліяніями, жадно всасывая все доброе, глубоко чувствуя все злое. **Натура** маленькаго **Жанъ-Жака** вышла побѣдительницей изъ этого испытанія, хотя на ней уже обрисовались и тѣни наслѣдственной невропатіи. Слѣдующій затѣмъ періодъ пребыванія у гравера **Дюкоммэна** и туринскаго скитанія по лакейскимъ пьемонтскихъ аристократовъ легъ мрачною тѣнью на жизни **Руссо**. Пагубныя условія пробудили низкіе инстинкты, но и здѣсь, въ концѣ концовъ, здоровыя инстинкты взяли верхъ. Пятнадцатилѣтній мальчикъ оставляетъ школу порока и униженія у **Дюкоммэна** и пробуетъ взять судьбу свою въ свои руки. Тѣ же здоровыя инстинкты пробуждаются въ немъ и въ **Туринѣ** и гонятъ его изъ лакейской милостиваго графа **Гувона**. Подъ слоемъ грязи, наросшей въ мастерской гравера, въ лакейскихъ графини **Верчели** и графа **Гувона**, скрывалась пылкая и благородная душа, жаждавшая правды, даже жертвы. „Въ эту пору его жизни,—пишетъ лучшій его біографъ, **Джонъ Морлей**,—трудно бы было найти человѣка, который менѣе его былъ бы способенъ возбудить симпатію къ себѣ, вызвать участіе къ своей судьбѣ. Для этого надо было быть наблюдателемъ, глубоко изучившимъ тайныя изгибы человѣческаго характера; надо было предугадать въ этомъ скрытномъ, чувственномъ, неусидчивомъ и мечтательномъ мальчикѣ тѣ душевныя силы, которыя нѣкогда разольютъ пламя по цѣлому свѣту“. Доброе, отзывчивое сердце **Франсуаза Варрансъ** постигло это „нѣчто“ въ юномъ **Жанъ-Жакѣ**, нѣчто, столь мало постижимое мудрецами. Ей міръ обязанъ сохраненіемъ этой хрупкой организаціи, которая могла бы и не выдержать, если бы нѣжная забота этой прелестной женщины не дала отдыхъ измученному юношѣ и не приготвила его къ перенесенію новыхъ, еще болѣе жестокихъ, испытаній.

V.

Аннеси и странствія.

Варрансъ первоначально составила планъ сдѣлать изъ своего юноши священника и уговорила его опредѣлиться для этого въ семинарію, но эти планы были не по душѣ **Жанъ-Жаку**. Къ тому же, и его преподаватели находили его мало

способнымъ. Это облегчило для Руссо его задачу уговорить свою покровительницу дозволить ему посвятить себя музыкѣ. Онъ былъ опредѣленъ въ хоръ пѣвчихъ въ Аннеси и попалъ подъ руководство регента Леметра, тонкаго знатока музыки, отличнаго преподавателя, но необузданнаго и безпорядочнаго человѣка. Руссо, всегда любившій музыку, многимъ обязанъ Леметру и, по своему обыкновенію, горячо привязался къ учителю. Когда же послѣдній поссорился съ настоятелемъ костела и тайно скрылся изъ Аннеси, Руссо послѣдовалъ за нимъ съ благословенія Варрансъ, которая, по видимому, имѣла свои причины временно удалить своего любимца. Ей предстояло путешествіе въ Парижъ съ важными таинственными политическими порученіями. Руссо, однако, оставилъ Леметра въ Лионѣ и возвратился въ Аннеси, но уже не засталъ баронессы. Нѣкоторое время онъ жилъ у нея въ квартирѣ, предавался уединеннымъ прогулкамъ, наслаждался роскошною природою этого края и даже чуть не увлекся двумя молодыми дѣвушками, встрѣченными имъ на прогулкѣ. Однако, Варрансъ не возвращалась, и квартира ея пустовала. Послѣдняя прислуга, молодая горничная баронессы, оставила квартиру и рѣшилась отправиться домой, къ родителямъ, въ Бернскомъ кантонѣ. Жанъ-Жакъ охотно принялъ ея предложеніе проводить ее на родину. Онъ любилъ пѣшеходныя странствованія, а въ настоящемъ случаѣ и перспектива увидѣть родину и отца его склоняли къ тому же. Онъ побывалъ въ Нионѣ у отца. Затѣмъ онъ поселился въ Лозанѣ и занялся преподаваніемъ пѣнія и музыки, къ чему былъ слишкомъ мало приготовленъ. Онъ даже давалъ концертъ, но, конечно, провалился. Неудача въ Лозанѣ заставила его перенести свою музыкальную дѣятельность въ Невшатель. Болѣе опытный уже, по природѣ музыкальный, старательно учившійся самъ, Руссо успѣлъ въ Невшатель пріобрѣсть уроки и давалъ ихъ не безъ успѣха. Здѣсь онъ встрѣтилъ одного сирійскаго монаха, выдававшаго себя за іерусалимскаго архимандрита и собиравшаго пожертвованія на религіозныя учрежденія Іерусалима. Руссо очень увлекся дѣятельностью монаха и примкнулъ къ нему, но въ Золотурнѣ французскій посланникъ, ранѣе того бывавшій на Востоку, уличилъ самозваннаго архимандрита и пріютилъ у себя Руссо, который увлекся идеей поступить на военную службу. Посланникъ отправилъ его въ Парижъ, гдѣ Руссо надѣялся застать и Варрансъ. Эта надежда не осуществилась

такъ же, какъ и планы военной службы. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Парижѣ, онъ рѣшилъ возвратиться въ Савою, гдѣ и нашель Варрансъ, но уже не въ Аннеси, а въ другомъ городѣ Савои, въ Шамбире.

Всѣ эти многочисленныя путешествія лѣта 1731 года: изъ Аннеси въ Ліонъ, изъ Ліона въ Аннеси, изъ Аннеси черезъ Женеву и Лозану въ Фрибургъ, изъ Фрибурга въ Лозану, изъ Лозаны въ Невшатель, изъ Невшателя черезъ Бернъ и другіе города Швейцаріи въ Золотурнъ, изъ Золотурна въ Парижъ и изъ Парижа черезъ Ліонъ и Аннеси въ Шамбире,— были совершены Руссо гѣшкомъ и наполнили его жизнь именно тѣми впечатлѣніями сердечнаго общенія съ природою и простымъ деревенскимъ бытомъ, которыя были такъ любимы Жанъ-Жакомъ, и о которыхъ онъ намъ оставилъ столько неподобныхъ картинъ. Слѣдить за ними—значило бы перепечатать многія страницы *Исповѣди*, посвященныя этимъ странствованіямъ. Ни мѣсто, ни объемъ нашей задачи не позволяютъ этого. Я отмѣчу, однако, одинъ эпизодъ изъ путешествія изъ Парижа въ Ліонъ, характерный для исторіи постепенной выработки идей и философскаго настроенія Руссо. Приведемъ этотъ эпизодъ словами самого Руссо: „Однажды, увлеченный желаніемъ ближе увидѣть мѣстность, которая мнѣ издали казалась особенно восхитительною, я свернулъ съ большой дороги, но затѣмъ, увлекаемая видами, столько разъ сворачивалъ вправо и влѣво, впередъ и назадъ, что потерялъ дорогу. Проблудивъ бесполезно нѣсколько часовъ, истомленный до изнеможенія, проголодавшійся до смерти, я зашелъ въ хижину крестьянина, очень бѣдную и невзрачную лачужку, но единственную, встрѣченную мною въ окрестности. Я полагалъ, что и здѣсь, во Франціи, крестьяне, также какъ въ Женевѣ и вообще въ Швейцаріи, могутъ, по желанію и средствамъ, оказывать гостепріимство путнику. Я попросилъ хозяина дать мнѣ пообѣдать за плату. Онъ мнѣ предложилъ снятого молока и грубаго ячменнаго хлѣба, увѣрая, что это все, что онъ имѣеть. Я съ жадностью пилъ это молоко и уничтожилъ весь поданный мнѣ ломоть хлѣба, но этого было недостаточно для человѣка, столь утомленнаго и такъ проголодавшагося. Мой аппетитъ убѣдилъ моего крестьянина въ совершенной правдивости моего разсказа о себѣ. Онъ самъ сказалъ мнѣ объ этомъ, прибавивъ, что видитъ во мнѣ добраго и честнаго человѣка, который не пожелаетъ предать

его. Затѣмъ онъ открылъ маленькій трапъ около кухни, спустился въ подполье и скоро возвратился, неся прекрасный пшеничный хлѣбъ, аппетитный кусокъ окорока и бутылку порядочнаго вина, чѣмъ меня, голоднаго и жаждущаго, очень обрадовалъ. Къ этому была прибавлена отличная яичница, и я пообѣдалъ съ удовольствіемъ, съ какимъ рѣдко обѣдаютъ гастрономы. Когда пришло время расплачиваться, мой гостепріимный хозяинъ рѣшительно и съ явнымъ страхомъ отказывался принять плату. Я не понималъ, чего онъ боится. Наконецъ, онъ произнесъ имена надзирателей и сборщиковъ. Онъ мнѣ сознался, что прячетъ отъ нихъ свое вино и свой хлѣбъ и что онъ былъ бы въ конецъ разоренъ, если бы эти агенты не были увѣрены, что онъ умираетъ съ голоду. Все это и многое другое, что онъ передавалъ мнѣ, оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Отсюда зародилась во мнѣ та неугасимая ненависть, которая съ этихъ поръ наполняетъ мое сердце противъ лишеній, испытываемыхъ несчастнымъ народомъ, и противъ его угнетателей. Этотъ крестьянинъ, хотя и зажиточный, не смѣлъ спокойно ѣсть хлѣбъ, добытый въ потѣ лица, и могъ избѣжать разоренія, лишь прикидываясь такимъ же нищимъ, каковы были всѣ вокругъ него. Я вышелъ изъ его жилища столько же возмущеннымъ, сколько разстроганнымъ, оплакивая въ сердцѣ своемъ судьбу этого чуднаго края, который природа осыпала дарами своими, ставшими добычею этихъ несытыхъ варваровъ". Такъ въ сердцѣ девятнадцатилѣтняго юноши накопились мало-по-малу впечатлѣнія и мысли, черезъ двадцать лѣтъ взволновавшія весь цивилизованный міръ. Въ теченіе этого же путешествія лѣтомъ 1731 года, Жанъ-Жакъ, будучи въ Парижѣ, написалъ въ стихахъ сатиру на капитана Годара, съ которымъ онъ имѣлъ сношенія, когда мечталъ о военной службѣ. Эта полудѣтская шутка была первымъ литературнымъ опытомъ Руссо. Осенью того же 1731 года Жанъ-Жакъ былъ снова подъ радушной кровлею его обожаемой и нѣжной покровительницы, въ савойскомъ мѣстечкѣ Шамбире, прославленномъ этимъ продолжительнымъ пребываніемъ великаго мыслителя и послѣ того и до сего времени ставшемъ мѣстомъ, куда стекаются многочисленные повлонники, стараясь увидѣть эти виды, пейзажи, тропинки, по которымъ бродилъ, которыми любовался, у которыхъ вдохновлялся еще безвѣстный тогда юноша, носившій, однако, въ своемъ сердцѣ судьбу человѣчества.

VI.

Самообразованіе.

Около восьми лѣтъ жизни Руссо въ Шамбери очень скудны вѣшними событіями, такъ рѣзко отличаюсь въ этомъ отношеніи отъ предъидущаго и послѣдующаго періодовъ его жизни. Изученіе музыки и ея преподаваніе было долгое время главнымъ занятіемъ Руссо и служило ему средствомъ къ жизни. Одно время онъ состоялъ чиновникомъ въ статистическомъ бюро финансоваго вѣдомства Сардиніи. Въ это же время онъ получилъ наслѣдство, оставшееся послѣ матери. Нѣсколько разъ онъ предпринималъ маленькія путешествія въ Женеву, гдѣ жила его тетка Бернаръ, потерявшая въ это время и мужа, и сына; въ Нионъ, гдѣ продолжалъ жить его отецъ; въ Лионъ, куда его влекли нѣкоторыя завязанныя имъ интеллигентныя знакомства... Нѣжныя чувства, всегда наполнявшія сердце Руссо, природа, столь великолѣпная въ этомъ чудесномъ уголкѣ Западныхъ Альпъ; музыка, всегда съ дѣтства составлявшая его любимое занятіе, систематическое чтеніе, которымъ молодой человѣкъ старался самъ пополнить свое недоконченное образованіе, первые робкіе литературные опыты, въ стихахъ и прозѣ,—такъ разнообразна и богата была внутренняя жизнь Руссо въ это время, когда окончательно выработывался и складывался типъ и направленіе мысли будущаго властелина сердецъ и мысли многихъ поколѣній.

Латинскій языкъ, математика, физика, химія, астрономія, исторія, ботаника, но особенно литература и философія были изучаемы гениальнымъ юношей въ эти тихіе годы безмятежно счастливой жизни въ поэтическихъ *Шарметахъ*, деревушкѣ около Шамбери. Вотъ подробное описаніе его дня въ Шарметахъ, съ нѣжною памятью занесенное имъ на страницы *Confessions*:

„Обыкновенно я вставалъ очень рано, до восхода солнца, и отправлялся на свою утреннюю прогулку. Большею частью я выбиралъ для этого тропинку, проложенную выше нашего виноградника, по живописной мѣстности, и выводившую меня къ Шамбери. Тамъ, во время этой уединенной прогулки, я творилъ свою утреннюю молитву. Никакихъ заученныхъ словъ я не произносилъ при этомъ. Молитва моя заключалась въ восторженномъ поклоненіи сердцемъ моимъ Тому, Кто сотворилъ эту чудную природу, что окружала меня. Я не люблю молиться въ комнатѣ: мнѣ кажется, что стѣны

и всё эти мелочи окрестъ меня становятся между Богомъ и мною. Я люблю познавать Его въ Его твореніи и сердцемъ своимъ возноситься къ Нему. Мои молитвы были чисты. Я просилъ жизни, невинной и спокойной, безъ пороковъ, болѣзней, тяжелыхъ лишеній; я просилъ смерти праведныхъ и ихъ участи въ будущей жизни. Но болѣе, нежели въ прошеніи, эта молитва заключалась въ поклоненіи и сердечномъ умиленіи. Я зналъ, что заслуживать милость Того, Кто распредѣляетъ блага этой жизни, надо не столько просьбами, къ Нему обращенными, сколько доброю жизнью. Надо не столько просить, сколько заслужить... Съ прогулки я возвращался другою дорогою, дѣлая значительный обходъ и съ любовью слѣдя взоромъ по мирнымъ картинамъ сельской жизни, природы, труда,—картинамъ, которыя однѣ никогда не надѣдаются.

„Послѣ завтрака я отправлялся къ своимъ книгамъ, въ мою комнату, гдѣ и занимался до обѣда. Начиналъ я съ философскихъ сочиненій, въ родѣ *Logique Essai* Локка, Мальбранша, Лейбница, Декарта и другихъ. Я, конечно, не могъ не видѣть, что авторы эти постоянно противорѣчатъ другъ другу. Сначала я задался химерическимъ планомъ ихъ согласовать. Я изнемогалъ подъ этою непосильною задачею и много потерялъ на нее времени. Я терялъ голову и не подвигался впередъ въ моемъ философскомъ развитіи. Наконецъ, я отказался отъ этой химеры и избралъ другой методъ изученія, которому я и обязанъ всѣми своими успѣхами на этомъ пути и который былъ наиболѣе пригоденъ для меня, вообще мало способнаго къ ученію. Принимаясь за какого-нибудь автора, я ставилъ своею задачею усвоить его точку зрѣнія, проникнуться его идеями и слѣдовать за нимъ, не примѣшивая ни своихъ идей, ни идей другого мыслителя, никогда не стараясь его оспаривать или ему противорѣчить. Я сказалъ себѣ: начнемъ съ того, чтобы скопить въ головѣ цѣлый магазинъ идей, истинныхъ и ложныхъ, но непремѣнно ясныхъ, и предоставимъ въ будущемъ головѣ моей, уже достаточно наполненной идеями, разобраться въ нихъ и выбрать болѣе вѣрныя. Я сознаю, что методъ этотъ имѣетъ свои неудобства, но мнѣ онъ много помогъ въ моемъ самообразованіи. Въ концѣ нѣсколькихъ лѣтъ, посвященныхъ такому мышленію по слѣдамъ другихъ, почти безъ критики и собственной оцѣнки, я оказался обладателемъ достаточно значительнаго капитала идей и методовъ, чтобы

•

обратиться къ собственной мысли и не нуждаться болѣе въ помощи другихъ. Послѣ, когда странствованія и дѣла лишили меня возможности предаваться по прежнему книгамъ, мысль моя невольно и постоянно возвращалась къ прочитанному, къ сравненію, провѣркѣ, критикѣ. Я обстоятельно взвѣшивалъ силу доводовъ, я судилъ своихъ учителей. Довольно поздно я далъ свободу своему критическому мышленію, но, кажется, это не ослабило его. И когда я публиковалъ свои собственные идеи, меня никто не обвинялъ въ заимствованіи, въ слѣпомъ слѣдованіи указкѣ учителей, въ клятвахъ *in verba magistri*.

„Отъ философіи я переходилъ къ элементарной геометріи. Я никогда не поднялся въ этомъ изученіи выше. Недостатокъ памяти заставлялъ меня много разъ возвращаться къ началу и снова повторять все пройденное. Эвклидъ былъ мнѣ не по вкусу. Онъ гонится болѣе за цѣлью доводовъ, нежели за связностью идей. Геометрія Лами мнѣ, напротивъ того, очень понравилась, и Лами сталъ однимъ изъ любимѣйшихъ моихъ авторовъ. Порою и теперь съ удовольствіемъ перечитываю его сочиненія. Послѣ геометріи слѣдовала алгебра, и тотъ же Лами былъ и здѣсь моимъ руководителемъ. Когда я изучилъ элементарную алгебру по Лами, я занимался *Наукою Исчисленія* Рейно, потомъ его же *Analyse démontrée*, который, впрочемъ, я лишь поверхностно перечиталъ. Никогда я не былъ достаточно посвященъ въ тайны математическаго анализа, чтобы вполне усвоить приложеніе алгебры къ геометріи. Мнѣ былъ не по вкусу этотъ методъ оперировать надъ геометрическими данными, ихъ не видя, и рѣшать геометрическую проблему при помощи алгебраическихъ уравненій мнѣ казалось все равно, что играть арію, вертя рукоятку шарманки. Когда, напр., впервые я нашелъ, путемъ исчисленія, что квадратъ двучлена равняется суммѣ квадратовъ составляющихъ его членовъ съ приложеніемъ удвоеннаго произведенія этихъ же членовъ другъ на друга, я не былъ удовлетворенъ этимъ исчисленіемъ и, не смотря на его совершенную точность, только тогда довѣрился выводу, когда провѣрилъ его графически. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы я не любилъ алгебры вообще, но она увлекала меня лишь въ области абстрактныхъ величинъ. Когда же ее примѣняли къ пространственнымъ величинамъ, я желалъ видѣть, какъ эта операція осуществляется въ фигурахъ и линіяхъ. Иначе мой умъ отказывался уразумѣть сущность рѣшенной теоремы и ея правильность.

„За алгеброй слѣдовалъ латинскій языкъ. Это были самыя трудныя для меня часы ученія, и многаго я не успѣлъ достигнуть въ этомъ предметѣ. Сначала я слѣдовалъ методу de Port Royal, но безплодно. Эти варварскіе стихи мнѣ были противны, и мои уши были для нихъ глухи. Я терялся въ лабиринтѣ правилъ и, выучивая послѣднее, я забывалъ предъидущее. Заучиваніе словъ тоже не можетъ быть успѣшно для ума, почти лишеннаго памяти. Я упорствовалъ долго на этомъ пути, надѣясь развить память. Въ концѣ-концовъ пришлось все-таки оставить этотъ методъ. Я достаточно усвоилъ строеніе языка, чтобы, при помощи словаря, читать нетрудныхъ авторовъ. Я выбралъ эту дорогу и по ней двигался успѣшнѣе. Я дѣлалъ устный переводъ читаемаго и, упражненіями и временемъ, достигъ способности довольно свободно читать латинскихъ авторовъ, но никогда не могъ ни писать, ни говорить по латыни. Это обстоятельство порою ставило меня въ затруднительное положеніе послѣ того, какъ я, неизвѣстно почему и какъ, былъ включенъ въ сословіе литераторовъ. Другое неудобство такого самообученія заключалось въ невозможности усвоить просодію и версификацію. Я затратилъ много усилій и труда на это изученіе, потому что желалъ чувствовать гармонію языка прозаическаго и поэтическаго. Я долженъ былъ убѣдиться, однако, что безъ учителя это почти невозможно. Усвоивъ самый легкій размѣръ, именно гекзаметръ, я имѣлъ терпѣніе проскандовать почти всего Virgilia, отмѣтивъ повсюду ударенія и долготу слоговъ. Потомъ, когда я бывалъ въ сомнѣніи, должно ли почитать данный слогъ долгимъ или короткимъ, я обращался къ моему размѣченному Virgilio. Очевидно, это вело меня нерѣдко къ ошибкамъ, въ виду нѣкоторыхъ льготъ и пропусковъ, допускаемыхъ правилами латинскаго стихосложенія. Такимъ образомъ, если самообученіе имѣетъ свои преимущества, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно изобилуетъ и неудобствами и трудностями. Я знаю это лучше кого бы то не было.

„Передъ обѣдомъ я оставлялъ книги и, если еще оставалось время до обѣда, шелъ навѣстить моихъ друзей, голубей, или ухаживалъ за растеніями въ саду. Къ обѣду я приходилъ обыкновенно въ отличномъ расположеніи духа и съ прекраснымъ аппетитомъ. Вообще, аппетитъ меня никогда не покидаетъ, даже когда я боленъ. Мы обѣдали самымъ пріятнымъ образомъ въ веселыхъ разговорахъ, не торопясь. Два или три раза въ недѣлю, смотря по погодѣ, мы пили послѣобѣденный кофе

въ саду, въ бесѣдѣ, тѣнистой и прохладной, которую я обсадилъ хмелемъ и которая доставляла намъ много отрады во время зноя. Затѣмъ мы осматривали огородъ, наши цвѣтники, садъ... Въ концѣ сада я имѣлъ свою маленькую семью: это были мои пчелы. Я ихъ посѣщаль ежедневно. Съ интересомъ слѣдилъ я за ихъ трудами; меня забавляло наблюдать, какъ онѣ возвращались съ бедрами, до такой степени навьюченными добычею, что съ трудомъ передвигали ногами. Въ первое время мое любопытство показало имъ нескромнымъ, и два или три раза онѣ укусили меня. Но затѣмъ мы такъ хорошо познакомились, что я могъ подходить такъ близко, какъ хотѣлъ: онѣ не трогали меня. И какъ бы ни были полны ульи, готовые выпустить рой, какъ бы пчелы меня ни окружали, садились мнѣ на руки, на платье, ползали по лицу, онѣ никогда не кусались. Всѣ животные не довѣряютъ человѣку. Они имѣютъ слишкомъ много основаній для этого. Но однажды они убѣждаются, что человѣкъ не желаетъ имъ зла, они вполне довѣряются ему, и надо быть по истинѣ дикаремъ, чтобы обмануть это довѣріе.

„Послѣ этого отдыха я снова возвращался къ книгамъ. Послѣобѣденныя занятія мои можно, впрочемъ, скорѣе называть отдыхомъ и удовольствіемъ, нежели ученіемъ. Систематическая работа послѣ обѣда, среди зноя, мнѣ была затруднительна, и я просто читаль, не изучая. Меня занимала особенно исторія географіи и, какъ это не требовало напряженія ума, я достигъ порядочныхъ результатовъ, насколько мнѣ память это позволяла. Я хотѣлъ такъ же изучить Пето и погрузился-было въ сумракъ хронологіи, но критика, безъ дна и безъ береговъ, не пришлась мнѣ по вкусу. Болѣе привлекало меня точное измѣреніе времени по движенію свѣтилъ небесныхъ. Я очень увлекся даже астрономіей, но отсутствіе инструментовъ сдерживало это увлеченіе. Пришлось ограничиться общими понятіями, усвоенными изъ книгъ, и общимъ ознакомленіемъ съ небомъ при содѣйствіи небольшихъ зрительныхъ трубъ, которыя были мнѣ необходимы, какъ ближнему. Не могу не припомнить кстати одного маленькаго комическаго приключенія, порожденнаго моими астрономическими наблюденіями. Чтобы ознакомиться съ созвѣздіями, я приобрѣлъ небесную планисферу (карту сѣвернаго неба). Я натянулъ ее на раму и, въ ясныя звѣздныя ночи, я выходилъ съ нею въ садъ, гдѣ укрѣплялъ ее на четырехъ шестахъ, вышиною въ мой ростъ, обращая картою внизъ и освѣщая

снизу свѣчей, спрятанной въ ведро (чтобы не задувалъ вѣтеръ). Затѣмъ, наблюдая карту простымъ глазомъ, а небо въ трубу, я старался изучить звѣзды и созвѣздія. Нашъ садъ былъ на возвышеніи и съ дороги было видно все, что въ немъ дѣлается. Однажды, запоздалые крестьяне, проходя мимоувидѣли меня за этими занятіями, вдобавокъ одѣтаго въ довольно необыкновенный костюмъ. Свѣтъ, падающій снизу на мою планисферу, причемъ источникъ свѣта былъ отъ нихъ скрытъ; четыре шеста, поддерживающіе громадный листъ, покрытый какими-то знаками; наконецъ, отраженія свѣта зрительною трубою, бѣгавшія окрестъ при движеніи трубы,— все это порождало въ нихъ идею о волшебствѣ. Они крайне перепугались, и мой костюмъ никакъ не могъ ихъ успокоить: ночной колпакъ на головѣ, дамскій ватный капотъ на плечахъ (который меня заставила надѣть заботливая баронесса) должны были окончательно убѣдить ихъ, что передъ ними колдунъ, а полуночное время внушило имъ мысль о началѣ шабаша. Испуганные, они поспѣшили удалиться и разбудили сосѣдей, передавая имъ свои ужасныя наблюденія. На утро уже вся окрестность знала, что вчера ночью состоялся шабашъ колдуновъ и вѣдьмъ въ нашемъ саду. Не знаю, къ чему привели бы эти слухи, если бы одинъ изъ крестьянъ, бывшихъ свидѣтелями моего колдовства, не донесъ объ этомъ немедленно двумъ іезуитамъ, насъ посѣщавшимъ. Не зная еще, въ чемъ дѣло, они поспѣшили успокоить крестьянина. Они рассказали мнѣ эту исторію, я объяснилъ имъ причину, но все же было рѣшено, что я больше не буду рисковать и оставляю мое остроумное изобрѣтеніе, а справляться съ небесною картою буду дома. Читатели моихъ *Писемъ съ Горы* запомнившіе эпизодъ о моей венеціанской магіи, конечно, найдутъ что съ давнихъ временъ я имѣю призваніе къ колдовству.

„Таковъ былъ мой образъ жизни въ Шарметтахъ, когда я не былъ занятъ полевыми работами, къ которымъ я всегда чувствовалъ большую склонность. По скольку позволяли мои слабыя силы, я старался дѣлать всю крестьянскую работу. Правда, эти силы были такъ невелики, что я могу говорить скорѣе о своихъ желаніяхъ въ этомъ отношеніи, нежели объ исполненіи“.

Эта длинная цитата изъ *Исповѣди* прекрасно рисуется жизнь Руссо въ эти годы. Описаніе это относится къ лѣту 1736 года, но всѣ лѣта съ 1733 по 1739 годъ были въ общихъ чертахъ одинаковы. То же упорное самообученіе, то же

наслажденіе природою, та же мирная жизнь. Зимніе дни, проводимые въ городѣ, отличались отъ лѣтнихъ вакаціонныхъ преподаваніемъ музыки и службою въ статистическомъ бюро. Научныя занятія, однако, не прекращались и зимою; они только разнообразились въ теченіе этихъ шести-семи лѣтъ. По мѣрѣ изученія, одни предметы замѣнялись другими, одни авторы слѣдовали за другими. Философія, математика, латинскій языкъ и музыка составляютъ, однако, постоянное занятіе этого слабого здоровья, но сильнаго духомъ человѣка, сѣмъѣвшаго не только заполнить пробѣлы недоконченнаго элементарнаго обученія, но и приобрѣсти широкое философское и литературное образованіе. Эти спокойныя, трудовые и счастливыя годы вооружили нашего мыслителя для его уже приближающейся всемірной дѣятельности.

С. Южаковъ.

МОИ ВОЕННЫЕ ГОДЫ.

Отрывокъ изъ автобіографіи

Проф. Андр. Ник. Векетова.

Въ 1843 году, лѣтомъ, я еще былъ студентомъ Петербургскаго университета, а осенью уже вступилъ, какъ говорится, въ ряды російскаго воинства. Случилось это такъ: когда отецъ нашъ, пріѣхавъ изъ деревни, сталъ разспрашивать меня о моихъ занятіяхъ, то я, по обыкновенію, рассказаль ему свои дѣла съ полною откровенностью. Будучи на восточномъ факультетѣ, я какъ разъ на лекціи арабскаго языка ходилъ всего меньше, да и остальные посѣщаль съ малымъ усердіемъ, хотя ходилъ даже въ публичную бібліотеку читать Тацита и Нибура во французскомъ переводѣ. Экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ, кромѣ арабскаго, выдержаль блистательно, получивъ по пятеркѣ у профессоровъ Никитенки (русская словесность), М. С. Куторги (всеобщая исторія) и Фишера (психологія), чѣмъ я былъ обязанъ преимущественно своей памяти, счастію, а также, думается мнѣ, снисходительности профессоровъ. Изъ арабскаго я былъ такъ слабъ, что не хотѣлъ даже идти на экзаменъ. Тоненькую грамматику уважаемаго и добрѣйшаго нашего арабиста — Попова, — я, правда, старался изучить, но на лекціи, — на которыхъ упражнялись въ переводахъ изъ хрестоматіи, — не являлся. Мнѣ еще не было тогда и 18 лѣтъ, а потому я не считаль для себя несчастіемъ остаться второй годъ на курсѣ. Кто-то изъ товарищей, встрѣтивъ меня на улицѣ, удивился, что я не иду на экзаменъ. Узнавъ причину моего воздержанія, онъ сталъ меня увѣрять, что профессоръ въ высшей степени снисходителенъ и что я успѣю потомъ справиться съ арабскимъ языкомъ. — „Да иди же скорѣе, экзаменъ какъ разъ въ ходу“ — говорилъ онъ, и потащилъ меня

въ университетъ. Нерѣшительно и робко вошелъ я въ аудиторію, но тотчасъ былъ позванъ профессоромъ къ столу. Онъ мнѣ сдѣлалъ отеческое внушеніе, выразилъ увѣренность въ томъ, что я примусь серьезно за дѣло, и поставилъ мнѣ удовлетворительный баллъ. Такимъ то-образомъ я перешелъ во второй курсъ восточнаго факультета и все это рассказалъ отцу. Не находя во мнѣ рвенія къ наукамъ, отецъ сталъ уговаривать меня перейти на службу въ гвардію. Въ тѣ времена большинство дворянскихъ дѣтей стремились туда, и почти всѣ мои многочисленные двоюродные и троюродные братья были военными. Сначала я держался крѣпко, а отецъ настаивалъ лишь слегка; онъ даже купилъ мнѣ знаменитую въ то время арабскую грамматику Сильвестра де-Сосси. Я было принялся за нее съ нѣкоторымъ жаромъ, но дѣло было прекрасное, прогулки съ отцомъ, котораго мы, братья, сильно любили и который сталъ для насъ теперь, когда мы уже выросли, какъ бы старшимъ братомъ,—все это не особенно способствовало изученію арабскаго языка. Словомъ сказать, я согласился сдѣлаться гвардейцемъ и 25 сентября 1843 года получилъ, за подписью ректора П. А. Плетнева, увольненіе изъ университета, а 9 октября того же года вступилъ сначала унтеръ-офицеромъ, а затѣмъ юнкеромъ, лейбъ-гвардіи въ Егерскій полкъ.

Не помню хорошенько, какимъ способомъ мнѣ сшили форменную одежду, но она у меня скоро явилась. То былъ мундиръ съ черными отворотами, киверъ въ видѣ опрокинутаго вверхъ дномъ ведра, съ шаровиднымъ помпономъ, два черныхъ блестящихъ ремня, перекрещивающихся на груди, на которыхъ сзади висѣлъ тесакъ и сумка для патроновъ. Все это, съ солдатскимъ ружьемъ на придачу, было довольно-таки тяжело. Сверху была еще сѣрая шинель.

Получивши весь этотъ воинственный снарядъ, я совершенно успокоился, засѣлъ дома и принялся за прежнее, т.-е. за времяпровожденіе съ товарищами студентами и за чтеніе книгъ. Мнѣ какъ-то въ голову не приходило, что надо бы понавѣдаться въ полкъ. Такъ прошло недѣли двѣ. Но вотъ въ одно утро, когда мы сидѣли за чаемъ, входитъ егерскій солдатъ въ полной парадной формѣ съ ружьемъ и объявляетъ мнѣ, что онъ назначенъ ко мнѣ въ дядьки и что меня приглашаетъ явиться къ себѣ ротный командиръ капитанъ Мандерштернъ.

Дядьками назывались въ тѣ времена солдаты, исполнявшіе

при юнкерахъ обязанности деньщиковъ съ тою, однако же, разницею, что они изъ строя не освобождались и завѣдывали, главнымъ образомъ, юнкерскою аммунициею. Дядьку моего звали Петрявовымъ; онъ былъ изъ старообрядцевъ и оставался при мнѣ до конца.

Облачившись въ мундиръ, отправился я къ своему ротному, жившему въ одной изъ ротъ Измайловскаго полка. Это былъ очень малаго роста, приземистый и сутуловатый офицеръ съ рыжими волосами и усами. Его небольшой орлиный носъ и сѣрые пронизательные глаза не служили, однакоже, симптомами суровости нрава. Онъ принялъ меня очень любезно, протянулъ руку, просилъ садиться и, сказавъ, что мнѣ приходится начать фронтное обученіе подъ руководствомъ одного изъ отдѣленскихъ унтеровъ, обратился къ постороннимъ разговорамъ. Оказалось, что онъ занимается съ большимъ увлеченіемъ энтомологіею и вообще чувствуетъ влеченіе къ естественнымъ наукамъ. Во все время, пока онъ былъ моимъ ротнымъ, онъ обращался со мною въ высокой степени доброжелательно, и я сохранилъ объ этомъ превосходномъ, добромъ и высоко образованномъ человѣкѣ самое теплое воспоминаніе.

Послѣ Мандерштерна было у меня нѣсколько ротныхъ командировъ и обо всѣхъ я храню хорошія воспоминанія, но память о Мандерштернѣ во мнѣ и до сихъ поръ самая живая.

Послѣ него былъ Бартоломей, оказавшійся ориенталистомъ. Снисходительность его ко мнѣ была, можно сказать, невѣроятна, если принять во вниманіе суровость службы тѣхъ временъ. Какъ теперь помню слѣдующую сцену: замѣнивъ Мандерштерна, Бартоломей сдѣлалъ мнѣ смотръ, т.-е. заставилъ меня продѣлывать передъ собою ружейные приемы. Дѣло было въ казармахъ. Я къ этому времени уже былъ обученъ и продѣлывалъ эти приемы какъ говорится *tant bien que mal*. Но вотъ дошло дѣло до прицѣла. Нужно было постепенно и ровно поднять ружье, разумѣется, съ правой стороны, но именно этого я никакъ не могъ сдѣлать потому, что у меня правый глазъ былъ уже и тогда почти лишенъ зрѣнія, на немъ было бѣльмо. Ружье мое постоянно забирало влѣво. Командиръ мой началъ уже сердиться и требовать повторенія приема, но ружье все гнуло влѣво. Командиръ началъ мнѣ довольно строго выговаривать. Тогда разсердился и я, и опустилъ ружье внизъ.

— Да вѣдь я же вамъ говорилъ, — сказалъ я не безъ запальчивости, — что у меня правый глазъ не видитъ. Чего же вы отъ меня требуете?

За подобную продерзость во фронтѣ въ тѣ времена легко было угодить въ солдаты куда-нибудь въ отдаленныя мѣста, но мой ротный просто оставилъ меня въ повоѣ и съ тѣхъ поръ уже меня и не тревожилъ.

Затѣмъ былъ не столь снисходительный командиръ, о которомъ у меня осталась въ памяти его охота къ сѣченію: какъ ни придешь въ казармы, все кого-нибудь поряты, а ротный приговариваетъ. Впрочемъ, этимъ дѣломъ постоянно занимался фельдфебель, не знаю, самъ ли отъ себя или по приказанію. Что же касается до побоевъ, до ручной расправы, то безъ этого не обходились не только фельдфебель, но и унтеръ-офицеры и всякіе инструкторы... Не стану, впрочемъ, останавливаться на этихъ тяжелыхъ картинахъ — отъ нихъ отдѣляется насъ полвѣка, и я благодарю судьбу за то, что она дала мнѣ возможность самому быть свидѣтелемъ тогдашнихъ военныхъ порядковъ, ибо тутъ съ поразительною ясностью и отчетливостью проявился великій прогрессъ, совершившійся съ тѣхъ поръ въ жизни русскаго народа.

Былъ и еще одинъ ротный командиръ, переведенный къ намъ изъ арміи, — очень красивый, но и очень не далекій брюнетъ. Про него рассказывали, что онъ на парадахъ любитъ свою тѣню. Онъ тоже вздумалъ сдѣлать мнѣ смотръ, остался недоволенъ и обратился ко мнѣ съ увѣщательною рѣчью.

— Вы, — сказалъ онъ въ заключеніе, — хотя и проходили всякія науки и алгебру и даже геометрію; но этого для фронтовой службы вовсе недостаточно, — прибавилъ онъ впрочемъ совершенно справедливо.

Баталіоннымъ моимъ командиромъ былъ полковникъ Степановъ, отличнѣйшій, очень, притомъ, образованный человекъ, да еще въ высшей степени добрый и доброжелательный. Онъ былъ знаткомъ живописи и коллекціонеромъ картинъ. Отнесся онъ ко мнѣ вполне отечески, что оказалось въ особенности при выступленіи нашемъ въ красносельскій лагерь. Было жарко; шелъ я, разумѣется, пѣшкомъ съ ружьемъ и ранцемъ, въ который мой отецъ командиръ наложилъ апельсиновъ. Въ лагерь же отвелъ онъ мнѣ чутъ ли не свою собственную палатку.

Этимъ лагернымъ временемъ заключился первый годъ моей военной службы. Жилъ я въ продолженіи его скорѣе студент-

сбою, чѣмъ юнкерскою жизнью: ходилъ даже въ университетъ и на этотъ разъ не на восточный, а на камеральный факультетъ. Тогда-то я впервые обратился къ естественнымъ наукамъ, увлекался прекрасными лекціями Степана Семеновича Куторги и даже принялся за составленіе записокъ хозяйственной ботаники по Медзгеру, тогдашній экземпляръ книги котораго у меня и до сихъ поръ хранится. Къ несчастью, лекціи могъ я посѣщать тогда рѣдко.

Въ этотъ-то годъ я ознакомился хорошо съ жизнью русскаго гвардейскаго солдата. Меня дѣломъ не затрудняли, даже на дежурствахъ въ казармахъ, даже и солдаты въ обыкновенное время не были завалены ученьями. Но безпрестанные разводы и смотры, вотъ что ихъ донимало. Всего болѣе страдали новобранцы. Тогдашняя маршировка, особенно знаменитый тихій учебный шагъ, стоили цѣлую бездну горя деревенской молодежи, попадавшей въ строевую службу. Бывало, смотришь, какъ по цѣлымъ часамъ какой-нибудь увалень-рязанецъ стоитъ на одной ногѣ, руки по швамъ, а его осматриваетъ со всѣхъ сторонъ какой-нибудь отдѣленскій, тыкая кулакомъ то въ одну, то въ другую часть тѣла, которую, по его соображеніямъ, требуется то подтянуть, то подобрать, то выпятить. Кромѣ кулаковъ, пускались въ ходъ и штыковые ножны съ мѣднымъ наконечникомъ, причемъ пациентъ приглашался еще смотреть веселѣе.

Со своимъ дядькой Петряковымъ я очень сошелся. Онъ былъ отличный служака, а нравомъ тихъ и нѣсколько суровъ. Спиртнаго въ ротъ не бралъ и, сидя въ казармахъ на своей койкѣ, постоянно читалъ старыя священныя книги.

Въ лагерь на мою долю пришлось еще менѣе работы, чѣмъ въ городѣ. Тутъ я познакомился со многими товарищами юнкерами изъ другихъ полковъ, которые не менѣе меня благодумствовали.

На смотрахъ, впрочемъ, я участвовалъ и ходилъ у лѣваго фланга въ замкѣ, т.-е. сзади. Это, впрочемъ, продолжалось не долго. На одномъ такомъ смотре шли мимо полковника, стоявшаго верхомъ. Я, упустивъ изъ виду односторонность своего зрѣнія и, задумавшись, сталъ забирать влѣво все болѣе и болѣе, какъ вдругъ надъ моимъ ухомъ раздался громкій и веселый голосъ полковника.

— Вы это куда, господинъ юнкеръ Б., въ поле по горохъ, что ли?

Я почти наткнулся на батальоннаго и къ ужасу увидѣлъ, что рота моя маршируетъ гдѣ-то въ сторонѣ, а я самъ по себѣ.

Приключеніе это, впрочемъ, не имѣло для меня никакихъ послѣдствій, кромѣ развѣ того, что меня остерегались брать въ строй.

Видѣлъ я въ это время и разгулъ и буйное веселье, въ которыхъ самъ вовсе не принималъ участія—почему, не умѣю себѣ хорошенъко объяснить. Думаю, впрочемъ, что меня очень оберегали семейныя традиціи, скажу даже прямо—семейное начало. Безъ отца, безъ братьевъ, съ которыми мы всегда были горячими друзьями, мнѣ какъ-то плохо жилось, я еще былъ почти ребенкомъ-мальчикомъ, несмотря на мои 19 лѣтъ. Это проявилось, между прочимъ, ребяческою шалостью, благодаря которой я чуть не сжегъ всего лагеря. Мнѣ какъ-то вздумалось устроить у себя въ палаткѣ фейерверкъ, къ которому у меня была слабость еще въ гимназій. Для этого набралъ я какъ можно больше пороку и устроилъ громадную римскую свѣчу. Укрѣпилъ я ее на срединѣ палатки, зажегъ и сталъ любоваться огненнымъ фонтаномъ, бившимъ до самаго верха, и все это въ совершенномъ одиночествѣ. Но когда фонтанъ не унимался, и дымъ наполнилъ всю палатку, я выскочилъ вонъ и въ ужасѣ ожидалъ, что вотъ придутъ и потянутъ меня къ отвѣту. Но никто даже и не замѣтилъ этой продѣлки, только Петряковъ откуда-то явился и сдѣлалъ мнѣ отеческій выговоръ.

Дѣло въ томъ, что въ лагерь въ это вечернее время отдыхали, а мѣстами бражничали и веселились. У офицерскихъ палатокъ стояли мѣстами пѣсенники и музыканты: раздавался ухорскій хоръ, топотъ трепака угощенныхъ отцами-командирами солдатъ, бубны и т. д. Въ этотъ же вечеръ, помнится, солдаты одной роты съ криками ура! носили на рукахъ своего ротнаго, знаменитаго тогда въ полку капитана Ридигера. Этотъ храбрый офицеръ былъ весь въ шрамахъ и орденахъ, былъ душа-человѣкъ, но любилъ разгулъ.

Кончился и лагерь. Усталый полкъ возвращался подъ вечеръ въ пыльный городъ. Подходя къ казармамъ, я былъ пораженъ видомъ необыкновеннаго метеора. Низко, почти что надъ крышами пронесся огромный огненный шаръ. Я закричалъ: „смотрите, смотрите!“ — но никто на мой крикъ не отозвался, усталыя головы были понурены, глаза опущены въ землю, и, повидимому, никто не обратилъ вниманія на это великолѣпное явленіе.

Такъ-то и въ людской жизни проносятся иногда блестящія метеоры, не замѣчаемые толпою и безслѣдно пропадающіе. Второй годъ моей военной карьеры имѣлъ совершенно другой характеръ. Приходилось приготовляться къ офицерскому экзамену. Для этого я поступилъ въ подготовительное заведеніе артиллериста, капитана Александрова, у котораго и жилъ. Это былъ человѣкъ съ высокими достоинствами, старавшійся всѣми силами передать нужныя и солидныя знанія, учившимся въ его домѣ юнкерамъ всѣхъ оружій. Самъ онъ преподавалъ тактику, а остальные предметы были поручены по большей части преподавателямъ тогдашней школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Преподаватели эти получали, безъ сомнѣнія, значительную плату, и злые языки говорили, что вся суть дѣла именно въ томъ и состояла, и что всѣ, безъ сомнѣнія, выдержать экзамень, такъ какъ благоволеніе экзаменаторовъ обезпечено заранѣе. Не знаю, какъ состоялся экзамень, мнѣ не довелось до него добраться, но знаю однако, что преподаватели исполняли свое дѣло превосходно и что отъ доброй воли господъ юнкеровъ зависѣло научиться весьма многому: стоило только слушать прекрасно излагаемыя лекціи и приготовляться къ репетиціямъ. Но, увы! не такъ понимало дѣло большинство обучавшихся, изъ которыхъ только немногіе жили въ самомъ домѣ. Остальные помѣщались на сторонѣ, вели свѣтскую жизнь, были по большей части богаты или тароваты и спѣшили пользоваться молодою жизнью. Полная свобода была предоставлена и тѣмъ, которые жили въ стѣнахъ пансіона. Лекціи происходили по вечерамъ, такъ какъ утро должно было посвящаться военнымъ упражненіямъ въ казармахъ или въ манежѣ.

Итакъ, вечеромъ собиралась въ просторной и хорошо освѣщенной комнатѣ порядочная и пестрая толпа молодежи: кто въ темнозеленыхъ мундирахъ съ красными отворотами, кто въ бѣлыхъ колетахъ и т. д. Тутъ было много молодыхъ блиставшихъ здоровьемъ и жаждавшихъ радостей жизни, но не познаній.

Въ первые дни все шло довольно чинно, но мало-по-малу ряды начали разстраиваться. Пили чай, разносимый во время самыхъ лекцій лавеемъ, уходили въ сосѣднюю воннату покурить и даже побалагурить... все это, разумѣется, не способствовало ни тишинѣ, ни порядку и не служило къ ободренію преподавателей.

Химию началъ было читать проф. Александръ Абрамовичъ

Воскресенскій. На первой лекціи производился опытъ добыванія кислорода изъ красной окиси ртути. Лампа Берцеліуса, нагрѣвавшаяся на ней реторта, весь составъ снаряда живо меня заинтересовала. Профессоръ просто и ясно излагалъ свой предметъ, но, должно быть, непривычный для него звонъ шпоръ, довольно шумное чаепитіе и разговоры, хотя и въ полголоса, навели на него нѣкоторый страхъ. На слѣдующей лекціи появился, вмѣсто него, горный инженеръ Ивановъ, впрочемъ, очень хорошей преподаватель.

Остальные не смущались: читали, не обращая вниманія на окружающее. А лекціи, право, были преинтересныя. Тутъ я выслушалъ и прошелъ курсъ политической экономіи у Соловского, новой исторіи — у Тимаева, фортификаціи, тактики и пр. Отъ отвѣтовъ по большей части уклонялись, но если, бывало, кто согласится отвѣчать, то преподаватель, такъ сказать, вѣплялся въ него, и не отпускалъ до конца.

За многія изъ приобретенныхъ мною тогда свѣдѣній я благодаренъ и до сихъ поръ: они несомнѣнно дополнили мое общее образованіе. Мнѣ, напр., никогда бы не пришло въ голову заняться военными науками и уставами, а между тѣмъ, познакомившись съ ними, хотя и въ элементарномъ видѣ, я въ большемъ пониманіи, а слѣдовательно, и съ большимъ интересомъ могу читать историческія сочиненія, въ родѣ хоть бы прекрасной исторіи итальянскихъ суворовскихъ походовъ Д. А. Милютина, за которую авторъ получилъ отъ С.-Петербургскаго университета степень почетнаго доктора исторіи *).

Но вотъ приближался рѣшительный моментъ: передъ экзаменомъ изъ наукъ предстояло явиться на смотръ передъ начальникомъ гвардейскаго корпуса, которымъ былъ въ то время Самъ Наслѣдникъ Престола, Его Высочество Александръ Николаевичъ. Смотръ этотъ состоялся въ Михайловскомъ манежѣ. Были собраны всѣ пѣхотные юнкера. Насъ выстроили въ одну шеренгу и тщательно изслѣдовали наше снаряженіе.

По приходѣ Наслѣдника смотръ начался ружейными приемами. Сначала все шло порядочно, но вотъ скомандовали: на плечо. Я съ импотомъ метнулъ свое оружіе, оно выскочило изъ моей руки и полетѣло вверхъ. Обѣими руками поймалъ я его на лету и помѣстилъ-таки въ должное положеніе.

*) Въ этомъ присужденіи участвовалъ и я, какъ членъ университетскаго Совѣта.

не. Къ счастью, Наслѣдникъ не замѣтилъ этой продѣлки, но ее замѣтили генералы, бывшіе въ свитѣ Его Высочества, особенно дивизионный командиръ нашъ, генераль Афросимовъ.

Послѣ ружейныхъ приемовъ появился цѣлый преобращенскій батальонъ. Онъ былъ раздѣленъ на мелкіе отряды, избравшіе собою батальоны и роты. Юнкера должны были исполнять должности ротныхъ командировъ. Стоя на флангахъ, они казались пигмеями передъ преобращенскими гигантами, казавшимися еще выше въ своихъ высокихъ волосатыхъ каскахъ.

Скомандовано было построение колонны, чуть ли не колонны къ атакѣ по одной изъ нормъ.

Тотчасъ оказалась полная неурядица. Импровизованные командиры выходили не въ свое время, становились это какъ хотѣлъ: одинъ спиною, другой лицомъ къ фронту, третій вообще не трогался съ мѣста. Командовать начали вдругъ не въ свою очередь и т. д. Всего же любопытнѣе было то, что преобращенцы, зная и безъ команды, что имъ дѣлать, пришли въ движеніе и стали производить маневръ съ непоколебимою точностью, не обращая вниманія на попадавшихъ имъ подъ ноги и спасавшихся отъ нихъ командировъ-юнкеровъ... Словомъ, произошла кутерьма невообразимая.

Его Высочество махнулъ рукой и отвернулся. Батальону скомандовано: „вольно“. Вокругъ Наслѣдника собралась вся свита. Послѣ непродолжительнаго разговора вполголоса, Наслѣдникъ удалился скорыми шагами, только этимъ однимъ выразивъ свое неудовольствіе. Вслѣдъ за нимъ исчезла вся свита, а при насъ остался полковникъ Семеновскаго полка Швабсъ. Онъ выстроилъ насъ въ 2 шеренги, и подъ его командою мы учились еще часа 2 или 3. Это было неприятно, но мы, помнится, особой усталости не почувствовали и послѣ этого ученія. Намъ объявлено было, что мы имѣемъ ежедневно являться въ казармы Семеновскаго полка, гдѣ будемъ учиться подъ начальствомъ полковника Швабса. Такъ и произошло. Полковникъ оказался требовательнымъ, училъ насъ подолгу, но велъ себя съ нами вполнѣ джентльменомъ.

Лекціи у капитана Александра шли своимъ чередомъ. Наконецъ весною, чуть ли не въ маѣ мѣсяцѣ, въ одно прекрасное утро намъ велѣно собраться на площадкѣ передъ Зимнимъ Дворцомъ для втораго смотра.

Когда я въ своей формѣ и съ ружьемъ сталъ выходить на площадку, тамъ уже было нѣсколько юнкеровъ и гене-

ралы. Но только-что я сталъ приближаться, какъ раздался сердитый голосъ генерала Афросимова.

— Вонъ, вонъ!—кричалъ этотъ голосъ.

Въ недоумѣніи, не зная, къ кому относится этотъ привѣтъ, я сдѣлалъ еще шагъ впередъ, но скоро долженъ былъ убѣдиться, что генераль имѣетъ ввиду именно мою особу.

Этимъ собственно заключилась моя военная карьера. Я повернулъ назадъ и черезъ Дворцовый мостъ направился къ брату Николаю Николаевичу, жившему тогда на Петербургской сторонѣ, въ нѣмецкой семьѣ лицейскаго воспитателя Грандиссона.

Я не только не чувствовалъ никакого унынія, но мнѣ даже стало очень радостно, такъ какъ я не только въ теоріи, но и на практикѣ убѣдился, что военная служба не по мнѣ. Не всѣ же будутъ ко мнѣ такъ великодушны и добры, какъ Наслѣдникъ престола!

Къ брату Николаю я явился во всеоружіи, рассказалъ ему свои приключенія, и мы много смѣялись. Я тотчасъ же написалъ отцу обо всемъ происшествіи, испрашивая у него позволенія выйти въ отставку и снова поступить въ университетъ.

Все это—да и самая отставка—затянулось очень долго, а я все еще считался въ полку и отъ времени до времени долженъ былъ туда являться.

Но вотъ однажды утромъ является ко мнѣ Петряковъ въ состояніи великаго возбужденія. Незадолго до того выражалъ онъ мнѣ желаніе почитать творенія св. Димитрія Ростовскаго и очень сожалѣлъ, что негдѣ ихъ достать. Я ему рассказалъ про Публичную Библіотеку и посоветовалъ туда сходить. Сначала такое предпріятіе показалось ему весьма продерзостнымъ; однако, пораздумавъ немного, онъ рѣшился и вскорѣ получилъ желаемое.

— Вчера,—разсказывалъ мнѣ Петряковъ съ волненіемъ,— былъ у насъ смотръ, а на смотръ пожаловалъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Кончился смотръ, Великій Князь вдругъ громко говорить: „Рядовой такой-то роты, Петряковъ!“ Я выхожу впередъ, а Его Высочество изволитъ говорить: „Рядовой Петряковъ былъ въ Публичной Библіотекѣ, читалъ житіе св. Димитрія Ростовскаго и вель себя добропорядочно. Не наказывать его!..“

— Ну такъ что же, — говорю я Петрякову,—чего же ты боишься?

— А то, баринъ, что когда все кончилось, стали меня спрашивать, какъ я попалъ въ Библіотеку, и кто мнѣ туда дорогу показалъ. Я сказалъ, что какой-то штафира, что стоялъ у Гостиного Двора, а кто онъ таковъ, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.—Такъ ужъ вы, баринъ, такъ и знайте, коли до васъ доберутся; не то еще вамъ попадетъ...

Никто, однакожъ, изъ-за этой исторіи не тревожилъ ни меня, ни Петрякова, и на этомъ именно эпизодѣ обрываются мои полковыя воспоминанія.

Наступили инья времена, инья впечатлѣнія, заволокшія, какъ туманомъ, эти мои военные годы, которые такъ неожиданно пересѣкли мой истинный путь; ступивъ на него, я съ тѣхъ поръ неуклонно оставался ему вѣренъ.

А. Бенетовъ.

МАРІАНА.

Романъ Э. Альгрень.

(ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО).

Э. АЛЬГРЕНЪ.

Викторія Бенедиктсонъ — таково дѣйствительное имя романистки, подписывавшей свои сочиненія псевдонимомъ «Эрнстъ Альгрень» — принадлежитъ къ числу талантливейшихъ шведскихъ писательницъ новѣйшей школы. Несмотря на кратковременность ея литературной дѣятельности, пресѣченной преждевременной и трагической смертью, Альгрень успѣла занять видное мѣсто въ европейской литературѣ. Лучшими ея произведеніями признаются романы «Маріана» и «Деньги». Послѣдній уже появился въ русскомъ переводѣ *); романъ «Маріана» появляется на русскомъ языкѣ въ первый разъ.

По поводу сочиненій Э. Альгрень одинъ англійскій критикъ выразился, что «это лучшее изъ того, что когда-либо удалось написать женщинамъ». Подобное мнѣніе является нѣсколько преувеличеннымъ, но несомнѣнно, что Э. Альгрень принадлежитъ къ числу талантливейшихъ современныхъ писательницъ.

Э. Альгрень родилась 5-го марта 1850 г. въ родовомъ имѣніи, въ окрестностяхъ Трелеборга. Ея отецъ, Туре Бруцеліусъ, довольно легкомысленный и суетный человекъ, былъ помѣщикомъ. Отношенія между нимъ и его женой, матерью будущей писательницы — крайне суровой женщиной — были очень дурныя. Подобныя отношенія не могли не отразиться на маленькой Викторіи самымъ печальнымъ образомъ. Дѣвущикѣ жилось въ родительскомъ домѣ такъ тяжело, что уже на семнадцатомъ году она стала добиваться, чтобы ее отпустили жить самостоятельнымъ трудомъ. Родители долго сопротивлялись такому намѣренію, но Викторія сумѣла поставить на своемъ и взяла мѣсто гувернантки въ знакомой семьѣ. Родители не могли простить ей этого позорнаго, по ихъ мнѣнію, шага, и лишили ее всякой поддержки.

*) Въ журналѣ «Русская Мысль» за 1892 г.; смотри рецензію въ «М. Б.», 1893 г., № 10.

Слабая здоровьемъ, нервная и совсѣмъ неподготовленная къ житейскимъ бурямъ, дѣвушка быстро убѣдилась въ неспособности взятой ею на себя роли и попыталась примириться съ родителями, но была отвергнута. Попытка всецѣло предаться живописи и существовать трудомъ рисовальщицы тоже не увѣчалась успѣхомъ. Тогда, измученная и сломленная невзгодами, она, наконецъ, рѣшилась не любя выйти замужъ за пожилого вдовца, почтмейстера Бенедиктсона, давно уже добивавшагося ея руки. Насколько бракъ безъ любви былъ тяжелъ для нравственно-чуткой и свободолюбивой Викторіи Бенедиксонъ, видно изъ того, что на первыхъ же порахъ замужества она сдѣлала неудавшуюся попытку къ самоубійству... Въ довершеніе невгодъ она слегла на цѣлыхъ два года вѣдствие мучительной болѣзни колѣннаго сустава, и затѣмъ осталась навѣки прикованной къ костылямъ. Къ этому присоединилась еще болѣзнь сердца, причинившая ей тяжелыя удушья, мѣшавшая работать и заставлявшая жить въ постоянномъ ожиданіи смерти.

Такова была обстановка, въ которой начала писать Викторіа Бенедиктсонъ. Между тѣмъ, и въ литературѣ ей вначалѣ не повезло. Несмотря на бросающуюся въ глаза талантливость первыхъ же повѣстей Викторіи Бенедиктсонъ, цѣлыхъ восемь лѣтъ она не могла найти издателя, и журналы упорно отказывались помѣщать ея произведенія. Наконецъ, въ 1884 году появился отдѣльнымъ изданіемъ первый сборникъ ея рассказовъ, сразу завоевавшій симпатіи публики, вопреки равнодушію критиковъ, ни словомъ не отозвавшихся о новой книгѣ. Въ слѣдующемъ 1885 году былъ напечатанъ романъ «Деньги», который обратилъ на себя, наконецъ, вниманіе критики. Но въ то же время затронутые писательницею жгучіе вопросы вызвали въ печати цѣлый рядъ полемическихъ статей и ожесточенныхъ нападокъ.

Такое страстное отношеніе печати крайне обострило нервность больной писательницы и побудило ее усиленно работать, чтобы болѣе опредѣленно высказаться и разсвѣять недоразумѣнія. Въ теченіе двухъ лѣтъ она написала большой романъ «Fru Magiane», два тома повѣстей и рассказовъ, драму «Final» и множество недоконченныхъ набросковъ. Подобная лихорадочная дѣятельность созидала Э. Альгрень громкое имя, но въ то же время окончательно подорвала ея здоровье, а переутомленіе парализовало способность къ дальнѣйшему творчеству. Уже въ концѣ 1887 года писательница съ ужасомъ замѣтила, что не въ силахъ больше создать что-либо выдающееся. Въ это время она, уже расставшись съ мужемъ, должна была существовать исключительно литературнымъ заработкомъ. Совокупность всѣхъ этихъ нравственныхъ страданій и житейскихъ невгодъ оказалась не подъ силу человѣку, измученному долгодѣтними физическими недугами, и въ минуту душевнаго безсилія Э. Альгрень лишила себя жизни.

Она умерла 22-го іюля 1888 года въ Копенгагенѣ, гдѣ и была погребена. На надгробномъ ея памятникѣ вырѣзана всего два слова: *inproga* расет (молять о мирѣ).

В. Ф.

I.

Госпожа Бьёркъ сидѣла въ маленькой буфетной съ чайнымъ полотенцемъ на колѣняхъ и чистила миндаль, когда запахнулась дверь, и въ комнату вошла Маріана.

— Мама!—сказала она, подходя къ столу.—Посмотри, какое странное я получила письмо.

— О чемъ это?

— Прочти сама!

Дѣвушка подала письмо и сѣла по другую сторону стола, а госпожа Бьёркъ стала читать:

„Милостивая государыня!

Я не любитель длинныхъ предисловіи, и потому съ первыхъ же строкъ сдѣлаю вамъ прямой вопросъ: хотите ли быть моей женой? Я знаю, что на такой вопросъ нельзя отвѣтить, не подумавши, тѣмъ болѣе, что вы меня плохо знаете; но я и не жду немедленнаго отвѣта, развѣ что вы вполнѣ увѣрены, что отвѣтъ будетъ отрицательный, и въ такомъ случаѣ, разумѣется, нѣтъ причинъ не сказать этого сразу. Можетъ быть, однако, вы допускаете возможность, что я вамъ поправлюсь болѣе, когда вы узнаете меня ближе? Въ такомъ случаѣ, намъ слѣдуетъ познакомиться покороче, и я прошу разрѣшенія представиться вашимъ родителямъ. Не удивляйтесь сухости этого письма. Я считаю лучшимъ ограничиться въ немъ только самымъ необходимымъ, такъ какъ, въ случаѣ отказа, намъ обоимъ будетъ легче на душѣ, если мы не скажемъ ничего лишняго.

Не откажите въ письменномъ отвѣтѣ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ къ вамъ

Бергеръ Ольсонъ“.

— Ольсонъ? Мнѣ незнакомо даже имя!—задумчиво проговорила мать, поглядывая на Маріану.

— Онъ помѣщикъ; я встрѣчалась съ нимъ лѣтомъ у пастора въ Гальсторпѣ.

— Ты никогда не говорила о немъ. Что онъ за человѣкъ?

— Право, мама, я его едва замѣтила. Онъ молодъ—двадцати шести, двадцати семи лѣтъ не болѣе,—очень молчаливъ и ничѣмъ не выдѣляется между другими...

— Онъ изъ Гальсторпа?

— Нѣтъ. Онъ пріѣзжалъ по желѣзной дорогѣ. Кажется, у него были какія-то дѣла съ пасторомъ, но его всегда приглашали къ обѣду.

— Ну, и что же?

— Да вѣдь я ничего больше не знаю объ этомъ человѣкѣ!

— Пользуется онъ уваженіемъ?

— Должно быть. Пасторская семья сильно ухаживала за нимъ. Мнѣ даже показалось, что за него прочили одну изъ дочерей...

— Вотъ какъ!

Госпожа Бьёркъ вздохнула съ облегченнымъ сердцемъ. Ужь если тѣ ловили его, значить, партія недурная!..

— Не пойти ли намъ въ отцу?—спросила она, помолчавъ.

— Хорошо, пойдёмъ.

Обѣ встали. Маріана пошла впередъ; госпожа Бьёркъ осторожно сложила на блюдо миндаль и послѣдовала за дочерью. Онѣ застали отца за письменнымъ столомъ.

Господинъ Бьёркъ сидѣлъ спиной въ дверямъ, но, при звукѣ шаговъ, быстро обернулся. Это былъ красивый старикъ, съ правильными чертами лица, сѣдыми курчавыми бакенбардами и такими же большими усами. Густыя, черныя брови составляли рѣзкій контрастъ съ сѣдиной волосъ и бороды и невольно приковывали вниманіе къ свѣтившимся подъ ними большимъ, синимъ глазамъ, еще полнымъ огня и жизни. Вообще, это былъ хорошо сохранившійся старикъ, и, повидимому, лицо его привыкло чаще выражать безпечность и веселость, чѣмъ озабоченность.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ тономъ, въ которомъ ясно послышался невысказанный вопросъ: небось, опять деньги и деньги? При этомъ онъ съ комическимъ отчаяніемъ поднялъ обѣ руки вверху, а въ лицѣ его выразился приторный ужасъ.

— Успокойся; на этотъ разъ мы пришли не за деньгами!—сказала госпожа Бьёркъ, и опустилась на одно изъ кресель у письменнаго стола.—Прочти-ка это письмо... Оно къ Маріанѣ.

Отецъ взялъ письмо и быстро прочелъ его.

— Что это за Ольсонъ?—спросилъ онъ.

— Я сама почти ничего не знаю о немъ. У него имѣніе, которое называется, кажется, Темте, или какъ-то въ этомъ родѣ.

Отецъ негромко, но протяжно свистнулъ.

— Такъ вотъ это какой Ольсонъ!—проговорилъ онъ вполголоса, точно опасаясь, что его подслушаетъ кто-нибудь посторонній.—Да вѣдь это богачъ!

— Кажется, онъ богатъ! — согласилась и Маріана, но безъ всякаго увлеченія. — Развѣ ты его знаешь, папа?

— Я слышала о немъ, т.-е. я слышала, что, покупая имѣніе, онъ выложилъ всѣ деньги наличными, сполна. Это было въ прошломъ году. Говорятъ, дѣльный человѣкъ... Такъ вотъ это кто! Ну, что же ты намѣрена отвѣтить, моя дѣвочка?

— Ахъ, папочка, право, не знаю! — отвѣтила Маріана съ гримасой избалованнаго ребенка. Эта гримаска была очень мила и очень шла къ ея миловидному лицу съ маленькимъ, капризнымъ ротикомъ.

— Ну, обдумай дѣло хорошенько, а я наведу справки.

— Да, папа, справься о немъ. Я вѣдь ничего не знаю! Дѣвушка обняла отца и выпорхнула изъ кабинета.

На слѣдующій день совѣтникъ Бьеръ имѣлъ уже всѣ необходимыя справки о Бергерѣ Ольсонѣ, и свѣдѣнія оказывались самыми утѣшительными. Никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что Маріанѣ представлялась отличная партія.

Родители имѣли долгое между собой совѣщаніе, и мадамъ Бьеръ, убѣдившись въ достовѣрности собранныхъ мужемъ свѣдѣній, отправилась къ Маріанѣ. Та еще не спала, а сидя читала у своего письменнаго столика.

Госпожа Бьеръ казалась взволнованной. На ея щекахъ горѣли красныя пятна.

— Ну, Маріана, — сказала она, — рѣшайся! Надо написать ему сегодня же. Папа собралъ о немъ вѣрныя свѣдѣнія: это человѣкъ хорошій и дѣльный; притомъ, дѣйствительно, съ хорошимъ состояніемъ.

— Но... вѣдь онъ сынъ мужика!

— Это ничего не значитъ. Онъ образованный человѣкъ.

— Но, мама, родня? Впрочемъ, вѣдь еще ничего не будетъ рѣшено, пока вы съ папой не узнаете его ближе. Посмотримъ, каковъ онъ.

— Такъ напиши ему, чтобы пріѣхалъ въ воскресенье. Я закажу къ обѣду четвертое блюдо.

Онѣ обнялись, пожелали другъ другу покойной ночи, и мать вышла.

Маріана вынула изъ бювара листъ щегольской почтовой бумаги, съ изящнымъ вензелемъ въ углу, и написала:

„Господишь патронъ! *)

Благодарю за письмо. Пока могу отвѣтить только одно, что мои родители будутъ рады принять васъ у себя въ воскресенье. Дальнѣйшее покажетъ будущее.

М. Б.“

Это было написано во вторникъ. Уже въ четвергъ она получила отвѣтъ.

„Милостивая государыня!

Благодарю за письмо, и еще болѣе за надежды, которыя оно мнѣ даетъ въ будущемъ. Но ни слова объ этомъ пока! Вовсе не хочу, чтобы вы связали себя опрометчивымъ рѣшеніемъ. Я даже вовсе не намѣренъ уговаривать васъ сдѣлаться моей женой. Если не можете рѣшиться на это по собственному влеченію, пусть лучше этого и не будетъ. Во всякомъ случаѣ, ничто не должно мѣшать безусловной свободѣ выбора.

Теперь одно маленькое замѣчаніе въ скобкахъ. Не титулируйте меня „патрономъ“. Я ненавижу титулы вообще, а этотъ мнѣ въ особенности противенъ. Называйте меня землевладѣльцемъ, или адресуйте просто: господину такому-то.

Васъ можетъ удивить, что пишу это длинное письмо передъ самымъ свиданіемъ. Но дѣло въ томъ, что въ разговорѣ я не всегда бываю достаточно развязенъ, а надо же высказаться. Это—остатокъ крестьянской застѣнчивости, отъ которой я постараюсь со временемъ отдѣлаться. Но теперь она еще существуетъ и мѣшаетъ мнѣ говорить, а вы вправѣ потребовать отъ меня многихъ объясненій прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь окончательное. О моемъ положеніи въ обществѣ и проч. вы, разумѣется, можете собрать справки на сторонѣ. Но мой внутренній міръ можетъ быть разъясненъ только мною однимъ, потому что, строго говоря, друзей и довѣренныхъ людей у меня нѣтъ. Я говорю, конечно, о настоящихъ друзьяхъ, такъ какъ пріятелей у меня столько же, какъ и у всякаго другого.

Постараюсь рассказать о себѣ вполне откровенно.

Мои родители—крестьяне. Отецъ умеръ, но мать еще жива. Она живетъ въ имѣніи моего старшаго брата—насъ только двое—и владѣетъ въ этомъ имѣніи своей вдовьей частью. Я всегда былъ ея любимцемъ, и она охотно бы поселилась у меня, но ей оказалось не подъ силу разстаться съ землей, на которой она провела всю свою жизнь. Прибавлю, что ея поло-

*) Въ Швеціи помѣщики недворянскаго происхожденія титулуются «патронами».

Примѣч. переводчика

женіе въ родовомъ имѣніи настолькоъ самостоятельно, что она отнюдь не зависитъ ни отъ старшаго сына, ни отъ невѣстки.

Я не былъ въ университетѣ. Мой отецъ находилъ, что университетское образованіе совсѣмъ лишнее для земледѣльца, какимъ я во всякомъ случаѣ остался бы... Очень трудно разстаться съ земледѣліемъ тому, кто выросъ въ деревнѣ. Не имѣтъ посявовъ, коровъ, лошадей—да для меня это просто не жить! Я охотно допускаю, что существуютъ на свѣтѣ болѣе интересныя занятія, но я всегда чувствовалъ, что рожденъ именно для земледѣлія, и для меня другого занятія не существуетъ. Скорѣе бы я согласился быть простымъ рабочимъ въ деревнѣ, чѣмъ барининомъ въ городѣ! Вотъ почему я не противорѣчилъ отцу и остался безъ высшаго образованія.

Итакъ, я не былъ въ университетѣ и не получилъ высшаго образованія. Я учился въ сельской школѣ, потомъ въ реальномъ училищѣ и, наконецъ, въ агрономическомъ институтѣ— вотъ и все. Говорю это не для того, чтобы жаловаться. Но, не смотря на всѣ мои сельскія наклонности, я отъ природы одаренъ любознательностью и далеко не удовлетворенъ своими познаніями. Очень бы хотѣлось мнѣ быть человекомъ, развитымъ въ томъ смыслѣ, какъ я это понимаю! Однако, не заключайте изъ этого, что я неучъ, и повѣрьте, что, хотя во мнѣ и осталось много деревенщины, но я совсѣмъ человекъ не грубый.

Глубокая привязанность, всегда существовавшая между мной и моей матерью, говоритъ за меня. А вѣдь говорятъ же, что хорошій сынъ бываетъ обыкновенно и хорошимъ мужемъ.

Однако, я замѣчаю, что пишу совсѣмъ не то, что хотѣлъ бы. Странно, всѣ мои письма выходятъ такими неясными и мертвыми, и совсѣмъ не выражаютъ того, что я чувствую. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что есть чувства, которыя рвутся наружу, но которымъ я пока не хочу дать воли! Во всякомъ случаѣ, я человекъ дѣла, и не люблю отдаваться мечтамъ, въ осуществленіи которыхъ не увѣренъ.

Пока, до свиданія!

Б. О.“

Маріана получила это письмо послѣ обѣда, отдыхая на кушеткѣ съ романомъ въ рукахъ. Она бросила книгу, прочла письмо, и задумалась. Что-то горячее и захватывающее наполнило ея душу. Это оригинальное письмо Ольсона, свадьба, представлявшаяся весьма вѣроятной, такъ необыкновенно начинавшійся романъ!.. Да, было о чемъ подумать...

Въ ней была какая-то смѣсь природной разсудительности съ сентиментальной взвинченностью. До сихъ поръ она не сдѣлала не одного неосторожнаго шага, сколько случаевъ къ тому ни представлялось, и во всей ея жизни не было ни одной невиннѣйшей любовной исторіи. Она никогда не забывала, что вся будущность дѣвушки зависитъ отъ ея репутаціи, и была очень осторожна; но это, однако, не мѣшало ей имѣть массу поклонниковъ, и не было счета серенадамъ, букетамъ, поздравительнымъ телеграммамъ, пиенникамъ и тому подобнымъ знакамъ поклоненія, которые она получала отъ кавалеровъ, хотя ничѣмъ и не поощрала ихъ ухаживаній. Словомъ, она кокетничала ровно столько, сколько допускали это свѣтскія приличія, и ее такъ же мало можно было назвать холодной кокеткой, какъ и увлекающейся натурой.

Но втайнѣ она дорожила поклоненіемъ и любила нравиться. Поэтому одѣвалась она всегда старательно, съ большимъ искусствомъ, и научилась тысячѣ маленькихъ ухищреній, придававшихъ ея туалету оригинальность и какую-то своеобразную прелесть.

День послѣ бала она цѣнила столько же, какъ и самый балъ. Утомленіе не портило настроенія; никто не мѣшалъ ей по цѣлымъ часамъ лежать на кушеткѣ съ полузаврытыми глазами, погруженной въ чудныя грезы. Она не любила видѣть свой вчерашній, помятый нарядъ, и мать заботливо прятала всѣ принадлежности балнаго туалета, пока дочь еще спала. Только вѣреть она оставляла у себя, потому что любила перебирать его въ рукахъ, припоминая вчерашнія удовольствія и мысленно переживая ихъ вторично.

Нѣчто похожее на такое послѣбальное настроеніе ощущала она и теперь, хотя предметомъ грезъ было будущее, а не минувшее. Она старалась представить себѣ впечатлѣніе, которое произвела на Ольсона. Ея воображеніе плѣнялъ контрастъ, котораго нельзя было не замѣтить между ея и его характерами. Она вызывала въ мечтѣ его образъ, и почему-то представляла его себѣ страстнымъ и вспыльчивымъ, не смотря на добродушную, спокойную наружность. Она мечтала быть любимой человекомъ горячимъ, почти грубымъ, — и это казалось ея испорченному воображенію особенно интереснымъ. Такимъ представляла она себѣ мужа Ольсона.

Если бы онъ былъ бѣденъ, ей и въ голову не пришло бы мечтать о немъ, такъ какъ онъ превратился бы для нея въ ничтожество. Но вѣдь отецъ собралъ вѣрные свѣдѣнія о

томъ, что Ольсонъ наслѣдовалъ цѣлыхъ двѣсти тысячъ, а за послѣдніе два года еще увеличилъ свое состояніе... И вотъ Бергеръ Ольсонъ превратился для нея въ свирѣпаго, но интереснаго, Рочестера, котораго предстояло обуздать ея маленькимъ ручкамъ.

II.

Быль пасмурный, холодный сентябрьскій день. Дождь то и дѣло поливалъ улицы; изъ всѣхъ водосточныхъ трубъ струились цѣлые потоки. Нелегкая была задача отдѣлаться въ такую погоду отъ мальчиковъ и квартирантовъ, но все же удалось ихъ спровадить въ церковь, и тогда господа Вьёркъ почувствовали себя свободнѣе. Ольсона ожидали съ утреннимъ поѣздомъ, часамъ въ десяти.

Всѣ были немножко взволнованы. Мать окончила распоряженія по хозяйству и ходила, разодрѣтая, по тщательно прибраннымъ комнатамъ. Отецъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, прислушиваясь, не прозвучитъ ли въ передней звонокъ. Маріана ходила изъ угла въ уголь по гостиной, въ раздумьи поглядывая въ окна.

Не смотря на полноту, она была хорошо сложена и обладала мягкой, граціозной походкой. Во всѣхъ ея движеніяхъ проявлялась мягкость, вполне соответствовавшая выраженію лица, въ которомъ обыкновенно проявлялись безпечность и склонность къ веселью. Но теперь она казалась взволнованной, хотя въ ея волненіи не было ничего непріятнаго. За послѣдніе дни вопросъ о сватовствѣ Ольсона былъ разсмотрѣнъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, и чѣмъ больше его обсуждали, тѣмъ очевиднѣе становилось, что Маріанѣ придется согласиться на этотъ бракъ. Тетки и дяди Маріаны такъ прямо и говорили, что отказать такому жениху было бы просто безуміемъ; при этомъ всѣ намекали на стѣсненные дѣла ея отца, и никогда еще Маріана не была такъ подробно посвящена въ эти запутанныя дѣла.

Итакъ, все указывало на неизбѣжность помолвки.

Сочли необходимымъ пока скрыть дѣло отъ братьевъ Маріаны. Однако, тѣ догадались, что въ домѣ готовятся къ чему-то особенному, и ушли въ церковь тоже немножко встревоженные. Даже прислуга въ домѣ заразилась этимъ, всѣхъ охватившимъ, волненіемъ.

Между тѣмъ дождь продолжалъ однообразно барабанить

въ окна, и минуты проходили невыносимо медленно. Мариана продолжала ходить по гостиной, задавая себѣ вопросы, что-то онъ ей скажетъ, и что-то она ему отвѣтитъ. Она уже нѣсколько разъ представляла въ своемъ воображеніи всю сцену свиданія, со всѣми подробностями, зная, что все произойдетъ совсѣмъ иначе, и желая угадать, что будетъ на самомъ дѣлѣ.

Вдругъ раздался звонокъ. Она вздрогнула. Вотъ оно, сейчасъ начнется!!!

Въ передней раздался голосъ отца, а затѣмъ чей-то другой, густой и не очень громкій, то же мужской, но совсѣмъ незнакомый. Вотъ шаги приближаются, и мужчины вошли въ гостиную.

Онъ поклонился у самыхъ дверей, и прямо направился къ ней. За нимъ съ приятной улыбкой шелъ будущій тесть.

Ожиданіе и любопытство такъ обострили зрѣніе Марианы, что она однимъ взглядомъ уловила все: его наружность, платье, малѣйшія подробности... Онъ былъ одѣтъ безукоризненно, но въ поклонѣ и походкѣ было что-то тяжеловѣсное... мужицкое...

Онъ подалъ Марианѣ руку и поздоровался съ нею, какъ старый знакомый. Въ его манерѣ держать себя было что-то спокойное и довѣрчивое, невольно сообщившееся и ей.

Всѣ разсѣлись по мѣстамъ и стали говорить о погодѣ. Въ глазахъ Ольсона замѣчался какой-то лукавый огонекъ; онъ, видимо, находилъ свое положеніе немножко комичнымъ и хотѣлъ бы улыбнуться, но удерживался... Во всякомъ случаѣ, онъ вовсе не былъ смущенъ, и совѣтникъ Бьёркъ казался несравненно болѣе сконфуженъ. Всѣ дѣлали видъ, что ничего особеннаго не происходило, и это дало Марианѣ время внимательно рассмотреть искателя ея руки. У него было обыкновенное лицо, ни красивое, ни безобразное. Борода охладистая, черная; такіе же густые волоса слегка вились у висковъ. На загорѣломъ лицѣ выдѣлялись свѣтло-сѣрые глаза, смотрѣвшіе внимательно и очень сповойно. Въ выраженіи было много добродушія, и въ то же время увѣренности въ себѣ, а двѣ складочки возлѣ угловъ глазъ изобличали наклонность къ юмору. Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ этомъ не было ничего особеннаго: такія лица легко забываются.

Когда вошла госпожа Бьёркъ, и всѣ вдоволь наговорили

лись о погодѣ, хозяинъ дома вдругъ вспомнивъ, что ему необходимо отправить нужное письмо, извинился, и вышелъ. Немного погодя, хозяйку отозвали въ буфетную, и молодые люди остались одни.

Водворилось неловкое молчаніе.

— Ну, что же?—спросилъ онъ.

— Право, не знаю, что сказать...

Бергеръ всталъ и приблизился къ ней.

— При такихъ условіяхъ мы никогда не познакомимся!— сказала онъ.—Уединяться, пока мы не помолвлены, неудобно, а въ обществѣ другихъ людей мы не можемъ сблизиться. Невыносимо сидѣть и болтать вздоръ, когда мысли заняты со-всѣмъ другимъ...

Въ немъ не было и тѣни дикой страсти, о которой мечтала Маріана. Но, противъ ожиданія, именно это-то его спокойствіе и добродушная прямота и плѣнили ее.

— Пожалуй, вы правы!— сказала она, и стала играть зеленымъ листикомъ, который сорвала съ ближайшаго растенія въ жардиньерѣ.

— А вѣдь для насъ съ вами,—прибавилъ онъ,—важнѣе всего сразу стать въ такія отношенія, при которыхъ мы могли бы высказаться прямо и показать себя такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ.

Маріана прислушивалась къ его словамъ и удивлялась, какое сильное впечатлѣніе производилъ на нее его голосъ. Онъ говорилъ вовсе не краснорѣчиво, даже нѣсколько растягивалъ слова, какъ бы обдумывая ихъ значеніе, почему рѣчь его теряла въ благозвучности. Но ей казалось, что она уже давно привыкла къ этому голосу, и въ немъ было что-то особенное, что ласкало и успокаивало ее... все это было со-всѣмъ, совсѣмъ не то, о чемъ она мечтала, а все-таки хорошо, хотя тутъ и не было ни выпучей страсти, ни романтическаго увлеченія.

А онъ ждалъ отвѣта, пристально смотря на нее. Вдругъ ихъ взгляды встрѣтились, но ни онъ, ни она не смутились.

— Слушайте, Маріана!— снова заговорилъ онъ.— Не начать ли намъ прямо съ обрученія?

Она взглянула на него почти испуганно, но онъ продолжалъ добродушно:

— Да, да! Вѣдь все равно, этимъ же кончится, надѣюсь! И не все-ли равно, если чувства созрѣютъ послѣ, а не до обрученія?

Какой странный человек! Она не могла не улыбнуться.

— Дѣло въ томъ, Маріана, хотѣлось бы вести себя прямодушно, какъ честному человеку, а нужно играть комедію. Зачѣмъ же это?

Его сповойствіе начинало ее немножко сердить. Развѣ такъ сватаются? Она вертѣла листикъ съ такой силой, что онъ весь изломался и сталъ мягкимъ.

— Ну-съ, я высказался! — заключилъ онъ, не дождав-шись отвѣта. — Рѣшайте сами!

— По моему, ни съ чѣмъ не сообразно, чтобы мы обручились, еще совсѣмъ не зная другъ друга! — проговорила она, наконецъ, — и неожиданно для себя вся покраснѣла.

— О, я понимаю васъ, — живо возразилъ онъ, — очень хорошо понимаю ваши опасенія. Но вѣдь обрученіе васъ ни къ чему не обязываетъ, и если ужъ нужно разыгрывать комедію, лучше ужъ такъ, чѣмъ иначе.

— Но...

— Понимаю, вы еще не имѣете ко мнѣ довѣрія. Еще бы! Вы, вѣрно, боитесь, что я грубъ, потому что я сынъ крестьянина? Вамъ страшно дать мнѣ права жениха?

— Ахъ, я сама не знаю! — отвѣтила Маріана такъ тихо, что онъ едва слышалъ. Ее озадачивало то, что она сама себя чувствовала совсѣмъ не такъ, какъ ожидала. И откуда эта робость, серьезность, охватившія всю ея душу? Что такое съ нею?

— Нѣтъ, Маріана, не думайте обо мнѣ такъ дурно! — снова заговорилъ онъ, наклоняясь къ ней. — Мы, крестьяне, тоже имѣемъ и добрыя чувства, и деликатность, хотя часто и не хотятъ допускать этого...

— Но вѣдь вы же не крестьянинъ! — вскричала она горячо.

— По наружности, нѣтъ, но въ душѣ я мужикъ, и никакая шлифовка не уничтожитъ во мнѣ природенныхъ особенностей мужика. И замѣтите, я не считаю этихъ особенностей худыми... Наоборотъ! Но онѣ такъ чужды вашимъ понятіямъ...

На этотъ разъ его голосъ совсѣмъ увлекъ ее. Она невольно подняла глаза и посмотрѣла на него. Его курчавая голова была такъ близка къ ней, что она почувствовала сильное желаніе приласкать ее и сказать, чтобы онъ не сердился. Но она устояла противъ соблазна.

— Впрочемъ, если я долженъ получить отказъ, то, ко-

нечно, лучше, если это случится теперь!—проговорилъ онъ, какъ бы сообразивъ что-то и вполне спокойно.

Она вздрогнула. Отказъ? Нѣтъ, она вовсе не намѣрена ему отказывать. Потерять его—все равно, что потерять что-то дорогое, привычное...

— Я нахожу только, что вы слишкомъ торопливы!— сказала она и, спохватившись, не вышло ли совсѣмъ ужъ не то, что она хотѣла сказать, смутилась, и уже не нашла, какъ поправиться.

— Пусть будетъ по вашему!— отвѣтилъ онъ, выпрямляясь и совсѣмъ измѣненнымъ голосомъ.— Какая уютная квартира у вашихъ родителей, mademoiselle Бьеръ! И обставлена съ такимъ вкусомъ...

Онъ оглядѣлся по сторонамъ, какъ бы любясь дѣйствительно изящной обстановкой комнаты, а Маріана сидѣла, не поднимая головы и быстро вертѣла между пальцами зеленый комочекъ, въ который обратился листъ. Она чувствовала себя совсѣмъ уничтоженной и съ трудомъ удерживала наворачивавшіяся на глаза слезы.

— Вы занимаетесь музыкой?—спросилъ онъ, взглянувъ на рояль.

— Да,— отвѣтила она чуть слышно.

— Да вы и поете!—прибавилъ онъ, беря съ этажерки нотную тетрадь и перелистывая ее.— Какъ жаль, что намъ ни разу не пришлось слышать ваше пѣніе въ Гальсторпѣ.

— Не велика потеря!— отвѣтила Маріана, пытаясь овладѣть собой, но голосъ дрожалъ, и она умолкла.

Наступило продолжительное молчаніе, а полившій дождь часто забарабанилъ въ оконныя стекла. Маріана съ ужасомъ думала, что сейчасъ братья вернутся изъ церкви, и она не успеетъ объясниться съ Ольсономъ. А каково будетъ потомъ за обѣдомъ? Она будетъ сидѣть, несчастная, смущенная, и всѣ замѣтятъ ея угнетенное состояніе... Пойдутъ догадки, намеки... А онъ будетъ попрежнему спокойно и равнодушно говорить о погодѣ...

Она бросила сомнанный листъ на коверъ, встала и отвернулась къ окну. Онъ продолжалъ просматривать ноты.

— Остались вы довольны вашимъ пребываніемъ въ Гальсторпѣ?—возобновилъ онъ бесѣду.

— Это невыносимо!—воскликнула она въ отчаяніи.

— Жить въ Гальсторпѣ?

— Нѣтъ, я говорю объ игрѣ, въ которую мы теперь играемъ...

Она обернулась и посмотрѣла на него, не пытаясь уже болѣе удерживать душившихъ ее слезъ.

— Вотъ какъ! Чего же вы хотите?

Онъ поигрывалъ своей цѣпочкой отъ часовъ и не спускалъ съ нея взгляда. Ея походка и мягкія, граціозныя движенія сводили его съ ума! Но онъ выжидалъ, и потому молчалъ.

Не дождавшись ободрительнаго слова, она положила обѣ руки на его руку, съ дѣтской мольбой заглянула ему въ лицо, и проговорила:

— Не сердитесь на меня!

Теперь уже не было никакого сомнѣнія, что онъ хорошъ собой! И пусть онъ мужикъ, или не мужикъ, пусть деликатень, или не деликатень, теперь ей все равно! Она знала только одно, что никому не уступитъ его, и когда онъ тихонько обнялъ ее, она и не подумала сопротивляться. Потомъ онъ склонился и поцѣловалъ ее, а она приняла этотъ знакъ обрученія, какъ нѣчто вполне естественное, и чувствовала себя такъ же спокойно, какъ бы съ самаго рожденія была его невѣстой.

Они взглянули другъ другу въ глаза и чуть не расхохотались.

— Я бы такъ хотѣлъ поговорить съ тобой! — сказалъ онъ. — Намъ не помѣшаютъ?

— Пожалуй, когда другіе вернутся изъ церкви.

— Это твоя комната? — спросилъ онъ, заглядывая въ хорошенькій будуаръ, отдѣленный отъ гостиной тяжелой портьерой.

— Моя.

— Вѣдь у тебя есть братья?

— Цѣлыхъ три.

— Они сейчасъ вернутся, и тогда у насъ не будетъ возможности поговорить на свободѣ?

— Такъ пойдемъ въ будуаръ.

— А знаешь, я похожъ на зайца, который оглядывается, нѣтъ ли по близости куста! Нужна привычка, чтобы освоиться съ положеніемъ жениха...

Оба засмѣялись и прошли рядомъ подъ портьерой. Бергеръ остановился на порогѣ.

— Какая прелестная комната! — вскричалъ онъ. — Ну, у меня далеко не такъ нарядно!

Ему пришло въ голову, что онъ и не желалъ бы обставлять свое жилище такой роскошью.

— Не бойся, у насъ будетъ хорошо!—возразила Маріана, желая его ободрить.

Она опустилась на кушетку, а онъ сѣлъ противъ нея, верхомъ на стулѣ, опершись скрещенными руками на спинку. Теперь уже онъ имѣлъ право любоваться ею вволю!

— Но мы вѣдь условились не торопиться?—спросилъ онъ, весело подраживая ее.

— Безъ колкостей!—смѣясь, возразила она.—Для этого ты еще слишкомъ недавній женихъ. У насъ даже нѣтъ колець!

— Кольцами мы обмѣняемся, если хочешь, завтра же. Я сегодня закажу.

— Хорошо. Но подумай, Бергеръ, вѣдь знакомые даже ничего не подозрѣваютъ. О, это будетъ восхитительно!

Лицо Ольсона стало серьезно.

— Однако, хорошо ли ты обдумала, Маріана? Посмотри-ка на меня спокойно, и сообрази, будешь ли ты когда-нибудь въ силахъ полюбить меня?

— Конечно, буду!

Она съ чувствомъ посмотрѣла прямо въ его честные глаза. Что-то неудержимо влекло ее къ нему, но въ то же время какая-то непривычная робость мѣшала ей выразить чувства. Можетъ быть, она не была вполне увѣрена въ нихъ, а въ его взглядѣ было что-то прямое, повелѣвавшее относиться къ нему честно...

Между тѣмъ, онъ пересѣлъ рядомъ съ нею на кушетку и овладѣлъ ея руками.

— Я такъ боюсь, чтобы ты не приняла опрометчиваго рѣшенія!—сказалъ онъ.—Подумай, что теперь было бы для меня гораздо легче перенести отказъ, чѣмъ послѣ.

— Я вовсе не намѣрена отказывать.

— Видишь ли, Маріана, теперь я былъ бы въ силахъ перенести отказъ. Но я не всегда бываю такъ спокоенъ... Потомъ, я не такъ-то легко откажусь отъ тебя! Вступить въ бракъ, это... это... Я хочу сказать, что ты, вѣроятно, обдумала все, да? Понимаешь ли, что если у тебя есть хоть малѣйшее отвращеніе къ этому союзу, то надо отъ него отказываться, потому что такое отвращеніе не исчезаетъ со временемъ, а только усиливается. Я знаю примѣры... Вотъ почему я настаиваю, чтобы ты отнеслась къ дѣлу осторожно... Если не можешь полюбить—откажись, Маріана. Иначе нельзя!

Говоря это, онъ, сжавъ ея руки, вдругъ выпустилъ ихъ красивымъ, сильнымъ движеніемъ. На минуту въ его глазахъ

свернулъ огонь, и этотъ огонь охватилъ и ее; но романтической страсти, о которой она мечтала, по прежнему, не было, а напротивъ.—было что-то здоровое, мощное, освѣжающее и поднимавшее душу.

Она почувствовала приливъ восторга и поступила именно такъ, какъ онъ того втайнѣ желалъ... Она ни слова не отвѣтила ему, а только обняла его обѣими руками, припавъ къ нему на грудь.

Волненіе придавало его лицу такое мужественное, оживленное выраженіе, что теперь онъ былъ уже положительно красивъ. Но не одна наружность привлекала къ нему Мариану. Во всѣхъ его словахъ, даже въ манерѣ держать себя, было что-то особенное, дѣйствовавшее на ея лучшія чувства и ее плѣнявшее. Восхищаясь имъ, она чувствовала себя точно лучшей, а потому и была такъ счастлива.

Жизнь представлялась имъ обоимъ прекраснымъ ландшафтомъ, черезъ который всѣ дороги казались одинаково прекрасными. Смѣло выступали они въ путь рука объ руку, одинъ подлѣ другого.

Послышались шаги, и мимо дверей будуара, будто случайно, прошла мадамъ Бьёркъ. Она притворилась, что не замѣтила ихъ, но Бергеръ остановилъ ее; точно вспомнивъ о чемъ-то надобливомъ, онъ проговорилъ:

— Да, твои родные!..

На мгновеніе предчувствіе чего-то непріятнаго затемнило его радость. Но сосредоточиться ему было некогда. Надо было заказать кольца, составлять объявленіе о помолвкѣ, думать о подаркахъ... все это въ такой день!

Бергеръ почувствовалъ, что летитъ съ своихъ облаковъ. Онъ оглядывался, точно ища помощи... И Евѣ, вѣрной своимъ традиціямъ, пришлось взять Адама за руку и руководить имъ.

— Теперь надо идти къ другимъ. Пойдемъ!—сказала она. Онъ повиновался и пошелъ за ней.

III.

Въ этотъ день не могло состояться официальное обрученіе, потому что кольца могли быть готовы не ранѣе слѣдующаго дня. Но такъ уже было нечего, и, согласно обычаю, составлено было объявленіе о помолвкѣ, которое тотчасъ же и отправили въ типографію газеты.

Когда старшіе два сына вернулись домой, мать встрѣтила ихъ въ передней. Ей хотѣлось самой сообщить имъ важную новость.

— Тсъ! — начала она, когда они шумно заговорили о чемъ-то. — Маріана обручена! Женихъ тамъ, въ гостиной...

— Вотъ такъ штука! — слышалось у вѣшалки, у которой студенты снимали пальто.

— Какъ это произошло? — прибавилъ старшій, рослый блондинъ, съ зачаткомъ совсѣмъ бѣлыхъ усовъ на верхней губѣ.

— Очень просто! Маріана получила отъ него письмо... Это было надняхъ. А теперь онъ сдѣлалъ формальное предложеніе...

— То-то мы замѣтили, что, готовится что-то особенное! — замѣтилъ второй сынъ, темноволосый молодой человѣкъ, съ блѣднымъ лицомъ. — Но вы держали себя такъ таинственно, что не хотѣлось спрашивать.

Въ это время дверь широко распахнулась, и въ прихожую влетѣлъ третій сынъ совѣтника, шестнадцатилѣтній гимназистъ.

— О чемъ идутъ пренія на сеймѣ? — вскричалъ онъ, и приснулъ со смѣху, замѣтя на лицахъ братьевъ торжественное выраженіе.

— Маріана выходитъ замужъ! — пояснилъ младшій студентъ.

— Те-те-те! Такъ вотъ что у насъ затѣялось!

Мальчикъ свистнулъ, подвинувъ въ потолокъ фуражку, и прибавивъ:

— Ай да Маріана!

— Бѣднякъ? — освѣдомился старшій.

— Богачъ! — отвѣтила мать тономъ, въ которомъ слышалось уваженіе.

При этомъ извѣстіи гимназистъ издалъ вторичный одобрительный свистъ и выкинулъ антраша. Это былъ юноша, съ большой круглой головой на очень тонкой шеѣ, придававшей ему видъ еще неоперившагося галчонка.

— Что за личность? — спросилъ темноволосый студентъ.

— Помѣщикъ! — вполголоса пояснила мать.

— Ну, не очень-то подь пару нашей шикарной Маріанѣ! Что она будетъ дѣлать въ деревнѣ? — отозвался младшій.

— Ты глупъ! — замѣтилъ ему на это Карлъ, самый старшій изъ троихъ.

— Чья бы корова мычала, а твоя бы ужь о глупости молчала! — отпарировалъ гимназистъ.

— Не шумите! — остановила мать, которую молодые люди не имѣли обыкновенія слушаться, но авторитетъ которой возросъ теперь отъ важности сообщенной новости.

— Онъ, конечно, у насъ обѣдаетъ? — спросилъ Карль, очень заинтересованный будущимъ богатымъ зятемъ.

— Разумѣется! — отвѣтила мать. — И, конечно, останется до вечера.

— А что говорить о немъ папа? — освѣдомился темно-волосый Вальтеръ!

— Папа очень доволенъ.

— Такъ этотъ господинъ въ самомъ дѣлѣ богатъ?

— До двухъ сотъ тысячъ...

— Надѣюсь, не... дутая цифра?

— Что ты? Что ты? Отецъ ужь навелъ самия обстоятельныя справки.

— Тогда, конечно... это что-нибудь да значить.

— Что-нибудь? — вскричалъ Карль. — По моему, — огромное счастье для Марианы, а вовсе не что-нибудь.

Братья направились въ свою комнату переодѣться къ обѣду, а мадамъ Бьеркъ поспѣшила въ кухню. Она ни за что не хотѣла спасовать передъ богатымъ женихомъ, и сама наблюдала за приготовленіемъ обѣда.

Въ гостиной сидѣли Мариана, женихъ и самъ совѣтникъ Бьеркъ. Обрученные уже получили родительскіе поцѣлуи, какъ полагается, съ растроганными взглядами, но родственныя отношенія не успѣли еще окрѣпнуть, и чувствовалась нѣкоторая натапнутость.

— Неужели тебѣ не было скучно въ Темте, гдѣ ты жилъ въ такомъ одиночествѣ? — спросилъ совѣтникъ.

— Нѣтъ, пока я не зналъ Марианы, мнѣ не было скучно! Вѣдь у меня было такъ много и дѣла, и заботъ. Вы не можете себѣ представить, сколько хлопотъ съ такимъ большимъ и запущеннымъ имѣніемъ, какое я приобрѣлъ.

— Конечно, хлопотно! Но, вѣдь, это, вѣжета, покупка недурная?

— Со временемъ Темте дастъ большіе доходы, но для этого нужно затратить много труда и денегъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ хорошо.

— А что ты дѣлаешь, Бергеръ, когда ты не занятъ? — спросила Мариана, неувѣренно выговаривая это „что“ и по-

нижая голось. Впрочемъ, была своего рода прелесть въ этомъ смущеніи, и она чувствовала себя хорошо.

— Я много читаю,—отвѣтилъ онъ.

— Что же именно?

— Прежде всего, мои газеты.

— Ты выписываешь ихъ нѣсколько?—не безъ удивленія освѣдомился будущій тестъ.

Бергеръ засмѣялся.

— Еще бы,—сказалъ онъ.—Я получаю „Шведскую Газету“, „Вечернюю“, „Дагблатъ“, „Новости“...

— Господи! На что тебѣ столько газетъ?

— Провѣряю однѣ другими,—отвѣтилъ, смѣясь, Ольсонъ.

— Можетъ быть, ты выписываешь столько газетъ для фельетоновъ?—проговорила Маріана.

— Я не читаю фельетоновъ.

Въ это время въ гостиную вошла дама въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ длиннымъ, острымъ носомъ, который она подымала такъ высоко, что онъ напоминалъ корабельный бугшпритъ. Двигалась она очень медленно, и такъ плавно, точно скользила на лыжахъ.

Это была квартировавшая у господъ Бьёркъ вдовствующая баронесса Шернкло.

Всѣ встали, и хозяинъ представилъ баронессѣ Бергера.

— Патронъ Ольсонъ!—сказалъ онъ торжественно.

Бергеръ поклонился и покраснѣлъ, услышавъ свой титулъ.

Между тѣмъ баронесса заняла мѣсто въ углу дивана, и хозяинъ дома тотчасъ же сталъ ее занимать. Она отвѣчала короткими фразами, чванилась и послѣ каждаго слова передергивала губами, отъ чего всякій разъ неизмѣнно вздрагивалъ ея великолѣпный бугшпритъ.

— Неужели вы не читаете романовъ?—спрашивала между тѣмъ Маріана жениха.

— Рѣдео. У меня такъ мало времени...

Появились братья Маріаны; ихъ представили очень церемонно, но они не могли скрыть любопытства, съ какимъ разсматривали будущаго зятя, и не спускали съ него глазъ. Потомъ вошли молодая дѣвушка, и два мальчика, тоже квартировавшіе у господъ Бьёркъ, и тогда все общество направилось въ столовую. Конечно, бугшпритъ баронессы былъ впереди всѣхъ и указывалъ дорогу остальнымъ.

Госпожа Бьёркъ сдѣлала все, что могла, чтобы поразить

Ольсона изяществом сервировки и качеством обѣда. Ольсонъ долженъ былъ почувствовать, что Маріана изъ *хорошаго* дома, и дѣлаетъ ему большую честь, выходя за него замужъ! За неимѣніемъ лакея, у буфета поставили служанку, которая тамъ вытягивалась и охорашивалась, какъ солдатъ на часахъ. Совѣтникъ церемонно указалъ Бергеру мѣсто возлѣ хозяйки, а самъ сѣлъ возлѣ баронессы, которая уже засѣдала на почетномъ концѣ стола, торжественная и прямая, какъ древо отъ стараго знамени.

Совѣтникъ налилъ мужчинамъ водки и, воднявъ рюмку, кивнулъ Бергеру.

— Извините, я не пью водки!—сказалъ Ольсонъ.

Совѣтникъ широко раскрылъ глаза. Не пить водки? Неужели этотъ человѣкъ принадлежитъ къ какой-нибудь сектѣ?

— Принадлежите къ обществу трезвости?—спросилъ онъ робко, стараясь скрыть неприятное впечатлѣніе, произведенное на него отказомъ Бергера.

— Нѣтъ,—возразилъ тотъ.—Но я врагъ водки.

— Въ такомъ случаѣ не настаиваю. Будьте здоровы!

Хозяинъ кивнулъ сыновьямъ, и опрокинулъ въ ротъ рюмку. Студенты поддержали компанію.

. Этотъ маленькій инцидентъ совсѣмъ испортилъ расположеніе духа совѣтнику. Можно ли было ожидать! Любитель холодной воды, апостолъ трезвости! Бѣдная Маріана!.. Досадно, что такихъ богатыхъ жениховъ немного, и отказать этому человѣку невысказано... Лишь бы онъ не оказался еще вдобавокъ изъ секты читальщиковъ!

Между тѣмъ, на другомъ концѣ стола, уже завязалась оживленная бесѣда. Госпожа Бьеркъ, всѣмъ довольная, болтала, не изсякая въ темахъ для разговора. Это, впрочемъ, не мѣшало ей смотрѣть въ оба и не забывать своихъ хозяйскихъ обязанностей. За столомъ, гдѣ распорядается она, никто обдѣленъ не будетъ—за это ужъ она ручается! Ея добродушіе подкупило въ ея пользу Бергера, и это ихъ сблизило. Притомъ, онъ любилъ практичность, а въ каждомъ ея словѣ и распорядженіи было много здраваго смысла и практичности.

Прямо противъ Бергера сидѣла Маріана, и рядомъ съ нею ея старшій братъ. Маріана чувствовала себя въ радостномъ, взволнованномъ настроеніи и едва касалась пищи. Зато Карлъ всей душой отдавался насыщенію тѣла. Ольсонъ не могъ удержаться отъ сравненія брата съ сестрой. Какое поразительное наружное сходство, и все-таки, какъ тутъ мало общаго!

Положительно, Бергеру еще не приходилось видѣть человѣка, до такой степени увлеченнаго ѣдой. Карлъ ничего не видѣлъ вокругъ себя, и даже не подозрѣвалъ, съ какимъ презрѣніемъ поглядывалъ на него самолюбивый и гордый Вальтеръ. Не количество пожиремой Карломъ пищи поражало Бергера, который и самъ обладалъ превосходнымъ аппетитомъ, а какое-то сладострастіе, съ какимъ тотъ ѣлъ. Онъ съ жадностью окидывалъ взглядомъ блюдо, съ котораго бралъ, и съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ выбиралъ куски, точно счастье рѣшительно всей его жизни зависѣло именно отъ этого выбора. Онъ всей своей массивной фигурой наклонялся надъ тарелкой, какъ бы оберегая ее отъ всякихъ посягательствъ, и пережевывалъ пищу съ какимъ-то затуманеннымъ отъ сильнаго наслажденія взглядомъ въ пространство. Онъ былъ недурень собой и щеголевато одѣтъ; его руки нѣжны и бѣлы; тѣмъ не менѣе, на него было противно смотрѣть. Никогда еще Ольсону не приходило въ голову, какъ противенъ можетъ быть человѣкъ за столомъ, и это—не смотря на манеры, серебро и бѣлизну тончайшаго столоваго бѣлья! Невольно напрашивалось сравненіе, и ему вспомнилось, какъ ѣдятъ его рабочіе въ деревнѣ. У этихъ людей не было красивыхъ манеръ; они не знали толка въ изяществѣ, но, тѣмъ не менѣе, они всегда держали себя за столомъ спокойно и съ чувствомъ собственного достоинства. Они медленно отрѣзывали куски простымъ складнымъ ножомъ и отправляли ихъ въ ротъ съ видимымъ равнодушіемъ, такъ какъ обнаружить жадность считается у крестьянъ крайне неприличнымъ. Частенько онъ смѣялся надъ этимъ, но теперь ему стало понятнымъ, почему явился у нихъ такой обычай.

Младшій братъ, Хаквинъ, производилъ впечатлѣніе обыкновеннаго добродушнаго шалуна. Не разъ въ этотъ обѣдъ его матери приходилось строго поглядывать на него, но это не имѣло никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что онъ весело кивалъ ей головой, или утѣшкой посылалъ воздушные поцѣлуи. Остальные мальчики то и дѣло наклонялись къ нему, и видно было, что онъ обладаетъ неистощимымъ запасомъ школьныхъ новостей и рассказовъ, которыми охотно дѣлится съ товарищами. Онъ былъ забавенъ, и его круглое, почти дѣтское, лицо, надъ тоненькой птичьей шеей, не производило неприятнаго впечатлѣнія. Правда, и у него были замашки трактирнаго завсегдатая: такъ, напримѣръ, онъ самоувѣренно чокался съ сосѣдами и громко требовалъ пива. Но, во всякомъ

случаѣ, Бергеру этотъ забавный птенецъ понравился больше двухъ другихъ братьевъ.

Вальтеръ—второй братъ по возрасту—солидно бесѣдовалъ со своими сосѣдами. Вся его тощяя, маленькая, фигурка была проникнута чувствомъ собственнаго достоинства. Онъ былъ одѣтъ еще тщательнѣе брата, но въ болѣе строгомъ стилѣ, и безъ всякихъ украшеній, какъ, на примѣръ, брелоки, булавка въ галстухѣ, и т. п.

Между тѣмъ обѣдъ шелъ себѣ своимъ чередомъ, и, когда розлито было вино, хозяинъ не безъ опасенія взглянулъ на Ольсона и поднялъ рюмку. У него отлегло отъ сердца: тотъ поклонился и отпилъ. Впрочемъ, кто его знаетъ, можетъ быть, онъ тѣтистъ! Тѣ легкое вино пьютъ и часто попадаютъ въ средѣ богатыхъ мужиковъ... Да, и нѣтъ у него этой красивой манеры пить. Отпилъ и поставилъ рюмку, точно глотнулъ воды! Это ужъ положительный недостатокъ воспитанія! Ничего, дастъ Богъ, научится со временемъ. И то хорошо, что ужъ не читальщикъ! А то бы просто скандалъ...

Старикъ даже вздрогнулъ при мысли, каково было бы имѣть зятемъ читальщика.

Настроеніе обѣдавшихъ становилось веселѣе и веселѣе. Голоса звучали громче, раздавались позвякиваніе посуды и звонъ бокаловъ.

— Папа, это то самое вино, что мы пили надняхъ?—спросилъ Вальтеръ, пробуя вино.

— Нѣтъ, это я бралъ у Самсона и Борга.

— То-то, оно значительно лучше.

Отецъ кивнулъ головой, одобрительно улыбнувшись сыну. У этого мальчика есть вкусъ, изъ него выйдетъ настоящій баринъ!

Когда подали стаянчики съ полосканьемъ, совѣтникъ со страхомъ и съ любопытствомъ ожидалъ, какъ-то поступить теперь новый членъ семейства. Съ ужасомъ, но въ то же время съ нѣкоторымъ злорадствомъ, онъ ждалъ, что Ольсонъ непременно проглотитъ воду. Однако, тотъ этого не сдѣлалъ, хотя отъ вниманія совѣтника не укрылось, что онъ выждалъ минуту, какъ бы давъ себѣ время поглядѣть, что сдѣлаютъ другіе.

По крайней мѣрѣ, не глупъ!

Послѣ обѣда пріѣхали гости, и только поздно вечеромъ, уже послѣ ужина, Бергеръ остался одинъ съ семьей Маріаны. Всѣ вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ, когда оборки шел-

коваго платья баронессы исчезли за дверьми. Одни потягивались, другіе встали и прохаживались по воннаты; на всѣхъ лицахъ разлилось выраженіе удовольствія.

— Quod bonum, faustum feliaque sit!—воскликнулъ Хаквинъ, протягивая руки и какъ бы благословляя удалившуюся.

— Тихе, она можетъ услышать!—замѣтилъ Карлъ.

— Да вѣдь она не понимаетъ по латыни! Ты опять сказалъ глупость, Карлъ!

— А ты опять дерзость!

— Молчите, господа! Закуримъ-ка лучше!—предложилъ разсудительный Вальтеръ.

— Мать, не найдется ли у тебя бутылки легкаго вина?— обратился совѣтникъ къ госпожѣ Бьёркъ.— Мальчики должны выпить съ Бергеромъ, на „ты“. Ты вѣдь теперь членъ семьи, Бергеръ!

Ольсонъ слегка поклонился, а мать встала распорядиться.

— Мама, а мнѣ пирожнаго, или апельсинъ!—попросила Маріана.

— Выпрашивать не слѣдуетъ, Маріана,—наставительно замѣтилъ Хаквинъ,— а если ужъ выпрашиваешь, такъ попроси чего-нибудь и для меня.

— Ужасный сластена и большой любитель сигаръ!— сказалъ Бергеру Вальтеръ, указывая на младшаго брата.

— Скажите, пожалуйста!—огрызнулся тотъ.— Точно ты особенно воздержанъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, не курю махорки.

— А видѣлъ ты, чтобъ я курилъ махорку?—съ негодованіемъ, весь красный отъ досады, вскричалъ оклеветанный.

— Ну, коли не махорку, такъ немногимъ лучше!

— Зато я покупаю мои сигары, а не занимаю ихъ у товарищей съ тѣмъ, чтобы никогда не отдать!—ядовито замѣтилъ Хаквинъ. Онъ былъ такъ оскорбленъ, что не обращалъ даже вниманія на присутствіе будущаго зятя.

— Не горячись, дитя, а то не получишь сладкаго!— добродушно остановилъ его отецъ.

— Очень нужно!—надулся мальчикъ и усѣлся въ дальній уголь.

— Ничего, когда принесутъ пирожное, онъ опять повеселѣетъ!— смѣясь, замѣтилъ отецъ, и, обнявъ обоихъ старшихъ сыновей, подвелъ ихъ къ Ольсону.— Вотъ, Бергеръ, два студента, получившіе это званіе съ весны. Развѣ это не добрые ребята? Карлу двадцать, а Вальтеру девятнадцать

лѣтъ. Между ними ничтожная разница въ годахъ. А вотъ Хаввину только шестнадцать. Зато рано кончаетъ гимназію, и весной, надѣюсь, тоже надѣнетъ студенческую фуражку.

— Скажите, пожалуйста! — съелъ долгомъ отозваться Ольсонъ.

— Да, мальчикъ способный! Жаль только, что ужъ слишкомъ чувствителенъ. Ну-съ, этотъ (совѣтникъ ударилъ по плечу Карла) будущій врачъ, а мой черноволосый Вальтеръ изучаетъ право. Надняхъ оба уѣзжаютъ въ Упсалу: съ кѣмъ-то тогда нашъ малютка будетъ ссориться?

Такъ-называемый, малютка уже успѣлъ между тѣмъ повеселѣть и вылѣзъ изъ своего угла. Между нимъ, отцомъ и братьями завязался шутливый разговоръ, и они стали прохаживаться по комнатѣ.

— Скажи, Маріана, — обратился Бергеръ въ невѣстѣ, — кто эта баронесса? Судя по списку, должно быть очень породистая?

— О нѣтъ! она просто дочь кожевника Эскильсона. Была очень богата, а баронъ чрезвычайно бѣденъ — вотъ и вся исторія ихъ брака. Бѣдный баронъ! Ему выпали на долю невеселые дни съ этой женщиной! Но и то сказать, погнался за деньгами.

— А я отпустилъ бы ее хоть на край свѣта и никогда не погнался бы ни за ней, ни за ея деньгами! — замѣтилъ Бергеръ.

— Но Маріана не сказала, что ему жилось не такъ-то плохо! — замѣтилъ остановившійся у дивана Вальтеръ и насмѣшливо поглядѣлъ на Карла. — Вѣдь баронъ умеръ оттого, что объѣдался изо дня въ день.

— Не только объѣдался, но и проѣлъ большую часть ея состоянія! — пояснилъ отецъ.

Теперь всѣ опять собрались около Бергера и Маріаны, и бесѣда продолжалась.

— А не стѣснительно имѣть ее въ домѣ? — спросилъ Ольсонъ.

— Ничего! У нея еще достаточно средствъ, чтобы оплатить свое содержаніе не хуже, чѣмъ остальные жильцы, вмѣстѣ взятые. Мы дорожимъ ею...

— А знаешь, Маріана, — сказалъ Бергеръ вполголоса. — Я убѣжденъ, что, если бы она не была выскочкой, она не была бы такъ невыносимо важна.

— Пожалуй...

— И вотъ почему я не желаю титуловъ и боюсь потерять свое званіе...

— Какое?—спросила она.

Онъ ничего не отвѣтилъ и весело засмѣялся. Онъ подра-
зумѣвалъ: „званіе крестьянина“, которымъ искренно гордился.

Тутъ принесли вино и апельсины, а полчаса спустя Бер-
геръ распростился и уѣхалъ.

Когда онъ вышелъ, члены семьи вопросительно пере-
глянулись.

— Ну, довольна ли ты, Маріана?—спросилъ Карлъ.

Маріана стояла у стола и въ раздумьи водила пальцемъ
по узорамъ вышитой скатерти.

— Разумѣется, довольна!—отозвалась она.—Иначе, я не
дала бы своего согласія.—А тебѣ онъ не нравится?—обра-
тилась она къ Вальтеру, который считался оракуломъ въ семьѣ.

— Отчего же? Онъ славный!..

Въ отвѣтъ звучало снисхожденіе. Маріана знала, что
брату пришлось бы больше по вкусу человѣкъ съ универ-
ситетскимъ образованіемъ, или, по крайней мѣрѣ, человѣкъ
болѣе свѣтскій. Сама она чувствовала нѣкоторое униженіе,
и Бергеръ уже не являлся ей въ томъ свѣтъ, какъ утромъ.
Это было немножко непослѣдовательно, но она не могла не
подчиняться вліянію родни.

— А мнѣ такъ онъ положительно нравится!—объявила
госпожа Бѣръкъ.—Что жъ такое, что онъ не свѣтскій франтъ?
Зато онъ хорошій человѣкъ!

— Притомъ, отшлифуется! Съ его средствами это очень
легко!—замѣтилъ Карлъ.

— Главное, чтобы былъ добръ къ Маріанѣ, а въ этомъ
я уже положительно увѣренъ!—сказалъ отецъ.

— А вотъ будетъ весело, какъ ты будешь помѣщицей,
и мы приѣдемъ къ тебѣ въ деревню ѣсть землянику со слив-
ками! — заключилъ пренія Хаквинъ и тихонько тольнулъ
сестру въ бокъ.

IV.

Въ утренней газетѣ на слѣдующій день уже появилось
объявленіе о помолвѣ Ольсона и Маріаны. Какъ только пришелъ
женихъ, состоялся обмѣнъ колецъ. Затѣмъ, послѣ завтрака, всѣ
выпили по бокалу шампанскаго за здоровье помолвленныхъ, и
всякій занялся своимъ дѣломъ, послѣ чего женихъ съ невѣстой
остались одни. Бергеръ сразу объявилъ, что онъ непременно
долженъ уѣхать съ двѣнадцати-часовымъ поѣздомъ, такъ какъ

у него были неотложныя дѣла. Надо было пользоваться оставшимися въ ихъ распоряженіи минутами.

Маріана устало лежала на кушеткѣ; Бергеръ, какъ и наканунѣ, усѣлся верхомъ на стулѣ. Они представляли собой крайнія противоположности: онъ силенъ, бодръ, полонъ энергіи; въ ней замѣчалось что-то тепличное — красивое, но безсильное. Теперь въ ея глазахъ свѣтился огонекъ, и она съ чувствомъ останавливала взглядъ на загорѣломъ и сіявшемъ счастьемъ лицѣ жениха.

Она бы ни за что и никому не призналась, что находитъ Бергера прекраснымъ, и что она уже влюблена въ него. Она не сдѣлала бы этого уже потому, что признавала его слишкомъ простоватымъ для свѣта. Но отъ себя она не могла скрывать своего увлеченія. Для другихъ онъ просто только „правился“; — ей и „внушалъ уваженіе“. И это ложное чувство особенно рѣзко проявлялось въ ней, когда она была вмѣстѣ съ Бергеромъ въ кругу постороннихъ. Но едва она оставалась съ нимъ наединѣ, всякая двойственность исчезала, и она смотрѣла на него собственными глазами.

Теперь она чувствовала себя вполне счастливой. Передъ ней это честное, спокойное и счастливое лицо; у нея на пальцѣ обручальное кольцо! Какіе у него свѣтлые глаза, какой ясный, хорошій, взглядъ! Какая юношеская, курчавая борода! Сколько силы должно быть въ его рукѣ! Но какая она темная, загорѣлая...

Робко протянула Маріана свою руку и помадила загорѣлую руку жениха. Бергеръ улыбнулся.

— Не бойся, — сказала онъ, — снаружи она не груба, только ладонь затвердѣла въ работѣ...

Она привлекла его руку къ себѣ и осталась въ прежнемъ положеніи... Ей пришло въ голову, что было бы лучше, если бы на свѣтѣ не было постороннихъ людей. Тогда... тогда... Въ ея глазахъ сверкнулъ такой огонекъ, что онъ невольно спросилъ:

— О чемъ ты думаешь?

Но ей не хотѣлось признаться, о чемъ она думала,

— Ты писалъ: у тебя нѣтъ друзей. — сказала она, чтобы отвлечь разговоръ.

— Ну, не буквально! — возразилъ онъ. — Но настоящихъ, преданныхъ, друзей, по крайней мѣрѣ теперь, у меня нѣтъ.

— А прежде были?

— Да, былъ, одинъ.

Онъ улыбулся, и взглядъ его принялъ выраженіе, какое появляется, когда человѣкъ вспоминаетъ о чемъ-то свѣтломъ, счастливомъ...

— Расскажи!—попросила она, какъ ребенокъ, желающій послушать сказку, но, въ сущности, въ ней пробуждалась потребность знать о немъ все, безъ утайки, рѣшительно все, что когда-либо съ нимъ было.

— Да, это было что-то болѣе, чѣмъ простая дружба—проговорилъ онъ задумчиво. — Я думаю, эта привязанность даже замѣнила мнѣ первую, юношескую, любовь. Даже страшно теперь вспомнить. У меня и сейчасъ чуть не навертываются слѣзы при одной мысли объ этомъ времени. Мы были товарищами въ школѣ и въ реальномъ училищѣ. Мы сидѣли съ нимъ рядомъ, онъ былъ на годъ моложе меня. Но у него были такія выдающіяся способности, что уже на тринадцатомъ году его перевели въ высшую школу въ Упсалу.

— Кто былъ этотъ мальчикъ?

— Сынъ одной служанки. Онъ жилъ у своей бабушки, бѣдной крестьянской вдовы, изба которой была недалеко отъ нашей усадьбы,—Павелъ—такъ звали мальчика—совсѣмъ не походилъ на крестьянскаго ребенка. Скорѣе, онъ походилъ на переодѣтую дѣвочку. Притомъ, у него было такое узкое лицо, что товарищи часто дразнили его, спрашивая, гдѣ ему прищемили голову. Онъ былъ болѣзненъ, слабъ, блѣденъ... Пожалуй, именно эта-то болѣзненность и привязала меня къ нему.

— Какъ такъ?

— Видишь ли, когда всѣ мы играли на школьной площадкѣ, онъ всегда оставался гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Ему всегда бывало холодно, хотя бы на дворѣ стояла настоящая жара. Мнѣ было жаль его! Онъ зналъ разныя штуки: умѣлъ вырѣзывать изъ сырого картофеля, или рѣпы животныихъ, разводилъ на пескѣ замѣчательно красивые сады, а разъ даже вырѣзалъ изъ дерева плугъ со всѣми его принадлежностями. Все это восхищало меня! Случалось, товарищи разоряли его сады, ломали у него игрушки. Тогда я дрался съ ними, потому что вообще любилъ драться. Потомъ у меня вошло въ привычку играть съ Павломъ и защищать его. Я очень гордился этой дружбой и понималъ, что онъ развитѣе всѣхъ остальныхъ товарищей. Намъ было по пути, и мы всегда ходили въ школу и обратно вмѣстѣ. Завтракали мы тоже вмѣстѣ, такъ какъ моя мать всегда влала въ мою корзинку столько, чтобы хватило и на долю

Павла. Его бабушка была очень бѣдна... Когда я вспоминаю объ этомъ времени, мнѣ всегда представляется маленькій Павелъ въ короткой бархатной блузкѣ. Эту блузку ему подарили господа, у которыхъ служила его мать, и она была уже порядкомъ поношена. Но мнѣ эта бархатная блуза казалась верхомъ изящества и роскоши! Я находилъ, что Павелъ одѣтъ лучше насъ всѣхъ и, вообще, несравненно знатнѣе меня. Мнѣ даже казалось весьма вѣроятнымъ, что вотъ-вотъ появится какой-нибудь человекъ и уведетъ Павла къ господамъ, въ числу воиновъ онъ, очевидно, принадлежалъ... О, какъ памятна мнѣ эта маленькая, потертая, блузка! — Когда Павлу минуло двѣнадцать лѣтъ, онъ такъ хорошо учился, что пасторъ и школьный учитель нашего прихода стали собирать деньги, чтобы дать ему хорошее образованіе. На сходкѣ рѣшено было помочь ему изъ общественныхъ суммъ. Мужики пожертвовали по нѣскольбу рабочихъ дней каждый, и Павла отправили въ Упсалу. Господи, какъ я плавалъ! Я тоже хотѣлъ получить высшее образованіе и стремился въ Упсалу... Но отецъ даже и слышать не хотѣлъ объ этомъ, а такъ какъ я не унимался, то два раза вздулъ меня тростью, послѣ чего я утихъ. Между тѣмъ моя дружба съ Павломъ не прекращалась, и особенно полюбилъ я его тогда, когда онъ сталъ ѣздить къ намъ на каникулы. По прежнему, въ немъ было что-то женоподобное, но какъ онъ былъ уменъ, какъ краснорѣчивъ! Нужно было только послушать его, и самые мудреные вопросы становились просты и ясны, когда онъ ихъ касался. Я просто увлекался имъ! Притомъ я его ревновалъ! Когда онъ какъ-то подружился съ однимъ студентомъ, дававшимъ уроки дѣтямъ нашего сосѣда, барона, я просто ошалѣлъ отъ ревности! И особенно меня пугала мысль, что онъ не можетъ уважать такого невѣжду, какъ я. Зато какъ же и занимался я въ это лѣто!

Бергеръ замолчалъ, погруженный въ воспоминанія.

— Чѣмъ же все это кончилось?—спросила Маріана.

— Повторилось то, что бываетъ всегда. Онъ уѣхалъ; мы переписывались нѣсколько лѣтъ; потомъ переписка какъ-то сама собой прекратилась, и я успокоился.

— И теперь ты уже никогда не думаешь о немъ?

— Случается! Даже часто задаю себѣ вопросъ, гдѣ-то онъ теперь.

— А ты не знаешь?

— Нѣтъ... Ужъ если я рассказалъ о его дѣтствѣ, раз-

скажу еще... Передъ самымъ поступленіемъ Павла въ университетъ умерла его бабушка. Тогда его мать оставила службу въ господскомъ домѣ и переѣхала въ избу поковойной. Это была работающая женщина, она зарабатывала довольно много ткацкой работой, и Павлу помогала сколько могла. Остальное онъ зарабатывалъ уроками. Но ему этого было мало, потому что въ немъ была какая-то прирожденная страсть ко всему изящному, и бѣдность была ему противна. Онъ не всегда бывалъ сытъ, но одѣвался, какъ большой баринъ. Я навѣстилъ его какъ-то въ Упсалѣ, но больше не ѣздилъ туда; вѣдь Павлу не могло быть пріятно показываться среди студентовъ съ такимъ не отесаннымъ муживомъ, какимъ я былъ... Нѣкоторая суетность немѣшала ему, однако, страстно любить науку, которой онъ былъ преданъ всей душой. Мы ожидали, что онъ сдастъ самый блестящій экзаменъ и станетъ знаменитостью. И вдругъ все рушилось. Передъ самымъ выпускомъ изъ университета онъ совсѣмъ неожиданно для всѣхъ товарищей женился и уѣхалъ за границу.

— Женился!

— Да! Ему было не болѣе двадцати одного года, а женился онъ на богатой, влюбившейся въ него, старой дѣвѣ. Съ тѣхъ поръ прошло уже четыре года.

— И такъ о немъ ничего и не слышно?

— Ничего. Пока была жива его мать, онъ присылалъ ей иногда по немногу денегъ, но вотъ уже года два, какъ она умерла, и съ тѣхъ поръ онъ не пишетъ никому.

— Но гдѣ же онъ можетъ теперь быть?—спросила заинтересованная Маріана.

— Не знаю. Въ Швеціи онъ, во всякомъ случаѣ, болѣе не появлялся.

— А можетъ быть, вы еще встрѣтитесь...

Разговоръ прервался появленіемъ госпожи Бьеръ.

— Неужели, Бергеръ, ты такъ-таки непременно долженъ уѣхать съ дневнымъ поѣздомъ?—спросила она.

— Да, это необходимо!—отвѣтилъ онъ. — Но надѣюсь, что не очень далеко время, когда мы уже не будемъ разлучаться съ Маріаной? Не правда ли?

Онъ наклонился къ невѣстѣ и вопросительно заглянулъ ей въ глаза, но она молчала. Ей казалось менѣе пріятнымъ говорить о сватѣбѣ, чѣмъ о помолвкѣ...

— Ну, мои голубки!—начала мадамъ Бьеръ,—мнѣ очень жаль, что приходится мѣшать вашей бесѣдѣ, но, какъ мать,

я должна позаботиться о многомъ. Прежде всего, когда свадьба?

— Хорошо бы въ ноябрѣ!—замѣтилъ Бергеръ.—Но мы еще не сговаривались съ Марианой...

— А по твоему когда?—обратилась мать къ дочери.

— Предоставляю рѣшить это тебѣ самой вмѣстѣ съ Бергеромъ!—отвѣтила та съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Нѣтъ, милая, такъ нельзя!—возразила мать дѣловымъ тономъ.—Пойми, что намъ необходимо знать твое желаніе.

— Ну, хорошо! Такъ въ концѣ ноября.

— Извини, Бергеръ, но мнѣ необходимо знать, что у тебя есть по части хозяйственныхъ принадлежностей, и чего нѣтъ.

— Полагаю, что у меня найдется все необходимое, а чего нѣтъ, можно будетъ купить. И охота вамъ ломать голову надъ всѣмъ этимъ! Моя мать такъ щедро снабдила меня всякой всячиной, что, право, и не знаю, чего намъ еще нужно.

Мадамъ Бьеръ благословила въ душѣ добрую крестьянку. Ее такъ мучилъ тяжелый вопросъ, гдѣ-то ея мужъ добудетъ деньги на всѣ эти безконечные свадебные расходы, на все это приданое...

— Въ моемъ домѣ осталось нѣсколько пустыхъ комнатъ,—прибавилъ Бергеръ.—Эти комнаты я обставлю всѣмъ нужнымъ, какъ только Мариана побываетъ въ Темте и выскажетъ свое мнѣніе. Когда вы навѣстите меня?

Онъ вопросительно посмотрѣлъ сначала на Мариану, потомъ на мать.

— Правда!—вскричала Мариана.—Надо выбрать время. Но вотъ что еще: черезъ двѣ недѣли я буду подружкой на свадьбѣ моей кузины... Тебя, конечно, пригласять, Бергеръ, и ты не забудь этого!

— Кому какое дѣло до моего обрученія съ тобой?—спросилъ Ольсонъ съ комичной досадой.

— Всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ. Иначе, зачѣмъ же и печатать объявленіе о помолвкѣ. И надѣюсь, что ты появишься на свадьбѣ, и въ полномъ блескѣ!

Мариана говорила шутливо, но въ душѣ ощущала серьезную тревогу. Сумѣетъ ли Бергеръ ловко выполнить обязанности четвертаго шафера, которыя непременно возложатъ на него? Младшій шаферъ долженъ сказать спичъ и провозгласить тостъ за здоровье подружекъ... Неужели это выпадетъ на его долю? Нѣтъ, по счастью, братъ невѣсты моложе.

— Будь покойна, пріѣду!—говорилъ между тѣмъ Бер-

геръ. — А ты будешь въ бѣломъ платьѣ? Я увѣренъ, къ тебѣ очень идетъ бѣлое. Твой цвѣтъ лица точно созданъ для кружевъ и газа.

— Скажите пожалуйста! Ты знаешь толкъ въ дамскихъ нарядахъ?—съ радостнымъ удивленіемъ вскричала Маріана, и глаза ея засверкали такимъ блескомъ, какого Ольсонъ еще въ нихъ и не видывалъ. — Значить, ты присматриваешься къ туалетамъ?

— Да, я люблю видѣть женщинъ красиво одѣтыхъ. Я только не умѣю разбирать подробности туалета, но всегда могу судить, красивъ онъ или нѣтъ. Особенно я люблю бѣлыя бальныя платья, какъ, на примѣръ, на сватбахъ. Это такъ идетъ къ молодымъ лицамъ!

Онъ засмѣялся, немножко сконфуженный своей откровенностью. Но дамы были имъ довольны, и госпожа Бьеръ посмотрѣла на него даже съ уваженіемъ. Въ концѣ концовъ, онъ оказывался далеко не такимъ дикаремъ, какимъ показался сначала!

— Сватба кузины будетъ отпразднована по нынѣшней модѣ,—сказала Маріана.—Празднества состоятся до вѣнчанія, и затѣмъ молодые уѣдутъ путешествовать. Такимъ образомъ, моимъ бѣлымъ платьемъ тебѣ придется любоваться только во время вѣнчанія. Празднества же начнутся блестящимъ баломъ у маіора Фольмерса, и состоится онъ, какъ я слышала, въ среду черезъ недѣлю. Къ этому балу стоитъ приготовить, и придется серьезно подумать о томъ, чтобы не уронить достоинства твоей будущей жены... Но не безпокойся, мнѣ кажется, удастся устроить красиво... Завтра же поѣду выбирать матерію. А что ты думаешь о синемъ цвѣтѣ?

— Синее должно идти къ твоимъ бѣловурнымъ волосамъ! Онъ съ любовью взглянулъ на нее.

— То-то! Но ты, пожалуйста, не рассчитывай. что увидишь мое платье раньше вечера! Ни лоскутка! Слышишь?

— Ты хочешь ослѣпить меня сразу? Ну, хорошо! Только вотъ что: къ синему идетъ серебро... Знаешь ли что? у меня есть старинныя норвежскія вещицы изъ серебра съ золотомъ.

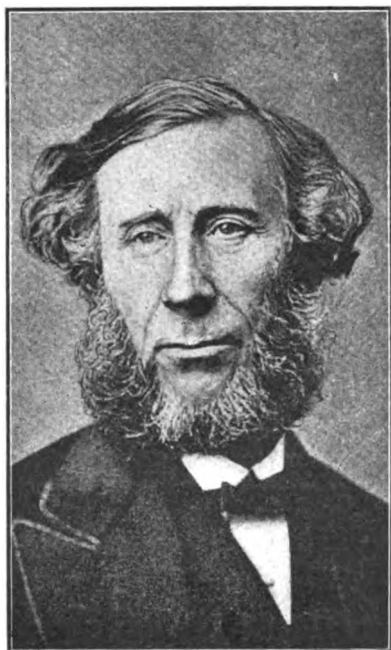
— Неужели?!

Мать и дочь были въ полномъ восторгѣ отъ этой выдумки. Положительно, у него вкусъ!

— Ахъ! Какъ это будетъ чудесно! — проговорила Маріана... Бергеръ разсмѣялся и не прибавилъ ни слова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Джонъ Тиндаль.

Историческое значение Тиндаля *)

В. П. Сидорова. Избранные сочинения академика В. П. Сидорова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1964 г.

ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Великий русский физик и математик П. Г. Давидович хорошо знает историю физики и математики, и поэтому в его сочинениях много интересных сведений. В частности, в нем даны наглядные примеры применения физических законов в истории физики.

Вот один из них. В 1802 году французский физик Ропладо де Мюллер открыл инфракрасное излучение. Он заметил, что не только свет, но и тепло распространяется в пространстве. Ему пришла в голову мысль, что если бы существовал какой-то «тепловой свет», то он должен был бы оказывать такое же действие на предметы, как и свет. Он решил проверить это предположение. Для этого он взял в руки термометр и направил на него луч света от лампы. Он заметил, что температура в трубке термометра повышается. Тогда он направил на термометр луч инфракрасного излучения от лампы Тиндаля. Он заметил, что температура в трубке термометра повышается еще сильнее. Это доказало, что инфракрасное излучение действительно имеет тепловую природу.

Вот еще один пример. В 1800 году немецкий физик Эрстед обнаружил, что ток в проводнике создает магнитное поле. Это открытие привело к созданию электромагнитов и электродвигателей. В 1831 году английский физик Фарадей обнаружил, что магнитное поле induces ток в замкнутом проводнике. Это открытие привело к созданию генераторов и трансформаторов.

Вот еще один пример. В 1827 году английский физик Тиндаль обнаружил, что свет распространяется в среде с неоднородной плотностью. Это открытие привело к созданию оптических приборов и методов измерения.

Вот еще один пример. В 1827 году английский физик Тиндаль обнаружил, что свет распространяется в среде с неоднородной плотностью. Это открытие привело к созданию оптических приборов и методов измерения.

Вот еще один пример. В 1827 году английский физик Тиндаль обнаружил, что свет распространяется в среде с неоднородной плотностью. Это открытие привело к созданию оптических приборов и методов измерения.

Вот еще один пример. В 1827 году английский физик Тиндаль обнаружил, что свет распространяется в среде с неоднородной плотностью. Это открытие привело к созданию оптических приборов и методов измерения.

*) Взято из сборника лекций Тиндаля «New Fragments», вышедшего в 1892 году.

РАДУГА И ОДНОРОДНЫЯ СЪ НЕЮ ЯВЛЕНІЯ *).

Лекція, читанная Джономъ Тиндалемъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ).

ДЖОНЪ ТИНДАЛЬ.

Имя Джона Тиндаля, знаменитаго англійскаго физика, хорошо извѣстно русской читающей публикѣ. Многія его сочиненія, его популярныя лекціи о звукѣ, свѣтѣ, теплотѣ и пр. переведены на русскій языкъ и не мало способствовали распространенію физическихъ познаній въ нашемъ обществѣ.

Тиндаль умеръ почти внезапно, въ концѣ ноября прошлаго 1893 года, на 70-мъ году своей жизни. Рассказываютъ, что невольною причиною его смерти была его жена, давшая ему по ошибкѣ ложку хлораль-гидрата, вмѣсто какого-то другого лекарства. Несчастная тотчасъ замѣтила свою ошибку, но, не смотря на усилія врачей, спасти ея мужа оказалось невозможно. Въ лицѣ Тиндаля Англія потеряла второго изъ той знаменитой троицы своихъ ученыхъ, которые сдѣлали такъ много для науки за послѣднія сорокъ лѣтъ. Первый—Дарвинъ давно уже покоится въ землѣ; теперь умеръ Тиндаль: въ живыхъ остался одинъ только профессоръ Гёксли, съ которымъ покойный Тиндаль былъ очень друженъ. Съ нимъ вмѣстѣ Тиндаль, отправился въ 1856 году въ Швейцарію и занялся изученіемъ глетчеровъ. Его изслѣдованія въ этомъ направленіи составляютъ богатый вкладъ въ сокровищницу знаній. Какъ лекторъ и популяризаторъ, Тиндаль почти не имѣлъ соперниковъ въ Англіи. Его популярныя лекціи стяжали ему громкую извѣстность во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Его спеціальныя работы имѣютъ еще то огромное значеніе, что онъ одинъ изъ первыхъ сталъ проводить въ физикѣ принципъ сохраненія энергіи. Но главная заслуга Тиндаля заключается все же въ популяризаціи знаній. Тиндаль, издавая свои популярныя лекціи, дѣлился со своими читателями всѣми своими открытіями, выводами и заключеніями и дѣ-

*) Взято изъ сборника лекцій Тиндаля «New Fragments», вышедшаго въ 1892 году.

лалъ науку достояніемъ не только избранныхъ, но и всей массы интеллигентной читающей публики.

Жизнь Тиндаля не богата событіями. Онъ родился въ Ирландіи, въ августѣ 1823 года, въ маленькой деревушкѣ. По словамъ самого Тиндаля, его предки эмигрировали въ Ирландію два столѣтія тому назадъ и одинъ изъ нихъ, Уильямъ Тиндаль, погибъ на костре. Родители Тиндаля были очень бѣдные люди, его отецъ былъ лишень наслѣдства изъ за своихъ независимыхъ убѣжденій и долженъ былъ тяжелымъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба. Несмотря, однако, на свою крайнюю бѣдность, отецъ Тиндаля заботился о томъ, чтобы сынъ его получилъ образованіе. До 19 лѣтъ Тиндаль учился въ школѣ, но, конечно, тѣ познанія, которыя онъ приобрѣлъ тамъ, были недостаточны, и только благодаря своей замѣчательной энергіи, неутомимому трудолюбію и жаждѣ знаній, Тиндаль могъ пополнить пробѣлы своего образованія и занять мѣсто среди выдающихся ученыхъ.

Тиндаль всегда интересовался математикою и съ особенною любовью занимался ею въ школѣ, удивляя учителей своими математическими познаніями. Выйдя изъ школы, Тиндаль мечталъ сдѣлаться гражданскимъ инженеромъ, но обстоятельства сложились иначе: за неимѣніемъ средствъ къ жизни, молодой Тиндаль долженъ былъ вѣять первое попавшееся мѣсто гражданского чиновника въ военномъ вѣдомствѣ. На этой должности Тиндаль пробылъ около пяти лѣтъ и уже готовился эмигрировать въ Америку, когда, наконецъ, ему удалось получить другое, болѣе удовлетворявшее его наклонностямъ мѣсто: его пригласила одна манчестерская фирма для наблюденія за желѣзнодорожными работами и производства топографической съемки. Около четырехъ лѣтъ Тиндаль руководилъ желѣзнодорожными работами, продолжая усердно заниматься наукою въ свободное время, и, наконецъ, въ 1847 году ему было предложено мѣсто преподавателя въ «Queenswood College». Здѣсь Тиндаль подружился съ докторомъ Франкландомъ, химикомъ, съ которымъ и отправился въѣстѣ, въ слѣдующемъ 1848 году, въ Германію, гдѣ слушалъ лекціи въ Марбургскомъ и Берлинскомъ университетахъ и работалъ у Бунзена, подъ руководствомъ котораго началъ свои научные труды по магнетизму и поляризаціи. Онъ продолжалъ усердно заниматься математикою и слушалъ лекціи Кноблауха по физикѣ, затѣмъ, переѣхавъ въ Берлинъ, сталъ работать въ лабораторіи Магнуса. Въ это-же время онъ познакомился и подружился со многими выдающимися людьми. Вернувшись въ Англію, онъ продолжалъ свои научные труды, которые такъ быстро выдвинули его, что изъ коллегій, гдѣ онъ оставался преподавателемъ по возвращеніи на родину, его пригласили занять мѣсто профессора въ Британскомъ Королевскомъ Институтѣ, и тутъ же вскорѣ онъ былъ избранъ членомъ Британскаго Королевскаго Общества. Каведру профессора физики Тиндаль занималъ вплоть до 1887 года.

Дружба Тиндаля съ Гѣксли началась съ того времени, когда они оба присутствовали на засѣданіяхъ британской ассоціаціи. Эта дружба не прекращалась до самой смерти Тиндаля. Въѣстѣ они

совершали свои экскурсіи въ швейцарскихъ Альпахъ и разрабатывали разные научные вопросы. Эта дружба тѣмъ болѣе замѣчательна, что Тиндаль далеко не раздѣлялъ матеріалистическихъ воззрѣній своего пріятеля и былъ въ то же время другомъ Карлейля.

Со смертью Фарадея Тиндаль былъ назначенъ резидентомъ-директоромъ королевскаго института; эту должность онъ занималъ до 1887 года, когда вышелъ въ отставку и удалился въ свое любимое убѣжище, домикъ, выстроенный имъ на возвышенности, близъ Газлемира. Лѣто Тиндаль обыкновенно проводилъ въ Швейцаріи, гдѣ у него также былъ выстроенъ домикъ на высотѣ 2.140 метровъ надъ уровнемъ моря и съ видомъ на альпійскій глетчеръ. Тиндаль чрезвычайно любилъ Альпы и ежегодно посѣщалъ ихъ; такія посѣщенія составляли для него нѣчто въ родѣ религіозной обязанности. Онъ самъ говорилъ, что не можетъ жить безъ того, чтобы не увидеть хоть разъ въ годъ свои любимыя горы. Онъ совершилъ нѣсколько восхожденій на большія горы, взбирался на Маттергорнъ и три раза совершилъ восхожденіе на Монбланъ. На Монтерозу онъ взбирался одинъ. Но его интересовали не одни только ощущенія, испытываемыя туристами при восхожденіи на гору, а разныя научныя проблемы, относящіяся къ образованію ледниковъ и разныхъ физическихъ явленій въ горахъ. Въ 1859 году онъ посѣтилъ Шамуни и вычислилъ скорость движенія ледника, извѣстнаго подъ именемъ «*Mer de glace*».

Будучи еще студентомъ въ Германіи, Тиндаль вступилъ на путь самостоятельныхъ изслѣдованій. Его первая научная статья была математическая диссертация, представленная имъ въ Марбургскій университетъ, «о поверхностяхъ винта». Его первая физическая статья была: «о явленіяхъ водяной струи». Невозможно здѣсь перечислить всѣхъ статей и оригинальныхъ изслѣдованій, которыми Тиндаль обогатилъ научный міръ. Его изслѣдованія свѣта и чистой теплоты могутъ считаться классическими. Конечно, дѣло не обошлось безъ того, чтобы многіе изъ положеній и выводовъ Тиндаля не оспаривались современными ему учеными. Тиндаль позналъ жало критики, но относился къ ней добродушно, если она была безпристрастна и имѣла строго-научный характеръ. Къ сожалѣнію, это не всегда было такъ, и Тиндаль, обладавшій въ высокой степени полемическимъ даромъ, отражалъ нападки, не щадя въ такомъ случаѣ своихъ противниковъ.

Еще въ Марбургѣ, подъ руководствомъ профессора Кноблауха, Тиндаль занялся изслѣдованіемъ магнетическихъ явленій и въ этой области достигъ результатовъ, имѣющихъ огромное значеніе для науки. Во многихъ своихъ изслѣдованіяхъ онъ, кромѣ научныхъ, преслѣдовалъ и гуманитарныя цѣли. Такъ, онъ занялся изслѣдованіемъ атмосферы, какъ проводника звуковъ, исключительно съ цѣлью содѣйствовать лучшему и болѣе цѣлесообразному устройству сигналовъ на берегу моря, во время большихъ тумановъ. Нѣкоторое время онъ состоялъ членомъ маячной комиссіи, но вышелъ изъ нея на томъ основаніи, что важное маячное дѣло не велось, по его мнѣнію, согласно съ требованіями современной науки. Въ этотъ же періодъ времени онъ издалъ нѣсколько работъ по электричеству и свой знаменитый трудъ «Теплота, какъ родъ движенія».

Безъ сомнѣнія, на Тиндаля имѣлъ огромное вліяніе Фарадей, которому Тиндаль поклонялся, какъ величайшему и благороднѣйшему изъ людей и ученыхъ. Какъ и Фарадей, Тиндаль мало заботился о томъ, чтобы нажить состояніе, и никогда не старался извлечь матеріальныхъ выгодъ изъ своихъ познаній. Онъ вполне довольствовался своимъ скромнымъ положеніемъ профессора и былъ назначенъ директоромъ института совершенно неожиданно для себя и безъ всякой просьбы съ своей стороны. Какъ мало онъ заботился о своихъ выгодахъ видно уже изъ того, что, приглашенный въ Америку, въ 1872 году, для чтенія публичныхъ лекцій, онъ весь доходъ съ этихъ лекцій, достигавшій, за вычетомъ необходимѣйшихъ расходовъ, суммы въ 13.000 долларовъ, пожертвовалъ тремъ американскимъ университетамъ, для пособія студентамъ, которые посвятили себя научнымъ изслѣдованіямъ.

Тиндаль имѣлъ много друзей и поклонниковъ, какъ въ Англіи, такъ и за границей, но его рѣзкость и полемическій задоръ нажили ему также и не мало враговъ. Надо замѣтить, что онъ былъ ярымъ противникомъ ирландской политики Гладстона, горячо возставалъ противъ «home rule» и во многихъ своихъ статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ за послѣдніе годы, къ сожалѣнію, позволялъ себѣ довольно рѣзкія и даже оскорбительныя выходки противъ Гладстона. Разумѣется, такой образъ дѣйствій возстановлялъ противъ Тиндаля многихъ, даже изъ тѣхъ, кто поклонялся ему, какъ великому ученому.

Тиндаль былъ членомъ множества ученыхъ обществъ и буквально былъ заваленъ отличіями изъ Кембриджа и Оксфорда. По случаю его выхода въ отставку, въ королевскомъ институтѣ былъ устроенъ торжественный прощальный обѣдъ — «единственный въ своемъ родѣ», по выраженію англійскихъ газетъ, такъ какъ за этимъ обѣдомъ собрались люди, имена которыхъ извѣстны всюду, гдѣ только интересуются природой и изучаютъ ея явленія.

3.

Самое старинное историческое упоминаніе о радугѣ встрѣчается въ Библии и хорошо извѣстно всѣмъ. Но величественное объясненіе, даваемое богословами этому небесному явленію, не могло удовлетворить людей науки, которые, по свойственной имъ пытливости, стремились проникнуть въ самую суть явленія. Каково бы ни было *первоначальное* происхожденіе радуги, *ближайшая* причина ея должна была несомнѣнно имѣть чисто физическій характеръ; и потому вполне естественно, что наука стремилась установить физическія основы этого явленія. Однако, развитіе этого понятія двигалось очень медленно. Много прошло времени, прежде чѣмъ установлены были древними законы отраженія свѣта, и еще медленнѣе извлечены были изъ нѣдръ природы законы преломленія. Я говорю: «извлечены изъ нѣдръ», потому что законы природы составляли съ нею одно цѣлое, прежде чѣмъ были открыты людьми.

До Аллазана, арабскаго математика, жившаго въ началѣ XII столѣтія, понятія о преломленіи свѣта были крайне смутны и неправильны. Послѣ Аллазана Рожеръ Беконъ и Вителліо произвели много наблюдений и вычислений, касающихся законовъ преломленія. За ними слѣдовалъ Кеплеръ, который стремился сдѣлать выводы изъ таблицъ, составленныхъ его предшественниками, и надѣялся открыть такимъ образомъ физическіе принципы, лежащіе въ основѣ самаго явленія. Однако, въ этой попыткѣ онъ далеко не имѣлъ такого успѣха, какъ въ своихъ астрономическихъ работахъ. Въ 1604 году Кеплеръ издалъ свое «Прибавленіе къ Вителліо», гдѣ онъ какъ бы признаетъ свою неудачу, такъ какъ предлагаетъ лишь приблизительныя объясненія, вмѣсто положительнаго закона, который долженъ лежать въ основѣ каждаго явленія природы. Открытіе такого закона, составляющаго одинъ изъ главныхъ краеугольныхъ камней оптики, было сдѣлано Виллебрордомъ Снеллемъ, въ 1621 году.

Лучъ свѣта мы можемъ представить себѣ въ видѣ прямой свѣтящейся линіи. Предположимъ, что такой лучъ падаетъ вертикально на совершенно спокойную поверхность воды. Если паденіе луча будетъ перпендикулярнымъ, то онъ пройдетъ черезъ воду, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Другими словами: лучъ свѣта въ воздухѣ и лучъ свѣта въ водѣ будутъ въ этомъ случаѣ составлять одну прямую непрерывную линію. Но малѣйшее уклоненіе отъ перпендикуляра вызываетъ тотчасъ же преломленіе луча или «рефракцію» въ точкѣ паденія. Въ чемъ же заключается законъ рефракціи, открытый Снеллемъ? А вотъ въ чемъ. Снелль открылъ, что, какъ бы ни измѣнялся уголъ паденія, а вмѣстѣ съ нимъ и уголъ преломленія, отношеніе величинъ линій, зависящихъ отъ величины этихъ угловъ и называемыхъ синусами ихъ, остается для одной и той же среды всегда одинаковымъ. Поэтому, какъ бы ни измѣнялся уголъ паденія и уголъ преломленія, а слѣдовательно и синусы, частное, получаемое при этомъ дѣленіи, остается всегда одинаковымъ. Это частное называется «показателемъ преломленія», для извѣстной среды.

Наука представляетъ собой органическое цѣлое, и только путемъ точныхъ измѣреній можно установить связь, существующую между различными частями научнаго организма. Если бы не былъ открытъ раньше законъ синусовъ, основанный на точныхъ измѣреніяхъ, то явленіе радуги никогда не могло бы быть объяснено научнымъ образомъ. Не одинъ разъ принимались опредѣлять угловое разстояніе радуги отъ солнца, и оно всегда оказывалось постояннымъ. Божественное напоминаніе, которое представляетъ собою

радуга согласно библейскому сказанію, остается всегда неизмѣннымъ. Линія, проведенная отъ солнца къ радугѣ, и другая, проведенная отъ радуги къ глазу наблюдателя, всегда составляютъ уголъ въ 41° . Чѣмъ же объясняется такое постоянство, такая непоколебимая приверженность къ одному извѣстному углу? По мнѣнію Ньютона, на этотъ вопросъ далъ отвѣтъ Де-Доминисъ*); на самомъ же дѣлѣ мы обязаны генію Декарта объясненіемъ этого явленія. Онъ прослѣдилъ умственнымъ взоромъ лучъ свѣта, проникающій въ дождевую каплю. Онъ видѣлъ, какъ эти лучи частью отражались отъ внѣшней поверхности капли, какъ они преломлялись, входя въ каплю, отражались отъ ея задней поверхности и снова преломлялись при своемъ выходѣ. Декарту былъ извѣстенъ законъ Снелля, и потому онъ могъ уже, при помощи этого закона, вычислить весь ходъ лучей. Онъ доказалъ, что огромное большинство этихъ лучей выходитъ изъ капли въ видѣ *расходящихся* лучей, и потому они скоро становятся настолько слабыми, что уже не могутъ производить ощутимаго впечатлѣнія въ глазу наблюдателя. Однако, подъ извѣстнымъ угломъ къ линіи, проведенной отъ солнца къ радугѣ — именно подъ угломъ въ 41° , какъ уже было говорено выше — лучи выходятъ изъ капли въ параллельномъ направленіи въ видѣ пучка. Сила ихъ увеличивается отъ такого соединенія, и этотъ пучекъ лучей доставляетъ глазу свѣтъ первичной радуги.

Существуетъ извѣстный видъ эмоціи, именуемый интеллектуальнымъ наслажденіемъ. Поэзія, литература, природа и искусство могутъ служить источникомъ такой эмоціи. Наврядъ ли такая эмоція можетъ превзойти по силѣ и напряженности чувство высокаго нравственнаго удовлетворенія, испытываемое ученымъ, передъ глазами котораго вдругъ исчезаютъ всѣ затрудненія, казавшіяся такъ долго непреодолимыми. Именно такого рода чувство и долженъ былъ испытывать Декартъ, когда ему удалось, наконецъ, установить физическія основы для самаго блестящаго изъ явленій нашей атмосферы. Декартъ доказалъ, кромѣ того, что вторичная дуга появляется тогда, когда лучи подвергаются двойному отраженію внутри капли и двойному преломленію въ точкѣ паденія и выхода.

Говорятъ, что Декартъ поступилъ невеликодушно со Снеллемъ, такъ какъ, будучи знакомъ съ неопубликованными трудами уче-

*) Бывшій архіепископъ Спалатто и примасъ Далматіи, бѣжавшій въ Англію въ 1616 году, сдѣлавшійся протестантомъ и бывшій деканомъ въ Виндзорѣ. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Италію, попалъ въ руки инквизиціи и умеръ въ тюрьмѣ.

наго голландца, онъ все-таки не воздалъ ему должнаго. Я не хочу остававливаться на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что въ публикѣ я замѣчаю вообще склонность, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, подчеркивать такого рода нехорошіе поступки. Временныя слабости какого-нибудь великаго человѣка зачастую считаются выраженіемъ его характера. Пятно на солнцѣ иногда даже затемняетъ его «всепревышающую» славу, и такого рода факты наблюдаются нерѣдко, хотя они и заключаютъ въ себѣ много несправедливаго.

Декартъ доказалъ, основываясь на принципахъ рефракціи, что какъ разъ въ томъ мѣстѣ неба, гдѣ видна радуга, должна находиться широкая полоса свѣта. Но почему она окрашена? Проницательный умъ Декарта дошелъ почти до самой границы рѣшенія, но предѣлы знанія въ его время не допустили его проникнуть дальше. Онъ нашелъ связь между цвѣтами радуги и цвѣтами, производимыми призмой, но какъ то, такъ и другое явленіе одинаково требовало объясненія. Рѣшеніе этой задачи сдѣлалось извѣстнымъ лишь тогда, когда Ньютонъ демонстрировалъ сложную природу бѣлаго луча. Примѣнивъ законъ Снелля къ различнымъ цвѣтамъ спектра, Ньютонъ доказалъ, что первичная дуга должна состоять изъ ряда концентрическихъ круговыхъ полосъ, изъ которыхъ самая большая будетъ краснаго, а самая малая фіолетоваго цвѣта. Во вторичной дугѣ цвѣта располагаются обратнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, важнѣйшая тайна радуги, если мнѣ будетъ позволено такъ выразиться, была раскрыта.

Я уже сказалъ, что только пучекъ лучей, почти параллельныхъ другъ другу, можетъ вызвать въ глазу ощущеніе цвѣта. Но чѣмъ же объясняется такой параллелизмъ лучей? Тутъ для насъ начинаются затрудненія, которыя мы можемъ преодолѣть, если будемъ внимательны. Попробуемъ прослѣдить путь солнечнаго луча, передъ тѣмъ и послѣ того, какъ онъ ударяется въ сферическую водяную каплю. Возьмемъ, прежде всего, тотъ лучъ, который проходитъ черезъ центръ капли. Этотъ лучъ падаетъ на заднюю поверхность капли перпендикулярно и отраженная его часть возвращается по прежнему пути. Возьмемъ теперь другой лучъ, идущій возлѣ центрального луча и параллельный съ нимъ, такъ какъ лучи солнца, которые достигаютъ земли, можно считать параллельными. Этотъ второй лучъ, проникая въ каплю, преломляется, отражаясь отъ ея задней поверхности при своемъ паденіи и снова вторично преломляется при своемъ выходѣ изъ капли. Въ этомъ случаѣ падающій и выходящій лучъ образуютъ между собою небольшой уголъ. Возьмемъ третій лучъ, отстоящій нѣсколько далѣе отъ центрального. Съ нимъ

произойдетъ то же самое въ водяной каплѣ, что и съ предъидущимъ лучемъ, только уголъ, образуемый падающимъ и выходящимъ лучемъ, будетъ больше. Чѣмъ далѣе мы будемъ отступать отъ центрального луча, тѣмъ болѣе будетъ увеличиваться этотъ уголъ, но увеличеніе это, достигнувъ извѣстнаго максимума, не идетъ дальше, и съ этого пункта удаленіе отъ центрального луча ведетъ уже къ уменьшенію угла. Лучи, выходящіе изъ точки нашего максимума и тотчасъ же возлѣ нея, почти параллельны другъ другу. Это, такъ-называемые, «дѣйствующіе» лучи радуги.

Но хотя Декартъ и Ньютонъ сдѣлали огромный шагъ впередъ своими вычислениями, все же теорія радуги оказывалась неполною. Въ предѣлахъ самой радуги, при извѣстныхъ условіяхъ атмосферы, замѣчается рядъ ярко окрашенныхъ поясовъ, происхожденіе которыхъ не было объяснено ни Декартомъ, ни Ньютономъ. Пояса эти впервые были описаны Мариоттомъ и долго оставались необъясненными. Тутъ мы также встрѣчаемся съ затрудненіями, которыя, впрочемъ, можемъ преодолѣть опять-таки при помощи вниманія. Въ самой природѣ максимума заключается та особенность, что съ обѣихъ его сторонъ мы всегда встрѣчаемся съ одинаковыми величинами. Максимумъ плотности воды, напри- мѣръ, существуетъ при 39° Фаренгейта. Плотность воды будетъ совершенно одинаковою при пониженіи или повышеніи температуры на 5°. То же самое и относительно склона хребта; по обѣимъ сторонамъ гребня мы можемъ найти пункты, находящіеся на одинаковой высотѣ. Въ радугѣ, по обѣимъ сторонамъ максимума отклоненія, мы также находимъ лучи, уголъ отклоненія которыхъ будетъ совершенно одинаковъ. Подобнаго рода лучи идутъ по одному и тому же направленію и увеличиваютъ силу другъ друга по выходѣ изъ капли. Свѣтъ, усиленный такого рода соединеніемъ нерасходящихся лучей, достигаетъ глаза; волны интерферируютъ и попеременно усиливаютъ или уничтожаютъ другъ друга. Если бы разстояніе, проходимое двумя соответствующими лучами внутри капли, было одинаково, то лучи вышли бы такими же, какими и вошли, но въ томъ-то и дѣло, что разстоянія эти никогда не бываютъ одинаковыми, и потому исходящіе лучи постоянно находятся въ такихъ условіяхъ, что или усиливаютъ, или уничтожаютъ другъ друга. Это попеременное усиленіе и взаимное уничтоженіе лучей, происходящее въ разныхъ точкахъ для разныхъ цвѣтовъ, и вызываетъ образованіе окрашенныхъ поясовъ внутри первичной радуги. Такіе пояса называются «прибавочными» дугами и часто бываютъ видны не только внутри первичной, но иногда и снаружи вторичной радуги. Необходимое условіе для образова-

нія этихъ поясовъ — приблизительно одинаковая величина дождевыхъ капель. Если капли будутъ различной величины, то происходитъ смѣшеніе различныхъ цвѣтовъ, результатъ котораго является приближеніе къ бѣлому свѣту.

Вотъ и еще одинъ шагъ къ объясненію радуги; шагъ этотъ былъ сдѣланъ человѣкомъ, геній котораго напоминаетъ геній Декарта или Ньютова. Человѣкъ этотъ 82 года тому назадъ былъ профессоромъ естественной философіи въ англійскомъ королевскомъ институтѣ. Я говорю о Томасѣ Юнгѣ.

Но задача наша еще не кончена и теперь. Окончательное объясненіе радуги было дано нашимъ знаменитымъ астрономомъ сэромъ Джорджемъ Эйри. Внеся въ этотъ вопросъ положенія, разработанныя основателями волнообразной теоріи и позднѣйшими труженниками науки, Эйри доказалъ, что хотя общіе принципы, установленные Юнгомъ, неопровержимы, но его расчеты и вычисления не всегда вѣрны. Онъ доказалъ, что кривая максимума освѣщенія въ радугѣ совершенно не совпадаетъ съ геометрическою кривою, установленной Декартомъ и Ньютономъ. Эйри также расширилъ наши познанія относительно прибавочныхъ дугъ радуги и исправилъ нѣкоторыя неправильности, сдѣланныя Юнгомъ при опредѣленіи ихъ положенія. Позднѣе профессоръ Миллеръ изъ Кембриджа и докторъ Галле изъ Берлина подтвердили точными измѣреніями теорію Эйри.

Теперь мы можемъ перейти къ опытамъ, которые собственно и составляютъ предметъ нашей лекціи. Во время нашего краткаго пребыванія въ Альпахъ (въ 1884 году), погода хотя и была большею частью прекрасная, но все же бывали и туманы и изморозь. Въ ночь на 22 сентября атмосфера была особенно густа, и погода была пасмурная. Въ девять часовъ утра я открылъ двери въ концѣ корридора и заглянулъ въ мглу. Сзади меня висѣла маленькая лампа, и тѣнь моего тѣла падала на туманъ. Я много разъ видалъ такую тѣнь, но въ данномъ случаѣ это сопровождалось явленіемъ, котораго я раньше не замѣчалъ. Сквозь туманъ вокругъ моей тѣни, далеко заходя за предѣлы освѣщенной части, видѣлся блѣдный, бѣлый, свѣтящійся кругъ, прерывающійся только въ одномъ мѣстѣ отбрасываемою отъ моего тѣла тѣнью. Я сдѣлалъ шагъ впередъ, и сіяніе, окружавшее мою тѣнь, отражавшуюся въ туманѣ, двинулось также вмѣстѣ со мною. Будь я склоненъ преувеличивать свои достоинства, то, пожалуй, я готовъ былъ бы счесть это явленіе за нѣчто вродѣ канонизаціи. Бенвенуто Челлини видѣлъ нѣчто подобное и приписалъ это явленіе сверхъестественной милости къ себѣ. Я нѣсколько разъ мѣнялъ свое положеніе и освѣ-

щеніе, но нашезъ, что даже свѣта одной простой свѣчки оказывалось вполне достаточно, чтобы видно было сіяніе. Грубымъ способомъ, при помощи двухъ скрещенныхъ прутьевъ, я измѣрилъ уголъ и нашелъ, что это именно тотъ самый уголъ, который нѣкогда приковалъ къ себѣ вниманіе ученыхъ — 41° . Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми другими фактами, заставило меня подозрѣвать, что бѣлое сіяніе, которое я видѣлъ — ничто иное, какъ круговая радуга. Спустя недѣлю послѣ этого, когда снова сдѣлался туманъ, я опять наблюдалъ такое же явленіе; свѣтящійся кругъ въ туманѣ хорошо былъ видѣнъ изъ открытыхъ дверей, причеиъ лампа, вызвавшая это явленіе, стояла сзади меня на столѣ.

Однако, нѣтъ никакой необходимости отправляться въ Альпы для того, чтобы наблюдать такое странное явленіе. У меня есть убижище — маленькая хижина, окруженная кустарникомъ, куда я удаляюсь, когда мозгъ мой нуждается въ отдыхѣ, а мускулы въ упражненіи. Въ этой хижинѣ двое дверей, выходящихъ на югъ и на сѣверъ и въ ней мы провели недавно очень пріятно и полезно время при наступленіи сырой, туманной погоды. Снявъ абажуръ съ маленькой керосиновой лампы, я ставилъ ее позади себя на столѣ и, становясь самъ въ открытыхъ дверяхъ хижины, наблюдалъ свѣтящіеся круги, окружавшіе мою тѣнь въ туманѣ. Сіяніе было не всегда одинаково. Иной разъ оно видѣлось яснѣе, когда я становился въ дверяхъ, открывающихся на сѣверъ; въ другія ночи наблюдалось обратное. Разница зависѣла, главнымъ образомъ, отъ направленія вѣтра. Въ ночь на Рождество атмосфера оказалась особенно благопріятной для этого явленія. Въ воздухѣ носился густой туманъ, пронизываемый мельчайшимъ дождемъ. Свѣтящіеся круги въ эту ночь оказывались особенно яркими и хорошо очерченными съ обѣихъ сторонъ хижины и видѣлись одинаково ясно какъ изъ сѣверныхъ, такъ и изъ южныхъ дверей. Они просвѣчивали сквозь туманъ, далеко заходя за предѣлы еѳ освѣщенной части, и тьма, господствующая кругомъ, конечно, заставляла ихъ выдѣляться яснѣе. Когда лампу двигали далѣе впередъ, въ туманѣ, то освѣщеніе середины совсѣмъ сглаживало сіяніе. Послѣ нѣкотораго упражненія, глазъ могъ все-таки прослѣдить очертаніе свѣтящихся круговъ, но ихъ уже едва можно было различить. Какъ видите, имѣть маленькую хижину на горѣ или въ равнинной мѣстности, поросшей верескомъ, иногда бываетъ полезно.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ явленіи, которое рѣдко бываетъ видно, но которое я имѣлъ случай наблюдать на Рождество. Туманъ и мгла рано утромъ въ день Рождества были очень

сильны; послѣ небольшой утренней прогулки моя суконная лодманская одежда оказалась вся покрытою мельчайшими водяными капельками. Чѣмъ дальше подвигался день, тѣмъ свѣтлѣе становилось на юго-востоки, и сквозь слой тучъ сталъ показываться блѣдный дискъ солнца. Къ десяти часамъ солнце окончательно восторжествовало, и освѣщенные солнцемъ вѣтви кустарника, съ нависшими на нихъ каплями воды, были изумительно красивы. Мы вышли съ моею женою на дорогу, ведущую въ Портсмуть, и когда взглянули назадъ, повернувшись лицомъ къ солнцу, то увидѣли, что туманъ, густой какъ дымъ, теперь исчезъ, но исчезаніе его сопровождалось, или, пожалуй, было вызвано тѣмъ, что его мельчайшія частицы слились между собою, образуя маленькіе шарики, замѣтные лишь въ томъ случаѣ, если свѣтъ проникалъ въ нихъ подъ извѣстнымъ угломъ, не иначе. Эти шарики двигались, слѣдуя за воздушными теченіями, вверхъ, внизъ и изъ стороны въ сторону. Такая необыкновенная подвижность вполне, повидимому, подтверждала мнѣніе, господствующее на континентѣ, что частицы тумана въ сущности представляютъ собой не капли, а маленькіе полые пузырьки. Этимъ обстоятельствомъ объяснялась также и способность облаковъ носиться въ воздухѣ. Въ Англии, однако, эта «везикулярная» теорія никогда не имѣла много сторонниковъ, и, какъ мнѣ кажется, она невѣрна въ основѣ.

Въ то время, какъ я стоялъ среди этихъ, носящихся въ воздухѣ точекъ, видныхъ глазу, но столь малыхъ и прозрачныхъ, что для кожи рукъ и лица они были совершенно неощутительны, мнѣ пришла въ голову мысль, что эти частицы непременно должны были способствовать образованію какой-нибудь радуги. Я повернулся спиною къ солнцу и наклонился такъ, чтобы очутиться внутри самаго слоя двигающихся частицъ, который я предполагалъ неглубокимъ. Взглянувъ по направленію одной возвышенности, я увидѣлъ ожидаемый феноменъ. Возвышенность была окружена блѣднымъ, безцвѣтнымъ сіяніемъ, образующимъ довольно рѣзко очерченную дугу. Въ этомъ зрѣлищѣ заключалось какое-то чарующее величіе. Временами мнѣ казалось, что я различаю слабую красноту у внѣшней границы дуги. Потомъ я убѣдился, что мнѣ не нужно было наклоняться, чтобы видѣть дугу. Все время, пока мы шли по новой портсмутской дорогѣ, имѣя возвышенность съ лѣвой стороны, бѣлая дуга двигалась вмѣстѣ съ нами. Въ извѣстномъ пунктѣ мы поднялись на старую портсмутскую дорогу, и здѣсь, имѣя передъ собою ровное пространство, покрытое густымъ, очень темнымъ кустарникомъ, мы стали поджидать, не увидимъ ли опять дуги. Солнце въ это время свѣтило очень ярко, небо надъ

нашими головами было совершенно голубое, и ничего, похожего на дождь, не существовало въ атмосферѣ. Вдругъ моя спутница воскликнула: «Я вижу весь кругъ; онъ сходится у моихъ ногъ». Въ эту минуту и я увидалъ кругъ. Темный кустарникъ, находящійся передъ нами, доставилъ намъ возможность увидѣть и нижнюю половину блѣднаго свѣтящагося круга. Все время, пока мы шли по этой дорогѣ, мы видѣли дугу, верхушка которой по временамъ исчезала, такъ какъ, очевидно, мельчайшіе шарикки, вызывающіе ея образованіе, не распространялись на извѣстную высоту въ атмосферѣ. Въ такихъ случаяхъ оставались только двѣ свѣтящіяся полосы, которыя не могли бы имѣть никакого значенія, если бы мы раньше не видѣли дуги и не знали, что онѣ составляютъ ея часть. Въ нѣкоторыхъ долинахъ и равнинахъ, гдѣ носящіяся въ воздухѣ частицы собрались въ большемъ количествѣ, оконечность дуги, погруженная въ долину, свѣтилась ярче обыкновеннаго. Во все время нашей прогулки мы наблюдали нѣсколько разъ, какъ дуга прерывалась и образовывалась снова, и если-бы намъ не приходилось уже наблюдать такого явленія на Альпахъ и въ нашемъ горномъ убѣжищѣ, мы бы, пожалуй, и не замѣтили его. Если эта *блѣлая* дуга, при сравненіи съ обыкновенною окрашенною радугою, уступала ей въ силѣ свѣта и напряженіи, то потеря эта вполне возмѣщалась новизною и особеннымъ очарованіемъ, которое заключало въ себѣ такое зрѣлище.

Бѣлая радуга (*arc-en-ciel blanc*) была впервые описана испанцемъ Донъ-Антоніо де-Уллоа, морскимъ гвардейскимъ лейтенантомъ. По приказанію испанскаго короля, Донъ-Іоргъ Жуанъ и Уллоа отправились въ экспедицію въ Южную Америку, и описаніе этой экспедиціи можно найти въ двухъ томахъ, со множествомъ иллюстрацій, хранящихся въ королевскомъ институтѣ. Дуга наблюдалась съ вершины горы Памбамарка въ Перу. Уголъ, образуемый ея радіусомъ, равнялся $30^{\circ}30'$ и былъ, слѣдовательно, значительно меньше угла, образуемаго радіусомъ обыкновенной дуги. Между явленіемъ, которое описалъ Уллоа, и тѣмъ, которое наблюдали мы, существуетъ нѣкоторое различіе. Въ случаѣ Уллоа, туманъ былъ достаточно густъ, и потому тѣнь отъ него и его шести спутниковъ была ясно видна, хотя, впрочемъ, каждый могъ видѣть только свою тѣнь. Вокругъ головы каждаго изъ нихъ виднѣлись круги окрашеннаго свѣта, въ родѣ того, который характеризуетъ, такъ-называемый, «призракъ Брокена». Въ нашемъ же случаѣ тѣней не было, потому что не было экрана, образуемаго туманомъ, на который могла бы отбрасываться тѣнь. Этимъ объясняется также и то, что мы не видѣли цвѣтныхъ круговъ, которые наблюдалъ Уллоа.

Бѣлую радугу пробовали объяснять различнымъ образомъ. Одинъ ученый французъ, г. Браве, много писавшій объ оптическихъ явленіяхъ въ атмосферѣ и соединявшій съ репутаціею ученаго репутацію опытнаго горца, пробовалъ было объяснить происхожденіе этой радуги при помощи «везикулярной» теоріи, о которой я упомянулъ выше. Теорія эта, однако, болѣе чѣмъ сомнительна сама по себѣ, да и не нужна вовсе. Томасъ Юнгъ объяснилъ и это явленіе, какъ и многія другія. Онъ доказалъ, что бѣлизна радуги составляетъ прямое послѣдствіе малой величины капель, которыя ее производятъ. Именно такія, носящіяся въ воздухѣ мельчайшія водяныя точки, какія намъ пришлось наблюдать на возвышенности, гдѣ построена наша хижина, и нужны для явленія бѣлой радуги. По наблюденію Уллоа, бѣлая радуга находилась внутри дуги, которую должна была бы образовать обыкновенная радуга, т.-е. въ области прибавочныхъ дугъ, Томасъ Юнгъ объяснилъ самое происхожденіе радуги Уллоа дѣйствіемъ добавочныхъ дугъ другъ на друга. Юнгъ доказалъ, что, чѣмъ мельче капли, тѣмъ шире добавочныя дуги; онъ вычислилъ, что если капли имѣютъ въ діаметрѣ $\frac{1}{3000}$ или $\frac{1}{4000}$ дюйма, то дуги заходятъ одна на другую и, смѣшиваясь, производятъ бѣлый свѣтъ. Радиусъ бѣлой дуги можетъ измѣняться, также какъ и геометрическая дуга, въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые, по изслѣдованіямъ Браве, колеблются между $33^{\circ}30'$ и $40^{\circ}46'$. Въ послѣднемъ случаѣ бѣлая дуга—ничто иное, какъ обыкновенная радуга, лишенная своей окраски, вслѣдствіе противоположенія лучей, вызваннаго малою величиною капель. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ бѣлизна дуги вызывается противоположеніемъ добавочныхъ дугъ.

Всякій изслѣдователь, конечно, стремится не только наблюдать явленія природы, но и воссоздавать ихъ самому, т.-е. сдѣлать ихъ достояніемъ опыта. Путемъ наблюденій мы узнаемъ только то, что природа желаетъ открыть намъ; производя опыты, мы, такъ сказать, вызываемъ природу въ качествѣ свидѣтеля, подвергаемъ ее перекрестному допросу и извлекаемъ изъ нея свѣдѣнія сверхъ того, что она могла бы дать намъ произвольно. Собразуясь съ этимъ взглядомъ, я и пожелалъ, возвращаясь изъ Швейцаріи въ октябрѣ 1884 года, воспроизвести въ своей лабораторіи тѣ явленія, которыя я наблюдалъ въ горахъ. Прежде всего, конечно, мнѣ нужно было получить искусственнымъ образомъ ту смѣсь тумана и изморози, которую я наблюдалъ изъ дверей нашей альпійской хижины. Я взялъ крѣпкій, цилиндрической, мѣдный котелъ, вышиною 16 дюймовъ и въ діаметрѣ — 12 дюймовъ, наполнилъ его водою и сталъ нагрѣвать на газовомъ пламени до

тѣхъ поръ, пока не сталъ образовываться паръ подѣ опредѣленнымъ давленіемъ. Тогда клапанъ на верхушкѣ котла былъ открытъ, и паръ съ силою вырвался изъ него, унося съ собою капельки воды, механически смѣшанныя съ нимъ, и сгущаясь наверху въ капельки такого же рода. Такимъ образомъ я получилъ прекрасное подражаніе альпійской атмосферѣ. Послѣ нѣсколькихъ пробныхъ опытовъ мнѣ удалось наконецъ воспроизвести свѣтящійся кругъ, и когда я этого добился, мнѣ оставалось уже только достигнуть большей силы свѣта этого круга. Я испробовалъ различные источники свѣта: масляныя лампы, свѣтъ кальція и электрической свѣтъ, свѣтовые источники помѣщались обыкновенно въ одной комнатѣ, котелъ — въ другой, а наблюдатель становился между ними, спиною къ источнику свѣта. Долго останавливаться на этихъ первыхъ опытахъ не зачѣмъ, впоследствии они были значительно усовершенствованы. Мой способъ экспериментированія былъ слѣдующій: электрической источникъ свѣта помѣщался въ камерѣ, впереди которой находилась собирающая чечевица. Положеніе этой чечевицы было такое, что черезъ нее получался лучъ свѣта достаточной ширины для того, чтобы охватить всю мою голову и образовать освѣщенный ореолъ вокругъ нея. Такъ какъ было желательно ослабить насколько возможно посторонній свѣтъ, проникающій въ глазъ, то этотъ лучъ воспринимался черною поверхностью, отстоящею на извѣстномъ разстояніи, причемъ легко было придать головѣ такое положеніе, чтобы тѣнь отъ нея приходилась какъ разъ въ центрѣ освѣщенной площади.

Для полученія наилучшихъ результатовъ при производствѣ опыта необходимо было становиться такъ близко къ котлу, чтобы быть совершенно погруженнымъ въ туманъ, образуемый парами. Однако, я скоро убѣдился, что туманъ только мѣшаетъ опыту и потому сталъ отыскивать способъ отъ него избавиться. Въмѣсто того, чтобы усиливать результатъ, туманъ только затемнялъ его. Я попробовалъ выпустить паръ изъ котла и затѣмъ закрыть клапанъ. Облако пара быстро исчезло, оставивъ за собою массу мельчайшихъ водяныхъ шариковъ. Тотчасъ же въ воздухѣ передъ моими взорами показалась рѣзко окрашенная круговая радуга. Первичная радуга, какъ обыкновенно, сопровождалась вторичною, расположеніе цвѣтовъ въ которой было обратнымъ. Стоило открыть клапанъ хотя бы только на одну секунду, и радуга становилась интенсивнѣе. Клубы пара, вырывающіеся изъ котла, вызывали немедленное образованіе этого великолѣпнаго явленія. Чѣмъ больше клубился паръ, тѣмъ лучше была радуга, такъ какъ, иначе, она быстро исчезала, ибо быстро исчезали мельчайшіе шарики,

вызывавшіе ея появленіе. Если клапанъ оставлялся открытымъ на нѣкоторое время, такъ чтобы атмосфера наполнилась достаточнымъ количествомъ водяныхъ капель, то радуга виднѣлась дольше.

Много было сдѣлано опытовъ также для полученія искусственнаго мелкаго дождя, но я приведу только два изъ нихъ. Я приготовилъ нѣсколько распылителей, взявъ за образецъ обыкновенную садовую лейку. Внѣшняя поверхность ситечка у моего прибора была выпуклая и снабжена отверстіями, которыя разсмотрѣть простымъ глазомъ было невозможно. Изъ этихъ отверстій выходили струйки воды, разбивающіяся на нѣкоторомъ разстояніи на капли и образующія дождь. Такъ какъ эти маленькія отверстія легко могли засоряться частицами, находящимися въ лондонской водѣ, то я для опытовъ бралъ фильтрованную воду. На крышѣ королевскаго института помещенъ былъ резервуаръ для воды, ко дну котораго была прикрѣплена труба, около двадцати футовъ длиною и около дюйма въ діаметрѣ. Къ концу этой трубы прикрѣплялись одно или нѣсколько ситъ; при помощи крана можно было выпускать черезъ нихъ воду, которая и падала, распыленная въ видѣ дождя. Круглыя радуги, произведенныя такимъ искусственнымъ дождемъ, оказывались гораздо сильнѣе окрашенными, нежели тѣ, въ образованіи которыхъ участвовали мелкіе пузырьки сгущеннаго пара. Чтобы получить лучший эффектъ и видѣть явленіе во всей его красотѣ и полнотѣ, необходимо было находиться среди самаго ливня, производимаго искусственно, а не въ его. Конечно, нужно было облачиться для этого въ соотвѣтствующій костюмъ. Липо, стоящее внѣ ливня, можетъ видѣть только часть первичной и вторичной дугъ, но свѣтъ ея блѣденъ, водянистъ, не производитъ впечатлѣнія. Внутри же ливня, когда тѣнь отъ головы занимаетъ соотвѣтствующее положеніе на экранѣ, великолѣпіе зрѣлища бываетъ поразительно. Первичная дуга разцвѣчивается богатѣйшими красками, цвѣта же вторичной дуги хотя и не бываютъ столь ярки, но все же отличаются чистотою и отчетливостію.

Но первичная дуга сопровождается, кромѣ того, такими явленіями, которыя въ состояніи еще болѣе привлечь вниманіе, нежели сама радуга. Я уже говорилъ о существованіи дѣйствующихъ лучей за и поверхъ тѣхъ, которые образуютъ собственно геометрическую дугу. Они падаютъ внутри первичной дуги и, говоря словами Томаса Юнга, «должны были бы производить постоянный разсѣянный слабый свѣтъ, если бы не явленія интерференціи, заставляющія свѣтъ раздѣляться на концентрическіе круги». Такъ

хотѣлось бы мнѣ показать Юнгу, какъ буквально исполняются его слова и какъ превосходно иллюстрируется его теорія при помощи искусственной круговой радуги. Въ этой радугѣ пространство между первичными дугами наполнено концентрическими, добавочными поясами, окрашенными также какъ и первичная радуга и дѣлающимися постепенно все уже и уже, по мѣрѣ удаленія отъ первичной дуги. Эти «ложныя» дуги, какъ ихъ иногда называютъ, являются наилучшею иллюстраціей къ явленіямъ интерференціи; онѣ отдѣлены другъ отъ друга темными поясами, которые образуются вслѣдствіе того, что лучи свѣта, сливаясь, уничтожаютъ другъ друга. Я насчиталъ восемь такихъ красивыхъ поясовъ, концентрическихъ, какъ и «истинная» первичная дуга. Добавочныя дуги образуются рядомъ съ наиболѣе преломляемымъ цвѣтомъ радуги и потому-то они являются внутри первичнаго круга. Но такъ какъ наиболѣе преломляемый цвѣтъ, фіолетовый, находится во вторичной радугѣ снаружи, то мнѣ и приходилось иногда наблюдать, рядомъ съ фіолетовымъ цвѣтомъ вторичной дуги, до пяти «ложныхъ» дугъ. Можно судить, какъ должна быть интенсивна первичная радуга, если вторичная въ состояніи вызвать вышеописанныя явленія.

Весьма удобный распылитель употребляется у насъ для увлаженія воздуха въ палатахъ парламента. Струя воды, выходящая изъ очень маленькаго отверстія подъ большимъ давленіемъ, ударяется о маленькій щитъ, укрѣпленный на разстояніи $\frac{1}{20}$ дюйма отъ отверстія. Коснувшись щита, водяная струя буквально разбивается и разсыпается на мельчайшія капли. Съ этимъ аппаратомъ я также производилъ различные опыты и получилъ блестящіе результаты. въ отношеніи первичныхъ, вторичныхъ и добавочныхъ дугъ. Количество воды, нужное для опытовъ, оказывалось въ данномъ случаѣ меньше, такъ какъ, благодаря устройству аппарата, вода не стекала въ комнаты, гдѣ производились опыты.

Въ одномъ довольно важномъ отношеніи вышеописанный распылитель долженъ обратить на себя особое наше вниманіе. Съ нимъ мы можемъ производить опыты съ жидкостями болѣе дорогими, нежели вода, и получать радугу при помощи жидкостей, показатели преломленія которыхъ весьма разнообразны. Для расширенія нашихъ опытовъ въ этомъ направленіи были сдѣланы соотвѣтствующія приспособленія. Множество жидкостей были испробованы такимъ образомъ, и результаты, полученные при этомъ, въ высшей степени замѣчательны. Я ограничусь здѣсь указаніемъ только на двѣ жидкости, которыя представляютъ, какъ преимущество дешевизны, такъ и то, что результаты, получаемые при опытахъ съ ними, особенно блестящи; это—скипидаръ, который вызываетъ обра-

зованіе дуги, необыкновенно ярко окрашенной, и парафиновое масло или керосинъ, которые даютъ такіе же блестящіе результаты.

Обыкновенный спектральный анализъ можетъ быть примѣненъ и къ нашему искусственному дождю, образуемому распыленіемъ двухъ и болѣе жидкостей. На основаніи круговыхъ радугъ, свойственныхъ той или другой жидкости, мы можемъ заключить о составѣ дождя. Въ обыкновенной радугѣ самый узкій цвѣтной поясъ образуется наиболѣе преломляемымъ свѣтомъ. Такъ какъ парафиновое масло и скипидаръ сильнѣе преломляютъ свѣтъ нежели вода, то распыленіе смѣси воды съ одною изъ этихъ жидкостей должно вызвать появленіе болѣе узкой, но болѣе яркой радуги, внутри другой широкой, въ образованіи которой участвуютъ водяныя капли. Предположеніе это вполне подтвердилось на опытѣ. Примѣшивая къ распыленной водѣ, уже вызвавшей образование радуги, такой же распыленный скипидаръ, мы тотчасъ же замѣчали появленіе внутри водяной радуги болѣе ярко окрашеннаго круга,—радугу, образуемую скипидарною жидкостью. Первичную радугу сопровождала вторичная и рядъ относящихся къ обѣимъ добавочныхъ дугъ. Трудно найти болѣе великолѣпную иллюстрацію принциповъ оптики опытнымъ путемъ, чѣмъ та, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Въ протоколахъ философскаго общества за 1835 годъ можно найти чрезвычайно живое описаніе круговой солнечной радуги, которую полковникъ Сиксъ наблюдалъ въ Индіи въ періодъ наибольшаго развитія тумановъ и мглы.

«Я вѣсколько разъ имѣлъ случай наблюдать это удивительное явленіе,—говоритъ Сиксъ,—столь рѣдкое, что о немъ говорятъ лишь какъ о возможной случайности. Это всегда бывало въ періоды тумановъ. Слой тумана иногда поднимается отъ Конкуна надъ уровнемъ вершины одной пропасти, образуемой гребнемъ Гурричундугура, выступающимъ перпендикулярно на 2.000—3.000 фут. высоты. Этотъ туманъ, впрочемъ, не простирался на плоскогоріе. Я стоялъ на самомъ краю пропасти, какъ разъ на границѣ туманнаго слоя, имѣя съ лѣвой стороны безоблачное солнце, стоявшее чрезвычайно низко. При такихъ условіяхъ круговая радуга была видна очень хорошо, цвѣта ея были очень ярки. Одна половина ея возвышалась надъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ я стоялъ, другая была ниже. Тѣнь отъ меня, моей лошади и находившихся вблизи людей, появлялась въ самомъ центрѣ круга, точно картина, для которой радуга составляла великолѣпнѣйшую въ мірѣ рамку. Мои спутники не вѣрили, чтобы фигуры, которыя они наблюдали, были ихъ собственной тѣнью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, они

*

стали производить различныя тѣлодвиженія и принимать самыя разнообразныя положенія. Фигуры, видѣвшіяся внутри радужнаго круга, послушно повторяли всѣ эти движенія. Суевѣрное чувство, охватившее моихъ спутниковъ при видѣ этого удивительнаго явленія, не скоро уступило мѣсто сознанию, что ничего сверхъестественнаго тутъ не происходитъ. Такъ какъ мы находились вблизи самого тумана, то я полагаю, что діаметръ видимаго нами круга не долженъ бытъ превосходить 50 — 60 фут. Блестящій кругъ сопровождался, какъ и въ другихъ случаяхъ, наружнымъ кругомъ, цвѣтъ котораго былъ гораздо слабѣе.

Калборнъ Бэберъ, смѣлый и предприимчивый путешественникъ, также обогатилъ протоколы королевскаго географическаго общества чрезвычайно интереснымъ описаніемъ своего путешествія по Западному Китаю. Онъ совершилъ восхожденіе на гору О—столь чтимую буддистами возвышенность. Вышина этой горы равняется почти 11.000 фут. надъ уровнемъ моря и сбоку ея выступаетъ скала высотой около мили. Съ этой скалы, край который огражденъ столбами и цѣпями, вы можете смотрѣть внизъ, въ пропасть, и если вамъ поблагопріятствуетъ судьба или, вѣрнѣе, туманъ, вы можете увидѣть чудо, которое Бэберъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Вполнѣ естественно, что пилигримы приближаются къ этому опасному мѣсту, испытывая трепетъ и страхъ, но ихъ сюда влечетъ надежда увидѣть таинственное явленіе, извѣстное подъ названіемъ «Фо-Куангъ» или «Сіянія Будды», которое носится въ воздухѣ надъ пропастью. Мнѣ рассказывали объ этомъ чудѣ столько свидѣтелей, что я не могъ болѣе сомнѣваться, но хотя я долго и упорно смотрѣлъ внизъ, въ пропасть, мнѣ не удалось увидѣть чуда, и я ушелъ разочарованный, но не пересталъ вѣрить. Мнѣ описывали это чудо слѣдующимъ образомъ: появляется блестящій кругъ, переливающимъ цвѣтами радуги и прерывающійся снаружи сверкающими лучами, которые то являютя, то исчезаютъ. Внутри круга находится въ центрѣ дискъ, такой же блестящій, какъ солнце, но еще болѣе великолѣпный. Вѣрующіе буддисты считаютъ это явленіе отблескомъ сіянія Будды и доказательствомъ несомнѣнной святости горы О.

«Какъ ни кажется невѣроятнымъ этотъ феноменъ, но онъ въ дѣйствительности существуетъ. Я полагаю, что трудно найти лучшее подтвержденіе существованія буддійскаго чуда, чѣмъ свидѣтельство баптистскаго миссіонера, или даже двухъ, показанія которыхъ я могу привести. Послѣ моего восхожденія на гору О туда отправились два такихъ миссіонера, и имъ удалось видѣть сіяніе Будды нѣсколько разъ. Они рассказывали мнѣ, что они видятъ передъ собою въ такой необыкновенной обстановкѣ,—

появляется блестящій, похожій на солнце дискъ, окруженный кольцомъ радужныхъ цвѣтовъ призмы, причемъ цвѣта этого кольца ярче и тѣснѣе расположены, чѣмъ въ обыкновенной радугѣ. Миссіонеры сказали мнѣ, что они наблюдали это явленіе около трехъ часовъ пополудни, въ срединѣ августа, и что «сіяніе Будды» бываетъ видно лишь тогда, когда вся пропасть бываетъ окутана мглой. Сіяніе, казалось, лежало на поверхности этой мглы и всегда по направленію линіи, проведенной отъ солнца черезъ ихъ головы, что и подтверждается тѣмъ, что тѣнь отъ ихъ головы виднѣлась на поверхности воздушнаго явленія. Нагибаясь, они уничтожали эту тѣнь, но они не знаютъ, уничтожилась ли бы она, если бы они сдѣлали шагъ въ сторону. Каждый изъ зрителей могъ наблюдать тѣни стоявшихъ возлѣ такъ же хорошо, какъ и свою собственную тѣнь, отбрасываемую на поверхность сіянія. Лучей, исходящихъ отъ этого сіянія, имъ наблюдать не пришлось. Центральнѣйшій дискъ, какъ они полагаютъ, есть ничто иное, какъ отраженное изображеніе солнца, а окружающее кольцо—радуга. Кольцо имѣло въ ширину около четверти діаметра диска и отступало отъ него почти на такое же разстояніе. Впрочемъ одинъ изъ наблюдателей однажды видѣлъ, что кольцо прикасается къ диску, безъ промежуточнаго пространства. Тѣнь отъ головы, отбрасываемая на поверхность этого метеора занимаетъ одну восьмую часть его діаметра. Кольцо радуги было неполнымъ внизу, но это объясняется тѣмъ, что край пропасти заслонялъ его. Миссіонеры полагаютъ, что это явленіе можно, вѣроятно, наблюдать и ночью во время полнолунія, когда луна бываетъ особенно блестяща и находится въ условіяхъ, благопріятствующихъ этому. Они увѣряютъ, что были дѣйствительно довольно сильно поражены зрѣлищемъ, которое представилось ихъ глазамъ, но никакого особеннаго трепета не испытывали при этомъ, хотя вполнѣ соглашались, что это замѣчательное явленіе должно производить сильное впечатлѣніе на человѣка».

Конечно, очень жаль, что самъ г. Бэберъ не видалъ сіянія Будды и потому не могъ передать намъ своихъ личныхъ наблюдений. Врядъ ли справедливо, что тѣнь отъ головы наблюдателя, падающая на метеоръ, можетъ быть уничтожена наклоненіемъ. Эта тѣнь всегда должна находиться въ центрѣ «сіянія».

Отъ маленькаго блѣднаго круга, который былъ видѣнъ въ Альпахъ, мы дошли постепенно до «сіянія Будды» и путемъ опытовъ и изслѣдованій сдѣлали и это «сіяніе» достояніемъ лабораторіи. Такой результатъ можетъ быть названъ типичнымъ для всѣхъ изслѣдованій великихъ явленій природы.

ОТЪ ИМЕНИ ДЬЯВОЛА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО).

Это было зимою въ 1831 г. Часы Парижа показывали очень раннее время, и всѣ дома были еще заперты. Портъе одного высокаго и узкаго дома сидѣлъ въ своей норѣ и, не смотря на ужасный холодъ, чинилъ обувь при тускломъ свѣтѣ лампочки, какъ вдругъ кто-то постучалъ въ дверь, которая была еще на цѣпи.

— Кто бы это могъ быть такъ рано? — пробормотамъ м-г Жанъ Жуаёзъ.

За стукомъ въ дверь послѣдовалъ рѣзкій звонокъ нетерпѣливаго посѣтителя.

М-г Жуаёзъ бросилъ свою работу и съ лицомъ болѣе сердитымъ, чѣмъ обыкновенно, пошелъ отворять.

Но когда онъ увидѣлъ весьма приличнаго господина, то сдѣлалъ ему почтительный поклонъ, принявъ его за агента полиціи.

— Здѣсь отдаются квартиры въ наемъ?

Смущенный портъе молчалъ.

— Есть свободныя квартиры, или нѣтъ? Отвѣчайте же, — продолжалъ неизвѣстный господинъ

— Да, милостивый государь, есть — одна квартира въ первомъ этажѣ, другая — во второмъ, есть и мансарда для бѣднаго люда.

— Въ такомъ случаѣ проводите меня въ мансарду.

— Неужели онъ хочетъ нанять себѣ помѣщеніе на чердакѣ? — подумалъ въ изумленіи портъе.

Ему казалось невозможнымъ, чтобы господинъ, одѣтый такъ хорошо, могъ жить въ берлогѣ, гдѣ свободно хозяйничаютъ и вѣтеръ, и дождь.

— Должно быть, сумасшедшій, — подумалъ онъ, незамѣтно заглядывая ему въ лицо и ощущая нѣкоторый страхъ.

— Но, сударь, тамъ, на верху, неудобно жить такой особѣ, какъ вы!—проговорилъ портье громкимъ голосомъ и набравшись храбрости.

Незнакомецъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, оставивъ дальнѣйшія замѣчанія.

— Я переселюсь туда сегодня же. Приготовьте помѣщеніе!

И, сунувъ портье 20 франковъ, какъ бы въ счетъ платы, онъ удалился, сѣлъ въ щегольскую карету, запряженную парой прекрасныхъ лошадей, и исчезъ.

* * *

М-г и м-ше Жуаезъ, приводя въ порядокъ мансарду и вспоминая о только-что случившемся, дали полный просторъ своей фантазіи.

Когда незнакомецъ вынималъ деньги и распахнулъ шубу, портье увидѣлъ собственными глазами красную ленточку Почетнаго Легіона.

Какимъ образомъ кавалеру ордена Почетнаго Легіона пришла фантазія выбрать себѣ эту мансарду, худшую изъ квартиры, гдѣ даже кошка не захотѣла бы жить...

— Можетъ быть, какое-нибудь романическое приключеніе,—вдругъ замѣтила м-ше Жуаезъ.

— Какое тамъ романическое приключеніе!.. Кому бы пришла охота заниматься любовью на чердакѣ. Скорѣе всего фальшивый монетчикъ!.. Безъ сомнѣнія, это такъ!.. Надо быть на сторожѣ!

Но м-ше Жуаезъ, въ качествѣ отставной хористки, имѣла влеченіе ко всему романическому, и порѣшила, что неизвѣстный господинъ долженъ быть непременно донъ-Жуаномъ. Размышляя такимъ образомъ, она терла полъ изо всей силы, не боясь помѣхи со стороны отважной шайки крысъ, удивленныхъ вторженіемъ щетки въ мирное жилище, гдѣ онѣ такъ свободно хозяйничали.

Едва она успѣла привести въ надлежащій видъ это убогое жилище, годное лишь для странствующихъ акробатовъ, какъ таинственный незнакомецъ снова пріѣхалъ въ каретѣ въ сопровожденіи ливрейнаго слуги. Послѣдній несъ небольшой узкій и длинный ящикъ, похожій на дѣтскій гробикъ, и поставилъ его въ новое помѣщеніе своего господина.

М-г Жуаезъ бросилъ многозначительный взглядъ въ сторону своей супруги и проговорилъ вполголоса:

— Убійца!

Затѣмъ, какъ бы съ совершенно равнодушнымъ видомъ, онъ спросилъ у слуги, что такое въ этомъ ящикѣ?

Лакей лукаво улыбнулся и простодушно отвѣтилъ:

— Не знаю.

— Соучастникъ!..—сообразилъ м-г Жуаёзъ.

Ожиданіе, любопытство и страхъ стали уже овладѣвать несчастнымъ, какъ вдругъ таинственный господинъ сказалъ ему:

— М-г Жанъ, не впускайте ко мнѣ никого, за исключеніемъ одного господина.

— Слушаю, сударь, — отвѣтилъ портье. — Но какимъ образомъ я узнаю его?

— Онъ скажетъ вамъ пароль: „отъ имени дьявола!..“

При этихъ словахъ несчастный портье широко раскрылъ глаза и разинулъ ротъ. Онъ былъ до того ошеломленъ, что не могъ вымолвить слова, жена же его продолжала развивать свои фантазіи относительно донъ-Жуана.

Незнакомецъ, между тѣмъ, сталъ спокойно взбираться на лѣстницу.

Не успѣла озадаченная парочка придти въ себя отъ изумленія, какъ раздался сильный звонокъ: появился другой незнакомецъ зловѣщаго вида, съ сурово сдвинутыми бровями и косымъ взглядомъ.

— Переѣхалъ сюда сегодня новый жилецъ?—спросилъ онъ.

— Не смѣю отрицать; но онъ никого не принимаетъ.

— Не принимаетъ? Ну, меня-то онъ приметъ! Пропустите! Я отъ имени дьявола.

И съ этими словами неизвѣстный посѣтитель быстро вошелъ на лѣстницу.

* * *

Съ этого дня жилецъ (который, впрочемъ, не ночевалъ въ этомъ жалкомъ помѣщеніи) и посоль дьявола, каждое утро, въ одинъ и тотъ же часъ, приходили въ мансарду, забирались на двойной замокъ и оставались тамъ до пяти часовъ вечера.

Портье и его жена не находили себѣ мѣста отъ безпокойства и любопытства. Чего только они ни предпринимали, чтобы захватить врасплохъ таинственныхъ господъ!.. Они подкрадывались на цыпочкахъ къ дверямъ мансарды и, затаивъ дыханіе, прикладывали ухо къ замочной скважинѣ; но

оттуда раздавались только какіе-то нечестивые сатанинскіе звуки. Они старались заглянуть въ отверстие замка, но оно было заткнуто пробками отъ бутылокъ, которыя въ большомъ количествѣ опустошались этими нечестивцами, вѣроятно, для того, чтобы заглушить совѣсть.

Такъ прошло недѣль пять или шесть. Наконецъ, какъ-то въ сумеркахъ, портю удалось слышать нѣсколько словъ.

— Не трусьте, это должно удался!

Онъ узналъ голосъ жильца.

Тогда другой отвѣтилъ:

— Тѣмъ не менѣе, эта партія дьявола очень трудна!

— Они заключили союзъ съ сатаной, — подумала м-ше Жуаёзъ и, вся дрожа, прижалась къ своему мужу, который продолжалъ прислушиваться.

— Вы, главное, хорошенько представьте себѣ тотъ моментъ, — продолжалъ жилецъ, — когда онъ вызываетъ мертвыхъ изъ могилъ, появленіе сатаны со всѣмъ его штатомъ, и затѣмъ, когда онъ слушаетъ отвѣтъ всѣхъ чертей.

Для м-г Жанъ этого было вполне достаточно.

— О, разбойники! Какъ смѣютъ они поворить этотъ честный домъ своими преступными заговорами!.. Пора положить этому конецъ!

И онъ побѣждалъ въ полицейскому комиссару, рассказалъ ему всѣ подробности о двухъ неизвѣстныхъ господахъ, о томъ, что онъ слышалъ, о непроницаемой тайнѣ, которой они себя окружили, и о маленькомъ, принесенномъ ими, гробѣ. М-ше Жуаёзъ съ серьезнымъ видомъ подтвердила слова мужа.

Комиссаръ не заставилъ себя долго просить, такъ какъ страшный рассказъ произвелъ и на него сильное впечатлѣніе.

Онъ взялъ съ собою четырехъ полицейскихъ и пошелъ въ домъ, оскверненный присутствіемъ двухъ злоумышленниковъ.

— Отоприте именемъ закона, — сказалъ онъ, сильно стукнувъ въ дверь. Ее тотчасъ отворили:

— Кто вы такіе? Ваше имя? — спросилъ онъ у незнакомцевъ.

— Кто я такой?.. Я Джакомо Мейерберъ.

— А вы?

— Я первый басъ Большой Оперы.

Однако, комиссаръ, не вполне еще удовлетворенный этимъ отвѣтомъ, спросилъ, что они тутъ дѣлаютъ?

— Мы разучиваемъ партію Бертрама въ „Робертъ Дьяволъ“, который скоро будетъ поставленъ на сцену. Для того,

чтобы намъ не мѣшали, мы наняли себѣ помѣщеніе въ этой отдаленной части города.

— Но ящикъ, ящикъ, — указывая на него пальцемъ, вскричалъ м-г Жанъ, не совсѣмъ еще убѣжденный.

Но, вмѣсто отвѣта, послѣдовалъ звучный взрывъ хохота.

— Это пустой футляръ для скрипки, — отвѣтилъ великій maestro.

— Вы просто глупы! — сказалъ комиссаръ, обращаясь къ портю.

И, сдѣлавъ низкій поклонъ Мейерберу, попросилъ у него извиненія за причиненное ему безпокойство и удалился со своими полицейскими.

* * *

М-г Жанъ и м-ше Жуаезъ, хористка въ отставкѣ, имѣли счастье быть на первомъ представленіи „Роберта Дьявола“ въ 1831 г. Билетъ имъ былъ подаренъ самимъ авторомъ этой знаменитой оперы.

Когда раздался могучій голосъ баса, вызывающій мертвыхъ, Жанъ Жуаезъ не могъ удержаться, чтобы не прошептать таинственно на ухо своей женѣ:

— А все же, знаешь? я совершенно убѣжденъ въ томъ, что это самъ чортъ!..

Эпизодъ этотъ изъ жизни знаменитаго композитора служилъ долгое время предметомъ разговора парижскаго общества.

ВИБЛОГРАФІЯ:—КНИГИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Международное право.

I.

Чѣмъ долѣе живетъ человѣчество, тѣмъ сношенія между нимъ дѣлаются все оживленнѣе и разнообразнѣе. Въ ту отдаленную эпоху, когда охота на дикихъ звѣрей была единственнымъ источникомъ существованія, поводовъ къ сближенію между людьми было очень мало. Небольшая группа людей могла успѣшнѣе охотиться за оленями и другою дичью и защищаться отъ дикихъ звѣрей, чѣмъ человѣкъ въ одиночку; но на всякое другое племя эта группа людей неминуемо смотрѣла, какъ на врага, потому что лишь небольшое число людей при охотничьемъ родѣ жизни можетъ прокормиться на той же самой территоріи. Въ пастушескій и въ началѣ земледѣльческаго періода жизни человѣчества, когда племена стали больше и обратились въ народы, отношенія между ними могли быть тоже только военныя. Каждый народъ производилъ у себя дома все, что ему было нужно; въ правильномъ обмѣнѣ заинтересованъ онъ не былъ; только стремленіе къ грабежу богатствъ сосѣда, къ захвату лучшихъ кусковъ земли или даровыхъ работниковъ-рабовъ, сталкивало народы другъ съ другомъ; естественно, что въ такихъ столкновеніяхъ о правѣ не могло быть и рѣчи: господствовала одна грубая сила.

Много вѣковъ прошло прежде, чѣмъ совершенно измѣнились условія жизни первобытныхъ народовъ. Потребности человѣка увеличились: одно грубое земледѣліе не удовлетворяло человѣка, онъ нуждался уже въ жилищѣ, въ одеждѣ, въ улучшенныхъ орудіяхъ, облегчающихъ трудъ обработки земли, въ сохраненіи созданныхъ имъ продуктовъ; для этого нужны были металлы и многое другое. Въ предѣлахъ cadaго государства произошло раздѣленіе труда, но даже и оно не удовлетворяло всѣхъ потребностей: явилась надобность въ мирномъ торговомъ обмѣнѣ между государствами.

Съ тѣхъ прошло еще много вѣковъ. Сношенія сдѣлались разнообразнѣе и важнѣе для жителей cadaго отдѣльнаго государства, и въ настоящее время все человѣчество, или по крайней

мѣрѣ вся цивилизованная его часть представляетъ одинъ громаднѣйшій союзъ государствъ, условія котораго, правда, не постановлены ни какимъ законодательнымъ актомъ, но который тѣмъ не менѣе существуетъ. Войны между государствами не прекратились; какъ бы ни были онѣ часты, онѣ въ столь же малой степени опровергаютъ существованіе мирнаго союза, какъ преступленія, совершаемыя въ предѣлахъ государства, опровергаютъ существованіе государственной власти. Можетъ быть, даже менѣе: самая война въ настоящее время подчиняется цѣлому ряду правилъ, признанныхъ торжественно или молчаливо всѣми государствами. Такъ, ни одинъ генералъ во время самой ожесточенной войны не рѣшится теперь перебить своихъ плѣнныхъ. Грубо нарушилъ это требованіе Наполеонъ I въ 1800 году во время своего египетско-сирійскаго похода, но сдѣлавъ это онъ съ войсками турокъ, т.-е. народа, считавшагося полудикимъ; все-таки это вызвало довольно общее негодованіе. Уваженіе къ званію посла сохраняется даже въ военное время, и только одна Турція, объявляя войну, можетъ посадить въ свой семибашенный замокъ посланника враждебной державы. Такъ поступала она въ первой половинѣ XIX в., слѣдуя восточнымъ взглядамъ на чужеземцевъ - враговъ, но теперь даже она больше этого не дѣлаетъ; для остальныхъ же европейскихъ государствъ такой поступокъ былъ бы немыслимъ уже много вѣковъ тому назадъ.

Подъ покровительствомъ этого союза государствъ совершается громадная мировая торговля, не менѣе громадный обмѣнъ произведеніями духовной жизни человѣка: каждая идея, каждое произведеніе науки или искусства, каждое изобрѣтеніе, совершенное въ одномъ государствѣ, немедленно распространяется и въ другихъ; тысячи путешественниковъ ежедневно переѣзжаютъ черезъ границы и каждый увѣренъ, что на чужбинѣ онъ будетъ пользоваться тою же защитой законовъ, что и на родинѣ. Каждый знаетъ, что, продавъ иностранцу товаръ, онъ съ полной увѣренностью въ правосудіе можетъ требовать уплаты долга въ его отечествѣ. Подъ покровительствомъ того же союза государствъ могли развиваться такія учрежденія, какъ Всемирный Почтовый Союзъ. Все это было бы рѣшительно немыслимо, если бы грубая сила, регулировавшая прежде отношенія между народами, не обратилась въ право. Право это носитъ наименованіе *международнаго права*.

Право развилось изъ силы и имѣетъ въ ней свое основаніе. Право отдѣльнаго человѣка составляютъ тѣ его интересы, которые находятъ свою защиту въ государственномъ строѣ *), право отдѣльнаго народа состоитъ въ совокупности тѣхъ его интересовъ, мирное осуществленіе которыхъ возможно подъ покровительствомъ неписаннаго союза государствъ. Прежде всего *интересъ* государства состоитъ въ цѣлости и неприкосновенности его территоріи; она, дѣйствительно, обыкновенно находится подъ охраной союза государствъ и потому составляетъ *право*. Ни пограничный сторо-

*) Подробнѣе эта мысль была развита въ Обзорѣ книгъ по государственному праву въ «Мірѣ Вожьемъ», № 6.

жевой солдатъ, ни полицейскій, хотя бы онъ преслѣдовать убѣгающаго преступника, не имѣютъ права безъ особаго разрѣшенія перебраться черезъ границу: каждое государство ревниво охраняетъ свое право распоряжаться на своей территоріи. Тѣмъ менѣе возможно отторженіе части территоріи отъ одного государства къ другому. Оно совершается обыкновенно лишь послѣ войны и то непременно съ согласія всѣхъ, даже не принимавшихъ въ ней участія важнѣйшихъ державъ. Такъ напр., въ 1878 г. послѣ русско-турецкой войны европейскія державы вмѣшались въ отношенія между воевавшими государствами и, охраняя права побѣжденнаго, совершенно передѣляли на берлинскомъ конгрессѣ тотъ мирный трактатъ, на заключеніе котораго должна была согласиться Турція.

Затѣмъ интересъ государства состоитъ въ томъ, чтобы его подданные пользовались полною защитою законовъ на чужбинѣ. Въ древности чужеземецъ могъ безнаказанно быть убитъ; теперь невозможно посягательство даже на его собственность или честь. Интересъ признанъ подлежащимъ охранѣ, и потому обратился въ *право*. Въ 1850 г. въ Афинахъ была разграблена народомъ лавочка одного англійскаго подданнаго, еврея Пасифико. Дѣло происходило на греческой территоріи, но такъ какъ жертвою народной ярости былъ англійскій подданный, то англійское правительство сочло себя въ правѣ вмѣшаться, и Греція должна была, въ видѣ удовлетворенія, заплатить лавочнику большую сумму денегъ.

Далѣе въ интересахъ государства, чтобы его подданные могли безпрепятственно вести торговые и иныя сношенія съ подданными другихъ государствъ, и этотъ интересъ въ настоящее время является правомъ. Ни одинъ судъ не откажетъ въ требованіи долга на томъ основаніи, что взыскиваетъ его иностранецъ, ни одинъ судъ, при разборѣ дѣла о наследствѣ, не отдастъ предпочтенія своему соотечественнику передъ чужеземцемъ. Въ древности это было не такъ. Ради правильности такихъ сношеній возникъ Всемирный Почтовый Союзъ, тоже находящійся подъ охраной международнаго права.

Наконецъ, государство имѣетъ признанное нынѣ право требовать, чтобы преступникъ, скрывшійся за границу, былъ ему выданъ для суда и наказанія, а также чтобы иностранныя власти помогли ему въ отысканіи виновнаго и въ раскрытіи обстоятельствъ преступленія.

Такимъ образомъ гражданское и уголовное право находятъ свою высшую охрану въ международномъ правѣ. Не будь этой охраны (какъ ея не было въ древности и въ средніе вѣка), и человѣкъ, поддѣлавшій нѣсколько векселей или обворовавшій банкъ, могъ бы безъ большого труда укрыться за границей; уголовная борьба съ преступленіемъ была бы, если не невозможной, то очень затруднительной. Гражданское право, регулирующее въ отдѣльныхъ государствахъ имущественныя и иныя частныя права подданныхъ, также потеряло бы устойчивость, такъ какъ при нынѣшнихъ оживленныхъ отношеніяхъ между всѣмъ человѣчествомъ постоянно приходится восстанавливать свое право за границей.

Кромѣ того, интересы государства нуждаются въ охранѣ во

множествѣ частныхъ случаевъ. Борьба съ заразными болѣзнями, съ вредными насѣкомыми, не можетъ быть успѣшной, пока ее ведетъ одно государство; существованіе международнаго права дѣлаетъ возможною борьбу въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Короче, полное осуществленіе жизненныхъ цѣлей вынѣшняго цивилизованнаго государства и людей, его составляющихъ, возможно лишь потому, что всѣ такія государства составляютъ далеко не всегда дружную и мирную, но все-таки одну семью, и что они въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ руководствуются не грубой выгодой даннаго момента, а несомнѣнно признаннымъ правомъ.

Только международное право отличается отъ всякаго иного современнаго права тѣмъ, что оно не регулируется общеобязательнымъ законодательствомъ, исходящимъ отъ какой-либо признанной верховной власти, и что въ случаѣ нарушенія его (а это случается очень часто) нельзя прибѣгнуть къ суду. Мѣсто законодательства занимаютъ здѣсь нравы, обычаи, общее правосознаніе, а также договоры между государствами. Мѣсто одной правительственной власти занимаютъ правительства нѣсколькихъ государствъ, создающихъ или опредѣляющихъ принципы права не потому, что они могутъ что-нибудь приказывать, а въ силу добровольнаго (часто, впрочемъ, и вынужденнаго) ихъ согласія. Силу свою международное право почерпаетъ не въ принудительной власти правительства, а въ выгодѣ государствъ, мѣшающей имъ нарушать свои договоры. Понятно, что, когда выгоднымъ оказывается ихъ нарушеніе, то этотъ источникъ права обращается въ источникъ насилія. Тѣмъ не менѣе, чѣмъ далѣе живетъ человѣчество, тѣмъ договоры дѣлаются болѣе и болѣе обязательными. Всѣ эти черты отличали всякое первобытное право. Очень долгое время, почти до конца среднихъ вѣковъ, не находя въ судѣ осуществленія права, люди прибѣгали къ поединку. Мѣсто писаннаго законодательства занимали не писанные обычаи. Государственная власть была слаба, и право вырабатывалось изъ договоровъ, соглашеній и всевозможныхъ сдѣлокъ между отдѣльными лицами или группами лицъ. Если все это мы находимъ въ международномъ правѣ, то это доказываетъ только то, что оно возникло недавно и стоитъ на невысокой ступени развитія; но оно постоянно развивается и есть всѣ основанія предполагать, что въ не очень отдаленномъ будущемъ отдѣльные положенія этого права сольются въ стройное законодательство. Въ настоящее время международныя дѣла рѣшаются на конгрессахъ и конференціяхъ, т.-е. сѣздахъ государей или иныхъ представителей государствъ. Но уже теперь существуютъ нѣкоторыя постоянныя учрежденія, ведущія дѣла, общія всѣмъ государствамъ и разрѣшающія спорные вопросы международнаго права: таково международное бюро Всемирнаго Почтоваго Союза, засѣдающее въ Бернѣ, и періодически собирающееся въ разныхъ городахъ Европы почтовые конгрессы. Таково же международное бюро телеграфнаго управленія, засѣдающее тоже въ Бернѣ. Благодаря этимъ двумъ учрежденіямъ, почтовые и телеграфныя сношенія между самыми отдаленными странами земнаго шара (только нѣкоторыя мѣстности Центральной

Африки и Австраліи не прикинули къ Почтовому Союзу), стали вполнѣ правильными. Они регулируются во всѣхъ государствахъ по общимъ обязательнымъ для всѣхъ началамъ; даже во время войны правильность почтовыхъ сношеній обыкновенно не нарушается.

Меньшее, но все-таки весьма большое значеніе, имѣютъ разныя комиссіи и комитеты, избираемые нѣсколькими сосѣдними государствами для рѣшенія отдѣльныхъ международныхъ вопросовъ: таковы, напримѣръ, международный Женевскій комитетъ для помощи раненымъ воинамъ; таковы комиссіи (Дунайская, Рейнская и другія), регулирующія правильность судоходства на международныхъ рѣкахъ. Когда Египетъ дошелъ до государственнаго банкротства, то для покровительства интересамъ европейцевъ, имѣющихъ египетскія государственныя бумаги, была учреждена Франціей и Англіей финансовая комиссія, фактически взявшая въ свои руки управленіе Египтомъ.

Нерѣдко государство, вмѣсто того, чтобы приобъгнуть къ войнѣ, прибѣгаетъ къ третейскому суду. Во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ (1861—1865) англійскій корабль «Алабама», находясь на службѣ у правительства южныхъ штатовъ, нападалъ и грабилъ торговыя суда сѣверныхъ штатовъ въ теченіе войны. Сѣверные штаты потребовали удовлетворенія отъ Англій, какъ нарушившей обязанности дружественной державы. Англія сначала отвѣчала отказомъ и, казалось, война между двумя государствами неминуема. Однако, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, англійское правительство уступило и согласилось на третейскій судъ. По взаимному соглашенію, споряція державы обратились къ посредству Италіи, Швейцаріи и Бразиліи. Эти державы назначили своихъ уполномоченныхъ; Соединенные Штаты и Англія также. И, наконецъ, въ декабрѣ 1871 года пять судей собрались въ Женевѣ. Послѣ почти годовыхъ засѣданій, они признали виновной Англію и предписали ей уплатить 3 милліона фунтовъ стерлинговъ (фунтъ стерлинговъ равняется, приблизительно, 10 руб.). Англія безпрекословно подчинилась. Случай этотъ далеко не единственныи.

Такимъ образомъ, послѣднія десятилѣтія увидѣли болѣе или менѣе правильныя учрежденія, мирно ведущія дѣла всѣхъ или многихъ государствъ. Существуетъ и притомъ довольно распространенное мнѣніе, что настанетъ когда-нибудь время, когда возникнетъ одно или нѣсколько учреждений, играющихъ роль власти для всего земного шара; тогда весь земной шаръ будетъ какъ бы однимъ государствомъ, въ которомъ нынѣшнія государства будутъ вѣдать только свои мѣстныя дѣла, а дѣла, общія имъ всѣмъ, будутъ рѣшаться избранною ими сообща властью. Настанетъ или нѣтъ этотъ моментъ (если настанетъ, то, конечно, не скоро),—теперь ничего подобнаго еще нѣтъ. Однако, международное право несомнѣнно существуетъ и нынѣ. Спорнымъ является вопросъ, существуетъ ли оно для всего земного шара или только для цивилизованной части человѣчества. Многие думаютъ, что говорить о правѣ въ примѣненіи къ неграмъ, папуасамъ или американскимъ

индѣйцамъ нѣтъ никакого основанія,—все здѣсь рѣшается грубою силою. Почти такъ же мало основаній говорить о правѣ въ отношеніи къ Китаю, къ Египту и Персіи.

Однако, договоры заключаются даже съ самыми дикими племенами Африки; главное отличіе состоитъ въ томъ, что европейцы позволяютъ себѣ по самымъ пустымъ предлогамъ нарушать договоры и обманывать дикарей. Но эти нарушенія, прежде встрѣчавшія повсюду полное оправданіе или хоть равнодушіе (конечно, не среди тѣхъ, кто отъ нихъ страдаетъ), теперь встрѣчаютъ уже иное къ себѣ отношеніе. Такъ война, начатая осенью 1893 г. англичанами противъ южно-африканскаго племени матабеловъ, даже въ англійскомъ парламентѣ нашла суровое осужденіе. По отношенію же къ полудивилизованнымъ государствамъ это если и допускается, то рѣже и не въ столь грубой формѣ. Изъ этого видно, что международное право находится на разныхъ ступеняхъ развитія, но что его зародыши признаются уже повсюду; точное же опредѣленіе границы, гдѣ кончается право и начинается безправіе, всегда будетъ довольно произвольнымъ.

Международное право черпаетъ свою силу въ выгодѣ государствъ, но не отдѣльныхъ государствъ. Если бы было такъ, то послѣ войны условія мира заключались бы лишь воюющими державами; если бы было такъ, то принципы права, которыми регулируются отношенія между двумя государствами, опредѣлялись бы только ими самими. Точно также гражданское право, регулирующее имущественныя отношенія между отдѣльными людьми, развилось потому, что люди стремились къ своей выгодѣ, такъ какъ интересы всѣхъ людей одного государства тѣсно связаны между собою, то вырабатывались законы, общіе для нихъ. Въ свою очередь, это не значитъ, чтобы законы одинаково покровительствовали всѣмъ. Люди сильные всегда несравненно больше вліяли на выработку гражданского права, чѣмъ люди слабые, и гражданское право очень часто покровительствовало первымъ въ ущербъ послѣднимъ. То же самое и съ международнымъ правомъ: при нынѣшнихъ условіяхъ жизнь государствъ такъ тѣсно связана между собою, что ни одно не можетъ смотрѣть равнодушно, какъ наживается другое насчетъ третьяго; поэтому, послѣ войны, вся Европа иногда вмѣшивается въ условія мира, заключаемаго только двумя изъ ея членовъ. При этомъ государство сильное часто имѣетъ возможность опредѣлять условія мира въ свою пользу: поэтому Англій, напримѣръ, было нетрудно установить тѣ, нынѣ общепризнанныя правила относительно приобрѣтенія новыхъ земель въ нецивилизованныхъ частяхъ свѣта, которыя были для нея всего выгоднѣе. Въслѣдствіе той же причины, установилось правило, болѣе или менѣе общепризнанное, что никакіе принципы справедливости и человѣчности не обязательны въ отношеніяхъ съ дикарями. Однако, по мѣрѣ того, какъ судьба дикихъ странъ начинаетъ вліять на судьбу странъ европейскихъ, принципы международного права по отношенію къ нимъ начинаютъ приобрѣтать все болѣе и болѣе общее призваніе.

Международное право, какъ мы уже видѣли, есть совокупность.

правилъ, которыми руководствуется государство для достиженія своей выгоды и своихъ жизненныхъ цѣлей въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Естественно, что у государствъ съ различными внутренними условіями совершенно различныя жизненныя цѣли. Когда римскій папа былъ властелиномъ свѣтскаго государства (до 1870 г.), то его государство стремилось принудить сосѣдей къ признанію особыхъ правъ за католической церковью — цѣль, которой не могли сочувствовать государства протестантскія. Форма правленія, экономическіе интересы, слабость или развитіе торговли—все это отражается въ международныхъ отношеніяхъ, и всѣ подобныя условія, господствующія внутри сильныхъ государствъ, налагаютъ свой отпечатокъ на принципы международного права; въ свою очередь, принципы международного права оказываютъ громадное вліяніе на внутреннюю жизнь государствъ. Историческихъ примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль, можно привести сколько угодно. Въ 1876 г. государственное устройство Швейцаріи было преобразовано въ томъ смыслѣ, что права центральнаго правительства были увеличены на счетъ правъ отдѣльныхъ кантоновъ, входящихъ въ составъ Швейцарскаго Союза. Это произошло въ значительной степени потому, что европейскія государства въ своихъ отношеніяхъ съ Швейцаріей требовали, чтобъ договоры, заключенные ими съ центральнымъ правительствомъ Швейцаріи, дѣйствительно исполнялись; между тѣмъ раньше кантоны нерѣдко могли противодѣйствовать рѣшеніямъ правительства. Въ теченіе многихъ вѣковъ, Англія держалась принципа, что англійскій подданный остается имъ, даже когда онъ на всю жизнь переселился за границу; поэтому англичанинъ, черешедшій въ подданство Соединенныхъ Штатовъ, въ случаѣ войны, могъ быть судимъ, какъ измѣнникъ. Совершенно послѣдовательно Англія не принимала иностранцевъ въ свое подданство. Другія государства смотрѣли на этотъ вопросъ иначе; подданство мѣнялось и мѣняется совершенно свободно, по желанію каждаго отдѣльнаго человѣка, лишь съ небольшими ограниченіями (Россія составляетъ исключеніе). И вотъ, въ 1870 г. Англи, подъ вліяніемъ развитаго международного общенія, пришлось отказаться отъ своего взгляда. Во многихъ государствахъ рабочій стремится къ тому, чтобъ продолжительность такъ-называемаго рабочаго дня, т.-е. число часовъ, выше котораго рабочій не можетъ работать на фабрикѣ, было опредѣлено закономъ. Но если какое-либо государство сдѣлаетъ это, и рабочіе въ немъ, вмѣсто 11—12 часовъ, стануть трудиться часомъ или двумя менѣе, то, какими бы благотворными послѣдствіями ни отразилась реформа на здоровьи, умственномъ и нравственномъ развитіи людей, она можетъ тяжело отозваться на торговыхъ интересахъ государства, — этого, по крайней мѣрѣ, боятся правительства. И вотъ, чтобы достигнуть одной выгоды, не измѣнивъ при этомъ условій конкуренціи на мировомъ рынкѣ, императоръ германскій, Вильгельмъ II созвалъ въ 1890 г. въ Берлинѣ европейскую конференцію для выработки общеобязательнаго для всѣхъ европейскихъ державъ фабричнаго законодательства. Результатовъ эта конференція пока не имѣла никакихъ, но она была только первымъ шагомъ. Требованіе международного

фабричнаго законодательства повсемѣстно усиливается и, вѣроятно, недалекъ тотъ день, когда оно будетъ установлено. Тогда этотъ новый принципъ международнаго права будетъ оказывать непосредственное вліяніе на образъ жизни рабочихъ и на ихъ отношенія съ хозяевами во всѣхъ государствахъ.

Изъ этого вытекаетъ громадная важность и громадный интересъ изученія международнаго права; съ теченіемъ времени этотъ интересъ и это значеніе будетъ все болѣе и болѣе расти. Уже въ настоящее время нельзя вполнѣ понять условій жизни какого бы то ни было государства, не понимая того положенія, которое оно занимаетъ въ хорѣ цивилизованныхъ державъ и тѣхъ принциповъ, которыми оно руководствуется въ отношеніяхъ съ ними.

Какъ всякую науку, международное право можно изучать по источникамъ и по пособіямъ. Изученіе по источникамъ несравненно глубже, серьезнѣе и лучше, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно несравненно труднѣе. Источниками международнаго права служатъ прежде всего международныя договоры; сюда входятъ договоры о мирѣ, торговыя договоры между отдѣльными государствами, такія общія для всѣхъ постановленія, какъ Женевская конвенція 1864 г. относительно облегченія участи раненыхъ воиновъ во время войны, какъ петербургская декларация, запрещающая употребленіе во время войны разрывныхъ пулъ, какъ договорный актъ объ учрежденіи Всеобщаго Почтоваго Союза (1874 г.) и т. д. Изученіе всѣхъ этихъ актовъ имѣетъ такое же значеніе для международнаго права, какъ и изученіе законодательства страны для изученія ея государственнаго права. Мы знаемъ, что законы очень часто существуютъ только на бумагѣ, поэтому человѣкъ, изучающій международное право, обязанъ изучить исторію, чтобы знать, какія постановленія конвенцій имѣютъ дѣйствительную силу, какія нѣтъ. Въ той же исторіи онъ найдетъ источникъ, изъ котораго познакомится съ обычаями, имѣющими обязательную силу въ международныхъ отношеніяхъ. Въ виду зависимости международнаго права отъ права отдѣльныхъ государствъ, онъ обязанъ ознакомиться съ этимъ послѣднимъ.

Понятно, что на все это способенъ лишь человѣкъ, специально посвятившій себя опредѣленной наукѣ, а громадное большинство публики должно довольствоваться ознакомленіемъ съ наукой по тѣмъ книгамъ, въ которыхъ онъ найдетъ болѣе или менѣе полное, по возможности, *философское* и *историческое*, а не одно *догматическое* изложеніе главныхъ вопросовъ данной науки.

В. В.—зовъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Владиміръ Короленко. Въ голодный годъ. Наблюдения, размышленія и замѣтки. Спб. 1894. 376 стр. Ц. 1 р.

Такія тяжелыя событія, какъ тѣ, которыя пришлось пережить Россіи въ 1891—1892 г., не могли не затронуть всѣхъ, кто не способенъ жить одною личною жизнью. Затронули они и Владимира Короленко, одного изъ самыхъ отзывчивыхъ и глубоко чувствующихъ русскихъ писателей *). Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кто не могъ оставаться равнодушнымъ въ виду народнаго бѣдствія. Онъ поѣхалъ по деревнямъ Нижегородской губерніи, чтобы своими глазами увидѣть тѣ событія, о которыхъ всѣ толковали вкривь и вкосъ, и по мѣрѣ силъ помочь народу: для этого онъ на собранныя имъ деньги лично открылъ довольно много столовыхъ для голодающихъ. Но не только въ этомъ его заслуга: гораздо большая заслуга въ правдивомъ, простомъ, искреннемъ и потому захватывающемъ душу читателя описаніи того, что онъ видѣлъ и пережилъ въ этотъ тяжелый годъ.

Долгое время очень и очень многіе не вѣрили въ существованіе голода. Находились люди, жившіе даже въ самой серединѣ голодающихъ мѣстностей, которые настолько мало интересовались крестьянской жизнью, что упорно отрицали неподлежащія уже сомнѣнію факты. Случайная встрѣча съ мужикомъ, прикидывающимся бѣднякомъ, чтобы выхлопотать себѣ ненужную ему лично помощь, была достаточна для такихъ людей, чтобы обобщить явленіе и вину отдѣльнаго «мужика» взвалить на «мужика» вообще.

«Кто продалъ хлѣбъ для столовой? Мужикъ. Кто будетъ обѣдать въ столовой? Мужикъ. Итакъ, мужикъ продавалъ свой хлѣбъ и мужикъ идетъ въ ларовую столовую. Обманщики!»

Таково было обычное для многихъ разсужденіе; вопросомъ о томъ, тотъ ли мужикъ шелъ въ столовую, который продавалъ хлѣбъ, обличители народа не задавались. (Стр. 107—110).

Благодаря этому скептицизму, помощь пришла поздно, и притомъ крайне скудная. Мало того: когда она пришла, оказалось, что на мѣстѣ нѣтъ людей, нѣтъ учреждений, которыя бы могли посвятить себя дѣлу помощи населенію и сдѣлали бы дѣло это хорошо. Люди и учрежденія толкались безъ толку въ разныя стороны, ссорились между собою; въ результатѣ масса недоразумѣній очень тяжело отозвавшихся на голодной деревнѣ. Сами крестьяне

*) Объ интересномъ сборникѣ «Очерковъ и разсказовъ» того же писателя говорилось въ «Мірѣ Божіемъ» въ прошломъ году (1892, № 2).

далеко не всегда умѣли воспользоваться, какъ слѣдуетъ, тою скудною помощью, которая приходила къ нимъ. Когда къ нимъ обращались съ требованіемъ, чтобы они сами на своихъ сходахъ распредѣлили по справедливости нѣсколько сотъ или тысячъ пудовъ хлѣба, то являлись со своими притязаніями тѣ, которые находились накануне голодной смерти, и тѣ, кто могъ еще съ грѣхомъ пополамъ протянуть до новаго урожая, и рядомъ съ ними тѣ, кого по какимъ-либо причинамъ обошло несчастье; даже тѣ, кому это несчастье принесло изрядные барыши. И сходъ не могъ ничего подѣлать съ этими притязаніями, и въ концѣ-концовъ богачи получали наравнѣ съ бѣдняками, по 5, по 10 фунтовъ хлѣба на человека въ мѣсяцъ. Много говорили по этому поводу о жадности народа, а между тѣмъ толпы нищихъ, именно въ деревнѣ, а не въ городѣ, кормившихся кусками дорогого хлѣба, подаваемого изъ каждаго окна, свидѣтельствовали о противномъ. Не жадность, слѣдовательно, а что-то другое привело къ печальному явленію. Жертвовать крестьяне могли, и жертвовали много. Но въ дѣлѣ раздачи правительственнаго хлѣба съ очевидностью обнаружилось, что деревенскій міръ раздѣляетъ глубокая рознь, что гармонія интересовъ оказалась фикціей, и помощь часто попадала не туда, куда надо, получали не тѣ, кому слѣдовало (стр. 26). Явленіе это, конечно, не безпричинно, и очень обстоятельное объясненіе его читатель найдетъ въ книгѣ Короленко.

Печальный рядъ этихъ и другихъ, подобныхъ имъ, недоразумѣній, имѣвшихъ мѣсто въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., встаетъ передъ читателемъ книги Короленки. Добросовѣстное непониманіе жизни деревни, рядомъ съ нежеланіемъ ее понимать, и на придачу въ союзѣ съ своекорыстными интересами тѣхъ, кто поживился отъ народнаго горя, встаютъ передъ читателемъ въ яркой, живой картинѣ. Эта картина составляетъ главное содержаніе книги Короленки, но не она одна.

Короленко, по его словамъ, «не имѣлъ несчастья присутствовать при агоніи голодной смерти, и не намѣренъ нарочно розыскивать эти картины и терзать ими нервы читателя. А голодъ, въ его настоящемъ значеніи (онъ) все-таки видѣлъ», и онъ рассказываетъ, «что именно онъ видѣлъ, какъ люди голодали, какъ людямъ помогали, какія при этомъ возможны ошибки, и отчего онѣ происходили» (стр. 4). Центръ тяжести книги именно въ послѣднемъ. Живой человекъ не могъ пройти мимо, когда онъ увидѣлъ, какъ природное бѣдствіе усугубляется неумѣньемъ людей помочь ему, не могъ не волноваться при этомъ, не могъ даже не обратить на него преимущественно своего вниманія (Короленко не мало сдѣ-

залъ въ свое время для немедленнаго выясненія и исправленія ошибокъ), но не могъ онъ также пройти мимо и самого голода. Тонкій наблюдатель, глубокой знатокъ русскаго народа, Короленко, какъ будто мимоходомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, рисуетъ такія сцены, которыя не изгладятся изъ памяти того, кто разъ ихъ прочиталъ. Тутъ нѣтъ разсужденій въ родѣ того, что мужикъ продалъ 275 пудовъ своего хлѣба, и мужикъ же идетъ въ даровую столовую, — слѣдовательно, мужикъ (не Иванъ или Федотъ, а мужикъ вообще) — обманщикъ. Нѣтъ, Короленко слишкомъ хорошо знаетъ, что мужикъ на мужика не походитъ, что у каждаго мужика, какъ у каждаго человѣка вообще, своя физиономія, и потому описываемыя имъ сцены производятъ впечатлѣнныя живыхъ, прямо выхваченныхъ изъ жизни

Проходя по уѣздному городу Лукоянову однажды поздно вечеромъ, Короленко, идя со знакомымъ, издали замѣтилъ двѣ женскія фигуры. Голосъ одной изъ нихъ поразилъ его какой-то особенной нотой.

«Женщина говорила что-то нараспѣвъ, — рассказываетъ Короленко, — и длиннымъ рукавомъ суконнаго кафтана утирала слезы. Увидѣвъ насъ, женщины быстро попрощались, и одна, плакавшая, пошла торопливою походкой впереди насъ по мосткамъ...

— О чемъ ты плакала? — сказалъ я, догоняя ее. Она ускорила шаги. Мнѣ было совѣстно добиваться отвѣта, но что-то въ ея голосѣ поразило меня тихой шепчущей нотой, что я чувствовалъ потребность вмѣшаться, узнать, въ чемъ дѣло, быть можетъ, помочь. Вѣдь я для этого прѣхалъ.

При повторенномъ вопросѣ женщина, съ видимой неохотой, замедлила шагъ. Она продолжала плакать.

— Дѣвочка изъ дому согнала, — сказала она, видимо дѣлая усиліе и опять втирая рукавомъ слезы... — Ступай, говорить, мама, добейся хлѣбца... Добейся, говорить... А я откуда добьюсь... Вотъ у Чиркуновыхъ подали кусочекъ, только и добилась. Мужикъ ходилъ, ходилъ, ничего не принесъ — Неужто ничего не подали въ городъ?

— Да, вишь, ссуду мы получаемъ...

Понемногу я понялъ. Семья состоитъ изъ троихъ. Старикъ — плохой и убогий, не старая, но тоже довольно «плохая» жена и маленькая дѣвочка, которая на этотъ разъ «согнала ее съ квартиры». Эта нищія семья осчастливлена ссудой въ 28 фунтовъ (въ мѣсяцъ). Этого хватаетъ на недѣлю или на двѣ, въ остальное время приходится побираться.

— Мы-то бы ужъ какъ бы нибудь... — говоритъ женщина... Говорить она какъ-то странно, какъ будто не можетъ уже удержаться, но вмѣстѣ прибавляетъ шагъ и идетъ такъ быстро, что намъ трудно поспѣвать за нею...

— По два дня я то не ѣвши... Да вишь дѣвочка-то гонить. «Добейся, а ты, мама, добейся»...

Она идетъ все также быстро и плачетъ.

— Господи! Живемъ то какъ. Другіе-те люди, какъ люди... Дѣвочка-те, дочка, по четвертому году. Это чего надумала. «Зарой, говорить меня, мама, въ земельку». Господи! — Что ты, я говорю, милая моя, нешто живыхъ-те въ земельку зарываютъ?... А ты меня зарой, говорить... И то... Кабы такая вѣра: легла бы и съ дѣвочкой въ землю-те, право легла бы...

Я невольно вспомнилъ свою «дѣвочку по четвертому году», и безотчетный ужасъ сжалъ мое сердце. Мы оба, съ какой-то невольной торопливостью, отдаемъ ей всю напу мелочь; набирается много, во всякомъ случаѣ нежданно много для нея. Но она все-таки плачетъ... Я понимаю теперь, почему она такъ говорила, такъ плакала, такъ торопилась уйти отъ насъ, такъ не-

охотно отвѣчала на вопросы. Она уходила отъ этого своего разсказа о ребенкѣ, который просить, чтобы его зарыли въ земельку... (стр. 174—176).

Вотъ другая сцена. Столовая открыта. Не имѣя средствъ, чтобы накормить цѣлую деревню, Короленко волей-неволей долженъ былъ составить списки тѣхъ, кто находится совсѣмъ уже накануне голодной смерти, и кормить только тѣхъ. Работа была страшно мучительная. Въ виду изможденныхъ лицъ, ясно обнаруживающихъ, что люди не ѣли по нѣскольку дней, приходилось рѣшать вопросъ, кто нуждается «больше», и отгонять отъ жалкаго куска хлѣба тѣхъ изъ нихъ, кто нуждался «меньше».

«Не по закону ѣсть кто-то», заявляетъ крестьянинъ, помогшій автору устроить столовую. «Хлѣба не хватило...»

— Ѣсъка не по закону ѣсть.

— Ѣсь, не по закону ты ѣшь, слышь,—заговорили уже кругомъ, толкая подъ локоть дѣвочку лѣтъ 13—14, которая не обращала на эти протесты ни малѣйшаго вниманія. Я подошелъ со стороны и взглянулъ ей въ лицо. Лицо у нея было совершенно серьезно, даже, пожалуй, равнодушно. Казалось, для нея не существовало кругомъ ничего, кромѣ хлѣба, который она держала въ рукѣ, и миски, стоявшей на столѣ. Она торопливо откусывала хлѣбъ и тотчасъ же протягивала ложку къ мискѣ, не признавая, очевидно, никакого закона, кромѣ права голода, и не обращая вниманія на говоръ, какъ будто замѣчанія относились не къ ней.

На лицахъ сельской публики, пришедшей взглянуть на первый бесплатный обѣдъ, я прочелъ искреннее сожалѣніе и соболзнованіе къ «беззаконницѣ».

— Нѣмая, что ли?—спросилъ я.

— Какое нѣмая! Сирота это, дня два, чай, хлѣба не видала.

— Какъ же ее пропустили, когда составляли списокъ?

— На виду не было, ну, и забыли. А ужъ какъ бы не записать! А то, вишь, не по закону, а поди-ка ее теперь изъ-за стола вытащи...

— Ни за что не вытащишь. Вишь какъ припала!..

Разумѣется, мнѣ тоже пришлось признать за ней самое важное изъ правъ—право голода, и мы тутъ же вписали ея имя въ списокъ... Хотя это, повидимому, произвело на нее такъ же мало впечатлѣнія, какъ и прежнія замѣчанія о совершаемомъ ею «беззаконіи».

Красивый мальчишка, совсѣмъ у насъ не записанный, стоитъ, потупясь, и, точно волчонокъ, глядитъ на столъ, заваленный хлѣбомъ. Сначала я думалъ, судя по чистой рубашкѣ и по опрятному виду красиваго ребенка, что онъ пришелъ сюда изъ любопытства, но, видя, что онъ стоитъ долго, весь красный, застѣнчивый и готовый заплакать, я отрѣзалъ ему горбушку. Онъ взялъ ее торопливо, сунулъ за пазуху и тотчасъ же пошелъ изъ избы.

— Погоди, куда жъ ты торопишься?

— Илюшка еще у меня .. плачетъ чай,—отвѣтилъ мальчуганъ серьезно... Не разъ у меня сжималось сердце при видѣ этихъ печальныхъ глазъ, устремленныхъ на счастливецъ, занявшихъ свои мѣста...» (стр. 179—181).

«А все-таки одного надо вычеркнуть, потому что ихъ много,—говорить авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 226).—И я чувствую, что голова тяжелеетъ и нервы притупляются, и видишь, что вмѣстѣ съ дѣломъ помощи дѣлаешь жестокое дѣло, потому что эта черта, проведенная по имени ребенка, заставляетъ его голодать и плакать... А нельзя, потому что ихъ слишкомъ много!»

Рядомъ со сценами страданій и истиннаго горя читатель видитъ ложь и своекорыстіе, рядомъ съ голоднымъ ребенкомъ, относящимъ краюху хлѣба другому голодному ребенку, другаго ребенка, съ жадностью уписывающаго миску жидкихъ щей, и взрослога человѣка, наживающагося отъ голода, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ неизбѣжный выводъ, что послѣднее явленіе составляетъ исключеніе, а первое—общее правило. Авторъ не скрываетъ и того

глубокаго невѣжества народа, которое было одной изъ причинъ голода и благодаря которому, его дѣятельность вызвала среди крестьянъ глупые толки о томъ, что онъ—антихристъ, улавливающий людей (стр. 366). Рядомъ съ горькимъ отчаяніемъ авторъ встрѣчалъ бодрую вѣру въ лучшее будущее, и встрѣчалъ ее тамъ, гдѣ ей, казалось бы, не мѣсто. Вотъ занесенная снѣгомъ, среди метели, на дорогѣ баба, забредшая въ Нижегородскую губернію изъ сосѣдней Симбирской. Мужъ ея тоже ушелъ на заработки, но денегъ не шлетъ, и даже не подаетъ о себѣ вѣсти. Но она не теряетъ надежды на него, сама энергично работаетъ, снимаетъ землю, но не хватаетъ рубля, чтобы «соху наладить и выѣхать въ поле». Она оставляетъ голодныхъ дѣтей, и подбирается милостыней, чтобы набрать несчастный рубль, но долгое время неудачно. Наконецъ, она встрѣчаетъ Короленка, и онъ даетъ ей его, чувствуя, что онъ передъ ней еще въ долгу. «Эта бодрая забота о землѣ, о дѣтишкахъ... эта неумиряющая надежда на лучшіе дни, все это вмѣстѣ ободрило меня, разсѣяло мое малодушіе. Да, будутъ еще на Руси эти лучшіе дни!» (стр. 353).

А все-таки «те дай Богъ другого такого года!» (стр. 227).

В—зовъ.

Заразы и заразные болѣзни въ общедоступномъ изложеніи. Д-ръ В. В. Гориневскій. Спб. 301 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Недавно, въ концѣ этого года, въ Нью-Йоркѣ, при открытіи бактериологическаго института Пастера, одинъ ученый, *Жибье*, произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ о связи бактериологіи съ социальнымъ вопросомъ. Эпидеміи поражаютъ наиболѣе бѣдные народы, заражаются и умираютъ наиболѣе истощенные люди, но эти люди и эти народы служатъ источниками заразы для всѣхъ—и для культурныхъ націй, которыхъ не спасутъ карантинныя, и для богачей, которые, хотя и не въ той степени, какъ бѣдняки, но все же подвергаются опасности заразиться и умереть. «Гдѣ зародился этотъ дифтеритъ, который каждый день уноситъ нашихъ дѣтей, находящихся въ самыхъ лучшихъ гигиеническихъ условіяхъ, окруженныхъ всевозможнымъ комфортомъ? Тамъ, у этого бѣдняка, въ этомъ темномъ зловонномъ переулкѣ, у этихъ дѣтей—голодь исказили ихъ лица, холодъ почти обезкровилъ!

Наука, напоминающая намъ о солидарности людскихъ интересовъ! Знаменательное явленіе для нашего времени, когда многіе сильные умы обвиняютъ науку въ разрушеніи нравственности и развитіи эгоизма». Но, конечно, американскій ученый не является одинокомъ въ этомъ сближеніи данныхъ естествознанія съ требова-

ніями общественной справедливости. Мы могли бы указать много примѣровъ, но въ настоящее время останавливаемся на книжкѣ д-ра Гориневскаго, названіе которой выписано нами выше.

«...альтруистическія чувства въ борьбѣ съ заразами должны быть поставлены на первомъ планѣ,—такъ начинается г. Гориневскій V-ю главу своего сочиненія,—человѣкъ въ тяжелые часы испытанія не долженъ забывать, что онъ существо общественное, для котораго общее благо должно быть выше личнаго. Какъ ни тяжело личное горе, но при немъ не слѣдуетъ опускать ничего, что гарантируетъ бозопасность ближняго». Эта мысль красной чертой проходитъ по всей книгѣ д-ра Гориневскаго, а между тѣмъ основаніе альтруизма русскаго врача то же, что и у американскаго ученаго, именно: данныя, полученныя при изученіи учеными заразныхъ болѣзней и ихъ микробовъ.

Мы не хотимъ, конечно, сказать, что всякая научная истина способствуетъ развитію альтруизма; нѣтъ, многія изъ нихъ, такъ сказать, совершенно индифферентны къ общественнымъ и этическимъ вопросамъ, мы указываемъ только, что наука отнюдь не противоположна альтруизму; наоборотъ,—имѣется цѣлый рядъ научныхъ данныхъ, которыя могутъ только способствовать развитію альтруистическихъ чувствъ.

Исходя изъ своего основного положенія, д-ръ Гориневскій и задался цѣлью дать въ своей книгѣ интеллигентному читателю такія свѣдѣнія, которыя помогли бы ему: 1) своевременнымъ принятіемъ различныхъ гигиеническихъ мѣръ предупреждать всякое развитіе заразъ и болѣзней; 2) сумѣть принять всѣ требуемыя мѣры, ищающія заразъ распространиться, и 3) уяснить основы разумнаго ухода за заразными больными.

По нашему мнѣнію, авторъ хорошо справился съ поставленной задачей. Онъ толково и ясно изложилъ какъ основы современнаго ученія о заразныхъ болѣзняхъ, такъ и историческое развитіе этого ученія; читатель чувствуетъ все изящество опытовъ Тиндаля, всю грандіозность открытій Пастера и Коха. Также просто рассказано объ условіяхъ, при которыхъ происходитъ зараженіе, и выяснена строгая связь между извѣстными болѣзнями и определеннымъ микробомъ.

Незримые враги нападаютъ на нашъ организмъ, послѣдній борется съ ними различнѣйшими способами: авторъ подробно рассказываетъ—что дѣлаетъ въ этой борьбѣ нашъ желудокъ, что метелочки дыхательнаго горла, плазма крови, какъ набрасываются бѣлыя кровяныя тѣльца на чужеземцевъ, вторгнувшихъ въ ихъ владѣнія. Затѣмъ д-ръ Гориневскій переходитъ къ выясненію наслѣдствен-

ности въ дѣлѣ передачи заразы; онъ почти отрицаетъ значеніе прямой наслѣдственности и стоитъ только за наслѣдственность въ предрасположеніи къ извѣстной заразной болѣзни, предрасположеніе выражается въ передачѣ потомкамъ извѣстнаго слабого развитія организма (впаляя грудь, узкіе кровеносные сосуды при чахоткѣ и пр.). Все это изложено въ первыхъ трехъ главахъ I-й части. Въ главѣ IV и V-ой авторъ разбираетъ различныя мѣры борьбы съ заразными болѣзнями, какъ индивидуальныя, такъ и общественныя, довольно подробно останавливается на дезинфекціонныхъ средствахъ, выясняетъ то громадное зло, которое приносятъ колодцы, зараженные выгребными ямами и скотными дворами, и вполнѣ опредѣленно высказывается противъ карантинныхъ и кордоновыхъ, говоря, «что они, не представляя ни малѣйшей гарантіи со стороны распространенія заразы, въ то же время причиняютъ огромный экономическій вредъ». Д-ръ Гориневскій заканчиваетъ эту главу описаніемъ открытій Дженнера и Пастера, причѣмъ выясняетъ то громадное значеніе, которое имѣютъ предохранительныя прививки борьбы съ заразными болѣзнями.

VI-я, послѣдняя, глава 1-й общей части книги д-ра Гориневского трактуетъ о значеніи индивидуальных свойствъ въ борьбѣ съ заразными болѣзнями. «Когда зараза, черезъ бреши и щели въ стѣнахъ вѣшнихъ крѣпостей, — пишетъ авторъ, — проникла внутрь нашего тѣла, тогда начинается ожесточенная внутренняя борьба съ нею, которая почти всецѣло зависитъ отъ *личныхъ качествъ солдата, т.-е. человѣка, борющагося съ болѣзnią*». Для этой борьбы нуженъ большой запасъ силъ, нужно, чтобъ силы эти были гармонично развиты. «Человѣкъ дѣлается въ высшей степени воспримчивымъ къ зараженію, какъ скоро онъ вышелъ изъ положенія равновѣсія силъ». Но чѣмъ же могутъ быть улучшены, развиты индивидуальныя свойства даннаго человѣка? Щаженіемъ органовъ и послѣдовательнымъ и умѣреннымъ ихъ упражненіемъ, отвѣчаетъ авторъ и посвящаетъ много страницъ выясненію и развитію этого положенія, при чемъ заканчиваетъ ихъ такими словами: «Въ здоровомъ состояніи человѣка щаженіе и упражненіе органовъ должны быть уравновѣшены. Когда же болѣзнь уложить больнаго въ постель, принципъ *щаженія, т.-е. сбереженіе силъ больнаго и устраненіе вредныхъ вліяній приобретаетъ перевѣсъ*. Это главный принципъ во время ухода за больными».

Вторая часть книги — такъ сказать, частная — посвящена описанію отдѣльныхъ заразныхъ болѣзней, причѣмъ говорится какъ о самомъ микробѣ, — причинѣ данной болѣзни, такъ и о способахъ распространенія болѣзни и о борьбѣ съ нею, какъ общественной,

такъ и индивидуальной. Остановиваться на разборѣ этой части мы не будемъ, скажемъ только, что оца написана такъ же просто и ясно, какъ и первая.

Въ книгѣ имѣется нѣсколько рисунковъ и портреты Пастера и Коха.

Желаемъ книгѣ д-ра Гориневскаго самого широкаго распространенія.

А.

Охрана дѣтства. В. М. Сорокина. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.— 20% прибыли отъ продажи этой книги отчисляется въ пользу С.-Петербургскаго Отдѣла Общества для защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.

Воспитаніе дѣтей — наше общее и всѣмъ намъ близкое дѣло. И какое это важное и трудное дѣло. Сколько умѣнья и знаній, сколько заботливости и труда требуетъ оно, сколько нужно душевной теплоты и горячей любви, чтобы оно было истиннымъ и плодотворнымъ. Счастливы тѣ дѣти, которыхъ грѣбеть материнская ласка, которыхъ ведетъ твердая отеческая рука: они обезпечены отъ многихъ житейскихъ невзгодъ, имъ внушены любящими ихъ людьми добрыя чувства, они вооружены благодѣтельнымъ знаніемъ, которое спасетъ ихъ отъ бѣдствій тьмы и невѣжества. Какъ садовые двѣтки подъ живительными лучами яснаго солнца, растутъ они подъ тихимъ семейнымъ кровомъ. Но сколько есть несчастныхъ дѣтей, которыхъ некому приласкать, некому пригрѣть: у нихъ нѣтъ родителей, а подчасъ, если есть, лучше бы было, если бы ихъ совсѣмъ не было. «Баринъ! дайте копеечку!» какъ часто раздается на улицѣ: этотъ заунывный, жалкій голосъ горя и страданій этихъ маленькихъ нищихъ. Съ этой грустной, униженной мольбой бѣгаетъ пятилѣтній мальчикъ за прохожими въ стужу и дождь, и счастливъ, если соберетъ нѣсколько копеечекъ, съ которыми можетъ безъ страха вернуться домой въ свою трущобу. Голодъ и холодъ, нищета, пьянство и развратъ — вотъ обстановка, которая ждетъ его, посланнаго отцомъ-пропойцей на добычу. Удаченъ былъ промыселъ, къ его услугамъ кусокъ черстваго хлѣба и холодный сырой полъ, а если нѣтъ — то не избѣжать ему тяжелыхъ побоевъ изъ-подъ пьяной руки отца или злой мачихи. Но это подонки, скажетъ читатель. Да «подонки» человѣчества, но все-таки люди. Но пойдѣмъ дальше. Вотъ въ подвалѣ живетъ сапожникъ. За низкимъ столикомъ его сидитъ согнувшись мальчикъ. Онъ отданъ въ ученье. О Боже, какъ горекъ корень этого ученія! Его не учатъ, а мучатъ. Его не кормятъ, а бьютъ. Всѣ имъ помыкаютъ, всѣмъ онъ долженъ служить. И работаетъ онъ въ потѣ лица, одѣтый въ лохмотья, накормленный впроголодь съ ранняго утра до поздней

ночи. За малѣйшую провинность его колотятъ гдѣ попало и чѣмъ попало. его истязуютъ, тиранятъ всѣ, кто сильнѣе и старше его. Но никто не заступится, никто не защититъ. И льются никому незримыя слезы, разливаются море страданій, и нѣтъ утѣшенія, не видать помощи. И сколько разъ вырывается изъ несчастной груди маленькихъ страдальцевъ—этихъ мучениковъ темнаго царства—глубокій вздохъ, безотвѣтный вопросъ: за что же? За что столько горя, мученій, за что столько слезъ и боли? И растетъ этотъ стонъ, гибнуть жизни, но никто не слышитъ, никто не видитъ. Сжальтесь же люди, имѣющіе жалость, придите на помощь имѣющіе силу! Этотъ призывъ раздается ежечасно вокругъ насъ, онъ раздается изъ мрачныхъ вертеповъ, темныхъ подваловъ, холодныхъ тюремъ. То зываютъ къ намъ дѣти, сіи малые, коихъ Царствіе Небесное. Спасите ихъ, подайте имъ руку помощи, вытащите ихъ изъ омута нищеты и порока! Это христіанскій долгъ человѣколюбія, это, наконецъ, требованіе вашего собственнаго самосохраненія. Нищета есть путь къ преступленію. Не забудьте, что этотъ маленький нищій, которому вы подали сегодня копеечку, думая, что сдѣлали все, что могли, завтра можетъ сдѣлаться воромъ. Его выгоняютъ на широкую, холодную улицу, съ приказаніемъ: «достань или украдь». Прибавьте къ этому всякое отсутствіе присмотра, дурные примѣры, которые онъ видитъ вокругъ себя, холодъ, голодъ, и подумайте, далеко-ли до преступленья? А за нимъ—какъ говоритъ поэтъ,—«мірѣ слезъ, страданій и мученій, за нимъ—скорбь безъ грани, безъ конца, за нимъ—миръ падшихъ душъ и привидѣній. Оставьте вы надежду, всѣ, входящіе сюда!» Сюда — т.-е. въ тюрьму. Кто видѣлъ когда-нибудь тюрьму, кто знаетъ, что дѣти содержатся тамъ вмѣстѣ съ закоренѣлыми преступниками, тотъ пойметъ, сколько трагической правды въ словахъ поэта, въ примѣненіи къ тюремному заключенію дѣтей, этихъ почти всегда невольныхъ преступниковъ, остающихся ими затѣмъ уже на всю жизнь.

Что все это такъ, что у насъ масса безпріютныхъ дѣтей, что дѣти-ремесленники подвергаются сплошь и рядомъ жестокому обращенію всѣмъ извѣстно, хотя бы изъ такъ часто встрѣчающихся судебныхъ процессовъ, возникающихъ по поводу истязанія дѣтей, а сколько случаевъ, о которыхъ никто не знаетъ, которые никогда не доходятъ до суда, потому что некому заступиться, некому защититъ беззащитныхъ дѣтей. Но и не всегда оказывается благоприятный результатъ, не всегда получается облегченіе для бѣдныхъ дѣтей, если даже дѣло доходитъ до суда. Причиной тому широкая власть. данная нашимъ законодательствомъ родителямъ по

отношенію къ ихъ дѣтямъ, которая должна быть ограничена, если лицо, ею облеченное, злоупотребляетъ этой властью, чему примѣровъ при жестокости нравовъ среди грубой темной массы не мало. Во-вторыхъ, отсутствіе въ большинствѣ городовъ, исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ, чрезвычайный недостатокъ въ пріютахъ и убѣжищахъ для дѣтей, страдающихъ отъ своихъ родителей, полная безконтрольность проявленій родительской власти, индифферентизмъ общества къ страданіямъ и горю малыхъ сихъ. Не представляется-ли горькой и жестокой насмѣшкой существованіе у насъ издавна заботливости о животныхъ, защита ихъ отъ жестокаго обращенія и полное отсутствіе до прошлаго года охраны дѣтей, нашихъ ближнихъ и братьевъ, дѣтей, носящихъ нашъ образъ, дѣтей, «этого будущаго человечества» (по выраженію Достоевскаго). Всѣ, кто имѣетъ уши и слышитъ, понимаетъ, какое святое дѣло спасать погибающихъ дѣтей, какое это нужное и великое дѣло.

Этому вопросу и посвящена книга присяжнаго повѣреннаго В. М. Сорокина «Охрана дѣтстве». Она имѣетъ цѣлью пропагандировать защиту дѣтей отъ жестокаго обращенія, напомнить русскому обществу о существованіи при С.-Петербургскомъ Обществѣ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ съ прошлаго года особаго отдѣла, преслѣдующаго вышеназванную задачу, и познакомиться съ тѣми средствами, какія могутъ быть употреблены для этой цѣли, съ тѣми формами, въ которыхъ должна проявляться дѣятельность этого общества. Поэтому авторъ, указавъ на необходимость (надо думать, для всѣхъ очевидную) охраны дѣтей, останавливается на практическомъ положеніи этого вопроса въ иностранныхъ государствахъ и на организаціи защиты дѣтей у насъ. Нѣсколько главъ посвящено у автора юридической сторонѣ этого вопроса, т.-е. родительской власти и ея предѣламъ по русскому законодательству, судимости и наказуемости дѣтей, юридической ихъ охранѣ и т. д. Весьма интересна глава объ испорченности и преступности дѣтей и вошедшая въ книгу г. Сорокина статья П. Обнинскаго, извѣстнаго защитника дѣтей, «Юридическая охрана дѣтей, работающихъ въ мастерскихъ и вопросы ея ближайшаго будущаго». Вообще, вся книга г. Сорокина составлена весьма интересно, она написана съ любовью къ тому патріотическому дѣлу, на которое призываетъ авторъ всѣхъ русскихъ людей съ сердцемъ и съ душой. Пусть каждый помнитъ слова Христа: «Иже аще кто приметъ единого отъ малыхъ сихъ,—во Имя Мое приметъ!»

А. О—сній.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Философія.

Philosophie de poche, par Jean Macé, Paris 1893, in-18, 200 стр. Цѣна 1 фр. 25 с. (Карманная книжка по философіи). Эта маленькая книжечка по философіи, авторомъ которой является известный основатель лиги образованія (Ligue de l'enseignement), представляетъ популярное сочиненіе по философіи, написанное весьма живо и ярко. (Polybiblion).

Der Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft. Von Ernst Haackel. Bonn. Въ этомъ новомъ сочиненіи знаменитаго нѣмецкаго ученаго проводится мысль, что въ мірѣ не существуетъ ни духа безъ матеріи, ни матеріи, неодухотворенной матеріи. (Atheneum).

Evolution and Ethics. By Thomas H. Huxley. The Romanes Lecture, 1893. (Эволюція и этика). Книга—перепечатка лекцій, читанныхъ известнымъ англійскимъ натуралистомъ въ 1893 году въ Оксфордскомъ университетѣ. Сочиненіе это, авторъ котораго пользуется славою одного изъ первоклассныхъ современныхъ ученыхъ, написано чрезвычайно краснорѣчивымъ слогомъ, отличается оригинальностью и широтой взглядовъ. Даже въ томъ случаѣ, если читатель не вполне согласенъ

съ воззрѣніями, высказываемыми въ книгѣ, чтеніе ея тѣмъ не менѣе интересно, благодаря блестящему изложенію автора.

(Atheneum).

L'Année philosophique, publiée sous la direction de F. Pillon, 3-ème année, 1892. Paris, 1893, in-8, 324 p., Prix: 5 fr. (Философія въ 1892 году). Новый, третій по счету, томъ философскаго ежегодника отличается такими же достоинствами, какъ и предшествующіе. Помѣщенные въ названномъ ежегодникѣ рецензіи о вышедшихъ сочиненіяхъ по философіи отличаются, по обыкновенію, дѣльностью и серьезностью. Библиографическая часть этого выпуска отличается особеннымъ богатствомъ; какъ и въ прежніе годы, эта часть имѣетъ четыре рубрики: 1) психологія и метафизика, 2) мораль и эстетика, 3) философія исторіи и социологія, 4) исторія философій и критика. Изъ оригинальныхъ статей, помѣщенныхъ въ названномъ выпускѣ, стоятъ отмѣтить эту: г. Ренувье «о Шопенгауерѣ и метафизикѣ пессимизма», очеркъ г. Пиллона: «эволюція историческаго идеализма отъ Демократа до Лока», и друг.

(Polybiblion).

Исторія, географія, путешествія.

Commentaries on the History of England From the Earliest Times to 1865. By Montagu Burrows. (Комментаріи по исторіи Англіи съ древнѣйшихъ временъ до 1865 года). Сочиненіе г. Буррова, профессора Оксфордскаго университета, написано хорошо и ясно, отличается глубиной анализа и яркостью классификаціи; ничего не оставлено

недоговореннымъ; книга написана весьма живо. (Academy).

Outlines of Roman History. By H. Fr. Pelham. (Очерки по римской исторіи). Изданіе этой новой исторіи Рима, — авторъ которой одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ знатоковъ предмета, радостно встрѣтится всѣмъ, кто съ нетерпѣніемъ ожидаетъ появленія въ

свѣтъ большого сочиненія того же автора по римской исторіи, надъ которымъ, какъ извѣстно, авторъ работаетъ уже въ продолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ. Маленькій томъ, вышедшій въ настоящее время, является какъ бы задомомъ появленія большого труда, столь долго ожидаемаго. Названная книга не представляетъ учебника римской исторіи, а является скорѣе очеркомъ, намѣчающимъ главнѣйшія черты римской исторіи. Сочиненіе это одинаково полезно, какъ для студентовъ и изучающихъ спеціально римскую исторію, такъ равно и для обыкновеннаго образованнаго читателя. (Atheneum).

The Orchid Seekers: a Story of Adventures in Borneo. By A. Russan and F. Boyle. Illustrated by Alfred Hartley. (Искатели орхидей; исторія приключеній на о. Борнео). Книга эта, предназначенная для юношества, написана г. Руссаномъ, на основаніи личного опыта г. Бойля, который провелъ много годы, между прочимъ, и на о. Борнео надъ собираніемъ орхидей. Повѣсть содержитъ въ себѣ описаніе путешествія, предпринятаго съ спеціальною цѣлью отыскать крайне рѣдкую и отличающуюся особенной красотой голубую орхидею, которая, по слухамъ, должна расти въ лѣсныхъ дѣбряхъ острова. При этомъ дается очень вѣрная картина тропической растительности и описаніе особенностей путешествія въ этой части Малайскаго Архипелага, и сообщаются свѣдѣнія о врагахъ туземцевъ. Иллюстраціи очень хороши. (Atheneum).

Round the Black Man's Garden. By Zélie Colville. (Въ саду чернаго человека). Книга эта, написанная г-жею Кольвилъ, недавно удостоенной званія члена королевскаго географическаго общества въ Лондонѣ, содержитъ описаніе путешествія на Мадагаскаръ и на югъ Африканскаго материка. Nat. Observ. говоритъ про это сочиненіе, что оно представляетъ собою чрезвычайно интересное чтеніе, благодаря отсутствію

претенциозности и многословія, равно какъ и благодаря умѣнью автора наблюдать и ярко, картинно описывать видѣнное. Рисунки великообразны; фотографическіе снимки сдѣланы чрезвычайно удачно; эскизы автора служатъ прекрасными и выразительными иллюстраціями того, о чемъ говорится въ текстѣ. (Atheneum).

Travels and Adventures in South-East Africa. By F. C. Selous. With Illustrations and Map. (Путешествія и приключенія въ Юго-Восточной Африкѣ). Эта прекрасная книга—продолженіе другого сочиненія того же автора. «A Hunter's Wanderings in South Africa» (Странствованія охотника по Южной Африкѣ), появившейся въ 1881 году. Авторъ извѣстенъ какъ умѣлый наблюдатель и путешественникъ. Названная книга даетъ какъ описаніе мѣстныхъ племенъ, такъ и занимательные рассказы о гипопотамахъ, слонахъ, жирафахъ и проч. Превосходныя иллюстраціи. (Atheneum).

Across France in a Caravan. By the Author of «A Day of my Life at Eton». With so Illustrations by John Wallace, after sketches by the Author, and a Map. (Черезъ Францію въ караванѣ). Книга эта содержитъ въ себѣ описаніе путешествія, совершеннаго авторомъ зимою 1889—90 г. отъ Бордо до Генуи въ такъ-называемомъ «escargot». Сочиненіе это въ высшей степени занимательно, говоритъ Daily Telegraph; рассказъ мѣстами столь полонъ непринужденнаго юмора, что трудно удержаться отъ веселаго смѣха.

Recollections of an Egyptian Princess. Being a Record of Five Jare's Residence at the Court of Ismael Pascha, Khédive. By her english Governess (Miss E. Chennels). (Воспоминанія египетской княгини). Книга эта, написанная на основаніи пятилѣтняго пребыванія въ гаремѣ хедива, даетъ чрезвычайно живое описаніе затворнической жизни гаремныхъ женщинъ и характерную картину египетскаго общества, вообще, во время господства Измаила. (Daily chronicle, Globe).

Естественныя науки, прикладное знаніе.

Our Secret Friends and Foes. By Percy Faraday Francland. (Наши тайные друзья и враги). Книга эта—новый томъ серіи, носящей общее заглавіе «Romance of Science» (романъ науки), содержитъ описаніе свойствъ и вліянія тѣхъ зародышей микроорганизмовъ,

о которыхъ все болѣе увеличиваются наши свѣдѣнія, благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ людей науки въ теченіи послѣдней четверти нашего вѣка. Сочиненіе г. Фрэнкланда предназначено для такъ-наз. обыкновеннаго, т. е. средняго читателя. Это небольшая книжечка,

основой для которой послужили популярныя лекціи автора, читанныя имъ въ различныхъ мѣстахъ Англій. Онъ обладаетъ искусствомъ сообщать знаніе въ легкой и удобопонятной формѣ даже тогда, когда ему приходится затрогивать сложные научные вопросы. (Bookseller, 1893).

Conquête du règne végétale, par Louis Burdeau. Un vol. in 8° 371 p. Paris, 1893. Prix 5 fr. (Завоеваніе растительнаго царства). Книга эта представляетъ собою весьма интересную страничку изъ исторіи цивилизаціи. Извѣстно, какую выдающуюся роль въ удовлетвореніи нашихъ потребностей играетъ растительное царство. Оно является однимъ изъ главныхъ пищевыхъ средствъ, доставляя намъ хлѣбъ, овощи, фрукты, сахаръ и различные напитки; оно питаетъ нашихъ домашнихъ животныхъ; изъ него добываются лекарства; оно же доставляетъ матеріалъ для различныхъ отраслей промышленности, напр., производства льна, красокъ и т. д.; оно служитъ людямъ для постройки жилищъ, для ихъ отопленія и освѣщенія, для постройки судовъ и т. д. Какимъ образомъ человекъ, на длинномъ протяженіи исторіи цивилизаціи, открылъ эти полезныя свойства растений и сумѣлъ приспособить ихъ для своихъ житейскихъ цѣлей, достигъ искусства умножать нужныя ему растенія и улучшать ихъ, — вотъ вопросы, которые составляютъ предметъ изслѣдованія автора названнаго сочиненія. Изложивъ исторію успѣховъ, достигнутыхъ человѣчествомъ въ дѣлѣ порабощенія, завоеванія, для своихъ нуждъ, растительнаго царства, авторъ говоритъ о томъ будущемъ, которое еще предстоитъ въ этомъ отношеніи человѣчеству. Растенія, приспособленныя, такъ или иначе, служить нашимъ потребностямъ, составляютъ лишь ничтожную часть всѣхъ существующихъ на землѣ растеній. Затѣмъ оказывается, что едва лишь одна четвертая часть всей поверхности земли подвергается обработкѣ; кромѣ того, самая культура совершается еще очень первобытно; обрабатываемая въ настоящее время площадь могла бы, при болѣе совершенныхъ приемахъ, давать пропитаніе въ десять разъ большому числу людей, чѣмъ то, какое она питаетъ теперь. Авторъ, такимъ образомъ, показываетъ, какую важную роль въ исторіи прогресса человѣчества играютъ способы культуры растеній. Излагая предметъ съ такой точки зрѣнія, книга г. Бурдо не лишена даже извѣстнаго философскаго интереса. Сочиненіе на-

писано въ формѣ настолько совершенной, что чтеніе его въ одно и то же время и весьма поучительно, и чрезвычайно увлекательно.

(Revue Scientifique, 1893).

Cours élémentaire d'hygiène, par E. Aubert et A. Lapresté. Un vol in 12. Paris. (Элементарный курсъ гигиены). Изъ числа многихъ курсовъ гигиены, появившихся за послѣднее время, нельзя не обратить особеннаго вниманія на книжечку г. Обера и Лапрестэ. Авторамъ удалось въ объемѣ настолько краткомъ, насколько это вообще возможно, дать сжатое изложеніе всѣхъ важнѣйшихъ научныхъ и медицинскіхъ фактовъ изъ области гигиены, знаніе которыхъ въ наше время неизбѣжно для каждаго. Первая глава книги посвящена водѣ; вторая — воздуху, въ третьей дается бѣглый обзоръ пищевыхъ продуктовъ — молока, вина, пива, хлѣба, мяса и пр., говорится о ихъ фальсификаціи, о паразитахъ, которые могутъ въ нихъ находиться, и обо всѣхъ, вообще, причинахъ, которыя могутъ ихъ измѣнять. Четвертая глава — одна изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ — трактуетъ объ эндемическихъ и заразныхъ болѣзняхъ: о чумѣ, о холерѣ, о чахоткѣ, о дифтеритѣ, объ оспѣ, о кори и скарлатинѣ, о бѣшенствѣ и т. д.; относительно каждой изъ этихъ болѣзней сообщаются свѣдѣнія о ея происхожденіи, симптомахъ и профилактическихъ (предупредительныхъ) мѣрахъ, признанныхъ въ настоящее время наилучшими. Въ послѣдней главѣ авторы, подкрѣпляя свои совѣты теоретическими и практическими доводами, перечисляютъ всѣ тѣ условія, которымъ должно удовлетворять наше жилище, чтобы быть здоровымъ, и всѣ тѣ предосторожности, которыя слѣдуетъ принимать при постройкѣ новыхъ жилищъ. Хотя книга и приурочена къ официальной программѣ французскихъ школъ, однако, она имѣетъ въ виду не однихъ только школьничковъ; сочиненіе это съ несомнѣнною пользою можетъ быть прочитано рѣшительно всѣми.

(Revue Scientifique, 1893).

Nouveaux éléments de physiologie, par M. M. Longlois et de Varigny. Un vol. in-12. Paris, 1893. (Основы физиологіи). Этотъ новый трактатъ по физиологіи обладаетъ такими достоинствами, которыя рѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же сочиненіи: это, съ одной стороны — ясность и простота изложенія, съ другой — основательное знакомство авторовъ съ самыми новѣйшими науч-

ными работами. Прекрасная книга эта может быть смѣло названа лучшимъ учебнымъ руководствомъ по физиологіи изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время.

(Revue Scientifique, 1893).

The Romance of Engineering. By Henry Frith. (Романъ инженернаго искусства). Чрезвычайно занимательная книга написанная не для специалистовъ, а для обыкновенныхъ читателей. Въ ней дается описаніе чудесъ инженернаго искусства вплоть до новѣйшаго времени, вродѣ проведенія желѣзной дороги черезъ С.-Готардъ, постройки извѣстнаго моста въ Бруклинѣ и т. п., въ связи съ біографическими очерками извѣстнѣйшихъ техниковъ и инженеровъ, какъ, напримеръ, извѣстнаго строителя мостовъ Эдвардса, слѣпного Меткальфа, Смита, построившаго Эддисонскій маякъ, и друг. Въ сочиненіи четыре части. Первая посвящена сухопутнымъ дорогамъ, вторая — водянымъ сообщеніямъ, третья — желѣзнымъ дорогамъ, четвертая — подземнымъ дорогамъ. Весьма интересно передана исторія прорытія Суэцкаго канала, менѣе подробно описана печальная судьба Панамскаго предпріятія и ея героя — Фердинанда Лессенса; въ третьей части авторъ рассказываетъ о первыхъ попыткахъ въ области желѣзно-дорожнаго передвиженія, о Робертѣ Стефенсонѣ и о желѣзно-дорожномъ «королѣ» — Жоржѣ Гудзонѣ; особенно занимательна глава, посвященная подземнымъ сооружениямъ — С.-Готардскому туннелю, устройству подземной желѣзной дороги въ Лондонѣ и т. п. Благодаря обилію прекрасныхъ рисунковъ и богатству анекдотическаго матеріала, чтеніе этой популярной книги интересно для всѣхъ тѣхъ обыкновенныхъ читателей, которые никогда не стали бы читать сочиненія, тракующаго болѣе серьезно о тѣхъ же предметахъ; такимъ образомъ сред-

ній читатель получаетъ возможность въ легкой и интересной формѣ «романа» ознакомиться съ главными чертами важнѣйшихъ побѣдъ, достигнутыхъ инженернымъ искусствомъ.

(Atheneum, 1893).

L'Année scientifique et industrielle, par Louis Figuier (36-e année). Paris, 1893, in-18; 636 p. et 1 grav. Prix: 3 fr. 50. (1892 годъ въ научномъ и промышленномъ отношеніи). Книга эта — 36 томъ издаваемого на французскомъ языкѣ ежегодника, представляетъ полное и систематическое резюме всѣхъ научныхъ работъ и изобрѣтеній и важнѣйшихъ приложений научныхъ открытій къ промышленности и искусству въ теченіи 1892 года. Томъ этотъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ во всей серіи. Стоить отметить слѣдующія статьи, помѣщенные въ немъ: открытія въ области астрономіи; луна на разстояніи одного метра; метеорологія въ 1892 году; передача красокъ при помощи фотографіи; приложение электричества къ передвиженію по желѣзнымъ дорогамъ; электрическое освѣщеніе на желѣзныхъ дорогахъ; коляски безъ лошадей; изверженіе Этны; холера во Франціи; проказа въ Бретани; вычислитель Иводи; важнѣйшія новости въ области химіи и агрокультуры; динамитъ и динамитчики, и мн. др. Въ концѣ книги помѣщены извлеченія изъ отчетовъ научныхъ конгрессовъ и зазданій ученыхъ обществъ и біографіи тридцати трехъ ученыхъ, скончавшихся въ 1892 году. (Polybiblion, 1893).

The Year-Book of Science. Edited for 1892 by Prof. T. G. Bonney, F. R. S. (Научный ежегодникъ). Новый выпускъ ежегодника даетъ сжатое и вѣрное изложеніе открытій во всѣхъ главнѣйшихъ областяхъ науки въ теченіе 1892 года. Издатель сумѣлъ привлечь къ сотрудничеству весьма компетентныхъ ученыхъ. (Atheneum).

С М Ъ С Ь.

Изъ русской жизни.

Вопросы русской общественной жизни. Тяжелые, пережитые нами неурожайные годы, потрясшіе почти до основанія благосостояніе крестьянъ многихъ губерній, выдвинули на сцену переселенческой вопросъ съ еще большею настоятельностью, чѣмъ прежде. Конечно, только горькая нужда можетъ заставить крестьянина бросать родной уголь, гдѣ онъ родился и выросъ; только тогда, когда его хозяйство разорено въ конецъ, и онъ убѣдится въ полной невозможности выбиться при существующихъ условіяхъ изъ своего бѣдственнаго положенія, крестьянинъ рѣшится идти искать счастья въ далекой Сибири, куда его манитъ перспектива полученія достаточнаго количества земли, которое вполне обезпечивало бы существованіе ему и его семьѣ.

Переселеніе крестьянъ началось еще въ 80-хъ годахъ. Конечно, и тогда къ переселенію побуждали крестьянъ трудныя, и подчасъ невыносимыя, условія его существованія. Неурожай послѣднихъ годовъ долженъ былъ повлечь сильно увеличить переселенческое движеніе. Заимствуемъ изъ «Русской Мысли» цифры, указывающія на то, какъ постепенно возрастало переселенческое движеніе. Въ 1886 году переселилось 11.826 душъ; въ 1887 году—около 14.000; въ 1888 г.—26.129; въ 1889 г.—24.341; въ 1890 г.—39.000; въ 1891 г.—около 60.000, а въ 1892 г.—82.000. Это только официальные данныя. Но сколько переселенцевъ, идущихъ разными окольными путями, ускользаетъ отъ записи! Кромѣ того, сюда слѣдуетъ еще прибавить переселенцевъ, перевозимыхъ морскимъ путемъ, и тогда цифры эти должны еще болѣе увеличиться.

Забираетъ свой скудный скарбъ крестьянинъ и отправляется въ далекое путешествіе. Но трудно даже составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, какъ много мытарствъ и лишений придется перенести ему раньше, чѣмъ онъ достигнетъ обѣтованной землѣ. Рѣдко среди переселенцевъ попадаются люди, обладающіе болѣе или менѣе порядочными для крестьянина денежными средствами. Большинство изъ нихъ не имѣетъ ровно никакихъ средствъ, и даже не имѣетъ ни телѣги, ни лошади для перевозки дѣтей и женщинъ и кое-какой домашней утвари. Число крестьянъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ тачки, на которой они и перевозятъ дѣтей и свое нищенское имущество, перестало быть единичнымъ явленіемъ, и, по словамъ «Русской Мысли»,

въ 1892 году, черезъ Тюмень прошли 600 крестьянскихъ семей, которыя везли въ тачкахъ дѣтей и свой убогій скарбъ. И многія сотни верстъ проходятъ такимъ образомъ переселенецъ, терпя самыя тяжкія лишения, въ надеждѣ, что тамъ, гдѣ-то—онъ часто не знаетъ даже гдѣ!—снѣ получить, наконецъ, возможность успокоиться, завестись своимъ хозяйствомъ и устроиться такъ, какъ подобаешь истинному крестьянину. Но и этой мечтѣ часто не суждено бываетъ осуществиться. Участковъ земли, которые имѣются въ запасъ для сибирскихъ переселенцевъ, оказывается недостаточно, и многія тысячи переселенцевъ долго кочуютъ по Сибири, прежде чѣмъ имъ удастся гдѣ-нибудь пристроиться. По словамъ той же «Русской Мысли», въ 1892 году, въ одной Томской губерніи было 20.000 такихъ кочующихъ переселенцевъ, уплачивающихъ послѣдними полушубками за уголь зимою. «Русская Мысль» справедливо замѣчаетъ, что недостатокъ удобныхъ земель, которымъ объясняются малые успѣхи переселенческаго дѣла, могъ бы быть устраненъ разными мѣропріятіями, напримѣръ: вырубкою лѣсовъ для уменьшенія области тундръ, и что основательное и серьезное изученіе Сибири доставило бы возможность поставить переселенческое дѣло на болѣе широкихъ основаніяхъ. Въ Сибири все-таки имѣется достаточно земли, чтобы приютить многіе миллионы переселенцевъ.

Устройство на болѣе широкихъ и раціональныхъ основаніяхъ переселенческаго дѣла въ самой Сибири, безъ сомнѣнія, должно будетъ въ значительной степени облегчать бѣдствія переселенцевъ. Но необходимо было бы также обратить вниманіе и на тѣ пункты, гдѣ останавливаются переселенцы, и на способы ихъ передвиженія. Корреспонденты сибирскихъ газетъ описываютъ самыми мрачными красками мѣста остановки переселенцевъ. Что красна эти далеко не преувеличены, указываетъ статистика смертныхъ случаевъ. Въ Тюмени смертность среди переселенцевъ страшно возрасла. Въ 1888 году умерло 19 переселенцевъ, а въ 1892 г.—938! Эти цифры говорятъ сами за себя. Скученность, отсутствіе самыхъ необходимыхъ приспособленій для жизни,—помѣщеній въ баракахъ оказалось недостаточно, и толпа переселенцевъ оставалась подъ открытымъ небомъ, и главное: недостатокъ воды для питья,—все это, конечно, вызвало громадную смертность среди переселенцевъ въ Тюмени. Корреспондентъ одной сибирской газеты рассказываетъ, что, такъ какъ не хватало кипяченой воды въ кубахъ для всей массы переселенцевъ, то множество людей пили мутную, похожую на разбавленное молоко, воду изъ болота. Да и этой воды было мало. По получасу люди дожидались своей очереди получить ковшикъ такой воды, а когда болото высохло, то стали пить воду изъ рѣки, въ которой вымачиваются кожи. Что же удивительнаго, что болѣзни свирѣпствовали среди переселенцевъ, и что въ такихъ мѣстахъ люди мѣрли, какъ мухи.

Бѣдствія переселенцевъ обратили на себя вниманіе частной благотворительности. Во многіхъ мѣстахъ устроились переселенческіе комитеты для вспоможенія переселенцамъ. Въ пользу переселенцевъ издавались сборники и собирались частныя пожертвованія. Въ Петербургѣ уже три года существуетъ общество для пособія нуждающимся переселенцамъ, выразившее свою дѣятельность постройкою нѣ-

сколькихъ переселенческихъ бараконъ и одновременно пособіями переселенческимъ семьямъ. Конечно, все это капля въ морѣ, но и эта капля дѣлаетъ свое благое дѣло и все же ведетъ къ облегченію человѣческихъ страданій. Правительство ассигнуетъ ежегодно 100.000 р. на нужды переселенцевъ, и если къ этой цифрѣ частная благотворительность прибавитъ свою лепту, то положеніе переселенцевъ можетъ быть нѣсколько облегчено, хотя достигнуть прочнаго устройства переселенческаго дѣла все-таки очень трудно, потому что для этого нужны слишкомъ большія средства, которыя врядъ-ли можетъ доставить частная благотворительность въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ она практикуется у насъ по сіе время.

Говоря о частной благотворительности, не можемъ не привести слѣдующій примѣръ. «Русская Мысль» рассказываетъ, что въ петербургскомъ почтамтѣ служилъ скромный чиновникъ, по фамиліи Третьяковъ, очень бережливый, и даже скупой. Но это была скупость, которую французы говорятъ: «on est avare pour être généreux». После своей смерти Третьяковъ оставилъ состояніе въ 160.000 и почти все это состояніе завѣщалъ обществу для пособія нуждающимся переселенцамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы капиталъ былъ неприкосновененъ, и только проценты ежегодно шли на удовлетвореніе нуждъ переселенцевъ. Передъ своею смертію Третьяковъ долго размышлялъ, кому бы завѣщать свои деньги. Онъ старательно разсматривалъ уставы и отчеты всѣхъ благотворительныхъ обществъ и пришелъ, наконецъ, къ тому убѣжденію, что переселенецъ — самый нуждающійся и безпомощный народъ.

Видѣтъ съ увеличеніемъ числа переселенцевъ увеличивается въ деревняхъ и число крестьянъ, занимающихся не земледѣльческими промыслами. И то, и другое вызывается почти одинаковыми условіями: малоземельемъ или даже безземельемъ, невозможностью свести концы съ концами и удовлетворить скромнымъ нуждамъ крестьянской семьи и хозяйства. Такъ, напримѣръ, въ Тверской губерніи, по словамъ «Русск. Вѣдомостей», число крестьянъ, занимающихся вѣземледѣльческими промыслами, увеличилось на 39%; въ 1881 году было такихъ 16.825 человекъ, а 1891 г.—уже 23.396. При этомъ главнымъ образомъ увеличились отхожіе промыслы: крестьяне уходятъ изъ деревни на сторону, на болѣе или менѣе долгое время, уходятъ преимущественно молодежь и устраивается на фабрикахъ. Много также молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ покидаютъ деревню и поступаютъ на фабрики. Конечно, не въ одной только Тверской губерніи наблюдается такое ненормальное явленіе, указывающее на то, что условія крестьянской жизни съ каждымъ годомъ становятся все тяжелѣе и тяжелѣе. Раззореніе и чуть-ли не поголовное обдѣлѣніе крестьянъ выввано, конечно, не одними только случайными причинами, не одними только неурожайными годами, которые лишь довершили дѣло; по всей вѣроятности, тутъ дѣйствовала масса разнообразныхъ экономическихъ условій, и притомъ съ давняго времени. Какъ бы тамъ ни было, но въ настоящую минуту «земледѣльческій» вопросъ сталъ вопросомъ дня. Мы дожили до кризиса и теперь задумались надъ тѣмъ, какъ предотвратить его.

Повидимому, гораздо болѣе отрадную картину представляетъ поло-

*

женіе другого общественнаго вопроса—вопроса о народномъ образованіи. По отчетамъ нѣкоторыхъ земствъ, несмотря на недостатокъ матеріальныхъ средствъ, школьное дѣло въ Россіи развивается довольно успѣшно. Въ Арзамасѣ (Нижегор. губ.) цифра учащихся въ школахъ, по словамъ газеты «Волгарь», съ каждымъ годомъ возрастаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ сочувствіе и довѣріе населенія къ земскимъ школамъ. Недавно земство постановило открыть еще двѣ новыя школы. То же самое говоритъ и корреспондентъ изъ другого уѣзда Нижегородской губерніи, Ардатовскаго. Онъ сообщаетъ, что при земскихъ школахъ уже заведены народныя бібліотеки, а при земской больницѣ, по инициативѣ акушерки, устроена бібліотека для больныхъ. Данныя о положеніи школьнаго дѣла въ Тверской губерніи также довольно утѣшительны.

Какъ сочувственно относится народъ къ такимъ учителямъ, которые счумѣли внушить къ себѣ уваженіе и убѣдить крестьянъ въ пользѣ для нихъ своей дѣятельности, доказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай, рассказанный газетою «Волжскій Вѣстникъ». Въ деревнѣ Вырыпаевкѣ, Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи, прослужила восемь лѣтъ учительница М. И. Сурова. Когда она вышла въ отставку, для того, чтобы поступить на курсы въ Казани, то крестьяне, узнавъ объ этомъ, явились къ ней «всѣмъ селомъ» и стали умолять ее остаться. Но такъ какъ она все-таки рѣшила уѣхать, то крестьяне проводили ее со слезами, взявъ съ нея обѣщаніе, что она вернется къ нимъ позднѣе и снова займетъ прежнее мѣсто учительницы.

На заботливость земствъ по части народнаго образованія указываетъ, напримѣръ, такой фактъ: «Приазовскій Край» сообщаетъ, что черниговскимъ земствомъ разрѣшенъ особый кредитъ для выдачи пособія и вознагражденія тѣмъ учителямъ, которые выразятъ желаніе заниматься со взрослыми крестьянами. При обсужденіи этого вопроса въ земствѣ, было указано, что потребность въ обученіи взрослыхъ крестьянъ давно уже назрѣла, причѣмъ указано было также и на необходимость вторыхъ занятій со взрослыми, окончившими сельскія школы. Къ сожалѣнію, неграмотность крестьянъ Черниговскаго уѣзда очень велика, и, по словамъ той же газеты, изъ 300 призывающихся къ воинской повинности оказывается только шесть грамотныхъ. Это прискорбный фактъ, но можно надѣяться, что съ теченіемъ времени дѣло народнаго образованія пустятъ такіе глубокіе корни, что подобные факты будутъ встрѣчаться на Руси все рѣже и рѣже.

Къ числу мѣръ, содѣйствующихъ дѣлу просвѣщенія, безспорно принадлежитъ устройство народныхъ бібліотекъ. По словамъ «Русской Мысли», первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Ватской губерніи. Первый починокъ въ этомъ дѣлѣ, однако, былъ сдѣланъ Орловской губерніей въ 1838 году. Бібліотеки открыты при двухъ училищахъ, и въ одной изъ нихъ число абонентовъ достигло 142 человекъ, изъ которыхъ 135—крестьяне, и встрѣчаются даже подростки 12—14 лѣтъ. Рабочіе на фабрикахъ тоже берутъ книги, которыя читаютъ по вечерамъ. Изъ опубликованныхъ отчетовъ о дѣятельности народныхъ бібліотекъ видно, что дѣятельность эта въ высшей степени плодотворна. Въ харьковской народной читальнѣ-бібліотекѣ, въ первый же годъ ея существованія, 3.600 человекъ записались ея читателями

и 1.200 получали книги на домъ. Такъ же хорошо идетъ дѣло и въ одесской бесплатной народной читальнѣ.

Во многихъ мѣстахъ, по частной инициативѣ, устраиваются народныя чтенія, которыя также приносятъ не малую пользу въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ Екатеринославлѣ, напримѣръ, образовалось общество народныхъ чтеній, число членовъ котораго съ каждымъ годомъ увеличивается. Общество это обладаетъ въ настоящее время капиталомъ въ 6.000 рублей и рѣшило выстроить отдѣльную аудиторію со всѣми приспособленіями для народныхъ чтеній.

Въ дѣлѣ народнаго образованія частная инициатива и личный починъ играютъ, пожалуй, даже болѣе роли, нежели матеріальныя средства; тутъ главное: призваніе и беззавѣтное и безкорыстное служеніе дѣлу, ибо тотъ только можетъ учить народъ, кто любитъ его и исполненъ горячаго желанія служить ему. Э.

Актъ въ женской гимназіи М. Н. Стоюниной. Частная женская гимназія М. Н. Стоюниной празднуетъ ежегодно 24-го октября день своего основанія. Въ этотъ день бываетъ также и торжественный актъ; ученицы, окончившія курсъ, получаютъ свидѣтельства, и въ прошломъ, 1893 году, выданы были такія свидѣтельства объ окончаніи VII класса 14-ти ученицамъ, а объ окончаніи VIII класса—10-ти ученицамъ. На этомъ же актѣ П. Θ. Каптеревъ сказалъ рѣчь, въ которой сравнилъ человѣческое общество съ чрезвычайно высокаимъ зданіемъ, которое строится на весьма шаткомъ основаніи, затѣмъ постепенно суживается и на большой высотѣ заканчивается большою площадкой, какъ, напримѣръ, на египетскихъ пирамидахъ. Общество также покоится на очень широкомъ основаніи. Основаніе это представляетъ необъятная масса простого, сѣраго народа, надъ нимъ средніе классы общества, а вверху—правящій, немногочисленный классъ, заканчивающійся однимъ верховнымъ правителемъ. Въ экономическомъ отношеніи наблюдается та же градація: внизу десятки и сотни милліоновъ бѣдняковъ, еле перебивающихся, а наверху — нѣсколько богачей милліонеровъ.

Въ дѣлѣ образованія существуетъ то же самое: въ самомъ низу зданія малограмотная, некультурная масса, затѣмъ идутъ люди, получающіе элементарное образованіе, надъ ними уже меньшее число такихъ, которые получаютъ среднее образованіе, далѣе идутъ люди съ высшимъ образованіемъ и, наконецъ, на самомъ верху стоятъ немногіе истинныя дѣятели науки, служители разума. Основу того зданія, которое представляетъ собой человѣческое общество, составляетъ, слѣдовательно, сѣрая народная масса. Бѣдная и темная, она даетъ другимъ классамъ общества средства къ безбѣдному существованію и къ просвѣщенію и развитію своего ума.

«Мы обязаны всѣмъ народнымъ массамъ,—сказалъ Каптеревъ,—онѣ комплектуютъ наши арміи и флоты, онѣ даютъ средства на содержаніе внутреннего порядка и на все прочее. Почти всѣ государственныя ресурсы, и людьми, и деньгами, почерпаются изъ народныхъ же массъ. Основы серьезнаго національнаго образованія лежатъ тамъ же, такъ какъ онѣ дѣлаютъ исторію, ими держится государство».

Далѣ г. Каптеревъ указалъ на то, что истинное образованіе не можетъ быть создано помимо участія народа въ культурной работѣ. Только то образованіе, которое покоится на народныхъ основахъ, въ созданіи котораго участвовалъ народъ, можетъ быть прочно и благотворно для государства. Народъ долженъ создать почву для истиннаго, національнаго образованія. Если народъ мало культуренъ, если въ немъ мало распространено элементарное образованіе, онъ можетъ служить среднимъ и высшимъ классамъ только доставленіемъ имъ матеріальныхъ средствъ, но не дѣлиться съ ними своею духовною самобытностью и оригинальностью. Поэтому эти классы должны вдохновляться чужимъ гениемъ, одушевляться иностраннымъ духомъ, а народу они часто кажутся чѣмъ-то чужимъ, полуиностраннымъ.

И такъ, корень всего благосостоянія всѣхъ классовъ общества и государства лежитъ въ сѣрыхъ и темныхъ народныхъ массахъ и изъ нихъ черпаетъ матеріальныя и нравственныя силы. На каждомъ образованномъ человѣкѣ, который долженъ помнить, что онъ только листочекъ великаго народнаго дерева, лежитъ священная обязанность уплатить свой образовательный долгъ народу, на счетъ котораго онъ получилъ образованіе и соками котораго питался и существовалъ. Образованные люди пытаются всячески уплатить свой долгъ путемъ общественной дѣятельности, участіемъ въ равныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществахъ, устройствомъ школъ и стремленіемъ популяризовать науку. Но эта общественная дѣятельность образованныхъ людей мало касается народа, изъ нея извлекаютъ пользу по преимуществу лишь средніе круги, и народу приходится довольствоваться лишь косвенными результатами всей этой дѣятельности. «Образовательный долгъ народу,—сказалъ Каптеревъ,—вносится совсѣмъ не въ ту кассу, въ которую его слѣдуетъ вносить!»

Чтобы уплатить этотъ долгъ народу, всѣ частныя лица должны помогать государству и церкви въ поддержкѣ существующихъ источниковъ просвѣщенія и открытіи новыхъ. Пусть каждый образованный человѣкъ на Руси, въ видѣ уплаты своего долга, обучитъ десять неграмотныхъ. На Руси такъ много необразованныхъ, что образованные долго еще будутъ счастливыми. «Помните,—прибавилъ Каптеревъ,—что гдѣ-то далеко отъ васъ, подъ вашими ногами, находится темная и суевѣрная народная масса, создавшая въ грустномъ сознаніи мудрое изрѣченіе: «ученье—свѣтъ, неученье—тьма». Заплатите свой долгъ лично народной массѣ и по чувству благодарности, и по сознанію своей зависимости отъ нея, ибо то зданіе не прочно, у котораго фундаментъ плохъ!»

Въ заключеніе Каптеревъ выразилъ надежду, что тотъ маленькій домикъ, въ постройкѣ котораго участвуетъ гимназія, строится на камнѣ, а не на пескѣ, и ученицы этой гимназіи не словомъ, а дѣломъ, трудомъ во всѣхъ видахъ засвидѣтельствуютъ прочность его постройки.

Русская школа въ Константинополѣ. «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія объ основанной года полтора назадъ русской школѣ въ Константинополѣ: Школа помѣщается въ одномъ изъ зданій, принадлежащихъ русской Николаевской боль-

ницѣ, обращенномъ однимъ фасадомъ въ больничный садъ. Несмотря на то, что этому новому русскому учрежденію пришлось временно пріютиться на окраинахъ города, оно скоро, однако, привлекло къ себѣ учениковъ, которыхъ стали отдавать въ русскую школу бѣдныя семьи. Сейчас посѣщаютъ школу сорокъ два ученика. Изъ нихъ большинство—греки (25), затѣмъ есть нѣсколько русскихъ, болгаръ, сербовъ и одинъ армянинъ. Всѣ ученики аккуратно посѣщаютъ уроки, по окончаніи которыхъ остаются еще въ школѣ на два часа для приготовления заданныхъ учителями уроковъ къ слѣдующему дню. Такой порядокъ заведенъ, главнымъ образомъ, съ тою цѣлью, чтобы ученики, по возможности, больше времени проводили въ школѣ и больше слышали русскую рѣчь. Ихъ и между собой заставляютъ говорить по-русски, насколько они могутъ. Два русскихъ учителя живутъ въ зданіи школы. Кромѣ нихъ даютъ уроки священникъ больничной церкви по Закону Божию, діаконъ посольской церкви—церковнаго пѣнія, одинъ учитель—по греческому языку и одинъ—по французскому. Въ школѣ два класса, причемъ въ старшемъ классѣ два отдѣленія. Было бы очень желательно поставить на очередь выполнение другой существенной задачи, слѣдующей непосредственно за учрежденіемъ русской школы для мальчиковъ,—созданіе такой же школы для дѣвочекъ.

Учрежденіе курсовъ садоводства, пчеловодства и огородничества при сельскихъ школахъ. Необходимость въ распространеніи среди сельскаго населенія правильныхъ понятій о садоводствѣ, огородничествѣ и пчеловодствѣ ощущается уже давно. Малое развитіе этихъ отраслей сельскаго хозяйства, по всей вѣроятности, зависитъ отъ недостаточныхъ познаній крестьянъ въ этомъ дѣлѣ. Поэтому-то Министерство Народнаго Просвѣщенія и сочло нужнымъ занять попечителямъ учебныхъ округовъ свои взгляды на полезность введенія во всѣхъ сельскихъ школахъ обязательнаго преподаванія садоводства, огородничества и пчеловодства. Для подготовки самыхъ учителей къ преподаванію этихъ предметовъ въ каждомъ округѣ будутъ организованы правильные постоянные курсы.

Положеніе рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ на Волгѣ. Невеселую картину рисуетъ астраханскій корреспондентъ «Новаго Времени», описывающій, какъ живетъ рабочимъ на рыбныхъ промыслахъ около устьевъ Волги. «Въ общемъ доля рабочаго незавидна,—говоритъ онъ,—особенно на промыслахъ въ годину неурода. Прежде всего рыбопромышленники, организовавъ артели ловцовъ на извѣстныхъ условіяхъ, ничуть не стѣсняются нарушать, какъ имъ вдумается, эти условія въ отношеніи заработной платы, коль скоро выяснятся виды на неудачный уловъ. Рабочіе, конечно, протестуютъ, но протестъ этотъ обыкновенно кончается совершеннымъ изгнаніемъ главныхъ протестантовъ, и большинство вынуждено подчиниться этому гнету, получая за свой тяжелый трудъ столько, сколько заблагоразсудится хозяевамъ».

Особенно плохо положеніе рабочихъ, имѣвшихъ несчастье заболѣть на промыслахъ. «Такъ какъ до сихъ поръ на промыслахъ почти нѣтъ больницъ, и вся медицинская помощь ограничивается услугами фельдъ-

шера, да и то не вездѣ, то такихъ заболѣвшихъ, какъ негодный балластъ, рассчитываютъ и отправляютъ въ Астрахань, гдѣ на берегу ихъ спускають, предоставляя собственнымъ работамъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи. Хорошо, если у бѣдняка найдутся кое-какіе гроши,— онъ доплетется до постели и сляжетъ въ ея убійственной обстановкѣ. Но если у такого обездоленника за душой нѣтъ ни гроша, то онъ не одни сутки промучается на берегу, около баржей, товарныхъ кипъ и т. п., пока на него не наткнется бдительное око городского; тогда его отправляютъ въ городскую больницу, гдѣ онъ пускаетъ въ ходъ всякіе «фокусы», чтобы подольше пожить, полежать въ прекрасной обстановкѣ. Но вотъ выгоняють того изъ постели за неплатежъ денегъ, а этого — изъ больницы по выздоровленіи. Очутившись на улицѣ съ пустыми карманами, они начинаютъ искать заработка и, такъ какъ это не всегда удается, то примыкають къ городскому пролетариату и укомплектовываютъ собою рать оборванцевъ, пропойць, карманниковъ и прочаго отброса человѣчества, которымъ такъ чревата Астрахань во время навигаціи».

Основать на свои средства больницу для рабочихъ рыбопромышленники не желаютъ; отказываются они платить и городу за леченіе рабочихъ. Послѣ неоднократныхъ и безуспѣшныхъ переговоровъ съ рыбопромышленниками по этому вопросу мѣстная городская дума «поставила обратиться къ губернатору, прося его «вразумить» владѣльцевъ промысловъ, которые, относясь такъ безсердечно къ бѣдняку-рабочему, въ то же время обременяють городской бюджетъ и являются насадителями въ городѣ нежелательнаго элемента. Вопросъ этотъ до сихъ поръ не получилъ еще надлежащаго разрѣшенія, и участь рабочаго все остается вполнѣ подчиненной ховаяйскому произволу».

Финляндскіе рабочіе союзы. «Экономическій журналъ» сообщаетъ, что, въ виду предстоящаго открытія засѣданій финляндскаго сейма, делегаты финляндскихъ рабочихъ союзовъ собрались недавно въ Гельсингфорсъ для обсужденія и выработки общей программы требованій финляндскихъ рабочихъ, которая и будетъ представлена въ сеймъ. Въ эту программу, между прочимъ, включается всеобщая школьная повинность и бесплатное обученіе въ народныхъ школахъ. Рабочіе также высказываются въ пользу устройства рабочихъ квартиръ и ссудосберегательныхъ учреждений. Кроме того, они выражаютъ желаніе, чтобы вездѣ, гдѣ будетъ концентрировано болѣе или менѣе значительное количество рабочихъ, учреждались новые союзы и ассоціаціи, которыя должны заботиться о поднятіи нравственнаго уровня и распространеніи образованія среди рабочаго класса посредствомъ устройства элементарныхъ курсовъ, популярныхъ чтеній и т. п. Въ программу также включается заявленіе о необходимости уравнивать плату за женскій трудъ съ платою, получаемою мужчиною. Положеніе работницъ въ Финляндіи, по мнѣнію рабочихъ, требуетъ серьезнаго вниманія и улучшенія. Затѣмъ упоминается, что одною изъ цѣлей рабочихъ союзовъ должна быть борьба съ пьянствомъ, противъ котораго должны быть принимаемы энергичныя мѣры. Предлагается также устройство цѣлаго ряда специальныхъ обществъ, съ цѣлью улучшенія быта рабочихъ и посредничества

между рабочими и ихъ хозяевами. Собрание рабочихъ рѣшило ходатайствовать о введеніи обязательнаго страхованія рабочихъ на случай болѣзни, увѣчья и старости.

Печальные итоги. Ужасное наводненіе, бывшее въ Харьковѣ въ мартѣ прошлаго года, отразилось очень печально на положеніи харьковскихъ жителей. Газета «Южный Край» подводитъ слѣдующіе итоги этого ужаснаго бѣдствія, обрушившагося на городъ: Статистическимъ отдѣломъ городской управы собранъ матеріалъ для характеристики бѣдственнаго наводненія 1893 г. Наводненіемъ было залито 946 дворовъ и на трехъ базарахъ 337 лавокъ, 78 рундуковъ и 63 базарныхъ стола. Всѣхъ зданій залито 2.918, въ томъ числѣ отопляемыхъ 1.289. Жителей въ постигнутыхъ наводненіемъ домахъ зарегистрировано 9.755 человекъ, помѣщавшихся въ 4.540 комнатахъ. Въ наиболѣе пострадавшихъ отъ наводненія мѣстностяхъ высота наибольшаго уровня воды достигла 1,80 сажени со стороны улицъ и 1,90 саж. со стороны дворовъ. При такомъ высокомъ уровнѣ воды залиты были не только всѣ подвалы въ районѣ наводненія (подваловъ залито 367, подвальныхъ этажей—237), но и 486 первыхъ этажей. Стѣны, полы, печи и окна въ залитыхъ домахъ потерпѣли существенныя поврежденія. Печи повреждены въ 581 домовладѣніи, стѣны—въ 556, полы—въ 487, окна—въ 298 домовладѣніяхъ. Въ 9 дворахъ снесены даже крыши съ построекъ. На базарахъ снесены до основанія 7 торговыхъ помѣщеній. Въ зависимости отъ мѣстности, вода въ залитыхъ домахъ стояла въ комнатахъ отъ 3-хъ часовъ до 2-хъ сутокъ; подвальные же этажи остались залитыми болѣе недѣли.

Размѣръ убытковъ еще не вполне опредѣленъ, такъ какъ нѣкоторые домовладѣльцы, понесшіе отъ наводненія особенно крупныя потери въ движимомъ имуществѣ, не успѣли выяснитъ ихъ во время собранія свѣдѣній статистическимъ отдѣломъ городской управы.

Но даже и съ этой оговоркой всѣхъ убытковъ отъ наводненія записано на 672.250 рублей по домовладѣніямъ и на 73.960 руб. на базарахъ. По мнѣнію статистическаго отдѣла, вся сумма убытковъ должна быть нечислена въ одинъ миллионъ руб.

Но и этимъ не ограничиваются потери отъ наводненія.

Почти всѣ квартиры, въ которыхъ была вода, надолго оставлены квартирантами, и доходъ съ нихъ домовладѣльцевъ прекратился по крайней мѣрѣ на полгода. Сверхъ того, какъ оцѣнить потери здоровья и сокращеніе жизни, бывшія послѣдствіемъ наводненія?!

Отголосокъ юбилея. Юбилей Н. И. Лобачевского нашелъ отголосокъ въ далекой Японіи. Въ Токио существуетъ математическое общество, которое и прислало Казанскому физикоматематическому обществу собраніе протоколовъ своихъ засѣданій. Въ этомъ собраніи протоколовъ заключается, между прочимъ, переводъ на англійскій языкъ одного изъ сочиненій Лобачевского. Японскій профессоръ Кикучи, состоящій почетнымъ членомъ комитета Казанскаго физикоматематическаго общества, общается, кромѣ того, напечатать во всѣхъ японскихъ науч-

ныхъ журналахъ приглашеніе къ подпискѣ на фондъ Лобачевскаго и соотвѣтствующія книжки журналовъ прислать въ «Библіотеку Лобачевскаго», учрежденную при физикоматематическомъ обществѣ.

Подвижныя желѣзнодорожныя бібліотеки. Начальство Харьковско-Николаевской ж. д. устраиваетъ для побѣдной прелуги небольшія подвижныя бібліотечки, которыя могли бы время отъ времени обмѣниваться одна на другую. На покупку книгъ для такихъ бібліотечекъ, — ихъ предполагается восемь, — ассигновано 240 руб. О составленіи ихъ, выборѣ книгъ, соотвѣтствующихъ просвѣтительнымъ цѣлямъ организуемыхъ бібліотечекъ, лица, стоящія во главѣ этого симпатичнаго и полезнаго дѣла, какъ сообщаютъ «Хар. Вѣд.», обратились съ просьбой въ мѣстное Общество грамотности на имя предсѣдателя правленія Общества.

Своеобразный мірокъ. Въ высшей степени своеобразный міръ представляютъ люди, служащіе на маякахъ. Осужденные жить въ полномъ одиночествѣ, на голой скалѣ, пространствомъ порою не болѣе нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ, среди безбрежнаго моря, или же на маленькомъ суднѣ, укрѣпленномъ якорями и вѣчно качающемся на волнахъ, люди эти, конечно, должны представлять нѣкоторыя особенности характера, выработанныя тѣмъ образомъ жизни, который имъ приходится вести. Одиночество, вѣчно бушующее море и тѣ лишенія, которыя приходится терпѣть смотрителю какого-нибудь маяка, не могутъ не отразиться не только на его характерѣ, но и на міросозерцаніи. Въ «Новомъ Времени» находимъ описаніе этого своеобразнаго міра. На крошечной скалистой площадкѣ, возвышающейся среди безбрежнаго моря, живетъ цѣлая колонія — смотритель маяка со своимъ семействомъ. Нѣкоторые смотрители обзавелись семьями, взростили на голыхъ скалахъ дѣтей, выдали дочерей въ замужество, поженили сыновей и основали цѣдыя своеобразныя колоніи среди обстановки орлиаго гнѣзда. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія смотритель коммерскаго маяка, семидесятилѣтній бодрый старикъ, прожившій на своемъ скалистомъ островѣ почти сорокъ лѣтъ. Увѣщанный медалями за самоотверженное спасеніе погибавшихъ, онъ выглядитъ настоящимъ патріархомъ миниатюрнаго маячнаго поселенія, представителемъ котораго, въ значительномъ большинствѣ, не знакомы съ иной жизнью и исполнѣ довольствуются однообразнымъ, грустнымъ проявленіемъ на родной скалѣ. Врощенные на солоникѣ и кислой капустѣ, вспоенные дождевой водой, тщательно собираемой во впадинахъ каменстаго острова, дѣти, внуки и внучки коммерскаго патріарха, прежде чѣмъ встать на ноги, вынесли массу лишней и невзгодъ какъ физическихъ, такъ и моральныхъ. Міръ своеобразный, интересный и, вѣроятно, глубоко-несчастный.

Изъ иностранной жизни.

Индійскій журналистъ. Журналистика въ Индіи, перенесенная туда европейскою цивилизаціею, развилась довольно быстро, и въ настоящее время уже всё округи имѣютъ свои органы печати, издающіеся на мѣстномъ или англійскомъ языкѣ. Собственно, въ Индостанѣ, между Лукнау и Лагоромъ, выходитъ болѣе ста періодическихъ изданій на урдійскомъ нарѣчій. По приблизительному вычисленію доктора Гюнтера число періодическихъ изданій, выходящихъ въ Индіи на мѣстныхъ нарѣчійхъ, въ 1885 г. равнялось 300. Въ концѣ 1889 года уже насчитывалось 644 періодическихъ изданія, изъ нихъ 244 на англійскомъ языкѣ.

Въ настоящее время индійская журналистика достигла уже такого развитія, что сдѣлалась довольно могущественнымъ орудіемъ пропаганды социальныхъ и политическихъ реформъ. Среди индійскихъ журналистовъ встрѣчаются очень талантливые и образованные люди, понимающіе необходимость бороться съ предрассудками и невѣжествомъ населенія и старающіеся всеми средствами распространить просвѣщеніе въ народной массѣ, скованной вѣковымъ суевѣріемъ и привычкою подчиняться авторитету своихъ священниковъ и представителей своей религіи. Борьба трудная и во многихъ отношеніяхъ небезопасная. Съ пробужденіемъ національнаго сознанія среди индійской интеллигенціи естественнымъ образомъ возникло стремленіе освободиться нѣсколько изъ подъ давленія англійскаго ига, и потому нѣкоторые изъ индійскихъ журналистовъ явились проповѣдниками политическихъ правъ Индіи, другіе же стали во главѣ движенія, добивающагося социальныхъ реформъ и введенія новыхъ законовъ, которые могли бы поддержать ихъ въ борьбѣ со многими вредными народными традиціями и предрассудками, мѣшающими свободному развитію индійскаго населенія и обусловливающими постыдную эксплоатацію народнаго невѣжества какъ духовными, такъ и свѣтскими властями. Во главѣ первыхъ, т. е. журналистовъ, проповѣдывающихъ политическую эмансипацію Индіи, находится Наороджи, избранный недавно въ лондонскую палату общинъ, гдѣ онъ является защитникомъ политическихъ правъ своей родины; во главѣ вторыхъ, т. е. проповѣдниковъ социальныхъ реформъ, стоитъ Бейрами Малабари, сотрудничающій вмѣстѣ съ Наороджи въ газетѣ «Голосъ Индіи».

Исторія жизни Малабари, стяжавшаго себѣ громкую извѣстность своею публицистическою дѣятельностью въ Индіи, представляетъ не малый интересъ. Малабари прошелъ суровую жизненную школу; онъ росъ въ бѣдности и лишенияхъ. Происходя изъ семьи парсовъ, онъ началъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ посѣщать парсійскую дѣтскую школу въ Суратѣ, но научился тамъ весьма немногому, такъ какъ столѣтній старецъ, состоявшій учителемъ этой школы, заставлялъ только всѣхъ учениковъ хоромъ повторять извѣстныя строфы изъ Зендъ-авесты. и далѣе этого обученіе не шло. Изъ этой школы Бейрами Малабари перешелъ въ школу брамина Нирберама. Вѣрный священнымъ традиціямъ, браминъ, конечно, не подумалъ отступать въ своемъ преподаваніи отъ методовъ и обычаевъ, освященныхъ многими вѣками. Всякія приспособленія, которыя, по нашимъ понятіямъ, составляютъ

необходимую принадлежность каждой школы, совершенно отсутствовали въ школахъ Нирберама. По срединѣ убогой лавочки возвышалась эстрада, на которой воссѣдалъ на корточкахъ браминъ, а вокругъ него, въ такихъ же повахъ, на земляномъ полу, размѣщались его ученики. Каждый снабженъ былъ дощечкой, заостренной палочкой и тряпкой. Искусно расположивъ на дощечкѣ слой пыли, взятой прямо съ полу, и сгладивъ его, ученики заостренною палочкою выводили на дощечкѣ цифры и слова. Затѣмъ сдѣланное они показывали своему учителю. Дѣйственнымъ приходилось плохо, такъ какъ Нирберамъ былъ сторонникомъ энергичныхъ педагогическихъ мѣръ, и палка его часто прогуливалась по спинѣ невнимательныхъ учениковъ. Преподаваніе производилось въ стихахъ; въ стихахъ преподавалась также арифметика, таблица умноженія и четыре правила. Подобно тому, какъ это дѣлается и во всѣхъ другихъ браминскихъ школахъ, Нирберамъ обращалъ особенное вниманіе на умственные вычисленія. Самые маленькіе ученики должны были безъ запины производить въ умѣ всѣ четыре правила съ простыми числами до ста и съ дробями. Буквы азбуки заучивались также въ стихахъ; къ каждой буквѣ прилагалось какое-нибудь весьма выразительное сравненіе, благодаря чему дѣти быстро ихъ запоминали. Сочиненія дѣлались устно. Новичковъ Нирберамъ заставлялъ импровизировать на тему, взятую изъ Магабараты или Рамаяны, болѣе же опытные должны были устно налагать свои мысли въ формѣ письма жены къ мужу, отца къ сыну, или купца къ своему повѣренному и т. д. Удостоившіеся похвалы ученики получали въ награду цѣфты и фрукты и иногда отпускъ, другихъ же, менѣе счастливыхъ, Нирберамъ осыпалъ оскорбительными эпитетами, вроде: «дядя верблюда», «сынъ слѣпого» и т. д., которыхъ имѣлось множество въ его репертуарѣ.

Обучившись браминской премудрости у Нирберама, Бейрами снова попалъ въ школу парсовъ, находящуюся подъ руководствомъ жрецовъ Зороастра. Однако, мать Бейрами, возмущенная дурнымъ обращеніемъ, которому постоянно подвергались ученики этой школы, скоро взяла его оттуда и помѣстила въ англоиндійскую школу, основанную въ Суратѣ однимъ богатымъ англійскимъ филантропомъ. Но прежде чѣмъ продолжать свое ученіе, Бейрами долженъ былъ годъ пробить подмастерьемъ каменщиковъ, потому что мать его принадлежала къ этой кастѣ, и онъ поэтому долженъ былъ также къ ней принадлежать, согласно индійскимъ кастовымъ традиціямъ. Уже съ десятилѣтняго возраста Бейрами сталъ обнаруживать необыкновенную склонность къ поэзіи. Онъ заучивалъ наизусть оды и рапсодіи странствующихъ поэтовъ и постоянно участвовалъ въ ихъ публичныхъ состязаніяхъ, происходившихъ въ базарные дни. Въ тринадцать лѣтъ его постигло первое сильное горе, умерла его мать отъ холеры, и Бейрами остался сиротой и безъ всякихъ средствъ къ жизни. Не смотря на свой юный возрастъ, Бейрами понялъ, что ему предстоитъ самому проложить себѣ дорогу и что для этого нужно еще много и много учиться. Благодаря покровительству одного патера, Бейрами былъ принятъ въ пресвитеріанскую школу ирландской миссіи, гдѣ онъ скоро привелъ всѣхъ учителей въ изумленіе своими быстрыми успѣхами въ изученіи англійскаго языка. Не скоро, однако, удалось Бейрами влѣзть на дорогу;

не смотря на упорный трудъ, Бейрами три раза терпѣлъ поражение на конкурсахъ для занесенія въ списокъ лицъ, имѣющихъ право занимать общественныя должности. Неуспѣхъ Бейрами обусловливался тѣмъ, что ему приходилось постоянно заботиться о насущномъ хлѣбѣ, и это отвлекало его отъ занятій науками. Наконецъ, восемнадцати лѣтъ онъ достигъ желанной цѣли и сдать требуемый экзаменъ. Но всѣ эти неудачи не мѣшали ему заниматься поэзійю, и отъ уже написалъ цѣлый томъ стиховъ, который рѣшился показатъ послѣ сдачи экзамена одному изъ самыхъ компетентныхъ филологовъ, научавшихъ индійскія нарѣчія и поэзію, доктору Тейлору, который пришелъ въ восторгъ отъ стиховъ Бейрами и показалъ ихъ своему другу, миссіонеру доктору Вильсону. Вильсонъ принялъ большое участіе въ Бейрами, устроилъ подписку для изданія его стиховъ, и они вышли въ свѣтъ въ 1875 году. Книга эта, озаглавленная «Удовольствія нравственности», составила эпоху, такъ какъ это было первое пронаведеніе перваго парсійскаго поэта.

Въ слѣдующемъ же году Бейрами выпустилъ новую книгу стиховъ, озаглавленную: «Индійская муха, облеченная въ англійскій костюмъ», и съ этого момента карьера его была уже сдѣлана. Въ своихъ стихахъ, кромѣ философскихъ вопросовъ о вѣрѣ въ истиннаго Бога, о горѣ и радости, объ истинномъ счастьѣ и т. д., Бейрами занимается и социальными вопросами, и больше всего его заботитъ униженное и несчастное положеніе женщинъ въ Индіи. Бейрами, такимъ образомъ, является первымъ индійскимъ писателемъ, выступившимъ въ защиту правъ индійской женщины. Изъ области поэзіи онъ перешелъ въ область публицистики и сначала сдѣлался сотрудникомъ англійской газеты «Spectator», а затѣмъ основалъ свой собственный органъ, проповѣдывающій нравственныя реформы и поддерживающій права народа и туземныхъ государствъ. Однако, газета Бейрами просуществовало недолго, у него не хватило денегъ издавать ее. Но онъ не упалъ духомъ, приобрѣлъ за ничтожную цѣну другую газету и снова началъ издавать ее, причѣмъ исполнялъ одновременно должности издателя, редактора, секретаря редакціи, и рассыльнаго, т. е. самъ разносилъ свою газету подписчикамъ.

При помощи такой несокрушимой энергіи и упорнаго труда Бейрами удалось преодолѣть всѣ затрудненія, и въ настоящее время газета, основанная имъ, занимаетъ первое мѣсто въ индійской печати.

Бейрами Малабара представляетъ собою типъ просвѣщеннаго индійца; онъ свободенъ отъ всѣхъ предрасудковъ, сковывающихъ желѣзными цѣпями его соотечественниковъ изъ народа, но остался вѣренъ своей религіи. Онъ не вѣритъ, чтобы иноземная религія могла спасти Индію, и ожидаетъ спасенія только отъ реформированной индустанской религіи. Онъ восхищается древнею браминскою моралью и санскритскими классиками и указываетъ на печальный контрастъ между античною и современной Индіей. Онъ съ грустью привнаетъ глубокое паденіе Индіи, проповѣдуетъ возвращеніе къ славнымъ традиціямъ отдаленнаго прошлаго, но возвращеніе сознательное, безъ излишняго подобострастія в суевѣрнаго поклоненія формуламъ, смыслъ которыхъ остается непонятнымъ. Очищенное отъ разныхъ послѣдующихъ наслоеній и народныхъ предрасудковъ, ученіе Зороастра могло бы, по мнѣнію Мала-

бари, способствовать возрожденію Индіи. Въ политикѣ Малабари примкнулъ къ программѣ національной индійской партіи, хотя въ принципѣ не раздѣляетъ ея утопій. Но, какъ и эта партія, Малабари добивается, чтобы туземцамъ былъ открытъ болѣе широкій доступъ къ общественнымъ должностямъ. Онъ признаетъ заслуги британскаго управленія страной и даже откровенно сознается, что не желаетъ переменъ въ этомъ отношеніи, но требуетъ, чтобы правительство болѣе обращало вниманія на народныя нужды и не поцѣло на лаврахъ, думая, что оно сдѣлало все, что нужно для страны, открывъ школы и воздерживаясь отъ вмѣшательства въ семейныя отношенія, вслѣдствіе чего многія чудовищныя вещи совершаются безнаказанно, потому что онѣ происходятъ за порогомъ семьи, куда власти не считаютъ себя вправе проникать. Малабари вѣднѣ оправдываетъ эту деликатность власти, но вѣдомитъ, что нѣкоторые вопіющіе обычаи, къ числу которыхъ онъ причисляетъ браки малолѣтнихъ, и положеніе женщины въ семьѣ, требуютъ законодательнаго вмѣшательства. Малабари горячегоратуетъ за женщинъ и особенно за несчастныхъ вдовъ, которыя осуждены влачить самое печальное существованіе въ Индіи. Въ прежнія времена онѣ во множествѣ гибли на кострахъ, доказывая своею смертью свою супружескую вѣрность. Но для этой жертвы требовалось добровольное согласіе вдовы умершаго супруга, и вотъ, чтобы исторгнуть это согласіе, часто родные умершаго прибѣгали къ самымъ незаконнымъ способамъ; иногда несчастную вдову насильно приводили на костеръ, или опьяняли ее наркотическими снадобьями и въ бессознательномъ состояніи предавали сожженію на кострѣ. Мотивами такихъ дѣйствій былъ частью религіозный фанатизмъ и желаніе сохранить незапятнанною честь семьи, частью же желаніе избавиться отъ лишняго бремени, какимъ считается вдова въ индійской семьѣ. Въ виду многотихъ злоупотребленій подобнаго рода въ Акбирѣ, въ XVI вѣкѣ, были учреждены спеціальныя чиновники, которые были приставлены наблюдать, чтобы надъ вдовами отнюдь не было производимо какое-нибудь насиліе. Британская компанія, наслѣдовавшая имперіи моголовъ, долгое время, впрочемъ, закрывала глаза на всѣ эти злоупотребленія. Однако, публичные скандалы и протесты миссіонеровъ заставили ее нарушить свой индифферентизмъ, и на свѣтъ Божій были выведены старинныя постановленія о присутствіи officialнаго лица на церемоніи «сати»—сожженія вдовы. Однако, эта полумѣра не только не принесла пользы, но скорѣе даже вредъ, такъ какъ присутствіе officialнаго лица какъ бы санкционировало эту церемонію и только разжигало тщеславіе заинтересованныхъ въ ней лицъ и возбуждало честолюбіе многихъ жертвъ, думавшихъ о почетѣ больше, чѣмъ о супружескомъ долгѣ. Но число противниковъ «сати» возрастало и, наконецъ, въ 1829 году «сати» было объявлено равносильнымъ убійству и подлежащимъ одинаковому съ этимъ преступленіемъ наказанію во всей британской Индіи. Предсказываемаго многими возмущенія не произошло, и мало-по-малу возмутительный обычай сталъ исчезать. Даже нѣкоторыя сосѣднія государства, изъ услужливости англичанамъ, запретили у себя эту церемонію, но враждебныя племена сохранили ее въ полной силѣ. Такъ, по смерти раджи Манди, маленькаго княжества въ Гималаяхъ, двѣнадцать женщинъ вошли на костеръ. По смерти

короля сакковъ Гунджитъ Синга, вмѣстѣ съ его трупомъ были сожжены четыре его жены и семь молодыхъ рабынь. Британскій режимъ окончательно упразднилъ костеръ, но, спасая несчастную вдову отъ пламени костра, британское законодательство нисколько не позаботилось обезпечить ей гражданское положеніе. Жизнь вдовы повтому представляетъ безконечную цѣпь страданій. Сначала ей приходится соблюдать, въ видѣ искупленія, строгій постъ въ теченіе двѣнадцати дней; послѣдніе три дня поста она даже оловѣмъ не принимаетъ пищи. Въ семьѣ присутствіе вдовы признается тяжелымъ бременемъ и ей приходится переносить всевозможныя притѣсненія. Выйти замужъ во второй разъ она не можетъ, потому что огромное большинство индусовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, признаютъ бракъ со вдовою чѣмъ-то вродѣ нравственнаго и соціальнаго преступленія. Однако, даже въ средѣ индусовъ, благодаря инициативѣ нѣсколькихъ образованныхъ пандитовъ, возникла агитація въ пользу вдовъ. Согласно оффиціальной статистикѣ, въ Индіи насчитывается 16 милліоновъ этихъ несчастныхъ созданій и 63 тысячи изъ нихъ не достигли десятилѣтняго возраста!

Возмутительный обычай заключать браки малолѣтнихъ распространенъ во всей Индіи какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ кастахъ, чѣмъ и объясняется такое огромное количество вдовъ-дѣвочекъ, обреченныхъ на самое жалкое существованіе. Родители иной разъ выдаютъ замужъ свою дочь очень часто, когда ей не исполнилось еще и трехъ лѣтъ. Въ мужа ей выбирается иногда старикъ, а иногда и новорожденный. Въ томъ и другомъ случаѣ она не видитъ своего мужа до наступленія брачнаго возраста, но тѣмъ не менѣе считается замужней, сама того не подозревая, и также точно, не подозревая этого, становится вдовой, т. е. существомъ презрѣннымъ, которое обрекается въ семьѣ на всевозможныя лишенія. Ребенокъ-вдова принуждается къ соблюденію строгаго поста, предписываемаго религіей; ей запрещается принимать участіе въ какихъ бы то ни было играхъ и увеселеніяхъ, прикосновеніе ея считается оскверненіемъ и т. д. Она видитъ, что ее все набѣгаютъ и не понимаетъ отчего. Когда ей исполнится 11 лѣтъ, ей объясняютъ, что она была замужемъ и теперь вдова, и должна покориться своей горькой участи. Бѣдная дѣвочка, конечно, покоряется, потому что ничего другого ей не остается дѣлать, и влачить жалкое существованіе, такъ что смерть является для нея истиннымъ избавленіемъ.

Но если дѣвочку судьба избавляетъ отъ преждевременнаго вдовства, то участь ея все же зачастую бываетъ не менѣе горькой въ замужествѣ, гдѣ она находится въ полномъ подчиненіи у мужа и членовъ его семьи и нерѣдко терпитъ жестокія притѣсненія. Очень часто челоувѣкъ, за котораго ее выдали замужъ въ дѣтскомъ возрастѣ, бываетъ втрое старше ея, иногда совершенно больной, разбитый. Малабари приводитъ случай, когда дѣвочку выдали замужъ за новорожденнаго мальчика, который оказался впоследствии невзлечимымъ идиотомъ. Молодая, полная силъ и здоровья дѣвушка безпрекословно, подобно всѣмъ индійскимъ женщинамъ, покорилась своей судьбѣ и съ кротостью уживалась за своимъ идиотомъ-супругомъ, который никогда даже не могъ понять, что вондѣ него находится его жена. Вотъ противъ такого без-

помощнаго и подчиненнаго положенія женщины въ семьѣ и востаеъ тадавливыи индїйскїи публицистѣ и, не довольствуаясь пропагандою въ печати, устраиваетъ конгрессы, конференціи по вопросу о необходимости социальныхъ реформъ и улучшения судьбы женщинъ въ Индіи. Въ настоящее время, благодаря энергичной пропагандѣ Малабара, отправившагося въ Лондонъ съ цѣлью расположить общественное мнѣніе Англіи въ пользу предложенныхъ имъ реформъ англоиндїйскаго законодательства, въ Лондонѣ образовался комитетъ, въ составъ котораго вошли многіе важные дѣятели въ области политики и литературы, для разработки вопроса объ улучшеніи участи индїйской женщины. Малабара твердо вѣритъ въ успѣхъ своего дѣла и въ то, что его дорогое отечество можетъ возродиться для новой жизни и сбросить съ себя тяготящее надъ нимъ иго вѣковаго суевѣрія и предрасудковъ.

Э.

Научныя бесѣды въ англійскихъ деревняхъ. Англичане болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой народъ въ Европѣ, заботятся о распространеніи разныхъ полезныхъ практическихъ и научныхъ свѣдѣній въ деревенскомъ населеніи. Съ этою цѣлью въ Англіи образовалось общество подъ названіемъ: «Національная ассоціація для развитія техническаго и первоначальнаго образованія въ деревняхъ», которое рассылаетъ своихъ миссіонеровъ по всѣмъ деревнямъ и ведетъ самую дѣятельную научную пропаганду среди крестьянскаго населенія. Цѣльный штабъ молодежи, среди которой не мало женщинъ, раздѣляетъ между собою дѣло популяризаціи знаній. Женщины, большею частью, читаютъ лекціи по вопросамъ гигиены и ухода за больными, а также преподаютъ своимъ слушательницамъ многія полезныя свѣдѣнія относительно веденія молочнаго и домашняго хозяйства. Одна изъ этихъ лекторшъ, госпожа Вилльсъ, напечатала довольно интересный отчетъ о сдѣланной ею поѣздкѣ по деревнямъ и о чтеніи лекцій. Госпожѣ Вилльсъ было поручено ассоціаціей прочесть лекціи по домашнему хозяйству и гигиенѣ, и отчетъ о своей поѣздкѣ она напечатала въ «Franco- Anglo Review».

Обыкновенно вся поѣздка длится пять недѣль и въ каждой деревнѣ читается 4—5 публичныхъ лекцій. Госпожа Вилльсъ рассказываетъ, что ей оказывался большею частью весьма радушный приемъ въ посѣщаемыхъ ею деревняхъ. Иногда на станцію желѣзной дороги мѣстный помѣщикъ посылалъ за нею изящный экипажъ и лакеевъ, но чаще ей приходилось садиться на простую крестьянскую тележку и пользоваться гостепрїимствомъ фермера или же священника, если только онъ не принадлежалъ къ англиканской церкви «High Church», такъ какъ въ подобномъ случаѣ онъ оказывался всегда страшнымъ реакціонеромъ, находящимъ, что совершенно лишнее распространять просвѣщеніе среди англійскихъ крестьянъ. Разумѣется, онъ относился тогда крайне враждебно къ лекторшѣ, востанавливалъ противъ нея своихъ прихожанъ и заявлялъ ей, что женщины неприлично выступать въ публикѣ и говорить съ каеедры. Но, къ счастью лекторши, всегда случалось, что если англиканскїи пасторъ относился къ ней враждебно, то диссидентскїи пасторъ немедленно принималъ ея сторону и тотчасъ же предлагалъ ей гостепрїимство и приглашалъ своихъ прихожанъ посѣщать ея лекціи исправно. Женщины и молодыя дѣвушки охотно сбѣгались на ея лекціи

и осаждали ее всевозможными вопросами. Мужчины, и даже иногда дѣти, сопровождали своихъ матерей и родственницъ на лекціи. Невѣроятный полисменъ также присутствовалъ на лекціи, но вмѣшивался лишь тогда, когда дѣти подымали шумъ и мѣшали слушать взрослымъ; тогда онъ вводилъ дѣтей и водворялъ спокойствіе. Обыкновенно самъ мѣстный викарій присутствовалъ на лекціи и представлялъ лекторшу ея слушателямъ.

Госпожа Вилльсъ называетъ свои лекціи «домашними бесѣдами». Она говоритъ, что для того, чтобы привлечь слушателей, необходимо тщательно избѣгать всякаго педантизма и ученыхъ терминовъ. Бесѣда длится не болѣе часа, затѣмъ госпожа Вилльсъ обходитъ всѣ скамьи и отвѣчаетъ на возраженія и вопросы, дѣлаемые ей слушателями. Свою бесѣду она обязательно сопровождаетъ туманными картинками и поэтому волшебный фонарь составляетъ одну изъ необходимыхъ принадлежностей ея багажа во время ея поѣздки по деревнямъ.

Конечно, лекторшѣ не разъ приходилось наталкиваться на предрассудки, которые особенно сильно укоренились въ деревняхъ, удаленныхъ отъ городовъ. Нужно было большое искусство и умѣнье возбудить интересъ въ своихъ слушателяхъ, чтобы заставить ихъ усвоить себѣ нѣкоторыя истины, противъ которыхъ вставали старинныя традиціи и предрассудки населенія, укоренившіеся въ нихъ вѣками. Особенно трудно было внушить имъ нѣкоторыя понятія о гигиенѣ и заставить ихъ повѣрить, напримѣръ, что вода, которую они пьютъ прямо изъ рѣки, сильно загрязненной всякаго рода отбросами, вредна для здоровья и можетъ быть прямо причиною многихъ болѣзней и даже эпидемій. Госпожа Вилльсъ говоритъ, что всегда слѣдуетъ остерегаться въ первой же бесѣдѣ преподавать крестьянамъ разныя гигиеническія правила и хулить имъ съ первыхъ же словъ воду, которую они пьютъ. Необходимо прежде возбуждать въ нихъ интересъ къ лекціямъ и приобрести ихъ довѣріе и болѣе или менѣе постепенно подготовить ихъ къ принятію нѣкоторыхъ истинъ. Только поступая такимъ образомъ, можно надѣяться на успѣхъ; слишкомъ же рѣзкое отрицаніе традицій и убѣжденій, которыя укоренились въ деревнѣ вѣками, всегда возбуждаетъ въ крестьянахъ болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ тому, кто несетъ имъ свѣточъ истины. Надо осторожно подходить къ вѣрованіямъ крестьянъ и, постепенно внушая имъ здоровыя понятія, заставить ихъ мало-по-малу откинуть свои нелѣпыя предрассудки. Тогда успѣхъ несомнѣненъ и, по словамъ госпожи Вилльсъ, именно этотъ осторожный образъ дѣйствія членовъ ассоціаціи въ пользу распространенія полезныхъ свавій въ сельскомъ населеніи привелъ уже къ нѣкоторымъ хорошимъ результатамъ, и можно надѣяться, что въ будущемъ результаты эти отразятся самымъ благопріятнымъ образомъ на всемъ бытѣ крестьянскаго населенія.

Э.

Положеніе земледѣльцевъ въ Англіи. Въ Англіи уже съ давнихъ поръ земля не принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ. Половина всей воздѣлываемой земли въ соединенномъ королевствѣ принадлежитъ не земледѣльцамъ, а помѣщикамъ «лэндлордамъ», которые и отдаютъ ее въ аренду болѣе или менѣе крупными участками. Положеніе такихъ арендаторовъ, особенно въ Ирландіи, очень неза-

видное. За неуплату въ срокъ аренды или просто съ наступле-
ніемъ срока аренднаго договора землевладелецъ всегда можетъ про-
гнать арендатора, который, такимъ образомъ, оказывается со своею
семьею часто безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ Шотландіи
и Ирландіи зачастую тѣ, кто хочетъ воздѣлывать землю, не могутъ ея
имѣть. Существующій въ Англіи режимъ землевладѣнія, принципъ со-
храненія неприкосновенными большихъ помѣстій англійской аристократіи
и страсть къ закукѣ и владѣнію землей, которою обладаютъ англій-
скіе капиталисты, превратили англійскихъ крестьянъ въ пролетаріевъ.
Въ послѣднее время даже англійское правительство обратило вниманіе
на опасность, которую можетъ представить для Англіи это почти пол-
ное отсутствіе мелкихъ землевладельцевъ. И лордъ Салисбюри, глава
консервативнаго министерства, и Гладстонъ, глава теперешняго либе-
рального министерства, ломали голову надъ разрѣшеніемъ трудной за-
дачи превращенія англійскихъ крестьянъ изъ пролетаріевъ въ земле-
владельцевъ. Съ другой стороны, въ англійской литературѣ и въ обществѣ
началось движеніе въ пользу болѣе справедливаго распредѣленія земли
между населеніемъ Великобританіи и Ирландіи. Организовалось даже
общество, по инициативѣ писателя Уоллеса, подъ именемъ «Land Na-
tionalisation Society», взявшее себѣ девизомъ: «вернуть землю народу и
народу—землѣ». Уоллесъ издалъ книгу подъ заглавіемъ «Land natio-
nalisation», въ которой онъ излагаетъ свои взгляды и предлагаетъ
рядъ необходимыхъ реформъ къ уничтоженію существующей въ Англіи
системы землевладѣнія. Не беремся судить о цѣлесообразности ре-
формъ, предлагаемыхъ Уоллесомъ, но несомнѣнно, что и онѣ, также
какъ и реформы, идущія сверху, т.-е. предлагаемыя правительствомъ,
должны наткнуться на многія, почти непреодолимые затрудненія. «Ланд-
лордизмъ» слишкомъ укоренился въ Англіи, чтобы двухъ-трехъ ре-
формъ оказалось достаточно, чтобы съ нимъ справиться. Кромѣ того,
земля отягощена непомерными налогами, и если присоединить сюда еще
предлагаемый Уоллесомъ «Quit Rent» — уплату известной ренты за право
владѣнія землей, — то врядъ-ли новый ея владѣлецъ-крестьянинъ въ со-
стояніи будетъ справиться со всѣми этими платежами. Положеніе его
во многихъ случаяхъ, пожалуй, не будетъ лучше, чѣмъ теперь, и это
соображеніе заставляеть многихъ относиться болѣе или менѣе скепти-
чески ко всѣмъ предлагаемымъ проектамъ реформъ въ этомъ направ-
леніи. По всей вѣроятности, много еще пройдетъ времени, прежде чѣмъ
найденно будетъ удовлетворительное рѣшеніе этой трудной задачи, и
англійскій земледѣлецъ станетъ прочно на своей землѣ, а до тѣхъ поръ,
за невозможностью имѣть свой клочокъ земли въ своемъ отечествѣ,
англійскіе земледѣльцы будутъ выселяться всюду, въ англійскія колоніи,
гдѣ есть еще свободная земля, въ Капштадтъ, въ Америку, въ Австралію.
Новую Зеландію и т. д., и эта эмиграція англійскихъ земледѣльцевъ
служить однимъ изъ самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ труд-
ности его положенія на родинѣ.

Женское движеніе въ разныхъ странахъ. Движеніе въ пользу эман-
сипаціи женщинъ и дарованія имъ политическихъ правъ существуетъ въ
настоящее время почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, и всего силь-
нѣе выразилась въ Бельгіи, гдѣ организовалась «лига для защиты правъ жен-

щины», членами которой состоятъ и мужчины, занимающіе видное положеніе въ литературѣ и наукѣ. Много профессоровъ Брюссельскаго университета записались въ члены этой лиги. Имѣя въ виду необходимость пополнить пробѣлы женскаго образованія, члены лиги придумали устроить публичные курсы для женщинъ, пока удастся, наконецъ, создать въ Бельгіи настоящій женскій университетъ. Программа курсовъ приспособлена къ требованіямъ данной минуты. Профессора университета и доктора медицины, въ числѣ которыхъ есть и женщины, будутъ читать лекціи по гигиенѣ, практической домашней медицинѣ и подаванію первой помощи, популярныя лекціи по анатоміи и физиологіи будутъ сопровождаться демонстраціями. Кромѣ того, въ программу курсовъ входятъ: домашняя фармакопея, педагогика, свѣдѣнія по социальной и политической экономіи, домашнія искусства, искусство говорить, элементы права и условія гражданскаго и экономическаго положенія женщины и законы о ней. Курсы начнутся въ январѣ будущаго года, и программа рассчитана на два года; масса женщинъ записывается въ слушательницы курсовъ, которые, не смотря на свою ограниченную программу, конечно, много будутъ способствовать эмансипаціи женщины буржуазныхъ классовъ и ея развитію въ интеллектуальномъ отношеніи. Разумѣется, инициаторы этого движенія смотрятъ на курсы лишь какъ на переходную ступень къ организационно-стоящаго женскаго университета.

Въ Англіи тоже существуетъ лига въ пользу эмансипаціи женщинъ, подобная бельгійской, это—«Women's Emancipation Union». Недавно, делегация этой лиги посѣтила одного изъ выдающихся депутатовъ консервативной партіи Куртнея и просила его представить въ палату общинъ петицію о дарованіи женщинамъ политическихъ правъ. Куртней отвѣчалъ делегаткамъ слѣдующее: «Я согласенъ представить вашу петицію палатѣ общинъ, но прошу васъ не дѣлать себѣ никакихъ иллюзій на этотъ счетъ. Палата не въ состояніи будетъ дать ей движеніе въ данную минуту, потому что она слишкомъ поглощена ирландскимъ вопросомъ. Но вы не отчаивайтесь. Женское движеніе дѣлаетъ вѣрные успѣхи, которые обнаруживаются все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ днемъ. Каждая избирательная реформа непременно сопровождается какимъ-нибудь мѣропріятіемъ, которое приближаетъ васъ къ желанной цѣли. Вы уже получили право голоса въ школьныхъ, муниципальныхъ и провинціальнхъ совѣтахъ. Въ концѣ концовъ, законодатели вынуждены будутъ силою вещей даровать вамъ и все остальное, т.-е. право политическаго голоса, что сдѣлаетъ выборы въ полномъ смыслѣ этого слова всеародными. Недалекъ тотъ день, слѣдовательно, когда вы достигнете своей цѣли». Конечно, делегатки удалились очень довольныя такимъ предсказаніемъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и нашли взгляды депутата слишкомъ оптимистическими въ данномъ случаѣ.

Норвежскія женщины тоже не отступаютъ отъ прочихъ европейскихъ женщинъ. Уже съ 1886 года «норвежская лига въ пользу дарованія женщинамъ политическихъ правъ» ведетъ усиленную агитацію въ пользу измѣненія закона о выборахъ и доставленія каждой норвежской женщинѣ, на тѣхъ же условіяхъ, что и мужчинамъ, права участія въ голосованіи. Въ 1890 году вопросъ этотъ разбирался въ норвежскомъ стортингѣ *) и вызвалъ очень оживленные пренія: предложенное измѣненіе было отвергнуто 70 голосами противъ 44. Но сторонники правъ женщины не упали духомъ отъ этого неуспѣха и съ удвоен-

*) Такъ называется норвежскій парламентъ.

ною энергією продолжали свою пропаганду. Вопросъ снова былъ внесенъ въ этомъ году въ норвежскій парламентъ и вотированъ 58 голосами противъ 56, но, къ сожалѣнію, въ голосованіи не участвовало требуемаго закономъ числа депутатовъ, и поэтому оно признано недействительнымъ. Однако, защитники женщины не унываютъ и неуклонно стремятся къ цѣли, которую надѣются достигнуть въ непродолжительномъ времени. Вообще женское движеніе въ Норвегіи за послѣдніе три года сдѣлало громадныя успѣхи.

Даже на крайнемъ Востокѣ, женщины начинаютъ обнаруживать стремленіе выйти изъ этого подчиненнаго положенія, въ которомъ онѣ находились до сихъ поръ. Въ Японіи уже замѣтно женское движеніе, инициаторшей котораго является госпожа Тель Сано, дочь одного японскаго философа, изучившая право въ Америкѣ и допущенная въ настоящее время официально въ число адвокатовъ японскаго суда. Госпожа Тель-Сано—первая женщина въ Японіи, допущенная къ занятію профессіи, которая до сихъ поръ была доступна только мужчинамъ. Она очень энергично пропагандируетъ умственный и нравственный подъемъ японской женщины и съ этою цѣлью основала первую высшую школу въ Японіи для дѣвушекъ.

Американскія женщины, въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ извѣстно, давно уже пользуются широкими правами. Въ штатѣ Канзасъ съ 1887 года онѣ принимаютъ участіе во всѣхъ муниципальных выборахъ и двѣнадцать женщинъ исполняютъ должность мэровъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ вся почти муниципальная администрація состоитъ преимущественно изъ женщинъ. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи настолько успѣшна, что законодательное собраніе штата высказалось въ пользу допущенія женщинъ на парламентскіе выборы. Палата большинствомъ 94 голосовъ противъ 17 и сенатъ—32 голосами противъ пяти вотировали билль, которымъ доставляется женщинамъ полная политическая равноправность. Въ ноябрѣ будущаго года будетъ представлено избирателямъ высказаться на счетъ измѣненія конституціи въ этомъ смыслѣ и полнаго уравниенія политическихъ правъ женщины. Канзасскій парламентъ нарочно отложилъ на годъ рѣшеніе этого вопроса, дабы сторонники женщинъ имѣли время усилить свою пропаганду среди избирателей, и обезпечить успѣхъ своему дѣлу, хотя большинство считаетъ успѣхъ этотъ вполне обезпеченнымъ уже въ данную минуту. Въ другихъ штатахъ дѣло политическаго уравниенія женщинъ подвигается не столь быстрыми шагами, но 21 штатъ Союза уже вотировали присужденіе женщинамъ права голоса на выборахъ въ школьныя совѣты и вообще во всѣхъ вопросахъ, касающихся воспитанія и школьной администраціи.

Во всѣхъ другихъ областяхъ, кромѣ политической, американскія женщины уже давно завоевали себѣ право. Въ ученыхъ обществахъ женщины избираются нерѣдко предсѣдательницами. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ въ настоящее время 163 женскихъ клуба, литературныхъ, артистическихъ и научныхъ. Кромѣ этихъ клубовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ безконечное множество разныхъ женскихъ ассоціацій, всевозможнаго рода политическихъ, филантропическихъ и др. Всѣ онѣ группируются вокругъ «женскаго національнаго совѣта», предсѣдательницей котораго состоитъ госпожа Мей Райтъ Сьюэлль. Общее число женщинъ, участвующихъ въ различныхъ ассоціаціяхъ, достигаетъ болѣе милліона.

3.

Международный союзъ университетовъ. По словамъ «Новаго Времени», въ Парижѣ въ настоящее время образовался комитетъ, имѣю-

щій цѣлью организовать такъ-называемый международный союзъ университетовъ, для поддержанія наиболѣе тѣсной связи между всѣми, кто, въ качествѣ ли преподавателей или учащихся, принадлежитъ къ области высшаго образованія. Проектъ этотъ обязанъ инициативѣ извѣстныхъ французскихъ ученыхъ и профессоровъ. Въ ассоціаціи французскихъ студентовъ профессора Рише, Марилье и Вейсъ бесѣдовали объ этомъ предметѣ, причѣмъ обратили вниманіе на слѣдующіе пункты своей программы: 1) ослабить различія въ условіяхъ учебной подготовки студентовъ; 2) облегчить въ каждой странѣ взаимное изученіе спеціальностей, между прочимъ, системой стипендій на командировки; 3) облегчить возможность сближенія между преподавателями и учащимися различныхъ странъ періодическимъ устройствомъ университетскихъ празднествъ; 4) обратить вниманіе университетовъ на способы водворенія большей справедливости въ международныхъ отношеніяхъ.

Тѣ же профессора нашли нужнымъ опровергнуть два возраженія, какія могутъ быть сдѣланы по поводу этого проекта, а именно: 1) какимъ образомъ нѣсколькимъ профессорамъ въ сообществѣ съ нѣсколькими студентами удастся восторжествовать надъ рутинной бюрократической и надъ предразсудками? 2) не подорветъ ли подобное предпріятіе идею отечества?

Члены комитета объяснили, что успѣхъ предпріятія можетъ вполне быть гарантированъ лишь въ томъ случаѣ, если оно получитъ международный характеръ, т.-е. если къ нему применитъ возможно большее число энергичныхъ и просвѣщенныхъ членовъ. Что касается идеи отечества, то предразсудки, разлучающіе народы одинъ отъ другого, происходятъ, главнымъ образомъ, отъ того, что они не знаютъ другъ друга. Рядомъ съ отечествомъ, котораго никто не желаетъ лишать студента, необходимо, чтобы студентъ зналъ, что есть и второе отечество, научное, общее для всѣхъ людей образованныхъ и наиболѣе достойное любви.

Сорокъ лѣтъ назадъ Ричардъ Кобденъ предлагалъ университетскому совѣту въ Англіи основать международный факультетъ, который давалъ бы возможность два года учиться въ Оксфордѣ, два—въ Парижѣ, два—въ Римѣ и два въ какомъ нибудь изъ городовъ Германіи. Члены французскаго комитета надѣются, что на этотъ разъ та же идея будетъ имѣть болѣе счастливую участь.

Международный конгрессъ печати. Лондонскій «Институтъ журналистовъ» весьма сочувственно отнесся къ мысли, высказанной извѣстнымъ французскимъ романистомъ Золя, о полезности устройства международного конгресса печати. Золя говорилъ объ этомъ во время пребыванія своего въ Лондонѣ, въ прошломъ году, и на годичномъ собраніи «Института журналистовъ» идея Золя получила желаемое развитіе. Представители англійской печати обсудили ее со всѣхъ сторонъ и тутъ же рѣшили позаботиться объ ея осуществленіи. Конгрессъ рѣшено устроить лѣтомъ этого года, и мѣстомъ конгресса избранъ Антверпенъ. Распорядительный комитетъ, на обязанности котораго лежитъ организація конгресса, уже составленъ и началъ свои засѣданія въ Антверпенѣ. Въ составъ распорядительнаго комитета входятъ президентъ Артуръ Гемеръ, почетный предсѣдатель «Ассоціаціи бельгійской печати»

и генеральные делегаты: отъ Англии — Гербертъ Корнишъ, секретарь «Института журналистовъ»; отъ Австро-Венгрии — Вартъ, редакторъ газеты «Neue Freie Presse»; отъ Германіи берлинскій публицистъ, Викторъ Гантъе; отъ Дании — Кастерсенъ, предсѣдатель ассоціаціи «датской печати»; отъ Испаніи — Алонцо-де-Вараца, бывшій депутатъ и публицистъ; отъ Италіи — Дель Веккіо, депутатъ и вице-президентъ ассоціаціи итальянской печати; отъ Нидерландовъ — Бусвенъ, главный редакторъ амстердамскаго «Algemeen Handelsblad»; отъ Россіи — Суворинъ; отъ Франціи — Гастонъ Берарди, издатель «Independance Belge»; отъ Швейцаріи — Секретенъ, издатель «Gazette de Lausanne» и предсѣдатель ассоціаціи швейцарской печати. Комитетъ рѣшилъ предложить делегатамъ каждой страны организовать національное бюро, если они найдутъ это нужнымъ. Рѣшено также обратиться ко всѣмъ существующимъ ассоціаціямъ журналистовъ и къ извѣстнѣйшимъ представителямъ печати въ разныхъ странахъ съ просьбою дать указанія и совѣты насчетъ вопросовъ, какіе желательно было бы представить на обсужденіе конгресса. Въ ожиданіи отвѣтовъ на эти запросы, комитетъ составилъ списокъ тѣхъ вопросовъ, которые онъ вноситъ въ программу конгресса. Эти вопросы касаются: облегченія распространенія газетъ и ихъ пересылки, учрежденія прямого телеграфнаго сообщенія между группами газетъ и огражденія литературной собственности въ печати (собственности извѣстій и т. п.). Въ программу конгресса входитъ также организація и дѣятельность ассоціацій печати въ различныхъ странахъ и способы установленія сношеній между этими ассоціаціями. Затѣмъ идутъ вопросы, касающіеся характеристическихъ сторонъ профессіи журналиста, взаимныхъ отношеній представителей печати и достоинства профессіи. Въ заключеніе на конгрессѣ будетъ возбужденъ вопросъ о профессиональной подготовкѣ журналистовъ.

Китайскіе экзамены. Журналъ «Shang-Hai» сообщаетъ очень любопытныя подробности о послѣднихъ экзаменахъ, происходившихъ въ Китаѣ, для полученія степени Hsiu-ts'ai. Китайцы придаютъ громадное значеніе званію ученаго: кандидатамъ, выдержавшимъ съ успѣхомъ экзаменъ (число такихъ лицъ въ Китаѣ вообще не велико), повсюду оказываются чрезвычайныя почести. Въ послѣдній разъ между побѣдителями находился 17-ти-лѣтній мальчикъ и 76-ти-лѣтній старикъ. Послѣдній являлся съ 20-ти лѣтъ соискателемъ полученной имъ, наконецъ, степени благодаря снисходительности экзаменаторовъ. Какъ на образчикъ китайской сообразительности можно указать на то, что въ послѣдней сессіи экзаменовъ китайскіе экзаменаторы въ первый разъ задали арифметическую задачу по европейскому образцу. Были предложены двѣ задачи: 1) вычислить поверхность шара, имѣющаго 18 дюймовъ въ діаметрѣ; 2) если нагрузить на корабль 8.000 бочекъ риса, стоимостью въ 13 таэловъ каждая, и за провозъ уплатить натурой, считая по 2½ таэла за бочку, сколько нужно будетъ употребить риса для этой цѣли. На экзаменѣ явилось 10.000 человекъ и изъ нихъ только одинъ рѣшилъ эти задачи.

Преподаваніе русскаго языка въ Берлинѣ. Въ виду существующихъ частыхъ сношеній между Россіей и Германіей въ Берлинѣ, по

словамъ германскихъ газетъ, имѣютъ намѣреніе позаботиться о расширеніи преподаванія русскаго языка. При университетахъ, въ военной академіи и т. п. заведеніяхъ уже устроены курсы, на которыхъ можно легко изучать практически русскій языкъ, но въ Берлинѣ находятъ это недостаточнымъ и хотятъ еще увеличить число учреждений для преподаванія русскаго языка. При университетѣ устроена для этого семинарія, а въ институтѣ восточныхъ языковъ изученіе русскаго языка предполагается сдѣлать обязательнымъ, для чего и будетъ назначенъ особый спеціальныи учитель съ платой въ 4.500 марокъ.

Ограниченіе работы женщинъ и дѣтей въ Италіи. Тяжелое экономическое положеніе итальянскаго народа вынудило, наконецъ, правительство приступить къ социальнымъ реформамъ, которыя могли бы облегчить, хотя бы до нѣкоторой степени, положеніе населенія. Въ числѣ реформъ имѣется въ виду охраненіе женщинъ и дѣтей отъ излишней, слишкомъ ранней, нездоровой и опасной для жизни работы. Предполагается запретить женщинамъ и дѣтямъ какого бы то ни было возраста работать въ рудникахъ. Затѣмъ многія работы, считающіяся вредными для здоровья, также не будутъ дозволены молодымъ женщинамъ. Точно также женщины моложе 21 года не будутъ допускаться къ ночной работѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ. Работа дѣтей также будетъ ограничена. Къ работѣ въ рудникахъ будутъ допускаться дѣти мужскаго пола не моложе 12 лѣтъ. Кроме того, дѣти одновременно съ работою должны посѣщать и дѣтскія школы. Для дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ назначается одинъ свободный день въ недѣлю.

Какъ назвать XIX вѣкъ? Французская газета «Figaro» предлагаетъ вопросъ: какъ назвать XIX вѣкъ, до конца котораго остается всего лишь шесть лѣтъ: вѣкомъ Наполеона, Конта, Ренана, Гюго или Льва XIII? Для разрѣшенія этого вопроса газета обратилась къ разнымъ извѣстнымъ писателямъ и ученымъ, прося ихъ высказать свое мнѣніе. Жюль Симонъ, къ которому обратилась газета, отвѣчалъ слѣдующее:

«Я не берусь дать названіе истекающему вѣку. Это не вѣкъ энциклопедіи и революціи, подобно XVIII вѣку. Нельзя его назвать ни отголоскомъ революціи, ни ея окончаніемъ. Это вѣкъ усилій и содрганій. Его слава зависить отъ результатовъ, еще не достигнутыхъ. Я думаю, что величіе его слѣдуетъ искать не въ политикѣ, несмотря на основаніе республики, и не въ литературѣ, несмотря на Виктора Гюго, и не въ искусствѣ, несмотря на Энгера и Делакруа. Онъ великъ и очень великъ, благодаря наукѣ. Онъ имѣлъ Лапласа, Лагранжа, Араго, Бертоле и Лаверье. Онъ преобразовалъ физическій міръ, что въ сущности является весьма великою интеллектуальною и нравственною революціей».

На этотъ же вопросъ великій ученый XIX вѣка, Пастеръ, отвѣчалъ слѣдующее: «Если бы вздумали однимъ словомъ опредѣлить девятнадцатый вѣкъ, то пропустили бы массу усилій, стремленій къ борьбѣ, всякаго рода терзаній и томленій во всѣхъ направленіяхъ. Поиски за истиною для блага человѣчества—вотъ, что должно характеризовать этотъ вѣкъ!»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ МІРА НАУКЪ.

Опасная форма истеріи. До послѣднихъ лѣтъ нервное страданіе, извѣстное подъ именемъ истерій, считалось исключительно принадлежностью женщинъ, и только Шарко своими изслѣдованіями доказалъ, что страданіе это встрѣчается также нерѣдко и у мужчинъ. Долгое время оспаривали фактъ существованія истеричныхъ мужчинъ, какъ бываютъ истеричныя женщины. Особенно германскіе ученые не хотѣли съ этимъ согласиться. Однако, пришлось и имъ призвать доказательность наблюденій Шарко, который собралъ въ Сальпетриерѣ множество крайне интересныхъ случаевъ такого страданія у мужчинъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, проф. Шарко демонстрировалъ своимъ слушателямъ одного такого больного, мужчину 34 лѣтъ, служившаго посыльнымъ, который послѣ нравственнаго потрясенія въ первый разъ имѣлъ истерическій припадокъ лѣтъ шесть тому назадъ. Припадки эти стали повторяться потомъ при малѣйшемъ поводѣ. Онъ былъ несчастливъ въ семейной жизни, и жена его хлопотала о разводѣ. Опасеніе, что его разлучатъ съ его ребенкомъ, котораго онъ сильно любилъ, усилило припадки. Послѣ случайнаго паденія изъ экипажа, эти припадки настолько усилились, что его признали нужнымъ отпавить въ Сальпетриеръ. Онъ ходитъ на костыляхъ и съ большимъ трудомъ, хотя ноги у него не парализованы, вкусъ и обоняніе у него ослаблены, зрѣніе также, кожа мѣстами совершенно нечувствительна. Нѣсколько времени спустя послѣ поступленія въ клинику Шарко у него сдѣлался припадокъ сомнамбулизма, онъ всталъ ночью съ постели, взялъ подушку и вмѣстѣ съ нею выскочилъ въ окно, и хотя днемъ ходилъ не иначе, какъ на костыляхъ, да и то съ большимъ трудомъ. въ припадкѣ сомнамбулизма онъ бѣжалъ очень быстро по совершенно неизвѣстной ему дорогѣ, все прижимая подушку къ груди, перелѣзъ черезъ ограду и взобрался по очень крутой лѣстницѣ на крышу водолечебницы. По крышѣ онъ сталъ бѣгать съ изумительною быстротою и ловкостью, по временамъ останавливаясь и качая и лаская подушку, какъ качаютъ и ласкаютъ ребенка. Глаза у него были раскрыты, взоръ неподвиженъ. Онъ поминутно оборачивался назадъ и прислушивался, точно опасался, что за нимъ слѣдятъ. Но онъ не видѣлъ дежурнаго, который слѣдилъ за нимъ. Спустя нѣсколько времени онъ вернулся опять на свое мѣсто въ палату и легъ въ постель, громко жалуясь на холодъ, и тутъ же заснулъ нормальнымъ сномъ. Припадокъ

сомнамбулизма продолжался у него около часу. На другой день онъ ничего не помянулъ изъ своихъ ночныхъ походовъ, но они возобновлялись нѣсколько разъ. Его стали запираеть для того, чтобы онъ не могъ во время припадка вылѣзть на крышу, и однажды во время такого припадка его спросили, что онъ держитъ въ рукахъ. Онъ сказалъ, что у него въ рукахъ его ребенокъ, котораго онъ похитилъ у матери при содѣйствіи одного друга. Опасенія, которыя преслѣдовали его на яву, на счетъ того, что онъ будетъ разлученъ со своимъ ребенкомъ, выразились въ припадкѣ сомнамбулизма, и подушку онъ принималъ за ребенка, котораго онъ похищалъ у матери.

Люди, страдающіе истеріей, весьма часто подвергаются приступамъ сомнамбулизма. Иногда не существуетъ даже никакихъ другихъ признаковъ истеріи, кромѣ сомнамбулическихъ припадковъ. Такъ, въ числѣ пациентовъ Шарко находился одинъ молодой человекъ, который жаловался только на весьма неприятное ощущение комка въ горлѣ. При изслѣдованіи у него оказалась мѣстная потеря чувствительности на одной рукѣ. Однажды онъ вышелъ изъ пансіона, въ которомъ жилъ, съ цѣлю купить себѣ башмаки. Когда онъ ушелъ, онъ былъ въ совершенно нормальномъ состояніи, но спустя нѣкоторое время очнулся въ полицейскомъ участкѣ, окруженный полицейскими агентами и крайне удивленный, что видитъ себя въ такомъ мѣстѣ. Оказалось, что тотчасъ же по выходѣ изъ пансіона, онъ впалъ въ безсознательное состояніе, безсознательно пришелъ къ своему сапожнику и купилъ себѣ желтые башмаки, а затѣмъ все въ томъ же состояніи отправился въ Луврскіе магазины и, нисколько не скрываясь, взялъ и положилъ въ карманъ равныя туалетныя вещи, мыло, щеточки и т. п. Его тотчасъ арестовали и повели въ участокъ. Онъ не сопротивлялся и сказалъ даже полицейскимъ агентамъ, что незачѣмъ его брать за руку и что онъ и такъ пойдетъ, куда его поведутъ. Только въ участкѣ онъ пришелъ въ себя, но рѣшительно не помнилъ ничего изъ своихъ дѣйствій.

Такіе приступы потери сознанія опасны еще и въ томъ случаѣ, что человекъ, подверженный имъ, можетъ совершить преступное дѣйствіе подъ влияніемъ какой-нибудь идеи, всецѣло овладѣвшей его мозгомъ въ этомъ состояніи. Въ госпиталѣ Сентъ-Луи одинъ истеричный больной чуть не зарѣзалъ въ припадкѣ сомнамбулизма своихъ двухъ товарищей. Въ Болоннѣ одна женщина въ припадкѣ сомнамбулизма бросалась въ прудъ вмѣстѣ со своимъ груднымъ ребенкомъ. Ребенокъ утонулъ. Когда ее вытащили, и она пришла въ себя, то совершенно не помнила того, что случилось. Въ старинной медицинской литературѣ приводится нѣсколько такихъ примѣровъ. Одинъ такой случай наблюдался въ 1810 году въ одномъ итальянскомъ монастырѣ. Одинъ изъ монаховъ подверженъ былъ припадкамъ сомнамбулизма. Однажды ночью онъ всталъ, отправился въ кухню, взялъ большой ножъ и, вернувшись, вошелъ въ келью настоятеля, который, къ счастью, еще не ложился. Сомнамбуль-монахъ направился прямо къ кровати настоятеля и съ ожесточеніемъ ударилъ въ подушку ножомъ. Проснувшись, монахъ ничего не помянулъ изъ своихъ дѣйствій, но когда, на другой день, настоятель велѣлъ ему исповѣдываться и спросилъ его, не было ли у него дурныхъ мыслей, монахъ отвѣчалъ: «Сегодня ночью мнѣ приснился дурной сонъ; я видѣлъ во снѣ, что я васъ зарѣзалъ ножомъ».

Въ этомъ году въ Парижѣ произошелъ случай, который далъ поводъ къ подробному изслѣдованію вопроса о преступныхъ дѣйствіяхъ сомнамбулъ. Молодой лакей одной барыни сдѣлалъ попытку убить ее и ее горячую. Ночью этотъ лакей вдругъ всталъ съ постели и, взявъ со стѣны два револьвера и два кинжала, направился прямо въ комнату своей госпожи. Въ рукахъ у него была зажженная свѣчка, которую онъ поставилъ на столъ у кровати своей госпожи. Госпожа его спала, и лакей ударилъ ее кинжаломъ, но, къ счастью, нанесъ ей лишь незначительную рану. Она проснулась и тотчасъ же, не потерявшись, выхватила изъ рукъ лакея кинжалъ и, взявъ свѣчку со стола, бросилась бѣжать. Лакей бросился за ней и попалъ въ комнату горничной, которая проснулась отъ шума. Лакей выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера, затѣмъ преспокойно вернулся въ свою комнату, переодѣлъ сапоги и пѣшкомъ отправился къ итальянской границѣ. Въ Генуѣ его арестовали. На судѣ лакей рассказалъ, что онъ помнитъ только, что пришелъ въ себя отъ шума выстрѣловъ и предъидущаго не помнитъ совсѣмъ. Внезапно очнувшись, онъ увидалъ у себя въ рукахъ дымящійся револьверъ и понялъ, что совершилъ какое-то преступленіе. Тогда онъ и обратился въ бѣгство, хотя и не могъ себѣ объяснить, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ. Его подвергли медицинскому изслѣдованію, и оказалось, что у него случались приступы сомнамбулизма. Госпожа, на которую онъ произвелъ ночное нападеніе, замѣтила, что глаза у него были широко раскрыты, но взоръ совершенно неподвиженъ. Проф. Шарко, наблюдавшій преступника, выразилъ мнѣніе, что онъ совершилъ преступный актъ въ состояніи сомнамбулизма. Какъ бы тамъ ни было, но этотъ случай ясно указываетъ, что надо остерегаться истеричныхъ и слѣдить за ними, особенно за такими, у которыхъ бываютъ приступы сомнамбулизма. Такіе субъекты могутъ сдѣлаться очень опасными для общества и семьи, въ которой живутъ, и потому должны находиться подъ постояннымъ надзоромъ. Э.

Передача мысли на разстояніе. Извѣстный ученый Шарль Рише, говоря о явленіяхъ передачи мысли на разстояніе, сказалъ: «Было сдѣлано много опытовъ въ этомъ направленіи, которые почти имѣли успѣхъ». Въ этомъ «почти» заключается весь корень вопроса и потому, несмотря на результаты опытовъ и авторитетъ такихъ ученыхъ, какъ Рише, Гервкуръ, Сидорвичъ, Охоровичъ и мн. другихъ, скептицизмъ продолжаетъ существовать по отношенію къ явленіямъ передачи мысли на разстояніе.

Однако, можно ли отрицать категорически существованіе такихъ фактовъ передачи мысли? Въ своей статьѣ объ этомъ предметѣ, напечатанной въ «Science pour tous», Шарль Рише сообщаетъ много опытовъ и примѣровъ, которыхъ онъ или самъ былъ свидѣтелемъ, или же почерпнулъ изъ вполне достоверныхъ и не подлежащихъ сомнѣнію источниковъ. Такіе факты существуютъ несомнѣнно, но для нихъ еще не найдено надлежащаго научнаго объясненія. Небезызвѣстно, что между людьми, связанными тѣсно узами родства, любви или дружбы, часто обнаруживается передача мысли и притомъ, болѣею частью, даже не произвольная. Многимъ, вѣроятно, удавалось привлечь на себя чей-нибудь взглядъ и вниманіе при очень сильномъ желаніи добиться этого. Сторонники «телепатіи» (передачи мысли на разстояніе) говорятъ въ пользу своихъ взглядовъ что если внушеніе мысли можетъ дѣй-

ствовать на разстояніи нѣсколькихъ метровъ, то почему же оно не можетъ дѣйствовать на разстояніи нѣсколькихъ километровъ и т. д. Но вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ.

Однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ явленій передачи мысли на разстояніи служатъ такъ-называемыя предчувствія и галлюцинаціи на яву или видѣнія во снѣ. Шарль Рише приводитъ въ своей статьѣ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Въ 1862 году одинъ капитанъ зуавовъ, по имени Ферра, уѣхалъ въ Мексику въ качествѣ адъютанта генерала Буганже. Его мать очень горевала и постоянно смотрѣла на его портретъ. Однажды, войдя въ комнату, гдѣ висѣлъ его портретъ, она вдругъ закричала: «О, мой бѣдный сынъ! Онъ убитъ!» Когда ее привели въ чувство, то она сказала, что ей показалось на правомъ глазѣ сына кровавое пятно и она въ то же время прониклась тяжелымъ предчувствіемъ, что онъ погибъ. Дѣйствительно, на другой день была получена телеграмма, извѣщавшая, что ея сынъ убитъ, пораженный пулею въ правый глазъ.

Лордъ Парлёръ, находясь въ своемъ помѣстьи, однажды, ложась спать, явственно увидѣлъ своего брата у своей постели. Видѣніе исчезло и потомъ повторилось снова. Аккуратный лордъ записалъ тотчасъ же въ свою памятную книжку время появленія обоихъ видѣній. Утромъ онъ узнаетъ, что его братъ охотился и упалъ съ лошади, причемъ разбилъ себѣ голову. Агонія его длилась ровно столько времени, сколько прошло между первымъ и вторымъ видѣніемъ.

Для объясненія подобныхъ фактовъ существуютъ пока только гипотезы. Наука не можетъ допустить, чтобы мертвые принимали живыя формы, и потому многіе ученые приняли гипотезу передаточнаго «флюида», аналогичнаго съ магнетическимъ передаточнымъ флюидомъ. Въ моментъ смерти, вслѣдствіе страшнаго напряженія силы воли умирающаго, между нимъ и дорогимъ ему существомъ можетъ установиться нѣчто въ родѣ магнетическаго тока, для котораго не существуетъ пространства и который позволяетъ мысли одного передаваться другому. Такова предлагаемая гипотеза; положимъ, еще не открыты данныя, которыя бы подтверждали ее, но въ то же время нѣтъ и такихъ, которыя бы вполне опровергали ее.

Интересные случаи передачи мысли на разстояніе удавалось наблюдать у субъектовъ, погруженныхъ въ гипнотическій сонъ. Экспериментаторъ вызываетъ сонъ у своего субъекта часто однимъ только взглядомъ. Съ этой минуты субъектъ лишается своей воли и всецѣло находится подъ властью экспериментатора, который можетъ даже мысленно передавать ему свои желанія или желанія окружающихъ. Такъ, напримѣръ, во время одного изъ такихъ сеансовъ экспериментаторъ предложилъ собравшемуся обществу перетасовать какъ угодно колоду картъ и затѣмъ вынимать изъ нея карты въ какомъ угодно порядкѣ. Загипнотизированный субъектъ, изолированный отъ публики и экспериментатора посредствомъ перегородки, громко называлъ всѣ вынимаемыя карты. Экспериментаторъ видѣлъ вынимаемыя карты и мысленно передавалъ свое знаніе загипнотизированному субъекту.

Такого рода опытовъ произведено довольно много и всѣ они доказываютъ существованіе какой-то связи, которая устанавливается между гипнотизаторомъ и его субъектомъ. Для объясненія этой связи придумано множество теорій, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана удовлетворительной и до сихъ поръ, въ этомъ отношеніи, мы вращаемся среди гипотезъ.

Существует ли язык муравьев? Джон Лёббок, знаменитый ученый, первый высказал мнѣніе, что муравьи могут издавать звуки, нѣчто въ родѣ крика. Робертъ Гоутонъ пошелъ еще дальше Лёббока въ своихъ изслѣдованіяхъ и въ «Biologische Centralblatt» рассказываетъ свои наблюденія надъ муравьями Индіи. Ему случилось видѣть, что когда муравейникъ вида «Cremastogaster Regenhoferi» приходитъ въ волненіе, то муравьи тысячами выползаютъ изъ него и при этомъ шевелятъ совершенно особеннымъ образомъ своими брюшками и тогда можно бываетъ слышать совершенно отчетливо звукъ, похожій на шипѣніе, которое производится если лить воду на горячій уголь. Звукъ этотъ, производимый видомъ «Zorobelta» слышенъ даже на нѣкоторомъ разстояніи. По мнѣнію Гоутона, это крики тревоги, совершенно понятныя всѣмъ муравьямъ. Но, кромѣ того, если можно такъ выразиться, военного клича, Гоутонъ не наблюдалъ ничего такого, что бы указывало на существованіе языка у муравьевъ. Другой изслѣдователь, редакторъ американскаго журнала «Magazin of Natural History», сообщаетъ болѣе доказательное наблюденіе въ этомъ отношеніи. «Я видѣлъ однажды,—говоритъ онъ,—что муравейникъ пришелъ въ движеніе и муравьи хлопотливо стали переносить изъ него всѣ свои запасы въ другое мѣсто. Почти каждый муравей что-нибудь несъ изъ муравейника, кто — яйца, кто — разные пищевые запасы и муравьиныя лакомства. Я цѣлый часъ наблюдалъ за ними и видѣлъ, что ежеминутно два муравья отдѣлялись отъ отряда и приближали другъ къ другу свои головы, какъ будто для конфиденціального разговора. Я убилъ одного изъ этихъ муравьевъ. Переселеніе муравьевъ продолжалось, и они возвращались за остальными вещами. Но муравьи, свидѣтели убійства, совершеннаго мною, приближались къ другимъ муравьямъ, которые только-что явились, какъ будто желая сообщить имъ о томъ, что случилось. И дѣйствительно, немедленно послѣ этого, муравьи, точно объятые паническимъ страхомъ, разсыпались въ сторону по разнымъ направленіямъ. Быть можетъ, имъ было сообщено о чудовищѣ, погубившемъ одного изъ нихъ, и они бѣжали, чтобы ихъ не постигла та же участь».

Повидимому, этотъ случай подтверждаетъ мнѣніе, что муравьи могутъ объясняться между собою. Но какъ?—это вопросъ, который предстоитъ разрѣшить наукѣ и дальнѣйшимъ добросовѣстнымъ наблюденіямъ.

Правосудіе у птицъ. У воронъ есть, повидимому, свой судъ и расправа. Вотъ что передаетъ одинъ очевидецъ г. Ру въ своемъ сообщеніи Обществу естественной исторіи Ватландскаго кантона, въ Швейцаріи. «Находясь близъ станціи Санъ-Круа и бесѣдуя со знакомыми, я услышалъ внезапно неистовое карканіе, поднявшееся изъ сосѣдняго поля. Обернувшись туда, я увидѣлъ стаю воронъ, штукъ, примѣрно, въ пятьдесятъ, кружившихся съ ожесточенными криками въ воздухѣ вокругъ невидимаго предмета. Вдругъ, точно по данному сигналу, крики стихли, и изъ середины стаи отдѣлилась одна ворона и шлепнулась на землю. Въ то же мгновеніе вся стая двинулась въ горизонтальномъ направленіи и вскорѣ исчезла изъ глазъ. Побѣжавъ къ указанному мѣсту, г. Ру нашелъ убитую ворону, взялъ ее къ себѣ домой и, ощипавъ перья, сосчиталъ на ея туловищѣ до 20 ранъ, нанесенныхъ, по его предположенію, однимъ и тѣмъ же клювомъ. Всѣ пораненія были легки и неглубоки, и только одна рана оказалась смертельною: ударъ клювомъ пришелся въ область таза и проникъ болѣе чѣмъ на 2 сантиметра въ брюшную полость, прорвавъ кишки.

«Я былъ пораженъ,—прибавляетъ г. Ру,—той дисциплиной, съ какой производилась эта экзекуція. Вся стая сидѣла спокойно на ржаномъ, едва зазе-

ленѣвшемъ полѣ; полная тишина! Затѣмъ, точно по данному знаку, означавшему, надо полагать, состоявшійся приговоръ, вся стая съ неистовыми криками разомъ поднялась на высоту 50 метровъ, и какъ только казнь совершилась, снова тишина, ни звука, и въ то же мнovenіе, какъ бы по взаимному соглашенію, вся стая безшумно отлетѣла прочь. Между первымъ сигналомъ, поданнымъ къ стадному карканью и смертью вороны, прошло не болѣе пяти минутъ».

(«Волгарь»).

Самая древняя книга. «Revue des Revues» говоритъ, что въ Парижской національной библіотекѣ хранится древнѣйшая на свѣтѣ книга: папирусъ, найденный Приссомъ въ Оивахъ, въ гробницѣ, въ которой находилась, кромѣ того, мумія одного изъ членовъ первой оиванской династіи. Уже одно это указываетъ, что книга эта существовала за двадцать пять вѣковъ до Р. Х. Но содержаніе этой книги обнаруживаетъ ея еще болѣе древнее происхожденіе. Она относится къ царствованію фараона Асса и носитъ слѣдующее названіе въ переводѣ на современный языкъ: «Вравоученія правителя Пта-Готепа, жившаго во времена Ассы, короля сѣвера и юга». Асса жилъ, какъ извѣстно, за 3350 лѣтъ до Иисуса Христа и, слѣдовательно, къ этому времени надо отнести происхожденіе книги.

Книга раздѣлена на 44 главы и написана возвышеннымъ риторическимъ языкомъ. Ею восхищаются тѣ, кто въ состояніи оцѣнить ея достоинства. Авторъ ея обращается къ высшимъ классамъ и сообщаетъ имъ свои наблюденія и нравственные правила, подѣ которыми охотно подпишется любой моралистъ нашего времени. Правила, которыя авторъ преподаеть, напримѣръ членамъ правительства, выше всякихъ похвалъ. Онъ учитъ ихъ постоянно трудиться и стараться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться правилами вполне совершеннаго человѣка. Къ лести придворныхъ и мнѣнію современниковъ авторъ совѣтуетъ относиться очень скептически. Надо, говоритъ онъ, имѣть въ виду лишь сужденіе потомства и не слишкомъ обращать вниманіе на тѣ чувства, съ которыми приближенные наши встрѣчаютъ наши поступки. Авторъ рисуетъ идеальнаго сановника, который долженъ уважать науку и разумъ и слѣдовать ихъ совѣтамъ; онъ долженъ быть умѣреннымъ во всемъ, не злоупотреблять властью, стараться внушать къ себѣ любовь, а не страхъ, потому что только въ такомъ случаѣ онъ можетъ рассчитывать на благоприятный приговоръ о себѣ потомства.

Добродѣтельный авторъ этой книги, по его собственнымъ словамъ, достигъ возраста 110 лѣтъ и былъ осыпанъ милостями и почетомъ, какой только возможенъ былъ въ Египтѣ. Книга заключаетъ въ себѣ шестнадцать страницъ и предисловіе, написанное другимъ правителемъ, жившимъ при фараонѣ Се-нефуру, третьей династіи.

Египетъ до сихъ поръ еще богатъ сюрпризами для европейской цивилизаціи и эти сюрпризы должны заставить современное человѣчество менѣе кичиться своею цивилизаціей, такъ какъ прогрессъ, достигнутый въ пятьдесятъ вѣковъ, вовсе не такъ ужъ оказывается великъ. Профессоръ Генуфъ утверждаетъ, что цивилизація Египта, около 3000 г. до Р. Х., почти равнялась нашей цивилизаціи XVIII вѣка. По словамъ Лептіуса, Египетъ достигъ при четвертой династіи (3120 л. до Р. Х.) такого матеріальнаго и интеллектуальнаго преуспѣянія, которое могло бы насъ удивить. Искусства и ремесла процвѣтали тогда въ Египтѣ, просвѣщеніе достигло очень высокой степени. Государство было хорошо организовано и хорошо управлялось, ученые люди не

составляли тогда рѣдкихъ исключеній и употребленіе папируса было тогда очень распространено въ странѣ. Профессоръ Масперо говоритъ даже, что тогда существовалъ чиновникъ, носившій титулъ «управляющаго книжнымъ домомъ», что заставляетъ подозрѣвать существованія чего-то въ родѣ библиотеки или собранія книгъ. Даже социальный вопросъ существовалъ въ то время, и одинъ изъ фараоновъ-реформаторовъ пробовалъ даже передать на нѣкоторое время власть въ руки одного изъ социалистовъ того времени, взгляды котораго имѣли много сходства съ возрѣніями теперешнихъ социалистовъ. Попытка не удалась. Все это указываетъ, что мы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не далеко ушли отъ Египта, несмотря на раздѣляющіе насъ столько вѣковъ.

Подводное судно. Въ «Science pour tous» сообщается, что въ Чивита-Веккии была сдѣлана официальная проба подводнаго судна, изобрѣтеннаго однимъ итальянскимъ инженеромъ. Судно это имѣетъ сферическую форму. При пробѣ присутствовали эксперты и представители военнаго и морскаго министерствъ. Машина, помѣщенная внутри судна, даетъ ему возможность двигаться во всѣхъ направленіяхъ, погружаться и возвращаться на поверхность воды съ величайшею легкостью. Кузовъ судна окруженъ стеклами, которыя позволяютъ людямъ, находящимся внутри, не только видѣть весь свой путь, но и замѣчать предметы, погруженные въ воду. Для того, чтобы можно было доставать эти предметы, снаружн кузова находятся крюки, которыми управляютъ изнутри. Опыты съ этимъ судномъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, хотя происходили при довольно бурномъ морѣ. Судно погружалось и возвращалось легко на поверхность моря. Винтъ заставлялъ его идти по прямой линіи и поворачивалъ по желанію. Брошенные въ воду чугунные предметы были вытасканы при помощи крюковъ, какъ только судно опустилось въ воду, и доставлены на поверхность всды. Инженеры, находившіеся во время опытовъ внутри судна, высказали мнѣніе, что судно это можетъ быть очень полезно для вытаскиванія изъ воды потонувшихъ предметовъ и въ то же время можетъ быть прекраснымъ подспорьемъ во время войны.

Оригинальныя сѣмена. Журналъ «La Nature» сообщаетъ, что въ Парижъ присланы изъ Мексики чрезвычайно оригинальныя сѣмена, особенность которыхъ заключается въ томъ, что они обладаютъ собственнымъ движеніемъ. Если ихъ положить на столъ, то они переворачиваются, иногда передвигаются съ мѣста на мѣсто и даже подпрыгиваютъ. По наружному виду они не представляютъ ничего особеннаго и величиною меньше обыкновеннаго лѣснаго орѣха. Въ Мексикѣ они извѣстны подъ именемъ «дьявольскихъ сѣмянъ». Самое растеніе принадлежитъ къ разряду молочайныхъ. Тайна движенія сѣмянъ объясняется очень просто: въ нихъ живетъ особый видъ гусеницы. Въ цвѣты растенія кладетъ свои яички нѣкое двукрылое насѣкомое и яички эти развиваются вмѣстѣ съ цвѣткомъ, такъ что, въ концѣ концовъ, гусеница оказывается заключенной въ сѣмени и живетъ на счетъ его оболочекъ, не принося вреда зародышу сѣмени. Пока она не превратится во взрослое насѣкомое, она живетъ въ своемъ тѣсномъ помѣщеніи и копошится въ немъ. Подъ вліяніемъ теплоты движенія ея становятся особенно энергичны и сѣмя начинаетъ подпрыгивать. Движенія сѣмени потому съ перваго раза кажутся загадочными, что оболочка сѣмени совершенно цѣлая и нѣтъ ни одного признака, который бы указывалъ на присутствіе въ немъ животнаго.

Желѣзные солдаты-автоматы. Англичанинъ Дорикъ Читеръ, бывшій газетный репортеръ и съ давняго времени поселившійся въ Мадридѣ, предложилъ испанскому правительству, какъ сообщается въ «El Globe», купить у него необычайное, имъ самимъ придуманное, изобрѣтеніе для истребленія мавровъ въ Меллинѣ. Это—литой изъ желѣза автоматъ, имѣющій видъ солдата, снабженный ружьемъ и, при помощи скрытаго внутри его механизма, могущій сдѣлать 40 выстрѣловъ въ минуту. Выстрѣлы регулируются въ какую угодно сторону, какъ показали произведенные съ этимъ аппаратомъ опыты. Какъ только механизмъ пущенъ въ ходъ, начинается стрѣльба, пока не истощатся всѣ запасенные 500 патроновъ, если не прервать ее при помощи электромагнита, съ которымъ соединенъ механизмъ и который регулируетъ выстрѣлы. Незначительное число такихъ «Ironman», какъ называется изобрѣтатель своихъ желѣзныхъ солдатъ, можетъ отразить тысячи мавровъ, не располагаящихъ артиллерією. Представьте себѣ, что въ $\frac{1}{2}$ часа 100 такихъ «Ironman» сдѣлаютъ 50.000 выстрѣловъ. Чтобъ непріятель не могъ овладѣть ими, по истощеніи зарядовъ, голова «Ironman» наполнена динамитомъ. Изобрѣтатель обязуется самолично идти противъ кабилловъ во главѣ своеобразнаго отряда въ 100 желѣзныхъ солдатъ за 5 тысячъ пезетасъ.

Способъ узнавать характеръ человѣка. Много предлагалось способъ узнавать характеръ человѣка. Одни пытались угадывать характеръ человѣка по его ногамъ, рукамъ; другіе—по почерку и т. д. Бюэ, извѣстный сотрудникъ «Journal de Santé», утверждаетъ, что способъ ношенія шляпы можетъ служить наиболѣе безошибочнымъ признакомъ, по которому можно судить о характерѣ человѣка или о его настроеніи. Шляпа, надѣтая, напирать, набекрень на лѣвое ухо, обозначаетъ пассивный характеръ, на правое—активный. Вполнѣ уравновѣшенный человѣкъ, по словамъ Бюэ, всегда надѣваетъ шляпу прямо. Человѣкъ, носящій шляпу нѣсколько въ бокъ на лѣвую сторону,—неисправимый идеалистъ, неподкупная душа съ глубокими чувствами. Онъ серьезенъ и вѣренъ въ любви, всегда скромнень, чистъ и робокъ и рабски поддается своимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Шляпа, склоненная на лѣвое ухо, указываетъ на вѣтренаго, живого и непостояннаго человѣка, обладающаго легкомысленнымъ характеромъ, вѣроломнаго и неблагодарнаго. Хладнокровный же человѣкъ, надѣвающій шляпу совсѣмъ прямо, не подверженъ никакимъ крайностямъ, безпристрастенъ и не является рабомъ своихъ симпатій и антипатій; онъ вѣренъ въ дружбѣ и въ любви, постояненъ и твердъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Бюэ утверждаетъ, что таковой человѣкъ, т.-е. носящій шляпу совсѣмъ прямо, всегда будетъ прекраснымъ мужемъ и отцомъ семейства. Любопытнѣе всего, что Бюэ на этомъ основаніи дѣлаетъ еще болѣе опреченные выводы по психологій народовъ. Представительницей уравновѣшеннаго типа у него является Россія; Италія—представительницей типа непостояннаго, ненадежнаго (носить шляпу, склоненную направо); Франція же является представительницей типа людей, носящихъ шляпу налѣво, неисправимыхъ и мнлыхъ идеалистовъ, одаренныхъ горячимъ сердцемъ и душой.

Утилизациа старыхъ газетъ. «Scientific American» указываетъ на то, что старыя газеты могутъ быть очень полезны въ хозяйствѣ и пригодны для самыхъ разнообразныхъ практическихъ цѣлей. Прежде всего извѣстно, что они могутъ быть употреблены вмѣсто растопокъ и для огражденія ногъ отъ холода для чего ноги надо обертывать въ газетный листъ. Газетный листъ вполнѣ

можетъ замѣнить собою шерстяные чулки, даже для самыхъ зябкихъ людей. Затѣмъ старыя газеты предохраняють отъ моли мебель, шубы и платье, такъ какъ запахъ типографской краски также невыносимъ для насѣкомыхъ, какъ, напримѣръ, запахъ камфоры. Свойство бумаги не пропускать ни воздуха, ни тепла заставляетъ многихъ оклеивать ею зимнія рамы въ окнахъ. Если обернуть бутылку холоднаго вина въ газетную бумагу, то она можетъ нѣсколько часовъ простоять въ теплой комнатѣ и не согрѣется. Въ Англіи и Франціи изъ старыхъ газетъ выдѣлываютъ для бѣдныхъ дешевыя одѣяла. Въ Лондонѣ нищія очень часто стоятъ на улицѣ, прикрывшись какой-либо газетой, причемъ лондонскіе пролетаріи предпочитаютъ всѣмъ другимъ газетамъ газету «Times» и закутываются ею какъ настоящимъ одѣяломъ.

Присяга у китайцевъ. Китайскіе обряды вообще крайне своеобразны, и обрядъ присяги, конечно, не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Свидѣтели, вызываемые въ судъ по гражданскому или уголовному дѣлу, должны совершить этотъ обрядъ который, происходитъ въ особомъ отдѣленіи суда, Свидѣтель становится на колѣни и, держа въ рукахъ чайное блюдечко, нѣсколько разъ ударяетъ имъ въ стѣну. Приводящій къ присягѣ китайскій чиновникъ при этомъ произноситъ слѣдующія слова: «Ты долженъ говорить истину, иначе твоя душа разлетится подобно этому блюдечку». При послѣднихъ словахъ свидѣтель долженъ сильно ударить блюдечкомъ о стѣну, такъ чтобы оно разлетѣлось въ дребезги. Тогда присяга считается оконченной.

Золото въ океанѣ. Въ собраніи американскихъ инженеровъ Ришаръ сдѣлалъ любопытное сообщеніе о количествѣ золота, которое содержится въ водѣ океана. Тотъ фактъ, что океанъ содержитъ въ себѣ золото былъ констатированъ еще Зонштадтомъ въ 1872 году, Впрочемъ еще гораздо раньше, въ 1851 году, Малагути и Дюроше говорили о присутствіи серебра въ водахъ океана. Согласно изслѣдованіямъ Мюнстера на каждую тонну воды въ океанѣ приходится пять миллиграммовъ золота. По всей вѣроятности, содержаніе золота не одинаково во всѣхъ мѣстахъ океана; въ тепломъ климатѣ, гдѣ гніеніе органическихъ веществъ должно идти дѣятельнѣе, золота должно встрѣчаться меньше, потому что оно образуетъ при этомъ процессѣ извѣстныя соединенія и растворяется. Въ океанѣ, по новѣйшимъ вычисленіямъ, заключается 1.837.030.272.000 миллионновъ тоннъ воды и, слѣдовательно,—если считать, что на каждую тонну приходится пять миллиграммовъ золота,—въ глубинахъ океана оказываются сокрытыми 10.250 миллионновъ тоннъ золота. Слѣдуетъ прибавить, что годовая добыча золота на земномъ шарѣ далеко не достигаетъ этой цифры. Къ сожалѣнію, только намъ не легче отъ этихъ вычисленій, и они не дѣлають золота дешевле, или его обладаніе менѣе желательнымъ для современнаго человѣчества.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ III-й.

№ 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 24-го января 1894 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. БЕЗЪ НАЗВАНІЯ. Романъ. (Продолженіе). Д. Мамина-Сибиряна . . .	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ, МОЕ ЖИЛИЩЕ. (Съ французскаго). А. Мейснера . .	30
3. НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ РУССКОЙ КРИТИКИ. Шеллингисты. А. Снабичевскаго	32
4. МАРИАНА. Романъ Э. Альгрень. (Переводъ со шведскаго). (Продолженіе).	51
5. СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ОРГАНИЗМА. Шарля Рише. (Лекція, читанная на медицинскомъ факультетѣ въ Парижѣ). Перев. А. М.	78
6. НА НИВѢ НАРОДНОЙ. Николая Блинова	90
7. ОЧЕРКИ ИЗЪ ПСИХОЛОГІИ СЛѢПЫХЪ. (Статья П-я). Г. И. Челпанова.	105
8. МОЙ ОТЕЦЪ. Разсказъ Л. Н. Лазаревича. (Переводъ съ сербскаго Л. Василевскаго)	122 ✓
9. IX-Й СЪѢЗДЪ РУССКИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ. В. Агафонова	139
10. БИБЛИОГРАФІЯ: — КНИГИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ. <u>Международное право.</u> П. В. В—зова	156
11. НОВЫЯ КНИГИ: Вальтеръ Скоттъ. Айвенго (Ivanhoe). Пер. съ англ. В. Владимірова. Спб. 1893. Стр. 534. Изд. М. М. Ледерле и К°. W. — П. Г. Мижуевъ. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Изд. журнала «Русская Школа». Ц. 50 коп. Спб. 1893 г. А. О—снаго	171
12. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	176
13. СМѢСЬ. Изъ русской жизни: Вопросы русской общественной жизни. — Народный университетъ. — Процентъ безграмотныхъ. — Книжное оскуднѣніе. — Самаркандская область. — Гротовое производство въ Чердынскомъ уездѣ. — Дѣтская колонія. — Изъ иностранной жизни: Общество распространенія народнаго образованія въ Германіи. — Дѣти-работники. — Политическая организація рабочихъ въ Англии. — Библиотеки для народа во Франціи. — Американскіе рабочіе. — Милитаризмъ и народное образованіе. — Дорогое законодательное учрежденіе. — Общество друзей лѣса. — Религіозный конгрессъ. — Газетная филантропія въ Англии. — Женскій вопросъ въ англійской палатѣ общинъ. — Смѣшанная гимназія въ Бернѣ	182
14. ИЗЪ МІРА НАУКЪ: <u>Ложная память (парамнезія).</u> — Дѣйствіе электричества на человѣческой организмъ. — Какимъ образомъ морскія животныя видятъ на глубинѣ моря. — Юбилей химическаго русскаго общества. — Растворительное молоко. — Величина древесныхъ листьевъ. — Землеѣды	203
15. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ: <u>Наиболѣе плодородное дерево.</u> — Вліяніе пчеловодства на продолжительность жизни. — Самое холодное и самое жаркое мѣсто на земной поверхности. — Самый древній рецептъ. — Опасность, угрожающая Лондону. — Волшебный фонарь въ церквахъ. — Обиліе часовъ въ Японіи. — Размѣръ налоговъ. — Телеграфъ въ Китаѣ. — Бесплатная перевозка пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Этикетъ въ англійской палатѣ общинъ. — Воспитаніе дѣтей въ Японіи. — Женскій вопросъ въ Турціи. — Гете и Шиллеръ	209
16. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) СВОБОДНОЕ ПОПРИЩЕ. Романъ Вернера. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Шелгуновой	33
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Бомелли, Неймайру и друг. подъ редакц. В. Агафонова	17
17. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Романъ *).

(Продолженіе).

VI.

Татарская княжна была очень заинтересована дѣломъ, о которомъ съ ней говорилъ Окоемовъ. Съ одной стороны, ее мучило спеціально женское любопытство, а съ другой вскользь высказанное Окоемовымъ желаніе пристроить куда-то всѣхъ искавшихъ работы интеллигентныхъ людей. Про себя княжна такъ и говорила: *встать*... Она вѣрила слѣпо въ геній Окоемова и даже не старалась себя представить, какъ все это можетъ выйти.

— Уже онъ сказалъ. повторяла она про себя, точно спорила съ какимъ-то недовѣрчивымъ человѣкомъ.

Жила она на Арбатѣ, занимала крошечную меблированную комнату. Въ имущественномъ отношеніи она являлась божіей птицей, потому что не знала, что будетъ ѣсть завтра. Происходило это не отъ того, что княжна не умѣла работать или могла оставаться безъ работы—нѣтъ, она могла бы устроиться совсѣмъ хорошо, если бы думала только о себѣ. Но вѣдь, столько конкурентовъ на переводы и уроки, и княжна великодушно уступала свой рабочій кусокъ хлѣба другимъ. А сколько было этихъ другихъ... И какъ, бѣдные, всѣ они нуждались, особенно люди семейные. И кого-кого тутъ не было: потерявшій мѣсто корректоръ, начинающій художникъ, неудачникъ актеръ, учительница музыки, массажистка, домашній секрет-

*) См. «Миръ Божій», № 1.

«Миръ Божій», № 2, февраль.

тарь, чтица, цѣлый рядъ молодыхъ людей, некончившихъ гдѣ-нибудь курса, и т. д. У княжны сохранились еще кое-какія связи съ міромъ богатыхъ людей, къ которому она принадлежала по рожденію, и ея монашеское черное платье можно было встрѣтить въ самыхъ богатыхъ московскихъ палатахъ. Она являлась туда съ такой хорошей тревогой во взглядѣ и послѣ короткаго предисловія говорила стереотипную фразу:

— Уже представьте себѣ, какой случай со мной: сижу вчера, и приходитъ ко мнѣ одинъ молодой человѣкъ... Онъ женатый человѣкъ... Недавно родился первый ребенокъ... Жена у него служила раньше наборщицей, а сейчасъ потеряла мѣсто... Нельзя же ей бросить ребенка одного? Вы меня уже понимаете?

Дѣло заканчивалось стереотипной просьбой о мѣстѣ или маленькой подпискѣ. Въ этихъ случаяхъ княжна проявляла удивительную настойчивость и добивалась своего. Знакомые пожимали плечами, дѣлали безнадежно - удивленные лица, даже иногда старались скрыться бѣгствомъ, но въ концѣ-концовъ мѣсто все-таки находилось. Княжна знала, что надѣдаетъ своими вѣчными просьбами, но что же дѣлать, если на свѣтѣ столько бѣдныхъ людей... Попеременно она являлась то съ картинкой начинающаго художника, то съ тетрадкой стиховъ неудавшагося поэта, то съ абажуромъ изъ сухихъ цвѣтовъ, то съ бисернымъ кошелькомъ, и непременно все это продавала. Ея кліенты сплошь и рядомъ платили ей самой черной неблагодарностью, и княжнѣ приходилось выслушивать не рѣдко очень непріятныя вещи отъ вліятельныхъ меценатовъ и меценатокъ.

— Какъ же вы рекомендуете, Варвара Петровна, совершенно неизвѣстныхъ вамъ людей? Нельзя же такъ...

— А если онъ (или она) уже бѣдный и уже ребенокъ родился? Вы лучше сердитесь на меня...

Каждая такая неудача ужасно волновала княжну и волновала не за себя лично, а за то, что бѣдные люди могутъ обманывать и поступать дурно. Княжна даже плакала и успокаивалась только тѣмъ, что не всѣ же такіе, тѣмъ болѣе, что у нея всегда былъ на лицо большой выборъ новыхъ бѣдныхъ людей. Въ общемъ, все время княжны было занято

этими вѣчными хлопотами, такъ что собственно для себя оставалось всего нѣсколько часовъ. Княжну спасали ея скромныя потребности и трогательное умѣнье отказаться даже отъ самаго необходимаго. Въ результатѣ получалось то, что она голодала иногда по нѣскольку дней, питаясь однимъ чаемъ.

И вдругъ, всѣхъ этихъ бѣдныхъ людей Окоемовъ обѣщаетъ пристроить... Это было что то до того необыкновенное, что княжна нѣсколько разъ сомнѣвалась, не ослышалась ли она.

Прошло цѣлыхъ три дня, прежде чѣмъ княжна могла отправиться къ Окоемому для окончательныхъ объясненій. Ахъ, какіе длинные и мучительные дни... Онъ все время пролежалъ больной въ постели и не могъ никого принимать, кромѣ Сережи. Идти безъ приглашенія княжна стѣснялась, и тѣмъ мучительнѣе было ожиданіе. Она знала, что Окоемовъ не забылъ своего разговора съ ней—онъ ничего не забывалъ и когда нужно—пошлетъ приглашеніе.

Наконецъ, пришло и это желанное приглашеніе. У княжны усиленно забилось сердце, когда она распечатала городскую телеграмму. „Жду васъ сегодня вечеромъ. Окоемовъ“. Если бы онъ зналъ, какъ трудно дожидаться такого вечера... Княжна даже измѣнила порядокъ своего трудового дня, потому что отъ волненія у нея разболѣлась голова.

Съ какой тревогой княжна отправилась въ семь часовъ вечера въ Сивцевъ Вражекъ. Она даже вынуждена была останавливаться нѣсколько разъ, чтобъ перевести духъ. У княжны сердце тоже было не въ порядкѣ, хотя она и не любила лечиться. У окоемовскаго домика еще разъ пришлось остановиться и сдѣлать передышку. Сердце княжны билось неровно, какъ пойманная птица.

Ее встрѣтила сама Марѳа Семеновна. Княжна даже покраснѣла, какъ виноватая.

— Что Василій Тимофеечъ?—спросила она, стараясь не смотрѣть въ глаза хозяйкѣ.

— А ничего... Теперь лучше. Лежитъ у себя въ кабинетѣ.

— Можно къ вамъ пройти, Марѳа Семеновна?

Княжна чувствовала, что ей необходимо предварительно успокоиться.

*

— Отчего же, пойдете, голубушка. У меня какъ разъ и самоваръ на столѣ...

Къ особенностямъ Марѣы Семеновны относилось между прочимъ и то, что у нея не сходилъ самоваръ со стола. Чай былъ ея слабостью... Княжна выпила двѣ чашки и все время держала себя самымъ страннымъ образомъ, какъ пойманннй на мѣстѣ преступленія воръ. Марѣа Семеновна нѣсколько разъ посматривала на нее прищуренными глазами, но ничего не сказала. Старуха любила княжну и теперь подумала, что у нея есть какая-нибудь новая непріятность съ ея голыдьбой. Ужъ не спроста эта княжна постоянно въ лицѣ мѣняется...

Отдохнувъ у Марѣы Семеновны, княжна отправилась въ кабинетъ Окоемова. Хозяинъ лежалъ на своей отоманѣ и извинился, что не можетъ встать, благодаря компрессу.

— Ничего, ничего, лежите, Василій Тимофеичъ...

Онъ лежалъ съ раскрытой старинной книгой раскольничьяго письма.

— Что это у васъ, Василій Тимофеичъ?

— А вотъ просматриваю чинъ раскольничьей службы...

— Для чего это вамъ?

— Да просто интересуется, Варвара Петровна... Знаете, это очень, очень интересно, потому что въ обрядовой сторонѣ выливается народный духъ. Мою телеграмму вы получили?

— Да...

Окоемовъ бережно отложилъ старинную книгу въ кожаномъ переплетѣ, облокотился на подушку и заговорилъ:

— Мнѣ нужно серьезно переговорить съ вами, Варвара Петровна... Дѣло въ томъ, что я уѣзжаю изъ Москвы, туда, на востокъ. У меня затѣвается большое промышленное предпріятіе, нужны будутъ люди, особенно интеллигентные, и я хотѣлъ обратиться къ вамъ за помощью. Вѣдь у васъ цѣлый складъ разныхъ ищущихъ работы...

— Есть одинъ фельдшеръ, потомъ переписчикъ нотъ... дама, выжигающая по дереву... некончившій реалистъ... граверъ...

— Ну, вотъ и отлично. Фельдшеръ мнѣ нуженъ... я его возьму. А сначала позволю себѣ объяснить, что и кто мнѣ нужны. Мнѣ немножко трудно говорить...

— Я уже слушаю...

— Дѣло въ томъ, что я беру золотые промыслы... да Дѣло большое, и нужны люди. Руководить всѣмъ буду я, поэтому специалисты не требуются... Вы понимаете? Мнѣ хотѣлось бы поставить все сразу на большую ногу... поэтому мнѣ нужны двѣ конторщицы, экономка, хорошая кухарка... Есть у васъ такія?

Этотъ вопросъ поставилъ княжну въ затрудненіе, потому что переписчица нотъ, очевидно, не могла быть экономкой, а выжигательница по дереву—конторщицей, тѣмъ болѣе кухаркой. Окоемовъ понялъ паузы княжны и заговорилъ:

— Вотъ видите, Варвара Петровна, какъ трудно найти у насъ людей, дѣйствительно полезныхъ на что-нибудь... Но мои замыслы шире: кромѣ упомянутыхъ выше специалистовъ, мнѣ нужны еще женщины или дѣвушки — это все равно, которыя могли бы заняться приготовленіемъ консервовъ, варенья, пастилы, молочныхъ скоповъ. Есть у васъ кто-нибудь подходящій на примѣтъ?..

— Уже сейчасъ никого нѣтъ...—уныло отвѣтила княжна.

— Да, вѣдь, это же все просто?.. Если кто и не умѣетъ, такъ можетъ научиться... Важно желаніе трудиться и отсутствіе предрасудка, что трудъ можетъ быть только по душѣ. Какъ могутъ судить о послѣднемъ люди, которые собственно и не видали настоящаго производительнаго труда, а занимаются выжиганіемъ по дереву и переписываютъ ноты. Я думаю, что намъ лучше всего обратиться къ газетнымъ объявленіямъ; и я попросилъ бы васъ на первый разъ сдѣлать по газетамъ за недѣлю выборку такихъ объявленій, затѣмъ написать всѣмъ письма и пригласить ихъ сюда для объясненій. Замѣтите, я говорю преимущественно объ интеллигентныхъ женщинахъ, потому что простая баба, если она хорошая работница, не останется безъ дѣла...

— Это уже очень трудно, Василій Тимофеичъ,—откровенно созналась княжна.—У меня есть еще двѣ перчаточницы, одна кружевница, выводчица пятень...

Окоемовъ нахмурился и закрылъ глаза.

— Не буду уже, не буду...—спохватилась княжна.—А какъ же относительно мужчинъ?..

Больной съ трудомъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на княжну и отвѣтилъ:

— Фельдшера пошлите, а остальные едва-ли куда-нибудь годятся... Я говорю съ вами откровенно, княжна. Мнѣ нужны самые простые люди, но способные къ труду... Вѣдь перечисленныя мною спеціальности такъ просты, только не нужно бояться труда. Вы понимаете, что я хочу сказать?..

— Да, да... Какъ уже въ Америкѣ...

— Да, въ Америкѣ... Впрочемъ, все это мы увидимъ на практикѣ, кто чего стоитъ. Къ сожалѣнію, я не могу много говорить и поэтому попрошу вести переговоры васъ, Варвара Петровна... у меня же, здѣсь. А я отсюда буду все слушать. Это васъ не затруднить?

— О, нисколько... Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— По старинной русской терминологіи это называлось: „влигнуть влечь“. Посмотримъ, кто отзовется... Между прочимъ, Сережа будетъ вамъ помогать. Онъ мастеръ болтать...

На этотъ разъ уже поморщилась княжна. Таковой помощникъ для нея портилъ все дѣло.

— Да вы не бойтесь, Варвара Петровна,—успокоивалъ ее Окоемовъ.—Сережа отличный человѣкъ, только для другихъ, а не для себя. Положитесь въ этомъ случаѣ на мою опытность, тѣмъ болѣе, что это безусловно порядочный человѣкъ... Достаточно сказать, что я его назначаю главнымъ управляющимъ... Его личные недостатки насъ не касаются.

— Я уже съ вами не согласна, Василій Тимофеечъ,—протестовала княжна.—Я уже говорила вамъ раньше... Я уже скажу ему это въ глаза.

Когда княжна начинала волноваться, то въ каждую фразу вставляла свое „уже“.

— Мы на этомъ кончимъ пока...—устало говорилъ Окоемовъ.—Вы напишете письма и назначите время приѣма.

VII.

День испытаній наступилъ.

Окоемовъ по прежнему лежалъ у себя въ кабинетѣ. Болѣзнь, противъ ожиданія, затянулась, и онъ не могъ выйти въ гостиную, гдѣ Сережа принималъ посѣтителей. Лежа на диванѣ, Окоемовъ могъ только слушать, что происходило въ

сосѣдной комнатѣ. Сейчасъ онъ чувствовалъ себя скверно, главнымъ образомъ, отъ бессонныхъ ночей. Даже живое начало дѣла не радовало его, а являлось, наоборотъ, какое-то смутное недовѣріе къ самому себѣ. Да, не ошибается ли онъ? Вѣдь предпріятіе слишвомъ рискованно...“

Сереза явился рано утромъ и вошелъ въ кабинетъ съ портфелемъ въ рукахъ.

— Это еще для чего? — спросилъ Окоемовъ, указывая глазами на портфель. — Ахъ, Сереза, Сереза, никакъ ты не можешь обойтись безъ декорации...

— А какъ же иначе?.. Тамъ у меня еще нѣсколько книгъ есть.

— Какихъ книгъ?

— Нельзя же безъ книгъ, — обидчиво возражалъ Сереза. — необходимо сразу возстановить самый строгій порядокъ...

Сереза своей собственной особой олицетворялъ этотъ будущій порядокъ — онъ имѣлъ сегодня необыкновенно строгій видъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Окоемовъ имѣлъ удовольствіе видѣть цѣлый десятокъ объемистыхъ конторскихъ гроссбуховъ, въ самыхъ изящныхъ переплетахъ и даже съ вытисненной золотомъ надписью: „Главная контора золотыхъ промысловъ В. Т. Окоемова“.

— По моему, сейчасъ совершенно достаточно одной записной книжки, — объяснилъ Окоемовъ, качая головой. — Ты у меня заводишь какой-то департаментъ...

— Я и вывѣску заказалъ.

— Это еще что такое?

— Да какъ же иначе? У всѣхъ должны быть вывѣски...

По черному фону золотомъ: *Главная контора В. Т. Окоемова.* Да...

— Послушай, это ужъ... это шутство!.. Извини меня, но я, къ сожалѣнію, правъ. Мы ведемъ дѣловой разговоръ, и поэтому ты не имѣешь права обижаться.

Сереза все-таки обидѣлся.

— Я не подозрѣвалъ, что ты такой ужасный формалистъ, — ворчалъ онъ, собирая свои гроссбухи. — Да... Ты просто придираешься ко мнѣ.

Это замѣчаніе размѣшило Окоемова до слезъ. Какъ былъ

миль этотъ Сережа, сразу превратившійся въ чиновника отъ золотопромышленности. Впрочемъ, вѣдь здѣсь не Америка, и невинныя „дѣловыя“ декорации, можетъ быть, даже необходимы. А Сережа даже построилъ себѣ дѣловой костюмъ и, вмѣсто легкомысленной обычной визитки, облекся въ какой-то длиннополый сюртукъ, не смотря на стоявшій жаръ. Онъ игралъ въ англійскаго джентльмена.

— Сколько разослано приглашеній?—спрашивалъ Окоемовъ.

— Больше ста... Меня больше всего интресуетъ, кто явится первымъ. Вѣдь жизнь игра, и первый номеръ самый главный въ этой игрѣ. Я принялъ бы этого перваго изъ принципа, какъ счастливаго человѣка... Ты не смѣйся, пожалуйста. Это даже не предразсудокъ, а житейская мудрость.

Приемъ былъ назначенъ отъ десяти часовъ утра до трехъ. Сережа ужасно волновался и постоянно смотрѣлъ на часы.

— Кто-то первый придетъ?—повторялъ онъ про себя, заглядывая въ окно.

Ровно въ десять раздался нерѣшительный звонокъ. Сережа бросился къ столу, на которомъ въ дѣловомъ безпорядкѣ были разложены гроссбухи и принялъ озабоченно-меланхолическій видъ. „Сверну то, что должна отворять двери горничная,—мелькнуло у него въ головѣ. — Необходимо было нанять какого-нибудь человѣка. Лучше всего, артельщика... Сапоги бутылками, русская рубашка, серебряная цѣпочка и даже бѣлый фартукъ — ну, однимъ словомъ, настоящій артельщикъ. Ахъ, какую я глупость сдѣлалъ, что не подумалъ объ этомъ раньше. А Вася рѣшительно ничего не понимаетъ въ этихъ дѣлахъ“...

Позвонившій субъектъ что-то такое спрашивалъ у горничной, потомъ прокашлялся и, наконецъ, вошелъ въ приемную. Это былъ средняго роста мужчина, немного сутулый, съ кривыми ногами и съ какимъ-то обиженно-хмурымъ лицомъ. Потертый пиджакъ, лоснившіеся штаны и не первой молодости крахмальная рубашка говорили сами за себя. Лицо было тоже потертое и точно заношенное, — русая бородка, сѣрые глаза, мягкій носъ, рѣдѣвшіе на макушкѣ волосы.

— Я къ вамъ отъ Варвары Петровны... — проговорилъ субъектъ, подавая письмо.

Это было полнымъ разочарованіемъ. Какъ его считать: первымъ или не первымъ? По времени онъ былъ, дѣйстви-тельно, первымъ, но первымъ не изъ тѣхъ, кого приглашалъ Сережа.

— Вы—фельдшеръ Потаповъ?—холодно спрашивалъ Се-режа, пробѣжавъ письмо княжны.

— Такъ точно-съ...

Этимъ отвѣтомъ выдавалъ себя военный человѣкъ, и Се-режа еще разъ поморщился.

Окоёмовъ, лежа на своемъ диванѣ, слышалъ такой діа-логъ:

— Барвара Петровна не предупреждала васъ относи-тельно того, какіе люди намъ нужны?

-- Никакъ нѣтъ-съ, г. Окоёмовъ.

— Гм... Я не Окоёмовъ, а главный управляющій золо-тыми промыслами г. Окоёмова. Но это все равно...

Дальше слѣдовало дѣловое объясненіе того, что потре-буется отъ лицъ, изъявившихъ готовность поступить на службу къ г. Окоёмову. Сережа говорилъ тономъ специалиста, точно настоящій главный управляющій, всю жизнь прожившій на пріискахъ. Окоёмовъ невольно улыбнулся быстрымъ успѣхамъ своего друга. Когда Сережа дѣлалъ паузу, фельдшеръ какъ-то виновато-почтительно повторялъ: „Да, это точно-съ“... У него и голосъ былъ заношенный.

— Кстати, одинъ грустный, но необходимый вопросъ, г. Потаповъ: вы пьете, конечно?..

— Т. е. какъ пью-съ?

— Ну, водку пьете?.. Я не говорю о томъ, что вы бу-дете выпивать по рюмѣ водки передъ обѣдомъ, нѣтъ, а о томъ, что не пьете ли вы запоемъ?..

— Помилуйте, какъ можно-съ...

— Почему же вы мѣста лишились?

— По болѣзни-съ...

„Охъ, пить горькую, каналья!“—думалъ Сережа, глядя прищуренными глазами на своего кліента.

Въ гостиной набралось уже человѣкъ тридцать, при чемъ большинство составляла интеллигентная столичная голыдьба. Эта толпа рѣзко распадалась на два типа: съ одной стороны, коренные неисправимые москвичи, которые не могли даже

подумать, что можно еще гдѣ-нибудь жить, кромѣ родной Москвы, съ другой—провинціалы, пріѣхавшіе въ столицу исвать хлѣба. Было нѣсколько человѣкъ того склада, который характеризуется фразой: „перекати-поле“. Они нигдѣ не уживутся долго и будутъ всю жизнь странствовать по Россіи изъ конца въ конецъ. Добродушный и наивный Сережа про себя намѣтилъ эти рубрики и по нимъ распредѣлил своихъ кліентовъ. Особой кучкой выдѣлялись подозрительные субъекты, которыми кишмя кишитъ добродушная матушка Москва. Они держали себя съ особенной развязностью и смотрѣли на другихъ свысока.

— Я не понимаю вашей цѣли, — говорилъ одинъ такой подозрительный субъектъ, особенно надоѣдавшій Сережѣ. — Предпріятіе рискованное, во всякомъ случаѣ...

— Это ужъ наше дѣло. — отвѣчалъ Сережа сухо.

— Наконецъ, разстояніе... Завезете незнамо куда, оттуда потомъ и не выберешься.

— Самое лучшее, если вы не будете забираться въ такую даль...

— Конечно, если контрактомъ будетъ выговорена неустойка и двойные прогоны...

— Контрактовъ не будетъ и прогоновъ тоже...

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія.

— Всего хорошаго...

Сережѣ хотѣлось сказать просто: вонъ! и онъ чувствовалъ, что начинаетъ краснѣть отъ сдержаннаго напряженія.

Сережа хотѣлъ предложить еще какой-то вопросъ, какъ въ передней раздался нерѣшительный звонокъ. Черезъ минуту въ комнату вошелъ блѣдный молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Я печаталъ объявленіе въ газетахъ... Моя фамилія: Крестниковъ.

— Садитесь, пожалуйста. Если не ошибаюсь, вы бывшій студентъ?

— Да... изъ Петровско-Разумовской академіи.

— Да, да, понимаю. Не кончили курса? Да, понимаю... маленькая непріятная исторія.. да, да.

Студентъ искоса взглянулъ на фельдшера и какъ-то весь съежился, почуявъ конкурента.

— Ищете уроковъ? Вообще, мѣста...

Окоемову понравился самый тонъ голоса, какимъ говорилъ студентъ. Такой хорошей молодой голосъ... Онъ уже впередъ его принималъ. Да и специальность подходящая: сельское хозяйство необходимо. И фельдшеръ тоже подходящий человекъ, хотя и замухрышка. Что же, изъ такихъ замухрышекъ выдаются хорошие работники.

Дальше звонки послѣдовали одинъ за другимъ, такъ что скоро вся приемная наполнилась народомъ. Сережа уже охрипъ, повторяя одни и тѣ же вопросы и давая однѣ и тѣ же объясненія. Скоро онъ показался въ кабинетъ, красный, съ каплями пота на лбу и отчаяніемъ во взглядѣ.

— Что я съ ними буду дѣлать?—взмолился онъ, дѣлая театральныи жестъ.—Цѣлая орда невѣрная... И кого-кого только тутъ нѣтъ! Жаль, что ты не можешь посмотреть на нихъ, Вася.

— Есть интеллигентные?

— Всякаго жита по лопатѣ... Собственно говоря, я не особенно довѣряю этимъ интеллигентамъ: не выдержать и сбѣгутъ.

Послѣднюю группу составляли люди, которыхъ рѣшительно нельзя было отнести ни въ одной изъ вышеприведенныхъ категорій. Всего вѣрнѣе было назвать ихъ поврежденными.

— Вы чѣмъ занимались до сихъ поръ?

— Я вообще... Видите ли, я изобрѣлъ подводную лодку...

Поврежденный субъектъ торопливо доставалъ изъ кармана объемистый свертокъ засаленныхъ бумагъ съ очевиднымъ намѣреніемъ посвятить Сережу въ свою тайну, но Сережа благо-разумно уклонялся отъ подробностей, предпочитая вѣрить на слово.

Въ числѣ этихъ поврежденныхъ оказалось два воздухоплателя, изобрѣтатель какихъ то насосовъ, работавшихъ мятымъ паромъ, неизбежное regretium mobile, электротехникъ, мечтавшій упразднить всѣ паровыя машины и т. д. Окоемовъ впередъ предупредилъ Сережу, чтобы онъ оставилъ всю эту группу для личныхъ объясненій, — онъ питалъ большую слабость ко всякимъ изобрѣтателямъ, въ чемъ сказывалась американская жилка.

Познакомившись съ общимъ составомъ своихъ кліентовъ, Сережа выпроводилъ подъ разными предлогами сначала всѣхъ сомнительныхъ субъектовъ, а затѣмъ москвичей.

— Вѣдь вы не разстанетесь съ Москвой ни за какіе коврижки?—откровенно говорилъ онъ.

Москвичи смотрѣли другъ на друга, заминались и въ концѣ концовъ должны были соглашаться, что дѣйствительно не могутъ. Нѣтъ ужъ лучше голодать да только у себя въ Москвѣ. „Перекасти-поле“ доставило Сережѣ много хлопотъ, потому что имъ особенно понравилась перспектива отправиться въ Сибирь.

— Да, вѣдь, вы не уживетесь на одномъ мѣстѣ,—увѣрялъ Сережа хриплымъ голосомъ.—А намъ нужны люди, которые ѣдутъ не на одинъ и не на два дня... Впрочемъ, зайдите денька черезъ три для окончательныхъ переговоровъ съ моимъ довѣрителемъ. Я здѣсь только представитель...

Оставались двѣ группы—провинціалы и поврежденные люди. Всѣхъ набралось для перваго раза человѣкъ двѣнадцать, и Сережа назначилъ каждому особый день и часъ для переговоровъ съ будущимъ хозяиномъ.

Пока происходила эта каша, Марѣа Семеновна сидѣла у себя въ комнатѣ и горько плакала. Что же это такое? Старое окоемовское дворянское гнѣздо превратилось въ какой-то трактиръ... Чего только ни придумаетъ Вася.

— Ты сейчасъ же вымой полъ,—приказывала старушка горничной.—Я не знаю, чего они тамъ ни натащили... А потомъ прокури хорошенько амброй. Я не выношу этого воздуха... Мнѣ уже дурно.

VIII.

Этотъ „рекрутскій наборъ“, какъ назвала Марѣа Семеновна вербовку интеллигентной голи, повторился еще разъ подъ руководствомъ княжны. Окоемовъ уже могъ выходить. Онъ просто ужаснулся, когда увидѣлъ, что вся гостиная была занята желающими получить работу. Сколько было тутъ нужды, горя, молчаливаго отчаянія... Достаточно было взглянуть на эту грустную толпу, чтобы понять, какая пропасть бездонной столичной нужды раскрывалась. И о большинствѣ этихъ несчастныхъ женщинъ можно было впередъ сказать, что онѣ негодны, потому что были привязаны къ своимъ семьямъ и только искали побочнаго заработка. Свободныхъ женщинъ, которыя могли бы уѣхать изъ Москвы, было сравнительно очень немного.

— Варвара Петровна, вы, кажется, сдѣлали большую ошибку, — замѣтилъ Окоемовъ. — Въ своихъ приглашеніяхъ вы не упомянули, что нужны женщины совершенно свободныя, т.-е. такія, которыя могутъ свободно уѣхать.

— А онѣ уже не пишутъ въ своихъ объявленіяхъ, что не могутъ уѣхать...

— Онѣ ищутъ работы въ Москвѣ, поэтому и не пишутъ. Мнѣ жаль, что онѣ теряютъ даромъ день и одну лишнюю надежду... Впрочемъ, я самъ виноватъ, что не предупредилъ васъ. Не до того было...

Княжна очень смутилась этимъ замѣчаніемъ, такъ что Окоемову пришлось ее же успокоивать.

— Лучше всего будетъ, если я самъ переговорю съ ними, — предложилъ онъ, жалѣя свою помощницу. — Вы идите къ мамѣ, а я тутъ все устрою. А главное, не волнуйтесь...

Сконфуженная княжна ушла въ комнату Марѣы Семеновны и тамъ горько расплакалась, хотя и не встрѣтила особеннаго сочувствія со стороны хозяйки.

— По дѣломъ вору и муза, — ворчала Марѣа Семеновна. — вмѣстѣ съ Васей выдумки выдумываете. Вотъ и вышла кругомъ виновата... Охъ, что только и будетъ! Согрѣшила я съ вами... Сережа вонъ тоже хорошъ: назвалъ всякую рвань.

— Вы добрая, Марѣа Семеновна, но уже ничего не понимаете... — оправдывалась княжна, вытирая слезы.

— Какъ же я не понимаю: вѣдь Вася-то мой сынъ, полагаю? Нѣтъ, милая, это только отъ гордости дѣтки хотятъ умнѣ родной матери быть... Да. А Господь-то и смиритъ за гордость.

— Совсѣмъ вы уже не то говорите, Марѣа Семеновна... Я васъ очень люблю, но вы все-таки не понимаете. Я вѣрю въ Василія Тимофенча... Онъ задумалъ большое дѣло, и ему нужно помогать.

— Зачѣмъ же тогда плачешь?..

— Сдѣлала ошибку... обидно... По своей неосторожности заставила напрасно придти человѣкъ сорокъ бѣдныхъ женщинъ.

— Ну, бѣднымъ-то нечего дѣлать... Все равно, даромъ бы дома сидѣли.

— Зачѣмъ вы уже такъ говорите? Вы это нарочно, чтобы

позлить меня... Вѣдь вы добрая и говорите это такъ, а надъ бѣдными не хорошо шутить

— Хорошо, хорошо. Надоѣло... Опять весь домъ нужно мыть завтра да прокуривать, а то я не выношу этого воздуха... Голова у меня болитъ до смерти и безъ васъ.

Окоемовъ очень быстро покончилъ съ толпой ожидавшихъ рѣшенія своей участи женщинъ. Онъ въ короткихъ словахъ разъяснилъ недоразумѣніе и попросилъ остаться только тѣхъ, которыя могли свободно располагать собой. Такихъ оказалось очень немного, всего человѣкъ десять, да и тѣ довольно сомнительнаго характера въ смыслѣ пригодности. Это были или старыя дѣвы, или бездѣтныя вдовы. Изъ этихъ оставшихся едва набралось всего три женщины, которыя хотя сколько-нибудь подходили къ требованіямъ.

Аудиенція кончилась скоро, и Окоемовъ пришелъ къ матери такой усталый, разстроенный, разбитый.

— Напрасно ты себя убиваешь, Вася, — говорила Марѳа Семеновна. — Такъ нельзя... Мало ли бѣдныхъ людей на бѣломъ свѣтѣ: всѣхъ не обогрѣешь, не одѣнешь и не накормишь.

— Это такъ, мама, а все-таки обидно за этихъ несчастныхъ... Нужно было ихъ видѣть. Ахъ, сколько несправедливости на свѣтѣ, сколько несчастія, и мы можемъ жить спокойно. И, главное, то обидно, что большинство неспособно къ настоящему серьезному труду, вѣрнѣе сказать — не подготовлено. Такъ глупо воспитываютъ дѣвочекъ... А, вѣдь, не каждая выходитъ замужъ, да и замужемъ не всѣ бываютъ настолько обезпечены, чтобы не нуждаться въ заработкѣ на свою долю. Мужъ остался безъ мѣста, мужъ боленъ — мало ли что бываетъ, а тутъ еще дѣти. Какъ мнѣ тяжело было имъ отказывать, а тутъ еще сознаніе собственнаго безсилія. Ну, что я могу сдѣлать для нихъ, если онѣ никуда негодны? Вотъ мы сидимъ съ тобой, мама, въ собственномъ домѣ, одѣты, сыты, а онѣ пошли домой такія же голодныя, какъ и пришли. А дома ихъ ждутъ голодные дѣтскіе рты, безпомощные и больные старики... Нѣтъ, ужасно, ужасно!..

Окоемовъ заходилъ по воннатѣ, ломая руки. Глаза у него свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, лицо покрылось красными пятнами. Княжна потихоньку любовалась имъ, какъ выраженіемъ дѣятельной мужской силы. Ахъ, какой хорошей, доб-

рый, чудный человекъ, и какъ много онъ могъ бы сдѣлать, если бы не болѣзнь. Вѣдь живутъ же на свѣтѣ тысячи негодаевъ, пьяницъ, вообще дурныхъ людей, а хорошій человекъ долженъ умереть, потому что слишкомъ много работалъ. Окоемовъ понялъ эту тайную мысль княжны, подошелъ къ ней, взялъ за руку и проговорилъ:

— Вы меня жалѣете, Варвара Петровна? Спасибо... Ничего, поправимся. Кстати, въ моемъ спискѣ вы стоите первымъ номеромъ...

— Въ какомъ спискѣ?—удивилась княжна.

— А какъ же, вѣдь вы тоже ѣдете со мной на Уралъ?

— Я?.. Вы шутите, Василій Тимофеичъ. Вѣдь я рѣшительно ничего не умѣю дѣлать: ни готовить вуханье, ни шить, не знаю вообще никакого хозяйства. Вотъ переводы или уроки...

— А если вы мнѣ нужны, дорогая?.. Повѣрьте мнѣ, что не пожалѣете... Бѣдныхъ мы вездѣ найдемъ и будемъ имъ помогать.

— Я уже не знаю, Василій Тимофеичъ...

— Конечно, вамъ тяжело будетъ разстаться съ Москвой, но, вѣдь, мы уѣзжаемъ не навѣчно. Я вамъ буду давать каждый годъ небольшой отпускъ...

Марѳа Семеновна слушала сына и съ своей стороны вполне съ нимъ соглашалась, хотя и съ другой точки зрѣнія: все же свой человекъ, въ случаѣ, Вася захвораетъ, такъ она и не отойдетъ. Каждый думалъ по своему и руководился собственными соображеніями. Сдѣлавъ свое предложеніе княжнѣ, Окоемовъ точно забылъ о присутствующихъ и началъ опять ходить по комнатѣ.

— Иногда мнѣ начинаетъ казаться, что я схожу съ ума,—заговорилъ Окоемовъ послѣ длинной паузы такимъ тономъ, точно думалъ вслухъ.—Да, да... Нападаетъ какое-то глухое отчаяніе, сомнѣніе, и я теряю вѣру въ самого себя. Вотъ именно было такъ давеча, когда эти женщины выходили изъ комнаты... Мнѣ казалось, что онѣ презираютъ меня, и что вмѣстѣ съ ними уходило что-то такое мучительно хорошее, какъ течетъ кровь изъ открытой жилы. Да, да... Мнѣ хотѣлось крикнуть имъ: вернитесь! хотѣлось приласкать ихъ, угѣшить. Нѣтъ, я не умѣю этого выразить...

— Почему же вы не вѣрите въ себя, Василій Тимофейчъ?— тихо спросила княжна, точно боялась его разбудить своимъ вопросомъ.

— Почему? Ахъ, да... Да потому, что для меня мои планы такъ понятны, ясны и просты и до сихъ поръ всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на бредъ сумасшедшаго. Если даже всѣ мои планы рушатся, то останется, по крайней мѣрѣ, попытка хотя что-нибудь сдѣлать. Все зависитъ отъ того, что я вѣрю въ людей, вѣрю въ возможность дѣятельной борьбы со зломъ, а тутъ кругомъ полная апатія и круговое недовѣріе. Какъ же жить при такихъ условіяхъ?..

Этотъ монологъ былъ прерванъ появленіемъ горничной, заявившей, что „пришли Сергѣй Ипполитычъ“.

— А, уже онъ пришелъ!—съ оживленіемъ заговорила княжна.—Какъ же вы приглашаете меня, Василій Тимофейчъ, ѣхать съ вами въ Сибирь, когда и онъ поѣдетъ тоже? Я уже не могу...

— Вотъ у насъ всегда такъ...—отвѣтил Окоемовъ съ больной улыбкой.—На первомъ планѣ свои личные маленькіе счеты, изъ за которыхъ мы готовы пожертвовать рѣшительно всѣмъ. Впрочемъ, я это такъ..

Сережа шагаль по гостинной съ озабоченнымъ видомъ, заложивъ руки за спину. Онъ былъ взволнованъ.

— Послушай, Вася, что же это такое? безъ всякихъ предисловіи навинулся онъ на Окомова.

— Что такое случилось?

— Вчера съ однимъ знакомымъ я заѣхалъ въ „Яръ“, т.-е., вѣрнѣе, онъ меня завезъ туда,—виновато поправился Сережа.—Ну, заняли столикъ, сидимъ... А за сосѣднимъ столикомъ сидитъ какая-то купеческая компанія. Ты знаешь, какъ я ненавижу это сословіе! У меня это вродѣ какой-то болѣзни... Не выношу. А тутъ сидитъ въ компаніи какой то купчикъ, и этотъ пренахально уставился на меня глазами. Чортъ знаетъ, что такое... Смотритъ да еще улыбается. А потомъ подходитъ ко мнѣ и говорить: „Мнѣ ваша личность очень знакома“...— „Что вамъ угодно?“— „Да ничего-съ... А вотъ на бильярдѣ, это точно-съ, вы орудуете въ лучшемъ видѣ! Хорошая музыка... А промежду прочимъ, скажите Василю Тимофейчу, что хотя они и весьма умственный чело-

вѣкъ, а только напрасно въ чужой лѣсъ зашли, да и дерево не по себѣ выбрали. Да-съ "... Я тутъ только сообразилъ, куда гнетъ этотъ нахалъ: это онъ на счетъ Таганки, гдѣ я игралъ на бильярдѣ съ Барышниковымъ. Онъ даже назвалъ себя, только я забылъ его имя...

— Маркъ Евсеичъ Барышниковъ, — увѣренно отвѣтилъ Окоемовъ.

— Вотъ, вотъ... Но, все-таки согласишься, что мое положеніе было не изъ красивыхъ?

— А зачѣмъ патаешься въ „Яръ“? Впрочемъ, все это пустяки и касается только меня одного... Однимъ словомъ, не стоитъ волноваться, мой другъ.

Слова Окоемова всегда производили на Сережу самое успокоивающее дѣйствіе, какъ капли холодной воды. Онъ и сейчасъ сразу повеселѣлъ и даже весело подмигнулъ Окоемову.

— Знаешь, Вася, сначала я отнесся къ твоимъ планамъ довольно критически, — заговорилъ онъ, закуривая папиросу. — Да... Говоря откровенно, я и сейчасъ не вѣрю въ нихъ. Но это твое дѣло, а я въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь. Да... И вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня явился свой планъ. Ты, пожалуйста, не смѣйся надо мной...

— Интересно познакомиться...

— Нѣтъ, я совершенно серьезно... Я тутъ познакомился съ однимъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, который пропилъ свой магазинъ. Ну, что же, это его дѣло, а я въ семейныя дѣла не мѣшаюсь... Онъ тогда приходилъ вмѣстѣ съ другими заниматься и, между прочимъ, далъ мнѣ блестящую мысль, именно, открыть производство часовъ въ Россіи... Не правда ли, недурно? И всего лучше это устроить тамъ, на Уралѣ, гдѣ и мѣдъ своя, и сталь, и серебро, и золото — однимъ словомъ, весь матеріалъ.

— Мысль недурная, но, къ сожалѣнію, совершенно неосуществимая. Не выдержать конкуренціи съ заграничными часами, да и дѣло требуетъ сразу громаднаго капитала... Матеріалъ въ часовомъ производствѣ самое дешевое, а цѣнится только работа.

— Значить, мой проектъ не годится?

— Рѣшительно не годится никуда...

— А я сегодня цѣлую ночь не спалъ изъ-за него и даже

планъ будущей фабрики составилъ, т.-е. пока квартиры основателя фирмы, т. е. меня. Этажъ въ русскомъ стилѣ, а на крышѣ пѣтухъ держитъ въ клювъ часы... Жаль, что не осуществимо. Да.

— Я тебѣ вотъ что скажу, Сережа, — заговорилъ Окоемовъ совершенно серьезно. — Я тебя очень люблю и цѣню, но долженъ тебя предупредить объ одной маленькой вещи... Ты вотъ сейчасъ заговорилъ о деньгахъ, а до сихъ поръ умѣлъ только ихъ тратить. У меня для всѣхъ служащихъ будетъ одно общее правило, не исключая и тебя: каждый, поступившій ко мнѣ на службу, обязывается въ теченіи года накопить сто рублей, вкладываетъ эти деньги въ дѣло и такимъ образомъ дѣлается пайщикомъ. Деньги ничтожныя, особенно при окладѣ главнаго управляющаго, но все-таки нужно умѣть ихъ накопить. Въ этомъ все... не выдержавшій этого экзамена долженъ будетъ уйти.

— Послушай, я не понимаю тебя, Вася... Я... я по сметамъ ресторановъ уплачивалъ больше. Неужели изъ-за такихъ пустяковъ ты можешь отказать даже мнѣ?..

— И даже тебѣ... Въ дѣлѣ всѣ равны, голубчикъ, а коммерческія предпріятія не могутъ выносить сентиментальности. Я буду поступать, какъ самый скверный купецъ... Исключеній ни для кого не будетъ. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ при нашей русской распущенности было трудно сконить мои первые сто долларовъ! Но это необходимая школа... Только деньги даютъ самостоятельность.

IX.

Извѣстіе, принесенное Сережей, очень встревожило Окоемова, хотя онъ и не выдалъ себя ни однимъ движеніемъ. Необходимо было торопиться отъѣздомъ на Уралъ...

Дня черезъ два онъ былъ совершенно здоровъ и могъ принимать своихъ будущихъ помощниковъ для подробныхъ переговоровъ относительно будущаго.

Первымъ номеромъ здѣсь опять явился замухрышка фельдшеръ, который очень понравился Окоемову, какъ человѣкъ, вымуштрованный для упорнаго труда. Относительно ста рублей фельдшеръ охотно согласился.

— Что-же-съ, это правильно-съ, Василій Тимофеичъ.

— Ну, и отлично. Готовьтесь къ отъѣзду...

Больше возни было съ студентомъ Крестниковымъ, двумя нелюбимыми техниками и, вообще, интеллигентами. Они никакъ не могли понять, для чего нужно было свопить въ теченіе года непременно сто рублей. Ихъ это условіе даже какъ будто конфузило, какъ что-то неприличное.

— Чтобы не было недоразумѣній, я впередъ долженъ предупредить васъ, господа,—говорилъ Окоемовъ: — именно, что вы будете имѣть дѣло съ купцомъ... Да, съ самымъ простымъ купцомъ промышленникомъ, который будетъ считатьъ каждую копейку, каждый грошъ. Васъ это немного шокируетъ, начиная съ самаго слова: купецъ. А между тѣмъ, въ этой терминологіи ничего нѣтъ страшнаго... Купецъ это человѣкъ, который ведетъ какое-нибудь торгово-промышленное дѣло, а подобныя дѣла требуютъ самой строгой точности. Здѣсь изъ грошей и копеекъ вырастаютъ милліоны рублей. Затѣмъ, у насъ, въ Россіи, никто такъ не работаетъ, какъ только купецъ, и никто такъ не знаетъ своего дѣла, какъ купецъ. Наконецъ, у насъ никто такъ не рискуетъ, какъ купецъ... Интеллигентные люди обыкновенно видятъ только дурныя стороны въ жизни купечества, но вѣдь никто не мѣшаетъ обратить вниманіе на хорошее и воспользоваться именно этимъ хорошимъ. Вотъ именно съ этой послѣдней точки зрѣнія я и хочу быть купцомъ...

— Однимъ словомъ, вы хотите нажить капиталъ, — сумрачно спорилъ студентъ Крестниковъ. — Стоитъ ли объ этомъ такъ хлопотать?.. По моему, это зависитъ отъ личнаго вкуса и совѣтъ не нуждается въ хорошихъ словахъ... Вы возводите наживу въ какой-то подвигъ.

— Вотъ именно съ этой точки и начинается наша разниа съ настоящимъ, такъ сказать, общепринятымъ купцомъ. Тотъ нажилъ капиталъ, и въ этомъ его цѣль, а для насъ капиталъ будетъ только средствомъ, какъ всякая другая сила. Общепринятый купецъ будетъ жить въ свое удовольствіе, добиваться почетныхъ должностей и медалей, въ худшемъ случаѣ будетъ своими капиталами давить бѣдныхъ, или кончить какимъ-нибудь безобразіемъ. Но, вѣдь, все это не обязательно и въ большинствѣ случаевъ зависитъ только отъ недостатка образованія. Въ послѣднемъ случаѣ я могу приве-

*

сти примѣръ купца англійскаго, французскаго, американскаго... Но важно для насъ то, что капиталъ—сила и страшная сила, слѣдовательно, весь вопросъ только въ томъ, куда направить эту силу, которая сама по себѣ ни дурна, ни хороша, какъ всякая сила. Я, можетъ быть, потеряю въ вашихъ глазахъ, господа, но говорю откровенно, что люблю деньги, какъ равнодѣйствующую всѣмъ силамъ. Вы только представьте себѣ, что у васъ, вмѣсто двухъ вашихъ собственныхъ рукъ—тысячи такихъ рукъ, слѣдовательно, вы въ тысячи разъ сильнѣе, чѣмъ полагается самой природой.

— Позвольте, Василій Тимофеевичъ,—вступился одинъ изъ техниковъ, очень мрачный молодой человѣкъ.—Что вы говорили о капиталѣ вообще, съ этимъ еще можно согласиться съ нѣкоторыми поправками, но вы смѣшиваете деньги и капиталъ, а это не совсѣмъ одно и то же...

— Да, вы правы, молодой человѣкъ... Вся разница въ томъ, что слово капиталъ гораздо шире, какъ понятіе. Но дѣло не въ этомъ... Есть болѣе важный вопросъ, который у васъ на языкѣ. Вы будете моими компаньонами, у насъ будетъ общій капиталъ, но вы спросите: для чего? Не правда ли? Вы имѣете на это право... Здѣсь, господа, мое самое слабое мѣсто и, не входя въ подробныя объясненія, на которыя я сейчасъ даже не могу претендовать, отвѣчу вамъ словами одного великаго поэта. Извините, если отвѣтъ будетъ немного длиненъ—хорошія вещи нужно повторять тысячи разъ.

Окоемовъ отправился къ своему книжному шкафу и досталъ маленький компактный томикъ. Перелистывая его, онъ нашелъ необходимое мѣсто, перечиталъ его про себя и заговорилъ:

— Это „Фаустъ“, Гете... да. Величайшее произведеніе гениальнѣйшаго поэта... да. Вы, конечно, читали его и знаете содержаніе этой поэмы. Въ ней есть одно, можетъ быть, самое неэффектное мѣсто, на которое вы, вѣроятно, не обратили вниманія... да. Но именно здѣсь „гвоздь“ всего, какъ говорятъ фразы. Вы помните уговоръ между Фаустомъ и Мефистофелемъ? Окончательно Фаустъ отдаетъ себя во власть Мефистофелю, когда, наконецъ, найдетъ полное удовлетвореніе и скажетъ: „мгновенье, остановись!“ И Фаустъ это говорить. Но когда? Я позволю себѣ прочесть это мѣсто цѣликомъ, въ переводѣ Фета:

Болото тянется къ горамъ
 И заражаетъ все, что мы добыли;
 Спустить бы грязь гнилую только намъ—
 Вотъ этимъ бы мы подвигъ завершили.
 Мы-бъ дали мѣсто многимъ миллионамъ
 Зажить трудомъ, хоть плохо огражденнымъ!
 Стадамъ и людямъ по зеленымъ нивамъ
 На цѣлинѣ придется жить счастливымъ,
 Сейчасъ пойдутъ селиться по холмамъ,
 Что трудовой народъ насыплеть самъ.
 Среди страны здѣсь будетъ свѣтлый рай,
 А тамъ волна бушуй хоть въ самый край,
 И гдѣ буруны только входъ проложутъ,
 Тамъ сообща сейчасъ изъянъ заложутъ.
 Да, этотъ смыслъ мной подлинно усвоенъ,
 Вся мудрость въ томъ, чтобы познать.
 Что тотъ свободы съ жизнью лишь достоинъ,
 Кто ежедневно долженъ ихъ стяжать.
 Такъ проживетъ здѣсь, побѣждая страхъ,
 Ребенокъ, мужъ и старецъ вѣкъ въ трудахъ.
 При видѣ этой суеты
 Сбылись бы всѣ мои мечты.
Тогда бъ я могъ сказать миновенью:
Остановись! Прекрасно ты!
 И не исчезнуть безъ значенья
 Земные здѣсь мои слѣды.
 Въ предчувствіи такого счастья я
 Достигъ теперь вершины бытія...

Окоемовъ сложилъ книгу и поставилъ ее на прежнее мѣсто въ шкафу. Въ комнатѣ царило нѣсколько времени молчаніе. Окоемовъ нахмурился. Неужели нужно было цитировать Гёте, какъ авторитетъ, чтобы доказать такую простую и, кажется, для всякаго понятную мысль? Цѣль такъ ясна, и только нужна работа, чтобы она была достигнута. Благодарная хорошая работа, потому что она окрылена сознаниемъ общаго дѣла, сознаниемъ того, что тысячи, десятки тысячъ работниковъ идутъ дружно къ ней, а между тѣмъ они, можетъ быть, никогда и не увидятъ другъ друга.

— Извините, господа, я усталъ...—проговорилъ Окоемовъ, дѣлая вдоханіе.—Только одно и послѣднее слово: среди васъ я такой же работникъ, какъ и вы. Можетъ быть, я сдѣлалъ ошибку, что слишкомъ много говорилъ съ вами—это не совсѣмъ коммерческій пріемъ, такъ какъ время—деньги. Наконецъ, просто выходитъ въ родѣ того, какъ будто я въ чемъ-то оправдываюсь.

Всѣ эти переговоры и объясненія волновали Окоемова, нагоняя какую-то смутную неувѣренность и въ себѣ, и въ другихъ. Онъ инстинктивно искалъ чьей-то неизвѣстной поддержки, и каждый разъ такое настроеніе связывалось съ мыслью о ней, о той дѣвушкѣ, которая стояла живой предъ его глазами. Гдѣ-то она теперь? Вспомнила ли про него хоть разъ? Могла ли бы она понять все то, что его такъ волновало, заботило и дѣлало больнымъ? Когда онъ задумывался на эту тѣму, ему начинало казаться, что онъ чувствуетъ на себѣ пристально—ласковый взглядъ большихъ дѣвичьихъ глазъ, невысказанную мольбу...

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно!..—говорилъ Окоемовъ самому себѣ.—Нѣтъ, теперь не до этого... Будемъ думать о дѣлѣ.

Большое удовольствіе Окоемову доставилъ изъ всѣхъ новыхъ знакомыхъ, съ которыми приходилось вести переговоры, одинъ изобрѣтатель насосовъ. Кто бы могъ подумать, что въ такой прозаической специальности скрывалось гениальное открытіе. Да, именно гениальное... Когда Окоемовъ выслушалъ въ первый разъ объясненія этого изобрѣтателя, то пришелъ въ такое изумленіе, что даже не вѣрилъ собственнымъ ушамъ. Самая наружность изобрѣтателя точно измѣнилась на его глазахъ. Это былъ уже пожилой господинъ съ не улыбавшимся лицомъ и грустными глазами. Во всей фигурѣ, въ выраженіи лица и особенно въ глазахъ чувствовалась какая-то особенная натруженность. Звали его Иваномъ Гаврилычемъ Потемкинымъ. Одѣтъ онъ былъ прилично и, по всѣмъ признакамъ, видалъ лучшіе дни.

— Вы гдѣ-нибудь служили раньше, Иванъ Гаврилычъ?

— Да, въ частномъ банкѣ. Тамъ, въ провинціи... Былъ даже бухгалтеромъ, но все бросилъ. Не могъ перенести... измучила мысль о насосахъ, т.-е. собственно не о насосахъ, а общая идея примѣненія атмосфернаго довленія, какъ общаго двигателя.

— Вы не можете сказать, какъ эта идея пришла вамъ въ голову?

— Какъ пришла? Мнѣ кажется, что я родился вмѣстѣ съ ней.. Еще въ дѣтствѣ-съ, когда запускалъ змѣя.

Когда заходила рѣчь объ „идеѣ“, Потемкинъ сразу измѣнялся, точно весь свѣтлѣлъ.

— Вы только представьте себѣ, Василій Тимофеичъ, всю грандіозность моего проекта, — говорилъ онъ, нескладно размахивая длинными костлявыми руками. — Надъ каждой точкой земного шара давленіе атмосферы равняется тридцати двумъ дюймамъ ртутнаго столба или водопаду въ двадцать сажень высоты. И вдругъ воспользоваться этой страшной силой, какъ двигателемъ! Конечно, не я одинъ думалъ объ этомъ, но мнѣ пришла маленькая счастливая мысль, которая на практикѣ можетъ доказать возможность пользованія этой силой. Да, можно покорить эту воздушную оболочку нашей земли и заставить ее работать... До сихъ поръ человѣчество пользовалось только вѣтромъ, т.-е. силой отъ движенія воздуха, а я хочу сдѣлать рабочей силой самое давленіе этой атмосферы. И какъ все просто, Василій Тимофеичъ... Когда мнѣ пришла мысль о насосахъ, я думалъ, что сойду съ ума. Вѣдь это будетъ грандіознѣйшимъ открытіемъ за все столѣтіе, нѣтъ, больше — за все существованіе человѣчества.

— Не сильно ли сказано, Иванъ Гаврилычъ? — съ улыбкой замѣчалъ Окоемовъ, любуясь загоравшимися фанатическимъ огонькомъ глазами великаго изобрѣтателя.

— Нѣтъ, это уже вѣрно-сь, — тихо спорилъ Потемкинъ. — Вы только представьте себѣ, что я даю человѣчеству страшную силу, передъ которой и паръ, и электричество покажутся дѣтскими игрушками. И только благодаря этой силѣ, пустыни будутъ орошены и превратятся въ цвѣтуція страны, страшныя болота, заражающія воздухъ, осушены, тамъ, гдѣ сейчасъ умираетъ съ голоду семья какого-нибудь номада, будутъ благоденствовать тысячи... Мало того, — мое открытіе устраняетъ само собой всѣ социальныя недоразумѣнія, нищету, порокъ, самое рабство, потому что сдѣлаетъ вѣждаго человѣка сильнѣе въ десять разъ и тѣмъ самымъ возвыситъ его производительность. Особенно характерно это по отношенію къ рабству: рабъ только двигающая сила, и больше ничего. Это зло устранили не моралисты, а изобрѣтатели новыхъ двигателей, и оно было бы немислимо при моемъ двигателѣ, какъ будетъ невозможна даже война. Трудно даже приблизительно предвидѣть всѣ послѣдствія моего маленькаго открытія. Мнѣ даже дѣлается страшно, когда я начинаю думать на эту тему...

— У васъ были опыты съ вашими насосами?

— О, да... Въ теченіи десяти лѣтъ работаю.

— И удачно?

— Да... Конечно, была масса ошибокъ, просто неудачъ, какъ при всякомъ новомъ изобрѣтеніи, но вѣдь это неизбѣжно...

Окоемовъ слушалъ этого безумца и чувствовалъ, какъ самъ заражается его гениальнымъ бредомъ. А что, если все это осуществимо?

— Да, мы сдѣлаемъ опытъ съ вашимъ насосомъ тамъ, на промыслахъ,—говорилъ онъ, пожимая руку изобрѣтателя.— И увидимъ... Французская академія наукъ не признала дифференціального исчисления, Наполеонъ считалъ Фультона сумасшедшимъ, Тьеръ смѣялся надъ первой желѣзной дорогой, какъ надъ глупостью—да, бываетъ, Иванъ Гаврилычъ.

Х.

Отъѣздъ Окомова на Уралъ замедлился, благодаря тому, что нужно было устроить до осени коммисіонныя дѣла съ Америкой. Осенью онъ надѣялся побывать въ Москвѣ, чтобы провѣрить заказы и порученія. Самымъ труднымъ являлось устроить передовѣрія,—Окоемовъ плохо вѣрилъ въ русскую аввуратность.

Въ самый разгаръ этихъ хлопотъ онъ получилъ анонимное письмо, писанное на простой сѣрой бумагѣ измѣненнымъ почеркомъ.

„Милостивый государь! Вы поступаете довольно безсовѣстно, потому что суете свой носъ въ чужія дѣла. Но это даже бесполезно, потому что найдутся люди поумнѣ васъ въ десять разъ. Во всякомъ случаѣ будьте покойны, что и мы дремать тоже не будемъ. Лучше будетъ, если вы хорошенько позаботитесь о самомъ себѣ. И еще вамъ скажу, что своимъ поведеніемъ вы подвергаете себя большой опасности, потому что будете имѣть дѣло съ людьми очень сосредоточенными. Оставьте свои нелѣпныя затѣи и знайте свои дѣла. А впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно“.

Письмо было безъ всякой подписи, съ городскимъ штемпелемъ. Окоемовъ далъ его прочитать вняжнѣ.

— Я уже ничего не понимаю,—замѣтила та, перечитывая письма.

Окоземовъ подробно объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и это авторъ письма.

— Страшнаго въ этихъ угрозахъ ничего нѣтъ, но все-таки осторожность не лишняя, — замѣтилъ онъ. — Эту дѣвушку спрятали гдѣ-то тамъ, въ Сибири, и мы должны ее разыскать во что бы то ни стало. Съ этой цѣлью я и пригласилъ васъ, Варвара Петровна, потому что только вы одна можете это устроить...

— Я?

— Да, вы... Подробности потомъ, но помните одно, именно, что дѣло идетъ о спасеніи беззащитной дѣвушки.

Княжна задумалась на одно мгновеніе, а потомъ съ рѣшительнымъ видомъ заявила:

— Что же, я уже согласна, Василій Тимофеичъ.

Сережа тоже дѣятельно готовился къ отъѣзду. Во-первыхъ, онъ купилъ непромокаемые охотничьи сапоги, потомъ цѣлаю тысячу гаванскихъ сигаръ, потомъ щегольской дорожный баулъ, наборъ всевозможныхъ консервовъ, англійскую шляпу съ двумя козырями и кисеей, два револьвера, походную библіотеку — важется, все было предусмотрѣнно вплоть основательно. Для пробы онъ надѣлъ свои сапоги, шляпу, повѣсилъ черезъ плечо пароходный бинокль, накинулъ на плечи кавказскую бурву и въ такомъ видѣ предсталъ предъ Марей Семеновной.

— Охъ, батюшка, напугалъ ты меня до смерти! — всполошилась старушка. — Я сама въ книжкѣ читала, что былъ такой отчаянный разбойникъ Ринальдо-Ринальдини... Я-то давно читала, а ты тутъ какъ снѣгъ на голову.

— Нельзя, Марья Семеновна: дѣло серьезное, — объяснялъ Сережа, любуясь своимъ фантастическимъ костюмомъ. — Я еще кинжалъ себѣ куплю...

— Ну, ужъ, батюшка, съ кинжаломъ-то ко мнѣ ты, пожалуйста, и на глаза не показывайся... Мало ли что тебѣ въ башку взбредеть, а я еще пожить хочу. Да сними ты котель-то свой — смотрѣть противно...

Марья Семеновна очень беспокоилась приготовленіями своего ненагляднаго Васи къ отъѣзду, долго думала о томъ, что его гонить изъ Москвы въ такую даль, волновалась и, наконецъ, пришла къ удивительному заключенію, къ какому

только могло придти любящее материнское сердце, именно, она во всем обвинила Сережу... Конечно, это его дѣло! Шалберничаль-шалберничаль въ Москвѣ, прокутился до зла-горя, а потомъ и придумаль. Ему-то все равно, гдѣ ни пропадать. Вонъ и ножъ собирается покупать... Какъ есть отчаянная голова! Вся надежда у старушки оставалась на вняжну. Положимъ, она женщина не совсѣмъ правильная и иногда даже совсѣмъ заговаривается, а все-таки женщина, и, въ случаѣ чего, отсовѣтуетъ по крайней мѣрѣ. Именно съ этой точки зрѣнія старушка и смотрѣла теперь на Сережу, любовавшагося на себя въ зеркало. Наконецъ, старушка не выдержала и проговорила:

— Не ожидала я отъ тебя, Сережа...

Голосъ у нея дрогнулъ, и на глазахъ показались слезы.

— Чего не ожидали, Марѳа Семеновна?

— А вотъ этого самого... Кто всю смуту-то поднялъ? Жилъ бы себѣ Вася въ Москвѣ, у своего дѣла, кабы не твои выдумки... Ты думаешь, выжила старуха изъ ума, а я-то все вижу. И еще какъ вижу... Грѣшно тебѣ, Сережа.

— Да вы о чемъ, Марѳа Семеновна?..

— Не притворяйся, пожалуйста, по крайней мѣрѣ... Безъ этого тошно. Привелъ вонъ какъ-то Вася ко мнѣ какого-то неизвѣстнаго человѣка, назвалъ его Иваномъ Гаврилычемъ и говоритъ: „Мамаша, рекомендую — гениальный человѣкъ“... Такъ, приказный какой-то и, навѣрно, горькую пьетъ, а Вася-то простъ. Развѣ такіе гениальные-то люди бываютъ? Шекспиръ, Рашель, Наполеонъ, а это какой-то Иванъ Гаврилычъ... Ну, я укрѣпилась, сдѣлала видъ, что вѣрю, а потомъ этапъ въ слову и спрашиваю: „А позвольте узнать, чѣмъ вы занимаетесь?“ Ну, тутъ ужъ ему и нельзя было скрыться. Понесъ такую ахинею, что святыхъ вонъ понеси... Какіе-то насосы приготовляетъ. Такъ вѣдь это по пожарной части — я тоже могу понимать, что и въ чему относится. И подвелъ этого гениальнаго Ивана Гаврилыча опять-таки ты, Сережа... Ты, ты, ты! Лучше и не спорь, не обманывай въ глаза... Все я вижу и понимаю. Ты еще не подумалъ соврать, а я уже вижу.

Это признаніе заставило Сережу хохотать до слезъ, такъ что Марѳа Семеновна обидѣлась и кончила слезами.

— Смѣйся, безпутный, а Богъ тебя все-таки накажетъ...

— Ахъ, Марѳа Семеновна, Марѳа Семеновна... ха-ха! Вотъ уморили-то!.. Вы знаете, какъ я васъ люблю... Нѣтъ, это, наконецъ, невозможно! Ха-ха-ха... Милая Марѳа Семеновна... О, sancta simplicitas!..

Именно въ такомъ положеніи засталъ стороны Окоемовъ, когда зашелъ въ комнату къ матери. Сначала онъ рѣшительно ничего не могъ понять, а потомъ улыбнулся и проговорилъ:

— Да, это все онъ, мама... Ты угадала. И навѣрно Богъ его накажетъ...

— А что же я-то говорю, Вася?— обрадовалась старушка.— Посмотри на него, какимъ онъ разбойникомъ разодѣлся... Еще зарѣжетъ кого-нибудь подъ пьяную руку.

— Навѣрно зарѣжетъ, мама... Я въ этомъ убѣжденъ. Кого бы ему зарѣзать въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, да—вняжну...

Окоемовъ шутилъ, но у самого было тяжело на душѣ. Предстоявшая разлука съ матерью очень беспокоила его. Онъ такъ любилъ свою милую старушку съ ея дворянскими предрасудками, снами, предчувствіями, примѣтами и дѣтской наивностью. Въ его глазахъ она являлась старой Мосевой, которая еще сохранялась на Арбатѣ и Пречистенкѣ. Милая старушка, милая старая Мосева... Почему-то сейчасъ Окоемову было особенно тяжело расставаться съ роднымъ гнѣздомъ,—сказывался и возрастъ, и надломленные силы.

Изъ завербованныхъ интеллигентныхъ людей, двое получили авансы и исчезли, двое другихъ наканунѣ отъѣзда раздумали и отказались — оставалось на лицо всего пятеро: фельдшеръ Потаповъ, Иванъ Гаврилычъ, студентъ Крестниковъ и двое студентовъ техникумовъ.

— Много званыхъ, но мало избранныхъ, — съ невольной грустью подумалъ Окоемовъ.—Что же, пока будемъ довольствоваться и этимъ, а впослѣдствіи можно будетъ сдѣлать вторичный наборъ. Впрочемъ, и на мѣстѣ навѣрно найдется достаточное количество взыскующихъ града...

Больше всего Окоемовъ былъ радъ тому, что познакомился съ Потемкинымъ. Это былъ настоящій влады... Съ каждымъ днемъ въ этомъ странномъ человѣкѣ онъ открывалъ новыя достоинства и чувствовалъ, что изобрѣтатель на-

сосовъ дѣлается ему роднымъ, другомъ, товарищемъ, а главное — тѣмъ вѣрнымъ человекомъ, на котораго можно было положиться. Впрочемъ, ему нравился и фельдшеръ Потаповъ, и всѣ студенты, особенно Крестниковъ. Такіе милые молодые люди, еще не остывшіе душой...

Намаявшись за день съ своими дѣлами, Окоемовъ возвращался домой усталый и разбитый. Лучшимъ отдыхомъ для него было то, чтобы въ его кабинетѣ сидѣлъ Иванъ Гаврилычъ и рассказывалъ что-нибудь. Собственно, изобрѣтатель, кажется, совсѣмъ не умѣлъ сидѣть, а вѣчно бродилъ по комнатѣ, какъ тѣнь, курилъ какую-то необыкновенную глиняную трубочку и говорилъ на ходу, точно гонялся за отдѣльными фразами. За два дня до отъѣзда Иванъ Гаврилычъ совершенно неожиданно заявилъ:

— А какъ же я буду съ дѣвочкой, Василій Тимофенчъ?

— Съ какой дѣвочкой?—могъ только удивиться Окоемовъ.

— А дочь...

— Ваша дочь?

— Да...

— Гдѣ же она? Сколько ей, наконецъ, лѣтъ?

— Позвольте... пять лѣтъ, нѣтъ—четыре. Да, именно четыре... Очень милая дѣвчурка... Мать умерла уже два года назадъ, а дѣвчурка живетъ со мной. Она у меня ведетъ все хозяйство.

— Гмъ... да... Какъ же быть? Не лучше ли оставить дѣвочку здѣсь, какъ вы думаете? Я могу поговорить съ мамой, наконецъ...

Иванъ Гаврилычъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, поправилъ галстухъ, который его почему-то началъ давить, развелъ руками и заявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ:

— Нѣтъ, Василій Тимофенчъ, я съ своей дѣвочкой не расстанусь ни за что... да. Вѣдь я только для нея и живу.

Окоемовъ подумалъ, пожевалъ губами и рѣшилъ:

— Хорошо, мы возьмемъ дѣвочку съ собой...

Иванъ Гаврилычъ даже не поблагодарилъ за эту уступку, а только покраснѣлъ и отвернулся къ окну. Онъ цѣлыхъ двѣ недѣли все готовился переговорить съ Окоемовымъ о своей дѣвочкѣ, составлялъ цѣлыя рѣчи и никакъ не могъ рѣшиться.

Марѳа Семеновна уже за день до отъѣзда ходила съ опухшими отъ слезъ глазами и потребовала отъ сына только одной уступки, чтобы онъ вмѣстѣ съ ней съѣздила къ Иверской.

— Что же, я ничего противъ этого не имѣю,—охотно согласился Окоемовъ.—И даже съ большимъ удовольствіемъ, мама... Тебѣ извѣстно, что я человѣкъ религіозный.

Въ одинъ изъ послѣднихъ іюньскихъ дней на нижегородскомъ вокзалѣ съѣхались всѣ дѣйствующія лица. Когда Окоемовъ пріѣхалъ съ матерью, всѣ уже были въ сборѣ. Студенты забрались раньше всѣхъ и держались отдѣльной кучкой. За ними пріѣхалъ Иванъ Гаврилычъ съ своей маленькой дочуркой, блѣдной городской дѣвочкой съ такимъ умненькимъ личикомъ. Пріѣхали двѣ интеллигентныхъ женщины,—это были особы лѣтъ подъ тридцать, которымъ некого было оставлять въ Москвѣ. Онѣ, видимо, стѣснялись незнакомаго общества и держались въ сторонѣ. Княжна явилась въ сопровожденіи Сережи.

— Я уже не подозрѣвала, Сергѣй Ипполитычъ, что вы такой вѣжливый человѣкъ...—откровенно удивлялась она.—Вы поступили, какъ настоящій джентльменъ.

— Кажется, я всегда былъ джентльменомъ?

Не смотря на жару, Сережа ни за что не хотѣлъ разставаться съ своей буркой и обращалъ на себя вниманіе всей публики. Между прочимъ, онъ поднялъ ужасную суету съ багажемъ и ужасно возмутился, когда дошелъ до багажа Ивана Гаврилыча, состоявшаго изъ какихъ-то чугунныхъ трубъ и деревянныхъ моделей.

— Это чортъ знаетъ что такое...—ворчалъ Сережа, подозрительно оглядывая изобрѣтательскій багажъ.—Точно странствующій циркъ ѣдетъ.

Когда поѣздъ тронулся, Марѳа Семеновна, не вытирая катившихся по лицу слезъ, долго благословляла быстро исчезающіе изъ глазъ вагоны. Это было послѣднее напутствіе старой Москвы...

Конецъ первой части.

Д. Маминъ Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЁ ЖИЛИЩЕ.

(СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

Вотъ онъ, мой домикъ невысокій,—
Какъ одряхлѣвшій инвалидъ,—
Долины сторожъ одинокій,
Скривясь, надъ озеромъ стоитъ!

Вокругъ него не паркъ нарядный,—
А садъ запущенный, какъ лѣсъ;—
И за стѣною неприглядной
Не видно роскоши чудесь:

Весь паутиною увитый,
Каминъ старинный у стѣны;
Наполеона бюстъ разбитый—
Воспоминанье старины...

Здѣсь не бушуютъ водопады,
Кругомъ фонтаны не шумятъ;
Нигдѣ не высатся громады
Церквей, дворцевъ и колоннадъ.

Но, подъ десницею природы,
Здѣсь гуще нивы и лѣса;
Озеръ и рѣкъ прозрачнѣй воды,
Синѣй и глубже небеса...

И я, изгнанникъ добровольный,
Вступивъ въ убогій свой чертогъ,
Живу, счастливый и довольный,
Безъ сожалѣній и тревогъ...

Здѣсь такъ легко не лицемѣрить,
Не мстить, не мучить, не щадить...
Здѣсь такъ возможно въ счастье вѣрить,
Свободно мыслить и любить...

Отъ свѣтской суеты далекій
Я вижу міръ иной кругомъ...
Вотъ онъ, мой тихій, одинокій,
Мой ветхій домъ, мой чудный домъ!..

О, Боже, какъ все небо ясно!..
Какъ хороша сѣдая даль!..
Какъ настоящее прекрасно—
И какъ минувшаго не жаль!..

А. Мейснеръ.

НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КРИТИКИ.

Шеллингисты.

I.

Въ настоящей статьѣ мы постараемся обрисовать то философское броженіе 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, которое, подвергнувъ своему могучему вліянію перваго русскаго критика Н. А. Полеваго *), создало затѣмъ цѣлую литературную эпоху. Но прежде всего мы постараемся охарактеризовать ту общественную среду, въ которой сосредоточивалось это броженіе.

Такъ, мы находимъ какъ нельзя болѣе естественнымъ, что броженіе это совершилось не въ какомъ-либо другомъ центрѣ Россіи, какъ именно въ Москвѣ. Петербургъ для этого не годился. Правительственный центръ и торговый портъ, Петербургъ всегда жилъ слишкомъ лихорадочною жизнью, всю разбѣнявшаюся на интересы и заботы пракческаго характера. Сюда пріѣзжали дѣлать карьеру, обогащаться, торговать, судиться и т. п. Въ суетѣ и шумѣ столичной сутолоки, въ ежедневной смѣнѣ модъ и новостей людямъ было некогда задаваться головоломными вопросами о началѣ всѣхъ началъ или о концѣ всѣхъ концовъ.

Москва же самымъ своимъ внѣшнимъ видомъ располагала къ устремленію мыслей горѣ. Величественный кремль, массы старинныхъ церквей, а въ нихъ ряды могилъ достопамятныхъ дѣятелей давно минувшихъ лѣтъ, все это, будя вереницу историческихъ воспоминаній, вмѣстѣ съ тѣмъ невольно влекло мысль отъ всего суетнаго, конечнаго и преходящаго къ необъятному, непостижимому, вѣчному.

Жизнь въ Москвѣ по тишинѣ и монотонности болѣе подходила къ типу жизни провинціальныхъ городовъ. Железныхъ дорогъ въ

*) См. нашу статью о немъ въ № X «Міра Божія» 1893 г.

то время еще не было и петербургскія новости доходили до Москвы не скоро. Ничто не мѣшало поэтому по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ углублять умъ въ рѣшеніе вопроса о томъ, насколько призрачно или реально все видимое и какъ безусловный духъ воплощается въ условную матерію, и какія назойливыя хлопоты, заботы или тревоги по случаю внезапныхъ перемѣнъ и скандаловъ не отвлекли мысль къ злобамъ дня.

Наконецъ, въ Москвѣ существовало и еще одно условіе, располагавшее къ философскимъ созерцаніямъ: пользованіе безграничнымъ досугомъ, доставлявшимъ возможность русскімъ философамъ предаваться размышленіямъ и спорамъ непрерывно дни и ночи. Москва изстари была городомъ неслужилаго барства, предпочитавшаго покой и нѣгу бездѣятельнаго и безмятежнаго существованія. Бары эти проживали съ многочисленными семьями въ своихъ дѣдовскихъ хоромахъ-особнякахъ съ старинными фасадами и львами на воротахъ, окруженные многочисленною дворнею. Дома эти, со своими тѣнистыми садами, огородами и службами имѣли видъ не столько городскихъ зданій, сколько перенесенныхъ въ столицу помѣщичьихъ усадебъ, и жизнь въ этихъ домахъ вели ихъ владѣльцы совершенно такую же привольную и разгульную, какой наслаждались они и въ своихъ подмосковныхъ имѣніяхъ, куда они удалялись на лѣтніе мѣсяцы. Всѣ они были породнившись и перекумившись между собою, и представляли замкнутый кругъ московскаго бо-монда, въ которомъ строго наблюдалось мѣстничество по степенямъ древности и знатности дворянскихъ родовъ, и трудно было попасть въ этотъ кругъ челоѣку «не своему».

Много было въ нравахъ этого круга дикаго татарства, завѣщеннаго до-петровскою стариною, рельефно выставленнаго во всемъ своемъ безобразіи въ безсмертной комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», но тѣмъ не менѣе все-таки въ ту эпоху среда эта была средоточіемъ просвѣщенія въ Россіи. Хотя въ салонахъ московскихъ баръ Фамусовы и Скалозубы и предлагали порою, «собрать всѣ книги да и сжечь» или писателямъ «фельдфебеля въ Вольтеры поставить, и ихъ бы всѣхъ маршировать заставить», но вмѣстѣ съ тѣмъ эти самые московскіе бары любили въ своихъ роскошныхъ салонахъ собирать всякаго рода знаменитостей иностранныхъ и русскихъ по всѣмъ отраслямъ искусствъ. Нерѣдко въ пышныхъ залахъ ихъ устраивались великолѣпные музыкальные концерты и литературныя чтенія. Въ каждомъ домѣ обязательно была обширная бібліотека, составленная изъ лучшихъ сочиненій ученыхъ и художественныхъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Въ то же время, надо отдать справедливость московскимъ дворянамъ

того времени, они старались давать своимъ дѣтямъ образованіе по истинѣ блестящее. Воспитаніе это было домашнее. Начиналось оно съ того, что выписывались изъ-за границы иностранцы, французы, нѣмцы, англичане для упражненія въ иностранныхъ языкахъ. Выѣстъ съ языками иностранные воспитатели всеяли въ своихъ воспитанникахъ и передовыя европейскія идеи и понятія. Особенно важную роль въ этомъ отношеніи играли французскіе эмигранты, которые первоначально (въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія) принадлежали къ знатымъ выходцамъ изъ Франціи, бѣжавшимъ отъ революціонныхъ смуть, а затѣмъ въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка, какъ разъ въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, пошли въ Россію эмигранты и изъ другихъ слоевъ и партій французскаго общества. Въ то время, какъ воспитатели-французы подъ живымъ впечатлѣніемъ событій, совершавшихся въ ихъ отечествѣ, направляли мысли юношей къ вопросамъ общественнаго характера, гувернеры-нѣмцы въ свою очередь возбуждали въ нихъ стремленіе къ изученію германской философіи, которая какъ разъ въ то время находилась въ зенитѣ своего процвѣтанія.

Когда мальчикъ подрасталъ, его начинали готовить къ слушанію университетскихъ лекцій и для этого очень часто приглашались лучшіе университетскіе профессора, которые на столько подготавливали юношу, что ему не для чего уже было оставаться въ университетѣ всѣ четыре года, а достаточно было двухъ-трехъ лѣтъ для полученія первой ученой степени.

II.

Для нагляднаго примѣра воспитанія московской золотой молодежи начала истекающаго столѣтія считаемъ не лишнимъ представить очеркъ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ двухъ литературныхъ дѣятелей, стоявшихъ во главѣ шеллингистовъ, и съ критическими взглядами которыхъ мы будемъ имѣть дѣло въ этой статьѣ, — Дмитрія Владиміровича Веневитинова и Ивана Висильевича Кирѣевскаго.

Д. В. Веневитиновъ родился въ Москвѣ 14 сентября 1805 г. Онъ принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ семействъ, и большое помѣстье въ Воронежской губерніи доставляло его родителямъ возможность стоять въ первыхъ рядахъ московской знати. Домъ его матери былъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и почтенныхъ домовъ въ Москвѣ и составлялъ нѣчто въ родѣ салона артистовъ, въ который заглядывали всѣ мѣстные и заѣзжіе художники, пѣвцы, музыканты, — и подъ ихъ благодатнымъ влія-

ниемъ раскрывались поэтическіе инстинкты ребенка. Отца потерялъ Веневитиновъ въ раннемъ дѣтствѣ, и мать его, Анна Петровна, женщина очень умная и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная, воспитала сына подѣ своимъ непосредственнымъ и весьма благотворнымъ вліяніемъ. Когда ему минуло 7 лѣтъ, она сумѣла найти человѣка, который съ такой же любовью и внимательностью направлялъ бы его дальнѣйшее образованіе. Это былъ Дорѣръ, отставной капитанъ французской службы, человѣкъ умный и образованный, который могъ, какъ нельзя лучше, дѣйствовать на впечатлительнаго мальчика. Дорѣръ явился къ своему питомцу первымъ представителемъ науки и мысли, и многое зависѣло отъ характера этой первой встрѣчи. Веневитиновъ искренно полюбилъ своего наставника. Лѣтнія поѣздки на дачу въ Кусково или Сокольники пріятно разнообразили учебную жизнь мальчика—и тамъ на водѣ и просторѣ развивался онъ со всей неутомимостью своего возраста. Всевозможныя игры бывали имъ перепробованы; тамъ же, вѣроятно, одушевила его впервые та любовь къ природѣ, которую онъ постоянно сохранялъ въ себѣ. Рядомъ съ физическимъ энергически шло и умственное развитіе мальчика. Прежде всего Дорѣръ обучилъ мальчика латинскому языку и открылъ ему ключъ къ богатой римской литературѣ, въ которой самъ былъ знатокъ, а для греческаго языка былъ найдены, по совѣту Дорѣра, особый преподаватель—грекъ Бейля. Въ то время, должно быть, существовалъ секретъ гораздо быстрѣйшаго изученія древнихъ языковъ, чѣмъ нынѣ; для этого не требовалось восемь лѣтъ усидчивыхъ грамматическихъ упражненій по нѣскольку часовъ въ сутки. По крайней мѣрѣ, мальчикъ очень быстро, къ 15-ти годамъ, научился уже читать латинскихъ и греческихъ классиковъ. Между послѣдними у него оказались свои любимцы: Софокль и Эсхиль, и, укрѣпившись въ познаніи языка, онъ пробовалъ даже перевести нѣсколько отрывковъ изъ «Прометея». вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ полюбилъ и Платона, въ которомъ находилъ «столько же поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же пищи для чувства, сколько для мысли». Вообще онъ скоро свыкся съ древнимъ міромъ, гдѣ, по его словамъ, «мысли и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную, гдѣ философія и все искусства, тѣсно связанныя между собою, изъ общаго источника разливали дары на смертныхъ».

По другимъ предметамъ, служившимъ для элементарнаго образованія, мать Веневитинова своевременно приглашала къ себѣ на домъ наставниковъ. Объ руку съ учебными и литературными занятіями юноши шли другія, именно: живопись и музыка. Его раз-

*

нообразные таланты и здѣсь выказали себя въ полномъ блескѣ. Онъ оказался очень способнымъ и къ музыкѣ, могъ даже сочинять и постоянно слылъ въ кругу своихъ знакомыхъ за талантливаго музыканта. Съ 14-ти лѣтъ мальчикъ началъ обнаруживать явныя склонности къ литературной дѣятельности. Началъ онъ съ переводовъ изъ Горация и Виргилія, а 16-ти лѣтъ написалъ гладкимъ и звучнымъ стихомъ и оригинальное стихотвореніе «Послание къ друзьямъ». Около того же времени была написана Веневитиновымъ и «Вѣточка», переводъ изъ Грессе. Изъ «Послания» видно, что поэтъ успѣлъ уже полюбить свое поэтическое призваніе. «Пусть,—говоритъ онъ,—кто хочетъ, ищетъ славы, богатства, веселья; и и безъ нихъ счастливъ съ *мирой, съ старыми друзьями*».

Мать Веневитинова имѣла свой собственный взглядъ на театръ, въ силу котораго она не хотѣла знакомить сына со сценою раньше достиженія имъ семнадцатилѣтняго возраста. И только въ эту пору Веневитиновъ переступилъ порогъ театра. Въ день его перваго знакомства со сценою была дана какая-то опера Россини. Пьеса необыкновенно подѣйствовала на юношу, и долго потомъ онъ твердилъ наизусть цѣлыя тирады и примѣнялъ къ себѣ различныя положенія дѣйствующихъ лицъ. Семнадцати лѣтъ Веневитиновъ былъ уже достаточно подготовленъ къ слушанію лекцій въ Московскомъ университетѣ, и поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ, не избирая при этомъ какого-либо одного факультета. Изъ всѣхъ же профессоровъ Московскаго университета наибольшую пользу ему оказали профессора сельскаго хозяйства Павловъ и русской словесности Мерзляковъ.

Мы говорили уже въ статьѣ о Полевомъ о томъ сильномъ вліяніи, какое оказывалъ профессоръ Павловъ на своихъ слушателей въ качествѣ перваго сѣятеля въ Москвѣ идей философіи Шеллинга. Бесѣды съ Павловымъ и слушаніе его лекцій пробудили въ Веневитиновѣ живой и горячій интересъ къ изученію философіи. Плодомъ этого изученія были извѣстныя письма къ княгинѣ А. И. Трубецкой—о философіи, напечатанныя подъ именемъ «Писемъ къ графинѣ NN».

Мерзляковъ оказалъ Веневитинову пользу своими педагогическими бесѣдами, устроенными для всѣхъ желающихъ. Молодой человекъ охотно посѣщалъ эти бесѣды и на нихъ обращалъ на себя вниманіе какъ своимъ яснымъ и глубокимъ умомъ, такъ и замѣчательной діалектикой своихъ доводовъ.

Года два продолжалось это слушаніе лекцій, причемъ Веневитиновъ не переставалъ развивать свой талантъ упражненіями въ

прозѣ и стихахъ; а затѣмъ, выдержалъ экзаменъ, требовавшійся въ то время для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ преимуществъ на гражданской службѣ.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій былъ почти сверстникъ Веневитинова; онъ родился въ 1806 году, тоже въ Москвѣ, въ семьѣ принадлежавшей тоже къ старинному роду, владѣвшему въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими имѣніями. Обстановка дѣтства его была еще болѣе благоприятна для умственного развитія: отецъ его, Василій Ивановичъ, былъ человекъ замѣчательно просвѣщенный, зналъ пять языковъ, въ молодости самъ занимался литературою, особенно же любилъ естественныя науки, физику, химию и медицину. Но, подобно Веневитинову, Кирѣевскій рано лишился отца, когда ему было всего 6 лѣтъ. По смерти мужа мать Кирѣевского поселилась съ дѣтьми въ одномъ изъ имѣній мужа, села Долбинѣ и занялась воспитаніемъ дѣтей, подѣ руководствомъ сначала знаменитаго поэта В. А. Жуковского, который былъ ея родственникомъ, а затѣмъ второго мужа ея А. А. Елагина.

Обладая счастливыми способностями и быстро развиваясь, уже въ деревнѣ Кирѣевскій усвоилъ французскій и нѣмецкій языки, познакомился съ литературами этихъ языковъ, перечелъ много историческихъ книгъ, основательно выучился математикѣ, познакомился и съ философіей Локка, Гельвеція, Канта и Шеллинга. Въ 1822 году Елагины переѣхали въ Москву для дальнѣйшаго воспитанія дѣтей, и здѣсь Кирѣевскій началъ учиться по латыни, по гречески, бралъ уроки у Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова и другихъ профессоровъ Московскаго университета, слушалъ публичныя лекціи Павлова и выучился по англійски.

III.

Въ Москвѣ, въ одномъ изъ отдаленныхъ ея кварталовъ, въ глухомъ и кривомъ переулкѣ за Покровкой, на пригоркѣ, возвышалось старинное каменное зданіе; отлогость пригорка мѣстами усѣянная кустарниками, служила этому зданію дворомъ. Темныя подвалы нижняго этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показывали, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые во время Петра Великаго держались еще обычаявъ старины. По странной случайности, эта «мрачная хранилища», по выраженію одного изъ современниковъ того времени, послужила колыбелью новой литературной эпохи.

Здѣсь помѣщался Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и по правдѣ сказать, ничего нельзя было пріискать для кра-

ненія древнихъ хартій болѣе приличнаго «сего каменнаго шкапа». Во главѣ архива стоялъ Ан. Фед. Малиновскій, прозывавшійся кислосладкимъ, потому что бюрократическую суровость и ученый педантизмъ онъ всячески старался соединить съ приторною свѣтскою любезностью, которая совершенно не гармонировала съ его духовнымъ происхожденіемъ и семинарскимъ воспитаніемъ. Эту свѣтскую личину онъ напускалъ на себя по той причинѣ, что подчиненные его были не простые смертные, а люди, отъ которыхъ онъ болѣе зависѣлъ, чѣмъ они отъ него. Это былъ именно тотъ цвѣтъ московской молодежи, о которой идетъ у насъ рѣчь. Дѣло въ томъ, что послѣ того блестящаго образованія, о которомъ мы только что говорили, молодежь эта избирала обыкновенно двѣ карьеры: одни, съ болѣе воинственными наклонностями, поступали въ гвардію, другіе же опредѣлялись именно въ этотъ самый архивъ иностранной коллегіи, такъ какъ маменьки и тетеньки о томъ только и мечтали, чтобы нѣжно и заботливо пестуемые ихъ сынки и племянники сдѣлались впоследствии, если не полководами, то дипломатами и министрами. Архивъ же въ этомъ отношеніи игралъ роль именно преддверія для дипломатическаго поприща, такъ какъ изъ него поступали уже въ самую иностранную коллегію, соотвѣтствовавшую въ то время нынѣшнему Министерству Иностраннхъ Дѣлъ.

Вотъ въ этотъ самый архивъ въ 1824 году, по выдержаніи университетскаго экзамена, поступили и Веневитиновъ со своимъ братомъ Алексѣемъ, и Кирѣевскій съ братомъ Петромъ, и тамъ они не замедлили сблизиться съ прочими своими сослуживцами, такими же родовитыми и даровитыми юношами, каковы были они и сами—Ф. С. Хомяковымъ, Н. А. Мельгуновымъ, С. А. Соболевскимъ, В. П. Титовымъ, И. С. Мальцовымъ, А. И. Кошелевымъ, С. П. Шевыревымъ и мн. др.

Служба, какъ это бываетъ и во всѣхъ такихъ привилегированныхъ учрежденіяхъ, которыя словно нарочно создаются для маменькиныхъ сынковъ, непривыкшихъ въ неусыпнымъ и тяжкимъ трудамъ, была необременительна и предоставляла молодымъ людямъ безграничный досугъ и для литературныхъ занятій, и для свѣтскихъ наслажденій. «Служба наша,—свидѣтельствуетъ одинъ изъ этихъ юношей, впоследствии маститый старецъ А. И. Кошелевъ,—главнѣйше заключалась въ разборѣ, чтеніи и описи древнихъ столбцовъ. Понятно, что такое занятіе было для насъ мало завлекательно. Впрочемъ, начальство было очень мило: оно и не требовало отъ насъ большой работы. Сперва бесѣды стояли у насъ на первомъ планѣ; но затѣмъ мы вздумали писать сказки

такъ, чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми. Десять человѣкъ соединялось въ это общество, и мы положили писать каждому не болѣе двухъ страницъ и не рассказывать своего плана. Какъ между нами были люди даровытые, то эти сочиненія выходили очень забавными и мы усердно являлись въ архивъ въ положенные дни—по понедѣльникамъ и четвергамъ. Архивъ прослылъ сборищемъ блестящей московской молодежи, и званіе *архивнаго юноши* сдѣлалось весьма почетнымъ, такъ что впоследствии мы даже попали въ стихи начинавшаго тогда входить въ большую славу А. С. Пушкина.

Такъ какъ всѣ эти архивные юноши были слишкомъ образованы и начитаны, чтобы ограничиться однимъ писаніемъ сказочекъ, и къ тому же всѣ они находились подъ сильнымъ вліяніемъ философскихъ лекцій Павлова, то они не замедлили перейти къ болѣе серьезнымъ занятіямъ сообща. Надо замѣтить, что въ то время было особенное повѣтріе на учрежденіе всякаго рода обществъ. Для какого бы дѣла или бездѣлья ни соединились нѣсколько человѣкъ, близко знакомыхъ между собою, для чтенія ли и писанія стиховъ, для благотворительности, или хотя бы для дружескихъ попоекъ и картежныхъ состязаній, сейчасъ же они учреждали общество съ особеннымъ какимъ-нибудь вычурнымъ названіемъ, уставомъ, правленіемъ, членами и пр. Такъ, не замедлили поступить и наши архивные юноши: они, въ свою очередь, учредили *Общество любомудрія* съ цѣлью изучать германскую философію. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ обществѣ въ своихъ запискахъ все тотъ же А. И. Копелевъ:

«Оно собиралось тайно, объ его существованіи мы никому не сообщали. Членами его были: князь В. Ѳ. Одоевскій, И. В. Кирѣевскій, Д. В. Веневитиновъ, Рожалинъ и я. Тутъ господствовала нѣмецкая философія, т. е. Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Окенъ, Гердеръ и др. Тутъ мы иногда читали наши философскія сочиненія; во всего чаще, и по большей части, бесѣдовали о прочтенныхъ нами твореніяхъ нѣмецкихъ любомудровъ. Мы собирались у князя Одоевскаго, въ домѣ Ланской (нынѣ Римскаго-Корсакова), въ Газетномъ переулкѣ. Онъ предсѣдательствовалъ, а Дмитрій Веневитиновъ всего болѣе говорилъ, и своими рѣчами часто приводилъ насъ въ восторгъ. Эти бесѣды продолжались до 14 декабря 1825 года, когда сочли необходимымъ ихъ прекратить, какъ потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣнія полиціи, такъ и потому, что политическія событія сосредоточивали на себѣ все наше вниманіе. Живо помню, какъ послѣ этого несчастнаго числа князь Одоевскій насъ созвалъ и съ особенною торжественностью пре-

далъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ, и протоколы нашего общества *любомудрія*».

IV.

Тотчасъ же, вслѣдъ за прекращеніемъ эпохи *общества*, началась у насъ, какъ извѣстно, эпоха *журналистики*, когда всѣ литературныя силы начали сосредоточиваться въ различныхъ органахъ періодической прессы, преимущественно въ столичныхъ толстыхъ журналахъ. Блестящій успѣхъ «Московского Телеграфа» Н. Ал. Полевого не замедлилъ повести за собою рядъ подражателей, и первыми такими подражателями явились наши архивные юноши шеллингисты. Не успѣли они закрыть свое «Общество *любомудрія*», какъ тотчасъ же принялись за мечты о журналѣ. Кстати какъ разъ въ это время, въ 1826 году, появился въ Москвѣ, въ дни празднествъ по случаю коронаціи императора Николая Павловича, Пушкинъ, только-что возвращенный изъ своего села Михайловскаго. Я уже говорилъ выше, что московскіе бары всѣ были переродившись между собою. Въ свою очередь, и семейство Пушкиныхъ состояло въ родствѣ съ семействомъ Веневитиновыхъ. Черезъ нихъ Пушкинъ не замедлилъ познакомиться и со всѣмъ кружкомъ шеллингистовъ. Такъ, тотчасъ же по возвращеніи въ Москву, онъ читалъ въ ихъ присутствіи, въ квартирѣ Веневитиновыхъ (между Мясницкою и Покровкою, на поворотѣ къ Армянскому переулку) только-что написанную имъ драму «Борисъ Годуновъ».

Толки о журналахъ и раньше уже были между шеллингистами, и вслѣдствіе сближенія съ Пушкинымъ еще болѣе усилились. Остановка была за однимъ и весьма существеннымъ. Надо принять въ соображеніе, что наши архивные юноши, равно какъ и большинство литераторовъ того времени, принадлежа къ дворянскому сословію, воспитанные въ нѣгѣ и холѣ, были лишены всякаго знанія жизни съ ея практической, дѣловой стороны. Чувствуя въ себѣ поэтическій даръ и призваніе, они дни и ночи проводили въ бесѣдахъ съ музами, читали, философствовали, спорили, но въ то же время не умѣли шагу ступить тамъ, гдѣ требовались какія бы то ни было денежныя соображенія и всякаго рода матеріальныя заботы. Даже, когда они предпринимали изданіе своихъ собственныхъ сочиненій, они ограничивались лишь составленіемъ книжки и расположеніемъ ея частей, весь-же черновой трудъ, какъ-то: выборъ типографіи и заключенія съ нею условій, покупка бумаги, корректуры и прочія хлопоты по из-

данію возлагались обыкновенно всецѣло на какого-нибудь услужливаго пріятеля, знавшаго во всемъ этомъ толкъ.

Надо замѣтить, что въ то время въ каждомъ богатомъ домѣ существовали своего рода кліенты изъ дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ, поповичей, мѣщанъ и прочихъ разночинцевъ, которые, стараясь всячески пробить себѣ дорогу, выйти въ люди и выслужиться, приобретаѣли себѣ богатыхъ и знатныхъ покровителей, и въ домѣ этихъ покровителей играли лакейскую роль низкопоклонныхъ прислужниковъ, бывшихъ вѣчно на побѣгушкахъ ради исполненія всякихъ услугъ своимъ милостивцамъ, не исключая и самыхъ унижительныхъ. Грибоѣдовъ въ своей комедіи имѣлъ въ виду именно подобнаго рода кліентовъ, говоря устами Чацкаго:

У покровителей вѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ.

И въ своемъ Молчалинѣ великій сатирикъ рельефно изобразилъ типъ именно такого рода кліентовъ.

Молчалины встрѣчались въ то время не только въ домахъ сановниковъ въ родѣ Фамусова, но и въ литературныхъ кружкахъ. Каждый знаменитый писатель имѣлъ свою свиту безкорыстныхъ, мелкотравчатыхъ поклонниковъ. Распиваясь передъ своими кумирами, поклонники эти готовы были принять на себя весь черный издательскій трудъ, которымъ тяготились баловни музъ.

Если же баловни музъ тяготились изданіемъ какой-нибудь маленькой книжонки своихъ стихотвореній, то тѣмъ болѣе невысказано было имъ предпринять такое сложное коммерческое дѣло, какъ изданіе періодическаго журнала, заботиться сводить расходы съ доходами, во-время выпускать книжки, заказывать статьи, и т. п. Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому 9 ноября 1826 года, Пушкинъ, говоря объ изданіи предпринимаемаго журнала, откровенно признается со своимъ рѣдкимъ прямодушіемъ: «Мы слишкомъ глупы, чтобы переводить, выписывать, объяснять etc, etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ... Но онъ долженъ: 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ съ глаголомъ»...

Но шеллингисты наши не долго трудились въ присканіи издателя съ знаніемъ русской грамматики и умѣньемъ согласовать существительное съ прилагательнымъ. Какъ разъ незадолго до того времени къ ихъ кружку примазался одинъ молодой ученый, только-что получившій степень магистра исторіи, Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Родомъ изъ вольноотпущенныхъ крестьянъ, Погодинъ,

въ это время только-что начиналъ пробиваться въ люди, но далеко еще не имѣлъ той силы и авторитета, какими пользовался впоследствии. Онъ пріобрѣталъ себѣ, гдѣ только возможно было, всякаго рода благодѣтелей и милостивцевъ, и, любя втираться въ знатные дома хотя бы въ качествѣ домашняго учителя, кланялся и извивался тамъ, не брезгуя такого рода милостивыми подачками, какъ голова сахара или сюртукъ съ барскаго плеча,—представлялъ изъ себя, словомъ, живое олицетвореніе Молчалина. Между прочимъ онъ давалъ уроки и въ домѣ начальника архива — Машиновскаго, и тутъ-то онъ не замедлилъ сойтись съ архивными юношами. Они принимали его въ свои собранія, увлекли его философій Шеллинга до такой степени, что, по живости своего характера, Погодинъ готовъ былъ даже ѣхать въ Германію и черпать философію изъ устъ самого Шеллинга. Тѣмъ не менѣе, архивные юноши смотрѣли на своего друга свысока, и есть основаніе предполагать, что подчасъ онъ игралъ въ ихъ обществѣ роль шута, котораго въ веселую минуту ничего не значило и поколотить. По крайней мѣрѣ, вотъ что сообщаетъ, между прочимъ, біографъ Погодина: «Въ началѣ ноября (1827 г.) вернулся въ Москву С. А. Соболевскій и И. С. Мальцевъ. «Крикъ и шумъ», читаемъ мы въ *Дневникъ* Погодина. Начались завтраки и ужины. Наканунѣ Николина дня, «по неотступному *требованію* Веневитинова», Погодинъ отправился на ужинъ къ Соболевскому. Нельзя сказать, чтобъ этотъ ужинъ произвелъ на перваго пріятное впечатлѣніе. Въ *Дневникъ* Погодинъ отмѣчаетъ: «Скотина Мальцевъ и оскотинившійся на ту минуту Веневитиновъ пристали съ ножомъ къ горлу—пей, и я насилу уѣхалъ отъ нихъ, *ушибленный весьма больно Веневитиновымъ*. Что за вакханаліи! Никогда не буду уже я у васъ присутствовать. Передъ людьми совѣстно. Свиньи!»

Но хотя больно ушибленный Погодинъ и зарекался присутствовать у друзей, обходившихся съ нимъ столь безцеремонно, тѣмъ не менѣе на другой же день опять—таки отправился къ Веневитинову. «Тамъ встрѣтилъ Мальцева и Соболевскаго, которые стали на него кричать, и это при людяхъ. Погодинъ не вытерпѣлъ и сказалъ имъ: *Addio*, я вамъ не товарищъ, и глупо, что связался съ вами!» Конечно, и послѣ этого связь все-таки продолжалась.

Характерный эпизодъ этотъ живо рисуетъ намъ нравы высшаго московскаго общества въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Не забудьте, что мы имѣемъ дѣло съ цвѣтомъ молодежи, стоявшей впереди этого общества и увлекавшейся самыми новѣйшими европейскими идеями. Но такова была еще грубость культуры, что и философія Шеллинга не могла освободить этихъ передовыхъ лю-

дей отъ унаслѣдованной отъ отцовъ и дѣдовъ привычки потѣшаться надъ домашними шутами.

V.

Вотъ этого самаго Михаила Петровича Погодина и выбрали педлингисты въ качествѣ редактора журнала; въ помощники ему поставили одного изъ своихъ сочленовъ Н. М. Рожалина. Много толковъ было о заглавіи журнала и порѣшили назвать его «Московский Вѣстникъ». Затѣмъ Погодинъ далъ слѣдующее обязательство за свою подписью:

«Я нижеподписавшійся, принимая на себя редакцію журнала, обязуюсь:

1) Помѣщать статьи съ одобренія сотрудниковъ: Шевырева, Титова, Веневитинова, Рожалина, Мальцева и Соболевскаго по большинству голосовъ.

2) Платить съ проданныхъ тысячи двухсотъ экземпляровъ десять тысячъ А. С. Пушкину.

3) Платить означеннымъ сотрудникамъ по сту рублей за листъ сочиненія и по пятидесяти за листъ перевода.

4) Выписывать книгъ и журналовъ на четыре тысячи рублей съ общаго согласія означенныхъ сотрудниковъ.

5) Платить за печатаніе и прочія издержки журнала.

6) Всѣ остальные деньги предоставляются редактору за редакцію и прочія издержки.

7) Если подписчиковъ будетъ менѣе 1.200, то плата раскладывается пропорціонально.

8) Помощникомъ редактора назначается Рожалинъ съ жалованьемъ шестисотъ рублей. Онъ долженъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи продажу журнала. Деньги же имѣютъ быть доставляемы отъ книгопродавца къ редактору.

9) Матеріалы для журнала должны храниться у редактора.

10) Если подписчиковъ будетъ болѣе 1.200, то плата главнымъ сотрудникамъ увеличивается пропорціонально, полагая редактору прибавки на шесть тысячъ. Остальная же сумма предоставляется на разныя общественныя предпріятія по усмотрѣнію редакціи».

Кромѣ Погодина, условіе это подписали Д. Веневитиновъ, Н. Рожалинъ и С. Соболевскій. Рожденіе «Московского Вѣстника» было положено отпраздновать обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. Обѣдъ этотъ состоялся 24-го октября 1826 г. въ домѣ бывшемъ Хомякова на Кузнецкомъ мосту. Въ пиршествѣ приняли участіе Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Хо-

мяковыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій, Погодинъ. «Нечего описывать,—вспоминалъ Погодинъ,—какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ. Сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько рассказано анекдотовъ, плановъ, предположеній! Напомню одинъ, насмѣшившій все собраніе. Оболенскій, адъютантъ греческой словесности, добрейшее существо, какое только можетъ быть, подпивъ за столомъ, подскочилъ послѣ обѣда къ Пушкину, и взъерошивая свой хохолокъ, любимая его привычка, воскликнулъ: «Александръ Сергѣевичъ, Александръ Сергѣевичъ, я единица, единица, а посмотрю на васъ и покажусь себѣ миллиономъ. Вотъ вы кто!» Всѣ захотали и закричали: «милліонъ, милліонъ!..»

Но осуществленіе изданія журнала не оправдало тѣхъ восторженныхъ мечтаній и ожиданій, какія возлагались на «Московскій Вѣстникъ». Наши друзья не замедлили выказать при этомъ всѣ недостатки людей, мало того, что непрактичныхъ, но и непривыкшихъ къ труду и энергическому преслѣдованію разъ намѣченной цѣли. Сваливши все дѣло на руки Погодина, они разсѣялись по разнымъ городамъ и веселятъ и, увлеченные наслажденіями и развлеченіями свѣтской жизни, быстро охладѣли къ журналу. Но очень скупо одаря редакцію своими трудами, въ то же время они выказывали большую требовательность къ его редактору, и съ перваго же года начались различныя пререканія и передраги. Недовольные и неаккуратнымъ веденіемъ денежныхъ дѣлъ по журналу со стороны Погодина, и его полемикою съ «Московскимъ Телеграфомъ» Полевого, такъ какъ на Полевого они склонны были смотрѣть болѣе какъ на своего союзника, чѣмъ какъ на противника, соиздатели «Московского Вѣстника» опредѣлили въ соредакторы Погодину московскаго профессора Шевырева, но выборъ этотъ оказался крайне неудаченъ, потому что бездарный и тупой Шевыревъ началъ помѣщать въ «Московскомъ Вѣстникѣ» свои статьи при всей своей витіеватости крайне скучныя, бездарныя, а порою и просто нелѣпыя. Ко всему этому послѣдовала внезапная смерть Д. В. Веневитинова, скончавшагося въ С.-Петербургѣ, 15-го марта 1827 г., отъ тифа. Въ лицѣ его «Московскій Вѣстникъ» утратилъ самаго талантливаго и лучшаго сотрудника. Послѣ смерти Веневитинова только съ годъ журналъ продолжался въ томъ видѣ, въ какомъ начался, т.-е. сообщалъ читателямъ разнообразныя знанія по всѣмъ отраслямъ наукъ, освѣщая ихъ идеями шеллинговой философіи. Во второй же половинѣ 1828 года вліяніе на журналъ Погодина сдѣлалось исключительнымъ, судя по тому, что журналъ переполнился статьями по русской исторіи, по большей части трудами самого

редактора—и вмѣстѣ съ тѣмъ скучнѣйшею полемикою съ Полевымъ, которая въ томъ только и заключалась, что Погодинъ съ точки зрѣнія ученаго педантизма обвинялъ Полевого въ поверхностности и недостаткѣ добросовѣстности. Въ такомъ видѣ «Московскій Вѣстникъ», терпя полное равнодушіе со стороны публики, едва просуществовалъ до 1831 года. Послѣ прекращенія «Московского Вѣстника» шеллингисты сдѣлали еще попытку издавать свой журналъ — именно Ив. Кирѣевскій при сотрудничествѣ Языкова, Баратынскаго, А. Хомякова, Жуковскаго, Вяземскаго и А. И. Тургенева, началъ въ исходѣ 1831 года издавать журналъ «Европеецъ», но со 2-й же книжки журналъ этотъ былъ запрещенъ за статью самаго издателя «XIX столѣтіе». Вслѣдъ за тѣмъ былъ схваченъ и изданный Максимовичемъ альманахъ «Девница», тоже за статью Ив. Кирѣевскаго о Новиковѣ, причѣмъ цензоръ Глинка, пропустившій альманахъ, былъ посаженъ подъ арестъ.

Всѣ эти невзгоды такъ обезкуражили Ив. Кирѣевскаго, что онъ уѣхалъ въ деревню и глѣтъ на десять прекратилъ всякую литературную дѣятельность.

VI.

Но несмотря на неудачи основать прочный органъ, вліяніе шеллингистовъ на пишущихъ, читающихъ и мыслящихъ людей было такъ велико, что все послѣдующее литературное движеніе было обязано главнымъ образомъ этому вліянію. Никто иной, какъ именно шеллингисты положили основаніе тѣмъ двумъ великимъ литературнымъ партіямъ, — западниковъ и славянофиловъ, упорная борьба которыхъ въ продолженіи по крайней мѣрѣ 30 глѣтъ раздѣляла всю нашу литературу на два враждебные лагеря.

На первый взглядъ читателямъ можетъ показаться страннымъ, какъ это изъ одной и той же философской системы Шеллинга наши мыслители могли вывести два столь противоположныя ученія, какъ западничество и славянофильство. Между тѣмъ произошло это какъ нельзя болѣе естественно и просто.

Ученіе Шеллинга, какъ мы говорили уже въ статьѣ о Полевомъ, основывалось на томъ, что все существующее ковечное и преходящее во времени и пространствѣ есть ничто иное, какъ самоопредѣленіе безусловной идеи, которая, матеріализируясь въ разныхъ формахъ бытія, переходитъ такимъ путемъ изъ безсознательнаго всеобщаго въ сознательное частное. Поэтому и каждый народъ во всѣхъ особенностяхъ своего быта таитъ какую-нибудь идею, и вся исторія его заключается въ томъ, чтобы идея эта изъ

скрытаго состоянія перешла въ явное, т.-е. самоопредѣлилась. Это историческое самоопредѣленіе идеи въ жизни народа и есть то, что шеллингисты называли народнымъ самосознаніемъ. Само собою разумѣется, что народное самосознаніе имѣетъ мѣсто лишь въ зрѣломъ возрастѣ народа, когда онъ достигаетъ апогея своей образованности. На болѣе же низкихъ ступеняхъ своего развитія онъ подчиняется обыкновенно вліянію болѣе старшихъ и образованныхъ народовъ. Такъ, греки подчинялись египетской цивилизаціи, римляне—греческой, нынѣшніе европейскіе народы—вліянію древней цивилизаціи. Наконецъ, мы подчиняемся западной цивилизаціи.

Но такое подчиненіе болѣе старшей и зрѣлой, но во всякомъ случаѣ чуждой цивилизаціи допустимо лишь на низшихъ ступеняхъ народнаго развитія. Воспринявши чуждую цивилизацію, болѣе юный народъ непрѣнно долженъ переработать ее и сказать свое новое слово. Только такой народъ и заслуживаетъ названія историческаго. Народы же, которые до такой степени увлекаются какою-нибудь чуждою цивилизаціею, что совѣтъ теряютъ свой собственный образъ и всякій смыслъ своего существованія, недостойны и названія историческихъ народовъ, потому что они никакой роли въ исторіи не играютъ.

Такъ вотъ если всѣ эти идеи мы вздумаемъ приложить къ русскому народу, передъ нами сразу образуются двѣ системы взглядовъ. Во-первыхъ, мы можемъ предположить, что русскій народъ является вовсе не младшимъ по отношенію къ западно-европейскимъ народамъ, а началъ свое историческое развитіе въ одно съ ними время, но съ тѣмъ только различіемъ, что западные народы восприняли цивилизацію изъ Рима, а восточно-славянскіе и въ томъ числѣ русскій—изъ Византіи. Полагая въ этомъ обстоятельствѣ существенное отличіе Востока отъ Запада мы придемъ къ такому выводу, что Россія только тогда останется вѣрна своему призванію и дойдетъ до своего самоопредѣленія, когда будетъ совершать свое развитіе въ духѣ тѣхъ византійско-православныхъ началъ, которыя положены въ основаніе ея исторической жизни въ отличіе отъ римско-католическихъ началъ западной цивилизаціи. Малѣйшее же подчиненіе русскаго народа западной цивилизаціи гибельно, потому что сводитъ его съ истиннаго и самобытнаго историческаго пути и заставляетъ забывать о своемъ призваніи.

Но можно полагать, что русскій народъ является младшимъ по отношенію къ западнымъ, что въ то время, какъ послѣдніе успѣли дойти до высоты образованности, русскій народъ, въ силу различныхъ историческихъ обстоятельствъ, былъ задержанъ въ своемъ развитіи, и по закону исторической преемственности цивили-

лизацій, прежде чѣмъ развить свою собственную образованность и дойти до самоопредѣленія, онъ долженъ воспринять западную цивилизацію, подобно тому, какъ греки восприняли египетскую, римляне греческую и т. д.

Нужно ли и говорить о томъ, что въ то время, какъ первая система взглядовъ повела къ славянофильскому ученію, изъ второй выпило западничество.

Тѣ первые шеллингисты, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, еще не успѣли раздѣлиться на эти двѣ партіи, но и у нихъ можно уже прослѣдить эти двѣ серіи взглядовъ. Такъ, напримѣръ, передъ основаніемъ «Московского Вѣстника» Веневитиновъ составилъ статью «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», которую онъ прочелъ своимъ друзьямъ на одномъ изъ своихъ вторниковъ. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ этой статьѣ: «Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденіями высокими, представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію и къ чему влечетъ его непреодолимое желаніе дѣйствовать? Къ самопознанію, отвѣчаетъ намъ книга природы. Самознание—вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки и искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ не что иное, какъ развитіе сей начальной и, слѣдственно, неограниченной мысли. Художникъ одушевляетъ холстъ и мраморъ для того только, чтобъ осуществить свое чувство, чтобъ убѣдиться въ его силѣ; поэтъ искусственнымъ образомъ переноситъ себя въ борьбу съ природой, съ судьбой, чтобы въ семъ противорѣчій испытать духъ свой и гордо провозгласить торжество ума. Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества; а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы.

«Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на каждый народъ, какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои нравственные усилія, ознаменованныя печатью особеннаго характера. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; цѣль просвѣщенія или самопознанія народа есть та степень, на которой онъ отдастъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія; такъ, напр., искусство древней Греціи, скажу богѣе, весь духъ ея отразился въ твореніяхъ Платона и Аристотеля; такимъ образомъ, новѣйшая философія въ Германіи есть зрѣлый плодъ того же энтузіазма, который одушевляетъ истинныхъ ея поэтовъ, того же стремленія къ высокой цѣли, которое направляло полетъ Шиллера и Гёте.

«Съ этой мыслию обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семь поприщѣ, общемъ для всѣхъ? Вопросы, на которые едва ли можно ожидать отвѣта, ибо безпечная толпа нашихъ литераторовъ, кажется, не подозрѣваетъ ихъ необходимости. У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенія, достигая даже нѣкоторой степени совершенства и входя слѣдственно въ составъ всемірныхъ приобретений ума, не теряли отличительнаго характера. Россія все получила извнѣ; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство; отсюда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности.

«Началомъ и причиной медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи была та самая быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе литературы безъ всякаго основанія, безъ всякаго напряженія внутренней силы. Уму человѣческому сродно дѣйствовать, и еслибъ онъ у насъ слѣдовалъ естественному ходу, то характеръ народа развился бы собственной своей силою и принялъ бы направленіе самобытное, ему свойственное; но мы, какъ будто предназначенные противорѣчить исторіи словесности, мы получили форму литературы прежде самой ея сущности. У насъ прежде учебныхъ книгъ появляются журналы, которые обыкновенно бываютъ плодомъ учености и признакомъ общей образованности, и эти журналы, по сихъ поръ, служатъ пищею нашему невѣжеству, занимая умъ игрою ума, увѣряя насъ, нѣкоторымъ образомъ, что мы сравнялись просвѣщеніемъ съ другими народами Европы и можемъ безъ усиленнаго вниманія слѣдовать за успѣхами наукъ, столь быстро подвигающихся въ нашемъ вѣкѣ, тогда какъ мы еще не вникли въ сущность познанія и не можемъ похвалиться ни однимъ памятникомъ, который бы носилъ печать свободнаго энтузіазма и истинной страсти къ наукѣ. Вотъ положеніе наше въ литературномъ мірѣ—положеніе, совершенно отрицательное...

«При семъ нравственномъ положеніи Россіи, — говоритъ Венеитиновъ въ заключеніе, — одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлью своихъ дѣйствій. Надобно бы совершенно остановить нынѣшній ходъ ея словесности и заставить ее болѣе думать, чѣмъ производить. Нельзя скрыть отъ себя трудности такого предпріятія. Оно требуетъ тѣмъ болѣе твердости въ исполненіи, что отъ самой Россіи не должно ожидать никакаго участія; но трудность можетъ ли остановить сильное намѣреніе

Основанное на правилах вѣрныхъ и устремленное къ истинѣ? Для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ *устранить Россію отъ ничтожнаго движенія другихъ народовъ*, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, бесполезно развлекающія ея вниманіе, и, опираясь на твердыя начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человеческого,—картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе...

«Сіе временное устраненіе отъ настоящаго произведетъ еще важнѣйшую пользу. Находясь въ мірѣ совершенно для насъ новымъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы невольно принуждены будемъ дѣйствовать собственнымъ умомъ для разрѣшенія всѣхъ противорѣчій, которыя намъ въ ономъ представляются. Такимъ образомъ мы сами сдѣлаемся преимущественнымъ предметомъ нашихъ разысканій».

Въ то время, какъ Веневитиновъ проповѣдывалъ полную изолированность Россіи отъ Европы, диаметрально противныя мысли развивалъ Ив. Кирѣевскій. Такъ, въ своей статьѣ «XIX вѣкъ» онъ выставляетъ, что Европа заимствовала свое образованіе изъ древняго міра, и проводникомъ этого образованія была сначала церковь, потомъ съ XV вѣка наука; у насъ же ничего этого не было и мы до сихъ поръ представляемъ почву, совершенно нетронутую. И вотъ, чтобы оплодотворить эту почву, мы должны, по мнѣнію Кирѣевского, заимствовать образованіе изъ ближайшаго источника, какъ это сдѣлала въ свое время Европа. Источникомъ этимъ представляется естественно западная цивилизація, которая является для насъ такою же классическою, какою для Европы была образованность грековъ и римлянь.

«На чемъ же основываютъ тѣ,—говорить, между прочимъ, Кирѣевскій,—которые обвиняютъ Петра, утверждая, будто онъ далъ ложное направленіе образованности нашей, заимствуя ее изъ просвѣщенной Европы, а не развивая изнутри нашего быта?»

«Эти обвинители великаго создателя новой Россіи съ нѣкотораго времени распространились у насъ болѣе, чѣмъ когда-либо; и мы знаемъ, откуда почерпнули они свой образъ мыслей. Они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ; не велѣть заимствовать, бранять нововведенія и хотѣть возвратить насъ къ коренному и стариннорусскому. Но что же? Если разсмотрѣть внимательно, то это самое стремленіе къ національности есть не что иное, какъ непонятное повтореніе мыслей чужихъ, мыслей европейскихъ, занятыхъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно,

лѣтъ десять тому назадъ, стремленіе къ національности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы, всѣ обратились къ своему народному, къ своему особенному; но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдней. Поэтому, если нѣмцы искали чисто нѣмецкаго, то это не противорѣчило ихъ образованности; напротивъ, образованность ихъ, такимъ образомъ, доходила только до своего сознанія, получала болѣе самобытности, болѣе полноты и твердости. Но у насъ искать національнаго — значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній—значитъ изгонять просвѣщеніе; ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее, если не изъ Европы? Развѣ самая образованность европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра? Развѣ не представляетъ она теперь просвѣщенія общечеловѣческаго? Развѣ не въ такомъ же отношеніи находится она въ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находилось въ Европѣ?»

Вотъ изъ какихъ основаній исходятъ всѣ критическіе взгляды шеллингистовъ, которые мы рассмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Скабичевскій.

МАРІАНА.

Романъ Э. Альгрень.

(ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО).

(Продолженіе *).

V.

Только послѣ отъѣзда Бергера начались спокойныя обсуждения всего того, что случилось.

Итакъ, Маріана помолвлена! Но этимъ дѣло еще не исчерпывалось: надо еще приготовиться въ сватбѣ.

Госпожа Бьеръ неутомимо размышляла, соображала, разсчитывала. Она привыкла относиться ко всему трезво и практично, а теперь вѣдь было-таки о чемъ подумать. Она соображала, какова у жениха мебель и каковы-то его родственники, старалась угадать, что-то онъ подаритъ Маріанѣ и какъ будетъ потомъ выдавать деньги на хозяйство, размышляла о тысячѣ другихъ, не менѣе важныхъ обстоятельствахъ. Маріану она положительно осуждала за недостатокъ интереса въ дѣлу и за равнодушіе. Если ужъ не проснуться теперь, когда создается ея гнѣздо, такъ, наконецъ, когда же? Мать была неистощима въ добрыхъ совѣтахъ Маріанѣ, но та принимала ихъ съ такимъ усталымъ, равнодушнымъ видомъ, что и говорить съ ней не хотѣлось.

Между тѣмъ, Маріана желала одного только, чтобы ее оставляли въ покоѣ и не мѣшали думать. О чемъ? Да она и сама не знала. Въ ея душѣ обострялась двойственность, о которой уже говорилось выше, и ей хотѣлось разобраться въ своихъ чувствахъ, которыхъ она сама не понимала. Дѣло

*) См. «Міръ Вождій», № 1.

въ томъ, что наединѣ съ Бергеромъ она чувствовала себя довольной и счастливой, но едва они очутятся въ обществѣ другихъ, ея душевное равновѣсіе исчезало, и вмѣсто него являлось какое-то безпокойство, мѣшавшее ей смотрѣть людямъ прямо въ глаза. Это было что-то, напоминавшее неприятное чувство, какое являлось у нея, напримѣръ, когда она думала, что платье ей не къ лицу, или дурно на ней сидитъ.

Разговоры и разныя предположенія матери о томъ, что будетъ послѣ свадьбы только усиливали это неприятное безпокойство. У нея не хватало мужества откровенно отвѣчать себѣ на такіе вопросы, и потому заботы матери мучали ее. Когда Бергеръ былъ съ ней, она чувствовала къ нему полное довѣріе, точно знала его съ дѣтства; но когда его съ ней не было, онъ становился для нея совсѣмъ чужимъ, и она не знала, что о немъ думать... Лучше всего ужь не задавать себѣ никакихъ вопросовъ и ни о чемъ не думать.

Но были, однако, вопросы, о которыхъ нельзя было не подумать, и которые требовали немедленнаго рѣшенія. Напримѣръ, о приданомъ, если свадьбѣ суждено состояться уже въ ноябрѣ, нельзя же было медлить переговорами съ модисткой. А тутъ еще выѣзды по случаю свадьбы кузины! Къ счастью еще, что не было соображеній объ экономіи, такъ какъ въ виду скорого прекращенія всякихъ расходовъ на ея наряды, отецъ позволилъ ей не стѣсняться. Она и не стѣснялась, вполнѣ сознавая, насколько облегчится положеніе родителей, когда она выйдетъ замужъ.

Въ день бала у маіора Фольмерса пріѣхалъ Ольсонъ. За время его отсутствія Маріана обмѣнялась съ нимъ лишь немногими письмами. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ по прежнему спокоенъ и счастливъ.

Старшіе братья отсутствовали; незадолго передъ тѣмъ они уѣхали въ Упсалу. Оставался только Хаквинъ, показавшійся Бергеру такимъ унылымъ, что тотъ не могъ удержаться отъ сравненія его съ мокрой курицей. Маріана, смѣясь, пояснила, что это происходитъ отъ того, что Хаквину теперь не съ кѣмъ ссориться. Эти шутки не помѣшали мальчику подружиться съ будущимъ зятемъ, и скоро опять посыпались шутки и остроты школьника, которымъ вторилъ добродушнымъ смѣхомъ счастливый женихъ.

Утромъ пришлось дѣлать визиты, которыхъ обрученные не успѣли сдѣлать въ прошлый пріѣздъ Бергера. Онъ по-

корился участи и поѣхалъ, ограничивъ протестъ гримасой. Все обошлось благополучно; Бергеръ не былъ особенно развязенъ, но и не старался казаться развязнымъ; Маріана не чувствовала гордости, но и не стыдилась своего жениха... На обратномъ пути они заѣхали къ ювелиру, и дома Маріана съ восторгомъ показала матери цѣлую коллекцію старо-норвежскихъ драгоценностей, подаренныхъ ей женихомъ. Это замѣтно подняло въ глазахъ родныхъ его акціи.

Въ этотъ день Бергеръ и Маріана почти не оставались наединѣ. Только послѣ обѣда они не надолго уединились въ будуарѣ дѣвушки, но скоро пришлось одѣваться къ балу, и *tête-à-tête* нарушился.

До имѣнія маіора Фольмерса было верстъ десять и пришлось ѣхать въ каретѣ. Маріана появилась въ самую послѣднюю минуту и закутанная уже въ манто, такъ что Бергеру не удалось увидѣть ея наряда. Зато лицомъ ея онъ могъ любоваться вволю, и лицо это, оживленное ожиданіемъ удовольствія, показалось ему милѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ занялъ мѣсто въ каретѣ противъ невѣсты и не спускалъ съ нея глазъ. Странныя мысли бродили у него въ головѣ, пока онъ сидѣлъ въ своемъ углу и подъ шумъ катящагося экипажа смотрѣлъ на Маріану...

Она совсѣмъ не походила на молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ онъ привыкъ встрѣчать въ семействахъ пасторовъ и мелкихъ помѣщиковъ. Тѣ часто являлись на вечера въ простенькихъ шерстяныхъ платьяхъ съ высокимъ лифомъ и длинными рукавами... А Маріана!.. Изъ подъ распахнувшейся полы манто онъ видѣлъ ея руку, затянутую въ длинную перчатку, поверхъ которой сверкалъ подаренный имъ сегодня браслетъ. Выше перчатки бѣлѣла нѣжная кожа обнаженной руки. Какъ хороша была эта рука! Онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ! И все-таки она точно пугала его... Въ его кругу не девольтировались ни при какихъ обстоятельствахъ... Стало быть, Маріана совсѣмъ изъ другого міра?

Онъ любилъ театръ и охотно смотрѣлъ французскія бытовые пьесы. Тамъ, на сценѣ, его даже плѣняли роскошные туалеты актрисъ. И вотъ теперь передъ нимъ его невѣста, олицетвореніе того изящества и блеска. И это уже дѣйствительность! До нея такъ близко, что онъ можетъ коснуться ея рукой. А въ немъ все-таки подымается то же ненормальное чувство, какое поднималось всегда въ театрѣ: какая-то лихорадочная потребность блеска и удоволь-

ствій, какое-то преувеличенное поклоненіе роскоши, уютности, наслажденіямъ.

Теперь вѣдь все это возможно, денегъ у него много!! А Маріана съумѣетъ распорядиться ими...

— Маріана! — мысленно обратился онъ къ невѣстѣ. — Я могу украсить тебя золотомъ и драгоценностями! Могу укутать тебя въ дорогой бархатъ, который безшумно обовьетъ всю тебя мягкими складками! Могу нарядить тебя въ шуршащій и яркій шелкъ! Зачѣмъ же я долженъ только трудиться? И я тоже хочу наслажденій и удовольствій!

Онъ отвынулъ на мягкія подушки сидѣнья.

Что за сказки натолевали ему съ ранней молодости о необходимости труда и воздержности? Вотъ, напримѣръ, рука Маріаны. Вѣдь эта рука потому-то и прекрасна, что никогда не касалась того, что въ его кругу считалось работой! Эта рука создана для того, чтобы сорить деньгами, создана для поцѣлуевъ и ласки! Неужели онъ этого не понимаетъ? Неужели она думаетъ, что онъ нечувствителенъ къ прекрасному потому только, что всегда сдержанъ и спокоенъ?

Неожиданно для себя и самъ не зная для чего, онъ наклонился и шепнулъ:

— Маріана!

Она взглянула на него вопросительно, но, такъ какъ онъ ничего не прибавилъ, ограничилась вивкомъ головы.

Между тѣмъ, мать дремала въ углу кареты. Отецъ усѣлся рядомъ съ кучеромъ на козлахъ, потому что „терпѣть не могъ ѣздить — какъ онъ выражался — въ ящикѣ“. Бергеръ ни слова не сказалъ Маріанѣ, опять отвынулъ въ уголъ и продолжалъ мечтать.

„Женой? Она будетъ моей женой?“ — размышлялъ онъ. Въ этомъ словѣ онъ привыкъ видѣть нѣчто серьезное, почтенное, исключющее всякую лихорадочную страсть. — „Маріана, въ качествѣ жены и хозяйки въ Темте!“

Трудно было представить себѣ нѣжную изящную Маріану въ этомъ новомъ положеніи, и ему показалось даже, что онъ оскорбляетъ ее, допуская такое превращеніе! Но вдругъ мысли его приняли совсѣмъ другой оборотъ. Онъ задалъ себѣ вопросъ, согласна ли была бы Маріана выйти за него замужъ, если бы онъ былъ бѣденъ? И все его минутное увлеченіе блескомъ и внезапно налетѣвшій порывъ легкомыслія исчезли, уступивъ мѣсто природному стремленію ко всему честному и возвышенному. Жажда наслажденій смѣнилась жаждой тихой

привязанности, честной любви ради его самого, а не ради его богатства. Вѣдь онъ прекрасно знаетъ, что получилъ ея согласіе только потому, что у него были средства и желаніе доставить ей счастье. Но вѣдь и ему хотѣлось хоть немного счастья для себя самого!

При этой мысли онъ машинально протянулъ руку къ Маріанѣ, точно прося у нея милостыню. Она вторично посмотрѣла на него вопросительно, потомъ сообразила что-то и положила руку въ его широкую ладонь...

Въ это время карета остановилась у подъѣзда, и мадамъ Бьеркъ очулась при звукѣ открывающейся дверцы кареты.

Въ просторной передней, пока лакей помогалъ раздѣться госпожѣ Бьеркъ, Бергеръ помогъ Маріанѣ освободиться отъ манто. Затѣмъ она сняла платокъ, въ который была укутана, и, точно мотылекъ, высвободившійся изъ своей куколки, предстала передъ Бергеромъ въ полномъ блескѣ бального туалета.

Увидѣвъ ее, онъ покраснѣлъ такъ сильно, что Маріана заподозрила, не испортилось ли что-нибудь въ ея туалетѣ, и быстро взглянула въ зеркало. Но все оказалось въ полномъ порядкѣ. На ней было свѣтло-голубое шелковое платье, отдѣланное темно-синимъ бархатомъ. Декольтированный лифъ, съ глубокими шнипами спереди и сзади, прилегалъ къ ея стройному стану, какъ панцырь; зато рукавчиковъ вовсе не было, и плечи были такъ же обнажены, какъ руки и шея, бѣлизна которыхъ эффектно отдѣнялась темнымъ бархатомъ отдѣлки.

Бергеръ нашелъ ее обворожительно прекрасной, но въ то же время точно почувствовалъ себя оскорбленнымъ беззастѣнчивостью покроя этого платья. Точно передъ цѣлой толпой разоблачались его сокровеннѣйшія чувства. Ему было стыдно! И притомъ онъ еще стыдился своего стыда, въ которомъ было сознаніе его полной непривычки и къ свѣтскимъ обычаямъ! Вотъ почему онъ покраснѣлъ такъ сильно, что жаль было на него смотрѣть. Онъ боялся, чтобы Маріана не угадала его мыслей...

Но Маріанѣ и въ голову не приходило, какого рода впечатлѣніе она произвела на жениха. Вида его недовольство, она подумала, что онъ нашелъ ея нарядъ слишкомъ роскошнымъ, и попыталась успокоить его.

— Не пугайся! — шепнула она ласково. — Все это далеко не такъ цѣнно, какъ ты воображаешь.

— Милая Маріана, да развѣ я въ этомъ смыслѣ критикую твой нарядъ?—возразилъ онъ немножко холодно.

Родители уже дожидались, и ему пришлось подать невѣстѣ руку, чтобы вести ее въ залу. Но, помимо его воли, лицо его оставалось до такой степени серьезнымъ, что Маріана просто ужаснулась. Именно теперь она желала видѣть вокругъ себя веселыя, довольныя лица!.. Она рѣшилась непременно развеселить его, и какъ можно скорѣе, такъ какъ иначе она не могла чувствовать себя спокойной. Но довольно долго ей не удавалось удѣлить жениху ни минутки, приходилось привѣтствовать хозяевъ и знакомыхъ, а потомъ ее окружили танцоры, и посыпались приглашенія на танцы, а наконецъ начались и танцы. Бергеръ танцевалъ довольно плохо, и потому всегда танцевалъ очень неохотно. Однако, съ невѣстой нужно было сдѣлать хоть одинъ туръ вальса, и этимъ случаемъ она воспользовалась.

— Я никому не общала второй польки!—шепнула она ему во время танца.—Мнѣ хочется побыть съ тобой, злой мальчишъ! Въ оранжереѣ очень уютно и во время польки мы тамъ останемся одни. Не прозѣвай же!

— Благодарю!—отвѣтилъ онъ лаконически, продолжая танцевать.

Послѣ вальса онъ пошелъ въ курительную комнату, но тамъ ему показалось слишкомъ скучно, потому что въ карты онъ не игралъ, а знакомыхъ у него здѣсь почти не было. Поэтому, докуривъ сигару, онъ вернулся въ залу, гдѣ, по крайней мѣрѣ, было на что смотрѣть. Онъ усѣлся въ амбразуру окна и сталъ глядѣть на танцующихъ въ это время лансье. Ему показалось забавнымъ сидѣть въ полномъ одиночествѣ среди такой толпы народа и наблюдать другихъ, оставаясь незамѣченнымъ; это вполне соответствовало его вкусамъ. Притомъ, танецъ, въ которомъ участвовала и Маріана, былъ красивъ, и Бергеру было интересно слѣдить за его сложными фигурами. Но, хотя онъ уже успокоился и пересталъ хмуриться, ему не было весело, и онъ чувствовалъ себя чуждымъ удовольствіямъ этого блестящаго круга. Онъ соглашался, что все это очень красиво, изящно, но ему и въ голову не приходило, онъ не испытывалъ ни малѣйшаго желанія сдѣлать какую-нибудь попытку стать самому такимъ же, какъ эти люди. Вотъ, напримѣръ, Павелъ, тотъ годился для этого. Тотъ всегда достигалъ всего, что его манило, и о чемъ Бергеръ никогда даже и не мечталъ!

Этот маленький бѣднякъ въ бархатной блузкѣ обладалъ, очевидно, лампой Аладина! А вотъ ему, Бергеру, все дается только трудомъ, и всѣ обгоняютъ его... Почему это? Почему онъ ни къ чему не можетъ относиться легко, и всякое чувство вливается въ него такъ глубоко, что онъ уже никогда отъ него не можетъ отдѣлаться? Вотъ, хоть бы чувство его къ Маріанѣ... Вѣдь ужъ какъ онъ старался забыть ее прежде, чѣмъ рѣшился сдѣлать предложеніе! Вѣдь понималъ же онъ, что она ему не пара... Но забыть ее оказывалось невозможнымъ, и вѣчно стояла передъ нимъ ея стройная фигура съ откинутой, какъ теперь, назадъ головкой... Онъ просто тосковалъ по ней, и эта тоска становилась все злѣе и злѣе, пока, наконецъ онъ не рѣшился написать письмо... Теперь Маріана будетъ его женой! Всю жизнь онъ будетъ видѣть ее подлѣ себя, будетъ любоваться ею, слышать ея голосъ...

Ну, разумѣется же, онъ счастливъ!

Бергеръ продолжалъ смотрѣть на танцующую Маріану, и теперь его уже не оскорбляли ея дежольтированные плечи. Тогда отъ времени до времени его передергивало, когда онъ смѣчалъ чужіе взгляды, скользившіе по ея плечамъ и красивымъ рукамъ. Но это не была ревность, а что-то другое...

Между тѣмъ Маріана замѣтила его и, проходя мимо, украдкой кивнула ему. Когда окончился танецъ, она подошла къ нему, и они пошли въ оранжерею. Тамъ было немножко прохладнѣе и какой-то особенный воздухъ, пропитанный испареніями и благоуханіемъ цвѣтовъ. Маріана нагнула на плечи изящный сорти-де-баль изъ лебяжьего пуха и опустила на маленькой диванчикъ, поставленный возлѣ большой жардиньерки съ растеніями. Ольсонъ сѣлъ возлѣ нея.

— Ты за что-то сердился на меня? — спросила она съ легкимъ упрекомъ въ голосъ, и губы ея нервно передернулись.

— Я не сердился! — отвѣтилъ онъ очень тихо. Онъ чувствовалъ, что близость Маріаны опяняетъ его, и вся кровь прилила у него къ сердцу...

— Лучше признавайся! — сказала она, поднимая глаза и съ лукавой улыбкой взглянула на него, но тотчасъ же, снова ставъ серьезной и положивъ руки на его плечи, прибавила: — Пойми, что я хочу одѣваться красиво для того, чтобы ты больше любилъ меня!

Ея взглядъ говорилъ больше, чѣмъ слова, и въ этомъ взглядѣ мелькнуло что-то умоляющее... Бергеръ не въ силахъ былъ произнести ни слова. Онъ молча привлекъ ее къ

себѣ, и ея руки сомгнулись вокругъ его шеи. Онъ былъ совершенно примирень...

Такъ какъ между баломъ у Фольмерса и сватьбой кузины было нѣсколько ничѣмъ незанятыхъ дней, Маріана и ея мать рѣшились воспользоваться этимъ, чтобы на слѣдующій день съѣздить въ Темте. Предполагалось ѣхать вмѣстѣ съ Бергеромъ съ полуденнымъ поѣздомъ, но Маріана долго не вставала, а пока она спала, вся семья ходила на ципочкахъ, опасаясь ее потревожить, и, во избѣжаніе шума, не дѣлалось даже приготовленій къ отъѣзду. Бергеру оставалось только терпѣливо ждать, поглядывая на часы. Въ одиннадцать часовъ онъ сдѣлалъ господамъ Бьёркъ довольно робкій вопросъ, нельзя ли разбудить Маріану, но такой дерзкій вопросъ былъ принятъ съ негодованіемъ.

— Бѣдная Маріана! Надо же ей выспаться! — отвѣтили ему, и бѣдную Маріану не тревожили.

Наконецъ, уже около двѣнадцати, появилась и она. Она казалась утомленной, и ея мать нянчилась съ ней, какъ съ груднымъ младенцемъ.

Напившись кофе, она ушла въ будуаръ и прилегла на кушетку. Бергеру позволено было сѣсть рядомъ, но она, чувствуя себя не въ силахъ разговаривать, лежала, прислонивъ голову къ плечу жениха и только отъ времени до времени протягивала къ нему руки, какъ бы прося его ласки. Въ сущности, она чувствовала себя превосходно: во всѣхъ членахъ ощущалась пріятная истома, на душѣ было спокойно, ни одна назойливая мысль не лѣзла въ голову. Самая слабость доставляла ей наслажденіе. Она закрыла глаза и подумала, что хорошо бы прожить цѣлую жизнь въ такомъ спокойномъ настроеніи. Вотъ почему она и любитъ Бергера: онъ не Рочестеръ, конечно, но зато съ нимъ такъ спокойно.

Ольсонъ ласкалъ ее, но по временамъ поглядывалъ на часы, недоумѣвая, какъ это Маріана успѣетъ собраться хоть къ слѣдующему поѣзду.

Вошла мать.

— Не отложить ли поѣзду? — сказала она. — Ты такъ утомлена, моя милочка!

— Да... не поѣдемъ ли мы завтра? — спросила Маріана, не мѣняя позы и только взглянувъ на Бергера.

— Мнѣ нельзя! — возразилъ онъ. — Завтра съ разсвѣтомъ я долженъ быть на пробной молотбѣ...

Всѣ задумались... пауза протянулась...

— Но вѣдь я могу уѣхать и одинъ, а вы прїѣдете завтра?—предложилъ онъ.

Конечно, это самое лучшее! Такъ и порѣшили.

Когда онъ уѣхалъ, Маріана совершенно искренно почувствовала сожалѣніе о его отъѣздѣ. Въ домѣ стало такъ пусто, холодно; она не знала, чѣмъ наполнить время. Лучше бы ужъ она ни на минуту не разлучалась съ нимъ, а то разлука только вызываетъ такое непрїятное ощущеніе!

Между тѣмъ у Бергера, когда онъ уѣхалъ, было впечатлѣніе, точно въ этотъ прїѣздъ онъ не засталъ своей Маріаны дома. Онъ любилъ ее по прежнему, но въ сердцѣ чувствовалась какая-то пустота. Ему пришло въ голову, что это произошло по его собственной винѣ, что, благодаря его неумѣнью высказаться, онъ все еще чужой для Маріаны, а это, въ свою очередь, охлаждаетъ и его. Но вѣдь все это исчезнетъ, когда они будутъ женаты!.. Тогда они будутъ повѣрять другъ другу все. Вотъ ужъ тогда наговорятся вдоволь!

Прїѣхавъ домой, онъ занялся приготовлениями, къ прїему гостей, и мечтать уже было некогда. Надо было представить Темте съ честью—это самое главное!

На слѣдующій день все было въ порядкѣ, и къ приходу поѣзда онъ самъ поѣхалъ на станцію. Шелъ проливной дождь, и всю дорогу Бергеръ заботливо закрывалъ сидѣнье кабриолета, чтобы оно не намокло. Но вотъ и станція! Съ поднятымъ воротникомъ пальто взбѣжалъ онъ на платформу и остановился передъ подходившимъ поѣздомъ подъ сильнымъ дождемъ и среди лужи, чего онъ, впрочемъ, совсѣмъ не замѣчалъ, чувствуя себя такъ же хорошо, какъ если бы онъ былъ утенкомъ, попавшимъ въ свою родную стихію.

Его будущая теща и Маріана выпрыгнули изъ вагона и бѣгомъ, съ зонтиками, перебѣжали платформу. Въ ваказлѣ Маріана прогнала ему губы для поцѣлуя, но держалась отъ жениха какъ можно дальше, чтобы не испортить платья о его мокрое пальто.

— У тебя карета, или открытый экипажъ?—озабоченно спросила Бергера мадамъ Бьёркъ.

Его передернуло. Карета? Неужели они могли воображать, что онъ ѣздитъ въ каретѣ?.. Можетъ быть, это намекъ? Но имъ бы слѣдовало знать, что ему, сыну мужика, даже неприлично что-либо подобное...

— У меня открытый кабриолетъ!—отвѣтилъ онъ сухо.

У под'їзда его ожидало второе разочарованіе. Онъ любилъ лошадей и гордился своей запряжкой. Садясь въ экипажъ, дамы даже не оглянулись на его кровныхъ рысаковъ! Такими вещами Маріана не интересовалась; на то она была горожанка! Однако, это было обидно... Не замѣтить его великолѣпныхъ рыжихъ!

Не безъ горечи въ сердцѣ занялъ онъ свое мѣсто и тронулъ своихъ любимцевъ, которыми, конечно, правилъ самъ.

Дождь барабанилъ по зонтикамъ дамъ, и онѣ сидѣли молча, всецѣло занятія спасеніемъ своихъ нарядовъ отъ воды и грязи. Онѣ успѣли только замѣтить, что мѣстность, по которой ѣхали, была низменна и однообразна.

— Вотъ здѣсь начинаются мои владѣнія! — провозгласилъ успѣвшій между тѣмъ оправиться помѣщикъ, и указалъ бичомъ по направленію границы.

Дамы оглянулись по сторонамъ, но ничего особеннаго не замѣтили: видѣлись точь-въ-точь такія же неинтересныя поля, какъ и раньше.

— А вотъ и Темте! — Онъ снова указалъ бичомъ въ сторону.

За поворотомъ дороги изъ за роци выглядывало бѣлое строеніе, къ счастью, произведшее на дамъ хорошее впечатлѣніе.

— Домъ прехорошенькій! — сказала Маріана, повеселѣвъ.

— Да, красивый домъ! — согласилась и мать.

Бергеръ почувствовалъ себя удовлетвореннымъ и заговорилъ оживленнѣе.

— Видите этотъ мезонинъ? Тамъ наверху славныя, просторныя комнаты, и весной я пристрою къ нимъ большой балконъ. Это будетъ хорошее помѣщеніе для твоихъ братьевъ, Маріана, если они вздумаютъ пріѣхать погостить лѣтомъ.

— Да, это будетъ отлично!

Если бы Бергеръ былъ тонкій дипломатъ, онъ и тогда не могъ бы придумать лучшаго приема для ободренія своей невѣсты, какъ это упоминаніе о будущихъ пріѣздахъ ея братьевъ. Тоскливое настроеніе, навѣянное на нее дурной погодой и некрасивой мѣстностью, сразу разсѣялось, и воображеніе стало рисовать въ будущемъ веселыя картины въ кругу родственниковъ.

Между тѣмъ экипажъ повернулъ въ сторону и понесся по длинной аллеѣ къ усадьбѣ. Передъ помѣщичьимъ домоу оказался просторный дворъ, украшенный посрединѣ влумбой

и со всѣхъ сторонъ окруженный постройками. Всюду царили образцовый порядокъ и чистота, но при дождѣ все смотрѣло сѣро и скучно.

— Досадно, что погода такая скверная!— проворчалъ Бергеръ.— Получается совсѣмъ превратное понятіе объ имѣніи...

Дамы промолчали.

Въ это время экипажъ обогнулъ уже клумбу, нѣсколько дворовыхъ собакъ подняли привѣтственный лай, и появился конюхъ, чтобы принять лошадей. Бергеръ помогъ дамамъ слѣзть и повелъ ихъ по широкой лѣстницѣ, по бокамъ которой стояли каменные урны съ цвѣтами, въ домъ. Вошли прямо въ большую свѣтлую переднюю, потому что сѣней въ домѣ не оказалось. Въ то же время изъ внутреннихъ дверей прихожей показалась немолодая женщина.

— Вотъ и моя ключница!—весело представилъ женщину Бергеръ.

Она поклонилась, но нѣсколько неувѣренно, видимо задавая себѣ вопросъ, надо ли подать пріѣзжимъ дамамъ руку, или нѣтъ. У нея было добродушное лицо съ некрасивымъ, заостреннымъ носомъ и привѣтливыми, узенькими глазками. Но теперь въ этомъ лицѣ преобладало выраженіе въ высшей степени напряженного любопытства. Она пыталась однимъ взглядомъ разсмотрѣть свою будущую хозяйку, замѣтить лицо, выраженіе его, манеру держать себя, одежду—все, до мельчайшихъ подробностей.

— Ну, что вы о ней скажете?—шутливо и товарищескимъ тономъ спросилъ Бергеръ.—Какъ по вашему, мы пара?

— Не подобаетъ мнѣ и отвѣчать на такіе вопросы!—скромно уклонилась ключница, очень польщенная вопросомъ барина.—Но если бы я не боялась быть назойливой, я бы охотно сказала барынямъ: добро пожаловать въ нашъ Темте.

— Спасибо, спасибо!—отвѣтила Маріана дружелюбно, но немножко небрежно.

Ключница ушла въ кухню, а Бергеръ распахнулъ двери во внутреннія комнаты и повелъ дамъ осматривать помѣщеніе.

Черезъ небольшую, едва меблированную наружную комнату они перешли въ залу. Тамъ мать и дочь остановились, пытливо осматриваясь по сторонамъ. Зала была велика и походила на большинство другихъ залъ въ помѣщичьихъ домахъ; но въ ней не было ни комфорта, ни изящества. Мебель была самая обыкновенная и стояла въ симметричномъ порядкѣ вдоль стѣнъ; не было ничего оригинальнаго, или

художественнаго... Маріана была разочарована; мать тоже стала неразговорчива.

— Что жъ, для холостой обстановки это ничего! — замѣтила она.

— Мои холостыя комнаты по другую сторону прихожей, — возразилъ Бергеръ. — Ко мнѣ приходитъ много народу: конюхи, рабочіе и тому подобное. Но сюда ихъ не пускаютъ. Здѣсь будетъ царить Маріана. А вотъ столовая! — прибавилъ онъ, проходя въ сосѣднюю комнату.

— Столовая просторная! — сказала госпожа Бьеркъ, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Да, мать сама привела эту комнату въ порядокъ! — пояснилъ онъ.

Дамы оглядывались съ недоумѣніемъ. Въ комнатѣ стояли какіе-то шкафы, непомерно широкій буфетъ, неуклюжій дубовый столъ и такіе же стулья. Все это было прочно, но безобразно, безъ всякаго стиля и рѣзвы. Въ общемъ, комната производила самое гнетущее впечатлѣніе.

— Не можешь себѣ представить, какое количество столоваго бѣлья напихала мать въ эти шкафы! — добродушно похвастался Бергеръ, обращаясь къ Маріанѣ, которая старалась казаться довольной.

— Твоя мать часто бываетъ здѣсь? — спросила Маріана, чтобы не молчать.

— Нѣтъ, очень рѣдко! — отвѣтилъ онъ. — Я упрашивалъ ее поселиться у меня, но не могъ этого добиться. Она все говоритъ что мнѣ пора жениться, а женѣ и тещѣ не слѣдуетъ жить въ одномъ домѣ.

— Почему же? — удивилась Маріана, но госпожа Бьеркъ почувствовала къ „мужичкѣ“ уваженіе.

— Это ея мнѣніе! — пожалъ Бергеръ плечами.

Въ это время вошла ключница съ кофейникомъ и Бергеръ пригласилъ дамъ въ накрытому столу.

— Кажется, чашка горячаго кофе встаетъ въ такую погоду? — сказалъ онъ, пододвигая стулья къ столу.

Дамы усѣлись, а ключница ушла. Но и за кофе разговоръ не клеился. Всѣмъ было какъ-то не по себѣ. Съ обѣихъ сторонъ чувствовалось что остается много недоговореннаго, но никто не рѣшался пуститься въ откровенности. Бергеръ инстинктивно догадывался, что на него хотятъ повліять болѣе, чѣмъ онъ этого желалъ. Маріана находила жилище невозможнымъ и содрогалась при одной мысли, что ей при-

дета тутъ жить, а ея мать размышляла, нельзя ли помочь горю переменной мебели, и какъ бы начать соответственные переговоры.

Она покашляла вмѣсто предисловія, поиграла чайной ложечкой и начала, стараясь казаться развязной:

— Такъ какъ Маріана не получить приданого деньгами, то естественно, что ея отецъ хотѣлъ бы помочь тебѣ хоть меблировать домъ...

Она остановилась, соображая, что ее могутъ поймать на словѣ. Но что-жъ дѣлать? и наконецъ, не было другого способа заговорить о меблировкѣ, не показавшись слишкомъ требовательной...

Бергеръ покраснѣлъ. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи денежныя дѣла его будущаго тестя и боялся выказать это. Онъ вовсе не былъ намѣренъ подчиняться требованіямъ тещи, но не хотѣлъ и обидѣть ее.

— Благодарю! — сказалъ онъ, поднимаясь со стола. — Мнѣ ничего не надо. Комнаты, которыя уже меблированы, я хочу оставить, какъ онѣ есть. Но тутъ еще три комнаты...

Онъ повелъ дамъ обратно, черезъ залу, и остановился на порогѣ большой, совершенно пустой, комнаты.

— Вотъ, — сказалъ онъ; — здѣсь можетъ быть устроена гостиная Маріаны. Здѣсь вѣдь нѣтъ ни одного стула, и она можетъ выбрать мебель по своему вкусу; я не позволю себѣ ни одного замѣчанія. А вотъ (они прошли въ слѣдующую комнату) спальня. И здѣсь нѣтъ мебели, и мы можемъ обставить комнату въ обоюдному удовольствію. Замѣть, Маріана, окна въ обѣихъ комнатахъ на солнечной сторонѣ. Развѣ худо?

— Нѣтъ, комнаты мнѣ нравятся.

— А тамъ, когда садъ будетъ приведенъ въ порядокъ, развѣ плохой будетъ видъ? Цвѣты и зелень до самыхъ оконъ, а вдали старый паркъ!..

— Да, видъ прекрасный! — согласилась и мать.

— А вотъ и третья комната, тоже на югъ. Свѣтлая и сколько воздуха! Но эту комнату, мнѣ вѣжется, мы не будемъ теперь меблировать. Лучше, обождемъ, Маріана... Не правда ли? Можетъ быть, комната еще пригодится...

Онъ совсѣмъ развеселился и лукаво посмотрѣлъ на Маріану, которая сконфузилась и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Пошли обратно.

— Изъ твоей гостиной видны всѣ надворныя постройки. Отсюда ты будешь видѣть меня, когда я буду проходить въ конюшни и въ риги, и я увижу тебя у окна. Здѣсь какъ-то оживленнѣе, да и тебѣ будетъ на что посмотреть. А передъ окнами терраса, которую мы уберемъ какъ слѣдуетъ, и всю обставимъ растеніями...

Онъ даже весь разгорѣлся, высказывая свои завѣтныя мечты объ устройствѣ уютнаго, семейнаго гнѣздышка.

Въ залѣ онъ опять остановился.

— У этой стѣны удобное мѣсто для рояла! — сказалъ онъ. — Впрочемъ, можетъ быть, ты захочешь поставить его въ твоей гостиной? По моему, здѣсь просторнѣе, и легче пѣть...

— Конечно, здѣсь лучше.

— Не правда ли? Во всякомъ случаѣ, инструментъ выбери уже сама, я въ этихъ вещахъ толку не знаю.

Разговоръ опять замаялся. Дамы смотрѣли на полъ, на застланнныя коврами, на некрасивую мебель, на тюлевыя, мѣщанскія занавѣси. Бергеръ замѣтилъ эти взгляды, отлично понимая, въ чемъ дѣло, но не сказалъ ни слова.

— А нельзя поставить эту мебель въ верхнія комнаты, а сюда купить что-нибудь поновѣе?—опять начала госпожа Бьёркъ. — Вѣдь для верхнихъ комнатъ все равно придется же покупать... А? Можно бы устроить что-нибудь въ родѣ большой гостиной или салона?..

Она не дождалась отвѣта и замолчала, увидѣвъ, какъ начало хмуриться лицо Ольсона и понявъ, что его не слѣдуетъ выводить изъ терпѣнія. Разумѣется, это съ его стороны самая мужицкая скарденость. Но приходилось ужъ брать его такимъ, каковъ онъ есть... Бѣдная Маріана! Трудненько-таки ей будетъ съ нимъ... Это ужъ въ его природѣ; а когда вдобавокъ человѣкъ смолоду не получилъ настоящаго воспитанія... Но будемъ надѣяться на силу любви и женскаго вліянія!

Маріана замѣтила, что Бергеръ опять нахмурился и попыталась развеселить его. Она взяла его подъ руку и стала ходить съ нимъ взадъ и впередъ. Онъ ласково принялъ ея руку, но продолжалъ молчать.

Мысли такъ и роились у него въ головѣ. О, еслибъ онъ только могъ высказаться!.. Но надо же, наконецъ, найти слова и сказать ей все,—иначе она никогда его не пойметъ! Надо попытаться!

— Ты не сердись на меня за то, что я хочу сохранить простую обстановку!—началъ онъ, и смолкъ. Потомъ подумавъ немного, продолжалъ:

— Видишь ли, я не хочу жить бариномъ. Не денегъ мнѣ жаль, нѣтъ... Но я вѣдь только земледѣлецъ, я...

Онъ опять остановился. Ему стало стыдно, что онъ не находитъ выраженій, когда ясно знаетъ, что именно хочетъ выразить. Это становилось, наконецъ, просто унижительнымъ! Онъ сердился на себя, но вдругъ нужныя слова нашлись и полились, точно по писанному.

— Видишь ли, началъ онъ, большинство людей думаетъ только о томъ, какъ бы устроить себѣ изящную обстановочку и жить не хуже того, другого, третьяго. Управляющій хочетъ, чтобы у него было не хуже, чѣмъ у помѣщика; мужикъ таянется за господами; никто не хочетъ отставать, и всякому охота, чтобы у него было и красиво, и по модѣ, и уютно... Только чтобы было не хуже, чѣмъ у людей! Но такъ таяться не подъ силу и въ концѣ-концовъ—вотъ какъ, мои сосѣди, справа и слева,—сидятъ всѣ по уши въ долгахъ. А когда продолжать такую канитель нельзя, они банкротятся, а тамъ начинаютъ опять то же самое и опять лѣзутъ въ долги, въ горе, въ бѣду. И это всегда будетъ такъ продолжаться, потому что ни у кого нѣтъ мужества жить по своимъ средствамъ, и всякій заботится только о томъ, какъ принято у богатыхъ. Относительно же народа это положительно нехорошо! Вѣдь мужики, какъ обезьяны, перенимаютъ, что ни попало, и не будучи въ состояннн тягаться съ господами, во всякомъ случаѣ они научаются жить не по средствамъ. Привыкаютъ смотрѣть на лишнія вещи, какъ на неустранимыя потребности, и совсѣмъ отвыкаютъ подчиняться только собственной, свободной волѣ! Это развратъ! До сихъ поръ моимъ рабочимъ жилось сносно. У многихъ даже къ старости прикапливается лишняя копейка. Но вѣдь у нихъ принято брать примѣръ съ помѣщика. Хорошо ли будетъ, если я сознательно буду самъ подавать дурной примѣръ? Неужели же я долженъ ожидать отъ нихъ большаго благоразумія, чѣмъ отъ себя самого? На это я и не согласенъ! Вотъ почему, Маріана, я намѣренъ быть воздержаннымъ.

Маріана молчала. Безотраднымъ и одностороннимъ показалось ей это ученіе! Съ какой стати имъ сравнивать себя съ какими-нибудь батраками?

Бергеръ внимательно и тревожно смотрѣлъ на нее: онъ

ожидалъ, что она пойметъ его. Но лицо ея выражало одну скуку и оставалось спокойнымъ, и, передъ этимъ равнодушіемъ, сразу рухнулъ весь его энтузіазмъ. Онъ понялъ, что проповѣдовалъ въ пустынѣ!

Пока онъ говорилъ, госпожа Вьёръ спокойно сидѣла у окна. Теперь она обернулась къ нему и снисходительно улыбнулась.

— Какой ты мечтатель!—только и выговорила она.

При этомъ Маріана подняла на него свой невинный взглядъ и улыбнулась, точно прощая ему вину.

Страшно пусто стало у него на душѣ! Никто не понималъ, чего ему стоило его ученіе. Никто не понималъ, какъ онъ былъ въ дѣйствительности-то слабъ, какъ соблазнила его самого эта роскошь, отъ которой онъ отказывался, какъ тяжело ему было бороться противъ соблазна! А онъ, безумецъ, ожидалъ найти въ ней сочувствіе и поддержку своимъ стремленіямъ, едва только онъ ихъ выскажетъ! Но вѣдь и то сказать: въ сущности-то онъ ничего и не объяснилъ, такъ какъ не умѣетъ говорить... Въ чемъ же винить ее?

— Не хочешь ли посмотрѣть мои комнаты?—предложилъ онъ невѣстѣ, чтобы отдѣлаться отъ гнетущихъ мыслей.

Онѣ пошли за нимъ черезъ прихожую въ его кабинетъ. Это была огромная, свѣтлая комната въ четыре окна во дворъ. Обстановка была сносная, но болѣе практичная, чѣмъ изящная. Во всякомъ случаѣ, эта комната понравилась дамамъ болѣе остальныхъ, потому что казалась, по крайней мѣрѣ жилой. Надъ широкимъ стариннымъ диваномъ были развѣшаны красивыя охотничьи принадлежности, подъ письменнымъ столомъ, вмѣсто ковра, прекрасная медвѣжья шкура, по всей стѣнѣ книжные шкафы. Маріана заинтересовалась было библіотекой, но скоро убѣдилась, что въ шкафахъ книги серьезнаго содержанія: по агрономіи, химіи, историческія сочиненія и т. п. Ни одного романа!

— Неужели надо столько изучать, чтобы управлять имѣніемъ?—спросила она не безъ ироніи.

— Кому нѣтъ охоты учиться, тому не надо!—отвѣтилъ онъ добродушно.

Съ медвѣжьей шкуры поднялся красивый пойнтерьъ, потянулся и, виляя хвостомъ, подошелъ къ дамамъ.

— Погладь его, Маріана!—сказалъ Бергеръ.—Видишь, какъ онъ умильно проситъ!

— Какая красивая собака!—восхитилась Маріана, но погладила ее по головѣ только кончиками пальцевъ.

— Его зовутъ Фогъ. Онъ былъ моимъ лучшимъ другомъ въ одиночествѣ.—Фогъ, мой мальчикъ, иди поздороваться съ барыней!.. А за дверью моя спальня. Она обставлена еще бѣднѣ этой комнаты: и смотрѣть не на что.

— Да ты, я вижу, любишь цвѣты!—вскричала госпожа Бьеркъ, заглянувъ въ спальню, обрадованная тѣмъ, что нашла въ домѣ хоть что-нибудь изящное. Это была жардиньерка съ нѣсколькими растеніями.

— У меня слабость ко всему, что растетъ! — отвѣтилъ онъ съ улыбкою.—Даже дурную траву, которую полютъ въ огородѣ, я люблю видѣть здоровой и сочной. Вѣдь это признавъ, что моя земля содержится въ порядкѣ и хорошо удобрена.

— Что это, пальма?—спросила Маріана, въ свою очередь вошедшая въ комнату и очарованная великолѣпнымъ растеніемъ въ отдѣльной кадкѣ на особомъ столикѣ.

Бергеръ разсмѣялся.

— Хороша пальма!—сказалъ онъ.—Сейчасъ видно, что ты горожанка, милая Маріана. Вѣдь это просто-на-просто конопля! А вѣдь красива, не правда ли?

— Удивительно!.. Развѣ конопля такое красивое растеніе?

— Еще бы! А глвное, что оно здѣсь на почетномъ мѣстѣ, а потому и не кажется такой простой вещью, какова она въ дѣйствительности. Впрочемъ, это въ самомъ дѣлѣ рѣдкій экземпляръ.

Послѣ обѣда госпожа Бьеркъ поинтересовалась ознакомиться съ хозяйствомъ, и въ сопровожденіи ключницы пошла осматривать кладовыя и молочную. Молодые остались въ гостиной одни.

Маріана устроилась, по возможности, удобно на диванѣ; Бергеръ въ раздумьи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Его начинали мучить опасенія, не за себя, а за Маріану. Хорошо-ли онъ сдѣлалъ, что связалъ ее помолвкой?

— О чемъ ты думаешь, Бергеръ?—спросила она своимъ пѣвучимъ голосомъ.

Онъ остановился передъ ней.

— Милая,—сказалъ онъ,—мнѣ страшно за тебя. Я вижу, что тебѣ не нравятся наши порядки въ Темте... Каково-то тебѣ будетъ жить у меня? Ты соскучишься...

Онъ замолчалъ и опустилсѧ на диванъ подлѣ нея. Сумерки окутывали уже всѣ предметы таинственнымъ полу-

мракомъ; въ домѣ царила глубокая тишина. Все это такъ же, какъ и задушевный тонъ въ словахъ Бергера подѣйствовали на чувствительность Маріаны. Она обняла его и проговорила:

— Но вѣдь я люблю тебя, Бергеръ!

Онъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ размышлять съ такимъ напряженіемъ, точно все ихъ будущее счастье зависѣло отъ того, что именно онъ скажетъ теперь, въ эту самую минуту. Какіе у нихъ будутъ общіе интересы, когда они такъ мало сходны характеромъ? Какъ-то примирятся въ нихъ столь различныя привычки? Вѣдь не думалъ же онъ передѣлать ее по своему? Никогда! Онъ любилъ ее такой, какова она была, со всей ея утонченностью, которую онъ осуждалъ и которой въ то же время плѣнился. Нѣтъ, онъ отнюдь не думалъ вліять на нее! Но въ то же время онъ сознавалъ, что не можетъ отречься и отъ своихъ убѣжденій, отъ направленія своей дѣятельности. Онъ и не хочетъ этого, если бы даже и могъ! Наоборотъ, онъ долженъ бороться съ искушеніями — на то онъ человекъ. Нельзя же думать одно, а дѣлать другое!.. Но долженъ же быть тутъ какой-нибудь исходъ. И вотъ онъ: они подѣлятъ царство пополамъ, а жить будетъ каждый по своему! Его родня, его трудъ и все его прошлое останутся для него; всего этого она не должна касаться, а молодость, жизнерадостность и свобода помогутъ имъ найти точки соприкосновенія!

Онъ принялъ это рѣшеніе съ какимъ-то восторженнымъ энтузіазмомъ, и радостно сказалъ:

— Маріана, все, Богъ дастъ, пойдетъ хорошо! Ужь мы устроимся... У тебя будутъ книги, музыка, цвѣты! Къ тебѣ я буду приходить учиться цѣнить все прекрасное. А уголокъ твой мы обставимъ, какъ заколдованный замокъ... Все скучное, сѣрое будетъ устранено отъ тебя... И увидишь, какъ все будетъ хорошо!

VI.

— Не хочешь ли, Маріана, занять это мѣсто?—предложилъ Вальтеръ сестрѣ, поднимаясь съ качалки.

— Спасибо!—поблагодарила она, ласково вивнувъ головой, и заняла предложенное мѣсто.

Это происходило, приблизительно, черезъ недѣлю послѣ свадьбы кузины. Старшіе братья пріѣхали изъ Упсалы накануне и должны были пробыть дома до понедѣльника. Те-

перь вся семья, кромѣ отца, собралась въ гостиной и составилось нѣчто въ родѣ семейнаго совѣта. Эта семья была своего рода республикой, въ которой всѣ члены имѣли право голоса.

— Мы говорили, Мариана, — начала мать, — что тебѣ слѣдовало бы разспросить Бергера о его отношеніяхъ къ его родственникамъ. Очень странно, что онъ никогда не говоритъ о родныхъ! Вѣдь слѣдовало бы ему познакомить тебя съ его матерью.

— Нѣтъ, мама, пусть Бергеръ поступаетъ въ этомъ случаѣ, какъ находитъ лучшимъ. Я не хочу говорить съ нимъ объ этомъ...

— Однако же нужно тебѣ во-время узнать въ чемъ тутъ дѣло! — замѣтилъ Вальтеръ, прохаживаясь по комнатѣ. — Если онъ такъ упрямо молчитъ о своихъ родственникахъ, можно подумать, что эти отношенія не хороши.

— Вадоръ! Онъ просто стыдится родни, потому что они мужики! — вставилъ Карлъ, растянувшись на диванѣ и курия сигару.

— Врядъ ли это такъ! — возразилъ Вальтеръ. — Бергеръ не изъ тѣхъ, которые стыдятся своего происхожденія. Онъ вовсе не скрываетъ того, что онъ самъ мужикъ.

Молча сидѣвшій Хаевинъ опустил газету, которую держалъ въ рукѣ, и насмѣшливо замѣтилъ:

— Ты называешь его мужикомъ потому, что онъ не такой хлыщъ, какъ вы оба?

Вальтеръ остановился, хотѣлъ что-то возразить, но промолчалъ и только презрительно разсмѣялся.

— Не забывай, Мариана, — серьезно заговорилъ онъ немного погодя и возобновляя шаганье по комнатѣ, — не забывай, что ты еще не связана бракомъ. Потомъ уже будетъ поздно, и въ какую бы петлю ты ни попала, тебѣ уже трудно будетъ выпутаться...

Хаевинъ, не спускавшій съ брата задорнаго взгляда, покраснѣлъ отъ негодованія.

— Какъ тебѣ не стыдно, — вскричалъ онъ, — всегда высказывать съ своими ехидствами?!

— Я только хочу предостеречь сестру...

— Бергеръ въ десять разъ лучшій человекъ, чѣмъ тотъ, какой когда-либо выйдетъ изъ тебя!

— Что за назойливый мальчишка! — огрызнулся Вальтеръ. — Слова не дастъ сказать спокойно!

— Это правда, Хаквинъ—вступилась мать.—Дай Вальтеру хоть договорить...

— Хорошо, я не буду мѣшать оратору! — проворчалъ юноша, снова принимаясь за газету.—Мели, сколько хочешь!

Вальтеръ не обратилъ вниманія на иронію брата и обернулся къ Маріанѣ.

— Можетъ быть, и тебѣ непріятенъ этотъ разговоръ, сестра?—спросилъ онъ.

— Признаться, — тяжело выслушивать все это. Да и нужно ли?

Вальтеръ улыбнулся.

— Наслѣдственная бѣрьская безхарактерность! — сказалъ онъ, указывая жестомъ на сестру и лежащаго на диванѣ брата.

— Ну хорошо, Вальтеръ. Я спрошу Бергера объ его роднѣ.

— Вотъ и прекрасно! Развеселись же, сестренка; я не буду больше касаться этого щекотливаго вопроса.

Всѣ молчали. Вальтеръ продолжалъ ходить изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился.

— Ахъ да, мама!—сказалъ онъ.—Уговори же отца, чтобы онъ устроилъ это дѣло съ векселемъ... Ты вѣдь знаешь!

— Чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ!—оживился и Карлъ, приподнимаясь съ дивана.

— Вѣдь дядя Густавъ охотно поручится, — продолжалъ Вальтеръ спокойно.—Неужели трудно найти второго поручителя?

— Это можетъ сдѣлать Бергеръ!—замѣтилъ Карлъ.

— Ты съ ума сошелъ!—возразилъ Вальтеръ.—Какъ можно обращаться къ нему съ тавой просьбой теперь! Нѣтъ, братъ, это не годится!

— Ну, найдется кто-нибудь другой.

— Это мы и безъ тебя знаемъ. Вопросъ, къ кому именно обратиться!

— Слушайте, мальчики! — обратилась мать къ студентамъ.—Отчего вы не живете въ одной комнатѣ? Вѣдь это было бы гораздо дешевле, и не было бы столькихъ хлопотъ съ векселями.

— Нѣтъ, маменька, это неудобно.

— Почему же?

— Потому что я не въ состояніи заниматься, когда у Карла вѣчно сидятъ гости. Съ тавимъ сожителемъ мнѣ при-

плось бы на вѣки вѣчныя остаться въ университетѣ, а къ этому у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты.

— Но надѣюсь, Карль, вѣдь и ты занимаешься?

Мать тревожно взглянула на своего старшаго сына, который въ это время сидѣлъ на диванѣ съ встрепанными волосами и очень недовольнымъ видомъ.

— Конечно, занимаюсь!—отозвался онъ угрюмо.—Чего онъ, чортъ его возьми, придирается?

— Боже! какъ онъ выражается!—упрекнула его мать.

— Во всякомъ случаѣ, его пріатели мнѣ не нужны!—сказалъ Вальтеръ.

— Можно подумать, что ты гнушаешься обществомъ моихъ друзей—сердито замѣтилъ Карль.

— Пожалуй, что и такъ.

— Развѣ я вожусь съ неприличными людьми?

— Если ты находишь, что достаточно носить на пальцахъ перстни и хвастаться успѣхомъ въ обществѣ продавщицъ сигаръ, чтобы считаться джентльмэномъ, тогда, конечно, твои пріатели вполне приличные люди!!

— Не всѣмъ же оставаться въ одиночествѣ изъ за пустой спѣси, какъ ты!—огрызнулся Карль, походившій теперь на разъяреннаго дога.

— До моего одиночества никому нѣтъ дѣла!—надменно возразилъ Вальтеръ.

— Какъ такъ? А то, что ты...

Карль поднялся съ мѣста. Онъ казался даже страшнымъ въ своемъ озлобленіи. Но младшій братъ сталъ передъ нимъ и укротилъ его однимъ пристальнымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ. Карль смолкъ на полусловѣ и опять бросился на диванъ, а Вальтеръ поблѣднѣвшій еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, снова запагалъ по комнатамъ.

— И охота вамъ всегда ссориться!—упрекнула мать.

— Вальтеръ вѣчно порочить людей!—ворчалъ Карль, укладываясь на диванѣ.

— Ну, будетъ!—отозвался Вальтеръ.—Вѣдь и ты, я думаю, не захотѣлъ бы поселиться въ одной квартирѣ со мной?

— Ни въ какомъ случаѣ!

— Такъ о чемъ же споръ? Расскажи-ка намъ лучше, Маріана, что ты успѣла сдѣлать?

— О, много! Во-первыхъ, выбрала превосходнѣйшій рояль, за который Бергеръ сейчасъ же заплатилъ, не торгуясь, и который мы уже отослали въ Темте.

— Отлично! А еще что?

— Во-вторыхъ, заказала премиленькую мебель для моей гостиной и выбрала тяжелые обои, въ родѣ гобеленовъ, для моихъ комнатъ. А теперь выскиваю подходящихъ ковровъ—цѣльные ковры во всю комнату.

— Да, ты съумѣешь убрать свое помѣщеніе въ строгомъ стилѣ!—Ну, а будутъ у васъ сосѣди, общество?

Маріана приняла озабоченный видъ.

— Представь себѣ, почти никого!

— Такъ я и думалъ...

— Впрочемъ, у меня будетъ столько книгъ и нотъ, сколько пожелаю, а отъ времени до времени я буду приѣзжать сюда.

— Положимъ, все это такъ... Вѣдь говорятъ, что *mon valet seul que mal accompagné!*—усмѣхнулся Вальтеръ. — Но все это не слишкомъ-то заманчиво!

Хаквинъ не выдержалъ.

— А это не заманчиво, что-ли, заполучить такого мужа, какъ Бергеръ, да еще въ придачу лошадей, коровъ, и...

Его рѣчь была прервана взрывомъ всеобщаго хохота.

— Ахъ, этотъ Хаке!—смѣясь, проговорилъ Вальтеръ. — Кончаетъ седьмой классъ гимназіи, а какъ послушаешь его болтовню, такъ даже удивительно, какъ это онъ туда пролѣзъ!

— Да я и не пролѣзалъ туда, и тѣмъ менѣе болтовней!—отпаривалъ Хаквинъ, стараясь придать лицу оскорбленное выраженіе, но не выдержалъ, и самъ засмѣялся.

Маріана взглянула на часы и поднялась съ мѣста. Въ этотъ день она ждала Бергера и собиралась встрѣтить его на вокзалѣ.

— А какъ же порѣшили вы насчетъ свадебныхъ празднествъ?—спросилъ Вальтеръ.

— Будетъ простой завтракъ, и затѣмъ мы уйдемъ.

— За границу?

— Нѣтъ, въ Темте.

Всѣ потупились, и Маріана молча вышла надѣвать пальто. Хаквинъ послѣдовалъ за нею.

— Можно мнѣ идти съ тобой?—попросилъ онъ, помогая ей одѣться.

— Разумѣется! Пойдемъ.

Они отправились на станцію.

Счастливый и радостный вышелъ Бергеръ изъ вагона, но особенныхъ нѣжностей при встрѣчѣ съ невѣстой себѣ не

позволилъ. Онъ ненавидѣлъ проявленіе сердечныхъ чувствъ въ присутствіи постороннихъ. Зато Хаввинъ не скрывалъ своего восторга—онъ успѣлъ горячо полюбить честнаго Бергера! — и сіялъ гораздо больше, чѣмъ сама Маріана. Онъ болталъ безъ умолку и даже смѣялся отъ счастья, но вдругъ, когда уже всѣ трое вышли изъ вокзала, сообразилъ, что, можетъ быть, мѣшаетъ своему другу говорить съ невѣстой и, пробормотавъ что-то о назначенномъ свиданіи съ какимъ-то пріятелемъ, скрылся.

Бергеръ взялъ Маріану подъ руку и, чтобы не идти по каменнымъ тротуарамъ, повелъ ее кругомъ, по бульвару. Нѣкоторое время они шли молча: Бергеръ вообще не былъ разговорчивъ и никогда не тяготился молчаніемъ. Маріана соображала, что теперь самое удобное время поговорить съ женихомъ о его роднѣ и обдумывала, какъ бы лучше приступить къ щекотливому разговору.

— Послушай, Бергеръ! — сказала она, наконецъ. — Не слѣдуетъ ли намъ съѣздить къ твоей матери?

Бергеръ быстро взглянулъ на нее.

— Съ какой стати?—спросилъ онъ сухо.

— Но вѣдь надо же мнѣ когда-нибудь съ ней познакомиться.

— Для чего?

— Она твоя мать...

Рѣзкость его отвѣтовъ обидѣла ее, и она взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Но почему ты не хочешь нашего знакомства, Бергеръ?—пробормотала она жалобно.

Онъ замѣтилъ, что огорчилъ ее, и заговорилъ мягче:

— Не сердись, Маріана. Право, такъ будетъ лучше. Я не хочу, чтобы вы встрѣчались, потому что вы другъ друга не поймете. Вы такъ непохожи одна на другую...

— Что ты хочешь этимъ сказать?

Бергеръ помолчалъ. Не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что если бы онѣ встрѣтились, его мать нашла бы Маріану пустой и бездушной, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ же онъ связать, что обѣ онѣ—самыя дорогія для него существа на свѣтѣ—замучили бы его, осуждая другъ друга и вооружаясь одна противъ другой. Не могъ онъ также допустить, чтобы ему пришлось выбирать между ними...

— Моя мать простая крестьянка, — началъ онъ негромко. — Я горячо люблю ее, но для меня она мать, а для тебя—ничто...

— Развѣ теперь между нами не все должно быть общее?

— Да, кромѣ прошлаго, а моя мать неразрывно соединена съ этимъ прошлымъ.

Маріана не понимала, какъ она мучила его своими вопросами. Но въ его голосѣ было что-то особенное, что невольно тронуло ее. Однако, она продолжала спрашивать, потому что еще ничего не узнала, а надо же было исполнить требованіе семьи.

— У тебя вѣдь есть еще брать?— начала она опять.

— Дорогая Маріана, что это, наконецъ, за допросы?— перебилъ онъ уже менѣе терпѣливо.

— Но подумай же самъ, Бергеръ, если бы ты не зналъ ни моихъ родителей, ни моихъ братьевъ...

— Постой, Маріана! Ты живешь въ семьѣ, и если бы я даже хотѣлъ избѣжать знакомства съ твоей родней, я не могъ бы этого сдѣлать. Но по отношенію въ моимъ родственникамъ ты стоишь совсѣмъ въ другихъ условіяхъ... Съ моимъ братомъ я никогда не былъ друженъ; у насъ самыя противоположныя наклонности, и намъ такъ же трудно ужиться, какъ огню съ водой. Притомъ, онъ женился на очень богатой и крайне антипатичной для меня женщинѣ. Ты должна знать, Маріана, разъ навсегда, что я очень стоекъ какъ въ своихъ привязанностяхъ, такъ и во враждѣ. Кого я возненавижу, я уже не въ силахъ когда-либо полюбить, какъ бы этотъ человѣкъ ни поступалъ. Ну-съ, а мою невѣстку я никогда не могъ переносить, и она это сама знаетъ.

Маріана взглянула на него съ изумленіемъ. Неужели этотъ добродушный, всегда такой ровный Бергеръ способенъ на упорную вражду? Стало быть, онъ совсѣмъ уже не такъ снисходителенъ, какъ она думала! Ей стало даже страшно.

— Что жъ,—спросила она,— твоя невѣстка оскорбила тебя чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ, но въ ней нѣтъ ничего женственнаго, а это мнѣ такъ противно, что я не могу видѣть ее безъ отвращенія. Она глупа, и это еще можно было бы ей простить; но она спесива, зла... и... и была недобра въ моей матери!

— Что жъ такое она сдѣлала?

— Ничего особеннаго, мелочи, которыхъ и не припомнишь... Мать никогда даже не жаловалась. Но всѣ эти мелочи отравляли ей жизнь, и этого я не прощу никогда ни брату, ни его женѣ.

Онъ нахмурился такъ, что его лицо получило жесткое, отталкивающее выраженіе. Но вдругъ это лицо прояснилось.

— Впрочемъ, все это не имѣетъ теперь значенія. Моя мать живетъ вполне самостоятельно и нисколько въ этихъ людяхъ не нуждается. Да и я съ ними не враждую. Я ихъ просто не люблю,—вотъ и все.

— Но на свадьбу-то мы ихъ все-таки пригласимъ?

— Конечно! И они прійдутъ,—въ этомъ ты можешь быть увѣрена. Но мать не прійдетъ...

— А почему ты знаешь, Бергеръ? Ты, вѣрно, самъ не хочешь, чтобы она пріѣхала!

Маріана съ негодованіемъ взглянула на жениха, но тотъ улынулся и проговорилъ, такъ хорошо посмотрѣвъ на нее.

— Не беспокойся, моя мать очень хорошо знаетъ меня, а потому и исполняетъ все, о чемъ я ее ни прошу.

Въ эту минуту онъ былъ такъ привлекателенъ, что Маріана почувствовала искушеніе броситься къ нему на шею тутъ же на бульварѣ. Теперь она смотрѣла на него довѣрчиво и весело.

— Объясни же, Бергеръ, почему ты не желаешь, чтобы твоя мать пріѣхала?—попросила она.

— Повторяю, моя мать простая крестьянка, и ей нечего дѣлать въ нашемъ обществѣ.—Нѣтъ, вамъ не слѣдуетъ знакомиться.

— Но именно потому-то, что ты такъ горячо любишь свою мать, мнѣ и хотѣлось бы съ ней познакомиться.

— Впослѣдствіи, когда-нибудь, можетъ быть, это и будетъ возможно, но теперь—нѣтъ. И не будемъ, милая, больше спорить.

Черезъ минуту они были уже дома, и разговоръ о роднѣ Бергера уже больше не возобновлялся.

Быстро пронеслось время приготовленій къ свадьбѣ! Маріана теперь успокоилась. Она вся ушла въ нихъ, всецѣло отдавшись заботамъ о своемъ приданомъ, и ни о чемъ другомъ не думала. Ея мать только и хлопотала о томъ, какъ бы угодить утонченному вкусу дочери, и тратила пропасть денегъ. Все равно, вѣдь отцу не обойтись безъ займа, такъ ужъ не все ли равно, немного больше, или меньше? Наѣзжавшіе по субботамъ братья усердно помогали дамамъ въ выборѣ изящныхъ вещицъ и тоже казались чрезвычайно заинтересованными. Только старику отцу заботы о пріисканіи денегъ портили иногда расположеніе духа, но и тотъ, благодаря природной безвѣчности и перспективѣ лучшихъ дней,

ожидаемыхъ отъ родства съ богатымъ Ольсономъ, легко утѣшался.

Бергеръ прїѣзжалъ изъ деревни каждое воскресенье и жилъ точно въ чадѣ. Но нельзя сказать, чтобы постоянное общеніе съ родными невѣсты особенно его счастливило. Многое, что входило въ постоянные интересы этихъ людей, было ему совершенно чуждо. Онъ не могъ поддерживать съ ними оживленныхъ бесѣдъ объ операхъ и прїѣзжихъ артистахъ, о знаменитыхъ картинахъ и романахъ, о винахъ и кушаньяхъ съ замысловатыми названіями, а этими вещами больше всего интересовались господа Бьеркъ. Они употребляли иностранныя слова, значеніе которыхъ онъ зналъ, но которыхъ избѣгалъ, чтобы не коверкать ихъ неправильнымъ произношеніемъ, такъ какъ иностранныхъ языковъ онъ не зналъ и не любилъ быть посмѣшищемъ. Къ нему относились съ уваженіемъ, но онъ не могъ не замѣтить, что въ его присутствіи старались говорить о вещахъ, которыми пренебрегали, точно нарочно принаравливаясь изъ снисхожденія къ его кругозору.

Бергеръ былъ особенно чувствителенъ къ насмѣшкамъ надъ невѣжествомъ, въ простотѣ души считая свои познанія крайне скудными. А тутъ, какъ на зло, братья Маріаны то и дѣло смѣялись надъ людьми, не получившими классическаго образованія, совсѣмъ не замѣчая, что ихъ насмѣшки такъ жестоко оскорбляли Бергера. Онъ замѣчалъ, что иногда и Маріана точно стыдилась его, и глубоко страдалъ отъ этого, нисколько не подозрѣвая, какъ мелочны были основанія ея стыда и предполагая въ себѣ серьезные недостатки. Ему и въ голову не приходило, что въ этомъ кругу человѣкомъ могутъ серьезно пренебрегать только потому, что онъ щегольски не одѣвается, не куритъ дорогихъ сигаръ, не заботится о качествахъ своихъ перчатокъ и не отличается небрежными манерами настоящаго денди.

Но, какъ бы тамъ ни было, а чувствовалъ онъ себя въ семьѣ Маріаны стѣсненнымъ, и ему стоило немалого труда скрывать свое неудовольствіе. Онъ утѣшался только тѣмъ, что все это не существенно, и что все переѣнится послѣ свадьбы, а пока старался быть любезнымъ, и даже научился вести съ родственниками безсодержательный, свѣтскій разговоръ, въ которомъ не надо было высказываться, но благодаря которому онъ также ни на шагъ не сближался съ семьей и оставался для нея такимъ же чужимъ, какъ и въ началѣ знакомства.

Было еще одно обстоятельство, поддерживавшее рознь. Бергеръ, какъ и большинство людей изъ народа, былъ воспитанъ въ какомъ-то мистическомъ уваженіи къ деньгамъ. Для него деньги представляли матеріализованный трудъ, который грѣшно было расточать на глупости. Не въ томъ вопросъ, сколько получить дохода и на что сберегать деньги; а просто предосудительно расточать деньги на пустяки. Это было врожденное уваженіе къ труду и заработку, отъ родителей къ дѣтямъ переходящій страхъ выказать презрѣніе къ дарамъ Божиимъ.

Въ семьѣ Маріаны на этотъ предметъ смотрѣли совсѣмъ иначе. Бережливость допускалась здѣсь только въ крайнихъ случаяхъ, какъ неустранимое зло, когда дѣла уже бывали черезчуръ плохи; при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ она вызывала однѣ насмѣшки.

Такое отношеніе къ денежнымъ средствамъ поражало Бергера, какъ что-то безнравственное, кошунственное. Вдобавокъ, онъ зналъ, что дѣла семьи изъ руеъ вонъ плохи, и что полное раззореніе виситъ надъ ними, какъ постоянная угроза, ввиду чего расточительность являлась здѣсь какимъ-то противоестественнымъ безразсудствомъ. А тутъ еще эти молодые люди, воспитанные въ постоянной жаждѣ наслажденій и разсуждавшіе точно крупные капиталисты! Можно было подумать, что они живутъ въ постоянномъ ожиданіи огромнаго наслѣдства, съ такимъ пренебреженіемъ относились они къ небольшимъ суммамъ... Впрочемъ, Ольсонъ не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла, и не позволялъ себѣ ни одного замѣчанія.

Сватъба должна была состояться въ залѣ большой гостиницы, такъ какъ свою квартиру господъ Бьеръ находили недостаточно просторной для вмѣщенія всѣхъ гостей, которыхъ они напригласили. Зато празднество должно было удалиться на славу, потому что толкъ въ такихъ вещахъ они знали, какъ никто, а денегъ и трудовъ отнюдь не жалѣли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ОРГАНИЗМА.

Шарля Рише *).

Лекція, читанная на медицинскомъ факультетѣ въ Парижѣ.

Физиологія—наука о жизни. Такое опредѣленіе безукоризненно, но его можно считать достаточно полнымъ лишь въ томъ случаѣ, если предварительно дано опредѣленіе самого понятія — «жизнь». Но это-то именно и представляется затруднительнымъ, потому что жизнь, повидимому, принадлежитъ къ числу тѣхъ простыхъ и неразложимыхъ на свои составныя части явленій, которыя не поддаются никакому опредѣленію.

Многіе ученые, и въ числѣ ихъ самые знаменитые, пытались опредѣлить, что такое жизнь. Я не стану, однако, приводить здѣсь длинный перечень этихъ попытокъ, а ограничусь лишь опредѣленіемъ, даннымъ Биша, который говоритъ, что жизнь есть сопротивленіе смерти **).

Такое опредѣленіе, конечно, весьма несовершенно, потому что требуетъ опредѣленія понятія — *смерть*, которое, очевидно, столь же сложно, какъ и понятіе — *жизнь*. Это не рѣшеніе задачи, а лишь замѣна одного неизвѣстнаго другимъ. Но мы не будемъ на этомъ останавливаться, потому что слова — жизнь и смерть, въ сущности, понятны безъ объясненій.

И если мы скажемъ, что жизнь есть сопротивленіе смерти, то будемъ подразумѣвать подъ этимъ совокупность всѣхъ функций организма. Наши органы устроены такимъ образомъ, что они способны сопротивляться попыткамъ разрушенія и опасностямъ, которыя окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Сказать, что жизнь есть сопротивленіе смерти, значитъ, сказать, что мы, живыя существа, ведемъ непрерывную борьбу со всѣмъ, что окружаетъ насъ.

И въ самомъ дѣлѣ, отдѣльный человѣкъ оказывается одинокимъ, затеряннымъ среди беспредѣльности природы. Матеріальныя

*) Шарль Рише—извѣстный французскій физиологъ и редакторъ журнала «Revue scientifique». Прилагаемая статья напечатана въ декабрьскомъ № «Revue scientifique» за 1893 г.

***) См. Claude Bernard, Phénomènes, de la vie, t. I, p. 21—31.

силы, несравненно болѣе могущественныя, чѣмъ онъ, стремятся уничтожить его. Многочисленныя живыя существа, одного съ нимъ вида или другихъ видовъ, пытаются жить на его счетъ. Каждый оспариваетъ у него пищу. Мѣсто на жизненномъ пиру покупается цѣной долгой, кровавой и неустанной борьбы. Повсюду грозятъ ему опасности, повсюду сторожатъ его враги. Живое существо не встрѣчаетъ ни друга, ни защитника въ обширномъ мѣрѣ. Ему не на кого рассчитывать, кромѣ какъ на самого себя. И если онъ все-таки остается въ живыхъ, то только потому, что располагаетъ превосходнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ могущественными и многочисленными противниками. Это-то оружіе и составитъ предметъ нашего разсмотрѣнія.

Собственно говоря, если бы я хотѣлъ войти въ подробное разсмотрѣніе вопроса о сопротивленіи смерти, то это значило бы изложить всю физиологію. Здѣсь же я намѣренъ сдѣлать лишь общій обзоръ наиболѣе важныхъ относящихся сюда явленій.

Всѣ способы защиты организма распадаются на *спеціальныя*, свойственные тому или другому виду животныхъ, и *общіе*, присущіе всѣмъ живымъ существамъ.

Я остановлюсь подробнѣе на общихъ способахъ, свойственныхъ и человѣку, и животнымъ, потому что исторія способовъ защиты, присущихъ спеціально тому или другому виду животныхъ, относится скорѣе къ зоологіи, чѣмъ къ общей физиологіи. Тѣмъ не менѣе, не могу не упомянуть вкратцѣ и о нѣкоторыхъ спеціальныхъ способахъ защиты.

Остановите на минуту вашъ мысленный взоръ на тѣхъ неисчерпаемыхъ видоизмѣненіяхъ формъ, въ которыя облечены живыя существа. Они отличаются другъ отъ друга всѣмъ: величиной, цвѣтомъ, органами передвиженія, пищеваренія, чувствительностью. Природа словно сдѣлала неимоверное усиліе для того, чтобы въ конфигураціи различныхъ типовъ достигнуть того удивительнаго разнообразія, которое ученые тщетно стараются описать въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ.

Всѣ эти существа, разсѣянныя по земному шару, большія или малыя, мягкія или твердыя, сильныя или слабыя, медленныя или проворныя, проводятъ свою жизнь въ ожесточенной борьбѣ другъ противъ друга.

Ихъ жизнь—непрерывная битва: большіе пожираютъ малыхъ, для того чтобы въ свою очередь быть съѣденными еще ббльшими; сильныя уничтожаютъ слабыхъ для того, чтобы въ свою очередь быть уничтоженными еще болѣе сильными.

Взгляните, напр., на то, что совершается въ морскихъ водахъ.

Почти невидимыя инфузоріи представляютъ собой пищу для мельчайшихъ раковидныхъ и моллюсковъ, пожираемыхъ мелкими рыбами; ихъ въ свою очередь пожираютъ большія рыбы и т. д.

Легко понять, что въ этой безпощадной и непрерывной борьбѣ оружіе должно быть пропорціонально интензивности битвы и числу противниковъ и что побѣдителями остаются лишь тѣ, кто лучше вооруженъ. Наука показываетъ намъ, что выживаютъ только лучше вооруженные, и они передаютъ своимъ потомкамъ въ наслѣдіе болѣе усовершенствованное оружіе. Но даже и тѣ, которые погибаютъ, все же обладаютъ весьма сильнымъ оружіемъ, такъ что и они не представляютъ собою исключенія изъ того общаго закона, что всякое живое существо обладаетъ удивительными средствами для своей защиты.

Въ общемъ итогѣ разнообразіе формъ, которыми мы любуемся въ одушевленныхъ существахъ, есть ничто иное какъ разнообразіе средствъ для борьбы. Возьмемъ наудачу одинъ изъ тысячи примѣровъ — если бы морской ракъ не былъ защищенъ своимъ толстымъ черепомъ, его тотчасъ пожрали бы другія морскія животныя, если бы заяцъ не отличался проворствомъ, онъ не могъ бы убѣгать отъ своихъ многочисленныхъ враговъ. Такимъ образомъ быстрыя ноги зайца и твердый покровъ морского рака являются необходимыми условіями ихъ существованія, условіями *sine qua non*.

Разнообразіе средствъ для защиты такъ же велико, какъ и разнообразіе внѣшнихъ формъ и—какъ было говорено уже выше—сдѣлать обзоръ этихъ средствъ, значитъ изложить всю зоологію *).

Упомянемъ лишь о нѣсколькихъ фактахъ. Прежде всего, быстрота полета даетъ возможность многимъ птицамъ спастись отъ нападеній. Напр., ласточка отличается такой быстротой полета, что ни одна хищная птица не можетъ настичь ее и хищники, большіе и малые, зная это, никогда не погонятся за ласточкой. Травоядныя животныя, напр., заяцъ, олень, газель въ большинствѣ случаевъ, обладаютъ чрезвычайнымъ проворствомъ. Тѣ же изъ травоядныхъ, которыя не такъ проворны, спасаются отъ преслѣдованія, съ удивительной смысленностью, выбирая себѣ убѣжища, дающія имъ возможность остаться незамѣченными ихъ врагами. Другимъ животнымъ удается спастись отъ преслѣдованія, благодаря особеннымъ свойствамъ ихъ полета. Неправильный полетъ бабочекъ спасаетъ ихъ отъ нападеній птицъ, которыя не могутъ слѣдовать за ихъ прихотливыми поворотами. Мелкія рыбки, укрывшись подъ камнемъ, покидаютъ свое убѣжище только для того,

*) См. Cuenot, La Défense de l'organisme и Fredericq, La Lutte pour l'existence.

чтобы съ быстротой молніи наброситься на добычу и затѣмъ снова спрячутся въ свою норку. Если преслѣдовать рыбокъ въ ихъ убѣжищѣ, то онѣ ни за что не выйдутъ изъ него, зная по инстинкту, что онѣ почти совершенно безопасны въ немъ. Морской ракъ, пріютившись въ извилині скалы, ухитряется такъ основательно утвердиться на ней, что легче разорвать его на куски, чѣмъ отодрать отъ поверхности скалы. Ракъ - отшельникъ при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ прячется въ свою раковину, откуда его можно извлечь только разбивши послѣднюю. Нѣтъ зрѣлища болѣе комичнаго, чѣмъ видѣть отчаянныя усилія этого животнаго, старющагося укрыться въ обломкѣ своей раковины и стремящагося осуществить такимъ образомъ неразрѣшимую задачу — вмѣстить большое содержимое въ маленькое вмѣстилище.

Для того, чтобы успѣшнѣе укрыться отъ преслѣдованія, многія животныя принимаютъ вѣшній видъ, сходный съ окружающей ихъ средой. Это свойство называется *миметизмомъ*. Благодаря ему, вѣкоторыя гусеницы, напр., принимаютъ видъ, сходный съ вѣткой того дерева, на которомъ онѣ поселились; камбалу, зарывшуюся въ песокъ, съ трудомъ можно отличить отъ него. Таковъ общій зоологическій законъ, что вѣшній видъ животнаго долженъ быть сходенъ съ окружающей средой.

Далѣе, мы встрѣчаемъ приспособленія болѣе сложныя: каракатица, застигнутая непріателемъ, выпускаетъ струю черной жидкости, которая скрываетъ ее отъ его глазъ. Ехидна, скорпионъ, пчела выдѣляютъ изъ себя ядъ, являющийся постольку же оружіемъ нападенія какъ и защиты, обезпечивающимъ имъ блестящую побѣду въ борьбѣ съ врагами. Нѣкоторыя рыбы выдѣляютъ изъ себя электрической токъ, настолько сильный, что онъ въ состояніи убить лошадь.

Самые разнообразныя инстинкты животныхъ тоже являются орудіями ихъ защиты. Морской ракъ, котораго схватили за клепню, обладаетъ удивительной способностью помощью небольшого мышечнаго сокращенія сломать клепню, за которую его держатъ, и такимъ образомъ освободиться изъ плѣна. Это явленіе носитъ названіе *автоміи*. Многіе изъ пауковъ и жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, будучи застигнуты непріателемъ, мгновенно становятся неподвижными и притворяются мертвыми. Всѣ животныя, снабженныя раковинами, спрячутся въ нее въ минуту опасности. *Patella* *) при малѣйшемъ прикосновеніи съ такой силой прилипаетъ къ скалѣ, что ее удается отдѣлать отъ нея только съ помощью остраго инструмента.

*) *Patella* принадлежитъ къ такъ называемымъ *переднежабернымъ* моллюскамъ; моллюски эти снабжены раковиною, а жабры лежатъ передъ сердцемъ. Различныя роды *Patella* водятся въ Адриатическомъ и Средиземномъ моряхъ.

Упомянуть ли о другихъ инстинктахъ, цѣль которыхъ болѣе темна: объ измѣненіи окраски хамелеона подѣ влияніемъ малѣйшаго раздраженія, о пронзительномъ крикѣ, издаваемомъ нѣкоторыми животными, когда они бываютъ застигнуты непріятелемъ, о зловонномъ запахѣ, испускаемомъ извѣстными животными въ минуту нападенія на нихъ, о сложныхъ инстинктахъ муравьевъ, пчель, перекочевывающихъ животныхъ, перелетныхъ птицъ? Всѣ эти странныя явленія представляютъ собою средства защиты, которыми природа надѣлила живыя существа.

Здѣсь не мѣсто распространяться дольше объ этихъ, правда чрезвычайно интересныхъ, фактахъ спеціальной физиологіи. Мы переходимъ къ разсмотрѣнію явленій общей физиологіи.

Чѣмъ болѣе мы углубляемся въ изученіе физиологіи, тѣмъ болѣе открываемъ, что все въ природѣ имѣетъ свою цѣль. Когда при мнѣ го-ворять, что селезенка бесполезна, я увѣренъ, что это заблужденіе. Она не бесполезна—мы только не знаемъ ея назначенія.

Если мы существуемъ и владѣемъ средствами для своей защиты, то только потому, что наши органы приспособлены къ этой защитѣ. Если бы какой-нибудь органъ былъ бесполезенъ, то онъ не функционировалъ бы и навѣрно атрофировался бы съ теченіемъ времени. Слѣдовательно, присутствіе органа предполагаетъ постоянное упражненіе его дѣятельности. Бесполезныхъ органовъ нѣтъ, точно также какъ нѣтъ необходимыхъ функцій, которыя не находили бы себѣ органа для выполненія ихъ.

Впрочемъ, приписывая опредѣленнымъ частямъ тѣла опредѣленные функціи, я только слѣдую примѣру величайшаго изъ физиологовъ, основателя физиологіи. Это *Галенъ*, который семнадцать вѣковъ тому назадъ установилъ физиологію на незыблемыхъ основахъ анатомическаго наблюденія и опыта. Три великіе ученые древняго міра—Гиппократъ, Аристотель и Галенъ играли различную роль въ наукѣ. Гиппократъ остается отцомъ медицины, благодаря своимъ несравненнымъ клиническимъ наблюденіямъ. Аристотель наблюдалъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и проникательностью формы животныхъ и классифицировалъ ихъ разновидности. Гиппократъ — медикъ, Аристотель — зоологъ, но оба они были плохіе физиологи, между тѣмъ какъ Галенъ сдѣлалъ въ этой области истинно великія открытія, которыхъ время не могло колебать, потому что они имѣютъ своей исходной точкой опытъ.

И вотъ Галенъ въ своей удивительной книгѣ о полезности частей тѣла, обозрѣвая всѣ органы человѣческаго организма, находитъ въ каждомъ изъ нихъ цѣлесообразность, объясняя, почему они имѣютъ такое, а не иное устройство. Конечно, ему случалось иногда быть на ложномъ пути и доходить въ своихъ объясненіяхъ

до ребяческих и смѣшныхъ преувеличеній. Но основной принципъ, вдохновлявшій его, непогрѣшимо вѣренъ, и мы глубоко убѣждены въ справедливости великой идеи, руководящей нами точно такъ же, какъ она руководила Галеномъ: «каждое анатомическое устройство имѣетъ свою цѣль и каждой потребности организма присущи органъ и функція».

Возвратимся къ способамъ защиты организма. Всѣ они дѣлятся на *активные* и *пассивные*. Пассивныя средства защиты—это анатомическое устройство нашихъ тканей и органовъ, а активныя—это дѣятельность органовъ и тканей.

Способностью пассивнаго сопротивленія обладаетъ, въ сущности, одинъ только органъ, но зато онъ обладаетъ этимъ свойствомъ въ высокой степени. Этотъ органъ—наши наружные покровы.

Вредныя вліянія, которымъ подвергается организмъ, могутъ быть представлены въ слѣдующей классификаціи.

1. Внѣшняя температура.
2. Механическія поврежденія.
3. Паразиты.
4. Яды.

Вотъ враги организма, противъ которыхъ онъ долженъ защищаться. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы покажемъ, какимъ образомъ кожа, благодаря своему пассивному сопротивленію, т.-е. тому, что мы называемъ свойствами ткани, получаетъ поразительную способность защищать насъ противъ всевозможныхъ враговъ.

Прежде всего, что касается внѣшней температуры, холода или жара, то кожа обладаетъ удивительной способностью охранять отъ нихъ организмъ.

Особенно, когда она покрыта, какъ у большинства теплокровныхъ животныхъ, густой шерстью, она такъ сильно задерживаетъ потерю тепла, что мы до сихъ поръ не нашли лучшаго средства защитить себя отъ холода, чѣмъ одежда изъ звѣриныхъ шкуръ. Если остричь маленькое животное, то оно умретъ отъ холода, потому что мы лишили его теплаго покрова—шерсти и оставили взаи́мъ ея голую кожу, которая, правда, тоже защищаетъ отъ холода, но въ значительно меньшей степени. Я наблюдалъ, что обритые кролики, хотя и ѣли съ гораздо большей жадностью, чѣмъ прочіе кролики, имѣли температуру на нѣсколько десятыхъ градуса ниже нормальной и, несмотря на обильную пищу, худѣли и въ концѣ концовъ погибали.

Птицы, температура которыхъ на 2°,5 выше температуры млекопитающихъ, снабжены покровомъ изъ перьевъ, которая представляютъ еще болѣе дурной проводникъ тепла, чѣмъ шерсть, и, слѣ-

довательно, еще лучше защищают ихъ отъ холода. Зимой нерѣдко можно видѣть маленькихъ птичекъ, вѣсящихъ не болѣе 15 граммовъ, успѣшно выдерживающихъ холодъ отъ -5° до -15° . Конечно, это возможно благодаря тому обстоятельству, что въ ихъ тѣлѣ совершаются весьма интенсивные химическіе процессы, освобождающіе много тепла; но одного этого было бы недостаточно для защиты птицъ отъ охлажденія, если бы онѣ не обладали вмѣстѣ съ тѣмъ отличнѣйшимъ покровомъ изъ перьевъ, задерживающимъ потерю тепла. Поэтому-то птицы такъ заботятся о поддержаніи въ хорошемъ состояніи своихъ перьевъ. Онѣ купаются даже зимой и всегда въ самой чистой водѣ, заботясь о томъ, чтобы ихъ перья не были смяты или выпачканы. Непрерывность этого покрова является для нихъ вопросомъ жизни или смерти.

Нѣкоторые животныя покрыты волосами или нѣтъ, смотря потому, живутъ ли они въ жаркихъ или холодныхъ странахъ. Верблюды и дромадеры, живущіе въ дикомъ состояніи въ Тибетскихъ горахъ, зимой и лѣтомъ покрыты густой шерстью.

Млекопитающія и птицы, живущія въ водѣ, подвержены болѣе сильному охлажденію, чѣмъ на воздухѣ; въ такихъ случаяхъ, въ защиту животнаго являются новыя средства. У млекопитающихъ такую роль исполняетъ толстый слой подкожнаго жира, образующій второй покровъ, концентрической съ первымъ. Тюлени, китобразныя и другія морскія млекопитающія могутъ служить хорошимъ примѣромъ существованія такого жирового покрова, затрудняющаго отдачу тепла. Что же касается птицъ, то перья ихъ слегка пропитаны съ поверхности жиромъ, который препятствуетъ непосредственному соприкосновенію между водой и перьями.

Само собой разумѣется, что эта роль кожи, какъ защиты противъ холода, имѣетъ значеніе только у теплокровныхъ животныхъ, обладающихъ постоянной температурой, потому что холоднокровныя животныя имѣютъ температуру, одинаковую съ температурой окружающей среды.

Такимъ образомъ, благодаря покрову, препятствующему отдачѣ тепла, химическіе процессы въ тѣлѣ животныхъ съ постоянной температурой могутъ совершаться безъ существенныхъ нарушеній, которыя могли бы произойти вслѣдствіе колебаній температуры окружающей среды. Если бы мы остановились на разсмотрѣніи активныхъ способовъ защиты, то увидѣли бы, что, смотря по измѣненіямъ вѣшней температуры, и въ кожѣ совершаются функциональныя измѣненія, служащія выраженіемъ болѣе интенсивной защиты; но чаще всего, кожа, покрытая волосами или перьями, является и въ своей пассивной роли совершенно удовлетворительной защитой.

Кожа служитъ также не менѣе хорошей защитой противъ меха-

нических поврежденій. Даже у человѣка, наружные покровы котораго болѣе несовершенны, чѣмъ у всѣхъ прочихъ живыхъ существъ, она обладаетъ вмѣстѣ съ эластичностью настолько большой сопротивляемостью, что нерѣдко, при серьезныхъ пораненіяхъ, подлежащіе органы оказываются совершенно раздробленными или разорванными, между тѣмъ какъ кожа остается совсѣмъ или почти совсѣмъ не поврежденной.

У животныхъ нерѣдко кожа служитъ превосходной защитой, благодаря своей толщинѣ: кожа слона, гиппопотама, крокодила, непроницаема для обыкновенныхъ пуль. Приходится пускать въ ходъ разрывныя пули для того, чтобы пробить эту крѣпкую броню.

Волосы и перья, покрывающіе кожу, служатъ не только для удержанія тепла, они предохраняютъ также отъ пораненій. Грива льва настолько густа, что задерживаетъ сабельные удары. Всѣ охотники знаютъ, что для того, чтобы убить крупную птицу сложеными крыльями, нужно употребить дробь болѣе крупнаго калибра.

Рыбы, раковидныя, жесткокрылыя насѣкомыя обладаютъ довольно твердыми покровами; съ другой стороны, большинство животныхъ съ мягкими покровами снабжены раковиной, защищающей ихъ отъ нападеній.

Конечно, попадаютъ и исключенія. Напр., лягушкообразныя, пауки, черви снабжены очень мягкими наружными покровами, вслѣдствіе чего они должны искать другихъ способовъ для того, чтобы избѣгнуть опасностей. Но вѣжность ихъ наружныхъ покрововъ должна быть разсматриваема какъ аномалія, потому что способность кожи противостоять пораненіямъ составляетъ общій законъ, примѣнимый почти ко всѣмъ живымъ существамъ.

Другая любопытная особенность кожи—это ея способность противостоять электрическимъ токамъ. Кожа—весьма дурной проводникъ электричества, вслѣдствіе чего, во-первыхъ, электрическія явленія, имѣющія мѣсто въ организмѣ, не разсѣиваются наружу, а, во-вторыхъ, электрическія измѣненія атмосферы оказываютъ мало вліянія на наши ткани. Это сопротивленіе кожи электричеству въ двадцать или тридцать тысячъ разъ сильнѣе сопротивленія всѣхъ прочихъ органовъ. Когда приходится измѣрять сопротивленіе, оказываемое тѣломъ электрическому току, то на практикѣ всегда пренебрегаютъ внутреннимъ сопротивленіемъ органовъ, а принимаютъ въ расчетъ одно лишь сопротивленіе кожи.

Сопротивленіе кожи микробамъ чрезвычайно сильно. Ни одинъ микробъ не въ состояніи проникнуть сквозь неповрежденную кожу. Мы можемъ совершенно безопасно манипулировать съ жидкостями, въ которыхъ кишатъ самые страшные микробы, если только наша кожа не представляетъ никакихъ поврежденій.

Способность кожи противостоять химическимъ ядамъ тоже очень велика. Въ классическихъ сочиненіяхъ постоянно упоминается о всасываніи ядовъ кожей, но это выраженіе весьма неточно, потому что способность кожи всасывать если и существуетъ, то въ весьма незначительной степени.

О всасывающей способности кожи—и то въ очень слабой степени—можно говорить лишь по отношенію къ газообразнымъ веществамъ. Но собственно говоря, самые опасные яды чаще всего встрѣчаются не въ газообразной формѣ, а въ видѣ жидкихъ или твердыхъ веществъ, всасываніе которыхъ кожей такъ ничтожно, что совершенно не можетъ быть принято въ расчетъ. Можно положить въ ванну стрихнинъ, мышьякъ или ртуть въ количествѣ, въ тысячу разъ превышающемъ дозу, способную убить десять человѣкъ, и послѣ часового пребыванія въ ваннѣ въ тѣлѣ едва окажутся слѣды мышьяка, стрихнина, ртути. И то нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, не проникли ли частицы ядовъ сквозь слизистую оболочку или черезъ какую-нибудь ссадину въ кожѣ. На дѣлѣ оказывается, что кожа не всасываетъ, и безнаказанно можетъ приходить въ соприкосновеніе съ самыми ядовитыми веществами.

Наружные покровы обладаютъ высокой степенью сопротивленія даже ѣдкимъ веществамъ. Многѣ нѣсколько разъ во время опытовъ приходилось опускать на короткое время руку въ чистую сѣрную кислоту безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Всякая другая органическая ткань, кромѣ кожи съ ея толстымъ эпидермидальнымъ (роговымъ) слоемъ, не выдержала бы безнаказанно соприкосновенія съ кислотой.

Наружные покровы жесткокрылыхъ и нѣкоторыхъ другихъ насекомыхъ состоятъ большей частью изъ вещества, на которое безсильны оказать какое-либо дѣйствіе самые энергическіе химическіе реактивы. Это вещество носитъ названіе *хитинъ*; оно родственно целлюлозѣ и отличается отъ послѣдней еще болѣею сопротивляемостью химическимъ реактивамъ.

Какъ растенія, такъ и животныя защищены отъ дѣйствія ядовъ и ѣдкихъ веществъ малопроницаемой броней, растенія—целлюлозой, животныя—хитиномъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что по отношенію къ температурѣ, механическимъ поврежденіямъ, микробамъ и ядамъ, кожа является органомъ, удивительно приспособленнымъ къ защитѣ, что и даетъ организму возможность безпрепятственно завершить свою эволюцію, независимо отъ этихъ вредныхъ внѣшнихъ нарушеній.

Прежде чѣмъ закончить обзоръ способовъ пассивной защиты организма, упомянемъ еще въ нѣсколькихъ словахъ о значеніи

анатомическаго расположенія органовъ. Анатомія показываетъ намъ, что самыя важныя органы всегда оказываются и наиболѣе защищенными. Спинной мозгъ, являющійся, въ сущности, центромъ всего организма, заключенъ въ костный каналъ съ чрезвычайно солидными стѣнками, покрытыми, въ свою очередь, толстымъ слоемъ мускулатуры. Головной мозгъ помѣщается въ черепѣ, крѣпость котораго выше всякаго сравненія. Глазъ защищенъ не только костными стѣнками орбиты и височной костью, но еще цѣлымъ рядомъ подвижныхъ вспомогательныхъ снарядовъ: бровями, вѣками, рѣсницами. Органы менѣе защищенные по своему положенію ускользаютъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, благодаря своей подвижности, напр., артеріи въ своихъ влагалищахъ. Особенно этимъ свойствомъ отличается кишечникъ; почти невозможно проткнуть иглой Правацовскаго шприца сквозь брюшныя покровы кишечную петлю кролика: благодаря своей подвижности и эластичности она ускользаетъ изъ-подъ иглы.

Въ конечностяхъ тѣла самыя важныя части помѣщаются всего глубже. Такъ, напр., артеріи всегда расположены глубже венъ, какъ будто сама природа руководствовалась тѣмъ фактомъ, что пораненіе артеріи сопровождается болѣе серьезными послѣдствіями для организма, чѣмъ пораненіе венъ.

Всѣ эти факты показываютъ, какимъ образомъ, несмотря на рѣзкія измѣненія окружающей среды и на всевозможныя враждебныя вліянія извнѣ, поддерживается нормальное состояніе организма.

Вотъ въ чемъ состоитъ анатомическая роль нашихъ тканей, то, что называется пассивной защитой организма. Но рядомъ съ этой пассивной защитой, существуетъ и защита активная, приводящая въ дѣятельность извѣстные органы.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы организмъ былъ недоступенъ всѣмъ внѣшнимъ раздраженіямъ, то его способы защиты были бы очень ограничены и несовершенны. Слѣдовательно, организмъ, будучи подверженъ вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ, долженъ знать объ ихъ существованіи, для того, чтобъ не дать опасности разрастись до такихъ размѣровъ, когда зло становится непоправимымъ. Какъ только опасность признана, весь организмъ немедленно долженъ перейти на боевое положеніе и готовиться къ энергичному отпору. Необходима мобилизація всѣхъ наличныхъ силъ организма; необходимо, что бы всѣ разсѣянныя клѣтки, совокупность которыхъ составляетъ живое существо, могли принять участіе въ общей оборонѣ.

Въ этомъ состоитъ роль нервной системы.

Для того, чтобы разъяснить въ нѣсколькихъ словахъ, какова главная функція нервной системы, я ограничусь весьма простымъ схематическимъ описаніемъ.

Представимъ себѣ прежде всего изолированную клѣтку. Всякое возбужденіе такой клѣтки вызываетъ къ дѣятельности ея возбудимость, т. е. заставляетъ ее отвѣтить на раздраженіе какой-нибудь реакціей, химической или двигательной. Если мы предположимъ нѣсколько клѣтокъ А, В, С, D, расположенныхъ одна возлѣ другой, но не соединенныхъ другъ съ другомъ, то возбужденіе клѣтки А не передастся сосѣднимъ клѣткамъ, а останется локализованнымъ только въ А. Если же допустить, что протоплазма этихъ различныхъ клѣтокъ соединена между собою тоненькими отростками, такъ что получается одна общая протоплазма, распределенная лишь по разнымъ клѣткамъ, то возбужденіе клѣтки А распространится отъ одной къ другой по сосѣднимъ клѣткамъ В, С, D и такъ далѣе.

Оказывается, что въ организмѣ клѣтки не только расположены одна возлѣ другой, онѣ соединены другъ съ другомъ помощью тоненькихъ отростковъ своей протоплазмы. Или, вѣрнѣе говоря, вся нервная система, нервы и нервные центры образуютъ громадную протоплазматическую сѣть, которая простирается повсюду, отъ центра къ периферіи и отъ периферіи къ центру.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по зоологической лѣстницѣ, мы видимъ, что эта система становится все болѣе и болѣе совершенной и что наконецъ устанавливается раздѣленіе труда. Въ этихъ клѣткахъ, способныхъ приходить въ колебаніе подъ вліяніемъ раздраженія, происходитъ дифференціація, состоящая въ томъ, что извѣстныя клѣтки остаются проводниками раздраженія, между тѣмъ какъ другія получаютъ способность усиливать, видоизмѣнять и накапливать возбужденіе. Такимъ образомъ, мы имѣемъ клѣтки, играющія роль только проводниковъ (периферическіе нервы) и т. наз. центральныя клѣтки, накаплиющія, видоизмѣняющія и усиливающія возбужденіе, переданное имъ клѣтками-проводниками.

Въ концѣ концовъ мы можемъ разсматривать нервную систему, какъ состоящую изъ клѣтокъ, идущихъ къ центру (центростремительные проводники), изъ центральныхъ клѣтокъ, и изъ клѣтокъ, идущихъ отъ центра (центробѣжные проводники).

Благодаря такому механизму, каждое возбужденіе, полученное чувствительнымъ центростремительнымъ нервомъ, приводитъ въ колебаніе центральный аппаратъ, который, въ свою очередь, передаетъ это возбужденіе всѣмъ периферическимъ клѣткамъ. Это-то явленіе я и предложилъ формулировать въ нѣсколько афористической, но, какъ мнѣ кажется, довольно точной формѣ.

«Одна клѣтка воздѣйствуетъ на всѣ остальные клѣтки, и всѣ остальные воздѣйствуютъ на нее».

Эта связь, устанавливаемая нервной системой между самими

отдаленными частями организма, распадается послѣ смерти. Когда нервныя кѣтки погибають—а это наступаетъ съ прекращеніемъ кровообращенія,—то немедленно нарушается согласіе, составлявшее единство организма, и выступаетъ индивидуальность каждой кѣтки. Тогда каждая кѣтка болѣе или менѣе жизненная, болѣе или менѣе хрупкая, подвергается послѣдствіямъ лишенія кислорода, но каждая въ свое время, смотря по своимъ силамъ. Отсюда, прекрасное изреченіе М. Энгельмана:

«Кѣтки организма живутъ вмѣстѣ, а умираютъ каждая порознь».

Въ этомъ-то и заключается, главнымъ образомъ, роль нервной системы. Это—органъ генерализаціи, группирующій въ одномъ общемъ усиліи функціи отдѣльныхъ кѣточныхъ организмовъ. *Безъ нервной системы есть кѣтки, но нѣтъ индивидуума.* Индивидуума дѣлаетъ именно эта централизація, эта ассоціація, въ которой комбинируются отдѣльныя усилія и устанавливается согласіе въ дѣятельности различныхъ органовъ.

Явленіе, состоящее въ томъ, что возбужденіе, возникшее въ какой-либо точкѣ периферіи обобщается и передается во всѣ части организма, носитъ названіе *рефлекторнаго акта*.

Активная защита организма и находитъ свое объясненіе только въ этомъ рефлекторномъ механизмѣ, который заключаетъ въ себѣ два акта. Во-первыхъ, это простой рефлексъ, обязанный своимъ происхожденіемъ возбужденію кѣтокъ спиннаго мозга, которое передается двигательнымъ (центробѣжнымъ) нервамъ, выходящимъ изъ спиннаго мозга. Это, такъ сказать, первый этапъ передачи. Второй этапъ—это передача высшаго порядка: чувствительное раздраженіе доходитъ до головного мозга и приводитъ въ колебаніе другой, болѣе сложный и болѣе совершенный аппаратъ, чѣмъ спинной мозгъ. Въ этомъ случаѣ чувствительное возбужденіе вмѣсто того, чтобы вызвать только движеніе, вызываетъ еще актъ сознанія. Это вторая станція рефлекторнаго акта.

Итакъ, одинъ рефлексъ—спинномозговой, бессознательный, вызывающій только одно или нѣсколько движеній, и второй рефлексъ—головномозговой, сознательный, вызывающій вмѣстѣ съ движеніемъ и сознаніе.

Въ общемъ итогѣ, оба эти аппарата, система мозгового рефлекса и система спинномозгового рефлекса, являются аппаратами активной защиты организма. Благодаря имъ, всякая внѣшняя сила, затрагивающая какую-нибудь область чувствительной поверхности нашего тѣла, вызываетъ рефлекторную реакцію, которая есть реакція защиты.

Перев. А. М.

НА НИВѢ НАРОДНОЙ.

Вдали отъ города, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, что называется—въ глухомъ углу, по берегамъ рѣчки Быстрицы, раскинулись двѣ деревни. Одна изъ нихъ—Боровая—на возвышенномъ лѣвомъ берегу, другая—Ольховка—на правомъ, луговомъ, въ верстѣ отъ нея. Широкая, прямая улица въ Боровой, обстроенная въ два порядка, домами въ три—пять оконъ, тесовыя ворота, просторные крытые дворы служили вѣрнымъ признакомъ, что тутъ живутъ люди заправные, хозяева обстоятельные. Правда, межъ крѣпкими и высокими домами не мало видѣлось въ деревнѣ и приземистыхъ избъ съ однимъ или двумя оконцами; но гдѣ же бѣдныхъ домовъ не бываетъ? И видъ съ берегу изъ Боровой былъ пріятный. Въ лѣтнюю пору рѣчка пересыхала такъ, что чрезъ нее „курицы въ бродъ переходили“. Отъ самаго берега тянулись вдаль зеленые луга, тамъ-сямъ заросшіе ивнякомъ и ольхой. Среди одной такой заросли виднѣлись лишь крыши зданій Ольховки. Казалось, тамъ-то именно и есть райское житье—вокругъ домовъ сады, луга да тучныя пашни. Не то было на дѣлѣ! Весной, въ полную воду, Быстрица выходила изъ береговъ и далеко разливалась по лугамъ. Половодье захватывало мѣстность версты на двѣ, или на три. Вода сердитымъ потокомъ бурлила тамъ. Этимъ разливомъ рѣчки пользовались жившіе выше по теченію владѣльцы небольшихъ лѣсныхъ дачъ. Гонка бревенъ еще болѣе оживляла рѣку при разливѣ. Изъ сосѣднихъ селеній досужіе люди собирались въ Боровую полюбоваться на разливъ рѣки. Но именно въ это-то время достаточно было взглянуть на Ольховку, чтобъ не позавидовать ея жителямъ. Съ одного конца деревни вода подходила къ домамъ настолько близко, что нѣкоторые изъ нихъ затоплялись совсѣмъ. Не весело приходилось семьямъ, въ нихъ жившимъ. Правда, разливъ продол-

жался всего день-два, да и не каждый годъ доходилъ до деревни, но и того достаточно было, чтобъ надѣлать ольховцамъ безпокойства. А окончится поводь, начнетъ просыхать земля въ полѣ и лугахъ, пойдетъ туманъ, да зловонье отъ оставшейся въ логахъ сорной воды. Въ половодье же обозначалось, какъ говорили крестьяне, „умаленье“ пахатной земли, чѣмъ и объяснялась какъ бы неизбежная скудость во всемъ хозяйствѣ. Дѣйствительно, стоило взглянуть на небольшія избы въ Ольховкѣ и кое-какъ устроенные дворы, чтобъ убѣдиться, что жители—люди недостаточные. Самая деревня расположена не одной улицей, а небольшими проулками по буграмъ. Богаты ольховцы были только лугами, но сѣно здѣсь стоило дешево, потому что продавать его было некому, а отвозить въ городъ далеко.

Поселившись на этомъ мѣстѣ издавна и приспособившись къ своему положенію, крестьяне уже не думали о томъ, чѣмъ бы улучшить свое хозяйство, полагая въ простотѣ своей вѣры, что такой отъ Бога имъ данъ завѣтъ—жить въ нуждѣ. Рѣдко посторонніе люди заглядывали въ эти деревни. Даже между собой жители одной деревни не вели близкаго знакомства съ жителями другой. До вражды не доходило, но общенія не было. Отъ своего села Ольховка была въ семи верстахъ; поэтому и духовенство являлось сюда лишь въ праздники, да для сбора руги. Зимой деревушку почти вровень съ крышами заносило снѣгомъ, а дорогъ по лугамъ такъ много, что проѣзжему не изъ мѣстныхъ жителей трудно было и попасть въ нее.

Живя, такъ сказать, сами про себя, ольховцы не мало удивились, когда разъ, въ необычное время, по зимнему первопутку, въ ихъ деревню пріѣхалъ дьяконъ изъ села ихъ, Андрей Маркелычъ. Остановившись у крестьянина Ивана Ѳомича и обогрѣвшись, о. дьяконъ попросилъ хозяина созвать къ себѣ въ избу сколько возможно мужчинъ и женщинъ. Ѳомичу хотѣлось знать, для чего назначалась такая сходка, но онъ воздержался отъ вопросовъ, разсуждая про себя: „видно попросить хотеть что-нибудь на свое содержаніе“,—и послалъ сына Петра приглашать деревенцевъ. Крестьяне, кто случился дома, тоже заинтересовались, что молъ понадобилось Маркелычу,—такъ они обычно звали дьякона. Одинъ по одному въ избу Ѳомича собралось довольно много народу. Какъ водится, пошли разспросы: каково живешь-можешь?—У васъ все ли ладно? и прочее. А потомъ Маркелычъ попросилъ православныхъ

прекратить разговоры и выслушать его. Онъ сказалъ: „пріѣхалъ я къ вамъ въ деревню нынѣ по особому случаю. Живете вы отъ села далеко, въ церкви бываете рѣдко, и узнать христіанское ученіе вамъ не отъ кого, кромѣ насъ; вотъ я и хочу пособить горю—научить васъ хотя молитвамъ—на первый разъ“.

— Что жъ,—послышались голоса;—для спасенія души это хорошо. Спасибо за стараніе; поучи насъ, темныхъ.

Маркелычъ обрадовался, встрѣтивъ такое расположеніе къ его предложенію и, чтобъ не пропустить добраго часа, не медля приступилъ къ дѣлу. Онъ сказалъ, что съумѣлъ, о важности молитвы для христіанина и попросилъ повторять за нимъ слова молитвы, которую онъ будетъ говорить. Такъ началось ученіе. Продолжалось оно долго: утомился учитель; видимо, устали и ученики; подъ конецъ урока оказалось, что никто изъ крестьянъ не могъ правильно прочесть сполна ни одной молитвы. Маркелычъ, впрочемъ, не огорчался.

— Начало всегда трудно, — замѣтилъ онъ; — въ слѣдующій разъ пріѣду пораньше, и дѣло у насъ пойдетъ на ладъ.

Крестьяне удивились, что ученіе не кончилось на этомъ, и добросердечно замѣтили: „затрудненіе для тебя большое!“

— Такая наша обязанность, — отвѣтилъ Маркелычъ.

На томъ и распростились. Дьяконъ Андрей Маркелычъ былъ человекъ смиренный, въ служеніи усердный. Онъ жилъ одиноко: годъ тому назадъ у него умерла жена. Единственный сынъ обучался въ Москвѣ, въ земледѣльческомъ училищѣ, и только на лѣто пріѣзжалъ къ отцу.

Прошло нѣсколько дней, Маркелычъ сдержалъ слово—вновь пріѣхалъ въ Ольховку. Ѳомичъ самъ обошелъ деревню, постучалъ палочкой подъ каждымъ окномъ и пригласилъ на бесѣду. Собрались православные, правда, въ меньшемъ числѣ, лишь тѣ, кто постарѣе и посвободнѣе. Урокъ пошелъ своимъ чередомъ: Маркелычъ говорилъ слова молитвъ, а старушки и старички повторяли ихъ, насколько могли. Раза два сдѣлали роздыхъ,—разговаривали о домашнихъ дѣлахъ, а потомъ продолжали ученіе. Маркелычу теперь базалось, что надежда есть на успѣхъ дѣла. Такъ онъ являлся въ Ольховку нѣсколько разъ. Желавшихъ бесѣдовать съ нимъ становилось меньше и меньше. Всегда, не пропуская ни разу, приходилъ почтенный свиду крестьянинъ Луничъ, къ которому всѣ относились съ уваженіемъ, и даже немного побаивались. Къ

нему, обыкновенно, обращались сосѣди, когда нужда заставляла перехватить въ заемъ муки, соли или денегъ. Они получали просимое, но за все потомъ платили съ большою лихвой. Лукичъ имѣлъ капиталецъ и занимался сплавомъ лѣса, — не въ большомъ количествѣ, а насколько удавалось сдѣлать въ дачѣ закупку и вырубку. Приходила старушка Потаповна. Она, впрочемъ, мало обращала вниманія на обученіе, а сама про себя что-то шептала непонятное или неслышное для другихъ. Усерднымъ слушателемъ былъ крестьянинъ Семень, по прозвищу Груздь. Это былъ человѣкъ бездѣтный, жилъ съ женой не богато, но и безъ нужды. Издавна онъ велъ знакомство съ Маркелычемъ; чаще другихъ въ праздники пріѣзжалъ въ село, иногда даже ночевывалъ у Маркелыча, и на утро отправлялся въ трапезную, небольшой домъ при церкви, гдѣ была школа. Тамъ, во время ученья дѣтей, Семень становился въ дверяхъ и смотрѣлъ на все, что дѣлалось. Учитель каждый разъ предлагалъ ему сѣсть на свободную скамью, но Семень только кланялся и не трогался съ мѣста. Казалось, ему доставляло удовольствіе, какъ, по окончаніи урока, дѣти сновали около него, совали ему въ руки бумажки съ карагульками, изображающими человѣчковъ и лошадокъ. На деревенскихъ бесѣдахъ онъ также не садился, а стоялъ около печи, все время молчалъ, но слушалъ внимательно, чѣмъ всѣ прочіе посѣтители. Хозяинъ Ѳомичъ, человѣкъ степенный, богобоязненный, не только самъ садился вблизи Маркелыча, но всѣмъ, кто изъ семьи его былъ свободенъ, приказывалъ не отходить отъ него и внимательно заминать ученье.

Чтобъ настоять на своемъ рѣшеніи, Маркелычъ въ одно изъ посѣщеній деревни попросилъ Ѳомича вызвать по возможности, изъ каждаго двора хотя по одному человѣку. Собралось народу, какъ въ первый разъ, полная изба. Маркелычъ, вмѣсто обычнаго ученья, обратился къ присутствующимъ съ такими словами: „Вамъ, можетъ статься, не понятно, что я такъ стараюсь, обучая всѣхъ, кто ни пожелаетъ. Скажу откровенно: приказъ мнѣ данъ такой. Посѣтилъ наше село преосвященный; разспросилъ, сколько селеній въ приходѣ, гдѣ и какія. Узналъ онъ отъ батюшки и объ Ольховкѣ, что она далеко отъ села. Вотъ онъ и распорядился, чтобъ я училъ васъ Закону Божію. Что же мнѣ дѣлать теперь? Не знаю, какъ объяснить: или охоты у васъ мало, или я неумѣло взялся за дѣло, только, сами видите, большого успѣха я не вижу“.

На эту рѣчь хозяинъ Ѳомичъ отвѣтилъ: „Ты, отецъ дьяконъ, трудишься усердно, и вѣрно твое слово, что понимаемъ мы мало, извѣстно: горбатаго исправить могила. А ты послушай нашего простого совѣта: въ слѣдующій разъ, какъ прїѣдешь къ намъ, ты созови ребятъ, да и учи ихъ. У нихъ память крѣпче—тебѣ легче, и имъ занято будетъ“.

— А вы какъ же?—спросилъ Маркелычъ.

— У кого желанье явится—пусть приходитъ; авось, видя, какъ малыя дѣти смекають, и большіе постараются не отстать отъ нихъ.

Прочіе посѣтители обсудили это предложеніе и согласились, что дѣйствительно Маркелычу лучше заняться ученіемъ однихъ дѣтей. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Велика была его радость, когда, въ слѣдующій прїѣздъ, собравшіеся десятка два дѣтей обступили его и, на разспросы его, рассказывали, что вотъ были они въ селѣ, въ церкви, и видѣли тамъ то и то, да не знаютъ, для чего все это дѣлается. Маркелычъ объяснялъ, а они, не выслушавъ его, снова разспрашивали его: а это затѣмъ, и то вотъ для чего. Дѣти давно успѣли присмотрѣться къ Маркелычу, но, на прежнихъ бесѣдахъ, видя, что онъ обращается лишь къ старшимъ, не смѣли подходить къ нему съ разспросами. Теперь же, зная, что ученіе будетъ съ ними собственно, пользовались случаемъ. Вначалѣ приходили одни мальчики, а послѣ и дѣвочки. Ученіе пошло успѣшнѣе, много помогало пѣніе. Разъ дѣти попросили Маркелыча спѣть имъ, какъ въ церкви. Онъ охотно исполнилъ просьбу ихъ, и вотъ тогда у него явилась мысль учить дѣтей пѣнію. Дѣти не сразу усвоили пріемы пѣнія; но, понявъ, что надо брать въ голосъ, согласно съ другими,—дѣло пошло. Хоровое же пѣніе вновь привлекло на уроки стариковъ и старушекъ. Теперь Маркелычъ радовался, что труды его не бесполезны. Въ особенности пріятно удивилъ его Семень Груздь. На послѣдней недѣлѣ поста онъ говѣлъ и нѣсколько дней жилъ въ селѣ. Въ великую субботу онъ зашелъ къ Маркелычу и, противъ обыкновенія, завелъ разговоръ съ нимъ. Семена поражала беззаботность людская о своей душѣ: всѣ только и думаютъ о томъ, чтобы быть сытымъ, да одѣтымъ, а чтобы жить по правдѣ, да въ любви, по ученію Христову—этого и въ мысляхъ нѣтъ.—„Доброе дѣло ты придумалъ, отецъ дьяконъ,—сказалъ онъ.—Ученіе твое въ деревнѣ для насъ, темныхъ людей, послужить на великое спасеніе. Только, ты не бросай своего дѣла. Великіе

дни теперь, такъ вотъ, ради ихъ говорю, что, кажется, всего своего имущества не пожалѣлъ бы я, лишь бы наука твоя пошла въ прокъ нашимъ ребятамъ; и не я одинъ такъ думаю, — наши всѣ крѣпко надѣются на тебя“.

— Много-ли я могу сдѣлать! — возразилъ Маркелычъ. Онъ, видимо, стѣснялся, узнавъ, что крестьяне ждутъ отъ него еще большаго; однакожь, ему лестно было слышать, что простыя бесѣды его не пропадаютъ безъ слѣда.

Прошла весна, ученье прекратилось. Но и лѣтомъ, когда Маркелычу случалось заѣхать въ Ольховку, дѣти собирались къ нему и просили спѣть съ ними, что они разучили зимой. Теперь знанія ихъ оказались далеко не такъ большими, какъ онъ думалъ въ послѣдніе уроки предъ Пасхой. Кончивъ гнѣние, онъ сказалъ дѣтямъ:

— Эхъ, горе ваше: не знаете вы грамотѣ! Умѣй вы читать, многое мы разучили бы съ вами.

— Ты научи насъ и грамотѣ, — сказали дѣти.

— Легко сказать, — отвѣтилъ Маркелычъ. — Грамотѣ учиться надо каждый день, а я могу пріѣзжать къ вамъ въ деревню, случается, всего разъ въ недѣлю.

Разъ запавшая въ голову мысль о книжномъ ученіи дѣтей не давала покою Маркелычу. Въ селѣ была небольшая школа съ толковымъ учителемъ. На лѣто онъ отправлялся къ матери въ другое село. Осенью, когда онъ возвратился къ занятіямъ, Маркелычъ пошелъ посоветоваться съ нимъ. Учитель зналъ, что дьяконъ не рѣдко ѣздитъ въ Ольховку и обучаетъ крестьянъ молитвамъ съ голоса, и не разъ просилъ его постараться завлечь въ школу хотя двухъ-трехъ мальчиковъ. Но желающихъ отправиться для ученья въ село изъ деревни не оказалось. Услышавъ отъ Маркелыча, что онъ нынѣ занимается преимущественно съ дѣтьми, и что они охотно приходятъ, когда ихъ созываютъ на урокъ, учитель сказалъ: „Надо найти грамотѣя, который изъ за содержанья отъ крестьянъ согласился бы обучать дѣтей азбукѣ и прочему“.

— Гдѣ найти такого? — спросилъ Маркелычъ.

Учитель подумалъ и сказалъ:

— Вотъ что вы сдѣлайте: у насъ въ школѣ живетъ, вмѣсто сторожа, молодой человекъ, Григорій Петровъ. Года три назадъ, окончивъ ученье, онъ остался у меня, потому что ему некуда пристроиться — сирота круглый. Постоянно находясь въ школѣ, онъ приспособился къ моимъ занятіямъ, такъ что прошлую зиму помогалъ уже мнѣ въ обученіи младшаго

отдѣленія. Я замѣтилъ въ немъ большую сообразительность и расторопность въ обращеніи съ дѣтьми. Мнѣ вѣжется, что онъ будетъ доволенъ, если вы поручите ему обученіе въ Ольховѣѣ.

Маркелычъ нашель предложеніе подходящимъ. Позвали Григорія и объяснили, въ чемъ дѣло. Онъ съ первыхъ же словъ изъявилъ согласіе переѣхать въ деревню, если тамъ возможно будетъ ему прокормиться. Правда, его пугали отвѣтственность и опасеніе за себя: хватить ли умѣнья справиться одному, безъ руководства опытнаго человѣка. Но учитель обѣщаль въ свободное время посѣщать деревню, вмѣстѣ съ Маркелычемъ, и помогать своими наставленіями. — „А въ воскресные дни, — добавилъ онъ, — ты самъ можешь пріѣзжать въ село и совѣтоваться со мной о всемъ, что окажется нужнымъ“.

Послѣ того, въ первый же пріѣздъ въ Ольховку, Маркелычъ собралъ крестьянъ и по прежнему, по-просту, какъ умѣль, объяснилъ имъ, что вотъ, по желанію ихъ, онъ обучаль молитвамъ дѣтей. „Способности у нихъ воспріимчивыя, но словеснаго ученія недостаточно, нужно еще книжное — грамотность. Самъ я не могу оставить службы въ церкви и жить въ деревнѣ; но меня можетъ замѣнить въ этомъ дѣлѣ учитель, вашъ же братъ крестьянинъ Григорій, тотъ самый, что на влиросѣ за службой у насъ поетъ“. — Послышались одобрительные отзывы: „да, знаемъ, парень смиренный!“

— Дѣло пока не въ немъ. Найдется ли у васъ свободная и просторная изба, гдѣ дѣти безъ помѣхи могли бы учиться; да еще согласитесь ли вы содержать учителя и при крайней необходимости помогать, чѣмъ случится?

Крестьяне задумались. Нѣкоторые выразили опасеніе: не обойдется ли это дорого! Тутъ выручилъ Семень Груздь. Онъ сказалъ: „Православные, я готовъ послужить для міра: пусть учатся ребята въ моей избѣ. У меня своихъ-то нѣтъ, такъ мнѣ лестно глядѣть хоть на чужихъ. Двоимъ намъ съ хозяйкой не много надо мѣста. Учителя пусть кормятъ поденно въ тѣхъ дворахъ, чьи ребята стануть учиться. А тамъ увидимъ; если окажется прокъ, назначимъ учителю рубль-два изъ мірскихъ денегъ“.

Выслушали это міряне и долго-долго толковали, однако, лучше не придумали и объявили Маркелычу: „Ладно, привози учителя“.

Слѣдуетъ упомянуть еще, что во всѣхъ своихъ дѣлахъ

Маркелычъ совѣтовался со своимъ священникомъ, и тотъ его ободрилъ. „Миѣ, по преклоннымъ лѣтамъ,—говорилъ батюшка,—лишь управиться по церкви, да по приходскимъ требамъ, и то слава Богу; а ты, пока въ силахъ, трудись“. Узнавъ о согласіи крестьянъ обучать дѣтей грамотѣ, батюшка, вмѣстѣ съ дьякономъ и Григорьемъ, самъ пріѣхалъ въ Ольховку.

Крестьяне съ мальчиками и дѣвочками собрались въ избу Семена. Здѣсь батюшка отслужилъ молебенъ, благословилъ новаго учителя и дѣтей учениковъ, и всѣхъ поздравилъ съ открытіемъ школы.

Такъ, при малыхъ средствахъ, началось дѣло весьма важное въ жизни деревенской. Хозяйственные занятія въ деревнѣ шли своимъ чередомъ; обычные заботы вызывали всегдашнюю суету и стараніе, какъ бы успѣшнѣе управиться съ неотложными работами, да избыть нужду и недостатки то въ деньгахъ, то въ хлѣбѣ, то въ другомъ чемъ прочемъ. Но теперь, въ каждую семью, въ которой былъ учащійся мальчикъ или дѣвочка, незамѣтно вносилось что-то новое, о чемъ прежде и рѣчи не было. Дѣти охотно передавали дома рассказы учителя о жизни Христовой: какъ Онъ въ мірѣ жилъ и чему училъ. Самъ Христосъ любилъ добрыхъ и злыхъ, и всѣмъ намъ указалъ дѣлать то же, самъ терпѣлъ обиды, не мстилъ за нихъ, и людямъ тоже велѣлъ жить безъ ссоры, въ мирѣ и по правдѣ, не обманывая другъ друга. Все, что дѣти въ школѣ узнавали, становилось извѣстно и всѣмъ домашнимъ. Расскажетъ учитель о томъ, что на Руси много городовъ, много губерній, что въ однихъ мѣстахъ живутъ люди хлѣбопашествомъ, въ другихъ—разными промыслами, а то еще рыбной ловлей или охотой за пушнымъ звѣремъ. Объ этомъ дѣти передадутъ своимъ сестрамъ и братьямъ; да и отцы и матери слушаютъ ихъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ любопытнѣе становилось. Дѣти узнали азбуку, стали носить домой книжки: не много, а все же прочитаютъ то рассказъ, то стихошекъ, а то и просто смѣшную побасену. Въ досужіе вечера молодежь, нерѣдко и старыя старички, собирались въ ту избу, гдѣ приходилось проводить сутки учителю. Онъ то читалъ имъ евангеліе, и слушатели удивлялись, какъ жизнь ихъ не похожа на истинную христіанскую, то бралъ книгу съ совѣтами по хозяйству и пересказывалъ содержаніе ея по разнымъ статьямъ. Тутъ разговорамъ, спорамъ и насмѣшкамъ надъ учеными людьми не было конца; но тѣмъ болѣе яснымъ становилось для каждаго, что „умъ—хорошо, а два—лучше“.

Маркелычъ и сельскій учитель почти каждую недѣлю по разу посѣщали Ольховскую школу, привозили книги, бумаги и прочаго необходимаго. Въ амбарѣ сельской школы за нѣсколько лѣтъ накопилось много ломаной училищной мебели—столовъ, скамеекъ; все это передали въ деревню, здѣсь все починили и поставили въ школу, такъ что и съ виду она стала походить на заправское училище.

Прошли три года. Ольховка и жители ея оставались съ виду тѣ же; но надо было поговорить съ кѣмъ-либо изъ нихъ, чтобъ убѣдиться въ рѣзкой перебѣнѣ сужденій прежнихъ „темныхъ“ людей. Они уже не относились больше, какъ прежде, безъ разбора къ своимъ словамъ и поступкамъ.

Послѣ Пасхи рѣшили назначить въ школу экзаменъ; пріѣхали въ деревню батюшка съ дьякономъ, сельскій учитель и предсѣдатель земской управы. Экзаменъ сошелъ хорошо—всѣмъ на диво; ольховскій учитель, обучая дѣтей, и самъ занимался науками, чтобъ сдать экзаменъ на званіе учителя, чего ему и удалось достигнуть. Предсѣдатель управы пообѣщавъ выпросить отъ земскаго собранія пособіе школе—жалованье учителю и на книги; но, сказавъ онъ, это возможно сдѣлать только въ томъ случаѣ, если общество дастъ постоянную квартиру для школы и обяжется давать свое отопленіе.

Крестьяне отвѣтили: „за этимъ дѣло не станетъ; прекратить ученіе дѣтей мы теперь не согласны; поэтому о жалованьи учителю только вы хлопочите“,.. Въ это время неожиданно для всѣхъ послышался голосъ старушки Потаповны: „Обѣщаете вы, кормильцы, на счетъ школы, а не будетъ ли милости вашей выстроить въ деревнѣ часовню. Село далеко, ходить силъ нѣтъ, и помолиться негдѣ“.

„Вѣдь, вѣрно, православные!—сказавъ батюшка.—Привезете съ двухъ дворовъ по бревну, сложите по полтинѣ денегъ, и зданье будетъ готово. По вашему выбору, въ назначенные праздники мы, духовенство, будемъ здѣсь служить молебствія“.

Крестьяне отвѣчали: „Подумаемъ, да посоветуемся; можетъ статья, на дѣло эти слова пойдутъ“.

Уѣхали гости, пошли разговоры и расчеты. Тянулись они все лѣто. И вотъ, въ это время, невѣдомо чрезъ кого, пущена была молва въ деревнѣ, что Луничъ, деревенскій богатѣй, одобряетъ намѣренія общества: израсходуемъ-де много—не по силамъ выйдеть. Этихъ словъ прямо отъ него никто не слышалъ, но считали, что онъ такъ думаетъ навѣрное. Вскорѣ дѣло по-

вернулось и еще чуднѣй. На одной общественной сходѣ, послѣ сужденія о разныхъ мірскихъ предметахъ, Луевичъ обратился къ собравшимся съ такими рѣчами: „Надняхъ я былъ въ городѣ и видѣлся тамъ съ однимъ хорошимъ купцомъ. Разспросилъ онъ о нашихъ мѣстахъ, и что, вы думаете, предложилъ! Передай-де ты однопоревенцамъ, что я сдѣлаю обществу большую снаровку—сотней рублей награжу, да и угощенье въ волю предоставлю. Только объ одномъ прошу: дайте согласіе свое на открытіе въ деревнѣ трактира. Какъ полагаете, міряне, отвѣтитъ на это?“

Предложеніе Луевича озадачило всѣхъ: соблазнъ предстоялъ великій—сразу обѣщаютъ сотню, поторговаться, такъ можно получить и двѣ; видно, есть расчетъ, коли купецъ хлопочетъ. Впрочемъ, многіе догадывались, что слова о купцѣ—отводъ глазамъ, а торговлю затѣваетъ самъ Луевичъ. У него, въ этомъ году, дѣла шли неудачно. Минувшей зимой онъ взялъ въ дачѣ участокъ, лѣсъ вырубилъ, но весной не успѣлъ благополучно сплавить—бревна разметало по дугамъ; а вода скоро и сразу сбыла, такъ что бревна пришлось свозить къ деревнѣ на лошадяхъ и ожидать слѣдующаго половодья. Къ тому жъ, въ спѣшныхъ хлопотахъ по сплаву лѣса, онъ нѣсколько разъ искупался въ холодной водѣ и все лѣто чувствовалъ недомоганье. Предполагали, что Луевичъ придумалъ сподручное дѣло въ деревнѣ, чтобъ далеко не отлучаться изъ дому и сдѣлать оборотъ съ своимъ капиталомъ.

Сразу на сходѣ не рѣшили ни на чемъ; а какъ узналъ о затѣѣ Луевича батюшка, то пріѣхалъ въ деревню и сталъ усовѣщевать крестьянъ не дѣлать срама себѣ,—не продавать свои души за зловредное питье; онъ говорилъ: „не богато вы живете, а съ питейнымъ заведеніемъ и совсѣмъ погибнете въ нищету“. Онъ зашелъ и къ Луевичу и ему говорилъ не мало; но тотъ отмалчивался. Тѣмъ не менѣе, Луевичъ не имѣлъ успѣха: пошелъ сильный ропотъ между женщинами: „вотъ такъ умники,—куда вѣтеръ, туда и вы“,—попрекали они мужей. Тѣ устыдились и, чтобъ загладить высказанную другъ предъ другомъ слабость, стали ходатайствовать предъ начальствомъ о постройкѣ часовни.

Спустя нѣсколько недѣль въ деревню пріѣхалъ благочинный; созвалъ онъ крестьянъ и сталъ разспрашивать, на какія средства крестьяне предполагаютъ выстроить зданіе для часовни. Тѣ объясняли, а онъ записывалъ ихъ слова.

Въ это время пришелъ къ благочинному посланный отъ Лукича съ просьбой посѣтить его, такъ какъ онъ по болѣзни самъ не могъ явиться на сходку. Благочинный не медля пошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ стариковъ.

Тяжко больной Лукичъ лежалъ на широкой лавкѣ, прикрытый шубой. Онъ похудѣлъ и осунулся; не оставалось и слѣда прежней важности его осанки; только широко открытые глаза ярко свѣтились изъ поднависшихъ густыхъ бровей. Поздоровавшись съ хозяиномъ, одни изъ посѣтителей усѣлись на свободную лавку, другіе стояли по близости, а благочинному подставили стулъ около больного. Лукичъ первый заговорилъ:

— Потревожилъ я васъ, почтенные старички, вмѣстѣ съ батюшкой, — позвалъ къ себѣ. Видно, подходитъ смертный часъ, — надо покаяться. Простите, Бога ради, кого чѣмъ обидѣлъ!

— Какія обиды Лукичъ, — отвѣтили нѣкоторые изъ посѣтителей. — Всѣ люди, всѣ человѣки. На насъ не гнѣвайся; тоже, чай, и мы чѣмъ надосажали тебѣ. Не отчаявайся, Господь дастъ — поправишься.

— Его святая воля! Хотѣлъ бы я замолить свои грѣхи, — началъ Лукичъ снова, и затѣмъ продолжалъ, останавливаясь по-часту; присутствующіе молчали. — Спасибо Григорію учителю; двѣ недѣли подрядъ каждый день онъ приходитъ ко мнѣ и читаетъ евангеліе. Понялъ я, что сгубилъ свою душу. Покаюсь вамъ: это я самъ хотѣлъ открыть трактиръ и спаивать васъ проклятымъ зельемъ ради своихъ прибытковъ. Хворь во мнѣ и тогда была, а вотъ о чемъ мысли имѣлъ, чѣмъ думалъ нажитья! Теперь вижу прямое указаніе Божіе... Я знаю, что міромъ рѣшено поставить часовню; нельзя ли, батюшка, упросить преосвященнаго оказать для православныхъ великую милость разрѣшить построить церковь.

Присутствующіе удивились этимъ словамъ, а благочинный замѣтилъ: „Сумма требуется не малая, — сможетъ ли набрать ее Ольховское общество?“

Лукичъ на это сказалъ: „Не откажите, православные, принять приношеніе отъ меня грѣшнаго. Весь лѣсъ, какой необходимъ на церковь и колокольницу я жертвую, — видимо Господу угодно было, чтобъ онъ съ весны остался здѣсь. Пособлю и деньгами. Помру — помяните меня!“

Находившіеся въ избѣ старики заговорили вразъ: „Благодаримъ покорно тебя, Федулъ Лукичъ, благодѣтель нашъ.“

Во снѣ не снилось видѣть церковь у себя въ деревнѣ, да и теперь не смѣемъ повѣрить“.

Вѣсть о неожиданномъ пожертвованіи разнеслась по деревнѣ, и у всѣхъ явилось праздничное расположеніе духа.

Не будемъ разсказывать подробно, какъ получены были разрѣшеніе преосвященнаго и планъ на церковное зданіе, какъ съ самой весны началась постройка, и шла безъ остановки; Лукичъ, сталъ чувствовать въ себѣ больше бодрости и, хотя медленно, но поправлялся; въ концѣ зимы онъ могъ выходить изъ избы и потомъ, съ весны, за постройкой слѣдилъ самъ.

Къ осени церковь выстроили; нужно было просить объ освященіи. На собраніи общества по этому поводу былъ заданъ кѣмъ-то вопросъ: „А какого священника дадутъ намъ?“

— Будемъ просить въ священники Маркелыча. Отъ него и школа пошла — послышались голоса. На томъ и порѣшили.

Просьбы крестьянъ были удовлетворены. Преосвященный вызвалъ въ городъ Маркелыча и посвятилъ его въ санъ священника. А освященіе церкви происходило 21-го ноября. Праздникъ былъ въ Ольховкѣ торжественный; народу съѣхалось множество. Объ ольховцахъ теперь говорили съ почтеніемъ, почти съ завистью. Еще бы: и школу, и церковь устроили у себя.

Настала новая жизнь для крестьянъ села Ольховки.

Въ школѣ Закономъ Божіимъ теперь занимался самъ отецъ Андрей. Сынъ его окончилъ ученіе и на лѣто пріѣхалъ къ отцу на новоселье. Молодой человекъ, Василій Андреевичъ, скоро сблизился съ крестьянами; онъ часто спорилъ съ ними, увѣряя, что они сами своей пользы не замѣчаютъ: сохи ихъ никуда не годятся, бороны плохи, и о поляхъ заботы мало.

— Самъ сдѣлай лучше, — подсмѣивались крестьяне.

— И сдѣлаю, — пообщался онъ.

Для духовенства ольховцы выдѣлили въ полѣ нѣсколько десятинъ земли подъ посѣвъ и участокъ въ лугахъ. Василій Андреевичъ написалъ къ своему знакомому письмо, и чрезъ мѣсяць въ село привезли такую соху, какой крестьяне еще не видали. У нихъ имѣлись сохи съ двумя ральниками, а это была одноральничная, съ широкимъ отваломъ. Осмотрѣли ее крестьяне, приглядѣлись, какъ она идетъ по пашнѣ, рѣ-

жетъ и отваливаетъ землю и рѣшили, что новая соха дѣйствительно лучше, чѣмъ у нихъ.

— Откуда можно достать такіа сохи?—начали они спрашивать.

— Да мы сами сдѣлаемъ,—отвѣтилъ Василій Андреичъ.

Призвалъ онъ кузнеца, показалъ желѣзныя части сохи и объяснилъ, что и какъ сдѣлать, и кузнецъ выполнилъ работу не хуже образца. Одна по одной, новыя сохи года въ два замѣнили старыя.

Въ первую же осень Василій Андреичъ уговорилъ крестьянъ прокопать двѣ канавы въ полѣ. Какъ вешняя вода, такъ и лѣтомъ отъ большихъ дождей подолгу застаивалась въ нѣкоторыхъ ложбинахъ, и земля пропадала безъ пользы. Отводными канавами она быстро стекала, и крестьяне могли увеличить свои пашни. Весной Василій Андреичъ предложилъ крестьянамъ посѣять льну больше, чѣмъ они обычно высѣвали; онъ говорилъ, что земля ихъ очень пригодна именно подъ ленъ. Хорошій урожай оправдалъ вѣрность его наблюденія.

Такъ, чего бы ни касался свѣтъ ученя, знанія, происходила перемѣна въ лучшему. Бывало, ольховцы съ завистью смотрѣли на жизнь боровлянъ, а нынѣ послѣдніе въ досадѣ на первыхъ. Ольховцы, правда, не только не разбогатѣли, но даже не сравнялись съ боровлянами по имущественному достатку; но душевная жизнь первыхъ измѣнилась во многомъ къ лучшему: у нихъ стало больше сознанія того, что добро, и что зло, въ чемъ правда, и гдѣ ложь въ житейскихъ дѣлахъ. Въ Боровой завелась вначалѣ небольшая лавочка съ мелочнымъ товаромъ; жителямъ это понравилось: они избавлялись отъ необходимости ѣздить въ городъ за всякой малостью, тѣмъ болѣе, что товары охотно отпускались въ долгъ. На торговца стали смотрѣть, какъ на благодѣтеля, а онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на крестьянъ, открылъ еще и трактиръ. Прошли два-три года, и уже стало трудно узнавать боровлянъ. Съ виду они жили веселѣе, но стоило зайти въ любую избу, чтобъ убѣдиться, что ссоры, брань, попреки и, вообще, злоба вошли въ обычное обращеніе людей между собой. Старики старались сохранить добрыя порядки, указывали на прежнее житіе—трезвенное и дружное, но молодежь легко поддавалась соблазнамъ.

Года шли: деревенскія радости и невзгоды свидѣтельствовали о превосходствѣ разумной жизни сосѣдей въ союзѣ и мирѣ—по божьему. Разъ, лѣтомъ, въ самомъ началѣ жатвы надъ

горною мѣстностью пронеслась грозовая туча съ градомъ: въ нѣсколько минутъ сплошь были опустошены поля съ созрѣвшею уже рожью. Такое несчастье привело въ великое уныніе жителей Боровой. Крестьяне потеряли не только годовое продовольствіе, но лишились возможности сдѣлать новый озимовой посѣвъ; а это неминуемо вело къ окончательному раззоренію. Въ запасномъ магазинѣ было пусто: общественный хлѣбъ разобрали уже въ предшествовавшей неурожайный годъ. Не видѣлось никакой возможности найти сѣмена и на сторонѣ; для покупки ихъ не имѣлось денегъ, а просить начальство о ссудѣ—времени не хватало. Пока пойдетъ перепись и доставка сѣмянъ—благопріятное время для озимоваго посѣва будетъ упущено. Созвали сходку. Сообща придумывали, какъ помочь горю, и въ отчаяніи убѣждались, что оно непоправимо. Видя бесполезность разсужденій, крестьяне на мѣревались уже разойтись, но кто-то изъ нихъ предложилъ обратиться съ просьбой о займѣ сѣмянъ къ ольховцамъ, у которыхъ, въ тотъ годъ, былъ хорошій урожай.

— Чего лучше!—послышались голоса.—Да они не дадутъ намъ!

— Будемъ просить, пообѣщаемъ уплатить черезъ годъ хоть вдвое.

— Пустое дѣло,—возразилъ одинъ старикъ.—Развѣ мы сами помогали имъ въ чемъ-либо. Что имъ за расчетъ съ нами дѣлиться своимъ добромъ!

— Попытаемся хотя,—настаивали въ толпѣ.

— Не слѣдуетъ,—заговорили старики.—Ольховцы лишь насмѣются надъ нами.

Начался было споръ; но, такъ или иначе, а необходимость вынуждала пользоваться всякимъ случаемъ, чтобъ выйти изъ бѣдственнаго положенія. Выбрали нѣсколько человѣкъ и послали въ Ольховку. Тамъ, конечно, знали о несчастіи, постигшемъ сосѣдей, и жалѣли о нихъ, однакожь не ожидали, что къ нимъ обратятся за помощію.

По просьбѣ выборныхъ отъ боровлянъ, ольховцы созвали сельскій сходъ. Собравшимся предстояло рѣшить важный вопросъ: слѣдуетъ ли дѣлать одолженіе крестьянамъ чужой деревни?

Въ общемъ, шумномъ сужденіи не обошлось безъ напоминаній въ родѣ того, что вотъ вы къ намъ пришли, а сами насъ не долюбиваете. На это выборные отвѣчали:

— Не поминайте старое. Подумайте: такъ ли вы жили,

какъ теперь. Сами видите, что нынѣ мы уважаемъ васъ; и если отъ чистаго сердца насъ почасту увѣряете, что надо жить по любви, избавьте насъ отъ великаго горя.

Для совѣта пригласили на сходъ отца Андрея. Выслушавъ, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ: обязательно слѣдуетъ помочь, только одно условіе предлагаю: вы ссудите имъ хлѣба на посѣвъ, но они пусть закроютъ у себя трактиръ; отъ него, по временамъ, случаются хлопоты и для насъ.

Домохозяйева, бывшіе на сходѣ, это предложеніе приняли и подѣлиться сѣменами съ сосѣдями согласились.

Въ Боровой не смѣли надѣяться на благопріятный отвѣтъ ольховцевъ, и потому съ великою радостію выслушали сообщеніе объ ихъ участіи въ чужому горю.

По обстоятельному условію, заключенному между жителями двухъ селеній, начались совмѣстныя работы. Никогда прежде на поляхъ ольховскихъ не видано было столь многочисленныхъ, и такихъ усердныхъ, жнецовъ, какъ въ это лѣто. Старички, которыхъ привозили взглянуть на полевые работы за рѣкой, плакали, умиляясь надъ тѣмъ, что имъ привелось видѣть.

Николай Блиновъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПСИХОЛОГИИ СЛѢПЫХЪ.

Г. Челпанова.

Статья 2-я.

Въ концѣ XVII вѣка англійскій философъ Джонъ Локкъ написалъ свою знаменитую книгу «Опыты о человѣческомъ умѣ», гдѣ онъ, между прочимъ, разсматривалъ вопросъ о познаніи посредствомъ органовъ чувствъ и о томъ, что нѣкоторыя качества вещей могутъ быть воспринимаемы только лишь при помощи *одного* органа чувствъ, напр., запахи только при помощи обонятельнаго органа, вкусы при помощи вкусового органа, а протяженіе, движеніе и пр. могутъ быть воспринимаемы при помощи *двухъ* органовъ, зрѣнія и осязанія.

Послѣ появленія этой книги, другой англійскій ученый *Молинё* заинтересовался вопросомъ: что общаго между пространствомъ, воспринимаемымъ посредствомъ *осязанія*, и пространствомъ, воспринимаемымъ посредствомъ *зрѣнія*, и написалъ Локку письмо, въ которомъ задаетъ этому послѣднему слѣдующій вопросъ: «Предположимъ, что кто-нибудь родился слѣпымъ и научился посредствомъ осязанія различать кубъ отъ шара, такъ что, когда онъ ощупаетъ одинъ и другой, то можетъ сказать, который изъ нихъ кубъ и который изъ нихъ шаръ. Предположимъ дагѣ, что кубъ и шаръ положены на столъ и слѣпой сдѣланъ зрячимъ. Спрашивается, можетъ ли онъ посредствомъ одного только *зрѣнія*, прежде чѣмъ *коснуться* ихъ, различить и сказать, который изъ нихъ шаръ и который кубъ?» Самъ Молинё на этотъ вопросъ отвѣтилъ отрицательно. Локкъ съ нимъ согласился.

Эти ученые предполагали, что *между представленіями пространства слѣплого и представленіями зрячаго нтъ ничего общаго, потому что, если бы общее было, то при прозрѣніи слѣпой дол-*

женъ былъ бы видѣть то же, что и зрячій. Эти соображенія были высказаны въ 1693 году. Въ 1709 году, другой англійскій философъ, *Беркли* написалъ книгу подъ названіемъ «Новая теорія зрѣнія», въ которой доказывалъ тоже самое, именно, что между пространствомъ слѣпого и пространствомъ зрячаго есть коренное различіе. Теоретическія догадки Локка, Молинё и Беркли подтвердились весьма скоро, именно въ 1728 году докторомъ *Чезельденомъ*, который произвелъ удачную операцію надъ однимъ слѣпорожденнымъ.

Надо знать, что иногда дѣти рождаются съ катарактами или бѣльмами на обоихъ глазахъ; это дѣлаетъ ихъ слѣпыми. Впослѣдствіи путемъ операціи эти катаракты могутъ быть удалены и бывшіе до тѣхъ поръ слѣпыми прозрѣваютъ.

Первая операція такого рода, какъ мы только что сказали, была совершена Чезельденомъ. Послѣ него такихъ операцій было довольно много произведено, мы приведемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе извѣстныя, для того, чтобы сдѣлать выводы о природѣ пространственнаго представленія слѣпыхъ. При изложеніи мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя подробности, такъ какъ они сами по себѣ важны, и представляютъ весьма много своеобразнаго, показывая намъ, какъ медленно человекъ паучается видѣть.

Когда слѣпой *Чезельдена* впервые сталъ видѣть, онъ очень дурно воспринималъ разстоянія: ему казалось, что предметы *касались его глазъ*, точно такъ, какъ они прикасаются къ его кожѣ. Онъ не могъ узнать *формы* вещей до тѣхъ поръ, пока не *прикасался* къ нимъ. Онъ не узнавалъ формы какой-либо вещи и не отличалъ одной вещи отъ другой до тѣхъ поръ, пока ему не говорили, что это за вещь, которую онъ раньше зналъ по осязанію; тогда онъ тщательно разсматривалъ, чтобы узнать ее. Но такъ какъ онъ долженъ былъ заразъ изучить множество новыхъ вещей, то онъ многія изъ нихъ скоро забывалъ. Послѣ того, какъ онъ много разъ забывалъ, которое изъ двухъ видимыхъ имъ животныхъ кошка и которое — собака, онъ стыдился объ этомъ спрашивать, но, поймавши однажды кошку, которую онъ зналъ по соязанію, ошупавъ ее и, опустивъ затѣмъ на землю, онъ сказалъ: «Ну, кисанька, въ другой разъ я тебя узнаю». Онъ очень удивлялся тому, что вещи, которыя ему больше всего нравились, не казались его глазамъ очень пріятными; такъ какъ онъ ожидалъ, что ему будутъ казаться наиболѣе красивыми лица тѣхъ людей, каторыхъ онъ больше всего любилъ, и взору его будутъ наиболѣе пріятны тѣ вещи, которыя были таковыми на вкусъ.

Позже, когда посредствомъ глазъ онъ сталъ узнавать лица своихъ родителей, ему показали миниатюрный портретъ его отца, вдѣланный въ часы матери; ему сказали, что это такое, и онъ узналъ отца по сходству, но очень удивился тому, что большое лицо могло быть представлено на такомъ маломъ пространствѣ; прежде, говорилъ онъ, это показалось бы ему настолько же невозможнымъ, какъ помѣстить семь четвериковъ въ одинъ.

Хотя вновь приобретенное чувство доставляло ему много удовольствія, однако большое количество чуждыхъ и новыхъ впечатлѣній казалось ему неприятнымъ и утомительнымъ; онъ говорилъ, что видитъ слишкомъ много новаго, чего совсѣмъ не понимаетъ. И хотя онъ близкіе и отдаленные предметы могъ видѣть очень хорошо, однако, постоянно прибѣгалъ къ осязанію.

Пациентъ доктора *Нённели* послѣ операціи, давшей ему возможность видѣть, говорилъ, что предметы *касались его глазъ* и онъ сначала ходилъ съ предосторожностью, держа руки передъ глазами, чтобы не позволять предметамъ *дотрагиваться* до нихъ и причинять имъ страданіе.

Пациентъ доктора *Гома*, когда послѣ операціи спросили его, что онъ видитъ, отвѣчалъ: «вашу голову, которая, кажется, *прикасается* къ моему глазу», но онъ не могъ сказать, какой она формы. Только по истеченіи трехъ мѣсяцевъ предметы стали казаться ему расположенными дальше, хотя все-таки на очень близкомъ разстояніи. Одинъ изъ пациентовъ того же доктора, спрошенный черезъ 10 минутъ послѣ операціи относительно фигуры маленькаго картоннаго кружка, отвѣчалъ: «позвольте мнѣ *коснуться* его, и я вамъ отвѣчу». Ему не дали его; онъ нѣкоторое время размышлялъ и затѣмъ, очевидно, наудачу отвѣчалъ, что онъ круглъ. Но, минутой спустя, онъ сказалъ то же самое относительно небольшого квадрата изъ картона, потомъ относительно картоннаго же треугольника.

Пациентка доктора *Уордрона* непосредственно послѣ операціи замѣтила карету. «Что это за большая *вещь*, которая проходитъ передъ нами?» спросила она. Вечеромъ она попросила своего брата показать ей его часы и разсматривала ихъ довольно продолжительное время, держа ихъ около своего глаза. Ее спросили, что она *видѣла*, и она отвѣчала, что тамъ была одна сторона свѣтлая и другая темная. Съ часу на часъ замѣчали, какъ она останавливала взглядъ на одномъ пунктѣ, потомъ на другомъ, потомъ еще на многихъ другихъ среди множества цвѣтовыхъ ощущеній, осаждавшихъ ее. Она была ими ошеломлена: «Я чувствую себя глупой», говорила она. Она охотно просиживала молча, не умѣя разобраться

среди хаоса впечатлѣній, еще непонятныхъ для ея неопытнаго глаза. Двѣ недѣли спустя она все повторяла: «я вижу множество вещей и если бы только я могла сказать, что я вижу! Но, конечно, я очень безтолкова». Однако, мало-по-малу она изучила названія цвѣтовъ и быстро различала ихъ, но что касается до воспріятія формъ, то обученіе длилось очень долго. На седьмой день ей показали чашки и блюдечки. «На что онѣ похожи?» — спросили ее. — «Я не знаю, — отвѣчала она, — онѣ мнѣ кажутся очень странными, но я могу сказать вамъ тотчасъ, что это такое, какъ только *прикоснусь* къ нимъ». Она замѣтила апельсинъ, лежавшій на каминѣ, но не могла сказать, что это такое, прежде чѣмъ не *дотронулась* до него. На 18-й день ей дали въ руки серебряный футляръ отъ карандаша и большой ключъ. Она узнала ихъ и различала очень хорошо посредствомъ осязанія, но когда они были положены на столъ одинъ около другого, то она хотя и различала ихъ *зрѣніемъ*, но не могла сказать, гдѣ именно былъ футляръ и гдѣ ключъ. На 25-й день, проѣзжая въ каретѣ черезъ паркъ, она освѣдомлялась все время о значеніи своихъ зрительныхъ ощущеній. — «Что это такое?» — Это былъ солдатъ. — «Что это только что промелькнувшее передъ нами?» — Это человѣкъ на лошади. — «Но что это красное на мостовой?» — Это были дамы въ красныхъ шпальяхъ». Нужно было безпрестанно переводить ей на *осязательный* языкъ то, что она слышала на незнакомомъ языкѣ, которымъ говорилъ ей глазъ.

Пациентъ доктора *Франца* непосредственно послѣ операціи сидѣлъ спиной къ свѣту и держалъ глаза закрытыми. Листъ бумаги, на которомъ были нарисованы двѣ черныя линіи: одна вертикальная, другая горизонтальная, помѣстили на разстояніи 3 футовъ отъ него. Тогда ему было позволено раскрыть глаза и послѣ внимательнаго разсматриванія онъ назвалъ линіи правильно. Когда его попросили, чтобы онъ показалъ горизонтальную линію, то онъ сталъ медленно двигать рукой, какъ если бы ошупывая, и показалъ на вертикальную, но по истеченіи короткаго времени, замѣтивъ свою ошибку, онъ исправилъ ее. Черныя очертанія квадрата, внутри котораго былъ изображенъ кругъ, а въ кругѣ треугольникъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія были узнаны и правильно описаны. Зигзагъ и спираль, изображенныя на бумагѣ, онъ находилъ различными, но не могъ ихъ описать иначе, какъ только изобразивъ ихъ формы пальцемъ въ воздухѣ. Вначалѣ всѣ предметы казались ему настолько близко находящимися, что онъ иногда боялся натолкнуться на нихъ, хотя въ дѣйствительности они находились отъ него на довольно далекомъ разстояніи. О перспективѣ

рисунковъ онъ не имѣлъ никакого представленія: ему казалось очень неестественнымъ, чтобы человѣкъ на переднемъ планѣ рисунка изображался бѣльшимъ, чѣмъ докъ или гора на заднемъ планѣ. **Всѣ** вещи казались ему совершенно плоскими. Хотя изъ осязанія онъ очень хорошо зналъ, что у человѣка носъ выдается и что глаза образуютъ впадины, однако, человѣческое лицо казалось ему плоскимъ.

Довольно любопытнымъ является больной, которому совершилъ операцію профессоръ *Ральманъ* въ Дерптѣ 28 апрѣля 1890 года. Спустя нѣкоторое время послѣ прозрѣнія паціентъ могъ воспринимать предметъ, который держали передъ нимъ, но тотчасъ терялъ его изъ виду, если этотъ предметъ переносили съ середины зрительнаго поля на боковыя части его.

30 апрѣля. Ему показываютъ фарфоровую чашку и фарфоровый же сосудъ одинаковой формы, но въ десять разъ больше, чѣмъ чашка; первый держать на разстояніи $\frac{1}{2}$ метра, второй на разстояніи 8 метровъ; оба предмета признаются тождественными; посредствомъ осязанія онъ узнаетъ чашку.

1-ю мая. Паціенту показываютъ шаръ и кубъ, оба изъ одинаково окрашеннаго дерева, имѣющіе одинъ и тотъ же діаметръ. Когда ихъ ставятъ рядомъ, то онъ видитъ, что они различны, но не можетъ сказать, который предметъ круглый и который изъ нихъ имѣетъ углы. Рядомъ съ шаромъ ему показываютъ кружокъ, а рядомъ съ кубомъ четырехугольникъ (разумѣется соотвѣтственныхъ размѣровъ). Паціентъ не могъ отличить куба отъ четырехугольника, шара отъ круга; различаетъ только послѣ ощупыванія.

5-ю мая. Передъ нимъ держать карманные часы; пока часы находятся на линіи прямого зрѣнія, онъ, направляя руку, можетъ ихъ схватить; въ боковомъ полѣ зрѣнія дѣлаетъ промахи.

7-ю мая. Паціенту показываютъ бутылку на извѣстномъ разстояніи; онъ не знаетъ, что это за предметъ. Если держать бутылку въ прямомъ направленіи, а затѣмъ въ лежачемъ, съ горлышкомъ, обращеннымъ къ паціенту, то онъ думаетъ, что видитъ два различныхъ предмета.

Передъ паціентомъ держать спичку—онъ тотчасъ ее узнаетъ; но если показать ему *два*, на-крестъ положенныя спички, онъ не узнаетъ ихъ: ему кажется, что онъ имѣетъ дѣло съ совершенно новыми предметами, и только послѣ того, какъ онъ ощупываетъ одну спичку вслѣдъ за другой, онъ узнаетъ ихъ относительное положеніе. Когда затѣмъ предъ нимъ держали три отдаленныхъ другъ отъ друга спички, онъ тотчасъ узналъ, что было нѣсколько спичекъ но не былъ въ состояніи сосчитать ихъ. Онъ долженъ былъ ощу-

пать каждую спичку отдѣльно и только послѣ этого могъ ихъ сосчитать.

Затѣмъ у пациента снимается повязка, которую онъ до сихъ поръ носилъ и ему предоставляется возможность свободнаго передвиженія. По словамъ одного больного, который находился въ одной съ нимъ комнатѣ, пациентъ производилъ цѣлый рядъ самонаблюденій и совершенно своеобразно упражнялся въ смотрѣніи: онъ, напр., снимаетъ сапогъ съ ноги, бросаетъ на извѣстное разстояніе отъ себя, а затѣмъ старается опредѣлить разстояніе, на которомъ находится сапогъ; дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направлению къ сапогу и старается схватить его, и если это не удастся, то дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ, пока, наконецъ, его не схватитъ. Онъ очень занятъ больнымъ, который находится съ нимъ въ одной комнатѣ, старается его изучить, *ощупываетъ* его голову, руки, отдѣльныя части лица, въ то время какъ наблюдаетъ ихъ посредствомъ глазъ *).

Итакъ, мы видимъ, что всѣ приведенные нами факты относительно состоянія слѣпороджденных показываютъ, что они не могутъ различить *зрительныхъ* формъ до тѣхъ поръ, пока не прибѣгнуть къ помощи *осязанія*; изъ этого, повидимому, можно было бы сдѣлать тотъ выводъ, что пространство *зрѣнія* и пространство *осязанія* двѣ совершенно различныя вещи, если прозрѣвшій слѣпой не узнаетъ сразу зрительнаго пространства. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассуждали прежніе философы. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ отвлеченный для того, чтобы я могъ затронуть его въ настоящей статьѣ и потому я по поводу этихъ разсужденій ограничусь слѣдующимъ замѣчаніемъ. По моему мнѣнію, приведенные факты сами по себѣ вовсе не доказываютъ, что пространство слѣпого иное въ сравненіи съ пространствомъ зрячаго; изъ этихъ фактовъ мы можемъ сдѣлать только одинъ несомнѣнный выводъ, а именно, что прозрѣвшій слѣпой затрудняется *переводить* то, что ему извѣстно изъ осязанія, на то *новое*, что ему представляется изъ *зрѣнія*. Слѣпой становится въ совершенно такое же положеніе, въ которомъ мы находимся, когда мы слышимъ рѣчь на незнакомомъ намъ иностранномъ языкѣ; мы слышимъ *звуки*, различаемъ одинъ звукъ отъ

*) Эти факты показываютъ, какъ *медленно* слѣпороджденный послѣ операціи приобретаетъ свои свѣдѣнія о зрительныхъ формахъ вещей. Поэтому нужно отнести къ области художественнаго вымысла случай, описанный въ романѣ Виктора Гюго «Человѣкъ который смѣется», когда слѣпороджденная героиня романа, внезапно прозрѣвшая, тотчасъ же видитъ лицо Гюгиплена и поражается его безобразіемъ. Всѣ только что приведенные нами факты показываютъ полную невозможность этого.

другого, но что эти звуки *означаютъ*, мы этого не знаемъ до тѣхъ поръ, пока намъ не скажутъ. Точно такъ же и слѣпой воспринимаетъ съ большей или меньшей отчетливостью зрительныя впечатлѣнія, отличаетъ ихъ одно отъ другого, но что эти впечатлѣнія *означаютъ*, онъ не можетъ знать до тѣхъ поръ, пока не переведетъ эти новыя впечатлѣнія на знакомый ему языкъ осязанія.

Что вся своеобразность воспріятія прозрѣвшихъ слѣпорожденныхъ происходитъ отъ *трудности* переводить новыя впечатлѣнія на то, что ему знакомо изъ осязанія, показываютъ слѣдующія наблюденія доктора *Дюфура*. Онъ обращается къ прозрѣвшему, приводя въ движеніе свою руку близъ лица больного и спрашиваетъ: «Видите ли вы нѣчто такое, что движется?» — «Что движется?» (съ недоумѣніемъ спрашиваетъ прозрѣвшій). «Напрасно я нѣсколько разъ — говорилъ Дюфуръ — приостанавливалъ движеніе, нотомъ вновь начиналъ его, стараясь заставить его замѣтить то, что двигалось; онъ смотрѣлъ со вниманіемъ; но я не могъ добиться никакого отвѣта, кромѣ того, что когда я продолжалъ настаивать, онъ сказалъ: «это что-то такое свѣтлое». Я вновь предпринимаю изслѣдованіе, предупреждая больного, что я показываю ему руку; потомъ, заставляя ее измѣнять формы, т.-е. сжимая кулакъ, выгибая одинъ или нѣсколько пальцевъ, я стараюсь заставить его замѣтить и объяснить происходящія измѣненія. Больной, смотрѣвшій, повидимому, усердно, не могъ дать никакого отвѣта. На четвертый день ему показали два куска бѣлой бумаги, одинъ круглый, другой квадратный. «Видите ли вы разницу между этими двумя кусками бумаги. — «Да». «Какую?» Нѣтъ отвѣта. — Такъ вотъ одна изъ этихъ бумажекъ четырехугольная, а другая круглая, которая же изъ нихъ четырехугольная?!» Пациентъ на минуту остается безъ отвѣта и, наконецъ, заявляетъ, что хотя онъ и видитъ разницу между ними, но не можетъ сказать, которая изъ нихъ круглая и которая четырехугольная».

Этотъ случай особенно убѣдительно доказываетъ, что прозрѣвшій можетъ *отличать* одно впечатлѣніе отъ другого, но не въ состоявіи сказать, къ какому предмету это впечатлѣніе нужно отнести, хотя бы этотъ предметъ и былъ ему извѣстенъ изъ *осязанія*.

Несомнѣнно, однако, изъ этихъ и другихъ подобныхъ фактовъ обнаруживается, что представленія пространства у слѣпыхъ во многихъ частностяхъ отличаются отъ представленія зрячаго. Вотъ примѣръ такой разницы. Я вамъ показываю палочку, имѣющую одинъ футъ длины. Если бы я сказалъ, что хотя и мнѣ, и вамъ эта палочка кажется равной одному футу, однако мнѣ, напримѣръ, она кажется *меньшей*, чѣмъ вамъ, то вы заподозрили бы меня въ томъ, что я строю

какой-то софізмъ; между тѣмъ по отношенію къ слѣпымъ приходится утверждать нѣчто подобное. Напримѣръ, пациентъ доктора Франца послѣ операціи *все видѣлъ гораздо большимъ, чѣмъ это онъ могъ ожидать на основаніи представленія, полученнаго имъ посредствомъ осязанія*: движущіяся и въ особенности живыя тѣла, какъ лошади, казались ему очень большими. То же самое рассказываютъ относительно пациента Чезельдена.

Вотъ еще наблюденіе Дювана, которое показываетъ, что въ представленіяхъ слѣпыхъ въ частности встрѣчаются уклоненія, которыя для насъ даже не могутъ быть понятны. Какъ я уже сказалъ раньше, количество слѣпыхъ, которые были бы окончательно слѣпы, т.-е. которые бы не имѣли абсолютно никакого зрительнаго ощущенія, относительно очень незначительно. Большинство изъ нихъ, будучи выведено на солнечный свѣтъ, видятъ слабый отблескъ и можетъ сказать, ясенъ день или нѣтъ. Многіе достигаютъ даже возможности различать нѣкоторые *цвѣта* и особенно наиболѣе яркіе, какъ красный, бѣлый, желтый. Одинъ слѣпой, изслѣдованный Дюваномъ, не видитъ никакихъ цвѣтовъ, но онъ получаетъ извѣстное впечатлѣніе отъ свѣта и, находясь въ комнатѣ, куда проникаетъ солнечный свѣтъ, онъ можетъ сказать, съ какой стороны находится окео. Я—говоритъ Дюванъ—разспрашивалъ его по этому поводу: «Принимаютъ-ли ваши ощущенія свѣта какимъ-нибудь образомъ форму протяженности?» «Нѣтъ»,—отвѣчалъ онъ мнѣ, форма протяженности имъ такъ же чужда, какъ и ощущеніямъ звука или запаха.—Однако же, вы локализуете въ пространствѣ воспринимаемый вами свѣтъ, такъ какъ вы всегда поворачиваетесь въ сторону окна?—«Конечно, я локализирую въ пространствѣ мои свѣтовые ощущенія, но я также локализирую мои звуковыя ощущенія. Я знаю, изъ какой части пространства исходитъ свѣтъ, такъ же, какъ знаю, откуда исходитъ звукъ, съ той только разницей, что звуковое ощущеніе пробуждаетъ во мнѣ идею направленія и идею разстоянія, между тѣмъ какъ свѣтовое ощущеніе пробуждаетъ только идею направленія.»—Говоря, что свѣтъ совсѣмъ не имѣетъ для васъ формы протяженности, не хотите ли вы сказать, что такъ же, какъ и звукъ, онъ никогда не кажется вамъ какъ бы покрывающимъ предметы и что, представляя себѣ въ воображеніи *тѣла*, вы не придаете имъ абсолютно никакого *цвѣта* и также не представляете ихъ себѣ свѣтящимися, какъ и звучащими? «Да именно».—Но если я скажу вамъ, что для меня цвѣта имѣютъ контуры, не вызоветъ-ли это у васъ какого-нибудь представленія? «Никакого». § Отсюда, по мнѣнію Дювана, тотъ выводъ, что у слѣпыхъ можетъ существовать *идея цвѣта, къ которой не*

примышивается никакой идеи протяженности. Такого представленія мы, зрячіе, никакъ имѣть не можемъ.

Посмотримъ теперь, въ какомъ состояніи находятся у слѣпыхъ такія умственные способности, какъ *вниманіе, память, воображеніе* и т. п. Вообще у различныхъ писателей мы находимъ указаніе на то, что слѣпые обладаютъ замѣчательной силой *вниманія*. По замѣчанію Дюфо, писателя о слѣпыхъ, «вниманіе у слѣпыхъ имѣетъ силу, на которую наши органы едва ли способны; мы можемъ сказать, что ихъ душа находится всецѣло въ предметахъ, которыя она желаетъ себѣ усвоить». Точно такъ же высказывались мнѣнія о сильномъ развитіи *памяти* у слѣпыхъ. Мы не должны, впрочемъ, забывать, что развитіе памяти почти всегда идетъ параллельно съ развитіемъ способности вниманія: все то, что мы воспринимаемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, то отпечатлѣвается у насъ сильнѣе и дольше остается въ нашемъ сознаніи. Но каковы же причины того, что у слѣпыхъ оказывается болѣе сильное вниманіе, чѣмъ у зрячаго? На этотъ вопросъ мы находимъ правильный отвѣтъ въ показаніяхъ слѣпыхъ, который служилъ проводникомъ въ одной гористой мѣстности. Когда путешественники выражали удивленіе по поводу его точнаго знанія подробностей пути, онъ сказалъ: «Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вы, зрячіе, всегда можете прибѣгнуть къ зрѣнію, какъ только имѣете надобность видѣть или изслѣдовать вакую-либо вещь, я же не могу поступать иначе, какъ только довѣряться своей памяти. Но въ этомъ я имѣю вотъ какое преимущество передъ вами: легкость, съ которой вы видите предметы по вашему желанію, избавляетъ васъ отъ необходимости глубоко запечатлѣвать идеи и потому они скоро изглаживаются; мои представленія, напротивъ, будучи приобретаемы съ большой трудностью, такъ запечатлѣваются, что остаются въ памяти почти неизгладимо». Т.-е. слѣпой хочетъ этимъ сказать, что напряженное вниманіе является для него *практической* необходимостью, и по нашему мнѣнію это вполне справедливо.

Другіе писатели объясняютъ силу вниманія слѣпыхъ нѣсколько иначе. По ихъ мнѣнію, самое главное заключается въ томъ, что «слѣпой, не будучи разсѣваемъ постоянными измѣненіями, безпрестанно возбуждающими органъ зрѣнія, предается своимъ идеямъ съ ненарушаемымъ спокойствіемъ». Для доказательства этой мысли приводился тотъ фактъ, что съ удаленіемъ зрѣнія человѣкъ бываетъ какъ бы сосредоточеннѣе, внимательнѣе, что, напр., когда мы желаемъ придать силу нашему вниманію, то мы закрываемъ глаза, мы дѣлаемъ насъ самихъ искусственно слѣпыми. Когда Малекраншъ хотѣлъ предаться раз-

мышленіямъ, то онъ удалялся въ полную темноту. Дидро часто во время разговора закрывалъ совершенно свои глаза и его рѣчь тогда, по словамъ его біографа, приобретала особенную красоту и силу. Диогенъ Лаэртскій рассказываетъ относительно одного изъ древнихъ философовъ, что онъ, будто бы, добровольно лишился зрѣнія, чтобы лучше размышлять. Этотъ послѣдній фактъ по всей вѣроятности вымыселъ и имѣетъ своимъ основаніемъ тотъ распространенный взглядъ, что, будто бы, зрѣніе разсѣиваетъ вниманіе. Дюфо, соглашаясь съ тѣмъ фактомъ, что зрительныя впечатлѣнія мѣшаютъ сосредоточенію вниманія, объясняетъ его однако иначе. По его мнѣнію, «зрительныя впечатлѣнія мѣшаютъ нашему вниманію не столько вслѣдствіе разсѣянія, которое они намъ причиняютъ, сколько вслѣдствіе *одновременности*, которая присуща этимъ впечатлѣніямъ. Эти впечатлѣнія производятся заразъ въ большомъ количествѣ и такимъ образомъ поставляютъ душу въ извѣстнаго рода замѣшательство и колебаніе: она переходитъ отъ одного впечатлѣнія къ другому, не останавливаясь долго на одномъ и томъ же предметѣ, и это въ концѣ концовъ превращается въ привычку. Впечатлѣнія же слуха и осязанія разъединены по своей природѣ: душа воспринимаетъ ихъ до нѣкоторой степени одно за другимъ». Отсюда легко понять, что вниманіе у слѣпыхъ, воспринимающихъ только впечатлѣнія слуха и осязанія, должно быть сильнѣе, чѣмъ у зрячихъ.

Намъ кажется, что не отсутствіе зрительныхъ впечатлѣній и не характеръ слуховыхъ и осязательныхъ впечатлѣній обуславливаютъ силу вниманія слѣпого, а только лишь его особенное *отношеніе* къ воспріятію впечатлѣній. Дѣло въ томъ, что пріобрѣтеніе познаній для слѣпого связано съ гораздо большими трудностями, чѣмъ для зрячаго. Такъ, напр., нѣкоторыя свои познанія онъ черпаетъ изъ книгъ, которыя ему читаются. Книги, напечатанныя для него, очень немногочисленны, сравнительно дороги и по большей части только религіознаго содержанія. Когда ему читаютъ, онъ слушаетъ чрезвычайно напряженно, онъ весь превращается въ слухъ, потому что большее или меньшее количество пріобрѣтенныхъ познаній зависитъ отъ того, съ какимъ вниманіемъ онъ прослушаетъ читаемое. Кромѣ того, какъ мы сказали выше, слѣпой поставленъ въ необходимость *запоминать* гораздо больше, чѣмъ зрячій, а запоминаніе требуетъ также напряженія вниманія. Эта причина и обуславливаетъ высокое развитіе указанной способности.

Что касается *памяти* у слѣпыхъ, то на самомъ дѣлѣ вполнѣ справедливо, что эта способность иногда у нихъ доходитъ до удивительной степени. Оставляя безъ вниманія тѣ необыкновенные

и сомнительные случаи, которые приводятъ писатели *), мы укажемъ нѣкоторые примѣры выдающейся памяти въ состояніи слѣпоты. Епископъ Бернэтъ говоритъ, что онъ во время своего путешествія по Швейцаріи встрѣтилъ дѣвицу Валькерсъ, которая лишилась зрѣнія, будучи одного года. Она знала наизусть всѣ псалмы Давида, а равнымъ образомъ Новый Завѣтъ и, кромѣ того, она знала слова пяти языковъ настолько, что могла говорить на нихъ. И этотъ случай, по мнѣнію Джонса, вполне достовѣренъ, потому что большинство учениковъ извѣстнаго ему училища слѣпыхъ въ продолженіи учебнаго курса изучили наизусть весь псалтырь и между ними былъ одинъ молодой человекъ, который былъ въ состояніи не только повторить всѣ 150 псалмовъ и огромное число другихъ пѣснопѣвій и гимновъ, но равнымъ образомъ весьма многое изъ новѣйшей поэзіи, включая «Deserted Village» Гольдсмита и кромѣ того весь «Потерянный Рай» Мильтона со всѣми примѣчаніями и біографіей. Автору настоящей статьи рассказывали про одного неграмотнаго слѣпого, который, при ограниченныхъ умственныхъ способностяхъ, зналъ, въ какой день какого святаго для всѣхъ дней года.

Если бы мы и здѣсь поставили вопросъ, отчего у слѣпого можетъ быть такая выдающаяся память, то, кажется, что слѣдуетъ отвѣтить такъ же, какъ и на вопросъ о причинахъ выдающагося вниманія. Память слѣпого сильнѣе памяти зрячаго потому, что онъ приобретаетъ познанія при неблагопріятныхъ условіяхъ. Слепой *долженъ* постоянно повторять и напрягать свою мысль на томъ, что зрячій можетъ и не трудиться запоминать, такъ какъ имѣетъ возможность каждый разъ навести справку (напр., стихотворенія, содержаніе календаря и т. под.), оттого у него память бываетъ значительно сильнѣе, чѣмъ память на тѣ же предметы у зрячаго. Итакъ, мы видимъ, что у слѣпого существуетъ полное взаимодѣйствіе между развитіемъ вниманія и памяти: и то и другое находятся въ зависимости отъ тѣхъ трудностей, съ которыми связано у него приобрѣтеніе познаній.

На вопросъ, въ какомъ состояніи находится у слѣпыхъ способность *воображенія* отвѣтить трудно, между прочимъ, и потому, что психологи не условились относительно точнаго опредѣленія понятія воображенія. Мы въ нашемъ изложеніи подъ воображеніемъ будемъ понимать, главнымъ образомъ, способность воспроизводить то, что мы раньше восприняли. Подъ эту способность подходитъ частью

*) Такъ, наприм., одинъ путешественникъ передаетъ, что, будто бы, въ Японіи въ прежнее время государственные акты не записывались, а вѣрялись памяти избранныхъ для этой цѣли слѣпыхъ.

способность памяти, о которой мы только-что говорили; о ней, кромѣ того, даютъ нѣкоторое представленіе *сновидѣній*, такъ какъ они до извѣстной степени являются воспроизведеніями пережитаго.

Нѣкоторые извѣстные писатели конца прошлаго столѣтія утверждали, что слѣпорожденные не имѣютъ *сновидѣній*. Но въ этомъ они ошибались. Слепорожденные видятъ во снѣ, что они играютъ на инструментахъ, что они прыгаютъ, бѣгаютъ, ѣдятъ и т. под.; разумѣется, все они во снѣ дѣлаютъ *ощущивая*, безъ зрительнаго воспріятія. Сновидѣнія ихъ также часто имѣютъ своимъ содержаніемъ *слуховыя* ощущенія; иногда онѣ ихъ приобрутаютъ такую живость, что слѣпому долгое время послѣ вробужденія кажется, что это былъ не сонъ, а дѣйствительность.

Предположеніе, что слѣпые не имѣютъ сновидѣній, основывается на томъ, что мы, зрячіе, во снѣ имѣемъ по преимуществу *зрительные образы*; мы, зрячіе, во снѣ обыкновенно *видимъ*, хотя, конечно, можемъ и *слышать* (напр., музыку, чей-нибудь голосъ). Слепой, у котораго образы по преимуществу *осязательные и слуховые*, конечно, должны въ сновидѣніяхъ воспроизводить именно эти образы.

Вотъ что рассказываютъ сами слѣпые о своихъ сновидѣніяхъ. «Когда мнѣ спится,—говоритъ одинъ слѣпой,—что я нахожусь въ корзинной мастерской, то я знаю о томъ, что я нахожусь тамъ, по объему комнаты и по длинѣ ея.—Но какииъ образомъ вы можете судить объ объемѣ и величинѣ того, что вы не можете видѣть?—«О! *звукъ* показываетъ мнѣ вполне хорошо, что я нахожусь на своемъ прежнемъ мѣстѣ, гдѣ я работалъ».—Вы тогда сидите на вашемъ стулѣ?—«Да, я *осязую* его, и если сонъ мой длится дольше, то я вынимаю свои инструменты и принимаюсь за работу». «Когда я вижу сонъ,—говоритъ другой слѣпой,—я переживаю то же самое, что и въ дѣйствительности: мнѣ снятся *звуки* и предметы *осязанія*. Послѣдній разъ мнѣ приснился человекъ, который въ настоящее время находится въ тюрьмѣ. Мнѣ снилось, что я ходилъ въ домъ его родныхъ; я узналъ, что это былъ ихъ домъ по *звуку* моихъ шаговъ. Когда я сидѣлъ у его родныхъ я вдругъ *услышалъ* голосъ у двери и закричалъ: «Боже! не Джонъ ли это?» Но отвѣта не было. «Эй,—сказалъ я,—вы ли это?» и я схватилъ его за рукавъ и ясно *ощушалъ*, что это былъ рукавъ его рубашки; я удивился тому, что онъ былъ отпущенъ изъ тюрьмы за нѣсколько дней до срока. Затѣмъ мнѣ приснилось, что онъ хотѣлъ испугать меня и для этого онъ представился привидѣніемъ, *ударяя меня въ бокъ*. Наконецъ, я проснулся и ничего больше не *слышалъ*». Эти сны ясно показываютъ, что

образы, наполняющіе воображеніе слѣпого въ его сновидѣніяхъ, суть исключительно слуховые и осязательные.

Правда, есть и такіе слѣпые, которые имѣютъ въ своихъ сновидѣніяхъ зрительные образы; это по преимуществу тѣ, которые ослѣпли въ довольно поздній возрастъ и сохранили извѣстные воспоминанія о своихъ прошлыхъ впечатлѣніяхъ. Сновидѣнія представляютъ большой психологическій интересъ, потому что указываютъ отчасти на степень живучести зрительныхъ образовъ въ сознаніи ослѣпшаго, съ другой стороны на постепенный процессъ изглаживанія ихъ. Приведемъ нѣкоторые рассказы о сновидѣніяхъ такихъ слѣпыхъ.

Дюнанъ сообщаетъ слѣдующее относительно одного слѣпого по фамилии Берню. «Ему теперь 38 лѣтъ; онъ слѣпъ съ 7 лѣтъ. Слепота его полная, хотя въ комнатѣ, освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, онъ можетъ отличить, на какой сторонѣ находится окно; посредствомъ зрѣнія онъ не можетъ воспринять никакой формы, ни цвѣта даже неяснымъ образомъ, а это для насъ весьма существенно. О своихъ нѣкогда бывшихъ зрительныхъ воспріятіяхъ онъ сохранилъ нѣкоторыя довольно опредѣленные воспоминанія; онъ еще и теперь очень живо представляетъ обелискъ, видѣнный имъ въ дѣтствѣ. Онъ очень хорошо помнитъ кондитерскую, куда его водили въ дѣтствѣ, и картину, принадлежавшую его отцу и изображавшую война. Онъ имѣетъ очень опредѣленный образъ *цѣта* вишни или гребня пѣтуха. Онъ вспоминаетъ также о кажущемся уменьшеніи предметовъ въ перспективѣ. Онъ вспоминаетъ, какъ уменьшаются окна дома, когда смотришь на нихъ снизу. Это почти все: его остальные зрительныя воспоминанія сводятся къ очень немногому и притомъ [они очень неопредѣленны. Я спросилъ его, которое изъ двухъ чувствъ—зрѣнія и осязанія—кажется ему теперь преобладающимъ; онъ мнѣ отвѣтилъ, что до 25 лѣтъ онъ мыслилъ и представлялъ себѣ вещи въ *зрительныхъ* образахъ и въ особенности его сновидѣнія были сновидѣніями зрячаго, но что съ этого времени осязательныя идеи стали преобладать въ его умѣ; его сновидѣнія сдѣлались исключительно сновидѣніями слѣпого и теперь онъ мыслить и воображаетъ большую часть времени какъ слѣпой. Чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ было справедливо это заявленіе, я далъ ему въ руки кусокъ гранаты очень неправильной формы и просилъ его сосредоточить все вниманіе для того, чтобы точно анализировать представленіе, которое этотъ предметъ вызываетъ въ немъ съ точки зрѣнія размѣровъ и формы и сказать мнѣ, было ли это представленіе зрительнымъ или осязательнымъ, или и то и другое вмѣстѣ.

Берню долго ощупывалъ предметъ, который я ему предложилъ, и сказалъ мнѣ, возвращая его спустя нѣкоторое время, что онъ имѣеть о немъ очень ясную идею. Я спросилъ его, какого характера эта идея, т. е. была ли она чисто зрительная или къ ней присоединяются элементы, заимствованные изъ осязанія? «Нѣтъ»—отвѣчалъ онъ, «чисто зрительная». Если это идея зрительная,—прибавилъ я,—то предметъ долженъ казаться окрашеннымъ. — «Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ онъ,—и я никогда не воспринимаю посредствомъ осязанія ни одного предмета безъ того, чтобы тотчасъ же не придавать ему какого-нибудь цвѣта; даже буквы брайлевскаго алфавита кажутся мнѣ совершенно окрашенными. Такъ я даю буквѣ *A* бѣлую окраску, нѣсколько розоватую, *B* имѣеть тоны сѣроватыя и т. д.». Этотъ отвѣтъ не оставлялъ никакихъ сомнѣній: онъ доказывалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что Берню, ослѣпшій очень рано и теперь еще, вопреки своему заявленію, есть *собственно зрячій по ошнотенію къ его способу представленія*. Я спросилъ его, что означаютъ эти слова, что онъ до 25 лѣтъ имѣлъ сновидѣнія зрячаго, а послѣ этого сновидѣнія слѣплого. «Это обозначаетъ,—сказалъ онъ,—что до 25-лѣтняго возраста я былъ зрячимъ въ моихъ сновидѣніяхъ и *дѣйствовалъ во снѣ какъ зрячій*, между тѣмъ какъ въ настоящее время я слѣпой, какъ въ сновидѣніяхъ, такъ и въ состояніи бодрствованія: мнѣ представляется во снѣ, *что я блуждаю во тьмѣ и хватаюсь за вещи такъ, какъ если бы это было въ дѣйствительности*. Нѣкогда я имѣлъ два существованія: слѣплого въ продолженіе дня и зрячаго во снѣ. Теперь я имѣю только одно существованіе, именно слѣплого, но и теперь, какъ въ сновидѣніи, такъ и въ дѣйствительности, когда я представляю себѣ вещи, то придаю имъ извѣстный цвѣтъ».

Эту двойственность жизни слѣплого можно видѣть и въ слѣдующихъ случаяхъ.

Одинъ человѣкъ, ослѣпшій въ молодости, съ тихой грустью горюлъ, спустя пять лѣтъ послѣ той печальной потери, которую онъ понесъ: «Когда я потерялъ зрѣніе, у меня остались сновидѣнія, которыя часто приводили меня въ восторгъ. Я видѣлъ цвѣтуція деревья, зеленые луга, нурпурный закатъ солнца и чудную картину звѣзднаго неба, но эти наслажденія уже богѣе не существуютъ для меня. Я имѣю только сновидѣнія слѣплого, и образы слуха и осязанія одни только наполняютъ мои сны».

«Я часто встрѣчалъ,—говоритъ одинъ врачъ,—слѣпыхъ, которые радовались приближенію сна, потому что тогда они видѣли во снѣ міръ такимъ, какимъ они его видѣли до своего несчастья, но потомъ эти сновидѣнія дѣлаются все менѣе и менѣе частыми».

и такъ какъ мозгъ болѣе не возбуждается внѣшними объектами, то онъ постепенно теряетъ способность воспроизведенія зрительныхъ воспріятій».

По словамъ доктора Утгофа, одинъ молодой человекъ 21 года, ослѣпшій только три года тому назадъ, утверждалъ, что его зрительные образы еще хорошо сохранились и что онъ часто ихъ видитъ во снѣ. При этомъ онъ прибавляетъ, что вотъ уже полгода, какъ зрительныя представленія сдѣлались значительно менѣе ясными и расплываются.

Итакъ, мы видимъ, что лица, потерявшія зрѣніе, мало-по-малу утрачиваютъ зрительные образы, причемъ эта утрата у однихъ происходитъ скорѣе, у другихъ медленнѣе въ зависимости отъ различныхъ условій. Выясненіемъ этихъ условій, а равнымъ образомъ и характера сновидѣній, вообще, у слѣпыхъ въ недавнее время занялся американскій психологъ Ястровъ, который съ этой цѣлью изучилъ почти до 200 человекъ въ убѣжищахъ Филадельфіи и Балтиморы. Результаты его изслѣдованій сводятся къ слѣдующему: въ случаяхъ полной слѣпоты онъ нашелъ: изъ 58, 32 ослѣпли до 5-ти-лѣтняго возраста; у нихъ нѣтъ никакихъ зрительныхъ образовъ въ сновидѣніяхъ; 6 ослѣпли между 5 и 6 годами, 4 изъ нихъ имѣютъ зрительные образы въ сновидѣніяхъ, 2 изъ нихъ никогда ничего не видѣли во снѣ; изъ 20, которые ослѣпли послѣ 7 лѣтъ, всѣ имѣютъ зрительныя сновидѣнія. Такимъ образомъ, по мнѣнію Ястрова, періодъ возраста отъ 5 до 7 лѣтъ нужно считать *критическимъ*: когда этотъ возрастъ пройденъ, то зрительные центры сохраняютъ свою функцію. Германтъ, занимавшійся тѣмъ же вопросомъ, пришелъ къ тому же заключенію: у 15 лицъ, ослѣпшихъ до 5-ти-лѣтняго возраста, не было никакихъ зрительныхъ образовъ въ сновидѣніяхъ; 35 лицъ, ослѣпшихъ послѣ 7 лѣтъ, всѣ имѣли зрительные образы во время сна. Въ случаяхъ неполной слѣпоты авторъ старался опредѣлить, *бываетъ ли зрѣніе въ сновидѣніяхъ болѣе отчетливо, чѣмъ въ состояніи бодрствованія*. Вопросъ, на который очень трудно было получить ясныя отвѣты. Онъ, однако, считаетъ возможнымъ допустить, что тѣ, которые потеряли зрѣніе послѣ 6 года, имѣютъ зрительные образы болѣе отчетливыми въ сновидѣніяхъ, чѣмъ въ состояніи бодрствованія: это обстоятельство указываетъ на то, что въ этомъ возрастѣ зрительные центры достигаютъ достаточнаго развитія.

На вопросъ, «имѣете ли вы сновидѣнія?» авторъ получилъ 183 отвѣта, изъ которыхъ положительныхъ (безъ ближайшаго опредѣленія) отвѣтовъ было 26%, отрицательныхъ 1%, рѣдкія

сновидѣнія имѣли 43%, частые 22, каждую ночь 8%. Авторъ думаетъ, что, вообще, слѣпые имѣютъ меньше сновидѣній, чѣмъ зрячіе.

Итакъ, о сновидѣніяхъ слѣпыхъ мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что они находятся въ зависимости отъ того, какіе образы господствуютъ въ сознаніи даннаго слѣпого *).

О ихъ воображеніи, именно о *творческомъ воображеніи* мы могли бы получить нѣкоторое представленіе изъ ихъ поэтическихъ произведеній, такъ какъ между ними были поэты; но, къ сожалѣнію данныя не говорятъ въ пользу выдающагося творчества слѣпыхъ въ этой области, да и вполне понятно почему: вещи, которыя слѣпой можетъ осязать или слышать, сравнительно очень немногочисленны и могутъ мало питать воображеніе. Поэтому познанія слѣпыхъ, главнымъ образомъ, должны быть основаны на томъ, что они узнаютъ отъ другихъ и что они большею частью представляютъ себѣ въ очень несовершенной формѣ или же представляютъ себѣ нѣчто совершенно иное, нежели какова вещь на самомъ дѣлѣ. Напр., ихъ представленія о небѣ, звѣздахъ и т. п. Если слѣпой имѣетъ склонность къ стихосложенію, то онъ можетъ производить въ изобиліи слабыя подражанія тѣмъ поэтамъ, которыхъ ему приходилось слышать, схватывая тѣ или другія фразы, но въ большинствѣ случаевъ то, что онъ пишетъ, безцвѣтно, лишено вкуса. Большинство поэтическихъ красотъ основывается на зрительныхъ идеяхъ, недоступныхъ слѣпому. Правда, онъ говоритъ о «яркомъ сіяніи солнца», о «блѣдныхъ лучахъ луны», но это только простыя подражанія, пустые звуки, не имѣющіе для него никакого опредѣленнаго смысла.

Изъ всего, сказаннаго нами, легко понять, что умственный міръ слѣпого долженъ кореннымъ образомъ отличаться отъ міра зрячаго, ибо, хотя у него память и вниманіе и представляются въ значительномъ развитіи, однако, кругъ идей ограниченъ областью звука и осязанія и это должно класть совершенно особенный отпечатокъ на характеръ его умственныхъ построеній, который для насъ остается непостижимымъ. О немъ мы не имѣемъ возможности судить непосредственно, потому что для этого мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ. *Языкъ* слѣпого не представляетъ въ этомъ отношеніи никакого пригоднаго матеріала: правда, въ немъ встрѣчаются нѣкоторыя особенности, такъ, напр.,

*) Подтвержденіемъ этого является, между прочимъ, и слѣдующій случай. Пациентъ доктора *Франца*, о которомъ мы уже упоминали выше, до операціи, когда ему снились его родители, *осязалъ* ихъ и *слышалъ* ихъ голоса; послѣ того, какъ онъ провѣрѣлъ, онъ сталъ ихъ *видѣть* въ своихъ сновидѣніяхъ.

въ ихъ языкѣ нѣтъ избытка и богатства выраженій, ихъ отвѣты отличаются сухостью и лаконичностью, но на самомъ дѣлѣ языкъ ихъ не есть матеріалъ, который могъ бы дать намъ представленіе о ихъ своеобразномъ мышленіи. По совершенно справедливому замѣчанію Дюфо, «слѣпые думаютъ на одномъ языкѣ, а говорятъ на другомъ». Тотъ языкъ, которымъ они пользуются, въ сущности вовсе не есть ихъ языкъ *). Если бы они были поставлены въ необходимость изобрѣсти свой собственный языкъ, то онъ былъ бы, по всей вѣроятности, совсѣмъ иного характера, чѣмъ нашъ. Само собой разумѣется, что въ немъ преобладали бы выраженія изъ области осязанія и слуха и отсутствовалъ бы элементъ зрительный, который въ такой мѣрѣ преобладаетъ въ языкѣ зрячаго.

Вотъ то небольшое, что мы можемъ сказать относительно способности мышленія **) слѣпыхъ. Конечно, мы въ нашихъ утвержденіяхъ не можемъ опираться на большое количество вполне установленныхъ наблюдений. Но это дѣло времени. Намъ нужно надѣяться, что современная психологія, стремящаяся основывать свои построенія на опытныхъ данныхъ, обратитъ специальное вниманіе и на эту, до сихъ поръ еще темную область, изученіе которой можетъ, по нашему мнѣнію, пролить свѣтъ на глубочайшіе вопросы духовной жизни человѣка. Намъ нужно также надѣяться, что современное общество съ бѣльшимъ, чѣмъ это было до сихъ поръ, вниманіемъ направитъ свою благотворительность на облегченіе участи этихъ несчастныхъ, а психологи отдадутъ свои досуги на изученіе ихъ духовной жизни, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ былъ правъ Дидро, избравшій эпиграфомъ своей книги о слѣпыхъ слова Вергилія: «*possunt nec posse videntur*», что въ вольномъ переводѣ означаетъ: «они имѣютъ тѣ же способности, что и мы, зотя и кажется, что они ихъ не имѣютъ».

*) На сколько слѣпые привыкаютъ говорить языкомъ зрячихъ, въ которомъ многое для нихъ является совершенно непонятнымъ, можно видѣть изъ того, что въ разговорѣ между собой они постоянно употребляютъ выраженія: «я видѣлъ», «посмотри», «покажи» и т. п. Одна изъ слѣпыхъ дѣвочекъ, не находя своей работы, обращается къ другой слѣпой, прося ее помочь ей въ ея поискахъ. Та, тотчасъ найдя отыскиваемую вещь, выражаетъ неудовольствіе по поводу разсѣянности своей подруги, говоря, между прочимъ: «что же ты *ослѣпла*, что ли?»

**) Описанію ихъ нравственной склада мы надѣемся посвятить послѣдующіе очерки.

М О Й О Т Е Ц Ъ.

Разсказъ Л. К. Лазаревича *).

Переводъ съ сербскаго Л. Василевскаго.

Мнѣ было тогда лѣтъ около восьми, и я, понятно, не могу помнить всѣхъ подробностей; поэтому буду вамъ разсказывать только то, что самъ запомнилъ. Моя сестра, которая старше меня, тоже знаетъ кое-что объ этомъ случаѣ; что же касается меньшого брата, то онъ ничего и не подозрѣваетъ. Не дуракъ я, чтобы ему разсказывать. И мать разсказывала мнѣ объ этомъ, когда я былъ уже взрослымъ. Отецъ же—ни гугу.

Онъ, то-есть, мой отецъ, одѣвался, разумѣется, по турецки. Я прекрасно помню его костюмъ. *Джемаданъ* (родъ жилета) изъ краснаго шелка съ нѣсколькими рядами золотыхъ шнурковъ; на джемаданѣ чюрче (кафтанъ) изъ зеленаго сукна. *Силай* (кожаный поясъ для оружія) украшенъ золотомъ; за

*) Лазаръ Лазаревичъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся писателей современной сербской литературы, родился въ 1851 г. въ Шабцѣ, небольшомъ городѣ Сербіи. Окончивъ гимназію въ Вѣлградѣ, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Великой Школы. Однако, влеченіе, которое онъ чувствовалъ къ медицинѣ, заставило его покинуть родину и отправиться въ Берлинъ. Окончивъ Берлинскій университетъ со степенью доктора медицины, Лазаревичъ вернулся въ Вѣлградъ. Въ 1879 г. въ журналѣ «Сриска Зора» появилось его первое произведеніе, переводъ котораго мы и предлагаемъ читателямъ «Міра Божьяго». Этотъ разсказъ вскорѣ былъ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки. Съ этого времени Лазаревичъ сдѣлался извѣстнымъ писателемъ и помѣщалъ въ различныхъ органахъ сербской печати цѣлый рядъ мелкихъ разсказовъ изъ народной жизни, которые обратили всеобщее вниманіе на молодого беллетриста. Въ 1882 г. Лазаревичъ замолкъ и только спустя шесть лѣтъ написалъ фантастическій разсказъ «Вѣтеръ». Въ 1890 г. Королевская Академія наукъ въ Вѣлградѣ наградила пятью стами динаровъ его разсказъ «Онъ все знаетъ» какъ лучшее беллетристическое произведеніе, появившееся въ томъ году въ Сербіи. Но этотъ разсказъ былъ уже лебединой пѣснью талантливаго писателя. Въ томъ же 1890 г. онъ умеръ—какъ и многіе изъ выдающихся сербскихъ писателей—отъ чахотки.

Прим. перев.

нимъ пистолеть съ рукоятвой изъ слоновой кости и ножъ въ серебряной оправѣ. Поверхъ силая *трамбалось* (шелковый поясъ), кисти котораго падаютъ съ лѣваго бока. Штаны съ шелковыми кистями и широкія камаши закрываютъ до половины ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и низкихъ башмакахъ. На головѣ феска, немного на бекрень; въ рукахъ длинный чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, подъ поясъ съ правой стороны поддѣтъ кисеть, вышитый золотомъ и стекляннымъ бисеромъ. Настоящій щеголь!

Что касается его характера—хотя онъ мнѣ и отецъ, да ужъ, боли началъ рассказывать, такъ нечего скрывать—это былъ удивительный характеръ.

Онъ былъ постоянно сердить и умѣлъ только приказывать, а не выполнить его приказаніи — такъ берегись! Онъ всегда хотѣлъ, чтобы все было какъ ему нравится, и никто не осмѣливался съ нимъ спорить. Когда разсердится, бранится и проклинаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. А сердился онъ по всякому ничтожному поводу. Насупится бывало, кусаетъ нижнюю губу, крутитъ правый усъ, хмуритъ брови, а черные глаза такъ и сверкаютъ. Подойди ка къ нему въ это время и скажи, что ты не зналъ урока!

Я и самъ не зналъ, отчего я его такъ боялся. Ну, хорошо, ударить онъ меня—такъ что же изъ этого? Но я трепеталъ отъ одного взгляда его глазъ. Какъ только сверкнетъ онъ ими, такъ и задрожитъ, какъ осиновый листъ, самъ не зная почему.

Смѣялся онъ очень рѣдко, да и то не такъ, какъ всѣ другіе. Помню—держалъ онъ однажды на рукахъ моего маленькаго брата и далъ ему поиграть со своими часами. А мой Джовица всѣми силами старается впихнуть ему часы въ ротъ и оретъ что есть мочи, такъ какъ отецъ не хочетъ открыть рта. Мы съ сестрой просто помираемъ со смѣху, да и отцу видно смѣшно стало, такъ какъ лѣвый уголокъ его рта нѣсколько разъ чуть-чуть открывался и кожа около лѣваго глаза немного сморщилась—это была большая рѣдкость. Такимъ образомъ смѣялся онъ тогда, когда происходило что-нибудь такое, отъ чего всѣ другіе заливались бы громкимъ смѣхомъ.

Помню еще, что происходило, когда умеръ мой дядя, съ которымъ отецъ состоялъ въ компаніи и котораго очень любилъ. Тетка, мать, сестра и мы дѣти кричимъ, плачемъ, вопимъ, а отецъ молчитъ, точно это его не касается; ни слезинки не проронилъ, не вздохнулъ даже ни разу. Только, когда покойника уже уносили изъ дома, у отца задрожала нижняя

губа; онъ прислонился къ дверямъ, поблѣднѣлъ, какъ смерть, и молчить...

Разъ ужъ онъ сказалъ что-нибудь, такъ хоть бы голову на отсѣченіе отдать пришлось, не измѣнить даннаго слова, не измѣнить, хотя бы ему самому пришлось впослѣдствіи сожалѣть объ этомъ.

Помню, какъ онъ прогналъ со службы работника Проку. Видно было, что онъ раскаявался и что ему жалко его стало, но измѣнить данному слову онъ не захотѣлъ. Этого Проку онъ любилъ больше всѣхъ остальныхъ работниковъ. Онъ ударилъ его, помню, только одинъ разъ за то, что тотъ забылъ затенуть какъ слѣдуетъ боченокъ, и вслѣдствіе этого пропало почти ведро вина. А то, кромѣ этого, ни разу и пальцемъ его не тронулъ. Онъ довѣрялъ ему во всемъ, посылалъ его на село за деньгами, и все такое. А знаете, за что онъ его прогналъ? За совершенные пустяки. Онъ замѣтилъ, какъ Прока игралъ въ орлянку. Вотъ пришелъ Прока въ Юрьевъ день въ лавку, чтобы подписать условіе на слѣдующій годъ. Отецъ вынулъ девыносто грошей и говоритъ:

— На, вотъ тебѣ жалованье! Ты мнѣ больше не нуженъ; иди себѣ, ищи такого мѣста, гдѣ бы ты могъ вдоволь наиграться въ орлянку!

Прока надвинулъ феску на глаза, заплакалъ горькими слезами и сталъ просить прощенья.

Это тронуло отца, я прекрасно видѣлъ это, но вы думаете, что онъ его простилъ? Сохрани Господи! Онъ только вынулъ еще червонецъ и отдалъ его ему.

— На, и убирайся вонъ!

Прока ушелъ, а онъ жалѣлъ, что прогналъ ни за что, ни про что прекраснаго работника.

Онъ никогда не шутилъ ни съ нами, дѣтьми, ни съ матерью, ни съ вѣмъ-либо другимъ. Удивительнѣе всего относился онъ къ матери. Нельзя сказать, чтобы онъ, избави Господи, какъ это иногда у людей случается, билъ ее. Нѣтъ, этого не было. Но онъ былъ по отношенію къ ней всегда холоденъ, раздражителенъ, хуже чужого! А она-то, бѣдная, была добра, какъ угодникъ Божій, и заботилась о немъ, какъ насѣдка о цыплятахъ. Когда онъ ее чѣмъ-нибудь обидитъ, она только горько заплачетъ. Къ тому же, она еще должна была скрывать слезы и отъ него, и отъ насъ. Она никогда ни къ кому вмѣстѣ съ нимъ не ходила и даже не смѣла пиенуть о томъ, чтобы онъ ее свелъ куда-нибудь. Онъ не выносилъ,

чтобы мать вмѣшивалась въ торговлю или вообще въ какія-нибудь его дѣла. Она какъ-то разъ говорить ему:

— Дмитрій, отчего ты не дашь Стансѣ ракии? Скоро вѣдь у насъ уже будутъ и новые запасы ея, куда же ты ее дѣнешь?

Онъ какъ навинется на ее:

— Что ты голодна, что ли? Тебѣ не хватаетъ чего-нибудь? А? Деньги въ твоихъ рукахъ! Когда ихъ тебѣ не хватаетъ, такъ скажи мнѣ! А въ мои дѣла не вмѣшивайся!

Мать замолчала.

И съ другими онъ мало разговаривалъ. Въ кофейнѣ у него былъ свой кружокъ, и только со своими пріятелями онъ еще болталъ иногда. Больше всѣхъ онъ уважалъ кума Илью. Это былъ единственный человѣкъ, который могъ ему говорить что угодно. Подчасъ отецъ его даже побаивался.

Насъ, дѣтей, точно также какъ и мать, онъ любилъ; въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Но держалъ насъ онъ ужъ очень строго. Я не могу припомнить ни одного проявленія нѣжности съ его стороны по отношенію къ намъ. Онъ покрывалъ насъ ночью, когда мы, бывало, сбросимъ съ себя одѣяла, не позволялъ намъ подходить къ колодцу, или влѣзать на деревья. Но вѣдь то же самое дѣлаютъ и другіе отцы; но тѣ покупаютъ дѣтямъ и сласти и золотую бумагу, и резиновые мячики, которые прыгаютъ выше тополя.

Въ церковь онъ ходилъ только въ Юрьевъ день, въ кофейню же ежедневно. Мы ужинаемъ, а онъ беретъ чубукъ подъ мышку, засунетъ кисетъ за поясъ, и айда! Возвращался онъ лѣтомъ въ девять часовъ, а зимой и раньше. Иногда случалось, однако, что и полночь пройдетъ, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Это страшно мучило мою бѣдную мать и сестру. (Я тогда еще не зналъ, что такое значить шляться по кофейнямъ). Онѣ никогда не засыпали до тѣхъ поръ, пока онъ не возвращался, хотя бы это было и на зарѣ. Онѣ сидятъ на кроватяхъ и не смѣютъ даже свѣчки зажечь, такъ какъ онъ страшно сердился, когда видѣлъ, что еще горитъ свѣча. Я самъ слышалъ однажды, какъ онъ проворчалъ, поздно возвратившись домой:

— Къ чему эта свѣча въ такое время?

— Чтобы тебѣ удобнѣе было раздѣться, Дмитрій,—отвѣчаетъ мать.

— Что же, самъ я-то не умѣю зажечь свѣчу, или, можетъ быть, я пьянъ и не сумѣю ее найти?

— Да нѣтъ же, Дмитрій,—объясняетъ мать,—я только говорю...

— Что ты говоришь? Ты, должно быть, хочешь, чтобы сосѣди думали, что у насъ въ домѣ покойникъ.

Вы думаете, что это онъ серьезно говорилъ? Что ему сосѣди! Онъ только не хотѣлъ, чтобы мать замѣчала, когда онъ приходитъ и уходитъ, и со злости не зналъ, что и дѣлать. Онъ желалъ, чтобы мать спала и тогда, когда ей вовсе спать не хотѣлось, только бы ему можно было гулять безъ всякой заботы.

Пилъ онъ очень мало, да и то лишь одно вино. Что же касается „ракии“, то онъ ея терпѣть не могъ, и когда пробовалъ при покупке, то сейчасъ выплевывалъ и дѣлалъ кислое лицо...

Что же онъ дѣлалъ всю ночь въ кофейнѣ?—спросите вы.

Въ этомъ-то и все несчастье! Еслибъ онъ пилъ, это было бы еще ничего. Но... впрочемъ, сами увидите.

Это сократило жизнь моей матери на половину. Она заливалась горячими слезами, а пожаловаться на свою судьбу ей было некому.

Однажды возвратился это онъ поздно домой... Ничего. На слѣдующій день тоже самое. Ничего. Вдругъ мать замѣчаетъ, что онъ безъ часовъ. Испуганная, она спрашиваетъ:

— Куда же ты дѣлъ, Дмитрій, часы?

Онъ насупился, отвернулся и говоритъ:

— Послалъ въ Бѣлградъ въ починку.

— Да вѣдь они хорошо шли, Дмитрій.

— Я, кажется, не слѣпъ и не глухъ. Мое дѣло знать, хорошо ли идутъ часы или скверно.

Что же дѣлать матери? Она, понятно, замолкла.

Слышу, жалуется она потомъ сестрѣ:

— Охъ тяжело! Все-то онъ спустить, и на старости лѣтъ придется стирать чужія рубашки.

А то однажды, часовъ такъ около десяти, возвращается онъ изъ кофейни. На головѣ астраханская баранья шапка. на груди золотая цѣпочка въ палецъ толщиною, за поясомъ пистолеть, оправленный въ золото и украшенный драгоценными камнями. Видно было, что онъ въ прекрасномъ настроеніи.

Войдя, онъ вынулъ изъ за пояса часы, точно хотѣлъ узнать, который часъ.

— Ты уже получилъ часы?—спросила мать.—Они уже исправлены?

— Исправлены—отвѣчаетъ онъ.

— А это что за цѣпочка у тебя?

— Цѣпочка какъ и всякая цѣпочка—говорить онъ, но какимъ-то ласковымъ голосомъ.

— Вижу,—говорить мать,—да откуда же она у тебя?

— Купилъ.

— А эта шапка? Такую я видѣла только у казначея Мичи.

— И шапку купилъ.

— Онъ тебѣ ее продалъ?

— Продалъ.

— А что это за...?

Но тутъ отецъ посмотрѣлъ на мать изподлобья, и она замолчала.

Отецъ сталъ раздѣваться. Я гляжу изъ подъ одѣяла. Онъ досталъ изъ за пояса свертокъ съ кулачекъ величиною и бросилъ его на столъ. Свертокъ зазвенѣлъ; въ немъ были одни червонцы.

— На,—говорить,—спрячь это!—и вышелъ въ кухню.

Мать взяла свертокъ двумя пальцами, точно что-то очень мерзкое.

— Куда намъ,—говорить она сестрѣ,—эти деньги? Это провлятѣя деньги... дьявольскія. Чортъ ихъ точно также и унесетъ, какъ принесъ!

Когда-то, рассказывала мнѣ мать, онъ былъ совершенно другой человѣкъ. И я самъ припоминаю точно сквозь туманъ, какъ онъ частенько бралъ меня на колѣни, когда я былъ еще совсѣмъ маленькимъ. Онъ дѣлалъ мнѣ свистульки изъ вербы и бралъ меня съ собой на сѣнокосъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ водить компанію съ Мичей казначеемъ, Крстомъ съ Макевиной улицы, Альбрехтомъ аптекаремъ и кое съ кѣмъ другимъ, все перемѣнилось и пошло шиворотъ на выворотъ. Онъ постоянно сердить, не выносить никакихъ разспросовъ, сейчасъ же отрѣжетъ:

— Смотри за своимъ дѣломъ! или нечего тебѣ дѣлать, что-ли?

Безъ сомнѣнія, онъ самъ прекрасно сознавалъ, что поступаетъ скверно, но ужъ, видно, лукавый его опуталъ и не выпускалъ изъ своихъ когтей.

И опять-таки это можетъ показаться смѣшнымъ, онъ въ сущности былъ хорошій человѣкъ. Да вотъ только...

Однажды онъ возвратился домой довольно поздно и не

одинъ. Мать очень удивилась этому. Они прошли по двору, тихо разговаривая, затѣмъ вошли въ конюшню. Немного спустя мы услышали конскій топотъ и не могли понять, что это такое.

Когда онъ немного спустя вошелъ въ комнату, я стала храпѣть, и моя сестра тоже притворилась спящей. Отецъ сказалъ: съ добрымъ вечеромъ, и замолчалъ. И онъ молчить, и мать молчить, я все жду, что будетъ дальше.

Наконецъ мать произнесла:

— Увели вороного?

— Увели,—говорить онъ.

Они опять замолчали, только отъ времени до времени мать всхлипываетъ, и я вижу, что она плачетъ.

— Дмитрій, именемъ Христовымъ молю тебя, заклиная тебя нашими дѣтьми, брось, голубчикъ, дружбу съ дьяволомъ. Кто съ нимъ дружить, погибнетъ тотъ и здѣсь, и на томъ свѣтѣ. Вотъ, на примѣръ, Йово картежникъ. Такой былъ хозяинъ, а теперь дошелъ до того, что собираетъ чужую шитарку и скупаетъ по деревнямъ кожи для евреевъ. Развѣ тебѣ не жалко будетъ, если мнѣ на старость придется выпрашивать кусокъ хлѣба, если нашимъ дѣтямъ придется служить у чужихъ людей?..—и она зарыдала.

Отецъ какъ закричить:

— Что это ты выдумала заклинять меня дѣтьми и плакать надо мной, какъ надъ повойникомъ! Чего нюни распустила изъ-за какой-то влячи? Захочу, такъ завтра же десять такихъ куплю!

Мать стала еще сильнѣе плавать:

— Знаю, Дмитрій, голубчикъ мой. Но вѣдь эти разбойники постараются все забрать. Брось, голубчикъ, наконецъ, эти злосчастныя, провлятыя карты! Вѣдь ты знаешь, что мы своимъ ервавнымъ потомъ добились крова надъ головой. За что же меня должны выгонять изъ моего дома какіе-то мерзавцы?

— Кто жъ тебя выгоняетъ?

— Пока еще никто меня не выгоняетъ, но выгонять, если ты будешь поступать по-прежнему! Это Богомъ провлятое занятіе.

— Я тебѣ уже сто разъ говорилъ, чтобы ты не читала мнѣ проповѣдей и не ревѣла безъ всякаго повода. У меня, что ли, умъ отшибло, и нужна жена-опекунъ.

Мать-бѣдняжка замолчала. Она уже больше не плакала.

Ея слезы текли во внутрь и тяжелымъ камнемъ ложились на сердце.

Дни проходили за днями, а отецъ все велъ прежнюю жизнь. Онъ часто приносилъ полные карманы золота. Какъ легко оно доставалось, такъ же легко и исчезало. Онъ часто приходилъ безъ перстней, безъ часовъ и вышитаго золотомъ силая. Иногда же приносилъ и по нѣсколько часовъ и перстней. Однажды онъ вернулся съ парой сапогъ и съ сюртукомъ, въ другой разъ—съ сѣдломъ. А то принесетъ, бывало, дюжину серебряныхъ ложекъ. Разъ такъ притащилъ цѣлый боченокъ сушеной рыбы. Какъ-то вечеромъ онъ привелъ вороного—того самага, нашего. На другой день онъ купилъ ему новый хомутъ. Ремни висятъ до колѣнъ и бьютъ лошадь по ногамъ. Отецъ запрегъ вороного въ тележку, къ дверямъ лавки поставилъ стулъ и поѣхалъ по селу, такъ что искры изъ-подъ копытъ посыпались.

Мы уже привыкли ко всему этому, только мать все плакала и мучилась. Да и какъ ей было не плавать и не мучиться? Торговля въ нашей лавкѣ совсѣмъ прекратилась, работники уходили одинъ за другимъ. Все шло какъ въ проклятомъ домѣ, а деньги такъ и исчезали.

Наконецъ, товарищи отца стали приходять и въ нашъ домъ. Запрутся въ большой комнатѣ, зажгутъ нѣсколько свѣчей: звенять червонцы, подымается дымъ отъ табаку, шумятъ карты, а нашъ слуга Стоянъ все время приготовляетъ имъ кофе (а на слѣдующій день показываетъ по нѣсколько червонцевъ, которые онъ получилъ отъ гостей на водку). А мать сидитъ съ нами въ другой комнатѣ; ея глаза красны, лицо блѣдное, руки худыя. Она отъ времени до времени шепчетъ: „Боже, смилуйся надъ нами!“

Отецъ совершенно отбился отъ дома. Онъ все время молчитъ и никогда не глядитъ матери въ глаза. Насъ, дѣтей, и не ласкаетъ и не бранитъ. Все старается уйти изъ дому. Только денегъ намъ даетъ, сколько угодно. Если намъ приходится купить, напримѣръ, карандашъ, онъ даетъ столько, что и на цѣлую дюжину хватить. Въ пищу онъ покупалъ все, что было лучшаго въ городѣ. Мое платье было самое лучшее во всей школѣ. А мнѣ, все-таки, тяжело становилось, когда я смотрѣлъ на мать и сестру. Онѣ точно постарѣли, поблѣднѣли, стали грустны и задумчивы. Онѣ рѣшительно никуда не ходили, даже на „Славу“ *) ихъ насилу

*) Праздникъ въ честь святаго, подъ покровительствомъ котораго находится семья.

удавалось вытащить изъ дому. Да и къ намъ женщины почти не заходили. Бывали только мужчины, да и то почти все „шляющіеся“, какъ ихъ называла мать.

Торговля въ нашей лавѣ почти совершенно прекратилась.

— Стану я,—говорить отецъ,—продавать мужикамъ на пятачекъ индиго! На то есть евреи. — Мать не смѣетъ пикнуть ни слова. Онъ сказалъ ей:

— Послушай, я тебѣ по сербски говорю. Если ты мнѣ хоть одно слово скажешь про это, то я найду себѣ другой домъ и переѣду туда. А ты здѣсь говори проповѣди кому хочешь. Заруби это себѣ на носу.

А она все молчитъ, бѣдная. Видимо, только таетъ, какъ свѣчка, и все молится.

— Боже, не покидай насъ!

Вотъ увидите, что изъ этого вышло.

Пришли какъ-то разъ ночью всѣ они къ намъ. Съ ними пришелъ еще какой-то Перо Зеленбачъ, который торговалъ свиньями и велъ дѣла съ Пештомъ. Усы его были закручены, какъ шило, волосы съ пробормомъ по срединѣ, а бакенбарды закрывали щеки. Онъ былъ толстъ и коренастъ. Шляпу надѣлъ на бекрень, а на груди повѣсилъ золотую цѣпочку, точно такую же, какая прежде была у отца. Перстень на его пальцѣ сверкалъ такъ, что больно было смотрѣть. Онъ ходилъ, раскачиваясь во всѣ стороны, говорилъ громкимъ, глухимъ голосомъ и все время смѣясь маленькими зелеными глазками.

Вотъ пришли они. Стоявъ тотчасъ же бросился готовить кофе.

Они зажгли четыре свѣчи. Табачный дымъ поднялся точно изъ трубы. Они пьютъ кофе, молчатъ, какъ турки, только шелестятъ карты и звенятъ червонцы.

Это была страшная ночь!

Мы съ матерью заперлись въ другой комнатѣ. Ни она, ни сестра уже больше не плакали. Ихъ лица были усталыя, глаза ввалились и смотрѣли какъ-то растерянно.

Нѣсколько разъ приѣзжалъ отецъ въ нашу комнату. Онъ былъ покрытъ потомъ. Разстегнулъ джемаданъ, распахнулъ рубашку, такъ что видны были густыя черныя волосы на груди. Нахмурился, какъ турокъ.

— Давай еще!—говорить матери.

Она молчитъ, какъ камень; открываетъ сундукъ и даетъ

ему горсть червонцевъ, а онъ владеть ихъ въ платокъ. Онъ смотритъ какъ-то дико въ сторону, переступая съ ноги на ногу, точно я, когда товарищи меня ждутъ на дворѣ, пока сестра отрѣжетъ кусокъ хлѣба къ завтраку. Онъ беретъ деньги, поворачиваетъ голову въ сторону и, уходя, бормочетъ про себя; „еще только это“. Затѣмъ, онъ точно вылетаетъ изъ комнаты. „Еще только это“, „еще только это“! Около трехъ часовъ полуночи прибѣжалъ онъ, вается, уже въ пятый разъ, въ нашу комнату.

— Дай! — говоритъ матери, а лицо его было темно, какъ земля. Мать направилась къ сундуку, и видно было, какъ у нея дрожали ноги. Тогда я увидѣлъ изъ подъ одѣяла, какъ мой отецъ задрожалъ и схватился за печь.

— Скорѣй — говоритъ онъ матери и отираетъ потъ съ лица.

Мать подаетъ ему.

— Давай все! — говоритъ онъ.

— Послѣдніе десять червонцевъ! — отвѣчаетъ мать. Но это уже не былъ голосъ, это былъ даже не шопотъ, но что-то похожее на послѣдній вздохъ умирающаго.

Онъ схватилъ эти деньги и выскочилъ изъ комнаты.

Мать упала около сундука, потерявъ сознание. Сестра вскрикнула. Я вскочилъ съ постели, Джокица тоже вскочилъ. Мы всѣ окружили ее и цѣлуя ея руки говорили: „мама, мамочка!“.

Она положила руку на мою голову и что-то прошептала.

Потомъ она поднялась, зажгла лучинку и затеплила лампаду передъ образомъ Св. Георгія.

— Пойдемте дѣти, помолимся Богу, чтобы онъ насъ спасъ отъ гибели! — сказала она. Ея голосъ звучалъ, какъ колоколь, а глаза блестѣли, какъ звѣзды на небѣ. Мы подбѣжали къ образу и всѣ стали на колѣни, а Джокица сталъ на колѣни передъ матерью, повернулся лицомъ къ ней, перекрестился и громко сказалъ, бѣдняга, половину „Отче нашъ“, такъ какъ онъ только это и зналъ. Потомъ онъ снова перекрестился, поцѣловалъ мать въ руку и снова сталъ глядѣть на нее. Изъ ея глазъ текли слезы. Ея взглядъ былъ направленъ и на икону, и на небо. Тамъ, высоко, было что-то, что она видѣла; тамъ былъ ея Богъ, на котораго она смотрѣла, и который смотрѣлъ на нее. По ея лицу разлилось какое-то блаженство, и мнѣ показалось, что Богъ ее благословилъ рукой, святой угодникъ улыбается, а змѣй подъ его ногами издыхаетъ. Потомъ у меня по-

*

темнѣло въ глазахъ, я припалъ къ краю ея платья и въ ея лѣвой рукѣ, которой она меня поддерживала, и повторялъ тысячу разъ:—Боже, ты видишь мою маму! Боже, смилуйся надъ тятей! А потомъ, самъ не знаю почему, я добавилъ:—Боже, убей этого Зеленбача! Долго мы такъ молились.

Потомъ мать встала, взлѣзла на скамеечку и поцѣловала святого Георгія. Сестра послѣдовала ея примѣру, а потомъ и насъ съ Джовицей подняли. Тогда и мы поцѣловали угодника. Наконецъ, мать взяла сухой пучокъ васильковъ, который находился за образомъ, опустила васильки въ стѣляночку съ освященной богоявленской водой, и что-то нашептывая, перекрестила ими комнату. Затѣмъ, она безъ шума открыла двери, на цыпочкахъ подошла къ дверямъ, ведущимъ въ большую комнату, и перекрестила ихъ васильками.

Какъ у меня тогда легко было на душѣ, какое я испытывалъ блаженство! Ничего подобнаго я уже теперь не способенъ испытать.

Едва мать успѣла перекрестить двери той большой комнаты, какъ тамъ поднялся шумъ. Ничего нельзя было понять, только Зеленбачъ крикнулъ во всю глотку:

— Кто можетъ принуждать меня еще играть? Кто?

Потомъ снова наступилъ неясный шумъ и споръ. Наконецъ, мы слышимъ, что двери открылись, раздались крики и звуки шаговъ.

Но отецъ не вошелъ въ комнату. Мы напрасно ждали его. И уже разсвѣло, мы съ Джовицей заснули, а его все еще не было.

* * *

Когда я проснулся, солнце было уже высоко. Я чувствовалъ страшную усталость, но уже не могъ заснуть. Я всталъ.

Все имѣло праздничный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальный видъ.

На дворѣ все тихо. Яркій свѣтъ льется въ комнату чрезъ открытое окно, а передъ иконой еще дрожитъ огонекъ лампы. Мать и сестра блѣдны, какъ полотно. Ихъ глаза влажны, лица точно изъ воска; онѣ ломаютъ руки, ходятъ на цыпочкахъ и ничего не говорятъ, только шепчутъ слова молитвы. Мы не завтракали, никто насъ не спрашиваетъ, не голодны ли мы, мать не посылаетъ насъ въ школу.

— Что это такое?—спрашивалъ я самъ себя.—Покойникъ у насъ въ домѣ, или, можетъ быть, дядя возвратился и его нужно снова погребать?

Вдругъ я вздрогнулъ, такъ какъ припомнилъ себѣ, что произошло прошлой ночью, и невольно прошепталъ: „Боже, смилуйся, надъ отцомъ!“ и потомъ, „Боже, убей этого Зеленбача!“.

Я обулся и вышелъ изъ комнаты. Невольно направился я къ дверямъ большой комнаты, но тотчасъ долженъ былъ остановиться, такъ какъ почувствовалъ, что мать схватила меня за руку.

Я обернулся, но она ничего не сказала, только приложила палецъ къ губамъ; затѣмъ она довела меня до дверей, ведущихъ на дворъ, и тамъ отпустила. Мать вернулась назадъ въ комнату, а я стоялъ у дверей. Я смотрѣлъ ей вслѣдъ, не понимая, что это значить.

Затѣмъ я снова пробрался на цыпочкахъ въ большой комнату и припалъ къ замочной скважинѣ.

Смотрю.

Столъ стоитъ посреди комнаты. Около него въ беспорядкѣ разставлены стулья; два или три изъ нихъ опрокинуты. На полу раскинуто множество картъ, растоптанныя и цѣлыя сигары, разбитая чашка, а изъ подъ одной карты выглядываетъ червонецъ, скатерть почти до половины стасшена со стола. По столу разбросаны карты, перевернутыя чашки, окурки и пепель. Тутъ же нѣсколько пустыхъ тарелокъ, только на одной лежитъ кучка пеплу изъ трубки. На одномъ стулѣ за столомъ, повернувшись спиной къ дверямъ, сидитъ отецъ. Онъ облокотился на столъ, подперъ руками голову и не двигался.

Я смотрѣлъ довольно долго, а онъ хоть бы шелохнулся. Я только видѣлъ, какъ его грудь тяжело подымалась и опускалась. Мнѣ приходили въ голову разные мрачныя мысли. Мнѣ, напримѣръ, казалось, самъ не знаю почему, что онъ умеръ, и я удивлялся, какъ это мертвецъ можетъ дышать. Потомъ мнѣ казалось, что его рука изъ бумаги, и что онъ не можетъ ею ударить, и вообще подобныя глупости.

Богъ знаетъ, сколько времени я смотрѣлъ бы въ замочную скважину, если бы меня снова не коснулась рука матери. Мать не сказала мнѣ ни слова, только показала своими ласковыми глазами на двери.

Самъ не знаю, почему я вдругъ снялъ шапку, поцѣловалъ у матери руку и выбѣжалъ на дворъ.

Была суббота.

Когда я вышелъ на улицу, все имѣло самый обыкновен-

ный видъ; всякій занимался своимъ дѣломъ. Крестьяне привезли хлѣбъ и овощи на базаръ. Торговцы заглядывали въ мѣшки и осматривали ягнятъ. Пандуръ *) Новакъ оралъ всю глотку, показывая мѣста для телѣтъ. Ребятишки воровали вишни. Писарь Срета ходилъ по улицамъ и читалъ бумагу, запрещающую пускать свиней на улицу.

Тривко досталъ изъ печки жаркое и кричалъ:

— Пожалуйте, горяченькое! а пьяный Йово барахтался въ лужѣ.

— Что это вапа лавка закрыта?—спросилъ меня портной Игнатъ, проходя мимо.

— Да, закрыта!—отвѣтилъ я.

— Не боленъ ли Дмитрій?

— Нѣтъ,—отвѣчаю.

— Ушелъ куда нибудь?

— На село ушелъ,—сказалъ я и побѣжалъ назадъ на дворъ.

Тамъ уже были два моихъ товарища, которыхъ учитель прислалъ спросить, почему я не былъ въ школѣ.

Только теперъ я вспомнилъ, что нужно было идти въ школу. Я взялъ книги и кусокъ хлѣба и поглядывалъ то на мать, то на товарищей.

— Скажите, дѣтки, господину учителю, что Миша не могъ придти въ школу—у него было дѣло.

Что происходило у насъ въ домѣ въпродолженіе того времени, пока я былъ въ школѣ—я не знаю... То-есть, я, собственно, знаю, такъ какъ, возвратившись, я нашелъ все въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ. Мать и сестра сидѣли, опустивъ руки на колѣни. Джовица игралъ на дворѣ. Онъ привязалъ кошеѣ въ хвосту вострюльбу и забавлялся ея прыжками.

Подмастерья шили сермяги въ своей комнатѣ, а Стоянъ завалился на сѣно и громко храпѣлъ.

Отецъ сидѣлъ по прежнему, безъ всякаго движенія.

Давно уже и къ вечернѣ отзвонили. День кончался, а въ нашихъ душахъ становилось все темнѣе, невыносимѣе, страшнѣе...

Я сѣлъ на порогѣ дома и взялъ въ руки какой-то учебникъ. Но я не читалъ его. Я видѣлъ черезъ окно блѣдное лицо матери, покоящееся на худой рукѣ. Какой-то шумъ стоялъ у меня въ головѣ, и я ни о чемъ не могъ думать.

*) Жандармъ.

Вдруг скрипнули двери. Мать отскочила от окошка. Я вздрогнул. Двери, ведущія въ большую комнату отворились и на порогѣ появился мой отецъ.

Онъ подвинулъ феску на лобъ, его усы были опущены внизъ, лицо потемнѣло и постарѣло. Но, глаза, глаза! Никакого сходства съ его прежними глазами. Тусклые, впалые, на половину закрытые вѣками, они поварачиваются медленно, смотрятъ какъ-то бессмысленно, ничего не ищутъ, ни объ чемъ не думаютъ. Точно пустота какая-то въ немъ зияетъ, какъ въ подозрной трубѣ съ разбитыми стеклами. По его лицу блуждаетъ какая-то тоскливая и вмѣстѣ съ тѣмъ ласковая улыбка, чего никогда прежде не было. Такъ улыбался мой дядя, когда его причащали передъ смертью.

Отецъ медленно прошелъ сѣни, открылъ двери въ нашу комнату, заглянулъ туда и, ничего не сказавъ, снова закрылъ двери, вышелъ на улицу и медленно направился къ дому кума Ильи.

Впослѣдствіи мнѣ рассказывалъ Тома, сынъ кума Ильи, что мой отецъ съ его отцомъ заперлись въ одной комнатѣ и объ чемъ-то долго, тихо говорили. Потомъ имъ принесли бумагу и чернила; они что-то писали, прикладывали печати, и т. д. Но что это такое было—никто никогда не узнаетъ. Въ половинѣ десятаго всѣ мы лежали уже въ постели, только одна мать сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ и устремивъ бессмысленный взоръ въ пламя свѣчки.

Вдруг скрипнули ворота, ведущія на дворъ. Мать мгновенно задула свѣчу и легла на кровать.

У меня подъ одѣяломъ сердце билось такъ, какъ будто кто-нибудь стучалъ молоткомъ въ грудь.

Открылись двери, и вошелъ отецъ. Онъ прошелся раза два по комнатѣ и затѣмъ, не зажигая свѣчи, раздѣлся и легъ. Я еще долго слышалъ, какъ онъ ворочался на кровати. Наконецъ я заснулъ.

Не знаю, сколько времени я спалъ. Наконецъ я проснулся, почувствовавъ что-то влажное на лбу. Я открылъ глаза и сталъ осматриваться. Полный мѣсяцъ смотритъ прямо въ комнату, а его лучи падаютъ на лицо моей матери. Ея глаза закрыты, лицо точно у тяжело-больного, а грудь безповойно дышитъ. Надъ ней стоитъ мой отецъ. Вперилъ взглядъ въ нее и не шелохнется. Немного спустя онъ подошелъ къ нашей кровати. Смотритъ на насъ всѣхъ, смотритъ на нашу

сестру. Потомъ остановился посреди комнаты, осмотрѣлся вокругъ и прошепталъ:

— Спать!—и самъ вздрогнулъ отъ этого шепота и точно окаменѣлъ посреди комнаты. Онъ долго стоялъ такимъ образомъ безъ всякаго движенія, и я только видѣлъ, какъ блестяли его глаза, когда онъ смотрѣлъ то на насъ, то на мать!

А мы лежимъ, и хотъ бы глазомъ моргнули.

Тогда онъ осторожно, на ципочкахъ, не спуская глазъ съ нашихъ кроватей, подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣла оружіе, взялъ оправленный въ серебро пистолетъ, спряталъ его подъ полу, надвинулъ феску на глаза и быстро, твердымъ шагомъ вышелъ на дворъ.

Но едва успѣли двери захлопнуться, моя мать поднялась съ постели. За ней поднялась и сестра. Точно духи.

Мать быстро, но осторожно направилась къ дверямъ; за ней послѣдовала и сестра.

— Останься съ дѣтьми! прошептала мать и вышла на дворъ.

Я вскочилъ и тоже побѣжалъ по направленію къ дверямъ.

Сестра схватила меня за руку, но я вырвался и сказалъ:

— Останься съ дѣтьми!

Выбѣжавъ изъ дому, я, согнувшись, добрался до плетня; прикрытый плетнемъ и вишенникомъ, доползъ до колодца и притаился за нимъ.

Ночь была чудная! Небо сіяетъ, мѣсяцъ сверкаетъ, воздухъ свѣжъ—не слышно ни звука.

Я увидѣлъ отца, какъ онъ заглянулъ въ окно мастерской и снова пошелъ дальше. Наконецъ, онъ остановился подъ навѣсомъ амбара и вынулъ пистолетъ.

Но въ то же мгновенье, не знаю откуда явилась передъ нимъ мать.

Испугался бѣдняга. Вперилъ взглядъ въ нее и поблѣднѣлъ.

— Дмитрій, братъ, господинъ мой, что это ты задумалъ?

Отецъ вздрогнулъ. Онъ стоялъ, какъ вкопанный, растеряннымъ взглядомъ смотря на мать, а его голосъ прозвучалъ точно разбитый колоколь:

— Иди, Марица, оставь меня.. Я погибъ!

— Какъ это ты погибъ, господинъ мой, Богъ съ тобой? Что ты говоришь?

— Я все спустилъ!—сказалъ онъ и развелъ руками.

— Да вѣдь все это твое собственное было.

Отецъ отступилъ на шагъ назадъ и снова посмотрѣлъ на мать.

— Да вѣдь все—все!

— Такъ что же?—отвѣчаетъ мать.

— Коня!

— Кляча, а не конь.

— И лугъ!

— Дрянной былъ!

Онъ приблизился къ матери, смотрѣлъ ей въ глаза, точно желалъ пронзить насквозь. А она стоитъ, точно Божій угодникъ.

— И домъ!—сказалъ онъ и закрылъ глаза.

— Ну такъ что же? только бы ты самъ былъ живъ и здоровъ.

— Марица!

— Дмитрій!

— Что ты говоришь, Марица?

— Я говорю: сохрани Богъ тебя и нашу дѣтвору. Не домъ и не лугъ насъ кормили, а ты—одинъ нашъ кормилецъ! Мы ни одного дня голодать не будемъ, пока ты съ нами.

Отецъ наклонился и положилъ руку матери на плечо.

— Марица,—началъ онъ,—развѣ ты?..—Онъ не договорилъ, закрылъ глаза рукавомъ и замолкъ.

Мать схватила его за руку.

— Когда мы поженились, у насъ ничего не было, кромѣ одежды и посуды, а теперь, слава Богу, полный домъ.

Я видѣлъ, какъ изъ подъ рукава отца падали слезы и блестѣли подъ лучами мѣсяца.

— А ты и забылъ, что у насъ на чердакѣ цѣлый запасъ шитарки *).

— Правда,—говорить отецъ голосомъ мягкимъ, какъ шелкъ.

Онъ вытеръ глаза рукавомъ опустилъ руку.

— А это монисто изъ червонцевъ, къ чему оно мнѣ? Зачѣмъ ему даромъ пропадать? Возьми его на разживу.

— Купимъ на это хлѣба!

— А мы сами старики, что ли? И мы здоровы, и дѣтки наши здоровы. Будемъ молиться Богу и работать.

— Какъ честные люди!

— Вѣдь ты не тунеядецъ какой-нибудь. Твоихъ рукъ я

*) Чернильные орѣшки.

не отдала бы и за весь капиталъ Параноса *), хотя бы онъ былъ вдвое болѣе богатъ, чѣмъ теперь.

— Добьемся собственнаго дома..

— И выведемъ нашихъ дѣтей въ люди, — говоритъ мать.

— И они не стануть проклинать меня послѣ моей смерти...

Съ какихъ это поръ я ихъ уже не видѣлъ!

— Пойдемъ, увидишь! — отвѣтила мать и взяла его, какъ малаго ребенка, за руку.

Въ три прыжка и я очутился въ комнатѣ.

Едва успѣлъ я шепнуть сестрѣ: лягъ! и укрыться съ головой подъ одѣяломъ, какъ они оба переступили черезъ порогъ, и въ это самое время съ колокольни донеслись первые звуки благовѣста. Громко раздавались они среди ночной тишины, потрясая наши души. И какъ вихрь уносить сухія вѣтви, такъ эти звуки уносили наши страданія и печаль...

— Сынонь, вставай, пойдемъ въ церковь!

* * *

Въ прошломъ году въ Бѣлградѣ я видѣлъ въ Топчидерѣ **) Перу Зеленбача въ арестантскомъ платьѣ. Онъ билъ щепень...

*) Извѣстный бѣлградскій богачъ.

**) Королевскій садъ, въ которомъ работаютъ арестанты.

IX-й съездъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ.

Съ 4-го по 11-е января, въ Москвѣ, происходилъ IX съездъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. Со всѣхъ концовъ Россіи съѣхались люди, или сами занимающіеся изслѣдованіями природы, или, по крайней мѣрѣ, глубоко интересующіеся естествознаніемъ. Такихъ людей собралось на этотъ съездъ 2.170 человѣкъ. На общихъ засѣданіяхъ присутствовало и того больше: громадная зала московскаго дворянскаго собранія не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ присутствовать. Здѣсь были и мужчины, и женщины, люди разныхъ возрастовъ, различныхъ социальныхъ положеній.

Чувство радостнаго удовлетворенія охватывало всякаго образованнаго человѣка при видѣ этой громадной толпы, съ такой сознательностью относящейся къ научнымъ и общественнымъ вопросамъ, съ такимъ интересомъ слѣдившей за рѣчью представителей различнѣйшихъ отраслей знанія.

Проф. К. Я. Тимирязевъ, избранный президентомъ, назвалъ съездъ «праздникомъ русской науки». «Да, это прежде всего праздникъ науки,—сказалъ онъ въ началѣ своей рѣчи,—потому, что для истиннаго ученаго праздникомъ являются не тѣ дни, которые онъ можетъ проводить въ праздности, — не тѣ часы, которые онъ проводитъ за болѣе или менѣе роскошною трапезой съ болѣе или менѣе обильными возліаніями, а тѣ дни и часы, къ сожалѣнію, очень немногочисленные, когда, вполне отрѣшившись отъ ежедневныхъ заботъ, отъ житейскихъ дрягъ, онъ можетъ всецѣло уйти въ ясную, безмятежную область чистаго знанія. Можетъ быть, скажутъ: это всего успѣшнѣе достигается въ уединеніи лабораторіи, или за письменнымъ столомъ въ ночной тиши кабинета? Конечно; но если вотъ уже нѣсколько вѣковъ ученые ощущаютъ недостаточность подобной изолированной дѣятельности, то въ наши дни, при безпримѣрномъ въ исторіи развитіи нашей науки, все громче и громче высказывается потребность возможно часто освѣжать, провѣрять свои мысли столкновеніемъ съ чужими мыслями. Если современная медицина

все болѣе и болѣе убѣждается въ грозномъ, роковомъ значеніи *contagium vivum* *), то, въ переносномъ смыслѣ, въ области мысли ничто, конечно, не сравнится съ благотворнымъ дѣйствиємъ этой живой заразы, живого слова, живой талантливой личности. Каждый изъ насъ, кому когда-нибудь выпадало счастье приходить въ непосредственное общеніе съ великими дѣятелями науки, знаетъ, какъ заразительно, какъ глубоко и неизгладимо воздѣйствіе этого благотворнаго фермента. Разносить эту благотворную заразу, прививать горячее влеченіе къ наукѣ тѣмъ, кого оно еще не коснулось, раздуть его въ тѣхъ, въ комъ еще тлѣетъ, но готово погаснуть,—вотъ главное значеніе такихъ собраній. Прибавимъ къ этому, что у насъ, при разбросанности, при сравнительной скудости умственныхъ центровъ, еще живѣе ощущается потребность отъ времени до времени подогрѣвать въ себѣ сознаніе участія въ общемъ дѣлѣ,—наглядно убѣждаться, что «не одинъ въ полѣ воинъ».

Съ этими словами проф. Тимирязева, конечно, нельзя не согласиться; просвѣтительныя, педагогическія задачи такихъ съѣздовъ всегда будутъ стоять на первомъ планѣ, но, по нашему мнѣнію, у съѣздовъ есть и другія задачи—задачи *русской* науки. Проф. Тимирязевъ называлъ съѣздъ естествоиспытателей не только праздникомъ науки, но праздникомъ *русской* науки. Мы также подчеркиваемъ это, на первый взглядъ какъ будто и ненужное здѣсь, слово — *русской* науки, но подчеркиваемъ совершенно на другихъ основаніяхъ, чѣмъ почтенный профессоръ. По нашему мнѣнію, наука должна быть русской, французской, нѣмецкой или вообще наукой *національной* только въ тѣхъ областяхъ знанія, которыя *непосредственно* соприкасаются съ жизнью и интересами *данной* страны. Въ томъ, что русскіе ученые сдѣлали болѣе всего въ области естествознанія я не вижу никакой особенной *національной* черты, а общее всей наукѣ теченіе: XIX-й вѣкъ — вѣкъ по преимуществу естествознанія, русскіе приступили къ самостоятельной научной работѣ, въ болѣе или менѣе замѣтномъ числѣ, именно въ *этомъ* вѣкѣ, поэтому ясно, что естествознаніе и явилось той областью, въ которой рѣзче всего проявилась ихъ самостоятельность.

Русской можетъ быть только та наука, которая связана съ изученіемъ русской страны и ея жизни.

И, конечно, съѣзды *русскихъ* естествоиспытателей, помимо другихъ, общихъ *всѣмъ* естествоиспытателямъ, пѣлей, должны преслѣдовать и цѣли специально *русской* науки: они должны стремиться все къ болѣе и болѣе полному и глубокому изученію Россіи

*) «*Contagium vivum*» въ медицинѣ называется зараженіе при посредствѣ живыхъ организмовъ.

и связанному съ нимъ все болѣе и болѣе и широкому распространенію естественно-историческихъ знаній въ Россіи.

На этихъ съѣздахъ должны обсуждаться вопросы, стоящіе на очереди въ дѣлѣ изученія Россіи, и выработываться наилучшіе приемы этого изученія, здѣсь представители *русской* науки должны соединяться для организаціи разнообразнѣйшихъ общихъ работъ, здѣсь ученые должны озаботиться, какъ, какими путями увеличить число работниковъ на пользу *русской* науки. Съ такой *національной* наукой согласятся, мнѣ думается, и противники націонализма, и поклонники «чистаго» знанія. Такая *національная* наука только сглаживаетъ національныя различія и только способствуетъ развитію чистой науки, давая ей массу опытнаго матеріала.

Нужно замѣтить, что наши съѣзды, хотя и не формулировали ясно своихъ задачъ относительно этой *русской* науки, но сама жизнь выдвигала запросы, и *русскіе* съѣзды естествоиспытателей оказались дѣйствительно *русскими*, такъ какъ всегда сочувственно откликались на эти запросы.

За примѣрами мы не станемъ уходить далеко и обратимся только къ VIII-му (въ 1890 г. въ Петербургѣ) и IX-му (въ 1894 г. въ Москвѣ) съѣзду русскихъ естествоиспытателей и врачей. На VIII-мъ съѣздѣ были организованы двѣ новыхъ секціи: *географическая* и *агрономическая*, причемъ учрежденіе первой «вызывалось, — по словамъ секретаря съѣзда проф. Докучаева, — также тѣмъ убѣжденіемъ, что настала пора русскимъ географамъ, столь много сдѣлавшимъ по изученію окраинъ, обратиться къ подробнѣйшему изслѣдованію внутреннихъ частей Россіи», а своевременность учрежденія агрономической секціи доказывалась тѣмъ, что «естествознаніе оказываетъ все болѣе и болѣе цѣнныя услуги сельскому хозяйству, и мысль о томъ, что коренное улучшеніе сельскохозяйственныхъ приемовъ должно искать въ средствахъ точныхъ наукъ, — все болѣе и болѣе проникаетъ въ жизнь».

На IX-мъ съѣздѣ къ этимъ новымъ секціямъ прибавлена еще болѣе жизненная, еще болѣе живая, вполне оправдывающая мое мнѣніе, что русскіе естествоиспытатели понимаютъ національность въ наукѣ именно съ той точки зрѣнія, о которой я говорилъ выше—это подсекція *статистики*.

Профессоръ А. И. Чупровъ въ своей рѣчи «Статистика, какъ связующее звено между естествознаніемъ и обществовѣдѣніемъ», произнесенной на послѣднемъ общемъ собраніи IX-го съѣзда, указалъ на то, что, когда въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Англіи возникла Британская Ассоціація для споспѣшествованія наукамъ, въ ней, рядомъ съ секціями математики и естественныхъ наукъ,

была открыта и секція статистики, продолжающая дѣйствовать и по настоящее время. Эти факты уже указываютъ на связь статистики съ естествознаніемъ, но въ пользу того же могутъ быть приведены и непосредственныя доказательства. Многія естественныя науки (напр., метеорологія, антропологія) немислимы безъ широкаго примѣненія статистическаго метода. Но методъ этотъ становится еще болѣе неизбѣжнымъ при изученіи явленій общественныхъ, гдѣ онъ одинъ только и позволяетъ, при помощи закона большихъ чиселъ и теоріи вѣроятностей, уяснить точнѣе смыслъ явленій и установить ихъ взаимную зависимость. Статистика даетъ матеріалъ, на основаніи котораго долженъ дѣйствовать законодатель; она же служитъ самымъ важнымъ способомъ для провѣрки плѣсообразности введеннаго закона. Но статистика болѣе, чѣмъ какая-либо другая отрасль знаній, нуждается въ коллективномъ трудѣ многихъ, нуждается въ общеніи ея дѣятелей для обмѣна мыслей и составленіи методовъ наблюденія. Отсюда настоятельная необходимость сѣздовъ, способныхъ существенно вліять на объединеніе и болѣе правильную организацію статистическихъ изслѣдованій.

Изъ различныхъ постановленій сѣздовъ отмѣняющихъ это же живое отношеніе русскихъ естествоиспытателей къ русской дѣятельности укажемъ на слѣдующія VIII-го сѣзда: *объ организаціи всесторонняго естественно-историческаго, физико-географическаго и сельскохозяйственнаго изслѣдованія С.-Петербурга и его окрестностей, о болѣе правильномъ устройствѣ на будущиxъ сѣздахъ научныхъ выставокъ и демонстрацій, объ организаціи ежегодныхъ экскурсій съ студентами университетовъ и учителями въ наиболее интересныя въ естественно-историческомъ и географическомъ отношеніи мѣстности Россіи, ходатайство объ изученіи вопроса о вліяніи распахки и обмѣсенія овраговъ на содержаніе влаги въ почву и на полевою культуру, объ учрежденіи первоначальной и основной стѣти агрономическихъ станцій и т. д.* IX сѣздъ проявилъ, пожалуй, еще болѣе жизненности въ своихъ постановленіяхъ, изъ которыхъ остановимся на слѣдующихъ: *ходатайствовать о скорѣйшемъ открытіи женскихъ врачебныхъ курсовъ, о разрѣшеніи сбора на нихъ пожертвованій и о введеніи преподаванія гигиены въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ.* Последнее предложеніе было внесено секціей гигиены, вслѣдствіе доклада *К. И. Туманскаго*, который указывалъ на ту важную роль, которая волей-неволей падаетъ на техника въ вопросахъ народнаго здравія, и на то, что, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ техника не обладаютъ необходимыми гигиеническими знаніями.

Кромѣ того, распорядительнымъ комитетомъ IX-го съѣзда было принято предложеніе подсекціи статистики о желательности учрежденія *мѣстныхъ обществъ для изученія природы и населенія*. Последнее предложеніе намъ представляется необычайно важнымъ: мы думаемъ, что дѣйствительно только тогда пойдетъ быстро впередъ изученіе Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и связанное съ нимъ просвѣщеніе ея, когда къ этому изученію будутъ привлечены мѣстныя силы ихъ, не мало; уже на этомъ съѣздѣ мы видѣли многихъ любителей-провинціаловъ, которые дѣлали весьма цѣнныя научныя сообщенія, а между тѣмъ они живутъ вдали отъ университетскихъ центровъ и предоставлены только собственнымъ силамъ. Въ такихъ условіяхъ могутъ работать только единицы—наиболѣе выдающіяся, наиболѣе сильныя и талантливыя люди,—а массы лицъ болѣе слабыхъ, которыя все же могли бы сослужить большую службу въ дѣлѣ изученія и просвѣщенія родного края, бездѣйствуютъ, такъ какъ они не герои, а толпа—средніе люди, которые могутъ работать только тогда, когда есть живой примѣръ, когда кругомъ ихъ идетъ работа, когда они знаютъ, что не одни.

Будемъ надѣяться, что когда наши временныя съѣзды, иногда отдѣленные другъ отъ друга промежуткомъ въ 5, 6 и даже 7 лѣтъ, превратятся, наконецъ, въ ежегодныя, когда будетъ осуществленъ давно уже обсуждаемый проектъ ассоціаціи русскихъ естествоиспытателей, то эти, пока дремлющія, мѣстныя силы получатъ возможность соединиться и работать дружными соединенными силами на пользу своей родины,—тогда, думается намъ, интересы *русской науки и жизни* станутъ еще болѣе близки нашимъ естествоиспытателямъ.

Мы не станемъ останавливаться подробно на трудахъ каждой секціи: это не имѣетъ общаго интереса, такъ какъ преобладающая масса сообщеній носила слишкомъ специальный характеръ. Не можемъ только не отмѣтить того явленія, что секціями, наиболѣе богатыми по численности сообщеній, являлись тѣ, которыя наиболѣе тѣсно связаны съ жизнью, а именно, географія съ статистикой 65, физика съ метеорологіей (главнымъ образомъ, послѣдняя)—61 сообщеніе, агрономія—48, всего 174; на всѣ же остальные секціи приходится немногимъ только больше—190 сообщеній. Это еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль, что съѣзды естествоиспытателей, являясь важными и для «чистой» науки, наибольшее значеніе имѣютъ для людей, занимающихся прикладнымъ естествознаніемъ, или, что то же, да простятъ мнѣ нововведеніе, *національною наукою*.

Отмѣтимъ только характерныя черты научныхъ сообщеній на отдѣльныхъ секціяхъ. На химической секціи преобладали доклады

по органической химіи, еще лишній разъ иллюстрируя, что на изученіе сложныхъ соединеній углерода устремлены главныя силы современныхъ работниковъ этой науки, по вопросамъ физической химіи доминировалъ модный теперь вопросъ о растворахъ, какъ на секціи химіи, такъ, главнымъ образомъ, и на секціи физики; на послѣдней же вообще преобладающими были доклады, касающіеся различныхъ явленій электричества, что, конечно, тоже совпадаетъ съ современнымъ напряженіемъ научныхъ силъ въ этой области знаній.

На послѣднемъ общемъ засѣданіи президентъ съѣзда, проф. *Тимирязевъ*, подчеркнул, что удачѣ съѣзда много способствовали хорошо устроенныя выставки, демонстраціи и опыты, и особенно выдѣлил секцію физики, гдѣ, благодаря завѣдывавшему ею проф. *Стольтову*, была произведена масса интересныхъ опытовъ. Двухтысячная толпа, наполнявшая залу, покрыла эти слова проф. *Тимирязева* громомъ рукоплесканій по адресу проф. *Стольтова*, — толпа указывала этимъ, что она, съ своей стороны, подчеркиваетъ громадное педагогическое значеніе съѣздовъ. И, дѣйствительно, опыты, произведенные въ физическомъ кабинетѣ Московскаго университета, были весьма интересны и поучительны; укажемъ на воспроизведеніе классическихъ опытовъ Гертца, являющихся блестящимъ доказательствомъ того, что электричество есть такая же форма лучистой энергіи, какъ свѣтъ и теплота, опыты съ сильными прерывистыми токами, опыты съ электрическими разрядами въ трубкахъ безъ электродовъ, диффракціонные спектры и т. д.

Зоологія, ботаника и геологія являются науками, которыя въ общемъ не носятъ уже такого космополитическаго характера, какъ физика и химія, въ нихъ болѣе или менѣе сильны тѣ національныя черты, о которыхъ мы говорили выше, и поэтому такое полное господство какого-нибудь отдѣла науки, или даже какого-нибудь отдѣльнаго вопроса, выдвинутаго въ данный моментъ историческимъ ходомъ развитія науки, здѣсь, въ этихъ наукахъ, не имѣетъ уже такого значенія; общій ходъ развитія науки затемняется, затупевывается мѣстными, національными условіями и требованіями; въ математикѣ, астрономіи, физикѣ и химіи господиномъ положенія является одно время, — въ наукахъ съ національнымъ характеромъ: время и мѣсто. Но, конечно, и въ этихъ областяхъ знанія существуютъ цѣлыя отдѣлы, гдѣ условія мѣстныя, національныя не оказываютъ почти никакого вліянія: это физиологія, гистологія, эмбриологія и сравнительная анатомія, и отчасти нѣкоторые отдѣлы геологіи, здѣсь доминируютъ тѣ же запросы общаго, интернаціональнаго знанія, какъ въ физикѣ, или химіи, но запросы ихъ.

не такъ стройны и опредѣленны, какъ въ послѣднихъ, въ выборѣ работъ здѣсь нельзя подмѣтить той желѣзной послѣдовательности, каковую мы наблюдаемъ въ физикѣ и химіи. Останавливаясь на этихъ отрасляхъ знанія (физиологія, гистологія и т. д.) мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что сообщенія по нимъ носили слишкомъ спеціальныи характеръ; не можемъ не указать только на тотъ пріятный фактъ, что даже и по этимъ дѣламъ науки, было много докладовъ, касающихся изученія строенія, жизни и способовъ размноженія многихъ вредныхъ животныхъ, насѣкомыхъ и паразитовъ, водящихся въ Россіи; таковы доклады проф. *Холодковскаго*—о насѣкомыхъ пыльщикахъ, г. *Гурина*—о паразитахъ убойнаго скота, г. *Васильева*—о размноженіи грызуновъ-сусликовъ, *М. С. Воронина*—о паразитныхъ грибахъ, такъ-называемыхъ склеротиніяхъ, изъ которыхъ одинъ заражаетъ черемуху, а другой—рябину, *С. Г. Навашина*— о тѣхъ же паразитныхъ грибахъ богульника и ольхи и нѣкот. друг.

Исслѣдованія фауны и флоры Россіи, какъ видно изъ сообщеній, сдѣланныхъ на этомъ съѣздѣ, касались, главнымъ образомъ, Крыма, Кавказа и Чернаго моря, т.-е. опять-таки, къ сожалѣнію, болѣе окраинъ, чѣмъ центральныхъ частей Россіи.

По вопросамъ геологіи очень много времени было посвящено новѣйшимъ, главнымъ образомъ, ледниковымъ образованіямъ Россіи, что, конечно, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что русскіе геологи за послѣднее время особенно заинтересовались этимъ вопросомъ. Очень интересный фактъ сообщилъ проф. Армашевскій о нахожденіи въ валунныхъ пескахъ Кіева рядомъ съ костями мамонта до-историческихъ кремневыхъ отбивныхъ орудій. Это наиболѣе древнее нахожденіе издѣлій человѣка въ Россіи, оно можетъ быть параллелизировано съ наиболѣе древними находками слѣдовъ человѣка, извѣстными въ Западной Европѣ.

Сообщенія въ секціи географіи, антропологіи и этнографіи, какъ то и слѣдовало ожидать, касались, главнымъ образомъ, Россіи и ея изученія. Изъ таковыхъ укажемъ на сообщеніе проф. *Кротова* «*Вятскій уваль*» и сообщеніе *М. П. Рудскаго* о періодическомъ измѣненіи уровня нашихъ лимановъ. У насъ на югѣ Россіи находится цѣлый рядъ прибрежныхъ озеръ, называемыхъ лиманами, которые, по общераспространенному мнѣнію, будто усыхаютъ. Но прямыхъ доказательствъ усыханія лимановъ нѣтъ, зато есть факты, несомнѣнно доказывающіе, по мнѣнію г. Рудскаго, что уровень этихъ лимановъ подверженъ періодическимъ измѣненіямъ, напр., Куяльницкій лиманъ около Одессы. Въ будущемъ лиманамъ, по мнѣнію докладчика, грозитъ гибель отъ занесенія наносами.

Въ подсекціи метеорологіи чуть ли не большая часть времени была посвящена вопросамъ организаціоннымъ и, если можно такъ выразиться, вопросамъ пропаганды о необходимости метеорологическихъ наблюденій для различныхъ областей народной жизни. Въ этомъ отношеніи особенно много поработалъ петербургскій проф. А. И. Воейковъ; онъ посвятилъ этому вопросу много рѣчей и сообщеній. Мы приведемъ здѣсь въ краткихъ чертахъ его рѣчь, касающуюся постепеннаго развитія метеорологіи въ Россіи.

Метеорологическія наблюденія начались у насъ при Петрѣ I въ Петербургѣ, гдѣ съ этого времени велись уже непрерывныя записи вскрытій рѣки Невы, а отчасти и наблюденія надъ температурой. При Екатеринѣ II метеорологическія наблюденія стали производиться и въ Сибири. Особенною ревностью по пропагандѣ метеорологіи въ Россіи, главнымъ образомъ, для пользы сельскаго хозяйства, отличался въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстный В. Н. Каразинъ (основатель Харьковскаго университета), подавшій Императору Александру I особую подробную записку по этому поводу; записка эта, къ сожалѣнію, осталась безъ послѣдствій. Въ 1829 г., послѣ посѣщенія Россіи А. фонъ-Гумбольдтомъ, докладывавшимъ Императору Николаю Павловичу о желательности произведенія въ Россіи магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій, были устроены первыя наблюдательныя станціи. Въ 1849 г. была учреждена главная физическая обсерваторія въ Петербургѣ. Значительный толчекъ дѣлу былъ данъ географическимъ обществомъ, основавшимъ въ своей средѣ, въ началѣ 70-хъ годовъ, метеорологическую комиссію, которая, хотя, послѣ первыхъ лѣтъ оживленной дѣятельности, стала-было замирать, но затѣмъ въ 80-хъ годахъ снова усилила свою дѣятельность и основала журналъ «Метеорологическій Вѣстникъ». Существенное содѣйствіе дѣлу метеорологическаго изученія Россіи было оказано областными сѣтями метеорологическихъ станцій, особенно юго-западною, организовавную проф. Кюссовскимъ въ Одессѣ, затѣмъ — Придѣпровскою, организовавную проф. Броуновымъ въ Кіевѣ, наконецъ, болѣе мелкими и рѣдкими сѣтями—Уральскою, Нижегородскою, Полтавскою, Крымскою и др. Ораторъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы въ Россіи возникло метеорологическое общество, которое получило бы возможность широкаго развитія при помощи субсидіи отъ правительства.

Секція агрономіи была одной изъ наиболѣе оживленныхъ и людныхъ; сообщенія касались какъ самыхъ разнообразѣйшихъ вопросовъ сельскаго хозяйства, такъ и научнаго почвовѣдѣнія и почвенной картографіи.

Остановимся на слѣдующихъ общинтересныхъ докладахъ по агрономіи.

П. И. Карамзинъ сдѣлалъ сообщеніе «объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства». По мнѣнію докладчика, крестьянское хозяйство во всѣхъ своихъ видахъ находится въ крайне неприглядномъ состояніи; особенно плохи сѣмянное хозяйство и скотоводство. Но крестьянское хозяйство имѣетъ громадное государственное значеніе, и потому весьма желательно возможно полное изученіе его и улучшеніе при помощи тѣхъ или иныхъ мѣръ. Среди такихъ мѣръ докладчикъ намѣчаетъ слѣдующія: привлеченіе крестьянъ на сельскохозяйственныя выставки, какъ въ качествѣ экспонентовъ, такъ и въ качествѣ посѣтителей, продажи крестьянамъ по возможно дешевой цѣнѣ сѣмянъ и животныхъ и нѣкотор друг.

Конечно, нельзя сказать, чтобы эти «мѣры» являлись особенно существенными и важными, но отрадно уже и то, что на засѣданіяхъ научной агрономіи, доселѣ почти исключительно занимавшейся вопросами, связанными съ крупнымъ хозяйствомъ, начинаютъ проникать вопросы, касающіеся крестьянскаго хозяйства.

П. А. Вихляевъ сдѣлалъ докладъ «о ростѣ русскихъ лошадей». Изъ этого доклада выяснилось, что величина крестьянскаго надрѣла вліяетъ на ростъ крестьянской лошади. Оказывается, что въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне владѣютъ надрѣломъ меньше средняго, ростъ лошадей выше. Это, на первый взглядъ странная, законсообразность объясняется, по мнѣнію докладчика, тѣмъ, что, съ уменьшеніемъ надрѣла, исчезаетъ среднее крестьянское хозяйство (съ 1 и 2 лошадьми) и появляются, съ одной стороны, *безлошадныя хозяйства*, съ другой—*многолошадныя и многоземельныя* хозяйства, послѣднія же, конечно, въ силахъ лучше кормить и ходить за лошадьми и потому выработывать лучший типъ лошади, который сказывается также и въ увеличеніи роста.

Остановимся еще на сообщеніи *В. А. Бертенсона* «объ учрежденіи сельскохозяйственно-біологическихъ станцій». Сельское хозяйство въ Россіи несетъ неисчислимыя потери отъ вредной дѣятельности разнаго рода животныхъ и грибныхъ паразитовъ. Мѣры борьбы съ нимъ, въ сущности, не изучены. Производимыя наблюденія надъ жизнью животныхъ и изученіе мѣръ борьбы носятъ случайный характеръ. Для правильной постановки вопроса необходимо, по мнѣнію докладчика, энтомологическія станціи, которыя обратили бы особое вниманіе на борьбу съ вредными животными при посредствѣ низшихъ организмовъ. Жизнь выдвинула, кромѣ вопросовъ борьбы съ паразитами, еще и другіе вопросы, представляющіе особый интересъ для сельскаго хозяйства юга. Это вопросы правильнаго и соответствующаго мѣстнымъ условіямъ воспитанія шелковичнаго червя, пчелы, вопросы озернаго и прудоваго рыбо-

*

водства, вопросы о вредныхъ и полезныхъ для земледѣлія птицахъ и т. д. Для изученія какъ этихъ вопросовъ, такъ и вопросовъ энтомологическихъ желательнo учрежденіе *сельскохозяйственныхъ биологическихъ станцій*.

Прибавимъ къ этому, что вопросъ о такихъ станціяхъ возбуждался уже давно, нѣсколько разъ, но онъ, по нашему мнѣнію, до тѣхъ поръ будетъ оставаться въ области благихъ пожеланій, пока у насъ, въ Россіи, не организуются вообще *мѣстныхъ обществъ* для изученія природы и жизни даннаго края.

Секція научной медицины носила слишкомъ спеціальный характеръ. Изъ общинтересныхъ докладовъ, укажемъ на сообщеніе доктора *М. К. Барсова* «О разницѣ въ развитіи мускулатуры мальчиковъ и дѣвочекъ». Д-ръ Барсовъ предложилъ для измѣренія силы мышцъ придуманный имъ аппаратъ, съ которымъ онъ и предпринялъ рядъ изслѣдованій по вопросу о физическомъ развитіи дѣтей. Результатъ одного изъ такихъ изслѣдованій и представляетъ настоящій докладъ. Изъ наблюденій надъ 25-ю мальчиками и столькими же дѣвочками, принадлежащими къ разнымъ слоямъ общества, оказалось, что сила мальчиковъ относится въ общемъ къ силѣ дѣвочекъ, какъ 5 : 4; приростъ силы у дѣвочекъ совершается гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ у мальчиковъ, у которыхъ, кромѣ того, замѣчается съ 13-лѣтняго возраста рѣзкій скачекъ въ развитіи силы. Спинныя мышцы у дѣвочекъ гораздо слабѣе развиты (въ 1½ раза), чѣмъ у мальчиковъ. Большая шаловливость и склонность къ движеніямъ у мальчиковъ объясняется физиологической потребностью сильнѣе развивающихся мышцъ, и потому необходимо дать благопріятный исходъ этой потребности, хотя бы введеніемъ ремеслъ въ программу преподаванія...

Кажется, нѣтъ такого вопроса русской статистики, который не былъ бы затронутъ подсекціей статистики IX-го съѣзда естествоиспытателей и врачей. Въ ея занятіяхъ принимало участіе 86 человекъ изъ 16 губерній.

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ докладовъ принадлежалъ *Н. Ѳ. Анненскому* и касался «земскаго кадастра и земской статистикѣ».

Основная мысль докладчика заключается въ указаніи на необходимость предпослать выработкѣ основаній оцѣнки земель сплошное статистическое изслѣдованіе мѣстнаго земельного хозяйства. Это изслѣдованіе должно обнимать не только данныя о доходности хозяйствъ, требующіяся непосредственно для оцѣнки, но должно доставить матеріалы и о самихъ факторахъ доходности, — факторахъ естественныхъ (почвы и климата) и общественныхъ (населенія,

формахъ землевладѣнія и землепользованія, условіяхъ хозяйства, результатахъ его урожая, а также объ условіяхъ потребленія и сбыта его продукта).

Капитальный вопросъ былъ выдвинуть *Л. Н. Марессомъ* въ сообщеніи «о методахъ статистическаго изслѣдованія продовольствія населенія». Русская статистика до сихъ поръ почти совсѣмъ не занималась вопросами народнаго потребленія. Въ этомъ направленіи лишь въ послѣдніе годы произведены нѣкоторыя работы, изъ которыхъ важнѣйшей является изслѣдованіе воронежскихъ земскихъ статистиковъ по нѣсколькимъ уѣздамъ этой губерніи. Докладчикъ привелъ нѣкоторые наиболѣе интересные выводы этого изслѣдованія и изложилъ свой взглядъ на методъ подобнаго рода работу. По его мнѣнію, необходимы изслѣдованія бюджетовъ въ отдѣльныхъ, наиболѣе типичныхъ хозяйствахъ. Что касается самой программы изслѣдованія, то, по мнѣнію докладчика, въ виду сложности предмета, по крайней мѣрѣ, на первое время слѣдовало бы ограничиться немногими, наиболѣе важными пунктами вопроса о народномъ потребленіи, преимущественно тѣми, которые касаются пищевого довольствія населенія.

Но, можетъ быть, наиболѣе интереснымъ съ методологической точки зрѣнія являлся докладъ проф. *А. И. Чупрова* «О монографическомъ описаніи отдѣльныхъ селеній, какъ способъ дополненія и подновленія основныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій». Проф. Чупровъ полагаетъ, что такое описаніе можетъ отчасти замѣнить собою сплошное массовое изслѣдованіе при томъ условіи, если описываемыя селенія будутъ выбираться по строго обдуманному плану, обеспечивающему типичность данныхъ единицъ для того района, къ которому онѣ относятся. Особенно удобно примѣнить этотъ приѣмъ для изученія тѣхъ мѣстностей, гдѣ раньше были произведены основныя земско-статистическія изслѣдованія.

На другихъ сообщеніяхъ и работахъ различныхъ секцій IX-го съѣзда въ виду ихъ специальности мы останавливаться не будемъ.

Читателю, вѣроятно, интересно будетъ познакомиться съ тѣми общими вопросами естествознанія, которые были затронуты на этомъ съѣздѣ. Нужно отдать полную справедливость нашимъ ученымъ: предметомъ ихъ рѣчей являлись не только основныя вопросы естествознанія, но и такіе вопросы, которые врѣзаются вглубь нашей психической и даже общественной жизни. Къ сожалѣнію мы можемъ коснуться этихъ рѣчей только въ самыхъ краткихъ чертахъ. О рѣчи проф. Чупрова мы уже говорили. Уважаемый профессоръ обратилъ вниманіе на связь естествознанія съ обществовѣдѣніемъ и звеномъ, скрѣпляющимъ эту связь, выставилъ статистику.

Но точныя науки связаны съ общественной жизнью не только общими методами изученія, не только тѣми техническими усовершенствованіями, которыя онѣ вносятъ въ жизнь общества и тѣмъ видоизмѣняютъ послѣднюю самымъ кореннымъ образомъ, нѣтъ, въ настоящее время только точныя науки могутъ дать исходныя точки, скажемъ даже больше—основаніе, фундаментъ для построенія болѣе или менѣе стройнаго міросозерцанія. Изъ того, что до сихъ поръ не явилось еще общепризнаннаго міросозерцанія, не слѣдуетъ, что исходныхъ точекъ слѣдуетъ искать не въ точныхъ наукахъ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ глубинахъ метафизики,—нѣтъ, тамъ мы не нашли мира и не найдемъ ничего, кромѣ произвола.

Вотъ этихъ-то фундаментальныхъ вопросовъ нашего знанія,—вопросовъ мышленія, познанія и чувства и касались рѣчи профессоровъ *Съченова* и *Данилевскаго*. Нашъ знаменитый фізіологъ *И. М. Съченовъ* озаглавилъ свою рѣчь: «О предметномъ мышленіи съ фізіологической точки зрѣнія». Ораторъ подвергъ анализу только наипростѣйшія формы мысли, которыя свойственны, въ извѣстныхъ предѣлахъ, даже животнымъ; какъ видно уже изъ самого заглавія, рѣчь касалась только мышленія предметами внѣшняго міра, воспринимаемыми органами чувствъ. Безконечное разнообразіе мыслей профессоръ подводитъ подъ одну общую для всѣхъ народовъ и временъ формулу *трехчленнаго предложенія*, состоящаго изъ *подлежащаго, сказуемаго и связки*.

Въ предметной мысли подлежащему и сказуемому всегда соотвѣтствуютъ какіе-нибудь реальные факты, воспринимаемые нашими чувствами изъ внѣшняго міра. Но третій членъ предложенія *связка* лишена, обыкновенно, предметнаго характера, «она выражаетъ отношеніе, связь, зависимость между подлежащимъ и сказуемымъ». Но всѣ мыслимыя отношенія между предметами внѣшняго міра можно подвести въ настоящее время подъ три главныхъ категорій: *совмѣстное существованіе, послѣдованіе и сходство*. Первой изъ этихъ формъ соотвѣтствуютъ пространственныя отношенія, а второй — преимство во времени. И о пространственныхъ отношеніяхъ и о послѣдовательности во времени мы можемъ судить, по мнѣнію проф. *Съченова*, только на основаніи данныхъ нашего *мышечнаго чувства*. Когда человѣкъ разсматриваетъ окружающіе его предметы, то принужденъ поворачивать въ разныя стороны глаза и голову, эти-то повороты и даютъ сознанію свѣдѣніе о положеніи разсматриваемой точки относительно той, которая разсматривалась раньше, они являются какъ бы углобрами нашего сознанія. Но это же мышечное чувство указываетъ намъ не только простран-

ственные отношенія различныхъ предметовъ, при помощи его мы можемъ также судить и о *скорости*, съ которой происходитъ поворотъ, напр., о быстротѣ полета птицы мы можемъ судить изъ скорости перемѣщенія глазъ и головы вслѣдъ за летящей птицей.

Въ актѣ же сопоставленія предметовъ мысли *по сходству* дѣятелями являются *органы памяти*.

Проф. *Съченковъ* утверждаетъ, что корень умственной жизни лежитъ въ памяти. Память регистрируетъ показанія всѣхъ чувствъ, она въ идеальномъ порядкѣ хранитъ эти впечатлѣнія въ теченіе всей жизни. «Когда у человѣка реальное впечатлѣніе отъ какого-либо предмета повторяется, положимъ, въ тысячный разъ, въ сознаніи его являются рядомъ реальное впечатлѣніе данной минуты и воспоминаніе о немъ—происходитъ сопоставленіе по тождеству, и результатомъ является то душевное движеніе, которое мы называемъ узнаваніемъ предмета. Это есть наипростѣйшая форма мысли, свойственная даже животнымъ, форма, съ которой начинается умственная жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы не обладали памятью, то не узнавали бы предметовъ, и они, со всѣми ихъ признаками, вѣчно оставались бы для насъ незнакомою вещью; а мыслить можно только знакомыми предметами.

Какъ бы дополненіемъ рѣчи проф. *Съченова* является рѣчь проф. *Данилевскаго* «Чувство и жизнь». Основная идея ея заключается въ томъ, что чувство, являющееся подъ влияніемъ внѣшнихъ воздѣйствій и вызываемыхъ ими впечатлѣній, какъ бы дополняетъ разумъ, который, увлекаясь односторонними доводами и умозаключеніями, можетъ приходить иногда къ крупнымъ заблужденіямъ. Чувство заставляетъ человѣка стремиться къ удовлетворенію своихъ потребностей; къ извѣстному идеалу, тѣмъ болѣе высокому, чѣмъ выше вообще умственное и нравственное развитіе индивидуума и общества. Стремленіе къ идеалу предполагаетъ прогрессъ, и что бы ни говорилъ холодный разумъ о тщетности человѣческихъ усилій достигнуть совершенства и счастья для личности и общества, чувство не перестанетъ толкать человѣка по направленію къ идеалу, такъ какъ такое стремленіе заложено въ его организаціи.

Перейдемъ теперь къ *крайне* оригинальной рѣчи *А. А. Колли*. Заглавіе ея: «Роль микроорганизмовъ съ химической точки зрѣнія» совсѣмъ не обѣщала этой оригинальности.

На микроорганизмы проф. *Колли* смотритъ, просто, какъ на бѣлковыя химическія частицы; на это указываетъ, по его мнѣнію, величина бактерій, весьма близкая къ величинѣ молекулы бѣлковаго вещества, противъ этого не говоритъ ни одинъ изъ фактовъ,

извѣстныхъ намъ о бактеріяхъ: громадное количество ихъ видовъ (650) объясняется тѣмъ, что бѣлковыя вещества, какъ сложнѣйшія, должны являться, и, дѣйствительно, являются въ огромномъ количествѣ видоизмѣненій, отличающихся болѣе или менѣе значительнымъ отклоненіемъ свойствъ», процессы размноженія бактерій подводятся проф. Колли подъ аналогичныя, чисто-физическія процессы распада или уплотненія вещества болѣзненныя явленія, являющіяся слѣдствіемъ вторженія въ нашъ организмъ, по мнѣнію оратора, объясняются также чисто химическими реакціями. Въ микроорганизмахъ процессы окисленія идутъ особенно интенсивно, поэтому, попадая въ посторонній высшій организмъ, они весьма энергично отнимаютъ у него кислородъ; съ другой стороны, бѣлки въ высшей степени владѣютъ способностью къ гидролизу, т.-е. вызываютъ процессы присоединенія, или отнятія воды. Понятно, что такіе рѣзкія химическія пертурбаціи должны нарушить нормальныя жизненныя процессы организма, въ который вторглись бактерии—и организмъ заболѣваетъ.

Мы не станемъ вдаваться въ подробную критику положеній проф. Колли, скажемъ только, что теперь, когда видовая индивидуальность бактерій основывается не только на различіи въ ихъ формѣ, но также и на различіи химическихъ процессовъ, которые они производятъ, отрицать эту индивидуальность и сводить все на химию, по нашему мнѣнію, слишкомъ смѣло, также смѣло объясняютъ движеніе микроорганизмовъ аналогіей съ нѣсколькими фактами, взятыми изъ неорганизованнаго міра и объясняющимися напряженіемъ жидкихъ поверхностей.

Очень близкаго вопроса касалась рѣчь *С. Н. Виноградскаго*, трактовавшая «о круговоротѣ азота въ природѣ». Мы не станемъ передавать содержанія этой рѣчи и остановимся только на томъ новомъ фактѣ громадной важности, который *А. Н. Виноградскій* впервые сообщилъ въ своей рѣчи. Ему удалось, повидимому, съ несомнѣнностью доказать, что *азотъ поглощается почвой прямо изъ воздуха*, что поглотителемъ азота является особый анаэробный микробъ, но что это поглощеніе, или, какъ выражаются, *ассимиляція атмосфернаго азота возможна только въ субстратъ, или совершенно лишенномъ азотистыхъ соединений, или очень бѣдномъ ими.*

Всѣ приведенныя нами рѣчи касались явленій организованнаго міра, трактовали о жизни и ея проявленіяхъ, теперь мы перейдемъ къ такъ называемой мертвой природѣ. Процессы этой «мертвой» природы затронуты были въ рѣчахъ академикомъ *Н. Н. Бекетова* и *А. П. Карпинскаго*. Рѣчь перваго изъ нихъ была оза-

главлена: «Химическая энергія въ природѣ». Мы приведемъ основныя мысли этой рѣчи.

Главными носителями химической энергіи являются кислородъ, углеродъ и углеродистыя соединенія. Количество кислорода въ атмосферѣ ограничено: столбъ воздуха надъ одной квадратной саженью земной поверхности заключаетъ его, приблизительно, около 600 пудовъ, и этого количества хватило бы не болѣе, какъ на 2.000 лѣтъ для всѣхъ процессовъ, совершающихся на земной поверхности и связанныхъ съ переходомъ кислорода въ другія соединенія. Количество углерода не можетъ быть опредѣлено съ точностью, такъ какъ, кромѣ каменнаго угля, нефти, лѣсовъ, возможно, что въ глубинахъ земли находятся еще громадныя количества углеродныхъ металловъ. Какъ бы то ни было, и кислородъ, и углеродъ, вступая въ соединенія и производя теплоту и работу, тѣмъ самымъ уменьшаютъ количество химической энергіи въ природѣ, которая возмѣщается лишь благодаря дѣятельности растений, поглощающихъ, какъ извѣстно, углекислоту изъ воздуха подъ вліяніемъ свѣта, и выдѣляющихъ кислородъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ образующихъ новые источники энергіи въ углеродистыхъ соединеніяхъ своего организма. Главнымъ источникомъ энергіи служитъ для насъ солнце и проводникъ его лучей, невѣсомый эфиръ. Въ обмѣнѣ между вѣсомымъ тѣломъ, землей, и невѣсомымъ, эфиромъ, и заключается главный источникъ постоянно возобновляющейся на землѣ химической энергіи.

Акад. *А. П. Карпинскій* трактовалъ о болѣе частномъ вопросѣ, именно «о колебаніяхъ уровня Европейской Россіи въ различнѣйшія геологическія эпохи».

Во всѣхъ предъидущихъ рѣчахъ, не смотря на разнообразіе затронутыхъ вопросовъ, мы все же видимъ одно, общее всѣмъ имъ, начало: всѣ онѣ въ основу нашего познанія кладутъ напередъ вѣщія воспріятія и разработку науки основываютъ на опытѣ и наблюденіи.

Рѣчь проф. *В. Я. Цингера*, озаглавленная: «Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи» является диссонансомъ среди этого въ общемъ довольно стройнаго хора ученыхъ, не смотря на свое безобидное заглавіе «Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи». Проф. Цингеръ видитъ недоразумѣніе въ томъ, что признаютъ возможнымъ, или, лучше сказать, цѣлесообразнымъ строить новую геометрію, не основывая ее на двѣнадцати аксіомахъ и трехъ постулатахъ Эвклида; эта, такъ наз., мнимая геометрія или ученіе о непрерывныхъ многообразіяхъ, можетъ быть развита при помощи математическаго анализа, но въ то же время она не-

доступна человѣческому представленію. Причиной такого недоразумѣнія авторъ считаетъ преувеличенное значеніе, придаваемое эмпиризму, опыту, при помощи котораго думали даже доказать вѣрность геометрическихъ аксіомъ. Но эти аксіомы суть продукты не опытнаго, а умозрительнаго знанія, не требующія доказательствъ и связанныя съ представленіемъ о пространствахъ. Г. Цингеръ выразилъ мнѣніе, что и въ наукахъ о природѣ нельзя основываться лишь на данныхъ опыта и математическаго анализа: они способны сами по себѣ привести въ безвыходный лабиринтъ формальныхъ умозаключеній; нѣтъ, и здѣсь должно руководиться высшимъ свѣтомъ умственного анализа, пользуясь опытомъ и наблюденіемъ только какъ матеріалами для сравненія и провѣрки. Идеалы знанія, какъ и идеалы красоты, добра, правды, не могутъ быть основаны на эмпиризмѣ; они зиждутся на духовныхъ основахъ, лежащихъ внѣ области опыта, и тѣсно связаны съ признаніемъ высшего духовнаго начала.

Вдаваться въ разборъ этой научной лирики мы считаемъ здѣсь неумѣстнымъ.

Не можемъ только не упомянуть о весьма интересномъ, вѣроятно, случайномъ совпаденіи: въ срединѣ рѣчи Цингера на эстрадѣ появился нашъ маститый писатель Л. Н. Толстой въ своемъ обычномъ костюмѣ—блузѣ, перехваченной тонкимъ ремнемъ. Когда по окончаніи рѣчи проф. Цингера и возобновеніи засѣданія послѣ небольшого перерыва Левъ Николаевичъ снова появился на эстрадѣ, но уже въ первыхъ рядахъ, среди выдающихся русскихъ естествоиспытателей, вся громадная зала задрожала отъ рукоплесканій и восторженныхъ криковъ. Многие думали, что гениальный русскій писатель говоритъ о примиреніи съ наукой и ея представителями, на которыхъ онъ такъ долго и такъ упорно нападалъ.

Мы развернули передъ читателемъ, можетъ быть, и не совсѣмъ яркую, но, по мѣрѣ возможности, точную картину внутренней работы IX-го съѣзда, мы останавливались и на секціонныхъ сообщеніяхъ, имѣющихъ болѣе или менѣе общій интересъ, и на тѣхъ рѣчахъ, которыя затрогивали или основные, или животрепещущіе интересы естествознанія.

Заканчивая нашу статью, мы съ правомъ можемъ сказать, что русскіе ученые, отвѣчая на запросы чистаго знанія, не забываютъ въ то же время своей страны и своего народа и работаютъ на пользу *русской* науки. Такая работа не всегда вполне проникнута свѣтомъ этой идеи, но все же она идетъ и во многихъ областяхъ естествознанія становится господствующей; чтобы вести ее въ болѣе широкихъ размѣрахъ и болѣе сознательно нужны дружныя усилія

многихъ, нужна сплоченность теперь еще разрозненныхъ силъ, нужны *провинціальныя мѣстныя общества*, которыя соединяли бы въ себѣ всѣхъ желающихъ работать на пользу знанія и просвѣщенія; такихъ людей много и съ каждымъ годомъ становится все больше и больше: исторія съѣздовъ русскихъ естествоиспытателей вполне подтверждаетъ это: послѣдніе два съѣзда VIII (Петербургскій въ 1890 г.) и IX (Московскій въ 1894 г.) имѣли по 2.000 членовъ, тогда какъ первый и второй съѣзды (въ 1867 г. въ Петербургѣ и въ 1869 г. въ Москвѣ) насчитывали каждый менѣе 500 человекъ, а это были 60-ые годы — время общаго подъема интеллигентныхъ силъ Россіи, время увлеченія естествознаніемъ. Но то было «увлеченіе», а теперь мы имѣемъ дѣло съ естественнымъ ростомъ, съ нормальнымъ развитіемъ. Увлеченіе всегда бьетъ въ глаза, оно всегда преувеличиваетъ дѣйствительную силу и маскируетъ слабыя стороны, естественный ростъ идетъ незамѣтно, послѣдовательно, постепенно и поражаетъ только своимъ результатомъ. Увлеченіе прекрасно: оно вытекаетъ изъ сознанія истинности, правоты своего дѣла, но чтобы не быть бесплоднымъ оно должно имѣть подъ собою прочный фундаментъ; однимъ изъ признаковъ постепеннаго созиданія такого фундамента мы считаемъ все увеличивающійся интересъ къ такимъ научнымъ собраніямъ, какъ съѣзды естествоиспытателей и все болѣе и болѣе «національный» ихъ характеръ.

В. Агафоновъ.

ВИБЛІОГРАФІЯ:—КНИГИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Международное право.

II *).

Богѣ или менѣ обстоятельно ознакомиться съ международнымъ правомъ, пользуясь лишь пособіями, и вовсе или почти не прибѣгая къ источникамъ тѣмъ легче, что лишь по немногимъ юридическимъ наукамъ существуетъ такая богатая и разнообразная литература (даже на русскомъ языкѣ), какъ по нему. Тутъ есть и спеціальныя сочиненія по многимъ частнымъ вопросамъ и общія сочиненія, охватывающія науку въ главныхъ чертахъ во всемъ ея объемѣ.

Къ сочиненіямъ послѣдняго рода принадлежитъ

Ф. Ф. Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Изд. 2. Спб. 1887—1888. 2 т. + 3 руб. 50 к. 424 + 575 стр.

Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій по данному предмету; система автора есть вѣчто цѣльное и стройное. Исходя изъ нѣсколькихъ основныхъ положеній, авторъ строго логично проводитъ ихъ черезъ всю книгу, объясняя и освѣщая ими всѣ нормы международного права въ настоящемъ, прошломъ, отчасти будущемъ. Изложеніе Мартенса просто, ясно и живо; понимать его можно безъ спеціальной юридической подготовки, хотя необходима привычка къ чтенію серьезныхъ произведеній.

Основные положенія Мартенса таковы. Всякое право основывается вовсе не на силѣ, а на добровольномъ соглашеніи по соображеніямъ правды и справедливости; таково же и международное право. Каждое государство есть органическая часть единого цѣлаго (человѣчества), связанная съ другими частями общностью интересовъ. Живой обмѣнъ между ними произведеніями промышленной,

*) См. «Міръ Вожія» 1894, № 1.

хозяйственной и умственной дѣятельности создалъ постоянное *международное общеніе*; оно руководствуется множествомъ правилъ (нормъ), выработавшихся исторически изъ соглашеній между государствами. Совокупность этихъ нормъ, опредѣляющихъ условія, исполненіе которыхъ необходимо для достиженія жизненныхъ цѣлей народовъ (поскольку они могутъ быть достигнуты сношеніями съ сосѣдями) составляетъ *международное право* *). Пока нѣтъ постояннаго общенія между народами, которое выработало бы систему правилъ, признаваемыхъ обязательными постоянно, а не въ частномъ только случаѣ, до тѣхъ поръ нѣтъ *международнаго права*, хотя бы успѣли установиться нѣкоторые международные обычаи (уваженіе къ званію посла и др.); поэтому о *правѣ* въ международныхъ отношеніяхъ можно говорить лишь съ эпохи Вестфальскаго конгресса (1648 г.); ни греки, ни римляне, ни средніе вѣка не знали *международнаго права*, ибо тогда господствовали — кулачное право и разобщенность народовъ. Въ XVIII вѣкѣ народы стремятся установить прочный порядокъ на принципѣ политическаго равновѣсія государствъ, а въ XIX на смѣну ему является національный принципъ. Ни тотъ, ни другой не могутъ служить прочнымъ фундаментомъ для мирныхъ отношеній, и они будутъ замѣнены въ будущемъ принципомъ права, т. е. (по опредѣленію автора) справедливости; уже въ настоящее время онъ захватываетъ почву все больше и больше, хотя еще и не господствуетъ безраздѣльно. Общее явленіе, проходящее черезъ всю исторію—это увеличеніе связи между народами и вслѣдствіе этого постоянное развитіе международнаго права. Всегда и вездѣ на немъ отражается внутренній строй и развитіе отдѣльныхъ государствъ: «международныя отношенія всегда представляютъ зеркало, точно отражающее внутреннее состояніе государственныхъ обществъ въ извѣстную эпоху ихъ существованія, равно и принциповъ, которые лежатъ въ основаніи соціальнаго и политическаго ихъ строя. Чѣмъ болѣе правительства сознаютъ свои обязанности въ отношеніи всѣхъ своихъ подданныхъ, чѣмъ болѣе они относятся съ уваженіемъ къ ихъ правамъ и законнымъ интересамъ, тѣмъ лучше обезпечено мирное теченіе международной жизни... Если въ государствѣ человѣческая личность, какъ таковая, признается источникомъ гражданскихъ и политическихъ правъ, то и международная жизнь представляетъ высокую

*) Нужно замѣтить, что словомъ *право* обозначаются и самые законы, правила, нормы, дѣйствующіе въ жизни, и *наука*, изучающая эти законы, правила, нормы. Такой же двойственный смыслъ имѣетъ и слово исторія. Большинство другихъ терминовъ, служащихъ для обозначенія наукъ (астрономія, ботаника) двойнаго смысла не имѣютъ.

степень развитія, порядка и права. Наоборотъ, съ государствомъ, въ которомъ челоѳическая личность никакими правами не пользуется, гдѣ она безправна и угнетается, международныя отношенія не могутъ ни развиваться, ни установиться на прочныхъ основаніяхъ».

Проводя эти основныя мысли, Мартенсъ разсматриваетъ главныя черты отдѣльныхъ государствъ, поскольку это имѣетъ значеніе для его предмета; ихъ основныя права въ международномъ общеніи; значеніе, право приобрѣтенія и способъ потери территоріи; роль государей и другихъ лицъ въ качествѣ представителей государствъ, права частныхъ лицъ, поскольку они касаются или зависятъ отъ международного права, и способы сношеній между государствами. Во второй части онъ переходитъ къ международному управленію, т. е. къ объясненію тѣхъ способовъ, какими государства осуществляютъ свои международныя права: къ посольствамъ, консульствамъ и т. д., и къ характеристикѣ главныхъ задачъ, которыя современное право ставитъ международному управленію для достиженія жизненныхъ цѣлей народовъ. Сюда относятся религіозныя, научныя и литературныя (вообще духовныя) интересы народовъ, защищаемые международнымъ общеніемъ; эта защита достигается договорами (напр., съ Турціей) объ обезпеченіи религіозной свободы подданныхъ, литературными конвенціями и т. д. Сюда же относится защита экономическихъ интересовъ, ради которыхъ заключаются торговые договоры, договоры о судоходствѣ по большимъ рѣкамъ, всемірный почтовый союзъ и проч. Сюда же относится охрана семейныхъ, наследственныхъ и др. правъ подданныхъ, и интересовъ правосудія (выдача преступниковъ). Въ заключеніе Мартенсъ разсматриваетъ такіе способы осуществленія правъ государствъ, какъ третейскій судъ между ними и война. Первому большого значенія онъ не придаетъ, думая, что онъ примѣнимъ лишь къ спорамъ по второстепеннымъ вопросамъ, зато во второй видитъ борьбу «для охраненія принадлежащихъ государствамъ правъ и интересовъ». По его опредѣленію война есть одно изъ средствъ международного управленія, и, подобно древнимъ судебнымъ поединкамъ, имѣетъ цѣлью—возстановленіе права и мира; въ свою очередь, она подчиняется цѣлому ряду правилъ (объ отношеніи къ раненымъ, къ плѣннымъ и т. д.), которыя въ совокупности составляютъ право войны.

Всѣ эти мнѣнія—не общепризнанныя аксіомы, а, напротивъ, личные взгляды проф. Мартенса, но взгляды, выведенные изъ тщательнаго изученія множества юридическихъ и историческихъ фактовъ, глубоко продуманные имъ и обставленные множествомъ

доказательствъ. Однако, на основаніи тѣхъ же фактовъ можно придти, и многіе приходятъ, къ другимъ выводамъ.

Споръ возможенъ чуть ли не изъ за каждаго положенія. Такъ, существуетъ мнѣніе, и притомъ имѣющее за себя сильныхъ защитниковъ, что международнаго права вовсе нѣтъ, что есть только международные обычаи, соблюденіе которыхъ ничѣмъ и никѣмъ не гарантировано. Можно, напротивъ того, утверждать, что международное право существовало уже въ глубокой древности, и существуетъ нынѣ даже въ отношеніяхъ между дикими, или, по крайней мѣрѣ, полудикими народами. Можно спорить съ отождествленіемъ понятій права и справедливости; можно думать, что, хотя внутреннія условія сильно отражаются на международномъ поведеніи государства, но не вовсе такъ, какъ это представляетъ Мартенсъ; такъ, напр., можно указывать, что иногда государства, внутри которыхъ человѣческая личность не пользуется ни малѣйшимъ уваженіемъ и свобода совершенно подавлена, требуютъ отъ сосѣдей, когда это имъ выгодно, какъ разъ обратнаго; можно рѣшительно протестовать противъ мнѣнія, что война есть способъ возстановленія или защиты права, особенно когда право признается основаннымъ на справедливости. Можно считать, что Мартенсъ слишкомъ мало вѣритъ въ способность человѣка къ развитію, когда настаиваетъ на неприкосновенности третейскаго суда къ важнѣйшимъ спорамъ государствъ, или видѣть какъ разъ обратное въ его утвержденіи, что принципы политическаго равновѣсія отжили свой вѣкъ, и наступаетъ царство справедливости. Можно спорить съ оцѣнкой, даваемой Мартенсомъ многимъ отдѣльнымъ фактамъ международной исторіи *).

*) Въ книгѣ:

Л. Слонимскій. Основные вопросы политики. Спб. 1889. 389 стр. 2 руб., помѣщена рецензія на книгу Мартенса, въ которой сдѣлано нѣсколько возраженій противъ его взглядовъ. (Рецензія эта, написанная по поводу 1-го изд. Мартенса, была напечатана первоначально въ «Вѣстникѣ Европы», 1883 г., № 8. Хотя съ тѣхъ поръ вышло 2-е изданіе, но Слонимскій перепечаталъ извлеченіе изъ нея въ прежнемъ видѣ).

Гораздо болѣе обстоятельный и тоже довольно суровый разборъ книги Мартенса можно найти (стр. 39—60) въ книгѣ:

Л. Камаровскій. Обзоръ современной литературы по международному праву М. 1887. 354 стр. 2 р. 50 к.

Съ точки зрѣнія, нѣсколько отличной отъ точки зрѣнія Мартенса, составлена книга:

В. П. Даневскій. *Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права.* Харьковъ 1892. 2 вып., 230+178 стр. 2 р. 50 к.

Здѣсь отличается самое опредѣленіе международнаго права, п вслѣдствіе этого оцѣнка многихъ вопросовъ не та, что у Мартенса. Книга короче, потому нѣсколько доступнѣе курса Мартенса, но изложеніе не отличается

Совершенно особое мѣсто въ литературѣ международного права занимаетъ.

1. Блунчли. *Современное международное право цивилизованныхъ государствъ, изложенное въ видѣ кодекса*. Пер. подъ ред. Камаровскаго, съ прибавленіемъ: 1) Парижской деклараціи 1856 г. и т. д. Москва 1876. 561+45 стр. 2 р. 50 к.

Авторъ ея задался смѣлою мыслью предложить человѣчеству, какъ явствуетъ изъ книги (§ 7), или цивилизованной его части, какъ нѣсколько непослѣдовательно пишетъ онъ въ ея заголовкѣ,

его живостью; авторъ чаще прибѣгаетъ къ юридическимъ терминамъ безъ ихъ объясненія, и потому нѣсколько труднѣе для пониманія; къ тому же, онъ безъ особенной нужды пользуется иностранными словами (напр., дефиниціи вм. опредѣленіе, стр. 2, вып. I). Тѣмъ не менѣе, въ общемъ книга написана ясно и просто, и въ качествѣ учебника имѣетъ большія достоинства (между прочими то, что она новѣе Мартенса, и, слѣдовательно, указываетъ на историческіе факты, болѣе близкіе къ нашему времени). Большія достоинства въ качествѣ учебника имѣетъ также книга:

А. Ривье. *Учебникъ международного права*. Пер. Казанскаго подъ ред. Л. Камаровскаго, (съ приложеніемъ постановленій института международного права за 1873—1892 г.). Москва 1893. 354. 2 р. 50 к.

Авторъ очень добросовѣстно и тщательно излагаетъ дѣйствующіе принципы права. Поэтому осмысленное чтеніе подобныхъ книгъ можетъ дать много матеріала для самостоятельнаго размысленія и для критики философскихъ произведеній въ этой области, въ родѣ Мартенса. Но самъ Ривье тщательно воздерживается отъ высказыванія собственныхъ мнѣній по основнымъ вопросамъ и отъ оцѣнки излагаемыхъ имъ принциповъ и фактовъ, поэтому книга производитъ впечатлѣніе нѣсколько скучное. Впрочемъ, вполне выдержать объективный тонъ автору не удалось; такъ, напр., излагая исторію международныхъ отношеній, онъ не могъ уклониться отъ отвѣта на вопросъ, существовало ли международное право у древнихъ народовъ, или нѣтъ, и онъ вполне опредѣленно высказался (въ противоположность Мартенсу) въ утвердительномъ смыслѣ. Такъ точно и по другимъ вопросамъ читатель можетъ между строкъ прочесть собственное отношеніе автора къ дѣлу.

Существуетъ еще нѣсколько болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія общихъ сочиненій по международному праву. Таковы:

Наченовскій. *Курсъ международного права*. Харьковъ. 1863—1866. 2 т., 336 стр. 2 р.

Въ этой неоконченной книгѣ (въ нее вошло только введеніе, представляющее изложеніе общихъ понятій о государствѣ, международномъ общеніи и правѣ) особенно цѣненъ подробный и блестяще написанный историческій очеркъ.

Стояновъ. *Очерки исторіи и догматики международного права*. Харьковъ. 1875. 742 стр. 3 р.

Гейфтеръ. *Европейское международное право*. Пер. Таубе съ предисловіемъ Мартенса. Спб. 1890. 453+133 стр. 3 р.

Но эти книги при различныхъ достоинствахъ имѣютъ одинъ общій недостатокъ—всѣ онѣ нѣсколько устарѣли.

проектъ кодекса, подобнаго законодательнымъ сборникамъ, дѣйствующимъ внутри государствъ, въ которомъ были бы изложены обязательныя для всѣхъ правила въ формѣ статей законовъ. Такъ, напримѣръ, Блунчли постановляетъ:

Употребленіе отравленнаго оружія, а равно и распространеніе въ неприятельской странѣ ядовитыхъ веществъ и заразы противны международному праву (ст. 557).

Также запрещено оружіе, причиняющее безцѣльныя страданія, какъ-то: стрѣлы съ крюками, рубленый свинець или осколки стекла, вмѣсто пуль. (ст. 558). Ядра, вѣсомъ менѣе 400 граммовъ, не должны быть начиняемы ни разрывающимися (разрывныя пули), ни воспламеняющимися или горючими матеріалами (ст. 558а).

или также:

Каждое государство вправе вызывать своихъ подданныхъ изъ-за границы. Но чужое государство не обязано способствовать исполненію этого распоряженія и высылать отъ себя иностранцевъ по требованію ихъ отечества (ст. 375).

Блунчли убѣжденъ, что рано или поздно, и скорѣе рано, чѣмъ поздно, человѣчество выработаетъ какой-нибудь подобный кодексъ, и съумѣетъ сдѣлать его обязательнымъ и исполняемымъ даже во время войны. Вполнѣ понимая, конечно, что такимъ общеобязательнымъ кодексомъ будетъ не этотъ, нынѣ, въ серединѣ XIX вѣка (1867 г.) выработанный имъ, онъ все же предлагаетъ его какъ проектъ, надѣясь, что онъ можетъ сослужить свою службу дѣлу умиротворенія и укрѣпленія правоваго сознанія въ народахъ.

Не смотря на то, что книга написана въ формѣ кодекса, она читается съ большимъ интересомъ. Подъ каждой статьёй есть обстоятельныя и живо написанныя объясненія. Если текстъ самихъ статей говоритъ о желательномъ (по мнѣнію Блунчли) международномъ правѣ, то примѣчанія знакомятъ, и довольно полно, съ дѣйствующимъ международнымъ правомъ и его исторіей.

Но *философіи* международнаго права, объясненія его смысла, причинъ возникновенія и проч. читатель не найдетъ, конечно, въ кодексѣ. Краткое (очень краткое) изложеніе, и то не философіи, а нѣкоторыхъ общихъ началъ международнаго права сдѣлано въ предисловіи. Это предисловіе издано также (съ приложеніемъ двухъ статей) отдѣльной брошюрой, въ другомъ, притомъ, лучшемъ переводѣ.

Если читатель, не расположенный на ознакомленіе съ международнымъ правомъ тратить много времени и труда, желаетъ познакомиться съ нимъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, онъ можетъ обратиться именно къ этому предисловію, отдѣльно изданному подъ заглавіемъ:

«МІРЪ ВОЖІА», № 2, ФЕВРАЛЬ.

11

1. Блунчли. *О значеніи и устьхахъ новѣйшаго международнаго права.* (Съ приложеніемъ антропологическихъ очерковъ ученій о правѣ и государствѣ *) и біографическаго очерка автора). Спб. 1867 г. Изд. Н. Ламанскаго 70 + (приложеніе) 56 стр.

Въ этой коротенькой брошюрѣ авторъ указываетъ тѣ области человѣческихъ отношеній, которыя регулируются нынѣ правомъ, а не грубой силой, и именно международнымъ правомъ, обращая всего болѣе вниманіе на «вполнѣ гуманное», по его мнѣнію, право войны, занявшее мѣсто прежнихъ варварскихъ обычаевъ (стр. 47 и сл.): древніе смотрѣли на врага, какъ на существо совершенно безправное, относительно котораго позволено всякое насиліе; теперь же врагомъ считаютъ только человѣка вооруженнаго, и даже относительно него не дозволяется мучительство, оскорбленіе, нарушеніе правъ собственности и проч. Блунчли указываетъ также на тѣ сравнительно немногіе случаи, когда международное право не ограничивается регулированіемъ международныхъ отношеній, а прямо вторгается во внутреннія дѣла государствъ, преслѣдуя въ нихъ рабство, религиозный фанатизмъ (напр., защищая христіанъ въ Турціи) и т. д. Главная мысль Блунчли, что международное право есть прежде всего дѣло науки, которая пробудила въ образованномъ мірѣ сознаніе общечеловѣческихъ правъ» (стр. 23); основаніе его лежитъ не въ религіи, такъ какъ оно «не имѣетъ связи съ христіанствомъ, соединяя всѣ народы безъ различія вѣроисповѣданій, какъ членовъ человѣчества». Донинѣ оно еще не всемірное право, но быстро идетъ къ нему (стр. 26 и 70), и уже въ наше время мечта о всемірномъ гражданствѣ стала до нѣкоторой степени живою дѣйствительностью, такъ какъ человѣческія права каждаго признаются на чужбинѣ, какъ и на его родинѣ (стр. 37); теперь господство силы въ международныхъ отношеніяхъ есть лишь мнимое, и «всемірную исторію нельзя считать беспорядочною борьбою человѣческихъ страстей» (стр. 13); международное право, распространяясь въ ширь, подчиняя себѣ все новыя и новыя государства, распространяется также и въ глубь, подчиняя себѣ все новыя и новыя области человѣческой жизни. Въ ближай-

*) Подъ этимъ заглавіемъ въ книжку вошли краткія жизнеописанія и характеристики ученій двухъ знаменитыхъ юристовъ XVII в., Гуго Гроція и Христіана Томазія, изъ которыхъ первый можетъ считаться основателемъ науки международнаго права. Имъ написаны книги: «*mare liberum*» («свободное море»), противъ притязаній отдѣльныхъ государствъ на исключительное право собственности на моря и «*de iure belli ac pacis*» («о правѣ войны и мира», Парижъ, 1625), значеніе которой тѣмъ больше, что она говорила о правѣ и гуманности въ самый разгаръ жестокостей тридцатилѣтней войны.

шемъ будущемъ. утверждаетъ Блунчли, международное право будетъ *кодифицировано*, т.-е. его предписанія составятъ общепризнанный законодательный сборникъ (кодексъ).

Всѣ эти положенія, какъ и положенія Мартенса, далеко не представляютъ недопускающихъ сомнѣнїя истинъ; напротивъ, въ самой книжкѣ можно найти не мало фактовъ, которые могутъ служить довольно сильными аргументами противъ мысли, что международное право есть прежде всего дѣло науки. Такъ Блунчли признаетъ, что «въ то время, когда ученые продолжали еще спорить о правѣ добычи, желѣзная дисциплина полководцевъ (руководствующихся, очевидно, не наукой, а соображеніями дисциплины, т.-е. собственной выгоды) дѣятельно работала надъ искорененіемъ военныхъ грабежей» (стр. 58); когда война сухопутная стала уже значительно гуманнѣе, «въ морскихъ войнахъ грубое насиліе еще не хотѣло покориться требованіямъ справедливости и долго не хотѣло признать за непріателемъ права частной собственности» (стр. 61); противникъ взглядовъ Блунчли можетъ сдѣлать выводъ, что если бы рѣшали вопросъ соображенія справедливости, то они одновременно распространились бы на оба рода войны. Серьезныя возраженія вызываетъ увѣренность Блунчли въ быстромъ прогрессѣ международного права.

Книжка Блунчли слишкомъ коротка, чтобы въ ней можно было найти подробное обоснованіе всѣхъ взглядовъ автора,—она лишь въ живомъ, интересномъ и легкомъ для пониманія, но бѣгломъ и неизбѣжно нѣсколько поверхностномъ очеркѣ говорить о томъ, что обѣщано въ ея заглавіи. Исслѣдованія, откуда почерпаетъ международное право свою силу, въ книгѣ нѣтъ, нѣтъ и многого другого.

Все это нужно искать или въ общихъ курсахъ международного права (указанныхъ выше), или въ специальныхъ сочиненіяхъ. Интересъ къ международному праву пробуждается прежде всего при изученіи исторіи. Тутъ изучающій съ самаго начала замѣчаетъ, что нельзя ограничиться одною внутреннею исторіею государствъ и народовъ, какъ бы важна она ни была; что государства слишкомъ часто входятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, стремятся вліять и вліяютъ на судьбу другихъ. Поэтому исторія международныхъ отношеній занимаетъ видное мѣсто почти во всякомъ общемъ историческомъ сочиненіи *). Послѣдніе томы громаднаго сочиненія

*) По сколькоу они могутъ представлять общій интересъ (для эпохи XVIII вѣка), они указаны въ обзорахъ книгъ по исторіи Карѣва, «Мірѣ Божій», 1893, № 1, 2, 9, 11.

С. М. Соловьева. *Исторія Россіи*, Москва 1852—1878 гт., (29 томовъ) (или новое изданіе) заняты чуть не исключительно вышними отношеніями Россіи. Есть сочиненія,—и ихъ не мало, — спеціально посвященныя международнымъ отношеніямъ. Таковы, напримѣръ, книги:

С. Татищевъ. *Императоръ Николай I и иностранные дворы*. 1889 г., 3 р.

— *Внѣшняя политика Имп. Николая I*, 1887 г., 4 р.

С. М. Соловьевъ. *Императоръ Александръ I. Политика. Дипломатія*. 1877 г. 560 стр. 2 р.

Къ числу сочиненій, занимающихся международными отношеніями одного государства, и притомъ глубоко вникающихъ въ лежащія внутри государствъ причины ихъ вышнихъ отношеній, принадлежитъ замѣчательная книга

Ал. Сореля. *Европа и Французская революція*. Спб. 1690 стр. 4 т. 11 р. 50 к.

и множество другихъ. Болѣе краткіе, но зато общіе очерки исторіи международныхъ отношеній съ древности до нашего времени читатель найдетъ въ названныхъ выше курсахъ Мартенса, Даневскаго и особенно Каченовскаго *).

Но какъ ни велико значеніе исторіи для пониманія международного права, не она составляетъ предметъ этой науки; даже современные отношенія между государствами, изучаемыя политикой, являются лишь матеріаломъ для международного права. Оно должно

*) Въ названной выше (въ примѣчаніи) книгѣ Гефтера можно найти нѣкоторые, наиболѣе интересные договоры между государствами, въ полномъ видѣ, въ русскомъ переводѣ; такъ, напр., С.-Стефанскій договоръ между Россіей и Турціей (1878), Берлинскій трактатъ (1878) и многіе другіе. Даже для читателя, вовсе не думающаго посвящать себя международному праву, очень интересно бываетъ ознакомиться съ однимъ или двумя подобными документами въ полномъ видѣ; самый языкъ и манера ихъ въ высшей степени характерны; кромѣ того знакомство съ трактатомъ, въ родѣ Берлинскаго, очень помогаетъ разобратся въ событіяхъ дня. Правительства, оправдывая свои новыя притязанія, газеты, говоря о событіяхъ дня, безпрестанно ссылаются на него, приводятъ изъ него изъясненія; но обыкновенно крайне односложно и пристрастно.

Гораздо большее число и политическихъ договоровъ (съ Турціей и другими странами), и торговыхъ договоровъ, и всевозможныхъ договоровъ о выдачѣ преступниковъ, о судоходствѣ, о почтовыхъ сношеніяхъ и т. д. собрано въ книгѣ

О. Эйхельмана. *Хрестоматія русскаго международного права*. Кіевъ. 1887—89. 2 части, 458 стр.+581. 5 р. 25 к.,

но именно обиліе ихъ и вызванный имъ большой объемъ книги дѣлаютъ ее пригодною скорѣе для студентовъ, чѣмъ для большинства читателей.

объяснить, какіе принципы лежатъ въ основѣ этихъ отношеній, какая сила заставляетъ могучія государства подчиняться требованіямъ, иной разъ для нихъ, повидимому, невыгоднымъ. Отвѣты можно почерпнуть въ исторіи и современныхъ отношеніяхъ державъ, но каждый отдѣльный человѣкъ не можетъ повторять работу, произведенную цѣлыми поколѣніями ученыхъ изслѣдователей. Онъ долженъ (даже въ томъ случаѣ, когда собирается всю свою жизнь посвятить этой наукѣ) раньше ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано до него въ этой области, узнать главные выводы и наиболѣе распространенныя мнѣнія. Потомъ онъ уже можетъ (если это ему по силамъ) дѣлать дальнѣйшія изслѣдованія или опровергать чужіе взгляды.

Было бы весьма интересно познакомиться съ произведеніями тѣхъ писателей, которые вовсе отрицаютъ существованіе международнаго права; таковы изъ писателей XVIII в. Пуффендорфъ, изъ болѣе новыхъ—Пухта, Гуго, всего болѣе Лассонъ; менѣе рѣшительно—знаменитый нѣмецкій юристъ Савиньи, считавшій международное право «несовершеннымъ положительнымъ закономъ», и его ученикъ Остинъ, признававшій существованіе международной нравственности, но не права. Къ сожалѣнію, произведеній, въ которыхъ проводятся эти мысли, на русскомъ языкѣ нѣтъ, и съ ними приходится знакомиться изъ вторыхъ рукъ: эти взгляды изложены и разобраны въ указанной выше книгѣ Мартенса, гораздо болѣе полно у Каченовскаго (указаннаго въ примѣчаніи) и 7 другихъ писателей.

Зато на русскомъ языкѣ можно указать выдающееся изслѣдованіе одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ международнаго права, именно вопроса: возможно ли, и если да, то въ какой формѣ введеніе международнаго суда.

Л. Камаровскій. *О международномъ судѣ*. Москва 1881. 542 стр.

Есть ли сила, которая можетъ заставитьъ могущественное государство подчиниться во имя отвлеченнаго принципа—общаго блага—невыгодному для него требованію, и если есть, то какая? Отвѣтить—значитъ разрѣшить одинъ изъ самыхъ общихъ вопросовъ науки международнаго права, и потому изслѣдованіе, посвященное международному суду, есть непремѣнно въ то же время общее изслѣдованіе объ основаніи международнаго права. Мартенсъ отвѣчаетъ на вопросъ отрицательно: только войною можетъ государство отыскивать свое право. Камаровскій даетъ отвѣтъ прямо противоположный. Онъ исходитъ изъ взгляда на войну, тоже несходнаго съ взглядомъ Мартенса. Война, по его мнѣнію, вовсе не имѣетъ того юридическаго смысла, какой имѣла когда-то поединки

между тяжущимися, построенные на идеѣ, что Богъ всегда заступится за праваго. Война въ громадномъ большинствѣ случаевъ есть актъ чистѣйшаго насилія. «Такъ называемыя права государствъ, на сколько можно было говорить о таковыхъ,—говорить Камаровскій,—сливались (въ продолженіе тысячелѣтій) съ ихъ претензіями, которыя не знали иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя ставила имъ ихъ физическая мощь» (стр. 3). Обыкновенно даже право, когда дѣйствительно оно лежитъ въ основаніи войны, не находитъ въ ней своего существованія, потому что война «носитъ въ себѣ зародыши новыхъ войнъ въ будущемъ» (стр. 67).

Но усиленіе международныхъ сношеній, общее умственное и нравственное развитіе человѣчества, сознаніе общей выгоды и чувство права народовъ ведутъ за собой уменьшеніе и гуманизированіе войнъ, замѣну кровавой тяжбы—мирнымъ разбирательствомъ передъ третейскимъ судомъ; въ будущемъ мѣсто случайнаго третейскаго суда займетъ постоянный международный судъ, который будетъ постепенно все болѣе и болѣе вытѣснять войну. Но этотъ судъ не долженъ быть верховною политическою властью надъ государствами; такая власть была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, если бы государства земного шара объединились въ одно всемірное государство, построенное на федеративныхъ началахъ, подобно тому, какъ англійскія колоніи въ Америкѣ объединились въ Соединенные Штаты, создавъ центральную власть для общихъ дѣлъ и сохранивъ полную самостоятельность для внутреннихъ, или подобно тому, какъ нѣмецкія государства объединились въ одну Германскую Имперію. Такое объединеніе, доказываетъ Камаровскій, привело бы къ подавленію свободы; цивилизованный человѣкъ не можетъ жить внѣ государства, но государства ограниченнаго въ пространствѣ, всесвѣтное же государство не удовлетворитъ всѣхъ потребностей человѣческой природы. Объединеніе, къ которому стремится человѣчество, есть не политическое, а только юридическое; государства должны пользоваться внутри и въ своихъ сношеніяхъ всею полнотою верховныхъ правъ, но руководствоваться въ своей дѣятельности не произволомъ, а принципами права; для ихъ авторитетнаго истолкованія и долженъ существовать судъ. Камаровскій подробно описываетъ устройство суда, который онъ предлагаетъ человѣчеству, и который, онъ надѣется, человѣчество рано или поздно создастъ. Всѣ государства, большія и маленькія одинаково, назначаютъ по два судьи; для гарантіи достаточнаго образованія, выборъ поручается университетамъ или академіямъ. Само собою разумѣется, предполагается, что судьями будутъ люди въ высшей степени честные. Чтобы гарантировать непристрастіе

ихъ вердиктовъ, они несмѣняемы (иначе какъ по приговору того же международнаго суда), не могутъ за свою судебную дѣятельность получить ни награды, ни наказанія ни отъ одного государства. Однако, обращеніе къ суду предоставлено на усмотрѣніе государствъ, и исполненіе его приговоровъ—тоже. Судъ обращается лишь къ чести государствъ, у нихъ, слѣдовательно, остается полная фактическая возможность всегда, до суда, или даже послѣ суда, въ случаѣ неблагоприятнаго приговора, прибѣгнуть къ оружію; никакой матеріальной силой судъ не располагаетъ. Несмотря на это, «международная юстиція, убѣжденно говоритъ Камаровскій, медленно и среди тяжелой борьбы утвердится сперва на почвѣ Европы и Америки, а потомъ, въ дали времени, когда христіанскій принципъ братства народовъ получить общее юридическое признаніе, и когда цивилизація научить повсюду уважать человѣческую личность, она на новыхъ началахъ и въ болѣе совершенныхъ формахъ обниметъ весь міръ» (стр. 542).

Вообще, Камаровскій во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ исходитъ не столько изъ анализа фактовъ, сколько изъ вѣры въ совершенствованіе человѣческой природы, въ силу убѣжденія. Это хорошо, полезно, человѣчество убѣдится въ этомъ и сообразно съ этимъ убѣжденіемъ перестроится человѣческая жизнь,—таковъ методъ автора въ его построеніяхъ будущности международнаго права.

Однако листокъ этотъ не исключаетъ серьезнаго изученія фактовъ. Книга Камаровскаго очень полно, добросовѣстно и интересно излагаетъ исторію международныхъ судовъ, идеи мира, и нынѣшніе способы рѣшенія международныхъ тяжбъ *).

Идея вѣчнаго мира принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя способны наиболѣе глубоко волновать мыслящее человѣчество. Не одинъ Камаровскій, конечно, занимался ею,—это видно даже изъ его книги. Не довольствуясь обсужденіемъ этого жгучаго вопроса въ литературѣ, и даже въ парламентахъ, гдѣ сторонники суда не разъ поднимали о немъ вопросъ, они создали особые періодическіе международные конгрессы.

Въ нѣкоторомъ родствѣ съ вопросомъ о вѣчномъ мирѣ стоитъ вопросъ о плебисцитѣ въ международномъ правѣ,—тоже однимъ изъ мирныхъ способовъ рѣшенія международныхъ тяжбъ. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что рѣшеніе вопроса о переходѣ какой-либо территоріи отъ одного государства къ другому предостав-

*) Основныя свои мысли и стремленія гораздо болѣе кратко (всего на 15 страницахъ) выразилъ Камаровскій въ публичной лекціи, напечатанной подъ заглавіемъ:

Л. Камаровскій, Объ идеѣ мира между народами, въ «Русской Мысли» 1889 г. № 7.

ляется на усмотрѣніе жителей спорной территоріи. Жители подаютъ голосъ, и большинство голосовъ рѣшаетъ споръ. Способъ этотъ, начиная съ конца прошлаго вѣка, примѣнялся довольно часто, но, обыкновенно послѣ войны, когда побѣдившее государство, претендующее на какую-либо территорію, брало на себя обязательство примириться съ рѣшеніемъ народа, живущаго на этой территоріи, если оно будетъ неблагоприятно ему. Необходимо замѣтить однако, что, въ случаѣ плебисцитовъ, государство, фактически располагающее въ данный моментъ властью на спорной территоріи, пускало въ ходъ всѣ обыкновенно доступные ему способы давленія на голосующихъ, чтобы добиться желательнаго результата. На этомъ, между прочимъ, основаніи Мартенсъ высказывается противъ плебисцитовъ. Къ иному выводу приходитъ

А. Лодыженскій. *О плебисцитѣ въ международномъ правѣ*. Москва 1888. 248 стр. 2 р.

Вѣроятно или невѣроятно наступленіе времени, когда народы разоружатся и наступитъ вѣчный миръ, будетъ ли онъ охраняемъ судомъ, дѣйствующимъ лишь на честь и чувство справедливости народовъ, или же властью; располагающею принудительной силой,—но несомнѣнно, что общеніе между народами все усиливается, дѣлается глубже и разнообразнѣе. Общій очеркъ разнообразныхъ формъ союзовъ (политическихъ, торговыхъ, литературныхъ и иныхъ) къ которымъ прибѣгаютъ теперь государства, можно найти въ статьѣ

Л. Камаровскаго. *О союзахъ въ Европѣ*. «Сѣверный Вѣстникъ», 1894, № 1.

Эти союзы имѣютъ, однако, очень различное значеніе. Одни (напр., Всемирный Почтовый Союзъ) несомнѣнно сильно сближаютъ между собою человѣчество; другіе (тройственный союзъ между Германіей, Австріей и Италіей, направленный противъ двойственнаго союза между Франціей и Россіей) имѣютъ военный характеръ, сближаютъ лишь *нѣкоторые* народы съ цѣлью доставить имъ перевѣсъ въ мирѣ и войнѣ надъ другими, и ведутъ, слѣдовательно, къ обостренію международной злобы, увеличенію розни, иногда прямо къ войнѣ. Есть союзы, относительно роли которыхъ не такъ легко составить себѣ ясное представленіе. Таковы литературныя конвенціи, заключенныя нѣкоторыми государствами (Россія съ 1887 г. не примыкаетъ ни къ одной). Онѣ запрещаютъ перепечатку или даже переводъ на иностранный языкъ какого бы то ни было литературнаго произведенія въ предѣлахъ примкнувшихъ къ конвенціи государствъ безъ согласія автора (практически, слѣдовательно, безъ уплаты ему гонорара). Существуетъ мнѣніе, что распространеніе принципа литературной собственности за предѣлы

одного государства есть распространенія права и справедливости, и, слѣдовательно влечетъ за собою увеличеніе общенія между людьми. Сторонники конвенцій прибавляютъ къ этому, что онѣ, затрудняя переводы, влздутъ предѣлъ излишнему наводненію литературы переводами и покровительствуютъ отечественной литературѣ. Противники конвенціи, какъ разъ наоборотъ, говорятъ, что покровительствуютъ конвенціи не литературѣ, а литераторамъ, увеличивая вознагражденіе имъ за трудъ, но и то только литераторамъ знаменитымъ, которые и безъ того хорошо оплачиваются; что ставя преграды распространенію человѣческой мысли, онѣ играютъ по отношенію къ литературѣ ту же роль, что таможни по отношенію къ промышленности; что онѣ повышаютъ стоимость книги и потому губительно вліяютъ на просвѣщеніе народа, слѣдовательно, и на литературу. Говорить о правѣ и справедливости, по мнѣнію противниковъ, не приходится, потому что литературная собственность ничего общаго со всякой другой собственностью не имѣетъ и называется этимъ именемъ лишь по недоразумѣнію. Вопросъ о литературной собственности разбирается въ *гражданскомъ правѣ*; въ *международномъ* разборъ его имѣетъ мѣсто лишь по стѣмьку, по скольку онъ связанъ съ вопросомъ о литературныхъ конвенціяхъ. Сторонниками ихъ являются Мартенсъ, какъ въ своей книгѣ, такъ и въ статьѣ:

Мартенсъ. Россія и литературное общество зап. европейскихъ народовъ. «Вѣстникъ Европы», 1881, № 3, Даневскій въ своемъ «Пособіи».

Л. Камаровскій. *О заключеніи литературной конвенціи между Россіей и Франціей*; «Русская Мысль», 1887, № 12.

— *Объ учрежденіи между государствами литературнаго союза*. «Русская Мысль», 1887, № 10,

и многіе другіе; вообще къ ихъ числу принадлежитъ большинство *специалистовъ* по международному праву.

Противъ конвенціи высказался Спасовичъ въ двухъ статьяхъ: «О такъ называемой литературной собственности» (стр. 359—392) и «О правѣ собственности въ литературѣ» (стр. 393—401), перепечатанныхъ въ изданіи:

В. Д. Спасовичъ. Сочиненія т. 3-й. Спб. 1890. 544 стр. 2 р.

Мнѣнія автора имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что онъ можетъ считаться до нѣкоторой степени и специалистомъ по международному, и по гражданскому праву: у него есть работы по объему этимъ отраслямъ юриспруденціи, хотя всего болѣе извѣстенъ онъ какъ криминалистъ (специалистъ по уголовному праву). Но доводы, которыми онъ подкрѣпляетъ свою мысль, частью уже уста-

рѣли: такъ, онъ ссылается на малое значеніе русской литературы для Зап. Европы.

Особенно сильнымъ противникомъ ихъ является проф. Янжулъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ, къ сожалѣнію, въ газетѣ («Русскія Вѣдомости», 1892, № 112 и 1892, № 357) и потому мало доступныхъ для публики.

Изъ вопросовъ международнаго права, поднятыхъ жизнью въ послѣдніе годы, особенный интересъ возбуждаетъ вопросъ о международномъ фабричномъ законодательствѣ. Въ него входитъ опредѣленіе количества часовъ труда въ день, которое позволительно работать на фабрикѣ, возрастъ, съ котораго допускается фабричная работа, и проч. Этому вопросу посвящены статьи:

Л. Камаровскій. Взглядъ на задачи рабочей конференціи въ Берлинѣ въ 1890 г. «Русская Мысль», 1891, № 3.

Множество другихъ вопросовъ, затрагивается и рѣшается наукой международнаго права, но указывать на нихъ здѣсь невозможно *). Читатель, который заинтересуется ими, всегда найдетъ достаточно богатые указанія на литературу предмета въ примѣчаніяхъ или особыхъ спискахъ во всѣхъ общихъ книгахъ по международному праву,—всего больше у Даневскаго. Не заинтересоваться же ими, разъ ими занявшись, нельзя: международное право, какъ наука— есть наука будущаго, какъ совокупность нормъ, которыми руководится человѣчество, въ своихъ отношеніяхъ, есть явленіе, сущающее человѣчеству лучшее будущее, и потому глубоко захватывающее всякаго живого человѣка.

В. В—озовъ.

*) Мы укажемъ здѣсь на нѣсколько общедоступныхъ статей по частнымъ вопросамъ:

Л. Камаровскій. Работа института международнаго права за 5-ти-лѣтіе 1876—1881. «Р. М.», 1883, 5, 6.

Тѣмъ же работамъ любопытнаго международнаго союза ученыхъ, извѣстнаго подъ именемъ «Института Международнаго Права», посвящена болѣе ранняя брошюра того же автора и болѣе раннія и болѣе повднія статьи его въ «Русской Мысли», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и др. Объ институтѣ говорится у Мартенса, у Даневскаго, Ривье.

Л. Камаровскій. Война или миръ? «Русская Мысль», 1892, 2.

— Вопросъ о современныхъ вооруженіяхъ. «Р. М.», 1890, 12.

— О стремленіяхъ народовъ къ миру. «Русская Мысль», 1888, 7.

— О нѣкоторыхъ международныхъ сдѣлкахъ въ 1889 г. «Р. М.», 1891, 3, 11.

— Столкновение Германіи съ Швейцаріей изъ-за права убѣжища. (Дѣло Вольгемута). «Р. М.», 1890, 6.

А. В. Степановъ. О выдачѣ преступниковъ. «Юридическій Вѣстникъ», 1884, 7.

В. П. Даневскій. О борьбѣ съ негроторговлею и рабовладѣніемъ. «Русская Мысль», 1892, № 9.

Ф. Ф. Мартенсъ. Африканская конференція въ Берлинѣ. (Колоніальная политика современныхъ государствъ). «Вѣстникъ Европы», 1885, 11—12.

В. Д. Спасовичъ. О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза. Спб. 1851. (Перепечатана въ «Сочиненіяхъ» Спасовича, т. III, стр. 1—103). Это интересная работа по праву войны.

НОВЫЯ КНИГИ.

Вальтеръ Скоттъ. Айвенго (Ivanhoe). Пер. съ англ. В. Владимірова. Спб. 1893. Стр. 534. Изд. М. М. Ледерле и К°.

Серія избранныхъ образцовъ западно-европейской беллетристики, издаваемая М. М. Ледерле подъ общимъ названіемъ «моей библиотеки», обогатилась интереснымъ прибавленіемъ въ недавно вышедшемъ переводѣ «Айвенго» Вальтера Скотта. «Айвенго» справедливо считается однимъ изъ лучшихъ въ ряду историческихъ романовъ В. Скотта, извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Waverley novels» и оказавшихъ громадное вліяніе на развитіе романтизма въ литературѣ. В. Скоттъ воплощаетъ въ себѣ одну сторону романтизма, составляющую если и не сущность его, то, во всякомъ случаѣ, одну изъ самыхъ яркихъ чертъ, способствовавшую болѣе всѣхъ другихъ власти романтизма надъ умами въ теченіе многихъ лѣтъ. Мы говоримъ о повѣствовательномъ талантѣ В. Скотта, направленномъ на то, чтобы воскресить историческое прошлое Англіи, бурныя событія среднихъ вѣковъ и, главнымъ образомъ, живописную сторону жизни и нравовъ того времени. Вся жизнь автора «Waverley novels» сложилась такъ, что его природная страсть къ романтическимъ преданіямъ старины получала обильную пищу и сдѣлала его національнымъ бардомъ, прославившимъ болѣе громко, чѣмъ это могутъ сдѣлать историки и ученые изслѣдователи, подвиги отважныхъ и благородныхъ предковъ современныхъ англичанъ. Хилый отъ рожденія, Вальтеръ Скоттъ въ школьномъ возрастѣ не могъ пройти систематическаго образовательнаго курса и проводилъ время въ чтеніи преимущественно шотландскихъ балладъ Перси, старинныхъ французскихъ легендъ, а нѣсколько позже Аріосто, Данте и Сервантеса, оказавшихъ сильное вліяніе на его воображеніе. Въ то же время семейныя традиціи о прошломъ величій знатнаго шотландскаго рода Скоттовъ, ведущаго свое происхожденіе отъ знаменитаго народнаго вождя «Ault Watt of Harden», разжигали съ дѣтства воображеніе будущаго поэта и романиста, а домашняя жизнь въ родительскомъ домѣ, преисполненномъ строгаго, почти аскетическаго, пуританскаго, дала ему глубокое пониманіе національнаго духа Англіи и въ особенности Шотландіи. Вся послѣдующая жизнь, проведенная среди занятій сначала адвокатурой, потомъ высокой судебной должности шерифа, представительство въ парламентѣ, блестящая свѣтская жизнь въ Лондонѣ и въ своемъ

обширномъ помѣстьѣ въ Шотландіи дали Скотту широкую возможность изучить англійскую жизнь во всѣхъ классахъ населенія и близко познакомиться съ самыми разнообразными представителями національнаго типа. Началъ онъ писать подъ влияніемъ нѣмецкой романтической литературы, и первымъ трудомъ его былъ переводъ Бюргеровской «Леворы». Обратившись затѣмъ къ богатому источнику національной шотландской поэзіи, онъ сталъ воспѣвать старинныя преданія своей родины и составилъ себѣ громкое имя рядомъ поэмъ («The Lady of the Lake», «The Lay of the Last Minstrel», «Margiour» и др.).

Эти поэмы имѣли въ свое время необычайный успѣхъ, благодаря оригинальности и смѣлости поэта, отважившагося отречься отъ бесплоднаго, шаблоннаго подражанія классическимъ образцамъ и искать вдохновенія въ національной жизни; но сами по себѣ онѣ не могли бы составить прочной славы своему автору, будучи очень невыдержанными въ смыслѣ настроенія и поэтичности изложенія. В. Скоттъ глубоко понималъ прошлую жизнь своей родины, насколько дѣло касалось поступковъ, активныхъ характеровъ, нравовъ и обычаевъ — рѣдкая память и богатое воображеніе оказывали ему въ этомъ отношеніи неоцѣнимую помощь. Но болѣе тонкая психологія, духовная жизнь людей среднихъ вѣковъ, сложившаяся среди контрастовъ грубой дѣйствительности, торжество силы и сосредоточенной религіозности, доходившей нерѣдко до экстазовъ и аскетизма, ускользала отъ В. Скотта, искавшаго всюду яркія краски и рѣзкіе контуры. Поэтому, областью, въ которой онъ шире всего могъ проявить свой первоклассный талантъ, былъ историческій романъ, въ которомъ знаніе какъ можно большаго количества фактовъ идетъ рука объ руку съ богатствомъ фантазіи, создающей соответствующія рамки, которыя выдвигаютъ и освѣщаютъ самыя событія.

В. Скоттъ взялся за писаніе романовъ какъ бы нехотя: переходъ отъ поэзіи къ прозѣ казался ему унижительнымъ, и первые романы изъ серіи «Waverley novels» появлялись анонимно, причежъ авторъ, ведшій широкую жизнь богатаго ландлорда, скрывалъ отъ своихъ многочисленныхъ гостей, что его утренніе часы посвящены усидчивому труду надъ романами, которые появлялись съ изумительной быстротой. Но, увлекшись самъ своимъ истиннымъ призваніемъ, В. Скоттъ пересталъ скрывать свое имя и если нѣкоторое время не знали, кому приписать «Гай Менерингъ», «Антикварій», «Робъ Рой» и нѣкоторые др., то авторство всѣхъ остальныхъ романовъ («Пертская красавица», «Вудстокъ», «Квентинъ Дюрваръ», «Айвенго», «Кенильвортъ», и др.) не составляло уже тайны.

Большинство этихъ романовъ относится къ средневѣковой исторіи Англіи (исключеніе составляетъ «Вудстокъ», гдѣ дѣйствіе происходитъ въ мрачную эпоху правленія Кромвеля) и наполнено разсказами о подвигахъ достославныхъ рыцарей, изображеніемъ идеальной любви и преданности, описаніями битвъ, турнировъ и т. д. Характеры дѣйствующихъ лицъ отличаются прежде всего цѣлостью и вмѣстѣ съ тѣмъ односторонностью и раздѣляются, конечно, на идеально благородные и на злые и жестокіе. Эта категоричность составляетъ большой недостатокъ въ романахъ В. Скотта. Но, вчитываясь въ нихъ, мы видимъ, что не въ вѣрности психологіи отдѣльныхъ людей значеніе его романовъ, а въ живомъ и полномъ колоритѣ воспроизведеніи цѣлой исторической эпохи, живущей своими особыми, уже давно утратившими свое значеніе, идеалами. Очень интересенъ въ этомъ отношеніи романъ «Антикварій», тонко и живо изображающій нравы низшихъ классовъ въ Шотландіи.

«Айвенго», какъ мы упоминали выше, считается однимъ изъ лучшихъ историческихъ романовъ В. Скотта. Интересъ его обусловливается уже удачнымъ выборомъ сюжета—авторъ изображаетъ моментъ, когда въ формирующей политическои жизни Англіи саксонскій и нормандскій элементъ еще не слились, и антагонизмъ ихъ ведетъ къ кровавымъ междоусобіямъ. Симпатіи автора на сторонѣ притѣсненныхъ коренныхъ жителей страны, и въ центрѣ романа изображенъ благородный саксонскій «франклинъ» Седрикъ, питомца котораго, благородная красавица лэди Ровенна, послѣдняя представительница законныхъ властителей Англіи. Рядъ нормандскихъ бароновъ, сторонниковъ Иоанна Безземельнаго, жестокой Фронтъ-де-Бефъ, упрямый тэмплиерь Брианъ-де-Буа Гильберъ и др. враждуютъ противъ него; самымъ патетическимъ эпизодомъ въ романѣ является захватъ Седрика и лэди Ровенны въ плѣнъ Фронтъ-де-Бефомъ и освобожденіе ихъ знаменитымъ народнымъ героемъ Робинъ Гудомъ и его возницей. Всѣ нити интриги распутываются вмѣшательствомъ короля Ричарда Львинаго Сердца, вернувшагося изъ Палестины и подъ именемъ Чернаго Принца одерживающаго рядъ побѣдъ надъ сторонниками своего брата. Онъ и является примирителемъ саксонскаго и нормандскаго элементовъ, и умиротворяетъ расхоловшіяся страсти своихъ подданныхъ. Романтическая любовь играетъ большую роль въ романѣ и достойными героинями ея являются лэди Ровенна и красавица еврейка Ревекка.

Отдѣльные характеры въ «Айвенго» страдаютъ односторонностью, но колоритъ эпохи выдержанъ очень вѣрно, и живая картина бурной жизни среднихъ вѣковъ, ея ужасовъ и ея свѣтлыхъ

картинъ, патріархальныхъ и комическихъ сторонъ, а также ея поэзіи увлекаетъ воображеніе читателя.

W.

П. Г. Мижуевъ. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Изд. журнала «Русская Школа». Ц. 50 коп. Спб. 1893 г.

«Положеніе, занимаемое въ государствѣ женщинами, служить если не самымъ совершеннымъ мѣриломъ цивилизаціи страны, то однимъ изъ лучшихъ». Эти слова Брайса, знаменитаго автора «Американской республики», приведены, какъ эпиграфъ, въ книжкѣ г. Мижуева, посвященной женщинѣ и ея успѣхамъ на поприщѣ образованія и общественной дѣятельности въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Эта на первый взглядъ, быть можетъ, и нѣсколько парадоксальная мысль совершенно вѣрна. Женскій вопросъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, разрѣшеніе которыхъ зависятъ не столько отъ степенія различныхъ соціальныхъ условий, сколько связано съ приверженностью людей къ предрасудкамъ. Еще такъ недавно, да и теперь кое-гдѣ, существовало глубокое убѣжденіе въ томъ, что женщина по своимъ умственнымъ способностямъ существо низшее, чѣмъ мужчина, а потому и положенія она одинаковаго съ мужчиной занимать не можетъ. Ея область дѣтская, кухня, словомъ, хозяйство; а для этого образованія не нужно, слѣдовательно, достаточно русской грамоты, умѣнья болтать на иностранномъ языкѣ и играть на фортепiano. Нечего говорить о томъ, что всѣ эти мнѣнія—лишь предрасудки. Это могла всѣмъ и каждому подсказать безпристрастная логика, это теперь показали всѣмъ краснорѣчивые факты. И вотъ въ той степени, въ какой отсутствіе или избавленіе отъ предрасудковъ, а также признаніе полной свободы за всякой личностью безъ различія пола, состоянія и религіи могутъ служить мѣриломъ цивилизаціи и общаго развитія страны, въ той мѣрѣ справедливы вышеприведенныя слова Брайса. Тамъ, гдѣ за словомъ слѣдуетъ дѣло, гдѣ жизнь течетъ широкой струей, тамъ женщина въ борьбѣ за свои права, за признаніе своей свободы достигла очень и очень многого. Наиболее типичной страной въ этомъ отношеніи являются Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Съ успѣхами женщины въ этой странѣ и знакомить насъ любопытная книжка г. Мижуева.

Она состоитъ изъ двухъ почти равномѣрныхъ частей. Первая—посвящена женскому образованію. Послѣ небольшого введенія объ устройствѣ учебнаго дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ, авторъ излагаетъ (къ сожалѣнію, довольно кратко) исторію женскаго обра-

зованія въ восточныхъ штатахъ, какъ мало-по-малу возникли тамъ школы для дѣвочекъ, сначала элементарныя, а затѣмъ среднія. Отсюда авторъ переходитъ уже къ высшему образованію, останавливаясь на весьма любопытной борьбѣ американскихъ женщинъ за допущеніе ихъ въ высшія учебныя заведенія страны наравнѣ съ мужчинами и на исторіи открытія специальныхъ колледжей для женщинъ. Слѣдующая глава посвящена тѣмъ же вопросамъ и тому, какое они получили разрѣшеніе въ западныхъ штатахъ. Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ страницы, посвященные разсмотрѣнію доводовъ pro и contra вопросовъ о совмѣстномъ обученіи мужчинъ и женщинъ въ университетахъ, о влияніи его на нравы. Авторъ приводитъ нѣсколько отзывовъ наиболее извѣстныхъ американскихъ профессоровъ, которые мы особенно рекомендуемъ вниманію русскихъ читателей. Третья глава этой книги говоритъ объ образованіи на югѣ. Съ четвертой главы начинается вторая часть книжки г. Мижучева, посвященная общественной дѣятельности женщины въ Америкѣ въ различныхъ ея сферахъ. Мы считаемъ излишнимъ передавать содержаніе дальнѣйшихъ главъ и, ограничиваясь ихъ названіемъ, отсылаемъ къ нимъ читателя. Онъ найдетъ въ нихъ много интересныхъ фактовъ, доселѣ ему, быть можетъ, мало извѣстныхъ. Вотъ эти главы: Женщина-врачъ въ Америкѣ. Женщины-юристы. Американскія женщины въ качествѣ проповѣдницъ. Государственная дѣятельность американскихъ женщинъ; роль ихъ во время войны за независимость и въ движеніи къ освобожденію негровъ. Американскія женщины въ литературѣ и въ журналистикѣ. Американскія женщины въ дѣлахъ благотворительности и какъ инициаторы полезныхъ общественныхъ реформъ. Книжка г. Мижучева посвящена столь интересному и животрепещущему для насъ вопросу, что мы считаемъ нужнымъ обратить на нее особенное вниманіе читателей. Мы рекомендуемъ ея и друзьямъ и противникамъ женскаго высшаго образованія. Другимъ, для того, чтобы они видѣли, чего добились въ Америкѣ защитники этого вопроса, благодаря своей энергіи, проявившейся въ живой инициативѣ и щедрой благотворительности. Но еще настоятельнѣе обращаемъ мы вниманіе противниковъ высшаго женскаго образованія на книжку г. Мижучева. Изъ его даже краткаго изложенія они усмотрятъ, на сколько основательны ихъ предубѣжденія о неспособности женщины къ самостоятельности или о вредѣ, проистекающемъ отъ этого для ихъ природы и налагаемыхъ ею на женщинъ обязанностей.

А. О—скій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Словесность, біографія, искусство, исторія литературы.

Many Inventions. By Rudyard Kipling. Crown 8-vo. 6 s. Этот сборник рассказов англійскаго писателя, успѣшаго приобрести европейскую извѣстность, вызвалъ самые лестные отзывы многочисленныхъ періодическихъ органовъ въ Англіи. «Рассказы г. Киплинга, — говоритъ, между прочимъ, *Saturday Review*, — дышатъ жизнью и полны силы; они приковываютъ вниманіе и запечатлѣваются въ памяти; въ нихъ содержится большая доза юмора, и въ то же время они свидѣтельствуютъ объ умѣ и вкусѣ автора».

My Village. By R. M. Ferguson. M. A. (Моя деревня). Книга эта содержитъ интересные и оригинальные очерки изъ жизни шотландской деревни; разнообразныя типы, какъ мужскіе, такъ и женскіе, весьма удачно очерчены авторомъ.

(Bookseller).

A Village Story. By Mrs G. E. Morton. (Деревенская повѣсть). Это новое изданіе сочиненія г-жи Мортонъ, отличающагося чистотою мысли и возвышенностью настроенія; съ радостью можно привѣтствовать возрастаніе популярности этого симпатичнаго автора.

(Bookseller).

My Contemporaries. By William Archer Shee. (Мои современники). Книга эта содержитъ воспоминанія автора о лицахъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться за періодъ времени съ 1830 по 1870 г. Все произведеніе написано чрезвычайно занимательно; особенный интересъ для читателя приобретаетъ оно, благодаря цѣлому ряду знаменитыхъ личностей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, вродѣ, напр. Галейрана,

Мура, Маколея, Дикенса, Тэжера, и друг. (Bookseller).

Abraham Lincoln. By John T. Morse. 2 vols. (Авраамъ Линкольнъ). Было бы слишкомъ много сказать, что г. Морсъ написалъ самую полную біографію Линкольна; несомнѣннымъ, однако, слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что талантливо написанный имъ очеркъ жизни великаго американца является самымъ интереснымъ для чтенія и вѣстѣ съ тѣмъ самымъ поучительнымъ. (Athenaeum).

Wagner and his Works. By Henry T. Finck. 2 vols' (Вагнеръ и его творенія). Эти прекрасные два тома американскаго автора, посвященные жизни знаменитаго композитора и разбору его произведеній, заслуживаютъ того, чтобы быть отмѣченными среди многочисленныхъ книгъ, посвященныхъ Вагнеру, ибо произведеніе г. Финка даетъ гораздо больше, нежели большинство сочиненій того же рода.

(Athenaeum).

Du beau dans la Musique, par Edouard Hanslick, traduit de l'allemand par M. Charles Rannetier, 1 vol. in. 8°. (О прекрасномъ въ музыкѣ). Это книга, которую стоить прочесть и надъ ней задуматься. Любители музыки съ удовольствіемъ найдутъ въ ней попытку разрѣшить основные вопросы эстетики, или, вѣрнѣе, метафизики звуковъ. Можно не соглашаться съ выводами г. Ганслиха, но нельзя не увлечься его необыкновенно талантливымъ изложеніемъ, отличающимся ясностью мысли и свидѣтельствующимъ объ основательномъ знакомствѣ автора съ философіей искусства.

(Revue des deux Mondes).

Handbook of English Literature. By H. A. Dobson. Second edition 3 S. 6 d. (Учебное руководство по английской литературе). Учебник этот входит въ серію Civil Service Handbooks. Книга эта является хорошимъ практиче-

скимъ руководствомъ, приуроченнымъ къ требованіямъ, предъявляемымъ въ настоящее время отъ образованнаго человѣка.

(Atheneum).

Исторія, культура и образованіе.

La Turquie et l'hellénisme contemporains. La Macédonie, par Victor Bérard. (Современная Турція и эллинизмъ). Авторъ названнаго сочиненія, большой поклонникъ эллинскаго племени разсматриваетъ, въ какомъ положеніи находится это племя въ странѣ, гдѣ приходится бороться съ различными ему враждебными національностями, вроде болгаръ, валаховъ, албанцевъ, сербовъ и проч. Однако, личныя симпатіи автора не мѣшаютъ ему понимать законность стремленія и этихъ народовъ жить и развиваться. Вообще нужно признать, что книга г. Бэрара, глубоко изучившаго греческій народъ, заслуживаетъ большого вниманія.

(Revue des Deux Mondes).

Israel chez les nations, par A. Leroy-Beaulieu, 1 vol in 8°. (Израильское племя среди разныхъ народовъ). Авторъ исходитъ изъ того положенія, что разъ еврейскій вопросъ выдвинуть самую жизнь, разъ онъ существуетъ, его необходимо изучать. Въ этой книгѣ извѣстный французскій писатель старается показать, что тѣ недостатки и неприятыя свойства евреевъ, противъ которыхъ борятся аятисемиты, не прищипи еврейской расѣ, какъ таковой, а являются неизбѣжнымъ результатомъ угнетенія и притѣснительныхъ законовъ, направленныхъ противъ евреевъ, слѣдствіемъ недовѣрчиваго къ нимъ отношенія и вызываемой этимъ отчужденности ихъ отъ кореннаго населенія странъ, въ которыхъ они обитаютъ. Не рѣшая безусловно еврейскаго вопроса, которому посвящена его книга, авторъ, повидимому, руководится въ своемъ изслѣдованіи искреннимъ желаніемъ раскрыть истину, благодаря чему сочиненіе его отличается безпристрастіемъ и богатствомъ фактическаго матеріала.

(Revue des Deux Mondes).

The Life and Duties of the Citizen. By J. E. Parrot. (Жизнь и обязанности гражданина). Хотя книга эта и предназначена специально для англійскаго юношества, однако, она можетъ

представить извѣстный интересъ и для иностраннаго читателя, такъ какъ содержитъ въ себѣ описаніе политическаго устройства англійскаго государства, изображеніе центрального и мѣстнаго управленія, дѣятельности парламента и т. д.

(Bookseller).

Low's Handbook to the Charities of London. (Справочная книга лондонской благотворительности). Эта справочная книга, выходящая ежегодно, нынѣ вступаетъ въ пятьдесятъ седьмой годъ своего существованія. Она тщательно просмотрѣна и содержитъ въ себѣ новѣйшія свѣдѣнія. Изданіе это знакомитъ насъ съ многоразличными формами, въ какихъ проявляется благотворительность въ столицѣ соединеннаго королевства.

(Bookseller).

The Anatomy of Misery: Plain Lectures on Economics. By John C. Kenworthy. (Анатомія нищеты). Эти популярныя лекціи по политической экономіи входятъ въ серію «Bellamy Library» (библіотека Беллами). Какого бы мнѣнія читатель ни былъ о взглядахъ г. Кенворта на собственность, производство, распределеніе и преобразование общественнаго строя, нельзя не признать, что авторъ умѣетъ излагать свои мысли весьма красиво и убедительно и съ большою искренностью.

(Bookseller).

English Education in the Elementary and Secondary Schools. By Isaac Sharpless (Народное образованіе въ Англій). Интересная книга эта входитъ въ серію подъ заглавіемъ «International Education Series», издаваемую г. Гаррисомъ (Dr. Harris), который снабдилъ названное сочиненіе своимъ предисловіемъ. Книга эта положительно заслуживаетъ того, чтобы ее прочесть и задуматься надъ ней. Авторъ предисловія, излагая исторію народнаго образованія въ Англій, показываетъ, какое влияніе на учебное дѣло, какъ въ прош-

ломъ, такъ и въ настоящемъ имѣла и имѣетъ англійская система самоуправленія. Отсюда становится понятнымъ различіе, которое можно замѣтить въ организаціи дѣла народнаго образованія въ Англии съ одной стороны и въ прочихъ государствахъ Западной Европы—съ другой.

(Atheneum).

The Work of the Universities for the Nation. By K. C. Jebb, M. P. (Что

сдѣлали университеты для страны). Эта лекція, читанная профессоромъ Джеббомъ въ Кэмбриджѣ студентамъ University Extension, представляетъ собою очеркъ исторіи высшаго образованія въ Англии съ XII-го вѣка вплоть до новѣйшаго созданія оригинальнаго учрежденія «распространенія университетскаго образованія» (University extension).

(Bookseller).

Географія, путешествія.

Die Vereinigten Staaten Nordamerikas in der Gegenwart. Sitten, Institutionen u. Ideen seit dem Secessionskriege. Von Prof. Claudio Jannet und Dr. Walter. Freiburg i. B., 1893. 704 S. Preis: M. 8. (Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ ихъ современномъ состояніи; нравы, учрежденія, идеи). За историческимъ введениемъ, въ которомъ особое вниманіе удѣляется преобразованію политическаго строя и взглядовъ, слѣдуетъ изображеніе современной политической жизни, партійныхъ раздоровъ, роли прессы, дается описаніе нравовъ, семейной и общественной жизни, церкви и школы, расоваго и рабочаго вопроса. Заключительная часть книги посвящена вопросу «о будущности американской демократіи». Хотя авторъ французскаго оригинала этой книги, появившейся теперь въ нѣмецкой переработкѣ г. Вальтера, въ качествѣ католика и консерватора, является въ нѣкоторыхъ вопросахъ пристрастнымъ въ своихъ сужденіяхъ, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, книга его представляется весьма интересною для чтенія, мѣстами даже увлекательною и поучительною. По ясности изложенія книга эта напоминаетъ отчасти известное сочиненіе Токвиля «la démocratie en Amérique», хотя она и уступаетъ этому знаменитому труду въ систематичности. Г. Вальтеръ обнаруживаетъ отличное знакомство съ литературою своего предмета.

(Literariches Centralblatt).

Autour de Chicago, par M. G. Savvin. 1 vol. in 8-vo (Вокругъ Чикаго). Подъ этимъ заглавіемъ г. Сованъ, известный авторъ чрезвычайно занимательныхъ и талантливыхъ очерковъ о гавайскихъ островахъ, — книга эта, *Un Royaume Polynésien*, была въ свое время от-

мѣчена въ нашемъ журналѣ*)—издалъ свои путевыя впечатлѣнія во время посѣщенія имъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ видѣ серіи замѣтокъ о нравахъ и обычаяхъ американцевъ, о видѣнныхъ имъ городахъ, о достоинствахъ и недостаткахъ обитателей великой республики, и т. д. Г. Сованъ и здѣсь, точно также, какъ и въ упомянутомъ выше другомъ его сочиненіи, проявляетъ себя въ качествѣ тонкаго наблюдателя и пріятнаго рассказчика.

(Revue des Deux Mondes).

Norway. Christiania, Bergen, Trondhjem, the Fjelds and Fjords. Edited by T. Michell, C. B., H. B. M. Consul-General for Norway. With Maps and Plans, and special informations for Fishermen and Cyclists. 7. s. 6 d. (Норвегія). Это новое изданіе путеводителя по Норвегіи входитъ въ известную коллекцію Муррея (*Murray's Foreign Handbooks*), отличную оцѣнку которой даетъ ж. *Saturday Review*, говоря, что «отличительною чертою всѣхъ изданій названной серіи Муррея, вообще, является научный характеръ сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, точность и интересность приводимыхъ историческихъ справокъ; принимая во вниманіе низкую цѣну путеводителей Муррея, при указанныхъ достоинствахъ, можно смѣло сказать, что они стоятъ внѣ конкуренціи. Про упомянутый томъ, посвященный Норвегіи, который дополненъ новѣйшими данными, *Truth* замѣчаетъ, что «онъ отличается столь же интересными качествами, какъ и прочіе томы той же серіи».

The Best Tour in Norway. By E. I. Goodman. With 34 Full-Page

*) См. «Міръ Божій», 1893 г., № 11.

Illustrations and Route - Map. Second Edition. (Лучшій маршрутъ для путешествія по Норвегіи) Книга эта, — говоритъ Daily Telegraph, — можетъ служить занимательнымъ спутникомъ при поѣздкѣ въ Норвегію и весьма цѣннымъ путеводителемъ.

About Holland. By Greville E. Matheson. (По Голландіи). Въ то время, какъ другія мѣстности Европы вдоль и поперекъ избѣжены туристами, Голландія оставалась до послѣдняго времени почти незнакомою странкою. Теперь замѣчается пробужденіе интереса къ Голландіи и книга г. Матесона появляется встатіи. Она можетъ служить отличнымъ путеводителемъ при посѣщеніи этой страны; главнѣйшія достопримѣчательности Голландіи отлично здѣсь описаны, приводятся также необходимыя историческія свѣдѣнія. Иллюстрацій много и онѣ хороши.

(Bookseller).

Italien. Eine länderkundliche Skizze, von Prof. Dr. Theob. Fischer. Hamburg 1893. 34 S. Preis: M. 0,80. (Италія). Это небольшое произведеніе входитъ въ извѣстную серію, издаваемую Вирхо-

вымъ и Каттенбахомъ *Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge* (Собраніе популярныхъ научныхъ рефератовъ); оно представляетъ законченный очеркъ исторіи Италіи, начиная съ основанія государства вплоть до новѣйшихъ политическихъ событій. Авторъ является отличнымъ знаткомъ и поклонникомъ Италіи и итальянскаго народа.

(Literarisches Centralblatt).

Far East. By Norman Macleod (Дальній Востокъ). Мы имѣемъ здѣсь дешевое изданіе (1½ шиллинга, т. е. 30 коп.) весьма извѣстнаго сочиненія Маклеода, посвященное описанію путешествія въ Индію.

(Bookseller).

The Up-to-date Gazetteer and Atlas of the World. (Новѣйшій географическій словарь и атласъ). Благодаря своему незначительному объему, этотъ маленький географическій словарь является весьма удобнымъ справочною книжкою. Свѣдѣнія отличаются точностью. Атласъ содержитъ 20 картъ.

(Bookseller).

Естествознаніе, философія, психологія.

Astronomy for Every-Day Readers. By V. J. Hopkins. (Астрономія для обыкновенныхъ читателей). Цѣлью этого маленькаго сочиненія, какъ гласитъ предисловіе, является желаніе дать возможно точное и интересное описаніе тѣхъ небесныхъ явленій, знакомство съ которыми необходимо для каждого образованнаго человѣка. Отдѣльныя главы книги трактуютъ о днѣ и ночи, фазахъ луны, приливахъ и отливахъ, временахъ года, солнечныхъ и лунныхъ затмѣнійхъ, метеорахъ, падающихъ звѣздахъ, кометахъ. Въ общемъ нельзя не признать, что названное сочиненіе вполне достигаетъ намѣченной цѣли служить интереснымъ руководствомъ для неподготовленныхъ читателей.

(Athenaeum).

La Terre avant l'apparition de l'homme, par Fernand Priem. — Un vol. in-8°, 715 p., avec 900 figures, Paris. Prix: 12 francs. (Земля до появленія человѣка). Книга эта входитъ въ издаваемую г. Больеромъ серію, носящую общее заглавіе «*Les Merveilles de la Nature*» (Чудеса природы). Новое сочпне-

ніе г. Прима является до извѣстной степени продолженіемъ другого сочиненія того же автора, которое появилось годомъ раньше, подъ заглавіемъ: «*La Terre, les Mers et les Continents*» (Земля, моря и материкъ *), и также вошло въ упомянутую серію. Названная выше книга посвящена описанію разнообразныхъ измѣненій, которыя претерпѣваетъ земной шаръ въ теченіи долгихъ вѣковъ своего существованія и любопытныхъ видовъ растеній и животныхъ, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга на землѣ. Въ первой части этого сочиненія авторъ даетъ весьма полное описаніе нашихъ современныхъ познаній о распредѣленіи суши и морей въ различныя геологическія эпохи. Описывая отжившія формы животнаго и растительнаго міра, онъ старается показать связь, соединяющую ихъ съ существующими въ настоящее время видами и такимъ образомъ дать наглядное представленіе о прогрессивной эволюціи органическихъ формъ, медленно

*) Отвѣтъ объѣтой книгѣ см. «Міръ Божій», 1893 г., № 2.

совершающейся въ продолженіи длинныхъ геологическихъ періодовъ. Книга г. Прима написана довольно популярно, и можетъ быть горячо рекомендована широкому кругу читателей, для котораго она, собственно, и предназначена. Рисунки, которыхъ очень много, весьма удовлетворительны.

(Revue Scientifique).

Allgemeine Meereskunde, von Johs. Walther. Mit 72 in den Text gedr. Abb. 1¹Karte. Leipzig, 1893. in-8⁰⁰, 296 стр. Preis: M. 5. (Всеобщее моревѣдніе). Представшую книжечку, заглавіе которой здѣсь выписано, можно привѣтствовать, какъ превосходное популярное изложеніе моревѣднія, этой еще совсѣмъ юной отрасли знанія,—изложеніе, стоящее на высотѣ современной науки. Передъ нами не сухой очеркъ этого интереснаго предмета, но полное живи описание природы океана, населяющихъ его растений и животныхъ, его геологическаго значенія, т. е. роли, которую онъ играетъ въ постоянномъ измѣненіи земной поверхности; здѣсь же дается и описание изобрѣтенныхъ въ новѣйшее время способовъ, при помощи которыхъ удается изслѣдовать тайны морской глубины. Авторъ этой книги является основательнымъ знаткомъ предмета и весьма талантливымъ популяризаторомъ.

(Literarisches Centralblatt).

Le mouvement, par M. Marey, in vol. in-12. 1894. (Движеніе). Это новое сочиненіе весьма извѣстнаго автора содержитъ въ себѣ описание результатовъ, къ которымъ привело примѣненіе новаго, изобрѣтеннаго авторомъ, способа наблюденія надъ тѣми движеніями, которыя слишкомъ быстры для того, чтобы быть замѣчены глазомъ, но которыя удается фиксировать при помощи фотографіи. Снимки, полученные съ нѣкоторыхъ движеній челоука, чрезвычайно поучительны. Весьма интересны результаты, которые дало фотографированье движеній рыбъ и др. животныхъ въ акваріумѣ, движеній насекомыхъ, напр., пауковъ, движеній ящерицы и проч.

(Revue Scientifique).

Lectures in Elementary Biology. By T. Jeffery Parker. (Лекціи по элементарной биологіи). Трудъ г. Паркера является оригинальнымъ и хорошимъ маленькимъ учебникомъ; онъ написанъ добросовѣстно и хорошо; авторъ показывалъ, что прекрасно можно демонстри-

ровать главнѣйшія обобщенія современной биологической науки на привѣрѣ простѣйшихъ видовъ животныхъ (Athenaeum). Про ту же книгу журналъ «Nature» говоритъ, что она можетъ быть признана «необыкновенно хорошо-написаннымъ, удачно-составленнымъ и оригинальнымъ учебнымъ руководствомъ по биологіи».

Methods and Results, by E. H. Huxley, 430 p. London. 1893. (Методы и результаты).

Darwiniana, тою же автора, 475 p. London, 1893.

Въ этихъ двухъ томикахъ знаменитаго англійскаго ученаго собраны очерки его, появившіеся уже раньше въ различныхъ журналахъ. Первая изъ двухъ названныхъ книгъ содержитъ въ себѣ этюды о польдѣ естественно-научныхъ познаній, о прогрессѣ науки, о физической основѣ жизни, о научномъ методѣ, чрезвычайно интересный очеркъ о естественномъ неравенствѣ людей, и т. д.—Вторая книга состоитъ также изъ отдѣльныхъ статей, специально касающихся ученія Дарвина; здѣсь, между прочимъ, помѣщены «шесть лекцій, читанныхъ рабочимъ о нашихъ познаніяхъ о причинахъ явленій органическаго міра», и нѣсколько отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ личности самаго Дарвина.

(Revue Scientifique).

The Microscope: its Construction and Management. By Dr. Henri van Heerck. English Edition by Wynne E. Baxter. (Микроскопъ; его устройство и обхожденіе съ нимъ). Англійское изданіе этого извѣстнаго сочиненія Гёрема является не столько переводомъ, сколько совершенно новой переработкой оригинала; весьма многіе будутъ благодарны за то, что авторъ сумѣлъ дать описание конструкции микроскопа и обхожденія съ этимъ инструментомъ, описание, не требующее слишкомъ большой математической подготовки.

(Athenaeum).

The Industries of Animals. By Frédéric Houssay. With Forty-Four Illustrations. (Трудолюбіе животныхъ). Книга эта, вошедшая въ извѣстную «научную серію» (Scientific Series), является переводомъ извѣстнаго французскаго сочиненія; каждый изъ насъ, конечно, еще въ дѣтствѣ слышалъ рассказы объ удивительныхъ обычаяхъ и работахъ муравьевъ и пчелъ; въ ле-

жащей здѣсь передъ нами книгѣ авторъ въ занимательной и популярной формѣ передаетъ интересные факты, свидѣтельствующіе о поразительной сообразительности и о нравахъ разныхъ звѣрей, птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ; онъ рассказываетъ о ихъ постройкахъ, о способахъ защиты, объ устраиваемыхъ ими жилищахъ. Книга снабжена иллюстраціями изъ сочиненія Брѣма о жизни животныхъ.

(Bookseller).

Psychologische Skizzen, von Edm. W. Bells. Leipzig. 1893. 191 S. Preis: M.

2,40. (Психологическіе очерки). Въ этой книжечкѣ собраны популярныя очерки талантливаго автора, частью появившіеся уже раньше. Помѣщенные здѣсь статьи (вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: психологія ребенка, гений, психологія новѣйшей французской литературы, и пр.), написаны чрезвычайно умно и съ знаніемъ дѣла. Очерки г. Рельса способны возбудить интересъ и уваженіе къ современной экспериментальной и фзіологической психологіи въ широкомъ кругѣ читателей.

(Literarisches Centralblatt).

С М Ъ С Ь.

Изъ русской жизни.

Вопросы русской общественной жизни. Итоги сбора хлѣба въ Европейской Россіи за прошлый годъ, опубликованные недавно департаментомъ земледѣлія, хотя и указываютъ, въ общемъ, на довольно хорошій урожай, но все же урожай этотъ не вполне оправдалъ возлагавшіеся на него, въ теченіе лѣта, ожиданія. Урожай нѣкоторыхъ хлѣбовъ оказался выше средняго, другихъ же—только среднимъ и изъ общаго числа пятисотъ уѣздовъ Европейской Россіи, болѣе ста потерпѣли въ большей или меньшей степени отъ недорода. Такое явленіе, впрочемъ, не составляетъ у насъ чего-нибудь исключительнаго и повторяется изъ года въ годъ. Даже въ такіе годы (1887—1888), когда урожай въ Россіи былъ особенно блестящимъ, все-таки существовалъ недородъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и малообеспеченные крестьяне терпѣли, какъ всегда, нужду. Повтому-то продовольственный вопросъ, т.-е. вопросъ о снабженіи нуждающихся крестьянъ сѣменами для посѣва, а иногда даже хлѣбомъ для прокормленія вплоть до новаго урожая, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ сбора хлѣбовъ, не сходитъ у насъ съ очереди. Но однимъ изъ вредныхъ послѣдствій предшествующихъ неурожаевъ является то, что въ большинствѣ губерній всяки мѣстныя продовольственныя средства и теперь уже, не смотря на сравнительно небольшую нужду, многія мѣстности вынуждены прибѣгнуть къ пособію правительства въ видѣ продовольственныхъ ссудъ. Было бы хорошо, конечно, если бы, кромѣ пособія хлѣбомъ, во многихъ мѣстностяхъ гдѣ обнаруживается недородъ, были бы сдѣланы нѣкоторыя облегченія по взысканію платежей и недоимокъ, такъ какъ въ настоящее время подобныя взысканія только увеличатъ къ веснѣ и безъ того не малое число нуждающихся въ продовольственной помощи.

Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію экономическаго положенія сельскаго населенія, нельзя не упомянуть о сельскохозяйственныхъ артеляхъ, организованныхъ шадринскимъ земствомъ. Многія крестьянскія семьи, за полнымъ отсутствіемъ сельскохозяйственнаго инвентаря, вынуждены бывають забрасывать свое хозяйство и землю, и заниматься какимъ-нибудь отхожимъ промысломъ, обращаясь такимъ образомъ въ пролетаріевъ. Разумѣется, послѣдніе неурожайные годы увеличили число такихъ несчастныхъ семей, которые, даже имѣя землю, не могутъ ее обрабатывать. Вотъ, чтобы помочь этому злу шадрин-

ское земство и приступило къ организаціи сельскохозяйственных артелей. Въ каждую артель входило по шести дворовъ, на которые земство выдало по два плуга, по парѣ лошадей, одну соху, овинья, яровья сѣмена и картофель для посѣва. Известная часть запашки (около семи десятинъ) отдѣляется для покрытія податей, сѣменной ссуды и долга по обзаведенію артели и увеличенію ея хозяйственного инвентаря. Эта часть обрабатывается всею артелью сообща, остальные же каждый обрабатываетъ для себя, при чемъ соблюдается строгая очередь въ пользованіи инвентаремъ.

Въ 1892 году шадринское земство организовало 55 такихъ артелей, и мѣра эта сразу дала такіе хорошіе результаты, что въ слѣдующемъ 1893 году, крестьяне уже сами стали просить земство объ организаціи новыхъ артелей и земство устроило еще 21 такую артель.

По словамъ «Русской Мысли», шадринское земство осуществило эту сложную мѣру, располагая самыми грошовыми средствами, сельскохозяйственное обзаведеніе каждой артели обошлось въ среднемъ въ 122 рубля. Крестьяне, видя успѣхъ этой мѣры, обратились къ земству съ просьбами помочь имъ организаціей артелей въ кустарномъ дѣлѣ и земство, на основаніи этихъ крестьянскихъ просьбъ, организовало въ прошломъ году еще нѣсколько артелей: плотниковъ, шорниковъ, сапожниковъ и кожевниковъ. Несмотря на свое кратковременное существованіе артели эти уже успѣли принести ощутительную пользу въ экономическомъ отношеніи. Нельзя не пріветствовать такой частный починъ, спасшій отъ разоренія массу крестьянскихъ семей и не пожелать, чтобы онъ нашелъ послѣдователей и въ другихъ земляхъ, тѣмъ болѣе что шадринское земство доказало, что и съ малыми средствами можно принести большую пользу.

Другимъ добрымъ починомъ, направленнымъ тоже къ поднятію народнаго благосостоянія является учрежденіе нижегородскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ сельскохозяйственного совѣта. Обязанность этого совѣта будетъ заключаться въ собраніи самыхъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о состояніи сельскаго хозяйства въ уѣздѣ и въ заботѣ объ улучшеніи этого хозяйства со всѣми его отраслями. Совѣту предназначается широкая дѣятельность въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ не только долженъ заботиться о доставкѣ сельскохозяйственныхъ орудій, машинъ, скота и т. п., но и о распространеніи между крестьянами полезныхъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній путемъ устройства чтеній, бесѣдъ и сельскохозяйственныхъ школъ. Кромѣ того, Совѣтъ будетъ служить посредникомъ въ сношеніяхъ крестьянъ съ земельными банками и въ случаѣ желанія крестьянъ переселиться. Также на обязанности Совѣта будетъ лежать организація сбыта предметовъ кустарнаго производства.

Примѣру нижегородскаго земства послѣдовали уже два другихъ; клинское и екатеринславское земства, составившія проектъ учрежденія особыхъ сельскохозяйственныхъ участковыхъ попечительствъ, которыя должны служить посредниками между сельскимъ населеніемъ и земствомъ, а красноуфимское земское собраніе постановило учредить собственный земскій уѣздный банкъ для выдачи ссудъ крестьянскимъ обществамъ, артелямъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ.

Эти примѣры указываютъ на то, что земства, несмотря на скуд-

ныя средства и массу другихъ затрудненій все-таки стараются принести посылную пользу народу. Всего благотворнѣе всема дѣятельность выразилась въ области народнаго образованія. Тутъ намъ приходится констатировать многіе отрядные факты. Напримѣръ: тверское уѣдное земство достигло того, что почти всѣ мальчики школьнаго возраста посѣщаютъ начальную школу. Пережитые нами два трудныхъ неурожайныхъ года указываютъ достаточно ясно, что народная школа стала у насъ потребностью жизни; даже въ самое трудное время школы не закрывались и сочувствіе къ нимъ населенія выразилось въ эти тяжелые годы съ полною силой.

Къ сожалѣнію, бюджетъ многихъ земствъ такъ ограниченъ, что на народное образованіе весьма часто отдѣляется очень недостаточно. Страдаютъ отъ этого ученики, страдаютъ и учителя. Помѣщеніе для школъ, въ такихъ случаяхъ, бываетъ очень тѣсно и ужь, конечно, не можетъ удовлетворять никакимъ требованіямъ даже самой примитивной гигиены. Часто приходится ограничивать по недостатку мѣста число принимаемыхъ учениковъ. Положеніе учителей тоже бываетъ очень тяжелое и учителю нерѣдко приходится вести жизнь, полную всякаго рода лишеній. Вотъ что рассказываетъ объ учителяхъ Лукьяновскаго уѣзда газета «Волгарь»: «Насколько жалка доля бѣдныхъ труженниковъ-учителей всѣмъ понятно, да если еще прибавить къ этому обычную задержку въ полученіи жалованья, то остается только удивляться ихъ мужественному терпѣнію. Положеніе ихъ бываетъ нерѣдко хуже, чѣмъ любого нищаго, который всегда можетъ испросить себѣ въ любомъ домѣ и кусокъ хлѣба и заплату къ своему сермяжному ащуну; учителя же должны почтительнѣе ожидать получки жалованья для расплаты съ кредиторами, которые чуть не каждый день являются съ требованіемъ денегъ, а кредитъ, конечно, давно уже закрыли. На бѣду поѣдетъ по школамъ инспекторъ, потребуетъ отъ школъ и письма и чтенія, а между тѣмъ въ школы не выслано ни книгъ, ни бумагъ; какъ хотите, такъ, молъ, и учите, а ученики все должны знать, что требуется!»

Эта печальная картина, рисующая положеніе сельскаго учителя, наводитъ, конечно, на тяжелыя размышленія. Какъ много надо силы воли, самоотверженія и горячей любви и преданности своему дѣлу, чтобы при такихъ тяжелыхъ условіяхъ остаться на высотѣ своей задачи! Но на Руси не мало такихъ безвѣстныхъ труженниковъ, съ истиннымъ безкорыстіемъ служащихъ святому дѣлу народнаго образованія. Одинъ изъ такихъ труженниковъ, какъ передаетъ «Русская Жизнь», справлялъ недавно двадцатипятилѣтній юбилей своей учительской дѣятельности, въ селѣ Питерки, Новоузенскаго уѣзда. Этотъ учитель, Д. И. Поляковъ, воспитываетъ уже второе поколѣніе сельскаго населенія, у него учатся теперь дѣти его прежнихъ учениковъ; онъ сроднился съ деревней и приобрѣлъ горячую любовь крестьянъ, въ судьбѣ которыхъ всегда принималъ самое живое участіе.

Объ отношеніи самаго сельскаго населенія къ школѣ не разъ распространялись самыя превратныя свѣдѣнія. Вотъ съ цѣлью выяснить именно этотъ вопросъ, редакція журнала «Русскій Народный Учитель» разослала, по словамъ «Русской Мысли», вопросы всѣмъ народнымъ учителямъ, прося ихъ собрать отъ бывшихъ учениковъ школъ собствен-

поручные отвѣты, такъ обставивъ дѣло, чтобы отвѣты были получены вполне искренніе, не выдуманные и не сочиненные. Вопросы эти слѣдующіе: 1) Чѣмъ занимался по выходѣ изъ школы? 2) Много ли приходилось читать и гдѣ доставать книги? 3) Часто ли приходится писать и что? 4) Хорошо ли было въ школѣ? 5) Что хорошаго прочелъ въ книгахъ? 6) Что говорятъ въ деревнѣ про школу и ученье? 7) Такъ ли живутъ грамотные, какъ неграмотные, и какъ надо жить?».

Отвѣты уже доставлены изъ 25 училищъ, разбросанныхъ по пятнадцати губерніямъ и областямъ сѣверной, южной, восточной, западной и центральной Россіи; всего 394 отвѣта. Писавшіе эти отвѣты посѣщали школу въ разные времена, начиная съ 1866 г. по 1893 г. Изъ отвѣтовъ видно, что бывшіе ученики школъ съ любовью и уваженіемъ относятся къ ней и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о своей школьной жизни. Отвѣты писались охотно; одни занимались этимъ дѣломъ въ школѣ, другіе—дома. Конечно, отвѣты получились самые разнообразныя, какъ по формѣ, такъ и по содержанію и объему, но въ каллиграфическомъ и орфографическомъ отношеніи, по замѣчанію журнала, предложившаго вопросы, отвѣты оказались довольно удовлетворительными для прошедшихъ лишь курсъ начальной школы; отвѣты переполнены мѣстными словами и оборотами рѣчи, но все-таки ясны и понятны.

Интересна также въ этомъ отношеніи переписка яранскаго агрономическаго смотрителя Тарактина, отрывки изъ которой были напечатаны въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Нужны мнѣ,—пишетъ одинъ крестьянинъ,—нижеслѣдующія книжки: о земледѣліи, т. е. когда и какъ надо пахать землю, какъ ее удобрять и какъ сѣмена класть? Желательно бы знать, не имѣютъ ли вліянія на урожай большія росы и туманы? Нужно книжку объ огородничествѣ, въ которой побольше опишите о картофелѣ, такъ какъ онъ большое подспорье хлѣбу и по какимъ признакамъ можно узнать осенью, перестала ли картофель и другія овощи расти». Далѣе крестьянинъ проситъ книгу о скотоводствѣ, о леченіи болѣзней скота домашними средствами. Онъ перечисляетъ нѣкоторые болѣзни скота, отъ которыхъ желалъ бы имѣть лекарства и говорить: «Прошу науку объяснить, какъ пользоваться эти болѣзнями». Затѣмъ, слѣдуетъ еще рядъ вопросовъ: о здоровьѣ, о признакахъ умершаго, о томъ, какъ сберечь себя женщины, готовящейся быть матерью, какъ лечить дѣтей и воспитывать ихъ и т. д. и т. д. Изъ этого видно, что крестьяне сами желаютъ выбраться изъ окружающей ихъ темноты, что они жаждутъ свѣта и благодарны всякому, кто принесетъ имъ свѣточъ знанія и поможетъ имъ выбраться изъ того труднаго и подчасъ безысходнаго положенія, въ которомъ они находятся. Очень желательно было бы, чтобы всѣ эти голоса, взывающіе къ свѣту, не остались голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ Россіи сельское населеніе составляетъ громадное большинство; это доказывается и данными центральнаго статистическаго комитета относительно всего населенія Россіи. По этимъ даннымъ только одна восьмая часть всего населенія Европейской Россіи живетъ въ городахъ и лишь въ одной Петербургской губерніи городского населенія больше, нежели сельскаго. Конечно, вслѣдствіе этого, условія сельской жизни должны представлять для насъ огромный интересъ. Знакомясь

съ условіями быта нашего сельскаго населенія, мы должны непременно обратить вниманіе на одинъ крайне любопытный фактъ, составляющій особенность нашего быта въ отличіе отъ западно-европейскаго. Вездѣ во всѣхъ государствахъ процентъ смертности городскаго населенія больше, нежели сельскаго. Въ городахъ на возрастаніе смертности вліяютъ равныя неблагопріятныя условія: скученность населенія, бѣдность и дурныя санитарныя условія жизни необеспеченныхъ классовъ городскаго населенія, особенная трудность достигнуть оздоровленія городовъ, и т. д. и т. д. Между тѣмъ, у насъ, хотя наши города и далеко уступаютъ по своему благоустройству городамъ Запада, а бѣдность нившихъ классовъ нашего городскаго населенія ничуть не меньше, чѣмъ въ остальной Европѣ, все-таки смертность среди сельскаго населенія оказывается больше, нежели смертность въ городахъ. Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ полную противоположность остальнымъ европейскимъ государствамъ. Притомъ вообще лѣтъ 30—40 тому назадъ смертность въ Россіи была меньше, чѣмъ теперь.

Конечно, только путемъ всесторонняго изученія условій жизни сельскаго населенія можно добиться разрѣшенія этой загадки и объясненія страннаго явленія: преобладанія сельской смертности надъ городской. Несомнѣнно, въ этомъ вопросѣ должны играть немаловажную роль матеріальная необеспеченность крестьянина, причиною которой часто является малоземелье. Изъ данныхъ, полученныхъ статистикомъ повемельной собственности видно, что между приростомъ сельскаго населенія и размѣрами крестьянскихъ надѣловъ существуетъ обратное соотношеніе. Вообще малоземелье вредно отражается какъ на самихъ крестьянскихъ семьяхъ, такъ и на ихъ хозяйствахъ и не только приводитъ его въ упадокъ, но даже влечетъ за собою постепенное его разрушеніе.

На увеличеніе смертности среди сельскаго населенія безспорно имѣетъ вліяніе также полное отсутствіе элементарныхъ медицинскихъ и гигиеническихъ знаній у народа. Многія болѣзни, особенно заразнаго характера, обязаны своимъ развитіемъ и часто эпидемическимъ распространеніемъ исключительно только глубокому невѣжеству народа, той безпросвѣтной тьмѣ, которая господствуетъ въ немъ въ отношеніи медицинскихъ и гигиеническихъ познаній. Эта же безпросвѣтная тьма породила такіе прискорбные факты, какъ холерные беспорядки. Корреспондентъ газеты «Врачъ», описывая эти беспорядки, восклицаетъ: «Какой наглядный урокъ, что нужно побольше свѣта и знанія!». Въ борьбѣ со всякаго рода эпидемію, развившеюся среди сельскаго населенія, врачи часто бывають бессильны именно потому, что они не въ состояніи побѣдить закоренѣлые предразсудки народа и заставить его признать пользу санитарныхъ мѣропріятій. Насильственное проведеніе этихъ мѣропріятій вызываетъ не только сильное сопротивленіе, но и прямо открытую враждебность, доходящую иногда до такихъ крайностей, какими ознаменовалась холерная эпидемія 1892 года. Земскій врачъ Воскресенскій въ своемъ докладѣ на секціи общественной медицины V-го съѣзда *) врачей во имя Н. И. Пирогова развилъ мысль

*) Съѣздъ происходилъ въ Петербургѣ въ концѣ декабря прошлаго года.

о необходимости популяризаціи и распространенія медико-санитарныхъ знаній среди народа. Упомянувъ о холерныхъ безпорядкахъ, которые явились прямымъ слѣдствіемъ народнаго невѣжества, докторъ Воскресенскій говоритъ: «Можемъ ли мы, врачи, не чувствовать своей вины въ томъ, что какъ должно не поваяботились подѣлиться элементарными врачебными знаніями съ народомъ, между которыми и между нами лежитъ непроходимая пропасть? Безъ подготовки народа къ пониманію пользы врачебныхъ и гигиеническихъ мѣръ, безъ сообщенія ему еще на школьной скамьѣ гигиеническихъ понятій, всѣ старанія врачей провести подобныя правила въ жизнь окажутся тщетными, вся дѣятельность ихъ сведется въ этомъ отношеніи почти къ нулю».

Докторъ Воскресенскій считаетъ сельскую школу лучшимъ раскладникомъ понятій о гигиенѣ въ крестьянской средѣ, но для этого необходимо, чтобы существовали популярно изложенныя изданія для народа по элементарной анатоміи, физиологіи и гигиенѣ. Учителя школъ могли бы читать съ учениками старшихъ классовъ эти книжки и объяснять имъ непонятныя слова. Путемъ такихъ книжекъ можно распространять въ народѣ здравыя понятія, также какъ и путемъ устройства народныхъ чтеній или собесѣдованій по этимъ вопросамъ, между тѣмъ у насъ начинаютъ появляться популярно изложенныя медицинскія и гигиеническія изданія для народа лишь тогда, когда возникнетъ эпидемія, но тогда вліяніе этихъ изданій бываетъ весьма слабо. Необходимо заранѣе вести пропаганду гигиеническихъ знаній въ народѣ, безъ чего немислимо оздоровленіе населенія; необходимо постепенно уничтожать зло суевѣрія и вразумить непонимающихъ. Побольше свѣта, побольше знанія!

Докладъ доктора Воскресенскаго былъ принятъ во вниманіе съѣздомъ врачей и состоялось постановленіе о томъ, чтобы ходатайствовать о разрѣшеніи земскимъ, сельскимъ и прочимъ врачамъ устраивать народныя чтенія или бесѣды по предметамъ охраненія народнаго здоровья, и озаботиться объ улучшеніи и увеличеніи медицинскихъ народныхъ изданій и о введеніи преподаванія гигиены во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ педагоговъ.

Капиталъ для распространенія гигиеническихъ знаній въ народѣ предполагается образовать путемъ сбора пожертвованій. По предложенію доктора Воскресенскаго, дѣло это организуется въ память врачей, погибшихъ въ борьбѣ съ тифомъ и холерою въ голодный 1892 годъ.

Пожелаемъ успѣха благому начинанію.

Народный университетъ. Въ высшей степени любопытный фактъ сообщаетъ «Русская Жизнь» о томъ, какъ среди совершенно простыхъ и темныхъ людей, среди рудокоповъ на Уралѣ, возникла впервые идея объ учрежденіи въ Россіи народнаго университета.

Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ «Русская Жизнь», на далекомъ Уралѣ, въ Екатеринбургѣ, не среди мѣстной интеллигенціи, а въ средѣ самихъ рудокоповъ возникаетъ идея устройства на Уралѣ народнаго университета, съ агрономическимъ факультетомъ. Эта идея находитъ горячее сочувствіе и матеріальную поддержку среди мѣстныхъ достаточныхъ лицъ крестьянскаго же происхожденія, предпріятіе вполне

обеспечивается въ экономическомъ отношеніи, и нѣсколько представителей сословія ѣдутъ въ Петербургъ для того, чтобы дать дальнѣйшее движеніе къ осуществленію. Здѣсь, въ Петербургѣ, при содѣйствіи нѣсколькихъ лицъ изъ интеллигенціи, преимущественно екатеринбургскихъ же уроженцевъ, вырабатывается подробный планъ организаціи задуманнаго предпріятія. Къ сожалѣнію, на этомъ фазисѣ, кажется, дѣло и останавливается; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ возможности сообщить данныя о томъ, было ли предпринято ходатайство объ открытіи учрежденія, или неизвѣстныя обстоятельства помѣшали дальнѣйшему движенію въ осуществленіи этой замѣчательной народной идеи.

Этотъ фактъ наглядно указываетъ, какъ самъ народъ всячески ищетъ путей къ самообразованію. Было бы, конечно, очень желательно, чтобы это вполне законное его стремленіе получило правильное развитіе и удовлетвореніе.

Процентъ безграмотныхъ. Въ педагогическомъ журналѣ «Образованіе» приводятся недавно опубликованныя официальные данныя о числѣ безграмотныхъ, т. е. не умѣющихъ ни читать, ни писать,—данныя, разработанныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и относящіяся до призыва новобранцевъ въ 1887 г.

«Число безграмотныхъ, т. е. не умѣющихъ ни читать, ни писать, между молодыми людьми 20-ти-лѣтняго возраста *всѣхъ* сословій, принятыми въ военную службу по призыву 1887 г. для всѣхъ губерній Европейской Россіи, кромѣ Финляндіи, прибалтійскихъ губерній, привислянскихъ губерній и Кавказа, сѣвернаго и южнаго, выражалось 70,5 проц. Въ эпоху, когда призывные 1887 г. учились въ школахъ, т. е., приблизительно, за 8—10 лѣтъ тому назадъ, въ означенномъ районѣ Европейской Россіи на 1 учащуюся дѣвочку приходилось около 6 учащихся мальчиковъ. Поэтому, вѣроятное число безграмотныхъ женщинъ 20-ти-лѣтняго возраста въ 1887 г. въ той же части Россіи было, приблизительно, 95,3 проц. Въ привислянскихъ губерніяхъ для того же 1887 г. подобный же процентъ безграмотныхъ между мужчинами былъ 82,3 проц. а между женщинами 91,6 проц. Для прибалтійскихъ губерній процентъ безграмотныхъ мужчинъ и женщинъ выражался соответственно цифрами: 7,4 проц. и 7,8 проц.»

Книжное оскудѣніе. Подъ такимъ заглавіемъ въ журналѣ «Русское Богатство» (ноябрь и декабрь) была напечатана статья Н. А. Рубакина, представившаго интересную картину того, что читаетъ населеніе Россіи и какъ относится къ прочитанному читатель изъ различныхъ классовъ общества. Цѣль автора статьи—доставить нѣкоторыя данныя для характеристики читателя изъ приведенныхъ классовъ. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, неутѣшительны. Намъ кажется, что мы богаты книгами, но между тѣмъ это не такъ. Ежегодно печатается на русскомъ языкѣ около 20 милліоновъ книгъ, слишкомъ 5 тысячъ названій, но если разложить это число на всѣ приведенные классы, то окажется, что на тысячу изъ нихъ приходится ежегодно

даже меньше чѣмъ два названія. Общее число журналовъ и газетъ въ Россіи около 900, въ семь разъ меньше, чѣмъ въ Германіи, почти въ пять разъ меньше, чѣмъ во Франціи, въ четыре раза—чѣмъ въ Англии и даже маленькая Бельгія и Испанія перепоголяли насъ въ этомъ отношеніи. На одинъ миллионъ жителей приходится періодическихъ изданій: въ Швейцаріи—230, Бельгіи—153, Германіи—129, Франціи—114, Норвегіи—89, Великобританіи—88, Испаніи—68, Италиі—51, Австріи—43, Греціи—36, Сербіи—26 и Россіи—9! Относительно книгъ получаются еще болѣе знаменательныя цифры, особенно если мы будемъ принимать во вниманіе не только количество книгъ, но и качество ихъ.

По замѣчанію автора статьи, русскій современный читатель живетъ преимущественно старинной, т. е. зачитывается теперь тѣмъ, чѣмъ увлекались читатели сороковыхъ, тридцатыхъ годовъ и даже раньше. Произведения же новыхъ авторовъ расходятся далеко не такъ скоро, какъ это можно было бы ожидать. Научныхъ же книгъ выходитъ очень мало. Авторъ видитъ причину плохого расхожденія книгъ въ ихъ дороговизнѣ. Книжныхъ магазиновъ и библиотекъ на всю Россію очень мало. Во многихъ мѣстахъ провинціальныя жители лишены всякой возможности пользоваться книгами на мѣстѣ. Но тамъ, гдѣ даже существуютъ въ провинціи библиотеки поражаетъ незначительное число подписчиковъ. Укажемъ нѣкоторыя цифры: въ екатеринславской библиотекѣ подписчиковъ—215, въ херсонской—360, астраханской—451, нижегородской—650 и т. д. Наивысшая предѣльная цифра оказывается въ одесской библиотекѣ—4.563 подписчика. Но существуютъ и такіе города, въ которыхъ подписчиковъ въ библиотекѣ совсѣмъ не оказывается; напримѣръ, въ Нахичевани и Симферополѣ. Все это указываетъ на малый интересъ къ книгѣ и авторъ объясняетъ это отсутствіемъ интереса общественной жизни; жизнь течетъ вяло и уныло, постепенно пропадаетъ инициатива личности, и очень многія книги теряютъ свой интересъ. Потребности умственной жизни мало-по-малу заглушаются и если даже въ столицѣ мы встрѣчаемъ людей, живущихъ безъ книгъ и часто не знающихъ даже по имени тѣхъ писателей, которыми должно было бы гордиться наше отечество, то что же удивительнаго, что въ глухой провинціи мы натываемся на такое явленіе!

Изъ отчетовъ библиотекъ и книжныхъ магазиновъ видно, что русскіе читатели больше всего любятъ беллетристику, затѣмъ спрашиваютъ журналы, научныя же книги большею частью покоятся на полкахъ. Главные потребители научнаго чтенія: учащіе и учащіяся. Къ сожалѣнію, особенно многочисленны тѣ читатели, которымъ рѣшительно все равно что читать и которые никакихъ идей въ книгѣ не ищутъ, лишь бы было интересно. Такіе читатели книгу выбираютъ часто только по заглавію и спрашиваютъ у библиотечкаря «что-нибудь интересное». Наши библиотеки выдаютъ десятки тысячъ романовъ и во многія читальни, существующія при библиотекахъ, публика идетъ исключительно ради газетъ.

Читальница оказывается меньше, нежели читателей, и авторъ полагаетъ, что малая склонность къ книгѣ у матерей является причиною слабого развитія этой склонности и въ дѣтяхъ. Читатели встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ слояхъ населенія. На основаніи цифровыхъ данныхъ авторъ приходитъ къ заключенію, что русскій читатель изъ привилегированныхъ классовъ воспитывается на почвѣ «книжнаго оскуднѣнія». Только о столицахъ и немногихъ центрахъ провинціи этого нельзя сказать. Зато есть такіе углы въ нашемъ великомъ отечествѣ, гдѣ нѣтъ никакой возможности достать мало-мальски порядочную книгу и понятно, что люди съ образованіемъ, попадая въ такую

книжную пустыню мало-по-малу отвыкають отъ чтенія и теряють всякій интересъ къ книгѣ.

Но рядомъ съ этимъ печальнымъ явленіемъ наблюдается другое, очень знаменательное и отрадное: въ низшихъ классахъ населенія стало все сильнѣе и сильнѣе проявляться стремленіе къ знанію и въ **библіотекахъ** число подписчиковъ изъ низшихъ классовъ общества съ каждымъ годомъ все возрастаетъ. Существуютъ бібліотеки, въ которыхъ такіе подписчики составляютъ изрядный процентъ. Въ частныхъ бібліотекахъ появляются подписчики крестьяне-мѣщане, рабочіе и т. п. «Всѣ эти цифры, всѣ эти факты,—говоритъ авторъ,—ничто иное, какъ вѣдншіе признаки знаменательнаго внутренняго процесса, совершающагося гдѣ-то въ глубинѣ Россіи, процесса наростанія читателя въ народѣ, появленіе его въ тѣхъ слояхъ, гдѣ до того времени онъ не водился и водиться не могъ. Всѣ эти цифры говорятъ, что (кругъ читательскій расширяется въ глубину и ширину и что на смѣну и, можетъ быть, на поддержку читателямъ изъ культурныхъ классовъ идутъ цѣлыя толпы читателей изъ народа, катится читательская волна, новая, свѣжая, жаждущая свѣта, чувствующая глубокую потребность смотрѣть на міръ Божій своими собственными глазами, а не черезъ синія стекла узенькаго окошка, желающая черпать свои знанія, обогащая свой міръ идей изъ общей сокровищницы человѣчества, а не изъ краткихъ специальныхъ каталоговъ».

Самаркандская область. Въ настоящее время исполнилось уже 25 лѣтъ, какъ Самаркандъ наслаждается плодами русской культуры. За этотъ періодъ ея экономическое развитіе едва ли сдѣлало успѣхи, а положеніе кореннаго населенія несомнѣнно ухудшилось.

Самаркандская область имѣетъ 4 уѣзда: Самаркандскій, Катта-Курганскій, Джизакскій и Ходжентскій, кромѣ того, въ ней два безуѣздныхъ города: Пенджикентъ и Ура-Тюбе. Въ области считается 464 тыс. мужчинъ, 318 тыс. женщинъ, всего 782 тыс. жителей. Изъ этого числа—православныхъ 7,5 т. мужчинъ и 1,8 т. женщинъ, т. е. 9,3 т. человекъ.

Главное занятіе—земледѣліе; пшеницы, рису, ячменя, другихъ хлѣбовъ и картофеля собирается болѣе 3 милл. четвертей. Хлѣба даютъ отъ 9 до 18 веревъ на посѣвъ. Большое подспорье хлѣбу составляютъ: винограводство на 1 милл. руб. и хлопокъ. Десятина хлопка даетъ около 55 р. въ годъ. По соображенію съ природными богатствами края, этого, конечно, мало. И дѣйствительно, садоводство здѣсь въ первобытномъ видѣ. Тѣсные сады окружены глиняными стѣнами отъ 8 до 10 аршинъ вышиной; деревья фруктовыя затѣнены тополями, сады не освѣжаются вѣтромъ, фрукты въ нихъ прѣютъ и на вкусъ грубы; разсортировки не существуетъ: мелкіе, червивые и подгнившіе фрукты сушатся въ пыли на крышахъ домовъ и конюшенъ, а потомъ сваливаются кучей въ углы сараевъ, откуда и вывозятся на базары.

Лѣсное хозяйство пока не приведено въ извѣстность.

Скотоводство страдаетъ отъ недостатка пастбищъ. Къ іюню мѣсяцу все сжигается солнцемъ, и только вурдючная порода овецъ находитъ себѣ невыскаательный кормъ, но и ихъ приходится подкармливать къ осени. Въ области считается до полумилліона овецъ, преимущественно въ Джизакскомъ уѣздѣ у кочевого населенія.

Рогатый скотъ, когда-то хороший и крупный, киргизской породы, съ годами ухудшается, въ особенности у осѣдлаго населенія.

Не въ лучшемъ положеніи и коневодство, славившееся прежде своими полукровными скакунами и карабаирами. Уральскіе казаки, выслужившіе срокъ, уводятъ лучшихъ производителей къ себѣ; край бѣднѣетъ хорошими лошадьми, и поднять его могли бы только средствами государственнаго коннозаводства. Во всей области считается около 105 тыс. головъ на 140 тыс. ховайствъ.

Количество верблюдовъ остается безъ перемѣны, около 30 тыс. штукъ. Наибольшее число ихъ приходится на кочевое населеніе, которое занимается караванной перевозкой. У осѣдлаго населенія для выковокъ служатъ оселъ (ышакъ), ростомъ съ годового теленка; на его спину наваливаютъ 9 пуд. На кормъ онъ не требователенъ; цѣна ослу 5—10 р.; всѣхъ ихъ 31 тыс. штукъ.

Шелководство составляетъ мелкій промыселъ; разведеніемъ шелковичныхъ червей занимаются только тѣ семьи, у которыхъ есть въ садахъ шелковица, да пустые сараи для выкормки червей. Большинство же дворовъ имѣютъ два-три дерева, выкармливаютъ червей въ темныхъ и душныхъ хлѣвахъ, получаютъ отъ 3 до 5 р. за коконы.

Горное дѣло еще въ зародышѣ; мощные отроги Тянь-Шаня, заполняющіе собою половину территоріи, съ глубокой древности были извѣстны добычей минераловъ, слѣды выработки которыхъ видны до сихъ поръ. Въ край есть сѣра, свинецъ, нефть, графитъ и каменный уголь. Добывается же только каменный уголь въ количествѣ до 100 тыс. пудовъ въ годъ, который весь и расходится среди городскихъ обывателей по 25 коп. за пудъ.

Большая заводско-фабричная промышленность поддерживается спросомъ на продукты области какъ на мѣстѣ, такъ и изъ сопредѣльныхъ областей и губерній Россіи, связанныхъ нитѣй желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ путемъ. На первомъ планѣ русской культуры стоятъ 5 заводовъ виноградо-водочныхъ и 2 завода спирто-очистительныхъ съ производствомъ на 245 т. руб. Всего 28 заводовъ на 604 т. руб.

Что же касается до податей и повинностей, то съ 140 т. дворовъ и кибитокъ собирается прямыхъ налоговъ 1.130 т. р. Кроме того, населеніе платитъ: 2% съ фабрикъ и заводовъ—16 т. р., на туземную администрацію, учебную часть и общественныя потребности 250 т. руб., разныхъ высканій 35 т. р. и городскихъ доходовъ 135 т. р. Затѣмъ ввизмается питейныхъ доходовъ 116 т. р. и бандерольнаго сбора 8.500 р. Отправление натуральной повинности: на орошеніе, дороги, мосты и по воинской повинности расходуетъ натурой на 135 т. р. въ годъ. Отъ личной воинской повинности населеніе освобождено. Всѣхъ училищъ въ области 2.106; одно училище приходится на 370 чел. Учащихся въ 1891 году было 22 тыс. чел. («Эконом. журн.»).

Гробовое производство въ Чердынскомъ уѣздѣ. Близость и обиліе лѣса вызвало въ этомъ уѣздѣ производство домовищъ или, по просту говоря, гробовъ. Значительная часть населенія состоитъ изъ сектантовъ, по мнѣнію которыхъ лица состарившіяся должны для себя запастись гроба при жизни. Гроба эти должны быть сдѣланы изъ цѣлага

дерева, т.-е. выдолблены. Запасшись гробами, старики насыпаютъ въ нихъ хлѣбъ и ставятъ въ завозню, гдѣ они и стоятъ до смерти холяевъ.

Время возникновенія производства съ достовѣрностью неизвѣстно, хотя, по словамъ стариковъ, лѣтъ 10 тому назадъ оно было скорѣе въ формѣ ремесла. Побудительной причиной къ развитію его послужило, главнымъ образомъ, запрещеніе крестьянамъ продавать хлѣсъ изъ своихъ надѣловъ въ сыромъ видѣ. Сдѣлавши же домовище, крестьянинъ вполне спокойно везетъ его, куда хочетъ, не боясь составленія протокола.

Ведется производство на открытомъ воздухѣ, въ большинствѣ случаевъ прямо на улицѣ, подъ окнами.

Дѣтская колонія. «Кіевское Слово» ратуетъ въ пользу устройства особыхъ колоній для безпріютныхъ дѣтей и при этомъ сообщаетъ, что въ Ригѣ такая колонія открыта еще въ семидесятыхъ годахъ «Обществомъ противодѣйствія нищенству» и принесла уже огромную пользу. Поступающіе въ колонію «уличные» мальчики и дѣвочки совершенно измѣняются подѣ внимательнымъ и заботливымъ руководствомъ своихъ воспитателей, и изъ грязныхъ и ни къ чему негодныхъ оборванцевъ превращаются мало-по-малу въ опрятныхъ, скромныхъ и трудолюбивыхъ маленькихъ колонистовъ, изъ которыхъ потомъ выходятъ дѣльные и толковые огородники, ремесленники, повара, кухарки, прачки и вообще прислуга. Колонія имѣетъ свою земледѣльческую ферму, обширные луга, поля, хорошую оранжерею, мастерскія и собственный магазинъ для продажи овощей, цвѣтовъ, вѣнковъ, букетовъ, различныхъ ремесленныхъ издѣлій и т. п., а питомцы ея пріобрѣтаютъ, вмѣстѣ съ навыкомъ къ труду, и завидное здорovie, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ городскихъ дѣтей. Кромѣ одновременныхъ расходовъ на обзаведеніе, колонія требуетъ лишь весьма ничтожныхъ ежегодныхъ расходовъ и въ значительной степени обходится своими собственными доходами. Такого рода колоніи для нищихъ дѣтей «непреступниковъ» являются самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы съ нищенствомъ дѣтей,—вломъ, противъ котораго общество должно бороться воими силами.

Изъ иностранной жизни.

Общество распространения народнаго образования въ Германіи. Въ Германіи справедливо полагають, что задачи народнаго образования не ограничиваются только однимъ распространениемъ простой грамотности среди населенія и, хотя все уже населеніе Германіи умѣетъ читать и писать, но тѣмъ не менѣе Общество распространения народнаго образования, существующее уже въ Германіи 25 лѣтъ, не считаетъ свою цѣль достигнутою и не намѣрено почить на лаврахъ. Вся заботливость Общества направлена теперь къ поднятію умственнаго уровня низшихъ классовъ, къ распространенію въ народѣ полезныхъ знаний и правильныхъ воззрѣній. Съ этою цѣлью Общество устраиваетъ библіотеки, читальни, публичныя чтенія; къ услугамъ Общества въ этомъ отношеніи находится цѣлый штатъ даровыхъ и наемныхъ лекторовъ. Въ послѣдніе два года Общество устраивало, кромѣ того, народныя зрѣлища, концерты и спектакли. Во главѣ этого Общества стоятъ многіе извѣстные общественныя дѣятели, между прочимъ депутатъ Рикертъ и профессоръ Фѣрстеръ, одинъ изъ главныхъ инициаторовъ этического движенія въ Германіи. Членами Общества состоятъ болѣе трехъ тысячъ частныхъ лицъ и къ нему примыкають до тысячи ремесленныхъ и учительскихъ обществъ. Кромѣ того, Общество имѣетъ свою собственную газету «Der Bildungs Verein» и издаетъ массу книгъ для народнаго чтенія. Образцовый каталогъ для народныхъ библіотекъ, составленный Обществомъ, имѣетъ въ Германіи огромный успѣхъ.

Въ концѣ прошлаго года въ Берлинѣ состоялся конгрессъ этого Общества, весьма многолюдный, на которомъ въ числѣ прочихъ вопросовъ, касающихся распространения народнаго образования и дѣятельности Общества, обсуждался вопросъ объ устройствѣ всеобщей народной школы. Депутатъ Рикертъ сказалъ горячую рѣчь къ защитѣ идеи такой школы. «Пусть хоть въ ранніе годы дѣтства не будетъ различія между классами,—сказалъ ораторъ.—Пусть всѣ дѣти воспитываются въ народной школѣ, прежде чѣмъ поступать въ гимназію». По мнѣнію оратора, такая общность образования имѣетъ огромное социальное значеніе. Въ Берлинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, играютъ роль сословныя предрассудки и зажиточные родители ни за что не пошлютъ своихъ дѣтей въ народную школу, а держатъ ихъ или дома, или въ частныхъ пансіонахъ, до поступленія ихъ въ гимназію. Между тѣмъ, въ Мюнхенѣ и Гейдельбергѣ даже дѣти профессоровъ и министровъ посѣщаютъ, обыкновенно, до десятилѣтняго возраста народную школу.

Въ пользу народной школы высказался также и одинъ изъ директоровъ гимназій, заявившій на основаніи личныхъ наблюденій и продолжительнаго опыта, что дѣти, обучавшіяся въ народной школѣ, оказываются гораздо болѣе развитыми, чѣмъ тѣ, которыя воспитывались дома или въ частныхъ пансіонахъ.

На конгрессѣ поднятъ былъ также вопросъ о мѣропріятіяхъ, способствующихъ расширенію умственнаго кругозора народныхъ массъ. Одинъ изъ народныхъ учителей указалъ на то, что въ Германіи нѣтъ такихъ замѣчательныхъ учрежденій для народнаго образования какъ въ Англіи и Америкѣ (народные дворцы и библіотеки) и предложилъ во-

тировать революцію, приглашающую богатыхъ людей, желающихъ по-дѣлиться съ народомъ своими избытками, содѣйствовать устройству народныхъ школъ и библіотекъ.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ это видно изъ дѣятельности упомянутаго Общества, можетъ принести громадную пользу. Общество образовалось по частной инициативѣ, поддерживается частными средствами и частнымъ трудомъ и дѣятельность его въ продолженіи четверти вѣка его существованія успѣла уже принести плоды огромной важности для всего государства.

Дѣти-работники. Положеніе малолѣтнихъ рабочихъ заслуживаетъ того, чтобы современное общество обратило на него специальное вниманіе. Дѣтскій трудъ—это одна изъ самыхъ темныхъ и трагическихъ сторонъ нашей социальной жизни. Несмотря на то, что во многихъ европейскихъ государствахъ законодательство пробуетъ взять подъ свое покровительство малолѣтнихъ рабочихъ, положеніе ихъ мало улучшается отъ этого. Дѣло въ томъ, что въ основѣ этого явленія, которое можетъ быть справедливо названо позоромъ нашей цивилизаціи, лежитъ страшная нужда, побуждающая родителей посылать своихъ дѣтей на работу чуть ли не съ самаго нѣжнаго возраста. И притомъ, работа, которая выпадаетъ на долю дѣтей, зачастую бываетъ не изъ легкихъ и крохъ того очень вредно отзывается на ихъ здоровьѣ и нравственномъ развитіи. Стоитъ только вспомнить о работѣ въ рудникахъ, куда посылаются иногда дѣти, едва достигшія девятилѣтняго возраста. Несомнѣнно, что такое злоупотребленіе дѣтскими силами не только вредно отражается на всемъ ихъ организмѣ, но можетъ оказать пагубное вліяніе и на будущее поколѣніе, которое является такимъ образомъ искупительною жертвою ошибокъ и преступленій современнаго общества. Жены, изнуренныя непосильнымъ трудомъ, дѣти зачастую бываютъ лишены, кромѣ того, всякаго умственнаго и нравственнаго развитія, благодаря той средѣ, въ которой имъ приходится постоянно вращаться, и немалую времени посѣщать школы. Развитіе порочныхъ наклонностей у такихъ дѣтей, къ сожалѣнію, составляетъ далеко нерѣдкое явленіе. Выростая, такіа дѣти увеличиваютъ собою контингентъ преждевременно состарѣвшихся, умственныхъ и физическихъ инвалидовъ и, становясь въ свою очередь отцами, даютъ жизнь новому поколѣнію, на которомъ порою уже совершенно явственно выступаютъ признаки вырожденія.

Такимъ образомъ, дѣтскій трудъ, удовлетворяя требованіямъ непосредственной нужды, облегчая положеніе отца или матери семейства, наноситъ прямой ущербъ государству, способствуя вырожденію и измѣчанію расы, развитію всевозможныхъ горюковъ и болѣзней. Понятно, что въ европейскихъ государствахъ должны были, наконецъ, обратить вниманіе на такое ненормальное положеніе вещей. Въ Германіи уже давно въ обществѣ и печати возникло движеніе противъ дѣтскаго фабричнаго труда. Въ 1824 году прусскій министръ Альтенштейнъ произвелъ разслѣдованіе по этому вопросу въ рейнскихъ провинціяхъ, причемъ обнаружилъ возмутительные факты фабричной работы дѣтей шестилѣтняго возраста! Такія крошечныя дѣти работали уже на фабрикахъ съ шести часовъ утра до восьми вечера. Нечего и говорить, какъ такое долгое пребываніе въ недоросломъ фабричномъ воздухѣ и общество

взрослых работников и работниц должно было действовать на них въ нравственномъ и физическомъ отношеніи. То же наблюдалось и въ другихъ промышленныхъ округахъ. Въ 1839 году, наконецъ, издавъ былъ законъ, запрещающій фабрикантамъ брать на работу дѣтей моложе девятилѣтняго возраста. Однако, законъ этотъ не уничтожилъ злоупотребленій, и профессоръ Тувъ констатировалъ случаи фабричной работы дѣтей пятилѣтняго возраста. Въ литературѣ поднялся всеобщій крикъ негодованія, общественное мнѣніе заговорило громко противъ подобной возмутительной эксплуатаціи дѣтей, и, наконецъ, выданъ былъ рядъ правительственныхъ распоряженій, имѣющихъ цѣлью облегченіе судьбы несчастныхъ дѣтей.

Однако, несмотря на всѣ эти мѣропріятія, число дѣтей-работниковъ не только не уменьшается въ Германіи, но даже ежегодно возрастаетъ. Согласно статистическимъ изслѣдованіямъ, въ 1882 году работающих на фабрикахъ дѣтей отъ 12 до 14 лѣтъ было 14.600 во всей Германіи, но черезъ восемь лѣтъ, въ 1890 году, число это достигло уже 27.485! Вообще, число юныхъ работниковъ въ Германіи увеличилось почти на 75% за послѣднее десятилѣтіе. Цифры эти очень краснорѣчивы и служатъ доказательствомъ увеличивающейся нужды населенія, потому что только нужда можетъ заставить родителей посылать своихъ малыхъ дѣтей на фабрику.

Фабричный трудъ дѣтей—зло, существующее во всѣхъ государствахъ Европы. Въ 1892 году германское законодательство постановило, что дѣти моложе 13 лѣтъ не могутъ быть посылаемы на фабрики или въ рудники. Кроме того, число рабочихъ часовъ для дѣтей строго опредѣлено закономъ, и ховяева обяваны давать имъ время для отдыха, также опредѣляемое закономъ. Работать на фабрикѣ могутъ только дѣти, которыя уже болѣе не обязаны посѣщать школу. По сравненію съ другими государствами, германское законодательство выказываетъ наиболѣе вниманія къ положенію дѣтей-работниковъ; исключеніе составляетъ только Швейцарія, гдѣ дѣти моложе 14 лѣтъ не допускаются къ фабричному труду. Въ Испаніи дѣти могутъ идти на фабрику, начиная съ девяти лѣтъ, въ Англіи и Бельгіи—съ десяти, въ Австріи и Голландіи—съ двѣнадцати и во Франціи—съ двѣнадцати. Въ Англіи, однако, число рабочихъ часовъ для дѣтей моложе 14 лѣтъ не должно превышать 4½—5, въ Германіи же—6, въ Австріи и Италиі—8, а во Франціи дѣтямъ дозволяется работать до 10 часовъ въ день, въ Бельгіи же и Голландіи до 12.

Страннымъ образомъ вопросъ о работѣ дѣтей занимаетъ второстепенное мѣсто во всѣхъ социальныхъ программахъ. На пресловутой рабочей конференціи въ Берлинѣ, въ 1890 году, вопросъ этотъ даже совсемъ не былъ затронутъ. На это могутъ возразить, что, съ улучшеніемъ быта рабочихъ классовъ вообще, зло это исчезнетъ само собою. Это вѣрно. Но все же не слѣдуетъ забывать, что тутъ дѣло идетъ о здоровьѣ и судьбѣ будущихъ поколѣній, а это—вопросъ слишкомъ серьезный для государства, для того, чтобы рѣшеніе его могло быть предоставлено отдаленному будущему.

Политическая организація рабочихъ въ Англіи. Полторы тысячи делегатовъ различныхъ рабочихъ ассоціацій въ Англіи собрались въ

прошломъ году въ Брадфордѣ для обсужденія вопроса объ организаціи особой независимой рабочей партіи, которая могла бы въ парламентѣ и на выборахъ бороться съ двумя главными политическими партіями, попеременно господствующими въ государствѣ.

Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ рабочіе не имѣютъ такой солидной организаціи, какъ въ Англіи, поэтому ихъ политическіе планы имѣютъ серьезное значеніе. Слѣдующіе цифры, касающіяся положенія рабочихъ союзовъ въ Англіи, подтверждаютъ это. Въ 1891 году 236 рабочихъ союзовъ имѣли членами 843.872 человекъ. Въ 1892 году число союзовъ возрасло до 431, а членовъ—до 1.109.014. Въ такомъ же размѣрѣ увеличился и капиталъ союзовъ. Въ 1891 году, сумма взносовъ доходила почти до 1.250.000 фунтовъ; въ 1892 году она достигла уже 1.750.000 ф. Изъ этихъ суммъ въ 1891 году израсходовано около 200.000 ф. на помощь членамъ союзовъ, неимѣвшимъ работы; около такой же суммы потрачено на поддержку стачекъ, столько же израсходовано на пособіе рабочимъ во время болѣзни и около 20.000 ф. пошло въ кассы помощи на случай несчастій съ рабочими.

Новая рабочая партія, которая пока еще насчитываетъ только три тысячи членовъ, уже играла довольно выдающуюся политическую роль на послѣднихъ выборахъ въ парламентѣ. Въ будущемъ эта роль, конечно, еще увеличится, тѣмъ болѣе, что президентъ этой партіи, членъ парламента, Кейръ Гэрди — человекъ съ выдающимися способностями и преданный дѣлу рабочихъ. Исторія его жизни довольно замѣчательна. Сынъ одного шотландскаго рудокопа, онъ уже восьми лѣтъ началъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба въ рудникахъ, гдѣ и проработалъ до 23-хъ лѣтъ. Онъ выучился читать и писать... подъ землею! Совсѣмъ еще юношей онъ уже началъ пропагандировать среди своихъ товарищей идею рабочихъ союзовъ, за что и былъ изгнанъ хозяевами рудниковъ. Двадцати шести лѣтъ отъ роду Кейръ Гэрди основалъ родъ маленькаго журнала для своихъ товарищей рабочихъ, въ которомъ продолжалъ проводить свои идеи и указывать рабочимъ, какъ они должны поступать для того, чтобы добиться признанія своихъ правъ. Въ Шотландіи пропаганда Кейръ Гэрди имѣла успѣхъ, и по его инициативѣ тамъ были учреждены союзы чернорабочихъ.

Въ настоящее время Кейръ Гэрди не болѣе 37 лѣтъ, но онъ уже пользуется довольно большою политическою извѣстностью въ странѣ и вліяніе его растетъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и значеніе ея партіи, которая приобретаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ.

Библіотени для народа во Франціи. Знаменитая французская «Лига просвѣщенія», образовавшаяся во Франціи въ 1866 году по почину Жана Массе, учителя въ одномъ эльзасскомъ городкѣ, какъ извѣстно, поставила своею задачею обезпеченіе народу дарового обученія въ начальныхъ школахъ и организацію возможно большаго числа народныхъ библіотекъ. Вначалѣ, когда Жанъ Массе напечаталъ свое воззваніе о необходимости основанія Общества для содѣйствія народному просвѣщенію во Франціи, на это воззваніе отозвались три человекъ и положили основаніе лигѣ, которая въ 1876 году, т.-е. черезъ десять лѣтъ послѣ этого, насчитывала уже 30.000 членовъ. Эта

«слига просвѣщенія» сдѣлала чрезвычайно много для народнаго образованія во Франціи и много содѣйствовала расширенію умственнаго круга французскаго народа. Народныя бібліотеки распространялись теперь почти по всей Франціи, и нѣтъ уже почти ни одного сколько-нибудь значительнаго городка, гдѣ бы не было народной бібліотеки. Для отдаленныхъ округовъ устраиваются передвижныя бібліотеки, имѣющія большой успѣхъ среди сельскаго населенія, которое съ величайшею охотою пользуется книгами изъ такихъ бібліотекъ.

Въ Парижѣ дума устроила даровыя бібліотеки исключительно для бѣдняковъ. По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», такихъ бібліотекъ въ Парижѣ существуетъ уже восемьдесятъ пять, и книги изъ нихъ выдаются на домъ безъ всякаго денежнаго залога или какихъ-либо гарантій въ томъ, что книга будетъ возвращена. Единственнымъ условіемъ считается свидѣтельство домохозяина, что такой-то занимаетъ квартиру въ его домѣ за такую-то цѣну. По отчетамъ парижскихъ муниципальных бібліотекъ, наибольшей симпатіей рабочаго пользуется Дюма-отецъ. Его книги разбираются всего больше, тогда какъ романы Золя уступаютъ не только ему, но даже Ж. Оне и другимъ писателямъ. Въ ряду авторовъ, книги которыхъ всего чаще разбираются, Золя занимаетъ только одиннадцатое мѣсто. Въ началѣ существованія бібліотекъ рабочіе преимущественно читали романы; отношеніе выданныхъ романовъ ко всему числу книгъ составляло 87%. Но съ теченіемъ времени вкусы стали мѣняться, и въ 1892 году было взято только 817 тысячъ романовъ, т. е. 25% общаго числа прочтенныхъ книгъ.

Вслѣдъ за романами и поэтическими произведеніями въ муниципальных бібліотекахъ читаются съ наибольшою любовью путешествія, потомъ географическія книги, учебныя и т. д. Для книгъ специальныхъ, трактующихъ о ремеслахъ и промышленности, существуютъ особыя бібліотеки.

Этихъ послѣднихъ бібліотекъ имѣется для парижскихъ рабочихъ—девять, и чтеніе въ нихъ тоже безплатно.

Американскіе рабочіе. Американскій рабочій отвоевываетъ себѣ значительно большую долю изъ валоваго дохода капиталиста, чѣмъ европейскій.

Средній годовою заработокъ рабочаго въ 1880 году—878 рублей, въ 1890 году—1.176 рублей.

Заработная плата горнорабочихъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ также возросла за указанное десятилѣтіе, между тѣмъ какъ количество рабочихъ часовъ сократилось; кромѣ того количество служащихъ на 100 миль желѣзнодорожнаго пути возросло съ 908 въ 1880 году до 1.138 въ 1890 году.

Что касается жизненныхъ продуктовъ, обуви, одежды, жилищъ и прочихъ необходимыхъ вещей для рабочаго, то все это въ Америкѣ выше по цѣнѣ и не лучше по качеству, чѣмъ въ Европѣ, однако не въ такой пропорціи, въ какой заработная плата въ Америкѣ выше заработной платы въ Европѣ. Надо замѣтить, что хлѣбъ, мясо, чай, сахаръ и кофе въ Чикаго, напр., не дороже, чѣмъ въ Петербургѣ; квартиры же хотя и дороже, но зато значительно удобнѣе и больше европейскихъ. По словамъ г-жи Duane Doty, одной рабочей можетъ имѣть хорошую комнату за 3 рубля въ недѣлю, а съ полнымъ содержаніемъ за 10 р. Ѣдятъ американскіе рабочіе 3 или 4 раза въ

женъ; каждый разъ имѣютъ кусокъ мяса съ овощами, бѣлый хлѣбъ съ мясомъ и чашку чая или кофе, иногда, кромѣ того, послѣ мяса имѣютъ 2-е блюдо, а въ кофе кусокъ сладкаго пирога. Т. Вильямсъ, въ своей статьѣ о рабочихъ домикахъ въ Филадельфіи, опредѣляетъ стоимость прожитія одного рабочаго отъ 8 до 10 р. въ недѣлю при недѣльномъ заработкѣ въ 25 р. Стоимость хорошо устроенной семейной квартиры въ 4—5 комнатъ съ проведенной водой (иногда холодной и горячей), отопленіемъ и газомъ какъ для освѣщенія, такъ и для кухни, съ раковинами для помой и ватерклозетомъ 28—32 р. въ мѣсяць. Семейства, въ которыхъ имѣется 2 или 3 работника, занимаютъ квартиру въ 40 и 50 р. въ мѣсяць.

Женскій и дѣтскій трудъ хотя и распространенъ въ Америкѣ, однако по преимуществу въ болѣе легкихъ производствахъ. По докладу фабричнаго инспектора штата Пенсильванія, г-жи Магу А. O'Reilly, на 3.478 фабрикахъ города Филадельфіи, въ которыхъ женщины занимаютъ видное мѣсто, изъ 166.335 общаго числа рабочихъ 74.946 женщинъ и 15.682 подростка. Заработная плата женщинъ, въ большинствѣ случаевъ, ниже мужской, однако, по словамъ г-жи O'Reilly, замѣтна тенденція къ уравненію въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ мужчина и женщина выполняютъ одинаковую работу. («Рус. Вѣд.»).

Милитаризмъ и народное образованіе. Несмотря на энергичную проповѣдь «друзей мира» въ обществѣ и въ литературѣ, европейскія государства продолжаютъ тратить громадныя суммы на вооруженія, все въ ожиданіи войны. Каждое государство громко говорить о своемъ миролюбіи, но въ то же время напряженно готовится къ войнѣ, потому что не довѣряетъ своему сосѣду и другимъ государствамъ, несмотря на всѣ ихъ миролюбивыя завѣренія. Всѣ боятся быть застигнутыми врасплохъ, и потому каждое государство въ Европѣ стремится въ настоящее время къ тому, чтобы не отстать отъ своего сосѣда въ дѣлѣ вооруженій. Нужды нѣтъ, что отъ этого страдаютъ финансы государства, разоряется страна, народъ и т. п., примѣръ чему мы видимъ въ Италіи, но страхъ войны и увѣренность въ томъ, что она должна неминуемо наступить рано или поздно, такъ сильны, что передъ этимъ отступаютъ всѣ другія соображенія. Никто не рѣшается первый подать сигналъ къ разоруженію, опасаясь, что сосѣди не послѣдуютъ его примѣру, и что онъ сдѣлается ихъ жертвою. И тратятся послѣднія силы и послѣднія деньги на вооруженія, а человѣческій гений занимается изобрѣтеніемъ не средствъ, которыя могли бы сдѣлать людей болѣе счастливыми, здоровыми, нравственными и долговѣчными, а орудій взаимнаго истребленія, лучшихъ сортовъ пороха, лучшаго устройства пулъ и т. п. Когда наступитъ конецъ, и чѣмъ разрѣшится такое ненормальное положеніе вещей—предугадать трудно.

Въ высшей степени любопытно и поучительно въ этомъ отношеніи вычисленія, приводимыя журналомъ «Вѣстникъ Воспитанія», касающіяся затратъ, дѣлаемыхъ различными европейскими странами на вооруженія и на народное просвѣщеніе. Слѣдующая таблица показываетъ ежегодныя затраты (въ франкахъ и сантимахъ) на каждую душу населенія страны:

	Вооруженія.	Просвѣщеніе.
Франція	20,00	3,50
Великобританія.	18,60	3,10
Голландія	17,90	3,20
Саксонія	11,90	1,90
Вюртембергъ	11,90	1,90

Баварія	11,90	2,60
Пруссія	10,20	2,50
Россія	10,20	0,15
Данія	8,80	4,70
Италія	7,60	1,80
Бельгія	6,90	2,30
Австрія	6,80	1,60
Швейцарія	4,10	4,10

Изъ этой таблицы видно, что большинство главныхъ европейскихъ государствъ тратятъ чуть ли не въ 3—6 разъ больше на свои вооруженія, нежели на народное образованіе.

Дорогое законодательное учрежденіе. Самымъ дорогостоящимъ законодательнымъ учрежденіемъ оказывается американскій сенатъ. Въ 1892 году его содержаніе обошлось странѣ въ 1.176.794 доллара. Сенатъ состоялъ изъ 85 членовъ и, слѣдовательно, каждый изъ нихъ обходился государству въ 13.843 доллара. Сенаторы получаютъ 5.000 долларовъ жалованья и, кромѣ того, 20 центовъ съ мила на развѣды между столицей и своимъ мѣстопробываніемъ и 120 долларовъ въ годъ на газеты и письменныя принадлежности. Затѣмъ еще существуютъ суммы, отпускаемыя на непредвидѣнные расходы. Въ 1892 г. израсходовано этихъ суммъ на 198.056 долларовъ. Сенатъ вообще не стѣсняется расходованіемъ этихъ суммъ и въ число этихъ непредвидѣнныхъ расходовъ включаются: покупка духовъ, туалетнаго мыла, щетокъ для волосъ и ногтей, губокъ, помады, пилюль и т. п. предметовъ. На эти покупки израсходовано въ 1892 г. 1.144 доллара. Затѣмъ 10.000 долларовъ израсходовано на покупку ковровъ, мебели, часовъ и т. п. Лѣду и воды Аполлинарисъ съ лимономъ и сахаромъ израсходовано сенаторами на 1.699 долларовъ. Письменныхъ принадлежностей, въ которыя включаются: портмоне, бумажники для визитныхъ карточекъ, перочинные ножи, ножницы, корзинки для бумагъ и т. п., куплено на 20.000 долларовъ. Вообще расходы сената достигаютъ поистинѣ баснословныхъ суммъ и особенно дорого обходятся государству развѣды сенаторовъ и похороны умершихъ сенаторовъ.

Общество друзей лѣса. Американскіе колонисты, для увеличенія количества пахотной земли, истребили при помощи огня и желѣза дѣйственные лѣса, покрывавшіе горы и равнины. Лѣса были истреблены ими на пространствахъ, почти равномъ цѣлой Европѣ. Сначала урожай на этихъ мѣстахъ, гдѣ прежде возвышались лѣса, былъ превосходенъ. Пепель сожженныхъ лѣсовъ служилъ для почвы превосходнымъ удобреніемъ. Но вскорѣ, однако, плодородность почвы стала уменьшаться и стали обнаруживаться послѣдствія истребленія лѣсовъ на большихъ пространствахъ. Послѣдствія эти выразились прежде всего въ упорныхъ засухахъ, вслѣдъ за которыми слѣдовали наводненія, въ измѣненіяхъ температуры—страшная жара лѣтомъ и холодъ зимою, и въ частомъ появленіи циклоновъ и урагановъ. Климатъ совершенно измѣнился въ этихъ мѣстахъ и воздѣлывать землю дѣлалось все труднѣе и труднѣе. Американцы поняли свою ошибку и сознали, что исправить ее, хотя бы только отчасти, можно лишь при помощи соответственныхъ усилій гражданъ. Въ 1872 году, въ штатѣ Небраска, по пред-

ложецію нѣкоего Стерлинга Мортон, образовалась ассоціація, посвящая названіе «Arbog Day» (праздникъ деревьевъ), члены которой вносили ежегодно одинъ долларъ (около двухъ рублей). Въ члены этой ассоціаціи могли поступать рѣшительно всѣ: женщины, дѣти, духовныя лица, учителя, всевозможные чиновники и т. п. Въ настоящее время ассоціація эта имѣетъ развѣтвленія въ 37 штатахъ американскаго союза, въ Канадѣ, Онтарио и въ двухъ независимыхъ территорияхъ. Во главѣ ея находится суперъ-интендантъ школъ, т.-е. министръ народнаго просвѣщенія. Ежегодно справляется «праздникъ деревьевъ»—«Arbog day»—во всѣхъ штатахъ съ большою торжественностью. Въ четырехъ штатахъ: Колорадо, Небраска, Идаю и Родъ-Эйландъ, праздникъ этотъ считается законнымъ и обязательнымъ.

Матеріальные результаты, достигнутые этою ассоціаціей, очень обширны. По послѣднимъ отчетамъ, въ одномъ только штатѣ Небраска эта ассоціація насадила съ 1872 года 355.000.000 плодовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ. Въ Калифорніи разведены виноградники, ставшіе для нея источникомъ неисчерпаемыхъ богатствъ. Оттуда доставляются теперь всему свѣту сушеные фрукты, составляющіе одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ вывозной торговли этой мѣстности.

Въ «Génie Civil» сообщается, что и въ Южной Франціи, въ департаментѣ «Alpes maritimes» въ 1891 году основалось такое же общество «друзей лѣса»; общество это основано сельскохозяйственнымъ обществомъ этого департамента въ видахъ содѣйствія развѣденію лѣсовъ въ этой мѣстности. Каждый изъ членовъ этого общества беретъ на себя обязательство посадить самому или же велѣтъ посадить, по крайней мѣрѣ, хоть одно дерево ежегодно. Кромѣ того, члены общества обязаны содѣйствовать всѣми зависящими отъ нихъ способами посадкѣ деревьевъ. Ежегодный вносъ: два франка. Къ 1-му января 1893 года членами этого общества было посажено 335.000 деревьевъ.

Было бы желательно, чтобы и у насъ въ Россіи послѣдовали этому благу примѣру и учредили бы подобныя же полезныя ассоціаціи.

Религіозный конгрессъ. На выставкѣ въ Чикаго происходилъ религіозный конгрессъ, являющійся первымъ опытомъ всемірнаго общія мыслей по вопросамъ культа, — опытомъ, по отзывамъ иностранныхъ газетъ, въ высшей степени удачнымъ и интереснымъ. На конгрессъ явились делегаты отъ всѣхъ почти государствъ; за исключеніемъ ислама, были представлены всѣ религіи и секты. На трибунѣ чередовались ученые и дипломаты, свѣтскія и духовныя лица; предъ публикой прошли, какъ въ калейдоскопѣ, ярко-красныя одѣянія кардиналовъ, темно-фіолетовыя мантии греческихъ епископовъ, желтыя туники японскихъ бонзъ, пестрая одежда браминовъ, стихари пресвитеріанцевъ, черныя фраки мірянъ. Говорили на всевозможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, съ переводчиками и безъ нихъ. Засѣданія происходили въ городѣ, во дворцѣ искусствъ, гдѣ, несмотря на вмѣстительность зданія, не хватало мѣста для всѣхъ желающихъ, число которыхъ доходило до 4.000—5.000. Публика была большею частью избранная,—пасторы и ученые,—однаково внимательная ко всѣмъ ораторамъ, и въ аудиторіяхъ неизмѣнно царил тишина, прерываемая лишь выраженіемъ одобренія и сочувствія; болѣе половины слушателей составляли женщины. Рефераты трактовали самыя разнообразныя богословскія и этическія темы: бытіе Бога, задачи человѣка на

землѣ, идеи братской любви въ религіяхъ, ученія Конфуція и Будды, Платона и Аристотеля, Ансельма Кентерберійскаго и Фомы Аквинскаго, Декарта и Дарвина, эволюція и идеализмъ. Многіе указывали на нарождающуюся въ нѣкоторыхъ странахъ потребность въ новой формѣ для выраженія религіознаго чувства. Официальный отчетъ въ двухъ большихъ, богато иллюстрированныхъ томахъ, цѣною въ 5 долларовъ, готовится къ печати, и на него открыта подписка. («Русск. Вѣд.»).

Газетная филантропія въ Англіи. Одною изъ характерныхъ особенностей рождественскихъ праздниковъ въ Англіи является газетная филантропія и наиболѣе интереснымъ проявленіемъ этой филантропіи въ нынѣшніе праздники Рождества была раздача игрушекъ, произведенная редакціей журнала «Truth». Въ 1880 г. Лабушеръ, редакторъ-издатель «Truth», задумавъ къ Рождеству одарить игрушками дѣтей, находящихся въ лондонскихъ госпиталяхъ и рабочихъ домахъ, и обратился къ своимъ читателямъ съ просьбой принять участіе въ его затѣѣ. Въ первый разъ откликнулось сравнительно немного, но, все-таки, редакція удалось собрать до тысячи штукъ новенькихъ игрушекъ, выставку которыхъ она устроила въ помѣщеніи своей конторы. Въ 1882 г. редакція была уже въ состояніи раздать до 5.000 игрушекъ; въ 1883 году число игрушекъ достигло 9.000 штукъ; въ 1884 году было роздано уже 11.175 игрушекъ, — и чѣмъ дальше, тѣмъ больше расло число ихъ, такъ что нынѣшнее Рождество редакція уже имѣла возможность раздать 27.000 игрушекъ. Но кромѣ игрушекъ, редакція стала получать и равныя лакомства, а также полезные подарки для бѣдныхъ дѣтей въ госпиталяхъ и рабочихъ домахъ. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, одна дама прислала около 35 пудовъ маюма. Какой-то анонимный жертвователь прислалъ 11.000 штукъ новенькихъ шестипенсовыхъ монетъ, что составляетъ около 2.800 рублей. Этотъ щедрый анонимъ сталъ присылать редакція «Truth» такого рода монеты еще въ 1883 г., повторяя изъ года въ годъ присылку монетъ, разнообразная только количества ихъ. Монеты раздаются въ придачу къ игрушкамъ. Такимъ образомъ, рождественская выставка лабушеровскихъ игрушекъ мало-по-малу разрасталась до громаднхъ размѣровъ и изъ стѣнъ конторы журнала давно перешла въ просторныя залы и, наконецъ, въ послѣдніе два года происходила въ самой громадной и красивой залѣ Лондона, въ Albert Hall. Выставка обыкновенно продолжается два дня и открыта для всякаго, предъявляющаго свою визитную карточку. Въ этомъ году выставка была особенно богата и разнообразна. Какіхъ только игрушекъ и куколъ тутъ не было! Свыше четырехъ тысячъ куколъ было специально и собственноручно наряжено члѣнами «Truth» и ихъ друзьями. Куклы и игрушки были присланы со всѣхъ концовъ свѣта, даже изъ Россіи и Китая. За особенно удачно наряженныя куклы или остроумно сдѣланныя игрушки редакція выдаетъ награды серебряными и золотыми вещами, которыя, опять-таки, жертвуются для этого, главнымъ образомъ, читателями «Truth». Интересно, что и герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, бывший герцогъ Эдинбургскій, также прислалъ изъ Германіи, кромѣ разныхъ игрушекъ, свыше ста прекрасно разодѣтыхъ куколъ. Всѣ эти игрушки по окончаніи выставки отправляются немедленно въ назначенныя по списку редакціи учрежденія. Въ число этихъ учреждений въ этомъ году вошли до двухсотъ

госпиталей и рабочихъ домовъ, съ находящимися при нихъ школами и больницами.

Женскій вопросъ въ англійской палатѣ общинъ. Въ Англiи сдѣлано уже многое на пути къ разрѣшенію такъ-называемаго женскаго вопроса и въ палатѣ общинъ обсуждался недавно вопросъ объ участіи женщинъ въ голосованіи на выборахъ по земскому и городскому самоуправленію. Уже съ 1869 года дѣвушки и вдовы, платящія налоги, пользуются правомъ голоса на муниципальныхъ и земскихъ выборахъ, только замужнія женщины лишены были этого права. Недавно депутатъ Макъ-Даренъ возбудилъ объ этомъ вопросъ въ палатѣ общинъ, предлагая внести къ статьѣ билля о реформѣ мѣстнаго самоуправления поправку, по которой право, предоставленное лишь незамужнимъ женщинамъ, было бы распространено и на тѣхъ изъ замужнихъ женщинъ, которыя тоже состоятъ въ спискахъ плательщиковъ налоговъ. Большинство палаты высказалось въ пользу предложенія Макъ-Дарена. Замѣчательно, что и консерваторы, съ Вальфуромъ во главѣ, высказались въ пользу расширенія правъ женщинъ. Отъ имени правительства отвѣчалъ Фаулеръ, заявившій, что правительство въ принципѣ согласно предоставить замужнимъ женщинамъ право участвовать въ голосованіи. Макъ-Дарену было предложено взять назадъ свою поправку, съ тѣмъ, что въ билль о мѣстномъ самоуправленіи будетъ включена статья, предоставляющая замужнимъ женщинамъ право голоса.

Смѣшанная гимназія въ Бернѣ. Американская система смѣшаннаго воспитанія обоихъ половъ, какъ въ школахъ, такъ и въ университетахъ, до сихъ поръ въ Европѣ не встрѣчала сочувствія. Идея смѣшаннаго воспитанія имѣла и имѣетъ до сихъ поръ массу противниковъ среди европейскихъ педагоговъ. Но въ Швейцаріи недавно обнаружился поворотъ въ этомъ отношеніи, и бернскій общинный совѣтъ высказался въ принципѣ за открытіе доступа дѣвочкамъ въ городскую гимназію, куда до сихъ поръ принимались только мальчики. Мужская гимназія превратится такимъ образомъ въ «смѣшанную». «Вѣстникъ Воспитанія» говоритъ, что мѣра эта вызвана желаніемъ облегчить доступъ въ университеты женщинамъ, уроженкамъ Швейцаріи, гдѣ нѣтъ женскихъ гимназій. Это отсутствіе женскихъ гимназій затрудняло жителямъ Швейцаріи доступъ въ ея университеты. Кантональное правительство уже выразило свое согласіе на такое преобразование мужской гимназіи, теперь остается только высказаться по поводу этого школьному совѣту и учительскому персоналу гимназіи. Общественное мнѣніе явно относится сочувственно къ проектируемой мѣрѣ и въ оффиціальной газетѣ «Vind» появилась по этому поводу слѣдующая замѣтка: «Опытъ, сдѣланный со смѣшанными аудиторіями въ старшихъ классахъ народной школы, даютъ право ожидать, что и въ гимназіяхъ совмѣстныя учебныя занятія мальчиковъ и дѣвочекъ окажутся полезными для учащихся во многихъ отношеніяхъ». На основаніи этой замѣтки можно предполагать, что въ недалекомъ будущемъ идея смѣшаннаго воспитанія будетъ осуществлена въ Швейцаріи, и примѣруерна, послѣ того, какъ онъ откроетъ дѣвочкамъ двери въ мужскія гимназіи, вскорѣ послѣдуютъ и прочія швейцарскіе кантоны.

ИЗЪ МІРА НАУКЪ.

Ложная память (парамнезія). Каждому, вѣроятно, приходилось испытывать такое состояніе, когда, почему-то кажется, что то, что видишь или слышишь въ первый разъ, уже видѣлъ или слышалъ раньше. Мѣстность, которую мы посѣщаемъ въ первый разъ, намъ кажется знакомой, хотя мы никогда прежде ея не видали. Въ этомъ и заключаются явленія ложной памяти (парамнезіи), которымъ Лаландъ въ «Revue philosophique» старается найти объясненіе.

Парамнезія, помимо иллюзіи, заставляющей насъ ложно предполагать, что мы уже во второй разъ видимъ то, что видимъ на самомъ дѣлѣ только въ первый разъ, сопровождается зачастую крайне неприятнымъ душевнымъ состояніемъ, выражающимся тревогою, а иной разъ развивается чувство стѣсненія въ груди и дѣло доходитъ даже до настоящаго кошмара. Бываютъ при этомъ иногда даже дурнота и головокруженіе. Лаландъ приводитъ, на примѣръ, слѣдующій случай: одинъ молодой человекъ; во время поѣздки по желѣзной дорогѣ взялъ какой-то совершенно неизвѣстный ему романъ и сталъ читать. Вдругъ ему показалось что онъ уже раньше читалъ его и въ ту же минуту въ головѣ его пронесся такой вихрь всевозможныхъ воспоминаній и образовъ, что ему показалось, будто онъ сходитъ съ ума. Это состояніе продолжалось не болѣе пяти минутъ.

Одинъ господинъ рассказываетъ, что онъ очень часто испытываетъ ощущеніе «видѣннаго». Однажды онъ пріѣхалъ въ Амстердамъ въ первый разъ въ своей жизни, и ему показалось, что онъ «узнаетъ» городъ, хотя до этой минуты никогда не видалъ его.

Болѣе рѣдкіе случаи парамнезіи бываютъ тогда, когда не только узнаются предметы или факты, но предугадывается ихъ дальнѣйшее теченіе или, по крайней мѣрѣ, является увѣренность въ своемъ предвидѣніи дальнѣйшаго хода событій. Такъ, на примѣръ, одинъ докторъ рассказывалъ Лаланду, что, присутствуя въ первый разъ на представленіи «Рюи Блаза», онъ все время находился подъ впечатлѣніемъ чего-то давно знакомаго, хотя въ первый разъ въ жизни видѣлъ пьесу. Мало этого! Онъ узнавалъ не только всѣ подробности и всѣ сцены, но даже предугадывалъ дальнѣйшій ходъ пьесы, т. е. ему казалось, что онъ уже раньше знаетъ то, что будетъ происходить на сценѣ. Иллюзія эта продолжалась во все время представленія.

Другой военный врачъ, часто испытывавшій состояніе парамнезіи, сообщилъ, что однажды, находясь съ пріятелемъ въ театрѣ, онъ сказалъ ему первыя слова тиралы, которую долженъ былъ произнести одинъ актеръ; между тѣмъ раньше онъ никогда не видалъ и не читалъ этой пьесы.

Диккенсъ въ своемъ «Давидъ Копперфильдъ» упоминаетъ о парамнезіи и высказываетъ предположеніе, что состояніе это свойственно всѣмъ до извѣ-

стной степени. По Бернгаму, также парамнезия принадлежит къ весьма обыкновеннымъ явленіямъ. Однако, не слѣдуетъ смотрѣть на парамнезію, какъ на явленіе патологическаго характера; она нисколько не чаще встрѣчается у больныхъ и нервныхъ субъектовъ, чѣмъ у здоровыхъ. Ни годы, ни полъ не играютъ тутъ никакой роли, и у дѣтей она случается такъ же часто, какъ и у взрослыхъ. Опытъ показываетъ, что условіемъ, благоприятствующимъ появленію такого состоянія, является возбужденіе. Большія многочисленныя собранія, торжества и церемоніи способствуютъ появленію парамнези. Извѣстно, какъ дѣйствуетъ толпа, и какъ въ ней обостряются и увеличиваются интеллектуальныя способности каждаго изъ членовъ, входящихъ въ ея составъ. Многочисленная публика, напримѣръ, лучше пойметъ оттѣнки и тонкости какого-нибудь произведенія, которые прошли бы, пожалуй, незамѣченными для большинства членовъ этой публики въ отдѣльности. Такъ и классъ, въ которомъ много учениковъ, оказывается всегда лучше и смысленнѣе того, въ которомъ учениковъ мало, который, слѣдовательно, не можетъ быть уподобленъ толпѣ.

Однако, все же, несмотря на частые случаи парамнези, самая природа этого явленія все-таки остается невыясненною. Мы знаемъ только, какъ проявляется парамнезия, и какія условія способствуютъ ея появленію, но мы не знаемъ, какіе процессы происходятъ при этомъ въ нашемъ сознаніи. Виганъ и Маудслей видятъ тутъ выраженіе одновременной дѣятельности обѣихъ полушарій головного мозга, которые, обыкновенно, работаютъ попеременно. Анжель полагаетъ, что происхожденіе ложной памяти зависитъ отъ того разстоянія, которое раздѣляетъ иногда ощущеніе отъ воспріятія. Что-то произошло на насъ впечатлѣніе, и мы ощущаемъ это, но ощущеніе это не переходитъ въ область нашего сознанія, умъ нашъ не локализируетъ его, и когда, наконецъ, локалізація эта совершится, то намъ кажется, что результатъ ея намъ уже былъ извѣстенъ раньше. Это и вызываетъ иллюзію ложной памяти. По Лалаанду, ключъ къ объясненію парамнези слѣдуетъ искать въ существованіи двойного воспріятія впечатлѣній, сначала безсознательнаго, потомъ сознательнаго.

Дѣйствіе электричества на человѣческой организмъ. Много толковъ въ ученомъ мѣрѣ возбудили недавнія наслѣдованія электрофизіолога д'Арсонвалля надъ вліяніемъ электричества на человѣческой организмъ. Въ заграничныхъ научныхъ изданіяхъ нерѣдко сообщалось за послѣднее время о дѣйствіяхъ, такъ называемыхъ, индуктивныхъ токовъ, передающихся предметамъ черезъ воздушное пространство безъ всякихъ проволокъ и другихъ приспособленій. На индуктивномъ воздѣйствіи токовъ основывался и рядъ опытовъ съ сигнализациею между плавающими судами и морскими побережьями, а также желѣзнодорожными станціями и находящимися въ движеніи поѣздами. Д'Арсонвалль, путемъ многократныхъ наблюденій, пришелъ къ заключенію, что переменные токи, другъ за другомъ повторяющіеся отъ 100.000 до 250.000 разъ въ секунду, обладаютъ необыкновенною индуктивною способностью. Человѣкъ, стоящій внутри соленоида — цилиндра, съ двухъ сторонъ открытаго и овитаго проволокою, по которой пропускается токъ, быстро наэлектризовывается, вовсе не прикасаясь къ стѣнкамъ цилиндра. При такихъ условіяхъ, по органическимъ тканямъ человѣка, ничего особеннаго не ощущающаго, пробѣгаютъ токи, достигающіе въ совокупности такой сильной напряженности, что отъ при-

близненія рукъ къ лампочкѣ съ накаливаніемъ послѣдняя тотчасъ же загорается. Этотъ опытъ д'Арсонваля представляетъ съ научной точки зрѣнія чрезвычайно важный интересъ, такъ какъ служитъ доказательствомъ, что электричество, обладающее напряженностью въ 700 или 800 вольтовъ, при очень частыхъ переменныхъ токахъ (отъ 100 до 250 тысячъ разъ въ секунду) можетъ проходить черезъ тѣло человѣка, не причиняя ему никакого вреда, тогда какъ тѣ же токи, но только съ большими между ними промежутками, отъ 100 до 10.000 разъ въ секунду), непременно умертвили бы человѣка.

Какимъ образомъ морскія животныя видятъ на глубинѣ моря. Ученые долго искали объясненія того факта, какимъ образомъ морскія животныя, пребывающія на такой глубинѣ моря, куда не проникаетъ свѣтъ, находятъ себѣ пищу и могутъ избѣгать враговъ. Недавно сдѣлано открытіе, что эти обитатели морской глубины сами распространяютъ свѣтъ, исходящій изъ особыхъ частицъ ихъ тѣла. У нѣкоторыхъ видовъ раковъ найдены на выдвигаемомъ столбикѣ, на которомъ у нихъ посажены глаза, и на передней парѣ ногъ маленькіе наросты, издающіе въ темнотѣ свѣтъ въ родѣ свѣта гниющаго дерева или мяса. Свѣтъ происходитъ отъ химическаго процесса, совершающагося въ нихъ. Строеніе этихъ тѣлъ оказалось довольно сложнымъ. Вещество, издающее свѣтъ, имѣетъ видъ палочекъ, правильно распредѣленныхъ по концамъ кровеносныхъ сосудовъ, между которыми проходитъ и зрительный нервъ. Кромѣ того, свѣтящіяся тѣльца снабжены мускуломъ, съ помощью котораго животное можетъ поворачивать весь аппаратъ въ разныя стороны и освѣщать мѣстность, какъ фонаремъ.

Юбилей химическаго русскаго общества. Въ Петербургѣ, въ ноябрѣ прошлаго года, праздновался юбилей химическаго общества при Петербургскомъ университетѣ. Наши химики заняли почетное мѣсто въ европейской наукѣ. Не только имена многихъ изъ нихъ удостоились всемирной извѣстности, но даже и теорія и воззрѣнія русскихъ химиковъ получили широкое право гражданства въ мировой наукѣ, а нѣкоторые изъ нихъ—даже и руководящее значеніе. Такихъ результатовъ, почти безпримѣрныхъ въ исторіи русской науки, наши химики добились именно въ послѣднее 25-ти-лѣтіе. Образовавъ специальное ученое общество, они объединили дѣятельность не только всѣхъ университетовъ, но даже отдѣльныхъ лабораторій. Съ той поры, т.-е. въ теченіи десятковъ лѣтъ уже, ученый періодическій органъ, издаваемый «обществомъ» на русскомъ языкѣ, занялъ совершенно равноправное мѣсто въ остальной ученой мировой литературѣ. За нимъ тщательно слѣдятъ и переводятъ на иностранные языки все, что есть новаго и выдающагося. Слѣдуетъ прибавить, что уже не мало переведено на всѣ европейскіе языки капитальныхъ сочиненій русскихъ химиковъ, нѣкоторыя даже приняты какъ руководства и учебныя пособія, укажемъ, напр., на «Основы химіи, Менделѣева» и на «Аналитическую химію Меншуткина».

Растительное молоко. Извѣстно, что многія растенія при разрѣзѣ выделяютъ сокъ, своимъ внѣшнимъ видомъ совершенно напоминающій молоко. У нѣкоторыхъ растеній этотъ сокъ имѣетъ неприятный, вязущій вкусъ, у другихъ же, напротивъ, вкусъ этого сока довольно приятный, прохлаждающій. Въ

Америкѣ существуетъ до шести растительныхъ видовъ, доставляющихъ молоко въ довольно большомъ количествѣ. Въ Южной Америкѣ и вдоль береговъ Венесуэлы растетъ молочное дерево «*Brosimum Galactodendron*», содержащее молочный сокъ въ обильномъ количествѣ. Сокъ этотъ имѣетъ бальзамическій запахъ и вкусъ сливокъ, слегка подслащенныхъ сахаромъ. Онъ очень питателенъ и его можно употреблять въ какомъ угодно количествѣ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій; единственный его недостатокъ это—тягучесть. На мѣстныхъ плантаціяхъ рабочіе, особенно въ жаркіе дни, истребляютъ его въ огромномъ количествѣ и не только это не отзывается вредно на ихъ здоровье, но они даже поливаютъ и поправляются отъ употребленія этого сока. На воздухъ молоко это быстро спускается и покрывается сверху желтоватою пленкою, похожею на сыръ. Въ тропическихъ странахъ, гдѣ часто случается засуха, и люди могутъ погибнуть отъ жажды, растеніе это приноситъ громадную пользу. Хотя подъ влияніемъ засухи оно тоже какъ будто увядаетъ, листья на немъ исчезаютъ, и стволъ покрывается морщинами, какъ на засохшемъ растеніи, но стоитъ лишь надрѣзать кору, чтобы изъ ствола потекъ обильною струею питательный сокъ. Больше всего сока выделяетъ дерево при солнечномъ восходѣ, и потому мѣстные жители торопятся въ это время наполнять свои сосуды питательнымъ сокомъ. Химическое изслѣдованіе указало на присутствіе въ этомъ сокѣ особаго жирнаго вещества, напоминающаго въ твердомъ состояніи воскъ; вообще же, химическій составъ сока очень подходитъ къ составу коровьяго молока, но, по заключенію химика Буссенго, долженъ превосходить это послѣднее своею питательностью.

Величина древесныхъ листьевъ. Намъ, европейскимъ жителямъ, трудно себѣ представить, какой величины могутъ достигать листья деревьевъ тропическихъ странъ, такъ какъ на нашихъ деревьяхъ листья никогда не бываютъ велики, какъ на тропическихъ пальмахъ. На пальмахъ растутъ самые большіе листья, и въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ пальмѣ «Иная», растущей по обѣимъ берегамъ рѣки Амазонки. Листья этой пальмы нерѣдко достигаютъ семи сажень въ длину и болѣе сажени въ ширину. Нѣкоторые листья цейлонскихъ пальмъ имѣютъ около трехъ сажень длины и достигаютъ въ ширину до двухъ и болѣе сажень. Туземцы покрываютъ ими свои жилища помѣщенія, и нерѣдко даже устраиваютъ изъ нихъ шалаши, въ которыхъ проживаютъ цѣлыми семействами. Листья кокосовой пальмы также сильно развиваются въ длину и достигаютъ, подъ экваторіальными широтами, трехъ и четырехъ сажень. Зонтообразные листья магноліи на островѣ Цейлонѣ (*Magnolia grandiflora*) разрастаются исключительно въ ширину и достигаютъ иногда такихъ размѣровъ, что подъ ними могутъ укрыться отъ дождя пятнадцать человѣкъ. Одинъ изъ такихъ листьевъ магноліи, доставленный въ Англію, въ видѣ образца, имѣлъ въ ширину пять сажень. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ огромныхъ щитовидныхъ листьяхъ тропическаго водянаго растенія «Царственной Викторіи» (*Victoria Regia*), принадлежащаго къ семейству кувшинниковыхъ; единственный видъ его, растущій на Амазонской рѣкѣ и въ другихъ бассейнахъ тропическихъ широтъ, превосходно уживается съ условіями искусственнаго произрастанія въ европейскихъ теплицахъ. Листья этого растенія достигаютъ 18-ти и болѣе футовъ въ окружности. Экземпляръ Викторіи-Регіа имѣется въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Ботаническомъ саду.

Землѣды. «Геофагія», или землѣдство, не представляетъ такого рѣдкаго исключительнаго явленія, какъ это можно было бы думать сначала. О ней упоминается даже въ древности и въ наше время геофагія не составляетъ исключительной особенности, присущей какой-нибудь расѣ. Всюду можно встрѣтить случаи геофагіи. Голодь въ какой-нибудь странѣ никогда не обходится безъ этого; несчастные, стараясь заглушить свой голодь, ѣдятъ землю и у насъ въ Россіи, во время недавняго голода, прибавляли землю въ хлѣбъ или, вѣрнѣе, въ то, что несчастные считали хлѣбомъ. Конечно, такого рода факты не имѣютъ характера патологическихъ явленій; голодь не разъ заставлялъ людей ѣсть все, что имъ попадетъ подъ руку и не разъ даже бывалъ причиною людоедства. Весьма естественно, что погибающій отъ голода человѣкъ пробуетъ ѣсть землю, чтобы заглушить свои страданія. Но рядомъ съ этими «геофагами» такъ сказать «по необходимости», встрѣчаются геофаги изъ любви къ искусству, по личному влеченію къ такого рода странной пищѣ. «*Revue des Revues*» рассказываетъ, что въ Кернсѣ, въ Австраліи, эпидемія геофагіи обнаружилась среди дѣтей и масса дѣтей заболѣла отъ употребленія въ пищу земли. Кернсъ—цвѣтущій городокъ Сѣвернаго Квинсленда, окруженный богатою растительностью и жители его пользуются довольствомъ. Около года тому назадъ врачи этого города замѣтили у многихъ дѣтей странную болѣзнь, характеризующуюся слѣдующими признаками: раздутымъ, отвислымъ животомъ, крайнимъ малокровіемъ и страстью пожирать особый сортъ красной глины, которая, какъ говорятъ, имѣетъ нѣсколько сладковатый вкусъ. Надо прибавить, что геофаги вовсе не ѣдятъ всякую землю безъ разбора, а преимущественно глинистую землю, которая обладаетъ какимъ-то специальнымъ вкусомъ. Многія изъ дѣтей, пораженныхъ этою болѣзью, поумирали и смерть ихъ была приписана токсическому вліянію съѣденной ими земли. Конечно, въ составъ земли входитъ такая масса разнообразныхъ веществъ, химическихъ элементовъ и солей, что даже помимо патогенныхъ *) микробовъ, которые могутъ въ ней заключаться, самые элементы, входящіе въ ея составъ, могутъ оказывать вредное вліяніе на организмъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что калийные соли вредно дѣйствуютъ на сердце, въ землѣ же соли эти могутъ заключаться въ довольно большомъ количествѣ и, слѣдовательно, люди, употреблявшіе такую землю въ пищу, могутъ подвергнуться отравленію. У дѣтей, о которыхъ мы говорили выше, симптомы болѣзни были весьма однообразны. Одинъ изъ нихъ, мальчикъ трехъ лѣтъ, до этого времени пользовался всегда цвѣтущимъ здоровьемъ. Но однажды мать его къ удивленію увидѣла, что онъ ѣсть черный песокъ. Сначала она попробовала поддѣйствовать на него угрозами, потомъ угрозами, но ничто не помогало—ребенокъ продолжалъ ѣсть землю и вскорѣ у него развились всѣ признаки авеміи и упадка силъ. Онъ сдѣлался страшно худъ, вялъ и апатиченъ, животъ же у него увеличился несоразмѣрно. Родители стали его запираить въ комнату, для того, чтобы онъ не могъ доставать земли. Но ребенокъ, собиравъ пыль, частицы грязи, которую приносили на подошвахъ своихъ башмаковъ его родители, и все это немедленно проглатывалъ. Однако, все же, такъ какъ это количество земли было очень незначительно, то вскорѣ въ положеніи ребенка стало замѣтно нѣкоторое улучшеніе. Но у другихъ дѣтей болѣзнь имѣла менѣе счастливый исходъ. Причина смерти во всѣхъ этихъ случаяхъ недостаточно еще выяснена. Въ кишкахъ умершихъ дѣтей найдены множество паразитовъ, но нѣкоторые врачи склонны видѣть

*) Болѣзнетворныхъ.

именно въ присутствіи этихъ паразитовъ первичную причину болѣзни, а не ея слѣдствіе. Паразиты, вызывая раздраженіе, породили извращеніе вкуса. Несомнѣнно, однако, что съ землею дѣти могли проглатывать массу всевозможныхъ зародышей и вызвать такимъ образомъ развитіе паразитовъ въ своемъ кишечникѣ. У дѣтей, впрочемъ, весьма часто и безъ всякихъ видимыхъ причинъ развиваются разные странные вкусы. Во всякомъ случаѣ, геофагія сама по себѣ и помимо паразитовъ, которые отъ этого развиваются въ кишечникѣ, можетъ явиться причиною смерти; примѣръ: нѣкоторыя племена Южной Америки. Давно извѣстно, что племена верхняго Ореноко, Кассиквіара и Рио-Негро имѣютъ привычку ѣсть землю. Земля, которую они поѣдаютъ—родъ красноватой глины. Окраска этой глины зависитъ отъ присутствія въ ней окиси желѣза. Дикари, питающіеся этою глиною, готовятъ изъ нея родъ шариковъ и лепешекъ, которыя поджариваются въ растительномъ маслѣ. При такихъ условіяхъ глина, конечно, можетъ представить нѣкоторую питательность. Путешественники утверждаютъ, что потребители этой глины, индѣйцы, могутъ цѣлыя мѣсяцы существовать безъ всякой другой пищи. Но если нѣкоторые изъ нихъ получаютъ специальное пристрастіе къ такого рода пищѣ и начинаютъ исключительно питаться ею, то въ концѣ концовъ это начинаетъ отражаться на ихъ здоровьи, они худѣютъ, у нихъ развивается упадокъ силъ и т. п. Умѣренные же геофаги не испытываютъ никакихъ особенно дурныхъ послѣдствій, и дѣйствительно, въ случаѣ голода, могутъ нѣкоторое время оставаться безъ пищи. Племя рукупенновъ въ Южной Америкѣ—геофаги. Въ хижинѣ каждаго изъ нихъ въ копилнѣ, гдѣ копится мясо, имѣются шарики глины, которые высыхаютъ подъ вліяніемъ дыма и сѣдаются въ порошокъ. Рукупенны съ наслажденіемъ поѣдаютъ этотъ порошокъ; они берутъ высохшіе шарики и выскабливаютъ середину ихъ ножомъ, оставляя нетронутую верхнюю часть, закопченную дымомъ.

Прибавимъ, что глина примѣняется и въ терапіи. Недавно еще одинъ изъ русскихъ врачей Гельманъ рекомендовалъ внутреннее употребленіе особаго сорта глины въ нѣкоторыхъ нервныхъ и ревматическихъ страданіяхъ.

Во многихъ болѣзняхъ нервной системы появляется геофагія и истеричныя, напримѣръ, зачастую съ жадностью пожираютъ землю всякаго рода. Впрочемъ, въ нервныхъ болѣзняхъ геофагія большею частью сопровождается полифагіей, т.-е. больные пожираютъ всевозможныя неудобосѣдомыя вещества и притомъ истребляютъ огромныя количества пищи. Одинъ уроженецъ Вюртемберга, случай, который цитируется въ медицинскихъ сочиненіяхъ, до шестидесяти лѣтъ былъ полифагомъ, пожиралъ сразу цѣлаго поросенка и даже барана, глоталъ камни, глину и т. п. Но въ 60 лѣтъ вдругъ измѣнился, сдѣлался умѣреннымъ въ пищѣ и питѣѣ, переставъ ѣсть несѣдобные предметы и прожилъ еще 19 лѣтъ. Въ Брестѣ въ 1774 году находился одинъ каторжникъ, который сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что пожиралъ рѣшительно все: землю, дерево, кирпичи, обломки трубокъ, ножи, ложки и т. д. Перечисленіе предметовъ, которые найдены были у него въ желудкѣ по его смерти, заняло цѣлую страницу. Но, конечно, всѣ эти случаи уже не представляютъ собою геофагію въ чистомъ видѣ—какая наблюдалась у австраійскихъ дѣтей и распространена между племенами Южной Америки, гдѣ она не составляетъ патологическаго явленія, впрочемъ, лишь до тѣхъ поръ, пока не развивается чрезмѣрное пристрастіе къ такого рода странной пищѣ. Въ послѣднемъ случаѣ геофагія уже становится болѣзнию, часто обусловливающею даже смертельный исходъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Наиболѣе плодородное дерево. Никакое дерево не можетъ сравниться по своему плодородію съ апельсиновымъ деревомъ, особенно въ урожайные годы. По сдѣланнымъ вычислениямъ, въ Италіи каждое апельсиновое дерево даетъ въ среднемъ до трехсотъ плодовъ ежегодно. Въ Севильи апельсиновые деревья отличаются еще большимъ плодородіемъ, и съ нихъ собираютъ ежегодно до 600 апельсиновъ съ каждаго дерева. Въ Италіи насчитываютъ до 5.400.000 апельсиновыхъ деревьевъ, доставляющихъ ежегодно до 1.600.000 апельсиновъ. Островъ св. Михаила, принадлежащій къ группѣ Азорскихъ острововъ, занимаетъ относительно небольшую площадь, на которой растутъ цѣлыя лѣса апельсиновыхъ и померанцевыхъ деревьевъ, доставляющихъ ежегодно болѣе 250 милліоновъ апельсиновъ, отправляемыхъ преимущественно въ Англію. Испанія отправляетъ болѣе милліарда апельсиновъ во всѣ страны свѣта; за нею слѣдуетъ Италія. Греція доставляетъ въ годъ до пятидесяти, а Азорскіе острова до 400 милліоновъ апельсиновъ.

Вліяніе пчеловодства на продолжительность жизни. Давно уже было замѣчено, что среди пчеловодовъ особенно много встрѣчается лицъ, достигшихъ преклоннаго возраста. Очевидно, эта профессія благотворно вліяетъ на здоровье и способствуетъ долголѣтію. Англійскій журналъ «Agriculture» объясняетъ это тѣмъ, что, во-первыхъ, пчеловоды живутъ въ деревнѣ на чистомъ воздухѣ, вдали отъ городовъ съ окружающей ихъ, полной міазмовъ, атмосферой, во-вторыхъ, что укушенія, которыми какъ бы-то ни было, время отъ времени ихъ награждаютъ пчелы, прививаютъ организму сильное антимикробное вещество, и, наконецъ, потребляемый пчеловодами въ извѣстномъ количествѣ медъ тоже весьма благотворно дѣйствуетъ на весь организмъ, какъ вещество въ высшей степени питательное, почти цѣлкомъ усвояемое, способствующее дыханію и прочимъ физиологическимъ процессамъ.

Самое холодное и самое жаркое мѣсто на земной поверхности. Изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ производились термометрическія наблюденія, самымъ холоднымъ оказывается городъ Верхоянскъ въ Сибири. Въ этомъ городѣ наблюдалась температура въ -39° Р.; средній минимумъ $-27,1^{\circ}$ Р. Полная противоположность—пустыня рѣчки Колорадо, гдѣ атмосфера нагрѣвается до $53,3^{\circ}$ Р., и годовое колебаніе температуръ доходитъ до 88° Р.

Самый древній рецептъ. Къ сожалѣнію, имя знаменитаго врача, написавшаго этотъ рецептъ, намъ неизвѣстно, но профессоръ Мокалишеръ, изъ Кембриджа гарантируетъ его древнее происхожденіе и утверждаетъ, что онъ былъ предназначенъ для рожденія волосъ на головѣ матери фараона Чата,

второго изъ первой династіи. Въ составъ рецепта входятъ: финики, кусочки собачей ноги и ослиныя копыта. Все это, сваренное въ маслѣ, образуетъ составъ, которымъ намазываютъ голову. Папирусъ, доставившій эти свѣдѣнія, не говоритъ ничего о томъ, помогло ли это средство матери египетскаго фараона.

Опасность, угрожающая Лондону. Недавно главный инженеръ лондонскаго Общества газоваго освѣщенія опубликовалъ отчетъ, въ которомъ обращаетъ вниманіе на то, что между почвою столицы Англіи и деревянною мостовою улицъ образовалось пустое пространство, постепенно наполняющееся смѣсью газа и атмосфернаго воздуха. Смѣсь эта, какъ извѣстно, обладаетъ довольно сильными взрывчатыми свойствами и поэтому многимъ улицамъ Лондона угрожаетъ опасность быть взорванными на воздухъ, такъ какъ пустое пространство подъ мостовою этихъ улицъ уже наполнено газомъ и воздухомъ.

Волшебный фонарь въ церквахъ. Въ послѣднее время волшебный фонарь сдѣлался важнымъ подспорьемъ при распространеніи географическихъ, астрономическихъ и естественныхъ наукъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ къ нему приспособлена фотографія. Прежде волшебный фонарь служилъ только для развлечения, теперь онъ сталъ научнымъ пособіемъ. По словамъ «Tägliche Rundschau», волшебный фонарь примѣняется въ Америкѣ даже въ церквахъ. Нѣкоторые проповѣдники во время вечерней службы и проповѣдей показываютъ при помощи волшебнаго фонаря соответствующія сцены изъ священной исторіи и, такъ сказать, иллюстрируютъ свою проповѣдь. Прихожане очень усердно ходятъ на такія проповѣди. Въ одной изъ церквей волшебный фонарь устроенъ съ такимъ совершенствомъ, что проповѣднику стоитъ только нажать на электрическую пуговку и моментально получается желаемое изображеніе. Изображенія эти представляютъ обыкновенно фотографическіе снимки съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Иногда воспроизведеніе картинъ сопровождается игрою на органѣ соответствующихъ церковныхъ гимновъ.

Обиліе часовъ въ Японіи. Японцы обнаруживаютъ особенное пристрастіе къ часамъ. Не только зажиточные люди, но даже тѣ, которые далеко не имѣютъ обеспеченнаго состоянія, считаютъ своимъ долгомъ имѣть по нѣскольку карманныхъ часовъ. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, въ прошломъ году, изъ Европы вывезено въ Японію 89.318 часовъ, на сумму до 2.600.000 франковъ, и изъ одной Швейцаріи — 80.447 часовъ. Въ томъ же году для оплаты ввозной пошлиной іокагамской таможи предъявлено: 1.800 карманныхъ золотыхъ часовъ, 62.000—серебряныхъ, 1.500—изъ накладнаго металла и 38.650—никелевыхъ и жѣдныхъ.

Размѣръ налоговъ, приходящихся на каждого въ различныхъ странахъ: во Франціи—104 фр., въ Англіи—57 фр., въ Соединенныхъ Штатахъ—50, въ Бельгіи—46, въ Германіи—44, въ Австріи—50, въ Россіи—36, въ Испаніи—33.

Интересно было бы присоединить къ этому также и размѣръ «деховъ», приходящихся на cadaго въ этихъ же странахъ.

Телеграфъ въ Китаѣ. Несмотря на отвращеніе китайцевъ къ западной цивилизаціи и ко всѣмъ ея нововведеніямъ, телеграфъ въ Китаѣ начинаетъ принимать все большее и большее распространеніе. Въ настоящее время только что окончена постройка телеграфной линіи между Китаемъ и Россіей, отъ Хунъ - Чуна на Новокіевскъ. Другая телеграфная линія, которая пойдетъ черезъ Кульджу, въ настоящее время еще не дстроена, а весною начнется постройка еще одной телеграфной линіи, которая пойдетъ черезъ Кяхту и Маймачинъ. Этой послѣдней линіи придается особенно важное значеніе, потому что она-то и должна будетъ установить наиболѣе краткое сообщеніе между Небесной Имперіей и Европою. Единственная провинція въ Китаѣ, куда еще не проникъ телеграфъ—это Хуннанъ; жители этой провинціи оказываютъ наибольшее сопротивленіе европейцамъ и не допускаютъ у себя никакихъ нововведеній.

Безплатная перевозка пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ. Въ Англіи начинается агитація въ пользу даровой перевозки гражданъ по желѣзнымъ дорогамъ, что по настоящему и должно составлять экономическій идеаль. Защитники этой мысли рассчитали, что если взимать по 2¹/₂ шил. (около 1 р. 20 к.) съ cadaго жителя Соединеннаго Королевства, то можно покрыть весь доходъ, получаемый въ настоящее время желѣзными дорогами. Слѣдовательно, если бы государство платило ежегодно эту сумму желѣзнодорожнымъ компаніямъ, явилась бы возможность предоставить всѣмъ безъ исключенія гражданамъ право безплатно ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ: рельсовыми путями пользовались бы такъ же, какъ теперь пользуются шоссевыми дорогами, мостовыми и тротуарами. Задача свелась бы исключительно къ регулированію пользованія для устраненія безпорядка и возможнаго удовлетворенія всѣхъ желающихъ.

Этикетъ въ англійской палатѣ общинъ. Англичане, болѣе чѣмъ всякій другой народъ, придерживаются этикета и строго соблюдаютъ установленные обычаи. Въ англійскомъ парламентѣ этикетъ играетъ далеко не послѣднюю роль. Въ палатѣ общинъ, напримѣръ, согласно давнему обычаю, вождь оппозиціи всегда садится противъ перваго министра, дабы они всегда могли смотрѣть въ лицо другъ другу. Въ «*Nagrer's Magazine*» разсказывается, что, благодаря этому обычаю, контрастъ между нынѣшнимъ премьеромъ Гладстономъ и покойнымъ лордомъ Виконсфилдомъ, выдѣляется наиболѣе ярко. Гладстонъ—это воплощеніе горячности и безпокойства. Все, что онъ чувствуетъ, отражается тотчасъ же на его лицѣ. Если его интересуетъ ораторъ, то онъ наклоняется впередъ, если чувствуетъ скуку, то откидывается назадъ. Сразу можно замѣтить, когда онъ бываетъ недоволенъ. Даже глухой, смотря на лицо Гладстона, можетъ узнать, что происходитъ въ палатѣ. Виконсфилдъ же никогда не выдавалъ своихъ чувствъ. Онъ часами сидѣлъ неподвижно въ парламентѣ, не шевельнувъ ни однимъ мускуломъ и даже не мѣняя позы. Голову онъ болѣею частью дер-

жалъ опущенною и лицо его всегда оставалось совершенно неподвижнымъ. Неудивительно, что нѣкоторые изъ современныхъ ему писателей сравнивали его съ восточнымъ сфинксомъ.

Воспитаніе дѣтей въ Японіи. Въ журналѣ «Cognelia» сообщаются интересныя свѣдѣнія о воспитаніи дѣтей въ Японіи. Оказывается, что англійская болѣзнь въ Японіи почти неизвѣстна, и японскія дѣти большею частью отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ. Во время прорѣзыванія зубовъ японскія дѣти получаютъ особую пищу, состоящую изъ рыбы и мелкихъ скорлупчатыхъ животныхъ. Прежде всего, японцы стараются съ самыхъ раннихъ лѣтъ развивать въ ребенкѣ любовь къ чистотѣ, и дѣйствительно, японскія дѣти очень чистоплотны и опрятны. Колыбелей въ Японіи не существуетъ. Пока ребенокъ малъ, его носятъ за спиною мать, а когда онъ подростетъ, то старшій братъ или старшая сестра. Въ дѣтскихъ, обыкновенно, нѣтъ никакой мебели, ни ковровъ, а полы ежедневно моются солянымъ растворомъ, и дѣйствительно чистота половъ въ японскихъ домахъ образцовая. Японскія дѣти въ хорошую погоду носятъ сандалии, а въ дурную — деревянные башмаки.

Женскій вопросъ въ Турціи. Женское движеніе возникло даже въ Турціи, и Порта, уступая давленію времени, рѣшилась допустить женщинъ, имѣющихъ на то право, къ врачебной практикѣ. Говорятъ, что объ этомъ разрѣшеніи очень хлопоталъ американскій посланникъ въ Константинополь. Въ Сиріи издается теперь газета, посвященная женскому вопросу. Газета называется «El tatat», что означаетъ въ переводѣ «Молодая женщина» и редактируется одною сирійскою дамою. Всѣ статьи въ ней пишутся также дамами.

Гёте и Шиллеръ. Во «Francf. Zeit.» пишутъ, что въ архивахъ Веймара открыли сотню неизданныхъ стихотвореній Гёте и Шиллера. Эти произведенія, въ большинствѣ случаевъ, весьма коротки и принадлежать къ эпиграммамъ.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ III-й.

№ 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

Дополнен цензурой. С.-Петербургъ, 9-го февраля 1894 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ВЪЗЪ НАЗВАНІЯ. Романъ. (Продолженіе). Д. Мамина-Сибиряка	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ: ИЗЪ ШЕМЛИ. Н. Бальмонта	31
3. СЛАБОСТЬ ВОЛИ, КАКЪ ПРИЗНАКЪ ВРЕМЕНИ. Д. Коропчевскаго	32
4. МАРИАНА. Романъ Э. Альгрень. (Продолженіе). Переводъ со шведскаго В. Ф.	52
5. ВЪ ГЛУШИ БАШБИРИИ. Дитя природы. Разсказъ, Петра Добротворскаго.	76
6. ОБСЕРВАТОРІЯ НА ГОРЪ МОНБЛАНЪ. (Статья французскаго академика Жансена). Пер. съ фр. Л. Д.	90
7. ПОДЪ СЪНЬЮ ТІАРЫ. Историческая повѣсть проф. Э. Жебара. Пер. съ фр. В. Масоловой	99
8. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. Посвящается В—ъ К—ъ П—ъ К., проф. Ар. Ив. Янобія	129
9. ПОВЪЗДЕА КЪ ПОМАКАМЪ. Э.	145
10. БИБЛІОГРАФІЯ:—КНИГИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ. Химія. С. Созонова.	153
11. НОВЫЯ КНИГИ: Викторъ Гюго. Труженики моря. Романъ. (С.-Петербургъ. Дешевая Библиотека. Изд. А. С. Суворина).—Историческія чтенія. Древняя исторія. Египеть, Ассирія. М. Масперо. Пер. съ фр. Съ 192 рис. 305 стр. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1892 г. — 1) На краю гибели. 2) Изъ жизни запорожскихъ казаковъ. 3) На праздникъ у древнихъ римлянъ. 4) Какъ я провелъ субботу и воскресенье въ нѣмецкой деревнѣ. 5) Подъ волнами морскими. 6) Какія есть на землѣ растенія и какая отъ нихъ польза челоуѣку. 7) Какъ борются люди съ страшными врагами своими—чумой, оспой и холерой. 8) Уральцы-рыболовы. Спб. 1893 г. Изданія книжнаго склада А. М. Калмыковой.	167
12. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	174
13. СМѢСЬ. Изъ русской жизни: Вопросы русской общественной жизни.—Философъ-крестьянинъ.—Нарышкинскій университетъ.—Народныя развлечения.—Жизнь русскихъ сектантовъ на Кавказѣ.—Въ комитетѣ грамотности.—Одинъ изъ русскихъ «свѣточей». Чешскія колоніи въ Россіи.—Изъ иностранной жизни: Литературное движеніе въ Швеци и Норвеги.—Ежегодный пиръ бѣдняковъ въ Берлинѣ.—Женщины-работницы въ Соединенныхъ Штатахъ.—Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ.	183
14. ИЗЪ МІРА НАУКЪ: «Горная» болѣзнь (Mal de montagne).—Четырехсотлѣтіе со дня рожденія Парацельса.—Профессоръ Герцъ.—Вліяніе электричества на микроорганизмы.—Новая теорія росы.—Температура на высотѣ 12.500 метровъ.—Новое примѣненіе кофейныхъ листьевъ.—Патогенныя свойства слюны.	199
15. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ: Интересъ къ русской литературѣ въ Германіи.—Русскіе студенты въ Берлинѣ.—Буря въ Западной Европѣ.—Находчивость.—Интересный азіатскій продуктъ.—Интересное открытіе.—Музыкальная библиотека въ Лейпцигѣ.	205
16. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) СВОБОДНОЕ ПОПРИЩЕ. Романъ Вернера. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Шелгуновой	73
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Бомелли, Неймайру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	49
17. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Романъ *).

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Путешествія сближаютъ людей. Такъ было и съ компаніей, ѣхавшей на Уралъ. Мужчины вообще сближаются легче, и еще на вокзалѣ въ Москвѣ студентъ Крестниковъ и фельдшеръ Потаповъ почувствовали взаимное расположеніе.

— Не желаете ли папироску-съ?—предлагалъ фельдшеръ, дѣлая первый шагъ къ знакомству.

— Съ удовольствіемъ!..—согласился студентъ и, раскуривая папиросу, уже тономъ знакомаго человѣка прибавилъ:—Интересно, что выйдетъ изъ нашей экспедиціи.

— Да-съ, вообще... А между прочимъ, Василій Тимофейчъ весьма практикованный человѣкъ. Я стороной навелъ о нихъ справки... Весьма одобряютъ.

Когда поѣздъ тронулся, фельдшеръ снялъ свою шляпкочеловѣкъ, перекрестился, и съ какой-то жадностью смотрѣлъ на быстро убѣгавшую Москву. Потомъ онъ тряхнулъ головой и, обращаясь къ Крестникову, резюмировалъ свои впечатлѣнія:

— Скушно-съ...

Обоемовъ и Сережа остались на площадѣ и долго провозжали глазами родную Москву. У Сережи было такое серьез-

*) См. «Миръ Божій», № 2.

«Миръ Божій», № 3, мартъ.

ное и грустное выраженіе лица. Окоемовъ тоже чувствовалъ себя немного не по себѣ. И жаль чего-то, и какъ будто щемить на душѣ, и какое-то раздумье нападаетъ...

— Ну, и отлично!..—бормоталъ Сережа, принимая дѣловой видъ.—Мнѣ давно слѣдовало освѣжиться, а то я совсѣмъ заиксъ въ этой Москвѣ. Да, необходимо встряхнуться...

— Для тебя, мой дорогой другъ, Москва являлась только большимъ трактиромъ, и ты смотришь на нее именно съ этой похмельной точки зрѣнія. А есть другая Москва, дѣловая, бойкая, работающая... Я не сказалъ бы, что Москва—сердце Россіи, это было бы немножко много, но ее вѣрнѣе назвать паровымъ котломъ, въ которомъ заряжается вся русская промышленность и вся русская торговля. Да, здѣсь вершится громадная работа и сейчасъ трудно даже въ приблизительной формѣ предвидѣть ея результаты... Понимаешь: сила! А я поклонникъ силы... Москва далеко бьетъ, отъ одного океана до другого, и эта сила все растетъ, какъ комъ снѣгу.

— Кажется, это изъ области московскаго патріотизма, Вася?

— Это ужъ какъ тебѣ нравится, такъ и называй. Фактъ... Приятно сознавать, что составляешь частичку этой силы.

Сидѣвшія въ вагонѣ дамы замѣтно взгрустнули, хотя и старались не выдавать своего настроенія. Княжна смотрѣла въ окно на пеструю ленту быстро летѣвшей мимо дорожной панорамы. Ее тоже брало раздумье: хорошо ли, что она согласилась ѣхать Богъ знаетъ куда? Онъ даже не знала хорошенько, куда и зачѣмъ ѣдетъ, какъ не знали и другія дамы. Онѣ отнеслись другъ къ другу съ большой строгостью, начиная съ востумовъ. Про себя княжна опредѣлила одну симпатичной, а другую такъ себѣ. Эта симпатичная дама была сильная брюнетка съ характернымъ, почти сердитымъ лицомъ. Темное дорожное платье и черная шляпа придавали ей еще болѣе рѣшительный видъ. Княжнѣ не понравилось въ ней только одно, именно то, что симпатичная дама курила. Звали ее Анной Ѳедоровной. Другая, среднихъ лѣтъ блондинка, съ неопредѣленнымъ лицомъ имѣла какой-то пришибленный видъ. Видимо, она вся была въ прошломъ, тамъ, гдѣ прошла ея молодость. Когда Москва скрылась изъ виду, она потихоньку перекрестилась и вытерла набѣжавшую на глаза слезу.

— У васъ остались тамъ родные?—спросила княжна, дѣлая головой движеніе въ сторону Москвы.

— Да, т.-е. нѣтъ... У меня никого не осталось въ Москвѣ.

Княжнѣ понравился голосъ этой пришибленной блондинки,—она говорила съ такими мягкими нотами.

— А васъ какъ зовутъ?—полюбопытствовала княжна.

— Калерія Михайловна...

— У меня была сестра Калерія.

— Да? Это очень рѣдкое имя...

На этомъ разговоръ и кончился. Дамы потихоньку оглядывали другъ друга, и каждая про себя составляла особое мнѣніе про двухъ другихъ. Здѣсь каждое лыко шло въ строку, и наблюдательный женскій глазъ по мелочамъ составлялъ самую строгую характеристику. Блондинка рѣшила про себя, что княжна очень добрая, а брюнетка сердито подумала всего однимъ словомъ: неряха. Женщины заняли двѣ лавочки, а мужчины двѣ другихъ, напротивъ. Разговоръ какъ-то не вязался, потому что надъ всѣми тяготѣла разлука съ Москвой. Сближеніе послѣдовало, благодаря дочери изобрѣтателя Потемкина. Дѣвочка сидѣла съ отцомъ и очень скучала. Она успѣла разсмотрѣть всѣхъ мужчинъ и не нашла въ нихъ ничего интереснаго. Потомъ она сдѣлала попытку поиграть съ студентомъ и потянула его за рукавъ. Но студентъ только улыбнулся,—онъ не умѣлъ отвѣтить на это краснорѣчивое предложеніе. Дѣвочкѣ сдѣлалось скучно до тошноты. Зѣвнувъ раза два, она взобралась на скамейку и принялась разсматривать дамъ.

— Какая маленькая дѣвочка...—замѣтила Калерія Михайловна и поманила къ себѣ шалунью.—Ну, иди сюда, коза. Я тебѣ покажу одну очень интересную вещицу...

Дѣвочка не заставила себя просить и мигомъ очутилась въ дамскомъ обществѣ.

— А васъ какъ зовутъ?—спрашивала она поочередно всѣхъ.—А меня Татьяной Ивановной... да. Мы съ папой далеко-далеко ѣдемъ, туда, гдѣ золото... А вы куда?

— И мы туда же... Всѣ вмѣстѣ ѣдемъ.

— А гдѣ же вашъ папа?

— Нашъ папа дома остался...

— Значить, вы его не любите?..

Черезъ пять минутъ Татьяна Ивановна уже взобралась на колѣни къ Калеріи Михайловнѣ и припала своей головною къ ея груди. Этотъ дѣтскій лепетъ точно расплавилъ какую-то кору, покрывавшую всѣхъ, и всѣ сразу почувствовали себя легче. Ребенокъ явился живымъ связующимъ звѣномъ. Отъ Калеріи Михайловны онъ перешелъ къ княжнѣ, которая „уже“ полюбила его и приняла подъ свое крылышко. Оставалась въ сторонѣ одна Анна Федоровна, которая даже, повидимому, старалась не смотрѣть на ребенка.

— Развѣ вы уже не любите дѣтей?—полюбопытствовала княжна.

— А развѣ можно ихъ не любить?—вопросомъ отвѣтила суровая дама и посмотрѣла на Татьяну Ивановну такими грустными глазами. — Я боюсь ихъ любить... потому что... потому что...

— Ахъ, да, я понимаю: вы потеряли, вѣроятно, своего ребенка?

— Да... И я сейчасъ боюсь ласкать чужихъ дѣтей: вѣдь несчастье заразительно. Можетъ быть, это нелѣпо, но есть такіе предрасудки, отъ которыхъ трудно отдѣлаться..

Таня смотрѣла на строгую тетю большими глазами и прошептала на ухо княжнѣ:

— Я боюсь этой... черной...

— Какія глупости, дурочка,—тоже шепотомъ отвѣтила княжна и прибавила:—Уже нужно всѣхъ любить... всѣхъ, всѣхъ!..

Дѣвочка распалилась какъ котенокъ и тутъ же, какъ котенокъ, заснула, свернувшись клубочкомъ. Потемкинъ все время наблюдалъ благодарными глазами происходившую сцену и тоже почувствовалъ себя какъ-то по домашнему: эти три женщины уже не были чужими... Онъ теперь думалъ о томъ, какая страшная сила заключается въ этой святой женской любви къ дѣтямъ, — нельзя даже представить гадательную мѣрку этого страшнаго двигателя, самаго тончайшаго и неуловимаго изъ всѣхъ остальныхъ двигателей.

Эта мирная семейная сцена была нарушена траги-комическимъ эпизодомъ, который заставилъ маленькую Таню проснуться. Появился Сережа и заявилъ княжнѣ:

— Варвара Петровна, ваши документы у васъ?

— Какъ уже у меня?.. Я уже передала ихъ вамъ еще тамъ, когда вы заѣхали за мной на квартиру...

— Гм... Какъ же это такъ? — удивился Сережа и обвелъ всѣхъ присутствующихъ такимъ взглядомъ, точно приглашалъ всѣхъ тоже удивиться. — Чортъ знаетъ, что такое...

Онъ нѣсколько разъ произвелъ обыскъ своихъ кармановъ, дорожной сумки и сакъ-вожжа, но документовъ не оказалось. Княжна слѣдила за нимъ гнѣвными глазами.

— Уже нѣтъ документовъ? — спросила она.

— Должны же они быть гдѣ-нибудь, чортъ возьми... Не сѣлъ же я ихъ въ самомъ дѣлѣ!

— И какъ я уже могла вамъ повѣрить! — огорченно повторила княжна. — Насъ теперь по этапу вышлютъ изъ Нижняго, какъ безпаспортныхъ...

— Непремѣнно вышлютъ, — подтвердилъ Окоемовъ, съ улыбкой слѣдившій за всей сценой. — Что же дѣлать, придется испытать маленькую превратность судьбы... Вообще, для начала не дурно, Сережа.

— А, чортъ возьми!.. — ругался сконфуженный Сережа. — Теперь помню... Я заѣхалъ за Варварой Петровной, а она мнѣ суеть свои документы...

— Почему уже: суеть? — обидѣлась княжна. — Вы сами предложили положить ихъ вмѣстѣ съ своими документами... У меня уже было предчувствіе, что этого не слѣдовало дѣлать, но я повѣрила вамъ...

Окоемову стоило большого труда успокоить огорченную княжну. Онъ обѣщалъ телеграфировать изъ Нижняго своему повѣренному.

— Это уже невозможный человѣкъ! — жаловалась княжна на Сережу какъ-то совсѣмъ по-дѣтски. — Я уже никогда ему не повѣрю... никогда! Посмотрите, какъ онъ одѣлся: развѣ такому человѣку можно вѣрить?

Окоемовъ смѣялся до слезъ. Онъ очутился теперь въ роли предводителя и долженъ былъ готовиться впередъ къ тому, чтобы разбирать всѣ недоразумѣнія своего маленькаго товарищества.

А поѣздъ летѣлъ и летѣлъ, пуская клубы черного дыма, точно гигантскій сказочный змѣй, гремѣвшій желѣзными членами. Мимо него летѣла унылая русская равнина, только кое-

гдѣ тронутая тощимъ лѣскомъ или перерѣзанная свѣтлыми нитями безымянныхъ рѣчекъ. Этотъ русскій ландшафтъ наводилъ тоску своимъ однообразіемъ. Попадавшіяся деревушки тоже не веселили глаза. Все было такъ бѣдно, убого и жалко. Оживляли картину только бѣлыя церкви, стоявшія среди этой равнины, какъ маяки, да нѣсколько фабрикъ. Поѣздъ мчался въ фабричной области, по московскому суглинку. И ѣхавшая въ вагонѣ публика была такая же сѣрая и убогая, какъ ландшафтъ—фабричныя, кустари, разные „служащіе“. Тяжелая московская лапа чувствовалась здѣсь на каждомъ шагѣ.

— Удивительная эта наша матушка Русь,—говорилъ Окоемовъ, стараясь развлечь княжну.—Въ другихъ странахъ большіе центры сопровождаются фобургами, фабриками, пригородами. такъ что переходъ къ маленькимъ городамъ идетъ послѣдовательно, а у насъ точно ножомъ обрѣжетъ: сейчасъ каменная Москва, красивѣйшій городъ можетъ быть въ цѣломъ свѣтѣ, а отѣхали пять верстъ—настоящая деревянная убогая Россія. Никакихъ переходовъ и никакой послѣдовательности... Тощее поле, тощая лошаденка, тощій мужикъ—однимъ словомъ, та же Русь, какая существовала еще при московскихъ царяхъ, если исключить ситцы, самовары и акцизъ. И вмѣстѣ, вы чувствуете страшную силу вотъ именно въ этомъ убожествѣ. Помните, какъ сказалъ Некрасовъ:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Матушка Русь!..

На полустанкахъ и станціяхъ толпилась та же сѣрая публика, какъ и въ вагонахъ. Исключеніе составляли бойкіе фабричныя пунеты. Окоемовъ съ грустью смотрѣлъ на испитыя лица подмосковныхъ фабричныхъ, щеголявшихъ по московски въ сибиркахъ,—это заготовлялся нашъ собственный русскій пролетаріатъ.

II.

Въ Нижнемъ экспедиція была задержана на нѣсколько дней. У Окоемова были здѣсь свои дѣла, а затѣмъ пришлось подождать присылки документовъ княжны и Сережи изъ Москвы. Самъ городъ имѣлъ довольно унылый видъ, какъ всегда и нѣкоторое оживленіе чувствовалось только въ

ярмарочной части, гдѣ уже шли приготовленія къ всероссійскому торжищу.

Всѣхъ внимательнѣе къ этому знаменитому торговому пункту отнесся Потемкинъ. Онъ исходилъ съ Таней всю „стрѣлку“, которая образована Волгой и Окой. Результатомъ этихъ изслѣдованій явился самый блестящій планъ. Потемкинъ не спалъ цѣлыхъ двѣ ночи, выработывалъ подробности. На третій день онъ заявилъ Окоемову:

— Вы меня извините, Василій Тимофеечъ, но я долженъ остаться въ Нижнемъ...

— Въ чемъ дѣло?—спокойно спросилъ Окоемовъ.

— А, видите ли, у меня явилась блестящая мысль... да. Волга мелѣетъ, Ока тоже. Мысль, на которомъ стоятъ ярмарочныя зданія, слишкомъ низко, мѣста мало и постройки скучены. Прибавьте къ этому страшную опасность отъ пожара и дурныя гигиеническія условія, неизбѣжныя при такой скученности. А между тѣмъ все это можно устроить самымъ простымъ способомъ... Необходимо отвести фарватеръ Волги—только и всего. Добытую землечерпательными машинами землю я перенесу на мысъ и этимъ увеличу его площадь вдвое, затѣмъ всѣ суда будутъ имѣть возможность приставать къ самому берегу и, наконецъ, въ центрѣ устрою внутренній бассейнъ для разгрузки судовъ. Конечно, работа громадная, но она окупится съ лихвой въ какія-нибудь десять лѣтъ. Я все высчиталъ самымъ подробнымъ образомъ и составилъ приблизительную смѣту, которую и представилъ ярмарочному комитету и городскому управленію.

— А насосы?

Изобрѣтатель немного смутился.

— Вотъ что я вамъ скажу, Иванъ Гаврилычъ,—заговорилъ Окоемовъ рѣшительнымъ тономъ.—Вашъ проектъ, безъ сомнѣнія, очень хорошъ и осуществимъ, но необходимо подождать, когда закончимъ дѣло съ нососами. Нельзя гнаться за двумя зайцами... Вѣдь землечерпательныя машины у васъ проектированы по вашей теоріи? да?..

— Именно, въ этомъ и вся штука!—оживился изобрѣтатель.—Я опускаю желѣзную трубу прямо на дно рѣки, образую безвоздушное пространство и прямо выкачиваю на берегъ илъ и песокъ, какъ теперь выкачиваютъ воду. Девяносто три

процента утилизаціи сравнительно съ нынѣшними землечерпательными машинами, которыя добываютъ землю ковшами.

— Все это отлично, но я все-таки совѣтую обратиться къ насосамъ. Вы, кажется, совсѣмъ думаете остаться здѣсь?

— Да... Я и квартиру нанялъ, т.-е. двѣ комнаты—намъ вдвоемъ съ Таней совершенно достаточно.

Окоемовъ положилъ руку на плечо пылаго изобрѣтателя и заявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ:

— Вы забыли только одно маленькое условіе, Иванъ Гаврилычъ, именно, что вы сейчасъ принадлежите мнѣ, т. е. нашему общему дѣлу. Писанаго контракта у меня нѣтъ, но мы ведемъ дѣло на товарищескихъ началахъ, слѣдовательно, отказа не можетъ быть.

— Послушайте, вѣдь это рабство...

— Гораздо хуже... Однимъ словомъ, въ шесть часовъ вы будете на пароходной пристани „Колчинъ и К^о“. Извините, мнѣ сейчасъ некогда...

Окоемовъ повернулся, чтобы идти, но что-то сообразилъ и проговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ.

— Кстати, есть другой пунктъ, который болѣе Нижняго имѣетъ правъ на будущее и который въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ настоящей столицей всего Поволжья. Вы бывали въ Казани? Нѣтъ? Это вторая Москва... Мы поговоримъ объ этомъ на пароходѣ подробно. Во всякомъ случаѣ, идея грандіозная... А Нижній—это только историческая ошибка. Казань—ключъ къ двумъ такимъ бассейнамъ, какъ Волга и Кама. Теперешнюю роль Нижняго можно сравнить съ тѣмъ, если бы вы захотѣли ѣздить на одной пристяжной...

Потемкинъ совершенно успокоился и въ назначенный срокъ былъ уже на пароходѣ. На него всего сильнѣе дѣйствовалъ увѣренный тонъ, какимъ говорилъ съ нимъ Окоемовъ. Да и будущая вторая Москва его заинтересовала... Необходимо серьезно разработать эту идею.

Окоемовъ явился на пароходъ послѣ второго свиста, усталый больной. Княжна встревожилась.

— Уже вы больны? — спрашивала она. — Нужно доктора...

— У меня есть свое лекарство, милая Варвара Петровна, — отвѣтилъ Окоемовъ и, указывая на Волгу, прибавилъ: — вотъ оно... Ахъ, какая чудная рѣка! Я не могу смотрѣть на нее

безъ восторга. Я уже сейчасъ начинаю чувствовать себя здоровымъ. .

Громадный пароходъ отвалилъ отъ пристани съ какимъ то радостнымъ гуломъ, точно онъ радовался, что освободился отъ сдерживавшихъ его причаловъ и могъ на свободѣ развернуть свою силу. За пароходомъ на длинномъ канатѣ потянулась баржа съ арестантами, походившая на громадную клѣтку. Публика перваго и втораго класса высыпала на трапъ, чтобы отсюда полюбоваться на великолѣпную панораму Нижняго. Издали, какъ большинство приволжскихъ городовъ, Нижній былъ гораздо красивѣе, чѣмъ вблизи. Крутой берегъ Волги вѣнчался наверху старымъ кремлемъ и цѣлой линіей громадныхъ домовъ новѣйшаго типа. Подъ горой лѣпились торговныя постройки, склады, лавки, пристани. Даже ярмарочный мысъ казался красивымъ.

— А все-таки жаль..— задумчиво повторялъ Потемкинъ, пристально разглядывая ярмарочный молъ.—И всего-то нужно какихъ-нибудь двадцать милліоновъ—сумма ничтожная по результатамъ.

Трудно представить себѣ что нибудь красивѣе Волги, которая безъ конца льется въ зеленыхъ берегахъ, точно проголосная русская пѣсня—эта пѣсня родилась именно здѣсь и такъ же разлилась по необъятной Руси изъ края въ край. Что-то могучее, бодрое и хорошее, казалось, висѣло въ самомъ воздухѣ. Являлось смутное ощущеніе нетронутой воли, шири, удали, точно и небо здѣсь раздавалось выше, и синѣвшая даль манила въ себѣ путника. Торжественный покой волжскихъ береговъ, золотистыя отмели, могучее движеніе массы воды все это производило неотразимое впечатлѣніе. Еще можно и стоить жить на свѣтѣ, когда васъ охватываетъ такая сила и такая же сила несетъ васъ впередъ.

— А чортъ ее возьми, дѣйствительно, хорошая рѣка!— любовался Сережа, щуя свои близорукіе глаза.—Даже хочется сдѣлаться разбойникомъ...

— Зачѣмъ же уже чортъ и зачѣмъ уже разбойникомъ?— возмущалась княжна, въ первый разъ видѣвшая Волгу.

Она боялась воды, какъ курица, и относилась къ пароходу подозрительно. А вдругъ его взорветъ? а вдругъ подъ водой „уже“ громадный камень? И потомъ какъ страшно

гремятъ эта машина, — вотъ-вотъ все разлетится въ дребезги. Мало ли что можетъ случиться...

А машина дѣлала свое дѣло, громадныя колеса разгребали воду, точно лапы громаднаго чудовища, и мимо величаво плыла безъ конца развертывавшаяся панорама волжскихъ береговъ. Не хорошо было только одно, именно то, что берега были совершенно пустынные. Изрѣдка выгянетъ небольшая деревушка съ яблонными садами и опять безъ конца зеленый просторъ. Тысячелѣтняя русская исторія еще не осилила могучей рѣки, — Волга вся еще въ будущемъ, когда ея живописные берега покроются цѣлой лентой городовъ, заводовъ, фабрикъ и богатыхъ селъ. Эта мечта невольно навѣвается самой рѣкой, которая каждой волной говоритъ о жизни, о движеніи, о работѣ. Можетъ быть, уже недалеко то время, когда все это совершится, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ осуществленіи такой мечты.

Настоящее Поволжье выражалось очень скромными формами, какъ старинныя городки, поставленные съ военными цѣлями на боевыхъ пунктахъ поступательно развивавшейся линіи Московскаго государства. Всѣ эти Васильсурски и Козмодемьянски служили только историческими памятниками. Жизнь едва теплилась въ приволжскихъ селахъ и деревняхъ, которыя все-таки далеко ушли отъ убожества подмосковной селитбы. Здѣсь уже чувствовался захватывающій просторъ необъятной Руси, для которой пока Волга являлась только громадной живой дорогой, удивившей русскую исторію туда, на далекій востокъ, гдѣ крылись несмѣтныя сокровища.

Въ девять часовъ было еще свѣтло, т.-е. свѣтло поволжски, — стояли какіе-то молочные сумерки. Это чудный моментъ короткаго сѣвернаго лѣта, когда небо переливается какими-то шелковыми тонами, а на землѣ идетъ долгая борьба между свѣтомъ и тьмой. Въ сѣверныхъ ночахъ чудно хорошъ именно этотъ переходный моментъ, когда природа точно не можетъ успокоиться послѣ трудового лѣтнаго дня. Южная ночь падаетъ быстро, а здѣсь стоятъ долгіе сумерки и такъ медленно загораются звѣзды, точно фонари невидимыхъ судовъ, плывущихъ въ воздухѣ. Именно въ такой моментъ Окоемовъ поднялся на трапъ, гдѣ нашелъ только одного Потемкина — остальная публика засѣла по каютамъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, Иванъ Гаврилычъ?

— Мечтаю...

— И я тоже хочу мечтать...

Потомъ Овоемовъ протянулъ руку изобрѣтателю и проговорилъ:

— Оба мы съ вами мечтатели, Иванъ Гаврилычъ, а горбатаго только могла исправить. Иначе, впрочемъ, не стоитъ и жить... Не правда-ли?..

— О, да... Знаете, у меня новый планъ. Вы не смѣйтесь... Нижний—это пустыни... Я съ вами совершенно согласенъ... А какъ вы полагаете относительно слѣдующаго: если бы углубить Волгу, т.-е. устранить десятка два перекатовъ. Вѣдь это...

— Проектъ не дуренъ, Иванъ Гаврилычъ...—задумчиво отвѣтилъ Овоемовъ и, поднявъ палецъ, проговорилъ тихо:— вы слышите?..

— Что такое? Ахъ, да, это поютъ переселенцы... Я видѣлъ ихъ давеча на палубѣ. Масса мужиковъ, бабъ, дѣтей...

— И что же, васъ это не тронуло?... Вы не подумали о томъ, что вотъ сейчасъ подъ нашей палубой совершается историческая драма? Развѣ легко оставлять насиженное отцами и дѣдами пепелище?.. Нѣтъ, вы только подумайте...

Потемкинъ сдѣлалъ нерѣшительное движеніе: онъ вѣчно былъ занятъ только неодушевленными силами. Болѣе противоположныхъ людей, какъ сидѣвшіе теперь на трапѣ, трудно было бы себѣ представить. Ихъ соединяло только одно, именно, что оба были мечтателями, хотя и въ разныхъ сферахъ. У Овоемова всегда на первомъ планѣ стоялъ живой человѣкъ.

— Давеча я ужасно усталъ,—объяснялъ онъ своему собесѣднику, придвигаясь къ нему ближе. — Очень усталъ... Даже чувствовалъ приближеніе обычнаго припадка. Но вхожу на пароходъ и натываюсь на цѣлую толпу переселенцевъ... И мнѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно и за свою болѣзнь, и за свое болѣзненное настроеніе. Есть такіе моменты, когда человѣкъ дѣлается даже сильнѣе своей болѣзни. Вы только подумайте, какая страшная драма плыветъ вмѣстѣ съ нами на одномъ пароходѣ. Пахарь, вышибленный изъ своего гнѣзда... Значить, велика та нужда, которая гонитъ его куда-то на востокъ. И такихъ переселенцевъ пройдетъ каждый годъ

десятки тысячъ... Я видѣлъ грустныя лица женщинъ, видѣлъ оборванныхъ, отощавшихъ дѣтей, и мнѣ сдѣлалось страшно и совѣстно, точно и я виноватъ, что они мучаются. Конечно, виноватъ, какъ виноваты и всѣ другіе. Я получилъ образованіе, я считаю себя умнымъ человѣкомъ, и моя прямая задача дать знанія этой темной массѣ, научить ее, какъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, указать новые пути... Да, это наша общая задача, нашъ долгъ народу. И какая страшная отвѣтственность... Я виноватъ даже въ томъ, что они не знаютъ сами, куда идти и что найдутъ въ какой-нибудь Томской губерніи, на Алтаѣ, на Амурѣ.

Сумерки уже смѣнились ночью, блѣдной сѣверной ночью съ лихорадочно горѣвшими серебряными звѣздами, молочной мглой и мягкими прозрачными тѣнями. Волга пестрѣла красными огоньками, — это горѣли сигнальные фонари на судовыхъ мачтахъ. На встрѣчу медленно двигалось нѣсколько буксирныхъ пароходовъ, гладѣвшихъ разноцвѣтными глазами. Окоемовъ перевелъ духъ и проговорилъ совѣмъ тихо:

— Иванъ Гаврилычъ, а вы подумали о тѣхъ несчастныхъ, которые томятся на арестантской баржѣ?.. Вѣдь это страшный минусъ нашей русской жизни и вѣмой укоръ опять-таки намъ, которые должны работать прежде всего на пользу ближняго, на пользу меньшаго брата, чтобы онъ не вралъ, не грабилъ, не убивалъ, не терялъ совѣсти...

III.

Маленькая Таня помѣщалась въ общей дамской каютѣ второго класса и чувствовала себя, какъ дома, хотя ее и смущало вниманіе ѣхавшихъ съ ней женщинъ, — дѣвочка выросла съ отцомъ и не испытала женской ласки. Дамы даже немного ревновали другъ друга по отношенію къ ней.

— Мы ее уже избалуемъ, — говорила княжна, — косвенно упрекая другихъ.

— Она еще мала... — спорила Балерія Михайловна.

Анна Федоровна по прежнему держалась въ сторонѣ. Даже больше, она точно избѣгала дѣвочки и только вечеромъ, когда Таня укладывалась спать, садилась около нея и долго любовалась спавшимъ ребенкомъ. Ночью, чуть Таня

повернется, Анна Ѳедоровна уже тутъ,—у нея былъ чуткій материнскій слухъ.

Прошлое этихъ двухъ женщинъ было несложное. Калерія Михайловна Ощепкова родилась гдѣ-то въ Рязанской губерніи и молоденькой дѣвушкой вышла замужъ за служащаго въ одномъ изъ московскихъ банковъ. Съ мужемъ она прожила лѣтъ пять, а потомъ страслась бѣда—мужъ произвелъ растрату и потерялъ мѣсто. Дальше послѣдовали тяжелые дни. Мужъ уже не могъ найти работу, и ей пришлось самой заботиться о своемъ существованіи. Вмѣстѣ съ бѣдностью наступили семейные раздоры, несогласія и ссоры, и все это кончилось тѣмъ, что мужъ скрылся неизвѣстно куда. Анна Ѳедоровна Галушка, по рожденію хохлушка, попала въ Москву уже послѣ смерти мужа и единственнаго своего ребенка. Она хотѣла перемѣной мѣста и самостоятельной работой избыть свое горе. Обѣ женщины остались, такимъ образомъ, внѣ семьи, подвергаясь всѣмъ случайностямъ „своего хлѣба“. Трудно добывать этотъ свой хлѣбъ, особенно, когда нѣтъ вліятельныхъ знакомствъ и протекцій. Княжна, конечно, сейчасъ же приняла подъ свое покровительство обѣихъ женщинъ и готова была сдѣлать для нихъ все, даже бѣгать за горячей водой для чая.

— Что мы будемъ дѣлать *тамъ*? — спрашивали ее обѣ женщины.

— А я уже и сама не знаю...—откровенно признавалась княжна.—Василій Тимофеичъ сказалъ, что нужно ѣхать, и я уже поѣхала. Мнѣ въ сущности все равно, гдѣ ни жить...

— Ну, это совсѣмъ не все равно,—довольно мрачно замѣтила Анна Ѳедоровна, испытывавшая приступы глухой тоски по своей Малороссіи—съ каждымъ шагомъ впередъ, родина все дальше и дальше уходила отъ нея.—У насъ въ Малороссіи лучше...

Княжна, наконецъ, и сама заинтересовалась своей собственной судьбой. Въ самомъ дѣлѣ, куда она ѣдетъ и зачѣмъ? Объясненія Окомова ее не удовлетворяли. На второй день пароходнаго путешествія княжна, встрѣтивши Окомова на трапѣ, приступила въ нему съ явнымъ намѣреніемъ добиться окончательнаго выясненія цѣли поѣздки.

— Вы уже говорили о какой-то дѣвушкѣ, Василий Тимофейчъ, но я плохо поняла тогда...

— Какая дѣвушка? Ахъ, да... Видите ли, Варвара Петровна, это маленькій миѡ, и я самъ хорошенько еще ничего не знаю и плохо вѣрю въ то, что слышалъ изъ третьихъ рукъ. Вѣрно одно, что я ее полюбилъ и непременно розыщу... Вообще, какая-то темная исторія. Кажется, достаточно?

— А я-то при чемъ?

— Вотъ увидите, когда прїѣдемъ на мѣсто. По крайней мѣрѣ, прокатитесь по Волгѣ—это очень полезно для васъ.

Пароходъ какъ разъ подходилъ къ Казани. Съ Волги видъ на Казань замѣчательно хорошъ, и можно подумать, что это очень бойкій, промышленный и торговый городъ. Издали красиво пестрѣли церкви, дома, сады, а въ центрѣ поднимался татарскій кремль. Окоёмовъ долго смотрѣлъ прищуренными глазами на бывшую татарскую столицу и задумчиво проговорилъ:

— Да, мѣсто было выбрано недурно, пожалуй, лучше, чѣмъ для Москвы... Ваши предки, Варвара Петровна, татарскіе ханы были люди неглупые. Кстати, мы плывемъ сейчасъ въ предѣлахъ вашего царства, княжна Садыгъ-Ханъ-Салтыкова.

— Я не люблю, когда надо мной шутятъ... А впрочемъ, я это уже таѣ.

Княжна не умѣла сердиться и сейчасъ же начинала улыбаться. Эта дѣтская незлобивость придавала ей особенную прелесть, и Окоёмовъ каждый разъ любовался ею, какъ удивительно сердечнымъ и непосредственнымъ человѣкомъ.

— Вы на меня не сердитесь?—говорилъ онъ.

— Уже не могу... Я себя уже ненавижу за это, потому что нужно умѣть сердиться. Да... Такъ много дурныхъ людей и уже имъ слѣдуетъ показать, что они дурные. Имъ будетъ стыдно, и они уже не будутъ дѣлать ничего дурного... А я уже не умѣю сердиться. Мнѣ уже жаль... Я недавно бранила Серезу и мнѣ совѣстно. Онъ, вѣроятно, обидѣлся...

— Всего вѣрнѣе, что онъ забылъ, Варвара Петровна.

Окоёмовъ опасался одного, какъ бы Потемкинъ не остался на берегу, потому что пароходъ стоялъ всего четыре часа.

Въ виду такой возможности, маленькая Таня не была съ нимъ отпущена и осталась на пароходѣ заложницей.

— Да я же вернусь,—увѣрялъ Потемкинъ.—Мнѣ только посмотрѣть...

— Смотрите, не опоздайте, Иванъ Гаврилычъ...

На повѣрку оказалось совсѣмъ другое. Пароходъ далъ первый свистокъ, а Потемкина не было. Окоемовъ съ трапа наблюдалъ пристань, кипѣвшую народомъ и напрасно отыскивалъ въ толпѣ своего изобрѣтателя. Второй свистокъ... Потемкина нѣтъ. Въ этотъ критическій моментъ къ Окоемову подошелъ какой-то молодой священникъ въ полинялой расѣ и, улыбаясь, спросилъ:

— Если не ошибаюсь, вы—г. Окоемовъ?

— Къ вашимъ услугамъ...

— Дѣло въ слѣдующемъ: я случайно познакомился съ г. Потемкинымъ, и онъ просилъ меня передать вамъ, чтобы вы не беспокоились.

— Гдѣ вы его видѣли?

— А тамъ, у дамбы... Онъ дѣлалъ какія-то измѣренія у насыпи. Увидѣлъ меня, остановилъ и попросилъ вамъ передать, что будетъ только къ третьему свисту.

— Я такъ и зналъ!..—встревоженно проговорилъ Окоемовъ.—Сейчасъ третій свистокъ, а его нѣтъ...

— Дѣло въ слѣдующемъ, г. Окоемовъ: г. Потемкинъ сейчасъ будутъ...

Но Окоемовъ уже не слушалъ этого посла, а отправился къ капитану попросить маленькой отсрочки. Капитанъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Согласитесь, что если я буду ждать каждаго пассажира, то никогда не дойду до Перми..

— Вы совершенно правы, капитанъ, но у этого пассажира остается здѣсь дѣвочка ..

— Пять минутъ!—лаконически отвѣтилъ капитанъ.

Вся экспедиція взволновалась. Сережа разъ десять сбѣгалъ на пристань, розыскивая пропавшаго изобрѣтателя и вернулся съ парой казанскихъ туфель и кускомъ казанскаго мыла.

— Это уже нелѣпо!—волновалась княжна.

Третій свистокъ, и пароходъ грузно отвалилъ отъ пристани.

— Ничего, онъ насъ догонитъ въ Пермь, — успокаивалъ Окоемовъ волновавшихся членовъ экспедиціи. — Денегъ у него хватитъ...

— Дѣло въ слѣдующемъ, — прибавилъ въ свою очередь священникъ, раздѣлявшій общее вниманіе: — г. Потемкинъ измѣрялъ дамбу и могъ не слышать первыхъ двухъ свистковъ...

— А, чортъ... — ругался Сережа. — Это, наконецъ, просто невѣжливо. Такъ невозможно...

Всѣ боялись за Таню, какъ она отнесется къ отсутствію своего увлекающагося папаша.

— Онъ пріѣдетъ, — совершенно спокойно объяснила дѣвочка. — Въ Москвѣ онъ часто уходилъ... Уйдетъ, а потомъ придетъ. Я оставалась одна иногда дня два...

Дамы удвоили свое вниманіе къ маленькой компаньонкѣ, стараясь ее развлечь всѣми средствами. Въ этомъ принялъ участіе и священникъ, постоянно улыбавшійся. Окоемову сразу понравилось его необыкновенно типичное русское лицо — немного скуластое, съ мягкимъ носомъ, широкимъ ртомъ и какими-то дѣтскими голубыми глазами. Длинные волосы вытѣзали изъ подъ разношенной широкополой шляпы некрасивыми прядями мочальнаго цвѣта, нижняя часть лица заросла густой бородой такого же цвѣта. Это некрасивое лицо, въ сущности, было очень красиво своимъ выраженіемъ. Въ глазахъ свѣтился природный умъ.

— Вы московскій будете? — довольно фамиллярно спросилъ онъ Окоемова.

— Да. А вы почему такъ думаете, батюшка?

— Дѣло въ слѣдующемъ: произношеніе московское.

— А вы изъ Сибири?

— Изъ Зауралья.

— Ага, это очень интересно. Мы тоже ѣдемъ на Уралъ, на промысла.

— Такъ-съ... Мимо поѣдете озера Челканъ, такъ спросите попа Аркадія — тамъ всѣ знаютъ.

— Спасибо.

— Дѣло въ слѣдующемъ: у насъ кругомъ золотые промысла. Мимо не проѣдете...

Зауральскій попъ интересовалъ Окоемова все больше и

больше. Какъ-то у него все выходило необыкновенно просто и говорилъ онъ такимъ тономъ, точно хорошій старый знакомый. Окоемовъ нѣсколько разъ внимательно вглядывался въ него, точно стараясь припомнить, гдѣ онъ раньше встрѣчалъ этого любопытнаго попка.

— Я-то въ третьемъ классѣ ѣду,—объяснялъ о. Аркадій.— Даже весьма удобно... И воздухъ постоянно свѣжій. Не хотите ли со мной чайку напиться? У меня есть баночка съ медомъ... Мягчить грудь. Свой медъ - то, оно и пріятно.

— Что же, я съ большимъ удовольствіемъ, о. Аркадій.

— И вобла есть: оно хорошо передъ чаемъ пожевать солененькаго...

Въ третьемъ классѣ было очень удобно. У о. Аркадія мѣсто было устроено на внутренней свамейкѣ. Бѣлый войлокъ, подушка и овчинная шуба составляли всѣ дорожныя вещи. Провизія и покушки лежали подъ лавочкой въ двухъ узлахъ.

— Вѣдь всего два рубля отъ Казани до Перми плачу,—объяснилъ о. Аркадій.—Весьма удобно... И притомъ, тепло.

Пароходный „человѣкъ“ подаль бѣлый стаканъ и бѣлый чайникъ съ горячей водой.

— У насъ свой сибирскій чай,—объяснялъ о. Аркадій, дѣлая заварку.—И медокъ тоже свой... Особенный медъ, г. Окоемовъ.

— Скажите пожалуйста, о. Аркадій, на восточномъ склонѣ Урала пчеловодства нѣтъ?

— Нѣтъ... Доказываютъ даже, что оно и не можетъ у насъ существовать, благодаря климатическимъ условіямъ, а между прочимъ, это медъ собственный, именно, изъ Зауралья. Дѣло въ слѣдующемъ: Живу я на озерѣ Челванъ, церковь у насъ старинная, каменная... хорошо. Только разъ проходитъ трапезникъ и говоритъ: „Батюшка, а у насъ въ церкви завелась Божья тавринка“. — „Какая тваринка?“ — „А вотъ эта самая пчела... Такъ и гудеть въ вунполѣ. Значить, рой сѣлъ“. И что бы вы думали, дѣйствительно, иду въ церковь, смотрю, а тамъ: у-у-у... Дѣйствительно, пчелка гудеть. Ну, мы ее, конечно, не тронули: пусть себѣ летаетъ на здоровье. Даже очень любопытно выходить... Годъ живетъ наша пчелка, другой живетъ, прилѣпила къ карнизу сотъ — однимъ словомъ,

все, какъ слѣдуетъ. Все больше и больше сотъ, а мы и меду не умѣемъ взять, потому какъ дѣло не обычное. Пришлось привезти пчельника изъ-за двѣсти верстъ. Поднялся онъ, осмотрѣлъ, подивился божескому произволенію и снялъ намъ цѣлыхъ два пуда меду. Вотъ пожалуйста, попробуйте: тотъ самый...

— И сейчасъ пчела живетъ?

— И сейчасъ... Я такъ полагаю, что это насъ Богъ, дураковъ, учить. Мы-то думаемъ: нельзя, а онъ намъ показываетъ: можно. Вся премудростію сотворилъ еси...

Окоемову очень понравился этотъ рассказъ о „богоданной пчелкѣ“ и толкованіе о. Аркадія. Пчеловодство—исконный русскій промыселъ, упавшій за послѣднее время по неизвѣстнымъ причинамъ. Въ общей системѣ народнаго хозяйства онъ могъ бы служить большимъ подспорьемъ. Въ отвѣтъ на рассказъ о. Аркадія Окоемовъ сообщилъ нѣкоторыя данныя о положеніи пчеловодства въ Америкѣ.

— А вы были въ Америкѣ?—удивился о. Аркадій.

— Да... Я тамъ прожилъ довольно долго.

О. Аркадій недовѣрчиво посмотрѣлъ на своего собесѣдника, а потомъ улыбнулся своей добродушной улыбкой и, протягивая руку, проговорилъ:

— Очень радъ познакомиться съ господиномъ американцемъ... Даже весьма поучительно-съ.

IV.

Послѣ разговора съ Окоемовымъ о. Аркадій долго ходилъ по палубѣ, улыбался и покачивалъ головой. У него неотступно вертѣлось на языкѣ одно слово: американецъ.

— Да, американецъ...—повторялъ про себя батюшка, и его некрасивое лицо озарялось самой добродушной улыбкой.— Нѣтъ, нужно его допросить основательно, а такъ нельзя. Другого американца не скоро поймашь...

Какъ на зло, Окоемовъ не выходилъ изъ своей каюты, и о. Аркадій терпѣливо шагалъ по палубѣ.

Они встрѣтились только подъ вечеръ, когда пароходъ подходилъ къ устью Камы. Вся публика высыпала на палубу. Громадное плесо, на которомъ сходятся двѣ могучихъ рѣки, походило на морской заливъ, а въ весеннее половодье

здѣсь не видно береговъ. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ желтая камская вода рѣзко отдѣляется отъ бѣлесоватой волжской, точно каждая хочетъ отстоять свою самостоятельность. Окоемовъ стоялъ у наrapета и долго любовался этой стихійно-дикой, могучей картиной. Да, это былъ боевой пунктъ, на которомъ происходила неравная борьба двухъ богатырей. Кромѣ историческаго и эвономическаго значенія, эти двѣ громадныя рѣки несли съ собой цѣлое народное міросозерцаніе, сложившееся на ихъ берегахъ—оно вылилось въ пѣснѣ, въ обрядовой сторонѣ, въ характерѣ и во всемъ укладѣ народной жизни. Въ народномъ представленіи рѣка живое существо, и такимъ остается до нашихъ дней, не смотря на пароходы, телеграфы и желѣзныя дороги. На этихъ струяхъ развернулася во всю ширь народная удаль, у которой тоже берега уходили изъ глазъ. Да и, вообще, въ душѣ всякаго русскаго человѣка много общаго съ характеромъ этихъ рѣвъ: тѣ же весенніе разливы, тѣ же мели и перебаты и та же неисчерпаемая сила, которая, какъ сказочный богатырь, дремлетъ до поры, до времени. И зимній крѣпкій сонъ, и весенній разгулъ, и бури, и лѣтнее за-тишье... Окоемову припомнились стихи поэта:

...Какъ слезу любви изъ ока,
 Какъ холодный потъ съ чела,
 Волгу матушку глубоко
 Въ море Каспій пролила...

— А, вѣдь, Волга-то неправильно Волгой названа,—
 иреговорилъ за спиной Окоемова знакомый голосъ.

Это былъ о. Аркадій, тоже любовавшийся разливомъ.

— Какъ такъ неправильно?—удивился Окоемовъ.

— Да такъ... Посмотрите: Кама повернула Волгу при вступѣ, а не Волга Каму—значитъ дальше рѣка должна называться Камой.

— Это вы изъ патріотизма говорите, батюшка...

— Что же, и патріотизмъ дѣло не вредное. Да и рѣки разныя: Волга по бѣдному течетъ, а Кама по богатому—и воды больше, и теченіе быстрее. И народъ другой... Точно смотрѣтъ на вашу волжскую бѣдноту. Народъ какой-то пришибленный...

— У васъ лучше?

— И у насъ не одинаково, а все-таки сравнить нельзя, особенно у насъ, въ Зауральѣ. И земля не та, и люди не тѣ...

— Вы коренной уралецъ?

— Кондовый сибирякъ: пра-прадѣды еще пришли на Ураль. Какъ-то даже странно дѣлается, когда пріѣдешь въ Расею, точно другое государство... Вонъ переселенцы - то ѣдутъ: сердце болитъ смотрѣть на нихъ.

— По переселенцамъ еще нельзя судить о всей Расеѣ... Ёдутъ тѣ, кому плохо жилось на родинѣ или совсѣмъ не у чего было жить. Расея велика.

— Все-таки не то, г. Окоемовъ. Совсѣмъ другая музыка, чѣмъ у насъ. Слава Богу, у насъ еще можно жить, и даже очень можно. Дѣло въ слѣдующемъ: много приволья...

Потомъ, понизивъ голосъ, о. Аркадій прибавилъ:

— А мнѣ весьма любопытно, г. Окоемовъ, знать относительно Америки...

— Именно, что знать?

— Да, вообще...

— Идемте къ намъ въ каюту, тамъ поговоримъ...

О. Аркадій пошелъ за Окоемовымъ, но еще разъ остановился, чтобы полюбоваться красавицей Камой, по которой теперь выгребаль пароходъ.

— Кормилица наша, г. Окоемовъ... Красота, силаща, благодать льется на тысячи версть.

— Да, хорошая лошадка, которая какой угодно возъ сvezеть.

Экспедиція въ полномъ составѣ помѣщалась въ каютѣ второго класса. Публики набралось много, и всѣ успѣли перезнакомиться между собой, за исключеніемъ одного Сережи, который питалъ органическую ненависть къ „купцу“ и держался въ гордомъ одиночествѣ. Къ нему пробовали приставать: „куда изволите ѣхать?“ „чѣмъ изволите заниматься?“, но изъ этого получались очень курьезныя сцены.

Впрочемъ, презрѣніе Сережи къ купцу подвергалось большому искушенію. Ёханшіе купцы совсѣмъ не походили на московскихъ купцовъ, начиная съ костюмовъ, привычекъ и манеры себя держать. Это былъ новый типъ, неизвѣстный Сережѣ. Въ сущности, это были купцы-промышленники, напоминавшіе свой прототипъ—новгородскихъ гостей, ходившихъ

за Камень промышлять пушнину. Даже сохранялось въ выговорѣ новгородское горластое „о“, обошедшее всю Сибирь. Но все-таки, Сережа смотрѣлъ на сибирскихъ „гостей“ недвѣрчиво и думалъ про себя: „Нѣтъ, шалишь, купчишки, не надуете... Я васъ знаю, голубчиковъ!“.

Появленіе въ каютѣ сибирскаго попа, котораго привелъ Окоемовъ, возмутило Сережу окончательно. Это ужъ, чортъ знаетъ, что такое... Да и попь держать себя съ обиднымъ спокойствіемъ. Онъ спокойно осмотрѣлъ всѣхъ, сдѣлалъ общій поклонъ и даже улыбнулся. Эта улыбка взорвала Сережу, и онъ возненавидѣлъ попа всѣми силами души. Этого еще не доставало... А тутъ еще Окоемовъ рекомендуетъ.

— Очень радъ... — процѣдилъ сквозь зубы Сережа, сдерживая накипѣвшее бѣшенство.

О. Аркадій помѣстился къ общему столу, посмотрѣлъ на Сережу улыбающимися глазами и проговорилъ:

— А позвольте узнать, куда изволите ѣхать?

— Въ Балаганскъ, получать наслѣдство послѣ глухонѣмого дяди, который недавно повѣсился...

— Такъ-съ... А чѣмъ изволите заниматься?

— Кухаркинъ сынъ и служу учителемъ отъ заиванія въ обществѣ покровительства животнымъ, а также прививаю оспу и срѣзаю мозоли.

Однимъ словомъ, Сережа былъ великолѣпенъ, и Окоемовъ только покачалъ головой. Сибирскіе гости переглянулись между собой, а лежавшій на своемъ диванчикѣ фельдшеръ Потаповъ неожиданно фыркнулъ и, сконфузившись, спряталъ лицо въ подушкѣ. Сережа вскочилъ, нахлобучилъ на себя свой потертый шлемъ и выбѣжалъ изъ каюты.

— Это, чортъ знаетъ, что такое! — ругался онъ, гремя ногами по лѣсенкѣ, выволившей въ рубку.

— Какой сердитый господинъ... — замѣтилъ о. Аркадій, поглядывая вопросительно на дверь.

Сибирскіе „гости“ тоже косились на попа, потому что наполовину были раскольники. Это отношеніе къ простому деревенскому пастырю возмутило Окоемова. Какъ смѣли эти грабители относиться такъ къ неизвѣстному имъ священнику?

О. Аркадій нравился Окоемову своей непосредственностью и простотой.

— Вы хотѣли слышать объ Америкѣ?—заговорилъ онъ съ особенной любезностью.—Я тамъ прожилъ довольно долго и могу разсказать кое-что. Объ Америкѣ у насъ самое невѣрное представленіе, благодаря разнымъ путешественникамъ, видѣвшимъ громадную страну изъ пятого въ десятое. Мы можемъ поучаться у американцевъ очень многому, не заимствуя ихъ недостатковъ. Люди, конечно, всѣ люди... То, что у насъ считается богатствомъ, тамъ кажется смѣшнымъ или приличной бѣдностью. А главное отличіе въ томъ, что мы не умѣемъ работать и не разсчитываемъ на трудъ. Наши промышленники и купцы ищутъ только легкой наживы, и отъ нихъ идетъ поговорка: не обманешь — не продашь. Разсчитать самый невѣрный, потому что сегодня обманулъ, а завтра и не продашь. Наши купцы себя обманываютъ и поэтому нигдѣ нѣтъ столько банкротствъ и краховъ, какъ у насъ. Ведите свое дѣло честно, работайте, и все пойдетъ хорошо...

— Это, господинъ, хорошо такъ-то вотъ здѣсь въ каютѣ разсуждать,—обиженно вступился благообразный сѣдой купецъ.—Вы нашего дѣла не знаете, а говорите...

— А можетъ быть, немножко знаю: вы, напримѣръ, кожаный заводчикъ.

— Почему вы такъ полагаете?

— По рукамъ... Служили раньше приказчикомъ у хозяина и рѣзали кожи.

„Гости“ переглянулись, удивляясь пронизательности догадливаго барина. Не велика птичка, а ноготокъ востеръ...

— Я вамъ скажу больше: вы не товаръ дѣлаете, а портите сырье... Сравните кожу варшавской выдѣлки или американской—мягкая, прочная, ноская, а ваша гнилая. Все зависитъ отъ того, что вы выдѣлываете по старинному и не хотите знать новыхъ способовъ выдѣлки. Отъ того же сибирскіе мѣха не выдѣлываются въ Сибири, а идутъ въ западный край или за границу и только оттуда возвращаются готовыми совсѣмъ. Вы не умѣете дѣлать хорошее мыло, везете желѣзо изъ Нижняго въ Иркутскъ, выписываете экипажи изъ Москвы, да и все остальное: сукна, ситцы, стекло бумагу, сахаръ. А все это могли бы готовить у себя дома

если бы не гнались за легкой наживой на золотѣ, водкѣ и мелкомъ торгашествѣ. Вотъ что я знаю...

Окоемовъ взволновался и наговорилъ сибирскимъ „гостямъ“ очень неприятныхъ вещей, хотя и въ третьемъ лицѣ.

— Ловко ихъ Василій Тимофеичъ раздѣлалъ, — шепталъ фельдшеръ Потаповъ студенту Крестникову. — Это по нашему называется: носи, не потеряй. Скушали и ложку облизали... А сибирскій попики славный. Вонъ какъ умильно поглядываетъ.

Отца Аркадія больше всего интересовало то, какъ поставлено въ Америкѣ сельское хозяйство. Окоемовъ подробно рассказалъ о разныхъ способахъ интензивной культуры, смотря по мѣстности, о фермерскомъ хозяйствѣ, объ американской предприимчивости вообще. О. Аркадій слушалъ его съ восторгомъ и въ тактъ рассказа только качалъ головой. Да, хорошо работаютъ господа американцы...

— Я жилъ въ Калифорніи и видѣлъ настоящее чудо, — рассказывалъ Окоемовъ. — Калифорнія была пустыней, какъ наша Сибирь. Потомъ открылось золото, и сюда хлынула настоящая волна разныхъ предпринимателей. Золото, дѣйствительно, полилось рѣкой... Когда истощились запасы золотой руды, Калифорнія перешла къ земледѣльческому труду и сейчасъ покрыта пашнями, лугами, садами, огородами, пастбищами. Получилась цвѣтущая страна, текущая млекоомъ и медомъ... Какіе тамъ города, школы, фермы, фабрики! А у насъ золотопромышленникъ оставляетъ послѣ себя пустыню, развращенное водкой населеніе, жажду легкой наживы и полную неспособность къ нормальному здоровому труду. Мы просто не привыкли къ деньгамъ и не умѣемъ ими пользоваться. Куда ушли добытые въ Сибири миллионы? Что они оставили въ странѣ и кому принесли пользу, кромѣ ничтожной кучки счастливецъ?..

— Такъ, такъ... — повторялъ фельдшеръ, поглядывая на „гостей“. — Ну-ка, вы, что вы скажете, ваше степенство?..

— Весьма поучительно, — соглашался о. Аркадій. — У насъ тоже начинаютъ кое-гдѣ заводить машины: вѣялки, молотилки, плуга. Конечно, темный народъ и поучиться негдѣ...

— Однѣ метеорологическія станціи чего стоятъ, — рассказывалъ Окоемовъ. — Американскій фермеръ за три дня

знаеть, какая будетъ погода, и не сгноить напрасно сѣна... Показалась дождевая туча, и объ ней дають знать по телеграфу во всѣ концы, и такъ ее проводятъ по всей Америкѣ метеорологическими бюллетенями. Нашъ русскій хлѣбъ мочнетъ, проростаеть и гниеть въ дождливую осень въ снопахъ на полѣ, а американецъ сниметь его и сейчасъ же высушить на зерносушилѣ. И все такъ... А какой тамъ молочный скотъ: одна корова была продана за тридцать тысячъ рублей.

— Ну, ужъ это извините!—возмутился сѣдой купецъ.— Это даже неприлично-съ... Помилуйте, корова и вдругъ тридцать тысячъ рублей.

— А вы слышали про лошадей, за которыхъ платять по полтора ста тысячъ?

— Лошадь—это другое...

— А корова тоже другое. Она себя окупить племенемъ...

Когда Сережа вернулся, онъ въ изумленіи остановился въ дверяхъ: вся каюта страшно волновалась. Кипѣль самый ожесточенный споръ и только оставался спокойнымъ одинъ о. Аркадій.

— Я такъ полагаю,—выкрикивалъ сѣдой купецъ, обращаясь къ Озоемову:—такъ полагаю, что вы прямо изъ яндовъ... Не иначе.

V.

Сережа успокоился, только познакомившись съ двумя нѣмцами и англичаниномъ, ѣхавшими въ первомъ классѣ. Одинъ нѣмецъ занимался поставкой какихъ-то машинъ въ Сибирь, другой имѣлъ пріиски, а англичанинъ оказался крупнымъ владѣльцемъ какихъ-то рыбныхъ промысловъ на Оби. Въ общемъ, это были вполне люди порядочные и раздѣляли презрѣніе Сережи къ русскому купцу, прибавляя къ этому еще презрѣніе вообще ко всему русскому, кромѣ русскихъ денегъ. Они жили чужими въ Россіи, наживали капиталы и мечтали только объ одномъ, чтобы вернуться въ свое отечество богатыми людьми. Это были цивилизованные международные хищники.

— Господа, не сыграть-ли намъ въ винтъ? Время-то незамѣтно пройдетъ...

Сереза былъ совершенно счастливъ и съ величайшей радостью углубился въ пріятное занятіе. Конечно, лучше было бы устроить штось въ каютѣ, но аккуратные нѣмцы предпочитали коммерческія игры. Къ сожалѣнію, Серезжѣ упорно не везло. Дѣло было не въ проигрышѣ, а въ томъ, что Сереза игралъ лучше нѣмцевъ и проигрывалъ. Онъ началъ горячиться, покраснѣлъ. Что за чортъ, въ самомъ дѣлѣ—лучшія карты точно сговорились, чтобы идти къ нѣмцамъ, а не къ Серезжѣ. Это во всякомъ случаѣ было возмутительно... Сереза нѣсколько разъ оглядывался кругомъ, точно стараясь отыскать гдѣ-то на сторонѣ истинную причину своей неудачи. Наконецъ, онъ увидѣлъ—въ окнѣ рубки виднѣлось улыбавшееся лицо о. Аркадія. Ахъ, провлятый попъ... Тьфу!.. Мало того, попъ дѣлалъ какіе-то таинственные знаки Серезжѣ.

— Что вамъ угодно, милостивый государь?—довольно сурово спрашивалъ Сереза, выскочивъ изъ рубки.

— Дѣло въ слѣдующемъ... да...—торопливо заговорилъ о. Аркадій. — Вы играете въ карты, значить, у васъ есть лишнія деньги... Вотъ я и рѣшилъ побезпокоить васъ... Тамъ, на палубѣ лежитъ больная переселенка... у ней трое дѣтей... имъ нечего ѣсть. Да и всѣ переселенцы такіе бѣдные...

Гнѣвъ Серезжи моментально упалъ. Онъ пошелъ съ о. Аркадіемъ въ третій классъ и убѣдился въ грустной истинѣ. Около больной стояла на колѣняхъ княжна и прикладывала компрессы. Тутъ же стоялъ понуро мужъ больной, а кругомъ него пугливо жались трое ребятишекъ.

— Вы уже въ карты играете... съ уворизной проговорила княжна:—а вотъ дѣти, которыя не ѣли со вчерашняго дня. Будьте любезны, накормите ихъ—это будетъ уже лучше, чѣмъ бросать деньги за картами. Мы съ о. Аркадіемъ выжились изъ силъ... Дежуримы попережѣнно.

Сереза хотѣлъ отправиться въ буфетъ, чтобы заказать обѣдъ дѣтямъ, но былъ остановленъ.

— Пришлите встать сюда вашу бурку... Она совершенно бесполезна для васъ, а дѣтямъ ночью холодно. Уже поскорѣе...

Княжна познакомилась съ о. Аркадіемъ у больной, за которой онъ ухаживалъ. Она, въ сущности, не особенно лю-

была духовныхъ особъ, но тутъ была тронута его участіемъ. Княжнѣ даже сдѣлалось совѣстно, что она просидѣла цѣлыхъ два дня въ каютѣ и не обращала вниманія на переселенцевъ. Ее впервые охватила эта тяжелая народная нужда, предъ которой сразу блѣднѣетъ всякая интеллигентная нужда. До сихъ поръ она знала народъ только по книгамъ или въ лицѣ московскихъ дворниковъ, водовозовъ и кухонныхъ мужиковъ. А тутъ было совсѣмъ другое... Особенно тронули ее эти милыя деревенскія дѣти, которыя должны были выносить всѣ тягости и злоключенія далекаго путешествія. У большинства переселенцевъ средствъ едва хватало на то, чтобы доѣхать до Перми.

— А какъ же вы дальше поѣдете?—изумленно спрашивала княжна.

— А Богъ-то, барышня?—отвѣчали вопросомъ солидные мужики.

— Ничего, помаленьку доѣдутъ,—успокаивалъ о. Аркадій.— Конечно, трудно, очень трудно, но свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Овоемовъ видѣлъ хлопотавшую около больной княжну, но не подходилъ къ ней, чтобы не мѣшать напрасно, а только прислалъ своего фельдшера. Маленькая экспедиція уже могла быть полезной, и это его радовало. Княжна посоветовалась съ фельдшеромъ и отпустила его, потому что оказались еще больные, главнымъ образомъ, дѣти. Да и что могъ подѣлать фельдшеръ у больной женщины, которая слегла отъ непосильной работы, заботъ и плохого питанія. Ее нужно было кормить, а не лечить. Вѣрнѣе сказать—пріучать къ пищѣ...

А пароходъ все выгребалъ вверхъ по Камѣ. Не было уже бѣлыхъ волжскихъ отмелей, не было орѣшниковъ, которыми запушонъ нагорный берегъ Волги, а яблочные сады и дубовыя рощи смѣнились сосной и елью. Чѣмъ-то торжественно-суровымъ вѣяло отъ этихъ красныхъ глинистыхъ береговъ, едва тронутыхъ жильемъ. Даже небо почему-то казалось здѣсь ниже, и солнце не свѣтило съ такой радостью, какъ тамъ, на Волгѣ. Однимъ словомъ, начинался суровый сѣверъ. Это чувствовалось въ похолодѣвшемъ воздухѣ.

— Съ камня напахнуло холодкомъ, — объяснялъ штурманъ, ходившій по палубѣ въ валенкахъ.

Народъ до сихъ поръ называетъ Уральскія горы просто Камнемъ, какъ это было въ глубокой древности. Еще древнѣе, у грековъ, Уралъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Рифейскихъ горъ, причемъ сложился цѣлый рядъ легендъ объ его обитателяхъ, вѣлчительно до грифоновъ, стерегшихъ несмѣтныя сокровища. Эта молва перешла черезъ тысячелѣтія, и русскій человѣкъ въ теченіи всей своей исторіи неудержимо тянулся на востокъ, чтобы забрать сказочныя богатства. Первыми явились сюда смѣлые новгородскіе ушкуйники. Прямой путь по Волгѣ и Камѣ былъ загроможденъ сначала Булгарскимъ царствомъ, а впоследствии Казанью, поэтому новгородцы избрали обходное движеніе, сѣверомъ, черезъ Великій Устюгъ. Главное богатство тогда составляли мѣха, и новгородцы вымѣнивали ихъ на свои товары въ верховьяхъ Камы. Полное завоеваніе Урала послѣдовало только при московскихъ царяхъ, когда пала Казань и, благодаря этому, открылся широкій путь на Уралъ и всю Сибирь. Исторія похода Ермака извѣстна всѣмъ.

Именно объ этомъ и думалъ Окоемовъ, сидя на палубѣ и любуясь развертывавшейся граціозной панорамой сѣверной могучей руки. Сколько было затрачено неустанной энергіи русскимъ народомъ, чтобы свершить этотъ путь, сколько пролито крови, потеряно жизней—это было стихійное движеніе славянскаго племени на далекій востокъ, какъ стихійно движется вода въ громадныхъ сѣверныхъ рѣкахъ. И каждый періодъ этого движенія оставлялъ свой отпечатокъ. Новгородцы ограничились мѣновой торговлей, а промышленность выразилась только открытіемъ привамскихъ соляныхъ промысловъ; Москва собирала ясакъ и не шла дальше этого. Уральскія сокровища оставались нетронутыми и въ первый разъ показали на свѣтъ божій, только благодаря волѣ гиганта-работника, царя Петра. Онъ первый понялъ громадное значеніе этого громаднаго края и приступилъ къ разработкѣ его сокровищъ. Съ этого момента выдвинулся цѣлый рядъ энергичныхъ дѣятелей, выполнявшихъ планъ гениальнаго русскаго царя. На первомъ планѣ здѣсь выступила фамилія простаго тульскаго кузнеца Демидова, а за нимъ рядъ другихъ предпринимателей, поработавшихъ въ свою долю.

Восемнадцатый вѣкъ является въ исторіи Урала боевымъ

періодомъ, когда главнымъ образомъ происходила его колонизація и развертывалась промышленная дѣятельность съ невиданной еще быстротой. Затѣмъ, волна этого движенія отхлынула въ далекую Сибирь, и девятнадцатый вѣкъ для Урала является періодомъ упадка, если сравнить его съ предшествовавшимъ вѣкомъ—новаго почти ничего не было сдѣлано, и промышленность двигалась по проторенной дорогѣ черепашинымъ шагомъ. По этой послѣдней причинѣ прикамскіе города имѣютъ такой унылый видъ, точно недоумѣваютъ, затѣмъ они тутъ стоятъ. Чувствуется что-то недосказанное, непроявившее себя въ полной мѣрѣ... Чистополь, Елабуга, Сарапулъ—что они такое? Ни добывающей, ни обрабатывающей промышленности, а только одна хлѣбная торговля, да и та съ грѣхомъ пополамъ.

Окоемовъ невольно сравнивалъ эти города съ американскими, и у него сжималось невольно сердце. Нѣтъ, рѣшительно мы не умѣемъ жить и будемъ умирать съ голода среди всевозможныхъ богатствъ. И обидно, и больно сознавать все это, но тѣмъ не менѣе это такъ. Еще живя въ Америкѣ, Окоемовъ мечталъ объ Уралѣ и вотъ теперь плыветъ по уральской водѣ, затаивъ какую-то неясную обиду. Дѣйствительность не оправдывала самыхъ скромныхъ надеждъ, и уральскіе несмѣтныя сокровища рѣшительно не желали ничѣмъ проявить себя.

— По ту сторону Урала совсѣмъ другое будетъ,—говорилъ капитанъ парохода, глядя прищуренными глазами вверхъ по Камѣ.—Тамъ настоящее богатство, а здѣсь только и ремесла, что хлѣбъ, соль да лѣсъ... Вотъ переѣдете горы, такъ сами увидите.

— Все-таки грустно,—говорилъ Окоемовъ.—Я, признаться сказать, ожидалъ лучшаго...

Окоемому понравилась партія казанскихъ татаръ, ѣхавшихъ въ третьемъ классѣ. Это были мелкіе торгаши, пробиравшіеся куда-то въ Сибирь. Они выглядѣли необыкновенно бодро и весело о чемъ-то галдѣли между собой. Собственно по типу эти татары мало напоминали установившееся исторически представленіе о „зломъ татаринѣ“—правильныя лица, большіе глаза и даже совсѣмъ прямые носы. Дѣло въ томъ, что казанскіе татары являются прямыми потомками древнихъ

волжскихъ болгаръ, отъ которыхъ унаслѣдовали, вѣроятно, и страсть къ торговлѣ—казанскаго торгующаго татарина можно встрѣтить по всей Россіи, и нѣтъ такого глухого угла, куда бы онъ не пробрался съ своимъ коробомъ.

Эти шустрые казанцы особенно развеселились, когда пароходъ привалилъ къ Оханску.

— Вотъ такъ городъ... Хуроша городъ: три курицы, одинъ пѣтухъ!

— Котъ плавалъ, а не городъ...

Оханскъ, дѣйствительно, немного опереточный городъ: въ немъ всего около пятисотъ жителей. Любая сибирская деревня больше, не говоря уже о семиверстныхъ сибирскихъ селахъ.

Путешествіе на пароходъ продолжалось около четырехъ сутокъ, и всѣ начинали испытывать дорожное утомленіе. Особенно волновалась маленькая Таня, пристававшая ко всѣмъ съ разспросами, когда же они наконецъ пріѣдутъ „къ папѣ“. Дѣвочка почему-то была увѣрена, что ѣдетъ именно къ папѣ и ее не старались разувѣрять. Она держала себя все время солидно, какъ большая, и только вечеромъ, когда укладывались спать, превращалась въ ребенка. Это былъ трогательный моментъ дѣтскаго дня и дамы наперерывъ старались воспользоваться имъ, отбивая другъ у друга очередь укладывать Таню.

Конечный пунктъ путешествія—Пермь показала только на пятые сутки. Пароходъ запоздалъ. Всѣ были рады выйти на берегъ. Издали городъ казался очень красивымъ, благодаря своему расположенію на крутомъ лѣвомъ берегу. Собственно была красива одна Кама, разливавшаяся здѣсь на десять верстъ однимъ широкимъ плесомъ. Городъ начинался мастерскими, на которыхъ строились пароходы, а дальше потянулись безконечные склады, амбары, пристани. Картина, вообще, получалась очень оживленная и замыкалась громаднымъ казеннымъ заводомъ Мотовилихой.

Самымъ бойкимъ мѣстомъ на берегу были пароходныя пристани, расположившіяся сейчасъ у желѣзнодорожнаго вокзала. Пароходъ далъ свистокъ. На одной изъ пристаней виднѣлась шевелившаяся масса публики.

— Насъ никто уже не ждетъ,—замѣтила княжна, стоявшая на трапѣ рядомъ съ Окоемовымъ.— Уже мнѣ грустно...

Вышло нѣчто неожиданное: экспедицію встрѣтилъ са-

мымъ торжественнымъ образомъ изобрѣтатель Потемкинъ. Онъ отправился изъ Казани на легкомъ почтовомъ пароходѣ и пришелъ въ Пермь на цѣлые полсутки раньше.

— Я говорила, что папа насъ ждетъ,—увѣренно проговорила Тая, здороваясь съ отцомъ.—А они мнѣ не вѣрили...

Этотъ маленькій сюрпризъ избавилъ изобрѣтателя отъ нѣкоторыхъ неприятныхъ объясненій. Всѣ были рады своему человеку.

— Пожалуйста, не дѣлайте такъ въ слѣдующій разъ,—говорилъ Окоёмовъ.—Это не совсѣмъ удобно...

— Да я-то при чемъ тутъ?—искренне удивлялся изобрѣтатель.—У капитана невѣрно ходятъ часы... Очень просто.

Публика такъ и хлынула съ парохода, точно каждый боялся куда-то опоздать. Серезей овладѣла эта общая суматоха, и онъ хлопоталъ, какъ на пожарѣ. Окоёмовъ стоялъ съ о. Аркадіемъ и смотрѣлъ, какъ тянулись на берегъ переселенцы съ своими мѣшками. Большая переселенка, которую лечила княжна, настолько поправилась, что ушла съ парохода на своихъ ногахъ.

— Сколько поденщинокъ пропадаетъ напрасно,—замѣтилъ о. Аркадій, указывая глазами на эту толпу.

Это было вѣрное резюме происходившей на глазахъ живої картины...

— Да...—согласился Окоёмовъ.—Къ этимъ поденщицамъ нужно прибавить еще тѣхъ, которыя пропадаютъ тамъ, на арестантской баржѣ.

— Считайте, что ежегодно пройдетъ по этому пути пятнадцать тысячъ арестантовъ, да переселенцевъ вдвое побольше... Вѣдь это цѣлая армія!.. Дѣло въ слѣдующемъ, г. Окоёмовъ: поѣдете мимо оз. Челпанъ, не забудьте попа Аркадія...

— Хорошо, хорошо.

Въ этотъ моментъ на трапъ ворвался Сереза.

— А я тебя вщю, съ ногъ сбился!—накинулся онъ на Окоёмова.—Я ужъ думалъ, что ты свалился въ воду...

— Напрасно беспокоился, Сереза.

Замѣтивъ о. Аркадія, Сереза сдѣлалъ оффиціальныи поклонъ и проговорилъ съвозъ зубы:

— До свиданія, милостивый государь...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ШЕЛЛИ.

Слишкомъ часто завѣтное слово людьми осквернялось,
Я его не хочу повторять;
Слишкомъ часто завѣтное чувство презрѣньемъ встрѣчалось,
Ты его не должна презирать.
И словъ состраданья, что съ устъ твоихъ нѣжныхъ сорвались,
Никому я отдать не хочу;
И за счастье надеждъ, что съ отчаяньемъ горькимъ смѣшались
Я всей жизнью своей заплачу.

Нѣтъ того въ моемъ сердцѣ, что въ мiрѣ любовью зовется,—
Но молитвы отвергнешь ли ты?—
Неудержно вкругъ солнца воздушное облачко вьется,
Упадетъ роса на цвѣты,
Полночь ждетъ, чтобы снова зари загорѣлося око,—
И отвергнешь ли ты, о, мой другъ,
Это чувство святое, что манитъ куда-то далѣко,
Прочь отъ нашихъ томительныхъ музъ?

Н. Бальмонтъ.

СЛАВОСТЬ ВОЛИ, КАКЪ ПРИЗНАКЪ ВРЕМЕНИ.

«Be not solitary, be not idle».

(Не будьте одиноки, не будьте праздны).

Burton.

Недостатокъ инициативы, безхарактерность, безсиліе воли составляютъ обычныя упреки, обращаемыя къ русскому человѣку. Ихъ безпрестанно повторяютъ и по отношенію къ намъ, какъ къ націи, и въ частности, по отношенію къ современной молодежи. Одни видятъ въ слабомъ развитіи воли или энергіи коренное, врожденное свойство славянской природы, о которомъ можно скорбѣть, но которое нельзя исправить; другіе полагаютъ, что исправить его возможно и даже должно, съ помощью рациональнаго воспитанія юношества и закрѣпленія нравственныхъ началъ въ обществѣ.

Всякое указаніе общаго характера, распространяющееся на такую громадную сумму индивидуумовъ, какъ цѣлая нація, всегда грѣшится неопредѣленностью и бездоказательностью: его всегда такъ-же легко подтвердить, какъ и опровергнуть. Русскій народъ, благодаря укоренившемуся афористическому мнѣнію объ его безобидности, податливости, ивертности, въ представленіи каждаго является пластической массой, легко поддающейся постороннему вліянію и безъ сопротивленія принимающей чуждыя, навязываемыя ей, формы. Между тѣмъ исторія того же народа полна героическими подвигами, что никѣмъ не оспаривается; это—исторія завоеванія нѣсколькими славянскими племенами, составившими ядро великорусской народности, всего востока Европы и всего сѣвера Азіи, исторія успѣшной борьбы съ сильными, значительно болѣе культурными, сосѣдями. Можно ли такой народъ упрекать въ отсутствіи энергіи, въ уступчивости постороннему вліянію?

Недоразумѣніе по поводу подобныхъ общихъ характеристикъ выражается еще въ томъ, что одни съ искренней скорбью готовы повторять слова Добролюбова въ извѣстномъ шуточномъ его стихотвореніи: «Нѣмецъ у насъ капитанъ, русскіе всѣ кочегары»,

т.-е. готовы признать безусловную подчиненность и несамостоятельность простого русскаго человѣка, а другіе, напротивъ, видятъ всю силу Россіи въ этой массѣ, которой почти не коснулась культура, и считаетъ культурную часть ея населенія негодной, даже вредной для своей родины. Эти, діаметрально противоположныя, возрѣнія безпрестанно сталкиваются и въ нашей литературѣ, и въ обиходныхъ мнѣніяхъ, циркулирующихъ въ обществѣ, въ значительной степени затуманивая ясность нашего взгляда на путь, лежащій передъ нами, и на многія современные явленія. Чтобы выбраться изъ этого лабиринта перекрепичающихся мнѣній, слѣдуетъ прежде всего отказаться отъ изложенія мнѣній априорныхъ, которыми можно довольствоваться лишь при поверхностномъ знакомствѣ съ фактами. Ходячія характеристики народовъ, въ родѣ наименованія французовъ легкомысленными, нѣмцевъ—глубокомысленными, англичанъ—торгашами, русскихъ—простаками и т. д. являются слишкомъ общими, ничего не говорящими опредѣленіями. Ими нельзя руководиться, потому что въ нихъ болѣе юмора, чѣмъ правды, подтверждаемой научными наблюденіями. Судить о цѣломъ народѣ, численность котораго измѣряется десятками милліоновъ, уже потому трудно, что онъ включаетъ въ себѣ, кромѣ большого разнообразія индивидуальных типовъ, и разнообразіе типовъ коллективныхъ, зависящее отъ условій географическихъ, историческихъ, культурныхъ и т. п. Слѣдовательно, огульное сужденіе, напр., о русскомъ народѣ, всегда будетъ невѣрно, потому что оно стремится объединить понятія, далеко не однородныя.

Обращаясь за примѣрами къ литературѣ, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы Обломовъ, считающійся олицетвореніемъ инертности и безволія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ олицетвореніемъ русскаго человѣка, добродушнаго и гнѣваго по природѣ. Лѣнь, въ видѣ органическаго свойства, есть признакъ безсилія, а безсиліе, т.-е. отсутствіе жизненной энергіи, есть симптомъ вырожденія. Уже разсматривая вопросъ съ фізіологической точки зрѣнія, мы не можемъ признать русскій народъ вырождающимся, слѣдовательно, не можемъ допустить, чтобы безсиліе и лѣнь были его природными качествами. Русскаго человѣка менѣе всего можно назвать непрактичнымъ, ненаходчивымъ, неприспособляющимся къ обстоятельствамъ. Вся исторія заселенія Россіи, вся самобытная русская промышленность, все, что можно было бы сказать о русской сметкѣ, явились бы возраженіемъ на такое мнѣніе, если бы кто-нибудь рѣшился его высказать, но его никогда не приходится и слышать. Поэтому и другіе герои нашихъ классическихъ романовъ, считающихся особенно характерными для исторіи нашего общества

развитія, каковы: «Евгеній Онегинъ», «Герой нашего времени», «Кто виноватъ?», «Рудинъ» и т. д., кончая «Новью», — герои, отличающіеся неумѣньемъ примѣнить къ жизни свои богатые духовныя силы, едва ли могутъ быть названы типичными представителями именно русской народности. Недостатокъ энергіи или воли, излишняя душевная чувствительность, чѣмъ они видимо страдаютъ, не увасѣдованы ими отъ чисто русскихъ предковъ, а лично пріобрѣтены ими. Это—культурныя, общеевропейскія свойства, которыя у насъ нашли только больше простора для своего выраженія на крѣпостной почвѣ и выдѣлились на столько изъ другихъ свойствъ, что сами собою очутились на первомъ планѣ въ изображеніи русскихъ художниковъ психологовъ. Мы любимъ этихъ героевъ, считаемъ ихъ близкими себѣ, потому что узнаемъ въ нихъ самихъ себя и, по собственному опыту, сочувствуемъ ихъ страданіямъ, но наши симпатіи къ нимъ исходятъ не изъ нашихъ коренныхъ національныхъ качествъ, а изъ пріобрѣтенныхъ культурныхъ свойствъ. По той же причинѣ, классическіе типы нашей беллетристики оказались столь понятными западно-европейскимъ читателямъ, когда появились въ переводахъ на иностранныхъ языкахъ.

И исторіей литературы достаточно выяснено, что типы героевъ, соединяющіе въ себѣ «ширь пониманія» съ роковою слабостью воли, перенесены къ намъ съ Запада, хотя и переработаны по своему русскою жизнью. Слишкомъ извѣстно, что типы, о которыхъ мы говоримъ, ведутъ свою генеалогію отъ героевъ англійскаго и французскаго романтизма, «высшихъ избранныхъ натуръ», стоящихъ неизмѣримо выше средняго уровня своихъ современниковъ и не уживающихся съ пошлостью ихъ обыденной жизни. Байроновскіе герои возмущаются и протестуютъ не только словами, но и дѣломъ; они не могутъ осилить тупости и злобы, которыя ихъ гнетутъ, и удаляются отъ нихъ, если не могутъ создать новыхъ формъ жизни. Наши герои не порываютъ рѣзко со своей средой: они остаются въ ней, и только страдаютъ отъ несчастнаго сочетанія сравнительно сильно развитого ума со слабымъ развитіемъ воли.

Слабость воли, неспособность къ энергической работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ неумѣнье приспособляться къ жизни составляютъ до сихъ поръ характерныя черты русскаго интеллигентнаго человѣка. Эти свойства даже какъ будто все развиваются и укореняются, и носители ихъ размножаются на нашихъ глазахъ. Терминъ «интеллигентъ», недавно установившійся въ нашей обыденной рѣчи, есть синонимъ неуравновѣшенной, болѣзненной, пассивной природы. Подобные типы встрѣчаются во всѣхъ возрастахъ, но всего болѣе они должны тревожить насъ, когда мы ихъ видимъ среди молодежи.

Къ сожалѣнiю, ихъ такъ много, или, по крайней мѣрѣ, они такъ бросаются въ глаза, что не рѣдко по нимъ судятъ о всей молодой культурной части нашего общества, и даже составляютъ заключенiе о ложномъ направленiи и извращенности всей нашей культуры. Дѣйствительно, исправлять правильную, необходимую для жизни, работу, дѣятельно и полезно проявлять себя, могутъ только люди, надѣленные крѣпкими и бодрыми силами, а въ людяхъ со слабыми физическими и болѣзненными умственными силами нельзя видѣть сколько-нибудь надежныхъ работниковъ и созидателей будущности нашего общества. Очевидно, это—представители вырожденiя, и положенiе ихъ кажется тѣмъ болѣе трагическимъ, чѣмъ болѣе они сами сознаютъ его, и въ то же время гордятся имъ, какъ признакомъ приращенной высокой культурности. Болѣзненно повышенная чувствительность кажется имъ желательной, слабость воли—чѣмъ-то вполне законнымъ, и мрачное пессимистическое воззрѣнiе на жизнь единственно правильнымъ. Они страдаютъ и признаютъ себя больными, но не хотѣли бы излеченiя, потому что здоровое состоянiе кажется имъ чѣмъ-то низшимъ, менѣе достойнымъ сочувствiя. «Конецъ вѣка» имъ представляется воплощенiемъ болѣзненно утонченной чувствительности, и они готовы не противодѣйствовать такой чувствительности, а развивать ее, или даже приписывать ее себѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ она существуетъ у нихъ, чтобы подойти какъ можно ближе къ идеалу человѣка, чувствующаго безконечно интенсивнѣе прочихъ обыкновенныхъ людей. Не усиленiе способности пониманiя, а усиленiе способности чувствованiя кажется имъ желательнымъ. И когда неразумно эксплуатируемые нервы отказываются имъ служить, роковымъ образомъ увеличиваются цифры статистики душевныхъ болѣзней или самоубийствъ.

Отсутствiе энергiи, или проявленiе ея лишь судорожными, несообразными порывами, неспособность къ правильному, цѣлесообразному труду, до такой степени не сходны съ коренными свойствами выносливаго, смѣливаго русскаго человѣка, что видѣть въ названныхъ качествахъ, когда они замѣчаются среди насъ, наши національныя черты было бы совершенно несправедливо. Это—скорѣе признаки времени, послѣдствiя переживаемой нами культурной эпохи. Доказательство того мы видимъ въ международности этого типа, проявляющагося повсюду и вездѣ характеризующагося болѣзненной чувствительностью и слабостью воли.

I.

Тѣ же явленія безснлія воли, какія замѣчаются въ нашемъ культурномъ обществѣ, мы видимъ въ гораздо болѣе широкомъ распространеніи и въ болѣе острой формѣ во французской интеллигентной средѣ. Любопытный и знаменательный матеріалъ по отношенію къ послѣдней намъ даетъ небольшая книжка Рауля Алье «Les défaillances de la volonté au temps présent» *).

Авторъ въ началѣ первой лекціи напоминаетъ о тяжкомъ обвиненіи или упрекѣ, тяготѣющемъ на французской молодежи. Даже тѣ, кто любятъ ее, уже не довѣряютъ ей; они сомнѣваются, чтобы она была способна къ какому-либо дѣлу. «Характеровъ становится все меньше и меньше, жалуются они; воля стала болѣзненной; мы переживаемъ время нравственной анеміи. Тѣ, отъ кого слѣдовало бы ожидать спасенія одряхлѣвшаго міра, еще болѣе утомлены, чѣмъ мы сами; конецъ вѣка является, вмѣстѣ съ тѣмъ, концомъ великодушныхъ порывовъ и героическихъ стремленій». Рауль Алье не можетъ не признать нѣкоторую долю справедливости въ этихъ упрекахъ. Указывая отдѣльные случаи проявленія благородныхъ чувствъ французской молодежи, онъ въ то же время считаетъ возможнымъ поставить вопросы: что вообще дѣлаетъ молодежь, что она дѣлаетъ въ какой бы то ни было сгранѣ, гдѣ та благородная цѣль, къ торжеству которой она стремится? Ища отвѣтовъ на эти вопросы, онъ находитъ, что въ области религіи молодежи теперь одинаково чужды и твердое отрицаніе, и смѣлое подтвержденіе. Благодаря ей, область литературы проникнута глубокой меланхоліей.

Романисты видятъ въ природѣ исключительно ея непріятную и печальную сторону; поэты говорятъ намъ только о своемъ разочарованіи и уныніи. Никто не побуждаетъ насъ къ дѣятельности, никто не говоритъ намъ о надеждѣ; никто не напоминаетъ о восторгахъ борьбы, о героизмѣ сопротивленія противъ того, что тяготитъ насъ. Если только эти заключенія не могутъ быть опровергнуты, если въ нихъ хотя отчасти выступаютъ факты, необходимо энергично бороться противъ возможности повторенія и распространенія послѣднихъ. Для этого, прежде всего, надо найти главныя причины, вызывающія болѣзнь.

*) Р. Алье состоитъ адъюнктомъ философіи при протестантскомъ теологическомъ факультетѣ въ Парижѣ и прочиталъ на указанную тему въ Парижѣ и Женевѣ три публичныхъ лекціи; изъ нихъ и составилаь книжка, названіе которой мы привели выше.

Изслѣдуя страдающихъ нравственнымъ недугомъ, о которомъ идетъ рѣчь, надо оставить въ сторонѣ всѣ вырождающіеся типы въ настоящемъ смыслѣ слова, а также и тѣхъ, у кого воля ослаблена умственнымъ недоразвитіемъ. Слѣдуетъ сосредоточиться лишь на тѣхъ лицахъ, у которыхъ, при умѣ вполне нормальномъ, оказывается безсиліе воли. Эти лица могутъ быть раздѣлены на три типа: 1) тѣ, у кого побужденія къ дѣятельности недостаточны; 2) тѣ, у кого угнетающія душевныя состоянія препятствуютъ усиленію воли; 3) тѣ, у кого рѣшимость дѣйствія задерживается избыткомъ стимуловъ, крайнимъ богатствомъ идей. Всѣ эти типы представляютъ различныя градации, изъ которыхъ наиболѣе слабые почти ускользаютъ отъ наблюденія, а наиболѣе усиленные встрѣчаются уже въ больницахъ и въ пріютахъ для душевнобольныхъ.

У лицъ первой категоріи слабая воля, по большей части, соединяется съ притупленной чувствительностью. Если вы будете доискиваться причины нерѣшительности у такого человѣка, вы убѣдитесь, что у него нѣтъ одного изъ главнѣйшихъ стимуловъ къ дѣятельности—стремленія насладиться удовольствіемъ и стремленія избѣжать страданія: въ болѣе или меньшей степени, имъ утрачена способность испытывать то или другое; радость жизни для нихъ не существуетъ. А какъ скоро наша дѣятельность перестаетъ доставлять намъ удовольствіе, наступаетъ ослабленіе или обезсиленіе всего нашего существа, безсиліе порождаетъ отвращеніе.

Иногда *абулія*, или параличъ воли, принимаетъ и другія формы. Побужденіе къ дѣятельности не исчезло, но ему противится, его одолеваетъ подавленное душевное состояніе. Желаніе заглушается чувствомъ страха, не имѣющаго разумной причины и достигающаго различныхъ степеней, отъ простой робости до леденящаго ужаса. Рибо, въ «Болѣзняхъ воли», приводитъ поразительные случаи этого душевнаго состоянія, но, и помимо крайнихъ выраженій его, не видимъ ли мы часто людей, которые не въ силахъ послѣдовать влеченію къ тому или другому дѣйствію?

Всѣ эти проявленія слабости воли связаны съ извѣстнымъ состояніемъ чувствительности, но есть и другія, находящіяся въ связи съ извѣстнымъ умственнымъ состояніемъ. Недостатокъ рѣшимости не зависитъ здѣсь отъ отсутствія стимуловъ или отъ страха; его слѣдуетъ искать въ сферѣ чисто интеллектуальной. Такое умственное состояніе находитъ свое крайнее выраженіе въ такъ называемой «маніи сомнѣнія», или то, что нѣмцы называютъ «Grübelucht». Это — такое состояніе, когда человѣкъ теряется

среди возможности самыхъ различныхъ послѣдствій своихъ поступковъ; ему повсюду мерещатся опасности, и онъ мучится неизвѣстностью—какъ ему слѣдуетъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. «Манія сомнѣнія» есть только преувеличеніе постоянной тревоги, отнимающей у многихъ возможность дѣйствовать. Множество ступеней отдѣляетъ это болѣзненное состояніе отъ состоянія нормального размышленія, когда человѣкъ избираетъ способъ дѣйствія наиболее цѣлесообразный въ данномъ случаѣ. Достаточно оглянуться кругомъ себя, чтобы видѣть самые разнообразныя примѣры различныхъ степеней неувѣренности въ правильности своихъ мыслей и поступковъ.

Причины такого душевнаго состоянія могутъ быть врожденными, но могутъ быть и пріобрѣтенными. Неспособность испытывать радости жизни заключается иногда въ избыткѣ удовольствій, какой-либо предшествующей поры жизни. У другихъ, однако, отсутствіе стремленія къ счастью и неспособность пользоваться имъ зависятъ отъ иной, внутренней, причины—отъ избытка анализа; анализъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, ревнивое наблюденіе за собой, за своими поступками, лишаетъ ихъ способности непосредственнаго пользованія жизнью и энергіи желанія. Анализъ препятствуетъ дѣйствію, останавливаясь лишь на томъ, что ему предшествуетъ, и не позволяя идти далѣе. Анализъ усиливается видѣть дѣйствительность такую, какова она есть; онъ стремится отдѣлить одинъ отъ другого элементы, изъ которыхъ состоитъ чувство, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не впасть въ обманъ и опредѣлить настоящую цѣнность cadaго предмета. Стараясь видѣть какъ можно яснѣе, анализъ расцѣвываетъ туманный, но привлекательный, ореолъ поэзіи, окружающій многое, что показываетъ намъ жизнь; и самое наше сердце начинаетъ казаться намъ сухимъ и перестаетъ биться свободно. Анализъ, отнимающій у cadaго иллюзію, примиряющую съ жизнью, становится настоящимъ несчастіемъ для человѣка, соединяющаго эту способность съ сильнымъ или поэтическимъ воображеніемъ. Будущее рисуется ему въ яркихъ краскахъ, а когда оно превращается въ настоящее, въ немъ все оказывается тусклымъ и унылымъ. У нѣкоторыхъ анализъ отнимаетъ не только способность къ удовольствіямъ, но и способность къ страданіямъ, которыя могутъ быть благотѣльными, очищая душу. Безсиліе чувства порождаетъ иногда ужасныя муки; оно располагаетъ къ болѣзненной утонченности, къ отысканію неизвѣданныхъ наслажденій, что вскорѣ оказывается неосуществимымъ и ведетъ къ новымъ и новымъ разочарованіямъ. Повидимому, анализъ служитъ источникомъ тайныхъ наслажденій

искусствомъ и эстетическія ощущенія бываютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они тоньше. Это неоспоримо, но нервная система, становясь болѣе воспримчивой къ глубокимъ наслажденіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается болѣе чувствительной къ страданіямъ. Чтобы убѣдиться въ неизбѣжности такого результата, достаточно взглянуть на адептовъ литературной школы, исключительно посвящавшихъ себя искусству. Она имѣла своихъ мучениковъ, приносившихъ себя въ жертву искусству и подвергавшихъ мукамъ свое сердце на воздвигнутомъ ими алтарѣ. Величайшій представитель ея Флорберъ велъ затворническую жизнь; когда онъ выходилъ изъ своего уединенія, онъ испытывалъ чувство, близкое къ отвращенію. Страданія его происходили отъ привычки вѣчно наблюдать за собой; онъ не испытывалъ ни одного эстетическаго ощущенія безъ желанія обсудить его, замѣнить другимъ. И всѣ его ближайшіе послѣдователи сознаются въ томъ же роковомъ свойствѣ своей души; они свидѣтельствуютъ, что въ нихъ живутъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ вѣчно наблюдаетъ за другимъ и не даетъ ему мыслить просто и дѣйствовать, не даетъ пользоваться жизнью.

Болѣзненный анализъ, привычку вѣчно разбираться въ своей душѣ, Р. Алье считаетъ главнымъ недугомъ современной молодежи, чудовищемъ, ласки и укушенія котораго болѣе или менѣе испытываются каждымъ. Правда, наше поколѣніе могло бы сказать, что оно терпитъ отъ положенія, которое создано не имъ, что зародыши губящей его болѣзни носятъ въ воздухѣ и прививаются къ нему всѣмъ окружающимъ, что оно не отвѣтственно за факты и обстоятельства, изъ которыхъ исходитъ пожирающій ихъ ведугъ. Но молодежь должна признать и свою долю участія въ общей винѣ, и въ свою очередь постараться помочь злу. Развѣ самъ человѣкъ не заинтересованъ въ томъ, чтобы принять ту, или иную доктрину, усвоить опредѣленную привычку. Чрезмѣрная критика и систематическій диллетантизмъ завладѣваютъ нами потому, что льстятъ чувству, никогда въ насъ неумирающему — гордости. Анализъ позволяетъ намъ находить то, что мы любимъ всего больше — наша «я». Если, благодаря ему, мы утрачиваемъ даже многія иллюзіи относительно самихъ себя, мы утѣшаемся въ такой потерѣ, потому что видимъ въ ней признакъ разумности и вѣрство высшихъ натуръ. Въ крайнемъ всеразрушающемъ анализѣ кроется еще другая смертельная опасность: это — стремленіе къ пассивному удовольствію, къ готовымъ радостямъ; это — исканіе счастья, состоящаго въ эгоистическомъ обладаніи чего-либо даннаго, вмѣсто того, чтобы видѣть его въ результатѣ нашей торжествующей дѣятельности. Счастье теперь многіе хотѣли бы по-

лучить готовымъ, какъ получается наслѣдство послѣ родителей. Люди заботятся не о томъ, чтобы завоевать счастье, испытывая тревоги и радости борьбы, а о томъ, чтобы умѣть наслаждаться, умѣть отдавать себѣ отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ. Для нихъ дѣйствіе замѣняется анализомъ; наблюденіе самого себя замѣщаетъ самозабвеніе, доставляемое борьбой. Но это-то и грозитъ разочарованіями, заставляющими насъ чувствовать отвращеніе къ самимъ себѣ. Занимаясь своимъ «я» слишкомъ много, мы не только заставляемъ другихъ ненавидѣть его, но и сами начинаемъ находить его смертельно скучнымъ.

II.

Какъ замѣчаетъ Р. Алье, нельзя удовольствоваться однимъ указаніемъ нравственнаго недуга въ молодомъ поколѣніи. Болѣзненный анализъ, о которомъ мы говоримъ, не представляетъ какого-либо новаго явленія, но почему же онъ въ такой степени усилился въ наше время? Почему онъ принялъ теперь характеръ настоящей эпидеміи и общественнаго зла? Едва ли кто рѣшится утверждать, что внутренняя природа молодыхъ людей нашего времени измѣнилась къ худшему; у нихъ нѣтъ недостатка и въ благородныхъ порывахъ, и въ недюжинныхъ проявленіяхъ энергіи. Если, тѣмъ не менѣе, болѣзнь анализа приняла такіе размѣры, что не можетъ не наводить на тяжелыя размышленія, то заразительность ея должна неизбѣжно поддерживаться какими-нибудь внѣшними причинами.

Ближайшее объясненіе описываемаго нравственнаго недуга многіе находятъ въ модѣ, въ подражаніи. Но откуда же исходить эта мода, это общераспространенное мнѣніе, будто болѣзненная чувствительность и способность видѣть во всемъ неприглядную, печальную сторону составляютъ нѣчто такое, къ чему слѣдуетъ стремиться, и что надо стараться развивать въ себѣ?

Чаще всего приходится слышать, что такое отношеніе къ жизни устанавливается и распространяется литературой, наиболѣе видные представители которой, олицетворяя собою крайнюю степень склонности къ болѣзненному анализу, располагаютъ къ ней и другихъ, и, такимъ образомъ, распространяютъ ее въ обществѣ. Не отрицая доли справедливости такого мнѣнія, мы все же поступили бы неправильно, возлагая на авторовъ пессимистическаго склада всю вину распространенія отрицательныхъ воззрѣній въ современномъ обществѣ. Авторъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ находитъ въ читателѣ *tabula rasa*, на которой вполне отпечатлѣвается его міро-

возрѣніе. По большей части, читатель отдаетъ предпочтеніе извѣстному писателю только потому, что тотъ сроденъ его душѣ, за то, что тотъ умѣетъ угадать нѣчто смутное, бродившее въ ней и не находившее себѣ разрѣшенія. Нашъ любимый авторъ тотъ, кто всего болѣе на насъ походить, кто опущаетъ съ большей силой все, что мы чувствуемъ, или, по крайней мѣрѣ, умѣетъ это выразить лучше насъ. Писатели, воспитывающіе молодое поколѣніе, подходятъ на него, какъ старшіе братья, и, будучи старше его, въ сущности, принадлежатъ къ нему. На сколько они раздѣляютъ его слабости или недостатки, на столько ихъ вліяніе нельзя не считать вреднымъ.

Р. Алье намекаетъ въ данномъ случаѣ на французскую литературную школу, главою которой считается Флорберъ. Эта школа ведетъ свое начало отъ романтизма, который, въ свою очередь, унаслѣдовалъ нравственныя возрѣнія XVIII вѣка. Здѣсь все сводится къ чувству; здѣсь цѣнятся только тонкія или глубокія ощущенія. Если жизнь не вызываетъ этихъ тонкихъ и высокихъ чувствъ, она кажется пошлой и отталкивающей. Поэтому сентиментальная литература всегда бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пессимистической. Эта литература анализа, прежде всего привлекаетъ молодежь своимъ методомъ, своими притязаніями научными. Она обѣщаетъ не щадить ни одного заблужденія, ни одной иллюзіи; она обѣщаетъ быть безпристрастной до равнодушія, любопытной до жестокости. И кто же тотъ молодой человекъ, кому она намѣревается показать жизнь такую, какова она есть? Онъ представляетъ собою результатъ духа нашего времени и, между прочимъ, духа нашей школы. У него болѣе всего развитъ разумъ; ему прежде всего хочется понимать, знать, проникать въ сущность того, что онъ видитъ и слышитъ, наблюдать весь внутренній механизмъ мыслей и чувствъ. Современный юноша неизбежно страдаетъ болѣзнию, которую можно назвать гипертрофіей мысли, и первую причину которой слѣдуетъ видѣть въ характерѣ школьнаго обученія. Упреки этому обученію слышатся часто, но его напрасно обвиняютъ въ цѣломъ, не различая, какія именно стороны его представляютъ опасность. Опасность его заключается всего болѣе въ излишнихъ размѣрахъ; программы его такъ обширны, что учащіеся не находятъ времени привести въ порядокъ, классифицировать, усвоить то, что они изучаютъ. И этого еще мало: расширившись, обученіе во французской современной школѣ значительно измѣнилось по духу. Работа ея заключается всего болѣе въ критикѣ, въ анализѣ. Профессора литературы, проникаясь естественнонаучнымъ детерминизмомъ, при разъясненіи знаменитыхъ

писателей, стремятся не столько вызвать восторгъ и удивленіе передъ ними, сколько различныя достоинства ихъ свести къ простому влиянію среды и духа времени. Въ то же время все простое и наивное подвергается осмѣянію; нерѣдко можно слышать въ классахъ ѣдкія шутки надъ живымъ выраженіемъ чувства, восхищенія или порицанія. Тѣмъ же духомъ проникнуто и преподаваніе исторіи. Идея правоты или справедливости отсутствуетъ у всѣхъ современныхъ историковъ, за исключеніемъ Минне. Они заботятся только объ изображеніи событій, въ видѣ какой-то неразрывной цѣпи, доказывая необходимость всего совершающагося, отождествляя фактъ съ справедливостью. Такое воспитаніе ума преимущественно передъ воспитаніемъ сердца, такое равнодушіе, зависящее отъ неразвитія способности къ восторгу или негодованію, и создаетъ для нашего поколѣнія возможность почти исключительно отдаваться впечатлѣніямъ литературы, незнающей иллюзій, стремящейся только къ ясности зрѣнія.

Однако, обвинять одну только школу было бы неосновательно. Общество напрасно старается отыскать въ школѣ, въ литературѣ и въ духѣ подражанія причины болѣзненнаго анализа, парализующаго энергію молодежи. Чтобы найти эти причины, оно должно оглянуться на себя; оно должно оцѣнить весь вредъ крайняго эгоизма, господствующаго среди него. Лицемѣріе, обманъ, царящіе среди нынѣшняго французскаго общества, доходятъ до такихъ предѣловъ, что сопротивляться имъ никто уже не отваживается. Семья почти не руководитъ воспитаніемъ дѣтей: она боится направить ихъ на ложный путь, испортитъ ихъ будущее. Она закрываетъ глаза на проявленіе безнравственности, когда они оказываются у взрослыхъ дѣтей. Общество не позволяетъ относиться слишкомъ строго къ такимъ поступкамъ, которые нельзя назвать иначе, какъ развратомъ. Даже французскій законъ оставляетъ безнаказаннымъ подобныя поступки. И жизнь кипитъ безчисленнымъ множествомъ такихъ несправедливостей. И можно ли удивляться, что всѣ видящіе эти несправедливости отворачиваются отъ жизни и презираютъ ее?

Если мы можемъ понять человѣка, устраниющагося отъ жизни, то не можемъ его вполне оправдывать. Чтобы стоять на высшемъ уровнѣ человѣчности, онъ долженъ развить въ себѣ сочувствіе къ страданію и стремленіе облегчить его. Но именно живое проявленіе симпатій, состраданія къ ближнимъ и затрудняется всѣмъ строемъ современной жизни. Чтобы имѣть въ ней успѣхъ, чтобы не быть отброшеннымъ въ сторону или растоптаннымъ, приходится вести упорную борьбу, выказывая, если не настоящую же-

стокость, то равнодушіе къ тѣмъ, съ кѣмъ приходится сталкиваться. Переживаемый нами «конецъ вѣка» нельзя назвать періодомъ спокойной работы постоянныхъ и правильныхъ усилій. Всѣ болѣе или менѣе причастны духу спекуляціи; всѣ ясно видятъ, что торжество принадлежитъ не трудолюбивому, а смѣлому, и всѣ хотѣли бы быть смѣлыми, чтобы не остаться позади другихъ. Каждого въ отдѣльности, вступающаго на такой рискованный путь, нельзя судить строго: успѣхъ все оправдываетъ теперь, и неуспѣвающихъ несправедливо было бы называть безчестными: часто они только неблагоразумны или неосторожны; они невольные участники борьбы, ожесточеніе которой доходитъ до безпощадности. И если весь складъ нашей жизни требуетъ почти безпредѣльнаго эгоизма, можемъ ли винить школу за то, что она не въ силахъ противиться эгоистическимъ наклонностямъ, естественно развивающимся въ молодежи?

Какіе шансы могутъ быть у юноши, которому удастся вынести изъ семьи или школы идеалы добра и справедливости, что ему удастся примѣнить эти послѣдніе къ жизни? Развѣ его не ждетъ вѣрная неудача? Сперва ему придется выносить насмѣшки тѣхъ, которые уже утратили иллюзіи молодости и примирились съ дѣйствительностью; потомъ, онъ испытаетъ множество неудачъ, постоянныя разочарованія озлобятъ его, и усталость притупитъ его волю. Если у него не окажется достаточно энергіи, чтобы обратиться въ протестующаго теоретика, онъ забудетъ прежніе идеалы и обратится къ житейской мудрости, которая совѣтуетъ заниматься своимъ личнымъ дѣломъ и стараться поставить его какъ можно выгоднѣе для себя. Въ иномъ случаѣ, онъ посвятитъ себя безпечальному научному созерцанію и равнодушной научной любознательности. Если идеалъ окажется такъ дорогъ для него, что онъ будетъ не въ силахъ отъ него отказаться, онъ будетъ томиться великой душевной тоской и сочтетъ себя счастливымъ, когда найдетъ успокоеніе въ тихомъ, туманномъ мистицизмѣ, не создающимъ никакихъ формулъ и обнаруживающемъ только утомленіе дѣйствительностью.

Тяжесть и опасность этого разочарованія высказывается всего замѣтнѣе въ предпочтеніи, какое отдается фаталистическимъ и пессимистическимъ ученіямъ. Это ученіе не слѣдуетъ считать причиною зла, какъ иногда смотрятъ на нихъ: они усиливаютъ зло, но часто служатъ только симптомомъ его. Наши мнѣнія являются выраженіемъ нашей личности, воплощая въ себѣ ея сущность; если мы принимаемъ какое-либо ученіе, то дѣлаемъ это потому, что находимъ въ немъ мысли, какія намъ дороги: мы охотно хва-

таемся за такое ученіе, которое всего болѣе соотвѣтствуетъ нашей нравственной природѣ. Поэтому пессимистическое ученіе только формулируетъ нашу нравственную болѣзнь, а не создаетъ ее. Появленіе пессимистической доктрины всегда совпадаетъ съ потерей идеала, съ стремленіемъ къ покою и самодовольствію.

Какъ мы видимъ, нашъ хваленый XIX вѣкъ заканчивается при такихъ обстоятельствахъ, которыя обезсиливаютъ волю и характеръ, при господствѣ ученій, увеличивающихъ зло, потому что они проповѣдуютъ его необходимость и притупляютъ страданія. Такое положеніе весьма серьезно, и лишь энергичное усиліе можетъ спасти нашъ міръ, страдающій отъ ослабленія воли. Эта нравственная анемія есть почти роковое послѣдствіе извѣстнаго числа фактовъ, тѣсно связанныхъ между собою. Какія же у насъ средства воспротивиться власти обстоятельствъ, подавляющихъ и развращающихъ насъ?

III.

Мы показали несчастныя послѣдствія чрезмѣрнаго анализа и вѣдншія обстоятельства, придающія этой обезсиливающей склонности эпидемическій характеръ. Можемъ ли мы указать какія-нибудь средства для сопротивленія этому злу и торжества надъ нимъ?

Ставя этотъ вопросъ, Р. Алье, какъ первую причину недуга, о которомъ идетъ рѣчь, отмѣчаетъ *нравственное одиночество*. Живущій одиноко утрачиваетъ привычку чувствовать жизнь другихъ, ощущать нравственную связь съ окружающимъ; занятый исключительно своими интересами, онъ не переступаетъ ихъ узкаго круга, видитъ въ себѣ единственное лицо, которому можетъ довѣриться, центръ всего существующаго. Поэтому, молодежи, выказывающей признаки разочарованія, равнодушія или отвращенія къ жизни, прежде всего можно посоветовать избѣгать одиночества. Сближеніе съ другими людьми подготавливаетъ созвучіе чувствъ, гармонію мыслей, сліяніе желаній; въ немъ для одинокаго человѣка заключается первый шагъ къ спасенію, такъ-какъ оно заставляетъ его забывать о себѣ. Въ виду того, Р. Алье горячо привѣтствуетъ недавно осуществившуюся «Общую ассоціацію парижскихъ студентовъ», по образцу которой устроились подобныя же ассоціаціи въ другихъ провинціальныхъ городахъ Франціи. Въ этихъ братскихъ союзахъ авторъ видитъ живой протестъ противъ привычекъ нравственнаго раздробленія, заключавшихъ въ себѣ смертельную опасность для его отечества. Научившись слу-

жить своимъ товарищамъ, молодые люди будутъ умѣть служить своему народу, который давно въ нихъ нуждается и зоветъ ихъ къ себѣ. Съ такимъ же сочувствіемъ Р. Алье относится къ «Христіанскимъ союзамъ» французской молодежи (*Unions crétiennes de jeunes gens*). Онъ убѣжденъ, что этимъ союзамъ предстоитъ видная роль въ жизни общества, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считаетъ нужнымъ предостеречь ихъ отъ возможнаго для нихъ невѣрнаго пути. Именно, онъ желалъ бы, чтобы названные союзы или общества не поощряли чисто мистическихъ порывовъ, чуждыхъ настоящему милосердію, чтобы въ нихъ вырабатывалось энергичное мужественное милосердіе, проникнутое радостью жизни и ненавистью къ несправедливости. Одной общей молитвы еще недостаточно для членовъ христіанскаго союза: необходимо ихъ общее участіе къ судьбѣ страждущихъ и ищущихъ выхода изъ тяжелыхъ жизненныхъ положеній.

Кромѣ одиночества, другую причину, располагающую къ болѣзненному анализу, Р. Алье справедливо видитъ въ *праздности*. Жить значитъ дѣйствовать, но дѣйствовать въ настоящемъ смыслѣ слова значитъ поступать сознательно, имѣть власть надъ своими поступками, отдавать въ нихъ отчетъ себѣ, объединять ихъ, располагать ихъ сообразно своему идеалу. Праздность не бываетъ полнымъ бездѣйствіемъ, такъ какъ накапливающаяся нервная сила неизбѣжно требуетъ разряженія. Въ самомъ бездѣятельномъ человѣкѣ: внутренняя работа не прекращается, но онъ становится рабомъ своихъ впечатлѣній и не въ силахъ совладать со своими душевными движеніями. Праздность убиваетъ даже здоровую волю, и только дѣятельность можетъ спасти волю ослабленную. Рѣшеніе сдѣлать то или другое означаетъ проявленіе власти надъ самимъ собою и обнаруживаетъ энергію, какую мы могли и не подозревать въ себѣ. Жить значитъ дѣйствовать; наслаждаться значитъ чувствовать свою дѣятельность. Воля не дается намъ извнѣ; мы должны сами приобрѣтать ее рядомъ дѣйствій или усилій, совершающихся въ одномъ и томъ же направленіи. Какъ говорить Рибо въ своихъ «Болѣзняхъ воли», «Самая совершенная координація есть характеръ высшей воли, величайшей дѣятельности, на что эта дѣятельность ни была бы направлена: таковы Цезарь, Микель Анджело, С. Винцентъ-де-Поль. Эта координація резюмируется въ нѣсколькихъ словахъ: единство, устойчивость, могущество. Вышнее единство жизни такихъ людей заключается въ единствѣ преслѣдуемой цѣли; оно создаетъ зависимость отъ обстоятельствъ, новыя координаціи и приспособленія». Безъ ряда дѣятельныхъ рѣшеній, безъ упорныхъ усилій, воля не можетъ быть приведена къ единству,

т.-е. къ здоровому состоянію. По мнѣнію Р. Алье, чтобы вернуть здоровье молодежи надо ее соединять и заставить *дѣйствовать*, т.-е. *производить работу, полезную для человечества*. Для окрѣпшей молодежи не будетъ уже причинять никакого вреда ни мода, ни пессимизмъ, ни литература безсилія и разочарованія.

Кромѣ вреда отъ литературы извѣстнаго пессимистическаго направленія, Р. Алье видитъ опасность и въ *ложныхъ выводахъ*, извлекаемыхъ *изъ нѣкоторыхъ положеній современной науки*. Когда эти произвольные выводы выдаются за логическія непреложныя заключенія науки, тогда они могутъ сбивать съ толку умы неокрѣпшіе, все легко принимающіе на вѣру. Нѣтъ такой научной истины, которая не могла бы дать повода къ толкованіямъ вовсе не желательнымъ, и даже вреднымъ. Такъ, мы видѣли, что ученіе о борьбѣ за существованіе, лежащее въ основѣ дарвинизма. понималось нѣкоторыми, какъ оправданіе права сильнаго. Подобно тому, ученіе объ единствѣ физическихъ силъ и неразрушимости матеріи, ивогда полагалась въ основаніе матеріалистическихъ ученій, сводившихъ всю жизнь человѣка къ категоріи чисто - физическихъ функцій. Р. Алье, безъ сомнѣнія, правъ, требуя разборчиваго и осторожнаго отношенія къ такимъ неосновательнымъ выводамъ изъ научныхъ положеній, выдающимъ мнѣнія, постороннія науки, за научныя истины. Всегда могутъ найтись люди, способные воспользоваться этими невѣрными толкованіями для оправданія своего отчаянія, отвращенія къ жизни, и даже своего циническаго эгоизма.

Обязанность предостерегать еще неокрѣпшіе умы отъ вредныхъ вліяній литературы, о которыхъ идетъ рѣчь, нашъ авторъ возлагаетъ всего болѣе на *воспитателей юношества*. Только тогда, когда обученіе превратится въ воспитаніе, могутъ обнаружиться тѣ нравственныя силы, которыя при нынѣшнихъ педагогическихъ системахъ не выступаютъ изъ области безсознательнаго. Привычка къ чтенію и пониманію классическихъ писателей и оригинальныхъ мыслителей, двигавшихъ мысль человечества и направлявшихъ его къ истинному просвѣщенію, составляетъ наилучшее противодѣйствіе нездоровому вліянію извѣстнаго направленія современной литературы. Близкое знакомство съ упомянутыми выше писателями и мыслителями поставитъ читателей лицомъ къ лицу съ настоящимъ умственнымъ могуществомъ, съ великой индивидуальной силой, а это всего дороже, потому что, въ наше время именно утрачивается индивидуальность, разсѣваясь въ общемъ механизмѣ современной жизни. Кромѣ того, пониманіе, опущеніе жизни прошлаго должно, въ значительной степени, содѣйствовать сознанію жизни настоящаго и желанію дѣятельно участвовать въ ней.

Выходъ изъ болѣзненнаго, угнетеннаго состоянія души возможенъ, однако, лишь для того, кто сознаетъ это состояніе и страдаетъ отъ него. Въ такомъ страданіи есть уже признакъ выздоровленія, есть первый шагъ къ возрожденію. Второй ступенью должно быть пониманіе того, чѣмъ должна быть нормальная жизнь. Но какъ помочь тому, у кого еще нѣтъ яснаго сознанія ненормальности его существованія, или нѣтъ достаточно воли, чтобы построить свою жизнь на новыхъ началахъ? Поставьте его въ соприкосновеніе съ человѣческимъ страданіемъ, отвѣчаетъ Р. Алье. Занимаясь исключительно собой, посвящая свои силы только самому себѣ, какія бы цѣли мы ни преслѣдовали, и какъ бы себя ни оправдывали, мы всегда остаемся эгоистами. Благодушіе или оптимизмъ, лишенный всякаго дѣятельнаго участія въ окружающемъ насъ страданіи, всегда заключаетъ въ себѣ намѣренную близорукость и разсчитанную глухоту. Чтобы, въ концѣ концовъ, не быть безчеловѣчнымъ, онъ долженъ уступить мѣсто серьезному сострадательному отношенію къ жизни. Нормальный человѣкъ не можетъ не содрогаться передъ физической или душевной болью другаго человѣческаго существа и не можетъ не забывать о самомъ себѣ, слыша крики другихъ.

Пусть молодые люди знакомятся съ страданіями, которыя насъ окружаютъ; пусть они не отвращаютъ глаза отъ всего, что имъ тяжело или непріятно. Зрѣлище страданій человѣческихъ заставитъ ихъ относиться строго къ окружающей жизни и не допустить ихъ принять участіе въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя стѣсняютъ или подавляютъ человѣческія существованія.

Сожалѣя объ окружающемъ его мірѣ, молодой человѣкъ пожалѣетъ и самого себя. Онъ убѣдится въ томъ вредѣ, какой вноситъ въ міръ несправедливость, и откроетъ, насколько онъ самъ причастенъ къ ней, насколько ему самому нужно работать надъ собою, чтобы быть чистымъ отъ этого упрека. Сожалѣніе самого себя, скорбь при видѣ окружающаго насъ страданія, сознаніе нашихъ недостатковъ—таковы результаты, къ какимъ приведетъ насъ зрѣлище міра, открывающагося непредубѣжденному глазу.

Здѣсь Р. Алье договариваетъ свою основную мысль. Сожалѣніе себя есть условіе и начало исцѣленія, но не самое исцѣленіе. Исцѣленіемъ должно быть радикальное превращеніе, полное обновленіе человѣка. А человѣкъ, говоритъ Р. Алье, тогда только можетъ почувствовать себя обновленнымъ, когда станетъ истиннымъ послѣдователемъ Христа. Тогда не будетъ мѣста никакому болѣзненному погруженію въ самого себя, никакому одиночеству, никакой гордости—человѣкъ обратится и къ братьямъ, перестанетъ наблю-

дать только за своей душой, задумываться надъ своими рѣшеніями, исчислять несоразмѣрность радостей дѣйствительныхъ съ воображаемыми; онъ будетъ отвлеченъ отъ себя криками боли, которые слышатся около него, и когда захочетъ отозваться на нихъ, почувствуетъ къ страдающимъ сожалѣніе любовь.

Отвѣчая на вопросъ, который онъ ставитъ, что можетъ и что должна дѣлать молодежь, Р. Алье, указываетъ молодежи его рѣшеніе, соотвѣтственно избранной профессіи. Онъ требуетъ отъ будущихъ врачей умѣнья видѣть сквозь физическія страданія результаты порока и несправедливости и энергіи для защиты условій нормальной жизни, условій, необходимыхъ для полного развитія человѣка. Молодымъ юристамъ онъ совѣтуетъ проникнуться святой идеей права, умѣть всюду вносить ее, все преобразовывать съ ея помощью. Они должны понимать право не какъ отвлеченность, а какъ что живое—и быть его олицетвореніемъ, видя цѣль своей дѣятельности въ томъ, чтобы пониманіе права проникло въ дѣятельность врача, администратора, экономиста, однимъ словомъ, всѣхъ, соприкасающихся съ народной жизнью. Для молодыхъ людей, изучающихъ филологическія и философскія науки, онъ желаетъ, чтобы они явились представителями идей, наиболѣе цѣнныхъ для человѣчества, и сѣмъли отстаивать за ними силу руководить міромъ. Отъ будущихъ представителей земледѣлія, промышленности и торговли онъ ожидаетъ, что они заставятъ силы природы служить человѣку, но не обратятъ ихъ въ орудіе эксплуатаціи этого послѣдняго. Всего болѣе надеждъ онъ возлагаетъ на будущихъ духовныхъ лицъ, которыя должны стремиться къ тому, чтобы быть душой общественнаго организма. Въ заключеніе онъ высказываетъ, что молодежи едва ли подъ силу всегда найти самой правильный путь, что она часто будетъ нуждаться въ руководителяхъ. Но руководителями ея могутъ быть не тѣ, кто только указываетъ ей этотъ путь, а тѣ, кто идутъ по немъ впереди нея.

IV.

Мы подробно изложили книгу Алье, такъ какъ она интересна не только отдѣльными мыслями, но и во всемъ ея цѣломъ, во всемъ развитіи ея аргументаціи. Мы едва ли бы, однако, рѣшились отвести ей столько мѣста, если бы она представляла лишь національный интересъ. Но она имѣетъ въ нашихъ глазахъ общее международное значеніе: мы узнаемъ въ ней многія черты съ которыми мы уже сроднились, потому что видимъ ихъ кругомъ

себя. Съ этой точки зрѣнія, краткій этюдъ парижскаго профессора кажется намъ особенно достойнымъ вниманія. Въ немъ отражаются въ законченномъ, завершенномъ видѣ тѣ явленія, которыя у насъ еще только намѣчаются, и мы можемъ судить о томъ впечатлѣніи, какое эти, уже назрѣвшіе, факты производятъ на чловѣка просвѣщеннаго, безпристрастнаго и любящаго молодежь, къ которой онъ и самъ, новидимому, еще причисляетъ себя.

Повышенная чувствительность и слабость воли и, какъ результатъ этого сочетанія, пассивное или пессимистическое отношеніе къ жизни, — вотъ тѣ черты, которыя мелькаютъ и среди нашей молодежи, озабочивая всѣхъ, кому дорого ея будущее. «Молодежь нашего времени лишена энергій, жизнерадостности, бодрости и упорства въ достиженіи цѣли» — таковъ отзывъ о нашемъ подростоащемъ поколѣніи, какой часто приходится слышать. Причину такого печальнаго явленія у насъ видятъ всего болѣе въ обстановкѣ школы, въ высокихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ ею ученикамъ, которыя, ради удовлетворенія имъ, должны крайне напрягать свои силы. Безъ сомнѣнія, слѣдствія переутомленія здѣсь имѣютъ свою долю вліянія, но въ нихъ однихъ нельзя видѣть весь корень зла. Оно держится въ нѣдрахъ болѣе глубокихъ и развѣтвляется болѣе широко, чѣмъ у насъ обыкновенно предполагается.

И въ нашемъ обществѣ явленіе апатіи или пессимизма въ молодежи, отчасти, должны быть признаны врожденными. Культурная жизнь, въ особенности въ большихъ городахъ, и у насъ слишкомъ напряженна и тревожна, чтобы представители ея могли вести здоровую жизнь и рассчитывать на здоровое потомство. По крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть этого послѣдняго осуждена приносить съ собою на свѣтъ слабость и болѣзненность организма. Тяжелыя матеріальныя условія, въ которыхъ протекаетъ періодъ образованія для многихъ нашихъ юношей и дѣвушекъ, также не могутъ не оказывать своего дѣйствія, подтачивающаго некрѣпкія сложенія. То и другое условіе, т.-е. врожденная хилость и неправильное развитіе, не зависятъ отъ доброй воли отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ молодежи. Но борьба съ другими вредными вліяніями психическаго характера находится уже въ предѣлахъ ея возможности; она можетъ сознать и опредѣлить эти вліянія и противустоять имъ, и должна это сдѣлать ради сохраненія своихъ жизненныхъ силъ.

Къ счастью, молодость наша, какъ культурной націи, избавляетъ насъ отъ многихъ послѣдствій отрицательныхъ сторонъ культуры, оказывающихъ разрушающее вліяніе на болѣе старыя націи: ихъ недуги, уже развившіеся, у насъ встрѣчаются только въ за-

чаткѣ. Тѣмъ болѣе мы должны тщательно замѣчать ихъ и заботиться объ ихъ исцѣленіи. «Мода», о которой говоритъ Алье, т. е. подражаніе какому-то идеалу высшаго человѣческаго существа. надѣленнаго особенною тонкостью чувства и глубиною пониманія, у насъ менѣе замѣтна, чѣмъ въ средѣ французскаго общества, но все же даетъ себя чувствовать. Нельзя сказать, чтобы наша литература была проникнута отрицательными свойствами, о которыхъ говоритъ Р. Алье по поводу французской литературы, но и ей не чуждо поклоненіе описываемому идеалу и стремленіе къ воплощенію его. Болѣе давнимъ нашимъ знакомымъ можетъ назваться отмѣчаемый французскимъ авторомъ чрезмѣрный болѣзненный анализъ, которымъ страдали еще дѣйствующія лица нашихъ наиболѣе извѣстныхъ литературныхъ произведеній сорсковыхъ и даже тридцатыхъ годовъ. И теперь рѣдкій юноша, откровенностью котораго мы пользуемся, не признается намъ, что онъ всего болѣе занятъ анализированіемъ себя, стараясь «разобраться въ своей душѣ», «отдать себѣ отчетъ, что онъ такое?» Никто не рѣшится отрицать, что внимательное, строгое отношеніе къ себѣ полезно и почтенно, но оно должно имѣть свою степень или предѣлъ, опредѣляемый стремленіемъ къ дѣятельной, активной жизни. Какъ скоро анализъ начинаетъ задерживать или парализовать это стремленіе, онъ становится вреднымъ и опаснымъ.

Мыслители, которые желали истиннаго добра нашей молодежи, всего болѣе возставали именно противъ чисто разсудочнаго, пассивнаго отношенія къ жизни, и желали, даже требовали отъ нея, отношенія энергичнаго и активнаго. Такимъ животворнымъ духомъ, зовущимъ на работу, на дѣло, проникнуты всѣ сочиненія Добролюбова. Правда, «исканіе дѣла» искренно занимало многихъ, занимало даже значительную часть нашей литературы, но немногимъ давалось удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса. Чаще всего вину этихъ неудачъ возлагали на жизнь, на среду, но часть вины не могла не падать на самихъ неудавшихся дѣятелей,—на ихъ личную неспособность къ дѣятельности и борьбѣ. И тѣ, кому приходится, въ настоящее время, стоять передъ неразрѣшимымъ вопросомъ—какъ всего полезнѣе и цѣлесообразнѣе употребить свои силы, должны прежде всего подумать объ укрѣпленіи своихъ силъ. Для многихъ укрѣпленіе будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обновленіе.

Чтобы выработать «новаго человѣка» надо стряхнуть съ себя «старого». Крайне чувствительный, вѣчно раздраженный пессимистъ, очень старъ, по крайней мѣрѣ, какъ наше столѣтіе, если не старше, и тотъ, кто его чувствуетъ въ себѣ, не можетъ не быть старикомъ. Мы не хотѣли бы замѣстить его всѣмъ довольнымъ

оптимистомъ, но желали бы видѣть на его мѣстѣ здороваго, энергичнаго человѣка, для котораго дѣятельность и борьба органически необходимы. Реальную возможность такого типа нельзя отрицать уже потому, что мы его видимъ: всякое дѣло, какое дѣлается среди насъ, дѣлается имъ, между прочимъ, и въ средѣ молодежи. Представители этого типа учатъ, лечатъ, помогаютъ несчастнымъ, около насъ, на далекихъ окраинахъ, повсюду. Если французамъ, повиdimому, еще нужно учиться этому дѣлу, нужно привыкать любить народъ, то мы уже умѣемъ это дѣлать и намъ нѣтъ надобности еще выработать этотъ типъ. Для насъ нужно только, чтобы въ общественномъ представленіи этотъ типъ вытѣснилъ нынѣшній идеалъ болѣзненно-нервнаго человѣка, будто бы составляющаго высшій и неизбежный продуктъ культуры. Тогда всѣ признаки этого послѣдняго, а между прочимъ, и слабость воли, перестанутъ казаться чѣмъ-то законнымъ и желательнымъ, и всѣ замѣчающіе въ себѣ этотъ печальный признакъ, должны будутъ озаботиться объ избавленіи отъ него, какъ слѣдуетъ заботиться объ излеченіи всякой замѣченной болѣзни. Истинная оцѣнка психическихъ свойствъ, о которыхъ мы говоримъ, дается намъ наукой, обдуманно и безпристрастно смотрящей на дѣло. Она убѣдительно говоритъ намъ, что нервность и чувствительность, а также и слабость воли, доходя до крайнихъ предѣловъ, являются признакомъ болѣзненности, весьма опаснымъ, такъ какъ болѣзненность здѣсь легко можетъ перейти въ настоящее психическое страданіе. Распространеніе сознанія вреднаго, угрожающаго характера такихъ явленій, какъ крайняя чувствительность и слабость воли, было бы уже большимъ шагомъ впередъ на пути къ испълненію недуга, все болѣе и болѣе сказывающагося и въ нашемъ обществѣ.

Д. Коропчевскій.

МАРІАНА.

Романъ Э. Альгрень.

(ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО).

(Продолженіе *).

— Ну, Маріана, вотъ ты и готова!—провозгласила госпожа Бьёркъ, оправивъ шлейфъ подвѣчнаго платья и отходя на нѣсколько шаговъ, чтобы осмотрѣть нарядъ въ цѣломъ.

Мать и дочь переглянулись. Въ ихъ взглядахъ было много чувства, но ни та, ни другая не произнесла ни слова изъ страха не удержать наvertsывавшихся на глаза слезъ. У Маріаны глаза всегда и надолго краснѣли, когда она плакала, а этого не должно было быть сегодня. Надо было думать о собравшихся въ залѣ гостяхъ, и стараться забыть о неизбѣжной разлукѣ. Но это не помогало.

— Какая ты нарядная и хорошенькая, мама!—сказала Маріана безпечнымъ голосомъ, стараясь ободрить расчувствовавшуюся мать. И дѣйствительно не смотря на свои сорокъ лѣтъ и жизнь, полную домашнихъ заботъ, госпожа Бьёркъ была моложава, а въ своемъ нарядномъ шелковомъ платьѣ казалась теперь положительно красивой. И Маріана любовалась ею, довольная, что мать ея такъ мила. Но вдругъ ее охватили воспоминанія дѣтства. Ей вспомнилось, сколько любви и нѣжности она видѣла отъ родителей, сколькихъ заботъ она стояла этой доброй матери, и чувство безпредѣльной благодарности переполнило ея сердце. Ей хотѣлось говорить теперь обо всемъ этомъ, просить прощенія за всѣ огорченія и заботы, перенесенныя матерью изъ-за нея, покаяться въ эгоизмѣ,

*) См. «Миръ Вождя», № 2.

въ неблагодарности, съ какою она, бывало, относилась къ родителямъ...

Но она не смѣла говорить, боясь расплакаться и боясь красныхъ глазъ.

Она отвернулась и, взявъ съ туалетнаго столика приготовленный платокъ, прижала холодную ткань къ глазамъ.

— А вѣдь братъ и невѣстка Бергера уже пріѣхали!— вдругъ вскричала мать, чтобы развлечь Маріану.

— Ну, какіе они?—заинтересовалась невѣстка, обрадованная, что избѣжала слезъ.

— Ничего себѣ! Онъ смотритъ денежнымъ тузомъ; на ней атласное платье такой доброты, что едва гнется... Ну, такъ, значить, ты готова, и можно позвать подружекъ?

— Зови, милая мама!

Мать направилась къ дверямъ, но на порогѣ обернулась, чтобы въ послѣдній разъ оглядѣть туалетъ дочери.

Она была прелестна, но совсѣмъ не походила на обычную Маріану: подвѣнечный нарядъ придавалъ ея лицу оттѣнокъ чего-то серьезнаго, а миртовый вѣнокъ какъ-то странно темнѣлъ среди бѣлизны платья и вуаля. Притомъ невѣстка стояла теперь одна, среди довольно слабо-освѣщенной комнаты, и ея строгій бѣлый нарядъ на темномъ фонѣ производилъ какое-то торжественное и невеселое впечатлѣніе. Да и дѣйствительно она вѣдь въ данную минуту переживала самый серьезный моментъ въ жизни женщины! До сихъ поръ ее всегда заботливо вели по жизненному пути любящіе люди; теперь она пойдетъ если не одна, то, уже во всякомъ случаѣ, не съ ними.

Сердце матери сжалось отъ тоски и страха за дочь. Подготовлена ли она къ жизни, къ исполненію обязанностей жены, матери, хозяйки?.. Кто ее готовлялъ ко всему этому? А если нѣтъ, какая страшная отвѣтственность падеть на мать!

Она чувствовала, что не совладаетъ съ собой и разстроитъ Маріану, если останется въ комнатѣ еще хоть мгновение, и быстро вышла.

— Какія тяжелыя мысли приходятъ въ этойъ день!— прошептала она за дверями, но минутный страхъ уже проходилъ и она пошла въ комнату подружекъ.

Соскучившіяся въ ожиданіи, сидѣвшія взаперти барышни выбѣжали гурьбой къ невѣстѣ, на ходу оправляя свои тюлевья платья и постукивая высокими каблукками атласныхъ башмаковъ. Обнаженные плечи, цвѣты и безпечныя лица этихъ

барышень должны были смягчить слишкомъ серьезное впечатлѣніе, производимое торжественно-строгимъ нарядомъ невѣсты, и развеселить послѣднюю. Госпожа Бьёркъ порадовалась въ душѣ, что Маріана не отказалась пригласить на свою свадьбу подружекъ, и направилась въ залу уже въ прекрасномъ расположеніи духа.

Подружки развеселили и Маріану. Всѣ онѣ были въ какомъ-то радостномъ волненіи. Онѣ ни минуты не оставались на мѣстѣ, суетились, перешептывались, пересмѣивались. Изъ большой комнаты, гдѣ невѣста, окруженная подружками, ожидала жениха, онѣ то и дѣло выглядывали въ корридоръ, прислушиваясь къ голосамъ. Но вотъ послышался возгласъ: идутъ! идутъ! и всѣ заняли свои мѣста. Двери распахнулись и въ комнату вошелъ женихъ со своими шаферами.

Пошли привѣтствія, любезности, сдержанный смѣхъ, веселыя замѣчанія... Маріана ничего не слышала: она пошла прямо на встрѣчу Бергеру.

Онъ былъ такъ блѣденъ, что сначала она даже испугалась... Но когда подала ему руку и заглянула въ глаза, то увидѣла въ нихъ выраженіе такой возвышенной радости, что и сама заразилась этимъ чувствомъ, и вся точно преобразилась. Въ первый разъ въ жизни она сдѣлалась равнодушной къ вопросамъ о всякихъ свѣтскихъ приличіяхъ и изящества. Въ первый разъ взглянула она на свадьбу не какъ на великолѣпное торжество, а какъ на обрядъ, которымъ она соединится съ другимъ человекомъ навсегда. Навсегда! Въ этомъ словѣ столько величія, что оно даже непонятно для большинства вступающихъ въ бракъ. Уйти навсегда изъ родного дома, къ нему, и до самой своей смерти жить неразлучно съ нимъ, съ Бергеромъ Ольсономъ...

Но стоило только взглянуть въ его честное лицо, чтобы всякое опасеніе за будущее исчезло, и она почувствовала къ этому будущему какое-то дѣтское довѣріе. Однако, именно въ это мгновеніе глаза ея наполнились слезами, и двѣ большія слезы, которыхъ она не пыталась даже удерживать, скатились прямо на кружева платья.

Онъ медленно повелъ невѣсту въ залу. За ними шафера съ подружками замыкали шествіе.

Во время вѣнчанія, когда пасторъ, согласно обряду, предложилъ Бергеру обратиться къ невѣстѣ, тотъ сдѣлалъ это не съ обрядной безучастностью, а обернулся къ Маріанѣ и заговорилъ съ нею просто, естественно, точно они были на-

единѣ, вдали отъ всѣхъ постороннихъ, и въ первый разъ заключали свой серьезный договоръ. Она послѣдовала его примѣру, взглянула ему въ глаза и самымъ искреннимъ голосомъ сказала ему свое: я, Маріана Елизавета Бьеркъ, беру тебя въ мужья, Бергеръ Ольсонъ!

— Просто возмутительно видѣть такое легкомысліе! — прошептала одна пожилая дѣвица, обращаясь къ сосѣдѣ. — Они стоятъ и улыбаются другъ другу, вмѣсто того, чтобы обращаться къ пастору, какъ это принято. Много свадебъ перевидала я на своемъ вѣку, но никогда еще не видѣла такого безобразія!

— Да, они испортили мнѣ настроеніе! — пожаловалась въ отвѣтъ сосѣдка. — Какой невозможный человѣкъ! Должно быть, онъ во всей своей жизни ни разу не бывалъ на свадьбѣ.

— Бѣдная Маріана! Боюсь, что ей будетъ невесело жить съ такимъ диваремъ.

Но между подружками стояла молодая дѣвушка, которая не отрывала восторженнаго взгляда отъ вѣнчающихся. Она понимала, сколько искренности, правдивости сказалось въ ихъ отношеніи къ обряду... Но ей некому было шептать объ этомъ.

Когда священникъ произнесъ послѣднее: „аминь!“, всѣ окружили молодыхъ, посыпались поздравленія, и въ залѣ стало шумно.

Маріанѣ представили зятя и его жену. Черты лица этого человѣка напоминали Бергера, но выраженіе было совсѣмъ другое. Самодовольство, чванство, притворная развязность выскочки можно было прочесть на этомъ лицѣ.

Онъ крѣпко пожалъ руку Маріанѣ, рассматривая ее съ безцеремоннымъ любопытствомъ.

— Поздравляю, невѣстушка! — началъ онъ. — А жаль, что вы не удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ, пока еще были невѣстой.

— Все это устроилось такъ скоро... мы не успѣли! — отвѣтила Маріана.

Онъ недовѣрчиво покачалъ головой, уступивъ мѣсто своей объемистой женѣ, сплошь увѣшанной золотыми вещами.

— Очень досадно, что нашъ свадебный подарокъ вышелъ такой ничтожный! — сказала она.

— Что вы? Это самая хорошенькая сахарница, какую я когда-либо видѣла, — возразила Маріана. — И ея украшенія вполне подходятъ къ нашей вазѣ...

— Именно эту-то вазу мы и хотѣли купить, но мать моего мужа предупредила насъ!

Бергеръ стоялъ молча подлѣ, стараясь глядѣть любезно. Протяжный и фальшиво звучащій голосъ невѣстки буквально выводилъ его изъ себя.

Послѣ поздравленій общество направилось въ столовую. Выпито было много вина, произнесено безчисленное множество спичей. Вальтеръ блеснулъ своей юмористической рѣчью въ подружкамъ, вызвавъ общія рукоплесканія. Это была его первая публичная рѣчь, но такая удачная, что родители чуть не заплакали отъ гордости.

Карлъ ухаживалъ за барышнями, въ промежуткахъ забираясь въ буфетъ, гдѣ объѣдался всѣмъ, что повкуснѣе. Хаввинъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ своемъ новомъ фракѣ, важничалъ и скучалъ; онъ оживалъ только тогда, когда ему удавалось пробраться въ Бергеру и шепотомъ передать ему свои впечатлѣнія. Юноша восхищался зятемъ болѣе, чѣмъ когда-либо, безконечно гордясь товарищескими съ нимъ отношеніями: положительно онъ былъ влюбленъ въ Бергера.

Около пяти часовъ Маріана пошла переодѣться въ дорожное платье. Затѣмъ ея родителей и братьевъ позвали въ одну изъ боковыхъ комнатъ, чтобы проститься съ ней. Отецъ, все время сіявшій, какъ солнце, мгновенно измѣнился въ лицѣ; извѣстіе, что Маріана уѣзжаетъ, поразило его точно неожиданное несчастіе. Его радость вдругъ померкла; явилось какое-то острое сожалѣніе о чемъ-то. Онъ не могъ удержаться отъ слезъ, и онѣ быстро покатались по его щекамъ, теряясь въ сѣдыхъ, выхоленныхъ усахъ. Но въ его горѣ не было ничего мучительнаго. Это были просто слезы чувствительнаго человѣка, которому легко плакать и еще легче утѣшиться.

Онъ не произносилъ ни слова, долго цѣловалъ Маріану и молча поглаживалъ своей бѣлой рукой ея волосы.

Бергеръ стоялъ у дверей со шляпой въ рукахъ, съ нетерпѣніемъ ожидая отъѣзда. Слезы старика серьезно разстроили его; выходило, точно онъ ограбилъ семью, отнялъ у нея любимицу...

Когда началось прощаніе съ матерью, Маріана, въ свою очередь, потеряла самообладаніе и, забывъ о глазахъ, заплакала, какъ ребенокъ. Госпожа Бьеркъ успокоивала и утѣшала ее; она не позволяла себѣ плакать, и только все мигала покраснѣвшими вѣками.

— Не плачь дитя!—говорила она, стараясь ободриться.— У тебя можетъ разболѣться голова.

Маріана схватила руку матери и поднесла ее къ губамъ. Сколько добра дѣлала ей эта маленькая бѣлая ручка, не боявшаяся работы, когда дѣло шло о нуждахъ дѣтей.

Карлъ усиленно утиралъ лицо платкомъ и казался сильно растроганнымъ, но отъ вина или отъ разлуки съ сестрой—неизвѣстно. Онъ ограничился прощальнымъ поцѣлуемъ, не найдя ни одного подходящаго слова.

Вальтеръ былъ дѣйствительно огорченъ. Онъ крѣпко обнялъ Маріану и шепнулъ ей тихо, точно стыдась своихъ словъ:

— Дай Богъ тебѣ счастья, Маріана! Дай Богъ!

Хаввинъ стоялъ въ сторонкѣ и плакалъ. Все его фразное достоинство исчезло. Теперь это былъ только ребенокъ, у котораго отнимали предметъ его гордости и обожанія. Маріана, его блестящая Маріана, уѣзжала! И Бергеръ перестанетъ вѣрять по воскресеньямъ. Хаввинъ былъ положительно неутѣшенъ.

Когда Маріана подошла проститься съ нимъ, онъ винулся ей на шею и неожиданно для самого себя проговорилъ сквозь слезы:

— Маріана... Маріана, будь добра къ Бергеру!

Съ переменчивостью, какая всегда является въ минуты сильнаго возбужденія, Маріана вдругъ перешла отъ слезъ къ неудержимому смѣху.

— Что онъ сказалъ?—спросилъ озадаченный Вальтеръ.

Маріана принуждена была прикусить платокъ, чтобы подавить хохотъ, грозившій перейти въ истерическій припадокъ. Но вскорѣ она успокоилась.

— Ну, это останется тайной между мной и Хаке!—проговорила она, пожавъ руку младшему брату, такъ какъ поцѣловать его смоченное слезами лицо было невозможно.

— Я думаю, пора ѣхать?—прибавила она, обращаясь къ Бергеру, который съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ ее.

— Да, иначе опоздаемъ!—отвѣтилъ онъ.

Спѣшно сѣли всѣ въ ожидавшіяся у подъѣзда кареты и поскакали на вокзалъ. Множество гостей поѣхали провожать. На вокзалѣ произошла послѣдняя прощальная сцена п, наконецъ, молодые остались въ купе одни.

Ихъ окружалъ спертый, неприятный воздухъ жарко натопленнаго вагона. Колеблющійся свѣтъ фонаря слабо освѣ-

щаль ихъ лица. Имъ не хотѣлось говорить, и Маріана сидѣла молча, прислонившись головой къ плечу мужа.

Когда они вышли на станцію, съ которой надо было ѣхать уже на лошадахъ, Бергеръ вздохнулъ какъ бы съ облегченнымъ сердцемъ и проговорилъ:

— Ну вотъ, Маріана, мы почти и дома!

Онъ усадилъ ее въ экипажъ, самъ перенесъ изъ вагона ея вещи и, прежде чѣмъ поѣздъ успѣлъ отойти отъ станціи, пустилъ своихъ рысаковъ полной рысью.

Чѣмъ ближе подѣзжали они къ Темте, тѣмъ веселѣе и спокойнѣе выглядѣлъ Бергеръ; но Маріанѣ становилось какъ-то не по себѣ... Чувствовалось, точно она всѣми покинута. Можетъ быть, это отъ непріятной пасмурной погоды? Вѣтеръ такъ и завывалъ, пронизывая до костей...

— Тебѣ холодно, Маріана?—спросилъ Бергеръ.

— Нѣтъ.

Онъ плотнѣе укуталъ ее въ манто и еще быстрѣе пустилъ лошадей. Онъ самъ правилъ, какъ дѣлалъ это всегда, и кучеръ безъ дѣла сидѣлъ позади. Было почти темно и Маріанѣ становилось страшно нестись въ потьмахъ съ такой быстротой.

— Неужели ты видишь дорогу?—робко спросила она.

Онъ засмѣялся.

— Вовсе не особенно темно!—возразилъ онъ.— А ты боишься?

— Нѣтъ.

Она находила, однако, что онъ безбожно гонить лошадей, изъ подъ копытъ которыхъ то и дѣло вылетали искры. Одна изъ нихъ издала громкій храпъ и замотала на ходу головой.

— Это привѣтствіе! Мы уже близко,—замѣтилъ Бергеръ.

Но Маріанѣ конскій храпъ показался непріятнымъ. Точно дурное предзнаменованіе.

Съ тополевой аллеи они увидѣли впереди у самой усадьбы красноватое пламя.

— Смотри!—весело вскричалъ Бергеръ.— Это рабочіе зажгли смоляныя бочки!

Но и это Маріанѣ не понравилось. Было что-то страшное въ красномъ заревѣ на темномъ фонѣ ненастнаго вечера! И желтый дымъ, въ которомъ прорывалось колеблющееся пламя, стался по землѣ, извиваясь, какъ чудовище...

— Развѣ не красиво?—спросилъ Бергеръ.— Это они сами устроили! Хорошо вѣдь?

— Да.

Они быстро приблизились къ усадьбѣ. У въѣзда въ ворота лошади испугались горѣвшихъ по сторонамъ смоляныхъ бочекъ и заупрямились. Одна взвилась на дыбы, другая рванулась въ сторону. Маріана чувствовала себя полумертвой отъ страха.

— Хо-ля! Хо-ля!—успокаивалъ Бергеръ лошадей, сдержалъ ихъ и заставилъ идти шагомъ.

— Видишь, въ сущности, онѣ кроткія!—сказалъ онъ, съ любовью поглядывая на лошадей.—Молоды онѣ еще. Я ихъ только недавно выѣздилъ.

Маріана не въ силахъ была произнести слова. Она судорожно держалась за сидѣнье экипажа и никакъ не могла успокоиться.

У подъѣзда въ обѣихъ каменныхъ вазахъ, украшавшихъ лѣстницу, горѣли огромные факелы. Ихъ свѣтъ ярко озарялъ лѣстницу и фасадъ дома, но въ немъ было что-то непривычное, зловѣщее, а въ глубинѣ, изъ за дома, точно тѣни, выглядывали темныя ели парка.

Бергеръ осадилъ лошадей, бросилъ возжи кучеру и соскочилъ на землю, чтобы помочь Маріанѣ выйти изъ экипажа. Онъ поднялъ ее на руки.

— Ты боялась, милая?—спросилъ онъ ее, смѣясь, и поставилъ на землю.

— Да!—пробормотала она, содрогаясь.

Какая-то собака ластилась и радостно взвизгивала возлѣ нихъ. Въ настежь раскрытыхъ дверяхъ, освѣщенная краснымъ, дрожащимъ свѣтомъ факеловъ, стояла влючница; она улыбалась беззубымъ, сомкнутымъ ртомъ, и отъ этой старческой улыбки ея носъ казался еще острѣе и некрасивѣе... Разстроенному воображенію Маріаны она показалась просто ужасной; точно привратница какого-то притона, или тюрьмы!..

— Добрый вечеръ! Добрый вечеръ!—привѣтствовала, между тѣмъ, старуха молодыхъ, отстраняя рукой собаку, которая ластилась теперь уже въ ней и прыгала ей въ самое лицо, точно хотѣла подѣлиться съ нею радостью по поводу возвращенія хозяина.

Весь домъ былъ освѣщенъ. Въ каждомъ окнѣ виднѣлось по двѣ свѣчки. Это было красиво, но Маріанѣ тоже показалось неприятнымъ: точно всѣ эти иллюминированныя окна съ любопытствомъ смотрѣли на нее.

— Все это они сдѣлали сами отъ себя! — шепнулъ ей

восхищенный Бергеръ. Слышно было по голосу, что онъ глубоко тронуть вниманіемъ своихъ рабочихъ.

— Спасибо, Олафъ, за огни! — крикнулъ онъ нарядчику, застѣнчиво выглядывавшему изъ за террасы, и затѣмъ повелъ молодую жену въ домъ.

Во всѣхъ комнатахъ двери были открыты настежь; все было убрано и освѣщено по праздничному.

— Спасибо, большое вамъ спасибо! — благодарилъ Бергеръ ключницу. — Просто душа радуется, такъ хорошо вернуться домой.

— О, помилуйте, стоитъ ли? — скромно отпѣивалась очень польщенная старушка. — Это вѣдь такіе пустяки!.. Хотѣлось вѣдь и намъ порадоваться вашей радости...

Она заботливо помогла Маріанѣ снять шубку, съ любопытствомъ оглядывая мѣхъ. Маріана вынула бронзовую булавку изъ своего берета и разсыянно положила шапочку на руки ключницы, поверхъ всѣхъ прочихъ вещей. Затѣмъ она оправила волосы и пошла за Бергеромъ въ залу — эту противную, неуютную залу, о которой она не могла думать безъ отвращенія и которая вся осталась въ томъ же видѣ, безъ всякаго измѣненія! Не оглядываясь по сторонамъ, она пошла прямо къ зеркалу: лицо ея было блѣдно, глаза красны... О, какое неприятное путешествіе!

Между тѣмъ ключница повѣсила шубы на вѣшалку и теперь спускала въ окнахъ сторы, вальки которыхъ издавали при вращеніи дребезжащій звукъ, особый для каждой сторы. Затѣмъ она постояла съ минутой въ дверяхъ залы, долго смотрѣла на спину своей хозяйки, все еще стоявшей передъ зеркаломъ, и, наконецъ, ушла въ кухню, не проронивъ ни слова.

Служанкамъ она не повѣдала своихъ заключеній о молодой госпожѣ; для такихъ изліяній она была слишкомъ сдержанна. Но лицо ея потеряло выраженіе радости, съ которымъ она встрѣтила господъ. Ни слова, ни единого словечка отъ новой барыни за все, что она, старушка, сдѣлала для этого приѣма! А вѣдь одному Богу извѣстно, сколько она потрудилась... Когда не хватало дня, она продолжала работать ночью. Пусть общуютъ весь домъ, съ чердака до подвала; пусть разсматриваютъ все съ фонаремъ въ рукахъ! Посмотримъ, найдутъ ли хоть пятнышко, хоть паутинку! А все это развѣ ничего не значитъ? — И мысли старухи запутались въ неясныхъ, но горькихъ размышленіяхъ.

Служанка, не дождавшаяся отъ ключницы ни одного слова

о новой госпожѣ, поспѣшила въ кучеру. Почему ключница вернулась изъ комнатъ точно нѣмая? Видно, барыня горда и тяжело имѣть съ нею дѣло? Но ихъ это вѣдь не касается! Имъ съ барыней разговаривать не о чемъ.

Когда Маріана отвернулась, наконецъ, отъ зеркала, ея взглядъ встрѣтился съ взглядомъ Бергера, который смотрѣлъ на нее съ нѣжностью, но печально. Онъ впередъ аналилъ, что въ Темте она будетъ чувствовать себя одиноко пока не привыкнетъ. Но онъ не ожидалъ, чтобъ она стала тосковать съ перваго же вечера.

— Маріана, — сказалъ онъ ей задумчиво. — Я долженъ поговорить съ тобой, хотя знаю, что, по обыкновенію, не выскажу и десятой доли того, что чувствую. Я хочу сказать тебѣ, что былъ бы глубоко несчастливъ, если бы ты не примирилась съ деревенской жизнью... Но я увѣренъ, что со временемъ ты полюбишь мое Темте, и что съ каждымъ днемъ оно будетъ становиться тебѣ дороже и дороже. Но я говорю совсѣмъ не то. Я не умѣю выражать свои мысли! Единственный человѣкъ, съ которымъ я умѣлъ разговаривать, былъ Павелъ... Впрочемъ, съ матерью тоже, разумѣется! Съ нею приходится говорить особымъ языкомъ: прямо къ дѣлу, одну голую истину, не уклоняясь ни вправо, ни влево. Только съ нею и можно говорить такимъ образомъ; съ другими нельзя. А вотъ ты, Маріана, никогда не затрудняешься находить выраженія для того, что хочешь сказать. Тебѣ бы слѣдовало поучить меня.

Однако, Маріана не нашла и теперь, что ему сказать и молча припала къ его груди.

Бергеръ предпочелъ бы, чтобы она посмотрѣла ему прямо въ глаза и высказала напрямикъ все, о чемъ думала. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что если бы она захотѣла теперь помочь ему, онъ сумѣлъ бы сдѣлать ее счастливой, потому что самъ былъ безконечно счастливъ. Но она молчала и только ласкалась къ нему, а долго оставаться въ чувствительномъ настроеніи не было въ его характерѣ.

— Ну, пойдемъ, осмотримъ-ка комнаты? — предложилъ онъ уже другимъ, веселымъ тономъ. — Если ужъ говорить откровенно, мы, кажется, немножко стѣсняемся другъ друга? А?

Маріана размѣялась. Было что-то ободряющее въ этой его откровенности.

— Это правда! — согласилась она. — Но какъ это глупо!

— Еще бы не глупо! Я чувствую себя точно въ поло-

женіи хозяина, принимающаго гостей, тогда какъ ты-то и есть настоящая хозяйка, и мнѣ было бы удобнѣе держать себя гостемъ.

Смѣясь и болтая, обошли они комнаты. Пока они говорили, обоимъ чувствовалось легче, но едва наступало молчаніе, какъ томительная тишина, царившая во всемъ домѣ, охватывала и давила обоихъ. Бергеру приходило въ голову, что это будетъ всегда такъ, пока ихъ только двое. Но дастъ Богъ, потому будетъ иначе! Онъ даже почувствовалъ какое-то нетерпѣніе въ ожиданіи этого далекаго будущаго и тутъ же чуть не расхохотался надъ собой. Нельзя же было ожидать, чтобы будущія дѣти ожидали его дома, пока онъ вѣнчался! Но этихъ мыслей онъ не могъ повѣдать Маріанѣ, потому что боялся ея стыдливости.

— О чемъ ты мечтаешь и чему улыбаешься?—спросила она.

— Я размышляю о томъ, что насъ вѣдь только двое, и что намъ будетъ лишь тогда весело, когда мы сами объ этомъ похлопочемъ. Пойдемъ же въ залу и сыграй что-нибудь на роялѣ. Притомъ слѣдовало бы сдѣлать исключеніе въ нашемъ трезвомъ образѣ жизни и выпить вина по случаю свадьбы. Хорошо?

Бергеръ потребовалъ вина и десерта; затѣмъ они расположились у рояля въ залѣ. Онъ сообразилъ, наконецъ, что Маріана возлагаетъ на него обязанность ободрить ихъ обоихъ, и взялся за дѣло съ напускнымъ оживленіемъ. Сначала Маріана оставалась вялой и едва поддерживала игру; но затѣмъ оба увлеклись, и веселость изъ притворной стала искренней.

Слѣдующій день было воскресенье. Бергеръ тихонько одѣлся и, выбравшись изъ дома, сталъ бродить по хлѣвамъ и конюшнямъ, стараясь какъ-нибудь убить время. Маріана еще спала, хотя было уже девять часовъ.

Онъ чувствовалъ сильное нетерпѣніе. Ему хотѣлось сдѣлать женѣ одно предложеніе, которымъ онъ рассчитывалъ порадовать ее; но нельзя было тревожить ея сонъ...

Цѣлыхъ полчаса онъ уже провелъ въ столовой, гдѣ накрытый столъ раздраживалъ его аппетитъ, а стоявшій на жаровнѣ кофейникъ наполнялъ воздухъ приятнымъ ароматомъ. Уже давно пора было завтракать; крестьяне въ это время уже обѣдаютъ!.. Какъ она можетъ такъ долго спать?

Въ концѣ концовъ онъ не въ силахъ былъ обуздать своего нетерпѣнія и прокрался въ спальню. Маріана спала крѣпкимъ сномъ! Но нѣтъ, тѣмъ хуже для нея, а разбудить ее таки придется! Онъ тихонько приблизился къ ея кровати, сѣлъ на край и овладѣлъ ея рукой; она не просыпалась. Тогда онъ поднялъ ея руку къ своимъ губамъ; это движеніе разбудило ее наконецъ.

Первое, что она увидѣла, было его смѣющееся лицо.

— Ахъ ты, бородатое чудовище! — разсмѣялась она. — Вѣдь ты могъ напугать меня до смерти.

Она хорошо выспалась и казалась въ радостномъ настроеніи, какъ только что пробудившееся утромъ дитя.

— Ну и соня же ты! — шутя выговаривалъ онъ ей. — Цѣлыхъ три часа я дожидаюсь твоего пробужденія!

Она ничего не отвѣтила и только шаловливо посмѣивалась, глядя на него. Въ этой комнатѣ, убранной по ея вкусу съ комфортомъ и роскошно, она чувствовала себя совсѣмъ счастливой. Великолѣпный коверъ во всю комнату, расписной потолокъ, изящная мебель—все восхищало ее и при дневномъ свѣтѣ, смягченномъ спущенными занавѣсами, казалось еще красивѣе, чѣмъ вечеромъ. Теперь она была въ такомъ веселомъ настроеніи, что всѣ вчерашнія впечатлѣнія и страхи показались ей нелѣпыми.

Она овладѣла рукой мужа и играла ею; ее забавлялъ контрастъ между бѣлизной собственныхъ рукъ и его загаромъ. Теперь ее все забавляло! Она хозяйка дома!.. Покончено съ дѣвичьей зависимостью и этими вѣчными соображеніями о деньгахъ! О, какъ она благодарна Бергеру за беззаботную, счастливую жизнь, которая ей предстоитъ. И наконецъ, развѣ она не чувствуетъ нѣчто большее благодарности, когда смотритъ въ его глаза?

Бергеръ былъ еще довольнѣе. Нельзя и описать его счастья! Вѣдь у него теперь есть все, о чемъ онъ мечталъ... А онъ еще придумалъ такую штуку, благодаря которой Маріана сегодня же освоится съ деревней и полюбитъ Темте! И не будетъ между ними ни стѣсненія, ни недоговоренности... Впереди одинъ только радости!

— Ну, вставай скорѣй, лѣнивица! — торопилъ онъ ее, но самъ не трогался съ мѣста, будучи не въ силахъ разстаться съ нею.

Маріана понимала это.

— Что же, намѣрена ты вставать сегодня?— снова заторопилъ онъ. — Сегодня у насъ будетъ кое-что особенное...

— Что такое?

— Объ этомъ ты не узнаешь, пока не придешь къ завтраку. Поторопись же...

— Такъ уходи и не мѣшай мнѣ одѣваться.

— Ну такъ живѣй! Если замѣшваешься, начну стучать въ дверь...

— Ну, ну, хорошо! Уходи.

Онъ вышелъ легкой походкой, даже напѣвая что-то. Заперевъ за собой дверь, онъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ въ изящной гостиной жены. Шаги заглушались толстымъ, мягкимъ ковромъ; въ каминѣ весело трещалъ огонь. Отдѣлка комнатъ Маріаны была окончена еще за недѣлю до свадьбы, но теперь онъ въ первый разъ оставался одинъ въ ея гостиной. До сего дня утонченная роскошь, царившая въ этой комнатѣ, возмущала его, какъ что-то преступное. Но теперь онъ уже не чувствовалъ ни малѣйшаго негодованія, а наоборотъ, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на всѣ эти красивыя вещи и мягкіе цвѣта, наслаждался комфортомъ и начиналъ цѣнить утонченный вкусъ, отразившійся на всей обстановкѣ комнаты. И, что замѣчательнѣе всего, онъ вполнѣ раздѣлялъ теперь этотъ вкусъ и даже самъ не понималъ своего недавняго негодованія.

Дѣло въ томъ, что для него теперь не было чего-либо дороже Маріаны, его Маріаны, а вся эта роскошь была какъ бы ея оболочкой...

Заложивъ руки за спину, ходилъ онъ по комнатѣ, размышляя о томъ, что никогда еще не бывало у него такъ легко на душѣ, какъ сегодня, и это потому, что онъ въ первый разъ въ жизни вполнѣ счастливъ и сознаетъ свое счастье и знаетъ, что это не преходящее счастье, которое кончится и завянетъ черезъ минуту, а прочное счастье на всю жизнь! И оно еще будетъ разрастаться и вѣрнѣе со временемъ, и всѣ дни предстоящей жизни будутъ такіе же, какъ сегодня, а то и еще лучше!

Въ его движеніяхъ было что-то новое, чего въ немъ прежде не замѣчалось. Ужъ это не былъ прежній, неуклюжій Бергеръ Ольсонъ, всегда чувствовавшій себя неловко, какъ только разставался со своими работами, съ своими будничными, вседневными мыслями.

Теперь это, прежде всего, былъ новобрачный, который только и думалъ о своей любимой женѣ. Онъ былъ пересозданъ. Онъ сталъ такимъ, какимъ его желала видѣть эта

жена, которая не находила его ни некрасивымъ, ни неуклюжимъ. И онъ уже болѣе не чувствовалъ себя жалкимъ, потому-то роскошь этой комнаты и перестала быть ему чуждой.

Вдругъ ему вспомнилась одна простая, скромно одѣтая, старушка съ серьезнымъ лицомъ. Какъ живая предстала она передъ нимъ и точно предостерегала его. Но Бергеръ отогналъ видѣніе. Затѣмъ ему это предостереженіе? Развѣ онъ становится хуже въ своемъ теперешнемъ настроеніи? Наоборотъ, онъ чувствуетъ, что счастье дѣлаетъ его добрѣе и лучше. О, онъ доказаетъ это всѣми своими поступками!

Но вотъ дверь распахнулась и въ комнату вошла Маріана.

На ней былъ бѣлый пенюаръ, отдѣланный кружевами и голубыми бантиками, и голубыя туфельки, опущенныя лебяжьимъ пухомъ. И какъ все это шло къ ея нѣжному личику и бѣлокурымъ волосамъ.

Онъ залюбовался ею, и его восторженный взглядъ наполнилъ ея сердце блаженствомъ. Она всегда мечтала быть любимой именно такимъ образомъ: какъ женщина, только какъ женщина, какъ безотвѣтная, неспособная къ самостоятельнымъ поступкамъ женщина!

— Ну, пора завтракать!—проговорилъ, наконецъ, Бергеръ, и звукъ собственнаго голоса точно отрезвилъ его.

Они прошли въ столовую и сѣли за давно накрытый столъ. Здѣсь, при яркомъ, ничѣмъ не смягченномъ дневномъ свѣтѣ, среди простой, грубоватой обстановки, бѣлый пенюаръ производилъ какое-то странное впечатлѣніе. Казалось, молодая женщина была какъ будто не одѣта! Это впечатлѣніе было такъ сильно, что Бергеръ даже съ беспокойствомъ оглянулся, нѣтъ-ли въ комнатѣ прислуги. Онъ зналъ, что его люди почувствовали бы то же самое и осудили бы нарядъ молодой барыни, какъ неприличный. А вѣдь онъ дорожилъ мнѣніемъ своихъ крестьянъ, къ которымъ всегда былъ привязанъ.

Маріана стала разливать кофе.

— Ну, что же ты хотѣлъ мнѣ сказать?—спросила она, ставя кофейникъ на конфорку.

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Вотъ что,—сказалъ онъ, чувствуя, какъ исчезаетъ его самоувѣренность.—Я подумалъ, не пригласить ли намъ сегодня въ обѣду нашихъ мужиковъ съ женами? Ты познакомилась бы съ ними и сразу полюбила бы ихъ... Я въ этомъ увѣренъ!

Маріана взглянула на него съ ужасомъ.

— Обѣдъ будетъ въ людской, конечно!—добавилъ онъ, принужденно смѣясь.

— Отчего же нѣтъ? — согласилась она, видимо успокоенная.

— Я бы позвалъ и дѣтей, но ихъ такое множество, что въ людской всѣ не умѣстятся.

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на жену. Та молчала.

— Такъ вотъ я рѣшилъ позвать только взрослыхъ,— продолжалъ онъ,— а дѣтямъ можно послать лакомствъ на домъ.

— Это ты придумалъ очень мило!—похвалила она его затѣю, но такимъ голосомъ, точно все это нисколько не интересовало ее.

— Я хочу, Маріана, чтобы въ памяти нашихъ крестьянъ сохранился день твоего пріѣзда въ Темте.

Маріана чувствовала себя въ затрудненіи. Она не знала, чего онъ добивался отъ нея, и не находила, что сказать. На всякій случай, она ласково потрепала его рукой по плечу и улыбнулась.

— Кромѣ того, я желалъ бы, Маріана, чтобы ты побывала съ ними и сама раздѣлила между семьями лакомства для дѣтей. Я буду помогать тебѣ. Я хорошо знаю, сколько у кого ребятешекъ, что впрочемъ не легко запомнить! Цифры то и дѣло мѣняются. Удивительно даже!

Маріана разсмѣялась.

— Да, да! — продолжалъ онъ. — Надѣюсь, это прекратится. Иначе, они покроютъ землю мужиковъ, какъ саранча.

— Въ которомъ часу обѣдъ?

— Ровно въ двѣнадцать. Ты къ этому времени пріодѣнешься?

— Конечно.

Послѣ завтрака Бергеръ ушелъ хлопотать по дѣламъ имѣнія, а Маріана, разрѣзавъ нѣсколько новыхъ книгъ, которыми запаслась на первое время одиночества, принялась читать, удобно усѣвшись на диванѣ въ гостиной и подложивъ подъ ноги мягкую свамеечку.

Но чтенію помѣшали.

За дверью раздалось осторожное пошашливанье, и въ комнату вошла ключница.

Старуха уже давно выжидала удобную минуту, чтобы поговорить съ новой барыней о хозяйствѣ. Изъ деликатности она не хотѣла этого дѣлать при баринѣ. Нечего пріучать

мужчинъ совать свой носъ въ домашнее хозяйство. Притомъ не слѣдовало и барыню конфузить при мужѣ. Вѣдь она еще неопытна и можетъ надѣлать промаховъ! Вотъ почему старуха выбрала минуту, когда Бергера не было дома.

Она поклонилась привѣтливо, но съ чувствомъ собственного достоинства. Вѣдь она еще не знала, какъ отнесется къ ней барыня, и осторожность никогда не мѣшаетъ...

— Я не могла раньше спросить васъ, барыня, насчетъ обѣда,—сказала она.—Поэтому, сегодня пришлось готовить по... по моему собственному выбору...

— Прекрасно! И впередъ можете поступать такъ же. Меня нисколько не заботитъ, что у насъ будетъ въ обѣду.

— Да, но...

— О, вы вѣдь сами все знаете...

— Однако...

— Притомъ, я не имѣю никакого понятія о томъ, что здѣсь есть или что можно достать...

— Но развѣ, барыня, вы не осмотрите кладовыхъ и погреба?

— Да, да! Но вѣдь это же не въ спѣху...

Старуха ушла совсѣмъ сбитаая съ толку.

— Вотъ такъ хозяйка! —бормотала она.

Между тѣмъ Маріанѣ надоѣло читать, и такъ какъ Бергеръ все еще не возвращался, то она занялась для препровожденія времени своимъ туалетомъ.

Бергеръ засталъ ее уже совсѣмъ одѣтой и съ удовольствіемъ увидѣлъ на ней изящное темное шерстяное платье. Онъ самъ любилъ темные цвѣта и, кромѣ того, зналъ, что такое платье больше всего понравится крестьянамъ.

— Да ты у меня просто прелесть!—сказалъ онъ, опускаясь на диванъ.

Затѣмъ Маріана сѣла за рояль, а Бергеръ занялся просмотромъ газетъ. Вдругъ раздался громкій, нѣсколько глухой, колокольный звонъ, похожій на набатъ.

Молодая женщина испуганно всоочила съ мѣста.

— Господи! Что это такое?—вскричала она.

— Звонятъ въ обѣду. Чего ты испугалась?

— А-а! такъ это вотъ что... Фу, какой противный звукъ у этой дребезжалки.

Маріана даже потеряла себѣ виски, стараясь разогнать неприятное впечатлѣніе, произведенное звономъ.

Бергеръ почти обидѣлся. Онъ привыкъ къ своему рабо-

*

чему колоколу и любилъ его звонъ. Онъ даже гордился тѣмъ, что его звукъ не походилъ на звукъ обыкновенныхъ колоколовъ въ усадьбахъ. И вдругъ: „дребезжалка“!

— Ты неправа, Маріана, — сказалъ онъ сдержанно. — Звукъ совсѣмъ не противный. Выйдемъ на дворъ, и ты услышишь его лучше.

Онъ взялъ ее подъ руку и повелъ на террасу, окружавшую домъ.

— Ну, развѣ звонъ неприятный?—спросилъ онъ.

— Нѣ-ѣтъ... Ничего!

— Ничего? А мнѣ такъ даже нравится!

Онъ обнялъ ее рукой, какъ бы защищая ее отъ вѣтра, и повелъ обратно домой.

— Этотъ колоколь, — говорилъ онъ на ходу, — постоянно напоминаетъ мнѣ о честномъ трудѣ, на который и съ котораго онъ призываетъ насъ. Это точно таинственный повелитель надъ всѣмъ. Его звону повинемся мы всѣ, и я въ томъ числѣ.

Они опять были въ комнатѣ.

— Этотъ колоколь прежде былъ на суднѣ, — продолжалъ Бергеръ, остановившись у окна и поглядывая на звонарку, подъ которой висѣлъ колоколь. — Я купилъ его на аукціонѣ послѣ кораблекрушенія, которое потерпѣло судно у нашихъ береговъ. Говорятъ, два матроса погибли во время катастрофы...

Онъ помолчалъ въ раздумьи.

— Для меня въ этомъ звонѣ даже что-то торжественное, Маріана. Самъ не знаю, почему, но всякій разъ, когда этотъ колоколь звонитъ, мнѣ становится какъ-то грустно. Точно колоколь рассказываетъ о чемъ-то печальномъ! Случается по ночамъ, въ сильный вѣтеръ, языкъ раскачивается самъ собой и ударяетъ въ колоколь отдѣльными, не очень громкими ударами. Я просыпаюсь и долго думаю о морякахъ, находящихся въ эту бурю на морѣ, тогда какъ я вотъ нѣжусь себѣ въ теплой постели... И представляется мнѣ, какъ матросы работаютъ на палубѣ и на реяхъ въ такомъ густомъ мракѣ, что руки не видно передъ собой; на каждомъ шагѣ имъ грозитъ смерть, потому что ни фонарей, ни маяковъ въ туманѣ не видать; корабельный колоколь безостановочно гудитъ во мракѣ... и вспоминаю я тѣхъ двухъ матросовъ, которые утонули. Должно быть, это были молодые, сильные люди, которымъ хотѣлось жить такъ же, какъ и мнѣ!

Можетъ быть, звукъ моего колокола былъ послѣднимъ, который они слышали...

— Фу, Бергеръ, какъ тебѣ не стыдно! — вскричала Мариана. — Я стану бояться потемокъ...

Онъ обернулся и съ удивленіемъ увидѣлъ жену, стоявшую съ искаженнымъ отъ страха лицомъ и затыкавшую уши обѣими руками. Она чуть не плакала.

Ему и въ голову не приходило, что его слова такъ напугаютъ ее. Онъ только просто рассказалъ, почему ему такъ дорогъ звукъ этого колокола, который она такъ презрительно назвала „дребезжалкой“. Онъ и не сознавалъ, что говорить съ мрачнымъ, нѣсколько дикимъ, паэосомъ народа, который такъ охотно сочиняетъ легенды о привидѣніяхъ.

— Не пугайся такихъ глупостей! — поспѣшилъ онъ успокоить ее. — Вѣдь это только мои глупыя фантазіи.

Мариана позволила себя приласкать, но ничего не отвѣчала, и вся какъ-то притихла. На нее опять напалъ тотъ же безотчетный страхъ, который мучилъ ее вчера вечеромъ. Настроеніе было испорчено.

— Надѣнь передникъ и пойдемъ къ мужикамъ! — позвалъ ее Бергеръ. — Они должны уже быть тамъ...

Она вышла въ спальню и вскорѣ вернулась въ изящномъ, обшитомъ кружевами, фартучкѣ, который она припасла въ качествѣ „кухоннаго передника“.

Бергеръ предпочелъ бы увидѣть ее въ одномъ изъ домашнихъ полосатыхъ фартуковъ, какіе онъ привыкъ видѣть на своей матери и на ключницѣ. Онъ такъ любилъ эти широкіе мягкіе фартуки, видъ которыхъ напоминалъ ему о дѣтствѣ, и точно согрѣвалъ душу. Но этого онъ не сказалъ Марианѣ. Не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, претендовать, чтобы она измѣнила свой утонченный вкусъ по его мужицкому.

Они прошли въ кухню. Тамъ было и тепло, и просторно. Запахъ готовящейся пици пахнулъ на нихъ, когда они приблизились къ плитѣ.

Лицо старой ключницы прояснилось. Хорошо, что они пришли сегодня. Мѣдь и олово кухонной посуды, тщательно вычищенной къ прїѣзду господъ, еще горѣли какъ золото и серебро, а вырѣзныя бумажки бѣлѣли вдоль полокъ, какъ кружева. Старуха, гордая своей кухней, твердо вѣрила, что это самая красивая кухня во всей Швеціи. Служанки тоже порадовались приходу господъ; по крайней мѣрѣ, ихъ работа не была напрасной.

Маріана оглядѣлась по сторонамъ. Господи, сколько тутъ кастрюлей, горшковъ, всевозможной посуды! И на что это столько? И какъ здѣсь дурно пахнетъ!

Между тѣмъ Бергеръ поглядывалъ на нее съ улыбкой и самодовольно. Онъ самъ, вмѣстѣ съ нарочно пріѣзжавшей для этого матерью, позаботился расширить кухню и снабдить ее всѣмъ, что могло понадобится. По крайней мѣрѣ не скажутъ, что онъ скупо обставилъ хозяйство молодой жены! Тутъ было чѣмъ заинтересоваться.

— А теперь пойдемъ, Маріана, въ людскую! — позвалъ онъ ее.

Они вошли въ большую, низкую комнату, въ которой нѣкого еще не было. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, обставленный скамейками и уже накрытый скатертью. Но что это была за скатерть!! Безконечно длинная, но очень узкая, притомъ грубой домашней работы, да еще съ какой-то замысловатой бахромой на обоихъ концахъ, въ родѣ мужицкихъ ручныхъ полотенецъ. Маріана смотрѣла на странную бахрому, приковывавшую ея вниманіе своимъ безобразіемъ; а Бергеръ подумалъ, что она ею любитъся.

— Да, это старина!!—сказалъ онъ, улыбаясь.—Это работа моей матери, но сдѣланная давно, еще въ ея молодости. Въ обыкновенное время мы накрываемъ эти скатерти только подъ Рождество, когда устраиваемъ угощеніе для народа... Какъ ты находишь эту скатерть?

И что ей было находить? Скатерть некрасива; на столѣ разложены ковриги хлѣба, простые роговые ложки. Все это для нея такъ непривычно... Притомъ, такъ грубо, аляповато!.. Что тутъ было говорить?

— Да-а!—протянула она, предоставляя уже ему самому понять это „да“ какъ ему угодно.

Въ кухонныхъ дверяхъ толпилось множество служанокъ и работницъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ нарядную барыню. Это ее стѣсняло, а свѣтская привычка заставляла скрывать смущеніе подъ видомъ напускного спокойствія и холодности. Но люди не понимали этого и принимали за стѣнчивость за слѣсивое чванство. Она искренно хотѣла угождать Бергеру, но положительно не могла придумать, какъ себя держать въ такой непривычной обстановкѣ, и не понимала, чего отъ нея требовали.

Такъ какъ гостей еще не было, они вернулись въ кухню. Тамъ уже начинали жарить жаркое и стоялъ душливый чадъ.

— Вотъ что!—придумалъ Бергеръ.—Вѣдь ты, Маріана, еще не видѣла кладовыхъ? Не хочешь ли взглянуть? Можетъ быть, ради торжественнаго случая, и меня сегодня пустятъ въ это святилище? — шутливо обратился онъ къ ключницѣ.

Старуха торопливо поставила на столъ блюдо, которое держала въ рукахъ, и поспѣшила отпереть кладовую. Она была просто влюблена въ своего барина! Вотъ это такъ хозяинъ, не то что та фаянсовая кукла!

Маріана послушно вошла въ большую, холодную комнату, представлявшую кладовую, и оглянулась по сторонамъ. Всюду заставленные полки и врючки, на которыхъ висѣли разныя разности. Маріана даже и понять не могла, чтó бы могло храниться во всѣхъ этихъ мѣшкахъ, вадкахъ, банкахъ, бутылкахъ, загромождавшихъ комнату!

— А вотъ и входъ въ погребъ!—пояснилъ Бергеръ, открывая западню, продѣланную среди пола:—Видишь, какъ удобно! Тутъ и ледникъ. Отличный ледникъ: въ немъ никогда не бываетъ воды!

Маріана заглянула въ западню: ничего другого она не могла себѣ представить! Но чѣмъ тутъ восхищался Бергеръ, этого она тоже не могла понять.

Въ кухнѣ послышался шумъ и шопотъ.

— А вотъ и мои мужики!—обрадовался Бергеръ.—Но не будемъ имъ мѣшать обѣдать, придемъ къ нимъ подъ конецъ. Не бойся, еще времени много! Они ѣдятъ, не торопясь.

— Принесите то, что приготовлено для дѣтей!—распорядился онъ, обращаясь къ ключницѣ.—Пока они обѣдаютъ, мы займемся гостинцами...

Ключница поставила передъ ними два огромныхъ блюда съ пряниками, мелкимъ пирожнымъ домашняго приготовления и всякими сладостями. Бергеръ съ Маріаной раздѣлили всѣ лакомства на кучки, по числу дѣтей. За этой работой Бергеръ шутилъ и дурачился, какъ мальчишка,—такъ ему было весело; а Маріана, хотя и улыбалась, но по прежнему не понимала, что тутъ такого хорошаго.

— Ну-ка, провѣримъ!—сказалъ онъ, положивъ послѣдній пирожокъ.—Семеро Нильса Ольсона, трое Пера Ларса, пятеро Гендрикса, двое Ганса.—Видишь, какъ я ихъ всѣхъ знаю? Я даже знаю, какъ большинство изъ нихъ зовутъ.

И онъ сталъ рассказывать ей разныя анекдоты объ этихъ дѣтяхъ и рассказывалъ съ такимъ жаромъ, что подъ конецъ

заинтересовалъ даже Маріану. Впрочемъ, она была заинтересована не столько анекдотами о дѣтяхъ, сколько увлеченіемъ самого Бергера. Притомъ, онъ смѣлся такъ заразительно весело и добродушно...

— Ну, теперь все въ порядкѣ!—объявилъ онъ, провѣривъ число кучекъ.—Марта!—позвалъ онъ изъ кухни служанку.—Сложи-ка по кучкамъ на подносы и вынеси имъ. Пусть каждая мать беретъ по числу дѣтей... Онъ ужъ сами знаютъ.

Затѣмъ онъ отправился въ кухню умытъ руки, а Маріана ушла въ спальню. Она оставалась тамъ довольно долго, не торопясь возвращаться туда, гдѣ ей было такъ нестерпимо скучно. Но вскорѣ явилась служанка съ извѣстіемъ, что мужики отобѣдали и желаютъ поблагодарить барыню, послѣ чего волей-неволей пришлось идти въ людскую.

Когда она вошла, Бергеръ оживленно бесѣдовалъ съ однимъ изъ мужиковъ.

— А, вотъ и барыня!—вскричалъ онъ.—Маріана, это Нильсъ Ольсонъ, нашъ однофамилецъ и сосѣдъ. Съ остальными ты познакомишься постепенно, иначе—ни за что не запомнишь всѣхъ именъ.

— Благодаримъ за угощеніе, барыня!—обратился къ ней мужикъ, протягивая ей мозолистую руку и кланяясь какъ-то странно, въ польборота.

Маріана подала ему руку, но не безъ внутренняго отвращенія. Еще ни разу въ жизни не приходилось ей брать за руку мужа-рабочаго. И руки его были какія-то шершавыя, и точно бронзовыя...

Подошла къ ней и жена Нильса.

— Спасибо вамъ, барыня!—сказала она и, схвативъ Маріану за руку, присѣла, очень быстро и низко, точно была на пружинѣ и механически вдавливалась въ полъ.

Такъ продолжалось, пока не представились барыни всѣ приглашенные, сколько ихъ ни было въ комнатѣ.

Маріана крѣпилась, но ужасъ и отвращеніе совсѣмъ подавляли ее. Эти руки, эти ужасныя руки. Однѣ изъ нихъ были жестки, какъ кора; другія—теплы и влажны... Маріана чувствовала, что въ концѣ-концовъ не выдержитъ испытанія! У одного батрака вся рука сплошь была покрыта бородавками. Что, если она заразится такой гадостью? Ей хотѣлось отдернуть руку и бѣжать, но она не смѣла этого сдѣлать, потому что рядомъ стоялъ Бергеръ, находившій, очевидно,

что все идетъ какъ нельзя лучше. И она крѣпилась, пока могла.

Бергеръ замѣчалъ, что она очень смущена, но приписывалъ это только застѣнчивости, и забавлялся ея робостью. Маріана всегда такая находчивая, спокойная и вдругъ застыдилась, какъ дѣвочка! Ему было очень весело, и онъ все время улыбался.

Наконецъ, послѣдній мужикъ подошелъ со своимъ „благодаримъ за угощеніе“ и своей ужасной рукой. Но больше Маріана уже не могла сдерживаться. Нервы ея расходились такъ, что она дрожала всѣмъ тѣломъ и еле держалась на ногахъ. Не проронивъ ни слова, бросилась она черезъ кухню и столовую прямо въ спальню, къ умывальнику. Тамъ она опустила руки въ тазъ съ водой, потомъ съ отчаяніемъ стала тереть ихъ мыломъ и губкой, и наконецъ, расплакалась. Она — въ какой-то кухнѣ, среди людей, похожихъ на животныхъ, такихъ противныхъ, неуклюжихъ, грязныхъ! О, Боже! Такъ вотъ какою жизнь ей приготовили!

Ей вспомнился вчерашній въѣздъ въ усадьбу, жуткое чувство, овладѣвшее ею у самыхъ воротъ, чувство мучительнаго одиночества, какъ только Бергера не было возлѣ нея... А тамъ весь этотъ непривычный порядокъ, звонъ, странные обычаи... И наконецъ, эти ужасныя, ужасныя руки!

Эти руки точно носились вокругъ нея, преслѣдуя ея воображеніе, какъ стая летучихъ мышей.

Она рыдала отъ чувства гадливости и обиды... Да, обиды, потому что отъ нея требовали невозможнаго, относились къ ней совсѣмъ безчеловѣчно!

Бергеръ нашелъ ее въ гостиной, гдѣ она забилась въ уголокъ дивана и горько рыдала.

Онъ такъ и обмеръ.

— Милая! Что съ тобой?—вскричалъ онъ.

— О, Бергеръ!..

Она поднялась и содрогнулась отъ отвращенія.

— Смотри, какія руки!

Она съ отчаяніемъ посмотрѣла на свои руки, точно боясь увидѣть ихъ покрытыми бородавками.

— Руки?—переспросилъ онъ съ недоумѣніемъ, но тотчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло, и насупился.—Тебѣ не понравилось брать мужиковъ за руку?

— Не сердись, Бергеръ, но это свыше моихъ силъ!—вскричала она умоляющимъ голосомъ, протянувъ къ нему руку.

Онъ не взялъ руки и не отвѣтилъ ничего... Въ свою оче-

редь, онъ тоже почувствовалъ что-то похожее на гадливость. Ея мелочность и малодушіе внушали ему презрѣніе.

— Хорошо! — сказалъ онъ сухо. — Этого больше не будетъ!

И онъ вышелъ подъ предлогомъ какого-то неотложнаго дѣла.

О, какъ онъ былъ глупъ, когда радовался и думалъ, что сразу примирить ее съ народомъ и деревенской жизнью, какъ только познакомить ее со своими славными мужиками! Онъ забылъ, что все, что ему такъ дорого, близко, ей совершенно чуждо! Что жъ? придется возвратиться къ прежде принятому рѣшенію. У каждаго изъ нихъ будетъ свое: у него работа, у нея то, что она выберетъ сама... Ему, конечно, придется дѣлить свое время между тѣмъ и другимъ. Ну, да онъ какъ-нибудь справится! Во всякомъ случаѣ, онъ не перестанетъ любить Маріану, хотя между ними и нѣтъ ничего общаго.

VII.

На слѣдующій день Бергеру пришлось имѣть объясненіе со своей старой ключницей. Съ того самаго часа, какъ Маріана выказала ей свое полнѣйшее равнодушіе къ хозяйству, эта почтенная женщина бродила какъ въ воду опущенная, чувствуя себя недовольной. Для нея это было дѣло очень серьезное. Быть ключницей и не имѣть права ходить за распоряженіями къ барынѣ, когда таковая имѣлась въ домѣ — это она считала до такой степени неестественнымъ, страннымъ, дикимъ, что она уже серьезно стала подумывать отъѣхать отъ мѣста, хотя и рѣшалась на такую крайность только во второй разъ въ жизни.

Цѣлая вереница неразрѣшимыхъ задачъ и замысловатыхъ вопросовъ вертѣлась въ ея головѣ, и старуха просто измучилась. Ей было тѣмъ болѣе тягостно, что подѣлиться мыслями ей было не съ кѣмъ, такъ какъ съ прислугой откровенничать, по ея мнѣнію, не годилось, а навѣститъ свою единственную пріятельницу, жену церковнаго кистера Шеблюма, она могла не ранѣе воскресенья. Отъ кого же, наконецъ, она будетъ получать деньги на хозяйственные расходы? Кому отдавать въ нихъ отчетъ? У кого спрашивать распоряженія?

Какъ разъ, вотъ именно сейчасъ, нужна кухонная соль. У кого просить денегъ? Послѣ долгаго размышленія, она набралась храбрости и пошла къ хозяину.

Бергеръ сидѣлъ въ кабинетѣ и что-то писалъ, когда раздались мягкіе шаги и вошла старуха. Щеки ея горѣли яркимъ румянцемъ; — такъ она была взволнована.

— Позвольте спросить, баринъ, у кого я должна теперь получать деньги на расходы?—проговорила она голосомъ, который даже охрипъ отъ возбужденія.

Бергеръ поднялъ голову, и понялъ, въ чемъ дѣло.

— Хорошо, что вы пришли именно ко мнѣ! — сказалъ онъ спокойно, съ своей обычной ласковостью.—Я самъ хотѣлъ переговорить съ вами.

Онъ подумалъ, потомъ продолжалъ:

— Видите ли, моя жена выросла въ городѣ и не имѣетъ никакого понятія о нашихъ деревенскихъ порядкахъ. Она бы только стѣснялась, если бы ей пришлось распоряжаться хозяйствомъ самой. Поэтому, прошу васъ, продолжайте вести хозяйство какъ прежде, совсѣмъ самостоятельно. Деньги буду выдавать вамъ я самъ и обращайтесь прямо ко мнѣ, когда что-нибудь понадобится.

— Но, Господи Боже мой! Кто же будетъ заглаживать обѣды?—спросила старуха въ совершенномъ недоумѣніи.

Бергеръ улыбнулся.

— Вы же обходились безъ этого прежде?—замѣтилъ онъ.

— Да, но когда въ домѣ есть барыня!..

— Ничего не значить. Она только и мечтаетъ какъ бы избавиться отъ хозяйства.

Старуха стояла у окна и въ смущеніи водила указательнымъ пальцемъ по краю подоконника. У нея было столько на душѣ, что ей такъ хотѣлось бы высказать доброму барину! Но слова не шли съ языка.

Бергеръ понялъ, что старуху смущаетъ необычность отношеній къ хозяйкѣ, и что она боится людской молвы, такъ какъ люди могли отнестись съ презрѣніемъ къ такому хозяйству. Чтобы превратить разговоръ и сразу образумить ключницу, онъ проговорилъ почти сурово:

— Моя жена слаба здоровьемъ и не переноситъ лишнихъ заботъ. Неужели такъ трудно избавить ее отъ этого?

Старуха испугалась. Она глубоко уважала барина и ни за что на свѣтѣ не хотѣла разсердить его... Молча взяла она отъ него деньги на соль и поспѣшила уйти.

Слабость здоровья барыни все объясняла и разрѣшала!

Съ этого дня Маріана была избавлена отъ всѣхъ хозяйственныхъ передрагъ. Ей уже не мѣшали больше жить по ея вкусу и оставаться въ домѣ какою-то нахлѣбницей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ГЛУШИ БАШКИРИИ.

ДИТЯ ПРИРОДЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Сказать о Мухарямѣ, или о Мухарямкѣ, какъ его обыкновенно всѣ называютъ, что онъ башкиръ, что онъ „башкуртъ“,—этого недостаточно,—необходимо къ этому добавить, что это степной дикарь, а то еще лучше, что это... просто *дитя природы*, родившійся и выросшій въ вольныхъ, въ привольныхъ степяхъ Башкири.

Нѣкоторые говорятъ, что „башкуртъ“ по своей натурѣ воръ—не вѣрьте. Ну, что, когда, у кого онъ украсть, кромѣ лошадей, овецъ, да, пожалуй, еще коровы?—все такого добра, которое у него у самого считалось не только въ десяткахъ, но часто и въ сотняхъ головъ. Говорятъ, — „башкуртъ“ лѣнивъ—неправда. Онъ только беззаботенъ, безпеченъ, какъ всѣ номады. Говорятъ, наконецъ, онъ золь до звѣрства—и это ложь, самая возмутительная клевета! Правда, онъ вспыльчивъ, но добръ и, добродушенъ безъ конца. Затѣмъ, „башкуртъ“ молчаливъ, но зато онъ постоянно думаетъ, вѣчно витаетъ въ мечтахъ. Витаніе въ мечтахъ—это уже характерная особенность цѣлой расы, развившаяся въ башкирахъ, вѣроятно, отъ созерцательной жизни въ „кочахъ“, во время кочевокъ, а можетъ быть, и отъ религіи Магомета, который своимъ раемъ, наполненнымъ красивыми гуріями, даетъ полный просторъ воображенію человѣка.

Мой же Мухарямка, о которомъ я буду вести рѣчь, ко всему этому человѣкъ еще бѣдный, очень бѣдный, о которомъ можно безъ преувеличенія сказать, что онъ голъ, какъ соколъ, что у него ни кола, ни двора нѣтъ. Впрочемъ, послѣдняя поговорка, пожалуй, и не подойдетъ къ моему

Мухаряму, потому что на краю деревни у него была, если и не настоящая изба, какія избы мы обыкновенно представляемъ себѣ по нашимъ понятіямъ, то все же это было жилище, гдѣ живутъ люди—у него была мазанка изъ тонкаго хвороста, заплетеннаго въ плетень и обмазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиной; крыши—нѣтъ, но ее замѣняетъ настиль изъ того же хвороста, прикрытаго сверху дерномъ. Была еще у Мухарямки „баба“, тщедушная, невзрачная Хамита, да узкая полоска земли, засѣянная для него рожью, его сватомъ, у котораго, нужно замѣтить, у самого была только одна единственная лошаденка, еле-еле таскавшая ноги. Полоска эта была засѣяна сѣменами, выдававшимися въ прошедшемъ году въ пособіе башкирамъ по случаю бывшей у нихъ голодовки.

Кажется, было ужъ немного у Мухаряма, но онъ не ропщетъ, и никому никогда не жалуется на бѣдность. „Жалуйся, никакой отъ того толъ не будетъ—лошадка не придетъ, коли нѣтъ ея, теленокъ не родится, если нѣтъ и коровы, изба у тебя не выростетъ, коли ты и лѣсу не купилъ еще“. Такъ рассуждалъ „башкуртъ“, и былъ своимъ положеніемъ доволенъ, а теперь, въ эту минуту, онъ, если хотите, чувствовалъ себя даже счастливымъ. Держа высоко голову и мурлыча что-то про себя, онъ весело возвращался въ себѣ домой изъ усадьбы одного изъ ближайшихъ землевладѣльцевъ. Небольшая, худая, но крѣпкая, вся жилистая, фигурка его быстро подвигается впередъ. На головѣ Мухарямки старая-разстарая шапченка изъ лисьихъ шкуркъ, но сдѣланная еще въ то время, когда было приволье, когда разнаго этого звѣрья въ степяхъ было столько, что шапку изъ дорогихъ лисицъ можно было видѣть чуть ли не на каждой „башкирской башкѣ“. Затѣмъ, на немъ былъ худенькій кафтанчикъ изъ натуральной верблюжьей шерсти, сшитый тоже давно, еще покойнымъ отцомъ его, когда верблюды ходили въ степи табунами, да и табунами-то въ десятки, а то и въ сотни головъ. И только на ногахъ у него были обуты самодѣльные лапти, надѣтые на обыкновенныя онучи изъ домотканнаго сукна бѣлой, простой овечьей шерсти. Мухарямка шелъ и напѣвалъ тихо пѣсенку—онъ пѣлъ, импровизируя слова,—пѣлъ о томъ, что было теперь у него передъ глазами, пѣлъ: про вольныя необозримыя степи, про громадные табуны разсыпавшихся по этой степи коней, которые изъ подъ снѣга добываютъ себѣ кормъ. Онъ пѣлъ

про удалыхъ башкиръ, гоняющихъ и бьющихъ волковъ и лисиць. Онъ пѣлъ... мало ли еще о чемъ пѣлъ. Ничего этого въ дѣйствительности не было у него передъ глазами — напротивъ, передъ его глазами была самая обыкновенная, самая будничная зимняя картина. На сколько только могъ окунуть глазъ, кругомъ поля, поля и поля, занесенные снѣгомъ, изъ подъ котораго кой-гдѣ торчатъ прошлогодній сухой бастыльникъ; мѣстами чернѣются кусты бобовника, растущаго чуть не цѣлымъ лѣсомъ по залежамъ, кусты дикаго вишарника, раскинувшася группами по межамъ, да ползеть та дорога, проложенная зигзагами, по которой теперь „башвуртъ“ и возвращался домой. Вотъ и все, если не считать при этомъ еще зимняго, безцвѣтнаго неба, которое тяжело висѣло надъ пѣвцомъ. Но это ничего — чего не было, то дополняла фантазія поѣтической натуры степного дикаря. Мухарямѣ, напримѣръ, казалось, что на этой снѣжной равнинѣ виднѣются вовсе не кусты бобовника, а рассыпались вучками табуны лошадей, а вонъ тамъ, вдали, совсѣмъ не вишарникъ, растущій по межнику, а „вершніи“ башкиры, ѣдущіе гуськомъ другъ за другомъ, и впереди ихъ бѣжить, улелетывая, матерый волкъ, котораго они гоняютъ. При этомъ фигуры животныхъ, людей, всѣ движенія ихъ представлялись ему такъ ясно, что будь эти кусты хоть чуточку поближе отъ него — и онъ навѣрное бы свистнулъ, гикнулъ, или издалъ бы какой-нибудь иной звукъ, который выразилъ бы его личное удалство и поощреніе удалымъ товарищамъ.

Такое веселое настроеніе, выразившееся въ эту минуту, особенно рѣзко явилось однакожъ у Мухарямки не даромъ — онъ несъ домой осьмушку, цѣлую осьмушку, чаю, фунтъ, цѣлый фунтъ сахару, красный бумажный платокъ для своей Хамиты, да еще 5 рублей, оставшихся у него отъ покупокъ изъ тѣхъ денегъ, которыя онъ не больше какъ часъ тому назадъ получилъ изъ вотчинной конторы Кутамыкина, по условію, которымъ онъ, Мухарямъ Абдуллинъ, обязывался въ лѣто будущаго года выжать у него, Кутамыкина, двѣ десятины разнаго хлѣба, да скосить и убрать одну десятину луговъ.

Мухарямъ Абдуллинъ жилъ не всегда, впрочемъ, такъ, какъ онъ живетъ теперь. Правда, онъ не былъ никогда богатъ, но по своему, очень еще недавно, онъ, можно сказать, жилъ

хорошо—у него была избенка, была лошадь, были двѣ козы и нѣсколько головъ овецъ,—ну, и хлѣба онъ тогда засѣвалъ понемногу. Избенка у него тоже была не пустая, въ ней были: и самоваръ, и вся необходимая посуда; была цѣлая гора перинъ и подушекъ и нѣсколько человѣкъ ребятъ, изъ которыхъ старшему шелъ уже десятый годокъ, такъ что сынишка чуть-чуть въ работники не поспѣвалъ. Три года, только, три неурожайныхъ года— и они унесли все: какъ говорится, въ корень разорили Мухаряма. Козъ и овецъ онъ продалъ. „Спасибо, успѣлъ еще ихъ продать, а то, все равно, и такъ бы околѣли“, говорилъ „башкуртъ“, рассуждая объ этой продажѣ. Лошадеку онъ самъ апалъ (сѣлъ), потому что безъ корма все равно „она бы кончалъ“. Продать ее думалъ Мухарямъ— „ну, кто купитъ выморенную влячу?“—спросилъ онъ самъ себя. Отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, ну и зарѣзалъ лошадеку. Продалъ, наконецъ, онъ и свою избу—и прекрасно сдѣлалъ, потому, во-первыхъ, что ее топить было нечѣмъ, а затѣмъ, въ ней у него всѣ дѣти умерли—не знаю ужъ отъ тифа ли, который въ то время свирѣпствовалъ по деревнямъ, или просто отъ голода, унесшаго въ эти годы тоже не мало башкирскихъ ребятъ. Послѣ этого прошлую зиму Мухарямка болтался съ женой по чужимъ людямъ, а лѣтомъ, кое-какъ, при помощи опять же добрыхъ людей, смастерилъ себѣ ту мазанку, въ которой онъ и жилъ теперь съ своей Хамитой. Мазанка была почти совсѣмъ пустая, все имущество „башкурта“, находившееся въ ней, заключалось въ плохенькой, жиденькой перинишкѣ, одной большой подушкѣ, да въ старомъ чугуномъ кунганѣ, необходимомъ для обычныхъ мусульманскихъ омовеній.

Хамита ждала мужа, но ждала не раньше какъ къ вечеру—онъ явился совершенно неожиданно. Неожиданностью было для нея и то, что Кутамыкинъ далъ опять Мухаряму денегъ подъ обработку—въ прошедшее лѣто они хотя и исполнили у него всѣ работы, какія слѣдовало исполнить по условію, но исполнили ихъ несвоевременно. Прежде чѣмъ жать хлѣбъ у Кутамыкина, въ которому они и были „выгнаны“ старшиной, они выжали попутно, идя къ нему, еще одну десятину за чистыя деньги. Соблазнъ ужъ очень былъ великъ, потому что у Кутамыкина зимой дали Мухаряму по 3 рубля за десятину, а тутъ предложили имъ чистоганомъ 6 рублей, да еще кормили ихъ обоихъ, и кормили вѣдь какъ—ѣшь

сколько хочешь, маханину (мясо) даже имъ давали, чаемъ поили ихъ, большущій самоваръ для нихъ ставили,—такъ что отсюда они пошли ужъ совершенно сытыми на заранѣе обусловленное жнитво, гдѣ приходилось имъ работать на своихъ харчахъ.

Весело шелъ Мухарямка дорогой, возвращаясь къ себѣ домой, весело вошелъ и въ свою убогую мазанку. На этотъ разъ онъ сбросилъ съ себя даже свою напускную важность, которая обыкновенно проглядывала въ его обращеніи съ женой, давая ей постоянно чувствовать превосходство мужа.

— Та-щиль!—проговорилъ „башкуртъ“. Этимъ сказано было все, въ самомъ тонѣ голоса слышался уже успѣхъ, чувствовалась побѣда, которую онъ только-что одержалъ тамъ, у Кутамыкина.

— Тащиль!—повторила за нимъ Хамита, причемъ на ея лицѣ показалась довольная улыбка, глаза заблестѣли, скрасивъ худое, чуть не старушечье, лицо совсѣмъ не старой еще женщины.

Вынувъ изъ-за пазухи, принесенныя покупки и положивъ ихъ торжественно на нары, Мухарямка собирался крикнуть уже женѣ, чтобы та ставила самоваръ, но тутъ вспомнилъ опять, что самовара вѣдь нѣтъ, что самоваръ вчера только отобранъ отъ него старостой за недоимки и унесенъ имъ. Не говоря ни слова, онъ повернулся и снова вышелъ. Скоро онъ вернулся опять, неся въ рукахъ: и самоваръ, и чайникъ, и двѣ чайныхъ чашки.

— Полоскательную забылъ,—хватился онъ, выбѣгая снова изъ мазанки.

Наконецъ была принесена и полоскательная чашка—Мухарямка видимо собирался пить чай съ полнымъ комфортомъ, какъ бы желая такимъ комфортомъ вознаградить себя за то долгое воздержаніе, во время котораго ни онъ, ни его Хамита, не только не видѣли чаю, но нерѣдко цѣлыми днями не видѣли простого, чернаго хлѣба, испеченнаго съ примѣсью лебеды, или съ примѣсью какой-нибудь „просянки“.

„Башкуртъ“ жилъ со своею женою хорошо, онъ даже не билъ ея никогда, развѣ иной разъ ткнетъ ее, такъ, мимоходомъ, какъ тыкалъ онъ, бывало, и упрямую лошадь, когда доводилось ему работать еще на своей лошади, или батрачить гдѣ-нибудь на чужой. Но такъ, вообще, онъ обращался со своей Хамитой деспотически, и она видимо боялась его какъ огня. Съ годами страхъ этотъ, кажется, долженъ

бы былъ уменьшаться, но здѣсь, напротивъ, онъ увеличивался, что было совершенно понятно—Хамита жила вѣчно подь опасеніемъ, что вотъ, вотъ, Мухарямъ разведется съ ней, а то и такъ возьметъ себѣ еще другую жену, жену молодую. Легко могло случиться, потому что Хамита, не смотря на то, что ей было всего около тридцати лѣтъ, выглядывала совсѣмъ уже старухой, а дѣти ея, бывшіе крѣпкимъ связующимъ звеномъ между ею и мужемъ, всѣ умерли.

Мухарямка, между тѣмъ, стала раздѣваться, снялъ шапку и повѣсилъ ее на деревянный гвоздь, вбитый около двери, который годился не столько для того, чтобы вѣшать на немъ шапку, сколько для комута, узды или какой-нибудь другой конской сбруи. Затѣмъ, снялъ кафтанишка, который тоже повѣсилъ на такой же гвоздь. Послѣ этого онъ сѣлъ на нары.

— Сними,—сказалъ онъ, развязавши „оборви“ у лаптей и вытягивая одну ногу.

Хамита оставила самоваръ и сняла съ мужа лапти, послѣ чего „башкуртъ“ влѣзъ на нары и усѣлся на нихъ, сложивши подь себя ноги калачикомъ. Жена поставила передь нимъ поднось, на поднось поставила чайную посуду, а когда самоваръ вскипѣлъ, подала и его. Мухарямъ самъ заварилъ чай, и только теперь, когда всѣ приготовленія къ чаепитію были окончены, онъ передалъ, наконецъ, свой подарокъ женѣ, предварительно снявши бумагу, въ которой былъ завернуть платокъ и распутивши его передь ея глазами во всю его величину. Эффектъ былъ полный!

— Ахъ!—Это „ахъ!“ выразило вполне восторгъ башкирки. Такой искренній возгласъ восторга, смѣшаннаго съ удивленіемъ, можно было бы услышать еще изъ устъ ребенка, передь которымъ вдругъ совершенно неожиданно для него выпустили бы какую-нибудь очень ярко оперенную птичку.

— Рахметъ (благодарю, спасибо), рахметъ,—повторяла несчетное число разъ Хамита, вся сіяя отъ удовольствія.

Наконецъ, чай настоялся, и обѣ чашки были налиты.

— Уторъ (садись),—говоритъ Мухарямъ, обращаясь къ женѣ, которая, примѣривъ на себя платокъ, и такъ, и этакъ, продолжала разсматривать его, точно какую-нибудь драгоценность.

— Уторъ,—повторилъ мужъ приглашеніе.

Хамита сложила платокъ, убрала его и сѣла—сидить, поглядывая любовно на своего Мухаряма.

— Кушай чай,—говоритъ онъ ласково, наливая себѣ чуть ли не третью чашку.

„Баба“, наконецъ, беретъ свою чашку, „башкуртъ“ подаетъ ей кусокъ сахару. Пьютъ чай, начинается и разговоръ—нѣтъ, не разговоръ,—точнѣе выражаясь, Мухарямъ начинаетъ разсказъ свой о томъ, какъ онъ ходилъ къ Кутамыкину, какъ кутамыкинскій приващикъ не хотѣлъ давать ему денегъ подъ обработку, какъ онъ ходилъ къ самому „баяръ“, какъ тотъ принималъ его Мухаряма, какъ просилъ его „баяръ“ взять обработку и привазалъ своему приващику дать Мухаряму Абдуллину денегъ. Хамита слушала мужа съ умилениемъ, думая, вѣроятно, про себя: „Какое у меня Мухарямъ! Молодецъ мой Мухарямъ, самъ „баяръ“ его просилъ, чтобы онъ обработку у него бралъ!“. По временамъ умиление это прорывалось даже наружу какимъ-нибудь отрывочнымъ возгласомъ, или просто звукомъ, выражавшимъ ея одобреніе.

Выпивъ нѣсколько чашекъ чаю, Хамита перевернула вверхъ дномъ свою чашку, положивши на донышко чашки и оставшіяся у нея кусокъ сахару. Это была, конечно, своего рода политика, которую и понялъ мужъ.

— Хочешь еще? пей,—начинаетъ онъ уговаривать жену, которая не заставляетъ просить себя долго. Чашка перевертывается снова и подвигается къ самому самовару.

Такая сцена, любезности съ одной стороны, и нѣкоторой церемонности съ другой, повторилась не одинъ разъ, пока подливавшійся нѣсколько разъ самоваръ не былъ, наконецъ, опростанъ до самаго дна.

Хамита моетъ посуду, „башкуртъ“ лежитъ на перинѣ на нарахъ, лежитъ, заложивши назадъ подъ голову свои руки. Глаза у него закрыты, но онъ не спитъ, онъ даже не дремлетъ—онъ думаетъ,—думаетъ о тѣхъ 5 рубляхъ, которые еще остались у него. Задача представлялась не легкая—денегъ было немного, а нуждъ и разныхъ необходимостей такъ много, что ихъ, кажись, и счесть—задача не легкая, которую тѣмъ не менѣе, такъ или иначе, приходилось ему разрѣшить. Первая мысль при этомъ была, конечно, о недоимкахъ, уплаты которыхъ такъ неотступно и такъ настойчиво требовали и староста, и „самъ старшина“. Недоимокъ за Мухарямомъ Абдуллинымъ числилось страшно много; вотъ эта-то громадность ихъ и заставляла нашего „башкурта“ смотрѣть на нихъ спустя рукава.

„Заплати, развѣ недоимка заплатишь когда? Заплати, сколько не плати, все-равно, много ея останется; развѣ наша недоимка кончаешь когда?“ Такъ думалъ онъ и въ настоящую минуту, причемъ было рѣшено, какъ и всегда, недоимки не платить; только на этотъ разъ являлось при этомъ одно маленькое затрудненіе: „какъ быть съ самоваромъ, который вчера былъ отобранъ у него старостой“... „Э, другой самоваръ купимъ!“—рѣшаетъ онъ скоро и этотъ вопросъ. „У Ахметки“... Ахметка былъ одинъ изъ однодеревенцевъ Мухарямки, такой же голышъ, какъ и онъ... „Самоваръ купимъ, Ахметка хорошій самоваръ продаетъ, 2 рубля просить, рублевку общааетъ ждать. Нужно купить у него. Затѣмъ, чайникъ, два чашка, полосе...“,—началъ было онъ, но тутъ остановился на полусловѣ, рѣшивши разомъ, что безъ полоскательной чашки можно обойтись, что теперь нужно купить только то, что было неотложно уже необходимо, какъ, напримѣръ, самоваръ, чайникъ и двѣ чайныхъ чашки. Хлѣба тоже у Мухаряма не было, но о хлѣбѣ онъ не думалъ, хлѣбъ изъ своего расчета онъ исключалъ. „Сегодня работаемъ, сегодня и завтра сытъ будемъ“—такъ разсуждалъ „башкуртъ“. „Шапку нужно купить“. Вотъ теперь на чемъ онъ остановился своими мыслями. Думая о шапкѣ, Мухарямъ открылъ глаза, повернулъ голову къ двери и посмотрѣлъ на висѣвшую на стѣнѣ шапку: „Нѣтъ, шапку не купимъ, шапка и эта нынѣшній зима еще служить. Рубаху, штаны нужно купить—вотъ онъ какой!“—Онъ вытянулъ сначала одну, потомъ другую руку и обслѣдовалъ подробно бывшую на немъ холцевую рубаху, рукава которой всѣ были въ дырахъ, затѣмъ ощупью осмотрѣлъ свои штаны, которые еле-еле держались на ногахъ у пояса. „Рубаху и штаны купимъ“,—сказалъ онъ про себя и началъ было уже думать о покупѣ таза къ кунгану, котораго у нихъ не было, а который былъ необходимъ для обычныхъ омовеній, но тутъ взглядъ его невольно упалъ на жену, стоявшую безъ всякаго дѣла у печи. Видъ Хамиты былъ такъ жалокъ, что обратилъ на себя вниманіе даже степнаго дикаря, который, кажется, уже привыкъ къ нищетѣ и сжился съ разной голюю. Рубаха на ней была—сплошные лохмотья, севозъ дыры которыхъ проглядывало голое тѣло, и только для контраста, какъ бы для того, чтобы рѣзче, нагляднѣе бросалось въ глаза это убожество, въ жиденькую косу башкирки было влетено нѣсколько старыхъ, серебряныхъ монетъ, потеряв-

шихъ, вѣроятно, всякую уже цѣнность. Все это видѣлъ Мухарямъ конечно, и прежде, но до настоящаго момента убожества этого не замѣчалъ.

— Одежа твоя нѣтъ,—сказаль „башкуртъ“, обращаясь къ женѣ ласково.

— Мулла обѣщаль другой давать,—говорить Хамита, начиная въ то же время разбирать руками и разсматривать висѣвшіе на ней лохмотья, точно они были для нея новостью, точно она ихъ до этой минуты тоже никогда не видала.

— Самъ я одежда тебѣ купимъ,—сказаль Мухарямка, и сказаль это такимъ тономъ, что можно было подумать, что для него эта покупка, ну, просто „левое дѣло“: встанеть вотъ, надѣнетъ шапку, пойдетъ и купить.

И тутъ же, сейчасъ, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, въ голову „башкурта“ лѣзутъ, одна за другой, другія „неотложныя необходимости“.

„Рукавиць нѣтъ у меня—нельзя безъ рукавиць“...

Здѣсь будетъ нелишнее замѣтить, что зима перевалила уже за половину, и Мухарямка все это время обходился безъ варежекъ и рукавиць.

„Рукавицы нужно купить. Дрова можно будетъ наняться колоть, какъ безъ рукавиць дрова колоть будешь?—рукавончаешь совѣмъ“. Мысль о рукавицахъ родить опять новую мысль о топорѣ. „Безъ топора никакъ нельзя“. Затѣмъ на сцену является старенькій кафтанишка, сшитый еще покойнымъ отцомъ его. И т. д., и т. д., и т. д. Не видно конца нуждамъ, такъ что на удовлетвореніе ихъ мало не только той „пятишки“, которая была на лицо у Мухаряма, но мало даже двухъ, даже трехъ такихъ же „пятишекъ“.

„Какъ быть?“

— Абдраганъ!—произнесъ „башкуртъ“ про себя, при чемъ поднялся даже на локтяхъ и сѣлъ.

Абдраганъ—слово это произносится не иначе, какъ съ восклицательнымъ знакомъ, и употребляется башкирами, когда нужно выразить страхъ, ужась, или просто боязнь—оно какъ разъ подходило къ тому душевному состоянію, какое разомъ охватило Мухарямку въ эту минуту. Онъ сидѣлъ задумавшись, склонивъ низко на грудь свою голову.

„Озимъ не минуешь продать!“ Вотъ что блеснуло въ головѣ Мухаряма. При этой мысли бѣднаго „башкурта“ даже въ потъ ударило. И не мудрено, потому что на ту узенькую полоску земли, которая была засѣяна для него сватомъ рождью,

имъ, Мухарямомъ, возлагались большія надежды, строились планы, дѣлались разныя предположенія. Онъ точно какой-нибудь ребенокъ, которому подарили новенькій блестящій гривенничекъ, представляющійся уже тому чуть не капиталомъ, на который онъ пойдетъ и купить себѣ цѣлую лавку игрушекъ, да принесетъ себѣ еще вороха разныхъ лавомствъ, какъ этотъ глушскій ребенокъ, Мухарямъ думалъ, что онъ съ своей узенькой полоски засѣянной земли соберетъ—ну, мало, мало, сто пудовъ ржи; рожь эту онъ продастъ—ну, если не по рублю, то хоть по восьми гривенъ за пудъ, получить за нее, вонечно, деньги, на которыя купить себѣ: самоваръ, чайную посуду, новый мѣдный вунганъ съ тазомъ; купить чаю, сахару; сошьетъ себѣ одежду, сошьетъ одежду для Хамиты, потомъ купить лошадь, купить двѣ овечки, теленка, а можетъ быть, вмѣсто теленка, купить большую корову; наконецъ, снова засѣетъ землю—ну, хоть десятину рожью. Весною же онъ рассчитывалъ посѣять и ярового хлѣба: пшеницы, проса, „можно будетъ немного и полба сыпать“. Когда же все это поспѣетъ, и онъ весь этотъ хлѣбъ уберетъ и опять весь его продастъ, то купить себѣ и еще лошадь, купить лѣсу на домъ... Домъ же выстроить съ тесовой крышей и съ распписными ставнями, какіе воятъ у ихняго „купса“ Явупки. А тогда, тогда, когда онъ все это сдѣлаетъ, тогда онъ возьметъ и другой жена себѣ, возьметъ жена молодой. „Хамита гонять не будемъ, потому долго съ ней жилъ, привыкъ къ ней—два „баба“ держать будемъ“.

И вдругъ, теперь всѣ эти мечты, весь этотъ такъ хорошо, такъ подробно и обстоятельно обдуманый планъ оказывался не больше, какъ какимъ-то миражемъ, или просто мыльнымъ пузыремъ, который при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью разомъ обратился въ ничто.

„Озимъ не минуешь продать?“ Пока это было только предположеніе, пока это былъ только вопросъ, который, однакожь, не болѣе какъ черезъ минуту былъ рѣшенъ утвердительно—*нужно продать*. Впрочемъ, другого рѣшенія, пожалуй, и быть не могло, потому что безъ этой продажи не было никакой возможности извернуться.

„Башкуртъ“ сидѣлъ и размышлялъ, слѣды невеселыхъ думъ отразились и на его лицѣ; они, точно облачко, своею тѣнью заволокли его и точно какое-нибудь мимолетное облачко скоро исчезли безъ слѣда. Черезъ какихъ-нибудь нѣсколько

минуть лицо Мухаряма было попрежнему беззаботнымъ, а самъ онъ весь былъ поглощенъ уже новыми соображеніями, новыми расчетами: сколько ему дадутъ за озимь? что будетъ можно купить на тѣ деньги, которыя онъ получитъ, продавши ее? Вотъ тѣ вопросы, которые теперь занимали его, и которые необходимо было разрѣшить. Только бы, кажется, и думать о нихъ. А тутъ опять лѣзетъ въ голову эта проклятая мысль о недоимкахъ.

„Заплати, развѣ ты заплатишь ее когда? Заплати, сколько ты ни платишь ее, все равно, ея много останется, развѣ наша недоимка кончаешь когда“, — думалъ „башуртъ“, быстро переходя къ другимъ своимъ „самонуужнѣйшимъ нуждамъ“.

При настоящихъ обстоятельствахъ реестръ повупокъ былъ Мухарямомъ значительно пополненъ, качество товара, а слѣдовательно и цѣны его были имъ повышены, въ виду все того, что теперь у него будетъ денегъ много.

„Самоваръ теперь мы новый купимъ—четыре рубля платимъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собой.— За четыре рубля Сейфулла большой, хорошій самоваръ покупалъ. Купимъ чайный посуда и полоскательный чашка купимъ. Тазъ купимъ, большой тазъ“. Думая объ одеждѣ, которую нужно будетъ спить для себя и для Хамиты, онъ вспомнилъ о кушахъ. „Кушахъ купимъ, нѣтъ у меня кушава. Дѣйствительно, вмѣсто кушака, Мухарямка носилъ какой-то оборвышъ, который нельзя было назвать даже веревкой. Когда же онъ соображалъ о необходимости купить себѣ новый „тебетей“, то старую тебетейку снялъ и долго ее разсматривалъ, точно онъ и ее видѣлъ въ эту минуту въ первый разъ. „Тебетей купимъ себѣ хорошій“, — сказалъ онъ про себя, надѣвая опять на голову старенькую. Затѣмъ, пошло перечисленіе другихъ вещей, явилась необходимость купить новый кафтанъ для себя, сдѣлать камзолъ для Хамиты, да мало ли что еще. И все-то было нужно, все-то было необходимо.

Мухарямка давно попрежнему лежалъ, заложивши назадъ подъ голову руки и вытянувшись во всю длину перины, и разсужденія свои велъ съ такою увѣренностью, что если бы кто-нибудь могъ подслушать ихъ, то, конечно, подумалъ бы, что „башуртъ“ свою озимь уже продалъ, деньги за нее давно сполна получилъ, и онѣ хранятся теперь у него вотъ тутъ, на груди, въ томъ же самомъ мѣшечкѣ, въ которомъ у него спрятана и „пятишка“, только-что полученная въ Кутамыкинской конторѣ.

Работа была головоломная, все нужно было взвѣсить, все сообразить, расчесть, да и расчесть-то такъ гадательно, потому что кто же могъ знать, сколько заблагодарится Мартыашкѣ Кулаченку дать ему за его узенькую полоску озимей, такъ какъ онъ только одинъ въ „этой округѣ“ скупалъ хлѣбъ на корню у башкиръ; могъ онъ дать, конечно, и „пятишку“, могъ дать и больше, но, вѣдь, могъ дать и меньше. Ихъ же Абдулкадыръ, точь въ точь такую же полоску озимей, не дальше какъ на прошедшей недѣлѣ, смоталъ за три рубля. Все зависѣло отъ счастья и удачи, въ какой часъ къ Кулаченку попадешь, на это-то счастье и удачу Мухарямъ и расчитывалъ, дѣлая свои расчеты.

„Башкуртъ“ утомился, усталъ,—такъ усталъ. точно цѣлую десятину вспахалъ не отдыхая, отчего въ концѣ-концовъ его начала одолевать дремота, глаза уже не отрывались больше, изъ головы все куда-то уходило, мысли путались, память и самое сознание уплывали, наконецъ, онъ заснулъ,—заснулъ тѣмъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спятъ только здоровые, сильно утомившіеся люди.

Хамита прислушалась и, убѣдившись, что мужъ спитъ, прикрыла его старенькимъ кафтанишкомъ, посидѣла еще немного и вышла къ сосѣдамъ, у которыхъ было теплѣе, была изба хорошая, новая, да и бабъ и дѣвья было не мало, такъ что съ ними и „поталалавать“ можно.

Мухарямъ спитъ, спитъ спокойно, даже печать нѣкотораго удовольствія какъ бы отражается у него на лицѣ. Не видится ли ужъ ему сонъ? Не грезится ли „башкурту“, что всѣ доселѣ несбыточные мечты его вдругъ разомъ осуществились? что у него, наконецъ, есть и новый, большущій самоваръ, и полный шкафъ всякой посуды, что на припечкѣ красуется блестящій мѣдный кунганъ, а изъ-подъ печи, у самага входа, выглядываетъ желѣзный, вращенный съ росписью тазъ; что во дворѣ у него есть и лошади, и овцы, и даже коровы съ телятами. Самъ же онъ лежитъ не въ мазанкѣ, и даже не въ старой своей избенкѣ, а въ новой, только-что отстроенной избѣ, крытой, конечно, тесомъ, съ расписными ставнями, гдѣ на стѣнахъ развѣшаны расшитые полотенца и разная одежда, а на нарахъ постланъ бухарскій коверъ, и навалены цѣлыя горы подушекъ. Наконецъ, какъ бы къ довершенію всего, есть у него и другая, молодая, красивая жена, которая вотъ тутъ, около него...

Не грезится ли все это ему? Легко можетъ быть, не да-

ромъ у „башкурта“ играетъ на губахъ улыбка, точно у ребенка, который спитъ и видитъ пріятный, сладкій сонъ.

А вотъ и дѣйствительность!

На улицѣ шумъ и говоръ голосовъ, которые раздаются все ближе и ближе. Наконецъ, дверь мазанки отворяется, и въ нее вбѣгаетъ испуганная Хамита.

— Мухарямъ! Мухарямъ! Вставай!—кричитъ башкирка, расталкивая мужа, который спитъ, продолжая попрежнему храпѣть.

— Старшина, староста, старики идутъ!—говоритъ со страхомъ она, толкая спящаго въ бокъ.

Мухарямъ открываетъ глаза, но, видимо, не понимаетъ ничего.

— Старшина, староста, старики идутъ! — объясняетъ Хамита.

„Башкуртъ“ поднимается, спускаетъ ноги съ наръ, садится, протирая глаза, причемъ нивакъ не можетъ взять въ толкъ, о чемъ толкуетъ глупая „баба“.

Наконецъ, онъ все понялъ — нельзя было и не понять, потому что какъ разъ въ этотъ самый моментъ дверь мазанки отворяется, и въ нее входятъ старшина и староста; старики остались на дворѣ, такъ какъ тутъ имъ негдѣ было бы помѣститься.

— Ты что недоимки не платишь?—спрашиваетъ строго старшина, обращаясь къ Мухаряму, который при видѣ начальства всталъ и стоитъ.

— Денегъ нѣтъ, работа нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, не поднимая головы, опустивши которую, смотрѣлъ на полъ.

— Вретъ! Сейчасъ онъ у Кутамыкина былъ, обработку у него на будущій годъ взялъ,—довладываетъ староста, оглядывая мазанку.

„Башкуртъ“ молчитъ.

— Деньги давай!—требуетъ старшина.

Мухарямка продолжаетъ молчать, точно не слышитъ, точно тутъ его нѣтъ, или дѣло совсѣмъ его не касается.

Между тѣмъ староста какъ-то усмотрѣлъ лежавшіе за перинишкой, на нарахъ, чай и сахаръ, протягивается къ нимъ и ихъ беретъ.

— И самоваръ ужъ возьми,—говоритъ старшина, увидѣвъ самоваръ, который стоялъ на полу за угломъ печки.

— Самоваръ не мой, самоваръ сватовъ. Мой самоваръ староста взялъ, взялъ вчера за недоимки,—объясняетъ въ

отчаяніи Мухарямка, кажется, только теперь очнувшійся, наконецъ, отъ долгаго сна, причемъ онъ дѣлаетъ даже шагъ впередъ, какъ бы порываясь защищать самоваръ.

Но старшину это не пугаетъ.

— Ничего. За свата твоего, значить, онъ пойдетъ, чай у него тоже недоимки есть? Староста, бери!—приказываетъ онъ. — А ты, сотскій,—говоритъ старшина, обращаясь къ башкирцу со знакомъ полицейскаго сотскаго на груди, который какъ разъ въ эту минуту отворилъ дверь и заглядывалъ въ мазанку,—ты! обыскивай его!—послѣдовалъ приказъ старшины.

Услыхавъ это, „башкуртъ“ только присѣлъ на нары.

Черезъ нѣсколько минутъ, старшина, староста и сотскій, забравъ у Мухарямки, точно какіе-нибудь трофеи: сахаръ, чай, самоваръ свата и сватову чайную посуду, а также отобранную у „башкурта“ „пятишку“, въ сопровожденіи стариковъ, уже шли по деревнѣ дальше.

Такъ грустно, такъ печально, пожалуй, можно даже сказать, такъ трагично былъ прерванъ пріятный сонъ Мухаряма,—сонъ, который, нѣтъ никакого сомнѣнія, былъ опять-таки ни чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ тѣхъ же фантазій поэтической природы степнаго дикаря, съ которыми тотъ родится и съ которыми потомъ живетъ всю свою жизнь, вплоть до того самаго момента, когда въ его воображеніи открываются, наконецъ, передъ нимъ двери рая, обѣщаннаго его великимъ пророкомъ.

Петръ Добротворскій.

ОБСЕРВАТОРІЯ НА ГОРѢ МОНБЛАНѢ.

(СТАТЬЯ ФРАНЦУЗСКАГО АКАДЕМИКА ЖАНСЕНА).

26-го августа 1890 года, около 12 часовъ дня, на вершину Монблана поднялись сани, которыя везли, или, скорѣе, внесли, 12 человѣкъ проводниковъ, отличающихся необыкновенной физической силой и рѣшимостью.

Еще въ первый разъ подъемъ на Монбланъ совершался такимъ способомъ и путешественникъ достигъ вершины знаменитой горы, почти не выходя изъ экипажа.

Путешествіе было сопряжено съ героическими усиліями. Приходилось карабкаться по крутымъ склонамъ, обходить глубокія расщелины, взбираться почти на отвѣсные утесы, окруженные пропастями. Но мы восторжествовали надъ всѣми этими трудностями. Понятно, что, достигнувъ, наконецъ, цѣли, вся наша небольшая компанія была въ восторгѣ отъ своей удачи: мы поздравляли другъ друга, и даже обнимались отъ радости.

Очутившись на вершинѣ Монблана, я тотчасъ же принялся изслѣдовать мѣстность. Передо мной открывалась чудная картина: погода была великолѣпная, небесный сводъ казался темносинимъ, съ легкимъ лиловатымъ оттѣнкомъ. Несмотря на естественность и необходимость такого явленія, меня все-таки поразило, что небесный сводъ, казалось, продолжался и подъ горизонтомъ, такъ что наблюдатель находился какъ бы въ центрѣ лазурнаго глобуса. Вслѣдствіе этого, развалины, города, горныя долины, деревни, словомъ, все, что было въ предѣлахъ громаднаго горизонта, разстилающагося передъ нами, было какъ бы погружено въ волны небесно-голубого океана. Это производило впечатлѣніе какого-то новаго міра, покоющагося на днѣ моря, спокойныя и совершенно-прозрачныя воды котораго даютъ возможность видѣть то, что дѣлается на днѣ. Но изъ глубины этого океана кое-гдѣ поднимались гигантскіе рифы, и ихъ ослѣпительно-бѣлыя вершины отчетливо

вырисовывались на горизонтѣ. То были горныя цѣпи, центромъ которыхъ является, возвышающійся надъ всѣми ними, Монбланъ.

Но, несмотря на все очарованіе этой картины, я не могъ всецѣло отдаться ея созерцанію, потому что нужно было изслѣдовать, насколько вершина Монблана представляетъ удобную станцію для астрономическихъ и физическихъ наблюденій. Наскоро осмотрѣвъ мѣстность, пришлось уже пускаться въ обратный путь.

Успѣхъ нашего перваго путешествія доказалъ, что эти ледники, представляющіе столько новыхъ и интересныхъ предметовъ изслѣдованія для ученыхъ и столько величественныхъ и прекрасныхъ картинъ природы для поэтовъ и артистовъ, отнынѣ могутъ быть посѣщаемы даже тѣми, у кого не хватаетъ здоровья и силы, чтобы совершить такую экскурсію пѣшкомъ; кромѣ того поѣздка въ саняхъ избавляетъ отъ страшнаго утомленія, и даетъ возможность полнѣе и свободнѣе любоваться красотой этихъ высококихъ областей.

Черезъ мѣсяцъ я представилъ въ Академію Наукъ отчетъ о своей экскурсіи и о сдѣланныхъ мною наблюденіяхъ, и, указавъ на всѣ преимущества такой высокой станціи для метеорологіи, физики и астрономіи, внесъ проектъ объ устройствѣ тамъ обсерваторіи. Проектъ этотъ былъ встрѣченъ сочувственно. Нѣкоторые лица (между прочимъ, принцъ Роланъ Бонапартъ, баронъ Ротшильдъ и др.) выразили готовность оказать денежную поддержку новому предпріятію. Вскорѣ образовалось общество для постройки обсерваторіи на Монбланѣ. Такимъ образомъ, осуществленіе этой идеи зависѣло только отъ того, удастся ли преодолѣть препятствія, представляемые самой природой. Нельзя не признать, что препятствія эти были очень серьезны.

Дѣйствительно, люди, наиболѣе знакомые съ глетчерами Монблана, считали немислимою постройку на его вершинѣ какого-нибудь зданія, могущаго служить для наблюденія надъ природой. Съ одной стороны, утверждали, что слой льда на вершинѣ настолько толстъ, что нельзя будетъ прорубить его, чтобы построить обсерваторію на самомъ утесѣ; а съ другой—казалось немислимымъ предпринять постройку на снѣгу.

Общественное мнѣніе относилось къ моему проекту недовѣрчиво. Къ тому же г. Валло только-что устроилъ на одной изъ утесовъ Монблана, на разстояніи, приблизительно, 400 верствъ отъ вершины, обсерваторію, которая въ скоромъ времени должна была значительно расширяться и служить для разнообразныхъ наблюденій.

Но всѣ эти соображенія не могли поколебать нашей рѣшимости, такъ какъ только вершина горы, по громадности открывающагося

съ нея горизонта, могла быть пригодна для тѣхъ наблюдений и научныхъ работъ, которыя я имѣлъ въ виду.

Мои тридцатипятилѣтнія занятія и путешествія въ различныхъ частяхъ свѣта, въ особенности долговременныя пребыванія на вершинахъ Фаульгорна, Этны, Южнаго Пика и Гималаевъ, привели меня къ убѣжденію, что наблюдения въ обсерваторіяхъ, построенныхъ на склонахъ горъ, имѣютъ очень много несовершенствъ, и что вершина горы въ этомъ отношеніи несомнѣнно имѣетъ большія преимущества. Такъ какъ наиболѣе удобная для восхожденія сторона Монблана находится во владѣніи Франціи, то мнѣ казалось, что мы не имѣемъ права останавливаться такъ близко у цѣли и не сдѣлать попытки овладѣть вершиной, откуда открывается видъ на три страны, и гдѣ есть возможность изучить атмосферическій слой, имѣющій около 5 килом. толщины и 100 килом. въ діаметрѣ.

Такое предпріятіе во что бы то ни стало должно быть осуществлено, и мы приступили къ дѣлу. Измѣренія, сдѣланныя г. Эйбелемъ, показали, что слой снѣга на вершинѣ настолько великъ, что утвердить зданіе на утесѣ немислимо. Тогда я рѣшилъ попробовать построить обсерваторію на снѣгу. Но этотъ новый проектъ былъ встрѣченъ почти всеобщимъ недоумѣніемъ, и мнѣ нужно было вооружиться всей силой своего убѣжденія, основаннаго на многолѣтнемъ изученіи вопроса, чтобы устоять въ этой борьбѣ.

Прежде всего нужно было выяснить два главныхъ вопроса: во-первыхъ, можетъ ли слой снѣга, лежащаго на вершинѣ, вынести давленіе большой постройки, и, во-вторыхъ, насколько сильно движеніе снѣговъ по склонамъ.

Чтобы рѣшить первый вопросъ, въ обсерваторіи въ Медонѣ былъ предпринятъ рядъ опытовъ для изслѣдованія силы сопротивленія осѣвшего снѣга. Оказалось, что сила эта чрезвычайно значительна.

Свинцовая колонна, вѣсомъ въ 360 килогр. и имѣющая 30 сантиметровъ въ діаметрѣ, была поставлена въ снѣгъ, доведенный до той степени плотности, какую онъ имѣетъ на вершинѣ Монблана, и эта колонна погрузилась въ снѣгъ всего на нѣсколько миллиметровъ. Опытъ этотъ повторялся нѣсколько разъ, и результаты получались еще болѣе утѣшительные.

Что касается второго вопроса, то для рѣшенія его въ 1891 г. на вершинѣ Монблана построили деревянный баракъ, часть котораго была врыта въ снѣгъ, причемъ слой снѣга былъ тщательно вымѣренъ. Баракъ этотъ уже два года стоитъ на вершинѣ и въ настоящее время служитъ кладовой.

Всѣ эти результаты были такого ободряющаго свойства, что мы рѣшили приступить къ дѣлу.

Форма новой обсерваторіи и расположеніе ея частей должны были быть приспособлены къ своеобразнымъ условіямъ ея мѣстоположенія. Двухэтажное зданіе съ террасой должно было имѣть форму усѣченной четырехгранной пирамиды; форма эта удобна вслѣдствіе своего широкаго основанія и такого расположенія поверхностей, которое наиболѣе приспособлено къ тому, чтобы противостоять порывамъ вѣтра. Нижній этажъ долженъ былъ быть на три четверти зарытъ въ снѣгу, чтобы придать больше прочности всей постройкѣ и достигнуть болѣе высокой температуры въ спальняхъ, долженствующихъ помѣщаться въ этомъ этажѣ. Всѣ части обсерваторіи должны были такъ соединены другъ съ другомъ, чтобы возможно было, съ помощью подъемныхъ винтовъ, перенести все зданіе на другое мѣсто, въ случаѣ снѣжныхъ заносовъ.

Постройка обсерваторіи производилась въ Медонѣ, подъ нашимъ наблюдениемъ. Затѣмъ она была разобрана и перевезена въ Шамуни, гдѣ распредѣлили матеріалъ для переноски на Монбланъ. Весь матеріалъ вѣсилъ около 15 тоннъ, и для переноски его требовалось отъ 700 до 800 носильщиковъ. Весь путь былъ раздѣленъ на 4 части и на двухъ главныхъ станціяхъ были построены хижины для склада вещей.

Лѣто 1892 г. ушло на постройку обсерваторіи, перенесеніе ея въ Шамуни, устройство станцій и организацію транспорта. Къ концу лѣта всѣ станціи были уже устроены, и четвертая часть матеріаловъ переправлена на станцію, на Роше-Ружъ. Остальная часть хранилась внизу, въ Grands Mulets.

Лѣтомъ 1893 г. всѣ матеріалы были перенесены на вершину Монблана, и тамъ было воздвигнуто зданіе обсерваторіи.

Чтобы облегчить перенесеніе болѣе тяжелыхъ частей обсерваторіи, я придумалъ устроить нѣсколько горизонтальныхъ воротовъ, на которые наматывался канатъ для поднятія саней, нагруженныхъ матеріалами для постройки обсерваторіи.

Любопытное и невиданное еще зрѣлище представлялъ большой глетчеръ Монблана, выступы котораго образуютъ какъ бы ступени гигантской лѣстницы; по этой лѣстницѣ взбирались ряды рабочихъ, управляющихъ подъемными машинами, которыя медленно, но неуклонно, подвигали тяжело нагруженные сани къ вершинѣ, и вся эта работа производилась не ради пріобрѣтенія матеріальныхъ богатствъ, а ради устройства станціи, долженствующей обогатить науку новыми истинами....

Мало-по-малу всѣ матеріалы были доставлены на вершину, и

наступило время самой постройки зданія обсерваторіи, которая должна была увѣнчать всѣ эти труды. Изъ рабочихъ выбрали самыхъ сильныхъ и наиболѣе привычныхъ къ большимъ высотамъ, людей; къ нимъ присоединили и тѣхъ плотниковъ, которые строили обсерваторію въ Медонѣ.

Мы очень опасались урагановъ или сильныхъ вихрей, столь частыхъ на Монбланѣ; но, по счастливой случайности, въ теченіи двухъ недѣль погода стояла совершенно тихая и, сравнительно, теплая.

Работы подвигались съ изумительной быстротой, и 8-го сентября все зданіе обсерваторіи было готово, съ его внутренними стѣнами, лѣстницей и полами. Только терраса осталась не вполне законченной.

Какъ только постройка обсерваторіи была завершена, я отправился туда для астрономическихъ наблюденій.

Второе путешествіе мое отличалось отъ перваго тѣмъ, что сани подымались навверхъ съ помощью системы воротовъ. Подъемъ этотъ былъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: къ санямъ привязывалась веревка, другой конецъ которой находился въ рукахъ гидовъ, несущихъ вѣрота; они укрѣпляли вѣротъ на извѣстномъ разстояніи отъ саней и затѣмъ приводили его въ движеніе. Сани подвигались впередъ, и, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ подъемной машинѣ, гиды брали продѣтый сквозь нее конецъ веревки и отправлялись дальше устанавливать второй вѣротъ.

Когда сани доѣзжали до перваго вѣрота, его снимали и укрѣпляли на дальнѣйшемъ протяженіи, и этотъ маневръ безъ перерыва продолжался на всемъ пути до вершины.

Выѣхавъ изъ Шамуни въ пятницу, 8-го сентября, мы добрались до вершины въ понедѣльникъ, 11-го, въ 2¹/₂ ч. пополудни.

Восхожденіе было такое трудное, что, нашимъ гидамъ должны были помогать и рабочіе, несшіе инструменты и провизію. Я взялъ съ собой только инструменты, нужные мнѣ для главнаго наблюденія, которое я имѣлъ въ виду, а провизію мы оставили въ Роше-Ружъ, предполагая отправиться за нею на другой день. Но погода внезапно испортилась, поднялась сильная буря, и мы въ теченіи двухъ дней сидѣли безъ пищи. Въ четвергъ, около 1 ч. дня, вѣтеръ, наконецъ, стихъ, небо прояснилось, и въ 6 ч. я присутствовалъ при поразительно прекрасномъ закатѣ солнца.

Вершина Монблана подымалась надъ цѣлымъ моремъ облаковъ, простирающихся во всѣ стороны до самаго горизонта. Волнистая поверхность этого облачнаго моря напоминала волны океана. Массы облаковъ, кое-гдѣ возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ, казались отдѣльными утесами самыхъ причудливыхъ формъ. Лучи за-

ходящаго солнца озаряли всю эту картину красноватымъ сіяніемъ и придавали ей какой-то фантастическій колоритъ.

Между тѣмъ, вслѣдствіе охлажденія атмосферы, тучи мало-помалу стали опускаться, и изъ подъ ихъ покрова выступили вершины горныхъ цѣпей Оберланда и Монте-Роза, образуя новые архипелаги на морѣ облаковъ; глетчеры горѣли яркимъ, краснымъ пламенемъ подъ лучами заката. Наконецъ, солнце зашло, и окружающая его завѣса багровыхъ облаковъ разорвалась въ клочки, которые вскорѣ потонули въ общей массѣ облаковъ. Тогда со стороны востока поднялся холодный вѣтеръ, и на землю стали спускаться сумерки.

Никакія слова не могутъ передать впечатлѣнія, какое подобныя картины производятъ на человѣка, способнаго чувствовать величественную красоту природы!

На меня эта сцена произвела потрясающее впечатлѣніе; передъ глазами какъ будто вставали картины, которыя должна была представлять земля въ первые годы своего существованія, когда материки поднимались изъ безконечной глади океановъ... Я былъ такъ взволнованъ, что не могъ сдѣлать никакой замѣтки, да это было бы излишне: все происходившее неизгладимо запечатлѣлось въ моемъ мозгу.

Почему эти ощущенія были такъ живы? Почему, въ теченіи 4-хъ ночей, проведенныхъ мною на вершинѣ, я испытывалъ во всемъ своемъ существѣ какое-то упоительное чувство облегченія? Почему мнѣ казалось, что я точно сбросилъ съ себя какую-то тяжесть, давившую мою мысль, которая теперь только могла съ полвой свободой приступить къ разрѣшенію самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ? Было ли такое состояніе простымъ слѣдствіемъ рѣдкаго воздуха, царящаго на высотѣ, или же ово было вызвано дѣйствіемъ другихъ, невѣдомыхъ пока, причинъ, которыя будутъ изучены только впоследствии?

На слѣдующее утро солнце поднялось во всемъ своемъ блескѣ, и я присутствовалъ при его восходѣ, тоже исполненномъ ни съ чѣмъ не сравнимаго величія. Но мнѣ удалось только нѣсколько минутъ полюбоваться имъ, потому что нужно было приступить къ наблюденіямъ, чтобы выяснитъ спорный вопросъ о присутствіи кислорода въ солнечной атмосферѣ.

Извѣстный американскій физикъ Дрэперъ, на основаніи спектральныхъ фотографій, высказалъ предположеніе, что кислородъ является однимъ изъ элементовъ солнечной атмосферы. Вопросъ этотъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и выходитъ даже за предѣлы чистой науки.

Не смотря на то, что солнцу еще въ теченіи многихъ вѣковъ предстоитъ выполнять свое назначеніе—распространять свѣтъ и тепло среди окружающихъ его міровъ, наука, тѣмъ не менѣе, предвидитъ, что, подъ давленіемъ неизбѣжнаго дѣйствія времени, свѣтозарная сила солнца будетъ постепенно слабѣть. Если солнечная атмосфера, столь богатая водородомъ, содержитъ въ себѣ также и кислородъ, то въ періодъ описываемаго пониженія температуры, неизбѣжно долженъ наступить моментъ, когда произойдетъ соединеніе этихъ двухъ газовъ, и тогда въ солнечной атмосферѣ появятся огромныя массы водяныхъ паровъ. Но мы знаемъ, что водяные пары принадлежатъ къ тѣмъ газамъ, которыя сильнѣе всего поглощаютъ лучистую теплоту. Эти пары образуютъ, слѣдовательно, своего рода экранъ, который въ чрезвычайно значительной степени уменьшить и безъ того слабѣющую силу солнечныхъ лучей.

На землѣ это ужасное явленіе скоро будетъ замѣчено: температура вездѣ упадетъ, климатъ полюсовъ и экватора станетъ одинаковъ, въ жизни растений и животныхъ произойдетъ крупный переворотъ. Правда, что, въ виду громадности нашего центрального свѣтила и условій его образованія, земля, во всякомъ случаѣ, имѣетъ еще передъ собою перспективу далекаго будущаго, свободнаго отъ подобныхъ катастрофъ.

Но не слѣдуетъ забывать, что не одна земля освѣщается солнцемъ, что въ семьѣ планетъ есть свѣтила, неизмѣримо превосходящія землю по своей величинѣ и эволюція которыхъ совершается сравнительно медленнѣе, такъ что для развитія на нихъ жизни имъ потребуются еще многіе и многіе періоды вѣковъ. Таковы, напримѣръ, Юпитеръ и Сатурнъ, величины которыхъ такъ значительны, и которыя, повидимому, находятся еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія.

Такимъ образомъ, въ интересахъ будущаго всей нашей планетной системы, для насъ чрезвычайно важно знать, можетъ ли солнечная атмосфера рассчитывать на далекое будущее, т. е. содержать ли она въ себѣ кислородъ, или нѣтъ?

Но какимъ образомъ можетъ этотъ вопросъ быть рѣшенъ?

Если бы мы могли перенестись на границы нашей атмосферы, туда, гдѣ она соприкасается съ пустотой небеснаго пространства, разрѣшеніе этого вопроса было бы очень легко. Мы пропустили бы черезъ спектроскопъ солнечный лучъ, и, такъ какъ специфическія видоизмѣненія, производимыя въ спектрѣ присутствіемъ кислорода, извѣстны, то при полученіи спектра вопросъ былъ бы тотчасъ же рѣшенъ.

Но подобный опытъ совершенно невыполнимъ. Дѣло въ томъ, что земная атмосфера содержитъ въ себѣ большое количество кислорода: по вѣсу, онъ составляетъ пятую часть ея, и его присутствію мы обязаны всѣми проявленіями жизни на нашей планетѣ, или, во всякомъ случаѣ, огромнымъ большинствомъ ихъ.

Когда мы разлагаемъ солнечный лучъ, лучъ этотъ неизбѣжно прошелъ уже сквозь земную атмосферу и подвергся ея воздѣйствію.

Какъ раздѣлить эти два процесса? Какъ отграничить несомнѣнное дѣйствіе земной атмосферы отъ гипотетическаго дѣйствія атмосферы солнечной?

Тутъ и выступаетъ значеніе горныхъ обсерваторій. Представимъ себѣ, что мы могли бы постепенно подниматься все выше и выше въ атмосферѣ, устремивъ глаза на солнечный дискъ. Мы увидѣли бы тогда, что спектральныя полосы кислорода мало-по-малу начинаютъ блѣднѣть, по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ границамъ атмосферы; и такъ какъ не всѣ эти полосы одинаковой густоты, и такъ какъ онѣ блѣднѣютъ по мѣрѣ уменьшенія ихъ преломляемости, то мы увидѣли бы, что наиболѣе слабыя полосы совсѣмъ изгладилась, и общее количество полосъ уменьшилось. Если бы можно было констатировать, что это уменьшеніе густоты и количества спектральныхъ полосъ соотвѣтствуетъ уменьшенію количества кислорода на высотѣ, то можно было бы идти еще дальше и заключить, что по мѣрѣ приближенія къ границамъ атмосферы, всѣ спектральныя полосы кислорода исчезнутъ изъ спектра, и что, слѣдовательно, кислородъ не входитъ въ составъ солнечной атмосферы.

Перейдемъ теперь къ наблюденію, сдѣланному на Монбланской обсерваторіи 14-го и 15-го сентября 1893 года.

Намъ удалось, дѣйствительно, констатировать, что уменьшеніе количества и ослабленіе окраски полосъ кислорода въ солнечномъ спектрѣ находится въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ атмосфернымъ давленіемъ и что, слѣдовательно, полосы кислорода въ солнечномъ спектрѣ являются слѣдствіемъ присутствія кислорода въ земной атмосферѣ.

Наблюденіе это весьма тонкое; для того, чтобы произвести его, необходимо было, съ одной стороны, очень чистое небо, а съ другой—большой аппаратъ, вполне защищенный отъ вѣтра и отъ всякаго посторонняго свѣта. Оба названныя условія были налицо въ Монбланской обсерваторіи и это изслѣдованіе послужило открытіемъ научной дѣятельности обсерваторіи.

Отсутствіе кислорода въ солнечной атмосферѣ интересно не только съ точки зрѣнія будущаго развитія міровъ солнечной си-

стемы: оно раскрываетъ намъ также новую гармонію въ строеніи всей системы.

Мы знаемъ уже, что, по теоріи Фая, раскаленная поверхность солнца защищена нѣсколькими оболочками газовъ отъ соприкосновенія съ небеснымъ пространствомъ, гдѣ царствуетъ ледяной холодъ. Среди этихъ оболочекъ или атмосферъ наибольшее значеніе въ смыслѣ защиты имѣетъ, такъ-называемая, «солнечная корона», которая во время полныхъ затмѣній такъ красиво выдѣляется на небѣ. «Корона» состоитъ, главнымъ образомъ, изъ водорода, самаго легкаго и самаго прозрачнаго изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ газовъ; эта прозрачная оболочка обезпечиваетъ солнцу его сіяніе (испусканіе лучей), составляющее главную функцію центрального свѣтила. Теперь же мы видимъ, что то тѣло, которое могло бы въ извѣстный моментъ нарушить эту функцію, было тщательно удалено изъ солнечной атмосферы.

Такимъ образомъ, наука, по мѣрѣ своего развитія, постоянно раскрываетъ намъ новые законы и гармонію въ строеніи міра. Обсерваторія на вершинѣ Монблана уже внесла свою небольшую лепту въ общее дѣло науки, но она обѣщаетъ въ будущемъ еще гораздо большіе результаты. Сооруженіе ея является какъ бы осуществленіемъ мечты многихъ знаменитыхъ ученыхъ, работавшихъ на этой вершинѣ. Послѣ памятнаго восшествія Соссюра, на Монбланѣ работали такіе ученые, какъ Мартэнъ, Тиндаль, Віюль и др. Но нельзя не сознаться, что работы эти были бы гораздо плодотворнѣе, если бы названные ученые могли располагать болѣе удобнымъ помѣщеніемъ. Теперь же, когда обсерваторія готова, можно надѣяться, что ничто не помѣшаетъ людямъ науки воспользоваться всѣми преимуществами этой, единственной въ своемъ родѣ, станціи.

ПОДЪ СЪНЬЮ ТІАРЫ.

Историческая повѣсть проф. Э Жебара.

Переводъ съ французскаго В. Мосоловой.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Считаю нужнымъ дать нѣсколько разъясненій тѣмъ читателямъ, которымъ незнакома въ подробностяхъ исторія папства въ средніе вѣка и, которые, поэтому, пришли бы въ недоумѣніе съ первыхъ же страницъ этого разсказа.

Со времени дара Пипина и до конца великаго раскола, т.-е. приблизительно до Пія II, папамъ стоило необыкновеннаго труда поддерживать свою свѣтскую власть въ Римѣ, среди духовенства и въ Италіи. Папы стали истинными властителями города и неограниченными государями въ Церковной Области только въ концѣ XV вѣка, при Сикстѣ IV и Александрѣ VI. Раньше же ихъ власть оспаривалась, а имъ самимъ грозила муками, лишеніемъ сана, изгнаніемъ, и даже казнью. Каждая народная вспышка или религіозная революція, сажала антипапу на престолъ законнаго папы. Когда папа говорилъ отъ имени Бога, онъ былъ очень силенъ; когда же онъ хотѣлъ заняться благоустройствомъ своей столицы, унять нѣсколькихъ бароновъ, показать свою власть надъ магистратурой Капитолія или ограничить права представителей имперіи (каковыми были *подесты*), то роль его становилась жалкою. Папы, пытавшіеся быть свѣтскими государями, какъ Иннокентій III и Бонифацій VIII, достигали этого лишь цѣною потоковъ крови, пролитыхъ на улицахъ Рима или подчиненныхъ ему городовъ.

* * *

*

Разсмотримъ же причины этого кризиса, такого долгаго и болѣзненнаго, особенно въ эпоху, которая служитъ исторической рамкой для нашей повѣсти, т.-е. во вторую половину XI вѣка, въ первосвященство Григорія VII.

* *
* *

Средніе вѣка создали чудную грѣзу. Они предположили, что правленіе самого Бога будетъ условіемъ счастья и мира на землѣ. Намѣстникамъ Божиимъ, папѣ и императору, была дана духовная и свѣтская власть надъ христіанами. Теоретически, это мистическое воззрѣніе было великолѣпно. Данте выражаетъ его такъ въ своемъ „Трактатѣ о монархіи“:

„У рода человѣческаго двѣ главы: первосвященитель, который, слѣдуя откровенію, ведетъ его къ жизни вѣчной, и императоръ, который, слѣдуя ученію философовъ, ведетъ его къ земному благополучію“.

Къ несчастью, въ дѣйствительности, согласіе между этими двумя великими пастырями оказывалась невозможнымъ. Одинаково святыя, императоръ и папа, могли бы руководить христіанствомъ лишь дѣлая большія уступки одному другому. Но въ то время на апостольской кафедрѣ святыя попадались рѣдко, а на императорскомъ престолѣ—еще рѣже. Обоиъ намѣстникамъ Христа суждено было постоянно сталкиваться въ тѣхъ областяхъ своихъ владѣній, которыя принадлежали имъ сообща. Императоръ, во имя Св. Троицы, разсылаетъ энциклики (окружныя посланія) епископамъ, аббатамъ, клиру и вѣрнымъ; до половины XI вѣка онъ назначаетъ папъ или утверждаетъ тѣхъ, кто избранъ клиромъ и народомъ римскимъ; въ силу той же власти онъ лишаетъ ихъ престола и заключаетъ въ монастыри; онъ созываетъ соборы и председательствуетъ на нихъ; онъ назначаетъ антипапъ; онъ возмущаетъ церковь германскую противъ церкви римской. Кромѣ того, онъ остается королемъ римскимъ не только официально и по преданію, а въ дѣйствительности; онъ даже и императоромъ-то становится окончательно лишь въ тотъ день, когда вѣнчается въ Римѣ, на могилѣ Апостоловъ, изъ рукъ папы императорскою короною. По большей части онъ бываетъ королемъ и остальной Италіи и возлагаетъ на себя въ Миланѣ желѣзную корону *). Такъ происходитъ превышеніе власти или вѣчное смѣшеніе властей со стороны императора. Со

*) Корона лангобардовъ, сдѣланная, по преданію, изъ одного изъ гвоздей Господнихъ.
Прим. пер.

стороны папы являются не менѣе уважительные поводы къ столкновеніямъ.

* * *

Здѣсь причины ссоръ коренятся, главнымъ образомъ, въ феодальномъ строѣ. Во-первыхъ, въ Римѣ и въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ св. престолу, феодальнымъ главою считается папа; онъ имѣетъ право на вѣрность, военную службу и повиновеніе своихъ графовъ и бароновъ. Но тѣ же претензіи предъявляетъ и императоръ, король римлянъ: отсюда въ Римѣ вѣчная распря. Затѣмъ во всемъ христіанскомъ мірѣ папа есть духовный властелинъ всѣхъ епископовъ и аббатовъ, которые, съ другой стороны, несутъ вассальныя обязанности по отношенію къ императору или другимъ свѣтскимъ государямъ. Какъ верховный епископъ, онъ можетъ требовать отъ духовныхъ князей покорности своей волѣ, отрѣзать ихъ отъ повиновенія свѣтскимъ властямъ, призывать ихъ къ себѣ, лишать сана. А такъ какъ въ то же время онъ можетъ лишать престоловъ и императора, и князей, поражать интердиктомъ имперію, королевства и города, разрѣшать подданныхъ отъ присяги, то онъ, по желанію, потрясаетъ всю феодальную пирамиду, отъ основанія до вершины, гдѣ находится императоръ.

* * *

При Григоріи VII столкновеніе особенно обострилось. Возникъ вопросъ о существенномъ правѣ сюзерена (феодальнаго главы), объ инвеститурѣ на свѣтскія владѣнія, принадлежавшія къ епископствамъ и аббатствамъ *) и о врученіи посоха и кольца—символовъ духовной власти. При Оттонахъ, папы, избираемые изъ римской знати, очень покорной имперіи, дозволили императору проникнуть въ область духовную и вручать посохъ и кольцо. Григорій VII потребовалъ для св. престола права той и другой инвеституры. Императоръ Генрихъ IV, молодой, мало уважаемый своимъ народомъ и вассалами, показался ему такимъ противникомъ, котораго побѣдить легко. Война, которую онъ началъ и первую жертвою которой былъ самъ, продлилась болѣе пятидесяти лѣтъ. Это—самая печальная эпоха въ исторіи церкви.

* * *

*) Инвенстура—перемонія передачи лена вассалу сюзереномъ. Названіе происходитъ отъ латинскаго слова, означающаго *одѣваю, облакою* (властью). Врученіе же кольца и посоха назывались инвеститурой духовной.

Самый Римъ и его аристократія увеличивали затрудненія папства въ борьбѣ съ имперіей и съ Римомъ. Папѣ приходилось считаться съ Капитоліемъ, т.-е. патриціонскою городской общиной, совсѣмъ не похожей на демократическія городскія общины, возникшія въ Италиі въ XII вѣкѣ. Въ Капитоліи сосредоточивалась военная сила, съ его башни давался сигналъ къ народнымъ возстаніямъ. Каждый папа, поссорившись съ Капитоліемъ, осужденъ былъ на гибель. Знатныя римскія семьи присвоили себѣ св. престолъ и владѣли имъ, въ X и XI вѣкѣ, точно своимъ наслѣдственнымъ достоинствомъ. Обѣ династіи тускулумскихъ папъ поработили церковь. Правившій въ промежуткѣ между ними папа Сильвестръ II, человекъ благородной души, не нашелъ другого исхода, какъ пріютиться подъ сѣнь императорской мантіи. Сильвестръ по происхожденію былъ французъ, а Григорій VII—тосканецъ. Оба были пришлецами, *hostes* въ глазахъ своихъ бароновъ, смотрѣвшихъ на папство не какъ на званіе всемірнаго епископа, а какъ на достоинство чисто-римское, какъ на лень лаціумскихъ патриціевъ. И эти пришельцы были имъ тѣмъ ненавистнѣе, чѣмъ значительнѣе была ихъ духовная, мистическая власть, чѣмъ несомнѣннѣе было ихъ право держать въ рукахъ своихъ ключи рая.

Противъ каждаго папы, враждовавшаго съ имперіей, неизбѣжно поднимались три четверти его вельможъ, находившихся въ ленной зависимости отъ императора. Очутившись между молотомъ и наковальней, папа обрекался на уничтоженіе.

* *
* *

При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, драгоцѣнною точкою опоры для папъ могла бы служить сама церковь, особенно же монашество. Но церковь ускользала отъ вождя своего, а иногда даже возставала противъ него. Усилія добродѣтельнаго папы разбивались объ упорство его собратьевъ, епископовъ или монаховъ, которые не желали насильно возвращаться на путь добродѣтели. При Александрѣ II, Гильдебрандъ, будущій Григорій VII, и другъ его Петръ Даміанъ попытались очистить Миланскую церковь, соблазнъ которой былъ невыносимъ. Они дошли до того, что противъ архіепископа и высшаго духовенства возмутили „патаровъ“, т.-е. низшее духовенство и чернь, другими словами, не отступили передъ вооруженнымъ возстаніемъ церковной демократіи; но дѣло ихъ не принесло плодовъ и было утоплено въ крови этихъ

новыхъ евангельскихъ христіанъ. Тогда елюнійская реформа стала истинной работой Пенелопы: она вѣчно начиналась и не кончалась никогда. Большія аббатства, какъ Фарфа въ Сабинскихъ горахъ, вдругъ превращались въ притоны разбойниковъ. Въ Римѣ, во дни смуть, нечестивые священники переодѣвались епископами и кардиналами, проникали въ соборы и захватывали приношенія богомольцевъ. Отсылаю къ Liber Gomorrhianus Петра Даміана читателей, понимающихъ по-латыни и желающихъ узнать подробности о страшныхъ бѣдствіяхъ итальянской церкви въ средніе вѣка.

* * *

Если прибавимъ ко всему этому, что люди среднихъ вѣковъ, постоянно заняты Богомъ и будущею жизнью, вовсе не стѣснялись со служителями Божиими, какъ бы высокъ ни былъ ихъ санъ, то станетъ понятнымъ, почему плаванье героя этого разсказа, папы Григорія VII, на ладѣ св. Петра оказалось такимъ трагическимъ.

ГЛАВА I.

Призракъ папы Бенедикта IX-го.

Утромъ, въ день Всѣхъ Святыхъ 1075 года *), въ первосвященничество Григорія VII, Римъ проснулся въ очень грустномъ настроеніи.

Замки бароновъ, казалось, опустѣли; ихъ окна и двери были заперты; праздничныя знамена не вѣяли съ башенъ, яркія шелковыя драпировки не украшали балконовъ. Многія церкви были заврты, будто пораженныя интердиктомъ; колокола ихъ были нѣмы; только въ папскихъ базиликахъ служились торжественныя обѣдни. На папертяхъ монастырей голодные и сироты, съ мрачнымъ видомъ и пустыми чашками, напрасно ждали обычной милостыни въ тотъ часъ, когда діаконъ произноситъ нараспѣвъ евангеліе о блаженствахъ, во славу всѣхъ обездоленныхъ, подъ сводами св. Петра, св. Маріи Маджоре и св. Іоанна Латеранскаго. Въ Монти, Транстевере, Реголѣ, на перекресткахъ и песчаныхъ берегахъ

*) Католики память Всѣхъ Святыхъ празднуютъ 1-го ноября, а 2-го ноября—память всѣхъ усопшихъ.

Тибра робко собирались въ кучки женщины, дѣти, монашки, старыя нищія, и тихо толковали о томъ, не слѣдуетъ ли снова ждать какихъ-нибудь ужасныхъ беспорядковъ, не вздумаютъ ли синьоры опять сжечь городъ, перерѣзать бѣдняковъ, точно скотъ, выгнать папу камнями и возвести на апостольскую кафедру ложнаго папу—образъ Антихриста. Если императоръ Генрихъ перейдетъ Альпы для умиротворенія Рима, то неизбежна гибель множества римлянъ; если же явится изъ Салерно Робертъ, вождь нормановъ, на защиту св. отца, то обереть духовныхъ чадъ Григорія VII до послѣдней копейки, до послѣдней крынки масла. Одно, къ несчастью, не подлежало сомнѣнію: самый необузданный изъ бароновъ, Ченціо, смертельный врагъ Григорія VII, отлученный отъ церкви и изгнанный за убійство, вѣроотступничество и мятежъ, тайно вернулся въ Римъ. Какой-то еврей видѣлъ, какъ онъ, около полуночи, постучался въ ворота одного изъ укрѣпленныхъ замковъ близъ Гетто *). При одномъ упоминаніи о Ченціо лица блѣднѣли и голоса понижались. Никогда, даже въ проклятое время тускулумскихъ бароновъ, не бывало худшаго и болѣе страшнаго для римлянъ злодѣя. Онъ пролилъ рѣки крови, чтобы, несмотря на ужасное народное возстаніе, провести антипапу Гонорія въ алтарь св. Іоанна Латеранскаго. А какъ разъ наканунѣ этого невеселаго дня Всѣхъ Святыхъ Григорій повелѣлъ разрушить самый крѣпкій изъ замковъ Ченціо, у моста св. Петра. Время отъ времени тяжелые шаги война, появленіе епископа, пробиравашагося верхомъ на ослѣ, опустивъ голову и тревожно озираясь, отдаленный бой часовъ съ колоколенъ Капитолія, даже крикъ ребенка, все вспугивало бесѣдовавшихъ подъ открытымъ небомъ: совѣщанія прекращались, и всѣ разбѣгались по грязнымъ переулкамъ. На Римъ надвигалась гроза, и народъ съ тревогою ждалъ ея начала.

Въ домахъ клириковъ **), дворцахъ кардиналовъ и епископовъ и въ монашескихъ кельяхъ господствовало неменьшее смущеніе. Но здѣсь толковали не о возстаніи феодаловъ и не о новомъ нашествіи имперскихъ полчищъ: рѣчь шла о самой церкви, раздраженной и страждущей, повидимому, готовой возстать противъ главы своей. Съ первыхъ же дней своего монашества Григорій составилъ себѣ слишкомъ возвышенный идеалъ священника: онъ желалъ видѣть его бѣднымъ и не-

*) Гетто—часть города, отведенная исключительно евреямъ.

***) Клирики—общее названіе всего духовенства, особенно низшаго.

порочнымъ, подобно Христовымъ апостоламъ. Всѣ знали, что этотъ монахъ послѣдовательно внушилъ шести папамъ свою ненависть къ симоніи *) и свое презрѣніе къ распутству; немедленно по своемъ избраніи онъ занесъ бичъ надъ торговцами въ храмъ и опрокинулъ конторки ростовщиковъ, устроенныя епископами въ тѣни алтарей; онъ сталъ преслѣдовать женатыхъ клириковъ, изгналъ изъ ихъ домовъ женъ и мнимыхъ сестеръ, а монаховъ обязалъ соблюдать суровый елѳинскій уставъ и безусловное цѣломудріе. А въ послѣднее время, когда рука его отяготѣла надъ головами бароновъ, онъ заключилъ въ монастырь на горы Кассино кардинала-епископа Палестрины съ епископомъ Алатрійскимъ, посадилъ на хлѣбъ и на воду пять или шесть монаховъ „Св. Павла за Стѣнами“ и поразилъ громозной буллой архіепископа Равенны и аббата Фарфа. Почти одинъ, поддерживаемый лишь нѣсколькими асветами школы Петра Даміана, но, поссорившись съ императоромъ и возбудивъ ненависть знати, онъ брался за сверхчеловѣческій трудъ, подъ тяжестью котораго палъ папа Гербертъ, другъ императоровъ:—вернуть къ ученію евангельскому совѣсть служителей Божіихъ.

Итакъ, праздникъ торжествующей церкви, исповѣдниковъ, дѣвъ, мучениковъ, сталъ для города днемъ печали. Къ вечеру, надъ Тибромъ поднялся желтоватый туманъ; онъ тяжело и медленно легъ на всѣ семь холмовъ, заслонивъ небо. Наступила ночь поминовенія умершихъ. Затѣмъ на колокольняхъ базиликъ, св. Петра, св. Іоанна Латеранскаго, Маріи Маджоре, начался звонъ о тушеніи огня. Мѣдныя голоса мрачно перекликались сквозь туманъ, то плачевно, какъ на похоронахъ, то звонко и быстро, какъ отчаянные сигналы съ корабля, тонущаго и гибнущаго во мракѣ; послѣдній возгласъ, рѣзкій, какъ набатъ во время возмущенія, сорвался съ колокольни св. Павла. Онъ прозвучалъ надъ пустыннымъ Римомъ, отдался со всѣхъ башенъ вдоль стѣнъ, проникъ въ Латеранъ и достигъ слуха Григорія, читавшаго при свѣтѣ лампы. Папа поднялъ голову и захлопнулъ книгу.

Была уже совсѣмъ темная ночь, на улицахъ и площадяхъ господствовало молчаніе, какъ на кладбищѣ, когда изъ одного замка въ кварталѣ Паріоне, близъ Тибра, вышелъ челоуѣкъ и направился, мимо города евреевъ, въ Капитолій.

*) Симонія — покупка у свѣтскихъ и духовныхъ князей духовныхъ должностей за деньги. Слово это происходитъ отъ имени Симона волхва, желавшаго за деньги купить у апостоловъ даръ творить чудеса.

Онъ рѣшительно шелъ впередъ, покрывъ голову капюшономъ въ родѣ монашескаго и завернувшись въ широкій плащъ. Приближаясь къ общинной крѣпости *), онъ сдѣлалъ большой крюкъ, вѣроятно, боясь обхода сборовъ префекта, и вышелъ на форумъ со стороны церкви свв. Космы и Даміана. Тутъ шаги его замедлились сгустившимся туманомъ и неровностями тропинки, которая терялась среди развалинъ, кустовъ и болотъ. Справа и слѣва отъ смѣлаго незнакомца вставали, точно привидѣнія, Палатинъ и базилика Мира, доведенные до исполинскихъ размѣровъ туманомъ, который собирался надъ ихъ сводами, ползъ вдоль стѣнъ и проникалъ въ трещины развалинъ. Дойдя до Арки Тита, путникъ вступилъ на звонкія плиты Священной дороги (Via sacra) и торопливо пошелъ къ Аркѣ Константина. Здѣсь онъ остановился на минуту, чтобы распознать мѣстность, и съ нѣкоторымъ страхомъ повернулся къ величественной массѣ Коллизея. Станный, непрерывный и однообразный шумъ, подобный отдаленному рокоту моря, выходилъ изъ каждой аркады, изъ cadaго отверстія чудовищаго зданія: это вѣтеръ жалобно вылъ въ галлереяхъ и на лѣстницахъ, поросшихъ цѣлымъ лѣсомъ колючихъ растений; въ одномъ мѣстѣ, въ среднемъ этажѣ, красноватый свѣтъ мерцалъ сквозь саванъ тумана, окутывавшій стѣны цирка.

— Грѣйтесь и радуйтесь, друзья мои, охотники за кошельками,—пробормоталъ путникъ;—какъ-нибудь на-дняхъ приду къ вамъ поужинать. А сегодня у меня дѣло въ другомъ мѣстѣ.

И онъ продолжалъ свой путь къ Камальдулскому монастырю, а потомъ повернулъ къ св. Іоанну Круглому. Почти ошупью добравшись до стѣны Сервія Туллія, онъ разглядѣлъ, наконецъ, прямо передъ собою, одинокую башню Св. Іоанна и Павла. Онъ постучалъ рукояткою кинжала въ садовую калитку, дававшую доступъ въ башню. Отворилъ ему мальчижь.

— Здѣсь Деадать?—спросилъ пришедшій.

— Онъ ожидаетъ васъ, мессиръ,—отвѣтилъ ребенокъ.

Пришлецъ поднялся по лѣстницѣ въ башню и вошелъ въ сводчатую комнату съ очень суровой обстановкой, гдѣ увидѣлъ священника. Онъ сбросилъ плащъ и капюшонъ и оказался съ головы до ногъ покрытымъ кольчугою; борода у него была короткая и жесткая, глаза—злые, выраженіе лица—грубое. Лицо священника было изящно и высокомѣрно;

*) Т.-е. крѣпости, принадлежавшей городской общинѣ, а не палѣ.

его мрачный взглядъ, порою сверкавшій, какъ молнія, выражалъ несокрушимую гордость, а извилистый ротъ съ тонкими губами говорилъ о горечи трагической судьбы.

Въ углу комнаты, на столѣ, лежалъ ворохъ книгъ довольно подозрительнаго вида. Одна изъ нихъ, настоящая дьявольская тарабарщина, была открыта, и на ея желтомъ пергаментѣ видѣлись странныя изображенія, перемѣшанныя съ геометрическими фигурами и рядами арабскихъ цифръ. На стѣнѣ висѣло большое костяное распятіе, пронзенное, на мѣстѣ сердца, стальною иглою. Это былъ „Порченый Христосъ“—оригинальное изобрѣтеніе Деадата *). Послѣдній уже близился къ старости. Онъ былъ архидіакономъ церкви въ Порто и готовился получить епископскій санъ отъ Льва IX, когда Гильдебрандъ растригъ его за симонію. Онъ вернулся въ Римъ и смѣшался съ толпою виновныхъ священниковъ, которыхъ защищали отъ папскихъ сыщиковъ бароны. Чтобы питаться, онъ продолжалъ фабриковать подложныя буллы, а для развлечения занимался колдовствомъ и вызывалъ къ себѣ дьявола въ уединенную башню на вершинѣ Целія.

Посѣтитель придвинулъ скамью къ пылавшей среди комнаты жаровнѣ и молча сѣлъ. Деадатъ спокойно оперся на книгу и, насмѣшливо улыбаясь, сказалъ:

— Такъ онъ выгналъ тебя, какъ бѣшеную собаку, изъ лучшаго твоего замка, мой бѣдный Ченчіо, и ты пришель просить пріюта у старика Деадата, недостойнаго служителя святой церкви?

Ченчіо всталъ, внезапно охваченный бѣшенствомъ.

— Да, онъ меня выгналъ, оскорбилъ, сдѣлалъ разбойникомъ. Онъ изгналъ меня изъ среды христіанъ, погралъ пятою своею главу мою. Неужели Господь не дозволить схватить этого человѣка, какъ ночного вора?

— Онъ—помазанникъ Божій,—насмѣшливо отвѣтилъ священникъ.—И потомъ въ Богѣ, знаешь, мы не увѣрены... Вотъ чортъ—совсѣмъ другое дѣло!

— Ты увѣренъ въ сатанѣ, Деадатъ?

— Разумѣется, мой дорогой сеньоръ, какъ увѣренъ въ твоёмъ присутствіи здѣсь, въ моей доброй башнѣ. Я ношу его въ моемъ разумѣ и сердцѣ.

Ченчіо не безъ ужаса взглянулъ на собесѣдника. Онъ даже подался-было назадъ, какъ бы собираясь бѣжать. Но

*) Въ средніе вѣка, чтобы навести порчу, пронзали иглою восковое изображеніе того, кому желали зла.

Деадать устремилъ на него властный и въ то же время ласковый взглядъ; Ченчіо тихо подошелъ къ нему.

— Если бы ты помогъ мнѣ избить его, стащить съ престола, умертвить, коль понадобится, какъ бывало въ старину, когда мы господствовали надъ нашимъ епископомъ.

Деадать подошелъ къ окну.

— Смотри, — сказалъ онъ.

Съ высокой башни св. Іоанна и Петра открывалось необычайное зрѣлище. Насколько хваталъ глазъ, надъ Римомъ и его окрестностями катились волны сѣраго тумана, тамъ и сямъ высоко приподнятаго холмами и гребнями большихъ водопроводовъ: это былъ точно океанъ мрака, смерти и молчанія. Слѣва, на крутомъ подъемѣ Целія и городскихъ укрѣпленій, волна тумана вдругъ высоко вставала, какъ бы съ разбѣга намѣреваясь броситься на Латеранъ; но величественная базилика, опираясь на черную папскую крѣпость, непреступную между небомъ и землею, точно смѣялась надъ бурей. Маленькій огонекъ, лампада Григорія, кормчаго церкви, все еще блестя въ мракѣ.

Ченчіо высунулся въ окно, но не понялъ смысла этой картины. Деадать пожалъ плечами.

— Такой могучей власти кучка мятежниковъ не истребить, — сказалъ священникъ. — Цѣлые вѣка римская чернь, сеньоры и императоры насильничали надъ папами, а папство все жило — и переживетъ всѣхъ императоровъ и бароновъ. Ужъ болѣе ста лѣтъ вы безчестите первосвященнический престолъ, взводя на него недостойныхъ папъ; вы вѣнчали тіарою развратныхъ юношей, разбойниковъ съ большихъ дорогъ, кровавадныхъ безумцевъ... Одинъ убѣжалъ въ Константинополь съ церковною казною; другой выкалывалъ глаза и обрубалъ носы и руки кардиналамъ и епископамъ. Они были хуже, чѣмъ Неронъ и Домиціанъ. Пришлось удушить Бенедикта VI въ подземельяхъ замка св. Ангела, отравить Бонифація VII, вырвать языкъ у Іоанна XVI. Но папство пережило всѣ эти ужасы. Самъ сатана ничего не выигралъ, когда ночью, въ полѣ, близъ могилы Цециліи Метеллы, разбилъ голову Іоанну XII. И впоследствии самъ дьяволъ напрасно воплотился въ Бонифація IX: четыре раза изгнанный изъ Рима христіанами, четыре раза возвращенный на престолъ всѣми разбойниками Італіи, Бенедиктъ, въ одинъ вечеръ, исчезъ, какъ по волшебству. Этому скоро будетъ тридцать лѣтъ. Но полагають, что онъ скрывается, какъ дикій звѣрь, въ своей родной Тускулумской горѣ.

Каждый годъ въ ночь усопшихъ. въ эту самую ночь, онъ показывается какому-нибудь испуганному пѣшеходу на берегу Тибра, въ уединеніи св. Павла-за-Стѣнами, на Аппіевой дорогѣ или въ развалинахъ Форума. А я, богоотступникъ, еще жду его. Вотъ его чародѣйскій тревникъ, найденный въ его молеельнѣ и помогавшій ему вызывать дьявола. Я всю жизнь мою разбираю его.

Деадать указалъ на раскрытую книгу. Ченціо приблизился къ ней съ суетвѣрнымъ трепетомъ, но коснуться ея не посмѣлъ.

— И что же!—продолжалъ священникъ.—Папскій санъ дѣлалъ этого человѣка священнымъ! Разъ, когда ему было шестнадцать лѣтъ, вельможи Капитолія, приведенные въ ужасъ его чудовищнымъ развратомъ, сговорились задушить его у престола св. Іоанна. Было воскресенье, и шла торжественная папская служба. Заговорщики, вмѣшавшись въ толпу клириковъ, медленно приблизились къ алтарю. Во время чтенія Евангелія они уже взошли на первую ступень амвона. Они должны были броситься на папу въ моментъ возношенія Даровъ. Вдругъ они взглянули другъ на друга и поблѣднѣли. Свѣтъ дня померкъ, всѣ лица приняли цвѣтъ шафрана, ночь спускалась надъ соборомъ. Солнце погасло посреди неба, какъ бы отказываясь освѣщать такіе ужасы. Бенедиктъ ІХ былъ спасенъ. Торопливо зажгли свѣчи, онъ вкусилъ плоти Сына Божія и, когда повернулся къ народу, чтобы благословить его, солнце возсіяло вновь, а со всѣхъ колоколенъ Рима раздался благовѣсть.

Священникъ сдѣлалъ шагъ къ барону и положилъ ему на плечо свою руку.

— А ты хочешь убить Григорія, думая убить вмѣстѣ съ нимъ ненавистную тебѣ и гнетущую тебя силу? Бѣдный безумецъ! На другой же день послѣ твоего преступленія другой монахъ надѣнетъ на палецъ кольцо этого монаха.

— За то я буду отомщенъ,—пробормоталъ Ченціо.

— Ты будешь проклятъ,—возразилъ Деадать.

Ченціо задрожалъ и покочнулся, какъ пьяный.

— Ты боишься ада,—сказалъ священникъ,—а самъ приходишь ночью въ мою келью, чтобы я призвалъ тебѣ на помощь дьявола! Не уходи. Я жалѣю тебя. И кромѣ того, ты мнѣ нуженъ. Слушай. Мы можемъ соединиться во имя нашей ненависти. Ты будешь рука, а я буду умъ. Но хорошенько пойми одно, если можешь: не слѣдуетъ проливать крови.

Кто знаетъ, не явить ли Небо какого-нибудь ужаснаго знаменія. Нѣтъ; но нужно страшное оскорбленіе, безпримѣрное униженіе; надо, чтобы онъ сталъ не мученикомъ, а наказаннымъ бродягою и негодяемъ. Побѣжденный, униженный, согбенный, пусть съ мольбою цѣлуешь твои руки, пусть отречется отъ своей гордыни и покается, ударяя себя въ грудь, въ своемъ жестокосердіи. Церковь, которая выбросила меня изъ своего святилища, будетъ опозорена въ лицѣ своего главы. Но пусть поступокъ твой будетъ величественнымъ и возбуждаетъ изумленіе потомства. А если нуженъ совѣтъ адскихъ силъ, чтобы открыть тебѣ твое собственное намѣреніе, пойдемъ со мною. Ночь эта благопріятна, и близокъ часъ, когда проклятыя души возвращаются въ среду людей.

Чернокнижникъ взялъ требникъ Бенедикта IX и мѣшечекъ съ одуряющими благовоніями, необходимыми для чародѣйства. Онъ высыпалъ уголья изъ жаровни въ мѣдное кадило, висѣвшее подлѣ распятія, и отдалъ Ченчіо. Они вышли изъ башни и почти бѣгомъ направились въ термамъ Каракаллы. Они шли сквозь туманъ, закутавъ головы, а полы ихъ плащей раздувались позади ихъ, точно большія черныя крылья. Отблескъ кадила кровавымъ слѣдомъ тянулся за ними по тропинкѣ. Они не произносили ни слова. Священникъ шель твердымъ шагомъ; Ченчіо спотыкался о каждый камень на дорогѣ.

Въ полночь они вошли въ громадное разрушенное зданіе. Колючки впивались въ ихъ одежду точно когти невидимыхъ звѣрей; обломки сводовъ, нѣкогда разбитыхъ разъяренными варварами, преграждали имъ путь. Наконецъ, они добрались до послѣдней арки, едва тронутой солдатами Алариха, и зашѣтили это по гулкости своихъ шаговъ.

Деадать остановился у опрокинутого порфираваго столба и поставилъ на него кадило, въ которомъ уголья трещали отъ соприкосновенія съ холодной мглой. Потомъ онъ очертилъ вокругъ себя и своего спутника, большой кругъ, слѣлавъ столбъ его центромъ, и при невѣрномъ свѣтѣ кадила прочелъ нѣсколько строкъ изъ книги на непонятномъ для Ченчіо языкѣ. Окончивъ заклинаніе, онъ засыпалъ горячіе уголья волшебными благовоніями.

Клубъ дыма съ сверкающими искрами поднялся въ своду. Но, встрѣтивъ препятствіе во влажномъ слоѣ тумана, ѣдкій дымъ повернулъ назадъ, сталъ со всѣхъ сторонъ исцать себѣ исхода, медленно зазмѣился длинными фіолетовыми, пурпу-

ровыми и зеленоватыми спиралями и образоваль, съ трудомъ поднимааясь вверху, множество причудливыхъ узоровъ. А на извѣстной высотѣ, болѣе свободной отъ тумана, онъ вдругъ устремлялся къ небу дрожащими столбами, которые вертѣлись то очень тихо, то съ головокружительной быстротою отъ порывовъ вѣтра, дувшаго съ Аппенинъ и завывавшаго въ большихъ разрушенныхъ залахъ. Нѣсколько клубовъ дыма, вырвавшись изъ подъ свода съвозъ большія отверстія въ стѣнахъ, быстро летѣли къ Риму, разстилались надъ колючими кустами среди развалинъ, или, спустившись ниже, скользили, какъ змѣи среди обломковъ, и, наконецъ, исчезали во мракѣ. Испуганныя летучія мыши съ рѣзкими кривыми вылетали изъ своихъ гнѣздъ, растерянно металась, а затѣмъ, задохнувшись, падали на землю. Въ самой глубинѣ ниши античная мраморная статуя Діаны съ обломанными руками и изуродованной грудью, приняла блѣднорозовый оттѣнокъ и, какъ будто пробуждалась къ жизни; съ надменнымъ челомъ и улыбкою на устахъ, она готова была выступить въ своей героической наготѣ, противъ дерзновенныхъ, осмѣлившихся въ этотъ часъ нарушить повои усопшихъ боговъ.

Ченціо, отуманенный благоуханіями, утомленный быстрою смѣною лучезарныхъ образовъ, почувствовалъ головокруженіе и дрожь; онъ сѣлъ, прислонился къ столбу и точно во снѣ сталъ смотрѣть на вереницы странныхъ фигуръ, которыя вѣтеръ несъ въ горы, а потомъ развѣвалъ, какъ сухіе листья. Мимо него проносились вихремъ жалбія, плачущія толпы, всѣ жертвы, всѣ бѣдствія императорскихъ или феодальныхъ войнъ противъ папы; женщины тащили за руки своихъ ребятшекъ; старики съ растрепанными волосами и бородою, согнутые подъ тяжестью сумы, спѣшили впередъ; молодые люди, мертвенно блѣдые, со скованными руками, шли въ изгнаніе; священники съ жестами ужаса выбѣгали изъ церквей, рушившихся среди пламени. Затѣмъ полился потокъ воиновъ въ доспѣхахъ, красныхъ отъ крови, съ кровавыми руками, съ добычею на плечахъ; они обыскивали трупы съ перерѣзаннымъ горломъ и разсѣченной грудью. Потомъ безпорядочныя полчища разбойниковъ съ обнаженными руками и ногами, махая факелами, радостно бросились въ ураганъ пламени. Ченціо узналъ свое войско и громко вскрикнулъ.

— Молчи, — тихо сказалъ ему Деадать. — Таинство идетъ къ концу. Да запечатлѣтся въ твоей памяти грядущее видѣніе.

Торжественнымъ шагомъ, очень медленно, двигалась по золотому облаку громадная процессія, растягиваясь вдоль стѣнъ Карагаллы, точно среди громаднаго собора: шли мальчики въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, молодые діаконы съ развѣвающимися волосами и въ огненныхъ стихаряхъ, епископы въ мантияхъ, сверкающихъ подъ дождемъ рубиновъ, соборъ кардиналовъ, роскошно задрапированныхъ въ ослѣпительный пурпуръ; наконецъ, несомый на головахъ клириковъ, на своемъ царскомъ тронѣ, явился папа-отрокъ, чьи пальцы играли украшеніями его митры,—тотъ одержимый дьяволомъ папа, который былъ ужасомъ святой римской церкви, а для Деодата—предметомъ поклоненія.

Призракъ папы простеръ правую руку къ отрешенному отъ вѣры священнику, но не изобразилъ знаменія креста.

Шествіе направлялось къ отдаленнѣйшему углу зданія. Вдругъ и діаконы, и епископы, и кардиналы исчезли, какъ огонь, задутый вѣтромъ. И вновь показались толпы бойцовъ, окровавленныхъ полководцевъ и полуголыхъ разбойниковъ; они, толкаясь, окружили тронъ, который, качаясь надъ лѣсомъ факеловъ и копій, сталъ подниматься по ступенямъ алтаря, сверкавшаго дорогими камнями. Но посреди алтаря стояла величественная фигура склонившагося монаха. По мѣрѣ приближенія къ св. престолу, юный Антихристъ блѣднѣлъ и таялъ въ огненномъ облакѣ, которое окружало его, какъ адское сіяніе; одни демоны пробрались къ престолу и дерзко окружили неподвижнаго монаха. Тогда бурное дуновеніе пронеслось подъ сводами, смело заколдованный дымъ и съ шумомъ развѣяло его надъ высокимъ дрожащимъ тростникомъ и мрачными кипарисами Авентина. Свинцовый туманъ окуталъ саваномъ разрушенныя бани Карагаллы.

Ченціо плотнѣе завернулся въ плащъ и тяжело упалъ на землю. Когда, на зарѣ, онъ проснулся, священника уже не было. Съ сѣраго неба падалъ мелкій дождь; громадная сова, сбитая съ толку событіями этой ночи, глупо трепыхалась въ колючемъ кустѣ. Вдали, на пустырь, лаяла собака. Ченціо въ какомъ-то оцѣпенѣннн глядѣлъ на мрачное святилище Деадата. Наконецъ, холодъ и дождь принудили его удалиться. Онъ вышелъ изъ термъ, но не отважился пройти мимо башни св. Іоанна и Павла. Онъ миновалъ монастырь св. Григорія Великаго, вернулся къ аркѣ Константина и, послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, вдругъ направился въ Колизей. Подъ аркадою, гдѣ онъ наканунѣ видѣлъ свѣтъ,

онъ нашель вокругъ погасшаго костра около дюжины лежащихъ молодцовъ съ лицами висѣльниковъ. Они привѣтствовали его весьма учтиво и весь этотъ день провели въ бесѣдахъ о прошедшемъ и будущемъ. Въ обществѣ этихъ господъ баронъ безъ скуки дождался той минуты, когда звонъ о тушеніи огня пригласилъ римлянъ запирать свои жилища. Тогда онъ пошелъ къ себѣ въ замокъ, уподобляясь благо-разумному горожанину, тщательно закрывающему лицо, чтобы не быть узаннымъ во время ночной прогулки.

Глава II.

Полуночная обѣдня Григорія VII-го.

Наканунѣ Рождества по Риму прошелъ слухъ, что папа будетъ служить полуночную обѣдню въ церкви св. Маріи Маджоре. Это была старая и любимая народомъ церковь; у ближайшей къ главному алтарю колонны вѣрующіе поклонялись чудотворной иконѣ Мадонны съ „бамбино“ (младенцемъ), работы св. апостола Луки, принесенной ангелами изъ Азіи. Каждый разъ, какъ разражалась чума, священники носили по улицамъ старинную икону, сіяющую золотомъ и брилліантами, и Господь укрощалъ гнѣвъ Свой. Въ рождественскую ночь справлялся престольный праздникъ св. Маріи Маджоре: туда шли со всѣхъ концовъ Рима, и въ суровомъ уединеніи Эсквилина лучезарная и звонкая церковь какъ бы улыбалась еще издали толпѣ богомольцевъ и пастуховъ, спѣшавшихъ къ ней, какъ въ древности палестинскіе пастухи стремились къ пещерѣ въ Вифлеемѣ.

Три дня яростно дулъ „широкко“ *), и громадныя тучи покрыли горизонтъ. Къ вечеру затуманились горы Тиволи и Тускулума, и надъ моремъ загрохоталъ громъ. Внезапно наступила тьма и разразилась страшная гроза. Дождь былъ такъ силенъ, что, по словамъ современнаго лѣтописца, предположили повтореніе библейскаго потопа. Молнія одновременно освѣщала всѣ холмы; ея фіолетовые зигзаги раздирали тучи, и на фонѣ пылающаго неба мелькали черныя силуэты колоколенъ и башенъ, кипарисы Монте-Маріо, согнутые, перекрученные, точно волосья, смутная линія водопроводовъ, феодальныя замки, разбѣянные по равнинѣ; порою зарево

*) Особый удушливый вѣтеръ, дующій изъ Африки.

«міръ вождій», № 3, мартъ.

достигало Аппенинъ и скалистыя Сабинскія горы вставали всѣ блѣдныя, какъ призраки Апокалипсиса.

Приблизительно, за часъ до полуночи дождь еще лилъ. Тибръ, уже переполненный осенними грозами, вздувался съ злобѣщей быстротою. Кварталь Марсова поля и долины у подошвы Эсквилина и Квиринала превратились въ болото. Римляне, смущенные столь дурными предзнаменованиями, отказались отъ слушанья папской обѣдни и задули огни. Раскаты грома мало-по-малу удалялись. Всѣ городскіе колокола подняли громкій благовѣсть, но никто изъ вѣрующихъ не внялъ ихъ призыву.

Между тѣмъ въ окрестностяхъ св. Маріи Маджоре какіе-то странные богомольцы боролись съ холоднымъ вѣтромъ и дождемъ. Множество молчаливыхъ тѣней мелькало передъ церковными воротами, за предѣлами свѣтлаго круга, которымъ окружало базилику яркое освѣщеніе алтаря и всѣхъ придѣловъ. Эти люди не походили на добрыхъ христіанъ: у нихъ были съ собою не молитвенники и четки, а ножи и копыя. Подальше, у церкви св. Правсидіи, стояла болѣе густая толпа съ незажженными фавелами и нѣсколькими осѣдланными лошадьми, которыя рвались отъ ужаса каждый разъ, какъ молнія прорывала тьму.

Раздался свистъ; тѣни разсѣялись и исчезли въ обсаженной большими деревьями аллеѣ, которая вела въ монастырь св. Бальбины.

Вдали, на плоскогорьѣ Целія, показалось маленькое шествіе, вступавшее, при невѣрномъ свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей, на пустынную дорогу св. Маріи Маджоре. Оно медленно спустилось съ холма, безпрестанно сворачивая въ стороны, чтобы не попасть въ трясины; прошло не мало времени, прежде чѣмъ оно достигло соборной площади. Во главѣ его шли два воина съ алебардами, затѣмъ монахъ, высоко поднимая первосвященническій трехконечный крестъ, нѣсколько елириковъ съ фонарями, два кардинала на мулахъ и въ мѣховыхъ оплечьяхъ, а, наконецъ, закрытыя и задрапированныя пурпуромъ носилки, гдѣ сидѣлъ маленькій старичокъ съ очень суровымъ лицомъ, закутанный въ красную мантию и съ золотымъ крестомъ на груди. Большія церковныя ворота отворились, яркій свѣтъ упалъ на шествіе, кардиналы сошли на землю, и Григорій VII вступилъ въ освѣщенный и безлюдный соборъ.

Золотые лучи звѣзды, которую видѣли волхвы и пастухи на Востокѣ, не упала въ эту ночь на кровлю храма св. Маріи.

Въ глубинѣ алтаря, за престоломъ, дьяконъ уныло дочитывалъ пророчества, когда-то возвѣстившія Израилю о пришествіи Иисуса, сына Давидова, правнука Авраамова.

Папа бросилъ во всѣ стороны отуманенный грустью взглядъ. Передъ нимъ кое-гдѣ стояли на волѣняхъ подырытыми плащами бѣдные пастухи или полудикіе юноши, пришедшіе издалека и успѣвшіе, послѣ цѣлаго дня пути, скрыться въ церковь отъ грозы. Онъ простеръ надъ ними свою десницу и благословилъ ихъ тѣми словами, которыя были пропѣты небесными голосами въ ту ночь, когда въ стойлѣ родился Господь.

— Миръ человѣкамъ и благоволеніе!

Соборные каноники вышли встрѣтить Григорія и торжественно возвели его на каеэдру, воздвигнутую близъ алтаря. Тамъ на него возложили льняной бѣлоснѣжный подрясникъ, широкую византійскую ризу изъ блага шелка, расшитую золотомъ, и усѣянный крестами омофоръ; двое дѣтей подали ему островерхую тіару и первосвященнической посохъ; кардиналы, служа за дьяконовъ, стали у него по сторонамъ. Григорій произнесъ первыя слова: „Тебе, Бога, хвалимъ“.

По окончаніи этого гимна радости, онъ, все еще стоя на ступеняхъ каеэдры, снялъ тіару и, склонившись, сталъ тихо говорить первыя молитвословія обѣдни. Клирикъ, преклонивъ волѣни у ногъ папы, открылъ, поддерживая ее собственнымъ лбомъ, книгу посланій, затѣмъ Евангеліе, которое кардиналы, чередуясь, пропѣли на обоихъ клиросахъ. Передъ началомъ проскомиди онъ сошелъ съ возвышенія и съ удивительной величавостью поднялся по ступенямъ алтаря. Началось безкровное жертвоприношеніе. Соборное духовенство благоговѣнно выстроилось въ рядъ передъ солею, а смиренные пастухи римской Кампаньи робко выступили впередъ и столпились подыератической мадонной св. Луки, чтобы лучше видѣть совершеніе таинства.

Стуль пики о каменный полъ въ одномъ изъ придѣловъ вдругъ нарушилъ торжественную тишину. Кардиналъ, служившій съ папою, повернулъ лицо къ дверямъ и увидѣлъ толпу вакихъ-то пришельцевъ, двигавшуюся вдоль стѣнъ темныхъ бововыхъ придѣловъ. Онъ подумалъ, что окрестные горожане, ободренные прояснившимся небомъ, пришли поклониться своему Спасителю-Дитяти, и безъ тревоги палъ ницъ въ минуту возношенія Даровъ, какъ полагалось по чину первосвятительскаго служенія. Клирикъ зазвонилъ въ

колокольчикъ; Григорій VII, приподнявъ Тѣло Господне надъ чашею, стоялъ лицомъ къ вѣрующимъ и, оборачиваясь ко всѣмъ четыремъ странамъ свѣта, благословлялъ городъ и весь міръ.

Онъ запѣлъ „Отче нашъ“. Вторично раздался звонъ у подножья престола. Папа, наклонившись надъ престоломъ, причащался Тѣла Господня.

Въ ту минуту, какъ онъ опускалъ въ чашу послѣднія части освященнаго хлѣба изъ глубины собора до него донесся грозный шумъ. Священники и клирики обернулись и въ смятеніи увидѣли посреди церкви вооруженный отрядъ подъ предводительствомъ челоуѣка, одно имя котораго приводило римлянъ въ дрожь.

Отрядъ бросился къ алтарю, богохульствуя и грозя смертью. Священники поднялись по ступенямъ, чтобы защитить папу. Разбойники заняли клиросы до первой ступени алтаря, отталкивая пиками и отгѣсня защитниковъ первосвященника, но приблизиться къ Григорію рѣшился одинъ Ченціо.

Григорій накрылъ чашу священнымъ покровомъ. Ченціо ударилъ его по плечу. Тогда папа пристально взглянулъ на святотатца, и съ устъ его сорвались скорбныя слова Иисуса, сказанныя Іудѣ въ саду Геосиманскомъ:

— Другъ мой, зачѣмъ ты пришелъ?

Ченціо не отвѣтилъ. Онъ грубо оттащилъ Григорія отъ священной трапезы. Солдаты схватили старика и унесли его, не внимая отчаяннымъ мольбамъ духовенства. Главныя врата св. Маріи Маджоре были распахнуты настежь; на площади двигались факелы, красноватый отблескъ которыхъ образовалъ среди мрака какъ бы громадный балдахинъ; лошади, съ трудомъ сдерживаемыя конюхами Ченціо, ослѣпленныя яркимъ освѣщеніемъ церкви, дрожали и взвивались на дыбы; съ колокольни раздавался лихорадочно-торопливый набатъ, но призывъ опозореннаго храма безплодно пропадалъ въ ночной тьмѣ.

При кровавомъ свѣтѣ факеловъ, отрядъ всадниковъ, казавшихся какими-то сверхестественными существами, съ бѣшенными криками радости, проскакалъ по заснувшему городу, ровною рысью спускаясь и поднимаясь по крутымъ склонамъ Квиринала и Эсквилина. Григорій, сидя за спиною у оруженосца Ченціо, тѣсно окруженнаго всадниками, за которыми съ воемъ слѣдовала пѣшая толпа, прыгавшая по грязи не хуже лошадей,—не проронилъ ни слова мольбы или про-

клятія. Увлекавшій его живой потокъ направлялся къ Тибру. Церкви, монастыри, укрѣпленные замки съ башнями, безпорядочныя кучи жалкихъ хижинъ среди величавыхъ развалинъ мелькали мимо; онъ успѣлъ разсмотрѣть на днѣ оврага разбитую императорскую колонну Траяна, потомъ громадный силуэтъ Капитолія и аркады театра Марцелла. Тамъ, прислонившись къ столбу, неподвижный точно каменная статуя, стоялъ священникъ, и казалось, ждалъ прибытія отряда. Ченчіо, скакавшій впереди своей шайки, поклонился ему, но не получилъ отвѣта. Когда же съ нимъ поровнялся папа, Деадать съ живостью сбросилъ капюшонъ и устремилъ на свою жертву насмѣшливо-торжествующій взглядъ. Апокалипсическое видѣніе ноябрьской ночи осуществилось.

Отрядъ проѣхалъ по сѣти извилистыхъ улицъ и вскорѣ остановился передъ феодальнымъ замкомъ, логовищемъ барона. Ченчіо приказалъ своимъ людямъ ввести плѣнника во дворъ и тотчасъ же запереть ворота. Онъ самъ отвелъ папу въ верхній этажъ замка, въ келью, единственное окно которой выходило во внутренній дворъ, и, указавъ ему на родъ кресла, прислоненнаго къ стѣнѣ, сказалъ:

— Садись-ка; тебѣ здѣсь будетъ не хуже, чѣмъ любому канонику св. Іоанна Латеранскаго. Когда наступитъ день, мы потолкуемъ. Если захочешь мира, я продамъ тебѣ его не дешево, а если войны — то одно воспоминаніе о ней будетъ наводить ужасъ на праправнуковъ твоихъ кардиналовъ.

И онъ оставилъ Григорія въ темной кельѣ.

Было холодно; часы тянулись медленно. Григорій чувствовалъ себя поглощеннымъ ужасною тьмою этой ночи. Онъ спрашивалъ себя, какъ допустилъ Господь такое нечестіе, и, по какимъ таинственнымъ соображеніямъ Божія правосудія, онъ, цѣломудренный и набожный монахъ, исеушаетъ соблазнительную жизнь первосвятителей, которые позорили престолъ св. Петра во дни его юности. Значитъ, напрасны были его тридцатилѣтнія геройскія усилія очистить церковь. Значитъ, папы, совѣтникомъ и другомъ которыхъ онъ былъ, не сидятъ одесную Отца и не могли помочь ему своими молитвами въ страшный часъ битвы. Ужасное сомнѣніе смутило его совѣсть. Не ошибся ли онъ, слишкомъ настойчиво стремясь ко свѣтской власти, захватывая въ руку оба меча сразу, принуждая своихъ вассаловъ ползати у ногъ своихъ, беспощадно разрушая ихъ замки и смиряя ихъ гордость? Не ошибся ли онъ и въ своей чрезвычайной любви къ аскетизму

и въ той строгости, съ которою онъ подчинилъ своихъ братьевъ, служителей Божіихъ, уставамъ монастырскимъ? А о завтрашнемъ днѣ, о ближайшемъ будущемъ онъ не рѣшался и подумать. Его тиару сбросили въ уличную грязь; какой-то грабитель сорвалъ епископскій крестъ съ его груди; теперь онъ ни на что не годенъ, какъ только на заключеніе до самой смерти въ какой-нибудь монастырь, затерянный въ Сабинскихъ горахъ. Онъ съ содроганіемъ ставилъ себѣ вопросъ, какого преемника назначили ему его похитители: нѣмецкаго епископа, болѣе преданнаго цезарю, чѣмъ Иисусу, и готоваго продать императору достоинство римской церкви, или нечистаго юношу, сына вельможи, оскверненнаго смертными грѣхами, способнаго расточить вино съ престола въ отвратительныхъ оргіяхъ. Временами онъ говорилъ себѣ, что крушеніе апостольской ладьи совершилось, что исторія искупленія окончена, что Господь отвратилъ ликъ свой отъ людей и удалилъ церковь свою отъ своего сердца, и что онъ, Григорій,—последній монахъ и последній папа.

Тогда, среди молчанія и мрака, онъ ударилъ себя въ грудь и сталъ плакать.

Сѣроватый свѣтъ зимняго дня, безъ зари и безъ улыбки, проникъ въ келью. И Григорій почувствовалъ себя еще болѣе жалкимъ, разсмотрѣвъ ущербъ, нанесенный его первосвятительскимъ одеждамъ: покрытый грязью подризникъ, изорванную ризу, истрепанннй омофоръ. И онъ съ горечью вспомнилъ о nociомъ торжествѣ, о соборѣ, полномъ пѣснопѣній, гдѣ онъ благословлялъ дѣтей и пастырей, о поруганномъ таинствѣ, о Крови Господней, оставленной на бѣломъ покровѣ престола.

Извнѣ слышались тяжелые шаги. Дверь открылась, и показался баронъ.

— Ты спалъ?—спросилъ Ченціо.

— Я молился,—отвѣтилъ Григорій.

— Монашеское бормотанье не прошло сквозь своды моей башни. Богъ не услышалъ тебя. Ты видишь, что Онъ повинулъ тебя.

— Онъ и Сына Своего покинулъ, распятаго между двумя разбойниками, но только на три дня. Я подожду.

— Прождешь и дни, и недѣли, и годы, если понадобится. Ты—хрупкая игрушка въ моей рукѣ. И тебѣ предстоятъ одиночество, голодъ, тьма, всякіе ужасы, всякія муки, пока ты не исполнишь моей воли.

— Чего тебѣ нужно отъ меня? Я—епископъ и владыка всѣхъ душъ, а ты безсиленъ надъ моею совѣстью.

— Я могу замучить тебя до смерти.

— Это будетъ искупленіемъ грѣховъ моихъ. Въ настоящее время церкви нужна кровь мученика, чтобы смыть съ нея пятно безчестія.

Ченціо пожалъ плечами. Тутъ ему припомнились рѣчи Деадата.

— Тирана, изгнаннаго изъ дворца и отданнаго толпѣ на посмѣяніе, епископа, выгнаннаго изъ епархіи, клирика, посаженнаго въ монастырскую тюрьму, никто не признаетъ мученикомъ. Но сначала ты торжественно отречешься отъ твоего сана среди вельможъ, которыхъ ты ограбилъ и унижилъ. Ты вернешь имъ право избирать папу, ихъ сюзерена, съ согласія императора, нашего верховнаго властителя. Затѣмъ, если ты переживешь такое посрамленіе, ты останешься монахомъ, ради собственнаго удовольствія, но подальше отъ Рима, и можешь цѣлый день распѣвать заутреню и вечерню. А я поручу тебя попеченіямъ одного моего пріятели, аббата, котораго ты будешь звать „батюшкой“.

— Я останусь папою до послѣдняго моего часа. Одинъ Господь надо мной Властитель. Можешь хоть сейчасъ доверить твое преступленіе; но ты, мятежный вассалъ, убьешь папу, князя всѣхъ царей, повелителя императоровъ...

Взбѣшенный Ченціо, замахнувшись, сдѣлалъ шагъ къ старику.

— ...Если Господь допуститъ тебя до этого,—продолжалъ Григорій.—А уже настало время суда Его. Слушай.

Странный шумъ, подобный гулу отдаленной большой толпы, доносился до кельи. Ченціо остановился и сталъ прислушиваться. Толпа, очевидно, двигалась поспѣшно, такъ какъ гулъ усиливался съ удивительною быстротою. Казалось, весь Римъ возсталъ и устремился къ замку барона. Уже среди смутнаго гула народнаго раздавались трубные звуки, проклятія, призывы къ оружію. Первый напоръ этого людскаго потока ударился о стѣны и потрясъ ветхое зданіе. Ченціо тотчасъ же бросилъ плѣнника и кинулся по лѣстницѣ на главную башню.

Насколько хваталъ его взглядъ, по всѣмъ улицамъ, примыкавшимъ къ замку, двигались будто черные муравьи съ громкимъ крикомъ. Ченціо на минуту перегнулся черезъ брустверъ и разглядѣлъ въ самомъ низу авангардъ этой арміи,

шумно спускавшейся съ семи холмовъ: закованную въ жезѣо латеранскую гвардію, нормандскихъ стрѣлковъ—наемниковъ церкви, capitoлийскую милицію, а затѣмъ ремесленниковъ, которые, засучивъ рукава до плечъ, потрясали ножами, дубинами, болтами, монаховъ, махавшихъ пиками и алебардами, женщинъ и дѣтей изъ простонародья, тащившихъ бревна и лѣстницы, пастуховъ въ сопровожденіи ихъ свирѣпыхъ собакъ и съ пращами въ рукахъ. И всѣ они устремляли на крѣпость взгляды, сверкавшіе гнѣвомъ, какъ бы ожидая, что гдѣ-нибудь въ окнѣ покажется тотъ, кого они ищутъ. Вдругъ, они узнали Ченціо на платформѣ башни и разразились дружнымъ, страшнымъ крикомъ:

— Григорія!

Римъ пришелъ за своимъ епископомъ.

Не медля, они принялись за осаду замка. Баронъ собралъ свой разбойничій гарнизонъ, разставилъ его по мѣстамъ и приготовился къ борьбѣ на смерть. Онъ отлично понималъ, что со своими наличными силами продержится всего нѣсколько часовъ, не долѣе, чѣмъ до ночи. Но онъ полагалъ, что папа, убоявшись междоусобной войны, сложить съ себя первосвятительскій санъ, прежде чѣмъ народъ выломаетъ двери его тюрьмы; онъ рассчитывалъ также на помощь римскихъ вельможъ и виновныхъ влириковъ, за которыхъ ему предстояло сразиться; наконецъ, онъ надѣялся, что Деадатъ успѣетъ отправить гонца по Кампаньѣ *) изъ замка въ замокъ до Тусвулума и Тиволи и что отряды его пѣровъ **), выйдя къ вечеру изъ воротъ Маджоре и св. Іоанна, нападутъ съ тыла на всю эту чернь. Ему неизвѣстно было, что въ этотъ самый часъ тщательно охраняются всѣ выходы изъ города, даже пробойны въ старыхъ стѣнахъ и оба берега Тибра; что въ Капитоліи вельможи, смущенные взрывомъ народныхъ страстей, заключили съ делегатами ремесленниковъ союзъ для спасенія папы, и что во всѣхъ приходяхъ, во всѣхъ монастыряхъ священники и монахи, — и симоніаки и аскеты, — охваченные религіознымъ ужасомъ и полагая, что сатана насилуетъ церковь по предсказанію апостола, молились за намѣстника Божія.

За рѣшеткою каждаго окна, у каждой бойницы, вдоль зубчатой террасы, возвышавшейся надъ внѣшнимъ фасадомъ

*) Кампанья—равнина, среди которой стоитъ Римъ.

***) Пѣрами назывались въ средніе вѣка равные по званію люди; напр., для Ченціо—такіе же бароны, какъ и онъ самъ.

замка, Ченчіо разставилъ стрѣлковъ изъ лука и метателей дротиковъ. Онъ приказалъ беречь боевые снаряды; слѣдовало, по возможности, затянуть борьбу, не особенно распаяя бѣшенство осаждающихъ, и болѣе всего защищать ворота, чтобы ихъ не разбили таранами, или не подожгли. Онъ послалъ бродягъ, вызванныхъ имъ изъ пещеръ Колизея, наломать камней изъ мостовой во дворѣ и плитъ изъ галлерей, чтобы образовать прочную баррикаду передъ лѣстницей той башни, куда онъ заперъ Григорія. Затѣмъ, высокомерно поднявъ голову, Ченчіо скрестилъ руки и сталъ ждать.

Началось нападеніе на замокъ. На его стѣны посыпался градъ камней и стрѣлъ; но эта первая ребяческая попытка болѣе повредила осаждавшимъ, нежели осажденнымъ. Камни отскакивали прямо въ лицо римлянамъ, къ величайшей радости солдатъ Ченчіо. Тогда пастухи изъ Лаціума проникли въ окрестные дома и повлѣзали на крыши; камешки, пущенные изъ сотни прощей засвистѣли и, перелетѣвъ стѣну замка, серьезно ранили кое-кого изъ его защитниковъ. Баронъ приказалъ своимъ людямъ отступить въ лучше защищенные галлерей, радуясь въ то же время, что врагъ посылаетъ имъ такъ много боевыхъ припасовъ.

— Истинные христіане, — вскричалъ онъ, — эти папскіе клирошане! Немножко кислы ихъ апельсины; ну, мы вернемъ имъ поспѣлѣе!

Вдругъ раздался страшный грохотъ въ крытомъ переходѣ, ведшемъ на улицу. Ворота подъ ударами бревенъ, звучали, точно громадный бубень. Ченчіо нахмурилъ брови: касались его слабой стороны. Но за четвертымъ ударомъ послѣдовалъ вой боли, и лицо барона прояснилось.

— Это отвѣтъ моихъ стрѣлковъ, — сказалъ онъ. — Сто булавочныхъ укуловъ за одинъ ударъ бревномъ. Грудь и спина этой сволочи — прекрасныя подушки для булавокъ!

Снаружи, у воротъ, горсть ремесленниковъ и пастуховъ, обливаясь кровью, отступила въ средину толпы. Остальные побросали свои военные снаряды и подались назадъ. Снова пращи схватились съ бойницами и террасами. Стрѣлки благоразумно попрятались за выступы стѣнъ и зубцы. Народъ, вообразивъ, что они отступили, винулся къ брошеннымъ на окровавленную землю снарядамъ и быстро, съ лихорадочнымъ рвеніемъ, началъ пробивать ворота. Ему вторично отвѣтила туча стрѣлъ.

Римляне продержались нѣсколько минутъ, но земля была

усѣяна ранеными и убитыми. Народъ опять отступилъ, очистивъ улицу. Въ толпѣ слышался сворбный ропотъ, а у подножья проклятой вѣрности тамъ и сямъ раздавались послѣдніе стоны умирающихъ.

Тогда Ченчіо вновь одинъ появился на башнѣ. Народъ взглянулъ на него съ суевѣрнымъ ужасомъ. Этотъ человѣкъ, надругавшійся надъ самимъ Богомъ, безъ сомнѣнія, заключилъ союзъ съ дьяволомъ. А баронъ съ тревогою искалъ по замкамъ всего Рима какого-нибудь сигнала, обѣщающаго помощь, знамени, поднятаго на вершину башни. Но отъ Капитолія до Марсова Поля, отъ Яникула до Колизея ничто не поддержало его надежды.

— Такъ они испугались этихъ оборванцевъ,—бормоталъ онъ,—и отступились отъ меня! Римскіе вельможи храбры только съ плѣшивыми попами св. коллегіи. Завтра, если эти негодяи отобьютъ своего папу, они пойдутъ прикладываться къ кольцу Григорія, а меня вздернутъ на висѣлицу этого бѣдняги Кресченція. Развѣ оттуда придетъ мнѣ помощь...

И онъ повернулся къ обширной равнинѣ, торжественной и печальной, волнообразно уходившей вдаль между горами и моремъ, облитой блѣднымъ свѣтомъ декабрьскаго утра. Но мужество народа пробудилось вновь. Толпа юношей, уроженцевъ Транстевере, принесла новую осадную машину: вязанки хвороста, взятая съ лодки, причаленной къ берегу Тибра подъ храмомъ Весты. Въ одну минуту, подъ стрѣлами осажденныхъ, наполнился хворостомъ широкій порталъ, слишкомъ глубокій, чтобы можно было тушить сверху. На хворостъ полетѣли головни, и Ченчіо увидѣлъ совершенно прямой столбъ рыжеватаго дыма. Онъ сжалъ кулаки, произнесъ проклятіе и побѣжалъ къ своимъ разбойникамъ.

Онъ засталъ ихъ въ полномъ смятеніи. Нѣкоторые уже толковали о необходимости сдать и замокъ, и папу; другіе осыпали проклятіями человѣка, который, за три червонца, впуталъ ихъ въ такое опасное предпріятіе. Ему удалось пристыдить и ободрить ихъ.

— Пусть трусы,—сказалъ онъ,—уйдутъ на ту террасу, куда рѣже долетаютъ камни этой сволочи. Я призову депутацію изъ женщинъ и дѣтей, чтобы принять отъ нихъ повинную и свести ихъ въ ближайшую исповѣдальню.

Никто не отвѣтилъ ни слова. Упоминаніе объ исповѣдальнѣ показалось смѣшнымъ и вызвало хохотъ. Одинъ недавно отлученный отъ церкви монахъ даже началъ читать: „Вѣрую...“,

весело ударяя себя въ грудь. Но Ченціо взглянулъ на него косо, и тотъ умолъ съ первыхъ же словъ.

А время шло. Дымъ клубился изъ подъ воротъ, огненные языки уже начинали лизать почернѣвшіе камни вокругъ нихъ. Снаружи толпа затихла, любуясь своей работой. Баронъ разставилъ своихъ стрѣлковъ во дворѣ, передъ баррикадою, лѣстницу занялъ людьми, вооруженными пиками и тесаками, а прочихъ, вооруженныхъ камнями, послалъ на галлерей перваго этажа. Оставалось еще разъ попытаться запугать Григорія. Онъ вошелъ въ келью плѣнника.

— Тебѣ хотѣлось крови, — сказалъ онъ, — крови овецъ твоихъ, пастыръ, исполненный милосердія. Ну что жъ? Она течетъ ручьями. Не утомила ли тебя эта бесполезная рѣзня, и не произнесешь ли ты того слова, котораго я жду, чтобы положить ей конецъ?

— Они умерли за вѣру, и Господь принялъ ихъ въ Царство Небесное. Но эта христіанская кровь да падетъ на твою голову. Что же касается меня, хранителя чести церкви, то я не уступлю ни въ чемъ. Я довольно жилъ, такъ какъ дожилъ до твоего преступленія. Въ эту ночь, во мракѣ моей темницы, я видѣлъ славные образы великихъ первосвятителей-мучениковъ; они звали меня, и я спѣшу присоединиться къ нимъ. Мнѣ больше нечего тебѣ сказать, и ты не добьешься отъ меня ни слова.

Съ улицы слышались дикіе крики радости; клубъ дыма и длинный столбъ пламени ворвались во дворъ. Народъ топорами разбивалъ обломки воротъ, наполовину уничтоженныхъ огнемъ; затѣмъ черезъ горѣвшій еще костеръ начали перескакивать въ безпорядкѣ латеранскіе и капитолійскіе солдаты, монахи, подоткнувъ рясы за пояса, кожевники изъ Реголы, мясники изъ Рипетты, кузнецы изъ Транстевере, атлетическіе пастухи Кампаньи и ихъ псы, слѣдовавшіе за ними съ воємъ. Ченціо услышалъ, какъ этотъ живой потокъ налетѣлъ на ряды его воиновъ, какъ о шлемы и латы зазвенѣли молоты и болты, какъ, задыхаясь, схватывались грудь съ грудью, какъ на обнаженные головы посыпались сверху кирпичи и камни, вызывая проклятія противниковъ, душившихъ другъ друга за горло. Испугавшись того, что онъ сдѣлалъ, онъ съ минуту поколебался и сталъ искать глазами взгляда папы; онъ уже готовъ былъ склониться и воззвать къ милосердію своего плѣнника; но Григорій, закрывъ глаза и сложивъ руки, не видѣлъ его и не

слышалъ. Баронъ удалился медленными шагами и понуривъ голову, какъ человѣкъ, идущій на гибель.

Вскорѣ толпа преодолѣла сопротивленіе осажденныхъ, опрокинула и раскидала баррикаду и схватилась на темной лѣстницѣ съ солдатами барона. Эта борьба ощупью, грудь съ грудью, была еще ужаснѣе, боевые клики, замиравшіе въ нѣдрахъ крѣпости среди мрака, звучали грознѣе.

Григорій почувствовалъ приближеніе грандіознѣйшей катастрофы. Онъ перекрестился и началъ отходную по себѣ и погибающимъ жертвамъ.

Вдругъ, около него, на плитахъ пола, раздались тихіе шаги, затѣмъ вздохи и подавляемья рыданья; папа прервалъ свою молитву, и подыалъ взоръ: передъ нимъ стоялъ ребенокъ, весь въ слезахъ и съ мольбою протягивалъ руки.

Это былъ совсѣмъ молоденькій мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, одѣтый бѣдно, съ гордымъ и кроткимъ лицомъ, широкимъ и яснымъ лбомъ, отѣненнымъ кудрями густыхъ, темныхъ волосъ—головою чисто римской, напоминавшей юнаго Гравха—съ тонкими и нѣсколько повелительными губами, очерченными съ изяществомъ античной камеи и большими черными глазами, невинными и ласковыми, какъ у юной дѣвицы.

— Кто ты и чего тебѣ, сынъ мой? Эта комната—те бѣ не убѣжище, такъ какъ у порога ея стоитъ уже ангель смерти и торопится войти.

— Я—Викторинъ, сынъ Ченчіо. Матери у меня нѣтъ. Отецъ, не знаю почему, обходится со мною сурово, не ласкаетъ никогда, не допускаетъ къ своему столу и оставляетъ меня въ уединеніи и тоскѣ. Вчера вечеромъ онъ отвелъ меня въ келью, сосѣдную съ этою, и запретилъ выходить, пока не позоветъ меня. По тревогѣ въ замкѣ и крикамъ съ улицы я понялъ, что совершаются важныя дѣла, что люди сражаются и умираютъ. Но я не зналъ причины этой свалки у нашего дома. Ко мнѣ въ келью забѣжалъ перевязать рану какой-то воинъ, весь въ крови, съ проломленной головой; онъ мнѣ все рассказалъ. Вотъ я и пришелъ. Батюшка, батюшка, пожалѣйте меня и простите мою смѣлость. Я малъ, слабъ и безоруженъ. Но я не позволю имъ ранить васъ, поднять на васъ руки. Въ тотъ вечеръ, какъ умерла моя мать, я стоялъ у ея постели и помню ея совсѣмъ бѣлое лицо. Она наелонилась ко мнѣ и тихо шепнула мнѣ слова, которыхъ я не забылъ. Я общалъ всегда быть вѣрнымъ ея послѣдному завѣту. Я общалъ

стать современемъ рыцаремъ церкви и самымъ покорнымъ ея сыномъ. А потомъ я получилъ отъ нея послѣдній поцѣлуй, и она почилъ въ великомъ мирѣ. Теперь насталь часъ сдержать мою клятву. Можетъ быть, они не посмѣютъ тронуть васъ, если сначала придется убить сына ихъ господина. И хотя я могу защищать васъ только мольбами, но, можетъ быть, ваши вооруженные друзья тѣмъ временемъ успѣютъ придти сюда и спасти васъ...

И очень робко, послѣ небольшого колебанія, онъ прибавилъ:

— Тогда я буду умолять васъ о немъ, о его спасеніи.

— Бѣдный ребенокъ!—сказаль Григорій.—Милый маленький рыцарь церкви! Приди же ко мнѣ, и да прикроетъ Господь щитомъ своимъ нашу съ тобою слабость.

Викторинъ съ величайшимъ почтеніемъ приблизился къ плѣннику и сѣлъ у ногъ его. Старый святитель возложилъ руки на голову отрока, пропуская между пальцевъ его шелковистыя кудри. Мальчикъ уже не плаваль. Онъ чувствовалъ себя священнымъ. Лучъ гордости скользнулъ по лицу его, и глаза съ геройскою твердостью устремились на двери кельи. Битва была уже близко, въ узкомъ корридорѣ. Еще нѣсколько минутъ, и кощунство должно было довершиться.

Вдругъ раздался рѣзкій и суровый голосъ, голосъ Ченціо. Онъ нѣсколько разъ повторилъ какую-то военную команду. Внезапно смолкло все, и баронъ, съ силою распахнувши дверь, упаль на колѣни передъ Григоріемъ VII.

Онъ былъ смертельно блѣденъ, въ глазахъ его выражался ужасъ человѣка, гибнущаго среди бурнаго моря безъ всякой надежды на спасеніе. Его пробитыя латы были залиты кровью; онъ швырнулъ на-земь свой переломленный мечъ.

Папа и ребенокъ встали. Григорій сдѣлаль величественный жестъ проклятія; Викторинъ бросился къ нему на шею и остановилъ отлученіе, готовое обрушиться на его побѣжденнаго отца.

— Прости меня,—говорилъ этотъ жалкій человѣкъ.—Я здѣсь, у ногъ твоихъ, молю не карать меня за мое преступленіе. Я надругался надъ престоломъ Божиимъ и надъ яслями Господа Иисуса; я похитилъ тебя изъ церкви, тебя, моего епископа и господина. Оважи мнѣ милосердіе, назначь мнѣ наказаніе за грѣхъ мой, но защити отъ гнѣва народнаго и отъ праведнаго суда Господня. Прими меня въ твои руки и

зачти мнѣ этотъ день за искупленіе. Но дозвожь мнѣ жить для спасенія души моея и усмири, молю тебя, эту бурю, которую я, по злобѣ, поднялъ. Я боюсь сатаны и чувствую, какъ когти его вонзаются мнѣ въ тѣло. Я погибну на вѣки, если ты не умилосердишься надо мною!

Папа не двигался и не удостоивалъ опустить взоръ на Ченчіо; ни одинъ лучъ состраданія не смягчалъ скорбной суровости лица его. Викторинъ понялъ неизбежное рѣшеніе Григорія, и когда тотъ открылъ ротъ для произнесенія приговора, ребенокъ прижался къ сердцу святителя и прошепталъ волшебныя слова, раздавшіяся нѣкогда среди холмовъ Галилеи:

— Блаженны милостивые!

Папа содрогнулся; краска вспыхнула на челѣ его; онъ взглянулъ на мятежника, лежавшаго во прахѣ у ногъ его, и по губамъ его скользнула улыбка милосердія.

За дверью возобновилась страшная рукопашная свалка. Со двора народъ, считая капитуляцію барона притворною, требовалъ немедленной выдачи плѣнника.

Григорій сѣлъ и сказалъ Ченчіо:

— Иисусъ простилъ палачей своихъ, и я, рабъ рабовъ Его, долженъ простить тебя. Но ты произвелъ насиліе надъ святою римскою церковью въ моемъ лицѣ, и рука твоя коснулась престола Всевышняго. За это ты долженъ каяться и плакать. Ты пойдешь въ Іерусалимъ, одинъ, съ сумою и посохомъ пилигрима; ты ударишь себя въ грудь въ томъ саду, гдѣ Господь страдалъ и молился, и на той горѣ, гдѣ Его распяли жидаы. Потомъ, очистившись, ты вернешься поклониться мнѣ, какъ вѣрный вассалъ. Этотъ же ребенокъ, сынъ твой, отнынѣ принадлежитъ мнѣ и останется у меня. Теперь призови вождей моего народа, чтобы мнѣ вручить имъ охрану твоей жизни.

Военачальники Латерана и Капитолія вошли въ келью. Григорій передалъ имъ Ченчіо и, держа мальчика за руку, вышелъ впереди всѣхъ. Когда онъ показался на террасѣ замка въ сопровожденіи барона, окруженнаго римскими рыцарями, его встрѣтили громогласные привѣтственные крики. Онъ сдѣлалъ знакъ, и толпа преклонила колѣни. Тогда, среди глубокаго молчанія, онъ сказалъ, указывая на Ченчіо народу:

— Этотъ человекъ получилъ отпущеніе и поклонился покаяться. Пусть никто не оскорбляетъ и не бьетъ его, когда

онъ, сію минуту, выйдетъ изъ этого дома: онъ—мой гость, и я ручаюсь за него передъ Богомъ честию церкви. Это—бѣдный богомолецъ, который пойдетъ въ Иерусалимъ, — и только. Дозвольте разойтись его сообщникамъ и забудьте ихъ имена и лица. Подберите вашихъ убитыхъ и не плачьте о нихъ, потому что они удостоились отъ Иисуса Христа вѣнца исповѣдниковъ. А меня, дѣти, возьмите на руки и отнесите въ храмъ св. Маріи Маджоре, гдѣ Господь все еще ждетъ меня на престолѣ.

Народъ разступился, чтобы пропустить Ченчіо, котораго военачальники проводили до Капитолія. Тамъ онъ вскочилъ на коня, какъ и его спутники, и во весь духъ поскакалъ къ воротамъ св. Севастьяна. Они разстались съ нимъ на Аппіевой дорогѣ, въ полной увѣренности, что онъ пройдетъ въ Гаету, гдѣ сядетъ на первую же галеру, идущую въ восточныя моря. Но, очутившись одинъ и на свободѣ, измѣнникъ остановился, обернулся къ Риму, съ ненавистью поглядѣлъ нѣкоторое время на далекия башни Латерана и, пустивъ лошадь прямо по полю, большими объѣздами выѣхалъ на Эмилиеву дорогу; по ней онъ поскакалъ день и ночь, ни на минуту не останавливаясь на отдыхъ. Онъ такъ спѣшилъ не къ Гробу Господню, а къ императору Генриху, королю римлянъ, возставшему противъ римскаго папы.

Между тѣмъ народъ устраивалъ торжественное возвращеніе Григорія въ церковь св. Маріи Маджоре: сдѣлали носилки изъ древесныхъ вѣтвей, покрытыхъ плащами, посадили на нихъ папу и прикрыли его мѣховыми одеждами.

При блескѣ заходящаго солнца и при крикахъ радости Григорій возвращался по той же дорогѣ, по которой его везли среди мрака ужасной прошедшей ночи. Викторинъ, защищаемый отъ напора толпы нѣсколькими юношами, не отставалъ ни на шагъ отъ первосвятительскихъ носилокъ. По мѣрѣ того, какъ они двигались по все болѣе и болѣе темнымъ улицамъ, освѣщались дома, церкви, замки, монастыри, второпяхъ украшенные коврами и листвою. Затѣмъ во всѣхъ рукахъ заблистали свѣчи, факелы и лампы, отовсюду раздались народные гимны и, подавленный волненіемъ, полубезчувственный Григорій, несомый на головахъ своего народа, медленно приблизился къ своей церкви.

Когда онъ вступилъ на площадь св. Маріи Маджоре, священная коллегія *) вышла изъ собора и пала ницъ передъ

*) Собраніе кардиналовъ, которому принадлежало право выбора папы.

его вратами. Онъ съ трудомъ и шатаясь, сошелъ съ носилокъ. Но въ глубинѣ сіяющаго алтаря, въ большой золотой рамѣ византійскихъ мозаикъ, онъ увидѣлъ покрытый цвѣтами престолъ и чашу подъ покровомъ; тогда, выпрямившись и поднявъ голову, слегка опираясь на Викторина, онъ твердымъ шагомъ вошелъ въ церковь, предшествуемый трехколеннымъ крестомъ и шедшими попарно кардиналами. На ступеняхъ солеи одинъ изъ клириковъ подалъ ему воды изъ серебрянаго рукомойника, но онъ отказался снять первосвятительскія одежды, испорченныя разбойниками Ченчіо. Въ изорванной ризѣ, въ грязномъ омофорѣ, онъ взошелъ на алтарныя ступени, все время имѣя по правую руку этого ребенка съ гордыми и кроткими глазами, котораго никто не зналъ. Папа склонился въ молитвѣ на нѣсколько минутъ, затѣмъ открылъ чашу и причастился.

— И такимъ образомъ, — наивно свидѣтельствуетъ описавшій это событіе очевидецъ, — ничего не вѣвъ съ предыдущаго дня, онъ дослужилъ, съ наступленіемъ ночи, обѣдню, начатую при первомъ крикѣ пѣтуха.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

(Посвящается В—ѣ. К—ѣ. П—К).

Очень различны дѣла человѣческія; изъ всѣхъ своихъ дѣлъ сами люди отличаютъ дѣла помощи и называютъ ихъ, въ отличіе отъ остальныхъ дѣлъ, дѣлами благотворительности, т.-е. дѣлами, творящими благо или добро. Первое отличіе такихъ дѣлъ есть даръ—матеріальная ли помощь, слово ли утѣшенія, услуга ли нуждающемуся, большой или малый, но всегда даръ; второе отличіе то, что даръ этотъ дается не по расчету, часто даже не по разуму, а по сердечному влеченію, потому что здѣсь нѣтъ расчета и не можетъ быть его, такъ какъ нѣтъ уплаты. Третье отличіе такихъ дѣлъ—это миръ душевный, который дается не тому, кто получилъ даръ (у него есть другое), а тому, кто далъ его.

По улицѣ шелъ хромой нищій и просилъ „Христа-ради“, протянулъ руку и уронилъ свой костыль. Шли двое, и первый подаль нищему милостыню—монету, я не видалъ какую, можетъ быть серебряную, а можетъ быть мѣдную, а второй прохожій нагнулся и поднялъ нищему костыль. Чѣмъ отличаются эти два дѣла помощи и въ которомъ больше того чего-то чистаго, что люди называютъ благотворительностью? на это дали мнѣ два отвѣта. Первый отвѣтъ далъ мнѣ одинъ старый докторъ, который любитъ разсуждать о дѣлахъ человѣческихъ; онъ говоритъ: первый прохожій далъ нищему то, что ему показалось „можно“ дать, т.-е. обсудилъ просьбу не съ его, нищаго, точки зрѣнія, а съ своей личной точки зрѣнія и прошелъ, а второй прохожій поставилъ себя на мѣсто нищаго въ мысляхъ своихъ, призналъ его равнымъ съ собой и далъ ему то, что „нужно“ было дать, далъ ему милостыню услугою, личнымъ своимъ трудомъ. Второй отвѣтъ дала мнѣ дѣвочка, такъ лѣтъ 10 или 12; она говоритъ: второй про-

хойій даль нищему лучше; почему—она не знаетъ, а такъ ей кажется: у нихъ въ семьѣ дѣти любятъ другъ друга, стараются помочь, услужить чѣмъ могутъ. Что, если бы вмѣсто этого, они подавали монетки другъ другу? и дѣвочка засмѣялась. Третьяго отвѣта я уже не спрашивалъ; ясно, что первый прохожій исполнилъ завѣтъ милости, а второй прохожій исполнилъ завѣтъ милости и завѣтъ труда. Намъ довольно этого примѣра, чтобы понять мой рассказъ о томъ, что случилось на улицѣ: всякій даръ есть дѣло милости и разумѣется, хорошее дѣло, а даръ своего труда и милости выше того—это благотворительность полная и настоящая: здѣсь трудомъ исполняется законъ милости и милостью освящается законъ труда; трудъ здѣсь живой свидѣтель милости подобно тому, какъ добрыя дѣла считаются живыми свидѣтелями вѣры. Такъ думаютъ люди и вѣрятъ въ эти два основныхъ закона души человѣческой, все равно, будетъ ли она въ тѣлѣ богатаго или въ тѣлѣ нищаго, въ тѣлѣ негра или самоѣда или въ тѣлѣ европейскаго жителя. Слѣды этой вѣры мы видимъ въ дѣлахъ людей во всѣхъ странахъ свѣта и въ документахъ всѣхъ вѣрованій; такъ присуща эта вѣра душѣ человѣка.

Благотворительныя дѣла дѣлаются просто, тихо, ими не хвалятся хорошіе люди, не печатаютъ въ газетахъ; поэтому, можетъ казаться, что ихъ мало на свѣтѣ, но это только кажется: каждый навѣрно знаетъ много такихъ случаевъ и можетъ назвать такихъ людей, если это будетъ нужно. Многіе, можетъ быть сами, испытывали счастье помочь и послужить другому; я говорю испытывали, а не испытали, потому что кому привелось исполнить это просто, какъ слѣдуетъ, безъ бубенчиковъ, а какъ это дѣлаютъ въ селахъ и деревняхъ, тотъ уже захваченъ имъ, понялъ это и сдѣлаетъ и въ другой и въ третій разъ и такъ до конца. Такимъ образомъ дѣла благотворительности входятъ въ правило у человѣка, у людей, у дѣльныхъ племенъ и народовъ. Съ такими народами, разумѣется, жить легче; я скажу о нихъ нѣсколько словъ.

Есть страна, которую называютъ теплицей сѣвера, гдѣ тундры суть гранитныя горы, покрытыя лѣсомъ и оленьимъ ягелемъ (боровою мохъ зовутъ его русскіе), пушистымъ, какъ дорогой бархатный коверъ, только еще пушистѣе, особенно послѣ легкаго дождя, еще мягче и красивѣе. Тамъ много рѣкъ и озеръ, и въ рѣкахъ шумятъ водопады, раковины дѣлаютъ жемчугъ, и играютъ тюлени; тамъ солнце ярко свѣтитъ во все лѣто полярнаго дня, и слово людей такъ же вѣрно,

какъ это солнце. Эта страна есть сѣверная Лапландія; живутъ въ ней лопари, о которыхъ что-то мало написано въ учебникахъ географіи, но я прожилъ съ ними цѣлое лѣто и успѣлъ узнать этихъ добрыхъ, вѣрныхъ людей. Есть другая, тоже сѣверная страна, по другую сторону Бѣлаго моря—это Канинская тундра, „Салея“ зовутъ ее самоѣды; она самая западная часть самоѣдскихъ тундръ, которыя тянутся по берегу Ледовитаго моря чрезъ Ураль, устье рѣки Оби, до устья рѣки Енисея въ Сибири. Тутъ тундра значить уже не гранитная гора, какъ въ Лапландіи, а длинная, широкая, плоская, сырая низменность, вродѣ огромнаго болота, густо заросшаго зеленымъ мхомъ и осоками, съ маленькими озерками, какъ окошечками свободной воды въ оторочкѣхъ зеленой полосы мха съ бѣлыми султанчиками пушицы или же въ оторочкѣхъ темно-коричневой грязи торфа. Тамъ сѣверные олени, запряженные четверкой врадъ въ легонькіе санки, грузнуть по волѣно мѣстами, гдѣ жидко, и только краснобурая вода брызжетъ изъ подъ ихъ маленькихъ копытъ. По этому болоту лежатъ большіе и малые торфяные плоскіе холмы (ихъ зовутъ „мага“ самоѣды) цвѣтомъ темно-коричневаго бархата; ближе къ осени они покрыты темной зеленью морошки сначала съ малиновыми, а потомъ съ ярко-оранжевыми ягодами. Эти маги состоятъ изъ торфа, и на глубинѣ 8 или 10 вершковъ въ нихъ лежитъ вѣчный полярный ледъ, который звенитъ при ударѣ, а по краямъ этого природнаго погреба или ледника зыбкое болото, куда легко входитъ длинное самоѣдское копые („тюр“ зовутъ его самоѣды) на большую глубину. Лѣсовъ нѣтъ въ настоящей тундрѣ, потому что даже лиственница не можетъ выносить тамъ зимы и холодныхъ морянъ (вѣтры съ моря), и только малорослый вустарникъ ивняковъ доходитъ почти до Ледовитаго океана. На бѣломорскомъ берегу Канина, опоясанаго подводными мелями (ихъ зовутъ „кошками“ наши промышленники) очень ясны правильные приливы и отливы моря. Особенно красивы приливы, когда приходится идти по обнаженному морскому дну въ часы морского отлива и вслушиваться въ нарастающій гулъ прилива, пока не покажутся бѣлые гребни морскихъ волнъ, и не начнется шумъ прибоя, когда волны бьются о подводныя мели, когда „море кошку топить“, говорятъ наши промышленники; тутъ нужно скорѣе на берегъ. Въ этой тундрѣ кочуютъ лѣтомъ самоѣды съ своими стадами сѣверныхъ оленей, постепенно переходя изъ области лѣсовой тундры къ Канинскому Камню (такъ зовутъ невысокій горный

*

хребеть, который тянется отъ Канинскаго Носа къ Микулкину Носу) или къ прибрежью Ледовитаго моря. Здѣсь остаются они въ своихъ чумахъ (палатка, покрытая узорчато спитой берестой) до осени, когда уже по вечерамъ на небѣ заблестятъ звѣзды, озера задымаются туманами, и потемнѣютъ верхушки тундровыхъ осокъ. Въ этой странѣ живутъ самоѣды, о которыхъ ученый ботаникъ Рупрехтъ сказалъ только два слова въ своей флорѣ самоѣдской земли: „gens proba“, т.-е. честный народъ; — сказалъ онъ это коротко и по-латыни, потому что, по обычаю, флоры пишутся коротко и на латинскомъ языкѣ. Другой путешественникъ рассказываетъ, какъ онъ ѣхалъ поздней осенью, въ глухія темныя ночи по низменной тундрѣ по срединѣ Канина; послѣ труднаго пути пришлось остановиться, и самоѣды-проводники стояли молча, опершись на свои длинныя копыя: звѣзды должно быть далеко отсюда, — сказалъ одинъ изъ нихъ, смотря на небо; тамъ блистала звѣзда сѣвера, полярная звѣзда. Кончая свой рассказъ, путешественникъ (Аубель) говоритъ: они относились къ намъ все съ большимъ довѣріемъ, и намъ стало ясно, что они способны къ истиннымъ, задушевнымъ отношеніямъ. Можно привести еще нѣсколько симпатичныхъ отзывовъ вполне достовѣрныхъ ученыхъ изслѣдователей и путешественниковъ, но я лучше расскажу одинъ маленькій, казался бы ничтожный, случай. Разъ, это было три года назадъ, ѣхалъ я по Канинской тундрѣ у Ледовитаго моря, лѣтомъ, по обычаю въ маленькихъ санкахъ, запряженныхъ четырьмя сѣверными оленями; пришлось проѣзжать довольно крутымъ косогоромъ надъ озеромъ. Вблизи самоѣды объѣзжали (обучали) оленей, увидалъ меня, бросилъ свое дѣло и подбѣжалъ поддержать мои санки со стороны озера, когда они скользили по косогору. Въ отвѣтъ на мою благодарность, онъ сказалъ: „если бы я не помогъ тебѣ, какой бы я былъ человекъ?“ Такія слова не забываются; годъ спустя послѣ того, я нашелъ въ одной самоѣдской пѣснѣ (поетъ жена самоѣда), записанной въ Сибири, что такая помощь въ обычаѣ всего самоѣдскаго племени. Тѣмъ же лѣтомъ, прожилъ я два дни въ чумѣ самоѣда Алексѣя у рѣчки Большой Бугряницы, гдѣ онъ ловилъ рыбу; въ его семьѣ жила чужая бабушка, бѣдная, одинокая, посторонняя женщина, не принимала участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ и шила что-то для себя. Послѣ, въ другихъ чумахъ я видѣлъ такихъ же чужихъ, старыхъ женщинъ, которыя тоже не работали для хозяевъ, у которыхъ онѣ живутъ, и я узналъ, что такая помощь бѣднымъ въ общемъ обычаѣ пле-

мени, а самое важное то — что все это дѣлается очень просто, и никто не говоритъ объ немъ. Если проведемъ предъ своими мысленными глазами другія инородческія племена сѣвера, напр., Тунгусовъ Сибири, Алеутовъ съ острововъ Берингова моря, Иннуитовъ (эскимосы) западнаго берега Гренландіи — мы увидѣли бы то же самое, ту же помощь нуждающемуся, какъ обычай племени. Вотъ почему я беру свои примѣры изъ пустынныхъ странъ далекаго сѣвера.

Въ концѣ прошлаго столѣтія у краснокожихъ туземцевъ Сѣверной Америки, такъ-называемыхъ, индійцахъ (о нихъ съ восторгомъ читаютъ большіе мальчики въ повѣстяхъ Купера) проживалъ одинъ европеецъ, по имени Лонгъ, очень честный, хорошій человекъ. Однажды, проходя по ихъ пустыннымъ лѣснымъ мѣстамъ съ товарищами, Лонгъ истомился труднымъ путемъ, припасы ихъ истощились, и они ожидали смерти отъ голода; тутъ встрѣтились путникамъ нѣсколько индійцевъ на охотѣ за звѣрями. Теперь я приведу подлинныя слова Лонга; онъ говоритъ: „видя наши поблѣднѣвшія, исхудалыя лица, они (индійцы) отдали намъ всю свою провизію (медвѣжье мясо); мы сварили и ѣли съ большимъ аппетитомъ, а индійцы радовались, что они могли помочь намъ“. Индійцы „радовались“ — вотъ что даетъ лучъ свѣта и на самое дѣло помощи, и на этихъ людей, и на всю страну этихъ людей. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется; впрочемъ, лучше приведу еще нѣсколько словъ того же Лонга, который девятнадцать лѣтъ прожилъ съ краснокожими индійцами въ странѣ большихъ озеръ Сѣверной Америки и рѣки св. Лаврентія, былъ съ ними въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и, по своему занятію привазчика по мѣховой торговлѣ, могъ узнать ихъ характеръ и обычай. Лонгъ говоритъ: у индійцевъ сильный умъ, они очень храбры и воинственны; мать никогда не бранитъ и не бьетъ своихъ дѣтей, потому что боится ослабить ихъ воинственный духъ. Они могутъ молча переносить самыя жестокія мученія и встрѣчаютъ смерть съ большимъ достоинствомъ; у нихъ полная, твердая вѣра въ безсмертіе души и будущую жизнь, гдѣ и старые, и больные снова дѣлаются здоровы и молоды и, въ концѣ-концовъ, у нихъ обычай (теперь его уже нѣтъ) убивать старыхъ и больныхъ съ большими обрядами и молитвами, съ желаніями счастья тѣмъ, кого они такимъ образомъ переселяютъ въ блаженную, безконечную страну. Смерть скорѣе желательна, чѣмъ страшна для индійца, говоритъ Лонгъ, особенно въ ста-

рости: отецъ просить, чтобы его переселили, и сынъ томагавкомъ (орудіе войны) исполняетъ его желаніе: дѣлаютъ пиръ изъ мяса собаки, курятъ трубку мира и поютъ и танцуютъ, а убитаго хоронятъ съ военными почестями. Эти храбрыя, великодушныя племена живутъ въ невѣдѣніи дивнаго закона, требующаго прощать обиды и воздавать добромъ за зло, требующаго съ терпѣніемъ и смиреніемъ переносить законъ старости и болѣзни, и кто рѣшится осуждать ихъ за это невѣдѣніе?

Въ землѣ Чукчей, въ сѣверо-западномъ краѣ Сибири, въ началѣ нынѣшняго или концѣ прошлаго столѣтія, хорошенько неизвѣстно, былъ большой моръ людей; потомъ онъ перешелъ и на ихъ домашній скотъ, на сѣверныхъ оленей. По вѣрѣ своей, Чукчи язычники шаманской вѣры, очень распространенной на сѣверѣ; по этой вѣрѣ, есть небесный вышній Духъ вселенной, который не можетъ быть представленъ никакимъ кумиромъ или идоломъ, есть подчиненныя духовныя существа разныхъ достоинствъ и разныхъ названій, которымъ приносятъ жертвы и дѣлаютъ имъ идоловъ изъ древесныхъ колебъ съ косыми зарубочками, иногда изъ снѣга, если нельзя иначе, или же дѣлаютъ ихъ съ лицомъ человѣческимъ, мажутъ имъ губы жиромъ или кровью жертвеннаго оленя, иногда обкладываютъ лицо жемчужинами, чтобы были красивѣе, одѣваютъ ихъ въ красныя одежды (напр., остиаи) и проч. Сѣверные язычники вѣрятъ, что у человѣка есть живая душа и живетъ гдѣ-то далеко послѣ смерти, что надо помогать неимущему и дѣлить свои достатки съ сиротами и нуждающимися, и исполняютъ это; они вѣрятъ другъ другу въ дѣлахъ своихъ между собою и проч. Такъ они живутъ въ пустыняхъ сѣвера, водятъ оленей, ловятъ рыбу и морского звѣря и предъ началомъ дѣла, напр., идя на охоту или въ дальній путь, они молятся своимъ домашнимъ идоламъ, а въ важныхъ дѣлахъ и при общественныхъ моленіяхъ призываются особыя уважаемые люди, знахари и прорицатели, шаманы, которые пѣніемъ и боемъ въ волшебный бубень узнаютъ волю духовъ и объявляютъ ее молящемуся народу. Нѣчто подобное случилось у чукчей: моръ былъ великъ, собранные шаманы объявили народу, что нужна жертва лучшаго изъ людей чукотскихъ и указали на одного начальника племени, по имени Кочена, богатаго, очень добраго и очень любимаго всѣмъ народомъ. Велико было бѣдствіе у Чукчей и вѣрили они своимъ шаманамъ, а пожертвовать Коченомъ

не могли; такъ прошло еще нѣсколько времени, и моръ не утихалъ. Тогда самъ Коченъ собралъ народъ и сказалъ, что готовъ отдать свою жизнь за счастье своихъ людей, но тутъ явилось новое препятствіе—люди любили Кочена, и никто не хотѣлъ взять на себя ужасное дѣло жертвоприношенія. Жребій палъ на родного сына Кочена, и просьбами, и угрозами его заставили исполнить приговоръ шамановъ, дали ему ножъ въ руки; онъ вонзилъ его въ грудь отца и передалъ тѣло шаманамъ. Такъ кончилъ жизнь великій душою чукотскій начальникъ въ невѣдѣніи, что онъ исполнилъ величайшую заповѣдь, которая гласитъ: „больше тоя любви нитоже имать да кто душу свою положить за други своя“.

Въ Китаѣ, говорятъ, есть такая легенда: жили рядомъ, сосѣдами, два китайскихъ купца и занимались торговлей чаемъ, т.-е. листьями чайнаго дерева, которое въ ботаникѣ называютъ *Thea sinensis*; жили они рядомъ и ненавидѣли другъ друга, въ особенности тотъ, котораго я назову вторымъ купцомъ, и у котораго былъ другъ, ученый философъ, почтенный, уважаемый человѣкъ. Къ этому человѣку пошелъ второй купецъ и просилъ помочь ему: дѣла мои хороши, говорить онъ, чай нынѣшній годъ убралъ я въ время, жена и дѣти любятъ меня, а сонъ бѣжить отъ моихъ глазъ и ничего не радуется меня, и всему виной мой сосѣдъ, мнѣ ненавистный. Другъ, помоги мнѣ; чѣмъ успокоить душу мою? Другъ подумалъ немного, взглянулъ на небо, гдѣ подымалась грозная туча, взялъ купца за руку и вывелъ на улицу. Видишь, говорить, какая черная туча идетъ съ заката; видишь, сколько чайнаго листа лежитъ не убрано на дворѣ у твоего ненавистнаго сосѣда? Къ вечеру будетъ сильный дождь, и буря смочитъ и разнесетъ по вѣтру все его богатство, а его нѣтъ дома. Иди къ нему съ работниками и убри весь листъ, пока не пришла гроза. Купецъ исполнилъ совѣтъ, собралъ чайные листья ненавистнаго сосѣда и воротился домой—это была первая ночь, что мирный сонъ сошелъ на его усталыя вѣки, а утромъ рано его разбудилъ ненавистный сосѣдъ и со слезами радости обнималъ и благодарилъ купца за его помощь. Съ той поры оба купца жили спокойно; счастливѣе жилось и ихъ семьямъ и работникамъ: чудо, часто говорили они, совершилось надъ нами, и только ученый философъ зналъ вѣрно, чѣмъ совершилось это чудо.

Въ дальней сторонѣ полярнаго сѣвера, единственномъ живомъ остаткѣ древняго ледниковаго періода, въ Гренлан-

дінъ есть узкая полоска земли, лежащая между бурнымъ полярнымъ моремъ и огромнѣйшимъ глетчеромъ (ледникомъ), который покрываетъ всю эту страну; на этой полоскѣ живетъ изстари полярное племя Иннуитовъ или эскимосовъ, сродныхъ съ нашими алеутами. Ихъ одежда изъ шкурокъ звѣрей и птицъ, шита очень искусно и красиво; зимнее платье, по общему закону сѣвера, изъ двухъ слоевъ мѣха — изъ наружнаго, волосомъ наружу и внутренняго, волосомъ внутрь; чулки и сапоги тоже мѣховые. Главный промыселъ морской, и очень опасный, такъ что изъ замужныхъ женщинъ половина вдовы, потому что ихъ мужья потонули въ морѣ на промыслѣ. Зимовки (зимніе дома) строятся различно, часто очень просто, — въ случаѣ крайней необходимости и временно, изъ снѣга; жаль только, что въ такой зимовкѣ каплетъ съ потолка. Семейная жизнь у иннуитовъ мирная, и семейныя дѣла исполняются по совѣту съ женой; дѣтей очень любятъ, не бранятъ, и бранныхъ словъ, назначенныхъ для оскорбленія, почти нѣтъ въ ихъ языкѣ; въ зимовкахъ, гдѣ живутъ нѣсколько семей, всегда миръ и согласіе, и глава семьи имѣетъ признанную всѣми власть. Теперь Иннуиты христіане, а прежде, въ то время, о которомъ я веду свой рассказъ, они были язычниками тоже шаманской вѣры, также былъ у нихъ въ ходу волшебный бубенъ, и точно также они вѣрили въ идею человѣческой души, въ безсмертіе и великаго Духа вселенной. Въ эскимосахъ много дѣтскаго: они добродушны, склонны къ шуткамъ и беззаботны о будущемъ; поэтому имъ приходится переживать трудныя времена, и они переживаютъ ихъ съ терпѣніемъ, а когда попадется богатая добыча морского промысла, начинаются пиры, танцы и пѣсни. Первые встрѣчи съ эскимосами европейцевъ были, по европейскому обычаю, враждебныя, и только съ начала прошлаго столѣтія началась новая эра „человѣческихъ“ отношеній европейцевъ къ инородцамъ сѣвера. Случилось это великое историческое событіе, какъ всегда все великое въ мирѣ — чрезвычайно просто, и вовсе незамѣтно для современниковъ. Случилось оно такъ: въ одной деревнѣ въ Норвегіи, бѣдный деревенскій пасторъ *Гансъ Эмде* почувствовалъ какъ-то, всей своей душой, свое призваніе ввести Евангеліе въ ледяныя пустыни Гренландіи; внутренній голосъ звалъ его туда. Эггедъ былъ женатъ; у нихъ были дѣти, они существовали скромнымъ пасторскимъ жалованьемъ, обстоятельства были неблагоприятны, друзья и родные уговаривали не идти на такой

рискъ, и у самаго Эггеде были времена колебанія и сомнѣнія. Казалось все было противъ, но вѣра въ чистое дѣло и участіе благородной жены его взяли верхъ надъ всѣми опасеніями — Эггеде оставилъ свой пасторскій постъ (1717 г.) и уѣхалъ съ женой и дѣтьми въ малоизвѣстную тогда Гренландію въ 1719 году. Дѣлами любви Эггеде привлекъ къ себѣ эскимосовъ, его дѣти были товарищами игръ эскимосскихъ дѣтей, и самъ онъ смотрѣлъ на нихъ и писалъ о нихъ съ большимъ участіемъ и надеждами на будущее... Эти надежды оправдались: датское правительстве оцѣнило великую въ ея простотѣ мысль Эггеде, устранило изъ Гренландіи торговцевъ съ ихъ идеалами рынка, взяло въ свои руки торговлю съ Гренландіей, послало туда врачей, миссіонеровъ и честныхъ чиновниковъ, завело школы и — что самое важное — устранило торговлю спиртными напитками. Теперь эскимосы умѣютъ читать и писать, у нихъ своя газета, они обучаются церковному пѣнію; у нихъ много перемѣнилось къ лучшему въ жильѣ, пицѣ и одеждѣ на европейскій образецъ и по прежнему они честны въ словѣ, точно также у нихъ рѣдки преступления и точно также рѣдко воровство. И такъ, мы видимъ здѣсь грандіозный актъ благотворительности, грандіозный по пространству (цѣлая страна), по числу людей (датскихъ эскимосовъ около 10.000 душъ) и по времени (около 180 лѣтъ); — вотъ почему интересна Гренландія.

Теперь еще одинъ — два примѣра изъ документовъ языческой старины, изъ языческихъ молитвъ или гимновъ, сохранившихся изустнымъ преданіемъ отъ старыхъ временъ.

Въ средней части приволжской страны живутъ съ давнихъ поръ черемисы (т.-е. воинственные) или Маря (т.-е. люди), какъ они сами себя называютъ; въ прошедшемъ столѣтіи они всѣ были еще язычниками, тоже шаманской вѣры. У нихъ сохранилась въ изустномъ преданіи старая языческая молитва къ великому Духу міра; я коротко расскажу эту молитву и приведу изъ нея нѣсколько словъ: „Кугу-Юмо!“ (т.-е. великій Боже!). „Когда придетъ весна — лѣто, теплый твой дождь даруй; отъ града, грома — молніи сохрани; въ поле вреднаго не допусти; все разное злое въ противную сторону оберни, а доброе, къ намъ лицомъ обернувъ, приведи“. Потомъ распашутъ поле, посѣютъ зерно яровое и молитва говорить: „корни ихъ (зеренъ) распространи, стебли сдѣлай крѣпкими, колосья полными, какъ серебряными пуговицами“. Потомъ, когда по осени, посовѣтовавшись съ семьей, возьмутъ кривое

желѣзо (т.-е. серпъ) и начнутъ жать, молитва просить: „въ горстяхъ, въ снопахъ, въ телѣгахъ, въ скирдахъ, въ овинахъ подъ овиннымъ дымомъ, подъ цѣпами на току, подъ мельничными жерновами дай прибыль, какъ волжскій песокъ. Помолвившись, одну часть положивши впередъ (на сѣмена) и двѣ части назадъ (въ запасъ), „изъ оставшагося давши пришедшимъ просить и накормивши пришедшихъ голодныхъ“ и отъ этого оставшееся съ родными, съ семидесятью семью друзьями пить, ѣсть...“ Потомъ молитва просить о птицахъ и рыбахъ, о звѣряхъ въ лѣсахъ и водахъ, о лошадяхъ домашнихъ, о царскомъ базарѣ и уплатѣ подати Царю, о пчелахъ и сотахъ медовыхъ, и кончается словами: „Дай намъ ума - разума, здоровья, ласковость, согласіе; помогай жить хорошо; дай долгій вѣкъ. Юмо серлагы (т.-е. Боже помилуй), жить удобства дай“.

У другого народа той же волжской страны, у Чувашъ, тоже сохранились въ изустномъ преданіи старыя языческія молитвы; въ одной изъ нихъ, при одномъ обрядѣ осенью, говорится: „Господи благослови!.. да придетъ благожелатель, да удалится зложелатель. Да сподобитъ странника озябшаго, обогрѣвши, и голоднаго, насытивши, проводить. Да дастъ благополучіе и здорově“.

Я взялъ дѣла языческихъ народовъ и языческія народныя молитвы, чтобы услышать, что говоритъ голосъ народной вѣрующей души: этотъ голосъ просить великаго Духа міра благословить трудъ жизни народа, просить счастья обогрѣть озябшаго странника, проводить, насытивши, голоднаго, просить ума-разума и здоровья, просить ласковости и согласія. Послѣ этого я уже не могу сомнѣваться въ томъ, съ чего я началъ свой рассказъ,—что въ основѣ благотворительности лежитъ помощь личнымъ трудомъ, т.-е. истинный даръ, что этотъ даръ дается по внутреннему сердечному влеченію, что это сердечное влеченіе даетъ миръ душевный тому, кто далъ даръ, и, наконецъ, что все это лежитъ въ самой основѣ живой человѣческой души. Можно ли, послѣ этого, спрашивать у послѣдователей Истины: нужны ли дѣла евангелической любви въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ собраны христіанскія дѣти, и гдѣ въ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ часовъ молитвы, читается воззваніе: „Ты бо еси Богъ милости и щедротъ и челоувѣлюбія“ *), гдѣ обученіе „За-

*) Послѣдованіе Святаго Причащенія Дамаскина (Благословеніемъ св. Снода. Изд. Кіево-Печерской Успенской Лавры, листъ рѣв).

вону Божію“ поставлено однимъ изъ главныхъ обязательныхъ предметовъ преподаванія (я разумѣю женскія учебныя заведенія). Разумѣется, такъ спрашивать нельзя; разумѣется, такія дѣла нужны. А если они нужны, то какъ устроить, чтобы они были не случайно, когда вздумается, если есть время, а вошли бы въ правило? На это, мнѣ кажется, если бы меня спросили, я бы отвѣтилъ такъ.

Начнемъ опять съ простаго случая — прохожій подаль нищему милостыню, т.-е. совершилъ актъ милосердія; здѣсь, очевидно, два происшествія: просящая бѣдность нищаго—это происшествіе въ внѣшнемъ мірѣ, и чувство состраданія или милосердія къ этой бѣдности—это происшествіе въ внутреннемъ мірѣ подавшаго милостыню. Теперь предстоитъ рѣшить, которое изъ этихъ двухъ происшествій—внѣшнее или внутреннее—было истинной причиной акта благотворительности. Рѣшить такой вопросъ можно только наблюденіемъ, и всего легче тамъ, гдѣ проходитъ много людей всѣхъ сортовъ, и гдѣ сидятъ нищіе; особенно оно поучительно зимой или въ вѣтряную ненастную погоду, когда привычную милостыню (монету) приходится доставать изъ подъ застегнутаго верхняго платья. Тутъ совершенно ясно, что нищіе одни и тѣ же, а дѣла проходящихъ людей очень различны: то проходятъ поскорѣе мимо, смотря немного въ другую сторону, то открыто распахиваютъ верхнее платье и торопливо даютъ монету, то дѣлаютъ это не торопясь, какъ бы серьезное дѣло, и тихо скажутъ нѣсколько словъ,—однимъ словомъ, очень различно, смотря по человѣку, его сострадательности, по его чуткости къ нуждамъ другого человѣка. Очевидно, здѣсь просящая бѣдность играла роль внѣшней причины милосердія, роль повода къ нему, а истинная дѣйствующая причина была душевное свойство людей, ихъ милосердіе. Но въ такихъ важныхъ вопросахъ нельзя основываться только на личномъ, и къ тому же очень маломъ, наблюденіи, а намъ предстоитъ дѣйствительно важный вопросъ: мы не можемъ не желать, мы должны даже сильно желать, чтобы увеличались дѣла милосердія и благотворительности у всѣхъ людей; сдѣлать же это пришлось бы совсѣмъ иначе, смотря по тому, что главная причина милосердія людей—факты ли бѣдности или чувство чуткости. Въ первомъ случаѣ, съ точки зрѣнія бѣдности, т.-е. внѣшнихъ происшествій, дѣло было бы не трудное—призвать побольше нищихъ и рассадить ихъ на перекресткахъ на лавочкахъ, можетъ быть, съ надписями. Со-

всѣмъ иное во второмъ случаѣ, съ точки зрѣнія внутреннихъ происшествій въ душѣ человѣка; здѣсь была бы задача высшаго порядка — вліять на душу людей, вложить въ нихъ искру дивнаго завѣта милости, которая такъ легко является въ дѣтскихъ возрастахъ. Рѣшаясь на изслѣдованіе этого вопроса, общаго для всѣхъ людей и такъ важнаго для судьбы грядущихъ поколѣній, мы принуждены искать помощи въ исторіи, и вотъ почему.

Одинъ ученый такъ объяснялъ значеніе статистики, которая, въ сущности, есть та же исторія, только она выражена числами, а не качествами событій: я провожу мѣломъ на черной учебной доскѣ линію по точно опредѣленному закону, выраженному алгебраической формулой. Если смотрѣть на любую часть этой линіи въ хорошее увеличительное стекло, то увидимъ много разбросанныхъ бѣлыхъ точекъ и черточекъ на черномъ полѣ доски и, конечно, никто не узнаетъ въ нихъ того алгебраическаго закона, который однакожь простъ и ясенъ, когда мы смотримъ на всю нашу бѣлую линію издали. Вотъ почему нельзя изучать законы исторіи на малыхъ отрѣзкахъ линіи, т.-е. на малыхъ числахъ событій и на близкихъ разстояніяхъ; здѣсь малыя подробности кажутся большими, и важными и мы поддаемъ иллюзіи. Нужно брать всю видимую линію, т.-е. всю извѣстную намъ цѣпь событій и смотрѣть на нее изъ дали времени, когда въ ней исчезаютъ детали и случайности. Вотъ почему исторія стала необходимымъ пособіемъ и орудіемъ всякой серьезной науки и почему намъ нужно обратиться къ хроникѣ народныхъ бѣдствій и благотворительной помощи. Но прежде всего нужно опредѣлить признаки народнаго бѣдствія.

На свѣтѣ есть много счастья и несчастья; они переплетены въ жизни людей и народовъ, какъ ткань съ бѣлыми и черными нитками; мы не видимъ станка, на которомъ ткется эта ткань, и не знаемъ, сколько отпущено бѣлыхъ и черныхъ нитокъ на ея утокъ и основу; если же смотрѣть на нее съ высоты времени, ясно, что на ея сѣромъ фонѣ (мелкія счастья и несчастья людей) черное и бѣлое лежитъ то темными (народное бѣдствіе), то свѣтлыми (благотворительная помощь) полосами или пятнами. Личныя несчастья и страданія, конечно, могутъ быть велики и дѣйствительно бываютъ велики у людей, но чтобы дать темную полосу на фонѣ исторіи, чтобы стать на высоту народнаго бѣдствія, имъ нужны особыя признаки; такихъ признаковъ главныхъ два: 1) панде-

мичность, т.-е. одновременное страданіе очень многихъ людей съ явной опасностью для каждаго, на кого можетъ пасть это несчастіе или бѣдствіе, и 2) усиленіе инстинкта самосохраненія. Исторія показываетъ, что это усиленіе въ чрезвычайныхъ случаяхъ доходитъ до такого неодолимаго страха, который захватываетъ души людей и растетъ, какъ психическая зараза, разрушая связи дружбы и семьи, разрушая все, что человѣкъ считалъ свѣтомъ и счастьемъ въ жизни, съ мучительной психической болью о разрывѣ этихъ связей, высшаго блага людей. Все это было, и записано въ лѣтописяхъ событий; мы встрѣчаемъ въ нихъ картины такого отчаянія (паники), о которомъ теперь нельзя составить даже приближительнаго представленія: въ болѣзненно расширенныхъ глазахъ паники все колеблется, все можетъ быть, исчезаетъ невѣроятное, и страшные слухи растутъ и волнуютъ народъ. Вотъ почему въ хроникѣ прежнихъ временъ многое можетъ казаться теперь иллюзорнымъ и невѣроятнымъ, но я прошу вспомнить, что для тѣхъ беспомощныхъ, испуганныхъ людей эти иллюзіи были истиной. Только съ этой точки зрѣнія можно понять, что было.

Въ явленіяхъ природы можно различать періодическія и неперіодическія, такъ-называемыя, случайныя; періодическія явленія, т.-е. возвращающіяся—это явленія ожидаемыя, съ ними свыкаются, на нихъ рассчитываютъ и для настоящаго, и для будущаго. Сюда принадлежатъ возвраты дня и ночи, фазы луны, возвраты временъ года, приливы и отливы большихъ морей, перелеты птицъ, созрѣваніе плодовъ и проч.; они сложны и трудны для изученія, но важутся просты потому, что къ нимъ привыкли, и этого довольно для практическихъ людей. Однакожъ, бываютъ времена, когда порядокъ явно нарушается, напр., чрезмѣрно холодныя зимы или жаркія лѣта, гибель травъ и хлѣбовъ отъ чрезмѣрныхъ засухъ, наводненіе рѣкъ и проч.; такія отклоненія могутъ быть причинами большихъ потерь и сильно тревожить людей; но отсюда еще далеко до паники, спутника тяжелаго народнаго бѣдствія. Иначе дѣйствуютъ явленія, которыя совсѣмъ неожиданно, повидимому, совсѣмъ безъ связи съ обычными явленіями, чудныя и непонятныя, напр., красный снѣгъ, хвостатая звѣзда, огненные шары, плывущіе въ воздухѣ, пожары земли (торфяниковъ) и проч.; такимъ явленіямъ часто приписывали таинственное значеніе предшественниковъ, какъ бы предсказателей или спутниковъ народнаго бѣдствія, хотя бы

у нихъ не было ничего общаго ни съ нимъ, ни вообще съ практической жизнью людей. Подъ вліяніемъ страха, эти явленія участіемъ иллюзіи получали грозное значеніе, становились новымъ источникомъ тревожныхъ слуховъ, вызывали галлюцинаціи и еще больше усиливали страхъ; тому примѣровъ много въ хроникѣ бѣдствій: громовые удары подъ землей, колебалась земля, выступало море изъ береговъ, и воздухъ мутился отъ испареній; темнѣло солнце, и видны звѣзды; съ неба падалъ камень съ золотыми письменами, шли кровавые дожди, или падали изъ воздуха черныя жгучія капли на людей—и тѣ люди тотчасъ умирали, падали капли и на платье—и тѣ люди тяжко заболѣвали; являлись страшные знаки на стѣнахъ, платьяхъ и посудѣ, не отмывались мыломъ и исчезали сами собой чрезъ нѣсколько дней; приплывали неизвѣстныя рыбы; волки, какъ безумные, прибѣгали въ городскія улицы. Но еще страшнѣе было одно знаменіе—домашнія птицы влаждебно отказывались отъ людей и „какъ бы объятые страхомъ“ улетали въ лѣса и дичали; по улицамъ ходили привидѣнія (*homilum simupaeta*) и призрочно закалывали или задушали людей, которые потомъ заболѣвали и умирали и т. д. И все это для тѣхъ временъ и для тѣхъ людей было дѣйствительностью.

Нужно взять еще одно явленіе, которое, вообще, играетъ роль въ психической жизни людей—значеніе примѣра или подражательность. Замѣчено, что психически мало самостоятельные люди подражаютъ легче и вѣрнѣе, чѣмъ люди самостоятельные; сюда должна присоединиться восприимчивость, такъ сказать, гармоничность настроенія между воспринимающимъ лицомъ (объектомъ) и вліяющимъ лицомъ (субъектомъ). На дѣтей сильно дѣйствуетъ примѣръ; настолько, что за ними признаютъ врожденную склонность къ подражательности и придаютъ ей значеніе въ воспитаніи дѣтей. Идя далѣе, мы видимъ, что дѣти, по общему закону біологіи, переживаютъ древнія фазы культуры человѣка—это видно изъ формъ ихъ нѣмой рѣчи, изъ ихъ довѣрчивости, недостатка предусмотрительности, склонности къ шуткамъ, танцамъ, связочнымъ разговорамъ, изъ ихъ игръ и проч. Въ ту же сторону говорить еще то, что первобытныя инородческія племена полярнаго сѣвера имѣютъ на столько, въ общихъ чертахъ, дѣтскія свойства, что можно говорить о ихъ дѣтской фазѣ въ исторіи культуры и тѣмъ больше, чѣмъ полярнѣе данное племя, и чѣмъ дольше времени оно оставалось отрѣзаннымъ

отъ умѣренныхъ странъ, напр., эскимосы Гренландіи. И такъ, многое говоритъ въ пользу того, что въ далекую старину люди легче увлекались къ подражательности, и незначительный случай могъ быть поводомъ большихъ событій, въ особенности при общей неустойчивости, во времена богатыхъ паниками, переселеніями народовъ и т. п. Вѣроятность этого заключенія подтверждается аналогіями въ жизни насѣкомыхъ, гдѣ ясны факты и общественности, и подражательности (мимичность, охранные рисунки и краски): на примѣръ при перелетахъ саранчи, а также стрекозы, личинки которыхъ живутъ въ озерахъ и прудахъ, (вешень). Въ исторической патологіи мы имѣемъ такіе же факты подражательности, — несомнѣнные случаи какъ бы эпидемическаго заболѣванія нервными формами въ мѣстахъ, гдѣ собраны люди, почти всегда женщины, при одинаковыхъ условіяхъ жизни; такія же происшествія, захватывавшія большія массы людей, извѣстны изъ среднихъ вѣковъ Западной Европы, напр., бичующіеся съ красными знаками креста и покрытымъ лицомъ, идущіе попарно изъ мѣста въ мѣсто при звонѣ колоколовъ. Больше значенія имѣютъ для насъ трогательныя торжественныя шествія бѣлыхъ богомольцевъ (Albati) въ началѣ XV столѣтія въ Италіи: въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, они процессіей проходили черезъ селенія съ пѣніемъ прекраснаго духовнаго гимна папы Іоанна XXII*), съ колѣнопреклоненіями и возгласами „Misericordia!“ (милосердія). Такія процессіи дѣлали чрезвычайное впечатлѣніе: исчезала вражда между людьми, и многіе присоединялись къ шествію, доходившему иногда до 7.000 паломниковъ; ученые, воины, купцы, городскіе и сельскіе жители — все было увлечено, во всѣхъ поселялся духъ мира и согласія. Черезъ нѣсколько времени (три мѣсяца) духовное возбужденіе, конечно, затихло,

) Stabat mater dolorosa
 Iuxta crucem lacrymosa
 Dum pendebat Filius,
 Cujus animam gementem
 Contristantem et dolentem
 Pertransivit gladuis,
 O quam tristis et afflicta
 Stabat Illa benedicta
 Mater uni geniti
 Et tremebat, et dolebat
 Et maerebat dum videbat
 Nati paenas inclyti.

и, конечно, люди опять стали тѣ же, но они, по крайней мѣрѣ, видѣли зарю разсвѣта блаженнаго дня. Мы видимъ, что при благоприятныхъ обстоятельствахъ люди проливаются примѣромъ другихъ убѣжденныхъ людей, и что такимъ путемъ, который я бы желалъ назвать психической индукціей, могутъ совершаться историческія событія; этимъ же путемъ росла и распространялась паника у подготовленныхъ къ тому, несчастныхъ, испуганныхъ людей въ минувшія времена при народныхъ бѣдствіяхъ.

Ар. Ив. Якобій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОѢЗДКА КЪ ПОМАКАМЪ.

Вѣроятно, мало кому извѣстно, что такое «помаки», а между тѣмъ это народъ, проживающій въ Европѣ, и даже принадлежащій къ великому славянскому племени. Помаки—ничто иное, какъ тѣ же болгары, только принявшіе магометанскую вѣру, но въ то же время сохранившіе свой языкъ и многіе обычаи и традиціи своей расы. Помаки встрѣчаются теперь почти во всей Болгаріи, но собственно помакская территорія лежитъ въ самой дикой и малоизвѣстной части Балканскаго Полуострова, внутри Родопъ, куда европейскіе путешественники заглядывали крайне рѣдко. Недавно одинъ изъ такихъ любознательныхъ путешественниковъ, англичанинъ Джемсъ Берчеръ, совершилъ экскурсію въ Родопъ и посѣтилъ помаковъ, о которыхъ онъ и сообщаетъ въ «Fortnightly Review» много интересныхъ подробностей.

Обращеніе помаковъ въ магометанскую вѣру произошло не сразу, а совершилось очень постепенно. Послѣ того, какъ турки овладѣли Балканскимъ Полуостровомъ и подчинили своему игу населеніе полуострова, поработанные народы остались все-таки вѣрны религіи своихъ предковъ. Исключеніе составили лишь албанцы, да боснійскіе землевладѣльцы, тотчасъ же перешедшіе въ магометанство. Помаки же не скоро подчинились исламу. Въ нѣкоторыхъ, теперь исключительно магометанскихъ округахъ Болгаріи, въ 1469 году совершалось еще христіанское богослуженіе. Въ Бачковскомъ монастырѣ до сихъ поръ еще хранится книга пилигримовъ, изъ которой можно видѣть, когда обитатели Родопскихъ деревень перестали посѣщать христіанскую святыню. Сами жители Родопъ признаютъ, что прежде они были христіанами и только постепенно обратились въ правовѣрныхъ мусульманъ. Согласно помакскимъ преданіямъ, окончательное обращеніе ихъ въ магометанскую вѣру совершилось лишь три столѣтія спустя послѣ завоеванія турками Балканскаго Полуострова.

Помаки извлекли для себя большую пользу, перемѣнивъ вѣру,

и получили многія значительныя привилегіи, сдѣлавшись правовѣрными мусульманами. Прежде всего они получили право самоуправленія и воспользовались имъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Они сами выбирали своихъ собственныхъ беевъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и почетныхъ личностей въ своихъ деревняхъ, и Портъ оставалось только официально признать этихъ беевъ управителями помакскихъ округовъ. Никакихъ налоговъ пожаки не платили туркамъ, не поставляли рекрутовъ въ турецкую армію и, вообще, не несли на себѣ никакихъ обязательствъ по отношенію къ Турціи и не подчинялись турецкимъ законамъ, а управлялись своимъ собственнымъ кодексомъ законовъ и правилъ не написанныхъ, но еще существовавшихъ въ древнія патриархальныя времена и передававшихся изъ рода въ родъ въ Родошѣ. Въ благодарность за всѣ эти уступки турокъ и дарованіе имъ независимости, помаки поставляли туркамъ отряды волонтеровъ въ случаѣ войны, и эти волонтеры сражались противъ гяуровъ со всѣмъ жаромъ прозелитовъ и мужествомъ и настойчивостью, свойственною племенамъ горцевъ. Турки, конечно, должнымъ образомъ цѣнили помощь, которую имъ оказывали помаки, и поэтому они крайне рѣдко дѣлали посягательства на свободу помаковъ, составившихъ, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ отдѣльнаго независимаго государства въ самомъ сердцѣ Оттоманской имперіи. Эта «помакская республика» держалась стойко и готова была при случаѣ оказать такое же противодѣйствіе туркамъ, какое она оказывала и своимъ христіанскимъ сосѣдямъ. Съ турками помаковъ соединяла только религія, но, по своему происхожденію, языку и традиціямъ, они совершенно отличались отъ турокъ и никогда не обнаруживали склонности ассимилироваться. Такимъ образомъ, маленькая община въ Родошѣ хотя и не была никогда признана европейскими дипломатами, но пользовалась всѣми благами независимости и самоуправления многихъ европейскихъ независимыхъ государствъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Гассанъ-ага изъ Томруша по волѣ своего народа былъ избранъ управителемъ помакской территоріи, заключающей въ себѣ тридцать деревень съ населеніемъ около 20 тысячъ. Въ 1860 году ему наслѣдовалъ его сынъ, Ахметъ-ага. Въ 1876 году возмущеніе христіанскихъ «райевъ» въ Восточной Румелии дало случай помакамъ доказать свою горячую приверженность исламу. Порта обратилась тогда къ нимъ за помощью и такимъ образомъ дала имъ возможность выказать въ полной силѣ свой фанатизмъ и ненависть къ своимъ братьямъ-христіанамъ. Шлюзы были открыты, и фанатическое возбужденіе выразилось въ ужасныхъ избиеніяхъ

христіанъ, происходившихъ въ Батакъ, Перушицѣ и Брацитово. Такого взрыва фанатизма еще не бывало въ нашу эпоху. Европа ужаснулась. Въ слѣдующемъ году произошла достопамятная русско-турецкая война, но помаки, виновники звѣрствъ, мало от нея пострадали. По мѣръ того, какъ приближались русскіе, они отступали въ свои неприступныя горныя убѣжища, сдѣлавшіяся скоро мѣстомъ укрывательства всѣхъ магометанскихъ бѣглецовъ изъ всѣхъ округовъ Болгаріи. Помакскій округъ лежалъ въ сторонѣ отъ пути русскихъ войскъ и, вѣроятно, этому именно обстоятельству помаки и обязаны тѣмъ, что ихъ маленькое республиканское государство не было покорено русскими войсками.

На берлинскомъ конгрессѣ дипломаты, врядъ-ли, какъ замѣчаетъ справедливо Берчеръ, слышавшіе что-либо раньше о помакахъ, положили пограничную линію на болгарской территоріи, руководствуясь лишь географическими основаніями и сообразуясь съ теченіемъ рѣкъ и ихъ бассейновъ. Эта линія отдѣлила помаковъ отъ ихъ единовѣрцевъ турокъ и присоединила ихъ къ ихъ исконнымъ врагамъ-болгарамъ. Конечно, Ахметъ-ага не подумалъ покориться христіанскому генералъ-губернатору въ Филиппполѣ и, не взирая на постановленія христіанскихъ дипломатовъ, помакская республика продолжала свое существованіе на прежнихъ основаніяхъ, среди своихъ лѣсовъ и скалъ. Ахметъ-ага имѣлъ своего представителя въ Филиппполѣ, нѣчто въ родѣ консула, и между помаками и ихъ сосѣдями болгарами мало-по-малу начали устанавливаться нѣсколько болѣе дружескія отношенія. Однако, все же ни одинъ чужеземецъ не рѣшался посѣтить неприступную территорію, даже заручившись на то разрѣшеніемъ помакского представителя въ Филиппполѣ, и европейцы не рѣшались заглядывать къ помакамъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ о помакахъ ничего не было слышно, но событія шли своимъ чередомъ, и въ 1885 году независимости помаковъ нанесенъ былъ смертельный ударъ. Произошла филиппопольская революція, вызвавшая присоединеніе Восточной Румелии къ Болгаріи и заключеніе конвенціи въ Тонханэ, по которой большая часть помакской территоріи въ Родопѣ отошла обратно къ Турціи, какъ бы въ вознагражденіе за потерю другой плодородной и прекрасной провинціи. Тутъ произошло нѣчто странное. Болгары были страшно возмущены отдѣленіемъ помакской территоріи, а помаки, опасаясь нашествія болгаръ на ихъ деревни, допустили оттоманскія войска занять свои владѣнія. Вслѣдствіе этой-то ошибки помаки и распространились со своею независимостью—помакская республика сдалась безъ боя и даже тѣни какой бы то ни было борьбы.

*

Помакскій округъ, оставшійся въ рукахъ Болгаріи, согласно конвенціи Топханэ, долго не хотѣлъ признать надъ собою господства болгарскихъ христіанъ, и только недавно болгарскія войска заняли его силою и принудили къ подчиненію послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ его обитателями. По мѣрѣ того, какъ приближались болгарскія войска, женщины и дѣти убѣгали въ горы, а мужчины, вооруженные чѣмъ попадо, старыми ружьями, ятаганами, топорами и косами, оставались защищать свою независимость. Скоро, однако, имъ пришлось убѣдиться, что болгарское войско далеко превосходитъ ихъ силою, и тогда они рѣшили бѣжать въ горы къ своимъ женамъ и дѣтямъ. Деревни опустѣли, и нѣсколько дней помаки скрывались въ горахъ. Затѣмъ они маленькими партіями стали спускаться въ долину, чтобы посмотреть, что случилось съ ихъ жилищами. Къ ихъ великому удивленію, оказалось, что болгарскіе солдаты не тронули ихъ жилищъ, не сожгли и не разграбили ихъ деревни. Тогда-то помаки воспрянули духомъ и постепенно вернулись въ свои жилища. Но въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, ближе къ турецкой границѣ, помаки оказали болѣе стойкое сопротивленіе; они стрѣляли въ солдаты изъ засадъ, спрятавшись за скалами и другими прикрытіями, и не безъ труда болгарскимъ солдатамъ удалось овладѣть ими, причѣмъ предводитель помаковъ былъ убитъ, а деревня предана пламени.

Теперь, когда помаки покорены окончателно и находятся частью подъ властью турокъ, частью подъ властью болгаръ, европейскій путешественникъ можетъ, не подвергаясь особенной опасности, рискнуть посѣтить ихъ живописныя скалы и лѣса. Берчеръ отправился въ округъ Родопъ по желѣзной дорогѣ, по которой онъ доѣхалъ до Беллово, маленькаго, на половину помаккаго, на половину болгарскаго городка. Изъ Беллово уже надо было ѣхать верхомъ по горной тропинкѣ, черезъ большой дѣвственный лѣсъ, простирающійся почти на пятьдесятъ миль къ западу. Однако, и въ этомъ лѣсу уже началась разрушительная работа цивилизаціи, и путники, Берчеръ со своею болгарскою свитой, постоянно встрѣчали крестьянъ, везущихъ срубленныя деревья.

Выѣхавъ изъ лѣсу къ вечеру, путники, наконецъ, достигли настоящаго помаккаго городка, Ліене-Баня.

Помаки всѣ говорятъ по болгарски, но до такой степени они мало походятъ на своихъ братьевъ болгаръ, что трудно повѣрить, чтобы это былъ одинъ и тотъ же народъ. Всѣ они атлетическаго тѣлосложенія, и каждое тѣлодвиженіе ихъ преисполнено достоинства; черты лица у нихъ правильныя, взглядъ пронизательный и прямой, безъ всякой тѣни страха или любопытства. «Все это простые

крестьяне,—воскликаетъ Берчеръ,—но каждый изъ нихъ имѣеть видъ джентльмена! Каждый изъ нихъ окажетъ вамъ самое широкое гостепрѣимство въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но, конечно, не задумается запустить вамъ въ сердце ятаганъ, если вы оскорбите помакскую женщину или отнесетесь пренебрежительно къ исламу. Я видѣлъ много красивыхъ типовъ среди болгарскихъ крестьянъ, но ни разу не встрѣчалъ такого художественнаго и изящнаго типа, какой представляютъ собою помаки...».

Въ болѣе молодыхъ помакахъ, у которыхъ еще не выросла борода, Берчеръ нашелъ ясно выраженные слѣды родства съ болгарскою расой. Болгарскіе крестьяне, за исключеніемъ поповъ и стариковъ, обыкновенно брѣютъ бороду, чего не дѣлаютъ помаки. Помакскихъ женщинъ Берчеру не удалось, конечно, видѣть, потому что помаки во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе преданы исламу, нежели ихъ учителя турки, и женщины ихъ не только тщательно кутаются въ свои покрывала, но даже убѣгаютъ при малѣйшемъ приближеніи невѣрнаго—«гяура».

Помаки сохранили болѣе чистую болгарскую кровь, нежели сами болгары, такъ какъ они почти не смѣшивались съ турками и не заключали браковъ съ турчанками. Многіе еще сохранившіеся у нихъ обычаи указываютъ также на родство помаковъ съ болгарами и на то, что помаки нѣкогда были христианами, напримѣръ, они до сихъ поръ соблюдаютъ нѣкоторые христіанскіе праздники и заказываютъ молебны христіанскимъ священникамъ въ случаѣ болѣзни. Женщины, оплакивая на могилѣ своихъ умершихъ родственниковъ, иногда къ своимъ причитаніямъ примѣшиваютъ старинныя христіанскія молитвы. Во время байрама молодые дѣвушки танцуютъ болгарскій танецъ «каро» безъ покрывала, такъ что обыкновенно въ это именно время, разъ въ годъ, помакская молодежь выбираетъ себѣ невѣсть. Молодые помаки не танцуютъ, а стоятъ на нѣкоторомъ разстояніи и высматриваютъ себѣ суженыхъ.

Изъ Ленэ-Баня Берчеръ отправился далѣе въ горы, куда до сихъ поръ еще не рѣшалось проникать ни одно болгарское официальное лицо. Тутъ на пути въ Фролово, другую помакскую деревню, обнаружившую сопротивленіе болгарскому войску, Берчеръ встрѣчалъ только пастуховъ и стада красиваго горнаго рогатаго скота, которыя они пасли. Одному изъ юныхъ пастуховъ Берчеръ далъ серебряную монету, на которую тотъ долго смотрѣлъ съ величайшимъ изумленіемъ; очевидно, это была первая монета, которую онъ видѣлъ въ своей жизни. Болгарскіе сборщики податей, какъ-то попробовали было захватить скотъ помаковъ въ уплату

податей, которыя вообще никогда не платились помаками, но пастихи оказали при этомъ такое ожесточенное сопротивленіе, что сборщики должны были отступить, такъ какъ они не получили разрѣшенія стрѣлять въ помаковъ въ случаѣ ихъ сопротивленія. Между прочимъ, Берчеръ рассказываетъ, что въ Фролово онъ познакомился съ однимъ старикомъ помакомъ, который никогда не покидалъ своихъ горъ и очень удивился, узнавъ, что столица Россіи—Петербургъ, гораздо больше, нежели Татаръ-Пазарджикъ, который онъ считалъ до сихъ поръ самымъ большимъ городомъ на свѣтѣ. Этотъ старикъ угостилъ Берчера великолѣпнымъ горнымъ медомъ, но денегъ за это Берчеръ ему не смѣлъ предложить, такъ какъ это было бы оскорбленіемъ понятій о гостепримствѣ, господствующихъ въ Фролово. Идея гостепримства такъ глубоко укоренилась въ этой мѣстности, что жители ея, доставляя въ настоящее время стѣстные припасы своимъ побѣдителямъ, все-таки съ большимъ трудомъ соглашаются принять какое-либо денежное вознагражденіе за это.

Изъ помакской деревни Берчеръ черезъ горы отправился въ Батакъ, гдѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, потоками лилась кровь христіанъ-болгаръ, убиваемыхъ ихъ же братьями, болгарами-магометанами.

Въ маѣ 1876 года Ахметъ-ага со своими войнами явился въ Батакъ и потребовалъ, чтобы жители сдали ему все свое оружіе. Жители, справедливо недовѣряя ему, отказались исполнить его требованія и два дня стойко защищались отъ помаковъ. Однако, скоро стало ясно, что перевѣсъ на сторонѣ помаковъ. Тогда начались переговоры. Ахметъ-ага торжественно поклялся, что если жители сдадутъ ему все свое оружіе, то ни одинъ волосъ не будетъ тронуть на ихъ головѣ. Несчастные болгары повѣрили клятвѣ, забывая, что клятва, данная гяурамъ, въ глазахъ правовѣрнаго мусульманина не можетъ служить обязательствомъ и нарушить ее не считается грѣхомъ; они исполнили требованіе Ахмета-аги и отдали все свое оружіе. Затѣмъ Ахметъ-ага потребовалъ, чтобы Батака отдали ему всѣ свои деньги. И это было исполнено. Тогда помаки вошли въ Батакъ и перебили всѣхъ жителей, безъ различія возраста и пола. Дома были сожжены и ничего не осталось отъ Батака, кромѣ груды пепла и труповъ. Покончивъ свое дѣло, Ахметъ и его войны вернулись въ свои деревни.

Маленькая церковь, гдѣ происходило главное дѣйствіе трагедіи, представляетъ крѣпкое каменное зданіе съ узкими окнами, въ которомъ нѣсколько вооруженныхъ храбрецовъ могли бы продержаться довольно долго, отражая непріятеля. Но въ тотъ страшный

день въ церкви находились главнымъ образомъ лишь женщины и дѣти; мужчины же, бывшіе съ ними, не имѣли при себѣ никакого оружія, потому что оно было отдано Ахмету.

«Кметъ» — такъ называется старшина деревни — показывавшій Берчеру церковь, гдѣ совершилась страшная трагедія, оказался однимъ изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ отъ избіенія. Онъ разсказалъ Берчеру подробности этого ужаснаго дня и этотъ разсказъ въ самомъ мѣстѣ трагедіи произвелъ на Берчера неизгладимое впечатлѣніе.

Въ церкви господствовала темнота, и потому «кметъ» провожалъ посѣтителей съ зажженной восковою свѣчой въ рукахъ, пламя которой освѣщало дрожащимъ свѣтомъ бѣлыя стѣны этого склепа и черепа, — безмолвные свидѣтели страшнаго дѣянія. «Когда мы слышали, что помаки идутъ въ деревню, — разсказывалъ кметъ, — то мой отецъ, бывшій однимъ изъ нашихъ деревенскихъ поповъ, сказалъ мнѣ, чтобы я увелъ свою жену и другихъ женщинъ нашей семьи въ церковь, куда уже собрались остальные женщины нашей деревни. Я не увидѣлъ больше своего отца, потому что его замучили помаки, вырвавшіе ему глаза, когда онъ былъ еще живъ. Съ другимъ попомъ помаки поступили точно такъ же. Въ церкви насъ спряталось около тысячи человѣкъ, и двери были плотно заперты. Помаки начали стрѣлять въ окна церкви и моей женѣ прострѣлили плечо. Когда пули стали проникать въ церковь со всѣхъ сторонъ, то я попробовалъ проложить себѣ дорогу къ двери, которую помаки выломали и черезъ которую многіе изъ нашихъ искали спасенія. Большинство этихъ послѣднихъ помаки убивали тотчасъ же, какъ только они показывались въ дверяхъ. У самой двери я лишился чувствъ и упалъ межъ мертвыхъ тѣлъ. Когда я пришелъ въ себя, оказалось, что я лежу подъ грудой мертвыхъ тѣлъ, сдавившихъ меня такъ, что я едва могъ дышать. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось высвободиться изъ-подъ этой груды, и я вышелъ изъ церкви. Помаковъ уже не было, но меня немедленно арестовалъ турецкій чиновникъ. Одна изъ моихъ сестеръ, находившихся въ церкви, исчезла безслѣдно и я полагаю, что она находится теперь гдѣ-нибудь за нашею границею и живетъ въ качествѣ рабыни въ гаремѣ правовѣрнаго. Многія изъ нашихъ молодыхъ женщинъ исчезли подобнымъ же образомъ. Осада церкви продолжалась довольно долго и много болгаръ было убито; оставшимся же въ живыхъ было объявлено, что они могутъ безопасно оставить свое убѣжище, такъ какъ получили прощеніе. Но и эти слова были вѣроломствомъ. Ахметъ-ага стоялъ у дверей церкви, и лишь только какой-нибудь человѣкъ показывался, онъ немедленно

отдавалъ приказаніе убить его. Такимъ образомъ, несчастные, повѣрившіе Ахмету, всѣ были убиты. Ихъ уводили одного за другимъ на берегъ рѣки, гдѣ помаки съ обнаженными саблями ожидали ихъ и тотчасъ же отрубали имъ головы. Тѣла убитыхъ бросались въ колодезь, находящійся возлѣ».

У рѣки Берчеръ видѣлъ слѣды колодца, куда брошены были тѣла убитыхъ болгаръ. Колодець этотъ теперъ засыпанъ. Невдалекѣ находится новое зданіе школы, выстроенное на мѣстѣ стараго, въ которомъ помаки сожгли живыми около сотни женщинъ и дѣтей. Пять тысячъ человѣческихъ существъ погибли въ этотъ ужасный день. Тѣла грудами лежали въ улицахъ и на погостѣ и запрудили собою мельничную плотину маленькаго горнаго потока. Многіе изъ тѣлъ стали добычею собакъ, потому что немногіе пережившіе катастрофу находились подъ впечатлѣніемъ такого ужаса, были такъ подавлены несчастьемъ, что даже не дѣлали попытки похоронить своихъ мертвецовъ.

Болгары-христіане, населяющіе Батакъ, рѣзко отличаются даже наружнымъ видомъ отъ своихъ единоплеменцевъ помаковъ. Они носятъ на себѣ до сихъ поръ еще слѣды вѣкового рабства и, по видимому, до сихъ поръ еще не освоились со своимъ положеніемъ властелиновъ въ той самой странѣ, гдѣ они такъ недавно еще были рабами. Блѣдные, унылые, удрученные, жители Батака какъ будто до сихъ поръ еще не могутъ оправиться отъ ошеломившаго ихъ удара.

«Съ сожалѣніемъ оставилъ я помакскія горы,—говоритъ Берчеръ въ заключеніе.—Я никогда и нигдѣ не испыталъ такихъ впечатлѣній, какъ среди этого единственнаго въ своемъ родѣ и крайне интереснаго народа въ ихъ горномъ убѣжищѣ. Тотъ, кто пожелаетъ увидѣть, что можетъ сдѣлать религія, пусть отправляется къ помакамъ и изучитъ ихъ. Религія подорвала ихъ древнія традиціи, измѣнила ихъ національную исторію, разрушила узы крови и языка и научила ихъ смотрѣть на своихъ братьевъ, какъ на враговъ, а на чужестранныхъ завоевателей, какъ на друзей. Тѣ изъ помаковъ, которые теперъ находятся подъ властью христіанъ, безмолвно переносятъ это иго, но они ждутъ удобнаго случая. Болгарское правительство всячески старается удовлетворить ихъ, но безъ особеннаго успѣха. Помаки выжидаютъ свое время, и если когда-либо потокъ войны захватитъ Балканскій Полуостровъ—Европа снова услышитъ о помакахъ...»

БИБЛОГРАФІЯ:—КНИГИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Х и м і я.

«Вопросы о причинах явленій, совершающихся въ природѣ, объ источникахъ жизни растеній и животныхъ, основахъ ихъ питанія, условіяхъ здоровья, объ измѣненіяхъ въ природѣ, къ которой принадлежимъ и мы нашимъ тѣломъ,—всѣ эти вопросы такъ свойственны человѣческому уму, что науки, дающія на нихъ удовлетворительные отвѣты, имѣютъ болѣе другихъ наукъ вліяніе на духовное развитіе человѣка».

Либигъ.

Было время, когда химія считалась таинственной наукой: на ея представителей смотрѣли, какъ на людей, которымъ открыты великія тайны, но которые находятся въ сношеніяхъ съ нечистой силой: на нихъ смотрѣли со страхомъ, ихъ избѣгали. То было мрачное время: знаніе считалось грѣхомъ, пытливость считалась внушеніемъ дьявола.

Но эти времена давно миновали. Стремленіе къ знанію вышло изъ темныхъ и душныхъ келій одинокихъ искателей истины и давно отвоевало себѣ почетное и свободное положеніе.

По мѣрѣ того, какъ совокупныя усилія людей науки, посвятившихъ себя изслѣдованію природы, открываютъ новыя истины, интересъ къ изученію природы растетъ, распространяется все болѣе и болѣе въ массахъ. Каждый, кто подходитъ къ этому источнику знанія, не разочаровывается, а находитъ удовлетвореніе своимъ запросамъ.

Въ настоящее время область точнаго знанія, изслѣдующаго сложныя и разнообразныя явленія окружающей насъ дѣйствительности, развилась настолько широко и стройно, что даетъ рядъ

отчетливыхъ отвѣтовъ на пытливые запросы человѣческой мысли... Въмѣсто хаотически-беспорядочной смѣны явленій, научное знаніе открываетъ въ природѣ стройность и гармонію, закономерную работу немногихъ силъ. Правда, истинная природа этихъ силъ скрыта отъ нашего пониманія; но зато мы можемъ изучать законы, по которымъ совершается въ природѣ ихъ дѣятельность.

Разработка этой области составляетъ предметъ, главнымъ образомъ, двухъ опытныхъ, точныхъ наукъ—физики и химіи. Въ настоящее время матеріалъ, накопленный двумя названными науками, такъ громаденъ, что не найдется универсальнаго ума, который могъ бы его охватить. Человѣкъ, который, не уяснивъ цѣлей, не выяснивъ предварительно своей потребности, заглянетъ въ эти области, будетъ пораженъ громаднымъ запасомъ фактовъ и сбить съ толку массой обобщеній и гипотезъ, которыми полны страницы этихъ наукъ. Но если выяснить предварительно задачи, то отвѣты найти не такъ трудно. Поэтому подходя къ наукѣ съ извѣстными запросами, нужно представлять себѣ ясно свои запросы, чтобы, при отыскваніи отвѣтовъ, не потеряться въ грудѣ мелочныхъ фактовъ, не отвлечься въ сторону отъ главной задачи.

Какими же рамками ограничить свои требованія, когда мы обращаемся къ химіи? Что взять отъ нея?

Прежде всего, отвѣтимъ кратко на вопросъ, чѣмъ занимается химія. Она изучаетъ превращенія однихъ тѣлъ въ другія. Горѣніе различныхъ тѣлъ, которое мы наблюдаемъ вокругъ себя, представляетъ самое распространенное химическое явленіе. Мы наблюдаемъ, какъ измѣняются металлы отъ времени—железо ржавѣетъ, мѣдь покрывается зеленой плѣсенью. Жизненные продукты—мясо, молоко и др.—часто дѣлаются негодными къ употребленію. Вотъ тѣ отрывочныя наблюденія, которыя могутъ служить примѣрами химическихъ превращеній тѣлъ.

Но мы не удовлетворились бы, конечно, если бы химія ограничилась узкой ролью истолковать тѣ отрывочныя явленія, на которыя мы случайно наталкиваемся въ обыденной жизни. И на самомъ дѣлѣ химія можетъ дать намъ больше.

Она даетъ возможность глубоко заглянуть въ общую жизнь окружающей насъ природы.

Она познакомитъ насъ съ химическими свойствами атмосферы, ея составомъ, тѣми химическими процессами, въ которыхъ она принимаетъ участіе. Она познакомитъ насъ съ свойствами воды, съ тѣми измѣненіями, которыя вода, въ своемъ вѣчномъ круговоротѣ, производитъ на земной поверхности и въ земной корѣ. Химія познакомитъ насъ съ свойствами тѣлъ, составляющихъ

землю, которая подъ нашими ногами; поможетъ намъ взглянуть въ ея нѣмую, но полную глубокаго интереса жизнь. Наконецъ, она приблизитъ насъ къ пониманію тѣхъ сложныхъ процессовъ, которые совершаются въ растеніяхъ и животныхъ и посредствомъ которыхъ вырабатываются ткани, составляющія основу растительныхъ и животныхъ организмовъ.

Итакъ, химія уясняетъ тѣ процессы, среди которыхъ мы постоянно живемъ, открываетъ передъ нами внутреннюю жизнь тѣхъ явленій, которыя постоянно проходятъ передъ нашими глазами.

Но этого мало. Она сообщаетъ намъ рядъ общихъ идей, которыя должны быть положены въ основу нашего міровоззрѣнія. Умъ человѣческой, не ограничиваясь приобрутеніемъ конкретныхъ свѣдѣній, предъявляетъ другіе, болѣе высокіе вопросы. Онъ ищетъ простоты, единства въ сложныхъ явленіяхъ. Онъ ищетъ общихъ положеній, на которыя бы онъ могъ опереться, чтобы ясно и опредѣленно смотрѣть на окружающую его дѣйствительность. Во всѣхъ вѣкахъ, во всѣхъ положеніяхъ человѣкъ искалъ и ищетъ основъ для міровоззрѣнія. Каждый народъ, на какой бы низкой ступени онъ ни стоялъ, строитъ себѣ космогонію и космологію... Философы строятъ общія системы, чтобы объединить однимъ началомъ, одной идеей общую міровую жизнь. Реальная наука также старается отвѣтить на эти запросы. Она даетъ рядъ общихъ идей для выработки міровоззрѣнія.

Каковы же тѣ общія идеи, которыя сообщаетъ химія?

Первая главная истина, которую даетъ химическая наука, есть истина о вѣчности вещества. Эта истина можетъ быть выражена такъ. Вещество, въ кругу нашихъ наблюденій, не исчезаетъ, не творится вновь. При превращеніи веществъ другъ въ друга, они соединяются въ болѣе сложныя, или распадаются на болѣе простыя. Но самыя точнѣйшія изслѣдованія показали, что ни при какихъ условіяхъ нельзя обнаружить исчезанія или образованія вновь вещества. Истина эта вноситъ необычайную ясность и простоту въ наши взгляды на измѣненія веществъ, происходящія въ природѣ. Сгораетъ свѣча, топливо, истлѣваютъ громадныя деревья—казалось бы, вещество исчезаетъ. Однако, изслѣдованія показали, что при этихъ измѣненіяхъ происходитъ превращеніе вещества въ новыя, которыя только ускользаютъ отъ нашего поверхностнаго наблюденія, но могутъ быть уловлены опытнымъ путемъ и изслѣдованы. Въ перечисленныхъ примѣрахъ играетъ роль воздухъ одной изъ своихъ составныхъ частей, именно кислородомъ. Кислородъ соединяется съ составными частями горящаго или тлѣющаго тѣла и

образуетъ газообразныя сложныя тѣла, которыя ускользаютъ отъ нашего поверхностнаго наблюденія...

Законъ вѣчности вещества подтверждается на каждомъ шагѣ при тѣхъ многочисленнѣйшихъ количественныхъ опредѣленіяхъ, которыя производятся повсемѣстно съ разнообразными практическими и научными цѣлями.

Истина о вѣчности вещества высказана и положена въ основаніе научныхъ изслѣдованій въ концѣ прошлаго вѣка французскимъ ученымъ Лавуазье.

Въ концѣ первой половины нашего вѣка въ физикѣ была установлена великая истина—законъ сохраненія энергіи. Эти двѣ истины,—законъ вѣчности вещества и законъ сохраненія энергіи,—составляютъ основныя положенія той философіи природы, которую открываетъ точная наука.

Вторая истина, лежащая въ основаніи химическаго ученія—есть истина о простыхъ или элементарныхъ и сложныхъ тѣлахъ, установленная также въ эпоху Лавуазье. Правда, еще Аристотель училъ объ элементахъ и стихіяхъ. Онъ принималъ четыре стихіи: огонь, воздухъ, воду и землю. Свойства всѣхъ тѣлъ, встрѣчающихся въ природѣ, онъ старался свести къ свойствамъ этихъ четырехъ стихій. Въ его ученіи не играло никакой роли опытное изслѣдованіе: онъ шелъ въ рѣшеніи этого вопроса только однимъ путемъ разсужденія.

Тѣ элементы, которые принимаетъ современное точное знаніе для объясненія видимаго разнообразія тѣлъ природы, не имѣютъ ничего общаго со стихіями Аристотеля. Элементы современной химіи—не общія, отвлеченныя стихіи, а дѣйствительныя тѣла. Элементарными тѣлами наука называетъ такія тѣла, которыя по настоящее время остаются неразложенными и которыя составляютъ основу всего громаднаго разнообразія тѣлъ природы. Всѣ элементарныя тѣла, извѣстныя дониндѣ, могутъ быть выдѣлены въ свободномъ состояніи; они подвергаются опытному изслѣдованію, и обладаютъ опредѣленными физическими и химическими признаками. Въ настоящее время извѣстно достоверно около 70 простыхъ тѣлъ. Это сравнительно незначительное количество элементарныхъ тѣлъ служитъ основой громаднѣйшаго разнообразія сложныхъ тѣлъ, находимыхъ въ природѣ и приготовляемыхъ искусственно. Не всѣ простыя тѣла одинаково распространены и не всѣ играютъ одинаково важную роль въ жизни природы. Изъ всѣхъ 70 элементовъ наиболѣе распространены только 16 элементовъ. Изъ этихъ шестнадцати четыре играютъ особенно важное значеніе въ жизни природы: углеродъ, водородъ, кислородъ и азотъ;

изъ нихъ построены главныя ткани растеній и животныхъ: поэтому они называются органогенами.

Большая часть простыхъ тѣлъ встрѣчается въ природѣ только въ соединеніяхъ, какъ, напр., фосфоръ, іодъ, хлоръ, металлы натрій, калий и мн. др. Иныя встрѣчаются какъ въ свободномъ состояніи, такъ и въ соединеніяхъ: напр., кислородъ, сѣра, серебро и др. Благородные металлы, какъ, напр., золото, платина встрѣчаются исключительно въ свободномъ состояніи. Кромѣ четырехъ органогеновъ, широкое распространеніе въ природѣ имѣетъ кремній: горныя породы, большое число минераловъ, песокъ, составляющій существенную часть почвы, представляютъ различныя соединенія кремнія. По свойствамъ кислородныхъ соединеній элементарныя тѣла дѣлятся на два класса: металлы и металлоиды.

Кромѣ этихъ двухъ истинъ—истины о вѣчности вещества и ученія о простыхъ и сложныхъ тѣлахъ, — въ химіи установленъ пѣтый рядъ точныхъ законовъ, которые всѣ приводятъ къ одной общей идеѣ, къ такъ-называемому атомному ученію. Мы говоримъ о законахъ вѣсовыхъ и объемныхъ отношеній.

Оказывается прежде всего, что составъ сложныхъ тѣлъ всегда, при всякихъ опредѣленіяхъ одинъ и тотъ же. Вода, состоящая изъ кислорода и водорода, заключаетъ всегда на одну вѣсовую часть водорода 8 вѣсовыхъ частей кислорода; поваренная соль, представляющая соединеніе металла натрія съ металлоидомъ хлоромъ, заключаетъ на одну вѣсовую часть натрія $1\frac{1}{2}$ вѣсовыхъ части хлора; въ сѣрнистой ртути, извѣстной всѣмъ подъ именемъ киновари, на одну вѣсовую часть сѣры приходится $6\frac{1}{4}$ вѣсовыхъ частей ртути. Однимъ словомъ, какое бы мы ни взяли сложное соединеніе, анализъ намъ покажетъ, что отношеніе вѣсовъ составныхъ его частей постоянно. Въ этомъ состоитъ законъ постоянства состава.

Нѣкоторые элементы даютъ между собою не одно, а нѣсколько различныхъ соединеній. Напр., азотъ съ кислородомъ даетъ 5 соединеній; сѣра съ кислородомъ два, водородъ также два... Въ настоящее время подобныхъ примѣровъ можно найти большое количество. Въ такихъ случаяхъ замѣчается въ вѣсовыхъ отношеніяхъ простая правильность, выражая закономъ кратныхъ отношеній. Законъ этотъ установленъ англійскимъ химикомъ Дальтономъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Дальтонъ, опираясь на законъ постоянства состава и законъ кратныхъ отношеній, попытался найти для нихъ реальное объясненіе.

Онъ воскресилъ представленіе, еще задолго до нашихъ вѣковъ

высказанное греческими философами и воспрѣтое римскимъ философомъ-поэтомъ Лукреціемъ Каромъ въ поэмѣ «О природѣ вещей». Лукрецій, построивъ теоретическое представленіе объ атомахъ, развиваетъ цѣлую систему міра. Но ученіе Дальтона не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ Лукреція. Дальтонъ принимаетъ атомическое ученіе только съ тѣмъ, чтобы дать реальное изображеніе того, что открываютъ намъ точныя изслѣдованія. Картина атомнаго міра не увлекаетъ, не соблазняетъ его въ широкія перспективы, которыя она открывала уму древняго философа. Дальтонъ не отрывается отъ міра явленій и беретъ гипотезу для того только, чтобы уяснить, представить себѣ наиболѣе просто внутреннюю сторону явленія. Ни о формѣ атомовъ, ни объ ихъ движеніяхъ онъ не говоритъ, потому что не можетъ давать этого, не покинувъ реальной почвы явленій.

Атомическое представленіе, введенное въ химію Дальтономъ, получило, однако, широкую разработку, благодаря дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Мы не можемъ здѣсь приводить всей той цѣли идей и обобщеній, которыя развили атомическое представленіе изъ туманной гипотезы въ реальную истину.

Ученіе объ атомѣ и частицѣ уже пережило періодъ неувѣренной и скромной гипотезы; оно стоитъ на прочной почвѣ. Благодаря этому ученію, языкъ, которымъ говоритъ химія, приобрѣлъ необычайную простоту, точность и близость къ дѣйствительной природѣ вещей. Благодаря этому ученію, наконецъ, цѣлая область современной химіи является необычайно широко разработанной: мы говоримъ объ органической химіи. Въ этой области мы имѣемъ возможность глубоко заглянуть во внутреннюю жизнь частицы, во взаимное расположеніе и взаимодействіе атомовъ въ ней...

Очень сильнымъ и вѣскимъ доводомъ въ пользу того, что современные ученія химіи стоятъ на реальной почвѣ, послужило открытіе, сдѣланное двадцать пять лѣтъ тому назадъ русскимъ химикомъ проф. Менделѣевымъ. Мы говоримъ объ установленіи естественной системы элементовъ. Проф. Менделѣевъ расположилъ въ систему всѣ извѣстные до того элементы по ихъ атомному вѣсу, руководясь сходствомъ ихъ свойствъ. Онъ нашелъ, что всѣ признаки, всѣ характерныя особенности элементовъ необычайно просто и стройно обобщаются этой системой. Она не только систематизировала всѣ элементы, извѣстные до нея, но дала возможность предсказать неизвѣстные еще, никѣмъ не открытые до того элементы и характеризовать основныя свойства этихъ новыхъ элементовъ. Предсказанія эти, сдѣланныя проф. Менделѣевымъ, скоро подтвердились во всѣхъ деталяхъ: элементы, предугаданные имъ,

были открыты, свойства открытых элементов оказались тождественными съ тѣми, которыя указалъ проф. Менделѣевъ. Это дало всей системѣ незыблемую стойкость; это показало, что система Менделѣева не только удобная схема, связывающая массу мелкихъ явленій, но обобщеніе, открывающее сущность дѣйствительныхъ соотношеній.

Итакъ, вотъ тѣ общія идеи, которыя даетъ современная химія для реального мировоззрѣнія: истина о вѣчности вещества, ученіе о простыхъ и сложныхъ тѣлахъ и атомическое представленіе.

На различныхъ отвѣтахъ останавливалась человѣческая мысль при рѣшеніи вопроса, изъ чего состоитъ весь міръ, насъ окружающій.

При поверхностномъ отношеніи къ міру, насъ окружающему, можно безразлично остановиться на томъ или другомъ началѣ, отстаивать его діалектической ловкостью, если только гнаться за торжествомъ своего ученія.

Но разъ мы станемъ на почву точнаго изслѣдованія, на почву опыта и тщательнаго наблюденія, мы уже не можемъ остановиться на любой системѣ; діалектика намъ не поможетъ. Одинъ фактъ, добросовѣстно наблюденный, разрушить всю науку діалектику, все зданіе хитро сплетенной системы, которое мы соорудимъ.

Путь, которымъ идетъ наука къ завоеванію истины, медленный, но вѣрный. Это — путь упорнаго, кропотливаго труда, постоянныхъ усилій. Ставъ на почву точнаго изслѣдованія, знаніе растетъ и крѣпнетъ. Каждое приобрѣтеніе прочнымъ камнемъ ложится въ общую сокровищницу науки, идетъ на созидательную работу. Люди отвоевываютъ у природы ея тайны медленно, шагъ за шагомъ. Но каждый взятый этой борьбою шагъ—есть приобрѣтеніе надолго, пока живо человѣчество, пока не заглохнутъ въ немъ стремленіе къ знанію, жажда истины, стремленіе къ широкому, полному человѣческому счастью. Человѣчество долго, порывисто кидалось отъ одного пути къ другому, изъ одной крайности въ другую—отъ безусловнаго отрицанія къ слѣпой вѣрѣ въ догматъ, пока не остановилось на той дорогѣ, по которой идетъ теперь.

Вѣрованіямъ, гипотезамъ, основаннымъ на неясныхъ предчувствіяхъ, наука не придаетъ глубокаго значенія. Прожитый опытъ показалъ, какими плевелами засоряли они бѣдную человѣческую мысль. Единственный путь, который ведетъ къ правильному пониманію дѣйствительности, говоритъ наука, есть путь осторожнаго изслѣдованія; путь внимательнаго изученія природы, глубокаго анализа ея явленій.

Лучшимъ доказательствомъ въ пользу того, что точная наука

идеть вѣрнымъ путемъ къ познанію природы, что истины, которыя она даетъ, отвѣчаютъ дѣйствительности, служатъ широкое развитіе различныхъ отраслей прикладныхъ знаній. Съ тѣхъ поръ, какъ химія стала точной наукой, вышла на правильный путь изслѣдованія, техника необычайно расширилась. Въмѣсто традиціонныхъ, эмпирическихъ приѣмовъ, техника выработала и вырабатываетъ приемы, основанные на отчетливомъ пониманіи химической природы тѣхъ продуктовъ, съ которыми она имѣетъ дѣло. Анализъ, изслѣдованіе состава тѣлъ, опредѣленіе количествъ, въ которыхъ эти тѣла являются въ видѣ тѣхъ или другихъ продуктовъ, даетъ возможность производить самые точные расчеты. Благодаря химическому анализу, можно легко и просто оцѣнить выгоду, которую представитъ обработка тѣхъ или иныхъ произведеній природы, выбрать наиболѣе простой и выгодный способъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ.

Необычайный ростъ промышленной жизни культурныхъ странъ обязанъ тому, что приемы эксплуатаціи даровъ природы опираются на точное научное знаніе. Это одна изъ главныхъ силъ знанія.

Пониманіе химическихъ процессовъ, которые обуславливаютъ плодородность земли, ведетъ къ выработкѣ правильныхъ системъ земледѣльческаго хозяйства. Ясное пониманіе жизни почвы указываетъ пути правильной и выгодной эксплуатаціи тѣхъ силъ, которыя скрыты въ почвѣ. Земледѣльческія хозяйства, которыя ведутся по эмпирическимъ приѣмамъ, ощупью, хирѣютъ, изнашиваютъ почву. Наоборотъ, хозяйства, основанныя на отчетливомъ пониманіи химическихъ процессовъ, которые совершаются въ почвѣ и служатъ основой жизнедѣятельности растений,—такія хозяйства развиваются и процвѣтаютъ. Химическій анализъ почвъ, искусственныя удобренія, составляющія признаки правильнаго хозяйства, опираются на точныя химическія знанія.

Но кромѣ этихъ прикладныхъ отраслей знанія, которыя имѣютъ цѣлью разработать богатства природы и ведутъ къ обогащенію человѣческихъ обществъ, есть другая отрасль прикладнаго знанія, не менѣе важная. Медицина, наука о здоровомъ и больномъ организмѣ, получила также могущественное средство для достиженія ея цѣлей. Основные процессы жизни—суть физико-химическіе процессы. Только отчетливое пониманіе этихъ процессовъ даетъ средство правильно судить о нормальномъ ходѣ жизни человѣка и о тѣхъ отступленіяхъ, которыя служатъ источниками болѣзней.

Если тѣ общія истины, которыя вырабатываетъ реальная наука и которыя ложатся въ основаніе правильнаго міровоззрѣнія, пред-

ставляютъ ея великую заслугу, то не менѣе велико другое достоинство науки: именно, та дисциплина, которую она сообщаетъ уму.

Внося порядокъ, стройность и законченность въ наши представленія объ окружающей насъ дѣйствительности, внося связность въ отрывочныя и случайныя представленія, точная наука приучаетъ насъ провѣрять выводы, удерживаетъ отъ поспѣшныхъ заключеній, научаетъ глубоко, и внимательно всматриваться въ явленія, совершающіяся передъ нашими глазами.

Мы готовы, вслѣдствіе непониманія дѣйствительности, неумѣнія подойти къ ней, дѣлать на каждомъ шагу ошибки, которыя часто гибельно отражаются на нашемъ поведеніи, на нашихъ отношеніяхъ къ окружающему.

Школа, которую даетъ реальное знаніе, научаетъ избѣгать ошибокъ въ сужденіяхъ, указываетъ пути къ правильной оцѣнкѣ явленій. Изслѣдуй, внимательно изучай, провѣряй выводы самостоятельно, своей мыслью и наблюденіемъ, и тогда только произноси сужденіе: вотъ основное правило, которое указываетъ реальное научное знаніе.

Укажемъ еще на одну важную сторону, которую даетъ внимательное изученіе явленій природы. Знакомство съ наукой о природѣ широко развиваетъ личную пытливость, силу личнаго ума. Реальная наука ведетъ человѣка къ правильному пониманію природы не путемъ догматическаго сообщенія теорій, она заставляетъ занимающагося самого дѣлать выводы изъ предлагаемыхъ фактовъ, подвергать эти выводы личной критикѣ. Догматъ, взятый на вѣру, угнетаетъ личный умъ. Наоборотъ, истина, воспринятая самостоятельной сложной работой мысли, переполняетъ человѣка сознаніемъ личной силы, вселяетъ бодрость, ясное довѣріе къ знанію, подымаетъ чувство жизни, пробуждаетъ желаніе дѣятельности.

«Ученикъ, который принимается за этотъ отдѣлъ естествознанія,—говоритъ англійскій профессоръ Даубени о химіи,—неудержимо влечется отъ теоріи къ опыту; и если не какія-либо другія высшія соображенія, то одно простое любопытство побуждаетъ его наблюдать своими глазами и повѣрять своими собственными чувствами тѣ свойства матеріи, которыя словесное описаніе можетъ представить только несовершенно и блѣдно. Разъ вступивши на этотъ путь изслѣдованій, онъ входитъ во вкусъ его и увлекается имъ такъ же, какъ увлекается охотникъ, преслѣдуя дичь. Онъ начинаетъ испытывать чувства гордости, когда удаются его опыты, и чувствуетъ себя униженнымъ, когда они не подтверждаютъ его догадокъ». «Каждая вновь приобретенная реальная истина,—говоритъ Либихъ,—есть завоеванное человѣкомъ новое чувство: оно

дѣлаеть его способнымъ замѣчать и узнавать множество явленій, остающихся для другого невидимыми и сокрытыми, какъ прежде и для него самого...»

Мы указали главныя основныя истины, которыя можно считать достаточно установленными въ химіи и которыя могутъ лечь въ основу правильного міровоззрѣнія. Мы старались общими чертами намѣтить тѣ доводы, которые служатъ въ пользу реальности этихъ истинъ: широкое развитіе прикладныхъ знаній. Мы указали на тотъ путь, которымъ идетъ наука въ выработкѣ своихъ общихъ положеній, — путь кропотливаго труда, глубокаго анализа. Мы старались, наконецъ, отмѣтить одно изъ главныхъ достоинствъ научнаго знанія — ту дисциплину, которую сообщаетъ оно уму, и то воспитательное значеніе, которое оно имѣеть для личности. Последняя сторона знанія особенно цѣнна. Пониманіе широкой дѣйствительности, окружающей насъ, создаетъ въ насъ радостное, спокойное настроеніе, гонитъ предрасудки, загромождающіе мысль, сообщаетъ жизненность и силу всѣмъ стремленіямъ. Несомнѣнно, это чувство говорило въ проф. Менделѣевѣ, когда онъ писалъ въ своемъ введеніи къ «Основамъ химіи» слѣдующія строки: «Зная, какъ привольно, свободно и радостно живетъ въ научной области, невольно желаешь, чтобы въ нее вошли многіе».

Химія — есть наука опытная: въ этомъ ея главная сила. Въ этомъ же главная ея трудность для того, кто хотѣлъ бы познакомиться съ ея истинами.

Производство опытовъ требуетъ кропотливаго, внимательнаго труда и отнимаетъ много времени. Кромѣ того, производство опытовъ, на которые опираются основныя и главныя законы, требуетъ большаго навыка. Однако, только тѣ явленія, которыя наблюдаются лично занимающимся, понимаются наиболѣе отчетливо и западаютъ въ памяти. Только тѣ истины, которыя опираются на рядъ самостоятельно наблюдаемыхъ явленій, представляютъ дѣйствительное приобрѣтеніе.

Поэтому каждый, желающій познакомиться съ самыми элементарными химическими явленіями, не можетъ обойти опыта. Важно самому продѣлать рядъ опытовъ, которые указываются въ наиболѣе популярныхъ руководствахъ, чтобы получить довѣріе къ опыту, чтобы вынести убѣжденіе въ правдивости тѣхъ положеній, которыя опираются на опытъ. Изъ подобныхъ руководствъ мы укажемъ прежде всего на небольшую книжку, которую рекомендуемъ вообще, для первоначальнаго знакомства съ химическими явленіями.

Роско. Химія. Серія первоначальныхъ учебниковъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Пантелѣва, 1879. Ц. 40 коп.

Въ ней разясняются обыденныя химическія явленія и простѣйшіе опыты, которые знакомятъ съ химическими свойствами воздуха, воды, описаны важнѣйшія простыя тѣла и ихъ главныя соединенія. Изложеніе простое и отчетливое. Большую часть опытовъ, описанныхъ въ этой книгѣ, можно продѣлать съ небольшими средствами. Пониманіе ея не требуетъ никакой предварительной подготовки.

Простое и ясное изложеніе самыхъ важныхъ химическихъ свѣдѣній читатель можетъ найти въ книгѣ

М. Константиновичъ. Химическія бесѣды. Общепонятное изложеніе химическихъ свѣдѣній. Кіевъ. Изд. 2. 1880 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Во введеніи къ этой книгѣ описаны простѣйшіе приборы и ихъ приготовленіе, обработка пробокъ, стеклянныхъ трубокъ, перечислены матеріалы, съ помощью которыхъ можно продѣлать рядъ простыхъ и поучительныхъ опытовъ. Въ рядѣ занимательныхъ и легкихъ бесѣдъ авторъ закомитъ читателя съ большимъ количествомъ химическихъ явленій, со свойствами главнѣйшихъ простыхъ и сложныхъ тѣлъ, сообщая много свѣдѣній о тѣхъ тѣлахъ, которыя на каждомъ шагѣ встрѣчаются въ обиходѣ. Въ книгѣ много рисунковъ.

Для тѣхъ читателей, которые не удовлетворятся этими элементарными книгами и которые пожелаютъ изучить больший кругъ химическихъ явленій, рекомендуемъ обратиться къ методическому руководству по химіи. Изъ многихъ методическихъ руководствъ подобнаго рода мы предлагаемъ взять книгу

Арендтъ. Основныя начала химіи. Спб. Изд. Пантелѣва. 1885 г. Ц. 2 р.

Для чтенія эта книга рекомендована быть не можетъ. Это методическій курсъ. Но кто не побойтса труда, тому эта книга будетъ полезна. Методическое расположеніе опытнаго матеріала шагъ за шагомъ ведетъ къ выясненію основныхъ понятій химіи. Книга снабжена рисунками, которые облегчаютъ читателю представить тѣ химическія явленія, которыхъ онъ не можетъ наблюдать, и уясняютъ расположеніе приборовъ въ томъ или другомъ химическомъ опытѣ. Книга содержитъ изложеніе главнѣйшихъ явленій не только по общей, такъ-называемой неорганической, но и по органической химіи.

Названныхъ книгъ достаточно, чтобы по нимъ познакомиться съ главнѣйшими фактами, составляющими предметъ изученія химіи.

Для первоначальнаго знакомства съ химическими понятіями назовемъ просто и ясно изложенную брошюру

А. М. Бутлеровъ. Основныя понятія химіи. Спб. Изд. Мартынова. 1886 г. Ц. 40 коп.

Въ этой книгѣ выясняется прежде всего, въ чемъ состоитъ химическое измѣненіе вещества, характеризуются типы химическихъ превращеній, выясняются законы вѣсовыхъ отношеній, понятія объ атомѣ и частицѣ. Въмѣстѣ съ элементарнымъ руководствомъ Роско, названнымъ нами, эта брошюра можетъ служить прекраснымъ введеніемъ въ болѣе серьезное знакомство съ областью научной химіи. Тѣмъ изъ читателей, которые не могутъ отдать знакомству съ химіей много труда и времени, мы рекомендуемъ, предпочительно передъ другими книгами, эти двѣ маленькихъ книжки. Онѣ доступны каждому и по изложенію, и по цѣнѣ.

Изящное и увлекательное изложеніе основныхъ истинъ, на которыхъ опирается химическое міровоззрѣніе, читатель найдетъ въ книгѣ

Джосіа Кукъ. Новая химія. Перев. подъ ред. проф. А. М. Бутлерова. Спб. 1876 г. Изд. быв. ред. журнала «Знаніе». Ц. 2 р.

Книга представляетъ рядъ лекцій, изложенныхъ общедоступно. Помимо прекраснаго изложенія основныхъ взглядовъ научной химіи, вся книга проникнута свѣтлой вѣрой въ знаніе, въ реальность тѣхъ истинъ, которыя оно вырабатываетъ. «Наша новѣйшая наука, говоритъ Кукъ, есть философская система, основанная на ясно установленныхъ и постоянно развиваемыхъ представленіяхъ»... Кукъ охватываетъ въ своей книгѣ главныя химическія теоріи не только общей, но и органической химіи. Книга эта вышла почти двадцать лѣтъ назадъ. Съ того времени химія ушла значительно впередъ. Тѣмъ не менѣе книга совсѣмъ не потеряла своего значенія. Полное изложеніе тѣхъ идей, которые царятъ въ наукѣ въ настоящее время, можно найти въ книгѣ:

Л. Мейеръ. Краткій очеркъ теоретической химіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Дрентельна. Изд. Риккера. Спб. 1893. Ц. 2 р.

Знакомство съ этой книгой требуетъ предварительнаго знанія фактическаго матеріала. Изложеніе отличается краткостью, простотой и ясностью.

Тѣ изъ читателей, которые пожелали бы имѣть въ рукахъ наиболѣе полное изложеніе какъ основныхъ химическихъ фактовъ, такъ и общихъ воззрѣній, найдутъ ихъ въ книгѣ

Д. И. Менделѣевъ. Основы химіи. 1889. Спб. Ц. 5 р.

Помимо богатаго фактическаго матеріала, который заключаетъ эта книга, она проникнута цѣльнымъ, широкимъ научнымъ

міровоззрѣніемъ и этой стороною имѣеть общую цѣнность. XV-я глава этой книги посвящена изложенію основаній періодической системы элементовъ. Изложеніе этого вопроса читатель можетъ найти кромѣ того въ отдѣльной брошюрѣ.

Д. И. Менделѣевъ. Два лондонскихъ чтенія. Спб. 1890. Ц. 80 к.

Наиболѣе полный и стройный сводъ фактовъ и теорій по органической химіи можно найти въ книгѣ

Бернтсенъ. Руководство по органической химіи. Изд. Риккера. 1893 г. Ц. 3 р.

Не всякій можетъ удовлетвориться знакомствомъ съ тѣмъ кругомъ взглядовъ, который дается наукой въ настоящее время. Истины, которыя представляетъ наука сегодня, завоеваны долгимъ и кропотливымъ трудомъ,—и въ этомъ ихъ главная сила. Намъ всегда интересуется исторія; мы хотимъ знать, какъ думали равнѣе, путемъ какихъ ошибокъ дошли люди до правильныхъ взглядовъ.

Исторія развитія научныхъ воззрѣній имѣеть не анекдотическій, а глубокій психологическій и воспитательный характеръ. Тотъ путь, которымъ шло человѣчество къ истинѣ, которымъ оно выходило на путь истиннаго знанія, есть тотъ же самый путь, которымъ вырабатываетъ знаніе каждый отдѣльный человѣкъ. Поэтому въ настоящее время въ педагогику и методику точныхъ знаній все болѣе и болѣе проникаетъ убѣжденіе, что при выясненіи научныхъ истинъ правильнѣе идти, придерживаясь того пути, какъ эти истины вырабатывались въ прошломъ въ сознаніи людей мысли... Исторія наукъ должна быть одной изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ областей знанія... Къ сожалѣнію, нельзя указать такой книги на русскомъ языкѣ по исторіи химіи, которая бы удовлетворяла требованіямъ общедоступности и популярности.

Для исторіи общихъ воззрѣній химіи укажемъ прежде всего

Вюрцъ. Химическія доктрины отъ Лавуазье до нашихъ дней. Переводъ съ франц. подъ ред. проф. А. М. Бутлерова. Спб. 1870.

Съ появленія въ свѣтъ этой книги прошло болѣе 20 лѣтъ. Многія истины, вошедшія съ того времени въ науку, не включены въ эту книгу: напр., періодическій законъ. Чтеніе ея можно рекомендовать для выясненія ученія Лавуазье, Дальтона, для знакомства съ развитіемъ идеи о химической частицѣ, атомѣ. Изложеніе блестящее.

Болѣе полный очеркъ исторіи различныхъ взглядовъ и теченій, дарившихъ въ химіи съ начала прошлаго вѣка до послѣдняго времени, можно найти въ книгѣ

Н. А. Меншуткинъ. Очеркъ исторіи развитія химическихъ воззрѣній. 1888. Спб. Ц. 2 р.

Эта книга представляетъ рядъ университетскихъ чтеній; она не предназначалась для широкаго круга читателей, потому изложеніе ея не всегда отличается доступностью.

Какъ книга Вюрца, такъ и книга проф. Н. А. Меншуткина имѣютъ главною цѣлью выясненіе тѣхъ общихъ идей, которыя легли въ основаніе современныхъ ученій химіи. Ни та, ни другая почти совершенно не затрогиваютъ теченій, царившихъ въ давно истекшіе вѣка, когда химія далека была отъ тѣхъ чистыхъ стремленій, исканія истины, которыя она преслѣдуетъ теперь, какъ наука. Эти стремленія представляютъ своеобразный интересъ. Съ этими направленіями человѣческой мысли читатель можетъ ознакомиться изъ слѣдующихъ книгъ, правда, нѣсколько устарѣвшихъ:

Уэвелль. Исторія индуктивныхъ наукъ, 3 т. Спб. 1867—1869.

Савченковъ. Исторія химіи. 1870 г. *).

С. Созоновъ.

*) Книги: Кукъ. «Новая химія», Вюрцъ «Ист. хим. доктр.», Уэвелль «Ист. инд. наукъ», Савченковъ. «Ист. химіи», можно найти у букинистовъ за цѣны, значительно пониженныя.

НОВЫЯ КНИГИ.

Викторъ Гюго. Трудники моря. Романъ (С.-Петербургъ. Дешевая Библиотека. Изд. А. С. Суворина).

Романы Виктора Гюго занимають среди произведеній знаменитаго французскаго поэта второстепенное мѣсто. Сила его лирическаго таланта, богатство фантазіи, грандіозность и смѣлость образовъ, яркость языка—всѣ эти качества сказались преимущественно въ его поэзійи и въ драматическихъ произведеніяхъ; поэтому-то они такъ неотразимо дѣйствуютъ на читателя и зрителя, несмотря на множество недостатковъ, въ которыхъ критика справедливо упрекаетъ поэта. Въ романахъ же Виктора Гюго прежде всего бросаются въ глаза недостатки, присущіе какъ всей романтической школѣ, такъ и главнымъ образомъ ея самому яркому представителю—В. Гюго. Преувеличенныя чувства и страсти, люди, превращенные въ титановъ и совершающіе нечеловѣческіе подвиги, дѣланые эффекты и непрерывная игра контрастовъ—таковъ общій характеръ романовъ В. Гюго, затемняющій даже то, что въ нихъ есть истинно прекраснаго и гениальнаго.

Среди всѣхъ романовъ Гюго, изъ которыхъ каждый при своемъ появленіи вызывалъ нескончаемые восторги, лучшимъ слѣдуетъ признать «Соборъ Парижской Богоматери»; въ немъ описанія средневѣковаго Парижа и готическаго искусства вполне искупають слабость и искусственность самой фабулы. Вторымъ послѣ этого шедевра описательно-археологическаго жанра, мы считаемъ вышедшій теперь въ новомъ русскомъ переводѣ романъ «Трудники моря» (*Les Travailleurs de la mer*), написанный въ 1866 г., когда В. Гюго жилъ въ изгнаніи, на одномъ изъ острововъ Ламанша. Годы изгнанія, проведенные почти всецѣло у моря, отразились очень сильно на творчествѣ поэта, сроднивъ его съ стихіей, которая ближе всего соотвѣтствовала его страстной, энергичной, непокорной натурѣ. Вліяніе моря и любовь къ нему очень ярко воплотились въ «Трудникахъ моря». Романъ этотъ весь построенъ на излюбленныхъ В. Гюго антитезахъ и контрастахъ. Онъ противопоставляетъ другъ другу человѣка и море, какъ двѣ борящіяся силы. Его герой—какой-то полудикій пещерный житель Жильятъ, имѣеть много общаго съ стихіей, противъ которой онъ борется: онъ также непроницаемъ, какъ океанъ, и такъ же угрюмо бѣжитъ отъ людей, какъ море въ часъ отлива, такъ же упо-

ревъ въ своихъ замыслахъ и чувствахъ, какъ волны, подтачивающія самыя неприступныя утесы. Чувствуется какая-то внутренняя связь между этимъ, случайно забредшимъ въ общество людей, получеловѣкомъ, каковымъ представляется герой В. Гюго. и моремъ, на которое направлены всѣ помыслы Жильята. На протяженіи всего утомительно-длиннаго романа Жильятъ едва ли произноситъ десятокъ словъ: онъ видитъ улыбку красавицы Дюрошеты, четыре года думаетъ о томъ, что она означала; потомъ, убѣдившись въ своей любви, не рѣшается ни разу взглянуть Дюрошетѣ въ лицо; онъ узнаетъ, что погибъ пароходъ, принадлежащій дядѣ любимой имъ дѣвушки, и слышитъ, какъ опечаленная Дюрошета общается сдѣлаться женой того, кто спасетъ машину, уцѣлѣвшую среди обломковъ судна; тогда онъ молча уходитъ, беретъ съ собой необходимые припасы и проводитъ долгое время среди моря, въ ущельяхъ скалы, въ неустанной борьбѣ съ грозной стихіей и ея чудовищными обитателями, вродѣ спрутовъ и т. п. Ему удается осилить стихійныхъ враговъ, онъ спасаетъ машину и побѣдоносно возвращается на берегъ для того, чтобы въ тотъ же вечеръ подслушать влюбленный разговоръ между Дюрошетой и молодымъ пасторомъ. Онъ отказывается отъ дѣвушки, которую дядя насильно хочетъ заставить выйти замужъ за спасителя парохода, устраиваетъ тайное вѣнчаніе влюбленныхъ, содѣйствуетъ ихъ отъѣзду и, проводивъ ихъ на корабль, убѣгаетъ на высокую прибрежную скалу, гдѣ море образовало нѣчто вродѣ кресла, совершенно исчезающаго во время прилива подъ водой. Тамъ онъ слѣдитъ за удаляющимся кораблемъ, который уноситъ его разбитое счастье—и спокойно ждетъ прилива, т.-е. смерти.

Этотъ мелодраматическій сюжетъ обращенъ авторомъ въ пантомиму, гдѣ главныя дѣйствующія лица, Жильятъ и море, дѣйствуютъ безъ словъ, стихійно, а окружающіе ихъ люди подчиняются, не понимая ни бессмысленно разрушительной силы моря, ни стихійнаго же благородства Жильята, который таитъ глубоко въ себѣ всѣ свои страданія и чувства. Но если психологія живыхъ людей въ романѣ Гюго и принесена въ жертву погонѣ за эффектными сценами, романъ все-таки представляетъ высоко-художественное произведеніе, благодаря описаніямъ моря, которое положительно живетъ въ грандіозныхъ картинахъ В. Гюго. Такія картины, какъ, напр., описаніе кресла Гильдъ-Гольмъ-Урь, бури, которая застигаетъ Жильята на скалѣ, и, наконецъ, удивительное описаніе борьбы Жильята съ морскимъ чудовищемъ спрутомъ—все это оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ читателя.

W.

Историческія чтенія. Древняя исторія. Египетъ, Ассирія. М. Масперо Пер. съ фр. Съ 192 рис. 305 стр. Изд. Л. Пантелѣва. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Прекрасная книга М. Масперо, извѣстнаго знатока египетской и ассирійской древности, среди научно-популярныхъ книгъ по исторіи занимаетъ особое мѣсто. Ученый авторъ не ставитъ своею цѣлью излагать исторію Египта и Ассиріи изъ года въ годъ, или изъ вѣка въ вѣкъ: онъ просто переноситъ читателя въ глубь времени, заставляетъ читателя, насколько только возможно, отрѣшиться отъ взглядовъ и понятій современности, превращаетъ его въ древняго египтянина или ассиріянина и, самъ превратившись въ такового же, пускается въ чрезвычайно интересныя и поучительныя странствованія. Передъ читателемъ, по мѣрѣ того, какъ онъ пробѣгаетъ страницу за страницей, раскрывается картина жизни древняго Египта въ самую блестящую эпоху его существованія, — при Рамзесѣ II (XIV вѣкъ до Р. X.). Читатель, руководимый своимъ ученымъ спутникомъ, знакомится не только съ блестящей, казовой стороною его жизни, но и съ закулисной его стороною, не только съ жизнью фараона и его приближенныхъ, но и съ жизнью народа, массы, на которую опирались подвиги и слава великаго египетскаго завоевателя... «Я поступилъ,—говоритъ о себѣ самъ авторъ,—какъ тѣ добросовѣстные путешественники, которые, намѣреваясь отправиться въ новыя страны, предпринимаютъ путешествія не на обумъ, а освѣдомляются раньше, чѣмъ пуститься въ путь, о правахъ и языкѣ, существующихъ въ нихъ. Прибывъ на мѣсто, я осмотрѣлся вокругъ себя и старался присмотрѣться и прислушаться ко всему, какъ можно лучше, какъ можно больше. Я исходилъ всѣ улицы въ городѣ, заглядывалъ, гдѣ можно, въ плохо притворенныя двери, слонялся по торговымъ лавкамъ, записывалъ все, что удалось подслушать въ народныхъ толкахъ и разговорахъ. Когда каменщики составили забастовку, я шелъ за ними къ оивскому намѣстнику, чтобы узнать, чѣмъ она окончится. Проходило похоронное шествіе съ большимъ шумомъ—я провожалъ покойника до могилы и любопытствовалъ объ участи, ожидающей его въ другомъ мірѣ. Справляли свадьбу: я, пользуясь прिवѣтливостью, съ какою восточные жители отворяютъ двери своихъ домовъ во время празднества, издали присутствовалъ при чтеніи брачнаго договора. Когда проходилъ фараонъ—я съ другими ротозѣями бѣжалъ за нимъ въ храмъ, во дворецъ или на охоту; а куда обычай или этикетъ не позволяли мнѣ войти, я проникалъ туда мысленно, при помощи подслушанныхъ разговоровъ, или прочитанныхъ текстовъ...»

Подобное - же путешествіе авторъ совершаетъ и въ древнюю Ассирію, приглашая и читателя слѣдовать за собою въ VII вѣкъ до Рождества Христова. Въ Ассиріи онъ описываетъ въ большинствѣ случаевъ сцены, сходныя по содержанію съ египетскими, но на которыя духъ или характеръ, особенность ассирійскаго народа кладетъ свой отпечатокъ. Кто пожелалъ-бы ихъ сравнить, тотъ увидитъ, въ чемъ собственно заключается сходство или несходство цивилизаціи обоихъ великихъ народовъ древности. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ картинъ, нарисованныхъ умѣлою рукою: вотъ стовратныя Фивы, — городъ богатѣйшихъ дворцовъ и убогихъ хижинъ, вотъ рынокъ, — мѣсто, гдѣ мелочи жизни особенно поддаются наблюденію и изученію; вотъ фараонтъ, считающій себя владыкой міра, а иноплеменныхъ, неподвластныхъ ему, народовъ — мятежниками; вотъ, наконецъ, Аммонъ, главный оиванскій богъ, различно понимаемый, но требующій одинаковыхъ обрядовъ и почестей и со стороны невѣжественнаго народа, и со стороны представителей египетской интеллигенціи... Далѣе авторъ рисуетъ интересныя картины той жизни, какую вели египетскіе сановники, затѣмъ картину похоронъ, которою пользуется, чтобы ввести читателя въ циклъ понятій о загробной жизни древнихъ египтянъ.

Затѣмъ, перенося читателя въ Ассирію, авторъ даетъ картины царской резиденціи Дуръ-Шарукашъ и жизни тамъ, царской охоты, войнъ, праздниковъ и т. д. Особенно интересны тѣ главы второй части книги, гдѣ описаны библіотека Ассурбанипала и даны понятія о наукѣ предназначенованій.

Прекрасная книга М. Масперо даетъ довольно полную, а главное, весьма яркую картину культурной жизни двухъ великихъ народовъ востока, свѣдѣнія о которыхъ нельзя сказать, чтобы были очень распространены въ нашемъ обществѣ. Между тѣмъ, культура востока — предшественница европейской, и между первой и второй существуетъ, какъ показываютъ изслѣдованія ученыхъ, — тѣсная связь и преемственность. Сами того не сознавая, мы хранимъ и передаемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе цѣлый циклъ идей, понятій, представленій, образовъ, родина которыхъ — востокъ, а происхожденіе которыхъ теряется въ глубокой древности. Интересно познакомиться съ тѣми странами, которыя дали намъ эти идеи и понятія. Достаточно прочесть VI и VIII главы первой части и XVI и XVII второй, чтобы видѣть, до какой степени древни нѣкоторыя понятія, съ которыми мы жили, которыя считаемъ своими.

Мы смѣло рекомендуемъ книгу Масперо нашимъ читателямъ. Ее прочтутъ съ наслажденіемъ и пользой люди самыхъ различ-

ныхъ. возрастовъ и разнообразной подготовкѣ. Написана она увлекательно.

1) На краю гибели. 2) Изъ жизни запорожскихъ козачковъ. 3) На праздникѣ у древнихъ римлянъ. 4) Какъ я провелъ субботу и воскресенье въ нѣмецкой деревнѣ. 5) Подъ волнами морскими. 6) Какія есть на землѣ растенія и какаѣ отъ нихъ польза человѣку. 7) Какъ борются люди съ страшными врагами своими — чумой, оспой и холерою. 8) Уральцы-рыболовы. Спб. 1893 г. Изданія книжнаго склада А. М. Калмыковой. Всѣ 8 книжекъ высылаются складомъ за 26 коп. марками простою бандеролью и за 33 коп. заказною.

Недалеко еще отъ насъ то время, когда читатель изъ народа могъ удовлетворять свою потребность въ чтеніи только безграмотными и безнравственными произведеніями писакъ Никольскаго рынка; къ сожалѣнію, и теперь «лубочники» все еще выпускаютъ милліоны своихъ «листовокъ», а Ерусланы Лазаревичи и Англійскіе милорды—герои, все еще наиболѣе популярны среди читателей изъ народа. Но за послѣднее время, наряду съ этими лубочными изданіями, начинаютъ проникать въ народную массу и книги совершенно другого характера. Русская интеллигенція почувствовала наконецъ, что она не вправѣ безучастно относиться къ дѣлу распространенія книгъ въ народѣ, и сама приступила къ изданію. Наиболѣе энергичной эта дѣятельность нашей интеллигенціи стала за послѣднія 8—10 лѣтъ:—появились люди, всецѣло посвятившіе себя этому дѣлу, образовались кружки, фирмы, издающія главнымъ образомъ книги для народа; назовемъ фирмы «Посредникъ», Маракуева, «Правда». Эти изданія оказываютъ мало-помалу благотворное вліяніе и на самихъ лубочниковъ: нѣкоторые изъ послѣднихъ для составленія своихъ книжекъ обращаются уже къ посредству интеллигентныхъ силъ. Понятно, что во всякомъ новомъ дѣлѣ прежде всего принимаются за наиболѣе легкое, наиболѣе выполнимое,—въ дѣлѣ народныхъ изданій, таковымъ являлась беллетристика, такъ какъ здѣсь можно было пользоваться готовымъ и брать многія изъ произведеній нашихъ классиковъ, иногда передѣлывать, сокращать, иногда же, что, конечно, лучше, пускать пѣликомъ. Популяризацией же науки для народа у насъ до сихъ поръ почти, чтобы не сказать совсѣмъ, не занимались. Поэтому, каждый новый шагъ въ эту сторону можно только приветствовать.

А. М. Калмыкова, хорошо знакомая съ народной литературой и много для нея поработавшая, основала свой складъ народныхъ

изданій въ 1890 г. Уже на слѣдующій годъ своего существованія складъ сталъ выпускать и свои изданія; въ прошломъ 1893 году издательская дѣятельность склада проявилась особенно энергично и появилось 8 новыхъ книжекъ, заглавія которыхъ мы выписали выше.

Онѣ представляютъ 2 серіи: первая носить названіе «*Жизнь прежде и теперь*», вторая: «*Силы природы и трудъ человека*»; первая посвящена исторіи и общественной жизни, вторая трактуетъ о природѣ и объ отношеніи къ ней человека. Характерной особенностью почти всѣхъ этихъ книжекъ (размѣромъ отъ 1-го до 2-хъ листовъ) является то, что онѣ избѣгаютъ сухого, догматическаго изложенія и стремятся рисовать *картины* жизни. Для книжекъ первой серіи составители воспользовались отрывками изъ романовъ и повѣстей нѣкоторыхъ нашихъ писателей (Мордовцева, Загоскина) и, дополнивъ ихъ введеніями, дали довольно яркія, хотя, конечно, и неполныя картины Запорожской Оѣчи, чумныхъ и другихъ эпидемій и римской жизни. Слабѣе другихъ, по нашему мнѣнію, въ этой серіи книжка «Какъ я провелъ субботу и воскресенье въ нѣмецкой деревнѣ», и именно потому, что автору не удалось нарисовать картины, которая дала бы болѣе или менѣе ясное представленіе о *культурности* нѣмецкой деревни, сравнительно съ нашей; разговоры же, которые авторъ заставляеть вести своихъ дѣйствующихъ лицъ, скучны, однотонны и порой даже не доказательны.

Во вторую серію вошли: «На краю гибели», «Подъ волнами океана», «Какія есть на землѣ растенія и какая отъ нихъ польза человеку» и «Уральцы-рыболовы».

«Подъ волнами океана»—въ формѣ повѣсти—разсказываетъ о томъ, какъ борются фризы противъ разрушительной силы моря, отстаивая свой скалистый, пустынный, но все же безконечно для нихъ дорогой островокъ.

Книжка «Какія есть на землѣ растенія и какая отъ нихъ польза человеку»—очень полезная книжка. Здѣсь описываются и растенія, являющіяся «хлѣбомъ насущнымъ» въ разныхъ странахъ (рисъ, бананъ, пальмы, картофель), причѣмъ, особенно много мѣста отведено послѣднему, и довольно подробно разсказана исторія «введенія» картофеля въ Западной Европѣ; удѣлено мѣсто и такимъ растеніямъ, какъ папирусъ и хинное дерево.

Книжка «Уральцы-рыболовы» состоитъ изъ двухъ частей: въ первой рисуются картины промысловой жизни казаковъ на р. Уралѣ и Каспійскомъ морѣ, во второй—трактуются о печальномъ положеніи нашего рыбнаго хозяйства и о причинахъ такого положенія, кроющихся, главнымъ образомъ, въ нашей некультурности и въ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Словесность, культура и политика.

Shiller's Lehre von der ästhetischen Wahrnehmung, von Karl, Guicisse. Berlin, 1893, 236 S. 8°. M. 4. (Учение Шиллера объ эстетическомъ воспитаніи). Названное сочиненіе представляетъ изложеніе ученія объ эстетическомъ представленіи, какъ основѣ эстетики Шиллера. Книгу эту слѣдуетъ признать однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ произведеній, какъ въ области литературы о Шиллерѣ, такъ и вообще по эстетикѣ, изъ появившихся за послѣднее время. Въ первой части излагается ученіе Шиллера объ эстетическомъ представленіи, изложенное въ его извѣстныхъ письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человека. Далѣе ученіе Шиллера сравнивается со взглядами Конта и Фихте, при чемъ авторъ настаиваетъ на оригинальности шиллеровскаго ученія. Отношенія Шиллера къ Фихте, о которыхъ до сихъ поръ говорилось не ясно, выяснены авторомъ. Въ заключительной части воззрѣнія Шиллера подвергнуты критическому анализу съ точки зрѣнія современныхъ психологическихъ и эстетическихъ изслѣдованій.

(Literarisches Centralblatt).

La légende de la mort en Basse-Bretagne, par A. Le Braz. (Легенда смерти въ Бретани). Книга эта имѣетъ несомнѣнно большое значеніе; въ ней собраны и описаны въ систематическомъ порядкѣ преданія, обычаи и сказки бретонцевъ, то трогательныя, то ужасныя, выражающіе ихъ воззрѣнія на смерть и на судьбу души. Взгляды эти переданы съ наивною простотою, какая свойственна народному воображенію. Книга снабжена предисловіемъ г. Леона Марилье, въ которомъ указывается значеніе ея для сравнительной мѣологіи и

на ту ея особенность, что легенды, собранныя Бразомъ, еще и по настоящее время живутъ въ воображеніи народа.

(Revue des Deux Mondes).

Geschichte der deutschen Literatur. 2 Th. Seit dem Ausgang des Mittelalters. Von Dr. Karl Borinsky. Stuttgart, 1893. 402 стр. Цѣна М. 2so. (Исторія нѣмецкой литературы). Эта книга, входящая въ издаваемую Кюршнеромъ серію подъ заглавіемъ «Deutsche Nationalliteratur» (литература германскаго народа), излагаетъ исторію нѣмецкой литературы, начиная съ эпохи конца среднихъ вѣковъ. Авторъ ея извѣстенъ какъ добросовѣстный и основательный изслѣдователь и отличается самостоятельностью взглядовъ. Сочиненіе это, не смотря на нѣкоторыя темныя стороны, написано увлекательно и имѣетъ выдающееся значеніе.

(Literarisches Centralblatt).

La Chambre de 1893, par M. Alphonse Bertrand (Палата депутатовъ 1893 года). Книга эта даетъ интересный биографическій матеріалъ о представителяхъ французскаго народа и изложеніе ихъ политическихъ программъ. Авторъ старается, по возможности, держаться документальной почвы и быть вполне безпристрастнымъ. Появленіе подобнаго труда чрезвычайно цѣнно: въ настоящее время, когда на сцену выдвигаются различныя политическія и социальныя задачи, имѣющія большое значеніе, особенно интересно знать прошлое тѣхъ лицъ, которые призваны еси и не разрѣшить эти вопросы окончательно, то, во всякомъ случаѣ, ихъ обсудить. Интересно, какъ быстро мѣняется составъ французской палаты: изъ 581 депутата, составлявшихъ въ 1893 году

законодательное собрание Франции, было внесено лишь 300, вступивших в Бурбонский дворецъ въ 1889 году.

(Revue des Deux Mondes).

L'Europe et les neutralités, par M. Charles de Mazade de l'Académie Française (Европа и нейтральныя государства). Въ то время, какъ могущественныя державы Европы не перестаютъ прилагать всѣ усилія, чтобы превзойти другъ друга въ увеличеніи своихъ боевыхъ силъ, невольно приходитъ на мысль вопросъ о томъ, какова будетъ участь маленькихъ нейтральныхъ государствъ, вродѣ, напр., Бельгіи и Швей-

царіи, въ случаѣ крупнаго европейскаго столкновения. Этотъ вопросъ и побудилъ г. Мазада написать рядъ статей о томъ, какое положеніе займутъ эти небольшія страны, если возгорится война между Германіей и Франціей и какія затрудненія для этихъ нейтральныхъ государствъ можетъ создать такая война. Эти статьи, которыя въ свое время появились на страницахъ журнала «Revue des Deux Mondes» и изданы въ настоящее время отдѣльной книгой, представляютъ несомнѣнно большой политическій интересъ.

(Revue des Deux Mondes).

Правовѣдѣніе, политическая экономія, статистика.

L'idée du droit en Allemagne, par M. Aguilère, docteur en droit (Идея права въ Германіи). Упрекъ, обыкновенно дѣлаемый законовѣдамъ и состоящій въ томъ, что они низводятъ юридическую науку до простаго толкованія текста законовъ, не можетъ быть сдѣланъ автору настоящаго изслѣдованія. Г. Агилеръ является въ полномъ смыслѣ слова философомъ, который изучаетъ право, восходя отъ положительнаго закона къ тѣмъ принципамъ, которые легли въ его основу. Такое отношеніе къ предмету естественно заставило автора обратиться къ изученію эволюціи правовыхъ идей классической страны философіи, каковою является Германія. Г. Агилеръ изслѣдуетъ развитіе собственно правовыхъ воззрѣній въ связи съ общими философскими системами, которыя послѣдовательно клада свой отпечатокъ на первыя, начиная отъ Конта вплоть до нашего времени. Онъ показываетъ, какъ воззрѣніе на право, которое было сначала метафизическимъ и отвлеченнымъ, исходя изъ признанія разумности и ничѣмъ не ограниченной свободы воли, становится послѣдствіемъ историческимъ, подъ вліяніемъ Савиньи, затѣмъ позитивнымъ и материалистическимъ, благодаря Герингу, Посту и Кнаппу, и какъ, наконецъ, въ настоящее время начинаетъ господствовать взглядъ, по которому право отождествляется съ силою. Въ чрезвычайно остроумной главѣ авторъ дѣлаетъ попытку объяснить описанную метаморфозу правовыхъ воззрѣній въ Германіи при помощи анализа психологіи нѣмецкаго характера, одной изъ отличительныхъ чертъ котораго является потребность подчиненія и склонность примиряться съ совершившимся фак-

томъ. Нельзя не присоединиться къ высказываемому г. Агилеромъ пожеланію, чтобы Германія опять вернулась къ великимъ традиціямъ Конта и поняла бы, что сила, которая имѣетъ лишь внѣшнюю цѣну, не можетъ служить принципомъ дѣятельности и не способна реализовать социальный идеалъ, въ виду того, что, какъ отдѣльные люди, такъ равно и цѣлыя народы, имѣютъ значеніе лишь въ зависимости отъ той нравственной идеи, за которую они борятся и за которую они готовы собою пожертвовать.

(Revue bleue).

Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz, von Dr. Alb. Herm. 1 Post, Bd. Allgemeiner Theil. 1894. 473 S. 8°. M. 8. (Основы этнологическаго правовѣдѣнія). Одно изъ существенныхъ достоинствъ названной книги состоитъ въ томъ, что она при умѣренныхъ размѣрахъ можетъ служить полнымъ руководствомъ сравнительнаго правовѣдѣнія, какового мы до сихъ поръ не имѣли. Самая возможность появленія подобнаго сочиненія уже свидѣтельствуетъ о быстрыхъ успѣхахъ этой молодой юридической дисциплины. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ показано значеніе этнологическаго правовѣдѣнія и его мѣстъ въ общей системѣ юридическихъ наукъ, авторъ въ первой части своего труда на немногихъ страницахъ описываетъ различныя внѣшнія формы права и выясняетъ, какимъ образомъ оно вырастаетъ изъ инстинктивного проявленія безсознательнаго праваго чувства. Особенный интересъ и значеніе имѣетъ вторая часть книги, посвященная вопросу о формахъ или организаціи обществъ (соціальномъ устройствѣ); здѣсь идетъ рѣчь о семьѣ въ ея различныхъ

видахъ, о собственности, наследованіи, кровной мести и т. д. Въ высшей степени цѣннымъ слѣдуетъ признать то обстоятельство, что относительно каждой изъ описанныхъ въ книгѣ формъ общественной организаціи авторъ даетъ тщательное указаніе географическаго ея распространенія, насколько таковое можетъ быть констатировано при современныхъ знаніяхъ, причемъ оны обнаруживаетъ необыкновенное знаніе литературы предмета. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою полный обзоръ того, что до настоящаго времени дано этнологическими изслѣдованіями въ области права.

(Literarisches Centralblatt).

Annuaire de l'Economie politique et de la statistique, par M. Maurice Block, 50 anné, 1 vol. in 12 (Политико-экономическій и статистическій ежегодникъ). Выходящій подъ опытной редакціей г. Блока, извѣстный ежегодникъ вступаетъ настоящимъ томомъ въ пятидесятый

годъ своего существованія. Программа его остается неизмѣнною и не расширяется; на это, однако, не приходится жаловаться, такъ какъ содержаніе сборника отличается значительною полнотою и разнообразіемъ. Нынѣшній выпускъ содержитъ въ себѣ 1.200 страницъ текста; изъ нихъ 840 посвящены Франціи. Въ немъ можно найти отвѣты на всевозможные вопросы экономическаго и статистическаго характера и получить точныя и достовѣрныя цифровыя данныя и многія указанія. При одномъ передѣлываніи этой книги читатель долженъ испытывать пріятное чувство удовлетворенія: настолько нагляднымъ представляются успѣхи непрерывно совершающіеся какъ во Франціи, такъ и въ прочихъ странахъ; эти сухіе, на первый взглядъ, столбцы голыхъ цифръ становятся какъ бы отблескомъ растущаго благоденствія народовъ.

(Revue des Deux Mondes).

Географія, путешествія.

Politische Geographie der Vereinigten Staaten von Amerika, unter Besonderer Berücksichtigung der natürlichen Bedingungen und wirtschaftlichen Verhältnisse. 2 Aufl. Mit 1 Culturkarte und 16 Kärtchen und Plänen im Text. München, 1893. 763 стр. Цѣна: м. 15. (Политическая географія соединенныхъ штатовъ Америки). Эта книга представляетъ новое изданіе появившагося въ 1880 г. труда г. Рацеля, настолько, впрочемъ, переработанное, что оно является совершенно новымъ сочиненіемъ. Въ послѣдательномъ порядкѣ здѣсь описаны: 1) естественныя условія культурнаго развитія; 2) населеніе, его этническая группировка, распространеніе и возрастаніе; 3) хозяйственная географія; 4) духовная и общественная жизнь, государства и общины, церковь и школа. Приводимыя авторомъ свѣдѣнія основаны на новѣйшихъ данныхъ, являющихся результатомъ послѣдняго ценза (переписи) 1890 года. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что затрогиваемые авторомъ вопросы изложены съ такимъ знаніемъ дѣла, съ такимъ безпристрастіемъ и съ такою глубиною географической критики, что нельзя назвать ни одной другой книги, посвященной описанію Соединенныхъ Штатовъ — несмотря на то, что ихъ существуетъ громадное количество — которое излагало бы предметъ такъ же прекрасно и стояло бы настолько

же на уровнѣ современнаго знанія, какъ названное сочиненіе. Оно способно удовлетворить не только специалиста-географа, но также и политика, и экономиста, и даже обыкновеннаго читателя, для котораго чтеніе ея будетъ чрезвычайно полезно и совершенно удобопонятно.

(Literarisches Centralblatt, 1894).

Esquimo Life. By Fridtjof Naasen. 8°. (Жизнь эскимосовъ). Книга эта — переводъ на англійскій языкъ сочиненія норвежскаго путешественника, описывающаго жизнь эскимосовъ. Книга снабжена обильнымъ количествомъ иллюстраціи.

(Review of Reviews).

Icelandic Pictures. By F. W. W. Howell (Картины Исландіи). Книга эта входитъ въ пользующуюся хорошою извѣстностью серію, носящую заглавіе: «Pictures brown with Pen and Pencil» (Картины перомъ и карандашемъ). Г. Гоуэллъ, авторъ названнаго сочиненія, два раза посѣтилъ Исландію и можетъ считаться достаточно подготовленнымъ для написанія книги, посвященной этой странѣ.

(Review of Reviews).

The Queen of the Adriatic. By Clara Erskine Clement. Cr. 8° (Царица Адриатическаго моря). Роскошно изданное описаніе Венетіи. Въ ней помѣщено двадцать превосходныхъ фототравюръ,

изображающих достопримѣчательности этого любопытнаго города. Текстъ, кромѣ описанія современной Венеціи, даетъ обильный и интересный матеріалъ, посвященный ея исторіи.

(Review of Reviews).

The Graphic Atlas and Gazetteer of the World. By Bartholomew. Large 4 to Half leather. 15 s. (Атласъ и всемірный географическій указатель). Главное достоинство этого прекраснаго изданія заключается въ весьма подробномъ географическомъ указателѣ (словарѣ), за-

нимающемъ триста страницъ мелкаго шрифта. Географическія карты, отличающіяся ясностью и доброкачественностью, помѣщены на ста двадцати восьми страницахъ; въ приложеніи помѣщены результаты послѣднихъ переписей, произведенныхъ въ Англіи и Ирландіи (въ 1891 г.). Вообще нельзя не признать, что изданіе это незамѣнимая настольная книга при чтеніи газетъ и статей, если принять во вниманіе его объемъ, сравнительно недорогого.

(Review of Reviews).

Естествознаніе.

The Dispersal of Shells. By Henry W. Kew. With a Preface by Alfred R. Wallace, and Illustrations. (Распространеніе раковинъ). Чрезвычайно интересную главу въ исторіи распредѣленія живыхъ существъ представляетъ изслѣдованіе г. Кью о способахъ распространенія водныхъ и земныхъ моллюсковъ. Находящіяся на островахъ моллюски несомнѣнно являются перенесенными туда, подобно всей прочей фаунѣ и флорѣ острововъ; весь вопросъ въ томъ, какимъ образомъ происходило и происходитъ ихъ перенесеніе. Изслѣдуя этотъ вопросъ, г. Кью указываетъ на нѣсколько возможныхъ способовъ и останавливается на болѣе доказанныхъ; таковы прежде всего потоки и ураганы, которые, унося въ своемъ теченіи листья, траву, обломки дерева и прочіе предметы, на которыхъ могутъ находиться моллюски и ихъ яйца, служатъ агентами для переноса этихъ послѣднихъ съ одного берега на другой; другимъ способомъ занесенія моллюсковъ хотя и болѣе рѣдко, но также твердо удостовѣреннымъ наблюденіемъ, является переносъ ихъ при помощи животныхъ, напр., птицъ, которые нерѣдко переносятъ яйца моллюсковъ на своихъ лапахъ вмѣстѣ съ прилипшей къ нимъ глиной, и т. п.; чрезвычайно дѣятельнымъ агентомъ распространенія моллюсковъ является, наконецъ, и самъ человѣкъ. Насколько живучими оказываются нѣкоторые виды моллюсковъ, доказываютъ произведенные надъ ними опыты: послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ, а иногда даже многихъ лѣтъ пребыванія въ ящикѣ собирателя, они оживали, будучи опущены въ воду.

(Bookseller).

La protection des oiseaux, par Oustalet. 8-vo, 117 p. et 52 grav. Paris. Prix: 2 fr. (Защита птицъ). Написан-

ное ученіемъ специалистомъ и украшенное многочисленными рисунками это маленькое произведеніе полно интереса. Усталѣ даетъ въ своей книгѣ сжатое описаніе нравовъ всѣхъ главнѣйшихъ породъ птицъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ странахъ. При этомъ авторъ показываетъ, насколько птицы полезны для человѣка, оказывая послѣднему незамѣнимыя услуги тѣмъ, что постоянно охотятся за червями, наськомыми, которые иначе уничтожили бы посѣвы. Нѣкоторыя цифровыя данныя, приводимыя авторомъ въ подтвержденіе своей мысли, положительно поражаютъ читателя. Книга эта главнымъ образомъ предназначена для молодежи, которая часто проявляетъ разрушительныя инстинкты. Объяснивъ полезную роль представителей пернатата царства, г. Усталѣ надѣется вызвать покровительственное къ нимъ отношеніе въ своихъ юныхъ читателей.

(Polybiblion).

Darwinism: Workmen and Work. By James Hutchinson Stirling. 8-vo. Pp. 358, 10 s. 6 d. Исходя изъ той мысли, что въ настоящее время Дарвину приписывается весьма много такого, чего никогда не признавалъ бы самъ великій основатель ученія объ эволюціи, авторъ названнаго сочиненія, г. Стирлингъ, задается цѣлью изложить въ сжатомъ и опредѣленномъ видѣ то, что, по его мнѣнію, является сущностью ученія Дарвина.

(Review of Reviews).

Collected Essays. By Thomas H. Husley. Volumes III and IV. Crown 8-vo. Cloth. Pp. 451 and 372. 5 s. each. (Собраніе статей). Книги эти представляютъ два новые тома издаваемаго въ Лондонѣ собранія статей маститаго англійскаго натуралиста, справедливо пользующагося почти всемірною извѣстностью и знаменитаго также

въ качествѣ талантливаго популяризатора. Первая изъ названныхъ книгъ посвящена исключительно вопросамъ педагогическимъ и носить заглавіе «Наука и образованіе». Въ ней собрано семнадцать этюдовъ автора по различнымъ вопросамъ, относящимся до образованія и воспитанія, какъ напр.: «Образовательное значеніе естественныхъ наукъ», «Наука и культура», «Наука и искусство въ ихъ отношеніи къ воспитанію», «Университеты: дѣйствительность и идеалъ», «Изученіе биологіи», «Элементарное знакомство съ физиологіей», «Медицинское образованіе», и проч. Второй изъ упомянутыхъ томовъ носить заглавіе: «Наука и библейскія (еврейскія) традиціи»; самыми интересными изъ восьми очерковъ, составляющихъ этотъ томъ, являются статьи: «Развитіе палеонтологіи», «Очерки по эволюціи», «Толкователи Бытія и толкователи науки», «Свѣтъ религіи и свѣточъ знанія», «Эволюція теологіи: антропологическій этюдъ», и др.

(Review of Reviews).

Some Country Sights and Sounds. By Phil. Robinson. Crown 8-vo. Cloth. Pp. 322. (Изъ видѣннаго и слышаннаго въ

деревнѣ). Не узнать и не прочитать этихъ естественно-научныхъ очерковъ г. Робинзона значило бы лишить себя удовольствія познакомиться съ однимъ изъ самыхъ яркихъ, самыхъ увлекательныхъ и интересныхъ сочиненій этого рода, когда-либо написанныхъ.

(Review of Reviews).

In the High Heavens. By Sir Robert S. Ball. Crown 8-vo. Cloth. P. 383. 7 s. 6 d. (Въ выси небесъ). Въ этой книгѣ собранъ рядъ отдѣльныхъ статей, популярно и занимательно написанныхъ; самыя интересныя—очерки: о Марсѣ, о новѣйшей астрономіи (примѣненіе спектроскопа), о происхожденіи метеоритовъ, о физическихъ условіяхъ жизни на другихъ планетахъ. Больдъ отличается талантомъ весьма ясно и понятно излагать предметъ. Помѣщенные въ названной книгѣ очерки отличаются, кромѣ того, счастливо: ни одинъ изъ нихъ не способенъ утомить читателя своими размерами. Въ книгѣ Болла затрогивается, между прочимъ, и вопросъ о томъ, какъ долго можетъ продлиться существованіе земли.

(Review of Reviews).

Искусство, археологія, прикладное знаніе и проч.

Psychologie musicale, par M. Camille Bellaigue. (Психологія музыки). Въ этой книгѣ собраны интересные этюды г. Белэга, касающіеся вопроса объ изображеніи въ музыкальныхъ произведеніяхъ религіознаго чувства, красотъ природы, любви и т. д. Основная мысль автора—красота въ музыкѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ выражаемаго ею чувства. Книга написана прекраснымъ слогомъ и читается легко: авторъ отличается умѣньемъ необыкновенно ясно излагать свои мысли; никто не могъ бы превзойти его въ искусствѣ сдѣлать для всякаго доступнымъ пониманіемъ специфическихъ красотъ музыки. Съ замѣчательнымъ талантомъ, знаніемъ дѣла и литературнымъ тактомъ г. Белэгу удается справиться съ изложеніемъ чисто-техническихъ вопросовъ.

(Revue des Deux Mondes).

La peinture espagnole, par M. Paul Lafort. 1 vol. in-4° avec illustrations. (Испанская живопись). Это изящное изданіе, составляющее 44-й томъ серіи, носящей заглавіе «Bibliothèque de l'enseignement des Beaux-Arts (Библио-

тека изученія изящныхъ искусствъ), посвященной всеобщей исторіи искусствъ въ различныхъ народоу, содержитъ въ себѣ полную исторію испанской живописи отъ ея начала до нашихъ дней. Авторъ названнаго изсѣдованія положилъ не мало труда на то, чтобы показать, какъ зародилось это искусство, какии вліяніямъ оно должно было подвергнуться при своемъ возникновеніи, благодаря какии усиліямъ ему удалось эмансипироваться и сдѣлаться самостоятельнымъ и оригинальнымъ. Какъ артисты по специальности, такъ равно и любители живописи найдутъ въ книгѣ г. Лefora чрезвычайно интересныя и полезныя для нихъ описанія произведеній мощной испанской школы, изложенное въ систематическомъ порядкѣ. Читатель знакомится здѣсь съ твореніями такихъ корифеевъ живописи, какъ Рибольдъ, Риберъ, Веласкецъ, Риберъ Мурильо, Алонзо Кано, Франческо Гойа, и др.

(Revue des deux Mondes).

L'acropole de Suse d'après les fouilles de 1884, 1885 et 1886, par M. Dieulafoy. 835 gravures, 16 planches en couleurs,

3 cartes. (Акрополь въ Сузахъ по раскопкамъ 1884—1886 гг.). Въ этомъ прекрасномъ томѣ г. Дѣлафуа даетъ подробное описаніе результатовъ произведенныхъ имъ раскопокъ въ Сузахъ. Книга даетъ гораздо больше, чѣмъ можно ожидать, судя по одному заглавію. Мы знакомимся здѣсь, какъ съ этнографіей древней Персіи, такъ и съ ея религіею, съ ея промышленностью и военнымъ искусствомъ, и проч. Оригинальность автора названнаго труда въ томъ, что онъ возстановляетъ исторію изслѣдуемой имъ страны не на основаніи одного лишь толкованія историческихъ текстовъ, какъ дѣлаетъ большинство ученыхъ, а кромѣ этого и на основаніи естественно-научныхъ и техническихъ данныхъ. Другимъ достоинствомъ автора нужно признать его умѣнье широко ставить вопросы и открывать обширные горизонты. Г. Дѣлафуа долженъ быть признанъ отличнымъ археологомъ, умѣющимъ искать, находить и объяснять значеніе того, что онъ находитъ. Найденные имъ при раскопкахъ предметы выставлены для осмотра публики въ парижскомъ Луврѣ.

(Revue bleue).

Führer durch Pompeji, von Aug. Mau. Mit 22 Abbild. и 1 Plane der Stadt Neapel. 1893. 103 S. in 8°. M., 2 (Путеводитель по Помпеѣ). Это прелестная маленькая книжечка, написанная съ полнымъ знаніемъ дѣла; авторъ умѣ-

еть выдвинуть все то, что имѣетъ научное значеніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, излагая свои мысли ясно и въ то же время въ высшей степени ясно и удобопонятно; сочиненіе это, имѣя непосредственною задачею служить путеводителемъ для лицъ, отправляющихся на мѣсто, будетъ чрезвычайно интересно также и для всѣхъ тѣхъ, которые, живя далеко отъ Помпеи, захотѣли бы хоть въ самыхъ общихъ чертахъ ознакомиться съ этииъ любопытнымъ городомъ.

(Literarisches Centralblatt).

Premiers principes d'électricité industrielle par M. P. Janet (Основные принципы примѣненія электричества къ промышленности). Эта маленькая книжечка почти дословная передача лекцій, читанныхъ г. Жане въ Faculté des Sciences) въ Греноблѣ. Авторъ не требуетъ соціальной подготовки отъ своихъ читателей: въ лекціяхъ своихъ онъ обращается ко всѣмъ желающимъ приобрести какія-либо свѣдѣнія въ области знанія, получившей въ послѣднее время такое широкое распространеніе. Въ то же время г. Жане обращается и къ студентамъ математическаго факультета, выражая надежду, что ему удастся своею книжечкою нѣсколько отвлечь ихъ отъ области отвлеченной теоріи и дать имъ возможность взглянуть на вещи практически, а не черезъ призму абстрактныхъ формулъ.
(Revue des Deux Mondes).

С М Ъ С Ь.

Изъ русской жизни.

Вопросы русской общественной жизни. Нельзя не признать однимъ изъ жгучихъ вопросовъ нашей общественной жизни вопросъ о женскомъ образованіи. Ни въ одной европейской странѣ процентъ неграмотныхъ женщинъ не достигаетъ такой высоты, какъ у насъ въ Россіи. По словамъ «Недѣли», въ маленькой Финляндіи только 2,1% женщинъ остаются безъ всякаго первоначальнаго образованія, т. е. не умѣютъ ни читать ни писать, между тѣмъ какъ въ Россіи такихъ неграмотныхъ женщинъ—97,2%! Равнища громадная. Самый ничтожный процентъ женскаго населенія посѣщаетъ первоначальныя школы и еще меньшій попадаетъ въ среднія учебныя заведенія. Въ 1886 году, напримѣръ, приходилось на всю Россію всего лишь 89.743 учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ дѣвочекъ, причеъ изъ этого числа не болѣе одной десятой кончили курсъ. Въ Россіи 430 среднеучебныхъ заведеній приходится на огромное пространство въ 18½ миллионѣ квадратныхъ верстѣ: одно учебное заведеніе на 43½ тысячи квадратныхъ верстѣ, одна учащаяся на 1.233 человекъ жителей. Цифры эти достаточно краснорѣчивы сами по себѣ. Между тѣмъ въ нашемъ обществѣ постоянно раздаются рѣчи объ обязанностяхъ женщины, какъ матери и воспитательницы будущихъ поколѣній, но это не мѣшаетъ дѣлу женскаго образованія у насъ въ Россіи подвигаться впередъ черепашьимъ шагомъ, если, вообще, можно говорить о какомъ-либо движеніи въ данномъ случаѣ. Противники женскаго образованія встаютъ, впрочемъ, только противъ высшаго образованія женщинъ, противъ уравненія ихъ знаній со знаніями мужчинъ. Поэтому, высшее женское образованіе у насъ въ Россіи сведено почти къ нулю; у насъ есть лишь одно высшее учебное заведеніе для женщинъ въ Петербургѣ, куда и стремятся всѣ жаждущія знанія русскія женщины. Что этихъ «жаждущихъ» масса, доказываетъ переполненіе всѣхъ курсовъ, какіе только существуютъ въ Петербургѣ. Съ открытіемъ женскихъ медицинскихъ курсовъ доступъ на фельдшерскіе курсы для женщинъ сдѣлался очень затруднителенъ, конкуренція при поступленіи такъ велика, что лишь незначительный процентъ желающихъ можетъ проникнуть въ это святилище. Между тѣмъ это «святилище» даетъ такъ мало женщинамъ и въ смыслѣ знаній, и въ смыслѣ будущаго обезпеченія. Женщиною, поступившею на эти курсы, затрачивается такая масса труда и энергіи, и получается

взаимъ такъ мало! То же происходитъ и на всѣхъ другихъ курсахъ, которые, однако, въ смыслѣ обезпеченія и знаній даютъ, пожалуй, еще меньше, нежели фельдшерскіе курсы.

Всѣ эти факты должны были бы служить указаніемъ противникамъ женскаго образованія, переступающаго предѣлы необходимыхъ знаній для дома и кухни, что они плывутъ противъ теченія, и рано или поздно теченіе это должно будетъ разрушить искусственно воздвигнутыя преграды. Несмотря на всякія препятствія, матеріальныя и инныя, женщины упорно стремятся къ своей цѣли; онѣ съ жадностью хватаютъ крохи знаній, предоставленныя въ ихъ распоряженіе. Имъ не позволено быть врачами—онѣ дѣлаютъ фельдшерицами, и полуграмотныя, невольственные фельдшера замѣняются образованными и развитыми женщинами, часто посвящающими себя этой дѣятельности только изъ-за идеи, изъ-за желанія приносить пользу обществу. Но и тутъ женщины въ зачстую приходится выносить тяжелую борьбу, и дѣятельность даже на такомъ скромномъ поприщѣ часто бываетъ для нея недоступна. Достаточно, напримѣръ, указать на такой фактъ, который сообщается изъ Красноярска въ «Недѣлю». Молодая дѣвушка, фельдшерица В. бывшая воспитанница Красноярской фельдшерской школы, была приглашена въ одно изъ пригородныхъ селеній въ виду ожидающейся холеры. Фельдшерица очень скоро приобрѣла довѣріе крестьянъ, и къ ней стали обращаться за помощью и совѣтомъ не только ея односельчане, но и жители сосѣднихъ селеній и волостей. Жалованья она не получала и жила только на скудные добровольныя приношенія своихъ пациентовъ-крестьянъ. Въ теченіе цѣлаго лѣта она лѣчила переселенцевъ, причемъ категорически отказалась отъ предложеннаго ей переселенческимъ комитетомъ вознагражденія. Возкорыстіе и самоотверженіе фельдшерицы создали ей любовь крестьянъ, и они на своихъ волостныхъ сходкахъ три раза по своей собственной инициативѣ настоятельно стремились выбрать ее волостною фельдшерицею. Однако, избраніе это не состоялось вслѣдствіе того, что фельдшерица встрѣтила противника въ лицѣ врача, находившаго удобнѣе имѣть въ своемъ распоряженіи фельдшера, съ которымъ ему можно было бы менѣе церемониться, нежели съ образованною фельдшерицею.

Къ сожалѣнію, такіе факты не составляютъ у насъ единичнаго явленія. Однако, это не останавливаетъ женщинъ, онѣ все-таки упорно идутъ впередъ, въ надеждѣ, что вотъ-вотъ откроются для нихъ, наконецъ, настѣжъ двери, которыя такъ долго остаются запертыми; поэтому-то вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи никакъ не можетъ у насъ сойти съ очереди, несмотря на желанія многихъ заставить его окончательно исчезнуть. Въ высшей степени знаменательное явленіе составляетъ, напримѣръ, то, что въ прошломъ году московское, тверское и смоленское земства обратились къ правительству съ ходатайствомъ объ открытіи женскихъ врачебныхъ курсовъ, мотивируя это ходатайство тѣмъ, что женщины-врачи безусловно необходимы для женской части населенія, въ особенности для инородцевъ. Земства, кромѣ того, ходатайствовали о предоставленіи женщинамъ, имѣющимъ заграничныя докторскіе дипломы, права держать экзаменъ при русскомъ университетѣ на полученіе званія врача. На это полученъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отвѣтъ, извѣщающій, что по первому ходатайству было сдѣлано

сношеніє съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, которое увѣдомило, что г. Министру уже предоставлено право возбудить вопросъ объ учрежденіи женскаго медицинскаго института, когда образуется для того достаточная сумма пожертвованій.

Вопросъ объ учрежденіи женскихъ врачебныхъ курсовъ былъ возбужденъ также и на бывшемъ въ Петербургѣ всероссійскомъ съѣздѣ врачей. Докторъ Жбанковъ сдѣлалъ докладъ объ этомъ на секціи вопросовъ врачебнаго быта и по пунктамъ опровергнулъ возраженія, выдвигаемыя на сцену противниками курсовъ. Больше всего противники курсовъ высказываютъ опасеній за семейную живнѣ. Однако, на опытѣ оказывается, что громадное большинство женщинъ-врачей новыходили замужъ и оказались прекрасными женами, матерями и хозяйками и самымъ нагляднымъ образомъ опровергнули всякія въ этомъ отношеніи опасенія. Но самое серьезное возраженіе, приводимое правительственными учрежденіями, это—недостатокъ средствъ. Вотъ, для устраненія этой причины и должны быть приняты мѣры. Докладчикъ предложилъ ходатайствовать о разрѣшеніи сбора пожертвованій во всей Россійской имперіи для женскихъ врачебныхъ курсовъ. Врачи должны пропагандировать это между своими знакомыми, а редакціи медицинскихъ журналовъ—помѣщать у себя бесплатно объявленія объ этихъ сборахъ пожертвованій. Для ускоренія дѣла предложено просить правленіе съѣзда слѣдить за ходомъ подписки. Докладчикъ предложилъ теперь же возбудить ходатайство о скорѣйшемъ открытіи женскихъ врачебныхъ курсовъ, на которыхъ преподаваніе должно быть организовано такъ же, какъ на медицинскихъ факультетахъ, и отчислить на это дѣло изъ средствъ съѣзда небольшую сумму, которая будетъ имѣть значеніе, конечно, не въ количественномъ отношеніи, а въ качественномъ, какъ выраженіе сочувствія со стороны врачей. Кромѣ того, докладчикъ предложилъ теперь же открыть частную подписку между врачами, какъ выраженіе ихъ сочувствія дѣлу женскаго медицинскаго образованія.

Докладъ этотъ былъ покрытъ громкими и продолжительными аплодисментами. Всѣ предложенія были приняты единогласно, кромѣ послѣдняго, которое было отклонено лишь временно, за невозможностью открывать частныя подписки безъ надлежащаго разрѣшенія. По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ петербургской думѣ имѣется для курсовъ капиталъ въ 164.400 р., процентными бумагами и 2.038 р. наличными деньгами, кромѣ стараго инвентаря курсовъ; слѣдовательно, если дѣло стоитъ только за средствами, то недостающую сумму, вѣроятно, удастся пополнить въ непродолжительномъ времени при помощи вышеупомянутыхъ мѣропріятій. Людей, сочувствующихъ дѣлу высшаго женскаго образованія, все-таки не мало у насъ на Руси, и надо надѣяться, что законное стремленіе женщинъ къ знанію получить удовлетвореніе по крайней мѣрѣ хоть въ этомъ специальномъ направленіи.

Въ настоящее время поднять также вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи для женщинъ. Уставъ высшей сельскохозяйственной школы для женщинъ уже представленъ на разсмотрѣніе правительства. Безъ сомнѣнія, распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній среди женщинъ принесетъ большую пользу. Многія женщины, вѣроятно, съ радостью посвятятъ себя сельскохозяйственной дѣятельности, но для того, чтобы дѣятельность эта была дѣйствительно полезна, нужно, чтобы не оди-

только низшее сельскохозяйственное образование было доступно женщинамъ; надо привлечь ихъ къ высшему сельскохозяйственному образованию и тогда для женщинъ откроется новая, въ высшей степени плодотворная, сфера дѣятельности въ деревнѣ.

Важное значеніе сельскохозяйственныхъ школъ для народа признано уже всѣми земствами, но за недостаткомъ средствъ лишь немногія земства въ состояніи были учредить подобныя школы. По словамъ «Русской Мысли», на всю Россію приходится всего лишь 28 низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ. Это капля въ морѣ. Чтобы помочь этому дѣлу, многія земства задумали привлечь народныя школы къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній. Съ этою цѣлью сельскія школы надѣлялись землем, которая служила бы имъ для преподаванія практическихъ уроковъ сельскаго хозяйства. Въ Кавказскомъ округѣ, напримѣръ, многія школы уже нѣсколько лѣтъ надѣлены достаточнымъ количествомъ земли, и подготовленные съ этою цѣлью учителя преподаютъ огородничество, садоводство, пчеловодство и шелководство. Въ Вятской губерніи существуетъ уже цѣлая сѣть образцовыхъ огородовъ, школьныхъ и др., а также фермъ съ полями, на которыхъ показываются рациональные приемы обработки земли и удобрения и производятся посѣвы травъ и разныхъ улучшенныхъ сортовъ хлѣбныхъ растений. Для болѣе быстро распространенія сельскохозяйственныхъ знаній среди населенія въ Глазовскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, устроено низшее сельскохозяйственное училище. На образцовыхъ же фермахъ и поляхъ воспитанники, крестьянскіе мальчики, теоретически и практически изучаютъ способы рациональнаго земледѣлія. Съ цѣлью подготовки учителей и учительницъ, для нихъ устроены при вятской образцовой фермѣ сельскохозяйственные курсы. На курсы эти поступили уже 60 человекъ, преимущественно учительницъ, и пособіемъ имъ служатъ: поля, фермы, скотный дворъ, огородъ, хмельникъ, пасѣка, древесный и ягодный питомникъ и земскій музей.

Всѣ эти факты несомнѣнно указываютъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія у насъ обнаруживается въ настоящее время особенное оживленіе, и даже наблюдаются такія свѣтлыя явленія, какъ пробужденіе частной инициативы въ дѣлѣ организаціи и устройства народныхъ школъ. Въ Саратовской губерніи, въ Петровскомъ уѣздѣ, выстроено, по словамъ «Саратовскаго Дневника», нѣсколько школъ на частныя средства. Всѣ эти маленькія школы переполнены учащимися, и отношеніе мѣстнаго населенія къ нимъ самое трогательное. Въ Витебской губерніи кружокъ интеллигентныхъ лицъ намѣревается открыть сельскохозяйственное училище вмѣстѣ съ образцовою агрономическою фермой. Существуютъ и еще болѣе отрадныя факты, это: проявленіе инициативы самого сельскаго населенія—крестьяне открываютъ школы на свои собственныя скудныя средства. «Таганрогскій Вѣстникъ», напримѣръ, рассказываетъ объ открытіи школы въ бѣдной деревушкѣ, благодаря влиянію одного изъ ея жителей, крестьянина Абраменка, кончившаго Таганрогскую гимназію и вернувшася въ свою родную деревню, для того, чтобы послужить ей своими знаніями. Абраменко пользуется большимъ почетомъ среди своихъ односельчанъ, которые ему вѣрятъ и слушаются его. Онъ счумѣлъ внушить имъ убѣжденіе въ необходимости устройства школы и, собравъ ничтожную сумму (600 р.), крестьяне

приступили къ постройкѣ школы. Абраменко же былъ назначенъ ими строителемъ школы и съумѣлъ довести дѣло до конца.

Рука объ руку съ развитіемъ школьнаго дѣла идетъ развитіе народныхъ библіотекъ и читаленъ, устройство народныхъ чтеній, и даже народныхъ театровъ въ большихъ городахъ. Въ послѣднее время земства съ особеннымъ вниманіемъ стали относиться къ вопросу народныхъ библіотекъ, и почти всюду въ земскихъ смѣтахъ внесены расходы на устройство ихъ въ селахъ и деревняхъ. Дѣло народнаго образованія не можетъ ограничиваться только устройствомъ школъ для народа; необходимо содѣйствовать распространенію знаній въ народѣ при посредствѣ книгъ и популярныя лекцій. Крестьяне уже любятъ читать сами и охотно слушаютъ чтеніе другихъ. Въ «Школьномъ Обзорѣніи» одинъ изъ сельскихъ учителей, г. Ипполитовъ, рассказываетъ, что ученики сельскихъ школъ очень любятъ читать журналы и газеты, даваемые имъ учителями. Изъ своего двадцатилѣтняго опыта г. Ипполитовъ вынесъ убѣжденіе, что охота къ чтенію существуетъ у всѣхъ его учениковъ, хотя и не въ одинаковой степени. «Всѣ любили слѣдить по газетѣ за военными новостями,—говоритъ онъ,—и слышны были ихъ одобрительныя возгласы по адресу нашихъ солдатъ и героевъ. Короткія бытовья поучительныя статейки изъ народной жизни занимали многихъ; иные съ удовольствіемъ просматривали иллюстрированныя статейки изъ всѣхъ царствъ природы, содержаніе же краснорѣчивыхъ и внушительныхъ Троицкихъ листковъ (издаваемыхъ при Троицко-Сергіевской лаврѣ) передавалось многократно дома. Не могу обойти молчаніемъ того факта, что въ результатъ этого нововведенія ученики старшаго класса казались мнѣ сравнительно съ учениками прежнихъ лѣтъ гораздо дисциплинированнѣе, развитѣе и съ большимъ запасомъ свѣдѣній. По окончаніи ими курса ученія, спустя нѣсколько лѣтъ, я не безъ удовольствія узналъ, что нѣкоторые изъ нихъ выписываютъ газеты и недорогіе журналы; значить, привычка удовлетворять благоразумной любознательности въяла свое».

Любознательность, проснувшаяся въ крестьянинѣ, требуетъ удовлетворенія; доказательствомъ можетъ служить, напримѣръ, приговоръ крестьянскаго общества слободы «Капустинъ Яръ». Приговоръ этотъ, сообщаемый «Астраханскимъ Листкомъ», гласитъ слѣдующее: «Мы нижеподписавшіеся, крестьяне слободы Капустина Яра, бывъ на сходѣ, между прочимъ имѣли сужденіе о томъ, что въ слободѣ нашей теперь много грамотныхъ крестьянъ, какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, учениковъ сельскихъ училищъ, и что въ средѣ грамотныхъ существуетъ желаніе почитать на дому, въ кругу своего семейства, въ длинныя зимніе вечера, какую-либо полеваную книжку, но такъ какъ достать ее здѣсь негдѣ, то въ большинствѣ случаевъ желаніе почитать остается неудовлетвореннымъ. Обсудивъ этотъ вопросъ, сельскій сходъ находитъ необходимымъ возбудить ходатайство о разрѣшеніи открыть въ слободѣ Капустинъ Яръ сельскую библіотеку. Что же касается средствъ на приобретеніе допущенныхъ въ сельскихъ библіотекахъ книгъ, то общество, опредѣляя на этотъ предметъ одновременно 120 рублей, обязуется затѣмъ ежегодно отчислять изъ мірскаго капитала сумму».

Тутъ мы видимъ опять-таки весьма отрадныя факты проявленія инициативы самихъ крестьянъ въ дѣлѣ самообразованія. Конечно, за-

слуга въ пробужденіи въ нашемъ народѣ стремленія къ просвѣщенію всецѣло принадлежитъ тѣмъ скромнымъ труженикамъ и труженицамъ, которые посвятили себя великому дѣлу народнаго образованія. Во многихъ случаяхъ это—истинные подвижники и подвижницы, трудящіеся на пользу народа не ради какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ, а ради идеи. Едва ли какой-нибудь матеріальный трудъ оплачивается хуже, нежели трудъ сельскаго учителя и учительницы. Между тѣмъ, это трудъ далеко не легкій и, при существующихъ условіяхъ, сопряженный со многими лишениями. Если же, не смотря на непріятное положеніе и обстановку сельскаго учителя, эту профессію избираютъ нерѣдко даже люди съ высшимъ образованіемъ, то понятно, что ими руководятъ въ данномъ случаѣ никакъ не матеріальныя соображенія, а идея служенія народу.

Въ послѣднее время, однако, во многихъ земствахъ стало обнаруживаться искреннее стремленіе улучшить матеріальное положеніе народныхъ учителей. Рѣдко какой-нибудь сельскій учитель получаетъ болѣе 300 рублей въ годъ, а между тѣмъ при существующей дороговизнѣ ему трудно, даже въ деревнѣ, прожить на эти средства, особенно, если онъ человѣкъ семейный. Зачастую и помѣщеніе, въ которомъ ему приходится жить, едва заслуживаетъ названія человѣческаго жилья, такъ что ему приходится терпѣть и голодъ, и холодъ. Такая полная необеспеченность матеріальнаго положенія народныхъ учителей побудила къ устройству обществъ «взаимнаго вспоможенія народнымъ учительницамъ и учителямъ». Такія общества существуютъ уже въ Петербургской, Тверской и Новгородской губерніяхъ, и хотя дѣятельность ихъ довольно ограничена, но все же, до нѣкоторой степени, они могутъ содѣйствовать облегченію участи народныхъ учителей и ихъ семействъ.

Говоря объ этихъ скромныхъ труженикахъ и труженицахъ, совершающихъ въ тиши великое дѣло пробужденія въ народѣ стремленій къ знанію и свѣту, мы не можемъ не упомянуть о дѣятельности воскресныхъ школъ при фарфоровскихъ фабрикахъ, близъ Петербурга. Недавно эти школы праздновали десятилѣтіе своего существованія. «Исторія возникновенія этихъ школъ въ высшей степени проста и поучительна,—говоритъ «Русская Жизнь».—Въ августѣ 1883 года въ кружкѣ лицъ, учащихъ въ начальныхъ училищахъ С.-Петербургскаго уѣзда, возникла мысль безвозмездно потрудиться на пользу фабричнаго люда. Учащіе, въ числѣ 13 человѣкъ, предложили безвозмездно свой трудъ приходскому попечительству и рассчитывали начать дѣло въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, едва объявили объ открытіи школы, какъ наплывъ учащихся превзошелъ всякія, даже самыя смѣлыя ожиданія: сразу записалось болѣе 250 человѣкъ. Въ настоящее время устроены три мужскихъ воскресныхъ школы, одна женская, техническіе классы, классы вечернихъ занятій въ будніе дни. Число посѣщающихъ школы достигло уже тысячи человѣкъ. Учащихъ теперь 60 человѣкъ, всѣ они трудятся безвозмездно и съ такою любовью къ дѣлу, что многіе пріѣзжаютъ изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ города, не только въ воскресенье, но и въ будни, на вечернія занятія. Распорядители школъ и библиотекъ жертвуютъ въ пользу школъ все свое жалованье. «Вообще, рѣдко можно встрѣтить такое едино-

душное, горячее отношеніе къ дѣлу, — замѣчаетъ «Русская Жизнь». — Никто здѣсь не ищетъ ни славы, ни матеріальныхъ благъ. Всѣ работаютъ упорно, настойчиво, добиваются знаній въ своихъ питомцахъ. По праздничнымъ днямъ рабочій занятъ, днемъ въ классахъ, а вечеромъ слушаетъ популярную лекцію, поясняемую картинами волшебнаго фонаря. Зато и отношенія учащихся самыя сердечныя. Въ классѣ вы видите людей самаго различнаго возраста. Рядомъ съ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ сидитъ мужчина 30—40 лѣтъ, и внимательно слушаетъ объясненія учителя. О дерзости, неповиновеніи, никто и не слышалъ, да откуда и ваяться озлобленнымъ? Не успѣетъ переступить учащійся за порогъ школы, какъ уже чувствуетъ себя точно въ кругу родной семьи. На всѣ свои вопросы получаетъ краткіе, опредѣленные отвѣты, на просьбы — всевозможныя удовлетворенія».

Эта отрадная картина указываетъ, что людей, стремящихся къ живому дѣлу, не мало на Руси. Надо только пожелать, чтобы стремленія не могли заглухнуть отъ невозможности примѣнить ихъ къ дѣлу, и чтобы энергія ревнителей народнаго просвѣщенія не ослабѣла въ борьбѣ съ разнаго рода затрудненіями.

Философъ-крестьянинъ. «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости» описываютъ оригинальный типъ крестьянина, зачитывающагося сочиненіями такихъ писателей, какъ Дрѣперъ и Бокль. Такіе типы, по словамъ газеты, далеко не составляютъ единичнаго явленія. Живутъ они въ своихъ деревняхъ, занимаются исключительно деревенскимъ дѣломъ, рачительно ведутъ крестьянское хозяйство, вертятся въ кругу исключительно крестьянскихъ, хозяйственныхъ интересовъ — и мыслятъ! Да вѣдь такъ мыслятъ, такъ упорно преслѣдуютъ какія-то свои умственные цѣли, съ такимъ, можно сказать, ожесточеніемъ глотаютъ ученія и «умныя» книжки, что просто диву даешься переждь этими поборниками свѣта знанія.

Крестьянина, о которомъ идетъ рѣчь, зовутъ Иванъ Родіоновъ. Хозяйство его въ цвѣтущемъ состояніи. Оба сына у него учились въ школѣ и вышли со свидѣтельствами.

Мыслить отецъ и приучаетъ къ книжкамъ и дѣтей.

Сидитъ Иванъ Родіоновичъ въ тишинѣ своего садика и думаетъ. Но куда направлены его думы?

Онъ думаетъ о томъ, что вся жизнь наша устроена «не по хорошему», и хорошей жизни не поучаетъ ни одна школа, — по крайней мѣрѣ, деревенская.

— По моему, — говорилъ Иванъ Родіоновичъ своему собесѣднику, — всѣ науки въ школѣ, всѣ учителя должны долбить въ одну точку... Точка эта: честный, правдивый, уважающій себя, другихъ и чужое добро человекъ...

— Въ школахъ у другихъ народовъ это на первомъ мѣстѣ, — отвѣчаетъ собесѣдникъ.

— Неужели?! У кого же?

— У англичанъ, французовъ, даже у японцевъ...

— Молодцы, право слово, молодцы! Не мнѣ учить васъ... потому вы больше моего знаете. А все-таки я скажу, что человекъ важнѣе

всякихъ знаній... Хорошій-то человѣкъ и знанія къ хорошему дѣлу приложить, а плохой—къ плохому... Стало быть, въ школѣ-то надо гнаться прежде всего за человѣкомъ... чтобы онъ зналъ, какъ надо жить... А что знанія?.. обоюдо-острый ножъ, ничего больше.

— Мы жить не умѣемъ, съ людьми жить,—говорилъ Иванъ,—не умѣемъ беречь ихнее добро, не умѣемъ встрѣтить человѣка, вѣжливо потолковать съ нимъ, выслушать его, самому къ мѣсту слово вставить... Мы просто пеньки, обрубки, чурбаны какіе-то, съ сучьями, съ кореньями и со всякой дрянью... Присмотритесь-ка къ нашей деревенской жизни, какова она?.. Одинъ сидитъ, думаетъ только о томъ, чтобы процентъ сорвать, «объгорить» нещадно... Другой норовитъ забраться вездѣ и хлѣбомъ, и работой, да обмануть... Третій высматриваетъ, нельзя ли что стащить... Нравственности въ насъ нѣтъ, сударь!

Въ его воображеніи деревенская школа рисуется, какъ учрежденіе воспитывающее, а не только обучающее, и потому онъ находитъ, что современная школа не выполняетъ главной своей функціи—не воспитываетъ.

Нарышкинскій университетъ. Въ письмѣ изъ Тамбова въ «Недѣлю» сообщается нѣсколько небезынтересныхъ свѣдѣній о, такъ-называемомъ, «Нарышкинскомъ университетѣ», представляющемъ музей и библиотеку, основанную на капиталѣ въ двѣсти тысячъ рублей, пожертвованный г. Э. Д. Нарышкинымъ.

Изъ библиотеки, отворивши рѣшетчатую дверку перегородки, входимъ въ музей. Тутъ есть все, что можно найти въ любомъ музее, годами собиравшемся трудолюбивыми пчелами-археологами: кремневые копья и стрѣлы, неизбѣжныя кости мамонта, металлическія вещицы, открытыя въ курганахъ губерніи, утварь, бусы, кольца, монеты... Есть и современные намъ предметы, напримѣръ, коллекція птицъ (впрочемъ, безъ названія), выставка костюмовъ тамбовскаго крестьянства и т. п. Порядокъ въ музее безупречный, витрины роскошны, и тотъ, кто хотѣлъ бы только познакомиться съ нагляднымъ представленіемъ работъ комиссіи археологовъ, разумѣется, вынесетъ изъ музея утѣшающее, отрадное чувство.

Въ библиотекѣ имѣется пока еще только четыре тысячи томовъ, пожертвованныхъ двумя помѣщиками Тамбовской губерніи, родственниками строителя. Конечно, число книгъ будетъ пополнено изъ средствъ комиссіи, завѣдывающей этимъ храмомъ наукъ. Впрочемъ, жажда чтенія и просвѣщенія посѣтителей библиотеки удовлетворяется не одними книгами, а и журналами, которые выписываются въ порядочномъ изобиліи.

Четвертый и послѣдній факультетъ Нарышкинскаго университета—народная читальня,—все еще пока не открытъ, хотя зала для него готова, столы и стулья поставлены, шкафы набиты книгами. Открытія его ждуть со дня на день. Входъ въ народную читальню отдѣльный отъ публичной библиотеки, и дай Богъ, чтобы двери его поскорѣе распахнулись передъ потомками тѣхъ, которые были вѣрными слугами «обломковъ старины».

Нарышкинскій университетъ уже и теперь является важнымъ опор-

нымъ пунктомъ народнаго просвѣщенія, разливающимся по всей губерніи. Такъ, онъ снабжаетъ книгами и картинами провинціальныя кружки (ковловскій, моршанскій, кирсановскій, липецкій и разсказовскій), ведущіе народныя чтенія въ городахъ и селахъ; онъ же отпускаетъ имъ ежегодныя субсидіи на ремонтъ помѣщеній, мебели и др. расходы. На это у него уходитъ до 1.500 р. изъ общей цифры процентовъ, составляющихъ почти 10.000 р. Личный персоналъ поглощаетъ 2.500 р., отопленіе и освѣщеніе 2.700 р., ремонтъ дома 500 руб. Значительная сумма ассигнована на покупку журналовъ, книгъ и проч.

Словомъ, и съ вѣшной, и съ внутренней стороны университетъ организованъ такъ основательно и солидно, что не даромъ онъ привлекаетъ къ себѣ «знатныхъ иностранцевъ» и завистливые взоры богатыхъ городовъ, въ родѣ Харькова, собирающихъ точныя справки и планы объ этой достопримѣчательности Тамбова.

Народныя развлечения. Изъ Калужской губерніи пишутъ въ «Недѣлю» о небываломъ еще явленіи—деревенскихъ концертахъ. Въ селѣ Жорелевѣ, Мосальскаго уѣзда, учитель мѣстнаго училища, г. Чудновъ, устроилъ концертъ. Хоръ состоялъ изъ учениковъ этого же училища, къ которымъ присоединились учителя нѣкоторыхъ другихъ школъ и просто любители. Сборъ съ концерта поступилъ въ пользу мѣстнаго комитета школъ грамотности и улучшенія народнаго труда. Публичный концертъ въ подобномъ захолустьи, конечно, долженъ былъ составить цѣлое событіе. Деревенское общество, повидимому, обрадовалось вѣсти о концертѣ, и билеты были раскуплены даже до напечатанія. Концертъ состоялъ изъ разныхъ пѣсень, пропѣтыхъ учениками. Публика осталась очень довольна. Въ томъ же селѣ предполагается устроить еще и народные спектакли.

Аналогичное же развлеченіе было устроено въ одномъ изъ глухихъ селъ Харьковской губерніи школьными дѣятелями. На рождественскихъ святкахъ устроенъ былъ спектакль, исполнителями въ которомъ явились крестьянскія дѣти и молодежь, зрителями же были не только все населеніе села, но и обитатели окрестныхъ хуторовъ. Поставлена была комическая дѣтская оперетка «Коза-дерева» Лысенко и пьеска Крапивницкаго «По ревизіи». Упомянутая оперетка была рекомендована журналомъ «Вѣстникъ Воспитанія», какъ почти единственная вещь, безусловно пригодная для дѣтскихъ спектаклей. Сюжетъ ея заимствованъ изъ популярной народной сказки того же заглавія, а музыка составлена изъ общезвѣстныхъ народныхъ пѣсень; разучивается она чрезвычайно легко и весело. Дѣтямъ она чрезвычайно понравилась и они выучили не только всѣ номера, и всю оперетку наизусть. Во время репетиціи всегда являлась масса крестьянской дѣтвора, которые, расходясь по домамъ, напѣвали прослушанные ими мотивы, сдѣлавшіеся такимъ образомъ уличными мотивами.

Жизнь русскихъ сектантовъ на Кавказѣ. Давно уже высказывалось мнѣніе, что русскіе сектанты—народъ въ высшей степени трудо-

любивый и воздержный. Дѣйствительно, свѣдѣнія, сообщаемыя газетою «Кавказъ» о менонистскихъ селеніяхъ, подтверждаютъ этотъ взглядъ.

Въ Закавказскомъ краѣ попадаются уѣзды и угодки, гдѣ урожаи хлѣбовъ и травъ смѣло могутъ соперничать съ урожаями самыхъ плодородныхъ мѣстъ Европы и др. частей свѣта. Изъ множества такихъ мѣстъ можно указать на большую часть Ленкоранскаго уѣзда, въ особенности на аркеванское и себидажское приставства. Русскія села тутъ, благодаря плодородію почвы, живутъ, если не на широкую ногу, то положительно безъ всякихъ лишеній и нужды. Не говоря о крупныхъ молоканскихъ селахъ, какъ Пришибъ, Новоголка и субботническое Привольное, гдѣ встрѣчаются крупные торговцы изъ крестьянъ-мѣстныхъ, ведущихъ обороты тысячами, остальные мелкія села настолько обезпечены, что всѣ государственные налоги и прочія повинности несутъ безъ всякаго затрудненія; лишенія и нужда, свойственныя живущимъ по близости татарамъ, не имѣютъ тутъ мѣста; села эти настолько обезпечены матеріально, что почти всѣ молокане и субботники имѣютъ постоянныхъ рабочихъ изъ татаръ на круглый годъ. Дома чрезвычайно опрятны, о двухъ или болѣе просторныхъ комнатахъ, выбѣленныхъ снаружи, и чисто убраны внутри. Такъ живутъ сектанты почти вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось ихъ наблюдать во всѣхъ губерніяхъ Закавказья. Бѣдность тамъ встрѣчается, какъ явленіе единичное.

Далѣе газета сообщаетъ о вліяніи, производимомъ молоканами на туземное населеніе.

Для простаго татарина слово «урусъ», которымъ онъ зоветъ всякаго русскаго, соединяется съ извѣстной долей уваженія и почтенія, съ каковымъ онъ относится къ нему, хоть право на его уваженіе приобрѣли они дорого стоющей имъ борьбою.

Въ комитетѣ грамотности. Въ засѣданіи 11-го января докторъ Рождественскій сдѣлалъ интересное сообщеніе объ устройствѣ библиотеки въ одномъ изъ селъ Харьковской губ. Часто къ доктору обращались крестьяне съ просьбою: «Нѣтъ ли почитать чего?» Желая придти на помощь крестьянамъ, г. Рождественскій сталъ дѣятельно хлопотать объ открытіи въ селѣ библиотеки. Книги были отчасти собраны отъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Харьковскаго комитетовъ грамотности и мѣстныхъ помѣщиковъ, отчасти куплены. Директоръ народныхъ училищъ, къ которому обратились за разрѣшеніемъ открыть библиотеку, отвѣтилъ черезъ годъ, что библиотека не можетъ быть открыта, надо открыть читальню. Такъ какъ крестьяне обыкновенно читаютъ въ свободныя минуты у себя дома, то отвѣтъ директора не удовлетворилъ доктора, и онъ рѣшилъ организовать частную библиотеку въ своей квартирѣ. Въ началѣ число требованій было ничтожно, но съ каждымъ днемъ оно замѣтно расло. За полтора года перебивало въ библиотекѣ около 3.000 человекъ. Читались преимущественно книги духовно-нравственнаго содержанія («Житія святыхъ»), историческія и сказки. Сельскохозяйственные и естественно-историческія сочиненія требовались мало. Не имѣя возможности лично завѣдывать библиотекой, г. Рождественскій вновь сталъ хлопотать объ открытіи сельской

библиотеки при волостномъ правленіи. Составленъ былъ приговоръ, и дѣло о библиотекѣ пошло черезъ земскаго начальника въ училищный совѣтъ и т. д., но разрѣшеніе до сихъ поръ не получено. Докторъ Рождественскій устроилъ, кромѣ того, въ селѣ народныя чтенія, которыя собирали массу крестьянъ. Но на одно изъ чтеній пришелъ урядникъ и заявилъ, что нельзя читать: «запрещено». Между тѣмъ, въ этихъ чтеніяхъ дѣятельное участіе принимало духовенство. Аналогичное сообщеніе было сдѣлано г. Вабинымъ объ устройствѣ библиотеки въ одномъ селѣ Пермской губ. Несмотря на то, что крестьяне ассигновали на библиотеку 130 р., открыть ее не удастся. Какъ г. Рождественскій, такъ и Вабинъ, пришли къ общему заключенію, что въ селахъ легче открыть кабакъ, чѣмъ библиотеку.

Одинъ изъ русскихъ «свѣточей». Въ «Русской Жизни» напечатанъ рассказъ о жизни и дѣятельности одного изъ тѣхъ скромныхъ труженниковъ, которые посвятили себя великому дѣлу безкорыстнаго служенія народу. Человѣкъ этотъ—докторъ медицины Георгій Ивановичъ Ткачевъ, начавшій свою врачебную дѣятельность въ 1843 году.

Г. И. Ткачевъ представляетъ собою типъ скромнаго общественнаго дѣятеля, одного изъ тѣхъ, которые неслышно, гдѣ-то въ глуши, но неутомимо, работаютъ всю жизнь на пользу общества и народа и разливаютъ вокругъ себя яркій свѣтъ.

Съ крайне слабымъ здоровьемъ, полубольной, Г. И. работалъ всю жизнь не на себя. Его домашняя обстановка, описанная «Пріазовскимъ Краемъ», совершенно необычна для блестящихъ врачей конца вѣка.

Ни обычной у врачей дощечки на дверяхъ съ улицы, ни параднаго подъѣзда и галантерейнаго швейцара вы тутъ не ищите. Еще весьма недавно звонокъ замѣнялся тяжеловѣсной бутылкой, привѣшенной на веревкѣ у дверей, которыя, когда ихъ открывали, издавали особые, скрипучіе звуки. И теперь также звонка нѣтъ, а есть та же веревка, но уже не съ бутылкой изнутри дома, а какой-то хитроумной деревянной палочкой снаружи. Передняя—маленькая и тѣсная: двѣ-три скамьи, съ клеенчатой обивкой сомнительной свѣжести—все ея убранство. Раньше «старый докторъ», въ буквальный смыслъ слова, принималъ съ улицы: когда онъ кончалъ осмотръ одного пациента, то черезъ окно, стукомъ, приглашалъ къ себѣ другого. При этомъ всегда соблюдалась и соблюдается строгая очередь: кто раньше явился на приемъ, тотъ раньше и допускается въ «святилище»; для богатыхъ и знатныхъ привилегій тутъ нѣтъ.

И этотъ человѣкъ, съ бутылкой у входныхъ дверей, вмѣсто звонка, принимающій больныхъ «съ улицы», копить деньги и отдаетъ ихъ... куда?

75.000 рублей онъ жертвуетъ для образованія стипендій при Харьковскомъ университетѣ и нѣсколько десятковъ тысячъ завѣщаетъ городу Ростову на развитие народнаго образованія.

По этому поводу одинъ изъ знакомыхъ Г. И. писалъ ему:

«Собирать всю жизнь свою капиталъ, терпѣть лишения и все затѣмъ, чтобы отдать его на пользу науки! Я горжусь, что былъ съ вами знакомъ. Конечно, такихъ людей немного найдется въ Россіи».

Но «терять всю жизнь лишения», чтобы отдать сбереженный капитал на дело развития просвещения—этим далеко не исчерпывались жизненные задачи маститого общественного деятеля.

Он решил живымъ, собственнымъ примѣромъ распространять знания въ народѣ. И вотъ, докторъ медицины, съ цѣлю озабоченія населенія съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями, беретъ въ аренду отъ правительства участокъ земли въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ 1.500 десятинъ, съ обязательствомъ ввести въ немъ лучшія современныя орудія, завести образцовое скотоводство, птицеводство, овцеводство и прочія отрасли сельскаго хозяйства, что и выполнилъ, относясь съ большой любовью и присущей ему энергіей къ дѣлу. Занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, Г. И. первый ввелъ въ край сѣялки, косилки и жатвенныя машины, въ то время едва только появившіяся и получившія премію во Франціи. Бывали случаи, когда онъ по недѣлямъ не сидѣлъ дома, а все скакалъ по полямъ на излюбленной своей верховой лошади.

Эта кипучая дѣятельность Георгія Ивановича въ деревнѣ подала поводъ къ доводу на него въ Петербургъ. Слѣдствіе, назначенное по этому поводу, такъ блистательно опровергло всё, взведенныя на нынѣшняго юбиляра, обвинения, что, по повелѣнію покойнаго Государя, заарендованный Г. И. участокъ былъ отданъ ему въ собственность на весьма льготныхъ условіяхъ.

Одновременно Г. И. работаетъ и въ городѣ.

Съ 60-хъ годовъ онъ начинаетъ выдвигаться въ Ростовѣ, какъ видный общественный дѣятель; человекъ борьбы по преимуществу, онъ энергично всегда беретъ подъ свою защиту интересы города, причемъ часто остается одинъ, въ оппозиціи противъ всего остального состава думы. Ему городъ Ростовъ обязанъ раскрытіемъ цѣлаго ряда злоупотребленій въ городскомъ управленіи. И до послѣдняго времени Г. И., какъ гласный думы, ни разу не измѣнилъ своей заветной идеѣ служенія городу и съ одинаковой стойкостью и бодростью духа ратовалъ за городскіе интересы, въ назиданіе многимъ; слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что онъ не пропускалъ ни одного засѣданія, развѣ лишь въ тяжелыхъ случаяхъ болѣзни, что случалось съ нимъ очень рѣдко.

На этомъ пути упорной борьбы «иногда съ цѣлымъ составомъ думы» Георгію Ивановичу пришлось вынести многое, пережить горькія минуты и дни, но съ неослабывающей энергіей онъ заявлялъ:

«При всемъ уваженіи къ господамъ предсѣдателю и членамъ управы, я, въ интересахъ истины, которой всегда служилъ, служу и буду служить, долженъ и т. д.»...

И оппозиція продолжалась.

На Г. И. Ткача летѣли жалобы во всё правительственныя учрежденія. Онъ самъ являлся съ объясненіями къ генераль-губернатору, но все было бесполезно. «Цѣлый составъ думы» бралъ верхъ.

Тогда неутомимый дѣятель бросаетъ все и уѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ живетъ 7 мѣсяцевъ, добивается того, что, по Высочайшему повелѣнію Императора Александра II, Байковъ устраняется отъ должности головы, а въ Ростовъ прибываетъ, также по Высочайшему повелѣнію, особая коммиссія, которая, разобравъ всё городскія дѣла, находитъ въ дѣйствіяхъ городского головы рядъ неправильностей (въ 39 пунктахъ).

Это только одна страничка изъ исторіи общественной дѣятельности чествуемаго теперь всѣмъ городомъ юбиларя.

Чешскія колоніи въ Россіи. Въ газетѣ «Кіевлянинъ» помѣщена интересная статья о бытѣ чешскихъ колонистовъ на Волыни. Благосостояніе этихъ колонистовъ, по словамъ газеты, увеличивается съ каждымъ годомъ.

Значительные доходы они получаютъ, между прочимъ, отъ культуры сѣмянного клевера, который, напримѣръ, въ прошломъ году продавался по 10 р. пудъ. Но главный доходъ чехи имѣютъ отъ хмеля, воздѣлываемаго всѣми колонистами безъ исключенія съ большимъ стараніемъ и искусствомъ. Благодаря лучшей культурѣ, они получаютъ за свой хмель всегда высокую цѣну. Простой колонистъ продаетъ ежегодно хмеля на нѣсколько сотъ рублей, но есть между ними и такіе, которые получаютъ отъ этой культуры 2—3 тысячи рублей дохода. Всѣ свои доходы чехи стараются помѣщать въ землю, къ пріобрѣтенію которой жадно стремятся, платя теперь по 120—130 р. за десятину той самой земли, какую раньше пріобрѣтали по 18 р. За участки, прилегающіе къ ихъ усадьбамъ, они охотно платятъ 220—250 р. за десятину. Чешскія женщины еще болѣе трудолюбивы, нежели мужчины, получаютъ значительные доходы отъ своего домашнего хозяйства. Почти безъ преувеличенія можно сказать, что чешскія колоніи своимъ теперешнимъ благосостояніемъ въ весьма значительной степени обязаны тому, что чешская женщина представляетъ изъ себя типъ хозяйки въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Чешская женщина является совнательной и разумной помощницей своего мужа и доброй матерью для своихъ дѣтей. Они знаютъ, что можно и чего нельзя, и хотя всѣ почти колонисты получаютъ, сравнительно, недурное образованіе и много читаютъ, тѣмъ не менѣе, между ними нѣтъ стремленія къ барству, ничегонедѣланію и выказыванію своего превосходства предъ другими. Они любятъ веселиться и танцовать, но веселье это облегчаетъ дѣло и разнообразитъ его, а не замѣняетъ...

Чешскія колоніи даютъ много прекрасныхъ ремесленниковъ, далеко оставившихъ за собою какъ мѣстныхъ христіанъ, такъ и евреевъ.

Болѣе всего между ними каменьщиковъ, слесарей и кузнецовъ. Всѣ безъ исключенія хмелеводы у волынскихъ землевладѣльцевъ набираютъ изъ чеховъ. Многие изъ колонистовъ ведутъ мельничное дѣло и арендуютъ мельницы, особенно послѣ воспрещенія евреямъ жить по деревнямъ. Пивоварни и коптильни также принадлежатъ чехамъ. Ихъ издѣлія, въ этомъ отношеніи, пользуются широкой и заслуженной извѣстностью, и ветчина, напримѣръ, раньше довольно мало распространенная, теперь дѣлается любимымъ мѣстнымъ продуктомъ. Этотъ предприимчивый людъ взялся было и за торговлю, но на этомъ поприщѣ ему пришлось встрѣтиться съ грозной конкуренціей евреевъ, одолѣть которую въ Западномъ краѣ часто совершенно невозможно.

Статья оканчивается указаніемъ, что со стороны колонистовъ не обнаруживается никакого стремленія къ эксплуатаціи мѣстнаго населенія.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Литературное движеніе въ Швеціи и Норвегіи. За послѣдніе годы въ европейскомъ обществѣ стала обнаруживаться особенный интересъ къ «сѣверной» литературѣ. Произведенія крупныхъ представителей этой литературы въ настоящее время переводятся на всѣ европейскіе языки и имѣютъ большой успѣхъ; главнымъ образомъ это относится къ норвежской литературѣ, въ которой съ 1870 года обнаружился огромный подъемъ. Господствующее направленіе въ норвежской литературѣ—реалистическое, но реализмъ этотъ, вслѣдствіе особенныхъ мѣстныхъ условій народной жизни и характера норвежскаго народа, носитъ совершенно своеобразный отпечатокъ какой-то свѣжести и суровости, причемъ каждый норвежскій писатель, хотя и является подражателемъ Золя въ реальномъ изображеніи жизненныхъ явленій, имѣетъ все-таки въ виду не одно только это живописаніе, а стремится этимъ путемъ улучшить современное состояніе общества и, слѣдовательно, всегда вкладываетъ въ свои произведенія извѣстную тенденцію.

Однимъ изъ крупныхъ представителей современной норвежской литературы, Гамсунъ, въ своей статьѣ о литературномъ движеніи въ Норвегіи, напечатанной въ «Revue des Revues», говоритъ о томъ, что вліяніе Золя сдѣлалось всеисильнымъ въ норвежской литературѣ,—Гамсунъ даже называетъ современное литературное движеніе въ Норвегіи «золяизмомъ»,—но въ то же время указываетъ, что норвежскіе писатели, принявшись за общественную литературу, искали въ ней средства указать на то или другое общественное зло и этимъ способствовать его искорененію. Реализмъ въ литературѣ могъ такимъ образомъ оказать большую социальную услугу. «Мы принялись писать о желѣзныхъ дорогахъ,—говоритъ Гамсунъ,—нападать на нашихъ лютеранскихъ священниковъ и одобренные учебники, писать романы на тему о недостаткахъ нашего новаго перевода библіи. Литература наша въ 1870 году находилась вполнѣ подъ вліяніемъ современныхъ принциповъ, демократическихъ и утилитарныхъ, она сдѣлалась матеріалистической по преимуществу, затрогивая больше нравы, нежели людей, социальныя вопросы—нежели душу. Во всей нашей литературѣ этого періода тщетно было бы искать глубокаго человѣческаго анализа; самое большее, если создавался какой-нибудь типъ, цѣльный характеръ, живущій физическою жизнью въ широкомъ смыслѣ, о психологическихъ же тонкостяхъ у насъ не было и помину».

Успѣхи реалистическаго движенія въ Норвегіи Гамсунъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Норвегія—страна гористая, изолированная, обитаемая исключительно крестьянами, такъ какъ дворянство уничтожено закономъ (нашъ послѣдній графъ, Ведель Ярлсбергъ умеръ въ прошломъ году, и дѣти его уже—не дворяне). Только съ 1814 года мы не зависимъ болѣе отъ Даніи, и только съ этого времени Норвегія стала государствомъ самостоятельнымъ; слѣдовательно, наша цивилизація только еще начинается. Наше законодательное собраніе состоитъ исключительно изъ крестьянъ и лишь должностныя лица появляются въ немъ въ бѣлыхъ галстукахъ. Въ политикѣ мы—народъ демократическій, съ явно демократическими стремленіями. Норвежцы осуждены вести тяжелую борьбу за существованіе; лишь мѣстами ведется лѣсная торговля, пре-

имущественно же народъ существуетъ рыбною ловлею. Иногда, впрочемъ, мы рекламируемъ наше полуночное солнце, соблазняя богатыхъ иностранцевъ предпринять къ намъ поѣздки. Вѣчная нужда развила въ насъ вкусъ и чутье къ реальности. И вотъ почему литературный реализмъ, изображеніе дѣйствительнаго въ жизни нашель въ Норвегіи такую благодарную почву».

Но литературное движеніе въ Норвегіи несомнѣнно растетъ и развивается и стремится принять болѣе равносторонній характеръ. Не то говоритъ о Швеціи одинъ изъ выдающихся шведскихъ писателей и поетовъ Ола Гансонъ, утверждающій въ статьѣ о литературномъ движеніи въ Швеціи, тоже напечатанной въ «*Revue des Revues*», что собственно «литературнаго движенія въ прямомъ смыслѣ этого слова теперь въ Швеціи не существуетъ». Въ литературномъ отношеніи въ Швеціи господствуетъ въ данную минуту крайняя бѣдность, и возникшее было въ 1879 году движеніе почти совершенно прекратилось въ 1890 году.

До 1879 года литературные и критическіе интересы находились въ Швеціи на заднемъ планѣ; первое мѣсто занимала политика и народное образованіе. Двѣ идеи господствовали въ шведскомъ обществѣ: идея политическаго единства скандинавскихъ странъ и идея возрожденія сѣвера, т.-е. новой культуры, которая должна носить отпечатокъ скандинавской оригинальности и опираться на прежнія условія существованія свободнаго скандинавскаго крестьянина. Въ сущности, обѣ эти идеи сливались въ одну: единство и независимость сѣвера въ политическомъ и интеллектуальномъ отношеніи. Однако, когда, во время датско-нѣмецкой войны 1864 года, идея скандинавскаго единства потерпѣла крушеніе, такъ какъ шведы и норвежцы преспокойно оставались у себя дома въ то время, какъ ихъ братья датчане сражались и погибали, то молодое поколѣніе Швеціи ухватилось съ еще большимъ жаромъ за вторую идею: національнаго и интеллектуальнаго развитія сѣвера. Всюду стали возникать школы, въ которыхъ дѣти крестьянъ должны были готовиться къ предстоящей имъ въ будущемъ грандіозной миссіи. Разумѣется, поэзія и искусства находились въ это время въ застоѣ, ими некогда было заниматься. Къ первоначальной тенденціи присоединились новые элементы, нахлынувшіе изъ Европы и весьма скоро оттѣснившіе идею возрожденія на задній планъ. Естественныя науки въ своемъ триумфальномъ шествіи захватили и Швецію; къ нимъ стали обращаться для рѣшенія всевозможныхъ вопросовъ, касающихся условій развитія цивилизаціи и жизни. Когда явились Дарвинъ и Тэнъ, то въ Швеціи господствовали уже идеи національнаго философа Вострема, друга короля Вернадотта и основателя школы, такъ - называемаго, рациональнаго идеализма. Въ идеяхъ философа Вострема существующій социальный строй находилъ свое оправданіе, Востремъ главнымъ образомъ ратовалъ противъ матеріалистическаго и пессимистическаго направленія современной философіи Швеціи. На этомъ и кончилось литературное движеніе Швеціи. «Если окинуть взоромъ все, что дала шведская литература за послѣднія десять лѣтъ,—говоритъ Ола Гансонъ,—то въ результатъ окажется полное отсутствіе оригинальныхъ идей—все доставлено заграницей, и оригинальность встрѣчается лишь въ субъективномъ отпечаткѣ, который налагается на эти идеи шведскими авторами».

Причина такого недостаточнаго развитія литературнаго движенія Гансонъ видѣтъ въ условіяхъ народной жизни и національнаго характера шведовъ. Шведы были самымъ воинственнымъ народомъ въ Европѣ, и теперешніе шведы—достойные сыны своихъ отцовъ, нѣкогда воевавшихъ съ цѣлою Европою; они также смѣлы и мужественны, но также наивны въ интеллектуальномъ отношеніи, и хотя и считаютъ себя европейцами, но ихъ образованіе осталось такимъ же поверхностнымъ, какъ было въ тѣ времена, когда предки ихъ возвращались къ себѣ домой послѣ долгихъ странствій. За тѣмъ лоскомъ, который наложенъ на нихъ цивилизаціей, скрывается прежній гиперборейскій варваръ.

Однимъ изъ величайшихъ современныхъ писателей Швеціи считается Августъ Стриндбергъ. Чего только онъ не писалъ? И историческія драмы, и легенды, психологическія драмы, историческія и социальныя повѣсти и романы, полемики, сцены въ народной жизни, политическія статьи, сатиры, поэмы, и т. д. и т. д. Исторія его жизни такъ же разнообразна, какъ и его литературная дѣятельность. Чѣмъ только онъ не былъ, прежде чѣмъ посвятилъ себя литературѣ? И школьнымъ учителемъ, и актеромъ, телеграфистомъ, журналистомъ, врачомъ, художникомъ, проповѣдникомъ, гувернеромъ, библиотекаремъ, и т. д. и т. д. Онъ изучалъ массу предметовъ и является спеціалистомъ въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ науки и искусства. Занявшись литературой, онъ также прошелъ всѣ фазы, проповѣдывалъ самыя разнообразныя политическія доктрины и былъ то пѣтвистомъ, то скептикомъ, социальнымъ утопистомъ и т. д. и теперь проповѣдуетъ превосходство мужщины надъ женщиною и востаетъ противъ эмансипаціи женщинъ, считая ее противною законамъ природы.

Между тѣмъ женщины—то именно и занимали въ литературномъ движеніи Швеціи одно изъ наиболее видныхъ мѣстъ. Извѣстное сочиненіе Джонъ Стюарта Милля «О подчиненіи женщины» имѣло громадный успѣхъ въ Швеціи; женщины стали стремиться къ тому, чтобы завоевать себѣ одинаковыя права съ мужчинами, добивались ученыхъ степеней, устраивали общества, провозносили рѣчи, основывали журналы. Въ литературѣ появилась масса женщинъ-писательницъ, ратовавшихъ за права и эмансипацію женщинъ. Стриндбергъ выступилъ противъ этого женскаго движенія въ одномъ изъ своихъ произведеній; но шведское общество отнеслось къ этому движенію довольно сочувственно. Среди женщинъ писательницъ, наиболее потрудившихся въ пользу женскаго движенія въ Швеціи, Ола Гансонъ первое мѣсто отводитъ госпожѣ Лефлеръ, герцогинѣ ди-Баянелло, составившей себѣ имя въ литературѣ своими повѣстями, въ которыхъ она описывала высшее стокгольмское общество. Послѣ нея наибольшую извѣстностью въ Швеціи пользовалась Викторія Бенедиктесонъ (Эристъ-Альгрень), прославившаяся своимъ романомъ «Деньги» и повѣстями изъ народной жизни *). Затѣмъ идутъ: Хильма Страндбергъ и Стелла Клеве, обѣ исчезнувшія въ настоящее время съ горизонта шведской литературы. Хильма Страндбергъ была телефонисткой въ маленькой рыбацкой деревушкѣ, но потомъ вышла замужъ. Стелла Клеве прекратила свои литературныя занятія.

*) Послѣдній романъ Альгрень «Маріана» печатается съ января 1894 г. въ «Мірѣ Божіемъ».

Изъ авторовъ мужчинъ, по словамъ Гансона, нѣтъ ни одного выдающагося въ настоящее время. Литературное движеніе умерло. Немалое вліяніе оказываютъ въ этомъ отношеніи условія, существующія въ Швеціи въ настоящее время. Независимой и проникательной критики не существуетъ въ Швеціи; существуютъ только три или четыре журнала и одинъ, единственный, крупный издатель, а кто съ ними не въ ладахъ, тому не остается ничего болѣе, какъ уложить свои чемоданы и убраться изъ Швеціи. Государство ассигнуетъ ежегодно 6.000 кронъ на поощреніе поэзіи, но академія распределяетъ ихъ между старыми поэтами и молодыми профессорами.

Ежегодный пиръ бѣдняковъ въ Берлинѣ. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ ежегодныхъ обѣдахъ бѣдняковъ, которые бывають въ Берлинѣ въ аристократическомъ ресторанѣ Густера. Въ этомъ ресторанѣ богатые банкиры и родовая аристократія обыкновенно заказываютъ свадебные, юбилейные и тому подобныя обѣды отъ 30 до 50 марокъ съ персоны, а на этихъ дняхъ состоялся тамъ обѣдъ бѣднымъ, представляющій оригинальное зрѣлище: мужчины—не во фракахъ или мундирахъ, а въ старыхъ заносенныхъ скотчукахъ и курткахъ; на дамахъ не брилліантовые и шелковые туалеты, а бѣдныя, не разъ вычищенные платья. Не смотря на непревзятельную внѣшность гостей, ихъ принимали радушно и прислуживали имъ безукоризненные лакеи Густера; у входа ихъ ожидали почетные бюргеры—гласные думы и члены магистрата.

Это—ежегодный пиръ бѣдняковъ, на средства давно уже умершаго берлинскаго бюргера Л'Аббе (L'Abbé). Жертвователю принадлежалъ къ многочисленной, давно уже опѣмчившейся французской колоніи Берлина, къ потомкамъ гугенотовъ, переселившихся въ Германію послѣ отміны нантскаго эдикта. «Старый Фрицъ» особенно охотно привлекалъ французовъ въ Берлинъ. Вы теперь еще видите въ Берлинѣ французскую церковь, въ которой иногда бываетъ проповѣдь на французскомъ языкѣ, французскую гимназію, съ большимъ курсомъ французскаго языка, чѣмъ въ другихъ берлинскихъ гимназіяхъ. Л'Аббе въ молодости самъ терпѣлъ сильную нужду, но потомъ выбился въ первые ряды берлинскаго общества. Еще при жизни онъ въ день своихъ именинъ приглашалъ въ свой домъ бѣдняковъ и угощалъ ихъ на славу, въ завіщаніи же своему оставилъ городу капиталъ, на проценты съ котораго ежегодно, 5 января, угощаются 100 бѣдныхъ по выбору попечителей общественнаго призрѣнія. Гостямъ подаютъ супъ, рыбу, традиціонное берлинское Rökelfleisch съ кислой капустой и гороховымъ кофе, сладкое и вино. Чтобы придать этому обѣду не обидное значеніе подачи, многочисленные въ Берлинѣ попечители бѣдныхъ садятся за одинъ столъ съ призрѣваемыми и бесѣдуютъ съ ними какъ равные съ равными.

Для бѣдняковъ это единственный день въ году, когда они ѣдятъ, какъ богатые люди; но одинъ изъ мѣстныхъ репортеровъ, перечисляя всѣ прелести этого обѣда, задается очень умѣстнымъ вопросомъ: сколько изъ этихъ стариковъ съ печатью лишеній на лицѣ пришли бы въ ужасъ, еслибъ имъ въ молодости нарисовали эту картину за столомъ у Густера? Между потерпѣвшими въ жизни крушеніе не мало бывшихъ офицеровъ, студентовъ, купцовъ.

Женщины-работницы въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Нью-Йоркѣ существуетъ женское рабочее общество, которое недавно занялось собираніемъ матеріаловъ къ характеристикѣ положенія работницъ въ Америкѣ. Матеріалы эти въ настоящее время опубликованы и внесены въ законодательное собраніе штата Нью-Йоркъ вмѣстѣ съ петиціей, требующей улучшенія фабричнаго законодательства и учрежденія кассъ для страхованія работницъ.

Изъ полученныхъ данныхъ выходитъ, что въ одномъ только Нью-Йоркѣ 250.000 женщинъ вынуждены зарабатывать себѣ средства къ жизни. Всего лишь 10% изъ нихъ замужнія, 7%—вдовы, остальные же—дѣвушки. Заработки ихъ колеблются между полутора и тринадцатью долларами въ недѣлю. Хуже всего оплачивается трудъ швей. Телефонистки получаютъ отъ 10 до 12 долларовъ въ недѣлю. Взрослыя работницы рѣдко получаютъ менѣе двухъ долларовъ въ недѣлю, но зато заработокъ подростковъ въ 14—16 лѣтъ рѣдко превышаетъ эту сумму. Въ общемъ, трудъ продавщицъ, кассиршъ, бухгалтершъ и т. д. хуже оплачивается, нежели трудъ фабричныхъ работницъ. Швея при самомъ напряженномъ трудѣ, работая иногда по 16 часовъ въ сутки, рѣдко можетъ выработать болѣе трехъ долларовъ въ недѣлю. Заработокъ швей прежде былъ лучше, но въ послѣдніе годы онъ уменьшился волѣдствие наплыва въ страну итальянокъ, полекъ и евреекъ, конкуренція которыхъ понизила заработокъ. Эти иностранки, ведя жизнь, полную всевозможныхъ лишеній и существуя буквально въ проголодь, все-таки успѣваютъ сберечь кое-что изъ своего жалкаго заработка; американки же, привыкшія къ лучшему образу жизни, обыкновенно тратятъ гораздо больше на свое содержаніе и потому не только ничего не могутъ отложить, но имъ не хватаетъ на жизнь ихъ скуднаго заработка. Вообще, американскія работницы, какъ и рабочіе, жалуются на конкуренцію иностранцевъ, особенно въ фабричныхъ производствахъ. На положеніи женщинъ-работницъ эта конкуренція отражается очень вредно; женщинамъ начинаютъ понижать заработную плату на фабрикахъ и обращаются съ ними грубѣе.

Въ Чикаго положеніе фабричной работницы значительно лучше, заработокъ ихъ больше. Возрастъ женщинъ-работницъ въ Чикаго колеблется отъ 11 до 58 лѣтъ, средній заработокъ—6 долларовъ въ недѣлю; менѣе 4 долларовъ зарабатываютъ только дѣти, взрослыя же получаютъ отъ семи до 25 долларовъ въ недѣлю.

Всѣ эти данныя указываютъ, что положеніе работницъ въ Соединенныхъ Штатахъ далеко нельзя считать такимъ особенно завиднымъ для европейскихъ работницъ, стремящихся въ Америку, рассчитывая на то, что тамъ работа оплачивается лучше, нежели въ Европѣ. Но именно этотъ наплывъ европейскихъ рабочихъ или работницъ въ Америку и дѣлаетъ то, что благосостояніе мѣстнаго рабочаго населенія и условія работы становятся все хуже и хуже.

Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Во время всемирной выставки въ Чикаго появились изданія, заключающія въ себѣ много любопытныхъ данныхъ касательно народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Число учащихся возрастаетъ съ каждымъ годомъ, съ 12.424.254 учениковъ въ 1880 году число это въ 1890 году

возрасло до 14.219.571. На долю народныхъ школъ приходится 13.762.799 учениковъ и учащихся. Большинство народныхъ школъ правительственныя учрежденія, и во всѣхъ этихъ школахъ дается бесплатное образование; во многихъ школахъ дѣтямъ выдаются даже всѣ учебныя пособия. Среднія и профессиональныя учебныя заведенія на половину частныя. Высшіе коллегіи и университеты большею частью правительственныя и имѣютъ фонды, проценты которыхъ идутъ на ихъ содержаніе. Почти во всѣхъ штатахъ имѣются университеты или спеціальныя учебныя заведенія, гдѣ можно получить высшую ученую степень. Въ 1890 году болѣе 70.000 студентовъ и студентокъ слушало лекціи и работало въ лабораторіяхъ, кабинетахъ и мастерскихъ, находящихся при учебныхъ заведеніяхъ. Средняя плата за обученіе—50 р. въ годъ. Изъ 56 университетовъ и высшихъ коллегій, 18 обучаютъ бесплатно своихъ слушателей и слушательницъ. Расходы на народное образование возрасли съ 156 милліоновъ рублей въ 1880 году до 280 милліоновъ въ 1890 году.

Источникомъ дохода высшихъ учебныхъ заведеній служатъ капиталы, полученные отъ продажи земель, дарованныхъ въ разное время федеральнымъ правительствомъ для поддержанія образованія въ странѣ. Въ то время, когда президентомъ былъ Линкольнъ, сенатъ назначилъ болѣе 3½ милліоновъ десятинъ земли съ тѣмъ, чтобы на средства отъ продажи этой земли въ каждомъ штатѣ было открыто по крайней мѣрѣ хоть по одной сельскохозяйственной и технической коллегіи. Въ 1887 году каждому штату было ассигновано изъ государственнаго казначейства по 30.000 рублей для основанія сельскохозяйственныхъ опытныхъ станцій, и въ настоящее время такихъ станцій имѣется уже 55, гдѣ опытные спеціалисты работаютъ надъ различными вопросами, касающимися сельскаго хозяйства, ветеринаріи, скотоводства и т. п. Тричетыре раза въ годъ печатается отчетъ о всѣхъ исследованіяхъ, производимыхъ на этихъ станціяхъ. Во всѣхъ этихъ сельскохозяйственныхъ коллегіяхъ и станціяхъ вмѣстѣ съ мужчинами слушаютъ лекціи и работаютъ женщины.

ИЗЪ МІРА НАУКЪ.

«Горная» болѣзнь (*Mal de montagne*). Въ настоящее время, когда восхождение на высокія горы сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ видовъ спорта, когда число безстрашныхъ туристовъ, взбирающихся на возвышенности, съ каждымъ годомъ все возрастаетъ, и кромѣ того, пребываніе на высокихъ горахъ эксплуатируется для научныхъ цѣлей, вопросъ о томъ: существуетъ-ли особый видъ страданія, обусловливаемый пребываніемъ на большой высотѣ, долженъ получить, конечно, особенный интересъ.

Авторъ статьи въ «*Revue Scientifique*», озаглавленной «горная болѣзнь», докторъ Синклеръ, говорить, что по всей вѣроятности, большинство горныхъ туристовъ будетъ отрицать существованіе подобной болѣзни и объяснять ея припадки особымъ раздраженіемъ нервовъ, обусловливаемымъ отсутствіемъ сна, дурною пищею и чувствомъ страха, которое долженъ по временамъ испытывать каждый страствующій по горамъ. Синклеръ сопровождалъ въ качествѣ врача экспедицію Имфельда, и потому имѣлъ полную возможность производить самъ наблюденія надъ явленіями указанной болѣзни. Ему даже поручено было специально изучить эту болѣзнь, въ виду проекта сооруженія желѣзной дороги на Юнгфрау и Сервенъ.

Въ описаніяхъ различныхъ восхожденій на Монбланъ, въ первый разъ упоминается объ этой болѣзни лишь въ 1860 году и ставится въ большую заслугу путникамъ то, что они преодолѣли эту болѣзнь и безчисленныя затрудненія пути. Но, позднѣе, въ этихъ описаніяхъ восхожденій, хотя и чрезвычайно подробныхъ, уже не упоминается болѣе объ этой болѣзни, какъ будто она уже перестала существовать. Сигмонди въ своей книгѣ «Опасности горъ» упоминаетъ о ней только мелькомъ, хотя и сознается, что онъ былъ нездоровъ во время восхожденія, но приписываетъ это нездоровье разстройству желудка, вызванному рѣзкою перемѣною пищи. Онъ полагаетъ, на основаніи опытовъ Укхгама въ Гималаяхъ, что разреженіе воздуха не можетъ служить препятствіемъ къ восхожденію на самыя большія возвышенности міра. Однако, Соссюръ рассказываетъ, что когда онъ посѣтилъ Монбланъ, то, несмотря на то, что онъ пробылъ на его вершинѣ четыре съ половиною часа, онъ могъ выполнить лишь половину того, что намѣревался сдѣлать. Онъ какъ-то неловко задерживалъ дыханіе, которое учащалось, и долженъ былъ часто прерывать свои наблюденія, чтобы отдохнуть; онъ чувствовалъ усталость какъ послѣ очень скорой ходьбы. Онъ самъ рассказываетъ, что, устанавливая приборы, онъ долженъ былъ ежеминутно прекращать свою работу, для того чтобы отдышаться; когда же онъ оставался спокоенъ, то ощущалъ лишь какую-то неловкость и что-то въ родѣ тошноты. Но стоило ему сдѣлать

лишь небольшое движеніе, фиксировать свое вниманіе, особенно, если при этомъ онъ нагибался, то немедленно у него являлось ощущеніе недостатка воздуха, и онъ долженъ былъ остановиться и отдыхать въ теченіе двухъ-трехъ минутъ, и у него появлялась одышка. Его проводники испытывали то же самое. На тѣ наблюденія, которыя онъ обыкновенно производилъ въ два - три часа у подошвы горы, онъ долженъ былъ потратить вдвое больше времени, находясь на ея вершинѣ.

Большинство знаменитыхъ путешественниковъ, совершавшихъ восхожденія на горы, однако, все же отрицають существованіе «горной» болѣзни; Жансенъ, по идеѣ котораго выстроена обсерваторія на Монбланѣ, приписываетъ также всѣ ея явленія физической усталости; самъ Жансенъ не испытывалъ этой усталости, такъ какъ его везли въ санкахъ и несли на носилкахъ во время восхожденія, и поэтому онъ не испыталъ названной болѣзни. Сняклеръ говорить, что онъ прежде и самъ такъ думалъ. Свои личныя наблюденія онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Когда мы взобрались на высоту 4400 метровъ на Монбланѣ и пріютились въ хижинѣ, то были очень счастливы, что съ нами были люди, которые могли насъ освободить отъ лишней одежды и отъ сапогъ, что мы сами могли бы исполнить лишь съ большимъ трудомъ. Тогда уже мы въ состояніи были подкрѣпить себя пищею, но была ли она хорошая или дурная, мы рѣшительно не могли бы сказать, такъ какъ совершенно лишились вкуса; красное вино казалось намъ на вкусъ червивыми, а бѣлое—уксусомъ; только черный кофе не потерялъ для насъ вкуса, и я выпилъ его, приготовивъ предварительно два грамма фенацетина, который принесъ мнѣ большую пользу—я сразу почувствовалъ себя лучше. Послѣ подкрѣпленія пищею мы подумали было заняться установкою инструментовъ для наблюдений, но очень обрадовались, когда узнали, что проводники оставили большинство нашихъ инструментовъ въ Граньюле. Тогда мы рѣшились отдохнуть и расположились какъ можно удобнѣе, но тѣмъ не менѣе, продолжали испытывать ощущеніе недостатка воздуха, къ ужину у насъ не было никакого аппетита, и мы помышляли только о томъ, чтобы лечь спать. Однако, ночью я не могъ уснуть; и настолько твердое и холодное ложе было тому причиною и шумъ бури, бушевавшей снаружи, сколько непрекращающееся ощущеніе недостатка воздуха. Я долженъ былъ ночью вставать нѣсколько разъ для того, чтобы отдышаться, но ничто не помогало и, измученный и упавшій духомъ, я снова ложился. Въ нашей хижинѣ, несмотря на присутствіе шестнадцати человѣкъ, господствовала изумительная тишина. Никто не храпѣлъ, что, впрочемъ, легко объясняется тѣмъ, что рѣшительно никто не могъ заснуть. Утромъ всѣ встали утомленные, нисколько не радуясь предстоящей задачѣ. Завтракъ нашъ состоялъ изъ стакана сгущеннаго молока; что же касается нашего туалета, то объ этомъ мы даже не могли и помышлять; даже привести свою одежду въ порядокъ составляло для насъ огромный трудъ. Мы должны каждую минуту отдыхать, для того, чтобы перевести духъ, и не знали, какъ быть дальше. «Оставьте меня въ покоѣ»—вотъ отвѣтъ, который слышался со всѣхъ сторонъ. За обѣдомъ мы съѣли лишь полтарелки супу и выпили немного кофе—вотъ и все.

«Послѣ обѣда я сдѣлалъ надъ собою неимовѣрное усиліе и заставилъ себя произвести наблюденія надъ цвѣтомъ крови. Въ семь часовъ вечера мы улеглись, выпивъ по стакану разогрѣтаго молока. Не желая также мучиться бессонницей и одышкой, какъ прошедшую ночь, я принялъ десять капель опійной настойки и граммъ фенацетина. Благодаря этимъ мѣрамъ, я могъ хотъ

оставаться спокойнымъ и поспать немного. На третій день нашего пребыванія на высотѣ, явленія эти все еще не прекращались; та же потеря аппетита и одышка. Я замѣтилъ, что дыханіе наше приближалось къ типу, известному въ медицинѣ подъ именемъ апопексовскаго дыханія, т. е. нѣсколько мгновений мы дышали, повидимому, совершенно правильно, затѣмъ, нѣсколько быстрыхъ и глубокихъ вдыханій, за которыми слѣдовало полное временное прекращеніе дыхательныхъ движеній. Эти глубокія вдыханія страшно утомляли насъ. Но на четвертый день состояніе наше начало понемногу улучшаться. Дыханіе оставалось учащеннымъ, но мы уже этого не замѣчали, и одышка появлялась лишь тогда, когда мы дѣлали какія-нибудь усилія, одѣвались, нагибались и т. п. Аппетитъ тоже нѣсколько улучшился.

Вообще, Синклеръ замѣтилъ, что потребность въ пищѣ рѣшительно уменьшалась у всѣхъ находящихся на высотѣ, даже у проводниковъ, привычныхъ къ восхожденіямъ. Всѣ довольствовались минимумомъ пищи. У двухъ своихъ спутниковъ, Имфельда и Гуглиельминетти, Синклеръ наблюдалъ внезапное усиленіе болѣзни. Последній даже долженъ былъ прибѣгнуть къ вдыханію сгущеннаго кислорода, который директоръ обсерваторіи Валло всегда имѣлъ въ запасѣ. Синклеръ особенно настаиваетъ на томъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ болѣзни физическая усталость послѣ восхожденія не играла никакой роли. Восхожденіе совершено было легко, почти безъ всякихъ усилій и, прибывъ въ хижину на высотѣ 4.400 метровъ, никто изъ спутниковъ и онъ самъ не ощущали усталости. Приписывая одышку тому, что можетъ быть въ хижинѣ недостаточно возобновляется воздухъ, Синклеръ вышелъ изъ нея, но почувствовалъ себя еще хуже. Синклеру пришлось наблюдать явленія этой болѣзни у многихъ лицъ, посѣтившихъ хижину, во время его пребыванія тамъ.

Въ числѣ этихъ лицъ была одна дама, съ которою было очень дурно. Даже внезапная смерть одного изъ участниковъ экспедиціи, Имфельда, Синклеръ объясняетъ горною болѣзнию и вызванными ею ослабленіемъ дѣятельности сердца и нервной системы. Явленія этой болѣзни, по мнѣнію Синклера, вызываются химическимъ и механическимъ вліяніемъ пониженія атмосфернаго давленія. Онъ утверждаетъ, что даже люди, которые совершенно отрицаютъ существованіе этой болѣзни, все-таки въ большей или меньшей степени перенесли ее, но ея припадки приписывали разнымъ другимъ причинамъ; Сосюръ, напримѣръ, разстройству пищеваренія, вызванному пищей, другіе — утомленію и т. д. Даже Жансенъ, хотя онъ отрицаетъ это, совершившій восхожденіе безъ всякой усталости, все-таки испыталъ, по показаніямъ Валло, ощущеніе необыкновенной слабости и производство наблюденій стояло ему большихъ усилій. Причиной горной болѣзни является то, что кровь, подъ вліяніемъ уменьшенія атмосфернаго давленія, бѣдаетъ кислородомъ, развивается такъ называемая «аноксемія» — недостатокъ кислорода въ крови, что и вызываетъ всѣ вышеописанные болѣзненные припадки. Теорія Синклера о пониженія количества кислорода въ крови, какъ основной причины горной болѣзни, подтверждается его наблюденіемъ надъ «гемоглиномъ» — красящимъ веществомъ крови, которому она обязана своимъ краснымъ цвѣтомъ. Гемоглиинъ поглощаетъ кислородъ воздуха и разноситъ его по всѣмъ тканямъ нашего тѣла; слѣдовательно, существованіе гемоглибина въ крови тѣсно связано съ присутствіемъ въ ней кислорода, а интенсивность цвѣта крови находится въ прямой зависимости отъ количества заключающагося въ ней кислорода. По наблюденіямъ Синклера, на высотѣ уменьшается количество гемоглибина въ крови и, слѣдовательно, уменьшается и количество кислорода.

Улучшеніе объясняется способностью человѣческаго организма приспособляться. Отъ припадковъ горной болѣзни Синклеръ усиленно рекомендуетъ фенацетинъ. Возвращеніе въ равнину сразу уничтожаетъ всѣ припадки. Синклеръ рассказываетъ, что, несмотря на быстроту нисхожденія и усилія, которыя они дѣлали, такъ какъ имъ пришлось пробираться по глубокому снѣгу, и онъ, и Имфельдъ далеко не чувствовали себя столь утомленными, какъ тогда, когда они находились въ хижинѣ на высотѣ 4.000 метровъ.

Четырехсотлѣтіе со дня рожденія Парацельса. Въ прошломъ году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, исполнилось 400 лѣтъ со дня рожденія знаменитаго въ свою эпоху врача и алхимика Парацельса, который долженъ считаться «отцомъ всѣхъ аптекарей», такъ какъ, онъ положилъ начало аптекарской наукѣ и научилъ аптекарей готовить химическіе составы.

Парацельсъ родился въ Швейцаріи; отецъ его былъ знаменитый въ то время докторъ, и рано посвятилъ «своего сына въ тайны медицины и алхиміи. Однако, молодому Парацельсу скоро прискучилъ отцовскій домъ, и едва достигнувъ 18 лѣтъ, онъ отправился путешествовать въ качествѣ «странствующаго студента. Онъ объѣздилъ почти всю Европу, Египетъ и Аравію и велъ жизнь, полную самыхъ разнообразныхъ приключеній. Во время этихъ путешествій онъ познакомился со многими выдающимися людьми и учеными той эпохи. Вернувшись, онъ получилъ степень доктора и началъ заниматься медициною, причѣмъ, скоро приобрѣлъ всемірную извѣстность. Муниципальный совѣтъ въ Базелѣ назначилъ его профессоромъ естественной исторіи и медицины въ Базельскомъ университетѣ. На этомъ поприщѣ Парацельсъ также имѣлъ большіе успѣхъ и масса студентовъ группировалась вокругъ него. Парацельсъ особенно былъ замѣчательнъ тѣмъ, что, не стѣсняясь, порвалъ со всѣми традиціями высшей школы, сталъ читать лекціи не по латыни, какъ это было въ обычаѣ, а по нѣмецки, и въ присутствіи восторженной толпы своихъ слушателей сжегъ творенія Галлена и Авиценны, считавшіяся до этого времени неприкосновенными авторитетами въ наукѣ. Но разумѣется, такой образъ мыслей Парацельса, его наклонность быть новаторомъ, а отчасти и образъ жизни, породили ему массу враговъ. Онъ поссорился съ базельскимъ муниципалитетомъ и лишь бѣгствомъ спасся изъ желѣзныхъ когтей тогдашняго правосудія. Тогда снова для него началась странствующая жизнь и въ сопровожденіи нѣсколькихъ учениковъ, не захотѣвшихъ покинуть его въ несчастіи, онъ посѣтилъ нѣсколько городовъ; но уже звѣзда его начала меркнуть и онъ умеръ въ Зальцбургѣ, на 48-мъ году жизни, въ большой бѣдности, оставленный всѣми, кто еще такъ недавно поклонялся ему. Въ этомъ городѣ показываютъ и теперь еще его могилу и на домѣ, въ которомъ онъ жилъ нѣкогда, прибита памятная доска. Въ наукѣ, однако, Парацельсъ оставилъ слѣды, которые никогда не исчезнутъ и тутъ слава его померкнуть не можетъ. Онъ былъ основателемъ «химіатріи», т. е. теоріи, пытающейся объяснить всѣ явленія животной жизни, какъ въ здоровомъ, такъ и больномъ состояніи, химическими процессами; кромѣ того, Парацельсу обязаны способами приготовленія многихъ лекарствъ, которыя и до сихъ поръ еще находятъ въ употребленіи. До него единственные химическіе медикаменты, которые были въ ходу у тогдашнихъ аптекарей и врачей, были препараты сурьмы; Парацельсъ же научилъ приготовленію лекарствъ, въ составъ которыхъ входитъ ртуть, цинкъ, свинецъ, мѣдь и желѣзо. Кромѣ того, онъ первый ввелъ въ терапію употребленіе сѣрнаго цвѣта и различныя мышьяковистые препараты.

Въ органической химіи заслуги его также велики; онъ первый сдѣлалъ попытку извлечь изъ многихъ растений то вещество, которому они обязаны своими цѣлебными свойствами. Онъ изобрѣлъ способы приготовленія различныхъ эссенцій, экстрактовъ, тинктуръ, которые скоро совершенно вытѣснили бывшіе тогда въ большомъ употребленіи декокты и сиропы. Парацельсъ уже зналъ свойства опія и умѣлъ добывать его. Онъ всегда совѣтовалъ врачамъ самимъ учиться приготовленію лекарствъ, и дѣйствительно передалъ потомству такую массу рецептовъ приготовленія различныхъ химическихъ смѣсей, что его съ полною справедливостію слѣдуетъ считать основателемъ медицинской химіи, какъ отдѣльной науки.

Послѣ Парацельса осталось множество трудовъ, написанныхъ большею частью по нѣмецки, но большинство изъ нихъ изложено очень ясно и запутаннымъ языкомъ. Во всякомъ случаѣ, заслуги Парацельса въ области медицинской химіи такъ велики, что благодарное потомство никогда не должно забывать ихъ.

Профессоръ Герцъ. Вслѣдъ за Тиндаллемъ наука лишилась еще одного изъ своихъ выдающихся дѣятелей, Генриха Герца, профессора физики въ Воннѣ. Герцъ прославился своими работами по опредѣленію сущности электричества. Въ 1887 году, еще будучи совсѣмъ молодымъ ученымъ, Герцъ привелъ въ волненіе весь ученый міръ своими открытіями, подтверждающими теорію Максъ Уэлла объ отношеніи между свѣтомъ и электричествомъ. Герцъ доказалъ путемъ опытовъ, что лучи электрической силы вызываютъ, подобно лучамъ свѣта, колебанія эфира и эти колебанія выражаются въ электродинамическихъ и индуктивныхъ явленіяхъ. Но длина свѣтовыхъ и электрическихъ волнъ различна. Всѣ тѣ основные опыты, которые проводятся съ лучистой теплотою и свѣтомъ, Герцу удалось проивести также и съ лучами электрической силы и онъ пришелъ къ убѣжденію, что электрическіе лучи подчиняются тѣмъ же законамъ проникновенія, отраженія и преломленія, какъ и лучи свѣта. Лучи электрической силы, по мнѣнію Герца, ничто иное, какъ тѣ же лучи свѣта, но обладающіе гораздо большею длиною волнъ. Такимъ образомъ, своими опытами Герцъ доказалъ сродство между двумя главными силами природы, свѣтомъ и электричествомъ, такъ какъ обѣ основываются на колебаніяхъ эфира. Свѣтъ есть ничто иное, какъ электрическое явленіе, все равно, будетъ ли то свѣтъ солнца, свѣчки или свѣтляка. Не будетъ электричества— не будетъ и свѣта; не будетъ свѣтоноснаго эфира и электрическая и магнетическая сила не въ состояніи будутъ проявиться. Мы теперь находимъ электричество во множествѣ мѣстъ, гдѣ мы прежде и не подозревали его присутствія. Въ каждомъ пламени, въ каждомъ свѣтящемся атомѣ мы видимъ электрическій процессъ. Даже если тѣло и не свѣтится, но если оно все-таки испускаетъ теплоту, въ немъ должны происходить электрическіе процессы. Итакъ, область электричества распространяется, согласно ученію Герца, на всю природу.

Въ послѣднее время Герцъ особенно усердно занимался изученіемъ свойствъ эфира и приводилъ въ изумленіе ученый міръ смѣлостію своихъ выводовъ и аналогій. Онъ умеръ всего лишь 36 лѣтъ отъ роду и, конечно, въ лицѣ его наука повесла огромную потерю.

Вліяніе электричества на микроорганизмы. Проф. Арсонваль произвел цѣлый рядъ опытовъ для опредѣленія степени вліянія электричества на животныхъ. Животныя помѣщались для этого въ соленойлѣ, по которому пропускался сильный альтернативный токъ (до 800.000 колебаній въ секунду). Высшія животныя выдерживаютъ эти токи; микроорганизмы также не мѣняютъ своей формы и не теряютъ жизнедѣятельности, но измѣняется характеръ ихъ выдѣленій. Разводки одѣжекъ и тѣхъ же бациллъ окрашивались въ различные цвѣта отъ большаго или меньшаго воздѣйствія на нихъ токовъ.

Новая теорія росы. По общепринятой теоріи, роса происходитъ отъ сгущенія надъ растеніями заключающихся въ воздухѣ водяныхъ паровъ. Профессоръ Вольни объясняетъ это явленіе иначе. Онъ утверждаетъ, что осаждающіяся на листьяхъ водяныя капли происходятъ отъ испареній, поднимающихся изъ земли, проникающихъ въ растенія и вступающихъ изъ нихъ въ видѣ росы. Зимой почва охлаждается, и всасываніе влаги корнями растеній уменьшается настолько, что послѣднія не рѣдко умираютъ скорѣе отъ засухи, чѣмъ отъ мороза. Въ лѣтнія ночи температура при поверхностныхъ слояхъ земли понижается очень медленно; корни растеній продолжаютъ вбирать изъ почвы влагу, которая, поднимаясь по стволамъ и стебламъ, проникаетъ въ листья и выходитъ изъ нихъ въ видѣ капель, если поверхность листьевъ холоднѣе непосредственно окружающихъ ее воздушныхъ слоевъ. На основаніи своей теоріи, мюнхенскій профессоръ заключаетъ, въ противность общераспространенному мнѣнію, что о какомъ-либо полезнамъ вліяніи росы на растительное царство не можетъ быть и рѣчи.

Температура на высотѣ 12.500 метровъ. Наименьшая температура наблюдавшаяся до сихъ поръ на небольшихъ высотахъ въ свободной атмосферѣ, доходила до—29,7° Ц. Въ нынѣшнемъ году Гермитъ выпустилъ въ Парижѣ шаръ, въ 113 куб. м. наполненный свѣтильнымъ газомъ, и на высотѣ 12.500 м: термографъ показалъ температуру—51° X.; на большихъ высотахъ термографъ пересталъ записывать, вслѣдствіе замерзанія чернилъ. Шаръ поднялся на высоту 16.000 метровъ, «блестѣлъ подобно Венерѣ и его можно было наблюдать даже невооруженнымъ глазомъ». То обстоятельство что шаръ поднялся выше, подъемъ его былъ рассчитанъ только на 13.500 метровъ Гермитъ приписываетъ солнечнымъ лучамъ, которые нагрѣли газъ въ шарѣ.

Новое примѣненіе кофейныхъ листьевъ. Листья кофейнаго дерева содержатъ кофеинъ (теинъ), и потому въ Англіи ихъ начинаютъ употреблять вмѣсто чая. Кофейные листья содержатъ столько же теина, сколько чай, но нѣсколько менѣе дубильной кислоты. При исследованіи въ лабораторіи медицинскаго журнала «The Lancet», настой ихъ имѣлъ пріятный запахъ и горьковатый, возбуждающій вкусъ, напоминающій вкусъ чая. Въ одномъ образцѣ теина оказалось 2,56 проц., дубильной кислоты 7,14 проц., вытяжныхъ веществъ 39,45 проц., воды 7,60 и неорганическихъ веществъ 6,16 проц. Въ другомъ: теина 3,20 проц., дубильной кислоты 6,66 проц., вытяжныхъ веществъ 34,40 проц., воды 7,09 проц. и неорганическихъ веществъ 5,50. («Врачъ»).

Патогенныя свойства слюны. Человѣческая слюна можетъ содержать въ себѣ болѣзнетворныя микроорганизмы, какъ, напр., бациллы дифтерита, воспаления легкихъ и др. внутреннихъ болѣзней. Слюна животныхъ въ этомъ отношеніи не менѣе опасна. Профессоръ Фіюкка, въ Римѣ, заявляетъ, что слюна лошади содержитъ разнообразныя болѣзнетворныя бациллы, особенно же много въ ней «стафилококковъ». Кошачья слюна включаетъ, въ числѣ различныхъ микроорганизмовъ, особую бациллу, названную бактериологами «*Bacillus salivogium felis*» (бацилла кошачьей слюны). Въ изолированномъ состояніи она безусловно заразительна и, какъ опыты показали, убиваетъ кроликовъ въ двадцать четыре часа. Наконецъ, слюна собакъ обилуетъ разнообразными бактеріями, изъ которыхъ наиболѣе опасны стафилококки, встречающіяся въ большомъ количествѣ въ слюнѣ старыхъ собакъ. Проникновеніе этихъ бациллъ въ организмъ человѣка сопровождается, по увѣренію профессора Фіюкка, тяжкими заболѣваніями, кончающимися, по большей части, смертію. Въ виду этихъ данныхъ, итальянскій ученый востаетъ противъ обыкновенія многихъ лицъ дозволить собакамъ прикасаться языкомъ къ рукамъ и лицу. При малѣйшей царапинѣ на кожѣ, микробы собачьей слюны могутъ проникнуть въ подкожную ткань и произвести зараженіе организма.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Интересъ къ русской литературѣ въ Германіи. Въ послѣдніе годы въ Германіи стали усиленно заниматься русскимъ языкомъ и интересоваться русской литературой. Известная издательская фирма Котта въ Штутгартѣ и Мюнхенѣ, предприняла изданіе мемуаровъ различныхъ русскихъ дѣятелей, напр., Пирогова, Никитенко и др. въ нѣмецкомъ переводѣ. Теперь же въ Германіи существуютъ два изданія на русскомъ языкѣ, имѣющія цѣлью облегчить нѣмцамъ изученіе русскихъ писателей въ оригиналѣ. Первое изданіе озаглавлено «*Russische Meisterwerke*» и выходитъ отдѣльными выпусками у книгопродавца Гергарда въ Лейпцигѣ, подъ редакціею д-ра Марчинскаго и д-ра Абихтъ. Въ первыхъ двухъ выпускахъ помѣщены: «Метель» Толстого и «Васни» Крылова съ подстрочными примѣчаніями и удареніями на произношеніи. Второе изданіе выходитъ въ Штутгартѣ и носитъ названіе «*International Belletristische Bibliothek in russischer Sprache*» (Международная беллетристическая бібліотека на русскомъ языкѣ). Издатель заявляетъ, что онъ имѣетъ въ виду дать собраніе лучшихъ романовъ всѣхъ народовъ въ русскомъ переводѣ. Изданіе его составитъ нѣсколько серій въ двѣнадцать томовъ каждая; въ томики отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ.

Русскіе студенты въ Берлинѣ. Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаются небезынтересныя свѣдѣнія о жизни русскихъ студентовъ въ Берлинѣ. Исключеннымъ научнымъ центромъ для нашихъ молодыхъ соотечественниковъ за послѣднее десятилѣтіе сдѣлался Берлинъ. Параллельно съ ростомъ германской столицы за время послѣ

войны 1870 — 1871 г.г., и тамошній университетъ во многихъ отношеніяхъ сталъ неузнаваемъ, достигнувъ цвѣтущаго состоянія. Роскошныя клинныя, музей, бібліотека—къ услугамъ учащихся; почти на всѣхъ улицахъ, прилегающихъ къ университету, воздвигнуты съ этою цѣлью дворцы. Иностранцу, впервые попавшему въ одно изъ этихъ зданій, просто не вѣрится, что извѣстные своею расчетливостью нѣмцы въ данномъ случаѣ для своихъ расадниковъ просвѣщенія даже расточительны. Главнѣйшія кафедры замѣщаются первыми свѣтилами науки. Если прибавимъ то широкое гостеримство, которое нѣмцы-профессора оказываютъ иностранцамъ, да сравнительно недорогою для студента жизнь, то станетъ понятнымъ, почему толпы юношества со всѣхъ концовъ міра стекаются въ Берлинъ. Въ зимній семестръ 1891—1892 г.г. Берлинскій университетъ, въ числѣ своихъ 5.308 имматрикулированныхъ слушателей, насчитывалъ иностранцевъ изъ европейскихъ и внѣевропейскихъ странъ 1.491 человекъ. Въ томъ числѣ Россія, съ 154 студентами, стояла во главѣ, а затѣмъ слѣдуютъ Америка, Швейцарія, Австрія и др. Приблизительно то же отношеніе цифръ наблюдается и за прежніе семестры, года за четыре сряду. Если же взглянемъ на цифры учившихся иностранцевъ въ Берлинскомъ университетѣ лѣтъ за семь назадъ, то Россія окажется уже не впереди другихъ странъ, а фигурируетъ скромною цифрою 40 человекъ.

Наибольшее число русскихъ студентовъ въ Берлинѣ составляютъ уроженцы юга Россіи, Одессы и разныхъ городовъ и городишекъ Западнаго края. Но почти вся обширная Русь имѣетъ тамъ своихъ молодыхъ представителей. Рядомъ съ искудалою фигурою уроженца Шелова или Виняцы, сидитъ въ аудиторіи и усердно выписываетъ въ тетрадь слова профессора какой-нибудь коренной широкоплечій калужець, или сибирякъ, или загорѣлый сынъ Кавказа. Въ то время, когда многіе, въ особенности наши «южане» и «западники», вступаютъ въ университетъ уже болѣе или менѣе знакомые съ нѣмецкимъ языкомъ, не мало есть такихъ, въ особенности изъ центральныхъ нашихъ палестинъ, которые его вовсе не знаютъ, а нѣкоторые и по прошествіи одного и двухъ лѣтъ такъ на немъ изъясняются, что невольно вспомнишь про того гимназиста, который спрашивалъ своего товарища, какъ будетъ «отець» по-нѣмецки: «дасъ, или ди хватерь?» Это, однако, не мѣшаетъ имъ быть въ общемъ весьма дѣльными и способными студентами. Берлинскіе профессора вообще лестно отзываются о русскихъ, объ ихъ прилежаніи и любви къ наукѣ.

Буря въ Западной Европѣ. Въ началѣ ноября прошлаго года въ Англіи и по всему побережью Германіи, Франціи и Испаніи свирѣпствовала буря, какой не запомнятъ мѣстные старожилы. Буря захватила огромное пространство Атлантическаго океана и распространилась до Средиземнаго моря. Много погибло большихъ кораблей, мелкихъ судовъ и рыбацкихъ лодокъ; много также погибло людей. Англійскія газеты опредѣляютъ число кораблекрушеній въ эту бурю въ 144. Длинныя столбцы англійскихъ газетъ наполнены подробностями о гибели судовъ и людей, о сокрушительныхъ дѣйствіяхъ урагана, бушеваваго не только на морѣ, но и на сушѣ. Нѣтъ такой мѣстности въ Англіи, которая бы не пострадала во время этой бури. Телеграфное и теле-

фонное сообщеніе съ Франціей было прервано; желѣзнодорожное движеніе было прервано во многихъ мѣстахъ. Въ Шотландіи и въ графствахъ Эссексъ, Суссексъ и Кембриджъ была такая страшная свѣжная мятель, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ свѣгъ выпалъ на высоту нѣсколькихъ метровъ. Между Діеппомъ и Ньюгевеномъ пароходное сообщеніе было прервано на цѣлыя сутки. Въ Дуврѣ всѣ гостиницы были переполнены путешественниками, ожидавшими возобновленія пароходнаго сообщенія. Въ Дунгенессѣ берегъ былъ буквально усыпанъ обломками погибшихъ судовъ. Нѣкоторые изъ пароходовъ, вышедшіе въ море, вернулись назадъ; на многихъ оказались ранеными пассажиры и на одномъ—капитанъ. Одинъ изъ пассажировъ, совершившій на своемъ вѣку 94 перехода черѣзъ океанъ, заявилъ, что ему никогда еще не случилось испытывать такой страшной бури.

На берегахъ Франціи ураганъ свирѣпствовалъ съ небольшою жестокостію. На всемъ сѣверномъ побережьѣ онъ произвелъ страшныя опустошенія. Старые моряки увѣряютъ, что уже лѣтъ пятьдесятъ не бывало такой бури въ Ламаншѣ. Въ Шербургѣ свирѣпствовалъ настоящій циклонъ; огромныя деревья вырваны съ корнемъ, вѣтеръ срывалъ печныя трубы, дорога, ведущая къ военному порту, вся загромождена обломками сорванныхъ крышъ. На берегъ выброшено нѣсколько судовъ, экипажъ которыхъ успѣлъ спастись, но грузъ погибъ. Какъ велика была сила вѣтра на сушѣ, доказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай: одинъ докторъ отправился къ своему пациенту и въ то время, когда онъ проѣзжалъ мимо одной виллы, вѣтромъ обрушило на его экипажъ каменную стѣну. Кучеръ и лошадь были убиты на мѣстѣ, а докторъ тяжело раненъ.

Буря свирѣпствовала также и на берегахъ Бельгіи и Германіи. Въ Любекѣ, Гамбургѣ и другихъ приморскихъ городахъ Германіи буря сопровождалась наводненіями. На берегахъ Даніи буря также причинила много несчастій. Погибло много рыбацкихъ судовъ и потонуло 37 человѣкъ. Прибрежное населеніе сильно пострадало. Буря отозвалась также и въ Средиземномъ морѣ. Волненіе было такъ сильно, что пароходы едва могли съ нимъ бороться. Въ Тулонѣ холодъ и вѣтеръ были очень сильны. Въ Тулузѣ буря сопровождалась дождемъ и свѣгомъ. Буря свирѣпствовала также и на Алжирскомъ побережьѣ.

Находчивость. Англійскій журналъ «Spectator» рассказываетъ слѣдующій примѣръ необыкновенной находчивости и присутствія духа, выказанныхъ однимъ американцемъ. Дѣло происходило въ Филадельфіи лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Въ одномъ зданіи, въ верхнемъ этажѣ устроенъ былъ митингъ, на который собралось болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Въ самый разгаръ митинга къ руководителю является хозяинъ дома, смертельно перепуганный и объявляетъ, что полъ въ залѣ митинга выгнулся и опустился почти на футъ и что каждую минуту можно ожидать, что ъвъ обрушится и произойдетъ несчастіе. Положеніе было критическое. одинъ намекъ, и народъ бросится въ страхъ вонъ, произойдетъ сотрясеніе и зданіе не устоитъ. Руководитель митинга позвалъ слѣдующаго оратора и, объяснивъ ему положеніе, замѣтилъ, что онъ, ораторъ, долженъ перейти въ конецъ другой смежной залы и начать тамъ рѣчь, чтобы народъ постепенно перешелъ туда. Но этотъ ораторъ въ страхѣ замѣтилъ, что его жена и дѣти тутъ же и что онъ сначала выведетъ ихъ. «Вы

этого несдѣлаете,—сказалъ руководитель митинга,—потому что на это нужно время, и вы вызовете панику». Такъ какъ на «оратора» положиться было нельзя, то руководитель митинга самъ отправился въ назначенное имъ мѣсто—конецъ сосѣдней залы и оттуда началъ рѣчь. Народъ понемногу перебрался въ эту залу, а полъ въ той залѣ, гдѣ народъ прежде былъ, сразу поднялся на шесть дюймовъ (около 3¼ вершковъ). Понятно, рѣчь руководителя митинга продолжалась лишь нѣсколько минутъ, и митингъ былъ распущенъ, причемъ никто изъ присутствующихъ въ тотъ день не узналъ, что едва избѣжалъ смерти или увѣчья.

Интересный азіатскій продуктъ. Изъ Парижа пишутъ въ берлинскую «Neueste Nachrichten», что на этихъ дняхъ туда прибыло нѣсколько вагоновъ, нагруженныхъ человѣческими волосами. Товаръ этотъ полученъ изъ Индіи, такъ какъ индѣйцы и китайцы—главные его поставщики, ежегодно высылающіе въ Европу, преимущественно во Францію и Англію, многія тысячи фунтовъ своихъ волосъ. Большинство роскошныхъ косъ, которыми щеголяютъ парижанки въ своихъ прогулкахъ по тѣмнымъ аллеямъ Булонскаго или Венсенскаго лѣса, украшали головы людей, умершихъ въ Китаѣ. У индѣйцевъ и китайцевъ есть обычай отстригать волосы у покойниковъ, и вотъ эти-то волосы вмѣстѣ съ зародышами болѣзней, отъ которыхъ умерли ихъ владѣльцы, и отсылаются на европейскій рынокъ. Правда, волосы передъ ввозомъ во Францію дезинфицируются, но не подлежатъ сомнѣнію, что болѣзнетворные зародыши могутъ остаться въ волосахъ, несмотря на дезинфекцію, которая къ тому же не можетъ быть слишкомъ тщательною. Цѣна этимъ азіатскимъ волосамъ сравнительно не высока—5 фр. за килограммъ, тогда какъ европейскіе волосы продаются по 100 фр. за килограммъ. («Рус. В.»).

Интересное открытіе. Инженеръ Мельниковъ открылъ возлѣ Перекопа слѣды древняго канала, сооруженіе котораго относится къ эпохѣ за нѣсколько вѣковъ до нашей эры. Длина его—около 9 верстъ, а по обоимъ концамъ замѣтны слѣды укрѣпленій. («Недѣля»).

Музыкальная бібліотечка въ Лейпцигѣ. Въ Лейпцигѣ недавно открылось на средства частнаго лица очень полезное музыкальное учрежденіе. Владѣлецъ громадной издательской фирмы Петерса, Др. Абраамъ, въ ознаменованіе 25-лѣтія своей дѣятельности на поприщѣ музыкальнаго издательства, учредилъ городскую музыкальную бібліотеку, ежедневно открытую съ 10 до 3-хъ час. для всѣхъ желающихъ. Бібліотека помѣщается въ семи залахъ; въ одной изъ нихъ разложены новыя музыкальныя журналы, газеты, а также справочныя книги, музыкальныя лексиконы и т. д. Всѣ другія книги и ноты выдаются по письменному требованію, въ которомъ выставляется только номеръ, подъ которымъ требуемое значится въ каталогѣ бібліотеки. Что касается новой и новѣйшей музыкальной литературы, то бібліотека въ этомъ отношеніи очень полна; полныя изданія классиковъ также находятся въ ней, не исключая и большихъ партатуръ оперъ, симфоній, ораторій и т. д. Обширенъ также отдѣлъ сочиненій, относящихся къ исторіи и теоріи музыки.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

17601

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

